This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

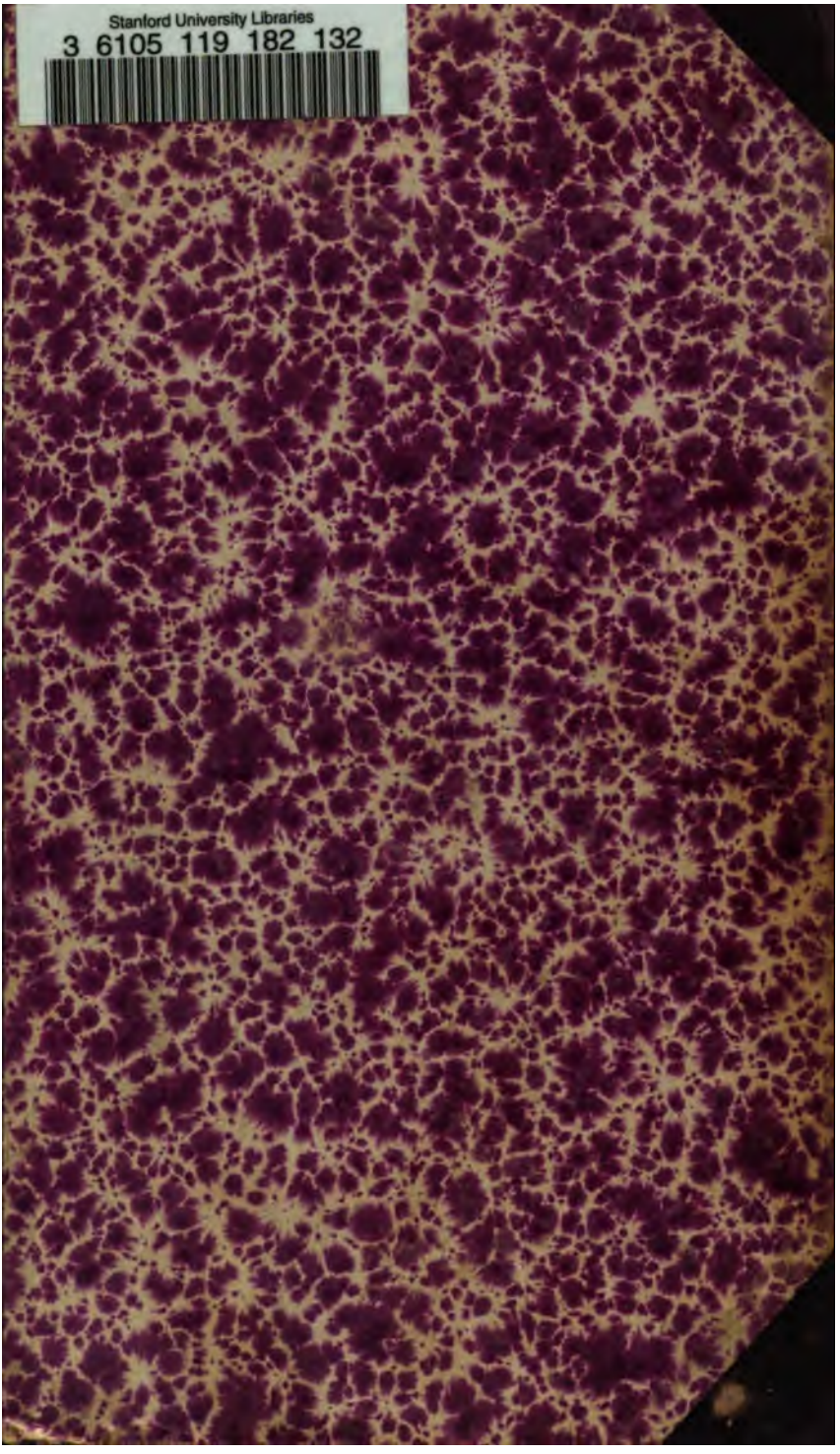
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

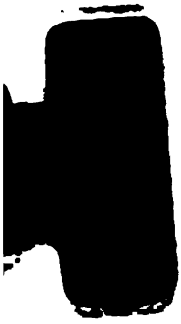
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

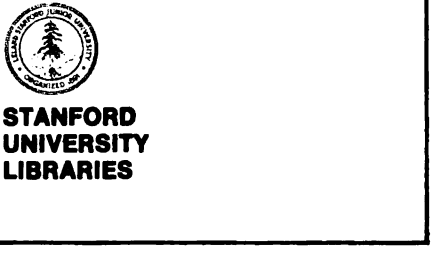
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Stanford University Libraries
3 6105 119 182 132






STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

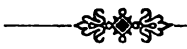
161

Goncharov, I. A.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.



Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

PG3337
G6
1899
v.4-6

Типографія А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

ОБЛОМОВЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

Часть третья.

I.

Обломовъ сіялъ, идучи домой. У него кипѣла кровь, глаза блистали. Ему казалось, что у него горятъ даже волосы. Такъ онъ и вошелъ къ себѣ въ комнату—и вдругъ сіянье исчезло и глаза въ непріятномъ изумленіи остановились неподвижно на одномъ мѣстѣ: въ его креслѣ сидѣлъ Тарантьевъ.

— Что это тебя не дождешься? Гдѣ ты шатаешься?—строго спросилъ Тарантьевъ, подавая ему свою мохнатую руку.—И твой старый чортъ совсѣмъ отъ рукъ отбился: спрашиваю закусить—нѣту, водки—и той не далъ.

— Я гулялъ здѣсь въ рощѣ, — небрежно сказалъ Обломовъ, еще не опомнясь отъ обиды, нанесенной появленіемъ земляка, и въ какую минуту!

Онъ забылъ ту мрачную сферу, гдѣ долго жилъ, и отвыкъ отъ ея удушливаго воздуха. Тарантьевъ въ одно мгновеніе сдернулъ его, будто съ неба, опять въ болото. Обломовъ мучительно спрашивалъ себя: зачѣмъ пришелъ Тарантьевъ? надолго ли?—терзался предположеніемъ, что, пожалуй, онъ останется обѣдать и тогда нельзя будетъ отправиться къ Ильинскимъ. Какъ бы спровадить его, хоть бы это стоило нѣкоторыхъ издержекъ—вотъ единственная мысль, которая занимала Обломова. Онъ молча и угрюмо ждалъ, что скажетъ Тарантьевъ.

— Что жъ ты, землякъ, не подумаешь взглянуть на квартиру?—спросилъ Тарантьевъ.

— Теперь это не нужно,—сказалъ Обломовъ, стараясь не глядѣть на Тарантьева.—Я... не переѣду туда.

— Что-о? Какъ не переѣдешь?—грозно возразилъ Тарантьевъ.—Нанялъ, да не переѣдешь? А контрактъ?

— Какой контрактъ?

— Ты ужъ и забылъ? Ты на годъ контрактъ подписалъ. Подай восемьсотъ рублей ассигнаціями, да и ступай куда хочешь. Четыре жильца смотрѣли, хотѣли нанять: всѣмъ отказали. Одинъ нанималъ на три года.

Обломовъ теперь только вспомнилъ, что въ самый день переѣзда на дачу Тарантьевъ привезъ ему бумагу, а онъ, второпяхъ, подписалъ не читая.

«Ахъ, Боже мой, что я надѣлалъ!» думалъ онъ.

— Да мнѣ не нужна квартира,—говорилъ Обломовъ:—я ѣду за границу...

— За границу! — перебилъ Тарантьевъ. — Это съ этимъ нѣмцемъ? Да гдѣ тебѣ, не поѣдешь!

— Отчего не поѣду? У меня и паспортъ есть: вотъ я покажу. И чемоданъ купленъ.

— Не поѣдешь!—равнодушно повторилъ Тарантьевъ.—А ты, вотъ, лучше деньги-то за полгода впередъ отдай.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Гдѣ хочешь достань; братъ кумы, Иванъ Матвѣичъ, шутить не любитъ. Сейчасъ въ управу подастъ: не раздѣлаешься. Да я свои заплатилъ, отдай мнѣ.

— Ты гдѣ взялъ столько денегъ?—спросилъ Обломовъ.

— А тебѣ что за дѣло? Старый долгъ получилъ. Давай деньги! Я за тѣмъ пріѣхалъ.

— Хорошо, я на-дняхъ пріѣду и передамъ квартиру другому, а теперь я тороплюсь.

Онъ началъ застегивать сюртукъ.

— А какую тебѣ квартиру нужно? Лучше этой во всемъ

городѣ не найдешь. Вѣдь ты не видалъ? — сказалъ Тарантьевъ.

— И видѣть не хочу, — отвѣчалъ Обломовъ: — зачѣмъ я туда переѣду? Мнѣ далеко...

— Отъ чего?—грубо спросилъ Тарантьевъ.

Но Обломовъ не сказалъ, отъ чего.

— Отъ центра,—прибавилъ онъ потомъ.

— Отъ какого это центра? Зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ? Лежать-то?

— Нѣтъ, ужъ я теперь не лежу.

— Что такъ?

— Такъ. Я... сегодня...—началъ Обломовъ.

— Что?—перебилъ Тарантьевъ.

— Обѣдаю не дома...

— Ты деньги-то подай, да и чортъ съ тобой!

— Какія деньги? — съ нетерпѣніемъ повторилъ Обломовъ. — Я на-дняхъ заѣду на квартиру, переговорю съ хозяйкой.

— Какая хозяйка? Кума-то? Что она знаетъ? Баба! Нѣтъ, ты поговори съ ея братомъ—вотъ увидишь!

— Ну, хорошо; я заѣду и переговорю.

— Да, жди тебя! Ты отдай деньги, да и ступай.

— У меня нѣтъ; надо занять.

— Ну, такъ заплати же мнѣ теперь, по крайней мѣрѣ, за извозчика,—приставалъ Тарантьевъ:—три цѣлковыхъ.

— Гдѣ же твой извозчикъ? И за что три цѣлковыхъ?

— Я отпустилъ его. Какъ за что? И то не хотѣлъ везти: «по песку-то?» говоритъ. Да отсюда три цѣлковыхъ — вотъ двадцать два рубля!

— Отсюда дилижансъ ходитъ за полтинникъ, — сказалъ Обломовъ:—на вотъ!

Онъ досталъ ему четыре цѣлковыхъ. Тарантьевъ спряталъ ихъ въ карманъ.

— Семь рублей ассигнаціями за тобой,—прибавилъ онъ.— Да дай на обѣдъ!

— На какой обѣдъ?

— Я теперь въ городъ не поспѣю: на дорогѣ въ трактирѣ придется; тутъ все дорого: рублей пять сдерутъ.

Обломовъ молча вынулъ цѣлковый и бросилъ ему. Онъ не садился отъ нетерпѣнія, чтобъ Тарантьевъ ушелъ скорѣй; но тотъ не уходилъ.

— Вели же мнѣ дать чего-нибудь закусить. — сказалъ онъ.

— Вѣдь ты хотѣлъ въ трактирѣ обѣдать? — замѣтилъ Обломовъ.

— Это обѣдать! А теперь всего второй часъ.

Обломовъ велѣлъ Захару дать чего-нибудь.

— Ничего нѣту, не готовили, — сухо отозвался Захаръ, глядя мрачно на Тарантьева. — А что, Михей Андреичъ, когда принесете барскую рубашку да жилетъ?..

— Какой тебѣ рубашки да жилета?— отговаривался Тарантьевъ.—Давно отдалъ.

— Когда это?—спросилъ Захаръ.

— Да не тебѣ ли въ руки отдалъ, какъ вы переѣзжали? А ты куда-то сунулъ въ узелъ, да спрашиваешь еще...

Захаръ остолбенѣлъ.

— Ахъ, ты Господи! Что это, Илья Ильичъ, за срамъ такой!—возопилъ онъ, обратясь къ Обломову.

— Пой, пой эту пѣсню!—возразилъ Тарантьевъ. — Чай, пропилъ, да и спрашиваешь...

— Нѣтъ, я еще отъ роду барскаго не пропивалъ! — захрипѣлъ Захаръ.—Вотъ вы...

— Перестань, Захаръ!—строго перебилъ Обломовъ.

— Вы, что ли, увезли одну половую щетку. да двѣ чашки у насъ?—спросилъ опять Захаръ.

— Какія щетки?—загремѣлъ Тарантьевъ.—Ахъ, ты, старая шельма! Давай-ка лучше закуску!

— Слышите, Илья Ильичъ, какъ лается?—сказалъ Захаръ.—Нѣтъ закуски, даже хлѣба нѣтъ дома, и Анисья со двора ушла,—договорилъ онъ, и ушелъ.

— Гдѣ жъ ты обѣдаешь?—спросилъ Тарантьевъ.—Диво, право: Обломовъ гуляетъ въ рощѣ, не обѣдаетъ дома... Когда жъ ты на квартиру-то? Вѣдь осень на дворѣ. Пріѣзжай посмотрѣть.

— Хорошо, хорошо, на-дняхъ...

— Да деньги не забудь привезти!

— Да, да, да...—нетерпѣливо говорилъ Обломовъ.

— Ну, не нужно ли чего на квартирѣ? Тамъ, братъ, для тебя выкрасили полы и потолки, окна, двери—все: больше ста рублей стоитъ.

— Да, да, хорошо... Ахъ, вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать,—вдругъ вспомнилъ Обломовъ:—сходи, пожалуйста, въ палату, нужно довѣренность засвидѣтельствовать...

— Что я тебѣ за ходатай достался? — отозвался Тарантьевъ.

— Я тебѣ прибавлю на обѣдъ,—сказалъ Обломовъ.

— Туда сапогъ больше изобьешь, чѣмъ ты прибавишь.

— Ты поѣзжай, заплачу.

— Нельзя мнѣ въ палату идти, — мрачно проговорилъ Тарантьевъ.

— Отчего?

— Враги есть, злобствуютъ на меня, ковы строятъ, какъ бы погубить.

— Ну, хорошо, я самъ съѣзжу, — сказалъ Обломовъ и взялся за фуражку.

— Вотъ, какъ пріѣдешь на квартиру, Иванъ Матвѣичъ тебѣ все сдѣлаетъ. Это, братъ, золотой человѣкъ, не чета какому-нибудь выскочкѣ-нѣмцу! Коренной, русскій служака, тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ, и деньжонки есть, а извозчика не найметъ; фракъ не лучше моего; самъ тише воды, ниже травы, говоритъ

чуть слышно, по чужимъ краямъ не шатается, какъ твой этотъ...

— Тарантьевъ! — крикнулъ Обломовъ, стукнувъ по столу кулакомъ:—Молчи, чего не понимаешь!

Тарантьевъ выпучилъ глаза на эту, никогда небывалую, выходку Обломова, и даже забылъ обидѣться тѣмъ, что его поставили ниже Штольца.

— Вотъ какъ ты нынче, братъ...—бормоталъ онъ, взявъ шляпу:—какая прыть!

Онъ погладилъ свою шляпу рукавомъ, потомъ поглядѣлъ на нее и на шляпу Обломова, стоявшую на этажеркѣ.

— Ты не носишь шляпу, вонъ у тебя фуражка,—сказалъ онъ, взявъ шляпу Обломова и примѣривая ее: — дай-ка, братъ, на лѣто.

Обломовъ молча снялъ съ его головы свою шляпу и поставилъ на прежнее мѣсто, потомъ скрестилъ на груди руки и ждалъ, чтобъ Тарантьевъ ушелъ.

— Ну, чортъ съ тобой! — говорилъ Тарантьевъ, неловко пролѣзая въ дверь. — Ты, братъ, нынче что-то... того... Вотъ, поговори-ка съ Иваномъ Матвѣичемъ, да попробуй денегъ не привези.

II.

Онъ ушелъ, а Обломовъ сѣлъ въ непріятномъ расположеніи духа въ кресло и долго-долго освобождался отъ грубаго впечатлѣнія. Наконецъ, онъ вспомнилъ нынѣшнее утро, и безобразное явленіе Тарантьева вылетѣло изъ головы; на лицѣ опять появилась улыбка.

Онъ стоялъ передъ зеркаломъ, долго поправлялъ галстукъ, долго улыбался, глядѣлъ на щеку, нѣтъ ли тамъ слѣда горячаго поцѣлуя Ольги.

— Два «никогда», — сказалъ онъ, тихо, радостно волнуясь: — и какая разница между ними: одно уже поблекло, а другое такъ пышно расцвѣло...

Потомъ онъ задумывался, задумывался все глубже. Онъ чувствовалъ, что свѣтлый, безоблачный праздникъ любви отошелъ, что любовь въ самомъ дѣлѣ становилась долгомъ, что она мѣшалась со всею жизнью, входила въ составъ ея обычныхъ отправленій и начинала линять, терять радужныя краски.

Можетъ-быть, сегодня утромъ мелькнулъ послѣдній розовый ея лучъ, а тамъ она будетъ уже—не блистать ярко, а согрѣвать невидимо жизнь; жизнь поглотитъ ее, и она будетъ ея сильною, конечно, но скрытою пружиной. И отнынѣ проявленія ея будутъ такъ просты, обыкновенны.

Поэма минуетъ и начнется строгая исторія: палата, потомъ поѣздка въ Обломовку, постройка дома, закладъ въ совѣтъ, проведеніе дороги, нескончаемый разборъ дѣлъ съ мужиками, порядокъ работъ, жнитво, умолотъ, щелканье счетовъ, заботливое лицо приказчика, дворянскіе выборы, засѣданіе въ судѣ.

Кое-гдѣ только, изрѣдка, блеснетъ взглядъ Ольги, прозвучитъ Casta diva, раздастся торопливый поцѣлуй, а тамъ опять на работы ѣхать, въ городъ ѣхать, тамъ опять приказчикъ, опять щелканье счетовъ.

Гости пріѣхали—и то не отрада: заговорятъ, сколько кто вина выкуриваетъ на заводѣ, сколько кто аршинъ сукна ставитъ въ казну... Что жъ это? Ужели то сулилъ онъ себѣ? Развѣ это жизнь?.. А между тѣмъ живутъ такъ, какъ будто въ этомъ вся жизнь. И Андрею она нравится!

Но женитьба, свадьба — все-таки это поэзія жизни, это готовый, распустившійся цвѣтокъ. Онъ представилъ себѣ, какъ онъ ведетъ Ольгу къ алтарю: она—съ померанцевой вѣткой на головѣ, съ длиннымъ покрываломъ. Въ толпѣ шопотъ удивленія. Она стыдливо, съ тихо волнующейся грудью, съ своей горделиво и граціозно-наклоненной головой, подаетъ ему руку и не знаетъ, какъ ей глядѣть на всѣхъ.

То улыбка блеснетъ у ней, то слезы явятся, то складка надъ бровью заиграетъ какою-то мыслью.

Дома, когда гости уѣдутъ, она, еще въ пышномъ нарядѣ, бросается ему на грудь, какъ сегодня...

«Нѣтъ, побѣгу къ Ольгѣ, не могу думать и чувствовать одинъ», мечталъ онъ. «Разскажу всѣмъ, цѣлому свѣту... нѣтъ, сначала теткѣ, потомъ барону, напишу къ Штольцу—вотъ изумится-то! Потомъ скажу Захару: онъ поклонится въ ноги и завопитъ отъ радости, дамъ ему двадцать-пять рублей. Придетъ Анисья, будетъ руку ловить цѣловать: ей дамъ десять рублей; потомъ... потомъ, отъ радости, закричу на весь міръ, такъ закричу, что міръ скажетъ: «Обломовъ счастливъ, Обломовъ женится!» Теперь побѣгу къ Ольгѣ: тамъ ждетъ меня продолжительный шопотъ, таинственный уговоръ слить двѣ жизни въ одну!..»

Онъ побѣжалъ къ Ольгѣ. Она съ улыбкой выслушала его мечты; но только онъ вскочилъ, чтобъ бѣжать объявить теткѣ, у ней такъ сжались брови, что онъ струсилъ.

— Никому ни слова! — сказала она, приложивъ палецъ къ губамъ и грозя ему, чтобъ онъ тише говорилъ, чтобъ тетка не услыхала изъ другой комнаты.—Еще не пора!

— Когда же пора, если между нами все рѣшено? — нетерпѣливо спросилъ онъ. — Что жъ теперь дѣлать? Съ чего начать?—спрашивалъ онъ.—Не сидѣть же сложа руки. Начинается обязанность, серьезная жизнь...

— Да, начинается,—повторила она, глядя на него пристально.

— Ну, вотъ я и хотѣлъ сдѣлать первый шагъ, идти къ теткѣ...

— Это послѣдній шагъ.

— Какой же первый?

— Первый... идти въ палату: вѣдь надо какую-то бумагу писать?

— Да... я завтра...

— Отчего жъ не сегодня?

— Сегодня... сегодня такой день и уйти отъ тебя, Ольга!

— Ну, хорошо, завтра. А потомъ?

— Потомъ:—сказать теткѣ, написать къ Штольцу.

— Нѣтъ, потомъ ѣхать въ Обломовку... Вѣдь Андрей Иванычъ писалъ, что надо дѣлать въ деревнѣ, я не знаю, какія тамъ у васъ дѣла, постройка, что ли?—спросила она, глядя ему въ лицо.

— Боже мой! — говорилъ Обломовъ. — Да если слушать Штольца, такъ, вѣдь, до тетки вѣкъ дѣло не дойдетъ! Онъ говоритъ, что надо начать строить домъ, потомъ дорогу, школы заводить... Этого всего въ цѣлый вѣкъ не передѣлаешь. Мы, Ольга, вмѣстѣ поѣдемъ, и тогда...

— А куда мы пріѣдемъ? Есть тамъ домъ?

— Нѣтъ: — старый плохъ; крыльцо совсѣмъ, я думаю, расшаталось...

— Куда жъ мы пріѣдемъ?—спросила она.

— Надо здѣсь квартиру пріискать.

— Для этого тоже надо ѣхать въ городъ,—замѣтила она:— это второй шагъ...

— Потомъ...—началъ онъ.

— Да ты прежде шагни два раза, а тамъ.

«Что жъ это такое?» печально думалъ Обломовъ: «ни продолжительнаго шопота, ни таинственнаго уговора слить обѣ жизни въ одну! Все какъ-то иначе, по-другому. Какая странная эта Ольга! Она не останавливается на одномъ мѣстѣ, не задумывается сладко надъ поэтической минутой, какъ будто у ней вовсе нѣтъ мечты, нѣтъ потребности утонуть въ раздумьѣ! Сейчасъ и поѣзжай въ палату, на квартиру—точно Андрей! Что это всѣ они какъ будто сговорились торопиться жить!»

На другой день онъ, съ листомъ гербовой бумаги, отправился въ городъ, сначала въ палату, и ѣхалъ нехотя, зѣвая и глядя по сторонамъ. Онъ не зналъ хорошенько, гдѣ

палата, и заѣхалъ къ Ивану Герасимычу спросить, въ какомъ департаментѣ нужно засвидѣтельствовать.

Тотъ обрадовался Обломову и безъ завтрака не хотѣлъ отпустить. Потомъ послалъ еще за пріятелемъ, чтобъ допроситься отъ него, какъ это дѣлается, потому что самъ давно отсталъ отъ дѣлъ.

Завтракъ и совѣщаніе кончились въ три часа, въ палату идти было поздно, а завтра оказалась суббота—присутствія нѣтъ, пришлось отложить до понедѣльника.

Обломовъ отправился на Выборгскую Сторону, на новую свою квартиру. Долго онъ ѣздилъ между длинными заборами по переулкамъ. Наконецъ, отыскали будочника; тотъ сказалъ, что это въ другомъ кварталѣ, рядомъ, вотъ по этой улицѣ — и онъ показалъ еще улицу безъ домовъ, съ заборами, съ травой и съ засохшими колеями изъ грязи.

Опять поѣхалъ Обломовъ, любуясь на крапиву у заборовъ и на выглядывавшую изъ-за заборовъ рябину. Наконецъ, будочникъ указалъ на старый домикъ на дворѣ, прибавивъ:

— Вотъ этотъ самый.

«Домъ вдовы коллежскаго секретаря Пшеницына» прочиталъ Обломовъ на воротахъ и велѣлъ въѣхать на дворъ.

Дворъ величиной былъ съ комнату, такъ что коляска стукнула дышломъ въ уголъ и распугала кучу куръ, которыя, съ кудахтаньемъ, бросились стремительно, иныя даже въ-лётъ, въ разныя стороны; да большая черная собака начала рваться на цѣпи направо и налѣво, съ отчаяннымъ лаемъ, стараясь достать за морды лошадей.

Обломовъ сидѣлъ въ колискѣ наравнѣ съ окнами и затруднялся выйти. Въ окнахъ, уставленныхъ резедой, бархатцами и ноготками, засуетились головы. Обломовъ кое-какъ вылѣзъ изъ коляски; собака пуще залилась лаемъ.

Онъ вошелъ на крыльцо и столкнулся съ сморщенной старухой, въ сарафанѣ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ.

— Вамъ кого?—спросила она.

— Хозяйку дома, госпожу. Пшеницыну.

Старуха потупила съ недоумѣніемъ голову.

— Не Ивана ли Матвѣича вамъ надо?—спросила она.— Его нѣтъ дома; онъ еще изъ должности не приходилъ.

— Мнѣ нужно хозяйку,—сказалъ Обломовъ.

Между тѣмъ въ домѣ суматоха продолжалась. То изъ одного, то изъ другого окна выглянетъ голова; сзади старухи дверь отворялась немного и затворялась; оттуда выглядывали разныя лица.

Обломовъ обернулся: на дворѣ двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ.

Откуда-то появился сонный мужикъ въ тулупѣ и, загораживая рукой глаза отъ солнца, лѣниво смотрѣлъ на Обломова и на коляску.

Собака все лаяла густо и отрывисто, и только Обломовъ пошевелится, или лошадь стукнетъ копытомъ, начиналось скаканье на цѣпи и непрерывный лай.

Черезъ заборъ, направо, Обломовъ видѣлъ безконечный огородъ съ капустой, налѣво, черезъ заборъ, видно было нѣсколько деревьевъ и зеленая деревянная бесѣдка.

— Вамъ Агаѳью Матвѣвну надо?—спросила старуха.— Зачѣмъ?

— Скажи хозяйкѣ дома, — говорилъ Обломовъ: — что я хочу съ ней видѣться: я нанялъ здѣсь квартиру.

— Вы, стало-быть, новый жилецъ, знакомый Михея Андреича? Вотъ погодите, я скажу.

Она отворила дверь, и отъ двери отскочило нѣсколько головъ и бросилось бѣгомъ въ комнаты. Онъ успѣлъ увидѣть какую-то женщину, съ голой шеей и локтями, безъ чепца, бѣлую, довольно полную, которая усмѣхнулась, что ее увидѣлъ посторонній, и тоже бросилась отъ дверей прочь.

— Пожалуйте въ комнату, — сказала старуха, воротясь, ввела Обломова, чрезъ маленькую переднюю, въ довольно

просторную комнату и попросила подождать.—Хозяйка сейчасъ выйдетъ,—прибавила она.

«А собака-то все еще лаетъ», подумалъ Обломовъ, оглядывая комнату.

Вдругъ глаза его остановились на знакомыхъ предметахъ: вся комната завалена была его добромъ. Столы въ пыли; стулья, грудой наваленные на кровать; тюфяки, посуда въ безпорядкѣ, шкапы.

— Что жъ это? И не разставлено, не прибрано? — сказалъ онъ.—Какая гадость!

Вдругъ сзади его скрипнула дверь, и въ комнату вошла та самая женщина, которую онъ видѣлъ съ голой шеей и локтями.

Ей было лѣтъ тридцать. Она была очень бѣла и полна въ лицѣ, такъ что румянецъ, кажется, не могъ пробиться сквозь щеки. Бровей у нея почти совсѣмъ не было, а были на ихъ мѣстахъ двѣ немного будто припухлыя, лоснящіяся полосы, съ рѣдкими свѣтлыми волосами. Глаза сѣровато-простодушные, какъ и все выраженіе лица; руки бѣлыя но жесткія, съ выступившими наружу крупными узлами синихъ жилъ.

Платье сидѣло на ней въ обтяжку: видно, что она не прибѣгала ни къ какому искусству, даже къ лишней юбкѣ, чтобъ увеличить объемъ бедръ и уменьшить талію. Отъ этого, даже и закрытый бюстъ ея, когда она была безъ платка, могъ бы послужить живописцу, или скульптору моделью крѣпкой, здоровой груди, не нарушая ея скромности. Платье ея, въ отношеніи къ нарядной шали и парадному чепцу, казалось старо и поношено.

Она не ожидала гостей, и когда Обломовъ пожелалъ ее видѣть, она на домашнее будничное платье накинула воскресную свою шаль, а голову прикрыла чепцомъ. Она вошла робко и остановилась, глядя застѣнчиво на Обломова.

Онъ привсталъ и поклонился.

— Я имѣю удовольствіе видѣть госпожу Пшеницыну? — спросилъ онъ.

— Да-съ,—отвѣчала она.—Вамъ, можетъ-быть, нужно съ братцемъ поговорить? — нерѣшительно спросила она. — Они въ должности, раньше пяти часовъ не приходятъ.

— Нѣтъ, я съ вами хотѣлъ видѣться, — началъ Обломовъ, когда она сѣла на диванъ, какъ можно дальше отъ него, и смотрѣла на концы своей шали, которая, какъ попона, покрывала ее до полу. Руки она прятала тоже подъ шаль.

— Я нанялъ квартиру; теперь, по обстоятельствамъ, мнѣ надо искать квартиру въ другой части города, такъ я пришелъ поговорить съ вами...

Она тупо выслушала и тупо задумалась.

— Теперь братца нѣтъ,—сказала она потомъ.

— Да вѣдь этотъ домъ вашъ?—спросилъ Обломовъ.

— Мой,—коротко отвѣчала она.

— Такъ я и думалъ, что вы сами можете рѣшить...

— Да вотъ братца-то нѣтъ; они у насъ всѣмъ завѣдываютъ,—сказала она монотонно, взглянувъ въ первый разъ на Обломова прямо и опустивъ опять глаза на шаль.

«У ней простое, но пріятное лицо», снисходительно рѣшилъ Обломовъ: «должно-быть, добрая женщина!»

Въ это время голова дѣвочки высунулась изъ двери. Агаѳья Матвѣевна съ угрозой, украдкой, кивнула ей головой, и она скрылась.

— А гдѣ вашъ братецъ служитъ?

— Въ канцеляріи.

— Въ какой?

— Гдѣ мужиковъ записываютъ... я не знаю, какъ она называется.

Она простодушно усмѣхнулась, и въ ту жъ минуту опять лицо ея приняло свое обыкновенное выраженіе.

— Вы не однѣ живете здѣсь съ братцемъ? — спросилъ Обломовъ.

— Нѣтъ, двое дѣтей со мной, отъ покойнаго мужа: мальчикъ по восьмому году, да дѣвочка по шестому, — довольно словоохотливо начала хозяйка, и лицо у ней стало поживѣе: — еще бабушка наша, больная, еле ходитъ, и то въ церковь только; прежде на рынокъ ходила съ Акулиной, а теперь съ Николы перестала: ноги стали отекать. И въ церкви-то все больше сидитъ на ступенькѣ. Вотъ и только. Иной разъ золовка приходитъ погостить, да Михей Андреичъ.

— А Михей Андреичъ часто бываетъ у васъ?—спросилъ Обломовъ.

— Иногда по мѣсяцу гоститъ; они съ братцемъ пріятели, все вмѣстѣ...

И замолчала, истощивъ весь запасъ мыслей и словъ.

— Какая тишина у васъ здѣсь! — сказалъ Обломовъ. — Если бъ не лаяла собака, такъ можно бы подумать, что нѣтъ ни одной живой души.

Она усмѣхнулась въ отвѣтъ.

— Вы часто выходите со двора?—спросилъ Обломовъ.

— Лѣтомъ случается. Вотъ намедни, въ ильинскую пятницу, на Пороховые Заводы ходили.

— Что жъ, тамъ много бываетъ? — спросилъ Обломовъ, глядя, чрезъ распахнувшійся платокъ, на высокую, крѣпкую, какъ подушка дивана, никогда не волнующуюся грудь.

— Нѣтъ, нынѣшній годъ немного было; съ утра дождь шелъ, а послѣ разгулялось. А то много бываетъ.

— Еще гдѣ же бываете вы?

— Мы мало гдѣ бываемъ. Братецъ съ Михеемъ Андреичемъ на тоню ходятъ, уху тамъ варятъ, а мы все дома.

— Ужели все дома?

— Ей-Богу, правда. Въ прошломъ году были въ Колпинѣ, да вотъ тутъ въ рощу иногда ходимъ. 24 іюня братецъ

именинники, такъ обѣдъ бываетъ, всѣ чиновники изъ канцеляріи обѣдаютъ.

— А въ гости ѣздите?

— Братецъ бываютъ, а я, съ дѣтьми, только у мужниной родни, въ Свѣтлое Воскресенье, да въ Рождество, обѣдаемъ.

Говорить ужъ было больше не о чемъ.

— У васъ цвѣты: вы любите ихъ?—спросилъ онъ.

Она усмѣхнулась.

— Нѣтъ, — сказала она: — намъ нѣкогда цвѣтами заниматься. Это дѣти съ Акулиной ходили въ графскій садъ, такъ садовникъ далъ, а ерани, да алоэ давно тутъ еще при мужѣ были.

Въ это время вдругъ въ комнату ворвалась Акулина; въ рукахъ у ней бился крыльями и кудахталъ, въ отчаяніи, большой пѣтухъ.

— Этого, что ли, пѣтуха, Агаѳья Матвѣвна, лавочнику отдать?—спросила она.

— Что ты, что ты! Поди!—сказала хозяйка стыдливо.— Ты видишь, гости!

— Я только спросить,—говорила Акулина, взявъ пѣтуха за ноги, головой внизъ:—семьдесятъ копеекъ даетъ.

— Поди, поди въ кухню!—говорыла Агаѳья Матвѣевна.— Сѣраго съ крапинками, а не этого,—торопливо прибавила она, и сама застыдилась, спрятала руки подъ шаль и стала смотрѣть внизъ.

— Хозяйство!—сказалъ Обломовъ.

— Да, у насъ много куръ; мы продаемъ яйца и цыплятъ. Здѣсь, по этой улицѣ, съ дачъ и изъ графскаго дома все у насъ берутъ,—отвѣчала она, поглядѣвъ гораздо смѣлѣе на Обломова.

И лицо ея принимало дѣльное и заботливое выраженіе; даже тупость пропадала, когда она заговаривала о знакомомъ ей предметѣ. На всякій же вопросъ, не касавшійся

какой-нибудь положительной, извѣстной ей цѣли, она отвѣчала усмѣшкой и молчаніемъ.

— Надо бы было это разобрать, — замѣтилъ Обломовъ, указывая на кучу своего добра...

— Мы-было хотѣли, да братецъ не велятъ,—живо перебила она и ужъ совсѣмъ смѣло взглянула на Обломова:— «Богъ знаетъ, что у него тамъ въ столахъ, да въ шкапахъ...» сказали они: «послѣ пропадетъ—къ намъ привяжутся...»

Она остановилась и усмѣхнулась.

— Какой осторожный вашъ братецъ, — прибавилъ Обломовъ.

Она слегка опять усмѣхнулась и опять приняла свое обычное выраженіе.

Усмѣшка у ней была больше принятая форма, которою прикрывалось незнаніе, что въ томъ или другомъ случаѣ надо сказать или сдѣлать.

— Мнѣ долго ждать его прихода,—сказалъ Обломовъ:— можетъ-быть, вы передадите ему, что, по обстоятельствамъ, я въ квартирѣ надобности не имѣю и потому прошу передать ее другому жильцу, а я, съ своей стороны, тоже поищу охотника.

Она тупо слушала, ровно мигая глазами.

— Насчетъ контракта потрудитесь сказать...

— Да нѣтъ ихъ дома-то теперь, — твердила она: — вы лучше завтра опять пожалуйте: завтра суббота, они въ присутствіе не ходятъ...

— Я ужасно занятъ, ни минуты свободной нѣтъ, — отговаривался Обломовъ.—Вы потрудитесь только сказать, что такъ какъ задатокъ остается въ вашу пользу, а жильца я найду, то...

— Нѣту братца-то,—монотонно говорила она:—нейдутъ они что-то...—И поглядѣла на улицу.—Вотъ они тутъ проходятъ, мимо оконъ: видно, когда идутъ, да вотъ нѣту!

— Ну, я отправлюсь...—сказалъ Обломовъ.

— А какъ братецъ-то придутъ, что̀ сказать имъ: когда вы переѣдете?—спросила она, вставъ съ дивана.

— Вы имъ передайте, что̀ я просилъ, — говорилъ Обломовъ:—что по обстоятельствамъ...

— Вы бы завтра сами пожаловали, да поговорили съ ними...—повторила она.

— Завтра мнѣ нельзя.

— Ну, послѣзавтра, въ воскресенье: послѣ обѣдни у насъ водка и закуска бываетъ. И Михей Андреичъ приходитъ.

— Ужели и Михей Андреичъ приходитъ? — спросилъ Обломовъ.

— Ей-Богу правда,—прибавила она.

— И послѣзавтра мнѣ нельзя, — отговаривался съ нетерпѣніемъ Обломовъ.

— Такъ ужъ на той недѣлѣ...—замѣтила она.— А когда переѣзжать-то станете? Я бы полы велѣла вымыть и пыль стереть,—спросила она.

— Я не переѣду,—сказалъ онъ.

— Какъ же? А вещи-то куда же мы дѣнемъ?

— Вы потрудитесь сказать брату, — началъ говорить Обломовъ разстановисто, упирая глаза ей прямо въ грудь:— что по обстоятельствамъ...

— Да вотъ долго нейдутъ что-то, не видать, — сказала она монотонно, глядя на заборъ, отдѣлявшій улицу отъ двора. — Я знаю и шаги ихъ; по деревянной мостовой слышно, какъ кто идетъ. Здѣсь мало ходятъ...

— Такъ вы передадите ему что̀ я васъ просилъ? — кланяясь и уходя говорилъ Обломовъ.

— Вотъ черезъ полчаса они сами будутъ... — съ несвойственнымъ ей безпокойствомъ говорила хозяйка, стараясь какъ будто голосомъ удержать Обломова.

— Я больше не могу ждать, — рѣшилъ онъ, отворяя дверь.

Собака, увидя его на крыльцѣ, залилась лаемъ и начала

опять рваться съ цѣпи. Кучеръ, спавшій, опершись на локоть, началъ нятить лошадей; куры опять, въ тревогѣ, побѣжали въ разныя стороны; въ окно выглянуло нѣсколько головъ.

— Такъ я скажу братцу, что вы были, — въ безпокойствѣ прибавила хозяйка, когда Обломовъ усѣлся въ коляску.

— Да, и скажите, что я, по обстоятельствамъ, не могу оставить квартиры за собой и что передамъ ее другому, или чтобъ онъ... поискалъ...

— Объ эту пору они всегда приходятъ...— говорила она, слушая его разсѣянно. — Я скажу имъ, что вы хотѣли побывать.

— Да, на-дняхъ я заѣду,—сказалъ Обломовъ.

При отчаянномъ лаѣ собаки, коляска выѣхала со двора и пошла колыхаться по засохшимъ кочкамъ немощенаго переулка.

Въ концѣ его показался какой-то, одѣтый въ поношенное пальто человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, съ толстой палкой и въ резиновыхъ калошахъ, несмотря на сухой и жаркій день.

Онъ шелъ скоро, смотрѣлъ по сторонамъ и ступалъ такъ, какъ будто хотѣлъ продавить деревянный тротуаръ. Обломовъ оглянулся ему вслѣдъ и видѣлъ, что онъ завернулъ въ ворота къ Пшеницыной.

«Вонъ, должно-быть, и братецъ пришли!» заключилъ онъ: «Да чортъ съ нимъ! Еще протолкуешь съ часъ, а мнѣ и ѣсть хочется, и жарко! Да и Ольга ждетъ меня... До другого раза!»

— Ступай скорѣй!—сказалъ онъ кучеру.

«А квартиру другую посмотрѣть?» вдругъ вспомнилъ онъ, глядя по сторонамъ, на заборы. «Надо опять назадъ, въ Морскую или въ Конюшенную... До другого раза!» рѣшилъ онъ.

— Пошелъ скорѣй!

III.

Въ концѣ августа пошли дожди и на дачахъ задымились трубы, гдѣ были печи, а гдѣ ихъ не было, тамъ жители ходили съ подвязанными щеками, и наконецъ, мало-по-малу, дачи опустѣли.

Обломовъ не казалъ глазъ въ городъ, и въ одно утро мимо его оконъ повезли и понесли мебель Ильинскихъ. Хотя ужъ ему не казалось теперь подвигомъ переѣхать съ квартиры, пообѣдать гдѣ-нибудь мимоходомъ и не прилечь цѣлый день, но онъ не зналъ, гдѣ и на ночь приклонить голову.

Оставаться на дачѣ одному, когда опустѣлъ паркъ и роща, когда закрылись ставни оконъ Ольги, казалось ему рѣшительно невозможно.

Онъ прошелся по ея пустымъ комнатамъ, обошелъ паркъ, сошелъ съ горы, и сердце тѣснила ему грусть.

Онъ велѣлъ Захару и Анисьѣ ѣхать на Выборгскую Сторону, гдѣ рѣшился оставаться до пріисканія новой квартиры, а самъ уѣхалъ въ городъ, отобѣдалъ наскоро въ трактирѣ и вечеръ просидѣлъ у Ольги.

Но осенніе вечера въ городѣ не походили на длинные, свѣтлые дни и вечера въ паркѣ и рощѣ. Здѣсь онъ ужъ не могъ видѣть ее по три раза въ день; здѣсь ужъ не прибѣжитъ къ нему Катя и не пошлетъ онъ Захара съ запиской за пять верстъ. И вся эта лѣтняя, цвѣтущая поэма любви какъ будто остановилась, пошла лѣнивѣе, какъ будто не хватило въ ней содержанія.

Они иногда молчали по получасу. Ольга углубится въ работу, считаетъ про себя иглой клѣтки узора, а онъ углубится въ хаосъ мыслей и живетъ впереди, гораздо дальше настоящаго момента.

Только иногда, вглядываясь пристально въ нее, онъ вздрогнетъ страстно, или она взглянетъ на него мимохо-

домъ и улыбнется, уловивъ лучъ нѣжной покорности, безмолвнаго счастья въ его глазахъ.

Три дня сряду ѣздилъ онъ въ городъ къ Ольгѣ и обѣдалъ у нихъ, подъ предлогомъ, что у него тамъ еще не устроено, что на этой недѣлѣ онъ слѣдитъ, и оттого не располагается на новой квартирѣ, какъ дома.

Но на четвертый день ему ужъ казалось неловко придти, и онъ, побродивъ около дома Ильинскихъ, со вздохомъ поѣхалъ домой.

На пятый день они не обѣдали дома.

На шестой Ольга сказала ему, чтобъ онъ пришелъ въ такой-то магазинъ, что она будетъ тамъ, а потомъ онъ можетъ проводить ее до дома пѣшкомъ, а экипажъ будетъ ѣхать сзади.

Все это было неловко; попадались ему и ей знакомые, кланялись, нѣкоторые останавливались поговорить.

— Ахъ, ты Боже мой, какая му́ка!—говорилъ онъ весь въ поту отъ страха и неловкаго положенія.

Тетка тоже глядитъ на него своими томными большими глазами и задумчиво нюхаетъ свой спиртъ, какъ будто у нея отъ него болитъ голова. А [illegible] ему какая даль! Ѣдешь, ѣдешь съ Выборгской Стороны да вечеромъ назадъ— три часа.

— Скажемъ теткѣ, — [illegible] — тогда я [illegible] у васъ съ утра, и никто не будетъ [illegible]

[illegible] былъ?—спросила Ольга.

[illegible] и подмывало сказать [illegible] что Ольга [illegible] что [illegible] сейчасъ ложь на [illegible]

[illegible] какъ [illegible]

— А говорилъ съ братомъ хозяйки? Пріискалъ квартиру?—спросила она потомъ, не поднимая глазъ.

— Его никогда утромъ дома нѣтъ, а вечеромъ я все здѣсь, — сказалъ Обломовъ, обрадовавшись, что есть достаточная отговорка.

Теперь Ольга вздохнула, но не сказала ничего.

— Завтра непремѣнно поговорю съ хозяйскимъ братомъ,—успокаивалъ ее Обломовъ:—завтра воскресенье, онъ въ присутствіе не пойдетъ.

— Пока это все не устроится,—сказала задумчиво Ольга:—говорить ma tante нельзя, и видѣться надо рѣже...

— Да, да... правда,—струсивъ, прибавилъ Обломовъ.

— Ты обѣдай у насъ въ воскресенье, въ нашъ день, а потомъ хоть въ среду, одинъ,—рѣшила она.—А потомъ мы можемъ видѣться въ театрѣ: ты будешь знать, когда мы ѣдемъ, и тоже поѣзжай.

— Да, это правда,—говорилъ онъ, обрадованный, что она попеченіе о порядкѣ свиданій взяла на себя.

— Если жъ выдастся хорошій день,—заключила она:—я поѣду въ Лѣтній Садъ гулять, и ты можешь придти туда; это напомнитъ намъ паркъ... паркъ! — повторила она съ чувствомъ.

Онъ молча поцѣловалъ у ней руку и простился съ ней до воскресенья. Она уныло проводила его глазами, потомъ сѣла за фортепіано и вся погрузилась въ звуки. Сердце у ней о чемъ-то плакало, плакали и звуки. Хотѣла пѣть—не поется!

На другой день Обломовъ всталъ и надѣлъ свой дикій сюртучокъ, что носилъ на дачѣ. Съ халатомъ онъ простился давно и велѣлъ его спрятать въ шкапъ.

Захаръ, по обыкновенію, колебля подносомъ, неловко подходилъ къ столу съ кофе и кренделями. Сзади Захара, по обыкновенію, высовывалась до половины изъ двери Аннсья, приглядывая, донесетъ ли Захаръ чашки до стола, и тот-

часъ, безъ шума, пряталась, если Захаръ ставилъ подносъ благополучно на столъ, или стремительно подскакивала къ нему, если съ подноса падала одна вещь, чтобъ удержать остальныя. Причемъ Захаръ разразится бранью сначала на вещи, потомъ на жену, и замахнется локтемъ ей въ грудь.

— Какой славный кофе! Кто это варитъ?—спросилъ Обломовъ.

— Сама хозяйка, — сказалъ Захаръ: — шестой день, все она. «Вы», говоритъ, «много цикорію кладете, да не доваривaете. Дайте-ко я!»

— Славный,—повторилъ Обломовъ, наливая другую чашку.—Поблагодари ее.

— Вонъ она сама, — говорилъ Захаръ, указывая на полуотворенную дверь боковой комнаты.—Это у нихъ буфетъ, что ли; она тутъ и работаетъ, тутъ у нихъ чай, сахаръ, кофе лежитъ, и посуда.

Обломову видна была только спина хозяйки, затылокъ и часть бѣлой шеи, да голые локти.

— Что это она тамъ локтями-то такъ живо ворочаетъ?—спросилъ Обломовъ.

— Кто ее знаетъ! Кружева, что ли, гладитъ.

Обломовъ слѣдилъ, какъ ворочались локти, какъ спина нагибалась и выпрямлялась опять.

Внизу, когда она нагибалась, видны были чистая юбка, чистые чулки и круглыя, полныя ноги.

«Чиновница, а локти хоть бы графинѣ какой-нибудь; еще съ ямочками!» подумалъ Обломовъ.

Въ полдень Захаръ пришелъ спросить, не угодно ли попробовать ихъ пирога: хозяйка велѣла предложить.

— Сегодня воскресенье, у нихъ пирогъ пекутъ.

— Ну, ужъ, я думаю, хорошъ пирогъ! — небрежно сказалъ Обломовъ.—Съ лукомъ, да съ морковью...

— Пирогъ не хуже нашихъ обломовскихъ,—замѣтилъ Захаръ:—съ цыплятами и съ свѣжими грибами.

— Ахъ, это хорошо должно-быть: принеси! Кто жъ у нихъ печетъ? Эта грязная баба-то?

— Куда ей! — съ презрѣніемъ сказалъ Захаръ. — Кабы не хозяйка, такъ она и опары поставить не умѣетъ. Хозяйка сама все на кухнѣ. Пирогъ-то онѣ съ Анисьей вдвоемъ испекли.

Чрезъ пять минутъ изъ боковой комнаты высунулась къ Обломову голая рука, едва прикрытая видѣнною уже имъ шалью, съ тарелкой, на которой дымился, испуская горячій паръ, огромный кусокъ пирога.

— Покорно благодарю, — ласково отозвался Обломовъ, принимая пирогъ, и, заглянувъ въ дверь, уперся взглядомъ въ высокую грудь и голыя плечи.

Дверь торопливо затворилась.

— Водки не угодно ли?—спросилъ голосъ.

— Я не пью; покорно благодарю, еще ласковѣе сказалъ Обломовъ:—у васъ какая?

— Своя, домашняя: сами настаиваемъ на смородинномъ листу,—говорилъ голосъ.

— Я никогда не пивалъ на смородинномъ листу, позвольте попробовать!

Голая рука опять просунулась съ тарелкой и рюмкой водки. Обломовъ выпилъ: ему очень понравилась.

— Очень благодаренъ,—говорилъ онъ, стараясь заглянуть въ дверь, но дверь захлопнулась.

— Что вы не дадите на себя взглянуть, пожелать вамъ добраго утра?—упрекнулъ Обломовъ.

Хозяйка усмѣхнулась за дверью.

— Я еще въ будничномъ платьѣ, все на кухнѣ была. Сейчасъ одѣнусь; братецъ скоро отъ обѣдни придутъ, — отвѣчала она.

— Ахъ, à propos о братцѣ, — замѣтилъ Обломовъ:—мнѣ надо съ нимъ поговорить. Попросите его зайти ко мнѣ.

— Хорошо, я скажу, какъ они придутъ.

— А кто это у васъ кашляетъ? Чей это такой сухой кашель?—спросилъ Обломовъ.

— Это бабушка; ужъ она у насъ восьмой годъ кашляетъ.

И дверь захлопнулась.

«Какая она... простая», подумалъ Обломовъ: «а есть въ ней, что-то такое... И держитъ себя чисто!»

До сихъ поръ онъ съ «братцемъ» хозяйки еще не успѣлъ познакомиться. Онъ видѣлъ только, и то рѣдко, съ постели, какъ, рано утромъ, мелькалъ сквозь рѣшётку забора человѣкъ, съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, и пропадалъ въ переулкѣ, и потомъ, въ пять часовъ, мелькалъ опять, съ тѣмъ же пакетомъ, мимо оконъ, возвращаясь, тотъ же человѣкъ и пропадалъ за крыльцомъ. Его въ домѣ не было слышно.

А между тѣмъ замѣтно было, что тамъ жили люди, особенно по утрамъ: на кухнѣ стучатъ ножи, слышно въ окно, какъ полощетъ баба что-то въ углу, какъ дворникъ рубитъ дрова, или везетъ на двухъ колесахъ боченокъ съ водой; за стѣной плачутъ ребятишки, или раздается упорный, сухой кашель старухи.

У Обломова было четыре комнаты, то-есть вся парадная амфилада. Хозяйка съ семействомъ помѣщалась въ двухъ непарадныхъ комнатахъ, а братецъ жилъ вверху, въ такъ-называемой свѣтелкѣ.

Кабинетъ и спальня Обломова обращены были окнами на дворъ, гостиная къ садику, а зала къ большому огороду, съ капустой и картофелемъ. Въ гостиной окна были драпированы ситцевыми полинявшими занавѣсками.

По стѣнамъ жались простые, подъ орѣхъ, стулья; подъ зеркаломъ стоялъ ломберный столъ; на окнахъ тѣснились

горшки съ еранью и бархатцами и висѣли четыре клѣтки, съ чижами и канарейками.

Братецъ вошелъ на цыпочкахъ и отвѣчалъ троекратнымъ поклономъ на привѣтствіе Обломова. Вицмундиръ на немъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, такъ что нельзя было узнать, есть ли на немъ бѣлье, или нѣтъ; галстукъ завязанъ простымъ узломъ и концы спрятаны внизъ.

Онъ былъ лѣтъ сорока, съ прямымъ хохломъ на лбу и двумя небрежно на вѣтеръ пущенными такими же хохлами на вискахъ, похожими на собачьи уши средней величины. Сѣрые глаза не вдругъ глядѣли на предметъ, а сначала взглядывали украдкой, а во второй разъ ужъ останавливались.

Рукъ своихъ онъ какъ будто стыдился, и когда говорилъ, то старался прятать, или обѣ за спину, или одну за пазуху, а другую за спину. Подавая начальнику бумагу и объясняясь, онъ одну руку держалъ на спинѣ, а среднимъ пальцемъ другой руки, ногтемъ внизъ, осторожно показывалъ какую-нибудь строку, или слово, и, показавъ, тотчасъ пряталъ руку назадъ, можетъ-быть, оттого, что пальцы были толстоваты, красноваты и немного тряслись, и ему не безъ причины казалось несовсѣмъ приличнымъ выставлять ихъ часто напоказъ.

— Вы изволили, — началъ онъ, бросивъ свой двойной взглядъ на Обломова:—приказать мнѣ придти къ себѣ.

— Да, я хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ квартиры. Прошу садиться!—вѣжливо отвѣчалъ Обломовъ.

Иванъ Матвѣичъ, послѣ двукратнаго приглашенія, рѣшился сѣсть, перегнувшись тѣломъ впередъ и поджавъ руки въ рукава.

— По обстоятельствамъ, я долженъ пріискать себѣ другую квартиру,—сказалъ Обломовъ:—поэтому желалъ бы эту передать.

— Теперь трудно передать, — кашлянувъ въ пальцы и

проворно спрятавъ ихъ въ рукавъ, отозвался Иванъ Матвѣевичъ:—если бъ въ концѣ лѣта пожаловали, тогда много ходили смотрѣть.

— Я былъ, да васъ не было,—перебилъ Обломовъ.

— Сестра сказывала,—прибавилъ чиновникъ.—Да вы не безпокойтесь насчетъ квартиры: здѣсь вамъ будетъ удобно. Можетъ-быть, птица васъ безпокоитъ?

— Какая птица?

— Куры-съ.

Обломовъ, хотя слышалъ постоянно съ ранняго утра подъ окнами тяжелое кудахтанье насѣдки и писк цыплятъ, но до того ли ему? Передъ нимъ носился образъ Ольги, и онъ едва замѣчалъ окружающее.

— Нѣтъ, это ничего,—сказалъ онъ:—я думалъ, вы говорите о канарейкахъ: онѣ съ утра начинаютъ трещать.

— Мы ихъ вынесемъ,—отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ.

— И это ничего,—замѣтилъ Обломовъ: — но мнѣ, по обстоятельствамъ, нельзя оставаться.

— Какъ угодно-съ, — отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ. — А если не пріищете жильца, какъ же насчетъ контракта? Сдѣлаете удовлетвореніе?.. Вамъ убытокъ будетъ.

— А сколько тамъ слѣдуетъ?—спросилъ Обломовъ.

— Да вотъ я принесу расчетъ.

Онъ принесъ контрактъ и счеты.

— Вотъ-съ, за квартиру восемьсотъ рублей ассигнаціями, сто рублей получено задатку, осталось семьсотъ рублей,—сказалъ онъ.

— Да неужели вы съ меня за цѣлый годъ хотите взять, когда я у васъ и двухъ недѣль не прожилъ?—перебилъ его Обломовъ.

— Какъ же-съ?— кротко и совѣстливо возразилъ Иванъ Матвѣевичъ.—Сестра убытокъ понесетъ несправедливо. Она бѣдная вдова, живетъ только тѣмъ, что съ дома получитъ;

да развѣ на цыплятахъ и яйцахъ выручитъ кое-что на одёжонку ребятишкамъ.

— Помилуйте, я не могу,—заговорилъ Обломовъ:—посудите. я не прожилъ двухъ недѣль. Что же это, за что?

— Вотъ-съ, въ контрактѣ сказано, — говорилъ Иванъ Матвѣевичъ, показывая среднимъ пальцемъ двѣ строки и спрятавъ палецъ въ рукавъ:—извольте прочесть: «Буде же я, Обломовъ, пожелаю прежде времени съѣхать съ квартиры, то обязанъ передать се другому лицу, на тѣхъ же условіяхъ, или, въ противномъ случаѣ, удовлетворить ее, Пшеницыну, сполна платою за весь годъ, по первое іюня будущаго года», прочиталъ Обломовъ.

— Какъ же это?—говорилъ онъ.—Это несправедливо.

— По закону такъ-съ,—замѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ.—Сами изволили подписать: вотъ подпись-съ!

Опять появился палецъ подъ подписью, и опять спрятался.

— Сколько же?—спросилъ Обломовъ.

— Семьсотъ рублей, — началъ щелкать тѣмъ же пальцемъ Иванъ Матвѣевичъ, подгибая его всякій разъ проворно въ кулакъ: — да за конюшню и сарай сто-пятьдесятъ рублей.

И онъ щелкнулъ еще.

— Помилуйте, у меня лошадей нѣтъ, я не держу: зачѣмъ мнѣ конюшня и сарай?—съ живостью возразилъ Обломовъ.

— Въ контрактѣ есть-съ, — замѣтилъ, показывая пальцемъ строку, Иванъ Матвѣевичъ.—Михей Андреичъ сказывалъ, что у васъ лошади будутъ.

— Вретъ Михей Андреичъ! — съ досадой сказалъ Обломовъ.—Дайте мнѣ контрактъ!

— Вотъ-съ, копію извольте получить, а контрактъ принадлежитъ сестрѣ, — мягко отозвался Иванъ Матвѣевичъ, взявъ контрактъ въ руку.—Сверхъ того, за огородъ и про-

довольствіе изъ онаго капустой, рѣпой и прочими овощами, считая на одно лицо, — читалъ Иванъ Матвѣевичъ: — примѣрно, двѣсти-пятьдесятъ рублей...

И онъ хотѣлъ щелкнуть на счетахъ.

— Какой огородъ? Какая капуста? Я и знать не знаю, что̀ вы!—почти грозно возражалъ Обломовъ.

— Вотъ-съ, въ контрактѣ: Михей Андреичъ сказали, что вы съ тѣмъ нанимаете...

— Что̀ же это такое, что вы безъ меня моимъ столомъ распоряжаетесь? Я не хочу ни капусты, ни рѣпы...—говорилъ Обломовъ, вставая.

И Иванъ Матвѣевичъ всталъ со стула.

— Помилуйте, какъ можно безъ васъ: вотъ подпись есть!— возразилъ онъ.

И опять толстый палецъ трясся на подписи, и вся бумага тряслась въ его рукѣ.

— Сколько всего считаете вы? — нетерпѣливо спросилъ Обломовъ.

— Еще за окраску потолка и дверей, за передѣлку оконъ въ кухнѣ, за новые пробои къ дверямъ — сто пятьдесятъ четыре рубля двадцать восемь копеекъ ассигнаціями.

— Какъ, и это на мой счетъ?—съ изумленіемъ спросилъ Обломовъ.—Это всегда на счетъ хозяина дѣлается. Кто же переѣзжаетъ въ неотдѣланную квартиру?..

— Вотъ-съ, въ контрактѣ сказано, что на вашъ счетъ,— сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, издали показывая пальцемъ въ бумагѣ, гдѣ это сказано. — Тысячу триста пятьдесятъ четыре рубля двадцать восемь копеекъ ассигнаціями всего-съ!—кротко заключилъ онъ, спрятавъ обѣ руки съ контрактомъ назади.

— Да гдѣ я возьму? У меня нѣтъ денегъ! — возразилъ Обломовъ, ходя по комнатѣ. — Нужно мнѣ очень вашей рѣпы, да капусты!

— Какъ угодно-съ? — тихо прибавилъ Иванъ Матвѣе-

вичъ. — Да не безпокойтесь: вамъ здѣсь будетъ удобно,— прибавилъ онъ.—А деньги... сестра подождетъ.

— Нельзя мнѣ, нельзя по обстоятельствамъ! Слышите?

— Слушаю-съ. Какъ угодно,—послушно отвѣчалъ Иванъ Матвѣевичъ, отступивъ на шагъ.

— Хорошо, я подумаю и постараюсь передать квартиру!—сказалъ Обломовъ, кивнувъ чиновнику головой.

— Трудно-съ; а впрочемъ, какъ угодно! — заключилъ Иванъ Матвѣевичъ и, троекратно поклонясь, вышелъ вонъ.

Обломовъ вынулъ бумажникъ и счелъ деньги: всего триста пять рублей. Онъ обомлѣлъ.

«Куда жъ я дѣлъ деньги?» съ изумленіемъ, почти съ ужасомъ спросилъ самого себя Обломовъ. «Въ началѣ лѣта изъ деревни прислали тысячу двѣсти рублей, а теперь всего триста!»

Онъ началъ считать, припоминать всѣ траты, и могъ припомнить только двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Куда жъ это вышли деньги?—говорилъ онъ.

— Захаръ, Захаръ!

— Чего изволите?

— Куда это у насъ всѣ деньги вышли? Вѣдь денегъ-то нѣтъ у насъ!—спросилъ онъ.

Захаръ началъ шарить въ карманахъ, вынулъ полтинникъ, гривенникъ и положилъ на столъ.

— Вотъ, забылъ отдать, отъ перевозки осталось, — сказалъ онъ.

— Что ты мнѣ мелочь-то суешь? Ты скажи, куда восемьсотъ рублей дѣлись?

— Почемъ я знаю? Развѣ я знаю, куда вы тратите? Что вы тамъ извозчикамъ за коляски платите?

— Да, вотъ на экипажъ много вышло,—вспомнилъ Обломовъ, глядя на Захара. — Ты не помнишь ли, сколько мы на дачѣ отдали извозчику?

— Гдѣ помнить! — отозвался Захаръ: — одинъ разъ вы велѣли мнѣ тридцать рублей отдать, такъ я и помню.

— Что бы тебѣ записывать!—упрекнулъ его Обломовъ.— Худо быть безграмотнымъ!

— Прожилъ вѣкъ и безъ грамоты, слава Богу, не хуже другихъ!—возразилъ Захаръ, глядя въ сторону.

«Правду говоритъ Штольцъ, что надо завести школу въ деревнѣ!» подумалъ Обломовъ.

— Вонъ, у Ильинскихъ былъ грамотный-то, сказывали люди, — продолжалъ Захаръ: — да серебро изъ буфета и стащилъ.

«Прошу покорнѣйше!» трусливо подумалъ Обломовъ. «Въ самомъ дѣлѣ, эти грамотеи — все такой безнравственный народъ: по трактирамъ, съ гармоникой, да чаи... Нѣтъ, рано школы заводить!..»

— Ну, куда еще вышли деньги?—спросилъ онъ.

— Почемъ я знаю? Вонъ, Михею Андреичу дали на дачѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ, — обрадовался Обломовъ, вспомнивъ про эти деньги. — Такъ, вотъ извозчику тридцать, да, кажется, двадцать пять рублей Тарантьеву... Еще куда?

Онъ задумчиво и вопросительно глядѣлъ на Захара. Захаръ угрюмо смотрѣлъ на него.

Не помнитъ ли Анисья?—спросилъ Обломовъ.

— Гдѣ дурѣ помнить? Что баба знаетъ?—съ презрѣніемъ сказалъ Захаръ.

— Не припомню! — съ тоской заключилъ Обломовъ:— ужъ не воры ли были?

— Кабы воры, такъ все бы взяли, — сказалъ Захаръ хохотя.

Обломовъ сѣлъ въ кресло и задумался. «Гдѣ же я возьму денегъ?» по холодному поту думалъ онъ. «Когда пришлютъ изъ деревни и сколько?»

Онъ взглянулъ на часы. Два часа. Пора ѣхать въ Опекунскій

Сегодня положенный день обѣдать. Онъ мало-по-малу развеселился, велѣлъ привести извозчика и поѣхалъ въ Морскую.

IV.

Онъ сказалъ Ольгѣ, что переговорилъ съ братомъ хозяйки, и скороговоркой прибавилъ отъ себя, что есть надежда на этой недѣлѣ передать квартиру.

Ольга поѣхала съ теткой съ визитомъ до обѣда, а онъ пошелъ глядѣть квартиры по близости. Заходилъ въ два дома; въ одномъ нашелъ квартиру въ четыре комнаты за четыре тысячи ассигнаціями, въ другомъ за пять комнатъ просили шесть тысячъ рублей.

— Ужасъ! ужасъ! — твердилъ онъ, зажимая уши и убѣгая отъ изумленныхъ дворниковъ. Прибавивъ къ этимъ суммамъ тысячу слишкомъ рублей, которые надо было заплатить Пшеницыной, онъ, отъ страха, не поспѣлъ вывести итога и только прибавилъ шагу и побѣжалъ къ Ольгѣ.

Тамъ было общество. Ольга была одушевлена, говорила, пѣла, и произвела фуроръ. Только Обломовъ слушалъ разсѣянно, а она говорила и пѣла для него, чтобъ онъ не сидѣлъ, повѣся носъ, опустя вѣки, чтобъ все говорило и пѣло безпрестанно въ немъ самомъ.

— Пріѣзжай завтра въ театръ, у насъ ложа, — сказала она.

«Вечеромъ, по грязи, этакую даль!» подумалъ Обломовъ, но, взглянувъ ей въ глаза, отвѣчалъ на ея улыбку улыбкой согласія.

— Абонируйся въ кресло,—прибавила она:—на той недѣлѣ пріѣдутъ Маевскіе; ma tante пригласила ихъ къ намъ въ ложу.

И она глядѣла ему въ глаза, чтоб знать, какъ онъ обрадуется.

«Господи!» подумалъ онъ въ ужасѣ. у меня всего триста рублей денегъ».

— Вотъ, попроси барона; онъ тамъ со всѣми знакомъ, завтра же пошлетъ за креслами.

И она опять улыбнулась, и онъ улыбнулся глядя на нее, и съ улыбкой просилъ барона: тотъ, тоже съ улыбкой, взялся послать за билетомъ.

— Теперь въ креслѣ, а потомъ, когда ты кончишь дѣла,— прибавила Ольга: — ты ужъ займешь по праву мѣсто въ нашей ложѣ.

И окончательно улыбнулась, какъ улыбалась, когда была совершенно счастлива.

Ухъ, какимъ счастьемъ вдругъ пахнуло на него, когда Ольга немного приподняла завѣсу обольстительной дали, прикрытой, какъ цвѣтами, улыбками!

Обломовъ и про деньги забылъ; только когда, на другой день утромъ, увидѣлъ мелькнувшій мимо оконъ пакетъ братца, онъ вспомнилъ про довѣренность и просилъ Ивана Матвѣевича засвидѣтельствовать ее въ палатѣ. Тотъ прочиталъ довѣренность, объявилъ, что въ ней есть одинъ неясный пунктъ, и взялся прояснить.

Бумага была вновь переписана, наконецъ засвидѣтельствована и отослана на почту. Обломовъ съ торжествомъ объявилъ объ этомъ Ольгѣ и успокоился надолго.

Онъ радовался, что до полученія отвѣта квартиры пріискивать не понадобится и деньги понемногу заживаются.

«Оно бы и тутъ можно жить», думалъ онъ: «да далеко отъ всего, а въ домѣ у нихъ порядокъ строгій и хозяйство идетъ славно».

Въ самомъ дѣлѣ, хозяйство шло отлично. Хотя Обломовъ держалъ столъ особо, но глазъ хозяйки бодрствовалъ и надъ его кухней.

Илья Ильичъ зашелъ однажды въ кухню и засталъ Агаѳью Матвѣевну съ Анисьей чуть не въ объятіяхъ другъ друга.

Если есть симпатія душъ, если родственныя сердца чуютъ

другъ друга издалека, то никогда это не доказывалось такъ очевидно, какъ на симпатіи Агаѳьи Матвѣевны и Анисьи. Съ перваго взгляда, слова и движенія онѣ поняли и оцѣнили одна другую.

По пріемамъ Анисьи, по тому, какъ она, вооруженная кочергой и тряпкой, съ засученными рукавами, въ пять минутъ привела полгода-нетопленную кухню въ порядокъ, какъ смахнула щеткой разомъ пыль съ полокъ, со стѣнъ и со стола; какіе широкіе размахи дѣлала метлой по полу и по лавкамъ; какъ мгновенно выгребла изъ печки золу — Агаѳья Матвѣевна оцѣнила, что такое Анисья и какая бы она великая сподручница была ея хозяйственнымъ распоряженіямъ. Она дала ей съ той поры у себя мѣсто въ сердцѣ.

И Анисья, въ свою очередь, поглядѣвъ однажды только, какъ Агаѳья Матвѣевна царствуетъ на кухнѣ, какъ соколиными очами, безъ бровей, видитъ каждое неловкое движеніе неповоротливой Акулины; какъ гремитъ приказаніями вынуть, поставить, подогрѣть, посолить, какъ на рынкѣ однимъ взглядомъ и много-много прикосновеніемъ пальца безошибочно рѣшаетъ, сколько куницъ мѣсяцевъ отъ роду, давно ли уснула рыба, когда сорвана съ грядъ петрушка или салатъ—она съ удивленіемъ и почтительною боязнью возвела на нее глаза и рѣшила, что она, Анисья, миновала свое назначеніе, что поприще ея—не кухня Обломова, гдѣ торопливость ея, вѣчно-бьющаяся, нервическая лихорадочность движеній устремлена только на то, чтобъ подхватить на лету уроненную Захаромъ тарелку или стаканъ, и гдѣ опытность ея и тонкость соображеній подавляются мрачною завистью и грубымъ высокомѣріемъ мужа. Двѣ женщины поняли другъ друга и стали неразлучны.

Когда Обломовъ не обѣдалъ дома, Анисья присутствовала на кухнѣ хозяйки и, изъ любви къ дѣлу, бросалась изъ угла въ уголъ, сажала, вынимала горшки, почти въ одно

и то же мгновеніе отпирала шкапъ, доставала что̀ надо и захлопывала прежде, нежели Акулина успѣетъ понять въ чемъ дѣло.

Зато наградой Анисьѣ былъ обѣдъ, чашекъ шесть кофе утромъ и столько же вечеромъ, и откровенный, продолжительный разговоръ, иногда довѣрчивый шопотъ съ самой хозяйкой.

Когда Обломовъ обѣдалъ дома, хозяйка помогала Анисьѣ, то-есть указывала, словомъ или пальцемъ, пора ли, или рано вынимать жаркое, надо ли къ соусу прибавить немного краснаго вина, или сметаны, или что рыбу надо варить не такъ, а вотъ какъ...

И Боже мой, какими знаніями помѣнялись онѣ въ хозяйственномъ дѣлѣ, не по одной только кулинарной части, но и по части холста, нитокъ, шитья, мытья бѣлья, платьевъ, чистки блондъ, кружевъ, перчатокъ, выведенія пятенъ изъ разныхъ матерій, также употребленія разныхъ домашнихъ лѣкарственныхъ составовъ, травъ—всего, что̀ внесли въ извѣстную сферу жизни наблюдательный умъ и вѣковые опыты!

Илья Ильичъ встанетъ утромъ часовъ въ девять, иногда увидитъ сквозь рѣшётку забора мелькнувшій бумажный пакетъ подъ мышкой уходящаго въ должность братца, потомъ примется за кофе. Кофе все такой же славный, сливки густыя, булки сдобныя, разсыпчатыя.

Потомъ онъ примется за сигару и слушаетъ внимательно, какъ тяжело кудахтаетъ насѣдка, какъ пищатъ цыплята, какъ трещатъ канарейки и чижи. Онъ не велѣлъ убирать ихъ:

— Деревню напоминаютъ, Обломовку,—сказалъ онъ.

Потомъ сядетъ дочитывать начатыя на дачѣ книги, иногда приляжетъ небрежно съ книгой на диванъ и читаетъ.

Тишина идеальная: пройдетъ развѣ солдатъ какой-нибудь по улицѣ, или кучка мужиковъ, съ топорами за поясомъ,

Рѣдко-рѣдко заберется въ глушь разносчикъ и, остановясь передъ рѣшётчатымъ заборомъ, съ полчаса горланитъ:— «Яблоки, арбузы астраханскіе» — такъ, что нехотя купишь что-нибудь.

Иногда придетъ къ нему Маша, хозяйская дѣвочка, отъ маменьки, сказать, что грузди или рыжики продаютъ: не велитъ ли онъ взять кадочку для себя, или зазоветъ онъ къ себѣ Ваню, ея сына, спрашиваетъ, что онъ выучилъ, заставитъ прочесть, или написать и посмотритъ, хорошо ли онъ пишетъ и читаетъ.

Если дѣти не затворятъ дверь за собой, онъ видитъ голую шею и мелькающіе, вѣчно-движущіеся локти и спину хозяйки.

Она все за работой, все что-нибудь гладитъ, толчетъ, третъ, и уже не церемонится, не накидываетъ шаль, когда замѣтитъ, что онъ видитъ ее сквозь полуотворенную дверь, только усмѣхнется и опять заботливо толчетъ, гладитъ и третъ на большомъ столѣ.

Онъ иногда съ книгой подойдетъ къ двери, заглянетъ къ ней и поговоритъ съ хозяйкой.

— Вы все за работой!—сказалъ онъ ей однажды.

Она усмѣхнулась и опять заботливо принялась вертѣть ручку кофейной мельницы, и локоть ея такъ проворно описывалъ круги, что у Обломова рябило въ глазахъ.

— Вѣдь вы устанете,—продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, я привыкла,—отвѣчала она, треща мельницей.

— А когда нѣтъ работы, что жъ вы дѣлаете?

— Какъ нѣтъ работы? Работа всегда есть, — сказала она: — утромъ обѣдъ готовить, послѣ обѣда шить, а къ вечеру ужинъ.

— Развѣ вы ужинаете?

— Какъ же безъ ужина? ужинаемъ. Подъ праздникъ ко всенощной ходимъ.

— Это хорошо, — похвалилъ Обломовъ. — Въ какую же церковь?

— Къ Рождеству: это нашъ приходъ.

— А читаете что-нибудь?

Она поглядѣла на него тупо и молчала.

— Книги у васъ есть?—спросилъ онъ.

— У братца есть, да они не читаютъ. Газеты изъ трактира беремъ, такъ иногда братецъ вслухъ читаютъ... да вотъ у Ванички много книгъ.

— Ужели же вы никогда не отдыхаете?

— Ей-Богу, правда!

— И въ театрѣ не бываете?

— Братецъ на святкахъ бываютъ.

— А вы?

— Когда мнѣ? А ужинъ кáкъ? — спросила она, бокомъ поглядѣвъ на него.

— Кухарка можетъ безъ васъ...

— Акулина-то! — съ удивленіемъ возразила она. — Какъ же можно? Что она сдѣлаетъ безъ меня? Ужинъ и къ завтрему не поспѣетъ. У меня всѣ ключи.

Молчаніе. Обломовъ любовался ея полными, круглыми локтями.

— Какъ у васъ хороши руки, — вдругъ сказалъ Обломовъ:—можно хоть сейчасъ нарисовать.

Она усмѣхнулась и немного застыдилась.

— Неловко съ рукавами,—оправдывалась она: — нынче, вѣдь, вонъ какія пошли платья, рукава всѣ вышачкаешь.

И замолчала. Обломовъ тоже молчалъ.

— Вотъ только домелю кофе,—шептала про-себя хозяйка: — сахаръ буду колоть. Еще не забыть за корицей послать.

— Вамъ бы замужъ надо выйти, — сказалъ Обломовъ:— вы славная хозяйка.

Она усмѣхнулась и стала пересыпать кофе въ большую стеклянную банку.

— Право,—прибавилъ Обломовъ.

— Кто меня съ дѣтьми-то возьметъ? — отвѣчала она и что-то начала считать въ умѣ.—Два десятка... — задумчиво говорила она: — ужели она ихъ всѣ положитъ?

И, поставивъ въ шкапъ банку, побѣжала въ кухню. А Обломовъ ушелъ къ себѣ и сталъ читать книгу...

— Какая еще свѣжая, здоровая женщина и какая хозяйка! Право бы замужъ ей... — говорилъ онъ самъ себѣ и погружался въ мысль... объ Ольгѣ.

Обломовъ въ хорошую погоду надѣнетъ фуражку и обойдетъ окрестность; тамъ попадетъ въ грязь, здѣсь войдетъ въ непріятное сношеніе съ собаками, и вернется домой.

А дома ужъ накрытъ столъ и кушанье такое вкусное, подано чисто. Иногда сквозь двери просунется голая рука, съ тарелкой—просятъ попробовать хозяйскаго пирога.

— Тихо, хорошо въ этой сторонѣ, только скучно!—говорилъ Обломовъ, уѣзжая въ оперу.

Однажды, воротясь поздно изъ театра, онъ, съ извозчикомъ, стучалъ почти часъ въ ворота; собака, отъ скаканья на цѣпи и лая, потеряла голосъ. Онъ иззябъ и разсердился, объявивъ, что съѣдетъ на другой же день. Но и другой, и третій день, и недѣля прошла — онъ еще не съѣзжалъ.

Ему было очень скучно не видѣть Ольги въ неположенные дни, не слышать ея голоса, не читать въ глазахъ все той же, неизмѣняющейся ласки, любви, счастья.

Зато въ положенные дни онъ жилъ какъ лѣтомъ, заслушивался ея пѣнія, или глядѣлъ ей въ глаза; а при свидѣтеляхъ довольно ему было одного ея взгляда, равнодушнаго для всѣхъ, но глубокаго и знаменательнаго для него.

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ дѣло подходило къ зимѣ, свиданія ихъ становились рѣже наединѣ. Къ Ильинскимъ

стали ѣздить гости, и Обломову по цѣлымъ днямъ не удавалось сказать съ ней двухъ словъ. Они мѣнялись взглядами. Ея взгляды выражали иногда усталость и нетерпѣніе.

Она съ нахмуренными бровями глядѣла на всѣхъ гостей. Обломовъ раза два даже соскучился и послѣ обѣда однажды взялся-было за шляпу.

— Куда?—вдругъ съ изумленіемъ спросила Ольга, очутясь подлѣ него и хватая за шляпу.

— Позвольте домой...

— Зачѣмъ?—спросила она. Одна бровь у ней лежала выше другой.—Что вы станете дѣлать?

— Я такъ...—говорилъ онъ, едва тараща глаза отъ сна.

— Кто жъ вамъ позволитъ? Ужъ не спать ли вы собираетесь? — спрашивала она, строго поглядѣвъ ему попеременно въ одинъ глазъ, потомъ въ другой.

— Что вы! — живо возразилъ Обломовъ. — Спать днемъ! Мнѣ просто скучно.

И онъ отдалъ шляпу.

— Сегодня въ театръ,—сказала она.

— Не вмѣстѣ въ ложу,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Такъ что же? А это развѣ ничего, что мы видимъ другъ друга, что ты зайдешь въ антрактѣ, при разъѣздѣ подойдешь, подашь руку до кареты?.. Извольте ѣхать!—повелительно прибавила она.— Что это за новости!

Нечего дѣлать, онъ ѣхалъ въ театръ, зѣвалъ, какъ-будто хотѣлъ вдругъ проглотить сцену, чесалъ затылокъ и перекладывалъ ногу на ногу.

«Ахъ, скорѣй бы кончить, да сидѣть съ ней рядомъ, не таскаться такую даль сюда!» думалъ онъ. «А то послѣ такого лѣта, да еще видѣться урывками, украдкой, играть роль влюбленнаго мальчика... Правду сказать, я бы сегодня не поѣхалъ въ театръ, если бъ ужъ былъ женатъ: шестой разъ слышу эту оперу...»

Въ антрактѣ онъ пошелъ въ ложу къ Ольгѣ и едва протѣснился до нея между двухъ какихъ-то франтовъ. Чрезъ пять минутъ онъ ускользнулъ и остановился у входа въ кресла, въ толпѣ. Актъ начался и всѣ торопились къ своимъ мѣстамъ. Франты изъ ложи Ольги тоже были тутъ и не видѣли Обломова.

— Что это за господинъ былъ сейчасъ въ ложѣ у Ильинскихъ?—спросилъ одинъ у другого.

— Это Обломовъ какой-то,—небрежно отвѣчалъ другой.

— Что это за Обломовъ?

— Это... помѣщикъ, другъ Штольца.

— А!—значительно произнесъ другой.—Другъ Штольца. Что жъ онъ тутъ дѣлаетъ?

— Dieu sait!—отвѣчалъ другой, и всѣ разошлись по мѣстамъ. Но Обломовъ потерялся отъ этого ничтожнаго разговора.

«Что за *господинъ*?.. *какой-то* Обломовъ... что онъ тутъ дѣлаетъ... Dieu sait» — все это застучало ему въ голову. «Какой-то!» «Что я тутъ дѣлаю»! Какъ что? Люблю Ольгу; я ея... Однакожъ, вотъ ужъ въ свѣтѣ родился вопросъ: что я тутъ дѣлаю? Замѣтили... Ахъ, Боже мой! какъ же, надо что-нибудь...»

Онъ уже не видѣлъ, что дѣлается на сценѣ, какіе тамъ выходятъ рыцари и женщины; оркестръ гремитъ, а онъ и не слышитъ. Онъ озирается по сторонамъ и считаетъ, сколько знакомыхъ въ театрѣ: вонъ тутъ, тамъ—вездѣ сидятъ, всѣ спрашиваютъ. — «Что это за господинъ входилъ къ Ольгѣ въ ложу?..»—«Какой-то Обломовъ!» говорятъ всѣ.

«Да, я «какой-то!» думалъ онъ въ робкомъ унынiи: «Меня знаютъ, потому что я другъ Штольца. Зачѣмъ я у Ольги?—«Dieu sait!..» Вонъ, вонъ, эти франты смотрятъ на меня, потомъ на ложу Ольги!»

Онъ взглянулъ на ложу; бинокль Ольги устремленъ былъ на него.

«Ахъ, ты Господи!» думалъ онъ. «А она глазъ не спускаетъ съ меня? Что она нашла во мнѣ такого? Экое сокровище далось! Вонъ, кажется, теперь на сцену указываетъ... франты, кажется, смѣются, смотрятъ на меня... Господи, Господи!»

Онъ опять, въ волненіи, неистово почесалъ затылокъ, опять переложилъ ногу на ногу.

Она звала франтовъ изъ театра пить чай, обѣщала повторить каватину и ему велѣла пріѣхать.

«Нѣтъ, ужъ сегодня не поѣду; надо рѣшить дѣло скорѣй, да потомъ... Что это, отвѣта повѣренный не шлетъ изъ деревни?.. Я бы давно уѣхалъ, передъ отъѣздомъ обручился бы съ Ольгой... Ахъ, а она все смотритъ на меня! Бѣда, право!»

Онъ, не дождавшись конца оперы, уѣхалъ домой. Мало-по-малу, впечатлѣніе его изгладилось, и онъ опять съ трепетомъ счастья смотрѣлъ на Ольгу наединѣ, слушалъ, съ подавленными слезами восторга, ея пѣніе при всѣхъ, и, пріѣзжая домой, ложился, безъ вѣдома Ольги, на диванъ, но ложился не спать, не лежать мертвой колодой, а мечтать о ней, играть мысленно въ счастье, и волноваться, заглядывая въ будущую перспективу своей домашней, мирной жизни, гдѣ будетъ сіять Ольга — и все засіяетъ около нея. Заглядывая въ будущее, онъ иногда невольно, иногда умышленно заглядывалъ, въ полуотворенную дверь, и на мелькавшіе локти хозяйки.

Однажды тишина въ природѣ и въ домѣ была идеальная; ни стуку каретъ, ни хлопанья дверей; въ передней на часахъ мѣрно постукивалъ маятникъ да пѣли канарейки; но это не нарушаетъ тишины, а придаетъ ей только нѣкоторый оттѣнокъ жизни.

Илья Ильичъ лежалъ небрежно на диванѣ, играя туфлей, ронялъ ее на полъ, поднималъ на воздухъ, повертитъ тамъ,

она упадетъ, онъ подхватываетъ съ пола ногой... Вошелъ Захаръ и сталъ у дверей.

— Ты что?—небрежно спросилъ Обломовъ.

Захаръ молчалъ и почти прямо, не стороной, глядѣлъ на него.

— Ну?—спросилъ Обломовъ, взглянувъ на него съ удивленіемъ:—пирогъ, что ли, готовъ?

— Вы нашли квартиру? — спросилъ, въ свою очередь, Захаръ.

— Нѣтъ еще. А что?

— Да я не все еще разобралъ: посуда, одёжа, сундуки, все еще въ чуланѣ горой стоитъ. Разбирать, что ли?

— Погоди,—разсѣянно сказалъ Обломовъ:—я жду отвѣта изъ деревни.

— Стало-быть, свадьба-то послѣ Рождества будетъ? — прибавилъ Захаръ.

— Какая свадьба?—вдругъ вставъ, спросилъ Обломовъ.

— Извѣстно какая: ваша! — отвѣчалъ Захаръ положительно, какъ о дѣлѣ давно рѣшеномъ.—Вѣдь вы женитесь?

— Я же-нюсь! На комъ? — съ ужасомъ спросилъ Обломовъ, пожирая Захара изумленными глазами.

— На Ильинской барыш...— Захаръ еще не договорилъ, а Обломовъ былъ у него почти на носу.

— Что ты, несчастный, кто тебѣ внушилъ эту мысль?— патетически, сдержаннымъ голосомъ воскликнулъ Обломовъ, напирая на Захара.

— Что я за несчастный? Слава тебѣ Господи!—говорилъ Захаръ, отступая къ дверямъ.—Кто? Люди Ильинскіе еще лѣтомъ сказывали.

— Цссс!..—зашипѣлъ на него Обломовъ, поднявъ палецъ вверхъ и грозя на Захара:—ни слова больше!

— Развѣ я выдумалъ?—говорилъ Захаръ.

— Ни слова! — повторилъ Обломовъ, грозно глядя на него, и указалъ ему дверь.

Захаръ ушелъ и вздохнулъ на всѣ комнаты.

Обломовъ не могъ опомниться; онъ все стоялъ въ одномъ положеніи, съ ужасомъ глядя на то мѣсто, гдѣ стоялъ Захаръ, потомъ, въ отчаяньи, положилъ руки на голову и сѣлъ въ кресло.

«Люди знаютъ!» ворочалось у него въ головѣ: «по лакейскимъ, по кухнямъ толки идутъ! Вотъ до чего дошло! Онъ осмѣлился спросить, когда свадьба. А тетка еще не подозрѣваетъ, или если подозрѣваетъ, то, можетъ-быть, другое, недоброе... Ай-ай-ай, что она можетъ подумать! А я? А Ольга?»

— Несчастный, что я надѣлалъ!—говорилъ онъ, переваливаясь на диванѣ лицомъ къ подушкѣ. — Свадьба! Этотъ поэтическій мигъ въ жизни любящихся, вѣнецъ счастья—о немъ заговорили лакеи, кучера, когда еще ничего не рѣшено, когда отвѣта изъ деревни нѣтъ, когда у меня пустой бумажникъ, когда квартира не найдена...

Онъ сталъ разбирать поэтическій мигъ, который вдругъ потерялъ краски, какъ только заговорилъ о немъ Захаръ. Обломовъ сталъ видѣть другую сторону медали, и мучительно переворачивался съ-боку-на-бокъ, ложился на спину, вдругъ вскакивалъ, дѣлалъ три шага по комнатѣ и опять ложился.

«Ну, не бывать добру!» думалъ со страхомъ Захаръ у себя въ передней. «Экъ меня дернула нелегкая!»

— Откуда они знаютъ? — твердилъ Обломовъ. — Ольга молчала, я и подумать вслухъ не смѣлъ, а въ передней все рѣшили! Вотъ что значитъ свиданія наединѣ, поэзія утреннихъ и вечернихъ зорь, страстные взгляды и обаятельное пѣніе! Охъ, ужъ эти поэмы любви, никогда добромъ не кончаются! Надо прежде стать подъ вѣнецъ и тогда плавать въ розовой атмосферѣ!.. Боже мой! Боже мой! Бѣжать къ теткѣ, взять Ольгу за руку и сказать: «вотъ моя невѣста!» да не готово ничего, отвѣта изъ деревни нѣтъ,

денегъ нѣтъ, квартиры нѣтъ! Нѣтъ, надо выбить прежде изъ головы Захара эту мысль, затушить слухи, какъ пламя, чтобъ оно не распространилось, чтобъ не было огня и дыма... Свадьба! Что такое свадьба?..

Онъ-было улыбнулся, вспомнивъ прежній свой поэтическій идеалъ свадьбы, длинное покрывало, померанцевую вѣтку, шопотъ толпы...

Но краски были уже не тѣ: тутъ же, въ толпѣ, былъ грубый, неопрятный Захаръ и вся дворня Ильинскихъ, рядъ каретъ, чужія, холодно-любопытныя лица. Потомъ, потомъ мерещилось все такое скучное, страшное...

— Надо выбить изъ головы Захара эту мысль, чтобъ онъ счелъ это за нелѣпость, — рѣшилъ онъ, то судорожно волнуясь, то мучительно задумываясь.

Черезъ часъ онъ кликнулъ Захара.

Захаръ притворился, что не слышитъ, и сталъ-было потихоньку выбираться на кухню. Онъ ужъ отворилъ безъ скрипу дверь, да не попалъ бокомъ въ одну половинку и плечомъ такъ задѣлъ за другую, что обѣ половинки распахнулись съ грохотомъ.

— Захаръ!—повелительно закричалъ Обломовъ.

— Чего вамъ?—изъ передней отозвался Захаръ.

— Поди сюда!—сказалъ Илья Ильичъ.

— Подать, что ли, что? Такъ говорите, я подамъ!—отвѣтилъ онъ.

— Поди сюда! — разстановисто и настойчиво произнесъ Обломовъ.

— Ахъ, смерть нейдетъ! — прохрипѣлъ Захаръ, влѣзая въ комнату.—Ну, чего вамъ?—спросилъ онъ, увязнувъ въ дверяхъ.

— Подойди сюда! — торжественно-таинственнымъ голосомъ говорилъ Обломовъ, указывая Захару куда стать, и указалъ такъ близко, что почти пришлось бы ему сѣсть на колѣни барину.

— Куда я туда подойду? Тамъ тѣсно, я и отсюда слышу,—отговаривался Захаръ, остановясь упрямо у дверей.

— Подойди, тебѣ говорятъ!—грозно произнесъ Обломовъ.

Захаръ сдѣлалъ шагъ и сталъ, какъ монументъ, глядя въ окно на бродившихъ куръ, и подставляя барину, какъ щетку, бакенбарду. Илья Ильичъ въ одинъ часъ отъ волненія измѣнился, будто осунулся въ лицѣ, глаза бѣгали безпокойно.

«Ну, будетъ теперь!» подумалъ Захаръ, дѣлаясь мрачнѣе и мрачнѣе.

— Какъ ты могъ сдѣлать такой несообразный вопросъ барину?—спросилъ Обломовъ.

«Вона, пошелъ!» думалъ Захаръ, крупно мигая, въ тоскливомъ ожиданіи «жалкихъ словъ».

— Я тебя спрашиваю, какъ ты могъ забрать такую нелѣпость себѣ въ голову?—повторилъ Обломовъ.

Захаръ молчалъ.

— Слышишь, Захаръ? Зачѣмъ ты позволяешь себѣ не только думать, даже говорить?..

— Позвольте, Илья Ильичъ, я лучше Анисью позову...— отвѣчалъ Захаръ и шагнулъ-было къ двери.

— Я хочу съ тобой говорить, а не съ Анисьей,—возразилъ Обломовъ.—Зачѣмъ ты выдумалъ такую нелѣпость?

— Я не выдумывалъ,—сказалъ Захаръ:—Ильинскіе люди сказывали.

— А имъ кто сказывалъ?

— Я почемъ знаю! Катя сказала Семену, Семенъ Никитѣ, Никита Василисѣ, Василиса Анисьѣ, а Анисья мнѣ...— говорилъ Захаръ.

— Господи, Господи! Всѣ!— съ ужасомъ произнесъ Обломовъ.— Все это вздоръ, нелѣпость, ложь, клевета — слышишь ли ты?— постучавъ кулакомъ объ столъ, сказалъ Обломовъ.—Этого быть не можетъ!

— Отчего не можетъ быть? равнодушно перебилъ За-

харъ.—Дѣло обыкновѣнное—свадьба! Не вы одни, всѣ женятся.

— Всѣ!—сказалъ Обломовъ.—Ты мастеръ равнять меня съ другими, да со всѣми! Это быть не можетъ! И нѣтъ, и не было! Свадьба—обыкновенное дѣло: слышите? Что̀ такое свадьба?

Захаръ взглянулъ-было на Обломова, да увидалъ яростно-устремленные на него глаза и тотчасъ перенесъ взглядъ направо, въ уголъ.

— Слушай, я тебѣ̀ объясню, что̀ это такое. «Свадьба, свадьба», начнутъ говорить праздные люди, разныя женщины, дѣти, по лакейскимъ, по магазинамъ, по рынкамъ. Человѣкъ перестаетъ называться Ильей Ильичемъ, или Петромъ Петровичемъ, а называется «женихъ». Вчера на него никто и смотрѣть не хотѣлъ, а завтра всѣ глаза пучатъ, какъ на шельму какую-нибудь. Ни въ театрѣ, ни на улицѣ прохода не дадутъ. «Вотъ, вотъ женихъ!» шепчутъ всѣ. А сколько человѣкъ подойдетъ къ нему въ день, всякій норовитъ сдѣлать рожу поглупѣе, вотъ какъ у тебя теперь! (Захаръ быстро перенесъ взглядъ опять на дворъ) и сказать что̀-нибудь понелѣпѣе,—продолжалъ Обломовъ.—Вотъ оно, какое начало! А ты ѣзди каждый день, какъ окаянный, съ утра къ невѣстѣ, да все въ палевыхъ перчаткахъ, чтобъ у тебя платье съ иголочки было, чтобъ ты не глядѣлъ скучно, чтобъ не ѣлъ, не пилъ, какъ слѣдуетъ, обстоятельно, а такъ, вѣтромъ бы жилъ, да букетами! Это мѣсяца три, четыре! Видишь? Такъ какъ же я-то могу?

Обломовъ остановился и посмотрѣлъ, дѣйствуетъ ли на Захара это изображеніе неудобствъ женитьбы.

— Идти, что̀ ли, мнѣ?—спросилъ Захаръ, оборачиваясь къ двери.

— Нѣтъ, ты постой! Ты мастеръ распускать фальшивые слухи, такъ узнай, почему они фальшивые.

— Что мнѣ узнавать? — говорилъ Захаръ, осматривая стѣны комнаты.

— Ты забылъ, сколько бѣготни, суматохи и у жениха, и у невѣсты. А кто у меня, ты, что ли, будешь бѣгать по портнымъ, по сапожникамъ, къ мебельщику? Одинъ я не разорвусь на всѣ стороны. Всѣ въ городѣ узнаютъ. «Обломовъ женится — вы слышали?» — «Ужели? На комъ? Кто такая? Когда свадьба?»—говорилъ Обломовъ разными голосами. — Только и разговора! Да я измучусь, слягу отъ одного этого, а ты выдумалъ: свадьба!

Онъ опять взглянулъ на Захара.

— Позвать, что ли, Анисью?—спросилъ Захаръ.

— Зачѣмъ Анисью? Ты, а не Анисья, допустилъ это необдуманное предположеніе.

— Ну, за что это наказалъ меня Господь сегодня?—прошепталъ Захаръ, вздохнувъ такъ, что у него приподнялись даже плечи.

— А издержки какія?—продолжалъ Обломовъ.—А деньги гдѣ? Ты видѣлъ, сколько у меня денегъ? — почти грозно спросилъ Обломовъ. — А квартира гдѣ? Здѣсь надо тысячу рублей заплатить, да нанять другую, три тысячи дать, да на отдѣлку сколько! А тамъ экипажъ, поваръ, на прожитокъ! Гдѣ я возьму?

— Какъ же съ тремястами душъ женятся другіе?—возразилъ Захаръ, да и самъ раскаялся, потому что баринъ почти вскочилъ съ кресла, такъ и припрыгнулъ на немъ.

— Ты опять «другіе»? Смотри!—сказалъ онъ, погрозивъ пальцемъ. — Другіе въ двухъ, много въ трехъ комнатахъ живутъ: и столовая, и гостиная — все тутъ: а иные и спятъ тутъ же: дѣти рядомъ: одна тѣвка на весь домъ служитъ. Сама барыня на рынокъ ходитъ! А Ольга Сергѣевна пойдетъ на рынокъ?

— На рынокъ-то и я схожу,—замѣтилъ Захаръ.

— Ты знаешь, сколько доходу съ Обломовки получаемъ?

спрашивалъ Обломовъ. — Слышишь, что̀ староста пишетъ? доходу «тысящи яко двѣ поменѣ!» А тутъ дорогу надо строить, школы заводить, въ Обломовку ѣхать; тамъ негдѣ жить, дома еще нѣтъ... Какая же свадьба? Что̀ ты выдумалъ?

Обломовъ остановился. Онъ самъ пришелъ въ ужасъ отъ этой грозной, безотрадной перспективы. Розы, померанцевые цвѣты, блистанье праздника, шопотъ удивленія въ толпѣ—все вдругъ померкло.

Онъ измѣнился въ лицѣ и задумался. Потомъ понемногу пришелъ въ себя, оглянулся и увидѣлъ Захара.

— Что̀ ты?—спросилъ онъ угрюмо.

— Вѣдь вы велѣли стоять!—сказалъ Захаръ.

— Поди!—съ нетерпѣніемъ махнулъ ему Обломовъ.

Захаръ быстро шагнулъ въ двери.

— Нѣтъ, постой!—вдругъ остановилъ Обломовъ.

— То поди, то постой!—ворчалъ Захаръ, придерживаясь рукой за дверь.

— Какъ же ты смѣлъ распускать про меня такіе, ни съ чѣмъ не сообразные слухи? — встревоженнымъ шопотомъ спрашивалъ Обломовъ.

— Когда же я, Илья Ильичъ, распускалъ? Это не я, а люди Ильинскіе сказывали, что баринъ, дескать, сватался...

— Цссс...— зашипѣлъ Обломовъ, грозно махая рукой: — ни слова, никогда! Слышишь?

— Слышу,—робко отвѣчалъ Захаръ.

— Не станешь распространять этой нелѣпости?

— Не стану, — тихо отвѣчалъ Захаръ, не понявъ половины словъ и зная только, что они «жалкія».

— Смотри же, чуть услышишь, заговорятъ объ этомъ, спросятъ—скажи: это вздоръ, никогда не было и быть не можетъ!—шопотомъ добавилъ Обломовъ.

— Слушаю,—чуть-слышно прошепталъ Захаръ.

Обломовъ оглянулся и погрозилъ ему пальцемъ. Захаръ

мигалъ испуганными глазами и на цыпочкахъ уходилъ-было къ двери.

— Кто первый сказалъ объ этомъ? — догнавъ, спросилъ его Обломовъ.

— Катя сказала Семену, Семенъ Никитѣ,—шепталъ Захаръ:—Никита Василисѣ...

— А ты всѣмъ разболталъ! Я тебя! — грозно шипѣлъ Обломовъ:—распускать клевету про барина! А!

— Что вы томите меня жалкими-то словами? — сказалъ Захаръ:—я позову Анисью: она все знаетъ...

— Что она знаетъ? Говори, говори сейчасъ!..

Захаръ мгновенно выбрался изъ двери и съ необычайной быстротой шагнулъ въ кухню.

— Брось сковороду, пошла къ барину! — сказалъ онъ Анисьѣ, указавъ ей большимъ пальцемъ на дверь. Анисья передала сковороду Акулинѣ, выдернула изъ-за пояса подолъ, ударила ладонями по бедрамъ и, утеревъ указательнымъ пальцемъ носъ, пошла къ барину. Она въ пять минутъ успокоила Илью Ильича, сказавъ ему, что никто о свадьбѣ ничего не говорилъ: вотъ побожиться не грѣхъ и даже образъ со стѣны снять, и что она въ первый разъ объ этомъ слышитъ; говорили, напротивъ, совсѣмъ другое, что баронъ, слышь, сватался за барышню...

— Какъ баронъ!—вскочивъ вдругъ, спросилъ Илья Ильичъ, и у него поледенѣло не только сердце, но руки и ноги.

— И это вздоръ!—поспѣшила сказать Анисья, видя, что она изъ огня попала въ полымя:—это Катя только Семену сказала, Семенъ Марѳѣ, Марѳа переврала все Никитѣ, а Никита, сказалъ, что «хорошо, если бъ вашъ баринъ, Илья Ильичъ, посватался барышню...»

— Какой дуракъ этотъ Никита!—замѣтилъ Обломовъ.

— Точно что дуракъ,—подтвердила Анисья:—онъ и за каретой когда ѣдетъ, такъ словно спитъ. Да и Василиса не повѣрила, — скороговоркой продолжала она: — она еще

въ Успеньевъ-день говорила ей, а Василисѣ разсказывала сама няня, что барышня и не думаетъ выходить замужъ, что статочное ли дѣло, чтобъ вашъ баринъ давно не нашелъ себѣ невѣсты, кабы захотѣлъ жениться, и что еще недавно она видѣла Самойлу, такъ тотъ даже смѣялся этому: какая дескать свадьба? И на свадьбу не похоже, а скорѣе на похороны, что у тетеньки все головка болитъ, а барышня плачутъ да молчатъ; да въ домѣ и приданаго не готовятъ; у барышни чулковъ пропасть нештопанныхъ, и тѣ не соберутся заштопать; что на той недѣлѣ даже заложили серебро...

«Заложили серебро? И у нихъ денегъ нѣтъ!» подумалъ Обломовъ, съ ужасомъ поводя глазами по стѣнамъ и останавливая ихъ на носу Анисьи, потому что на другомъ остановить ихъ было не на чемъ. Она какъ будто и говорила все это не ртомъ, а носомъ.

— Смотри же, не болтать пустяковъ! — замѣтилъ Обломовъ, грозя ей пальцемъ.

— Какое болтать! Я и въ мысляхъ не думаю, не токмо что болтать,—трещала Анисья, какъ будто лучину щепала:— да ничего и нѣтъ, въ первый разъ слышу сегодня, вотъ передъ Господомъ Богомъ, сквозь землю провалиться! Удивилась, какъ баринъ молвилъ мнѣ, испугалась, даже затряслась вся! Какъ это можно? Какая свадьба? Никому и во снѣ не грезилось. Я ни съ кѣмъ ничего не говорю, все на кухнѣ сижу. Съ Ильинскими людьми не видалась съ мѣсяцъ, забыла какъ ихъ и зовутъ. А здѣсь съ кѣмъ болтать? Съ хозяйкой только и разговору, что о хозяйствѣ; съ бабушкой говорить нельзя: та кашляетъ, да и на ухо крѣпка; Акулина дура набитая, а дворникъ пьяница; остаются ребятишки только: съ тѣми что говорить? Да я и барышню въ лицо забыла...

— Ну, ну, ну! — говорилъ Обломовъ, съ нетерпѣніемъ махнувъ рукой, чтобъ она шла.

— На дачѣ же такія письма отъ нея носили. — твердилъ свое Захаръ.

«Здорова ли она? Что это значитъ?» думалъ Обломовъ, распечатывая письмо.

«Не хочу ждать среды (писала Ольга): мнѣ такъ скучно не видаться подолгу съ вами, что я завтра непремѣнно жду васъ въ три часа въ Лѣтнемъ Саду».

И только.

Опять поднялась-было тревога со дна души, опять онъ началъ метаться отъ безпокойства, какъ говорить съ Ольгой, какое лицо сдѣлать ей.

— Не умѣю, не могу, — говорилъ онъ. — Поди, узнай у Штольца.

Но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что, вѣроятно, она пріѣдетъ съ теткой, или съ другой дамой — съ Марьей Семеновной, напримѣръ, которая такъ ее любитъ, не налюбуется на нее. При нихъ онъ кое-какъ надѣялся скрыть свое замѣшательство и готовился быть разговорчивымъ и любезнымъ.

«И въ самый обѣдъ: нашла время!» думалъ онъ, направляясь, не очень лѣниво, къ Лѣтнему Саду.

Лишь только онъ вошелъ въ длинную аллею, онъ видѣлъ, какъ съ одной скамьи встала и пошла къ нему навстрѣчу женщина подъ вуалью.

Онъ никакъ не принялъ ея за Ольгу: одна! быть не можетъ! Не рѣшится она, да и нѣтъ предлога уйти изъ дому.

[illegible] походка какъ будто ея: такъ легко и быстро [illegible] какъ будто не переступаютъ, а движутся; [illegible] немного впередъ шея и голова, точно [illegible] глазами подъ ногами у себя.

[illegible] по платью, замѣтилъ, но онъ [illegible] утро, никогда не могъ потомъ [illegible] была платьѣ и шляпкѣ.

Въ саду почти никого нѣтъ; какой-то пожилой господинъ ходитъ проворно: очевидно, дѣлаетъ моціонъ для здоровья, да двѣ... не дамы, а женщины, нянька съ двумя озябшими, до синевы въ лицѣ, дѣтьми.

Листья облетѣли, видно все насквозь; вороны на деревьяхъ кричатъ такъ непріятно. Впрочемъ, ясно, день хорошъ, и если закутаться хорошенько, такъ и тепло.

Женщина подъ вуалью ближе, ближе...

— Она!—сказалъ Обломовъ и остановился въ страхѣ, не вѣря глазамъ.

— Какъ, ты? Что ты?—спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Какъ я рада, что ты пришелъ, — говорила она, не отвѣчая на его вопросъ: — я думала, что ты не придешь, начинала бояться!

— Какъ ты сюда, какимъ образомъ? — спрашивалъ онъ, растерявшись.

— Оставь; что за дѣло, что за разспросы? Это скучно! Я хотѣла видѣть тебя и пришла—вотъ и все!

Она крѣпко пожимала ему руку и весело, беззаботно смотрѣла на него, такъ явно и открыто наслаждаясь украденнымъ у судьбы мгновеніемъ, что ему даже завидно стало, что онъ не раздѣляетъ ея игриваго настроенія. Какъ, однакожъ, ни былъ онъ озабоченъ, но не могъ не забыться на минуту, увидя лицо ея, лишенное той сосредоточенной мысли, которая играла ея бровями, вливалась въ складку на лбу; теперь она являлась безъ этой, не разъ смущавшей его чудной зрѣлости въ чертахъ.

Въ эти минуты лицо ея дышало такою дѣтскою довѣрчивостью къ судьбѣ, къ счастью, къ нему... Она была очень мила.

— Ахъ, какъ я рада! Какъ я рада!—твердила она, улыбаясь и глядя на него.— Я думала, что не увижу тебя сегодня. Мнѣ вчера такая тоска вдругъ сдѣлалась—не знаю, отчего, и я написала. Ты радъ?

Она заглянула ему въ лицо.

— Что ты такой нахмуренный сегодня? Молчишь? Ты не радъ? Я думала, ты съ ума сойдешь отъ радости, а онъ точно спитъ. Проснитесь, сударь, съ вами Ольга.

Она, съ упрекомъ, слегка оттолкнула его отъ себя.

— Ты нездоровъ? Что съ тобой?—приставала она.

— Нѣтъ, я здоровъ и счастливъ, — поспѣшилъ онъ сказать, чтобъ только дѣло не доходило до добыванья тайнъ у него изъ души.— Я вотъ только тревожусь, какъ ты одна...

— Это ужъ моя забота,—сказала она съ нетерпѣніемъ.— Лучше развѣ, если бъ я съ ma tante пріѣхала?

— Лучше, Ольга...

— Если бъ я знала, я бы попросила ее,—перебила обиженнымъ голосомъ Ольга, выпуская его руку изъ своей.— Я думала, что для тебя нѣтъ больше счастья, какъ побыть со мной.

— И нѣтъ, и быть не можетъ! — возразилъ Обломовъ.— Да какъ же ты одна...

— Нечего долго и разговаривать объ этомъ; поговоримъ лучше о другомъ,—беззаботно сказала она.

— Послушай... Ахъ, что-то я хотѣла сказать, да забыла...

— Не о томъ ли, какъ ты одна пришла сюда?— заговорилъ онъ, оглядываясь безпокойно по сторонамъ.

— Ахъ нѣтъ! Ты все свое! Какъ не надоѣстъ! Что такое я хотѣла сказать?.. Ну, все равно, послѣ вспомню. Ахъ, какъ здѣсь хорошо: листья всѣ упали, feuilles d'automne— помнишь Гюго? Тамъ вонъ солнце, Нева... Пойдемъ къ Невѣ, покатаемся въ лодкѣ...

— Что ты? Богъ съ тобой! Этакой холодъ, а я только въ ваточной шинели...

— Я тоже въ ваточномъ платьѣ. Что за нужда. Пойдемъ, пойдемъ.

Она бѣжала, тащила и его. Онъ упирался и ворчалъ. Однакожъ, надо было сѣсть въ лодку и поѣхать.

— Какъ ты это одна попала сюда?— твердилъ тревожно Обломовъ.

— Сказать какъ?— лукаво дразнила она, когда они выѣхали на средину рѣки. — Теперь можно: ты не уйдешь отсюда, а тамъ убѣжалъ бы...

— А что?—со страхомъ заговорилъ онъ.

— Завтра придешь къ намъ?— вмѣсто отвѣта спросила она.

«Ахъ, Боже мой!» подумалъ Обломовъ. «Она какъ будто въ мысляхъ прочла у меня, что я не хотѣлъ приходить».

— Приду,—отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Съ утра, на цѣлый день.

Онъ замялся.

— Ну, такъ не скажу,—сказала она.

— Приду на цѣлый день.

— Вотъ видишь... — начала она серьезно: — я затѣмъ звала тебя сегодня сюда, чтобъ сказать тебѣ...

— Что?—съ испугомъ спросилъ онъ.

— Чтобъ ты... завтра пришелъ къ намъ...

— Ахъ ты, Боже мой!—съ нетерпѣніемъ перебилъ онъ.— Да какъ ты сюда-то попала?

— Сюда?—разсѣянно повторила она.— Какъ я сюда попала? Да вотъ такъ, пришла... Постой... да что объ этомъ говорить!

Она зачерпнула горстью воды и брызнула ему въ лицо. Онъ зажмурился, вздрогнулъ, а она засмѣялась.

— Какая холодная вода, совсѣмъ рука оледенѣла! Боже мой! Какъ весело, какъ хорошо!— продолжала она, глядя по сторонамъ. — Поѣдемъ завтра опять, только ужъ прямо изъ дома...

— А теперь развѣ не прямо? Откуда же ты?—торопливо спросилъ онъ.

— Изъ магазина,—отвѣчала она.

— Изъ какого магазина?

— Какъ изъ какого? Я еще въ саду сказала, изъ какого...

— Да нѣтъ, не сказала...—съ нетерпѣніемъ говорилъ онъ.

— Не сказала! Какъ странно! Забыла! Я пошла изъ дома съ человѣкомъ, къ золотыхъ дѣлъ мастеру...

— Ну?

— Ну, вотъ... Какая это церковь?—вдругъ спросила она у лодочника, указывая вдаль.

— Которая? Вонъ эта-то?—переспросилъ лодочникъ.

— Смольный! — нетерпѣливо сказалъ Обломовъ. — Ну, что жъ, въ магазинъ пошла, а тамъ?

— Тамъ... славныя вещи... Ахъ, какой браслетъ я видѣла!

— Не о браслетѣ рѣчь! — перебилъ Обломовъ: — что жъ потомъ?

— Ну, и только,—разсѣянно добавила она и зорко оглядывала мѣстность вокругъ.

— Гдѣ же человѣкъ?—приставалъ Обломовъ.

— Домой пошелъ, — едва отвѣчала она, вглядываясь въ зданія противоположнаго берега.

— А ты какъ?—говорилъ онъ.

— Какъ тамъ хорошо! Нельзя ли туда? — спросила она, указывая зонтикомъ на противоположную сторону. — Вѣдь ты тамъ живешь!

— Да.

— Въ какой улицѣ, покажи.

— Какъ же человѣкъ-то?—спрашивалъ Обломовъ.

— Такъ, — небрежно отвѣчала она: — я послала его за браслетомъ. Онъ ушелъ домой, а я сюда.

— Какъ же ты такъ? — сказалъ Обломовъ, тараща на нее глаза.

Онъ сдѣлалъ испуганное лицо. И она сдѣлала нарочно такое же.

— Говори серьезно, Ольга; полно шутить.

— Я не шучу, право такъ! — сказала она покойно. — Я нарочно забыла дома браслетъ, а ma tante просила меня сходить въ магазинъ. Ты ни за что не выдумаешь этого! — прибавила она съ гордостью, какъ будто дѣло сдѣлала.

— А если человѣкъ воротится?—спросилъ онъ.

— Я велѣла сказать, чтобъ подождалъ меня, что я въ другой магазинъ пошла, а сама сюда...

— А если Марья Михайловна спроситъ, въ какой другой магазинъ пошла?

— Скажу, у портнихи была.

— А если она у портнихи спроситъ?

— А если Нева вдругъ вся утечетъ въ море, а если лодка перевернется, а если Морская и нашъ домъ провалятся, а если ты вдругъ разлюбишь меня... — говорила она и опять брызнула ему въ лицо.

— Вѣдь человѣкъ ужъ воротился, ждетъ...—говорилъ онъ, утирая лицо.—Эй, лодочникъ, къ берегу!

— Не надо, не надо!—приказывала она лодочнику.

— Къ берегу! человѣкъ ужъ воротился,—твердилъ Обломовъ.

— Пусть его! Не надо!

Но Обломовъ настоялъ на своемъ и торопливо пошелъ съ нею по саду, а она, напротивъ, шла тихо, опираясь ему на руку.

— Что ты спѣшишь?—говорила она.—Погоди, мнѣ хочется побыть съ тобой.

Она шла еще тише, прижималась къ его плечу и близко взглядывала ему въ лицо, а онъ говорилъ ей тяжело и скучно объ обязанностяхъ, о долгѣ. Она слушала разсѣянно, съ томной улыбкой, склонивъ голову, глядя внизъ, или опять близко ему въ лицо, и думала о другомъ.

— Послушай, Ольга, — заговорилъ онъ наконецъ торжественно: — подъ опасеніемъ возбудить въ тебѣ досаду, навлечь на себя упреки, я долженъ, однакожъ, рѣшительно

сказать, что мы зашли далеко. Мой долгъ, моя обязанность сказать тебѣ это.

— Что̀ сказать?—спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Что мы дѣлаемъ очень дурно, что видимся тайкомъ.

— Ты говорилъ это еще на дачѣ,—сказала она въ раздумьѣ.

— Да, но я тогда увлекался: одной рукой отталкивалъ, а другой удерживалъ. Ты была довѣрчива, а я... какъ будто... обманывалъ тебя. Тогда было еще ново чувство...

— А теперь ужъ оно не новость, и ты начинаешь скучать...

— Ахъ, нѣтъ, Ольга! Ты несправедлива. Ново, говорю я, и потому нѣкогда, невозможно было образумиться. Меня убиваетъ совѣсть: ты молода, мало знаешь свѣтъ и людей, и притомъ ты такъ чиста, такъ свято любишь, что тебѣ и въ голову не приходитъ, какому строгому порицанію подвергаемся мы оба за то, что̀ дѣлаемъ—больше всего я.

— Что̀ же мы дѣлаемъ?—остановившись, спросила она.

— Какъ что̀? Ты обманываешь тетку, тайкомъ уходишь изъ дому, видишься наединѣ съ мужчиной... Попробуй сказать это все въ воскресенье, при гостяхъ...

— Отчего же не сказать?—произнесла она покойно.—Пожалуй, скажу...

— И увидишь,—продолжалъ онъ:—что теткѣ твоей сдѣлается дурно, дамы бросятся вонъ, а мужчины лукаво и смѣло посмотрятъ на тебя...

Она задумалась.

— Но вѣдь мы—женихъ и невѣста!—возразила она.

— Да, да, милая Ольга,—говорилъ онъ, пожимая ей обѣ руки:—и тѣмъ строже намъ надо быть, тѣмъ осмотрительнѣе на каждомъ шагу. Я хочу съ гордостью вести тебя подъ руку по этой самой аллеѣ, всенародно, а не тайкомъ, чтобъ взгляды склонялись передъ тобой съ уваженіемъ, а не устремлялись на тебя смѣло и лукаво, чтобъ ни въ чьей головѣ

не смѣло родиться подозрѣніе, что ты, гордая дѣвушка, могла очертя голову, забывъ стыдъ и воспитаніе, увлечься и нарушить долгъ...

— Я не забыла ни стыда, ни воспитанія, ни долга, — гордо отвѣтила она, отнявъ руку отъ него.

— Знаю, знаю, мой невинный ангелъ, но это не я говорю, это скажутъ люди, свѣтъ, и никогда не простятъ тебѣ этого. Пойми, ради Бога, чего я хочу. Я хочу, чтобъ ты и въ глазахъ свѣта была чиста и безукоризненна, какова ты въ самомъ дѣлѣ...

Она шла задумавшись.

— Пойми, для чего я говорю тебѣ это: ты будешь несчастлива, и на меня одного ляжетъ отвѣтственность въ этомъ. Скажутъ, я увлекалъ, закрывалъ отъ тебя пропасть съ умысломъ. Ты чиста и покойна со мной, но кого ты увѣришь въ этомъ? Кто повѣритъ?

— Это правда,—вздрогнувъ, сказала она.—Слушай же,— прибавила рѣшительно: — скажемъ все ma tante, и пусть она завтра благословитъ насъ...

Обломовъ поблѣднѣлъ.

— Что ты?—спросила она.

— Погоди, Ольга: къ чему такъ торопиться?..—поспѣшно прибавилъ онъ.

У самого дрожали губы.

— Не ты ли, двѣ недѣли назадъ, самъ торопилъ меня?— спросила она, глядя сухо и внимательно на него.

— Да, я не подумалъ тогда о приготовленіяхъ, а ихъ много!—сказалъ онъ, вздохнувъ.—Дождемся только письма изъ деревни.

— Зачѣмъ же дожидаться письма? Развѣ тотъ или другой отвѣтъ можетъ измѣнить твое намѣреніе?—спросила она, еще внимательнѣе глядя на него.

— Вотъ мысль! Нѣтъ; а все нужно для соображеній; надо же будетъ сказать теткѣ, когда свадьба. Съ ней мы не о

любви будемъ говорить, а о такихъ дѣлахъ, для ко[illegible]хъ я вовсе не приготовленъ теперь.

— Тогда и скажемъ, какъ получишь письмо, а между тѣмъ всѣ будутъ знать, что мы женихъ и невѣста, и мы будемъ видѣться ежедневно. Мнѣ скучно,—прибавила она:— я томлюсь этими длинными днями; всѣ замѣчаютъ, ко мнѣ пристаютъ, намекаютъ лукаво на тебя... Все это мнѣ надоѣло!

— Намекаютъ на меня?—едва выговорилъ Обломовъ.

— Да, по милости Сонички.

— Вотъ видишь, видишь? Ты не слушала меня, разсердилась тогда!

— Ну, что видишь? Ничего не вижу, вижу только, что ты трусъ... Я не боюсь этихъ намековъ.

— Не трусъ, а остороженъ... Но, пойдемъ, ради Бога, отсюда, Ольга: смотри, вонъ карета подъѣзжаетъ. Не знакомые ли? Ахъ! Такъ въ потъ и бросаетъ... Пойдемъ, пойдемъ...—боязливо говорилъ онъ и заразилъ страхомъ и ее.

— Да, пойдемъ скорѣе,—сказала и она шопотомъ, скороговоркой.

И они почти побѣжали по аллеѣ до конца сада, не говоря ни слова, Обломовъ, оглядываясь безпокойно во всѣ стороны, а она, совсѣмъ склонивъ голову внизъ и закрывшись вуалью.

— Такъ завтра! — сказала она, когда они были у того магазина, гдѣ ждалъ ее человѣкъ.

— Нѣтъ, лучше послѣзавтра... или нѣтъ, въ пятницу, или субботу,—отвѣчалъ онъ.

— Отчего жъ?

— Да... видишь, Ольга... я все думаю, не подоспѣетъ ли письмо?

— Пожалуй. Но завтра такъ приди, къ обѣду, слышишь?

— Да, да, хорошо, хорошо! — торопливо прибавилъ онъ, а она вошла въ магазинъ.

«Ахъ, Боже мой, до чего дошло! Какой камень вдругъ упалъ на меня! Что я теперь стану дѣлать? Соничка! Захаръ! франты...»

VI.

Онъ не замѣтилъ, что Захаръ подалъ ему совсѣмъ холодный обѣдъ, не замѣтилъ, какъ послѣ того очутился въ постели и заснулъ крѣпкимъ, какъ камень, сномъ.

На другой день онъ содрогнулся при мысли ѣхать къ Ольгѣ: какъ можно! Онъ живо представилъ себѣ какъ на него всѣ станутъ смотрѣть значительно.

Швейцаръ и безъ того встрѣчаетъ его какъ-то особенно ласково. Семенъ такъ и бросается, сломя голову, когда онъ спроситъ стаканъ воды. Катя, няня провожаютъ его дружелюбной улыбкой.

«Женихъ, женихъ!» написано у всѣхъ на лбу, а онъ еще не просилъ согласія тетки, у него ни гроша денегъ нѣтъ, и онъ не знаетъ, когда будутъ, не знаетъ даже, сколько онъ получитъ дохода съ деревни въ нынѣшнемъ году; дома въ деревнѣ нѣтъ—хорошъ женихъ!

Онъ рѣшилъ, что до полученія положительныхъ извѣстій изъ деревни онъ будетъ видѣться съ Ольгой только въ воскресенье, при свидѣтеляхъ. Поэтому, когда пришло завтра, онъ не подумалъ съ утра начать готовиться ѣхать къ Ольгѣ.

Онъ не брился, не одѣвался, лѣниво перелистывалъ французскія газеты, взятыя на той недѣлѣ у Ильинскихъ, не смотрѣлъ безпрестанно на часы и не хмурился, что стрѣлка долго не подвигается впередъ.

Захаръ и Анисья думали, что онъ, по обыкновенію, не будетъ обѣдать дома, и не спрашивали его, что готовить.

Онъ ихъ разбранилъ, объявивъ, что онъ совсѣмъ не всякую среду обѣдалъ у Ильинскихъ, что это «клевета», что обѣдалъ онъ у Ивана Герасимовича, и что впередъ, кромѣ

развѣ воскресенья, и то не каждаго, будетъ обѣдать дома.

Анисья опрометью побѣжала на рынокъ за потрохами для любимаго супа Обломова.

Приходили хозяйскія дѣти къ нему: онъ повѣрилъ сложеніе и вычитаніе у Вани и нашелъ двѣ ошибки. Машѣ налиневалъ тетрадь и написалъ большіе азы, потомъ слушалъ какъ трещатъ канарейки, и смотрѣлъ въ полуотворенную дверь какъ мелькали и двигались локти хозяйки.

Часу во второмъ хозяйка изъ-за двери спросила, не хочетъ ли онъ закусить: у нихъ пекли ватрушки. Подали ватрушки и рюмку смородиновой водки.

Волненіе Ильи Ильича немного успокоилось и на него нашла только тупая задумчивость, въ которой онъ пробылъ почти до обѣда.

Послѣ обѣда, лишь только-было онъ, лежа на диванѣ, началъ кивать головой, одолѣваемый дремотой, дверь изъ хозяйской половины отворилась и оттуда появилась Агаѳья Матвѣевна, съ двумя пирамидами чулокъ въ обѣихъ рукахъ.

Она положила ихъ на два стула, а Обломовъ вскочилъ и предложилъ ей самой третій, но она не сѣла; это было не въ ея привычкахъ: она вѣчно на ногахъ, вѣчно въ заботѣ и въ движеніи.

— Вотъ я разобрала сегодня ваши чулки,—сказала она: — пятьдесятъ-пять паръ, да почти все худые...

— Какія же вы добрыя! — говорилъ Обломовъ, подходя къ ней и взявъ ее шутливо слегка за локти.

Она усмѣхнулась.

— Что вы безпокоитесь? Мнѣ, право, совѣстно.

— Ничего, наше дѣло хозяйское: у васъ нѣкому разбирать, а мнѣ въ охоту, — продолжала она. — Вотъ тутъ двадцать паръ совсѣмъ не годятся: ихъ ужъ и штопать не стоитъ.

— Не надо, бросьте всѣ, пожалуйста! что вы занимаетесь этой дрянью. Можно новые купить...

— Какъ бросить, зачѣмъ? Вотъ эти можно всѣ надвязать,—и она начала живо отсчитывать чулки.

— Да сядьте, пожалуйста; что вы стоите? — предлагалъ онъ ей.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю, нѣкогда покладывать-ся, — отвѣчала она, уклоняясь опять отъ стула. — Сегодня стирка у насъ; надо все бѣлье приготовить.

— Вы чудо, а не хозяйка!—говорилъ онъ, останавливая глаза на ея горлѣ и на груди.

Она усмѣхнулась.

— Такъ какъ же,— спросила она: — надвязать чулки-то? Я бумаги и нитокъ закажу. Намъ старуха изъ деревни носитъ, а здѣсь не стоитъ покупать: все гниль.

— Если вы такъ добры, сдѣлайте одолженіе, — говорилъ Обломовъ: — только мнѣ, право, совѣстно, что вы хлопочете.

— Ничего; что намъ дѣлать-то? Вотъ это я сама надвяжу, эти бабушкѣ дамъ; завтра золовка придетъ гостить: по вечерамъ нѣчего будетъ дѣлать и надвяжемъ. У меня Маша ужъ начинаетъ вязать, только спицы все выдергиваетъ: большія, не по рукамъ.

— Ужели и Маша привыкаетъ? — спросилъ Обломовъ.

— Ей-Богу, правда.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ,— говорилъ Обломовъ, глядя на нее съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ утромъ смотрѣлъ на горячую ватрушку.—Очень, очень благодаренъ вамъ и въ долгу не останусь, особенно у Маши: шелковыхъ платьевъ накуплю ей, какъ куколку одѣну.

— Что вы? Что за благодарность? Куда ей шелковыя платья? Ей и ситцевыхъ не напасешься; такъ вотъ на ней все и горитъ, особенно башмаки: не успѣваемъ на рынкѣ покупать.

Она встала и взяла чулки.

— Куда жъ вы торопитесь? — говорилъ онъ.— Посидите, я не занятъ.

— Въ другое время когда-нибудь, въ праздникъ; и вы къ намъ, милости просимъ, кофе кушать. А теперь стирка: я пойду посмотрю, что̀ Акулина, начала ли?..

— Ну, Богъ съ вами, не смѣю задерживать, — сказалъ Обломовъ, глядя ей вслѣдъ въ спину и на локти.

— Еще я халатъ вашъ достала изъ чулана, — продолжала она: — его можно починить и вымыть: матерія такая славная! Онъ долго прослужитъ.

— Напрасно! Я его не ношу больше, я отсталъ, онъ мнѣ не нуженъ.

— Ну, все равно, пусть вымоютъ: можетъ-быть надѣнете когда-нибудь... къ свадьбѣ! — досказала она, усмѣхаясь и захлопывая дверь.

У него вдругъ и сонъ отлетѣлъ, и уши навострились, и глаза онъ вытаращилъ.

— И она знаетъ—всѣ!—сказалъ онъ, опускаясь на приготовленный ей стулъ.—О, Захаръ, Захаръ!

Опять полились на Захара «жалкія» слова, опять Анисья заговорила носомъ, что «она въ первый разъ отъ хозяйки слышитъ о свадьбѣ, что, въ разговорахъ съ ней, даже помину не было, да и свадьбы нѣтъ, и статочное ли дѣло? Это выдумалъ, должно-быть, врагъ рода человѣческаго, хоть сейчасъ сквозь землю провалиться, и что хозяйка тоже готова снять образъ со стѣны, что она про Ильинскую барышню и не слыхивала, а разумѣла какую-нибудь другую невѣсту...»

И много говорила Анисья, такъ что Илья Ильичъ замахалъ рукой. Захаръ попробовалъ-было на другой день попроситься въ старый домъ, въ Гороховую, въ гости сходить, такъ Обломовъ такихъ гостей задалъ ему, что онъ насилу ноги унесъ.

— Тамъ еще не знаютъ, такъ надо распустить клевету. Дома сиди!—прибавилъ Обломовъ грозно.

Прошла среда. Въ четвергъ Обломовъ получилъ опять по городской почтѣ письмо отъ Ольги, съ вопросомъ, что̀ значитъ, что̀ такое случилось, что его не было. Она писала, что проплакала цѣлый вечеръ и почти не спала ночь.

— Плачетъ, не спитъ этотъ ангелъ! — восклицалъ Обломовъ. — Господи! Зачѣмъ она любитъ меня? Зачѣмъ я люблю ее? Зачѣмъ мы встрѣтились? Это все Андрей: онъ привилъ любовь, какъ оспу, намъ обоимъ. И что̀ это за жизнь, все волненія, да тревоги! Когда же будетъ мирное счастье, покой?

Онъ съ громкими вздохами ложился, вставалъ, даже выходилъ на улицу, и все доискивался нормы жизни, такого существованія, которое было бы и исполнено содержанія, и текло бы тихо, день за днемъ, капля по каплѣ, въ нѣмомъ созерцаніи природы и тихихъ, едва ползущихъ явленіяхъ семейной, мирно-хлопотливой жизни. Ему не хотѣлось воображать ее широкой, шумно-несущейся рѣкой, съ кипучими волнами, какъ воображалъ ее Штольцъ.

— Это болѣзнь,—говорилъ Обломовъ:—горячка, скаканье съ порогами, съ прорывами плотинъ, съ наводненіями.

Онъ написалъ Ольгѣ, что въ Лѣтнемъ саду простудился немного, долженъ былъ напиться горячей травы и просидѣть дня два дома, что теперь все прошло, и онъ надѣется видѣть ее въ воскресенье.

Она написала ему отвѣтъ и похвалила, что онъ побережется, совѣтовала остаться дома и въ воскресенье, если нужно будетъ, и прибавила, что она лучше проскучаетъ съ недѣлю, чтобъ только онъ берегся.

Отвѣтъ принесъ Никита, тотъ самый, который, по словамъ Анисьи, былъ главнымъ виновникомъ болтовни. Онъ принесъ отъ барышни новыя книги, съ порученіемъ отъ

Ольги прочитать и сказать, при свиданіи, стоитъ ли ихъ читать ей самой.

Она требовала отвѣта о здоровьѣ. Обломовъ написавъ отвѣтъ, самъ отдалъ его Никитѣ и прямо изъ передней выпроводилъ его на дворъ и провожалъ глазами до калитки, чтобъ онъ не вздумалъ зайти на кухню и повторить тамъ «клевету», и чтобъ Захаръ не пошелъ провожать его на улицу.

Онъ обрадовался предложенію Ольги поберечься и не приходить въ воскресенье и написалъ ей, что, дѣйствительно, для совершеннаго выздоровленія, нужно просидѣть еще нѣсколько дней дома.

Въ воскресенье онъ былъ съ визитомъ у хозяйки, пилъ кофе, ѣлъ горячій пирогъ, и къ обѣду посылалъ Захара на ту сторону, за мороженымъ и конфетами для дѣтей.

Захара насилу перевезли черезъ рѣку назадъ; мосты уже сняли, и Нева собралась замерзнуть. Обломову нельзя было думать и въ среду ѣхать къ Ольгѣ.

Конечно, можно было бы броситься сейчасъ же на ту сторону, поселиться на нѣсколько дней у Ивана Герасимовича и бывать, даже обѣдать каждый день у Ольги.

Предлогъ былъ законный: Нева захватила на той сторонѣ, не успѣлъ переправиться.

У Обломова первымъ движеніемъ была эта мысль, и онъ быстро спустилъ ноги на полъ, но, подумавъ немного, съ озабоченнымъ лицомъ и со вздохомъ, медленно опять улегся на своемъ мѣстѣ.

«Нѣтъ, пусть замолкнутъ толки, пусть постороннія лица, посѣщающія домъ Ольги, забудутъ немного его и увидятъ уже опять каждый день тамъ тогда, когда они объявлены будутъ женихомъ и невѣстой».

Скучно ждать, да нечего дѣлать,—прибавилъ онъ со вздохомъ, принимаясь за присланную отъ Ольги книгу.

Онъ прочелъ страницъ пятнадцать. Маша пришла звать

его, не хочетъ ли пойти на Неву: всѣ идутъ посмотрѣть, какъ становится рѣка. Онъ пошелъ и воротился къ чаю.

Такъ проходили дни. Илья Ильичъ скучалъ, читалъ, ходилъ по улицѣ, а дома заглядывалъ въ дверь къ хозяйкѣ, чтобъ, отъ скуки, перемолвить слова два. Онъ даже смололъ ей однажды фунта три кофе съ такимъ усердіемъ, что у него лобъ сталъ мокрый.

Онъ хотѣлъ-было дать ей книгу прочесть. Она, медленно шевеля губами, прочла про себя заглавіе и возвратила книгу, сказавъ, что когда придутъ святки, такъ она возьметъ ее у него и заставитъ Ваню прочесть вслухъ, тогда и бабушка послушаетъ, а теперь некогда.

Между тѣмъ на Неву настлали мостки, и однажды скаканье собаки на цѣпи и отчаянный лай возвѣстили вторичный приходъ Никиты съ запиской, съ вопросомъ о здоровьѣ и съ книгой.

Обломовъ боялся, чтобъ и ему не пришлось идти по мосткамъ на ту сторону, спрятался отъ Никиты, написавъ въ отвѣтъ, что у него сдѣлалась маленькая опухоль въ горлѣ, что онъ не рѣшается еще выходить со двора, и что «жестокая судьба лишаетъ его счастья еще нѣсколько дней видѣть ненаглядную Ольгу».

Онъ накрѣпко наказалъ Захару, не смѣть болтать съ Никитой, и опять глазами проводилъ послѣдняго до калитки, а Анисьѣ погрозилъ пальцемъ, когда она показала-было носъ изъ кухни и что-то хотѣла спросить Никиту.

VII.

Прошла недѣля. Обломовъ, вставъ утромъ, прежде всего съ безпокойствомъ спрашивалъ, наведены ли мосты?

— Нѣтъ еще, — говорили ему, и онъ мирно проводилъ день, слушая постукиванье маятника, трескъ кофейной мельницы и пѣніе канареекъ.

Цыплята не пищали больше, они давно стали пожилыми

курами и прятались по курятникамъ. Книгъ, присланныхъ Ольгой, онъ не успѣлъ прочесть: какъ на сто-пятой страницѣ онъ положилъ книгу, обернувъ переплетомъ вверхъ, такъ она и лежитъ уже нѣсколько дней.

Зато онъ чаще занимается съ дѣтьми хозяйки. Ваня такой понятливый мальчикъ, въ три раза запомнилъ главные города въ Европѣ, и Илья Ильичъ обѣщалъ, какъ только поѣдетъ на ту сторону, подарить ему маленькій глобусъ; а Машенька обрубила ему три платка — плохо, правда, но зато она такъ смѣшно трудится маленькими ручонками и все бѣгаетъ показать ему каждый обрубленный вершокъ.

Съ хозяйкой онъ бесѣдовалъ безпрестанно, лишь только завидитъ ея локти въ полуотворенную дверь. Онъ уже, по движенію локтей, привыкъ распознавать, что̀ дѣлаетъ хозяйка, сѣетъ, мелетъ, или гладитъ.

Даже пробовалъ заговорить съ бабушкой, да она не сможетъ никакъ докончить разговора: остановится на полусловѣ, упретъ кулакомъ въ стѣну, согнется и давай кашлять, точно трудную работу какую-нибудь исправляетъ, потомъ дохнетъ— тѣмъ весь разговоръ и кончится.

Только братца одного не видитъ онъ совсѣмъ, или видитъ, какъ мелькаетъ большой пакетъ мимо оконъ, а самого его будто и не слыхать въ домѣ. Даже когда Обломовъ нечаянно вошелъ въ комнату, гдѣ они обѣдаютъ, сжавшись въ тѣсную кучу, братецъ наскоро вытеръ пальцами губы и скрылся въ свою свѣтлицу.

Однажды, лишь только Обломовъ беззаботно проснулся утромъ и принялся за кофе, вдругъ Захаръ донесъ, что мосты наведены. У Обломова стукнуло сердце.

— А завтра воскресенье,—сказалъ онъ:—надо ѣхать къ Ольгѣ, цѣлый день мужественно выносить значительные и любопытные взгляды постороннихъ, потомъ объявить ей, когда намѣренъ говорить съ теткой.

А онъ еще все на той же точкѣ невозможности двинуться впередъ.

Ему живо представилось, какъ онъ объявленъ женихомъ, какъ на другой, на третій день пріѣдутъ разныя дамы и мужчины, какъ онъ вдругъ станетъ предметомъ любопытства, какъ дадутъ офиціальный обѣдъ, будутъ пить его здоровье. Потомъ... потомъ, по праву и обязанности жениха, онъ привезетъ невѣстѣ подарокъ...

— Подарокъ! — съ ужасомъ сказалъ онъ себѣ и расхохотался горькимъ смѣхомъ.

Подарокъ! А у него двѣсти рублей въ карманѣ! Если деньги и пришлютъ, такъ къ Рождеству, а можетъ-быть и позже, когда продадутъ хлѣбъ, а когда продадутъ, сколько его тамъ и какъ велика сумма выручена будетъ — все это должно объяснить письмо, а письма нѣтъ. Какъ же быть-то? Прощай двухнедѣльное спокойствіе!

Между этими заботами рисовалось ему прекрасное лицо Ольги, ея пушистыя, говорящія брови и эти умные сѣро-голубые глаза, и вся головка, и коса ея, которую она спускала какъ-то низко на затылокъ, такъ что она продолжала и дополняла благородство всей ея фигуры, начиная съ головы до плечъ и стана.

Но лишь только онъ затрепещетъ отъ любви, тотчасъ же, какъ камень, сваливается на него тяжелая мысль: какъ быть, что дѣлать, какъ приступить къ вопросу о свадьбѣ, гдѣ взять денегъ, чѣмъ потомъ жить?..

«Подожду еще; авось письмо придетъ завтра или послѣзавтра». И онъ принимался разсчитывать, когда должно придти въ деревню его письмо, сколько времени можетъ промедлить сосѣдъ и какой срокъ понадобится для присылки отвѣта.

«Въ эти три, много четыре дня должно придти; подожду ѣхать къ Ольгѣ», рѣшилъ онъ, тѣмъ болѣе, что она едва ли знаетъ, что мосты наведены...

— Катя, навели мосты? — проснувшись въ то же утро, спросила Ольга у своей горничной.

И этотъ вопросъ повторялся каждый день. Обломовъ не подозрѣвалъ этого.

— Не знаю, барышня; нынче не видала ни кучера, ни дворника, а Никита не знаетъ.

— Ты никогда не знаешь, что̀ мнѣ нужно! — съ неудовольствіемъ сказала Ольга, лежа въ постели и разсматривая цѣпочку на шеѣ.

— Я сейчасъ узнаю, барышня. Я не смѣла отойти, думала, что вы проснетесь, а то бы давно сбѣгала.—И Катя исчезла изъ комнаты.

А Ольга отодвинула ящикъ столика и достала послѣднюю записку Обломова. «Боленъ, бѣдный», заботливо думала она: «онъ тамъ одинъ, скучаетъ... Ахъ, Боже мой, скоро ли...»

Она не окончила мысли, а раскраснѣвшаяся Катя влетѣла въ комнату.

— Наведены, наведены сегодня въ ночь! — радостно сказала она и приняла быстро вскочившую съ постели барышню на руки, накинула на нее блузу и пододвинула крошечныя туфли. Ольга проворно отворила ящикъ, вынула что-то оттуда и опустила въ руку Катѣ, а Катя поцѣловала у ней руку. Все это — прыжокъ съ постели, опущенная монета въ руку Кати и поцѣлуй барышниной руки случилось въ одну и ту же минуту. «Ахъ, завтра воскресенье: какъ это кстати! Онъ придетъ!» подумала Ольга и живо одѣлась, наскоро напилась чаю и поѣхала съ теткой въ магазинъ.

— Поѣдемте, ma tante, завтра въ Смольный, къ обѣднѣ,— просила она.

Тетка прищурилась немного, подумала, потомъ сказала:

— Пожалуй; только какая даль, ma chère! Что̀ это тебѣ вздумалось зимой!

А Ольгѣ вздумалось только потому, что Обломовъ указалъ

ей эту церковь съ рѣки, и ей захотѣлось помолиться въ ней!.. о немъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ любилъ ее, чтобъ былъ счастливъ ею, чтобъ... эта нерѣшительность, неизвѣстность скорѣе кончилась... Бѣдная Ольга!

Настало и воскресенье. Ольга какъ-то искусно умѣла весь обѣдъ устроить по вкусу Обломова.

Она надѣла бѣлое платье, скрыла подъ кружевами подаренный имъ браслетъ, причесалась какъ онъ любитъ; наканунѣ велѣла настроить фортепіано и утромъ попробовала спѣть Casta diva. И голосъ такъ звученъ, какъ не былъ съ дачи. Потомъ стала ждать.

Баронъ засталъ ее въ этомъ ожиданіи и сказалъ, что она опять похорошѣла, какъ лѣтомъ, но что немного похудѣла.

— Отсутствіе деревенскаго воздуха и маленькій безпорядокъ въ образѣ жизни замѣтно подѣйствовали на васъ,— сказалъ онъ. — Вамъ, милая Ольга Сергѣевна, нуженъ воздухъ полей и деревня.

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ей руку, такъ что крашеные усы оставили даже маленькое пятнышко на пальцахъ.

— Да, деревня,—отвѣчала она задумчиво, но не ему, а такъ кому-то, на воздухъ.

— A propos о деревнѣ,—прибавилъ онъ:—въ будущемъ мѣсяцѣ дѣло ваше кончится, и въ апрѣлѣ вы можете ѣхать въ свое имѣніе. Оно не велико, но мѣстоположеніе—чудо! Вы будете довольны. Какой домъ! Садъ! Тамъ есть одинъ павильонъ, на горѣ: вы его полюбите. Видъ на рѣку... вы не помните, вы пяти лѣтъ были, когда папа выѣхалъ оттуда и увезъ васъ.

— Ахъ, какъ я буду рада!—сказала она и задумалась.

«Теперь ужъ рѣшено», думала она: «мы поѣдемъ туда, но онъ узнаетъ объ этомъ не прежде, какъ...»

— Въ будущемъ мѣсяцѣ, баронъ?—живо спросила она.— Это вѣрно?

— Какъ то, что вы прекрасны вообще, а сегодня въ особенности,—сказалъ онъ и пошелъ къ теткѣ.

Ольга осталась на своемъ мѣстѣ и замечталась о близкомъ счастьѣ, но она рѣшилась не говорить Обломову объ этой новости, о своихъ будущихъ планахъ.

Она хотѣла дослѣдить до конца, какъ въ его лѣнивой душѣ любовь совершитъ переворотъ, какъ окончательно спадетъ съ него гнётъ, какъ онъ не устоитъ передъ близкимъ счастьемъ, получитъ благопріятный отвѣтъ изъ деревни и, сіяющій, прибѣжитъ, прилетитъ и положитъ его къ ея ногамъ, какъ они оба, въ перегонку, бросятся къ теткѣ, и потомъ...

Потомъ вдругъ она скажетъ ему, что и у нея есть деревня, садъ, павильонъ, видъ на рѣку и домъ, совсѣмъ готовый для житья, какъ надо прежде поѣхать туда, потомъ въ Обломовку.

«Нѣтъ, не хочу благопріятнаго отвѣта», подумала она: «онъ загордится и не почувствуетъ даже радости, что у меня есть свое имѣніе, домъ, садъ... Нѣтъ, пусть онъ лучше придетъ разстроенный непріятнымъ письмомъ, что въ деревнѣ безпорядокъ, что надо ему побывать самому. Онъ поскачетъ, сломя голову, въ Обломовку, наскоро сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія, многое забудетъ, не сумѣетъ, все кое-какъ, и поскачетъ обратно, и вдругъ узнаетъ, что не надо было скакать — что есть домъ, садъ и павильонъ съ видомъ, что есть гдѣ жить и безъ его Обломовки... Да, да, она ни за что не скажетъ ему, выдержитъ до конца; пусть онъ съѣздитъ туда, пусть пошевелится, оживетъ— все для нея, во имя будущаго счастья! Или, нѣтъ: зачѣмъ посылать его въ деревню, разставаться? Нѣтъ, когда онъ въ дорожномъ платьѣ придетъ къ ней блѣдный, печальный, прощаться на мѣсяцъ, она вдругъ скажетъ ему, что не надо ѣхать до лѣта: тогда вмѣстѣ поѣдутъ...

Такъ мечтала она, и побѣжала къ барону, и искусно

предупредила его, чтобъ онъ до времени объ этой новости не говорилъ никому, рѣшительно *никому*. Подъ этимъ *никому* она разумѣла одного Обломова.

— Да, да, зачѣмъ?—подтвердилъ онъ.—Развѣ мсьё Обломову только, если рѣчь зайдетъ...

Ольга выдержала себя и равнодушно сказала:

— Нѣтъ, и ему не говорите.

— Ваша воля, вы знаете, для меня законъ...—прибавилъ баронъ любезно.

Она была не безъ лукавства. Если ей очень хотѣлось взглянуть на Обломова при свидѣтеляхъ, она прежде взглянетъ поперемѣнно на троихъ другихъ, потомъ ужъ на него.

Сколько соображеній — все для Обломова. Сколько разъ загорались два пятна у ней на щекахъ! Сколько разъ она тронетъ то тотъ, то другой клавишъ, чтобъ узнать, не слишкомъ ли высоко настроено фортепіано, или переложить ноты съ одного мѣста на другое! И вдругъ нѣтъ его! Что это значитъ!

Три, четыре часа — все нѣтъ! Въ половинѣ пятаго красота ея, расцвѣтаніе начали пропадать: она стала замѣтно увядать и сѣла за столъ поблѣднѣвшая.

А прочіе ничего: никто и не замѣчаетъ — всѣ ѣдятъ тѣ блюда, которыя готовились для него, разговариваютъ такъ весело, равнодушно.

Послѣ обѣда, вечеромъ — его нѣтъ, нѣтъ. До десяти часовъ она волновалась надеждой, страхомъ; въ десять часовъ ушла къ себѣ.

Сначала она обрушила мысленно на его голову всю желчь, накипѣвшую въ сердцѣ; не было ѣдкаго сарказма, горячаго слова, какія только были въ ея лексиконѣ, которыми бы она мысленно не казнила его.

Потомъ вдругъ, какъ будто весь организмъ ея наполнился огнемъ, потомъ льдомъ.

«Онъ боленъ; онъ одинъ; онъ не можетъ даже писать...» сверкнуло у ней въ головѣ.

Это убѣжденіе овладѣло ею вполнѣ и не дало ей уснуть всю ночь. Она лихорадочно вздремнула два часа, бредила ночью, но потомъ, утромъ встала, хотя блѣдная, но такая покойная, рѣшительная.

Въ понедѣльникъ утромъ хозяйка заглянула къ Обломову въ кабинетъ и сказала:

— Васъ какая-то дѣвушка спрашиваетъ.

— Меня? Не можетъ быть!—отвѣчалъ Обломовъ.—Гдѣ она?

— Вотъ здѣсь: она ошиблась, на наше крыльцо пришла. Впустить?

Обломовъ не зналъ еще на что рѣшиться, какъ передъ нимъ очутилась Катя. Хозяйка ушла.

— Катя!—съ изумленіемъ сказалъ Обломовъ.—Какъ ты? Что ты?

— Барышня здѣсь, — шопотомъ отвѣчала она: — велѣли спросить...

Обломовъ измѣнился въ лицѣ.

— Ольга Сергѣевна! —въ ужасѣ шепталъ онъ.— Неправда, Катя, ты пошутила? Не мучь меня!

— Ей-Богу, правда: въ наемной каретѣ, въ чайномъ магазинѣ остановились, дожидаются, сюда хотятъ. Послали меня сказать, чтобъ Захара выслали куда-нибудь. Онѣ черезъ полчаса будутъ.

— Я лучше самъ пойду. Какъ можно ей сюда?—сказалъ Обломовъ.

— Не успѣете: онѣ, того и гляди, войдутъ; онѣ думаютъ, что вы нездоровы. Прощайте, я побѣгу: онѣ однѣ, ждутъ меня...

И ушла.

Обломовъ съ необычайной быстротой надѣлъ галстукъ, жилетъ, сапоги и кликнулъ Захара.

— Захаръ, ты недавно просился у меня въ гости на ту

сторону, въ Гороховую, что ли, такъ вотъ, ступай теперь!— съ лихорадочнымъ волненіемъ говорилъ Обломовъ.

— Не пойду,—рѣшительно отвѣчалъ Захаръ.

— Нѣтъ, ты ступай!—настойчиво говорилъ Обломовъ.

— Что за гости въ будни? не пойду! — упрямо сказалъ Захаръ.

— Поди же, повеселись, не упрямься, когда баринъ дѣлаетъ милость, отпускаетъ тебя... ступай къ пріятелямъ!

— Ну ихъ, пріятелей-то!

— Развѣ тебѣ не хочется повидаться съ ними?

— Мерзавцы все такіе, что иной разъ не глядѣлъ бы!

— Поди же, поди! — настойчиво твердилъ Обломовъ, и кровь у него бросилась въ голову.

— Нѣтъ, сегодня цѣлый день дома пробуду, а вотъ въ воскресенье, пожалуй!—равнодушно отнѣкивался Захаръ.

— Теперь же, сейчасъ!—въ волненіи торопилъ его Обломовъ.—Ты долженъ...

— Да куда я пойду семь верстъ киселя ѣсть?—отговаривался Захаръ.

— Ну, поди погуляй часа два: видишь, рожа-то у тебя какая заспанная—провѣтрись!

— Рожа, какъ рожа: обыкновенно какая бываетъ у нашего брата!—сказалъ Захаръ, лѣниво глядя въ окно.

«Ахъ, ты Боже мой, сейчасъ явится!» думалъ Обломовъ, отирая потъ на лбу.

— Ну, пожалуйста, поди, погуляй, тебя просятъ! На, вотъ, двугривенный: выпей пива съ пріятелемъ.

— Я лучше на крыльцѣ побуду: — а то куда я въ морозъ пойду? У воротъ, пожалуй, посижу, это могу...

— Нѣтъ, дальше отъ воротъ,—живо сказалъ Обломовъ:— въ другую улицу ступай, вонъ туда, налѣво, къ саду... на ту сторону.

«Что за диковина?» думалъ Захаръ: «гулять гонитъ; этого не бывало».

— Я лучше въ воскресенье, Илья Ильичъ...

— Уйдешь ли ты? — сжавъ зубы, заговорилъ Обломовъ, напирая на Захара.

Захаръ скрылся, а Обломовъ позвалъ Анисью.

— Ступай на рынокъ,— сказалъ онъ ей: — и купи тамъ къ обѣду...

— Къ обѣду все куплено; скоро будетъ готовъ... — заговорилъ-было носъ.

— Молчать и слушать! — крикнулъ Обломовъ, такъ что Анисья оробѣла.

— Купи... хоть спаржи... — договорилъ онъ, придумывая и не зная, за чѣмъ послать ее.

— Какая теперь, батюшка, спаржа? Да и гдѣ здѣсь ее найдешь...

— Маршъ!—закричалъ онъ, и она убѣжала.— Бѣги, что̀ есть мо̀чи туда, — кричалъ онъ ей вслѣдъ: — и не оглядывайся, а оттуда какъ можно тише иди, раньше двухъ часовъ и носа не показывай.

— Что̀ это за диковина!—говорилъ Захаръ Анисьѣ, столкнувшись съ ней за воротами.—Гулять прогналъ, двугривенный далъ. Куда я пойду гулять?

— Барское дѣло,—замѣтила смѣтливая Анисья:—ты поди къ Артемью, графскому кучеру, напой его чаемъ: онъ все поитъ тебя, а я побѣгу на рынокъ.

— Что это за диковина, Артемій? — сказалъ Захаръ и ему.—Баринъ гулять прогналъ, и на пиво далъ...

— Да не вздумалъ ли самъ нализаться? — остроумно догадался Артемій:—такъ и тебѣ далъ, чтобъ не завидно было. Пойдемъ!

Онъ мигнулъ Захару и махнулъ головой въ какую-то улицу.

— Пойдемъ!—повторилъ Захаръ и тоже махнулъ головой въ ту улицу.

— Экая диковина: гулять прогналъ! — съ усмѣшкой спѣлъ онъ про себя.

Они ушли, а Анисья, добѣжавъ до перваго перекрестка, присѣла за плетень, къ канавѣ, и ждала, что̀ будетъ.

Обломовъ прислушивался и ждалъ: вотъ кто-то взялся за кольцо у калитки, и въ то же мгновенье раздался отчаянный лай и началось скаканье на цѣпи собаки.

— Проклятая собака!—проскрежеталъ зубами Обломовъ, схватилъ фуражку и бросился къ калиткѣ, отворилъ ее и почти въ объятіяхъ донесъ Ольгу до крыльца.

Она была одна. Катя ожидала ее въ каретѣ, неподалеку отъ воротъ.

— Ты здоровъ? Не лежишь? Что съ тобой?—бѣгло спросила она, не снимая ни салопа, ни шляпки и оглядывая его съ ногъ до головы, когда они вошли въ кабинетъ.

— Теперь мнѣ лучше, горло прошло... почти совсѣмъ,— сказалъ онъ, дотрогиваясь до горла и кашлянувъ слегка.

— Что жъ ты не былъ вчера?— спросила она, глядя на него такимъ добывающимъ взглядомъ, что онъ не могъ сказать ни слова.

— Какъ это ты рѣшилась, Ольга, на такой поступокъ?— съ ужасомъ заговорилъ онъ. — Ты знаешь ли, что ты дѣлаешь...

— Объ этомъ послѣ! — перебила она нетерпѣливо. — Я спрашиваю тебя: что̀ значитъ, что тебя не видать?

Онъ молчалъ.

— Не ячмень ли сѣлъ?—спросила она.

Онъ молчалъ.

— Ты не былъ боленъ; у тебя не болѣло горло,—сказала она, сдвинувъ брови.

— Не былъ,—отвѣчалъ Обломовъ голосомъ школьника.

— Обманулъ меня! — Она съ изумленіемъ глядѣла на него.—Зачѣмъ?

— Я все объясню тебѣ, Ольга, — оправдывался онъ: — важная причина заставила меня не быть двѣ недѣли... я боялся...

— Чего?—спросила она, садясь и снимая шляпу и салопъ.

Онъ взялъ то и другое и положилъ на диванъ.

— Толковъ, сплетней...

— А не боялся, что я не спала ночь, Богъ знаетъ, что передумала и чуть не слегла въ постель?—сказала она, поводя по немъ испытующимъ взглядомъ.

— Ты не знаешь, Ольга, что тутъ происходитъ у меня,— говорилъ онъ, показывая на сердце и голову: — я весь въ тревогѣ, какъ въ огнѣ. Ты не знаешь, что случилось?

— Что еще случилось?—спросила она холодно.

— Какъ далеко распространился слухъ о тебѣ и обо мнѣ! Я не хотѣлъ тебя тревожить и боялся показаться на глаза.

Онъ разсказалъ ей все, что слышалъ отъ Захара, отъ Анисьи, припомнилъ разговоръ франтовъ и заключилъ, сказавъ, что съ тѣхъ поръ онъ не спитъ, что онъ въ каждомъ взглядѣ видитъ вопросъ, или упрекъ, или лукавые намеки на ихъ свиданія.

— Но вѣдь мы рѣшили объявить на этой недѣлѣ ma tante, — возразила она: — тогда эти толки должны замолкнуть...

— Да; но мнѣ не хотѣлось заговаривать съ теткой до нынѣшней недѣли, до полученія письма. Я знаю, она не о любви моей спроситъ, а объ имѣніи, войдетъ въ подробности, а этого ничего я не могу объяснить, пока не получу отвѣта отъ повѣреннаго.

Она вздохнула.

— Если бъ я не знала тебя, — въ раздумьѣ говорила она: — я Богъ знаетъ, что могла бы подумать. Боялся тревожить меня толками лакеевъ, а не боялся мнѣ сдѣлать тревогу! Я перестаю понимать тебя.

— Я думалъ, что болтовня ихъ взволнуетъ тебя. Катя, Марья, Семенъ и этотъ дуракъ Никита. Богъ знаетъ, что говорятъ...

— Я давно знаю, что они говорятъ, — равнодушно сказала она.

— Какъ, знаешь?

— Такъ. Катя и нянл давно донесли мнѣ объ этомъ, спрашивали о тебѣ, поздравляли меня...

— Ужели поздравляли? — съ ужасомъ спросилъ онъ. — Что жъ ты?

— Ничего, поблагодарила; нянѣ подарила платокъ, а она обѣщала сходить къ Сергію пѣшкомъ. Катѣ взялась выхлопотать отдать ее замужъ за кондитера: у ней есть свой романъ...

Онъ смотрѣлъ на нее испуганными и изумленными глазами.

— Ты бываешь каждый день у насъ: очень натурально, что люди толкуютъ объ этомъ,—прибавила она: — они первые начинаютъ говорить. Съ Соничкой было то же: что же это такъ пугаетъ тебя?

— Такъ вотъ откуда эти слухи?—сказалъ онъ протяжно.

— Развѣ они неосновательны? Вѣдь это правда?

— Правда! — ни вопросительно, ни отрицательно повторилъ Обломовъ.—Да,—прибавилъ онъ потомъ: — въ самомъ дѣлѣ, ты права: только я не хочу, чтобъ они знали о нашихъ свиданіяхъ, оттого и боюсь...

— Ты боишься, дрожишь, какъ мальчикъ... Не понимаю! Развѣ ты крадешь меня?

Ему было неловко; она внимательно глядѣла на него.

— Послушай,—сказала она: — тутъ есть какая-то ложь, что-то не то... Поди сюда и скажи все, что у тебя на душѣ. Ты могъ не быть день, два — пожалуй, недѣлю, изъ предосторожности, но все бы ты предупредилъ меня, написалъ. Ты знаешь, я ужъ не дитя и меня не такъ легко смутить вздоромъ. Что это все значитъ?

Онъ задумался, потомъ поцѣловалъ у ней руку и вздохнулъ.

— Вотъ что, Ольга, я думаю,—сказалъ онъ:—у меня все это время такъ напугано воображеніе этими ужасами за тебя, такъ истерзанъ умъ заботами, сердце наболѣло, то отъ сбывающихся, то отъ пропадающихъ надеждъ, отъ ожиданій, что весь организмъ мой потрясенъ: онъ нѣмѣетъ, требуетъ хоть временнаго успокоенія...

— Отчего жъ у меня не нѣмѣетъ, и я ищу успокоенія только подлѣ тебя?

— У тебя молодыя, крѣпкія силы и ты любишь ясно, покойно, а я... но ты знаешь, какъ я тебя люблю!—сказалъ онъ, сползая на полъ и цѣлуя ея руки.

— Нѣтъ еще, мало знаю,—ты такъ страненъ, что я теряюсь въ соображеніяхъ; у меня гаснутъ умъ и надежда... скоро мы перестанемъ понимать другъ друга: тогда худо!

Они замолчали.

— Что жъ ты дѣлалъ эти дни?— спросила она, въ первый разъ оглядывая глазами комнату. — У тебя не хорошо: — какія низенькія комнаты! Окна маленькія, обои старые... Гдѣ жъ еще у тебя комнаты?

Онъ бросился показывать ей квартиру, чтобъ замять вопросъ о томъ, что онъ дѣлалъ эти дни. Потомъ она сѣла на диванъ, онъ помѣстился опять на коврѣ, у ногъ ея.

— Что жъ ты дѣлалъ двѣ недѣли?—допрашивала она.

— Читалъ, писалъ, думалъ о тебѣ.

— Прочелъ мои книги? Что́ онѣ? Я возьму ихъ съ собой.

Она взяла со стола книгу и посмотрѣла на развернутую страницу: страница запылилась.

— Ты не читалъ!—сказала она.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Она посмотрѣла на измятыя, шитыя подушки, на безпорядокъ, на запыленныя окна, на письменный столъ, перебрала нѣсколько покрытыхъ пылью бумагъ, пошевелила перо въ сухой чернильницѣ и съ изумленіемъ поглядѣла на него.

— Что жъ ты дѣлалъ?—повторила она.—Ты не читалъ и не писалъ?

— Времени мало было,—началъ онъ, запинаясь:—утромъ встанешь, убираютъ комнаты, мѣшаютъ, потомъ начнутся толки объ обѣдѣ, тутъ хозяйскія дѣти придутъ, просятъ задачу повѣрить, а тамъ и обѣдъ. Послѣ обѣда... когда читать?

— Ты спалъ послѣ обѣда, — сказала она такъ положительно, что послѣ минутнаго колебанія, онъ тихо отвѣчалъ:

— Спалъ...

— Зачѣмъ же?

— Чтобъ не замѣчать времени: тебя не было со мной, Ольга, и жизнь скучна, несносна безъ тебя...

Онъ остановился, а она строго глядѣла на него.

— Илья!—серьезно заговорила она.—Помнишь, въ паркѣ, когда ты сказалъ, что въ тебѣ загорѣлась жизнь, увѣрялъ, что я — цѣль твоей жизни, твой идеалъ, взялъ меня за руку и сказалъ, что она твоя—помнишь, какъ я дала тебѣ согласіе?

— Да развѣ это можно забыть? Развѣ это не перевернуло всю мою жизнь? Ты не видишь, какъ я счастливъ?

— Нѣтъ, не вижу; ты обманулъ меня,—холодно сказала она:—ты опять опускаешься...

— Обманулъ! Не грѣхъ тебѣ? Богомъ клянусь, я кинулся бы сейчасъ въ бездну!..

— Да, если бъ бездна была вотъ тутъ, подъ ногами, сію минуту, — перебила она:—а если бъ отложили на три дня, ты бы передумалъ, испугался, особенно если бъ Захаръ или Анисья стали болтать объ этомъ... Это не любовь.

— Ты сомнѣваешься въ моей любви?—горячо заговорилъ онъ.—Думаешь, что я медлю отъ боязни за себя, а не за тебя? Не оберегаю, какъ стѣной, твоего имени, не бодрствую, какъ мать, чтобъ не смѣлъ коснуться слухъ тебя... Ахъ, Ольга! Требуй доказательствъ! Повторю тебѣ, что

если бъ ты съ другимъ могла быть счастливѣе, я бы безъ ропота уступилъ права свои; если бъ надо было умереть за тебя, я бы съ радостью умеръ!—со слезами досказалъ онъ.

— Этого ничего не нужно, никто не требуетъ! Зачѣмъ мнѣ твоя жизнь? Ты сдѣлай, что надо. Это уловка лукавыхъ людей предлагать жертвы, которыхъ не нужно, или нельзя приносить, чтобъ не приносить нужныхъ. Ты не лукавъ— я знаю, но...

— Ты не знаешь, сколько здоровья унесли у меня эти страсти и заботы!—продолжалъ онъ.—У меня нѣтъ другой мысли съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю... Да, и теперь, повторю, ты моя цѣль, и только ты одна. Я сейчасъ умру, сойду съ ума, если тебя не будетъ со мной! Я теперь дышу, смотрю, мыслю и чувствую тобой. Что жъ ты удивляешься, что въ тѣ дни, когда не вижу тебя, я засыпаю и падаю? Мнѣ все противно, все скучно; я машина: хожу, дѣлаю и не замѣчаю, что дѣлаю. Ты огонь и сила этой машины,— говорилъ онъ, становясь на колѣни и выпрямляясь.

Глаза заблистали у него, какъ, бывало, въ паркѣ. Опять гордость и сила воли засіяли въ нихъ.

— Я сейчасъ готовъ идти, куда ты велишь, дѣлать, что хочешь. Я чувствую, что живу, когда ты смотришь на меня, говоришь, поешь...

Ольга съ строгой задумчивостью слушала эти италіянія страсти.

— Послушай, Илья,—сказала она:—я вѣрю твоей любви и своей силѣ надъ тобой. Зачѣмъ же ты пугаешь меня своей нерѣшительностью, доводишь до сомнѣній? Я цѣль твоя, говоришь ты, и идешь къ ней такъ робко, медленно: а тебѣ еще далеко идти; ты долженъ стать выше меня. Я жду этого отъ тебя! Я видала счастливыхъ людей, какъ они любятъ,—прибавила она со вздохомъ:—у нихъ все кипитъ, и покой ихъ не похожъ на твой; они не опускаютъ головы: глаза у нихъ открыты; они едва спятъ, они дѣй-

ствуютъ? А ты... нѣтъ, не похоже, чтобъ любовь, чтобъ я была твоей цѣлью...

Она съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Ты, ты!.. — говорилъ онъ, цѣлуя опять у ней руки и волнуясь у ногъ ея.—Одна ты! Боже мой, какое счастье!—твердилъ онъ, какъ въ бреду. — И ты думаешь—возможно обмануть тебя, уснуть послѣ такого пробужденія, не сдѣлаться героемъ! Вы увидите, ты и Андрей, — продолжалъ онъ, озираясь вдохновенными глазами: — до какой высоты поднимаетъ человѣка любовь такой женщины, какъ ты! Смотри, смотри на меня: не воскресъ ли я, не живу ли въ эту минуту? Пойдемъ отсюда! Вонъ! Вонъ! Я не могу ни минуты оставаться здѣсь; мнѣ душно, гадко!—говорилъ онъ, съ непритворнымъ отвращеніемъ оглядываясь вокругъ. — Дай мнѣ дожить сегодня этимъ чувствомъ... Ахъ, если бъ этотъ же огонь жегъ меня, какъ теперь жжетъ, и завтра, и всегда! А то нѣтъ тебя—я гасну, падаю! Теперь я ожилъ, воскресъ. Мнѣ кажется, я... Ольга, Ольга!—Ты прекраснѣе всего въ мірѣ, ты первая женщина, ты... ты...

Онъ припалъ къ ея рукѣ лицомъ и замеръ. Слова не шли болѣе съ языка. Онъ прижалъ руку къ сердцу, чтобъ унять волненіе, устремилъ на Ольгу свой страстный, влажный взглядъ и сталъ неподвиженъ.

«Нѣженъ, нѣженъ, нѣженъ!» мысленно твердила Ольга, но со вздохомъ, не какъ, бывало, въ паркѣ, и погрузилась въ глубокую задумчивость.

— Мнѣ пора!—очнувшись сказала она ласково.

Онъ вдругъ отрезвился.

— Ты здѣсь, Боже мой! У меня?—говорилъ онъ, и вдохновенный взглядъ замѣнился робкимъ озираньемъ по сторонамъ. Горячая рѣчь не шла больше съ языка.

Онъ торопливо хваталъ шляпку и салопъ и, въ суматохѣ, хотѣлъ надѣть салопъ ей на голову.

Она засмѣялась.

— успокаивала она: — ma tante
только няня знаетъ, что меня
меня.

безъ трепета, покойно, въ гор-
ности. перешла дворъ, при от-
ли и лаѣ собаки, сѣла въ карету

ской половины, смотрѣли головы;
немъ, выглянула изъ канавы голова

свернула въ другую улицу, пришла
что она избѣгала весь рынокъ и спаржи
Захаръ вернулся часа черезъ три и проспалъ

ходилъ по комнатѣ и не чувствовалъ
не слыхалъ собственныхъ шаговъ: онъ
что на четверть отъ полу.

замолкъ скрипъ колесъ кареты по снѣгу,
конь, счастье — безпокойство его прошло, го-
у него выпрямились, вдохновенное сіяніе во-
лицо и глаза были влажны отъ счастья, отъ
Въ организмѣ разлилась какая-то теплота, свѣ-
гость. И опять, какъ прежде, ему захотѣлось
куда-нибудь далеко: и туда, къ Штольцу, съ
и въ деревню, на поля, въ рощи, хотѣлось уеди-
въ своемъ кабинетѣ и погрузиться въ трудъ, и са-
ехать на Рыбинскую пристань, и дорогу проводить, и
только-что вышедшую новую книгу, о которой всѣ
и въ оперу—сегодня...

Да, сегодня она у него, онъ у ней, потомъ въ оперѣ.
день! Какъ легко дышится въ этой жизни, въ
Ольги, въ лучахъ ея дѣвственнаго блеска, бодрыхъ
молодого, но тонкаго и глубокаго, здраваго ума! Онъ
точно летаетъ: его будто кто-то носитъ по комнатѣ.

— Впередъ, впередъ! — говоритъ Ольга: — выше, выше, туда, къ той чертѣ, гдѣ сила нѣжности и граціи теряетъ свои права и гдѣ начинается царство мужчины!

Какъ она ясно видитъ жизнь! Какъ читаетъ въ этой мудреной книгѣ свой путь и инстинктомъ угадываетъ и его дорогу! Объ жизни, какъ двѣ рѣки, должны слиться: онъ ея руководитель, вождь!

Она видитъ его силы, способности, знаетъ, сколько онъ можетъ, и покорно ждетъ его владычества. Чудная Ольга! Невозмутимая, неробкая, простая, но рѣшительная женщина, естественная, какъ сама жизнь!

— Какая, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь гадость! — говорилъ онъ, оглядываясь. — И этотъ ангелъ спустился въ болото, освятилъ его своимъ присутствіемъ!

Онъ съ любовью смотрѣлъ на стулъ, гдѣ она сидѣла, и вдругъ глаза его заблистали: на полу, около стула, онъ увидѣлъ крошечную перчатку.

— Залогъ! Ея рука: это предзнаменованіе! О!..—простоналъ онъ страстно, прижимая перчатку къ губамъ.

Хозяйка выглянула изъ двери, съ предложеніемъ посмотрѣть полотно: принесли продавать, такъ не понадобится ли?

Но онъ сухо поблагодарилъ ее, не подумалъ взглянуть на локти и извинился, что очень занятъ. Потомъ углубился въ воспоминанія лѣта, перебралъ всѣ подробности, вспомнилъ о всякомъ деревѣ, кустѣ, скамьѣ, о каждомъ сказанномъ словѣ, и нашелъ все это милѣе, нежели какъ было въ то время, когда онъ наслаждался этимъ.

Онъ рѣшительно пересталъ владѣть собой, пѣлъ, ласково заговаривалъ съ Анисьей, шутилъ, что у нея нѣтъ дѣтей, и обѣщалъ крестить, лишь-только родится ребенокъ. Съ Машей поднялъ такую возню, что хозяйка выглянула и прогнала Машу домой, чтобъ не мѣшала жильцу «заниматься».

[illegible] подавилъ сумасшествія. Ольга была ве- [illegible] еще пѣли въ оперѣ, потомъ онъ пилъ [illegible] шелъ такой задушевный, искрен- [illegible] между нимъ, теткой, барономъ и Ольгой, что [illegible] чувствовалъ себя совершенно членомъ этого ма- [illegible] семейства. Полно жить одиноко: есть у него те- [illegible], онъ крѣпко намоталъ свою жизнь; есть у него [illegible] какъ хорошо жить съ этимъ!

Но онъ спалъ мало: все дочитывалъ присланныя Ольгой [illegible] и прочиталъ полтора тома.

«Завтра письмо должно придти изъ деревни», думалъ онъ, и [illegible] у него билось... билось... Наконецъ-то!

VIII.

На другой день Захаръ, убирая комнату, нашелъ на письменномъ столѣ маленькую перчатку, долго разглядывалъ [illegible] усмѣхнулся, потомъ подалъ Обломову.

— Должно быть, Ильинская барышня забыла, — сказалъ онъ.

— Дьяволъ! — грянулъ Илья Ильичъ, вырывая у него перчатку изъ рукъ. — Врешь! Какая Ильинская барышня! Это портниха пріѣзжала изъ магазина рубашки примѣрять. Какъ ты смѣешь выдумывать!

— Что за дьяволъ? Что я выдумываю? Вонъ, ужъ на [illegible] половинѣ говорятъ...

— Что говорятъ? — спросилъ Обломовъ.

— Да что, слышь, Ильинская барышня съ дѣвушкой [illegible]

— Боже мой! — съ ужасомъ произнесъ Обломовъ. — А по- [illegible] Ильинскую барышню? Тыже или Анисья [illegible]

Вдругъ Анисья высунулась [illegible] дверей пе- [illegible]

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Захаръ [illegible] мо-

лоть? Не слушайте его, батюшка,—сказала она:—никто и не говорилъ, и не знаетъ, Христомъ Богомъ...

— Ну-ну-ну! — захрипѣлъ на нее Захаръ, замахиваясь локтемъ въ грудь.—Туда же суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ.

Анисья скрылась. Обломовъ погрозилъ обоими кулаками Захару, потомъ быстро отворилъ дверь на хозяйскую половину. Агаѳья Матвѣевна сидѣла на полу и перебирала рухлядь въ старомъ сундукѣ; около нея лежали груды тряпокъ, ваты, старыхъ платьевъ, пуговицъ и отрѣзковъ мѣховъ.

— Послушайте, — ласково, но съ волненіемъ заговорилъ Обломовъ: — мои люди болтаютъ разный вздоръ; вы, ради Бога, не вѣрьте имъ.

— Я ничего не слыхала, — сказала хозяйка. — Что они болтаютъ?

— Насчетъ вчерашняго визита,—продолжалъ Обломовъ:— они говорятъ, будто пріѣзжала какая-то барышня...

— Что намъ за дѣло, кто къ жильцамъ ѣздитъ?—сказала хозяйка.

— Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не вѣрьте: это совершенная клевета! Никакой барышни не было: пріѣзжала просто портниха, которая рубашки шьетъ. Примѣрять пріѣзжала...

— А вы гдѣ заказали рубашки? Кто вамъ шьетъ?—живо спросила хозяйка.

— Во французскомъ магазинѣ...

— Покажите, какъ принесутъ; у меня есть двѣ дѣвушки: такъ шьютъ, такую строчку дѣлаютъ, что никакой француженкѣ не сдѣлать. Я видѣла, онѣ приносили показать, графу Метлинскому шьютъ: никто такъ не сошьетъ. Куда ваши, вотъ эти, что на васъ.

— Очень хорошо, я припомню. Вы только, ради Бога, не подумайте, что это была барышня...

...ницу ...ить? Хоть бы и ба-

...ралъ Обломовъ.—Помилуйте, та
...лжаетъ Захаръ, огромнаго роста,
... ...ниха-то, чай, слышали, какимъ
... ...рить: у ней чудесный голосъ. По-
...

...— говорила хозяйка, когда онъ ухо-
...е, когда понадобится рубашки шить,
... ...комыя такую строчку дѣлаютъ... ихъ
...иколавна и Марья Николавна.
...рошо, не забуду; только вы не подумайте,

... потомъ одѣлся и уѣхалъ къ Ольгѣ.
... вечеромъ домой, онъ нашелъ у себя на столѣ
... ...вано отъ сосѣда, его повѣреннаго. Онъ бро-
..., прочелъ—и у него опустились руки.
... ...верно передать довѣренность другому лицу
..., а у меня накопилось столько дѣла, что, по
... ..., не могу, какъ слѣдуетъ, присматривать за
... ...мъ. Всего лучше вамъ самимъ пріѣхать сюда,
... ...е поселиться въ имѣніи. Имѣніе хорошее, но
... ...но. Прежде всего надо аккуратнѣе распредѣ-
... ...ну и оброкъ; безъ хозяина этого сдѣлать нельзя:
... ...ины, старосты новаго не слушаютъ, а ста-
..., за нимъ надо смотрѣть. Количество дохода
... ...нельзя. При нынѣшнемъ безпорядкѣ едва ли вы
... ...ше трехъ тысячъ, и то при себѣ. Я считаю
... ...ѣба, а на оброчныхъ надежда плоха: надо ихъ
... ...ки и разобрать недоимки— на это на все пона-
... ...да три. Хлѣбъ былъ хорошъ и въ цѣнѣ, и въ
... ...и апрѣлѣ вы получите деньги, если сами присмо-
... ...дажей. Теперь же денегъ наличныхъ нѣтъ ни
... Что касается дороги черезъ Верхлево и моста, то,

не получая отъ васъ долгое время отвѣта, я ужъ рѣшился съ Одинцовымъ и Бѣловодовымъ проводить дорогу отъ себя на Нельки, такъ что Обломовка остается далеко въ сторонѣ. Въ заключеніе, повторю просьбу пожаловать какъ можно скорѣе: мѣсяца въ три можно привести въ извѣстность, чего надѣяться на будущій годъ. Кстати, теперь выборы: не пожелали ли бы вы баллотироваться въ уѣздные судьи? Поспѣшайте. Домъ вашъ очень плохъ (прибавлено было въ концѣ). Я велѣлъ скотницѣ, старому кучеру и двумъ старымъ дѣвкамъ выбраться оттуда въ избу: долѣе опасно бы было оставаться».

При письмѣ приложена была записка, сколько четвертей хлѣба снято, умолочено, сколько ссыпано въ магазины, сколько назначено въ продажу, и тому подобныя хозяйственныя подробности.

«Денегъ ни гроша, три мѣсяца, пріѣхать самому, разобрать дѣла крестьянъ, привести доходъ въ извѣстность, служить по выборамъ» — все это, въ видѣ призраковъ, обступило Обломова. Онъ очутился будто въ лѣсу, ночью, когда въ каждомъ кустѣ и деревѣ чудится разбойникъ, мертвецъ, звѣрь.

— Однакожъ, это позоръ: я не поддамся!—твердилъ онъ, стараясь ознакомиться съ этими призраками, какъ и трусъ силится, сквозь зажмуренныя вѣки, взглянуть на призраки и чувствуетъ только холодъ у сердца и слабость въ рукахъ и ногахъ.

Чего жъ надѣялся Обломовъ! Онъ думалъ, что въ письмѣ сказано будетъ опредѣлительно, сколько онъ получитъ дохода и, разумѣется, какъ можно больше, тысячъ, напримѣръ, шесть, семь; что домъ еще хорошъ, такъ что по нуждѣ въ немъ можно жить, пока будетъ строиться новый; что, наконецъ, повѣренный пришлетъ тысячи три, четыре—словомъ, что въ письмѣ онъ прочтетъ тотъ же смѣхъ, игру жизни и любовь, что читалъ въ запискахъ Ольги.

Онъ подумалъ, подумалъ, потомъ вдругъ ударилъ себя по лбу и пошелъ на хозяйскую половину.

— Вашъ братецъ дома?—спросилъ онъ хозяйку.

— Дома, да спать легли.

— Такъ завтра попросите его ко мнѣ, — сказалъ Обломовъ:—мнѣ нужно видѣться съ нимъ.

IX.

Братецъ опять тѣмъ же порядкомъ вошли въ комнату, такъ же осторожно сѣли на стулъ, подобрали руки въ рукава и ждали, что̀ скажетъ Илья Ильичъ.

— Я получилъ очень непріятное письмо изъ деревни, въ отвѣтъ на посланную довѣренность—помните?—сказалъ Обломовъ.—Вотъ потрудитесь прочесть.

Иванъ Матвѣевичъ взялъ письмо и привычными глазами бѣгалъ по строкамъ, а письмо слегка дрожало въ его пальцахъ. Прочитавъ, онъ положилъ письмо на столъ, а руки спряталъ за спину.

— Какъ вы полагаете, что̀ теперь дѣлать? — спросилъ Обломовъ.

— Они совѣтуютъ вамъ ѣхать туда, — сказалъ Иванъ Матвѣевичъ. — Что же-съ: тысячу-двѣсти верстъ не Богъ знаетъ что! Черезъ недѣлю установится дорога, вотъ и съѣздили бы.

— Я отвыкъ совсѣмъ ѣздить; съ непривычки, да еще зимой, признаюсь, мнѣ бы трудно было, не хотѣлось бы... Притомъ же въ деревнѣ одному очень скучно.

— А у васъ много оброчныхъ? — спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Да... не знаю: давно не былъ въ деревнѣ.

— Надо знать-съ: безъ этого какъ же-съ? нельзя справокъ навести, сколько доходу получите.

— Да. надо бы, — повторилъ Обломовъ: — и сосѣдъ тоже пишетъ, да вотъ дѣло-то подошло къ зимѣ.

[illegible] реку вы полагаете?

[illegible] кается... вотъ позвольте, у меня было гдѣ-[illegible]... Штольцъ еще тогда составилъ, да трудно [illegible] Захарь, должно-быть, сунулъ куда-нибудь. Я послѣ [illegible] кажется, тридцать рублей съ тягла.

Мужики-то у васъ каковы? Какъ живутъ? — спрашивалъ Иванъ Матвѣевичъ.—Богатые, или разорены, бѣдные? Барщина то какова?

Послушайте,— сказалъ, подойдя къ нему, Обломовъ и бережно взявъ его за оба борта вицмундира.

Иванъ Матвѣевичъ проворно всталъ, но Обломовъ усадилъ его опять.

Послушайте, - повторилъ онъ разстановисто, почти шопотомъ: - я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я, или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ, или буду нищій — я ничего не знаю! — заключилъ онъ съ унынiемъ, выпустивъ борты вицмундира и отступая отъ Ивана Матвѣевича: — слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ какъ ребенку...

Какъ же-съ, надо знать: безъ этого ничего сообразить нельзя, съ покорной умѣшкой сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, приставъ и заложивъ одну руку за спину, а другую за пазуху. Помѣщикъ долженъ знать свое имѣніе какъ съ нимъ обращаться... говорилъ онъ поучительно.

А я не знаю. Научите меня, если можете.

Я самъ не занимался этимъ предметомъ, надо посовѣтоваться съ знающими людьми. Да вотъ-съ, въ письмѣ пишутъ намъ, — продолжалъ Иванъ Матвѣевичъ, указывая средпимъ пальцемъ, ногтемъ внизъ, на страницу письма: — чтобъ вы послужили по выборамъ: вотъ и славно бы! По-

жили бы тамъ, послужили бы въ уѣздномъ судѣ и узнали бы между тѣмъ временемъ и хозяйство.

— Я не знаю, что такое уѣздный судъ, что въ немъ дѣлаютъ, какъ служатъ! — выразительно, но вполголоса опять говорилъ Обломовъ, подойдя вплоть къ носу Ивана Матвѣевича.

— Привыкнете-съ. Вы вѣдь служили здѣсь, въ департаментѣ: дѣло вездѣ одно, только въ формахъ будетъ маленькая разница. Вездѣ предписанія, отношенія, протоколъ... Былъ бы хорошій секретарь, а вамъ что заботы? подписать только. Если знаете, какъ въ департаментахъ дѣло дѣлается...

— Я не знаю, какъ дѣло дѣлается въ департаментахъ,— монотонно сказалъ Обломовъ.

Иванъ Матвѣевичъ бросилъ свой двойной взглядъ на Обломова и молчалъ.

— Должно-быть, все книги читали-съ? — съ той же покорной усмѣшкой замѣтилъ онъ.

— Книги! — съ горечью возразилъ Обломовъ и остановился.

Не достало духа и не нужно было обнажаться до дна души передъ чиновникомъ.

«Я и книгъ не знаю», шевельнулось въ немъ, но не сошло съ языка и выразилось печальнымъ вздохомъ.

— Изволили же чѣмъ-нибудь заниматься, —смиренно прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ, какъ будто дочитавъ въ умѣ Обломова отвѣтъ о книгахъ:—нельзя, чтобъ...

— Можно, Иванъ Матвѣичъ: вотъ вамъ живое доказательство — я! Кто же я? Что я такое? Подите спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: «баринъ!» Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите — на то и наука!

Онъ началъ ходить по комнатѣ, а Иванъ Матвѣевичъ

стоялъ на своемъ мѣстѣ и всякій разъ слегка ворочался всѣмъ корпусомъ въ тотъ уголъ, куда пойдетъ Обломовъ. Оба они молчали нѣкоторое время.

— Гдѣ вы учились? — спросилъ Обломовъ, остановясь опять передъ нимъ.

— Началъ-было въ гимназіи, да изъ шестого класса взялъ меня отецъ и опредѣлилъ въ правленіе. Что наша наука! Читать, писать, грамматикѣ, ариѳметикѣ, а дальше и не пошелъ-съ. Кое-какъ приспособился къ дѣлу, да и перебиваюсь помаленьку. Ваше дѣло другое-съ: вы проходили настоящія науки...

— Да, — со вздохомъ подтвердилъ Обломовъ:—правда, я проходилъ и высшую алгебру, и политическую экономію, и права, а все къ дѣлу не приспособился. Вотъ видите, съ высшей алгеброй не знаю, много ли у меня дохода. Пріѣхалъ въ деревню, послушалъ, посмотрѣлъ — какъ дѣлалось у насъ въ домѣ и въ имѣніи, и кругомъ насъ—совсѣмъ не то права. Уѣхалъ сюда, думалъ какъ-нибудь съ политической экономіей выйду въ люди... А мнѣ сказали, что науки пригодятся мнѣ со временемъ, развѣ потъ старость, а прежде надо выйти въ чины, и для этого нужна одна наука—писать бумаги. Вотъ я и не приспособился къ дѣлу, а сдѣлался просто бариномъ, а вы приспособились: ну, такъ рѣшите же, какъ извернуться.

— Можно-съ, ничего, — сказалъ, наконецъ, Иванъ Матвѣевичъ.

Обломовъ остановился противъ него и ждалъ, что онъ скажетъ.

— Можно поручить это все знающему человѣку и довѣренность перевести на него, — прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— А гдѣ взять такого человѣка? - спросилъ Обломовъ.

— У меня есть сослуживецъ, Исай Ѳомичъ Затертый: онъ заикается немного, а дѣловой и знающій человѣкъ. Три

года управлялъ большимъ имѣніемъ, да помѣщикъ отпустилъ его, по этой самой причинѣ, что заикается. Вотъ онъ и вступилъ къ намъ.

— Да можно ли положиться на него?

— Честнѣйшая душа, не извольте безпокоиться! Онъ свое проживетъ, лишь бы довѣрителю угодить. Двѣнадцатый годъ у насъ состоитъ на службѣ.

— Какъ же онъ поѣдетъ, если служитъ?

— Ничего-съ, отпускъ на четыре мѣсяца возьметъ. Вы извольте рѣшиться, а я привезу его сюда. Вѣдь онъ не даромъ поѣдетъ...

— Конечно нѣтъ,—подтвердилъ Обломовъ.

— Вы ему извольте положить прогоны, на прожитокъ, сколько понадобится въ сутки, а тамъ, по окончаніи дѣла, вознагражденіе, по условію. Поѣдетъ-съ, ничего!

— Я вамъ очень благодаренъ: вы меня отъ большихъ хлопотъ избавите,—сказалъ Обломовъ, подавая ему руку.— Какъ его?...

— Исай Ѳомичъ Затертый, — повторилъ Иванъ Матвѣевичъ, отирая наскоро руку обшлагомъ другого рукава, и, взявъ на минуту руку Обломова, тотчасъ спряталъ свою въ рукавъ.—Я завтра поговорю съ нимъ-съ и приведу.

— Да приходите обѣдать, мы и потолкуемъ. — Очень, очень благодаренъ вамъ! — говорилъ Обломовъ, провожая Ивана Матвѣевича до дверей.

X.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ двухъэтажномъ домѣ, выходившемъ одной стороной въ улицу, гдѣ жилъ Обломовъ, а другой на набережную, въ одной изъ комнатъ верхняго этажа сидѣли Иванъ Матвѣевичъ и Тарантьевъ.

Это было такъ-называемое «заведеніе», у дверей котораго всего стояло двое-трое пустыхъ дрожекъ, а извозчики сидѣли въ нижнемъ этажѣ, съ блюдечками въ ру-

кахъ. Верхній этажъ назначался для «господъ» Выборгской Стороны.

Передъ Иваномъ Матвѣевичемъ и Тарантьевымъ стоялъ чай и бутылка рому.

— Чистѣйшій ямайскій, — сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, наливая дрожащей рукой себѣ въ стаканъ рому: — не побрезгуй, кумъ, угощеніемъ.

— Признайся, есть за что и угостить, — отозвался Тарантьевъ:—домъ сгнилъ бы, а этакаго жильца не дождался.

— Правда, правда, — перебилъ Иванъ Матвѣевичъ. — А если наше дѣло состоится и Затертый поѣдетъ въ деревню—могорычъ будетъ!

— Да ты скупъ, кумъ: съ тобой надо торговаться, — говорилъ Тарантьевъ:—пятьдесятъ рублей за этакаго жильца!

— Боюсь, грозится съѣхать, — замѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Ахъ ты: а еще дока! Куда онъ съѣдетъ! Его не выгонишь теперь.

— А свадьба-то? Женится, говорятъ.

Тарантьевъ захохоталъ.

— Онъ женится! Хочешь объ закладъ, что не женится?— возразилъ онъ. — Да ему Захаръ и спать-то помогаетъ, а то жениться! Доселѣ я ему все благодѣтельствовалъ: вѣдь безъ меня, братецъ ты мой, онъ бы съ голоду умеръ, или въ тюрьму попалъ. Надзиратель придетъ, хозяинъ домовый что-нибудь спроситъ, такъ, вѣдь, ни въ зубъ толкнуть—все я! Ничего не смыслитъ...

— Подлинно ничего: въ уѣздномъ судѣ, говоритъ, не знаю, что дѣлаютъ, въ департаментѣ то же; какіе мужики у него — не вѣдаетъ. Что за голова! Меня даже смѣхъ взялъ.!.

— А контрактъ-то, контрактъ-то каковъ заключили? — хвастался Тарантьевъ. — Мастеръ ты, братъ, строчить бумаги, Иванъ Матвѣевичъ, ей-Богу мастеръ! Вспомнишь по-

койника отца! И я былъ гораздъ, да отвыкъ, видитъ Богъ, отвыкъ. Присяду: слеза такъ и бьетъ изъ глазъ. Не читалъ, такъ и подмахнулъ! А тамъ и огороды, и конюшни, и амбары.

— Да, кумъ, пока не перевелись слухи на Руси, что подписываютъ бумаги, не читая, нашему брату можно жить. А то хоть пропадай, плохо стало! Послышишь отъ стариковъ, такъ не то! Въ двадцать-пять лѣтъ службы, какой я капиталъ составилъ? Можно прожить на Выборгской Сторонѣ, не показывая носа на свѣтъ Божій: кусокъ будетъ хорошій, не жалуюсь, хлѣба не переѣшь! А чтобъ тамъ квартиры на Литейной, ковры, да жениться на богатой, дѣтей въ знать выводить — прошло времечко! И рожа-то, слышь, не такая, и пальцы, видишь, красны, зачѣмъ водку пьешь... А какъ ее не пить-то? Попробуй! Хуже лакея, говорятъ: нынче и лакей этакихъ сапогъ не носитъ и рубашку каждый день мѣняетъ. Воспитаніе не такое — все молокососы перебили: ломаются, читаютъ, да говорятъ по-французски...

— А дѣла не смыслятъ,—прибавилъ Тарантьевъ.

— Нѣтъ, братъ, смыслятъ: дѣло-то нынче не такое; всякій хочетъ проще, все гадятъ намъ. Такъ не нужно писать: это лишняя переписка, трата времени; можно скорѣе... гадятъ!

— А контрактъ-то подписанъ: не изгадили! — сказалъ Тарантьевъ.

— То ужъ, конечно, свято. Выпьемъ, кумъ! Вотъ пошлетъ Затертаго въ Обломовку, тотъ повысосетъ немного: пусть достается потомъ наслѣдникамъ...

— Пусть! — замѣтилъ Тарантьевъ. — Да наслѣдники-то какіе: троюродные, седьмая вода на киселѣ.

— Вотъ только свадьбы боюсь! — сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Не бойся, тебѣ говорятъ. Вотъ помяни мое слово.

... Иванъ Матвѣевичъ. — А
... сестру...—шопотомъ приба-

... сказалъ Тарантьевъ.
... такъ...
... Тарантьевъ, насилу приходя въ
... приснилось! Ну, а она что?
... —вотъ что!
... столъ.
... соблюсти? Корова, сущая
... обними—все ухмыляется, какъ
... ой-ой! Да я глазъ не спущу—
... гъ!

XI.

Четыре мѣсяца принужденій, свидальныхъ лицъ, улыбокъ!» думалъ ... лѣстницу къ Ильинскимъ. «Боже ... А Ольга будетъ торопить: сегодастойчива, непреклонна! Ее трудно

... до комнаты Ольги, не встрѣтивъ ... своей маленькой гостиной, передъ ... въ чтеніе какой-то книги.
... передъ ней, такъ что она вздрогнула, ... кой, протянула ему руку, но глаза ... ывали книгу: она смотрѣла разсѣянно.
... нилъ онъ ее.
... ехала въ Царское Село: звала меня съ ... ѣдать почти одни: Марья Семеновна ... че бы я не могла принять тебя. Сего... объясниться. Какъ это все скучно! Зато ... она и улыбнулась.—А что, если бъ я ... въ Царское Село?—спросила она шутливо.

Онъ молчалъ.

— Ты озабоченъ?—продолжала она.

— Я получилъ письмо изъ деревни,—сказалъ онъ монотонно.

— Гдѣ оно? съ тобой?

Онъ подалъ ей письмо.

— Я ничего не разберу, — сказала она, посмотрѣвъ на бумагу.

Онъ взялъ у ней письмо и прочелъ вслухъ. Она задумалась.

— Что жъ теперь?—спросила она, помолчавъ.

— Я сегодня совѣтовался съ братомъ хозяйки,—отвѣчалъ Обломовъ:—и онъ рекомендуетъ мнѣ повѣреннаго, Исая Ѳомича Затертаго: я поручу ему обдѣлать все это...

— Чужому, незнакомому человѣку!—съ удивленіемъ возразила Ольга.—Собирать оброкъ, разбирать крестьянъ, смотрѣть за продажей хлѣба...

— Онъ говоритъ, что это честнѣйшая душа, двѣнадцать лѣтъ съ нимъ служитъ... Только заикается немного...

— А самъ братъ твоей хозяйки каковъ? Ты его знаешь?

— Нѣтъ; да онъ, кажется, такой положительный, дѣловой человѣкъ, и притомъ я живу у него въ домѣ: посовѣстится обмануть!

Ольга молчала и сидѣла, потупя глаза.

— Иначе вѣдь самому надо ѣхать,—сказалъ Обломовъ:—мнѣ бы, признаться, этого не хотѣлось. Я совсѣмъ отвыкъ ѣздить по дорогамъ, особенно зимой... никогда даже не ѣзжалъ.

Она все глядѣла внизъ, шевеля носкомъ ботинки.

— Если даже я и поѣду, — продолжалъ Обломовъ: — то вѣдь рѣшительно изъ этого ничего не выйдетъ: я толку не добьюсь; мужики меня обманутъ; староста скажетъ, что хочетъ—я долженъ вѣрить всему; денегъ дастъ, сколько взду-

маетъ. Ахъ, Андрея нѣтъ здѣсь: онъ бы все уладилъ!—съ огорченіемъ прибавилъ онъ.

Ольга усмѣхнулась, то-есть у ней усмѣхнулись только губы, а не сердце: на сердцѣ была горечь. Она начала глядѣть въ окно, прищуря немного одинъ глазъ и слѣдя за каждой проѣзжавшей каретой.

— Между тѣмъ повѣренный этотъ управлялъ большимъ имѣніемъ, — продолжалъ онъ: — да помѣщикъ отослалъ его именно потому, что заикается. Я дамъ ему довѣренность, передамъ планы: онъ распорядится закупкой матеріаловъ для постройки дома, соберетъ оброкъ, продастъ хлѣбъ, привезетъ деньги, и тогда... Какъ я радъ, милая Ольга,—сказалъ онъ, цѣлуя у ней руку:—что мнѣ не нужно покидать тебя! Я бы не вынесъ разлуки; безъ тебя въ деревнѣ, одному... это ужасъ! Но только теперь намъ надо быть очень осторожными.

Она взглянула на него такимъ большимъ взглядомъ и ждала.

— Да,—началъ онъ говорить медленно, почти заикаясь:—видѣться изрѣдка; вчера опять заговорили у насъ, даже на хозяйской половинѣ... а я не хочу этого... Какъ только всѣ дѣла устроятся, повѣренный распорядится стройкой и привезетъ деньги... все это кончится въ какой-нибудь годъ... тогда нѣтъ болѣе разлуки, мы скажемъ тёткѣ, и... и...

Онъ взглянулъ на Ольгу: она безъ чувствъ. Голова у ней склонилась на сторону, изъ-за посинѣвшихъ губъ видны были зубы. Онъ не замѣтилъ, въ избыткѣ радости и мечтанья, что при словахъ: «когда устроятся дѣла, повѣренный распорядится», Ольга побѣднѣла и не слыхала заключенія его фразы.

— Ольга!.. Боже мой, ей дурно!—сказалъ онъ и дернулъ шнокъ.

— Барышнѣ дурно! —сказалъ онъ прибѣжавшей Катѣ.— Скорѣе, воды!.. спирту...

— Господи! Все утро такія веселыя были... Что̀ съ ними?— шептала Катя, принеся со стола тётки спиртъ и суетясь со стакаиомъ воды.

Ольга очнулась, встала, съ помощью Кати и Обломова, съ кресла и, шатаясь, пошла къ себѣ въ спальню.

— Это пройдетъ,—слабо сказала она:—это нервы; я дурно спала ночь. Катя, затвори дверь, а вы подождите меня: я оправлюсь и выйду.

Обломовъ остался одинъ, прикладывалъ къ двери ухо, смотрѣлъ въ щель замка, но ничего не слышно и не видно.

Черезъ полчаса онъ пошелъ по коридору до дѣвичьей и спросилъ Катю:

— Что̀ барышня?

— Ничего,—сказала Катя:—онѣ легли, а меня выслали; потомъ я входила: онѣ сидятъ въ креслѣ.

Обломовъ опять пошелъ въ гостиную, опять смотрѣлъ въ дверь—ничего не слышно.

Онъ чуть-чуть постучалъ пальцемъ—нѣтъ отвѣта.

Онъ сѣлъ и задумался. Много передумалъ онъ въ эти полтора часа, много измѣнилось въ его мысляхъ, много онъ принялъ новыхъ рѣшеній. Наконецъ, онъ остановился на томъ, что самъ поѣдетъ съ повѣреннымъ въ деревню, но прежде выпроситъ согласіе тётки на свадьбу, обручится съ Ольгой, Ивану Герасимовичу поручитъ отыскать квартиру и даже займетъ денегъ... немного, чтобъ свадьбу сыграть.

Этотъ долгъ можно заплатить изъ выручки за хлѣбъ. Что жъ онъ такъ пріунылъ? Ахъ, Боже мой, какъ все можетъ перемѣнить видъ въ одну минуту! А тамъ, въ деревнѣ, они распорядятся съ повѣреннымъ собрать оброкъ; да, наконецъ, Штольцу напишетъ: тотъ дастъ денегъ и потомъ пріѣдетъ и устроитъ ему Обломовку на славу, онъ всюду дороги проведетъ, и мостовъ настроитъ, и школы заведетъ... А тамъ они, съ Ольгой!.. Боже, вотъ оно, счастье! Какъ это все ему въ голову не пришло!

Вдругъ ему стало такъ легко, весело; онъ началъ ходить изъ угла въ уголъ, даже пощёлкивалъ тихонько пальцами, чутѣ не закричалъ отъ радости, подошелъ къ двери Ольги и тихо позвалъ ее веселымъ голосомъ.

— Ольга, Ольга! Что я вамъ скажу!—говорилъ онъ, приложивъ губы сквозь двери.—Никакъ не ожидаете...

Онъ даже рѣшилъ не уѣзжать сегодня отъ нея, а дождаться тётки. «Сегодня же объявимъ ей, и я уѣду отсюда женихомъ».

Дверь тихо отворилась, и явилась Ольга: онъ взглянулъ на нее и вдругъ упалъ духомъ; радость его какъ въ воду канула: Ольга какъ-будто немного постарѣла. Блѣдна, но глаза блестятъ, въ замкнутыхъ губахъ, во всякой чертѣ таится внутренняя напряженная жизнь, окованная, точно льдомъ, насильственнымъ спокойствіемъ и неподвижностью.

Во взглядѣ ея онъ прочелъ рѣшеніе, но какое — еще не зналъ, только у него сердце стукнуло, какъ никогда не стучало. Такихъ минутъ не бывало въ его жизни.

— Послушай, Ольга, не гляди на меня такъ: мнѣ страшно! — сказалъ онъ. — Я передумалъ: совсѣмъ иначе надо устроить...—продолжалъ потомъ, постепенно понижая тонъ, останавливаясь и стараясь вникнуть въ этотъ новый для него смыслъ ея глазъ, губъ и говорящихъ бровей. —Я рѣшилъ самъ уѣхать въ деревню, вмѣстѣ съ повѣреннымъ... чтобъ тамъ...—едва слышно досказалъ онъ.

Она молчала, глядя на него пристально, какъ привидѣніе.

Онъ смутно догадывался, какой приговоръ ожидалъ его, и взялъ шляпу, но медлилъ спрашивать: ему страшно было услышать роковое рѣшеніе и, можетъ-быть, безъ апелляціи. Наконецъ, онъ осилилъ себя.

— Такъ ли я понялъ?..—спросилъ онъ ее измѣнившимся голосомъ.

Она медленно, съ кротостью наклонила, въ знакъ согла-

сія, голову. Онъ хотя до этого угадалъ ея мысль, но поблѣднѣлъ и все стоялъ передъ ней.

Она была нѣсколько томна, но казалась такою покойною и неподвижною, какъ будто каменная статуя. Это былъ тотъ сверхъестественный покой, когда сосредоточенный замыселъ, или пораженное чувство даютъ человѣку вдругъ всю силу, чтобъ сдержать себя, но только на одинъ моментъ. Она походила на раненаго, который зажалъ рану рукой, чтобъ досказать, что̀ нужно, и потомъ умереть.

— Ты не возненавидишь меня?—спросилъ онъ.

— За что?—сказала она слабо.

— За все, что̀ я сдѣлалъ съ тобой...

— Что̀ ты сдѣлалъ?

— Любилъ тебя: это оскорбленіе!

Она съ жалостью улыбнулась.

— За то, — говорилъ онъ, поникнувъ головой: — что ты ошибалась... Можетъ-быть, ты простишь меня, если вспомнишь, что я предупреждалъ, какъ тебѣ будетъ стыдно, какъ ты станешь раскаиваться...

— Я не раскаиваюсь. Мнѣ такъ больно, такъ больно...— сказала она и остановилась, чтобы перевести духъ.

— Мнѣ хуже, — отвѣчалъ Обломовъ: — но я стою этого: за что̀ *ты* мучишься?

— За гордость,—сказала она:—я наказана, я слишкомъ понадѣялась на свои силы — вотъ въ чемъ я ошиблась, а не въ томъ, чего ты боялся. Не о первой молодости и красотѣ мечтала я: я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня — а ты ужъ давно умеръ. Я не предвидѣла этой ошибки, а все ждала, надѣялась... и вотъ!..— съ трудомъ, со вздохомъ досказала она.

Она замолчала, потомъ сѣла.

— Я не могу стоять: ноги дрожатъ. Камень ожилъ бы отъ того, что̀ я сдѣлала, — продолжала она томнымъ голосомъ. — Теперь не сдѣлаю ничего, ни шагу, даже не пойду

[illegible] безполезно — ты умеръ! Ты согласенъ [illegible] прибавила она потомъ, помолчавъ. — Не [illegible] что я по гордости или по капризу [illegible]?

Онъ [illegible] покачалъ головой.

- Хочешь ли ты, что намъ ничего не осталось, ни[illegible]?

Да, сказалъ онъ:—это правда... Но, можетъ-быть...— [illegible] прибавилъ потомъ:—черезъ годъ...

У него не доставало духа нанести рѣшительный ударъ [illegible] счастью.

Ужели ты думаешь, что черезъ годъ ты устроилъ бы [illegible] и жизнь?—спросила она.—Подумай!

Онъ вздохнулъ и задумался, боролся съ собой. Она прочла [illegible] на лицѣ.

Послушай, - сказала она:—я сейчасъ долго смотрѣла на портретъ моей матери и, кажется, заняла въ ея глазахъ совѣта и силы. Если ты теперь, какъ честный человѣкъ... Помни, Илья, мы не дѣти и не шутимъ: дѣло идетъ о цѣлой жизни! Спроси же строго у своей совѣсти и скажи—я повѣрю тебѣ, я тебя знаю: станетъ ли тебя на всю жизнь? Будешь ли ты для меня тѣмъ, что мнѣ нужно? Ты меня знаешь, слѣдовательно понимаешь, что я хочу сказать. Если ты скажешь смѣло и обдуманно *да:* я беру назадъ свое рѣшеніе: вотъ моя рука и пойдемъ, куда хочешь, за границу, въ деревню, даже на Выборгскую Сторону!

Онъ молчалъ.

- Если бъ ты знала, какъ я люблю...

- Я жду не увѣреній въ любви, а короткаго отвѣта,— перебила она почти сухо.

Не мучь меня, Ольга!—съ унынiемъ умолялъ онъ.

- Что жъ, Илья, права я или нѣтъ?

Да, твердо и рѣшительно сказалъ онъ:—ты права!

— Такъ намъ пора разстаться,—рѣшила она:—пока не застали тебя и не видали, какъ я разстроена!

Онъ все не шелъ.

— Если бъ ты и женился, что̀ потомъ?—спросила она.

Онъ молчалъ.

— Ты засыпа̀лъ бы съ каждымъ днемъ все глубже — не правда ли? А я? Ты видишь, какая я? Я не состарѣюсь, не устану жить никогда. А съ тобой мы стали бы жить изо-дня-въ-день, ждать Рождества, потомъ масленицы, ѣздить въ гости, танцовать, и не думать ни о чемъ; ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошелъ, а утромъ просыпа̀лись бы съ желаніемъ, чтобъ сегодня походило на̀ вчера... вотъ наше будущее — да? Развѣ это жизнь? Я зачахну, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастливъ...

Онъ мучительно провелъ глазами по потолку, хотѣлъ сойти съ мѣста, бѣжать — ноги не повиновались. Хотѣлъ сказать что-то:—во рту было сухо, языкъ не ворочался, голосъ не выходилъ изъ груди. Онъ протянулъ ей руку.

— Стало-быть...—началъ онъ упавшимъ голосомъ, но не кончилъ и взглядомъ досказалъ: «прости!»

И она хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала, протянула ему руку, но рука, не коснувшись его руки, упала; хотѣла-было также сказать: «прощай», но голосъ у ней на половинѣ слова сорвался и взялъ фальшивую ноту; лицо исказилось судорогой, она положила руку и голову ему на плечо и зарыдала. У ней какъ будто вырвали оружіе изъ рукъ. Умница пропала — явилась просто женщина, беззащитная противъ горя.

— Прощай, прощай...—вырвалось у ней среди рыданій.

Онъ молчалъ и въ ужасѣ слушалъ ея слезы, не смѣя мѣшать имъ. Онъ не чувствовалъ жалости ни къ ней, ни къ себѣ; онъ былъ самъ жалокъ. Она опустилась въ кресло и, прижавъ голову къ платку, оперлась на столъ и плакала горько. Слезы текли не какъ мгновенно вырвавшаяся жар-

[illegible] отъ внезапной и временной боли, какъ тогда въ паркѣ, а изливались безотрадно, холодными потоками, какъ осенній дождь, безпощадно поливающій нивы.

Ольга, наконецъ сказалъ онъ:—за что̀ ты терзаешь себя? Ты меня любишь, ты не перенесешь разлуки! Возьми меня, какъ я есть, люби во мнѣ что̀ есть хорошаго.

Она отрицательно покачала головой, не поднимая ея.

Нѣтъ... нѣтъ...— силилась выговорить потомъ: — за меня и за мое горе не бойся. Я знаю себя: я выплачу его и потомъ ужъ больше плакать не стану. А теперь не мѣшай плакать... уйди... Ахъ, нѣтъ, постой!.. Богъ наказываетъ меня!.. Мнѣ больно, ахъ, какъ больно... здѣсь, у сердца...

Рыданія возобновились.

А если боль не пройдетъ,—сказалъ онъ:— и здоровье [illegible]? Такія слезы ядовиты. Ольга, ангелъ мой, не плачь... забудь все...

Нѣтъ, дай мнѣ плакать! Я пла̀чу не о будущемъ, а о прошедшемъ... выговаривала она съ трудомъ:—оно «по-[illegible]». Не я пла̀чу, воспоминанія плачутъ!.. [illegible] паркъ... помнишь? Мнѣ жаль нашей аллеи, сирени... Это все приросло къ сердцу: больно отрывать!..

Она въ отчаяніи, качала головой и рыдала, повторяя:

О какъ больно, больно!

Если ты умрешь?—вдругъ съ ужасомъ сказалъ онъ.— Подумай, Ольга...

Нѣтъ,— перебила она, поднявъ голову и стараясь [illegible] на него сквозь слезы.—Я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что̀ я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что̀ мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ, голубь; ты прячешь голову подъ крыло — и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ

нужно чего-то еще, а чего—не знаю! Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ недостаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!

У Обломова подкосились ноги; онъ сѣлъ въ кресло и отеръ платкомъ руки и лобъ.

Слово было жестоко: оно глубоко уязвило Обломова: внутри оно будто обожгло его, снаружи повѣяло на него холодомъ. Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно-стыдливо, какъ нищій, котораго упрекнули его наготой. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ: «да, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня!..»

Ольга вдругъ увидѣла, сколько яду было въ ея словѣ; она стремительно бросилась къ нему.

— Прости меня, мой другъ! — заговорила она нѣжно, будто слезами.—Я не помню, что говорю: я безумная! Забудь все; будемъ попрежнему; пусть все останется какъ было...

— Нѣтъ! — сказалъ онъ, вдругъ всталъ и, устраняя рѣшительнымъ жестомъ ея порывъ: — Не останется! Не тревожься, что сказала правду: я стою...—прибавилъ онъ съ унынiемъ.

— Я мечтательница, фантазёрка! — говорила она. — Несчастный характеръ у меня. Отчего другія, отчего Соничка такъ счастлива...

Она заплакала.

— Уйди!—рѣшила она, терзая мокрый платокъ руками.— Я не выдержу; мнѣ еще дорого прошедшее...

Она опять закрыла лицо платкомъ и старалась заглушить рыданія.

— Отчего погибло все?—вдругъ, поднявъ голову, спросила она. — Кто проклялъ тебя, Илья? Что ты сдѣлалъ? Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу...

— Есть,—сказалъ онъ чуть-слышно.

Она вопросительно, полными слезъ глазами взглянула на него.

— Обломовщина! — прошепталъ онъ, потомъ взялъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать, но не могъ, только прижалъ крѣпко къ губамъ, и горячія слезы закапали ей на пальцы. Не поднимая головы, не показывая ей лица, онъ обернулся и пошелъ.

XII.

Богъ знаетъ, гдѣ онъ бродилъ, что дѣлалъ цѣлый день, но домой вернулся поздно ночью. Хозяйка первая услыхала стукъ въ ворота и лай собаки, и растолкала отъ сна Анисью и Захара, сказавъ, что баринъ воротился.

Илья Ильичъ почти не замѣтилъ, какъ Захаръ раздѣлъ его, стащилъ сапоги и накинулъ на него—халатъ!

— Что это?—спросилъ онъ только, поглядѣвъ на халатъ.

— Хозяйка сегодня принесла: вымыли и починили халатъ,—сказалъ Захаръ.

Обломовъ какъ сѣлъ, такъ и остался въ креслѣ.

Все погрузилось въ сонъ и мракъ около него. Онъ сидѣлъ опершись на руку, не замѣчалъ мрака, не слыхалъ боя часовъ. Умъ его утонулъ въ хаосѣ безобразныхъ, неясныхъ мыслей; онѣ неслись, какъ облака въ небѣ, безъ цѣли и безъ связи—онъ не ловилъ ни одной.

Сердце было убито: тамъ на время затихла жизнь. Возвращеніе къ жизни, къ порядку, къ теченію правильнымъ путемъ скопившагося напора жизненныхъ силъ совершалось медленно.

Приливъ былъ очень жестокъ, и Обломовъ не чувствовалъ тѣла на себѣ, не чувствовалъ ни усталости, никакой потребности. Онъ могъ лежать, какъ камень, цѣлыя сутки, или цѣлыя сутки идти, ѣхать, двигаться, какъ машина.

Понемногу, труднымъ путемъ вырабатывается въ чело-

вѣкѣ или покорность судьбѣ — и тогда организмъ медленно и постепенно вступаетъ во всѣ свои отправленія, — или горе сломитъ человѣка и онъ не встанетъ больше, смотря по горю, и по человѣку тоже.

Обломовъ не помнилъ, гдѣ онъ сидитъ, даже сидѣлъ ли онъ: машинально смотрѣлъ и не замѣчалъ, какъ забрезжилось утро; слышалъ и не слыхалъ, какъ раздался сухой кашель старухи, какъ сталъ дворникъ колоть дрова на дворѣ, какъ застучали и загремѣли въ домѣ, видѣлъ и не видалъ, какъ хозяйка и Акулина пошли на рынокъ, какъ мелькнулъ пакетъ мимо забора.

Ни пѣтухи, ни лай собаки, ни скрипъ воротъ не могли вывести его изъ столбняка. Загремѣли чашки, зашипѣлъ самоваръ.

Наконецъ, часу въ десятомъ Захаръ отворилъ подносомъ дверь въ кабинетъ, лягнулъ, по обыкновенію, назадъ ногой, чтобъ затворить ее и, по обыкновенію, промахнулся, но удержалъ, однакожъ, подносъ: наметался отъ долговременной практики, да притомъ зналъ, что сзади смотритъ въ дверь Анисья, и только урони онъ что-нибудь, она сейчасъ подскочитъ и сконфузитъ его.

Онъ благополучно дошелъ, уткнувъ бороду въ подносъ и обнявъ его крѣпко, до самой постели, и только располагалъ поставить чашки на столъ подлѣ кровати и разбудить барана—глядь, постель не измята, барина нѣтъ!

Онъ встрепенулся, и чашка полетѣла на полъ, за ней сахарница. Онъ сталъ ловить вещи на воздухѣ и качалъ подносомъ, другія летѣли. Онъ успѣлъ удержать на подносѣ только ложечку.

— Что это за напасть такая? — говорилъ онъ, глядя, какъ Анисья подбирала куски сахару, черепки чашки, хлѣбъ.—Гдѣ же баринъ?

А баринъ сидитъ въ креслѣ и лица на немъ нѣтъ. Захаръ посмотрѣлъ на него съ разинутымъ ртомъ.

— Вы зачѣмъ это, Илья Ильичъ, всю ночь просидѣли въ креслѣ, не ложились?—спросилъ онъ.

Обломовъ медленно обернулъ къ нему голову, разсѣянно посмотрѣлъ на Захара, на розлитый кофе, на разбросанный по ковру сахаръ.

— А ты зачѣмъ чашку-то разбилъ?—сказалъ онъ, потомъ подошелъ къ окну.

Снѣгъ валилъ хлопьями и густо устилалъ землю.

— Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ! — твердилъ онъ безсмысленно, глядя на снѣгъ, густымъ слоемъ покрывшій заборъ, плетень и гряды на огородѣ.—Все засыпалъ!—шепнулъ потомъ отчаянно, легъ въ постель и заснулъ свинцовымъ, безотраднымъ сномъ.

Ужъ было за полдень, когда его разбудилъ скрипъ двери, съ хозяйской половины; изъ двери просунулась обнаженная рука, съ тарелкой; на тарелкѣ дымился пирогъ.

— Сегодня воскресенье,—говорилъ ласково голосъ:— пирогъ пекли; не угодно ли закусить?

Но онъ не отвѣчалъ ничего: у него была горячка.

Часть четвертая.

I.

Годъ прошелъ со времени болѣзни Ильи Ильича. Много перемѣнъ принесъ этотъ годъ въ разныхъ мѣстахъ міра: тамъ взволновалъ край, а тамъ успокоилъ; тамъ закатилось какое-нибудь свѣтило міра, тамъ засіяло другое; тамъ міръ усвоилъ себѣ новую тайну бытія, а тамъ рушились въ прахъ жилища и поколѣнія. Гдѣ падала старая жизнь, тамъ, какъ молодая зелень, пробивалась новая...

И на Выборгской Сторонѣ, въ домѣ вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текутъ мирно, не внося буйныхъ и внезапныхъ перемѣнъ въ однообразную жизнь, хотя четыре времени года повторили свои отправленія, какъ въ прошедшемъ году, но жизнь все-таки не останавливалась, все мѣнялась въ своихъ явленіяхъ, но мѣнялась съ такою медленною постепенностью, съ какою происходятъ геологическія видоизмѣненія нашей планеты: тамъ потихоньку осыпается гора, здѣсь цѣлые вѣка море наноситъ илъ, или отступаетъ отъ берега и образуетъ приращеніе почвы.

Илья Ильичъ выздоровѣлъ. Повѣренный Затертый отправился въ деревню и прислалъ вырученныя за хлѣбъ деньги сполна и былъ изъ нихъ удовлетворенъ прогонами, суточными деньгами и вознагражденіемъ за трудъ.

Что касается оброка, то Затертый писалъ, что денегъ

этихъ собрать нельзя, что мужики частью разорились, частью ушли по разнымъ мѣстамъ и гдѣ находятся—неизвѣстно, и что онъ собираетъ на мѣстѣ дѣятельныя справки.

О дорогѣ, о мостахъ, писалъ онъ, что время терпитъ, что мужики охотнѣе предпочитаютъ переваливаться черезъ гору и черезъ оврагъ до торговаго села, чѣмъ работать надъ устройствомъ новой дороги и мостовъ.

Словомъ, свѣдѣнія и деньги получены удовлетворительныя, и Илья Ильичъ не встрѣтилъ крайней надобности ѣхать самому и былъ съ этой стороны успокоенъ до будущаго года.

Повѣренный распорядился и насчетъ постройки дома: опредѣливъ, вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ, количество нужныхъ матеріаловъ, онъ оставилъ старостѣ приказъ, съ открытіемъ весны, возить лѣсъ и велѣлъ построить сарай для кирпича, такъ что Обломову оставалось только пріѣхать весной и, благословясь, начать стройку при себѣ. Къ тому времени предполагалось собрать оброкъ и, кромѣ того, было въ виду заложить деревню, слѣдовательно, расходы было изъ чего покрыть.

Послѣ болѣзни Илья Ильичъ долго былъ мраченъ, по цѣлымъ часамъ повергался въ болѣзненную задумчивость и иногда не отвѣчалъ на вопросы Захара, не замѣчалъ, какъ онъ ронялъ чашки на полъ и не сметалъ со стола пыль, или хозяйка, являясь по праздникамъ съ пирогомъ, заставала его въ слезахъ.

Потомъ, мало-по-малу, мѣсто живого горя заступило нѣмое равнодушіе. Илья Ильичъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ падалъ снѣгъ и наносилъ сугробы на дворѣ и на улицѣ, какъ покрылъ дрова, курятники, конуру, садикъ, гряды огорода, какъ изъ столбовъ забора образовались пирамиды, какъ все умерло и окуталось въ саванъ.

Подолгу слушалъ онъ трескъ кофейной мельницы, ска-

канье на цѣпи и лай собаки, чищенье сапогъ Захаромъ и мѣрный стукъ маятника.

Къ нему, попрежнему, входила хозяйка, съ предложеніемъ купить что-нибудь, или откушать чего-нибудь; бѣгали хозяйскія дѣти: онъ равнодушно-ласково говорилъ съ первой, послѣднимъ задавалъ уроки, слушалъ, какъ они читаютъ, и улыбался на ихъ дѣтскую болтовню вяло и нехотя.

Но гора осыпалась понемногу, море отступало отъ берега, или приливало къ нему, и Обломовъ мало-по-малу входилъ въ прежнюю нормальную свою жизнь.

Осень, лѣто и зима прошли вяло, скучно. Но Обломовъ ждалъ опять весны и мечталъ о поѣздкѣ въ деревню.

Въ мартѣ напекли жаворонковъ, въ апрѣлѣ у него выставили рамы и объявили, что вскрылась Нева и наступила весна.

Онъ бродилъ по саду. Потомъ стали сажать овощи въ огородѣ; пришли разные праздники. Троица, семикъ, первое мая: все это ознаменовалось березками, вѣнками; въ рощѣ пили чай.

Съ начала лѣта въ домѣ стали поговаривать о двухъ большихъ предстоящихъ праздникахъ: Ивановѣ днѣ, именинахъ братца, и объ Ильинѣ днѣ—именинахъ Обломова: это были двѣ важныя эпохи въ виду. И когда хозяйкѣ случалось купить, или видѣть на рынкѣ отличную четверть телятины, или удавался особенно хорошо пирогъ, она приговаривала:

— Ахъ, если бъ этакая телятина попалась, или этакій пирогъ удался въ Ивановъ или въ Ильинъ день!

Поговаривали объ ильинской пятницѣ и о совершаемой ежегодно на Пороховые заводы прогулкѣ пѣшкомъ, о праздникѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ Колпинѣ.

Подъ окнами снова раздалось тяжелое кудахтанье насѣдки и писк новаго поколѣнія цыплятъ; пошли пироги

съ цыплятами и свѣжими грибами, свѣжепросольные огурцы; вскорѣ появились и ягоды.

— Потроха ужъ теперь не хороши, — сказала хозяйка Обломову: — вчера за двѣ пары маленькихъ просили семь гривенъ, зато лососина свѣжая есть: ботвинью хоть каждый день можно готовить.

Хозяйственная часть въ домѣ Пшеницыной процвѣтала, не потому только, что Агаѳья Матвѣевна была образцовая хозяйка, что это было ея призваніемъ, но и потому еще, что Иванъ Матвѣевичъ Мухояровъ былъ, въ гастрономическомъ отношеніи, великій эпикуреецъ. Онъ былъ болѣе нежели небреженъ въ платьѣ, въ бѣльѣ: платье носилъ по многимъ годамъ, и тратилъ деньги на покупку новаго съ отвращеніемъ и досадой, не развѣшивалъ его тщательно, а сваливалъ въ уголъ, въ кучу. Бѣлье, какъ чернорабочій, мѣнялъ только въ субботу; но что касалось стола, онъ не щадилъ издержекъ.

Въ этомъ онъ отчасти руководствовался своей собственной, созданной имъ, со времени вступленія въ службу, логикой: «не увидятъ что въ брюхѣ—и толковать пустяковъ не станутъ; тогда какъ тяжелая цѣпочка на часахъ, новый фракъ, свѣтлые сапоги — все это порождаетъ лишніе разговоры».

Отъ этого на столѣ у Пшеницыныхъ являлась телятина перваго сорта, янтарная осетрина, бѣлые рябчики. Онъ иногда самъ обходитъ и обнюхаетъ, какъ легавая собака, рынокъ, или Милютины лавки, подъ полой принесетъ лучшую пулярку, не пожалѣетъ четырехъ рублей на индѣйку.

Вино онъ бралъ съ биржи и пряталъ самъ, и самъ доставалъ: но на столѣ никогда никто не видалъ ничего, кромѣ графина водки, настоенной смородиннымъ листомъ; вино же вышивалось въ свѣтлицѣ.

Когда онъ съ Тарантьевымъ отправлялся на тоню, въ плато у него всегда спрятана была бутылка высокаго сорта

мадеры, а когда пили они «въ заведеніи» чай, онъ приносилъ свой ромъ.

Постепенная осадка, или выступленіе дна морского и осыпка горы совершались надъ всѣмъ и, между прочимъ, надъ Анисьей: взаимное влеченье Анисьи и хозяйки превратилось въ неразрывную связь, въ одно существованіе.

Обломовъ, видя участіе хозяйки въ его дѣлахъ, предложилъ однажды ей, въ видѣ шутки, взять всѣ заботы о его продовольствіи на себя и избавить его отъ всякихъ хлопотъ.

Радость разлилась у ней по лицу; она усмѣхнулась даже сознательно. Какъ расширялась ея арена: вмѣсто одного, два хозяйства, или одно, да какое большое! Кромѣ того, она пріобрѣтала Анисью.

Хозяйка поговорила съ братцемъ, и на другой день изъ кухни Обломова все было перетаскано на кухню Пшеницыной; серебро его и посуда поступили въ ея буфетъ, а Акулина была разжалована изъ кухарокъ въ птичницы и въ огородницы.

Все пошло на большую ногу; закупка сахару, чаю, провизіи, соленье огурцовъ, моченье яблокъ и вишенъ, варенье—все приняло обширные размѣры.

Агаѳья Матвѣевна выросла, Анисья расправила свои руки, какъ орлица крылья, и жизнь закипѣла и потекла рѣкой.

Обломовъ обѣдалъ съ семьей въ три часа, только братецъ обѣдали особо, послѣ, больше въ кухнѣ, потому что очень поздно приходили изъ должности.

Чай и кофе носила Обломову сама хозяйка, а не Захаръ.

Послѣдній, если хотѣлъ, стиралъ пыль, а если не хотѣлъ, такъ Анисья влетитъ какъ вихрь, и отчасти фартукомъ, отчасти голой рукой, почти носомъ, разомъ все сдуетъ, смахнетъ, сдернетъ, уберетъ и исчезнетъ; не то, такъ сама хозяйка, когда Обломовъ выйдетъ въ садъ, заглянетъ къ нему въ комнату, найдетъ безпорядокъ, покачаетъ голо-

вой и, ворча что-то про себя, взобьетъ подушки горой, тутъ же посмотритъ наволочки, опять шепнетъ себѣ, что надо перемѣнить, и сдернетъ ихъ, оботретъ окна, заглянетъ за спинку дивана и уйдетъ.

Постепенная осадка дна морского, осыпанье горъ, наносный илъ, съ прибавкой легкихъ волканическихъ взрывовъ — все это совершилось всего болѣе въ судьбѣ Агаѳьи Матвѣевны, и никто, всего менѣе она сама, не замѣчалъ это. Оно стало замѣтно только по обильнымъ, неожиданнымъ и безконечнымъ послѣдствіямъ.

Отчего она съ нѣкоторыхъ поръ стала сама не своя?

Отчего прежде, если подгоритъ жаркое, переварится рыба въ ухѣ, не положится зелени въ супъ, она строго, но съ спокойствіемъ и достоинствомъ сдѣлаетъ замѣчаніе Акулинѣ и забудетъ, а теперь, если случится что-нибудь подобное, она выскочитъ изъ-за стола, побѣжитъ на кухню, осыплетъ всею горечью упрековъ Акулину и даже надуется на Анисью, а на другой день присмотритъ сама, положена ли зелень, не переварилась ли рыба.

Скажутъ, можетъ-быть, что она совѣстится показаться неисправной въ глазахъ посторонняго человѣка въ такомъ предметѣ, какъ хозяйство, на которомъ сосредоточивалось ея самолюбіе и вся ея дѣятельность!

Хорошо. А почему прежде, бывало, съ восьми часовъ вечера у ней слипаются глаза, а въ девять, уложивъ дѣтей и осмотрѣвъ, потушены ли огни на кухнѣ, закрыты ли трубы, прибрано ли все, она ложится — и уже никакая пушка не разбудитъ ее до шести часовъ?

Теперь же, если Обломовъ поѣдетъ въ театръ или засидится у Ивана Герасимовича и долго не ѣдетъ, ей не спится, она ворочается съ боку на бокъ, крестится, вздыхаетъ, закрываетъ глаза — нѣтъ сна, да и только!

Чуть застучатъ на улицѣ, она подниметъ голову, иногда

вскочитъ съ постели, отворитъ форточку и слушаетъ: не онъ ли?

Если застучатъ въ ворота, она накинетъ юбку и бѣжитъ въ кухню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота.

Скажутъ, можетъ-быть, что въ этомъ высказывается добросовѣстная домохозяйка, которой не хочется, чтобъ у ней въ домѣ былъ безпорядокъ, чтобъ жилецъ ждалъ ночью на улицѣ, пока пьяный дворникъ услышитъ и отопретъ, что, наконецъ, продолжительный стукъ можетъ перебудить дѣтей...

Хорошо. А отчего, когда Обломовъ сдѣлался боленъ, она никого не впускала къ нему въ комнату, устлала ее войлоками и коврами, завѣсила окна и приходила въ ярость — она, такая добрая и кроткая,—если Ваня или Маша чуть вскрикнутъ или громко засмѣются?

Отчего по ночамъ, не надѣясь на Захара и Анисью, она просиживала у его постели, не спуская съ него глазъ, до ранней обѣдни, а потомъ, накинувъ салопъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ: «Илья», бѣжала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь, помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголъ, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу, потомъ поспѣшно шла на рынокъ и съ боязнью возвращалась домой, взглядывала въ дверь и шопотомъ спрашивала у Анисьи:

— Что?

Скажутъ, что это ничего больше, какъ жалость, состраданіе, господствующіе элементы въ существѣ женщины.

Хорошо. Отчего же, когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ ней—она похудѣла, на нее вдругъ палъ такой холодъ, такая нѣхоть ко всему: мелетъ она кофе — и не помнитъ что дѣлаетъ, или накладетъ такую

пропасть цикорія, что пить нельзя—и не чувствуетъ, точно языка нѣтъ. Не доваритъ Акулина рыбу, разворчатся братецъ, уйдутъ изъ-за стола: она, точно каменная, будто и не слышитъ.

Прежде, бывало, ее никто не видалъ задумчивой, да это и не къ лицу ей: все она ходитъ, да движется, на все смотритъ зорко и видитъ все, а тутъ вдругъ, со ступкой на колѣняхъ, точно заснетъ и не двигается, потомъ вдругъ такъ начнетъ колотить пестикомъ, что даже собака залаетъ, думая, что стучатся въ ворота.

Но только Обломовъ ожилъ, только появилась у него добрая улыбка, только онъ началъ смотрѣть на нее, попрежнему, ласково, заглядывать къ ней въ дверь и шутить—она опять пополнѣла, опять хозяйство ея пошло живо, бодро, весело, съ маленькимъ оригинальнымъ оттѣнкомъ: бывало, она движется цѣлый день, какъ хорошо-устроенная машина, стройно, правильно, ходитъ плавно, говоритъ ни тихо, ни громко, намелетъ кофе, наколетъ сахару, просѣетъ что-нибудь, сядетъ за шитье, игла у ней ходитъ мѣрно, какъ часовая стрѣлка; потомъ она встанетъ, не суетясь; тамъ остановится на полдорогѣ въ кухню, отворитъ шкапъ, вынетъ что-нибудь, отнесетъ—все какъ машина.

А теперь, когда Илья Ильичъ сдѣлался членомъ ея семейства, она и толчетъ, и сѣетъ иначе. Свои кружева почти забыла. Начнетъ шить, усядется покойно, вдругъ Обломовъ кричитъ Захару, чтобъ кофе подавалъ—она, въ три прыжка, является въ кухню и смотритъ во всѣ глаза такъ, какъ будто прицѣливается во что-нибудь, схватитъ ложечку, перельетъ на свѣту ложечки три, чтобъ узнать, уварился ли, отстоялся ли кофе, не подали бы съ гущей, посмотритъ, есть ли пѣнки въ сливкахъ.

Готовится ли его любимое блюдо, она смотритъ на кастрюлю, подниметъ крышку, понюхаетъ, отвѣдаетъ, потомъ схватитъ кастрюлю сама и держитъ на огнѣ. Треть ли

миндаль, или толчетъ что-нибудь для него, такъ третъ и толчетъ съ такимъ огнемъ, съ такой силой, что ее броситъ въ потъ.

Все ея хозяйство, толченье, глаженье, просѣванье и т. п.— все это получило новый, живой смыслъ: покой и удобство Ильи Ильича. Прежде она видѣла въ этомъ обязанность, теперь это стало ея наслажденіемъ. Она стала жить, по-своему, полно и разнообразно.

Но она не знала, что̀ съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ.

Она какъ-будто вдругъ перешла въ другую вѣру и стала исповѣдывать ее, не разсуждая, что̀ это за вѣра, какіе догматы въ ней, а слѣпо повинуясь ея законамъ.

Это какъ-то легло на нее само собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятясь назадъ и не забѣгая впередъ, а полюбила Обломова просто, какъ будто простудилась и схватила неизлѣчимую лихорадку.

Она сама и не подозрѣвала ничего: если бъ это ей сказать, то это было бы для нея новостью—она бы усмѣхнулась и застыдилась.

Она молча приняла обязанности въ отношеніи къ Обломову, выучила физіономію каждой его рубашки, сосчитала протертыя пятки на чулкахъ, знала, какой ногой онъ встаетъ съ постели, замѣчала, когда хочетъ сѣсть ячмень на глазу, какого блюда и по скольку съѣдаетъ онъ, веселъ онъ или скученъ, много спалъ или нѣтъ, какъ будто дѣлала это всю жизнь, не спрашивая себя, зачѣмъ, что̀ такое ей Обломовъ, отчего она такъ суетится.

Если бъ ее спросили, любитъ ли она его, она бы опять усмѣхнулась и отвѣчала утвердительно, но она отвѣчала бы такъ и тогда, когда Обломовъ жилъ у нея всего съ недѣлю.

За что или отчего полюбила она его именно, отчего, не любя, вышла замужъ, не любя дожила до тридцати лѣтъ, а тутъ вдругъ какъ будто на нее нашло?

Хотя любовь и называютъ чувствомъ капризнымъ, безотчетнымъ, рождающимся какъ болѣзнь, однакожъ и она, какъ все, имѣетъ свои законы и причины. А если до сихъ поръ эти законы изслѣдованы мало, такъ это потому, что человѣку, пораженному любовью, не до того, чтобъ ученымъ окомъ слѣдить, какъ вкрадывается въ душу впечатлѣніе, какъ оковываетъ будто сномъ чувства, какъ сначала ослѣпнутъ глаза, съ какого момента пульсъ, а за нимъ сердце начинаетъ биться сильнѣе, какъ является со вчерашняго дня вдругъ преданность до могилы, стремленіе жертвовать собою, какъ мало-по-малу исчезаетъ свое *я* и переходитъ въ *него*, или въ *нее*, какъ умъ необыкновенно тупѣетъ или необыкновенно изощряется, какъ воля отдается въ волю другого, какъ клонится голова, дрожатъ колѣни, являются слезы, горячка...

Агаѳья Матвѣевна мало прежде видала такихъ людей, какъ Обломовъ, а если видала, такъ издали, и, можетъ-быть, они нравились ей, но жили они въ другой, не въ ея сферѣ, и не было никакого случая къ сближенію съ ними.

Илья Ильичъ ходитъ не такъ, какъ ходилъ ея покойный мужъ, коллежскій секретарь Пшеницынъ, мелкой, дѣловой прытью, не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ онъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ.

Лицо у него не грубое, не красноватое, а бѣлое, нѣжное: руки не похожи на руки братца—не трясутся, не красныя, а бѣлыя, небольшія. Сядетъ онъ, положитъ ногу на ногу, подопретъ голову рукой—все это дѣлаетъ такъ вольно, покойно и красиво; говоритъ такъ, какъ не говорятъ ея бра-

тецъ и Тарантьевъ, какъ не говорилъ мужъ; многаго она даже не понимаетъ, но чувствуетъ, что это умно, прекрасно, необыкновенно; да и то, что она понимаетъ, онъ говоритъ какъ-то иначе, нежели другіе.

Бѣлье носитъ тонкое, мѣняетъ его каждый день, моется душистымъ мыломъ, ногти чиститъ—весь онъ такъ хорошъ, такъ чистъ, можетъ ничего не дѣлать и не дѣлаетъ, ему дѣлаютъ все другіе: у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ!..

Онъ баринъ, онъ сіяетъ, блещетъ! Притомъ онъ такъ добръ: какъ мягко онъ ходитъ, дѣлаетъ движенія, дотронется до руки — какъ бархатъ, а тронетъ, бывало, рукой мужъ—какъ ударитъ! И глядитъ онъ, и говоритъ такъ же мягко, съ такой добротой...

Она не думала, не сознавала всего этого, но если бъ кто другой вздумалъ услѣдить и объяснить впечатлѣніе, сдѣланное на ея душу появленіемъ въ ея жизни Обломова, тотъ бы долженъ былъ объяснить его такъ, а не иначе.

Илья Ильичъ понималъ, какое значеніе онъ внесъ въ этотъ уголокъ, начиная съ братца до цѣпной собаки, которая, съ появленіемъ его, стала получать втрое больше костей, но онъ не понималъ, какъ глубоко пустило корни это значеніе и какую неожиданную побѣду онъ сдѣлалъ надъ сердцемъ хозяйки.

Въ ея суетливой заботливости о его столѣ, бѣльѣ и комнатахъ онъ видѣлъ только проявленіе главной черты ея характера, замѣченной имъ еще въ первое посѣщеніе, когда Акулина внесла внезапно въ комнату трепещущаго пѣтуха и когда хозяйка, несмотря на то, что смущена была неумѣстною ревностью кухарки, успѣла, однако, сказать ей, чтобъ она отдала лавочнику не этого, а сѣраго пѣтуха.

Сама Агаѳья Матвѣевна не въ силахъ была не только пококетничать съ Обломовымъ, показать ему какимъ-нибудь признакомъ, что въ ней происходитъ, но она, какъ сказано,

никогда не сознавала и не понимала этого, даже забыла, что, нѣсколько времени назадъ, этого ничего не происходило въ ней, и любовь ея высказалась только въ безграничной преданности до гроба.

У Обломова не были открыты глаза на настоящее свойство ея отношеній къ нему, и онъ продолжалъ принимать это за характеръ. И чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, безкорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающихъ ее и для нея самой.

Оно было въ самомъ дѣлѣ безкорыстно, потому что она ставила свѣчку въ церкви, поминала Обломова за здравіе затѣмъ только, чтобъ онъ выздоровѣлъ, и онъ никогда не узналъ объ этомъ. Сидѣла она у изголовья его ночью и уходила съ зарей, и потомъ не было разговора о томъ.

Его отношенія къ ней были гораздо проще: для него въ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ, въ ея вѣчно движущихся локтяхъ, въ заботливо останавливающихся на всемъ глазахъ, въ вѣчномъ хожденіи изъ шкапа въ кухню, изъ кухни въ кладовую, оттуда въ погребъ, во всезнаніи всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ удобствъ, воплощался идеалъ того необозримаго, какъ океанъ, и ненарушимаго покоя жизни, картина котораго неизгладимо легла на его душу въ дѣтствѣ, подъ отеческой кровлей.

Какъ тамъ отецъ его, дѣдъ, дѣти, внучата и гости сидѣли или лежали въ лѣнивомъ покоѣ, зная, что есть въ домѣ вѣчно ходящее около нихъ и промышляющее око и неутомимыя руки, которыя обошьютъ ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ и обуютъ и спать положатъ, а при смерти закроютъ имъ глаза, такъ и тутъ Обломовъ, сидя и не трогаясь съ дивана, видѣлъ, что движется что-то живое и проворное въ его пользу, и что не взойдетъ завтра солнце, застелютъ небо вихри, понесется бурный вѣтръ изъ концовъ въ концы вселенной, а супъ и жаркое явятся у него на столѣ, а бѣлье его будетъ чисто и свѣжо, а паутина снята со стѣны,

и онъ не узнаетъ, какъ это сдѣлается, не дастъ себѣ труда подумать чего ему хочется, а оно будетъ угадано и принесено ему подъ-носъ, не съ лѣнью, не съ грубостью, не грязными руками Захара, а съ бодрымъ и кроткимъ взглядомъ, съ улыбкой глубокой преданности, чистыми, бѣлыми руками и съ голыми локтями.

Онъ каждый день все болѣе и болѣе дружился съ хозяйкой: о любви и въ умъ ему не приходило, то-есть о той любви, которую онъ недавно перенесъ, какъ какую-нибудь оспу, корь или горячку, и содрогался, когда вспоминалъ о ней.

Онъ сближался съ Агаѳьей Матвѣевной—какъ будто подвигался къ огню, отъ котораго становится все теплѣе и теплѣе, но котораго любить нельзя.

Онъ послѣ обѣда охотно оставался и курилъ трубку въ ея комнатѣ, смотрѣлъ, какъ она укладывала въ буфетъ серебро, посуду, какъ вынимала чашки, наливала кофе, какъ, особенно тщательно вымывъ и обтеревъ одну чашку, наливала прежде всѣхъ, подавала ему и смотрѣла, доволенъ ли онъ.

Онъ охотно останавливалъ глаза на ея полной шеѣ и круглыхъ локтяхъ, когда отворялась дверь къ ней въ комнату, и даже, когда она долго не отворялась, онъ потихоньку ногой отворялъ ее самъ и шутилъ съ ней, игралъ съ дѣтьми.

Но ему не было скучно, если утро проходило и онъ не видалъ ея; послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобъ остаться съ ней, онъ часто уходилъ соснуть часа на два; но онъ зналъ, что лишь только онъ проснется, чай ему готовъ, и даже въ ту самую минуту, какъ проснется.

И главное, все это дѣлалось покойно: не было у него ни опухоли у сердца, ни разу онъ не волновался тревогой о томъ, увидитъ ли онъ хозяйку или нѣтъ, что она подумаетъ,

что сказать ей, какъ отвѣчать на ея вопросъ, какъ она взглянетъ—ничего, ничего.

Тоски, безсонныхъ ночей, сладкихъ и горькихъ слезъ—ничего не испыталъ онъ. Сидитъ и курить, и глядитъ, какъ она шьетъ, иногда скажетъ что-нибудь или ничего не скажетъ, а между тѣмъ покойно ему, ничего не надо, никуда не хочется, какъ будто все тутъ есть, что ему надо.

Никакихъ понуканій, никакихъ требованій не предъявляетъ Агаѳья Матвѣевна. И у него не рождается никакихъ самолюбивыхъ желаній, позывовъ, стремленій на подвиги, мучительныхъ терзаній о томъ, что уходитъ время, что гибнутъ его силы, что ничего не сдѣлалъ онъ, ни зла, ни добра, что празденъ онъ и не живетъ, а прозябаетъ.

Его какъ будто невидимая рука посадила, какъ драгоцѣнное растеніе, въ тѣнь отъ жара, подъ кровъ отъ дождя, и ухаживаетъ за нимъ, лелѣетъ.

— Что это какъ у васъ проворно ходитъ игла мимо носа, Агаѳья Матвѣевна!—сказалъ Обломовъ.—Вы такъ живо снизу поддѣваете, что я, право, боюсь, какъ бы вы не пришили носа къ юбкѣ.

Она усмѣхнулась.

— Вотъ только дострочу эту строчку,—говорила она почти про-себя:—ужинать станемъ.

— А что къ ужину?—спрашиваетъ онъ.

— Капуста кислая съ лососиной, — сказала она. — Осетрины нѣтъ нигдѣ: ужъ я всѣ лавки выходила и братецъ спрашивали—нѣтъ. Вотъ развѣ попадется живой осетръ—купецъ изъ каретнаго ряда заказалъ—такъ обѣщали часть отрѣзать. Потомъ телятина, каша на сковородѣ...

— Вотъ это прекрасно! Какъ вы милы, что вспомнили, Агаѳья Матвѣевна! Только не забыла бы Анисья.

— А я-то на что? Слышите, шипитъ?—отвѣчала она, отворивъ немного дверь въ кухню.—Ужъ жарится.

Потомъ дошила, откусила нитку, свернула работу и отнесла въ спальню.

Итакъ, онъ подвигался къ ней, какъ къ теплому огню, и однажды подвинулся очень близко, почти до пожара, по крайней мѣрѣ до вспышки.

Онъ ходилъ по своей комнатѣ и, оборачиваясь къ хозяйской двери, видѣлъ, что локти дѣйствуютъ съ необыкновеннымъ проворствомъ.

— Вѣчно заняты!—сказалъ онъ, входя къ хозяйкѣ.—Что это такое?

— Корицу толку,—отвѣчала она, глядя въ ступку, какъ въ пропасть, и немилосердно стуча пестикомъ.

— А если я вамъ помѣшаю?—спросилъ онъ, взявъ ее за локти и не давая толочь.

— Пустите! Еще надо сахару натолочь, да вина отпустить на пудингъ.

Онъ все держалъ ее за локти, и лицо его было у ея затылка.

— Скажите, что если бъ я васъ... полюбилъ?

Она усмѣхнулась.

— А вы бы полюбили меня?—опять спросилъ онъ.

— Отчего же не полюбить? Богъ всѣхъ велѣлъ любить.

— А если я поцѣлую васъ?—шепнулъ онъ, наклоняясь къ ея щекѣ, такъ что дыханіе его обожгло ей щеку.

— Теперь не святая недѣля,—сказала она съ усмѣшкой.

— Ну, поцѣлуйте же меня!

— Вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до Пасхи, такъ поцѣлуемся,—сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робѣя, а стоя прямо и неподвижно, какъ лошадь, на которую надѣваютъ хомутъ. Онъ слегка поцѣловалъ ее въ шею.

— Смотрите, просыплю корицу; вамъ же нѣчего будетъ въ пирожное положить,—замѣтила она.

— Не бѣда!—отвѣчалъ онъ.

— Что это у васъ на халатѣ опять пятно? — заботливо

Посрединѣ стола красовался громадный ананасъ и кругомъ лежали персики, вишни, абрикосы. Въ вазахъ живые цвѣты.

Только принялись за супъ; только Тарантьевъ обругалъ пирожки и повара, за глупую выдумку ничего не класть въ нихъ, какъ послышалось отчаянное скаканье и лай собаки на цѣпи.

На дворъ въѣхалъ экипажъ и кто-то спрашивалъ Обломова. Всѣ и рты разинули.

— Кто-нибудь изъ прошлогоднихъ знакомыхъ вспомнилъ мои именины,—сказалъ Обломовъ:—дома нѣтъ, скажи дома нѣтъ!—кричалъ онъ шопотомъ Захару.

Обѣдали въ саду, въ бесѣдкѣ. Захаръ бросился-было отказать и столкнулся на дорожкѣ съ Штольцомъ.

— Андрей Иванычъ,—прохрипѣлъ онъ радостно.

— Андрей! — громко воззвалъ къ нему Обломовъ и бросился обнимать его.

— Какъ я кстати, къ самому обѣду!—сказалъ Штольцъ:— накорми меня; я голоденъ. Насилу отыскалъ тебя!

— Пойдемъ, пойдемъ, садись! — суетливо говорилъ Обломовъ, сажая его подлѣ себя.

При появленіи Штольца, Тарантьевъ первый проворно переправился черезъ плетень и шагнулъ въ огородъ; за нимъ скрылся за бесѣдку Иванъ Матвѣевичъ и исчезъ въ свѣтлицу. Хозяйка тоже поднялась съ мѣста.

— Я помѣшалъ,—сказалъ Штольцъ, вскакивая.

— Куда это, зачѣмъ? Иванъ Матвѣичъ! Михей Андреичъ!— кричалъ Обломовъ.

Хозяйку онъ усадилъ на свое мѣсто, а Ивана Матвѣевича и Тарантьева дозваться не могъ.

— Откуда, какъ, надолго ли?—посыпались вопросы.

Штольцъ пріѣхалъ на двѣ недѣли, по дѣламъ, и отправлялся въ деревню, потомъ въ Кіевъ и еще Богъ знаетъ куда.

Штольцъ за столомъ говорилъ мало, но ѣлъ много: видно, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ голоденъ. Прочіе и подавно ѣли молча.

Послѣ обѣда, когда все убрали со стола, Обломовъ велѣлъ оставить въ бесѣдкѣ шампанское и сельтерскую воду и остались вдвоемъ съ Штольцомъ.

Они молчали нѣкоторое время. Штольцъ пристально и долго глядѣлъ на него.

— Ну, Илья!?—сказалъ онъ, наконецъ, но такъ строго, такъ вопросительно, что Обломовъ смотрѣлъ внизъ и молчалъ.

— Стало-быть «никогда»?

— Что «никогда»? — спросилъ Обломовъ, будто не понимая.

— Ты ужъ забылъ: «теперь, или никогда!»

— Я не такой теперь... что былъ тогда, Андрей, — сказалъ онъ наконецъ:—дѣла мои, слава Богу, въ порядкѣ: я не лежу праздно, планъ почти конченъ, выписываю два журнала; книги, что ты оставилъ, почти всѣ прочиталъ...

— Отчего жъ не пріѣхалъ за границу?—спросилъ Штольцъ.

— За границу мнѣ помѣшала пріѣхать...

Онъ замялся.

— Ольга? — сказалъ Штольцъ, глядя на него выразительно.

Обломовъ вспыхнулъ.

— Какъ, ужели ты слышалъ... Гдѣ она теперь?—быстро спросилъ онъ, взглянувъ на Штольца.

Штольцъ, не отвѣчая, продолжалъ смотрѣть на него, глубоко заглядывая ему въ душу.

— Я слышалъ, она съ теткой уѣхала за границу, — говорилъ Обломовъ:—вскорѣ...

— Вскорѣ послѣ того, какъ узнала свою ошибку,—договорилъ Штольцъ.

— Развѣ ты знаешь... — говорилъ Обломовъ, не зная куда дѣваться отъ смущенья.

— Все,—сказалъ Штольцъ:—даже и о вѣткѣ сирени. И тебѣ не стыдно, не больно, Илья? не жжетъ тебя раскаяніе, сожалѣніе?..

— Не говори, не поминай! — торопливо перебилъ его Обломовъ: — я и то вынесъ горячку, когда увидѣлъ, какая бездна лежитъ между мной и ею, когда убѣдился, что я не стою ея... Ахъ, Андрей! если ты любишь меня, не мучь, не поминай о ней: я давно указывалъ ей ошибку, она не хотѣла вѣрить... право, я не очень виноватъ...

— Я не виню тебя, Илья,—дружески, мягко продолжалъ Штольцъ: — я читалъ твое письмо. Виноватъ больше всѣхъ я, потомъ она, потомъ ужъ ты, и то мало.

— Что она теперь?—робко спросилъ Обломовъ.

— Что: груститъ, плачетъ неутѣшными слезами и проклинаетъ тебя...

Испугъ, состраданіе, ужасъ, раскаяніе съ каждымъ словомъ являлись на лицѣ Обломова.

— Что ты говоришь, Андрей!—сказалъ онъ, вставая съ мѣста. — Поѣдемъ, ради Бога, сейчасъ, сію минуту; я у ногъ ея выпрошу прощеніе...

— Сиди смирно! — перебилъ Штольцъ, засмѣявшись: — она весела, даже счастлива, велѣла кланяться тебѣ и хотѣла писать, но я отговорилъ, сказалъ, что это тебя взволнуетъ.

— Ну, слава Богу! — почти со слезами произнесъ Обломовъ: — какъ я радъ, Андрей, позволь поцѣловать тебя и выпьемъ за ея здоровье.

Они выпили по бокалу шампанскаго.

— Гдѣ жъ она теперь?

— Теперь въ Швейцаріи. Къ осени она съ теткой поѣдетъ къ себѣ въ деревню. Я за этимъ здѣсь теперь: нужно

еще окончательно похлопотать въ палатѣ. Баронъ не додѣлалъ дѣла; онъ вздумалъ посвататься за Ольгу...

— Ужели? Такъ это правда,—спросилъ Обломовъ:—ну, что жъ она?

— Разумѣется, что: отказала; онъ огорчился и уѣхалъ, а я вотъ теперь доканчивай дѣла! На той недѣлѣ все кончится. Ну, ты что? Зачѣмъ ты забился въ эту глушь?

— Покойно здѣсь, тихо, Андрей, никто не мѣшаетъ...

— Въ чемъ?

— Заниматься...

— Помилуй, здѣсь та же Обломовка, только гаже, — говорилъ Штольцъ, оглядываясь. — Поѣдемъ-ка въ деревню, Илья.

— Въ деревню... хорошо, пожалуй: тамъ же стройка начнется скоро, только не вдругъ, Андрей, дай сообразить...

— Опять сообразить! Знаю я твои соображенія: сообразишь, какъ года два назадъ сообразилъ ѣхать за границу. Поѣдемъ на той недѣлѣ.

— Какъ же вдругъ, на той недѣлѣ? — защищался Обломовъ. — Ты на ходу, а мнѣ, вѣдь, надо приготовиться... У меня здѣсь все хозяйство: какъ я кину его? У меня ничего нѣтъ.

— Да ничего и не надо. Ну, что тебѣ нужно?

Обломовъ молчалъ.

— Здоровье плохо, Андрей,—сказалъ онъ:—одышка одолѣваетъ. Ячмени опять пошли, то на томъ, то на другомъ глазу, и ноги стали отекать. А иногда заснешься ночью, вдругъ точно ударитъ кто-нибудь по головѣ, или по спинѣ, такъ что вскочишь...

— Послушай, Илья, серьезно скажу тебѣ, что надо перемѣнить образъ жизни, иначе, ты наживешь себѣ водяную или ударъ. Ужъ съ надеждами на будущность — кончено: если Ольга, этотъ ангелъ, не унесетъ тебя на своихъ крыльяхъ изъ твоего болота, такъ я ничего не сдѣлаю. Но избрать

себѣ маленькій кругъ дѣятельности, устроить деревушку, возиться съ мужиками, входить въ ихъ дѣла, строить, садить—все это ты долженъ и можешь сдѣлать... Я отъ тебя не отстану. Теперь ужъ слушаюсь не одного своего желанія, а воли Ольги: она хочетъ — слышишь? чтобъ ты не умиралъ совсѣмъ, не погребался заживо, и я обѣщалъ откапывать тебя изъ могилы...

— Она еще не забыла меня! Да стою ли я! — сказалъ Обломовъ съ чувствомъ.

— Нѣтъ, не забыла и, кажется, никогда не забудетъ: это не такая женщина. Ты еще долженъ ѣхать къ ней въ деревню, въ гости.

— Не теперь только, ради Бога, не теперь, Андрей! Дай забыть. Ахъ, еще здѣсь...

Онъ указалъ на сердце.

— Что здѣсь? Не любовь ли?—спросилъ Штольцъ.

— Нѣтъ, стыдъ и горе! — со вздохомъ отвѣтилъ Обломовъ.

— Ну, хорошо! Поѣдемъ къ тебѣ: вѣдь тебѣ строиться надо; теперь лѣто, драгоцѣнное время уходитъ...

— Нѣтъ, у меня повѣренный есть. Онъ и теперь въ деревнѣ, а я могу послѣ пріѣхать, когда соберусь, подумаю.

Онъ сталъ хвастаться передъ Штольцемъ, какъ, не сходя съ мѣста, онъ отлично устроилъ дѣла, какъ повѣренный собираетъ справки о бѣглыхъ мужикахъ, выгодно продаетъ хлѣбъ и какъ прислалъ ему полторы тысячи и, вѣроятно, соберетъ и пришлетъ въ этомъ году оброкъ.

Штольцъ руками всплеснулъ при этомъ разсказѣ.

— Ты ограбленъ кругомъ!—сказалъ онъ. — Съ трехсотъ душъ полторы тысячи рублей! Кто повѣренный? Что за человѣкъ?

— Больше полуторы тысячи, — поправилъ Обломовъ: — онъ изъ выручки же за хлѣбъ получилъ вознагражденіе за трудъ...

— Сколько жъ?

— Не помню, право, да я тебѣ покажу: у меня гдѣ-то есть расчетъ.

— Ну, Илья! Ты въ самомъ дѣлѣ умеръ, погибъ! — заключилъ онъ.—Одѣвайся, поѣдемъ ко мнѣ!

Обломовъ сталъ-было дѣлать возраженія, но Штольцъ почти насильно увезъ его къ себѣ, написалъ довѣренность на свое имя, заставилъ Обломова подписать, и объявилъ ему, что онъ беретъ Обломовку, на аренду до тѣхъ поръ, пока Обломовъ самъ пріѣдетъ въ деревню и привыкнетъ къ хозяйству.

— Ты будешь получать втрое больше, — сказалъ онъ: — только я долго твоимъ арендаторомъ не буду,—у меня свои дѣла есть. Поѣдемъ въ деревню теперь, или пріѣзжай вслѣдъ за мной. Я буду въ имѣніи Ольги: это въ трехстахъ верстахъ, заѣду и къ тебѣ, выгоню повѣреннаго, распоряжусь, а потомъ являйся самъ. Я отъ тебя не отстану.

Обломовъ вздохнулъ.

— Ахъ жизнь!—сказалъ онъ.

— Что жизнь?

— Трогаетъ, нѣтъ покоя! Легъ бы и заснулъ... навсегда...

— То-есть, погасилъ бы огонь и остался въ темнотѣ! Хороша жизнь! Эхъ, Илья! ты хоть пофилософствовалъ бы немного, право! Жизнь мелькнетъ, какъ мгновеніе, а онъ легъ бы да заснулъ! Пусть она будетъ постояннымъ горѣніемъ! Ахъ, если бъ прожить лѣтъ двѣсти, триста!—заключилъ онъ:—сколько бы можно было передѣлать дѣла!

— Ты—другое дѣло, Андрей, — возразилъ Обломовъ: — у тебя крылья есть: ты не живешь; ты летаешь: у тебя есть дарованія, самолюбіе, ты, вонъ, не толстъ, не одолѣваютъ ячмени, не чешется затылокъ. Ты какъ-то иначе устроенъ...

— Э, полно! Человѣкъ созданъ самъ устраивать себя и даже мѣнять свою природу, а онъ отрастилъ брюхо, да и

думаетъ, что природа послала ему эту ношу! У тебя были крылья, да ты отвязалъ ихъ.

— Гдѣ они, крылья-то? — уныло говорилъ Обломовъ.—Я ничего не умѣю...

— То-есть не хо́чешь умѣть,—перебилъ Штольцъ.—Нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ чего-нибудь, ей-Богу, нѣтъ!

— А вотъ я не умѣю!—сказалъ Обломовъ.

— Тебя послушать, такъ ты и бумаги не умѣешь въ управу написать и письма́ къ домовому хозяину, а къ Ольгѣ письмо написалъ же? Не путалъ тамъ *котораго* и *что?* И бумага нашлась атласная, и чернила изъ англійскаго магазина, и почеркъ бойкій: что́?

Обломовъ покра́снѣлъ.

— Понадобилось, такъ явились и мысли и языкъ, хоть напечатать въ романѣ гдѣ-нибудь. А нѣтъ нужды, такъ и не умѣю, и глаза не видятъ, и въ рукахъ слабость! Ты свое умѣнье затерялъ еще въ дѣтствѣ, въ Обломовкѣ, среди тетокъ, нянекъ и дядекъ. Началось съ неумѣнья надѣвать чулки и кончилось неумѣньемъ жить.

— Все это, можетъ-быть, правда, Андрей, да дѣлать нечего, не воротишь! — съ рѣшительнымъ вздохомъ сказалъ Илья.

— Какъ не воротишь! — сердито возразилъ Штольцъ. — Какіе пустяки. Слушай, да дѣлай, что́ я говорю, вотъ и воротишь!

Но Штольцъ уѣхалъ въ деревню одинъ, а Обломовъ остался, обѣщаясь пріѣхать къ осени.

— Что́ сказать Ольгѣ?—спросилъ Штольцъ Обломова передъ отъѣздомъ.

Обломовъ наклонилъ голову и печально молчалъ; потомъ вздохнулъ.

— Не поминай ей обо мнѣ! — наконецъ сказалъ онъ въ смущеніи:—скажи, что не видалъ, не слыхалъ...

— Она не повѣритъ,—возразилъ Штольцъ.

— Ну, скажи, что я погибъ, умеръ, пропалъ...

— Она заплачетъ и долго не утѣшится: за что же печалить ее?

Обломовъ задумался съ умиленіемъ; глаза были влажны.

— Ну, хорошо; я солгу ей, скажу, что ты живешь ея памятью,—заключилъ Штольцъ:—и ищешь строгой и серьезной цѣли. Ты замѣть, что сама жизнь и трудъ есть цѣль жизни, а не женщина: въ этомъ вы ошибались оба. Какъ она будетъ довольна!

Они простились.

III.

Тарантьевъ и Иванъ Матвѣевичъ на другой день Ильина дня опять сошлись вечеромъ въ заведеніи.

— Чаю! — мрачно приказывалъ Иванъ Матвѣевичъ, и когда половой подалъ чай и ромъ, онъ съ досадой сунулъ ему бутылку назадъ. — Это не ромъ, а гвозди! — сказалъ онъ и, вынувъ изъ кармана пальто свою бутылку, откупорилъ и далъ понюхать половому.—Не суйся же впередъ съ своей,—замѣтилъ онъ. — Что, кумъ, вѣдь плохо! — сказалъ онъ, когда ушелъ половой.

— Да, чортъ его принесъ!— яростно возразилъ Тарантьевъ.—Каковъ шельма, этотъ нѣмецъ! Уничтожилъ довѣренность, да на аренду имѣніе взялъ? Слыханное ли это дѣло у васъ? Обдеретъ же онъ овечку-то.

— Если онъ дѣло знаетъ, кумъ, я боюсь, чтобъ тамъ чего не вышло. Какъ узнаетъ, что оброкъ-то собранъ, а получили-то его мы, да, пожалуй, дѣло затѣетъ...

— Ужъ и дѣло! Трусливъ ты сталъ, кумъ! Затертый не первый разъ запускаетъ лапу въ помѣщичьи деньги, умѣетъ концы прятать. Росписки, что ли, онъ даетъ мужикамъ: чай, съ-глазу-на-глазъ беретъ. Погорячится нѣмецъ, покричитъ, и будетъ съ него. А то еще дѣло!

— Ой ли? — развеселясь, сказалъ Мухояровъ.—Ну, выпьемъ же

Онъ подлилъ рому себѣ и Тарантьеву.

— Глядишь, кажется, нельзя и жить на бѣломъ свѣтѣ, а выпьешь, можно жить!—утѣшался онъ.

— А ты тѣмъ временемъ вотъ что сдѣлаешь, кумъ, — продолжалъ Тарантьевъ: — ты выведи какіе-нибудь счеты, какіе хочешь, за дрова, за капусту, ну, за что хочешь, благо Обломовъ теперь передалъ кумѣ хозяйство, и покажи сумму въ расходъ. А Затертый, какъ пріѣдетъ, скажемъ, что привезъ оброчныхъ денегъ столько-то и что въ расходъ ушли.

— А какъ онъ возьметъ счеты, да покажетъ послѣ нѣмцу, тотъ сосчитаетъ, такъ, пожалуй, того...

— Во-на! Онъ ихъ сунетъ куда-нибудь и самъ чортъ не сыщетъ. Когда-то еще нѣмецъ пріѣдетъ, до тѣхъ поръ забудется...

— Ой ли? Выпьемъ, кумъ,— сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, наливая въ рюмку: — жалко разбавлять чаемъ добро. Ты понюхай: три цѣлковыхъ. Не заказать ли селянку?

— Можно.

— Эй!

— Нѣтъ, каковъ шельма! «Дай, говоритъ, мнѣ на аренду»,—опять съ яростью началъ Тарантьевъ:—вѣдь намъ съ тобой, русскимъ людямъ, этого въ голову бы не пришло! Это заведеніе-то нѣмецкой стороной пахнетъ. Тамъ все какія-то фермы, да аренды. Вотъ постой, онъ его еще акціями допечетъ.

— Что это за акціи такія, я все не разберу хорошенько?—спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Нѣмецкая выдумка! — сказалъ Тарантьевъ злобно. — Это, напримѣръ, мошенникъ какой-нибудь выдумаетъ дѣлать несгораемые домы и возьмется городъ построить: нужны деньги, онъ и пуститъ въ продажу бумажки, положимъ, по пятисотъ рублей, а толпа олуховъ и покупаетъ, да и перепродаетъ другъ другу. Послышится, что предпрія-

тіе идетъ хорошо, бумажки вздорожаютъ, худо—все и лопнетъ. У тебя останутся бумажки, а денегъ-то нѣтъ. Гдѣ городъ? спросишь: сгорѣлъ, говорятъ, не достроился, а изобрѣтатель бѣжалъ съ твоими деньгами. Вотъ онѣ, акціи-то! Нѣмецъ ужъ втянетъ его! Диво, какъ до сихъ поръ не втянулъ? Я все мѣшалъ, благодѣтельствовалъ земляку!

— Да, эта статья кончена: дѣло рѣшено и сдано въ архивъ; заговѣлись мы оброкъ-то получать съ Обломовки... — говорилъ, ошьянѣвъ немного, Мухояровъ.

— А чортъ съ нимъ, кумъ! У тебя денегъ-то лопатой не переворочаешь! — возражалъ Тарантьевъ, тоже немного въ туманѣ: — источникъ есть вѣрный, черпай только, не уставай. Выпьемъ!

— Что, кумъ, за источникъ? По цѣлковому, да по трехрублевому собираешь весь вѣкъ...

— Да вѣдь двадцать лѣтъ собираешь, кумъ: не грѣши!

— Ужъ и двадцать! — нетвердымъ языкомъ отозвался Иванъ Матвѣевичъ:—ты забылъ, что я всего десятый годъ секретаремъ. А прежде гривенники, да двугривенные болтались въ карманѣ, а иногда, срамъ сказать, зачастую и мѣдью приходилось собирать. Что это за жизнь! Эхъ, кумъ! Какіе это люди на свѣтѣ есть счастливые, что за одно словцо, такъ вотъ шепнетъ на ухо другому, или строчку продиктуетъ, или, просто, имя свое напишетъ на бумагѣ— и вдругъ такая опухоль сдѣлается въ карманѣ, словно подушка, хоть спать ложись. Вотъ бы поработать этакъ-то,— замечталъ онъ, пьянѣя все болѣе и болѣе: — просители и въ лицо почти не видятъ и подойти не смѣютъ. Сядетъ въ карету «въ клубъ!» крикнетъ, а тамъ, въ клубѣ-то, въ звѣздахъ руку жмутъ, играетъ-то не по пятачку, а обѣдаетъ-то, обѣдаетъ — ахъ! Про селянку и говорить постыдится: сморщится, да плюнетъ. Нарочно зимой цыплятъ дѣлаютъ къ обѣду, земляннику въ апрѣлѣ подадутъ! Дома жена въ блондахъ, у дѣтей гувернантка, ребятишки приче-

санные, разряженные. Эхъ, кумъ! Есть рай, да грѣхи не пускаютъ. Выпьемъ! Вонъ и селянку несутъ!

— Не жалуйся, кумъ, не грѣши: капиталъ есть, и хорошій... — говорилъ опьянѣвшій Тарантьевъ, съ красными, какъ въ крови, глазами.—Тридцать пять тысячъ серебромъ— не шутка!

— Тише, тише, кумъ! — прервалъ Иванъ Матвѣевичъ.— Что жъ, все тридцать пять! Когда до пятидесяти дотянешь? Да съ пятидесятью въ рай не попадешь. Женишься, такъ живи съ оглядкой, каждый рубль считай, объ ямайскомъ забудь и думать—что это за жизнь!

— Зато покойно, кумъ; тотъ цѣлковый, тотъ два — смотришь, въ день рублей семь и спряталъ. Ни привязки, ни придирки, ни пятенъ, ни дыму. А подъ большимъ дѣломъ подпишешь иной разъ имя, такъ послѣ всю жизнь и выскабливаешь боками. Нѣтъ, братъ, не грѣши, кумъ!

Иванъ Матвѣевичъ не слушалъ и давно о чемъ-то думалъ.

— Послушай-ка,—вдругъ началъ онъ, выпучивъ глаза и чему-то обрадовавшись, такъ что хмель почти прошелъ:— да нѣтъ, боюсь, не скажу, не выпущу изъ головы такую птицу. Вотъ сокровище-то залетѣло... Выпьемъ, кумъ, выпьемъ скорѣй!

— Не стану, пока не скажешь, — говорилъ Тарантьевъ, отодвигая рюмку.

— Дѣло-то, кумъ, важное, — шепталъ Мухояровъ, поглядывая на дверь.

— Ну?.. — нетерпѣливо спросилъ Тарантьевъ.

— Вотъ набрелъ на находку. Ну, знаешь что, кумъ, вѣдь это все равно, что имя подъ большимъ дѣломъ подписать, ей-Богу такъ!

— Да что, скажешь ли?

— А могарычъ-то какой? могарычъ?

— Ну? — понукалъ Тарантьевъ.

— Погоди, дай еще подумать. Да, тутъ нечего уничтожить, тутъ законъ. Такъ и быть, кумъ, скажу, и то потому, что ты нуженъ; безъ тебя неловко. А то, видитъ Богъ, не сказалъ бы, не такое дѣло, чтобъ другая душа знала.

— Развѣ я другая душа для тебя, кумъ? Кажется, не разъ служилъ тебѣ, и свидѣтелемъ бывалъ, и копіи... помнишь? Свинья ты этакая!

— Кумъ, кумъ! Держи языкъ за зубами. Вонъ, вѣдь, ты какой, изъ тебя, какъ изъ пушки, такъ и палитъ!

— Кой чортъ услышитъ здѣсь? Не помню, что ли, я себя?— съ досадой сказалъ Тарантьевъ. — Что ты меня мучишь? Ну, говори.

— Слушай же: вѣдь Илья Ильичъ трусоватъ, никакихъ порядковъ не знаетъ: тогда отъ контракта голову потерялъ, довѣренность прислали, такъ не зналъ, за что приняться, не помнитъ даже, сколько оброку получаетъ, самъ говоритъ: «ничего не знаю»...

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ Тарантьевъ.

— Ну, вотъ онъ къ сестрѣ-то больно часто повадился ходить. Намедни часу до перваго засидѣлся, столкнулся со мной въ прихожей и будто не видалъ. Такъ вотъ, поглядимъ еще, что будетъ, да и того... Ты стороной и поговори съ нимъ, что безчестье въ домѣ заводить не хорошо, что она вдова: скажи, что ужъ объ этомъ узнали; что теперь ей не выйти замужъ; что женихъ присватывался, богатый купецъ, а теперь прослышалъ, дескать, что онъ по вечерамъ сидитъ у нея, не хочетъ.

— Ну, что жъ, онъ перепугается, повалится на постель, да и будетъ ворочаться, какъ боровъ, да вздыхать— вотъ и все,—сказалъ Тарантьевъ.—Какая же выгода? Гдѣ могарычъ?

— Экой какой! А ты скажи, что пожаловаться хочу, что будто подглядѣли за нимъ, что свидѣтели есть...

— Ну?

— Ну, коли перепугается очень, ты скажи, что можно помириться, пожертвовать маленькій капиталъ.

— Гдѣ у него деньги-то?—спросилъ Тарантьевъ. — Онъ обѣщать-то обѣщаетъ со страху хоть десять тысячъ...

— Ты мнѣ только мигни тогда, а я ужъ заемное письмецо заготовлю... на имя сестры: «занялъ я, дескать, Обломовъ у такой-то вдовы десять тысячъ, срокомъ, и т. д.».

— Что жъ толку-то, кумъ? Я не пойму: деньги достанутся сестрѣ и ея дѣтямъ? Гдѣ жъ могарычъ?

— А сестра мнѣ дастъ заемное письмо на таковую же сумму; я дамъ ей подписать.

— Если она не подпишетъ? упрется?

— Сестра-то!

И Иванъ Матвѣевичъ залился тоненькимъ смѣхомъ.

— Подпишетъ, кумъ, подпишетъ, свой смертный приговоръ подпишетъ, и не спроситъ что, только усмѣхнется, «Агаѳья Пшеницына» подмахнетъ въ сторону, криво и не узнаетъ никогда, что подписала. Видишь ли: мы съ тобой будемъ въ сторонѣ: сестра будетъ имѣть претензію на коллежскаго секретаря Обломова, а я на коллежской секретаршѣ Пшеницыной. Пусть нѣмецъ горячится — законное дѣло!—говорилъ онъ, поднявъ трепещущія руки вверхъ.— Выпьемъ, кумъ!

— Законное дѣло! — въ восторгѣ сказалъ Тарантьевъ.— Выпьемъ.

— А какъ удачно пройдетъ, можно годика черезъ два повторить; законное дѣло!

— Законное дѣло!—одобрительно кивнувъ, провозгласилъ Тарантьевъ.—Повторимъ и мы!

— Повторимъ!

И они выпили.

— Вотъ какъ бы твой землякъ-то не уперся, да не написалъ предварительно къ нѣмцу,—опасливо замѣтилъ Му-

хояровъ:—тогда, братъ, плохо! Дѣла никакого затѣять нельзя: она вдова, не дѣвица!

— Напишетъ! Какъ не напишетъ! Года черезъ два напишетъ, — сказалъ Тарантьевъ. — А упираться станетъ— обругаю...

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! Все испортишь, кумъ: скажетъ, что принудили, пожалуй, упомянетъ про побои, уголовное дѣло. Нѣтъ, это не годится! А вотъ что можно: предварительно закусить съ нимъ и выпить: онъ смородиновку-то любитъ. Какъ въ головѣ зашумитъ, ты и мигни мнѣ: я и войду съ письмецомъ-то. Онъ и не посмотритъ сумму, подпишетъ, какъ тогда контрактъ, а послѣ поди, какъ у маклера будетъ засвидѣтельствовано, допрашивайся! Совѣстно будетъ этакому барину сознаваться, что подписалъ въ нетрезвомъ видѣ; законное дѣло!

— Законное дѣло!—повторилъ Тарантьевъ.

— Пусть тогда Обломовка достается наслѣдникамъ.

— Пусть достается! Выпьемъ, кумъ.

— За здоровье олуховъ!—сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Они выпили.

IV.

Надо теперь перенестись нѣсколько назадъ, до пріѣзда Штольца на именины Обломова, и въ другое мѣсто, далеко отъ Выборгской Стороны. Тамъ встрѣтятся знакомыя читателю лица, о которыхъ Штольцъ не все сообщилъ Обломову, что зналъ, по какимъ-нибудь особеннымъ соображеніямъ, или, можетъ-быть, потому, что Обломовъ не все о нихъ разспрашивалъ, тоже, вѣроятно, по особеннымъ соображеніямъ.

Однажды въ Парижѣ Штольцъ шелъ по бульвару и разсѣянно перебѣгалъ глазами по прохожимъ, по вывѣскамъ магазиновъ, не останавливая глазъ ни на чемъ. Онъ долго не получалъ писемъ изъ Россіи, ни изъ Кіева, ни изъ Одессы,

ни изъ Петербурга. Ему было скучно, и онъ отнесъ еще три письма на почту и возвращался домой.

Вдругъ глаза его остановились на чемъ-то неподвижно, съ изумленіемъ, но потомъ опять приняли обыкновенное выраженіе. Двѣ дамы свернули съ бульвара и вошли въ магазинъ.

«Нѣтъ, не можетъ быть», подумалъ онъ: «какая мысль! Я бы зналъ! Это не онѣ.»

Однакожъ, онъ подошелъ къ окну этого магазина и разглядывалъ сквозь стекла дамъ: «ничего не разглядишь, онѣ стоятъ задомъ къ окнамъ».

Штольцъ вошелъ въ магазинъ и сталъ что-то торговать. Одна изъ дамъ обернулась къ свѣту, и онъ узналъ Ольгу Ильинскую—и не узналъ! Хотѣлъ броситься къ ней и остановился, сталъ пристально вглядываться.

Боже мой! Что за перемѣна! Она и не она. Черты ея, но она блѣдна, глаза немного будто впали, и нѣтъ дѣтской усмѣшки на губахъ, нѣтъ наивности, безпечности. Надъ бровями носится не то важная, не то скорбная мысль, глаза говорятъ много такого, чего не знали, не говорили прежде. Смотритъ она не попрежнему, открыто, свѣтло и покойно; на всемъ лицѣ лежитъ облако, или печали, или тумана.

Онъ подошелъ къ ней. Брови у ней сдвинулись немного; она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него минуту, потомъ узнала: брови раздвинулись и легли симметрично, глаза блеснули свѣтомъ тихой, не стремительной, но глубокой радости. Всякій братъ былъ бы счастливъ, если бъ ему такъ обрадовалась любимая сестра.

— Боже мой! Вы ли это? — сказала она проникающимъ до души, до нѣги радостнымъ голосомъ.

Тетка быстро обернулась, и всѣ трое заговорили разомъ. Онъ упрекалъ, что онѣ не писали къ нему; онѣ оправдывались. Онѣ пріѣхали всего третій день и вездѣ ищутъ его.

На одной квартирѣ сказали имъ, что онъ уѣхалъ въ Лионъ и онѣ не знали, что̀ дѣлать.

— Да какъ это вы вздумали? И мнѣ ни слова! — упрекалъ онъ.

— Мы такъ быстро собрались, что не хотѣли писать къ вамъ,—сказала тетка.—Ольга хотѣла вамъ сдѣлать сюрпризъ.

Онъ взглянулъ на Ольгу: лицо ея не подтверждало словъ тетки! Онъ еще пристальнѣе поглядѣлъ на нее, но она была непроницаема, недоступна его наблюденію.

«Что̀ съ ней?» думалъ Штольцъ. «Я, бывало, угадывалъ ее сразу, а теперь... какая перемѣна!»

— Какъ вы развились, Ольга Сергѣевна, выросли, созрѣли,—сказалъ онъ вслухъ:—я васъ не узнаю! А всего годъ какой-нибудь не видались. Что̀ вы дѣлали, что̀ съ вами было? Разскажите, разскажите!

— Да... ничего особеннаго, — сказала она, разсматривая матерію.

— Что ваше пѣніе?—говорилъ Штольцъ, продолжая изучать новую для него Ольгу и стараясь прочесть незнакомую ему игру въ лицѣ; но игра эта, какъ молнія, вырывалась и пряталась.

— Давно не пѣла, мѣсяца два, — сказала она небрежно.

— А Обломовъ что̀? — вдругъ бросилъ онъ вопросъ.— Живъ ли? Не пишетъ?

Здѣсь, можетъ-быть, Ольга невольно выдала бы свою тайну, если бъ не подоспѣла на помощь тетка.

— Вообразите,—сказала она, выходя изъ магазина:—каждый день бывалъ у насъ, потомъ вдругъ пропалъ. Мы собрались за границу; я послала къ нему — сказали, что боленъ, не принимаетъ: такъ и не видались.

— И вы не знаете? — заботливо спросилъ Штольцъ у Ольги.

Ольга пристально лорнировала проѣзжавшую коляску.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ захворалъ, — сказала она, съ притворнымъ вниманіемъ разсматривая проѣзжавшій экипажъ.—Посмотрите, ma tante, кажется, это наши спутники проѣхали.

— Нѣтъ, вы мнѣ отдайте отчетъ о моемъ Ильѣ, — настаивалъ Штольцъ: — что вы съ нимъ сдѣлали? Отчего не привезли съ собой?

— Mais ma tante vient de dire,—говорила она.

— Онъ ужасно лѣнивъ,—замѣтила тетка:—и дикарь такой, что лишь только соберутся трое-четверо къ намъ, сейчасъ уйдетъ. Вообразите, абонировался въ оперу и до половины абонемента не дослушалъ.

— Рубини не слыхалъ,—прибавила Ольга.

Штольцъ покачалъ головой и вздохнулъ.

— Какъ это вы рѣшились? Надолго ли? Что вамъ вдругъ вздумалось?—спрашивалъ Штольцъ.

— Для нея, по совѣту доктора,—сказала тетка, указывая на Ольгу. — Петербургъ замѣтно сталъ дѣйствовать на нее, мы и уѣхали на зиму, да вотъ еще не рѣшились, гдѣ провести ее: въ Ниццѣ, или въ Швейцаріи.

— Да, вы очень перемѣнились, — задумчиво говорилъ Штольцъ, впиваясь глазами въ Ольгу, изучая каждую жилку, глядя ей въ глаза.

Полгода прожили Ильинскія въ Парижѣ: Штольцъ былъ ежедневнымъ и единственнымъ ихъ собесѣдникомъ и путеводителемъ.

Ольга замѣтно начала оправляться; отъ задумчивости она перешла къ спокойствію и равнодушію, по крайней мѣрѣ, наружно. Что у ней дѣлалось внутри—Богъ вѣдаетъ, но она мало-по-малу становилась для Штольца прежнею пріятельницею, хотя уже и не смѣялась попрежнему громкимъ, дѣтскимъ, серебрянымъ смѣхомъ, а только улыбалась сдержанной улыбкой, когда смѣшилъ ее Штольцъ. Иногда даже

ей какъ будто было досадно, что она не можетъ не засмѣяться.

Онъ тотчасъ увидѣлъ, что ее смѣшить уже нельзя: часто взглядомъ и несимметрично-лежащими одна надъ другой бровями со складкой на лбу, она выслушаетъ смѣшную выходку и не улыбнется, продолжаетъ, молча, глядѣть на него, какъ будто съ упрекомъ въ легкомыслiи, или съ нетерпѣніемъ, или вдругъ, вмѣсто отвѣта на шутку, сдѣлаетъ глубокій вопросъ, и сопровождаетъ его такимъ настойчивымъ взглядомъ, что ему станетъ совѣстно за небрежный, пустой разговоръ.

Иногда въ ней выражалось такое внутреннее утомленіе отъ ежедневной людской пустой бѣготни и болтовни, что Штольцу приходилось внезапно переходить въ другую сферу, въ которую онъ рѣдко и неохотно пускался съ женщинами. Сколько мысли, изворотливости ума тратилось единственно на то, чтобъ глубокій, вопрошающій взглядъ Ольги прояснялся и успокоивался, не жаждалъ, не искалъ вопросительно чего-нибудь дальше, гдѣ-нибудь мимо его.

Какъ онъ тревожился, когда, за небрежное объясненіе, взглядъ ея становился сухъ, суровъ, брови сжимались и по лицу разливалась тѣнь безмолвнаго, но глубокаго неудовольствія. И ему надо было положить двои, трои сутки тончайшей игры ума, даже лукавства, огня, и все свое умѣнье обходиться съ женщинами, чтобъ вызвать, и то съ трудомъ, мало-по-малу, изъ сердца Ольги зарю ясности на лицо, кротость примиренія во взглядъ и въ улыбку.

Онъ къ концу дня приходилъ иногда домой, измученный этой борьбой, и бывалъ счастливъ, когда выходилъ побѣдителемъ.

«Какъ она созрѣла, Боже мой! какъ развилась эта дѣвочка! Кто жъ былъ ея учителемъ? Гдѣ она брала уроки жизни? У барона? Тамъ гладко, не почерпнешь въ его щегольскихъ фразахъ ничего! Не у Ильи же!..»

И онъ не могъ понять Ольгу, и бѣжалъ опять на другой день къ ней, и уже осторожно, съ боязнью читалъ ея лицо, затрудняясь часто и побѣждая только съ помощью всего своего ума и знанія жизни вопросы, сомнѣнія, требованія— все, что всплывало въ чертахъ Ольги.

Онъ, съ огнемъ опытности въ рукахъ, пускался въ лабиринтъ ея ума, характера, и каждый день открывалъ и изучалъ всѣ новыя черты и факты, и все не видѣлъ дна, только съ удивленіемъ и тревогой слѣдилъ, какъ ея умъ требуетъ ежедневно насущнаго хлѣба, какъ душа ея не умолкаетъ, все проситъ опыта и жизни.

Ко всей дѣятельности, ко всей жизни Штольца прирастала съ каждымъ днемъ еще чужая дѣятельность и жизнь: обставивъ Ольгу цвѣтами, обложивъ книгами, нотами и альбомами, Штольцъ успокоивался, полагая, что надолго наполнилъ досуги своей пріятельницы, и шелъ работать, или ѣхалъ осматривать какія-нибудь копи, какое-нибудь образцовое имѣніе, шелъ въ кругъ людей, знакомиться, сталкиваться съ новыми, или замѣчательными лицами; потомъ возвращался къ ней утомленный, сѣсть около ея рояля и отдохнуть подъ звуки ея голоса. И вдругъ на лицѣ ея заставалъ уже готовые вопросы, во взглядѣ настойчивое требованіе отчета. И незамѣтно, невольно, мало-по-малу, онъ выкладывалъ передъ ней, что онъ осмотрѣлъ, зачѣмъ.

Иногда выражала она желаніе сама видѣть и узнать, что видѣлъ и узналъ онъ. И онъ повторялъ свою работу: ѣхалъ съ ней смотрѣть зданіе, мѣсто, машину, читать старое событіе на стѣнахъ, на камняхъ. Мало-по-малу, незамѣтно, онъ привыкъ при ней вслухъ думать, чувствовать, и вдругъ однажды, строго повѣривъ себя, узналъ, что онъ началъ жить не одинъ, а вдвоемъ, и что живетъ этой жизнью со дня пріѣзда Ольги.

Почти безсознательно, какъ передъ самимъ собой, онъ вслухъ при ней дѣлалъ оцѣнку пріобрѣтеннаго имъ сокро-

вища и удивлялся себѣ и ей; потомъ повѣрялъ заботливо, не осталось ли вопроса въ ея взглядѣ, лежитъ ли заря удовлетворенной мысли на лицѣ и провожаетъ ли его взглядъ ея, какъ побѣдителя.

Если это подтверждалось, онъ шелъ домой съ гордостью, съ трепетнымъ волненіемъ, и долго ночью втайнѣ готовилъ себя на завтра. Самыя скучныя, необходимыя занятія не казались ему сухи, а только необходимы: они входили глубже въ основу, въ ткань жизни; мысли, наблюденія, явленія не складывались, молча и небрежно, въ архивъ памяти, а придавали яркую краску каждому дню.

Какая жаркая заря охватывала блѣдное лицо Ольги, когда онъ, не дожидаясь вопросительнаго и жаждущаго взгляда, спѣшилъ бросать передъ ней, съ огнемъ и энергіей, новый запасъ, новый матеріалъ!

И самъ онъ, какъ полно счастливъ былъ, когда умъ ея, съ такой же заботливостью и съ милой покорностью, торопился ловить въ его взглядѣ, въ каждомъ словѣ, и оба зорко смотрѣли: онъ на нее, не осталось ли вопроса въ ея глазахъ, она на него, не осталось ли чего-нибудь недосказаннаго, не забылъ ли онъ и, пуще всего, Боже сохрани! не пренебрегъ ли открыть ей какой-нибудь туманный, для нея недоступный уголокъ, развить свою мысль?

Чѣмъ важнѣе, сложнѣе былъ вопросъ, чѣмъ внимательнѣе онъ повѣрялъ его ей, тѣмъ долѣе и пристальнѣе останавливался на немъ ея признательный взглядъ, тѣмъ этотъ взглядъ былъ теплѣе, глубже, сердечнѣе.

«Это дитя, Ольга!» думалъ онъ въ изумленіи: «она перерастаетъ меня!»

Онъ задумывался надъ Ольгой, какъ никогда и ни надъ чѣмъ не задумывался.

Весной они всѣ уѣхали въ Швейцарію. Штольцъ еще въ Парижѣ рѣшилъ, что отнынѣ безъ Ольги ему жить нельзя. Рѣшивъ этотъ вопросъ, онъ началъ рѣшать и вопросъ о

томъ, можетъ ли жить безъ него Ольга. Но этотъ вопросъ не давался ему такъ легко.

Онъ подбирался къ нему медленно, съ оглядкой, осторожно, шелъ то ощупью, то смѣло, и думалъ вотъ-вотъ онъ близко у цѣли, вотъ уловитъ какой-нибудь несомнѣнный признакъ, взглядъ, слово, скуку или радость: еще нужно маленькій штрихъ, едва замѣтное движеніе бровей Ольги, вздохъ ея, и завтра тайна падетъ: онъ любимъ!

На лицѣ у ней онъ читалъ довѣрчивость къ себѣ до ребячества; она глядѣла иногда на него, какъ ни на кого не глядѣла, а развѣ глядѣла бы такъ только на мать, если бъ у ней была мать.

Приходъ его, досуги, цѣлые дни угожденія, она не считала одолженіемъ, лестнымъ приношеніемъ любви, любезностью сердца, а просто обязанностью, какъ будто онъ былъ ея братъ, отецъ, даже мужъ: а это много, это все. И сама, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ шагѣ съ нимъ, была такъ свободна и искренна, какъ будто онъ имѣлъ надъ ней неоспоримый вѣсъ и авторитетъ.

Онъ и зналъ, что имѣетъ этотъ авторитетъ; она каждую минуту подтверждала это, говорила, что она вѣритъ ему одному и можетъ въ жизни положиться слѣпо только на него и ни на кого болѣе въ цѣломъ мірѣ.

Онъ, конечно, былъ гордъ этимъ, но вѣдь этимъ могъ гордиться и какой-нибудь пожилой, умный и опытный дядя, даже баронъ, если бъ онъ былъ человѣкъ съ свѣтлой головой, съ характеромъ.

Но былъ ли это авторитетъ любви—вотъ вопросъ? Входило ли въ этотъ авторитетъ сколько-нибудь ея обаятельнаго обмана, того лестнаго ослѣпленія, въ которомъ женщина готова жестоко ошибиться и быть счастлива ошибкой?..

Нѣтъ, она такъ сознательно покоряется ему. Правда, глаза ея горятъ, когда онъ развиваетъ какую-нибудь идею, или обнажаетъ душу передъ ней; она обливаетъ его лучами

взгляда, но всегда видно за что; иногда сама же она говоритъ и причину. А въ любви заслуга пріобрѣтается такъ слѣпо, безотчетно, и въ этой-то слѣпотѣ и безотчетности и лежитъ счастье. Оскорбляется она, сейчасъ же видно, за что оскорблена.

Ни внезапной краски, ни радости до испуга, ни томнаго или трепещущаго огнемъ взгляда онъ не подкараулилъ никогда, и если было что-нибудь похожее на это, показалось ему, что лицо ея будто исказилось болью, когда онъ скажетъ, что на-дняхъ уѣдетъ въ Италію, только лишь сердце у него замретъ и обольется кровью отъ этихъ драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ минутъ, какъ вдругъ опять все точно задернется флеромъ; она наивно и открыто прибавитъ:

— Какъ жаль, что я не могу поѣхать съ вами туда, а ужасно хотѣлось бы! Да вы мнѣ все разскажете и такъ передадите, что какъ будто я сама была тамъ.

И очарованіе разрушено этимъ явнымъ, нескрываемымъ ни передъ кѣмъ желаніемъ и этой пошлой, форменной похвалой его искусству разсказывать. Онъ только соберетъ всѣ мельчайшія черты, только удастся ему соткать тончайшее кружево, остается закончить какую-нибудь петлю—вотъ ужъ, вотъ сейчасъ...

И вдругъ она опять стала покойна, ровна, проста, иногда даже холодна. Сидитъ, работаетъ и молча слушаетъ его, поднимаетъ по временамъ голову, бросаетъ на него такіе любопытные, вопросительные, прямо идущіе къ дѣлу взгляды, такъ что онъ не разъ съ досадой бросалъ книгу, или прерывалъ какое-нибудь объясненіе, вскакивалъ и уходилъ. Оборотится — она провожаетъ его удивленнымъ взглядомъ: ему совѣстно станетъ, онъ воротится и что-нибудь выдумаетъ въ оправданіе.

Она выслушаетъ такъ просто и повѣритъ. Даже сомнѣнія, лукавой улыбки нѣтъ у нея.

«Любитъ или не любитъ?» играли у него въ головѣ два вопроса.

Если любитъ, отчего же она такъ осторожна, такъ скрытна? Если не любитъ, отчего такъ предупредительна, покорна? Онъ уѣхалъ на недѣлю изъ Парижа въ Лондонъ и пришелъ сказать ей объ этомъ въ самый день отъѣзда, не предупредивъ заранѣе.

Если бъ она вдругъ испугалась, измѣнилась въ лицѣ— вотъ и кончено, тайна поймана, онъ счастливъ! А она крѣпко пожала ему руку, опечалилась: онъ былъ въ отчаяніи.

— Мнѣ ужасно скучно будетъ,—сказала она;—плакать готова, я точно сирота теперь. Ma tante! Посмотрите, Андрей Иванычъ ѣдетъ!—плаксиво прибавила она.

Она срѣзала его.

«Еще къ теткѣ обратилась!» думалъ онъ: «этого недоставало! Вижу, что ей жаль, что любитъ, пожалуй... да этой любви можно, какъ товару на биржѣ, купить во столько-то времени, на столько-то вниманія, угодливости... Не ворочусь», угрюмо думалъ онъ. «Прошу покорно, Ольга, дѣвочка! по ниточкѣ, бывало, ходила. Что съ ней?»

И онъ погружался въ глубокую задумчивость.

Что съ ней? Онъ не зналъ бездѣлицы, что она любила однажды, что уже перенесла, насколько была способна, дѣтическій періодъ неумѣнья владѣть собой, внезапной краски, чуть скрытой боли въ сердцѣ, лихорадочныхъ признаковъ любви, первой ея горячки.

Зная онъ это, онъ бы узналъ, если не ту тайну, любитъ ли она его, или нѣтъ, такъ, по крайней мѣрѣ, узналъ бы, отчего такъ мудрено стало разгадать, что дѣлается съ ней.

Въ Швейцаріи они перебывали вездѣ, куда ѣздятъ путешественники. Но чаще и съ большей любовью останавливались въ мало посѣщаемыхъ затишьяхъ. Ихъ, или по крайней мѣрѣ Штольца, такъ занимало «свое собственное

дѣло», что они утомлялись отъ путешествія, которое для нихъ отодвигалось на второй планъ.

Онъ ходилъ за ней по горамъ, смотрѣлъ на обрывы, на водопады, и во всякой рамкѣ она была на первомъ планѣ. Онъ идетъ за ней по какой-нибудь узкой тропинкѣ, пока тетка сидитъ въ коляскѣ внизу; онъ слѣдитъ втайнѣ зорко, какъ она остановится, взойдя на гору, переведетъ дыханіе и какой взглядъ остановитъ на немъ, непремѣнно и прежде всего на немъ: онъ уже пріобрѣлъ это убѣжденіе.

Оно бы и хорошо: и тепло, и свѣтло станетъ на сердцѣ, да вдругъ она окинетъ потомъ взглядомъ мѣстность и оцѣпенѣетъ, забудется въ созерцательной дремотѣ — и его уже нѣтъ передъ ней.

Чуть онъ пошевелится, напомнитъ о себѣ, скажетъ слово, она испугается, иногда вскрикнетъ: явно, что забыла, тутъ ли онъ, или далеко, просто—есть ли онъ на свѣтѣ.

Зато послѣ, дома, у окна, на балконѣ, она говоритъ ему одному, долго говоритъ, долго выбираетъ изъ души впечатлѣнія, пока не выскажется вся, и говоритъ горячо, съ увлеченіемъ, останавливается иногда, прибираетъ слово и на лету хватаетъ подсказанное имъ выраженіе, и во взглядѣ у ней успѣетъ мелькнуть лучъ благодарности за помощь. Или сядетъ, блѣдная отъ усталости, въ большое кресло, только жадные, неустающіе глаза говорятъ ему, что она хочетъ слушать его.

Она слушаетъ неподвижно, но не проронитъ слова, не пропуститъ ни одной черты. Онъ замолчитъ, она еще слушаетъ, глаза еще спрашиваютъ, и онъ, на этотъ нѣмой вызовъ, продолжаетъ высказываться съ новой силой, съ новымъ увлеченіемъ.

Оно бы и хорошо: свѣтло, тепло, сердце бьется; значитъ, она живетъ тутъ, больше ей ничего не нужно: здѣсь ея свѣтъ, огонь и разумъ. А она вдругъ встанетъ утомленная, и тѣ же, сейчасъ вопросительные, глаза просятъ его уйти,

или захочетъ кушать она, и кушаетъ съ такимъ аппетитомъ...

Все бы это прекрасно: онъ не мечтатель; онъ не хотѣлъ бы порывистой страсти, какъ не хотѣлъ ея и Обломовъ, только по другимъ причинамъ. Но ему хотѣлось бы, однако, чтобъ чувство потекло по ровной колеѣ, вскипѣвъ сначала горячо у источника, чтобъ черпнуть и упиться въ немъ, и потомъ всю жизнь знать, откуда бьетъ этотъ ключъ счастья...

— Любитъ ли она или нѣтъ? — говорилъ онъ съ мучительнымъ волненіемъ, почти до кроваваго пота, чуть не до слезъ.

У него все болѣе и болѣе разгорался этотъ вопросъ, охватывалъ его, какъ пламя, сковывалъ намѣренія: это былъ одинъ главный вопросъ уже не любви, а жизни. Ни для чего другого не было теперь мѣста у него въ душѣ.

Кажется, въ эти полгода за разъ собрались и разыгрались надъ нимъ всѣ муки и пытки любви, отъ которыхъ онъ такъ искусно берегся въ встрѣчахъ съ женщинами.

Онъ чувствовалъ, что и его здоровый организмъ не устоитъ, если продлятся еще мѣсяцы этого напряженія ума, воли, нервъ. Онъ понялъ,—что было чуждо ему доселѣ,—какъ тратятся силы въ этихъ скрытыхъ отъ глазъ борьбахъ души со страстью, какъ ложатся на сердце неизлѣчимыя раны безъ крови, но порождаютъ стоны, какъ уходитъ и жизнь.

Съ него немного спала спесивая увѣренность въ своихъ силахъ; онъ уже не шутилъ легкомысленно, слушая разсказы, какъ иные теряютъ разсудокъ, чахнутъ отъ разныхъ причинъ, между прочимъ... отъ любви.

Ему становилось страшно.

— Нѣтъ, я положу конецъ этому,—сказалъ онъ:—я загляну ей въ душу, какъ прежде, и завтра — или буду счастливъ, или уѣду!

— Нѣтъ силъ! — говорилъ онъ дальше, глядясь въ зеркало.—Я ни на что не похожъ... Довольно!..

Онъ пошелъ прямо къ цѣли, то-есть къ Ольгѣ.

А что же Ольга? Она не замѣчала его положенія, или была безчувственна къ нему?

Не замѣчать этого она не могла: и не такія тонкія женщины, какъ она, умѣютъ отличить дружескую преданность и угожденія отъ нѣжнаго проявленія другого чувства. Кокетства въ ней допустить нельзя, по вѣрному пониманію истинной, нелицемѣрной, никѣмъ не навѣянной ей нравственности. Она была выше этой пошлой слабости.

Остается предположить одно, что ей нравилось, безъ всякихъ практическихъ видовъ, это непрерывное, исполненное ума и страсти поклоненіе такого человѣка, какъ Штольцъ. Конечно, нравилось: это поклоненіе возстановляло ея оскорбленное самолюбіе и мало-по-малу опять ставило ее на тотъ пьедесталъ, съ котораго она упала; мало-по-малу возрождалась ея гордость.

Но какъ же она думала: чѣмъ должно разрѣшиться это поклоненіе? Не можетъ же оно всегда выражаться въ этой вѣчной борьбѣ пытливости Штольца съ ея упорнымъ молчаніемъ. По крайней мѣрѣ предчувствовала ли она, что вся эта борьба его не напрасна, что онъ выиграетъ дѣло, въ которое положилъ столько воли и характера? Даромъ ли онъ тратитъ это пламя, блескъ? Потонетъ ли въ лучахъ этого блеска образъ Обломова и той любви?..

Она ничего этого не понимала, не сознавала ясно, и боролась отчаянно съ этими вопросами, сама съ собой, и не знала, какъ выйти изъ хаоса.

Какъ ей быть? Оставаться въ нерѣшительномъ положеніи нельзя: когда-нибудь отъ этой нѣмой игры и борьбы запертыхъ въ груди чувствъ дойдетъ до словъ — что она отвѣтитъ о прошломъ! Какъ назоветъ его, и какъ назоветъ то, что чувствуетъ къ Штольцу?

Если она любитъ Штольца, что же такое была та любовь? — кокетство, вѣтреность, или хуже? Ее бросало въ

жаръ и краску стыда при этой мысли. Такого обвиненія она не взведетъ на себя.

Если же то была первая, чистая любовь, что̀ такое ея отношенія къ Штольцу?—Опять игра, обманъ, тонкій расчетъ, чтобъ увлечь его къ замужеству и покрыть этимъ вѣтреность своего поведенія?.. Ее бросало въ холодъ, и она блѣднѣла отъ одной мысли.

А не игра, не обманъ, не расчетъ—такъ... опять любовь?

Отъ этого предположенія она терялась: вторая любовь—чрезъ семь-восемь мѣсяцевъ послѣ первой! Кто жъ ей повѣритъ? Какъ она заикнется о ней, не вызвавъ изумленія, можетъ-быть... презрѣнія! Она и подумать не смѣетъ, не имѣетъ права!

Она порылась въ своей опытности: тамъ о второй любви никакого свѣдѣнія не отыскалось. Вспомнила про авторитеты тетокъ, старыхъ дѣвъ, разныхъ умницъ, наконецъ писателей, «мыслителей о любви» — со всѣхъ сторонъ слышитъ неумолимый приговоръ: «женщина истинно любитъ только однажды». И Обломовъ такъ изрекъ свой приговоръ. Вспомнила о Соничкѣ, какъ бы она отозвалась о второй любви, но отъ пріѣзжихъ изъ Россіи слышала, что пріятельница ея перешла на третью...

Нѣтъ, нѣтъ у ней любви къ Штольцу, рѣшала она, и быть не можетъ! Она любила Обломова, и любовь эта умерла, цвѣтъ жизни увялъ навсегда! У ней только дружба къ Штольцу, основанная на его блистательныхъ качествахъ, потомъ на дружбѣ его къ ней, на вниманіи, на довѣріи.

Такъ она отталкивала мысль, даже возможность о любви къ старому своему другу.

Вотъ причина, по которой Штольцъ не могъ уловить у ней на лицѣ и въ словахъ никакого знака, ни положительнаго равнодушія, ни мимолетной молніи, даже искры чувства, которое хоть бы на волосъ выходило за границы теплой, сердечной, но обыкновенной дружбы.

Чтобъ кончить все это разомъ, ей оставалось одно: замѣтивъ признаки рождающейся любви въ Штольцѣ, не дать ей пищи и хода и уѣхать поскорѣй. Но она уже потеряла время: это случилось давно, притомъ надо было ей предвидѣть, что чувство разыграется у него въ страсть; да это и не Обломовъ: отъ него никуда не уѣдешь.

Положимъ, это было бы физически и возможно, но ей морально невозможенъ отъѣздъ: сначала она пользовалась только прежними правами дружбы и находила въ Штольцѣ, какъ и давно, то игриваго, остроумнаго, насмѣшливаго собесѣдника, то вѣрнаго и глубокаго наблюдателя явленій жизни — всего, что случалось съ ними, или проносилось мимо ихъ, что ихъ занимало.

Но чѣмъ чаще они видѣлись, тѣмъ больше сближались нравственно, тѣмъ роль его становилась оживленнѣе: изъ наблюдателя онъ нечувствительно перешелъ въ роль истолкователя явленій, ея руководителя. Онъ невидимо сталъ ея разумомъ и совѣстью, и явились новыя права, новыя тайныя узы, опутавшія всю жизнь Ольги, все, кромѣ одного завѣтнаго уголка, который она тщательно прятала отъ его наблюденія и суда.

Она приняла эту нравственную опеку надъ своимъ умомъ и сердцемъ, и видѣла, что и сама получила на свою долю вліяніе на него. Они помѣнялись правами; она какъ-то незамѣтно, молча допустила размѣнъ.

Какъ теперь вдругъ все отнять?.. Да притомъ въ этомъ столько... столько занятія... удовольствія, разнообразія... жизни... Что она вдругъ станетъ дѣлать, если не будетъ этого? И когда ей приходила мысль бѣжать — было уже поздно, она была не въ силахъ.

Каждый проведенный не съ нимъ день, неповѣренная ему и нераздѣленная съ нимъ мысль—все это теряло для нея свой цвѣтъ и значеніе.

«Боже мой! Если бъ она могла быть его сестрой!» дума-

лось ей: «Какое счастье имѣть вѣчныя права на такого человѣка, не только на умъ, но и на сердце, наслаждаться его присутствіемъ законно, открыто, не платя за то никакими тяжелыми жертвами, огорченіями, довѣренностью жалкаго прошедшаго. А теперь что я такое? Уѣдетъ онъ — я не только не имѣю права удержать его, но должна желать разлуки; а удержу — что я скажу ему, по какому праву хочу его ежеминутно видѣть, слышать?.. Потому что мнѣ скучно, что я тоскую, что онъ учитъ, забавляетъ меня, что онъ мнѣ полезенъ и пріятенъ. Конечно, это причина, но не право. А я что взамѣнъ приношу ему? Право любоваться мною безкорыстно и не смѣть подумать о взаимности, когда столько другихъ женщинъ сочли бы себя счастливыми...»

Она мучилась и задумывалась, какъ она выйдетъ изъ этого положенія, и не видала никакой цѣли, конца. Впереди былъ только страхъ его разочарованія и вѣчной разлуки. Иногда приходило ей въ голову открыть ему все, чтобъ кончить разомъ и свою, и его борьбу, да духъ захватывало, лишь только она задумаетъ это. Ей было стыдно, больно.

Страннѣе всего то, что она перестала уважать свое прошедшее, даже стала его стыдиться съ тѣхъ поръ, какъ стала неразлучна съ Штольцемъ, какъ онъ овладѣлъ ея жизнью. Узнай баронъ, напримѣръ, или другой кто-нибудь, она бы, конечно, смутилась, ей было бы неловко, но она не терзалась бы такъ, какъ терзается теперь, при мысли, что объ этомъ узнаетъ Штольцъ.

Она съ ужасомъ представляла себѣ, что выразится у него на лицѣ, какъ онъ взглянетъ на нее, что скажетъ, что будетъ думать потомъ? Она вдругъ покажется ему такой ничтожной, слабой, мелкой. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Она стала наблюдать за собой, и съ ужасомъ открыла, что ей не только стыдно прошлаго своего романа, но и ге-

роя... Тутъ жгло ее и раскаяніе въ неблагодарности за глубокую преданность ея прежняго друга.

Можетъ-быть, она привыкла бы и къ своему стыду, обтерпѣлась бы: къ чему не привыкаетъ человѣкъ! если бъ ея дружба къ Штольцу была чужда всякихъ корыстолюбивыхъ помысловъ и желаній. Но если она заглушала даже всякій лукавый и льстивый шопотъ сердца, то не могла совладѣть съ грёзами воображенія: часто передъ глазами ея, противъ ея власти, становился и сіялъ образъ этой другой любви; все обольстительнѣе, обольстительнѣе, росла мечта роскошнаго счастья, не съ Обломовымъ, не въ лѣнивой дремотѣ, а на широкой аренѣ всесторонней жизни, со всей ея глубиной, со всѣми прелестями и скорбями — счастья съ Штольцемъ...

Тогда-то она обливала слезами свое прошедшее и не могла смыть. Она отрезвлялась отъ мечты и еще тщательнѣе спасалась за стѣной непроницаемости, молчанія и того дружескаго равнодушія, которое терзало Штольца. Потомъ, забывшись, увлекалась опять безкорыстно присутствіемъ друга, была очаровательна, любезна, довѣрчива, пока опять незаконная мечта о счастьѣ, на которое она утратила права, не напомнитъ ей, что будущее для нея потеряно, что розовыя мечты уже назади, что опалъ цвѣтъ жизни.

Вѣроятно, съ лѣтами она успѣла бы помириться съ своимъ положеніемъ и отвыкла бы отъ надеждъ на будущее, какъ дѣлаютъ всѣ старыя дѣвы, и погрузилась бы въ холодную апатію, или стала бы заниматься добрыми дѣлами; но вдругъ незаконная мечта ея приняла болѣе грозный образъ, когда изъ нѣсколькихъ вырвавшихся у Штольца словъ она ясно увидѣла, что потеряла въ немъ друга и пріобрѣла страстнаго поклонника. Дружба утонула въ любви.

Она была блѣдна въ то утро, когда открыла это, не выходила цѣлый день, волновалась, боролась съ собой, думала, что ей дѣлать теперь, какой долгъ лежитъ на ней — и ни-

чего не придумала. Она только кляла себя, зачѣмъ она вначалѣ не побѣдила стыда и не открыла Штольцу раньше прошедшее, а теперь ей надо побѣдить еще ужасъ.

Бывали припадки рѣшимости, когда въ груди у ней наболитъ, накипятъ тамъ слезы, когда ей хочется броситься къ нему, и не словами, а рыданіями, судорогами, обмороками, разсказать про свою любовь, чтобъ онъ видѣлъ и искупленіе.

Она слыхала, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ другіе. Соничка, напримѣръ, сказала своему жениху про корнета, что она дурачила его, что онъ мальчишка, что она нарочно заставляла ждать его на морозѣ, пока она выйдетъ садиться въ карету, и т. д.

Соничка не задумалась бы сказать и про Обломова, что пошутила съ нимъ, для развлеченія, что онъ такой смѣшной, что можно ли любить «такой мѣшокъ», что этому никто не повѣритъ. Но такой образъ поведенія могъ бы быть оправданъ только мужемъ Сонички и многими другими, но не Штольцемъ.

Ольга могла бы благовиднѣе представить дѣло, сказать, что хотѣла извлечь Обломова только изъ пропасти и для того прибѣгала, такъ-сказать, къ дружескому кокетству... чтобъ оживить угасающаго человѣка и потомъ отойти отъ него. Но это было бы ужъ черезчуръ изысканно, натянуто и, во всякомъ случаѣ, фальшиво... Нѣтъ, нѣтъ спасенія!

«Боже, въ какомъ я омутѣ!» терзалась Ольга про себя. «Открыть!.. Ахъ, нѣтъ! пусть онъ долго, никогда не узнаетъ объ этомъ! А не открыть—все равно, что воровать. Это похоже на обманъ, на заискиванье. Боже, помоги мнѣ!..» Но помощи не было.

Какъ ни наслаждалась она присутствіемъ Штольца, но по временамъ она лучше бы желала не встрѣчаться съ нимъ болѣе, пройти въ жизни его едва замѣтною тѣнью, не мра-

чить его яснаго и разумнаго существованія незаконною страстью.

Она бы потосковала еще о своей неудавшейся любви, оплакала бы прошедшее, похоронила бы въ душѣ память о немъ, потомъ... потомъ, можетъ-быть, нашла бы «приличную партію», какихъ много, и была бы хорошей, умной, заботливой женой и матерью, а прошлое сочла бы дѣвической мечтой, и не прожила, а протерпѣла бы жизнь. Вѣдь всѣ такъ дѣлаютъ!

Но тутъ не въ ней одной дѣло, тутъ замѣшанъ другой, и этотъ другой на ней покоитъ лучшія и конечныя жизненныя надежды.

«Зачѣмъ... я любила?» въ тоскѣ мучилась она и вспоминала утро въ паркѣ, когда Обломовъ хотѣлъ бѣжать, а она думала тогда, что книга ея жизни закроется навсегда, если онъ бѣжитъ. Она такъ смѣло и легко рѣшала вопросъ любви, жизни, такъ все казалось ей ясно—и все запуталось въ неразрѣшимый узелъ.

Она поумничала, думала, что стоитъ только глядѣть просто, идти прямо—и жизнь послушно, какъ скатерть, будетъ разстилаться подъ ногами, и вотъ!.. Не на кого даже свалить вину: она одна преступна!

Ольга, не подозрѣвая, зачѣмъ пришелъ Штольцъ, беззаботно встала съ дивана, положила книгу и пошла ему навстрѣчу.

— Я не мѣшаю вамъ? — спросилъ онъ, садясь къ окну въ ея комнатѣ, обращенному на озеро.—Вы читали?

— Нѣтъ, я ужъ перестала читать: темно становится. Я ждала васъ!—мягко, дружески, довѣрчиво говорила она.

— Тѣмъ лучше: мнѣ нужно поговорить съ вами,—замѣтилъ онъ серьезно, подвинувъ ей другое кресло къ окну.

Она вздрогнула и онѣмѣла на мѣстѣ. Потомъ машинально опустилась въ кресло и, наклонивъ голову, не поднимая

глазъ, сидѣла въ мучительномъ положеніи. Ей хотѣлось бы быть въ это время за сто верстъ отъ того мѣста.

Въ эту минуту, какъ молнія, сверкнуло у ней въ памяти прошедшее. «Судъ насталъ! Нельзя играть въ жизнь какъ въ куклы!» слышался ей какой-то посторонній голосъ: «Не шути съ ней—расплатишься!»

Они молчали нѣсколько минутъ. Онъ очевидно собирался съ мыслями. Ольга боязливо вглядывалась въ его похудѣвшее лицо, въ нахмуренныя брови, въ сжатыя губы съ выраженіемъ рѣшительности.

«Немезида!..» думала она, внутренно вздрагивая. Оба какъ будто готовились къ поединку.

— Вы, конечно, угадываете, Ольга Сергѣевна, о чемъ я хочу говорить? —сказалъ онъ, глядя на нее вопросительно.

Онъ сидѣлъ въ простѣнкѣ, который скрывалъ его лицо, тогда какъ свѣтъ отъ окна прямо падалъ на нее, и онъ могъ читать, что было у ней на умѣ.

— Какъ я могу знать?—отвѣчала она тихо.

Передъ этимъ опаснымъ противникомъ у ней ужъ не было ни той силы воли и характера, ни проницательности, ни умѣнья владѣть собой, съ какими она постоянно являлась Обломову.

Она понимала, что если она до сихъ поръ могла укрываться отъ зоркаго взгляда Штольца и вести удачно войну, то этимъ обязана была вовсе не своей силѣ, какъ въ борьбѣ съ Обломовымъ, а только упорному молчанію Штольца, его скрытому поведенію. Но въ открытомъ полѣ перевѣсъ былъ не на ея сторонѣ, и потому вопросомъ: «какъ я могу знать?» она хотѣла только выиграть вершокъ пространства и минуту времени, чтобъ непріятель яснѣе обнаружилъ свой замыселъ.

— Не знаете?—сказалъ онъ простодушно. — Хорошо, я скажу...

— Ахъ, нѣтъ!—вдругъ вырвалось у ней.

Она схватила его за руку и глядѣла на него, какъ будто моля о пощадѣ.

— Вотъ видите, я угадалъ, что вы знаете! — сказалъ онъ.—Отчего же «нѣтъ»?—прибавилъ потомъ съ грустью.

Она молчала.

— Если вы предвидѣли, что я когда-нибудь выскажусь, то знали, конечно, что и отвѣчать мнѣ?—спросилъ онъ.

— Предвидѣла и мучилась!—сказала она, откидываясь на спинку креселъ и отворачиваясь отъ свѣта, призывая мысленно скорѣе сумерки себѣ на помощь, чтобъ онъ не читалъ борьбы смущенія и тоски у ней на лицѣ.

— Мучились! Это страшное слово,—почти шопотомъ произнесъ онъ:—это Дантово: «оставь надежду навсегда». Мнѣ больше и говорить нечего: тутъ все! Но благодарю и за то,—прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:—я вышелъ изъ хаоса, изъ тьмы, и знаю, по крайней мѣрѣ, что мнѣ дѣлать. Одно спасенье—бѣжать скорѣй!

Онъ всталъ.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ!—бросившись къ нему, схвативъ его опять за руку, съ испугомъ и мольбой заговорила она.—Пожалѣйте меня: что со мной будетъ?

Онъ сѣлъ, и она тоже.

— Но я васъ люблю, Ольга Сергѣевна!—сказалъ онъ почти сурово.—Вы видѣли, что въ эти полгода дѣлалось со мной! Чего же вамъ хочется: полнаго торжества? чтобъ я зачахъ, или рехнулся? Покорно благодарю!

Она измѣнилась въ лицѣ.

— Уѣзжайте!—сказала она съ достоинствомъ подавленной обиды и вмѣстѣ глубокой печали, которой не въ силахъ была скрыть.

— Простите, виноватъ!—извинялся онъ.—Вотъ мы, не видя ничего, ужъ и поссорились. Я знаю, что вы не можете хотѣть этого, но вы не можете и стать въ мое поло-

женіе, и оттого вамъ странно мое движеніе—бѣжать. Человѣкъ иногда безсознательно дѣлается эгоистомъ.

Она перемѣнила положеніе въ креслѣ, какъ будто ей неловко было сидѣть, но она ничего не сказала.

— Ну, пусть бы я остался: что изъ этого?—продолжалъ онъ.—Вы, конечно, предложите мнѣ дружбу; но вѣдь она и безъ того моя. Я уѣду, и черезъ годъ, черезъ два она все будетъ моя. Дружба—вещь хорошая, Ольга Сергѣевна, когда она—любовь между молодыми мужчиной и женщиной, или воспоминаніе о любви между стариками. Но Боже сохрани, если она съ одной стороны дружба, съ другой — любовь. Я знаю, что вамъ со мной не скучно, но мнѣ-то съ вами каково?

— Да, если такъ, уѣзжайте, Богъ съ вами!—чуть слышно прошептала она.

— Остаться!—размышлялъ онъ вслухъ:—ходить по лезвію ножа—хороша дружба!

— А мнѣ развѣ легче?—неожиданно возразила она.

— Вамъ отчего?—спросилъ онъ съ живостью.—Вы... вы не любите...

— Не знаю, клянусь Богомъ, не знаю! Но если вы... если измѣнится какъ-нибудь моя настоящая жизнь, что со мной будетъ?—уныло, почти про-себя прибавила она.

— Какъ я долженъ понимать это? Вразумите меня, ради Бога!—придвигая кресло къ ней, сказалъ онъ, озадаченный ея словами и глубокимъ, непритворнымъ тономъ, какимъ они были сказаны.

Онъ старался разглядѣть ея черты. Она молчала. У ней горѣло въ груди желаніе успокоить его, воротить слово «мучилась» или растолковать его иначе, нежели какъ онъ понялъ; но какъ растолковать — она не знала сама, только смутно чувствовала, что оба они подъ гнётомъ рокового недоумѣнія, въ фальшивомъ положеніи, что обоимъ тяжело отъ этого, и что онъ только могъ, или она, съ его помощью,

могла привести въ ясность и въ порядокъ и прошедшее, и настоящее. Но для этого нужно перейти бездну, открыть ему, что̀ съ ней было: какъ она хотѣла и какъ боялась— его суда!

— Я сама ничего не понимаю; я больше въ хаосѣ, во тьмѣ, нежели вы!—сказала она.

— Послушайте, вѣрите ли вы мнѣ?—спросилъ онъ, взявъ ее за руку.

— Безгранично, какъ матери,—вы это знаете,—отвѣчала она слабо.

— Разскажите же мнѣ, что̀ было съ вами съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Вы непроницаемы теперь для меня, а прежде я читалъ на лицѣ ваши мысли: кажется, это одно средство для насъ понять другъ друга. Согласны вы?

— Ахъ, да, это необходимо... надо кончить чѣмъ-нибудь...—проговорила она съ тоской отъ неизбѣжнаго признанія. «Немезида! Немезида!» думала она, клоня голову къ груди.

Она потупилась и молчала. А ему въ душу пахну̀ло ужасомъ отъ этихъ простыхъ словъ и еще болѣе отъ ея молчанія.

«Она терзается! Боже! Что̀ съ ней было?» съ холодѣющимъ лбомъ думалъ онъ, и чувствовалъ, что у него дрожатъ руки и ноги. Ему вообразилось что-то очень страшное. Она все молчитъ и видимо борется съ собой.

— Итакъ... Ольга Сергѣевна...—торопилъ онъ.

Она молчала, только опять сдѣлала какое-то нервное движеніе, котораго нельзя было разглядѣть въ темнотѣ, лишь слышно было, какъ шаркнуло ея шелковое платье.

— Я собираюсь съ духомъ,—сказала она, наконецъ:— какъ трудно, если бъ вы знали!—прибавила потомъ, отворачиваясь въ сторону, стараясь одолѣть борьбу.

Ей хотѣлось, чтобъ Штольцъ узналъ все не изъ ея устъ, а какимъ-нибудь чудомъ. Къ счастью, стало темнѣе, и ея

лицо было ужъ въ тѣни: могъ только измѣнять голосъ и слова не сходили у ней съ языка, какъ будто она затруднялась, съ какой ноты начать.

«Боже мой! Какъ я должна быть виновата, если мнѣ такъ стыдно, больно!» мучилась она внутренно.

А давно ли она съ такой увѣренностью ворочала своей и чужой судьбой, была такъ умна, сильна! И вотъ насталъ ея чередъ дрожать какъ дѣвочкѣ! Стыдъ за прошлое, пытка самолюбія за настоящее, фальшивое положеніе терзали ее... Невыносимо!

— Я вамъ помогу... вы... любили?..—насилу выговорилъ Штольцъ,—такъ стало больно ему отъ собственнаго слова.

Она подтвердила молчаніемъ. А на него опять пахнуло ужасомъ.

— Кого же? Это не секретъ? — спросилъ онъ, стараясь выговаривать твердо, но самъ чувствовалъ, что у него дрожатъ губы.

А ей было еще мучительнѣе. Ей хотѣлось бы сказать другое имя, выдумать другую исторію. Она съ минуту колебалась, но дѣлать было нечего: какъ человѣкъ, который, въ минуту крайней опасности, кидается съ крутого берега, или бросается въ пламя, она вдругъ выговорила:

— Обломова!

Онъ остолбенѣлъ. Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Обломова! — повторилъ онъ въ изумленіи. — Это неправда!—прибавилъ потомъ положительно, понизивъ голосъ.

— Правда!—покойно сказала она.

— Обломова!—повторилъ онъ вновь.—Не можетъ быть!—прибавилъ опять увѣрительно.—Тутъ есть что-то: вы не поняли себя, Обломова или, наконецъ, любви.

Она молчала.

— Это не любовь, это что-нибудь другое, говорю я!—настойчиво твердилъ онъ.

— Да, я кокетничала съ нимъ, водила за носъ, сдѣлала

несчастнымъ... потомъ, по вашему мнѣнію, принимаюсь за васъ!—произнесла она сдержаннымъ голосомъ, и въ голосѣ ея опять закипѣли слезы обиды.

— Милая Ольга Сергѣевна! Не сердитесь, не говорите такъ: это не вашъ тонъ. Вы знаете, что я не думаю ничего этого. Но въ мою голову не входитъ, я не понимаю, какъ Обломовъ...

— Онъ стоитъ, однакожъ, вашей дружбы; вы не знаете, какъ цѣнитъ его: отчего жъ онъ не стоитъ любви?—защищала она.

— Я знаю, что любовь менѣе взыскательна, нежели дружба, — сказалъ онъ: — она даже часто слѣпа, любятъ не за заслуги—все такъ. Но для любви нужно что-то такое, иногда пустяки, чего ни опредѣлить, ни назвать нельзя и чего нѣтъ въ моемъ несравненномъ, но неповоротливомъ Ильѣ. Вотъ почему я удивляюсь. Послушайте, — продолжалъ онъ съ живостью: — мы никогда не дойдемъ такъ до конца, не поймемъ другъ друга. Не стыдитесь подробностей, не пощадите себя на полчаса, разскажите мнѣ все, а я скажу вамъ, что это такое было, и даже, можетъ-быть, что будетъ... Мнѣ все кажется, что тутъ... не то... Ахъ, если бъ это была правда!—прибавилъ онъ съ одушевленіемъ.—Если бъ Обломова, а не другого! Обломова! Вѣдь это значитъ, что вы принадлежите не прошлому, не любви, что вы свободны... Разскажите, разскажите скорѣй! — покойнымъ, почти веселымъ голосомъ заключилъ онъ.

— Да, ради Бога!—довѣрчиво отвѣтила она, обрадованная, что часть цѣпей съ нея снята.—Одна я съ ума схожу. Если бъ вы знали, какъ я жалка! Я не знаю, виновата ли я, или нѣтъ, стыдиться ли мнѣ прошедшаго, жалѣть ли о немъ, надѣяться ли на будущее, или отчаиваться... Вы говорили о своихъ мученіяхъ, а моихъ не подозрѣвали. Выслушайте же до конца, но только не умомъ: я боюсь вашего ума; сердцемъ лучше: можетъ-быть, оно разсудитъ, что у меня

нѣтъ матери, что я была какъ въ лѣсу...—тихо, упавшимъ голосомъ прибавила она. — Нѣтъ, — торопливо поправилась потомъ:—не щадите меня. Если это была любовь, то... уѣзжайте.—Она остановилась на минуту.—И пріѣзжайте послѣ, когда заговоритъ опять одна дружба. Если же это была вѣтреность, кокетство,—то казните, бѣгите дальше и забудьте меня. Слушайте.

Онъ въ отвѣтъ крѣпко пожалъ ей обѣ руки.

Началась исповѣдь Ольги, длинная, подробная. Она отчетливо, слово за словомъ, перекладывала изъ своего ума въ чужой все, что ее такъ долго грызло, чего она краснѣла, чѣмъ прежде умилялась, была счастлива, а потомъ вдругъ упала въ омутъ горя и сомнѣній.

Она разсказала о прогулкахъ, о паркѣ, о своихъ надеждахъ, о просвѣтлѣніи и паденіи Обломова, о вѣткѣ сирени, даже о поцѣлуѣ. Только прошла молчаніемъ душный вечеръ въ саду—вѣроятно потому, что все еще не рѣшила, что за припадокъ съ ней случился тогда.

Сначала слышался только ея смущенный шопотъ, но по мѣрѣ того, какъ она говорила, голосъ ея становился явственнѣе и свободнѣе; отъ шопота онъ перешелъ въ полутонъ, потомъ возвысился до полныхъ грудныхъ нотъ. Кончила она покойно, какъ будто пересказывала чужую исторію.

Передъ ней самой снималась завѣса, развивалось прошлое, въ которое до этой минуты она боялась заглянуть пристально. На многое у ней открывались глаза, и она смѣло бы взглянула на своего собесѣдника, если бъ не было темно.

Она кончила и ждала приговора. Но отвѣтомъ была могильная тишина.

Что онъ? Не слыхать ни слова, ни движенія, даже дыханія, какъ будто никого не было съ нею.

Эта нѣмота опять бросила въ нее сомнѣніе. Молчаніе длилось. Что значитъ это молчаніе? Какой приговоръ гото-

вится ей отъ самаго проницательнаго, снисходительнаго судьи въ цѣломъ мірѣ? Все прочее безжалостно осудитъ ее, только одинъ онъ могъ быть ея адвокатомъ, его бы избрала она... онъ бы все понялъ, взвѣсилъ и лучше ея самой рѣшилъ въ ея пользу! А онъ молчитъ: ужели дѣло ея потеряно?..

Ей стало опять страшно...

Отворились двери, и двѣ свѣчи, внесенныя горничной, озарили свѣтомъ ихъ уголъ.

Она бросила на него робкій, но жадный, вопросительный взглядъ. Онъ сложилъ руки крестомъ и смотритъ на нее такими кроткими, открытыми глазами, наслаждается ея смущеніемъ.

У ней сердце отошло, отогрѣлось. Она успокоительно вздохнула и чуть не заплакала. Къ ней мгновенно воротилось снисхожденіе къ себѣ, довѣренность къ нему. Она была счастлива, какъ дитя, которое простили, успокоили и обласкали.

— Все?—спросилъ онъ тихо.

— Все!—сказала она.

— А письмо его?

Она вынула изъ портфеля письмо и подала ему. Онъ подошелъ къ свѣчкѣ, прочелъ и положилъ на столъ. А глаза опять обратились на нее съ тѣмъ же выраженіемъ, какого она ужъ давно не видала въ немъ.

Передъ ней стоялъ прежній, увѣренный въ себѣ, немного насмѣшливый и безгранично-добрый, балующій ее другъ. Въ лицѣ у него ни тѣни страданія, ни сомнѣнія. Онъ взялъ ее за обѣ руки, поцѣловалъ ту и другую, потомъ глубоко задумался. Она притихла въ свою очередь и, не смигнувъ, наблюдала движеніе его мысли на лицѣ.

Вдругъ онъ всталъ.

— Боже мой, если бъ я зналъ, что дѣло идетъ объ Обломовѣ, мучился ли бы я такъ!—сказалъ онъ, глядя на нее

такъ ласково, съ такою довѣрчивостью, какъ будто у ней не было этого ужаснаго прошедшаго.

На сердцѣ у ней такъ повеселѣло, стало празднично. Ей было легко. Ей стало ясно, что она стыдилась его одного, а онъ не казнитъ ея, не бѣжитъ! Что ей за дѣло до суда цѣлаго свѣта!

Онъ ужъ владѣлъ опять собой, былъ веселъ; но ей мало было этого. Она видѣла, что она оправдана; но ей, какъ подсудимой, хотѣлось знать приговоръ. А онъ взялъ шляпу.

— Куда вы?—спросила она.

— Вы взволнованы, отдохните! — сказалъ онъ. — Завтра поговоримъ.

— Вы хотите, чтобъ я не спала всю ночь? — перебила она, удерживая его за руку и сажая на стулъ.—Хотите уйти, не сказавъ, что это... было, что я теперь, что я... буду. Пожалѣйте, Андрей Иванычъ: кто же мнѣ скажетъ? Кто накажетъ меня, если я стою, или... кто проститъ?.. — прибавила она и взглянула на него съ такой нѣжной дружбой, что онъ бросилъ шляпу и чуть самъ не бросился предъ ней на колѣни.

— Ангелъ — позвольте сказать — мой! — говорилъ онъ.— Не мучьтесь напрасно: ни казнить, ни миловать васъ не нужно. Мнѣ даже нечего и прибавлять къ вашему разсказу. Какія могутъ быть у васъ сомнѣнія? Вы хотите знать, что это было, назвать по имени? Вы давно знаете... Гдѣ письмо Обломова?

Онъ взялъ письмо со стола.

— Слушайте же! — и читалъ: — «ваше настоящее *люблю* не есть настоящая любовь, а будущая. Это только безсознательная потребность любить, которая, за недостаткомъ настоящей пищи, высказывается иногда у женщинъ въ ласкахъ къ ребенку, къ другой женщинѣ, даже просто въ слезахъ или въ истерическихъ припадкахъ!.. Вы *ошиблись* (читалъ Штольцъ, ударяя на этомъ словѣ): предъ вами не

тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Погодите—онъ придетъ, и тогда вы очнетесь, вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку...»

— Видите, какъ это вѣрно! — сказалъ онъ. — Вамъ было и стыдно, и досадно за... ошибку. Къ этому ничего прибавить. Онъ былъ правъ, а вы не повѣрили, и въ этомъ вся ваша вина. Вамъ бы тогда и разойтись; но его одолѣла ваша красота... а васъ трогала... его голубиная нѣжность!— чуть-чуть насмѣшливо прибавилъ онъ.

— Я не повѣрила ему, я думала, что сердце не ошибается.

— Нѣтъ, ошибается, и какъ иногда гибельно! Но у васъ до сердца и не доходило,—прибавилъ онъ: —воображеніе и самолюбіе съ одной стороны, слабость—съ другой... А вы боялись, что не будетъ другого праздника въ жизни, что этотъ блѣдный лучъ озаритъ жизнь и потомъ будетъ вѣчная ночь...

— А слезы? — сказала она. — Развѣ онѣ не отъ сердца были, когда я плакала? Я не лгала, я была искренна...

— Боже мой! О чемъ не заплачутъ женщины? Вы сами же говорите, что вамъ было жаль букета сирени, любимой скамьи. Къ этому прибавьте обманутое самолюбіе, неудавшуюся роль спасительницы, немного привычки... Сколько причинъ для слезъ!

— И свиданія наши, прогулки, тоже ошибка? Вы помните, что я... была у него... — досказала она съ смущеніемъ, и сама, кажется, хотѣла заглушить свои слова.

Она старалась сама обвинять себя затѣмъ только, чтобъ онъ жарче защищалъ ее, чтобъ быть все правѣе и правѣе въ его глазахъ.

— Изъ разсказа вашего видно, что въ послѣднихъ свиданіяхъ вамъ и говорить было не о чемъ. У вашей такъ-называемой «любви» не хватало и содержанія; она дальше пойти не могла. Вы еще до разлуки разошлись и были

вѣрны не любви, а призраку ея, который сами выдумали— вотъ и вся тайна.

— А поцѣлуй? — шепнула она такъ тихо, что онъ не слыхалъ, а догадался.

— О, это важно, — съ комической строгостью произнесъ онъ: — за это надо было лишить васъ... одного блюда за обѣдомъ.

Онъ глядѣлъ на нее все съ большей лаской, съ большей любовью.

— Шутка не оправданіе такой «ошибки»! — возразила она строго, обиженная его равнодушіемъ и небрежнымъ тономъ. — Мнѣ легче было бы, если бъ вы наказали меня какимъ-нибудь жесткимъ словомъ, назвали бы мой проступокъ его настоящимъ именемъ.

— Я бы и не шутилъ, если бъ дѣло шло не объ Ильѣ, а о другомъ,—оправдывался онъ: — тамъ ошибка могла бы кончиться... бѣдой: но я знаю Обломова...

— Другой, никогда!—вспыхнувъ, перебила она.—Я узнала его больше, нежели вы...

— Вотъ видите!—подтвердилъ онъ.

— Но если бъ онъ... измѣнился, ожилъ, послушался меня и... развѣ я не любила бы его тогда? Развѣ и тогда была бы ложь, ошибка?—говорила она, чтобъ осмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ, чтобъ не осталось ни малѣйшаго пятна, никакой загадки.

— То-есть, если бъ на его мѣстѣ былъ другой человѣкъ, — перебилъ Штольцъ: — нѣтъ сомнѣнія, ваши отношенія разыгрались бы въ любовь, упрочились, и тогда... Но это другой романъ и другой герой, до котораго намъ дѣла нѣтъ.

Она вздохнула, какъ будто сбросила послѣднюю тяжесть съ души. Оба молчали.

— Ахъ, какое счастье... выздоравливать,—медленно произнесла она, какъ будто расцвѣтая, и обратила къ нему

взглядъ такой глубокой признательности, такой горячей, небывалой дружбы, что въ этомъ взглядѣ почудилась ему искра, которую онъ напрасно ловилъ почти годъ. По немъ пробѣжала радостная дрожь.

— Нѣтъ, выздоравливаю я!—сказалъ онъ и задумался.— Ахъ, если бъ только я могъ знать, что герой этого романа — Илья! Сколько времени ушло, сколько крови испортилось! За что? Зачѣмъ?—твердилъ онъ почти съ досадой.

Но вдругъ онъ какъ будто отрезвился отъ этой досады, очнулся отъ тяжелаго раздумья. Лобъ разгладился, глаза повеселѣли.

— Но, видно, это было неизбѣжно: зато, какъ я покоенъ теперь и... какъ счастливъ! — съ упоеніемъ прибавилъ онъ.

— Какъ сонъ, какъ будто ничего не было! — говорила она, задумчиво, едва слышно, удивляясь своему внезапному возрожденію. — Вы вынули не только стыдъ, раскаяніе, но и горечь, боль — все... Какъ это вы сдѣлали? — тихо спросила она.—И все это пройдетъ, эта... ошибка?

— Да ужъ, я думаю, и прошло!—сказалъ онъ, взглянувъ на нее въ первый разъ глазами страсти и не скрывая этого:—то-есть все, что было.

— А что... будетъ... не ошибка... истина?..—спрашивала она, не договаривая.

— Вотъ тутъ написано, — рѣшилъ онъ, взявъ опять письмо: — «предъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали: онъ придетъ, и вы очнетесь...» И полюбите, прибавлю я, такъ полюбите, что мало будетъ не года, а цѣлой жизни для той любви, только не знаю... кого? — досказалъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

Она потупила глаза и сжала губы, но сквозь вѣки порывались наружу лучи, губы удерживали улыбку, но не удержали. Она взглянула на него и засмѣялась такъ отъ души, что у ней навернулись даже слезы.

— Я вамъ сказалъ, что̀ съ вами было и даже, что̀ будетъ, Ольга Сергѣевна,—заключилъ онъ.—А вы мнѣ ничего не скажете въ отвѣтъ на мой вопросъ, который не дали кончить.

— Но что я могу сказать?—въ смущеніи говорила она.— Имѣла ли бы я право, если бъ могла сказать то, что̀ вамъ такъ нужно и чего... вы такъ сто̀ите? — шопотомъ прибавила и стыдливо взглянула на него.

Во взглядѣ опять почудились ему искры небывалой дружбы; опять онъ дрогнулъ отъ счастья.

— Не торопитесь, — прибавилъ онъ: — скажите, чего я сто̀ю, когда кончится вашъ сердечный трауръ, трауръ приличія. Мнѣ кое-что сказалъ и этотъ годъ. А теперь рѣшите только вопросъ: ѣхать мнѣ, или... оставаться?

— Послушайте: вы кокетничаете со мной! — вдругъ весело сказала она.

— О, нѣтъ! — съ важностью замѣтилъ онъ. — Это не давешній вопросъ, теперь онъ имѣетъ другой смыслъ: если я останусь, то... на какихъ правахъ?

Она вдругъ смутилась.

— Видите, что я не кокетничаю!—смѣялся онъ, довольный, что поймалъ ее. — Вѣдь намъ, послѣ нынѣшняго разговора, надо быть иначе другъ съ другомъ: мы оба ужъ не тѣ, что были вчера.

— Я не знаю...—шептала она, еще болѣе смущенная.

— Позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ?

— Говорите... я слѣпо исполню! — почти съ страстною покорностью прибавила она.

— Выдьте за меня замужъ, въ ожиданіи, пока *онъ* придетъ!

— Еще не смѣю...—шептала она, закрывая лицо руками, въ волненіи, но счастливая.

— Отчего жъ не смѣете? — шопотомъ же спросилъ онъ, наклоняя ея голову къ себѣ.

— А это прошлое? — шепта.а она опять, кладя ему голову на грудь, какъ матери.

Онъ тихонько отнялъ ея руки отъ лица, поцѣловалъ въ голову и долго любовался ея смущеніемъ, съ наслажденіемъ глядѣлъ на выступившія у ней и поглощенныя опять глазами слезы.

— Поблѣднетъ, какъ ваша сирень!—заключилъ онъ.— Вы взяли урокъ: теперь настала пора пользоваться имъ. Начинается жизнь: отдайте мнѣ ваше будущее и не думайте ни о чемъ—я ручаюсь за все. Пойдемте къ теткѣ.

Поздно ушелъ къ себѣ Штольцъ.

«Нашелъ свое», думалъ онъ, глядя влюбленными глазами на деревья, на небо, на озеро, даже на поднимавшійся съ воды туманъ. «Дождался! Столько лѣтъ жажды чувства, терпѣнія, экономіи силъ души! Какъ долго я ждалъ—все награждено: вотъ оно, послѣднее счастье человѣка!»

Все теперь заслонилось въ его глазахъ счастьемъ: контора, телѣжка отца, замшевыя перчатки, замасленые счеты—вся дѣловая жизнь. Въ его памяти воскресла только благоухающая комната его матери, варьяціи Герца, княжеская мазурка, голубые глаза, каштановые волосы подъ пудрой— все это покрывалъ какой-то нѣжный голосъ Ольги: онъ и теперь слышалъ ея пѣніе...

— Ольга—моя жена!—страстно вздрогнувъ, прошепталъ онъ.—Все найдено, нечего искать, некуда идти больше!

И въ задумчивомъ чаду счастья, шелъ домой, не замѣчая дороги, улицъ...

Ольга долго провожала его глазами, потомъ открыла окно, нѣсколько минутъ дышала ночной прохладой; волненіе понемногу улеглось, грудь дышала ровно.

Она устремила глаза на озеро, на даль, и задумалась тихо, такъ глубоко, какъ будто заснула. Она хотѣла думать, о чемъ она думаетъ, что чувствуетъ, и не могла.

Мысли неслись такъ ровно, какъ волны, кровь струилась такъ плавно въ жилахъ. Она испытывала счастье и не могла опредѣлить, гдѣ границы, что она такое. Она думала, отчего ей такъ тихо, мирно, ненарушимо-хорошо, отчего ей покойно, между тѣмъ...

— Я его невѣста...—прошептала она.

«Я невѣста!» съ гордымъ трепетомъ думаетъ дѣвушка, дождавшись этого момента, озаряющаго всю ея жизнь, и вырастетъ высоко, и съ высоты смотритъ на ту темную тропинку, гдѣ вчера шла одиноко и незамѣтно.

Отчего же Ольга не трепещетъ? Она тоже шла одиноко, незамѣтной тропой, также на перекресткѣ встрѣтился ей *онъ*, подалъ руку и вывелъ, не въ блескъ ослѣпительныхъ лучей, а какъ будто на разливъ широкой рѣки, къ пространнымъ полямъ и дружески улыбающимся холмамъ. Взглядъ ея не зажмурился отъ блеска, не замерло сердце, не вспыхнуло воображеніе.

Она съ тихой радостью успокоила взглядъ на разливѣ жизни, на ея широкихъ поляхъ и зеленыхъ холмахъ. Не бѣгала у ней дрожь по плечамъ, не горѣлъ взглядъ гордостью: только, когда она перенесла этотъ взглядъ съ полей и холмовъ на того, кто подалъ ей руку, она почувствовала, что по щекѣ у ней медленно тянется слеза...

Она все сидѣла, точно спала — такъ тихъ былъ сонъ ея счастья: она не шевелилась, почти не дышала. Погруженная въ забытье, она устремила мысленный взглядъ въ какую-то тихую, голубую ночь, съ кроткимъ сіяніемъ, съ теплomъ и ароматомъ. Грёза счастья распростерла широкія крылья и плыла медленно, какъ облако въ небѣ, надъ ея головой...

Не видала она себя въ этомъ снѣ завернутою въ газы и блонды на два часа и потомъ въ будничныя тряпки на всю жизнь. Не снился ей ни праздничный пиръ, ни огни, ни веселые клики; ей снилось счастье, но такое простое,

такое неукрашенное, что она еще разъ, безъ трепета гордости, и только съ глубокимъ умиленіемъ прошептала: — Я его невѣста!

V.

Боже мой! Какъ все мрачно, скучно смотрѣло въ квартирѣ Обломова, года полтора спустя послѣ именинъ, когда, нечаянно, пріѣхалъ къ нему обѣдать Штольцъ. И самъ Илья Ильичъ обрюзгъ, скука въѣлась въ его глаза и выглядывала оттуда, какъ немочь какая-нибудь.

Онъ походитъ-походитъ по комнатѣ, потомъ ляжетъ и смотритъ въ потолокъ; возьметъ книгу съ этажерки, пробѣжитъ нѣсколько строкъ глазами, зѣвнетъ и начнетъ барабанить пальцами по столу.

Захаръ сталъ еще неуклюжѣе, неопрятнѣе; у него появились заплаты на локтяхъ; онъ смотритъ такъ бѣдно, голодно, какъ будто плохо ѣстъ, мало спитъ и за троихъ работаетъ.

Халатъ на Обломовѣ истаскался, и какъ ни заботливо зашивались дыры на немъ, но онъ расползается вездѣ и не по швамъ: давно бы надо новый. Одѣяло на постели тоже истасканное, кое-гдѣ съ заплатами; занавѣски на окнахъ полиняли давно и, хотя онѣ вымыты, но похожи на тряпки.

Захаръ принесъ старую скатерть, постлалъ на половинѣ стола, подлѣ Обломова, потомъ осторожно, прикусивъ языкъ, принесъ приборъ съ графиномъ водки, положилъ хлѣбъ и ушелъ.

Дверь съ хозяйской половины отворилась, и вошла Агаѳья Матвѣевна, неся проворно шипящую сковороду съ яичницей.

И она ужасно измѣнилась, не въ свою пользу. Она похудѣла. Нѣтъ круглыхъ, бѣлыхъ, некраснѣющихъ и неблѣднѣющихъ щекъ; не лоснятся рѣдкія брови; глаза у ней впали.

Одѣта она въ старое ситцевое платье; руки у ней не то загорѣли, не то загрубѣли отъ работы, отъ огня, или отъ воды, или отъ того и отъ другого.

Акулины уже не было въ домѣ. Анисья—и на кухнѣ, и на огородѣ, и за птицами ходитъ, и полы моетъ, и стираетъ; она не управится одна, и Агаѳья Матвѣевна, волей-неволей, сама работаетъ на кухнѣ: она толчетъ, сѣетъ и третъ мало, потому что мало выходитъ кофе, корицы и миндалю, а о кружевахъ она забыла и думать. Теперь ей чаще приходится крошить лукъ, тереть хрѣнъ и тому подобныя пряности. Въ лицѣ у ней лежитъ глубокое уныніе.

Но не о себѣ, не о своемъ кофе вздыхаетъ она, тужитъ не оттого, что ей нѣтъ случая посуетиться, похозяйничать широко, потолочь корицу, положить ваниль въ соусъ, или варить густыя сливки, а оттого, что другой годъ не кушаетъ этого ничего Илья Ильичъ, оттого, что кофе ему не берется пудами изъ лучшаго магазина, а покупается на гривенники въ лавочкѣ; сливки приноситъ не чухонка, а снабжаетъ ими та же лавочка, оттого, что вмѣсто сочной котлетки, она несетъ ему на завтракъ яичницу, заправленную жесткой, залежавшейся въ лавочкѣ же ветчиной.

Что же это значитъ? А то, что другой годъ доходы съ Обломовки, исправно присылаемые Штольцемъ, поступаютъ на удовлетвореніе претензіи по заемному письму, данному Обломовымъ хозяйкѣ.

«Законное дѣло» братца удалось сверхъ ожиданія. При первомъ намекѣ Тарантьева на скандалезное дѣло, Илья Ильичъ вспыхнулъ и сконфузился; потомъ пошли на мировую, потомъ выпили всѣ трое, и Обломовъ подписалъ заемное письмо, срокомъ на четыре года; а черезъ мѣсяцъ Агаѳья Матвѣевна подписала такое же письмо на имя братца, не подозрѣвая, что̀ такое и зачѣмъ она подписываетъ. Братецъ сказали, что это нужная бумага по дому и

велѣли написать: «къ сему заемному письму такая-то (чинъ, имя и фамилія) руку приложила».

Она только затруднилась тѣмъ, что много понадобилось написать, и попросила братца заставить лучше Ванюшу что «онъ-де бойко сталъ писать», а она, пожалуй, что-нибудь напутаетъ. Но братецъ настоятельно потребовали, и она подписала криво, косо и крупно. Больше объ этомъ ужъ никогда и рѣчи не было.

Обломовъ, подписывая, утѣшался отчасти тѣмъ, что деньги эти пойдутъ на сиротъ, а потомъ, на другой день, когда, голова у него была свѣжа, онъ со стыдомъ вспомнилъ объ этомъ дѣлѣ и старался забыть, избѣгалъ встрѣчи съ братцемъ, и если Тарантьевъ заговаривалъ о томъ, онъ грозилъ немедленно съѣхать съ квартиры и уѣхать въ деревню.

Потомъ, когда онъ получилъ деньги изъ деревни, братецъ пришли къ нему и объявили, что ему, Ильѣ Ильичу, легче будетъ начать уплату немедленно изъ дохода; что года въ три претензія будетъ покрыта, между тѣмъ какъ съ наступленіемъ срока, когда документъ будетъ поданъ ко взысканію, деревня должна будетъ поступить въ публичную продажу, такъ какъ суммы въ наличности у Обломова не имѣется и не предвидится.

Обломовъ понялъ, въ какіе тиски попалъ онъ, когда все, что присылалъ Штольцъ, стало поступать на уплату долга, а ему оставалось только небольшое количество денегъ на прожитокъ.

Братецъ спѣшилъ окончить эту добровольную сдѣлку съ своимъ должникомъ года въ два, чтобъ какъ-нибудь и что-нибудь не помѣшало дѣлу, и оттого Обломовъ вдругъ попалъ въ затруднительное положеніе.

Сначала это было не очень замѣтно, благодаря его привычкѣ не знать сколько у него въ карманѣ денегъ; но Иванъ Матвѣевичъ вздумалъ присвататься къ дочери какого-то лабазника, нанялъ особую квартиру и переѣхалъ.

Хозяйственные розмахи Агаѳьи Матвѣевны вдругъ пріостановились: осетрина, бѣлоснѣжная телятина, индѣйки стали появляться на другой кухнѣ, въ новой квартирѣ Мухоярова.

Тамъ по вечерамъ горѣли огни, собирались будущіе родные братца, сослуживцы и Тарантьевъ; все очутилось тамъ. Агаѳья Матвѣевна и Анисья вдругъ остались съ разинутыми ртами и съ праздно-повисшими руками, надъ пустыми кастрюлями и горшками.

Агаѳья Матвѣевна въ первый разъ узнала, что у ней есть только домъ, огородъ и цыплята, и что ни корица, ни ваниль не растутъ въ ея огородѣ; увидала, что на рынкахъ лавочники мало-по-малу перестали ей низко кланяться, съ улыбкой, и что эти поклоны и улыбки стали доставаться новой, толстой, нарядной кухаркѣ ея братца.

Обломовъ отдалъ хозяйкѣ всѣ деньги, оставленныя ему братцемъ на прожитокъ, и она, мѣсяца три-четыре, безъ памяти, попрежнему, молола пудами кофе, толкла корицу, жарила телятину и индѣекъ, и дѣлала это до послѣдняго дня, въ который истратила послѣднія семь гривенъ и пришла къ нему сказать, что у ней денегъ нѣтъ.

Онъ три раза перевернулся на диванѣ отъ этого извѣстія, потомъ посмотрѣлъ въ ящикъ къ себѣ: и у него ничего не было. Сталъ припоминать, куда ихъ дѣлъ, и ничего не припомнилъ; пошарилъ на столѣ рукой, нѣтъ ли мѣдныхъ денегъ, спросилъ Захара, тотъ и во снѣ не видалъ. Она пошла къ братцу и наивно сказала, что въ домѣ денегъ нѣтъ.

— А куда вы съ вельможей ухлопали тысячу рублей, что я далъ ему на прожитье?—спросилъ онъ.—Гдѣ же я денегъ возьму? Ты знаешь, я въ законный бракъ вступаю: двѣ семьи содержать не могу, а вы съ бариномъ-то по одежкѣ протягивайте ножки.

— Что вы, братецъ, меня бариномъ попрекаете? — сказала она.—Что онъ вамъ дѣлаетъ? Никого не трогаетъ, жи-

ветъ-себѣ. Не я приманивала его на квартиру; вы съ Михеемъ Андреичемъ.

Онъ далъ ей десять рублей и сказалъ, что больше нѣтъ. Но потомъ, обдумавъ дѣло съ кумомъ въ «заведеніи», рѣшилъ, что такъ покидать сестру и Обломова нельзя, что, пожалуй, дойдетъ дѣло до Штольца, тотъ нагрянетъ, разберетъ и, чего добраго, какъ-нибудь передѣлаетъ, не успѣешь и взыскать долгъ, даромъ что «законное дѣло»; нѣмецъ, слѣдовательно, продувной!

Онъ сталъ давать по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ еще, предположивъ взыскать эти деньги изъ доходовъ Обломова третьяго года, но при этомъ растолковалъ и даже побожился сестрѣ, что больше ни гроша не положитъ, и разсчиталъ, какой столъ они должны держать, какъ уменьшить издержки, даже назначилъ, какія блюда когда готовить, высчиталъ, сколько она можетъ получить за цыплятъ, за капусту, и рѣшилъ, что со всѣмъ этимъ можно жить припѣваючи.

Въ первый разъ въ жизни Агаѳья Матвѣевна задумалась не о хозяйствѣ, а о чемъ-то другомъ, въ первый разъ заплакала, не отъ досады на Акулину за разбитую посуду, не отъ брани братца за недоваренную рыбу; въ первый разъ ей предстала грозная нужда, но грозная не для нея, для Ильи Ильича.

«Какъ вдругъ этотъ баринъ», разбирала она: «станетъ кушать, вмѣсто спаржи, рѣпу съ масломъ, вмѣсто рябчиковъ, баранину, вмѣсто гатчинскихъ форелей, янтарной осетрины — соленаго судака, можетъ-быть, студень изъ лавочки...»

Ужасъ! Она не додумалась до конца, а торопливо одѣлась, наняла извозчика и поѣхала къ мужниной роднѣ, не въ Пасху и Рождество, на семейный обѣдъ, а утромъ рано, съ заботой, съ необычайной рѣчью и вопросомъ, что дѣлать, и взять у нихъ денегъ.

У нихъ много: они сейчасъ дадутъ, какъ узнаютъ, что это для Ильи Ильича. Если бъ это было ей на кофе, на чай, дѣтямъ на платье, на башмаки, или на другія подобныя прихоти, она бы и не заикнулась, а то на крайнюю нужду, до-зарѣзу: спаржи Ильѣ Ильичу купить, рябчиковъ на жаркое, онъ любитъ французскій горошекъ...

Но тамъ удивились, денегъ ей не дали, а сказали, что если у Ильи Ильича есть вещи какія-нибудь, золотыя или, пожалуй, серебряныя, даже мѣхъ, такъ можно заложить, и что есть такія благодѣтели, что третью часть просимой суммы дадутъ до тѣхъ поръ, пока онъ опять получитъ изъ деревни.

Этотъ практическій урокъ въ другое время пролетѣлъ бы надъ геніальной хозяйкой, не коснувшись ея головы, и не втолковать бы ей его никакими путями, а тутъ она умомъ сердца поняла, сообразила все и взвѣсила... свой жемчугъ, полученный въ приданое.

Илья Ильичъ, не подозрѣвая ничего, пилъ на другой день смородинную водку, закусывалъ отличной семгой, кушалъ любимые потроха и бѣлаго свѣжаго рябчика. Агаѳья Матвѣевна, съ дѣтьми, поѣла людскихъ щей и каши, и только за компанію съ Ильей Ильичемъ выпила двѣ чашки кофе.

Вскорѣ за жемчугомъ достала она изъ завѣтнаго сундука фермуаръ, потомъ пошло серебро, потомъ салопъ...

Пришелъ срокъ присылки денегъ изъ деревни: Обломовъ отдалъ ей всѣ. Она выкупила жемчугъ и заплатила проценты за фермуаръ, серебро и мѣхъ, и опять готовила ему спаржу, рябчики, и только для виду пила съ нимъ кофе. Жемчугъ опять поступилъ на свое мѣсто.

Изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день тянулась она изъ силъ, мучилась, перебивалась, продала шаль, послала продать парадное платье и осталась въ ситцевомъ ежеднев-

номъ нарядѣ, съ голыми локтями, и по воскресеньямъ прикрывала шею старой затасканной косынкой.

Вотъ отчего она похудѣла, отчего у ней впали глаза, и отчего она сама принесла завтракъ Ильѣ Ильичу.

У ней даже доставало духа сдѣлать веселое лицо, когда Обломовъ объявлялъ ей, что завтра къ нему придутъ обѣдать Тарантьевъ, Алексѣевъ или Иванъ Герасимовичъ. Обѣдъ являлся вкусный и чисто поданный. Она не срамила хозяина. Но сколькихъ волненій, бѣготни, упрашиванья по лавочкамъ, потомъ безсонницы, даже слезъ стоили ей эти заботы!

Какъ вдругъ глубоко окунулась она въ треволненія жизни и какъ познала ея счастливые и несчастные дни! Но она любила эту жизнь: несмотря на всю горечь своихъ слезъ и заботъ; она не промѣняла бы ее на прежнее, тихое теченье, когда она не знала Обломова, когда съ достоинствомъ господствовала среди наполненныхъ, трещавшихъ и шипѣвшихъ кастрюль, сковородъ и горшковъ, повелѣвала Акулиной, дворникомъ.

Она отъ ужаса даже вздрогнетъ, когда вдругъ ей предстанетъ мысль о смерти; хотя смерть разомъ положила бы конецъ ея невысыхаемымъ слезамъ, ежедневной бѣготнѣ и еженочной несмыкаемости глазъ.

Илья Ильичъ позавтракалъ, прослушалъ, какъ Маша читаетъ по-французски, посидѣлъ въ комнатѣ у Агаѳьи Матвѣевны, смотрѣлъ, какъ она починивала Ваничкину курточку, переворачивая ее разъ десять то на ту, то на другую сторону, и въ то же время безпрестанно бѣгала въ кухню посмотрѣть, какъ жарится баранина къ обѣду, не пора ли заваривать уху.

— Что вы все хлопочете, право?—говорилъ Обломовъ:— оставьте!

— Кто жъ будетъ хлопотать, если не я?—сказала она.— Вотъ только положу двѣ заплатки здѣсь, и уху станемъ ва-

рить. Какой дрянной мальчишка, этотъ Ваня! На той недѣлѣ заново вычинила куртку—опять разорвалъ! Что смѣешься,— обратилась она къ сидѣвшему у стола Ванѣ, въ панталонахъ и въ рубашкѣ объ одной помочи. — Вотъ не починю до утра, и нельзя будетъ за ворота бѣжать. Мальчишки, должно-быть, разорвали: дрался—признавайся?

— Нѣтъ, маменька, это само разорвалось, — сказалъ Ваня.

— То-то само! Сидѣлъ бы дома, да твердилъ уроки, чѣмъ бѣгать по улицамъ! Вотъ когда Илья Ильичъ опять скажетъ, что ты по-французски плохо учишься, — я и сапоги сниму: поневолѣ будешь сидѣть за книжкой!

— Я не люблю учиться по-французски.

— Отчего?—спросилъ Обломовъ.

— Да по-французски есть много нехорошихъ словъ...

Агаѳья Матвѣевна вспыхнула. Обломовъ расхохотался. Вѣрно и прежде уже былъ у нихъ разговоръ о «нехорошихъ словахъ».

— Молчи, дрянной мальчишка, — сказала она. — Утри лучше носъ, не видишь?

Ванюша фыркнулъ, но носа не утеръ.

— Вотъ погодите, получу изъ деревни деньги, я ему двѣ пары сошью,—вмѣшался Обломовъ:—синюю курточку, а на будущій годъ мундиръ: въ гимназію поступитъ.

— Ну, еще и въ старомъ походитъ, — сказала Агаѳья Матвѣевна:—а деньги понадобятся на хозяйство. Солонины запасемъ, варенья вамъ наварю... Пойти посмотрѣть, принесла ли Анисья сметаны...

Она встала.

— А что нынче?—спросилъ Обломовъ.

— Уха изъ ершей, жареная баранина, да вареники.

Обломовъ молчалъ.

Вдругъ подъѣхалъ экипажъ, застучали въ калитку, началось скаканье на цѣпи и лай собаки.

Обломовъ ушелъ къ себѣ, думая, что кто-нибудь пришелъ къ хозяйкѣ: мясникъ, зеленщикъ, или другое подобное лицо. Такой визитъ сопровождался обыкновенно просьбами денегъ, отказомъ со стороны хозяйки, потомъ угрозой со стороны продавца, потомъ просьбами подождать со стороны хозяйки, потомъ бранью, хлопаньемъ дверей, калитки и неистовымъ скаканьемъ и лаемъ собаки—вообще непріятной сценой. Но подъѣхалъ экипажъ — что бы это значило? Мясники и зеленщики въ экипажахъ не ѣздятъ.

Вдругъ хозяйка, въ испугѣ, вбѣжала къ нему.

— Къ вамъ гость!— сказала она.

— Кто же: Тарантьевъ или Алексѣевъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, тотъ, что обѣдалъ въ Ильинъ день.

— Штольцъ? — въ тревогѣ говорилъ Обломовъ, озираясь кругомъ, куда бы уйти:—Боже! что онъ скажетъ, какъ увидитъ... Скажите, что я уѣхалъ! — торопливо прибавилъ онъ и ушелъ къ хозяйкѣ въ комнату.

Анисья кстати подоспѣла навстрѣчу гостю. Агаѳья Матвѣевна успѣла передать ей приказаніе. Штольцъ повѣрилъ, только удивился, какъ это Обломова не было дома.

— Ну, скажи, что я черезъ два часа приду, обѣдать буду! — сказалъ онъ и пошелъ по близости, въ публичный садъ.

— Обѣдать будетъ!—съ испугомъ передавала Анисья.

— Обѣдать будетъ! — повторила въ страхѣ Агаѳья Матвѣевна Обломову.

— Надо другой обѣдъ изготовить, — рѣшилъ онъ, помолчавъ.

Она обратила на него взглядъ, полный ужаса. У ней оставался всего полтинникъ, а до перваго числа, когда братецъ выдаетъ деньги, осталось еще десять дней. Въ долгъ никто не даетъ.

— Не успѣемъ, Илья Ильичъ, — робко замѣтила она: — пусть покушаетъ, что есть...

— Не ѣстъ онъ этого, Агаѳья Матвѣевна; ухи терпѣть не можетъ, даже стерляжьей не ѣстъ; баранины тоже въ ротъ не беретъ.

— Языка можно въ колбасной взять!—вдругъ, какъ будто по вдохновенію, сказала она:—тутъ близко.

— Это хорошо, это можно; да велите зелени какой-нибудь, бобовъ свѣжихъ...

— Бобы восемь гривенъ фунтъ!—пошевелилось у ней въ горлѣ, но на языкъ не сошло.

— Хорошо, я сдѣлаю...—сказала она, рѣшившись замѣнить бобы капустой.

— Сыру швейцарскаго велите фунтъ взять!—командовалъ онъ, не зная о средствахъ Агаѳьи Матвѣевны: — и больше ничего! Я извинюсь, скажу, что не ждали... Да если бъ можно бульонъ какой-нибудь

Она-было ушла.

— А вина?—вдругъ вспомнилъ онъ.

Она отвѣчала новымъ взглядомъ ужаса.

— Надо послать за лафитомъ, — хладнокровно заключилъ онъ.

VI.

Черезъ два часа пришелъ Штольцъ.

— Что съ тобой? Какъ ты перемѣнился, обрюзгъ, блѣденъ! Ты здоровъ?—спросилъ Штольцъ.

— Плохо здоровье, Андрей,—говорилъ Обломовъ, обнимая его:—лѣвая нога что-то все нѣмѣетъ.

— Какъ у тебя здѣсь гадко! — сказалъ, оглядываясь, Штольцъ: — что это ты не бросишь этого халата? Смотри, весь въ заплатахъ!

— Привычка, Андрей; жаль разстаться.

— А одѣяло, а занавѣски... — началъ Штольцъ: — тоже привычка? Жаль перемѣнить эти тряпки? Помилуй, неужели ты можешь спать на этой постели? Да что съ тобой?

Штольцъ пристально посмотрѣлъ на Обломова, потомъ опять на занавѣски, на постель.

— Ничего,—говорилъ смущенный Обломовъ:—ты знаешь, я всегда былъ не очень рачителенъ о своей комнатѣ... Давай лучше обѣдать. Эй, Захаръ! Накрывай скорѣй на столъ. Ну, что ты, надолго ли? Откуда?

— Узнай, что я и откуда?—спросилъ Штольцъ:—до тебя, вѣдь, здѣсь не доходятъ вѣсти изъ живого міра?

Обломовъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и дожидался, что онъ скажетъ.

— Что Ольга?—спросилъ онъ.

— А, не забылъ! Я думалъ, что ты забудешь,—сказалъ Штольцъ.

— Нѣтъ, Андрей, развѣ ее можно забыть? Это значитъ забыть, что я когда-то жилъ, былъ въ раю... А теперь вотъ!..

Онъ вздохнулъ.

— Но гдѣ же она?

— Въ своей деревнѣ, хозяйничаетъ.

— Съ теткой?—спросилъ Обломовъ.

— И съ мужемъ.

— Она замужемъ?—вдругъ, вытаращивъ глаза, произнесъ Обломовъ.

— Чего жъ ты испугался? Не воспоминанія ли?..—тихо, почти нѣжно прибавилъ Штольцъ.

— Ахъ, нѣтъ, Богъ съ тобой!—оправдывался Обломовъ, приходя въ себя.— Я не испугался, но удивился; не знаю, почему это поразило меня. Давно ли? Счастлива ли? скажи ради Бога. Я чувствую, что ты снялъ съ меня большую тяжесть! Хотя ты увѣрялъ меня, что она простила, но, знаешь... я не былъ покоенъ! Все грызло меня что-то... Милый Андрей, какъ я благодаренъ тебѣ!

Онъ радовался такъ отъ души, такъ подпрыгивалъ на своемъ диванѣ, такъ шевелился, что Штольцъ любовался имъ и былъ даже тронутъ.

— Какой ты добрый Илья!—сказалъ онъ.—Сердце твое стоило ея! Я ей все перескажу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори! — перебилъ Обломовъ. — Она сочтетъ меня безчувственнымъ, что я съ радостью услыхалъ о ея замужествѣ.

— А радость развѣ не чувство, и притомъ еще безъ эгоизма? Ты радуешься только ея счастью.

— Правда, правда!—перебилъ Обломовъ.—Богъ знаетъ, что я мелю... Кто жъ, кто этотъ счастливецъ? Я и не спрошу.

— Кто?—повторилъ Штольцъ.—Какой ты недогадливый, Илья!

Обломовъ вдругъ остановилъ на своемъ другѣ неподвижный взглядъ: черты его окоченѣли на минуту и румянецъ сбѣжалъ съ лица.

— Не... ты ли?—вдругъ спросилъ онъ.

— Опять испугался! Чего же? — засмѣявшись, сказалъ Штольцъ.

— Не шути, Андрей, скажи правду!— съ волненіемъ говорилъ Обломовъ.

— Ей-Богу не шучу. Другой годъ я женатъ на Ольгѣ.

Мало-по-малу испугъ пропадалъ въ лицѣ Обломова, уступая мѣсто мирной задумчивости; онъ еще не поднималъ глазъ, но задумчивость его черезъ минуту была ужъ полна тихой и глубокой радости, и когда онъ медленно взглянулъ на Штольца, во взглядѣ его ужъ было умиленіе и слезы.

— Милый Андрей!—произнесъ Обломовъ, обнимая его.— Милая Ольга... Сергѣевна! — прибавилъ потомъ, сдержавъ восторгъ. — Васъ благословилъ самъ Богъ! Боже мой! какъ я счастливъ! Скажи же ей...

— Скажу, что другого Обломова не знаю!—перебилъ его глубоко-тронутый Штольцъ.

— Нѣтъ, скажи, напомни, что я встрѣтился ей затѣмъ, чтобъ вывести ее на путь, и что я благословляю эту встрѣ-

чу, благословляю ее и на новомъ пути! Что, если бъ другой?..—съ ужасомъ прибавилъ онъ:—а теперь,—весело заключилъ онъ:—я не краснѣю своей роли, не каюсь; съ души тяжесть спала; тамъ ясно, и я счастливъ. Боже! благодарю тебя!

Онъ опять чуть не прыгалъ на диванѣ отъ волненія: то прослезится, то засмѣется.

— Захаръ, шампанскаго къ обѣду!—закричалъ онъ, забывъ, что у него не было ни гроша.

— Все скажу Ольгѣ, все!—говорилъ Штольцъ.—Не даромъ она забыть не можетъ тебя. Нѣтъ, ты стоилъ ея: у тебя сердце какъ колодецъ глубоко!

Голова Захара выставилась изъ передней.

— Пожалуйте сюда!—говорилъ онъ, мигая барину.

— Что тамъ?—съ нетерпѣніемъ спросилъ онъ.—Поди вонъ!

— Денегъ пожалуйте!—шепталъ Захаръ.

Обломовъ вдругъ замолчалъ.

— Ну, не нужно!—шепнулъ онъ въ дверь.—Скажи, что забылъ, не успѣлъ! Поди!.. Нѣтъ, поди сюда!—громко сказалъ онъ.—Знаешь ли новость, Захаръ? Поздравь: Андрей Иванычъ женился!

— Ахъ, батюшка! Привелъ Богъ дожить до этакой радости! Поздравляемъ, батюшка, Андрей Иванычъ; дай Богъ вамъ несчетные годы жить, дѣтокъ наживать. Ахъ, Господи, вотъ радости!

Захаръ кланялся, улыбался, сипѣлъ, хрипѣлъ. Штольцъ вынулъ ассигнацію и подалъ ему.

— На, вотъ тебѣ, да купи себѣ сюртукъ,—сказалъ онъ:—посмотри, ты точно нищій.

— На комъ, батюшка?—спросилъ Захаръ, ловя руки Штольца.

— На Ольгѣ Сергѣевнѣ—помнишь?—сказалъ Обломовъ.

— На Ильинской барышнѣ! Господи! Какая славная

барышня! По-дѣломъ бранили меня тогда Илья Ильичъ, стараго пса! Грѣшенъ, виноватъ: все на васъ сворачивалъ. Я тогда и людямъ ильинскимъ разсказалъ, а не Никита! Точно что клевета вышла. Ахъ, ты, Господи, ахъ, Боже мой!..—твердилъ онъ, уходя въ переднюю.

— Ольга зоветъ тебя въ деревню, къ себѣ гостить; любовь твоя простыла, неопасно: ревновать не станешь. Поѣдемъ.

Обломовъ вздохнулъ.

— Нѣтъ, Андрей,—сказалъ онъ:—не любви и не ревности я боюсь, а все-таки къ вамъ не поѣду.

— Чего жъ ты боишься?

— Боюсь зависти: ваше счастье будетъ для меня зеркаломъ, гдѣ я все буду видѣть свою горькую и убитую жизнь; а вѣдь ужъ я жить иначе не стану, не могу.

— Полно, милый Илья! Нехотя станешь жить, какъ живутъ около тебя. Будешь считать, хозяйничать, читать, слушать музыку. Какъ у ней теперь выработался голосъ! Помнишь Casta diva?

Обломовъ замахалъ рукой, чтобъ онъ не напоминалъ.

— Ѣдемъ же!—настаивалъ Штольцъ.—Это ея воля; она не отстанетъ. Я устану, а она нѣтъ. Это такой огонь, такая жизнь, что даже подчасъ достается мнѣ. Опять забродитъ у тебя въ душѣ прошлое. Вспомнишь паркъ, сирень, и будешь пошевеливаться...

— Нѣтъ, Андрей, нѣтъ, не поминай, не шевели ради Бога!—серьезно перебилъ его Обломовъ.—Мнѣ больно отъ этого, а не отрадно. Воспоминанія—или величайшая поэзія, когда они—воспоминанія о живомъ счастьѣ, или—жгучая боль, когда они касаются засохшихъ ранъ... Поговоримъ о другомъ. Да, я не поблагодарилъ тебя за твои хлопоты о моихъ дѣлахъ, о деревнѣ. Другъ мой! Я не могу, не въ силахъ; ищи благодарности въ своемъ собственномъ сердцѣ, въ своемъ счастьѣ—въ Ольгѣ... Сергѣевнѣ, а я... я... не

могу! Прости, что самъ я до сихъ поръ не избавилъ тебя отъ хлопотъ. Но вотъ, скоро весна, я непремѣнно отправлюсь въ Обломовку...

— А знаешь, что дѣлается въ Обломовкѣ? Ты не узнаешь ея!—сказалъ Штольцъ.—Я не писалъ къ тебѣ, потому что ты не отвѣчаешь на письма. Мостъ построенъ, домъ прошлымъ лѣтомъ возведенъ подъ крышу. Только ужъ объ убранствѣ внутри ты хлопочи самъ, по своему вкусу — за это не берусь. Хозяйничаетъ новый управляющій, мой человѣкъ. Ты видѣлъ въ вѣдомости расходы?..

Обломовъ молчалъ.

— Ты не читалъ ихъ? — спросилъ Штольцъ, глядя на него.—Гдѣ онѣ?

— Постой, я послѣ обѣда сыщу; надо Захара спросить...

— Ахъ, Илья, Илья! Не то смѣяться, не то плакать.

— Послѣ обѣда сыщемъ. Давай обѣдать!

Штольцъ поморщился, садясь за столъ. Онъ вспомнилъ Ильинъ день: устрицъ, ананасы, дупелей; а теперь видѣлъ толстую скатерть, судки для уксуса и масла безъ пробокъ, заткнутые бумажками; на тарелкахъ лежало по большому черному ломтю хлѣба, вилки съ изломанными черенками. Обломову подали уху, а ему супъ съ крупой и варенаго цыпленка, потомъ слѣдовалъ жёсткій языкъ, послѣ баранина. Явилось красное вино. Штольцъ налилъ полстакана, попробовалъ, поставилъ стаканъ на столъ и больше ужъ не пробовалъ. Илья Ильичъ выпилъ двѣ рюмки смородинной водки, одну за другой, и съ жадностью принялся за баранину.

— Вино никуда не годится!—сказалъ Штольцъ.

— Извини, второпяхъ не успѣли на ту сторону сходить,— говорилъ Обломовъ.—Вотъ не хочешь ли смородинной водки? Славная, Андрей, попробуй!

Онъ налилъ еще рюмку и выпилъ.

Штольцъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на него, но промолчалъ.

— Агаѳья Матвѣевна сама настаиваетъ: славная женщина!—говорилъ Обломовъ, нѣсколько опьянѣвъ.—Я, признаться, не знаю, какъ я буду въ деревнѣ жить безъ нея: такой хозяйки не найдешь.

Штольцъ слушалъ его, немного нахмуривъ брови.

— Ты думаешь, это кто все готовитъ? Анисья? Нѣтъ!— продолжалъ Обломовъ. — Анисья за цыплятами ходитъ, да капусту полетъ въ огородѣ, да полы моетъ; а это все Агаѳья Матвѣевна дѣлаетъ.

Штольцъ не ѣлъ ни баранины, ни варениковъ, положилъ вилку и смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ ѣлъ это все Обломовъ.

— Теперь ты ужъ не увидишь на мнѣ рубашки наизнанку,—говорилъ дальше Обломовъ, съ аппетитомъ обсасывая косточку: — она все осмотритъ, все увидитъ, ни одного нештопаннаго чулка нѣтъ — и все сама. А кофе какъ варитъ! Вотъ я угощу тебя послѣ обѣда.

Штольцъ слушалъ молча, съ озабоченнымъ лицомъ.

— Теперь братъ ея съѣхалъ, жениться вздумалъ, такъ хозяйство, знаешь, ужъ не такое большое, какъ прежде. А бывало, такъ у ней все и кипитъ въ рукахъ! Съ утра до вечера такъ и летаетъ: и на рынокъ, и въ гостиный дворъ... Знаешь, я тебѣ скажу,—плохо владѣя языкомъ, заключилъ Обломовъ: — дай мнѣ тысячи двѣ-три, такъ я бы тебя не сталъ потчивать языкомъ да бараниной; цѣлаго бы осетра подалъ, форелей, филѐ перваго сорта. А Агаѳья Матвѣевна безъ повара чудесъ бы надѣлала—да!

Онъ выпилъ еще рюмку водки.

— Да выпей, Андрей, право выпей: славная водка! Ольга Сергѣевна тебѣ этакой не сдѣлаетъ! — говорилъ онъ нетвердо. — Она споетъ «Casta diva», а водки сдѣлать не умѣетъ такъ! И пирога такого съ цыплятами и грибами не сдѣлаетъ! Такъ пекли только, бывало, въ Обломовкѣ, да вотъ здѣсь! И что еще хорошо, такъ это то, что не по-

варъ; тотъ, Богъ знаетъ, какими руками заправляетъ пирогъ; а Агаѳья Матвѣевна—сама опрятность!

Штольцъ слушалъ внимательно, навостривъ уши.

— А руки-то у нея были бѣлыя, — продолжалъ, значительно-отуманенный виномъ, Обломовъ: — поцѣловать не грѣхъ! Теперь стали жестки, потому что все сама! Сама крахмалитъ мнѣ рубашки! — съ чувствомъ, почти со слезами, произнесъ Обломовъ.—Ей-Богу, такъ, я самъ видѣлъ. За другимъ жена такъ не смотритъ — ей-Богу! Славная баба Агаѳья Матвѣевна! Эхъ, Андрей! Переѣзжай-ко сюда съ Ольгой Сергѣевной, найми здѣсь дачу: то-то бы зажили! Въ рощѣ чай бы стали пить, въ ильинскую пятницу на Пороховые бы заводы пошли, за нами бы телѣга съ припасами да съ самоваромъ ѣхала. Тамъ, на травѣ, на коврѣ легли бы! Агаѳья Матвѣевна выучила бы и Ольгу Сергѣевну хозяйничать, право выучила бы. Теперь вотъ только плохо пошло: братъ переѣхалъ; а если бъ *намъ* дали три-четыре тысячи, я бы тебѣ такихъ индѣекъ наставилъ тутъ...

— Ты получаешь пять отъ меня! — сказалъ вдругъ Штольцъ.—Куда жъ ты ихъ дѣваешь?

— А долгъ?—вдругъ вырвалось у Обломова.

Штольцъ вскочилъ съ мѣста.

— Долгъ?—повторилъ онъ.—Какой долгъ?

И онъ, какъ грозный учитель, глядѣлъ на прячущагося ребенка.

Обломовъ вдругъ замолчалъ. Штольцъ пересѣлъ къ нему на диванъ.

— Кому ты долженъ?—спросилъ онъ.

Обломовъ немного отрезвился и опомнился.

— Никому, я совралъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ты вотъ теперь лжешь да неискусно. Что у тебя? Что съ тобой, Илья? А! Такъ вотъ что̀ значитъ баранина, кислое вино! У тебя денегъ нѣтъ! Куда жъ ты дѣваешь?

— Я точно долженъ... немного, хозяйкѣ за припасы...— говорилъ Обломовъ.

— За баранину и за языкъ! Илья, говори, что̀ у тебя дѣлается? Что̀ это за исторія: братъ переѣхалъ, хозяйство пошло плохо... Тутъ что-то не ловко. Сколько ты долженъ?

— Десять тысячъ, по заемному письму... — прошепталъ Обломовъ.

Штольцъ вскочилъ и опять сѣлъ.

— Десять тысячъ? Хозяйкѣ? За припасы? — повторилъ онъ съ ужасомъ.

— Да, много забирали; я жилъ очень широко... Помнишь, ананасы, да персики... вотъ я задолжалъ... — бормоталъ Обломовъ.—Да что объ этомъ?

Штольцъ не отвѣчалъ ему. Онъ соображалъ: «братъ переѣхалъ, хозяйство пошло плохо — и точно оно такъ: все смотритъ голо, бѣдно, грязно! Что жъ хозяйка за женщина? Обломовъ хвалитъ ее! она смотритъ за нимъ; онъ говоритъ о ней съ жаромъ...»

Вдругъ Штольцъ измѣнился въ лицѣ, поймавъ истину. На него пахнуло холодомъ.

— Илья!—спросилъ онъ.—Эта женщина... что она тебѣ?..

Но Обломовъ положилъ голову на столъ и задремалъ.

«Она его грабитъ, тащитъ съ него все... это вседневная исторія, а я до сихъ поръ не догадался!» думалъ онъ.

Штольцъ всталъ и быстро отворилъ дверь къ хозяйкѣ, такъ что та, увидя его, съ испугу выронила ложечку изъ рукъ, которою мѣшала кофе.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—вѣжливо сказалъ онъ.

— Пожалуйте въ гостиную, я сейчасъ приду,—отвѣчала она робко.

И накинувъ на шею косынку, вошла вслѣдъ за нимъ въ гостиную и сѣла на кончикѣ дивана. Шали ужъ не [illegible] и она старалась прятать руки подъ косынку.

— Илья Ильичъ далъ вамъ заемное письмо? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—съ тупымъ взглядомъ удивленія отвѣчала она:— они мнѣ никакого письма не давали.

— Какъ никакого?

— Я никакого письма не видала!—твердила она съ тѣмъ же тупымъ удивленіемъ...

— Заемное письмо!—повторилъ Штольцъ.

Она подумала немного.

— Вы бы поговорили съ братцемъ, — сказала она:—а я никакого письма не видала.

«Что она, дура, или плутовка?» подумалъ Штольцъ.

— Но онъ долженъ вамъ?—спросилъ онъ.

Она поглядѣла на него тупо, потомъ вдругъ лицо у ней осмыслилось, даже выразило тревогу. Она вспомнила о заложенномъ жемчугѣ, о серебрѣ, о салопѣ, и вообразила, что Штольцъ намекаетъ на этотъ долгъ; только никакъ не могла понять, какъ узнали объ этомъ, она ни слова не проронила, не только Обломову объ этой тайнѣ, даже Анисьѣ, которой отдавала отчетъ въ каждой копейкѣ.

— Сколько онъ вамъ долженъ?—съ безпокойствомъ спрашивалъ Штольцъ.

— Ничего не должны! Ни копеечки!

«Скрываетъ передо мной, стыдится, жадная тварь, ростовщица!» думалъ онъ. «Но я доберусь».

— А десять тысячъ?—сказалъ онъ.

— Какія десять тысячъ? — въ тревожномъ удивленіи спросила она.

— Илья Ильичъ вамъ долженъ десять тысячъ по заемному письму—да или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Они ничего не должны. Были должны постомъ мяснику двѣнадцать съ полтиной, такъ еще на третьей недѣлѣ отдали; за сливки молочницѣ тоже заплатили — они ничего не должны.

— Развѣ документа у васъ на него нѣтъ?

Она тупо поглядѣла на него.

— Вы бы съ братцемъ поговорили,—отвѣчала она:—они живутъ черезъ улицу, въ домѣ Замыкалова, вотъ здѣсь; еще погребъ въ домѣ есть.

— Нѣтъ, — позвольте переговорить съ вами, рѣшительно сказалъ онъ.—Илья Ильичъ считаетъ себя должнымъ вамъ, а не братцу...

— Они мнѣ не должны,—отвѣчала она:—а что я закладывала серебро, *жемчугъ* и мѣхъ, такъ это я для себя закладывала. Машѣ и себѣ башмаки купила, Ванюшѣ на рубашки, да въ зеленныя лавки отдала. А на Илью Ильича ни копеечки не пошло.

Онъ смотрѣлъ на нее, слушалъ и вникалъ въ смыслъ ея словъ. Онъ одинъ, кажется, былъ близокъ къ разгадкѣ тайны Агаоьи Матвѣевны, и взглядъ пренебреженія, почти презрѣнія, который онъ кидалъ на нее, говоря съ ней, невольно смѣнился взглядомъ любопытства, даже участія.

Въ закладѣ жемчуга, серебра, онъ вполовину, смутно прочелъ тайну жертвъ, и только не могъ рѣшить, приносились ли онѣ чистою преданностью, или въ надеждѣ какихъ-нибудь будущихъ благъ.

Онъ не зналъ печалиться ли ему, или радоваться за Илью. Открылось явно, что онъ не долженъ ей, что этотъ долгъ есть какая-то мошенническая продѣлка ея братца, но за то открывалось многое другое... Что значатъ эти закалады серебра, жемчугу?

— Такъ вы не имѣете претензій на Ильѣ Ильичѣ? — спросилъ онъ.

— Вы потрудитесь съ братцемъ поговорить, — отвѣчала она монотонно:—теперь они должны быть дома.

— Вамъ не долженъ Илья Ильичъ, говорите вы?

— Ни копеечки, ей-Богу, правда!—божилась она, глядя на образъ и крестясь.

— Вы это подтвердите при свидѣтеляхъ?

— При всѣхъ, хоть на исповѣди! — А что *земчугъ* и серебро я заложила, такъ это на свои расходы...

— Очень хорошо! — перебилъ ее Штольцъ. — Завтра я побываю у васъ съ двумя моими знакомыми, и вы не откажетесь сказать при нихъ то же самое?

— Вы бы лучше съ братцемъ переговорили, — повторяла она:—а то я одѣта-то не такъ... все на кухнѣ, не хорошо, какъ чужіе увидятъ: осудятъ.

— Ничего, ничего; а съ братцемъ вашимъ я увижусь завтра же, послѣ того, какъ вы подпишете бумагу...

— Писать-то я отвыкла совсѣмъ.

— Да тутъ немного нужно написать, всего двѣ строки.

— Нѣтъ, ужъ увольте; пусть вотъ лучше Ванюша бы написалъ: онъ чисто пишетъ...

— Нѣтъ, вы не отказывайтесь, — настаивалъ онъ:—если вы не подпишете бумаги, то это значитъ, что Илья Ильичъ долженъ вамъ десять тысячъ.

— Нѣтъ, они не должны ничего, ни копеечки, — твердила она:—ей-Богу!

— Въ такомъ случаѣ вы должны подписать бумагу. Прощайте, до завтра.

— Завтра бы вы лучше къ братцу зашли... — говорила она, провожая его:—вонъ тутъ, на углу, чрезъ улицу.

— Нѣтъ, и васъ прошу братцу до меня ничего не говорить, иначе Ильѣ Ильичу будетъ очень непріятно...

— Такъ я не скажу имъ ничего!—послушно сказала она.

VII.

На другой день Агаѳья Матвѣевна дала Штольцу свидѣтельство, что она никакой денежной претензіи на Обломова не имѣетъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ Штольцъ внезапно явился передъ братцемъ.

Это было истиннымъ громовымъ ударомъ для Ивана Мат-

вѣевича. Онъ вынулъ документъ и показалъ трепещущимъ среднимъ пальцемъ правой руки, ногтемъ внизъ, на подпись Обломова и на засвидѣтельствованіе маклера.

— Законъ-съ,—сказалъ онъ:—мое дѣло сторона; я только соблюдаю интересы сестры, а какія деньги бралъ Илья Ильичъ, мнѣ неизвѣстно.

— Этимъ не кончится ваше дѣло, — пригрозилъ ему, уѣзжая, Штольцъ.

— Законное дѣло-съ, а я въ сторонѣ! — оправдывался Иванъ Матвѣевичъ, пряча руки въ рукава.

На другой день, только что онъ пришелъ въ присутствіе, явился курьеръ отъ генерала, который немедленно требовалъ его къ себѣ.

— Къ генералу! — съ ужасомъ повторило все присутствіе. — Зачѣмъ? Что такое? Не требуетъ ли дѣла какого-нибудь? Какое именно? Скорѣй, скорѣй! Подшивать дѣла, дѣлать описи! Что такое?

Вечеромъ Иванъ Матвѣевичъ пришелъ въ «заведеніе» самъ не свой. Тарантьевъ уже давно ждалъ его тамъ.

— Что, кумъ?—спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Что! — монотонно произнесъ Иванъ Матвѣевичъ. — А какъ ты думаешь, что?

— Обругали, что ли?

— Обругали! — передразнилъ его Иванъ Матвѣевичъ. — Лучше бы прибили! А ты хорошъ! — упрекнулъ онъ: — не сказалъ, что это за нѣмецъ такой!

— Вѣдь я говорилъ тебѣ, что продувной!

— Это что: продувной! Видали мы продувныхъ! Зачѣмъ ты не сказалъ, что онъ въ силѣ? Они съ генераломъ другъ другу *ты* говорятъ, вотъ какъ мы съ тобой. Сталъ бы я связываться съ этакимъ, если бъ зналъ!

— Да вѣдь законное дѣло!—возразилъ Тарантьевъ.

— Законное дѣло!—опять передразнилъ его Мухояровъ.—

Поди-ко скажи тамъ: языкъ прильпне къ гортани. Ты знаешь, что̀ генералъ спросилъ меня?

— Что̀?—съ любопытствомъ спросилъ Тарантьевъ.

— «Правда ли, что вы, съ какимъ-то негодяемъ, напоили помѣщика Обломова пьянымъ и заставили подписать заемное письмо на имя вашей сестры?»

— Такъ и сказалъ: «съ негодяемъ»? — спросилъ Тарантьевъ.

— Да, такъ и сказалъ...

— Кто же это такой негодяй-то? — спросилъ опять Тарантьевъ.

Кумъ поглядѣлъ на него.

— Небойсь, не знаешь? — желчно сказалъ онъ. — Нешто не ты?

— Меня-то какъ припутали?

— Скажи спасибо нѣмцу, да своему земляку. Нѣмецъ-то все пронюхалъ, выспросилъ...

— Ты бы, кумъ, на другого показалъ, а про меня бы сказалъ, что меня тутъ не было!

— Вона! Ты что за святой!—сказалъ кумъ.

— Что жъ ты отвѣчалъ, когда генералъ спросилъ: «правда ли, что вы тамъ, съ какимъ-то негодяемъ?..» Вотъ тутъ-то бы и обойти его.

— Обойти? Обойдешь, поди-ко! Глаза какіе-то зеленые! Силился, силился, хотѣлъ выговорить: «Неправда, молъ, клевета, ваше превосходительство, никакого Обломова и знать не знаю, это все Тарантьевъ!..» да съ языка нейдетъ; только палъ предъ стопы его.

— Что жъ они, дѣло, что ли, хотятъ затѣвать? — глухо спросилъ Тарантьевъ.—Я вѣдь въ сторонѣ; вотъ ты, кумъ...

— Въ сторонѣ! Ты въ сторонѣ? Нѣтъ, кумъ, ужъ если въ петлю лѣзть, такъ тебѣ первому: кто уговаривалъ Обломова пить-то? Кто срамилъ, грозилъ?..

— Ты же научилъ,—говорилъ Тарантьевъ.

— А ты несовершеннолѣтній, что ли? Я знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Это, кумъ, безсовѣстно! Сколько черезъ меня перепало тебѣ, а мнѣ-то всего триста рублей досталось...

— Что жъ, одному все взять на себя? Экой ты какой ловкій! Нѣтъ, я знать ничего не знаю,—говорилъ онъ:—а меня просила сестра, по женскому незнанію дѣла, заявить письмо у маклера—вотъ и все. Ты и Затертый были свидѣтелями, вы и въ отвѣтѣ?

— Ты бы сестру-то хорошенько: какъ она смѣла противъ брата идти?—сказалъ Тарантьевъ.

— Сестра—дура: что съ ней будешь дѣлать?

— Что она?

— Что? Плачетъ, а сама стоитъ на своемъ: «не долженъ, дескать, Илья Ильичъ! да и только, и денегъ она никакихъ ему не давала».

— У тебя зато есть письмо на нее, — сказалъ Тарантьевъ: — ты не потеряешь своего...

Мухояровъ вынулъ изъ кармана заемное письмо на сестру, разорвалъ его на части и подалъ Тарантьеву.

— На, вотъ, я тебѣ подарю, не хочешь ли?—прибавилъ онъ. — Что съ нея взять? Домъ, что ли, съ огородишкомъ? И тысячи не дадутъ: онъ весь разваливается. Да что я, нехристь, что ли, какой? По міру ее пустить съ ребятишками?

— Стало, слѣдствіе начнется? — робко спросилъ Тарантьевъ. — Вотъ тутъ-то, кумъ, отдѣлаться бы подешевле: ты ужъ, братъ, выручи!

— Какое слѣдствіе? Никакого слѣдствія не будетъ! Генералъ-было погрозилъ выслать изъ города, да нѣмецъ-то вступился, не хочетъ срамить Обломова.

— Что ты, кумъ! Какъ гора съ плечъ! Выпьемъ! — сказалъ Тарантьевъ.

— Выпьемъ? Изъ какихъ это доходовъ? На твои, что ль?

— А твои? Сегодня, поди, цѣлковыхъ семь забралъ?

— Что-о! Прощай доходы: что генералъ-то сказалъ, я не договорилъ.

— А что?—вдругъ опять струсивъ, спросилъ Тарантьевъ.

— Въ отставку велѣлъ подать.

— Что ты, кумъ! — выпуча на него глаза, сказалъ Тарантьевъ.—Ну,—заключилъ онъ съ яростью:—теперь обругаю же я земляка на чемъ свѣтъ стоитъ!

— Только бы тебѣ ругаться!

— Нѣтъ, ужъ обругаю, какъ ты хочешь!—говорилъ Тарантьевъ.—А впрочемъ, правда, лучше погожу; вотъ, что я вздумалъ; слушай-ко, кумъ!

— Что еще?—повторилъ въ раздумьѣ Иванъ Матвѣевичъ.

— Можно тутъ хорошее дѣло сдѣлать. Жаль только, что ты съѣхалъ съ квартиры...

— А что?

— Что!—говорилъ онъ, глядя на Ивана Матвѣевича.— Подсматривать за Обломовымъ, да за сестрой, какіе они тамъ пироги пекутъ, да и того... свидѣтелей! Такъ тутъ и нѣмецъ ничего не сдѣлаетъ. А ты теперь вольный казакъ: затѣешь слѣдствіе—законное дѣло! Небойсь и нѣмецъ струситъ, на мировую пойдетъ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, можно!—отвѣчалъ Мухояровъ задумчиво. — Ты неглупъ на выдумки, только въ дѣло не годишься, и Затертый тоже. Да я найду, постой!—говорилъ онъ, оживляясь. — Я имъ дамъ! Я кухарку свою на кухню къ сестрѣ подошлю: она подружится съ Анисьей, все вывѣдаетъ, а тамъ... Выпьемъ, кумъ!

— Выпьемъ!—повторилъ Тарантьевъ.—А потомъ ужъ я обругаю земляка!

Штольцъ попытался увезти Обломова, но тотъ просилъ оставить его только на мѣсяцъ, такъ просилъ, что Штольцъ не могъ не сжалиться. Ему нуженъ былъ этотъ мѣсяцъ, по словамъ его, чтобъ кончить всѣ расчеты, сдать квартиру

и такъ уладить дѣла съ Петербургомъ, чтобъ ужъ болѣе туда не возвращаться. Потомъ нужно было закупить все для уборки деревенскаго дома; наконецъ, онъ хотѣлъ пріискать себѣ хорошую экономку, въ родѣ Агаѳьи Матвѣевны, даже не отчаивался уговорить и ее продать домъ и переселиться въ деревню, на достойное ея поприще — сложнаго и обширнаго хозяйства.

— Кстати о хозяйкѣ,—перебилъ его Штольцъ:—я хотѣлъ тебя спросить, Илья, въ какихъ ты отношеніяхъ къ ней...

Обломовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Что ты хочешь сказать?—торопливо спросилъ онъ.

— Ты очень хорошо знаешь, — замѣтилъ Штольцъ: — иначе бы не отчего было краснѣть. Послушай, Илья, если тутъ предостереженіе можетъ что-нибудь сдѣлать, то я всей дружбой нашей прошу, будь остороженъ...

— Въ чемъ? Помилуй! — защищался смущенный Обломовъ.

— Ты говорилъ о ней съ такимъ жаромъ, что, право, я начинаю думать, что ты ее...

— Любишь, что ли, хочешь ты сказать? Помилуй! — перебилъ Обломовъ съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Такъ еще хуже, если тутъ нѣтъ никакой нравственной искры, если это только...

— Андрей! Развѣ ты зналъ меня безнравственнымъ человѣкомъ?

— Отчего жъ ты покраснѣлъ?

— Оттого, что ты могъ допустить такую мысль.

Штольцъ покачалъ съ сомнѣніемъ головой.

— Смотри, Илья, не упади въ яму. Простая баба; грязный бытъ, удушливая сфера тупоумія, грубость—фи!..

Обломовъ молчалъ.

— Ну, прощай, — заключилъ Штольцъ: — такъ я скажу Ольгѣ, что лѣтомъ мы увидимъ тебя, если не у насъ, такъ въ Обломовкѣ. Помни: она не отстанетъ!

— Непремѣнно, непремѣнно, — утвердительно отвѣчалъ Обломовъ:—даже прибавь, что если она позволитъ, я зиму проведу у васъ.

— То-то бы обрадовалъ!

Штольцъ уѣхалъ въ тотъ же день, а вечеромъ къ Обломову явился Тарантьевъ. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не обругать его хорошенько за кума. Онъ не взялъ одного въ расчетъ, что Обломовъ, въ обществѣ Ильинскихъ, отвыкъ отъ подобныхъ ему явленій, и что апатія и снисхожденіе къ грубости и наглости замѣнились отвращеніемъ. Это бы ужъ обнаружилось давно, и даже проявилось отчасти, когда Обломовъ жилъ еще на дачѣ, но съ тѣхъ поръ Тарантьевъ посѣщалъ его рѣже и притомъ бывалъ при другихъ и столкновеній между ними не было.

— Здорово, землякъ! — злобно сказалъ Тарантьевъ, не протягивая руки.

— Здравствуй?—холодно отвѣчалъ Обломовъ, глядя въ окно.

— Что, проводилъ своего благодѣтеля?

— Проводилъ. Что же?

— Хорошъ благодѣтель!—ядовито продолжалъ Тарантьевъ.

— А что, тебѣ не нравится?

— Да я бы его повѣсилъ! — съ ненавистью прохрипѣлъ Тарантьевъ.

— Вотъ какъ!

— И тебя бы на одну осину!

— За что такъ?

— Дѣлай честно дѣла: если долженъ, такъ плати, не увертывайся. Что ты теперь надѣлалъ?

— Послушай, Михей Андреичъ, уволь меня отъ своихъ сказокъ; долго я, по лѣности, по безпечности, слушалъ тебя: я думалъ, что у тебя есть хоть капля совѣсти, а ея нѣтъ. Ты съ пройдохой хотѣлъ обмануть меня: кто изъ васъ хуже—не знаю, только оба вы гадки мнѣ. Другъ выручилъ меня изъ этого глупаго дѣла...

— Хорошъ другъ!—говорилъ Тарантьевъ.—Я слышалъ, онъ и невѣсту у тебя поддѣлъ; благодѣтель, нечего сказать! Ну, братъ, дуракъ ты, землякъ...

— Пожалуйста, оставь эти нѣжности! — остановилъ его Обломовъ.

— Нѣтъ, не оставлю! Ты меня не хотѣлъ знать, ты неблагодарный! Я пристроилъ тебя здѣсь, нашелъ женщину-кладъ. Покой, удобство всякое — все доставилъ тебѣ, облагодѣтельствовалъ кругомъ, а ты и рыло отворотилъ. Благодѣтеля нашелъ: нѣмца! На аренду имѣніе взялъ; вотъ, погоди: онъ тебя облупитъ, еще акцій надастъ. Ужъ пуститъ по-міру, помяни мое слово! Дуракъ, говорю тебѣ, да мало дуракъ, еще и скотъ вдобавокъ, неблагодарный!

— Тарантьевъ!—грозно крикнулъ Обломовъ.

— Что кричишь-то? Я самъ закричу на весь міръ, что ты дуракъ, скотина! — кричалъ Тарантьевъ. — Я и Иванъ Матвѣичъ ухаживали за тобой, берегли, словно крѣпостные служили тебѣ, на цыпочкахъ ходили, въ глаза смотрѣли, а ты обнесъ его передъ начальствомъ: теперь онъ безъ мѣста и безъ куска хлѣба! Это низко, гнусно! Ты долженъ теперь отдать ему половину состоянія; давай вексель на его имя: ты теперь не пьянъ, въ своемъ умѣ, давай, говорю тебѣ, я безъ того не выйду...

— Что вы, Михей Андреичъ, кричите такъ? — сказали хозяйка и Анисья, выглянувъ изъ-за двери. — Двое прохожихъ остановились, слушаютъ, что за крикъ...

— Буду кричать,—вопилъ Тарантьевъ:—пусть срамится этотъ олухъ! Пусть обдуетъ тебя этотъ мошенникъ-нѣмецъ, благо онъ теперь стакнулся съ твоей любовницей...

Въ комнатѣ раздалась громкая оплеуха. Пораженный Обломовымъ въ щеку, Тарантьевъ мгновенно смолкъ, опустился на стулъ и, въ изумленіи, ворочалъ вокругъ одурѣвшими глазами.

— Что это? Что это -а? Что это! — блѣдный, задыхаясь,

говорилъ онъ, держась за щеку. — Безчестье? Ты заплатишь мнѣ за это! Сейчасъ просьбу генералъ-губернатору: вы видѣли?

— Мы ничего не видали!—сказали обѣ женщины въ одинъ голосъ.

— А! Здѣсь заговоръ, здѣсь разбойничій притонъ! Шайка мошенниковъ! Грабятъ, убиваютъ...

— Вонъ, мерзавецъ! — закричалъ Обломовъ, блѣдный, трясясь отъ ярости. — Сію минуту, чтобъ нога твоя здѣсь не была, или я убью тебя, какъ собаку!

Онъ искалъ глазами палки.

— Батюшки! Разбой! Помогите!—кричалъ Тарантьевъ.

— Захаръ! Выбрось вонъ этого негодяя, и чтобъ онъ не смѣлъ глазъ казать сюда!—закричалъ Обломовъ.

— Пожалуйте, вотъ вамъ Богъ, а вотъ двери!—говорилъ Захаръ, показывая на образъ и на дверь.

— Я не къ тебѣ пришелъ, я къ кумѣ, — вопилъ Тарантьевъ.

— Богъ съ вами! Мнѣ васъ не надо, Михей Андреичъ,— сказала Агаѳья Матвѣевна:—вы къ братцу ходили, а не ко мнѣ! Вы мнѣ хуже горькой рѣдьки. Опиваете, объѣдаете, да еще лаетесь.

— А! такъ-то, кума! Хорошо, вотъ братъ дастъ вамъ знать! А ты заплатишь мнѣ за безчестье! Гдѣ моя шляпа? Чортъ съ вами! Разбойники, душегубцы! — кричалъ онъ, идучи по двору.—Заплатишь мнѣ за безчестье!

Собака скакала на цѣпи и заливалась лаемъ.

Послѣ этого Тарантьевъ и Обломовъ не видались болѣе.

VIII.

Штольцъ не пріѣзжалъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ. Онъ однажды только заглянулъ на короткое время въ имѣніе Ольги и въ Обломовку. Илья Ильичъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ Андрей уговаривалъ его самого ѣхать

въ деревню и взять въ свои руки приведенное въ порядокъ имѣніе, а самъ съ Ольгой Сергѣевной уѣзжалъ на южный берегъ Крыма, для двухъ цѣлей: по дѣламъ своимъ въ Одессѣ и для здоровья жены, разстроеннаго послѣ родовъ.

Они поселились въ тихомъ уголкѣ, на морскомъ берегу. Скроменъ и не великъ былъ ихъ домъ. Внутреннее устройство его имѣло такъ же свой стиль, какъ наружная архитектура, какъ все убранство носило печать мысли и личнаго вкуса хозяевъ. Много сами они привезли съ собой всякаго добра; много присылали имъ изъ Россіи и изъ-за границы тюковъ, чемодановъ, возовъ.

Любитель комфорта, можетъ-быть, пожалъ бы плечами, взглянувъ на всю наружную разнорядицу мебели, ветхихъ картинъ, статуй съ отломанными руками и ногами, иногда плохихъ, но дорогихъ по воспоминанію гравюръ, мелочей. Развѣ глаза знатока загорѣлись бы не разъ огнемъ жадности при взглядѣ на ту или другую картину, на какую-нибудь пожелтѣвшую отъ времени книгу, на старый фарфоръ, или камни и монеты.

Но среди этой разновѣковой мебели, картинъ, среди не имѣющихъ ни для кого значенія, но отмѣченныхъ для нихъ обоихъ счастливымъ часомъ, памятной минутой, мелочей, въ океанѣ книгъ и нотъ, вѣяло теплой жизнью, чѣмъ-то раздражающимъ умъ и эстетическое чувство; вездѣ присутствовала или недремлющая мысль, или сіяла красота человѣческаго дѣла, какъ кругомъ сіяла вѣчная красота природы.

Здѣсь же нашла мѣсто и высокая конторка, какая была у отца Андрея, замшевыя перчатки; висѣлъ въ углу и клеенчатый плащъ около шкапа съ минералами, раковинами, чучелами птицъ, съ образцами разныхъ глинъ, товаровъ и прочаго. Среди всего, на почетномъ мѣстѣ, блисталъ въ золотѣ съ инкрустаціей, флигель Эрара.

Сѣть изъ винограда, плющей и миртовъ покрывала кот-

тедж̀ъ сверху до низу. Съ галлереи видно было море, съ другой стороны—дорога въ городъ.

Тамъ караулила Ольга Андрея, когда онъ уѣзжалъ изъ дома по дѣламъ, и, завидя его, спускалась внизъ, пробѣгала великолѣпный цвѣтникъ, длинную тополевую аллею и бросалась на грудь къ мужу, всегда съ пылающими отъ радости щеками, съ блещущимъ взглядомъ, всегда съ одинакимъ жаромъ нетерпѣливаго счастья, несмотря на то, что уже пошелъ не первый и не второй годъ ея замужества.

Штольцъ смотрѣлъ на любовь и на женитьбу, можетъ-быть, оригинально, преувеличенно, но во всякомъ случаѣ, самостоятельно. И здѣсь онъ пошелъ свободнымъ и, какъ казалось ему, простымъ путемъ: но какую трудную школу наблюденія, терпѣнія, труда выдержалъ онъ, пока выучился дѣлать эти «простые шаги»!

Отъ отца своего онъ перенялъ смотрѣть на все въ жизни, даже на мелочи, не шутя; можетъ-быть, перенялъ бы отъ него и педантическую строгость, которою нѣмцы сопровождаютъ взглядъ свой, каждый шагъ въ жизни, въ томъ числѣ и супружество.

Какъ таблица на каменной скрижали, была начертана открыто всѣмъ и каждому жизнь стараго Штольца и подъ ней больше подразумѣвать было нечего. Но мать, своими пѣснями и нѣжнымъ шопотомъ, потомъ княжескій разнохарактерный домъ, далѣе университетъ, книги и свѣтъ—все это отводило Андрея отъ прямой, начертанной отцомъ колеи; русская жизнь рисовала свои невидимые узоры и изъ безцвѣтной таблицы дѣлала яркую, широкую картину.

Андрей не налагалъ педантическихъ оковъ на чувства и даже давалъ законную свободу, стараясь только не терять «почвы изъ-подъ ногъ», задумчивымъ мечтамъ, хотя, отрезвляясь отъ нихъ, по нѣмецкой своей натурѣ, или почему-нибудь другому, не могъ удержаться отъ вывода и выносилъ какую-нибудь жизненную замѣтку.

Онъ былъ бодръ тѣломъ, потому что былъ бодръ умомъ. Онъ былъ рѣзвъ, шаловливъ въ отрочествѣ, а когда не шалилъ, то занимался, подъ надзоромъ отца, дѣломъ. Нѣкогда было ему расплываться въ мечтахъ. Не растлѣлось у него воображеніе, не испортилось сердце: чистоту и дѣвственность того и другого зорко берегла мать.

Юношей, онъ инстинктивно берегъ свѣжесть силъ своихъ, потомъ сталъ рано уже открывать, что эта свѣжесть рождаетъ бодрость и веселость, образуетъ ту мужественность, въ которой должна быть закалена душа, чтобъ не блѣднѣть передъ жизнью, какова бы она ни была, смотрѣть на нее, не какъ на тяжкое иго, крестъ, а только какъ на долгъ, и достойно вынести битву съ ней.

Много мыслительной заботы посвятилъ онъ и сердцу, и его мудренымъ законамъ. Наблюдая сознательно и безсознательно отраженіе красоты на воображеніе, потомъ переходъ впечатлѣнія въ чувство, его симптомы, игру, исходъ, и, глядя вокругъ себя, подвигаясь въ жизнь, онъ выработалъ себѣ убѣжденіе, что любовь, съ силою Архимедова рычага, движетъ міромъ; что въ ней лежитъ столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразія въ ея непониманіи и злоупотребленіи. Гдѣ же благо? Гдѣ зло? Гдѣ граница между ними?

При вопросѣ: гдѣ ложь? въ воображеніи его потянулись пестрыя маски настоящаго и минувшаго времени. Онъ съ улыбкой, то краснѣя, то нахмурившись, глядѣлъ на безконечную вереницу героевъ и героинь любви: на донъ-Кихотовъ, въ стальныхъ перчаткахъ, на дамъ ихъ мыслей, съ пятидесятилѣтнею взаимною вѣрностью въ разлукѣ; на пастушковъ, съ румяными лицами и простодушными глазами навыкатѣ, и на ихъ Хлой, съ барашками.

Являлись передъ нимъ напудренные маркизы, въ кружевахъ, съ мерцающими умомъ глазами и съ развратной улыбкой; потомъ застѣнчившіеся, повѣсившіеся и удавив-

шіеся Вертеры; далѣе увядшія дѣвы, съ вѣчными слезами любви, съ монастыремъ, и усатыя лица недавнихъ героевъ, съ буйнымъ огнемъ въ глазахъ, наивные и сознательные донъ-Жуаны, и умники, трепещущіе подозрѣнія въ любви и втайнѣ обожающіе своихъ ключницъ... всѣ, всѣ!

При вопросѣ: гдѣ же истина? онъ искалъ и вдалекѣ, и вблизи, въ воображеніи и глазами, примѣровъ простого, честнаго, но глубокаго и неразрывнаго сближенія съ женщиной, и не находилъ; если, казалось, и находилъ, то это только казалось, потомъ приходилось разочаровываться, и онъ грустно задумывался и даже отчаивался.

«Видно не дано этого блага во всей его полнотѣ», думалъ онъ: «или тѣ сердца, которыя озарены свѣтомъ такой любви, застѣнчивы: они робѣютъ и прячутся, не стараясь оспаривать умниковъ; можетъ-быть, жалѣютъ ихъ, прощаютъ имъ во имя своего счастья, что тѣ топчутъ въ грязь цвѣтокъ, за неимѣніемъ почвы, гдѣ бы онъ могъ глубоко пустить корни и вырасти въ такое дерево, которое бы осѣнило всю жизнь».

Глядѣлъ онъ на браки, на мужей, и въ ихъ отношеніяхъ къ женамъ всегда видѣлъ сфинкса съ его загадкой, все будто что-то непонятное, недосказанное; а между тѣмъ эти мужья не задумываются надъ мудрыми вопросами, идутъ по брачной дорогѣ такимъ ровнымъ, сознательнымъ шагомъ, какъ будто нечего имъ рѣшать и искать.

«Не правы ли они? Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ больше ничего не нужно», съ недовѣрчивостью къ себѣ думалъ онъ, глядя, какъ одни быстро проходятъ любовь какъ азбуку супружества или какъ форму вѣжливости, точно отдали поклонъ, входя въ общество, и—скорѣй за дѣло!

Они нетерпѣливо сбываютъ съ плечъ весну жизни; многіе даже косятся потомъ весь вѣкъ на женъ своихъ, какъ будто досадуя за то, что когда-то имѣли глупость любить ихъ.

Другихъ любовь не покидаетъ долго, иногда до старости, но ихъ не покидаетъ никогда и улыбка сатира...

Наконецъ, большая часть вступаетъ въ бракъ, какъ берутъ имѣніе, наслаждаются его существенными выгодами: жена вноситъ лучшій порядокъ въ домъ — она хозяйка, мать, наставница дѣтей; а на любовь смотрятъ, какъ практическій хозяинъ смотритъ на мѣстоположеніе имѣнія, то-есть сразу привыкаетъ и потомъ не замѣчаетъ его никогда.

— Что же это: врожденная неспособность вслѣдствіе законовъ природы, — говорилъ онъ: — или недостатокъ подготовки, воспитанія?.. Гдѣ же эта симпатія, не теряющая никогда естественной прелести, не одѣвающаяся въ шутовскій нарядъ, видоизмѣняющаяся, но не гаснущая? Какой естественный цвѣтъ и краски этого разлитаго повсюду и всенаполняющаго собой блага, этого сока жизни?

Онъ пророчески вглядывался въ даль и тамъ, какъ въ туманѣ, появился ему образъ чувства, а съ нимъ и женщины, одѣтой его цвѣтомъ и сіяющей его красками, образъ такой простой, но свѣтлый, чистый.

— Мечта! мечта! — говорилъ онъ, отрезвляясь, съ улыбкой, отъ праднаго раздраженія мысли.

Но очеркъ этой мечты противъ воли жилъ въ его памяти.

Сначала ему снилась въ этомъ образѣ будущность женщины вообще; когда же онъ увидѣлъ, потомъ, въ выросшей и созрѣвшей Ольгѣ, не только роскошь расцвѣтшей красоты, но и силу, готовую на жизнь и жаждущую разумѣнія и борьбы съ жизнью, всѣ задатки его мечты, въ немъ возникъ давнишній, почти забытый имъ образъ любви и стала сниться въ этомъ образѣ Ольга, и далеко впереди казалось ему, что въ симпатіи ихъ возможна истина — безъ шутовского наряда и безъ злоупотребленій.

Не играя вопросомъ о любви и бракѣ, не путая въ него никакихъ другихъ расчетовъ, денегъ, связей, мѣстъ, Штольцъ,

однакожъ, задумывался о томъ, какъ примирится его внѣшняя, до сихъ поръ неутомимая дѣятельность съ внутреннею, семейною жизнью, какъ изъ туриста, негоціанта, онъ превратится въ семейнаго домосѣда? Если онъ успокоится отъ этой внѣшней бѣготни, чѣмъ наполнится его жизнь въ домашнемъ быту? Воспитаніе, образованіе дѣтей, направленіе ихъ жизни, конечно, не легкая и не пустая задача, но до нея еще далеко, а до тѣхъ поръ что же онъ будетъ дѣлать?

Эти вопросы давно и часто тревожили его, и онъ не тяготился холостою жизнью; не приходило ему въ голову, какъ только забьется его сердце, почуя близость красоты, надѣть на себя брачныя цѣпи. Отчего онъ какъ будто пренебрегалъ даже Ольгой-дѣвицей, любовался только ею, какъ милымъ ребенкомъ, подающимъ большія надежды; шутя, мимоходомъ, забрасывалъ ей въ жадный и воспріимчивый умъ новую, смѣлую мысль, мѣткое наблюденіе надъ жизнью, и продолжалъ въ ея душѣ, не думая и не гадая, живое пониманіе явленій, вѣрный взглядъ, а потомъ забывалъ и Ольгу, и свои небрежные уроки.

А по временамъ, видя, что въ ней мелькаютъ не совсѣмъ обыкновенныя черты ума, взгляды, что нѣтъ въ ней лжи, не ищетъ она общаго поклоненія, что чувства въ ней приходятъ и уходятъ просто и свободно, что нѣтъ ничего чужого, а все свое, и это свое такъ смѣло, свѣжо и прочно— онъ недоумѣвалъ, откуда далось ей это, не узнавалъ своихъ летучихъ уроковъ и замѣтокъ.

Останови онъ тогда вниманіе на ней, онъ бы сообразилъ, что она идетъ почти одна своей дорогой, оберегаемая поверхностнымъ надзоромъ тетки отъ крайностей, но что не тяготѣютъ надъ ней, многочисленной опекой, авторитеты семи нянекъ, бабушекъ, тетокъ, съ преданіями рода, фамиліи, сословія, устарѣвшихъ нравовъ, обычаевъ, сентенціи; что не ведутъ ее насильно по избитой дорожкѣ, что

она идетъ по новой тропѣ, по которой ей приходилось пробивать свою колею собственнымъ умомъ, взглядомъ, чувствомъ.

А природа ее ничѣмъ этимъ не обидѣла; тетка не управляетъ деспотически ея волей и умомъ, и Ольга многое угадываетъ, понимаетъ сама, осторожно взглядывается въ жизнь, вслушивается... между прочимъ, и въ рѣчи, совѣты своего друга...

Онъ этого не соображалъ ничего и только ждалъ отъ нея многаго впереди, но далеко впереди, не проча никогда ее себѣ въ подруги.

А она, по самолюбивой застѣнчивости, — долго не давала угадывать себя, и только послѣ мучительной борьбы за границей, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, въ какой образъ простоты, силы и естественности выросло это многообѣщавшее и забытое имъ дитя. Тутъ мало-по-малу открывалась передъ нимъ глубокая бездна ея души, которую приходилось ему наполнять и никогда не наполнить.

Сначала долго приходилось ему бороться съ живостью ея натуры, прерывать лихорадку молодости, укладывать порывы въ опредѣленные размѣры, давать плавное теченіе жизни, и то на время: едва онъ закрывалъ довѣрчиво глаза, поднималась опять тревога, жизнь била ключомъ, слышался новый вопросъ безпокойнаго ума, встревоженнаго сердца; тамъ надо было успокоивать раздраженное воображеніе, унимать или будить самолюбіе. Задумывалась она надъ явленіемъ—онъ спѣшилъ вручить ей ключъ къ нему.

Вѣра въ случайности, туманъ галлюцинаціи исчезали изъ жизни. Свѣтла и свободна открывалась передъ ней даль, и она, какъ въ прозрачной водѣ, видѣла въ ней каждый камешекъ, рытвину и потомъ чистое дно.

— Я счастлива! — шептала она, окидывая взглядомъ благодарности свою прошедшую жизнь и, пытая будущее, припоминала свой дѣвическій сонъ счастья, который ей

снился когда-то въ Швейцаріи, ту задумчивую, голубую ночь, и видѣла, что сонъ этотъ, какъ тѣнь, носится въ жизни.

«За что мнѣ это выпало на долю?» смиренно думала она.

Она задумывалась, иногда даже боялась, не оборвалось бы это счастье.

Шли годы, а они не уставали жить. Настала и тишина, улеглись и порывы; кривизны жизни стали понятны, выносились терпѣливо и бодро, а жизнь все не умолкала у нихъ.

Ольга довоспиталась уже до строгаго пониманія жизни; два существованія, ея и Андрея, слились въ одно русло; разгула дикимъ страстямъ быть не могло: все было у нихъ гармонія и тишина.

Казалось бы, заснуть въ этомъ заслуженномъ покоѣ и блаженствовать, какъ блаженствуютъ обитатели затишьевъ, сходясь трижды въ день, зѣвая за обычнымъ разговоромъ, впадая въ тупую дремоту, томясь съ утра до вечера, что все передумано, переговорено и передѣлано, что нечего больше говорить и дѣлать, и что «такова ужъ жизнь на свѣтѣ».

Снаружи и у нихъ дѣлалось все какъ у другихъ. Вставали они, хотя не съ зарей, но рано; любили долго сидѣть за чаемъ, иногда даже будто лѣниво молчали, потомъ расходились по своимъ угламъ, или работали вмѣстѣ, обѣдали, ѣздили въ поля, занимались музыкой... какъ всѣ, какъ мечталъ и Обломовъ.

Только не было дремоты, унынія у нихъ; безъ скуки и безъ апатіи проводили они дни; не было вялаго взгляда, слова; разговоръ не кончался у нихъ, бывалъ часто жарокъ.

По комнатамъ разносились ихъ звонкіе голоса, доходили до сада, или тихо передавали они, какъ будто рисуя другъ передъ другомъ узоръ своей мечты, неуловимое для языка первое движеніе, ростъ возникающей мысли, чуть слышный шопотъ души...

И молчаніе ихъ было—иногда задумчивое счастье, о которомъ, одномъ, мечталъ, бывало, Обломовъ, или мыслительная работа въ одиночку надъ нескончаемымъ, задаваемымъ другъ другу матеріаломъ...

Часто погружались они въ безмолвное удивленіе передъ вѣчно-новой и блещущей красотой природы. Ихъ чуткія души не могли привыкнуть къ этой красотѣ: земля, небо, море—все будило ихъ чувство, и они молча сидѣли рядомъ, глядѣли одними глазами и одной душой на этотъ творческій блескъ, и безъ словъ понимали другъ друга.

Не встрѣчали они равнодушно утра; не могли тупо погрузиться въ сумракъ теплой, звѣздной, южной ночи. Ихъ будило вѣчное движеніе мысли, вѣчное раздраженіе души и потребность думать вдвоемъ, чувствовать, говорить!..

Но что же было предметомъ этихъ жаркихъ споровъ, тихихъ бесѣдъ, чтеній, далекихъ прогулокъ?

Да все. Еще за границей Штольцъ отвыкъ читать и работать одинъ: здѣсь, съ глазу на глазъ съ Ольгой, онъ и думалъ вдвоемъ. Его едва-едва ставало поспѣвать за томительною торопливостью ея мысли и воли.

Вопросъ, что онъ будетъ дѣлать въ семейномъ быту, ужъ улегся, разрѣшился самъ собою. Ему пришлось посвятить ее даже въ свою трудовую, дѣловую жизнь, потому что въ жизни безъ движенія она задыхалась, какъ безъ воздуха.

Какая-нибудь постройка, дѣла по своему или обломовскому имѣнію, компанейскія операціи — ничто не дѣлалось безъ ея вѣдома или участія. Ни одного письма не посылалось безъ прочтенія ей, никакая мысль, а еще менѣе исполненіе, не проносилось мимо нея; она знала все, и все занимало ее, потому что занимало его.

Сначала онъ дѣлалъ это потому, что нельзя было укрыться отъ нея: писалось письмо, шелъ разговоръ съ повѣреннымъ, съ какими-нибудь подрядчиками — при ней, на ея

глазахъ; потомъ онъ сталъ продолжать это по привычкѣ, а наконецъ, это обратилось въ необходимость и для него.

Ея замѣчаніе, совѣтъ, одобреніе или неодобреніе стали для него неизбѣжною повѣркою: онъ увидѣлъ, что она понимаетъ точно такъ же, какъ онъ, соображаетъ, разсуждаетъ не хуже его... Захаръ обижался такой способностью въ своей женѣ, и многіе обижаются — а Штольцъ былъ счастливъ!

А чтеніе и ученье—вѣчное питаніе мысли, ея безконечное развитіе! Ольга ревновала къ каждой непоказанной ей книгѣ, журнальной статьѣ, не шутя сердилась или оскорблялась, когда онъ не заблагоразсудитъ показать ей что-нибудь, по его мнѣнію, слишкомъ серьезное, скучное, непонятное ей, называла это педантизмомъ, пошлостью, отсталостью, бранила его «старымъ нѣмецкимъ парикомъ». Между ними по этому поводу происходили живыя, раздражительныя сцены.

Она сердилась, а онъ смѣялся, она еще пуще сердилась, и тогда только мирилась, когда онъ перестанетъ шутить и раздѣлитъ съ ней свою мысль, знаніе, или чтеніе. Кончалось тѣмъ, что все, что нужно и хотѣлось знать, читать ему, то надобилось и ей.

Онъ не навязывалъ ей ученой техники, чтобъ потомъ, съ глупѣйшею изъ хвастливостей, гордиться «ученой женой». Если бъ у ней вырвалось въ рѣчи одно слово, даже намекъ на эту претензію, онъ покраснѣлъ бы пуще, чѣмъ когда бы она отвѣтила тупымъ взглядомъ невѣдѣнія на обыкновенный въ области знанія, но еще недоступный для женскаго современнаго воспитанія вопросъ. Ему только хотѣлось, а ей вдвое, чтобъ не было ничего недоступнаго — не вѣдѣнію, а ея пониманію.

Онъ не чертилъ ей таблицъ и циселъ, но говорилъ обо всемъ, многое читалъ, не обѣгая педантически и какой-нибудь экономической теоріи, соціальныхъ или философскихъ

вопросовъ, онъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ страстью: онъ какъ будто рисовалъ ей безконечную, живую картину знанія. Послѣ изъ памяти ея исчезали подробности, но никогда не сглаживался въ воспріимчивомъ умѣ рисунокъ, не пропадали краски и не потухалъ огонь, которымъ онъ освѣщалъ творимый ей космосъ.

Онъ задрожитъ отъ гордости и счастья, когда замѣтитъ, какъ потомъ искра этого огня свѣтится въ ея глазахъ, какъ отголосокъ переданной ей мысли звучитъ въ рѣчи, какъ мысль эта вошла въ ея сознаніе и пониманіе, переработалась у ней въ умѣ и выглядываетъ изъ ея словъ, не сухая и суровая, а съ блескомъ женской граціи, и особенно если какая-нибудь плодотворная капля изъ всего говореннаго, прочитаннаго, нарисованнаго, опускалась, какъ жемчужина, на свѣтлое дно ея жизни.

Какъ мыслитель и какъ художникъ, онъ ткалъ ей разумное существованіе, и никогда еще въ жизни не бывалъ онъ поглощенъ такъ глубоко, ни въ пору ученья, ни въ тѣ тяжелые дни, когда боролся съ жизнью, вышутывался изъ ея изворотовъ и крѣпчалъ, закаливая себя въ опытахъ мужественности, какъ теперь, няньчась съ этой неумолкающей, волканической работой духа своей подруги!

— Какъ я счастливъ! — говорилъ Штольцъ про себя и мечталъ по-своему, забѣгалъ впередъ, когда минуютъ медовые годы брака.

Вдали ему опять улыбался новый образъ, не эгоистки Ольги, не страстно-любящей жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому не нужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое...

Ему грезилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія.

Онъ съ боязнью задумывался, достанетъ ли у ней воли и силъ... и торопливо помогалъ ей покорять себѣ скорѣе жизнь, выработать запасъ мужества на битву съ жизнью,—

теперь именно, пока они оба молоды и сильны, пока жизнь щадила ихъ, или удары ея не казались тяжелы, пока горе тонуло въ любви.

Мрачились ихъ дни, но не надолго. Неудачи въ дѣлахъ, утрата значительной суммы денегъ—все это едва коснулось ихъ. Это стоило имъ лишнихъ хлопотъ, разъѣздовъ, потомъ скоро забылось.

Смерть тетки вызвала горькія, искреннія слезы Ольги и легла тѣнью на ея жизнь на какіе-нибудь полгода.

Самое живое опасеніе и вѣчную заботу рождали болѣзни дѣтей, но лишь миновало опасеніе, возвращалось счастье.

Его тревожило болѣе всего здоровье Ольги: она долго оправлялась послѣ родовъ, и хотя оправилась, но онъ не переставалъ этимъ тревожиться. Страшнѣе горя онъ не зналъ.

— Какъ я счастлива!—твердила и Ольга тихо, любуясь своей жизнью, и въ минуту такого сознанія иногда впадала въ задумчивость... особенно съ нѣкотораго времени, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ замужества.

Страненъ человѣкъ! Чѣмъ счастье ея было полнѣе, тѣмъ она становилась задумчивѣе и даже... боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ея остановка на минутахъ счастья. Она насильственно стряхивала съ души эту задумчивость и ускоряла жизненные шаги, лихорадочно искала шума, движеній, заботъ, просилась съ мужемъ въ городъ, пробовала заглянуть въ свѣтъ, въ люди, но не надолго.

Суета свѣта касалась ея слегка, и она спѣшила въ свой уголокъ сбыть съ души какое-нибудь тяжелое, непривычное впечатлѣніе, и снова уходила, то въ мелкія заботы домашней жизни, по цѣлымъ часамъ не покидала дѣтской, несла обязанности матери-няньки, то погружалась съ Андреемъ въ чтеніе, въ толки о «серьезномъ и скучномъ», или читали поэтовъ, поговаривали о поѣздкѣ въ Италію.

Она боялась впасть во что-нибудь похожее на обломовскую апатію. Но какъ она ни старалась сбыть съ души эти мгновенія періодическаго оцѣпенѣнія, сна души, къ ней нѣтъ-нѣтъ да подкрадется сначала грёза счастья, окружитъ ее голубая ночь и окуетъ дремотой, потомъ опять настанетъ задумчивая остановка, будто отдыхъ жизни, а затѣмъ... смущеніе, боязнь, томленіе, какая-то глухая грусть, послышатся какіе-то смутные, туманные вопросы въ безпокойной головѣ.

Ольга чутко прислушивалась, пытала себя, но ничего не выпытала, не могла добиться, чего по временамъ проситъ, чего ищетъ душа, а только проситъ и ищетъ чего-то, даже будто — страшно сказать — тоскуетъ, будто ей мало было счастливой жизни, будто она уставала отъ нея и требовала еще новыхъ, небывалыхъ явленій, заглядывала дальше впередъ...

«Что жъ это?» съ ужасомъ думала она. «Ужели еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Ужели нѣтъ, ужели ты совершила кругъ жизни? Ужели тутъ все... все»... говорила душа ея и чего-то не договаривала... и Ольга съ тревогой озиралась вокругъ, не узналъ бы, не подслушалъ бы кто этого шопота души... Спрашивала глазами небо, море, лѣсъ... нигдѣ нѣтъ отвѣта: тамъ даль, глубь и мракъ.

Природа говорила все одно и то же; въ ней видѣла она непрерывное, но однообразное теченіе жизни, безъ начала, безъ конца.

Она знала, у кого спросить объ этихъ тревогахъ, и нашла бы отвѣтъ, но какой? Что если это ропотъ безплоднаго ума, или, еще хуже, жажда несозданнаго для симпатіи, неженскаго сердца! Боже! Она, его кумиръ—безъ сердца, съ черствымъ, ничѣмъ не довольнымъ умомъ! Что жъ изъ нея выйдетъ? Ужели синій чулокъ! Какъ она падетъ, когда откроются передъ нимъ эти новыя, небывалыя, но, конечно, извѣстныя ему страданія!

Она пряталась отъ него, или выдумывала болѣзнь, когда глаза ея, противъ воли, теряли бархатную мягкость, глядѣли какъ-то сухо и горячо, когда на лицѣ лежало тяжелое облако, и она, несмотря на всѣ старанія, не могла принудить себя улыбнуться, говорить, равнодушно слушала самыя горячія новости политическаго міра, самыя любопытныя объясненія новаго шага въ наукѣ, новаго творчества въ искусствѣ.

Между тѣмъ, ей не хотѣлось плакать, не было внезапнаго трепета, какъ въ то время, когда играли нервы, пробуждались и высказывались ея дѣвическія силы. Нѣтъ, это не то!

— Что же это? — съ отчаяніемъ спрашивала она, когда вдругъ становилась скучна, равнодушна ко всему, въ прекрасный, задумчивый вечеръ, или за колыбелью, даже среди ласкъ и рѣчей мужа...

Она вдругъ какъ будто окаменѣетъ и смолкнетъ, потомъ съ притворной живостью суетится, чтобъ скрыть свой странный недугъ, или сошлется на мигрень и ляжетъ спать.

Но не легко ей было укрыться отъ зоркаго взгляда Штольца: она знала это, и внутренно съ такою же тревогой готовилась къ разговору, когда онъ настанетъ, какъ нѣкогда готовилась къ исповѣди прошедшаго. Разговоръ насталъ.

Они однажды вечеромъ гуляли по тополевой аллеѣ. Она почти повисла у него на плечѣ и глубоко молчала. Она мучилась своимъ невѣдомымъ припадкомъ, и о чемъ онъ ни заговаривалъ, она отвѣчала коротко.

— Нянька говоритъ, что Оленька кашляла ночью. Не послать ли завтра за докторомъ?—спросилъ онъ.

— Я напоила ее теплымъ и завтра не пущу гулять, а тамъ посмотримъ!—отвѣчала она монотонно.

Они прошли до конца аллеи молча.

— Что жъ ты не отвѣчала на письмо своей пріятельницы, Сонички? — спросилъ онъ.— А я все ждалъ, чуть не

опоздалъ на почту. Это ужъ третье письмо ея безъ отвѣта.

— Да, мнѣ хочется скорѣй забыть ее... — сказала она и замолчала.

— Я кланялся отъ тебя Бичурину, — заговорилъ Андрей опять:—вѣдь онъ влюбленъ въ тебя, такъ, авось, утѣшится хоть этимъ немного, что пшеница его не поспѣетъ на мѣсто въ срокъ.

Она сухо улыбнулась.

— Да, ты сказывалъ,—равнодушно отозвалась она.

— Что ты, спать хочешь?—спросилъ онъ.

У ней стукнуло сердце, и не въ первый разъ, лишь только начинались вопросы, близкіе къ дѣлу.

— Нѣтъ еще,—съ искусственной бодростью сказала она:— а что?

— Нездорова?—спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ. Что тебѣ такъ кажется?

— Ну, такъ скучаешь!

Она крѣпко сжала ему обѣими руками плечо.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отнѣкивалась она фальшиво-развязнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучала какъ будто въ самомъ дѣлѣ скука.

Онъ вывелъ ее изъ аллеи и оборотилъ лицомъ къ лунному свѣту.

— Погляди на меня! — сказалъ онъ и пристально смотрѣлъ ей въ глаза.

— Можно подумать, что ты... несчастлива! Такіе странные у тебя глаза сегодня, да и не сегодня только... Что съ тобой, Ольга?

Онъ повелъ ее за талію опять въ аллею.

— Знаешь что: я... проголодалась! — сказала она, стараясь засмѣяться.

— Не лги, не лги! Я этого не люблю! — съ притворной строгостью прибавилъ онъ.

— Несчастлива! — съ упрекомъ повторила она, остано-

вивъ его въ аллеѣ.—Да, несчастлива тѣмъ развѣ... что ужъ слишкомъ счастлива!—досказала она съ такой нѣжной, мягкой нотой въ голосѣ, что онъ поцѣловалъ ее.

Она стала смѣлѣе. Предположеніе, хотя легкое, шуточное, что она, можетъ-быть, несчастлива, неожиданно вызвало ее на откровенность.

— Не скучно мнѣ и не можетъ быть скучно: ты это знаешь и самъ, конечно, не вѣришь своимъ словамъ; не больна я, а... мнѣ грустно... бываетъ иногда... вотъ тебѣ—несносный человѣкъ, если отъ тебя нельзя спрятаться! Да, грустно, и я не знаю отчего!

Она положила ему голову на плечо.

— Вотъ что! Отчего же?—спросилъ онъ ее тихо, наклонившись къ ней.

— Не знаю,—повторила она.

— Однакожъ, должна быть причина, если не во мнѣ, не кругомъ тебя, такъ въ тебѣ самой. Иногда такая грусть не что иное, какъ зародышъ болѣзни... Здорова ли ты?

— Да, можетъ-быть, — серьезно сказала она: — это что-нибудь въ этомъ родѣ, хотя я ничего не чувствую. Ты видишь, какъ я ѣмъ, гуляю, сплю, работаю. Вдругъ какъ-будто найдетъ на меня что-нибудь, какая-то хандра... мнѣ жизнь покажется... какъ-будто не все въ ней есть... Да нѣтъ, ты не слушай; это все пустое...

— Говори, говори! — приставалъ онъ съ живостью. — Ну, не все есть въ жизни: что еще?

— Иногда я какъ-будто боюсь,—продолжала она:—чтобъ это не измѣнилось, не кончилось... не знаю сама! Или мучусь глупою мыслью: что жъ будетъ еще?.. Что жъ это счастье... вся жизнь...—говорила она все тише, тише, стыдясь этихъ вопросовъ:—всѣ эти радости, горе... природа...— шептала она: — все тянетъ меня куда-то еще; я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна... Боже мой! мнѣ даже стыдно этихъ глупостей... это мечтательность... Ты не замѣчай, не смотри...—

[illegible] отвѣтовъ, и является грусть... временное недо[illegible] жизнью... Это грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ... Можетъ-быть и съ тобой то же... Если это такъ — это не глупости.

Она [illegible], но, кажется, больше отъ радости, что опасенія ея [illegible], и она не падаетъ въ глазахъ мужа, а [illegible]...

Но вѣдь я счастлива; умъ у меня непразденъ; я не [illegible]; [illegible] моя разнообразна — чего же еще? Къ чему эти вопросы? — говорила она. — Это болѣзнь, гнетъ!

— Да, пожалуй, гнетъ для темнаго, слабаго ума, непод[illegible] къ нему. Эта грусть и вопросы, можетъ-быть, [illegible] свели съ ума; инымъ они являются, какъ без[illegible] видѣнія, какъ бредъ ума...

Счастье льется черезъ край, такъ хочется жить... а [illegible] примѣшивается какая-то горечь...

[illegible] расплата за прометеевъ огонь! Мало того, что [illegible] эту грусть и [illegible] сомнѣнія и вопросы: [illegible] роскошь жизни и являются [illegible] счастья, когда нѣтъ грубыхъ же[illegible] среди жизни обыденной: тамъ не [illegible] и нужда; тамъ идутъ и не знаютъ [illegible] тоски вопросовъ... Но кто встрѣ[illegible], для того они не молотъ, а [illegible]

[illegible] даютъ тоску и [illegible] — нерѣшительно прибавила

[illegible] жизнь, — говорилъ [illegible] отъ которой не допро[illegible] заставляютъ опять [illegible] на борьбу съ собой [illegible] чтобъ не давать [illegible]

— Мучиться какимъ-то туманомъ, призраками!—жаловалась она. — Все свѣтло, а тутъ вдругъ ложится на жизнь какая-то зловѣщая тѣнь! Ужели нѣтъ средствъ?

— Какъ не быть! опора въ жизни! А нѣтъ ея, такъ и безъ вопросовъ тошно жить!

— Что жъ дѣлать? Поддаться и толковать?

— Ничего, — сказалъ онъ: — вооружаться твердостью и терпѣливо, настойчиво идти своимъ путемъ. Мы не Титаны съ тобой, — продолжалъ онъ, обнимая ее: — мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и...

— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?..—спрашивала она.

— Что жъ? примемъ ее какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни... когда нѣтъ опоры. А у насъ... Дай Богъ, чтобъ эта грусть твоя была то, что я думаю, а не признакъ какой-нибудь болѣзни... то хуже. Вотъ горе, передъ которымъ я упаду безъ защиты, безъ силы... А то, ужели туманъ, грусть, какія-то сомнѣнія, вопросы могутъ лишить насъ нашего блага, нашей...

Онъ не договорилъ, а она, какъ безумная, бросилась къ нему въ объятія и, какъ вакханка, въ страстномъ забытьи, замерла на мгновеніе, обвивъ ему шею руками.

— Ни туманъ, ни грусть, ни болѣзнь, ни... даже смерть!— шептала она восторженно, опять счастливая, успокоенная, веселая. Никогда, казалось ей, не любила она его такъ страстно, какъ въ эту минуту.

— Смотри, чтобъ судьба не подслушала твоего ропота,— заключилъ онъ суевѣрнымъ замѣчаніемъ, внушеннымъ нѣж-

ною предусмотрительностію: — и не сочла за неблагодарность! Она не любитъ, когда не цѣнятъ ея даровъ. До сихъ поръ ты еще познавала жизнь, а придется испытывать ее... Вотъ погоди, когда разыграется она, настанутъ горе и трудъ... а они настанутъ—тогда... не до этихъ вопросовъ... Береги силы!—прибавилъ тихо, почти про себя, Штольцъ, въ отвѣтъ на ея страстный порывъ. Въ словахъ его звучала грусть, какъ-будто онъ уже видѣлъ вдали и «горе, и трудъ».

Она молчала, мгновенно пораженная грустнымъ звукомъ его голоса. Она безгранично вѣрила ему, вѣрила и его голосу. Она заразилась его задумчивостью, сосредоточилась, ушла въ себя.

Опершись на него, машинально и медленно ходила она по аллеѣ, погруженная въ упорное молчаніе. Она боязливо, вслѣдъ за мужемъ, глядѣла въ даль жизни, туда, гдѣ, по словамъ его, настанетъ пора «испытаній», гдѣ ждутъ «горе и трудъ».

Ей сталъ сниться другой сонъ, не голубая ночь, открывался другой край жизни, не прозрачный и праздничный, въ затишьи, среди безграничнаго обилія, наединѣ съ *ними*...

Нѣтъ, тамъ видѣла она цѣпь утратъ, лишеній, омываемыхъ слезами, неизбѣжныхъ жертвъ, жизнь поста и невольнаго отреченія отъ рождающихся въ праздности прихотей, вопли и стоны отъ новыхъ, теперь невѣдомыхъ имъ чувствъ; снились ей болѣзни, разстройство дѣлъ, потеря мужа...

Она содрогалась, изнемогала, но съ мужественнымъ любопытствомъ глядѣла на этотъ новый образъ жизни, озирала его съ ужасомъ и измѣряла свои силы... Одна только любовь не измѣняла ей и въ этомъ снѣ, она стояла вѣрнымъ стражемъ и новой жизни: но и она была не та!

Нѣтъ ея горячаго дыханія, нѣтъ свѣтлыхъ лучей и голубой ночи; черезъ годы все казалось играми дѣтства передъ той далекой любовью, которую восприняла на себя

глубокая и грозная жизнь. Тамъ не слыхать поцѣлуевъ и смѣха, ни трепетно-задумчивыхъ бесѣдъ въ боскетѣ, среди цвѣтовъ, на праздникѣ природы и жизни... Все «поблекло и отошло».

Та неувядающая и не гибнущая любовь лежала могуче, какъ сила жизни, на лицахъ ихъ — въ годину дружной скорби, свѣтилась въ медленно и молча обмѣненномъ взглядѣ совокупнаго страданія, слышалась въ безконечномъ взаимномъ терпѣніи противъ жизненной пытки, въ сдержанныхъ слезахъ и заглушенныхъ рыданіяхъ...

Въ туманную грусть и вопросы, посѣщавшіе Ольгу, тихо вселились другіе, хотя отдаленные, но ясные опредѣленные и грозные сны...

Подъ успокоительнымъ и твердымъ словомъ мужа, въ безграничномъ довѣріи къ нему, отдыхала Ольга и отъ своей загадочной, не всѣмъ знакомой грусти, и отъ вѣщихъ и грозныхъ сновъ будущаго, шла бодро впередъ.

Послѣ «тумана» наставало свѣтлое утро, съ заботами матери, хозяйки; тамъ манилъ къ себѣ цвѣтникъ и поле, тамъ кабинетъ мужа. Только не съ беззаботнымъ самонаслажденіемъ играла она жизнью, а съ затаенной и бодрой мыслью жила она, готовилась, ждала...

Она росла все выше, выше... Андрей видѣлъ, что прежній идеалъ его женщины и жены недосягаемъ, но онъ былъ счастливъ и блѣднымъ отраженіемъ его въ Ольгѣ: онъ не ожидалъ никогда и этого.

Между тѣмъ, и ему долго, почти всю жизнь, предстояла еще немалая забота поддерживать на одной высотѣ свое достоинство мужчины въ глазахъ самолюбивой, гордой Ольги, не изъ пошлой ревности, а для того, чтобъ не помрачилась эта хрустальная жизнь; а это могло бы случиться, если бъ хоть немного поколебалась ея вѣра въ него.

Многимъ женщинамъ не нужно ничего этого: разъ вышедши замужъ, онѣ покорно принимаютъ и хорошія, и

дурныя качества мужа, безусловно мирятся съ приготовленнымъ имъ положеніемъ и сферой, или такъ же покорно уступаютъ первому случайному увлеченію, сразу признавая невозможнымъ или не находя нужнымъ противиться ему: «судьба, дескать, страсти, женщина—созданіе слабое» и т. д.

Даже если мужъ и превышаетъ толпу умомъ, — этой обаятельной силой въ мужчинѣ, такія женщины гордятся этимъ преимуществомъ мужа какъ какимъ-нибудь дорогимъ ожерельемъ, и то въ такомъ только случаѣ, если умъ этотъ остается слѣпъ на ихъ жалкія, женскія продѣлки. А если онъ осмѣлится прозрать въ мелочную комедію ихъ лукаваго, ничтожнаго, иногда порочнаго существованія, имъ дѣлается тяжело и тѣсно отъ этого ума.

Ольга не знала этой логики покорности слѣпой судьбѣ и не понимала женскихъ страстишекъ и увлеченій. Признавъ разъ въ избранномъ человѣкѣ достоинство и права на себя, она вѣрила въ него и потому любила, а переставала вѣрить — переставала и любить, какъ случилось съ Обломовымъ.

Но тамъ еще шаги ея были нерѣшительны, воля шатка; она только что вглядывалась и вдумывалась въ жизнь, только приводила въ сознаніе стихіи своего ума и характера и собирала матеріалы; дѣло созданія еще не начиналось, пути жизни угаданы не были.

Но теперь она увѣровала въ Андрея не слѣпо, а съ сознаньемъ, и въ немъ воплотился ея идеалъ мужского совершенства. Чѣмъ больше, чѣмъ сознательнѣе она вѣровала въ него, тѣмъ труднѣе было ему держаться на одной высотѣ, быть героемъ не ума ея и сердца только, но и воображенія. А она вѣровала въ него такъ, что не признавала между нимъ и собой другого посредника, другой инстанціи, кромѣ Бога.

Оттого она не снесла бы пониженія ни на волосъ признанныхъ ею достоинствъ; всякая фальшивая нота въ его

характерѣ, или умѣ, произвела бы потрясающій диссонансъ. Разрушенное зданіе счастья погребло бы ее подъ развалинами, или, если бъ уцѣлѣли ея силы, она бы искала...

Да нѣтъ, такія женщины не ошибаются два раза... Послѣ упадка такой вѣры, такой любви, возрожденіе невозможно.

Штольцъ былъ глубоко счастливъ своей наполненной, волнующейся жизнью, въ которой цвѣла неувядаемая весна, и ревниво, дѣятельно, зорко воздѣлывалъ, берегъ и лелѣялъ ее. Со дна души поднимался ужасъ тогда только, когда онъ вспоминалъ, что Ольга была на волосъ отъ гибели, что эта угаданная дорога — ихъ два существованія, слившіяся въ одно, могли разойтись; что незнаніе путей жизни могло дать исполниться гибельной ошибкѣ, что Обломовъ...

Онъ вздрагивалъ. Какъ! Ольга, въ той жизни, которую Обломовъ ей готовилъ! Она — среди переползанья изо дня въ день, деревенская барыня, нянька своихъ дѣтей, хозяйка—и только!

Всѣ вопросы, сомнѣнія, вся лихорадка жизни уходила бы на заботы по хозяйству, на ожиданія праздниковъ, гостей, семейныхъ съѣздовъ, на родины, крестины, въ апатію и сонъ мужа!

Бракъ былъ бы только формой, а не содержаніемъ, средствомъ, а не цѣлью; служилъ бы широкой и неизмѣнной рамкой для визитовъ, пріема гостей, обѣдовъ и вечеровъ, пустой болтовни?..

Какъ же она вынесетъ эту жизнь? Сначала бьется, отыскивая и угадывая тайну жизни, плачетъ, мучится, потомъ привыкаетъ, толстѣетъ, ѣстъ, спитъ, тупѣетъ...

Нѣтъ, не такъ бы съ ней было: она—плачетъ, мучится, чахнетъ и умираетъ въ объятіяхъ любящаго добраго и безсильнаго мужа... Бѣдная Ольга!

А если огонь не угаснетъ, жизнь не умретъ, если силы устоятъ и запросятъ свободы, если она взмахнетъ крыльями,

какъ сильная и зоркая орлица, на мигъ полоненная слабыми руками, и ринется на ту высокую скалу, гдѣ видитъ орла, который еще сильнѣе и зорче ея?.. Бѣдный Илья!

— Бѣдный Илья! — сказалъ однажды Андрей вслухъ, вспомнивъ прошлое.

Ольга, при этомъ имени, вдругъ опустила руки, съ вышиваньемъ, на колѣни, откинула голову назадъ и глубоко задумалась. Восклицаніе вызвало воспоминаніе.

— Что съ нимъ?—спросила она потомъ.—Ужели нельзя узнать?

Андрей пожалъ плечами.

— Подумаешь, — сказалъ онъ: — что мы живемъ въ то время, когда не было почтъ, когда люди, разъѣхавшись въ разныя стороны, считали другъ друга погибшими, и въ самомъ дѣлѣ пропадали безъ вѣсти.

Ты бы написалъ опять къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей: узнали бы, по крайней мѣрѣ...

Ничего не узнали бы, кромѣ того, что мы уже знаемъ: живетъ, вторитъ, на той же квартирѣ—это я и безъ пріятелей знаю. А что съ нимъ, какъ онъ переноситъ свою жизнь, умеръ ли онъ нравственно, или еще тлѣетъ искра жизни—этого постороннiй не узнаетъ...

Ахъ, не говори такъ, Андрей: мнѣ страшно и больно [illegible]! Мнѣ и хотѣлось бы, и боюсь знать...

Она готова была заплакать.

Весной будемъ въ Петербургѣ.—узнаемъ сами.

Этого мало что узнаемъ, надо сдѣлать все...

А я развѣ не дѣлалъ? Мало ли я его уговаривалъ, [illegible] за него, устроилъ его дѣла—а онъ хоть бы отвѣчалъ на это! При свиданіи готовъ на все, а чуть съ [illegible] прощай: опять заснулъ. Возишься какъ съ [illegible]!

[illegible] глазъ долой? — нетерпѣливо возразила [illegible] нимъ надо дѣйствовать рѣшительно: взять его

съ собой въ карету и увезти. Теперь же мы переселяемся въ имѣніе; онъ будетъ близко отъ насъ... мы возьмемъ его съ собой.

— Вотъ далась намъ съ тобой забота! — разсуждалъ Андрей, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. — И конца ей нѣтъ!

— Ты тяготишься ею?—сказала Ольга.—Это новость! Я въ первый разъ слышу твой ропотъ на эту заботу.

— Я не ропщу,—отвѣчалъ Андрей:—а разсуждаю.

— А откуда взялось это разсужденіе? Ты сознался себѣ самому, что это скучно, безпокойно—да?

Она поглядѣла на него пытливо. Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, не безпокойно, а безполезно: это я иногда думаю.

— Не говори, не говори! — остановила его она. — Я опять, какъ на той недѣлѣ, буду цѣлый день думать объ этомъ и тосковать. Если въ тебѣ погасла дружба къ нему, такъ изъ любви къ человѣку ты долженъ нести эту заботу. Если ты устанешь, я одна пойду и не выйду безъ него: онъ тронется моими просьбами; я чувствую, что я заплачу горько, если увижу его убитаго, мертваго! Можетъ-быть слезы...

— Воскресятъ, ты думаешь?—перебилъ Андрей.

— Нѣтъ, не воскресятъ къ дѣятельности, по крайней мѣрѣ заставятъ его оглянуться вокругъ себя и перемѣнить свою жизнь на что-нибудь лучшее. Онъ будетъ не въ грязи, а близъ равныхъ себѣ, съ нами. Я только появилась тогда— и онъ въ одну минуту очнулся и застыдился...

— Ужъ не любишь ли ты его попрежнему? — спросилъ Андрей шутя.

— Нѣтъ! — не шутя, задумчиво, какъ бы глядя въ прошедшее, говорила Ольга.—Я люблю его не попрежнему, но есть что-то, что я люблю въ немъ, чему я, кажется, осталась вѣрна и не измѣнюсь, какъ иные...

— Кто же иные? Скажи, ядовитая змѣя, уязви, ужаль: я, что ли? Ошибаешься. А если хочешь знать правду, такъ я и тебя научилъ любить его и чуть не довелъ до добра. Безъ меня ты бы прошла мимо его, не замѣтивъ. Я далъ тебѣ понять, что въ немъ есть и ума не меньше другихъ, только зарытъ, задавленъ онъ всякою дрянью и заснулъ въ праздности. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего онъ тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его?

Она кивнула, въ знакъ согласія, головой.

— За то, что въ немъ дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться. Вотъ чему ты осталась вѣрна и почему забота о немъ никогда не будетъ тяжела мнѣ. Многихъ людей я зналъ съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще; многихъ любилъ я, но никого такъ прочно и горячо, какъ Обломова. Узнавъ разъ, его разлюбить нельзя. Такъ это? Угадалъ?

Ольга молчала, потупя глаза на работу. Андрей задумался.

Ужели не все тутъ? Что же еще? Ахъ!..—очнувшись, весело прибавилъ потомъ. — Совсѣмъ забылъ «голубиную нѣжность»...

Ольга засмѣялась, проворно оставила свое шитье, подбѣжала къ Андрею, обвила его шею руками, нѣсколько минутъ поглядѣла лучистыми глазами прямо ему въ глаза, потомъ задумалась, положивъ голову на плечо мужа. Въ ея воспоминаніи воскресло кроткое, задумчивое лицо Обломова, его нѣжный взглядъ, покорность, потомъ его жалкая, стыдливая улыбка, которою онъ, при разлукѣ, отвѣтилъ на ея упрекъ... и ей стало такъ больно, такъ жаль его...

— Ты его не оставишь, не бросишь?—говорила она, не отнимая рукъ отъ шеи мужа.

— Никогда! Развѣ бездна какая-нибудь откроется неожиданно между нами, стѣна встанетъ...

Она поцѣловала мужа.

— Въ Петербургѣ ты возьмешь меня къ нему?

Онъ нерѣшительно молчалъ.

— Да? да?—настойчиво требовала она отвѣта.

— Послушай, Ольга,—сказалъ онъ, стараясь освободить шею отъ кольца ея рукъ:—прежде надо...

— Нѣтъ, скажи: да, обѣщай, я не отстану!

— Пожалуй,—отвѣчалъ онъ:—но только не въ первый, а во второй разъ: я знаю, что съ тобой будетъ, если онъ...

— Не говори, не говори!..—перебила она.—Да, ты возьмешь меня: вдвоемъ мы сдѣлаемъ все. Одинъ ты не сумѣешь, не захочешь!

— Пусть такъ; но ты разстроишься и, можетъ-быть, надолго,—сказалъ онъ, несовсѣмъ довольный, что Ольга вынудила у него согласіе.

— Помни же,—заключила она, садясь на свое мѣсто:—что ты отступишься только тогда, когда «откроется бездна или встанетъ стѣна между нимъ и тобой». Я не забуду этихъ словъ.

IX.

Миръ и тишина покоятся надъ Выборгской Стороной, надъ ея немощеными улицами, деревянными тротуарами,

надъ тощими садами, надъ заросшими крапивой канавами, гдѣ, подъ заборомъ, какая-нибудь коза, съ оборванной веревкой на шеѣ, прилежно щиплетъ траву или дремлетъ тупо, да въ полдень простучатъ щегольскіе, высокіе каблуки прошедшаго по тротуару писаря, зашевелится кисейная занавѣска въ окошкѣ и изъ-за ерани выглянетъ чиновница, или вдругъ надъ заборомъ, въ саду, мгновенно выскочитъ и въ ту же минуту спрячется свѣжее лицо дѣвушки, вслѣдъ за нимъ выскочитъ другое такое же лицо, и также исчезнетъ, потомъ явится опять первое и смѣнится вторымъ; раздается визгъ и хохотъ качающихся на качеляхъ дѣвушекъ.

Все тихо въ домѣ Пшеницыной. Войдешь на дворикъ и будешь охваченъ живой идиліей: куры и пѣтухи засуетятся и побѣгутъ прятаться въ углы; собака начнетъ скакать на цѣпи, заливаясь лаемъ; Акулина перестанетъ доить корову, а дворникъ остановится рубить дрова, и оба съ любопытствомъ посмотрятъ на посѣтителя.

— Кого вамъ? — спроситъ онъ и, услыхавъ имя Ильи Ильича, или хозяйки дома, молча укажетъ крыльцо, и примется опять рубить дрова, а посѣтитель, по чистой, усыпанной пескомъ тропинкѣ, пойдетъ къ крыльцу, на ступенькахъ котораго постланъ простой, чистый коврикъ, дернетъ за мѣдную, ярко-вычищенную ручку колокольчика, и дверь отворитъ Анисья, дѣти, иногда сама хозяйка, или Захаръ—Захаръ послѣ всѣхъ.

Все въ домѣ Пшеницыной дышало такимъ обиліемъ и полнотой хозяйства, какой не бывало и прежде, когда Агаѳья Матвѣевна жила однимъ домомъ съ братцемъ.

Кухня, чуланы, буфетъ—все было установлено поставцами съ посудой, большими и небольшими, круглыми и овальными блюдами, соусниками, чашками, грудами тарелокъ, горшками, чугунными, мѣдными и глиняными.

Въ шкапахъ разложено было и свое, давнымъ-давно вы-

купленное и никогда не закладываемое теперь серебро, и серебро Обломова.

Цѣлые ряды огромныхъ, пузатыхъ и миніатюрныхъ чайниковъ и нѣсколько рядовъ фарфоровыхъ чашекъ, простыхъ, съ живописью, съ позолотой, съ девизами, съ пылающими сердцами, съ китайцами. Большія стеклянныя банки съ кофе, корицей, ванилью, хрустальныя чайницы, судки съ масломъ, съ уксусомъ.

Потомъ цѣлыя полки загромождены были пачками, склянками, коробочками съ домашними лѣкарствами, съ травами, примочками, пластырями, спиртами, камфарой, съ порошками, съ куреньями; тутъ же было мыло, снадобья для чищенья кружевъ, выведенья пятенъ и прочее, и прочее—все, что̀ найдешь въ любомъ домѣ всякой провинціи, у всякой домовитой хозяйки.

Когда Агаѳья Матвѣевна внезапно отворитъ дверь шкапа, исполненнаго всѣхъ этихъ принадлежностей, то сама не устоитъ противъ букета всѣхъ наркотическихъ запаховъ и на первыхъ порахъ на минуту отворотитъ лицо въ сторону.

Въ кладовой къ потолку привѣшены были окорока, чтобъ не портили мыши, сыры, головы сахару, провѣсная рыба, мѣшки съ сушеными грибами, купленными у чухонца орѣхами.

На полу стояли кадки масла, большія крытыя корчаги съ сметаной, корзины съ яйцами — и чего-чего не было! Надо перо другого Гомера, чтобъ исчислить съ полнотой и подробностью все, что скоплено было во всѣхъ углахъ, на всѣхъ полкахъ этого маленькаго ковчега домашней жизни.

Кухня была истиннымъ палладіумомъ дѣятельности великой хозяйки и ея достойной помощницы, Анисьи. Все было въ домѣ и все подъ рукой, на своемъ мѣстѣ, во всемъ порядокъ и чистота, можно бы сказать, если бъ не оставался одинъ уголъ въ цѣломъ домѣ, куда никогда не проникалъ

ни лучъ свѣта, ни струя свѣжаго воздуха, ни глазъ хозяйки, ни проворная, всесметающая рука Анисьи. Это уголъ или гнѣздо Захара.

Комнатка его была безъ окна и вѣчная темнота способствовала къ устройству изъ человѣческаго жилья темной норы. Если Захаръ заставалъ иногда тамъ хозяйку съ какими-нибудь планами улучшеній и очищеній, онъ твердо объявлялъ, что это не женское дѣло разбирать, гдѣ и какъ должны лежать щетки, вакса и сапоги, что никому дѣла нѣтъ до того, зачѣмъ у него платье лежитъ въ кучѣ на полу, а постель въ углу за печкой, въ пыли, что *онъ* носитъ платье и спитъ на этой постели, а не она. А что касается вѣника, досокъ, двухъ кирпичей, днища бочки и двухъ полѣнъ, которыя онъ держитъ у себя въ комнатѣ, такъ ему безъ нихъ въ хозяйствѣ обойтись нельзя, а почему—онъ не объяснялъ; далѣе, что пыль и пауки ему не мѣшаютъ и, словомъ, что онъ не суетъ носа къ нимъ въ кухню, слѣдовательно, не желаетъ, чтобъ и его трогали.

Анисью, которую онъ однажды засталъ тамъ, онъ обдалъ такимъ презрѣніемъ, погрозилъ такъ серьезно локтемъ въ грудь, что она боялась заглядывать къ нему. Когда дѣло было перенесено въ высшую инстанцію, на благоусмотрѣніе Ильи Ильича, баринъ пошелъ-было осмотрѣть и распорядиться какъ слѣдуетъ, построже, но, всунувъ въ дверь къ Захару одну голову и поглядѣвъ съ минуту на все, что тамъ было, онъ только плюнулъ и не сказалъ ни слова.

— Что взяли? — промолвилъ Захаръ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ и Анисьѣ, которыя пришли съ Ильей Ильичемъ, надѣясь, что его участіе поведетъ къ какой-нибудь перемѣнѣ. Потомъ онъ усмѣхнулся по-своему, во все лицо, такъ что брови и бакенбарды подались въ стороны.

Въ прочихъ комнатахъ вездѣ было свѣтло, чисто и свѣжо. Старыя, полинялыя занавѣски исчезли, а окна и двери гостиной и кабинета осѣнялись синими и зелеными драпри и

кисейными занавѣсками, съ красными фестонами — все работа рукъ Агаѳьи Матвѣевны.

Подушки бѣлѣли, какъ снѣгъ, и горой возвышались чуть не до потолка; одѣяла шелковыя, стеганыя.

Цѣлыя недѣли комната хозяйки была загромождена нѣсколькими раскинутыми и приставленными одинъ къ другому ломберными столами, на которыхъ разстилались эти одѣяла и халатъ Ильи Ильича.

Агаѳья Матвѣевна собственноручно кроила, подкладывала ватой и простегивала ихъ, припадая къ работѣ своею крѣпкой грудью, впиваясь въ нее глазами, даже ртомъ, когда надо было откусить нитку, и трудилась съ любовью, съ неутомимымъ прилежаніемъ, скромно награждая себя мыслью, что халатъ и одѣяла будутъ облекать, грѣть, нѣжить и покоить великолѣпнаго Илью Ильича.

Онъ цѣлые дни, лежа у себя на диванѣ, любовался, какъ обнаженные локти ея двигались взадъ и впередъ, вслѣдъ за иглой и ниткой. Онъ не разъ дремалъ подъ шипѣнье продѣваемой и трескъ откушенной нитки, какъ бывало въ Обломовкѣ.

— Полноте работать, устанете!—унималъ онъ ее.

— Богъ труды любитъ! — отвѣчала она, не отводя глазъ и рукъ отъ работы.

Кофе подавался ему такъ же тщательно, чисто и вкусно, какъ вначалѣ, когда онъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, переѣхалъ на эту квартиру. Супъ съ потрохами, макароны съ пармезаномъ, кулебяка, ботвинья, свои цыплята—все это смѣнялось въ строгой очереди одно другимъ и пріятно разнообразило монотонные дни маленькаго домика.

Въ окна съ утра до вечера билъ радостный лучъ солнца, полдня на одну сторону, полдня на другую, не загораживаемый ничѣмъ, благодаря огородамъ съ обѣихъ сторонъ.

Канарейки весело трещали; ерань и порой приносимые дѣтьми изъ графскаго сада гіацинты наливали въ маленъ-

кой комнаткѣ сильный запахъ, приятно мѣшавшійся съ дымомъ чистой гаванской сигары да корицы, или ванили, которую толкла, энергически двигая локтями, хозяйка.

Илья Ильичъ жилъ какъ будто въ золотой рамкѣ жизни, въ которой, точно въ дворамѣ, только мѣнялись обычные фазисы дня и ночи и временъ года; другихъ перемѣнъ, особенно крупныхъ случайностей, возмущающихъ со дна жизни весь осадокъ, часто горькій и мутный, не бывало.

Съ тѣхъ поръ, какъ Штольцъ выручилъ Обломовку отъ воровскихъ долговъ братца, какъ братецъ и Тарантьевъ удалились совсѣмъ, съ ними удалилось и все враждебное изъ жизни Ильи Ильича. Его окружали теперь такія простыя, добрыя, любящія лица, которыя всѣ согласились своимъ существованіемъ подпереть его жизнь, помогать ему не замѣчать ея, не чувствовать.

Агаѳья Матвѣевна была въ зенитѣ своей жизни: она жила и чувствовала, что жила полно, какъ прежде никогда не жила, но только высказать этого, какъ и прежде, никогда не могла, или, лучше, ей въ голову объ этомъ не приходило. Она только молила Бога, чтобъ онъ продлилъ вѣку Ильѣ Ильичу, и чтобъ избавилъ его отъ всякой «скорби, гнѣва и нужды», а себя, дѣтей своихъ и весь домъ предавала на волю Божію. Зато лицо ея постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворенное и безъ желаній, слѣдовательно, рѣдкое и при всякой другой натурѣ невозможное.

Она пополнѣла; грудь и плечи сіяли тѣмъ же довольствомъ и полнотой, въ глазахъ свѣтились кротость и только хозяйственная заботливость. Къ ней воротились то достоинство и спокойствіе, съ которыми она прежде властвовала надъ домомъ, среди покорныхъ Анисьи, Акулины и дворника. Она, попрежнему, не ходитъ, а будто плаваетъ, отъ шкапа къ кухнѣ, отъ кухни къ кладовой, и мѣрно, не-

торопливо, отдаетъ приказанія, съ полнымъ сознаніемъ того, что дѣлаетъ.

Анисья стала еще живѣе прежняго, потому что работы стало больше: все она движется, суетится, бѣгаетъ, работаетъ, все по слову хозяйки. Глаза у ней даже ярче, и носъ, этотъ говорящій носъ, такъ и выставляется прежде всей ея особы, такъ и рдѣетъ заботой, мыслями, намѣреніями, такъ и говоритъ, хотя языкъ и молчитъ.

Обѣ онѣ одѣты, каждая сообразно достоинству своего сана и должностей. У хозяйки завелся большой шкапъ, съ рядомъ шелковыхъ платьевъ, мантилій и салоповъ; чепцы заказывались на той сторонѣ, чуть ли не на Литейной, башмаки не съ Апраксина, а изъ Гостинаго двора, а шляпка — представьте, изъ Морской! И Анисья, когда отстряпаетъ, а особенно въ воскресенье, надѣваетъ шерстяное платье.

Только Акулина все ходитъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, да дворникъ не можетъ, даже въ лѣтнія каникулы, разстаться съ полушубкомъ.

Про Захара и говорить нечего: этотъ изъ сѣраго фрака сдѣлалъ себѣ куртку, и нельзя рѣшить, какого цвѣта у него панталоны, изъ чего сдѣланъ его галстукъ. Онъ чиститъ сапоги, потомъ спитъ, сидитъ у воротъ, тупо глядя на рѣдкихъ прохожихъ, или, наконецъ, сидитъ въ ближней мелочной лавочкѣ и дѣлаетъ все то же и такъ же, что дѣлалъ прежде, сначала въ Обломовкѣ, потомъ въ Гороховой.

А самъ Обломовъ? Самъ Обломовъ былъ полнымъ и естественнымъ отраженіемъ и выраженіемъ того покоя, довольства и безмятежной тишины. Вглядываясь, вдумываясь въ свой бытъ и все болѣе и болѣе обживаясь въ немъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеалъ его жизни осуществился, хотя безъ поэзіи, безъ тѣхъ лучей, которыми нѣкогда воображеніе ри-

совало ему барское, [illegible] и [illegible] жизни въ родной деревнѣ, среди крестьянъ [illegible].

Онъ смотрѣлъ на [illegible] свой [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. И здѣсь, какъ въ [illegible], ему [illegible] отъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

чтобъ выразить возможность идеально-покойной стороны человѣческаго бытія.

Другимъ, думалъ онъ, выпадало на долю выражать ей тревожныя стороны, двигать создающими и разрушающими силами: у всякаго свое назначеніе!

Вотъ какая философія выработалась у обломовскаго Платона и убаюкивала его среди вопросовъ и строгихъ требованій долга и назначенія! И родился и воспитанъ онъ былъ не какъ гладіаторъ для арены, а какъ мирный зритель боя, не вынести бы его робкой и лѣнивой душѣ ни тревогъ счастья, ни ударовъ жизни — слѣдовательно, онъ выразилъ собою одинъ ея край, и добиваться, мѣнять въ ней что-нибудь, или каяться—нечего.

Съ лѣтами, волненія и раскаяніе являлись рѣже, и онъ тихо и постепенно укладывался въ простой и широкій гробъ остального своего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ старцы пустынные, которые, отворотясь отъ жизни, копаютъ себѣ могилу.

Онъ ужъ пересталъ мечтать объ устройствѣ имѣнія и о поѣздкѣ туда всѣмъ домомъ. Поставленный Штольцомъ управляющій аккуратно присылалъ ему весьма порядочный доходъ къ Рождеству, мужики привозили хлѣба и живности, и домъ процвѣталъ обиліемъ и весельемъ.

Илья Ильичъ завелъ даже пару лошадей, но, изъ свойственной ему осторожности, такихъ, что онѣ только послѣ третьяго кнута трогались отъ крыльца, а при первомъ и второмъ ударѣ одна лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ вторая лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ уже, вытянувъ напряженно шею, спину и хвостъ, двинутся онѣ разомъ и побѣгутъ, кивая головами. На нихъ возили Ваню на ту сторону Невы, въ гимназію, да хозяйка ѣздила за разными покупками.

На масленицѣ и на святой вся семья, и самъ Илья

Ильичъ, ѣздили на гулянье кататься и въ балаганы; брали изрѣдка ложу и посѣщали, также всѣмъ домомъ, театръ.

Лѣтомъ отправлялись за городъ, въ ильинскую пятницу— на Пороховые Заводы, и жизнь чередовалась обычными явленіями, не внося губительныхъ перемѣнъ, можно было бы сказать, если бъ удары жизни вовсе не достигали маленькихъ мирныхъ уголковъ. Но, къ несчастью, громовой ударъ, потрясая основанія горъ и огромныя воздушныя пространства, раздается и въ норкѣ мыши, хотя слабѣе, глуше, но для норки ощутительно.

Илья Ильичъ кушалъ аппетитно и много, какъ въ Обломовкѣ, ходилъ и работалъ лѣниво и мало, тоже какъ въ Обломовкѣ. Онъ, несмотря на нарастающія лѣта, безпечно пилъ вино, смородиновую водку и еще безпечнѣе и подолгу спалъ послѣ обѣда.

Вдругъ все это перемѣнилось.

Однажды, послѣ дневного отдыха и дремоты, онъ хотѣлъ встать съ дивана и не могъ, хотѣлъ выговорить слово — и языкъ не повиновался ему. Онъ, въ испугѣ, махалъ только рукой, призывая къ себѣ на помощь.

Жива онъ съ [illegible] телеграфировать рукой [illegible] на другой [illegible] око [illegible] сердца, [illegible]

И только эта [illegible] за [illegible] разомъ [illegible] въ дѣло [illegible] съ докторомъ [illegible]

[illegible]

томъ объявили, что это былъ апоплексическій ударъ и что ему надо повести другой образъ жизни.

Водка, пиво и вино, кофе, съ немногими и рѣдкими исключеніями, потомъ все жирное, мясное, пряное было ему запрещено, а вмѣсто этого предписано ежедневное движеніе, и умѣренный сонъ, только ночью.

Безъ ока Агаѳьи Матвѣевны ничего бы этого не состоялось, но она умѣла ввести эту систему тѣмъ, что подчинила ей весь домъ, и, то хитростью, то лаской отвлекала Обломова отъ соблазнительныхъ покушеній на вино, на послѣ-обѣденную дремоту, на жирныя кулебяки.

Чуть онъ вздремнетъ, падалъ стулъ въ комнатѣ, такъ, самъ собою, или съ шумомъ разбивалась старая, негодная посуда въ сосѣдней комнатѣ, а не то зашумятъ дѣти—хоть вонъ бѣги! Если это не поможетъ, раздавался ея кроткій голосъ: она звала его и спрашивала о чемъ-нибудь.

Дорожка сада проложена была въ огородъ, и Илья Ильичъ совершалъ утромъ и вечеромъ по ней двухчасовое хожденіе. Съ нимъ ходила она, а нельзя ей, такъ Маша, или Ваня, или старый знакомый, безотвѣтный, всему покорный и на всѣ согласный Алексѣевъ.

Вотъ Илья Ильичъ идетъ медленно по дорожкѣ, опираясь на плечо Вани. Ваня ужъ почти юноша, въ гимназическомъ мундирѣ, едва сдерживаетъ свой бодрый, торопливый шагъ, подлаживаясь подъ походку Ильи Ильича. Обломовъ не совсѣмъ свободно ступаетъ одной ногой — слѣды удара.

— Ну, пойдемъ, Ванюша, въ комнату!—сказалъ онъ.

Они-было направились къ двери. Навстрѣчу имъ появилась Агаѳья Матвѣевна.

— Куда это вы, такъ рано?—спросила она, не давая войти.

— Что за рано! Мы разъ двадцать взадъ и впередъ прошли, а вѣдь отсюда до забора пятьдесятъ саженъ, значитъ, двѣ версты.

— Сколько разъ прошли?—спросила она Ванюшу.

Тотъ-было замялся.

Не ври, смотри у меня! — грозила она, глядя ему въ глаза.—Я сейчасъ увижу. Помни воскресенье, не пущу въ гости.

Нѣтъ, маменька, право мы разъ... двѣнадцать прошли.

Ахъ, ты, плутъ этакой!—сказалъ Обломовъ.—Ты все акацію щипалъ, а я считалъ всякій разъ...

— Нѣтъ, походите еще! у меня и уха не готова! — рѣшила хозяйка и захлопнула передъ ними дверь.

И Обломовъ, волей-неволей, отсчиталъ еще восемь разъ, потомъ уже пришелъ въ комнату.

Тамъ, на большомъ кругломъ столѣ, дымилась уха. Обломовъ сѣлъ на свое мѣсто, одинъ на диванѣ, около него, справа, на стулѣ, Агаѳья Матвѣевна, налѣво, на маленькомъ дѣтскомъ стулѣ, съ задвижкой, усаживался какой-то ребенокъ, лѣтъ трехъ. Подлѣ него садилась Маша, уже дѣвочка лѣтъ тринадцати, потомъ Ваня и, наконецъ, въ этотъ день и Алексѣевъ сидѣлъ напротивъ Обломова.

[illegible] еще я положу вамъ [illegible] Агаѳья Матвѣевна [illegible] въ тарелку [illegible]

[illegible]—сказалъ Обломовъ.

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

шей говядины! Зато вамъ кисель изъ вишневаго сиропа велѣла сдѣлать: знаю, что вы охотникъ, — добавила она, обращаясь къ Алексѣеву.

Кисель былъ безвреденъ для Ильи Ильича, и потому его долженъ былъ любить и ѣсть на все согласный Алексѣевъ.

Послѣ обѣда никто и ничто не могло отклонить Обломова отъ лежанья. Онъ обыкновенно ложился тутъ же на диванѣ, на спину, но только полежать часокъ. Чтобъ онъ не спалъ, хозяйка наливала тутъ же, на диванѣ, кофе, тутъ же играли на коврѣ дѣти, и Илья Ильичъ, волей-неволей, долженъ былъ принимать участіе.

— Полно дразнить Андрюшу: онъ сейчасъ заплачетъ! — журилъ онъ Ваничку, когда тотъ дразнилъ ребенка.

— Машенька, смотри, Андрюша ушибется объ стулъ! — заботливо предостерегалъ онъ, когда ребенокъ залѣзалъ подъ стулья.

И Маша бросалась доставать «братца», какъ она называла его.

Все замолкло на минуту, хозяйка вышла на кухню посмотрѣть, готовъ ли кофе. Дѣти присмирѣли. Въ комнатѣ послышалось храпѣнье, сначала тихое, какъ подъ сурдиной, потомъ громче, и когда Агаѳья Матвѣевна появилась съ дымящимся кофейникомъ, ее поразило храпѣнье, какъ въ ямской избѣ.

Она, съ упрекомъ, покачала головой Алексѣеву.

— Я будилъ, да они не слушаютъ, — сказалъ, въ свое оправданіе, Алексѣевъ.

Она быстро поставила кофейникъ на столъ, схватила съ пола Андрюшу и тихонько посадила его на диванъ къ Ильѣ Ильичу. Ребенокъ поползъ по немъ, добрался до лица и схватилъ за носъ.

— А! Что? Кто это? — безпокойно говорилъ очнувшійся Илья Ильичъ.

— Вы задремали, а Андрюша влѣзъ да разбудилъ васъ,— ласково сказала хозяйка.

— Когда же я задремалъ?—оправдывался Обломовъ, принимая Андрюшу въ объятія.—Развѣ я не слыхалъ, какъ онъ ручонками карабкался ко мнѣ? Я все слышу! Ахъ, шалунъ этакій: за носъ поймалъ! Вотъ я тебя! Вотъ постой, постой! — говорилъ онъ, нѣжа и лаская ребенка. Потомъ спустилъ его на полъ и вздохнулъ на всю комнату.—Разскажите что-нибудь, Иванъ Алексѣичъ!—сказалъ онъ.

— Все переговорили, Илья Ильичъ: нечего разсказывать,— [illegible].

— Ну, какъ нечего? Вы бываете въ людяхъ: нѣтъ ли чего новенькаго? Я думаю, читаете?

— Да-съ, иногда читаю, или другіе читаютъ, разговариваютъ, а я слушаю. Вотъ вчера, у Алексѣя Спиридоныча, [illegible] читалъ вслухъ...

— Что жъ онъ читалъ?

— Про англичанъ, что они ружья да пороху кому-то [illegible] Алексѣй Спиридонычъ сказалъ, что война будетъ.

— [illegible]

— Въ [illegible] не помню, только [illegible] былъ очень недоволенъ.

— [illegible]—спросилъ Обломовъ.

— [illegible]—сказалъ Алексѣевъ, [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]—спросилъ, [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]—

оправдывался онъ:—а потомъ все подъ рядъ читали и не сказали, когда она кончится. Я знаю, что ужъ это литература пошла.

— Что же онъ о литературѣ-то читалъ?—спросилъ Обломовъ.

— Да читалъ, что самые лучшіе сочинители Дмитріевъ, Карамзинъ, Батюшковъ и Жуковскій...

— А Пушкинъ?

— Пушкина нѣтъ тамъ. Я самъ тоже подумалъ, отчего его нѣтъ! Вѣдь онъ *хеній*, — сказалъ Алексѣевъ, произнося г какъ *х*.

Послѣдовало молчаніе. Хозяйка принесла работу и принялась сновать иглой взадъ и впередъ, поглядывая по временамъ на Илью Ильича, на Алексѣева и прислушиваясь чуткими ушами, нѣтъ ли гдѣ безпорядка, шума, не бранится ли на кухнѣ Захаръ съ Анисьей, моетъ ли посуду Акулина, не скрипнула ли калитка на дворѣ, то-есть, не отлучился ли дворникъ въ «заведеніе».

Обломовъ тихо погрузился въ молчаніе и задумчивость. Эта задумчивость была не сонъ и не бдѣніе: онъ безпечно пустилъ мысли бродить по волѣ, не сосредоточивая ихъ ни на чемъ, покойно слушалъ мѣрное біеніе сердца и изрѣдка ровно мигалъ, какъ человѣкъ, ни на что не устремляющій глазъ. Онъ впалъ въ неопредѣленное, загадочное состояніе, родъ галлюцинаціи.

На человѣка иногда нисходятъ рѣдкія и краткія задумчивыя мгновенія, когда ему кажется, что онъ переживаетъ въ другой разъ когда-то и гдѣ-то прожитой моментъ. Во снѣ ли онъ видѣлъ происходящее передъ нимъ явленіе, жилъ ли когда-нибудь прежде да забылъ, но онъ видитъ: тѣ же лица сидятъ около него, какія сидѣли тогда, тѣ же слова были произнесены уже однажды: воображеніе безсильно перенести опять туда, память не воскрешаетъ прошлаго и наводитъ раздумье.

То же было съ Обломовымъ теперь. Его осѣняетъ какая-то, бывшая уже гдѣ-то тишина, качается знакомый маятникъ, слышится трескъ откушенной нитки; повторяются знакомыя слова и шопотъ.

— Вотъ никакъ не могу попасть ниткой въ иглу: на-ка ты, Маша, у тебя глаза повострѣе!

Онъ лѣниво, машинально, будто въ забытьи, глядитъ въ лицо хозяйки, и изъ глубины его воспоминаній возникаетъ знакомый, гдѣ-то видѣнный имъ образъ. Онъ добирался, когда и гдѣ слышалъ онъ это...

И видится ему большая темная, освѣщенная сальной свѣчкой гостиная въ родительскомъ домѣ, сидящая за круглымъ столомъ покойная мать и ея гости: онѣ шьютъ, молча; отецъ ходитъ, молча. Настоящее и прошлое слились и перемѣшались.

Грезится ему, что онъ достигъ той обѣтованной земли, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ ѣдятъ незаработанный хлѣбъ, ходятъ въ золотѣ и серебрѣ.

Слышитъ онъ разсказы сновъ, примѣтъ, звонъ тарелокъ и стукъ ножей, жмется къ нянѣ, прислушивается къ ея старческому, дребезжащему голосу:

— Милитриса Кирбитьевна!—говоритъ она, указывая ему на образъ хозяйки.

Кажется ему, то же облачко плыветъ въ синемъ небѣ, какъ тогда, тотъ же вѣтерокъ дуетъ въ окно и играетъ его волосами; обломовскій индѣйскій пѣтухъ ходитъ и горланитъ подъ окномъ.

Вонъ залаяла собака: должно-быть гость пріѣхалъ. Ужъ не Андрей ли пріѣхалъ, съ отцомъ, изъ Верхлева? Это былъ праздникъ для него. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть онъ: шаги ближе, ближе, отворяется дверь... — «Андрей!» говоритъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нимъ Андрей, но не мальчикъ, а зрѣлый мужчина.

Обломовъ очнулся: передъ нимъ на-яву, не въ галлюцинаціи, стоялъ настоящій, дѣйствительный Штольцъ.

Хозяйка быстро схватила ребенка, стащила свою работу со стола, увела дѣтей; исчезъ и Алексѣевъ. Штольцъ и Обломовъ остались вдвоемъ, молча и неподвижно, глядя другъ на друга. Штольцъ такъ и пронзалъ его глазами.

— Ты ли это, Андрей?—спросилъ Обломовъ едва слышно отъ волненія, какъ спрашиваетъ только, послѣ долгой разлуки, любовникъ свою подругу.

— Я,—тихо сказалъ Андрей.—Ты живъ, здоровъ?

Обломовъ обнялъ его, крѣпко прижимаясь къ нему.

— Ахъ,—произнесъ онъ въ отвѣтъ продолжительно, изливъ въ этомъ *ахъ* всю силу долго таившейся въ душѣ грусти и радости, и никогда, можетъ-быть, со времени разлуки, не изливавшейся ни на кого и ни на что.

Они сѣли и опять пристально смотрѣли другъ на друга.

— Здоровъ ли ты?—спросилъ Андрей.

— Да, теперь слава Богу.

— А былъ боленъ?

— Да, Андрей, у меня ударъ былъ...

— Возможно ли? Боже мой! — съ испугомъ и участіемъ сказалъ Андрей.—Но безъ послѣдствій?

— Да, только лѣвой ногой не свободно владѣю...!—отвѣчалъ Обломовъ.

— Ахъ, Илья, Илья! Что съ тобой? Вѣдь ты опустился совсѣмъ! Что ты дѣлалъ это время? Шутка ли, пятый годъ пошелъ, какъ мы не видались!

Обломовъ вздохнулъ.

— Что жъ ты не ѣхалъ въ Обломовку? Отчего не писалъ?

— Что говорить тебѣ, Андрей? Ты знаешь меня и не спрашивай больше!—печально сказалъ Обломовъ.

— И все здѣсь, на этой квартирѣ?— говорилъ Штольцъ, оглядывая комнату:—и не съѣзжалъ?

— Да, все здѣсь... Теперь ужъ я и не съѣду!

— Какъ, рѣшительно нѣтъ?

— Да, Андрей... рѣшительно.

Штольцъ пристально посмотрѣлъ на него, задумался и сталъ ходить по комнатѣ.

— А Ольга Сергѣевна? Здорова ли? Гдѣ она? Помнитъ ли?..

Онъ не договорилъ.

— Здорова и помнитъ тебя, какъ будто вчера разстались. Я сейчасъ скажу тебѣ, гдѣ она.

— А дѣти?

— И дѣти здоровы... Но скажи, Илья: ты шутишь, что останешься здѣсь? А я пріѣхалъ за тобой, съ тѣмъ, чтобъ увезти туда, къ намъ, въ деревню...

— Нѣтъ, нѣтъ!—понизивъ голосъ и поглядывая на дверь, заговорилъ Обломовъ, очевидно, встревоженный.—Нѣтъ, пожалуйста, ты и не начинай, не говори...

— Отчего? Что съ тобой?— началъ-было Штольцъ.— Ты знаешь меня: я давно задалъ себѣ эту задачу и не отступлюсь. До сихъ поръ меня отвлекали разныя дѣла, а теперь я свободенъ. Ты долженъ жить съ нами, вблизи насъ: мы съ Ольгой такъ рѣшили, такъ и будетъ. Слава Богу, что я засталъ тебя такимъ же, а не хуже. Я не надѣялся... Ѣдемъ же!.. Я готовъ силой увезти тебя! Надо жить иначе, ты понимаешь какъ...

Обломовъ съ нетерпѣніемъ слушалъ эту тираду.

— Не кричи, пожалуйста, тише! — упрашивалъ онъ.— Тамъ...

— Что тамъ?

— Услышатъ... хозяйка подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу уѣхать...

— Ну, такъ что жъ? Пусть ее думаетъ!

— Ахъ, какъ это можно!—испугался Обломовъ.— Послушай, Андрей!— вдругъ прибавилъ онъ рѣшительнымъ, не-

бывалымъ тономъ: — не дѣлай напрасныхъ попытокъ, не уговаривай меня: я останусь здѣсь.

Штольцъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на своего друга. Обломовъ покойно и рѣшительно глядѣлъ на него.

— Ты погибъ, Илья! — сказалъ онъ. — Этотъ домъ, эта женщина... весь этотъ бытъ... Не можетъ быть: ѣдемъ, ѣдемъ!

Онъ хваталъ его за рукавъ и тащилъ къ двери.

— Зачѣмъ ты хочешь увезти меня? Куда? — говорилъ, упираясь, Обломовъ.

— Вонъ изъ этой ямы, изъ болота, на свѣтъ, на просторъ, гдѣ есть здоровая, нормальная жизнь! — настаивалъ Штольцъ строго, почти повелительно. — Гдѣ ты? Что ты сталъ? Опомнись! Развѣ ты къ этому быту готовилъ себя, чтобъ спать, какъ кротъ въ норѣ? Ты вспомни все...

— Не напоминай, не трѣвожь прошлаго: не воротишь! — говорилъ Обломовъ, съ мыслью на лицѣ, съ полнымъ сознаніемъ разсудка и воли.—Что ты хочешь дѣлать со мной? Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь двѣ разорванныя половины. Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать—будетъ смерть.

— Да ты оглянись, гдѣ и съ кѣмъ ты?

— Знаю, чувствую... Ахъ, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мнѣ давно совѣстно жить на свѣтѣ! Но не могу идти съ тобой твоей дорогой, если бъ даже захотѣлъ... Можетъ-быть, въ послѣдній разъ было еще возможно. Теперь... (онъ опустилъ глаза и промолчалъ съ минуту) теперь поздно... Иди и не останавливайся надо мной. Я стою твоей дружбы—это Богъ видитъ, но не стою твоихъ хлопотъ.

— Нѣтъ, Илья, ты что-то говоришь, да не договариваешь. А все-таки я увезу тебя, именно потому и увезу, что подозрѣваю... Послушай,—сказалъ онъ:—надѣнь что-нибудь и поѣдемъ ко мнѣ, просиди у меня вечеръ. Я тебѣ

разскажу много-много: ты не знаешь, что̀ закипѣло у насъ теперь, ты не слыхалъ?..

Обломовъ смотрѣлъ на него вопросительно.

— Ты не видишься съ людьми, я и забылъ: пойдемъ, я все разскажу тебѣ... Знаешь, кто здѣсь у воротъ, въ каретѣ, ждетъ меня... Я позову сюда!

— Ольга! — вдругъ вырвалось у испуганнаго Обломова. Онъ даже измѣнился въ лицѣ.—Ради Бога, не допускай ея сюда, уѣзжай. Прощай, прощай, ради Бога!

Онъ почти толкалъ Штольца вонъ; но тотъ не двигался.

— Я не могу пойти къ ней безъ тебя: я далъ слово, слышишь, Илья? Не сегодня, такъ завтра, ты только отсрочишь, но не отгонишь меня... Завтра, послѣзавтра, а все-таки увидимся!

Обломовъ молчалъ, опустивъ голову и не смѣя взглянуть на Штольца.

— Когда же? Меня Ольга спроситъ.

— Ахъ, Андрей,—сказалъ онъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ, обнимая его и кладя голову ему на плечо.—Оставь меня совсѣмъ... забудь...

— Какъ, навсегда?—съ изумленіемъ спросилъ Штольцъ, устраняясь отъ его объятій и глядя ему въ лицо.

— Да!—прошепталъ Обломовъ.

Штольцъ отступилъ отъ него на шагъ.

— Ты ли это, Илья?—упрекалъ онъ.—Ты отталкиваешь меня, и для нея, для этой женщины!.. Боже мой! — почти закричалъ онъ, какъ отъ внезапной боли.—Этотъ ребенокъ, что я сейчасъ видѣлъ... Илья, Илья! Бѣги отсюда, пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Какъ ты палъ! Эта женщина... что̀ она тебѣ...

— Жена!—покойно произнесъ Обломовъ.

Штольцъ окаменѣлъ.

— А этотъ ребенокъ — мой сынъ! Его зовутъ Андреемъ, въ память о тебѣ! — досказалъ Обломовъ разомъ и покойно перевелъ духъ, сложивъ съ себя бремя откровенности.

Теперь Штольцъ измѣнился въ лицѣ и ворочалъ изумленными, почти безсмысленными глазами вокругъ себя. Передъ нимъ вдругъ «отверзлась бездна», воздвиглась «каменная стѣна», и Обломова какъ будто не стало, какъ будто онъ пропалъ изъ глазъ его, провалился, и онъ только почувствовалъ ту жгучую тоску, которую испытываетъ человѣкъ, когда спѣшитъ съ волненіемъ, послѣ разлуки, увидѣть друга, и узнаётъ, что его давно уже нѣтъ, что онъ умеръ.

— Погибъ! — машинально, шопотомъ сказалъ онъ. — Что жъ я скажу Ольгѣ?

Обломовъ услыхалъ послѣднія слова, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Онъ протянулъ къ Андрею обѣ руки, и они обнялись молча, крѣпко, какъ обнимаются передъ боемъ, передъ смертью. Это объятіе задушило ихъ слова, слезы, чувства...

— Не забудь моего Андрея!—были послѣднія слова Обломова, сказанныя угасшимъ голосомъ.

Андрей, молча, медленно вышелъ вонъ, медленно, задумчиво шелъ онъ дворомъ и сѣлъ въ карету, а Обломовъ сѣлъ на диванъ, оперся локтями на столъ и закрылъ лицо руками.

«Нѣтъ, не забуду я твоего Андрея», съ грустью, идучи дворомъ, думалъ Штольцъ. «Погибъ ты, Илья: нечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца! Не скажу тебѣ, что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ... школы, грамота, а дальше... Нѣтъ, перепугаешься ты зари новаго счастья, больно будетъ непривычнымъ глазамъ. Но поведу твоего Андрея, куда ты не могъ идти... и съ нимъ будемъ приводить въ дѣло наши юношескія мечты».—Прощай, старая Обломовка!—сказалъ онъ, оглянувшись въ послѣдній разъ на окна маленькаго домика.—Ты отжила свой вѣкъ!

— Что тамъ? — спросила Ольга съ сильнымъ біеніемъ сердца.

— Ничего!—сухо, отрывисто отвѣчалъ Андрей.

— Онъ живъ, здоровъ?

— Да,—нехотя отозвался Андрей.

— Что жъ ты такъ скоро воротился? Отчего не позвалъ меня туда и его не привелъ? Пусти меня!

— Нельзя!

— Что жъ тамъ дѣлается? — съ испугомъ спрашивала Ольга.—Развѣ «бездна открылась»? Скажешь ли ты мнѣ?

Онъ молчалъ.

— Да что такое тамъ происходитъ?

Обломовщина! — мрачно отвѣчалъ Андрей и на дальнѣйшіе разспросы Ольги хранилъ до самаго дома угрюмое молчаніе.

X.

Прошло лѣтъ пять. Многое перемѣнилось и на Выборгской Сторонѣ: пустая улица, ведущая къ дому Пшеницыной, обстроилась дачами, между которыми возвышалось [illegible] каменное, казенное зданіе, мѣшавшее солнечнымъ [illegible] весело бить въ стекла мирнаго пріюта лѣни и спо[illegible].

И самъ домикъ обветшалъ немного, глядѣлъ небрежно, [illegible] какъ небритый и немытый человѣкъ. Краска слѣз[illegible] кровельныя трубы мѣстами изломались: оттого на дворѣ [illegible] грязи, черезъ которыя, какъ прежде, брошена [illegible] доска. Когда кто войдетъ въ калитку, ста[illegible] не скачетъ бодро на цѣпи, а хрипло и лѣниво [illegible] выглядывая изъ конуры.

[illegible] домика какія перемѣны! Тамъ властвуетъ чу[illegible] рѣзвятся не прежнія дѣти. Тамъ опять по[illegible] перемѣнамъ красное, испитое лицо буйнаго Та[illegible] безотвѣтнаго Алексѣева.

Не видать ни Захара, ни Анисьи: новая толстая кухарка распоряжается на кухнѣ, нехотя и грубо исполняя тихія приказанія Агаѳьи Матвѣевны, да та же Акулина, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, моетъ корыта и корчаги; тотъ же сонный дворникъ, и въ томъ же тулупѣ, праздно доживаетъ свой вѣкъ въ конурѣ. Мимо рѣшетчатаго забора, въ урочные часы ранняго утра и обѣденной поры, мелькаетъ опять фигура «братца», съ большимъ пакетомъ подъ мышкой, въ резиновыхъ галошахъ, зимой и лѣтомъ.

Что же стало съ Обломовымъ? Гдѣ онъ? Гдѣ?—На ближайшемъ кладбищѣ, подъ скромной урной покоится тѣло его, между кустовъ, въ затишьѣ. Вѣтви сирени, посаженныя дружеской рукой, дремлютъ надъ могилой, да безмятежно пахнетъ полынь. Кажется, самъ ангелъ тишины охраняетъ сонъ его.

Какъ зорко ни сторожило каждое мгновеніе его жизни любящее око жены, но вѣчный покой, вѣчная тишина и лѣнивое переползанье изо дня въ день тихо остановили машину жизни. Илья Ильичъ скончался, повидимому, безъ боли, безъ мученій, какъ будто остановились часы, которые забыли завести.

Никто не видалъ послѣднихъ его минутъ, не слыхалъ предсмертнаго стона. Апоплексическій ударъ повторился еще разъ, спустя годъ, и опять миновалъ благополучно: только Илья Ильичъ сталъ блѣденъ, слабъ, мало ѣлъ, мало сталъ выходить въ садикъ, и становился все молчаливѣе и задумчивѣе, иногда даже плакалъ. Онъ предчувствовалъ близкую смерть и боялся ея.

Нѣсколько разъ дѣлалось ему дурно и проходило. Однажды утромъ Агаѳья Матвѣевна принесла было ему, по обыкновенію, кофе и—застала его такъ же кротко-покоящимся на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна, только голова немного сдвинулась съ подушки, да рука судорожно прижата была къ сердцу, гдѣ, повидимому, сосредоточилась и остановилась кровь.

Три года вдовѣетъ Агаѳья Матвѣевна: въ это время все измѣнилось на прежній ладъ. Братецъ занимались подрядами, но разорились и поступили, кое-какъ, разными хитростями и поклонами, на прежнее мѣсто секретаря въ канцеляріи, «гдѣ записываютъ мужиковъ», и опять ходятъ пѣшкомъ въ должность и приносятъ четвертаки, полтинники и двугривенные, наполняя ими далеко-спрятанный сундучокъ. Хозяйство пошло такое же грубое, простое, но жирное и обильное, какъ въ прежнее время, до Обломова.

Первенствующую роль въ домѣ играла супруга братца, Ирина Пантелѣевна, то-есть она предоставляла себѣ право вставать поздно, пить три раза кофе, перемѣнять три раза платье въ день и наблюдать только одно по хозяйству, чтобъ ея юбки были накрахмалены какъ можно крѣпче. Болѣе она ни во что не входила, и Агаѳья Матвѣевна, попрежнему, была живымъ маятникомъ въ домѣ: она смотрѣла за кухней и столомъ, поила весь домъ чаемъ и кофе, обшивала всѣхъ, смотрѣла за бѣльемъ, за дѣтьми, за Акулиной и за дворникомъ.

Но отчего же такъ? Вѣдь она госпожа Обломова, помѣщица; она могла бы жить отдѣльно, независимо, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаясь? Что жъ могло заставить ее взять на себя обузу чужого хозяйства, хлопотать о чужихъ дѣтяхъ, обо всѣхъ этихъ мелочахъ, на которыя женщина обрекаетъ себя или по влеченію любви, по святому долгу семейныхъ узъ, или изъ-за куска насущнаго хлѣба? Гдѣ же Захаръ, Анисья, ея слуги по всѣмъ правамъ? Гдѣ, наконецъ, живой залогъ, оставленный ей мужемъ, маленькій Андрюша? Гдѣ ея дѣти отъ прежняго мужа?

Дѣти ея пристроились, то-есть Ванюша кончилъ курсъ наукъ и поступилъ на службу; Машенька вышла замужъ за смотрителя какого-то казеннаго дома, а Андрюшу выпросили на воспитаніе Штольцъ и жена, и считаютъ его членомъ своего семейства. Агаѳья Матвѣевна никогда не

равняла и не смѣшивала участи Андрюши съ судьбою первыхъ дѣтей своихъ, хотя въ сердцѣ своемъ, можетъ-быть, безсознательно, и давала имъ всѣмъ равное мѣсто. Но воспитаніе, образъ жизни, будущую жизнь Андрюши она отдѣляла цѣлой бездной отъ жизни Ванюши и Машеньки.

— Тѣ что? Такія же замарашки, какъ я сама,—небрежно говорила она:—они родились въ черномъ тѣлѣ, а этотъ,—прибавляла она почти съ уваженіемъ объ Андрюшѣ и съ нѣкоторою, если не робостью, то осторожностью, лаская его:—этотъ—барченокъ! Вонъ онъ какой бѣленькій, точно наливной; какія маленькія ручки и ножки, а волоски, какъ шелкъ. Весь въ покойника!

Поэтому она безпрекословно, даже съ нѣкоторою радостью, согласилась на предложеніе Штольца взять его на воспитаніе, полагая, что тамъ его настоящее мѣсто, а не тутъ, «въ черноте», съ грязными ея племянниками, дѣтками братца.

Съ полгода, по смерти Обломова, жила она съ Анисьей и Захаромъ въ дому, убиваясь горемъ. Она проторила тропинку къ могилѣ мужа и выплакала всѣ глаза, почти ничего не ѣла, не пила, питалась только чаемъ, и часто по ночамъ не смыкала глазъ и истомилась совсѣмъ. Она никогда никому не жаловалась и, кажется, чѣмъ болѣе отодвигалась отъ минуты разлуки, тѣмъ больше уходила въ себя, въ свою печаль, и замыкалась отъ всѣхъ, даже отъ Анисьи. Никто не зналъ, каково у ней на душѣ.

— А ваша хозяйка все плачетъ по мужѣ, — говорилъ кухаркѣ лавочникъ на рынкѣ, у котораго брали въ домъ провизію.

— Все груститъ по мужѣ,—говорилъ староста, указывая на нее просвирнѣ въ кладбищенской церкви, куда каждую недѣлю приходила молиться и плакать безутѣшная вдова.

— Все еще убивается,—говорили въ домѣ братца.

Однажды, вдругъ къ ней явилось неожиданно нашествіе

знаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній.

Она была чужда всего окружающаго: разсердится ли братецъ за напрасно истраченный или невыторгованный рубль, за подгорѣлое жаркое, за несвѣжую рыбу, надуется ли невѣстка за мягко-накрахмаленныя юбки, за некрѣпкій и холодный чай, нагрубитъ ли толстая кухарка, Агаѳья Матвѣевна не замѣчаетъ ничего, какъ будто не о ней рѣчь, не слышитъ даже язвительнаго шопота: — Барыня, помѣщица!

Она на все отвѣчаетъ достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ.

Напротивъ, въ святки, въ свѣтлый день, въ веселые вечера масленицы, когда все ликуетъ, поетъ, ѣстъ и пьетъ въ домѣ, она вдругъ, среди общаго веселья, зальется горячими слезами и спрячется въ свой уголъ.

Потомъ опять сосредоточится и иногда даже смотритъ на братца и на жену его какъ будто съ гордостью, съ сожалѣніемъ.

Она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ея: теперь ужъ она знала, зачѣмъ она жила и что жила не напрасно.

Она такъ полно и много любила: любила Обломова— какъ любовника, какъ мужа и какъ барина; только разсказать никогда она этого, какъ прежде, не могла никому. Да никто и не понялъ бы ее вокругъ. Гдѣ бы она нашла языкъ? Въ лексиконѣ братца, Тарантьева, невѣстки не было такихъ словъ, потому что не было понятій; только Илья Ильичъ понялъ бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому что не понимала тогда сама и не умѣла.

Съ лѣтами она понимала свое прошедшее все больше и

яснѣе и таила все глубже, становилась все молчаливѣе и сосредоточеннѣе. На всю жизнь ея разлились лучи, тихій свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ, и нѣчего было ей желать больше, нѣкуда идти.

Только когда пріѣзжалъ на зиму Штольцъ изъ деревни, она бѣжала къ нему въ домъ и жадно глядѣла на Андрюшу, съ нѣжной робостью ласкала его и потомъ хотѣла бы сказать что-нибудь Андрею Ивановичу, поблагодарить его, наконецъ, выложить передъ нимъ все, все, что сосредоточилось и жило неисходно въ ея сердцѣ: онъ бы понялъ, да не умѣетъ она, и только бросится къ Ольгѣ, прильнетъ губами къ ея рукамъ и зальется потокомъ такихъ горячихъ слезъ, что и та невольно заплачетъ съ нею, а Андрей, взволнованный, поспѣшно уйдетъ изъ комнаты.

Ихъ всѣхъ связывала одна общая симпатія, одна память о чистой, какъ хрусталь, душѣ покойнаго. Они упрашивали ее ѣхать съ ними въ деревню, жить вмѣстѣ, подлѣ Андрюши, она твердила одно: — Гдѣ родились, жили вѣкъ, тутъ надо и умереть.

Напрасно давалъ ей Штольцъ отчетъ въ управленіи имѣніемъ, присылалъ слѣдующіе ей доходы, все отдавала она назадъ, просила беречь для Андрюши.

— Это его, а не мое,—упрямо твердила она:—ему понадобится; онъ баринъ, а я проживу и такъ.

XI.

Однажды, около полудня, шли по деревяннымъ тротуарамъ на Выборгской Сторонѣ два господина; сзади ихъ тихо ѣхала коляска. Одинъ изъ нихъ былъ Штольцъ, другой — его пріятель, литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами. Они поравнялись съ церковью; обѣдня кончилась и народъ повалилъ на улицу; впереди всѣхъ нищіе. Коллекція ихъ была большая и разнообразная.

— Я бы хотѣлъ знать, откуда нищіе берутся?—сказалъ литераторъ, глядя на нищихъ.

— Какъ откуда? Изъ разныхъ щелей и угловъ наползаютъ...

— Я не то спрашиваю,—возразилъ литераторъ:—я хотѣлъ бы знать: какъ можно сдѣлаться нищимъ, стать въ это положеніе? Дѣлается ли это внезапно, или постепенно, искренно или фальшиво?..

— Зачѣмъ тебѣ? Не хочешь ли писать Mystères de Pétersbourg?

— Можетъ-быть... — лѣниво зѣвая, проговорилъ литераторъ.

— Да вотъ случай: спроси любого, за рубль серебромъ онъ тебѣ продастъ всю свою исторію, а ты запиши и перепродай съ барышомъ. Вотъ старикъ, типъ нищаго, кажется, самый нормальный. Эй, старикъ! Поди сюда!

Старикъ обернулся на зовъ, снялъ шапку и подошелъ къ нимъ.

— Милосердые господа! — захрипѣлъ онъ. — Помогите бѣдному, увѣчному въ тридцати сраженіяхъ, престарѣлому воину...

— Захаръ!—съ удивленіемъ сказалъ Штольцъ.—Это ты?

Захаръ вдругъ замолчалъ, потомъ, прикрывъ глаза рукой отъ солнца, пристально поглядѣлъ на Штольца.

— Извините, ваше превосходительство, не признаю... ослѣпъ совсѣмъ!

— Забылъ друга своего барина, Штольца, — упрекнулъ Штольцъ.

— Ахъ, ахъ, батюшка, Андрей Иванычъ! Господи, слѣпота одолѣла! Батюшка, отецъ родной!

Онъ суетился, ловилъ руку Штольца и, не поймавъ, поцѣловалъ полу его платья.

— Привелъ Господь дожить до этакой радости меня, пса окаяннаго...—завопилъ онъ, не то плача, не то смѣясь.

Все лицо его какъ будто прожжено было багровой печатью, отъ лба до подбородка. Носъ былъ, сверхъ того, подернутъ синевой. Голова совсѣмъ лысая; бакенбарды были, попрежнему, большія, но смятыя и перепутанныя, какъ войлокъ, въ каждой точно положено было по комку снѣга. На немъ была ветхая, совсѣмъ полинявшая шинель, у которой недоставало одной полы; обутъ онъ былъ въ старыя стоптанныя галоши на босу-ногу; въ рукахъ держалъ мѣховую, совсѣмъ обтертую шапку.

— Ахъ, ты, Господи милосердый! Какую милость сотворилъ мнѣ сегодня для праздника...

— Что ты это въ какомъ положеніи? Отчего? Тебѣ не стыдно?—строго спросилъ Штольцъ.

— Ахъ, батюшка, Андрей Иванычъ! Что жъ дѣлать?—тяжело вздохнувъ, началъ Захаръ. — Чѣмъ питаться? Бывало, когда Анисья была жива, такъ я не шатался, былъ кусокъ и хлѣба, а какъ она померла въ холеру — царство ей небесное—братецъ барынинъ не захотѣли держать меня, звали дармоѣдомъ. Михей Андреичъ Таратьевъ все норовилъ, какъ пойдешь мимо, сзади ногой ударить: житья не стало! Попрековъ сколько перенесъ. Повѣрите ли, сударь, кусокъ хлѣба въ горло не шелъ. Кабы не барыня, дай Богъ ей здоровье!—прибавилъ Захаръ, крестясь:—давно бы сгибъ я на морозѣ. Она одежонку на зиму даетъ и хлѣба сколько хочешь, и на печкѣ уголъ — все, по милости своей давала. Да изъ-за меня и ее стали попрекать, я и ушелъ, куда глаза глядятъ! Вотъ теперь второй годъ мыкаю горе...

— Зачѣмъ на мѣсто не шелъ?—спросилъ Штольцъ.

— Гдѣ, батюшка, Андрей Иванычъ, нынче мѣсто найдешь? Былъ на двухъ мѣстахъ, да не потрафилъ. Все не о теперь, не попрежнему: хуже стало. Въ лакеи грамотныхъ требуютъ; да и у знатныхъ господъ нѣтъ ужъ этого, чтобъ въ передней биткомъ набито было народу. Все по одному, рѣдко гдѣ два лакея. Сапоги сами снимаютъ съ

себя: какую-то машинку выдумали!—съ сокрушеніемъ продолжалъ Захаръ.—Срамъ, стыдъ, пропадаетъ барство!

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ, опредѣлился-было я къ нѣмцу, къ купцу, въ передней сидѣть: все шло хорошо, а онъ меня послалъ къ буфету служить! мое ли дѣло? Однажды понесъ посуду, какую-то богемскую, что ли, полы-то гладкіе, скользкіе—чтобъ имъ провалиться! Вдругъ ноги у меня врозь, вся посуда, какъ есть съ подносомъ, и грянулась о-земь: ну, и прогнали! Вдругорядь одной старой графинѣ видомъ понравился: «почтенный на взглядъ», говоритъ, и взяла въ швейцары. Должность хорошая, старинная: сиди только важнѣе на стулѣ, положи ногу на ногу, покачивай, да не отвѣчай сразу, когда кто придетъ, а сперва зарычи, а потомъ ужъ пропусти, или въ шею вытолкай, какъ понадобится; а хорошимъ гостямъ, извѣстно: булавой наотмашь, вотъ такъ!—Захаръ сдѣлалъ рукой наотмашь.—Оно лестно, что говорить! — Да барыня попалась такая неугодливая—Богъ съ ней! Разъ заглянула ко мнѣ въ каморку, увидала клопа, растопалась, раскричалась, словно я выдумалъ клоповъ! Когда безъ клопа хозяйство бываетъ! Въ другой разъ шла мимо меня, почудилось ей, что виномъ отъ меня пахнетъ... такая, право! И отказала.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ пахнетъ, такъ и несетъ!—сказалъ Штольцъ.

— Съ горя, батюшка, Андрей Иванычъ, ей-Богу съ горя,—заскулилъ Захаръ, сморщившись горько.—Пробовалъ тоже извозчикомъ ѣздить. Нанялся къ хозяину, да ноги ознобилъ: силъ-то мало, старъ сталъ! Лошадь попалась злющая; однажды подъ карету бросилась, чуть не изломала меня; въ другой разъ старуху смялъ, въ часть взяли...

— Ну, полно, не бродяжничай и не пьянствуй, приходи ко мнѣ, я тебѣ уголъ дамъ, въ деревню поѣдемъ — слышишь?

— Слышу, батюшка, Андрей Иванычъ, да...

Онъ вздохнулъ.

— Ѣхать-то не охота отсюда, отъ могилки-то! Нашъ-то кормилецъ-то, Илья Ильичъ,—завопилъ онъ:—опять помянулъ его сегодня, царство ему небесное! Этакаго барина отнялъ Господь! На радость людямъ жилъ, жить бы ему сто лѣтъ... — всхлипывалъ и приговаривалъ Захаръ, морщась.—Вотъ, сегодня на могилкѣ у него былъ; какъ въ эту сторону приду, такъ и туда, сяду да и сижу; слезы такъ и текутъ... Этакъ-то иногда задумаюсь, притихнетъ все и почудится, какъ будто кличетъ: «Захаръ! Захаръ!» Инда мурашки по спинѣ побѣгутъ! Не нажить такого барина! А васъ-то какъ любилъ — помяни, Господи, его душеньку во царствіи своемъ!

— Ну, приходи на Андрюшу взглянуть: я тебя велю накормить, одѣть, а тамъ какъ хочешь!—сказалъ Штольцъ и далъ ему денегъ.

— Приду: какъ не придти взглянуть на Андрея Ильича? Чай великонекъ сталъ! Господи! Радости какой привелъ дождаться Господь! Приду, батюшка, дай Богъ вамъ добраго здоровья и несчетные годы... — ворчалъ Захаръ вслѣдъ уѣзжавшей колискѣ.

— Ну, ты слышалъ исторію этого нищаго? — сказалъ Штольцъ своему пріятелю.

— А что это за Илья Ильичъ, котораго онъ поминалъ?— спросилъ литераторъ.

— Обломовъ: я тебѣ много разъ про него говорилъ.

— Да, помню имя: это твой товарищъ и другъ. Что съ нимъ сталось?

— Погибъ, пропалъ ни за что.

Штольцъ вздохнулъ и задумался.

— А былъ не глупѣе другихъ, душа чиста и ясна, какъ стекло; благороденъ, нѣженъ, и—пропалъ!

— Отчего же? Какая причина?

— Причина... какая причина! Обломовщина! — сказалъ Штольцъ.

— Обломовщина! — съ недоумѣніемъ повторилъ литераторъ.—Что это такое?

— Сейчасъ разскажу тебѣ: дай собраться съ мыслями и памятью. А ты запиши: можетъ-быть, кому-нибудь пригодится.

И онъ разсказалъ ему, что здѣсь написано.

1857 и 1858 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА:

стр.

Обломовъ. Романъ въ четырехъ частяхъ.

Часть третья:

Глава I. 5
» II. 10
» III. 23
» IV. 35
» V. 55
» VI. 65
» VII. 71
» VIII. 90
» IX. 95
» X. 99
» XI. 102
» XII. 112

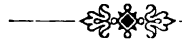
Часть четвертая:

Глава I. 115
» II. 130
» III. 139
» IV. 145
» V. 179
» VI. 188
» VII. 199
» VIII. 207
» IX. 235
» X. 256
» XI. 262

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.



Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

Типографія А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

ФРЕГАТЪ
ПАЛЛАДА.

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

I.

ОТЪ КРОНШТАДТА ДО МЫСА ЛИЗАРДА.

Сборы, прощаніе и отъѣздъ въ Кронштадтъ. — Фрегатъ «Паллада». — Море и моряки.—Каютъ-компанія.—Финскій заливъ.—Свѣжій вѣтеръ.—Морская болѣзнь.—Готландъ.—Холера на фрегатѣ.—Паденіе человѣка въ море.—Зундъ.—Каттегатъ и Скагерракъ.—Нѣмецкое море.—Доггерская банка и Галлоперскій маякъ.—Покинутое судно.—Рыбаки.—Британскій каналъ и Спидгедскій рейдъ.—Лондонъ. — Похороны Веллингтона. — Замѣтки объ англичанахъ и англичанкахъ. — Возвращеніе въ Портсмутъ.—Житье на Кемпердоунѣ.—Прогулка по Портсмуту, Саутси Портси и Гопорту.— Ожиданіе попутнаго вѣтра на Спидгедскомъ рейдѣ. — Вечеръ наканунѣ Рождества. — Силуэтъ англичанина и русскаго.—Отплытіе.

Меня удивляетъ, какъ могли вы не получить моего перваго письма изъ Англіи, отъ $^{2}/_{14}$ ноября 1852 года, и второго изъ Гонгъ-Конга, именно изъ мѣстъ, гдѣ объ участи письма заботятся, какъ о судьбѣ новорожденнаго младенца. Въ Англіи и ея колоніяхъ письмо есть завѣтный предметъ, который проходитъ чрезъ тысячи рукъ, по желѣзнымъ и другимъ дорогамъ, по океанамъ, изъ полушарія въ полушаріе, и находитъ неминуемо того, къ кому послано, если только онъ живъ, и такъ же неминуемо возвращается, откуда послано, если онъ умеръ, или самъ воротился туда же. Не затерялись ли письма на материкѣ, въ датскихъ или прус-

скихъ владѣніяхъ? Но теперь поздно производить слѣдствіе о такихъ пустякахъ: лучше вновь написать, если только это нужно...

Вы спрашиваете подробностей моего знакомства съ моремъ, съ моряками, съ берегами Даніи и Швеціи, съ Англіей? Вамъ хочется знать, какъ я вдругъ, изъ своей покойной комнаты, которую оставлялъ только въ случаѣ крайней надобности и всегда съ сожалѣніемъ, перешелъ на зыбкое лоно морей, какъ, избалованнѣйшій изъ всѣхъ васъ городскою жизнію, обычною суетой дня и мирнымъ спокойствіемъ ночи, я вдругъ, въ одинъ день, въ одинъ часъ, долженъ былъ ниспровергнуть этотъ порядокъ и ринуться въ безпорядокъ жизни моряка? Бывало, не заснешь, если въ комнату ворвется большая муха и съ буйнымъ жужжаніемъ носится, толкаясь въ потолокъ и въ окна, или заскребетъ мышонокъ въ углу; бѣжишь отъ окна, если отъ него дуетъ, бранишь дорогу, когда въ ней есть ухабы, откажешься ѣхать на вечеръ въ конецъ города подъ предлогомъ «далеко ѣхать», боишься пропустить урочный часъ лечь спать; жалуешься, если отъ супа пахнетъ дымомъ, или жаркое перегорѣло, или вода не блещетъ, какъ хрусталь... И вдругъ — на море! «Да какъ вы тамъ будете ходить — качаетъ?» спрашивали люди, которые находятъ, что если заказать карету не у такого-то каретника, такъ ужь въ ней качаетъ. «Какъ ляжете спать, что будете ѣсть? Какъ уживетесь съ новыми людьми?» сыпались вопросы, и на меня смотрѣли съ болѣзненнымъ любопытствомъ, какъ на жертву, обреченную пыткѣ. Изъ этого видно, что у всѣхъ

[illegible]

и вы, помните?): «ѣсть не велитъ давать, на пустой берегъ высадитъ». — «За что?» спрашивалъ я. — «Чуть не такъ сядете, не такъ пойдете, закурите сигару, гдѣ не велѣно». — «Я все буду дѣлать, какъ дѣлаютъ тамъ», кротко отвѣчалъ я. — «Вотъ вы привыкли по ночамъ сидѣть, а тамъ, какъ солнце сѣло, такъ затушатъ всѣ огни», говорили другіе: «а шумъ, стукотня какая, запахъ, крикъ!» — «Соньетесь вы тамъ съ кругу!» пугали нѣкоторые: «прѣсная вода тамъ въ рѣдкость, все больше ромъ пьютъ». — «Ковшами, я самъ видѣлъ, я былъ на кораблѣ», прибавилъ кто-то.—Одна старушка все грустно качала головой, глядя на меня и упрашивала ѣхать «лучше сухимъ путемъ кругомъ свѣта».—Еще барыня, умная, милая, заплакала, когда я пріѣхалъ къ ней прощаться. Я изумился: я видался съ нею всего раза три въ годъ и могъ бы не видаться три года, ровно столько, сколько нужно для кругосвѣтнаго плаванія, она бы не замѣтила. — «О чемъ вы плачете?» спросилъ я. — «Мнѣ жаль васъ», сказала она, отирая слезы. «Жаль потому, что лишній человѣкъ все-таки развлеченіе?» замѣтилъ я.—«А вы много сдѣлали для моего развлеченія?» сказала она. Я сталъ, втупикъ: о чемъ же она плачетъ? — «Мнѣ просто жаль, что вы ѣдете, Богъ знаетъ, куда». Меня зло взяло. Вотъ какъ смотрятъ у насъ на завидную участь путешественника!—«Я понялъ бы ваши слезы, если бъ это были слезы зависти», сказалъ я: «если бъ вамъ было жаль, что на мою, а не на вашу долю выпадаетъ быть тамъ, гдѣ изъ насъ почти никто не бываетъ, видѣть чудеса, о которыхъ здѣсь и мечтать трудно, что мнѣ открывается вся великая книга, изъ которой едва кое-кому удается прочесть первую страницу»... Я говорилъ ей хорошимъ слогомъ.— «Полноте», сказала она печально: «я знаю все; но какою цѣною достанется вамъ читать эту книгу? Подумайте, что ожидаетъ васъ, чего вы натерпитесь, сколько шансовъ не воротиться!.. Мнѣ жаль васъ, вашей участи, оттого я и

плачу. Впрочемъ, вы не вѣрите слезамъ», прибавила она: «но я плачу не для васъ: мнѣ просто плачется».

Мысль ѣхать, какъ хмель туманила голову, и я безпечно и шутливо отвѣчалъ на всѣ предсказанія и предостереженія, пока еще событіе было далеко. Я все мечталъ—и давно мечталъ — объ этомъ вояжѣ, можетъ-быть, съ той минуты, когда учитель сказалъ мнѣ, что если ѣхать отъ какой-нибудь точки безостановочно, то воротишься къ ней съ другой стороны: мнѣ захотѣлось поѣхать съ праваго берега Волги, на которомъ я родился, и воротиться съ лѣваго; хотѣлось самому туда, гдѣ учитель указываетъ пальцемъ быть экватору, полюсамъ, тропикамъ. Но когда, потомъ, отъ карты и отъ учительской указки, я перешелъ къ подвигамъ и приключеніямъ Куковъ, Ванкуверовъ, я опечалился: что передъ ихъ подвигами Гомеровы герои, Аяксы, Ахиллесы и сами Геркулесы? Дѣти! Робкій умъ мальчика, родившагося среди материка и не видавшаго никогда моря, цѣпенѣлъ передъ ужасами и бѣдами, которыми наполненъ путь пловцовъ. Но съ лѣтами ужасы изглаживались изъ памяти, и въ воображеніи жили и пережили молодость только картины тропическихъ лѣсовъ, синяго моря, золотаго, радужнаго неба.

— «Нѣтъ, не въ Парижъ хочу», помните, твердилъ я вамъ, «не въ Лондонъ — даже не въ Италію, какъ звучно бы о ней ни пѣли*), — а хочу въ Бразилію, въ Индію, хочу туда, гдѣ солнце изъ камня вызываетъ жизнь и тутъ же рядомъ превращаетъ въ камень все, чего коснется своимъ огнемъ; гдѣ человѣкъ, какъ праотецъ нашъ, рветъ несѣяный плодъ, гдѣ рыщетъ левъ, пресмыкается змѣй, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто, — туда, въ свѣтлые чертоги Божьяго міра, гдѣ природа, какъ баядерка, дышетъ сладострастіемъ, гдѣ душно, страшно и обаятельно жить, гдѣ обезсиленная

*) А. Н. Майковъ.

фантазія немѣетъ передъ готовымъ созданіемъ, гдѣ глаза не устанутъ смотрѣть, а сердце биться.

Все было загадочно и фантастически-прекрасно въ волшебной дали: счастливцы ходили и возвращались съ заманчивою, но глухою повѣстью о чудесахъ, съ дѣтскимъ толкованіемъ тайнъ міра. Но вотъ явился человѣкъ, мудрецъ и поэтъ, и озарилъ таинственные углы. Онъ пошелъ туда съ компасомъ, заступомъ, циркулемъ и кистью, съ сердцемъ, полнымъ вѣры къ Творцу и любви къ Его мірозданію. Онъ внесъ жизнь, разумъ и опытъ въ каменныя пустыни, въ глушь лѣсовъ, и силою свѣтлаго разумѣнія указалъ путь тысячамъ за собою. «Космосъ!» Еще мучительнѣе прежняго хотѣлось взглянуть живыми глазами на живой космосъ. — «Подалъ бы я», думалось мнѣ: «довѣрчиво мудрецу руку, какъ дитя взрослому, сталъ бы внимательно слушать, и, если понялъ бы настолько, насколько ребенокъ понимаетъ толкованія дядьки, я былъ бы богатъ и этимъ скуднымъ разумѣніемъ». Но и эта мечта улеглась въ воображеніи, вслѣдъ многимъ другимъ. Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!

И вдругъ неожиданно суждено было воскресить мечты, расшевелить воспоминанія, вспомнить давно забытыхъ мною кругосвѣтныхъ героевъ. Вдругъ и я вслѣдъ за ними иду вокругъ свѣта! Я радостно содрогнулся при мысли: я буду въ Китаѣ, въ Индіи, переплыву океаны, ступлю ногою на тѣ острова, гдѣ гуляетъ въ первобытной простотѣ дикарь, посмотрю на эти чудеса—и жизнь моя не будетъ праздным отраженіемъ мелкихъ, надоѣвшихъ явленій. Я обновился; всѣ мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мнѣ. Скорѣй, скорѣй въ путь!

ни другихъ костей, ни новыхъ нервъ. А тутъ вдругъ, отъ прогулокъ въ Петергофъ и Парголово, шагнуть къ экватору, оттуда къ предѣламъ южнаго полюса, отъ южнаго къ сѣверному, переплыть четыре океана, окружить пять материковъ и мечтать воротиться... Дѣйствительность, какъ туча, приближалась все грознѣй и грознѣй; душу посѣщалъ и мелочной страхъ, когда я углублялся въ подробный анализъ предстоящаго вояжа. Морская болѣзнь, перемѣны климата, тропическій зной, злокачественныя лихорадки, звѣри, дикари, бури—все приходило на умъ, особенно бури. Хотя я и безпечно отвѣчалъ на всѣ, частію трогательныя, частію смѣшныя предостереженія друзей, но страхъ нерѣдко и днемъ, и ночью рисовалъ мнѣ призраки бѣдъ. То представлялась скала, у подножія которой лежитъ наше разбитое судно, и утопающіе напрасно хватаются усталыми руками за гладкіе камни; то снилось, что я на пустомъ островѣ, выброшенный съ обломкомъ корабля, умираю съ голода... Я просыпался съ трепетомъ, съ каплями пота на лбу. Вѣдь корабль, какъ онъ ни проченъ, какъ ни приспособленъ къ морю, что̀ онъ такое?—щепка, корзинка, эпиграмма на человѣческую силу. Я боялся, выдержитъ ли непривычный организмъ массу суровыхъ обстоятельствъ, этотъ крутой поворотъ отъ мирной жизни къ постоянному бою съ новыми и рѣзкими явленіями бродячаго быта? Да, наконецъ, хватитъ ли души вмѣстить вдругъ, неожиданно развивающуюся картину міра? Вѣдь это дерзость почти титаническая! Гдѣ взять силы, чтобъ воспринять массу великихъ впечатлѣній? И когда ворвутся въ душу эти великолѣпные гости, не смутится ли самъ хозяинъ среди своего пира?

Я справлялся, какъ могъ, съ сомнѣніями: одни удалось побѣдить, другія оставались нерѣшенными до тѣхъ поръ, пока дойдетъ до нихъ очередь, и я мало-по-малу ободрился. Я вспомнилъ, что путь этотъ уже не Магелановъ путь, что съ загадками и страхами справились люди. Не велича-

вый образъ Колумба и Васко-де-Гама гадательно смотритъ съ палубы въ даль, въ неизвѣстное будущее: англійскій лоцманъ, въ синей курткѣ, въ кожаныхъ панталонахъ, съ краснымъ лицомъ, да русскій штурманъ, съ знакомъ отличія безпорочной службы, указываютъ пальцемъ путь кораблю и безошибочно назначаютъ день и часъ его прибытія. Между моряками, зѣвая апатически, лѣниво смотритъ «въ безбрежную даль» океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостинницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздятъ въ Австраліи? Гостинницы отличныя, — отвѣчаютъ ему: — на Сандвичевыхъ островахъ найдете все: нѣмецкую колонію, французскіе отели, англійскій портеръ — все, кромѣ — дикихъ. Въ Австраліи есть кареты и коляски, китайцы начали носить ирландское полотно; въ Остъ-Индіи говорятъ всѣ по-англійски; американскіе дикари изъ лѣса порываются въ Парижъ и въ Лондонъ, просятся въ университетъ; въ Африкѣ черные начинаютъ стыдиться своего цвѣта лица и понемногу привыкаютъ носить бѣлыя перчатки. Лишь съ большимъ трудомъ и издержками можно попасть въ кольца удава или въ когти тигра и льва. Китай долго крѣпился, но и этотъ сундукъ съ старой рухлядью вскрылся — крышка слетѣла съ петель, подорванная порохомъ. Европеецъ роется въ ветоши, достаетъ что придется ему въ пору, обновляетъ, хозяйничаетъ... Пройдетъ еще немного времени, и не станетъ ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства. И теперь воды морской нѣтъ, ее дѣлаютъ прѣсною, за пять тысячъ верстъ отъ берега является блюдо свѣжей зелени и дичи; подъ экваторомъ можно поѣсть русской капусты и щей. Части свѣта быстро сближаются между собою: изъ Европы въ Америку — рукой подать; поговариваютъ, что будутъ ѣздить туда въ сорокъ восемь часовъ — пуфъ, шутка, конечно, но современный пуфъ, намекающій на будущіе гигантскіе успѣхи мореплаванія.

Скорѣй же, скорѣй въ путь! Поэзія дальнихъ странствій исчезаетъ не по днямъ, а по часамъ. Мы, можетъ-быть, послѣдніе путешественники, въ смыслѣ аргонавтовъ: на насъ еще, по возвращеніи, взглянутъ съ участіемъ и завистью.

Казалось, всѣ страхи, какъ мечты, улеглись: впередъ манилъ просторъ и рядъ неиспытанныхъ наслажденій. Грудь дышала свободно, навстрѣчу вѣяло уже югомъ, манили голубыя небеса и воды. Но вдругъ за этою перспективой возникало опять грозное привидѣніе и росло по мѣрѣ того, какъ я вдавался въ путь. Это привидѣніе была мысль: какая обязанность лежитъ на грамотномъ путешественникѣ передъ соотечественниками, передъ обществомъ, которое слѣдитъ за плавателями? Экспедиція въ Японію—не иголка: ее не спрячешь, не потеряешь. Трудно теперь съѣздить и въ Италію безъ вѣдома публики, тому, кто разъ брался за перо. А тутъ предстоитъ объѣхать весь міръ и разсказать объ этомъ такъ, чтобъ слушали разсказъ безъ скуки, безъ нетерпѣнія. Но какъ и что разсказывать и описывать? Это одно и то же, что спросить, съ какою физіономіей явиться въ общество?

Нѣтъ науки о путешествіяхъ: авторитеты, начиная отъ Аристотеля до Ломоносова включительно, молчатъ; путешествія не попали подъ ферулу риторики, и писатель свободенъ пробираться въ нѣдра горъ, или опускаться въ глубину океановъ, съ ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльяхъ вдохновенія скользить по нимъ быстро и ловить мимоходомъ, на бумагу, ихъ образы; описывать страны и народы исторически, статистически, или только посмотрѣть, каковы трактиры — словомъ, никому не отведено столько простора и никому отъ этого такъ не тѣсно писать, какъ путешественнику. Говорить ли о теоріи вѣтровъ, о направленіи и курсахъ корабля, о широтахъ и долготахъ, или докладывать, что такая-то страна была когда-то подъ водою, а вотъ это дно было наружѣ; этотъ островъ произо-

шелъ отъ огня, а тотъ отъ сырости; начало этой страны относится къ такому времени, народъ произошелъ оттуда, и при этомъ старательно выписать изъ ученыхъ авторитетовъ, откуда [illegible]? Но вы спрашиваете чего-нибудь занимательнаго. Все, что я говорю, очень важно: путешественнику [illegible] заниматься будущимъ дѣломъ: онъ долженъ [illegible] себя преимущественно тому, чего уже нѣтъ [illegible] можетъ-быть было, а можетъ-быть и не было. — «Отошлите это въ ученое общество, въ академію», говорите вы: «а [illegible] съ людьми всякаго образованія, пишите иначе. Дайте намъ чудесъ, поэзіи, огня, жизни и красокъ!»

Чудесъ, поэзіи! Я сказалъ, что [illegible] нѣтъ этихъ чудесъ [illegible] характеръ. Я не [illegible] [illegible]

съ разбросанными, какъ песокъ, звѣздами? Все такъ обыкновенно, все это такъ должно быть. Напротивъ, я уѣхалъ отъ чудесъ: въ тропикахъ ихъ нѣтъ. Тамъ все одинаково, все просто. Два времени года, и то это такъ говорится, а въ самомъ дѣлѣ ни одного: зимой жарко, а лѣтомъ знойно; а у васъ тамъ, на «дальнемъ сѣверѣ», четыре сезона, и то это положено по календарю, а въ самомъ-то дѣлѣ ихъ семь или восемь. Сверхъ положенныхъ, тамъ въ апрѣлѣ является нежданное лѣто, моритъ духотой, а въ іюнѣ непрошенная зима порошитъ иногда снѣгомъ, потомъ вдругъ наступитъ зной, какому позавидуютъ тропики, и все цвѣтетъ и благоухаетъ тогда на пять минутъ, подъ этими страшными лучами. Раза три въ годъ Финскій заливъ и покрывающее его сѣрое небо нарядятся въ голубой цвѣтъ и млѣютъ, любуясь другъ другомъ, и сѣверный человѣкъ, ѣдучи изъ Петербурга въ Петергофъ, не насмотрится на рѣдкое «чудо», ликуетъ въ непривычномъ зноѣ, и все заликуетъ: дерево, цвѣтокъ и животное. Въ тропикахъ, напротивъ, страна вѣчнаго зефира, вѣчнаго зноя, покоя и синевы небесъ и моря. Все однообразно!

И поэзія измѣнила свою священную красоту. Ваши музы, любезные поэты *), законныя дочери парнасскихъ Каменъ, не подали бы вамъ услужливой лиры, не указали бы на тотъ поэтическій образъ, который кидается въ глаза новѣйшему путешественнику. И какой это образъ! Не блистающій красотою, не съ атрибутами силы, не съ искрой демонскаго огня въ глазахъ, не съ мечомъ, не въ коронѣ, а просто въ черномъ фракѣ, въ круглой шляпѣ, въ бѣломъ жилетѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ. Но образъ этотъ властвуетъ въ мірѣ надъ умами и страстями. Онъ всюду, и я видѣлъ его въ Англіи—на улицѣ, за прилавкомъ магазина, въ законодательной палатѣ, на биржѣ. Все изящество образа этого, съ синими глазами, блеститъ въ тончайшей и бѣлѣй-

*) В. Г. Бенедиктовъ и А. Н. Майковъ.

шей рубашкѣ, въ гладко-выбритомъ подбородкѣ и красиво-причесанныхъ русыхъ или рыжихъ бакенбардахъ. Я писалъ вамъ, какъ мы, гонимые бурнымъ вѣтромъ, дрожа отъ сѣвернаго холода, пробѣжали мимо береговъ Европы, какъ въ первый разъ палъ на насъ у подошвы горъ Мадеры ласковый лучъ солнца, и послѣ угрюмаго, сѣро-свинцоваго неба и такого же моря, заплескали голубыя волны, засіяли синія небеса, какъ мы жадно бросились къ берегу погрѣться горячимъ дыханіемъ земли, какъ упивались за версту повѣявшимъ съ берега благоуханіемъ цвѣтовъ. Радостно вскочили мы на цвѣтущій берегъ, подъ олеандры. Я сдѣлалъ шагъ и остановился въ недоумѣніи, въ огорченіи: какъ, и подъ этимъ небомъ, среди ярко-блещущихъ красокъ моря зелени... стояли три знакомые образа, въ черномъ платьѣ, въ круглыхъ шляпахъ! Они, опираясь на зонтики, повелительно смотрѣли своими синими глазами на море, на корабли и на воздымавшуюся надъ ихъ головами и поросшую виноградниками гору. Я шелъ по горѣ; подъ портиками, между фестонами виноградной зелени, мелькалъ тотъ же образъ; холоднымъ и строгимъ взглядомъ слѣдилъ онъ, какъ толпы смуглыхъ жителей юга добывали, обливаясь потомъ, драгоцѣнный сокъ своей почвы, какъ катили бочки къ берегу и усылали въ даль, получая за это отъ повелителей право ѣсть хлѣбъ своей земли. Въ океанѣ, въ мгновенныхъ встрѣчахъ, тотъ же образъ виденъ былъ на палубѣ кораблей, насвистывающій сквозь зубы: rule Britannia upon the sea. Я видѣлъ его на пескахъ Африки, слѣдящаго за работой негровъ, на плантаціяхъ Индіи и Китая, среди тюковъ чаю, взглядомъ и словомъ, на своемъ родномъ языкѣ, повелѣвающаго народами, кораблями, пушками, двигающаго необъятными естественными силами природы... Вездѣ и всюду этотъ образъ англійскаго купца носится надъ стихіями, надъ трудомъ человѣка, торжествуетъ надъ природой!

Но довольно писать pas de geants: будемъ путешество-

вать умѣренно, шагъ за шагомъ. Я уже успѣлъ побывать съ вами въ пальмовыхъ лѣсахъ, на раздольѣ океановъ, не выѣхавъ изъ Кронштадта. Оно и не легко: если, сбираясь куда-нибудь на богомолье, въ Кіевъ, или изъ деревни въ Москву, путешественникъ не оберется суматохи, по десяти разъ кидается въ объятія родныхъ и друзей, закусываетъ, присаживается и т. п., то сдѣлайте посылку, сколько понадобится времени, чтобы тронуться четыремъ стамъ человѣкъ — въ Японію. Три раза я ѣздилъ въ Кронштадтъ, и все что-нибудь было еще не готово. Отъѣздъ откладывался на сутки, и я возвращался еще провести день тамъ, гдѣ провелъ лѣтъ семнадцать, и гдѣ наскучило жить. Увижу ли я опять эти главы и кресты? прощался я мысленно, отваливая въ четвертый и послѣдній разъ отъ Англійской набережной.

Наконецъ, 7-го октября фрегатъ «Паллада» снялся съ якоря. Съ этимъ началась для меня жизнь, въ которой каждое движеніе, каждый шагъ, каждое впечатлѣніе были не похожи ни на какіе прежніе.

Вскорѣ все стройно засуетилось на фрегатѣ, до тѣхъ поръ неподвижномъ. Всѣ четыреста человѣкъ экипажа столпились на палубѣ, раздались командныя слова, многіе матросы поползли вверхъ по вантамъ, какъ мухи облѣпили реи, и судно окрылилось парусами. Но вѣтеръ былъ не совсѣмъ попутный, и потому насъ потащилъ по заливу сильный пароходъ и на разсвѣтѣ воротился, а мы стали бороться съ поднявшимся бурнымъ, или, какъ моряки говорятъ, «свѣжимъ» вѣтромъ. Началась сильная качка. Но эта первая буря мало подѣйствовала на меня: не бывши никогда на морѣ, я думалъ, что это такъ должно быть, что иначе не бываетъ, то-есть, что корабль всегда раскачивается на обѣ стороны, палуба вырывается изъ-подъ ногъ, и море какъ-будто опрокидывается на голову.

Я сидѣлъ въ каютъ-компаніи, прислушиваясь въ недо-

умѣніи къ свисту вѣтра между снастей и къ ударамъ волнъ въ бока судна. Наверху было холодно; косой мерзлый дождь хлесталъ въ лицо. Офицеры беззаботно разговаривали между собой, какъ въ комнатѣ, на берегу; иные читали. Вдругъ раздался пронзительный свистъ, но не вѣтра, а боцманскихъ свистковъ, и вслѣдъ затѣмъ разнесся по всѣмъ палубамъ крикъ десяти голосовъ:—«Пошелъ всѣ наверхъ!» Мгновенно все народонаселеніе фрегата бросилось снизу вверхъ; отсталыхъ матросовъ побуждали боцмана. Офицеры бросили книги, карты (географическія: другихъ тамъ нѣтъ), разговоры, и стремительно побѣжали туда же. Непривычному человѣку покажется, что случилось какое-нибудь бѣдствіе, какъ-будто что-нибудь сломалось, оборвалось, и корабль сейчасъ пойдетъ на дно. — «Зачѣмъ это зовутъ всѣхъ наверхъ?» спросилъ я бѣжавшаго мимо меня мичмана.—«Свистятъ всѣхъ наверхъ, когда есть авральная работа», сказалъ онъ второпяхъ и исчезъ. Цѣпляясь за трапы и веревки, я выбрался на палубу и сталъ въ уголокъ. Все суетилось.—«Что это такое авральная работа?» спросилъ я другого офицера. «Это когда свистятъ всѣхъ наверхъ», отвѣчалъ онъ и занялся—авральною работою. Я старался составить себѣ идею о томъ, что̀ это за работа, глядя что̀ дѣлаютъ, но ничего не уразумѣлъ: дѣлали все то же, что вчера, что, вѣроятно, будутъ дѣлать завтра: тянутъ снасти, поворачиваютъ рей, подбираютъ паруса. Офицеры объяснили мнѣ сущую истину, мнѣ бы слѣдовало такъ и понять просто, какъ оно было сказано—и вся тайна была тутъ. Авральная работа значитъ—общая работа, когда одной вахты мало, нужны всѣ руки, оттого всѣхъ и «свистятъ наверхъ»! По-англійски, если не ошибаюсь, и командуютъ «всѣ руки вверхъ!» (all hands up!). Черезъ пять минутъ, сдѣлавъ что̀ нужно, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Б. К. въ трехъ шагахъ отъ меня насвистывалъ подъ шумъ бури мотивъ изъ оперы. Напрасно я силился подойти къ нему; ноги не повинова-

лись, и онъ смѣялся моимъ усиліямъ. — «Морскихъ ногъ нѣтъ у васъ», сказалъ онъ. — «А скоро будутъ?» спросилъ я. — «Мѣсяца черезъ два, вѣроятно». Я вздохнулъ: только это и оставалось мнѣ сдѣлать при мысли, что я еще два мѣсяца буду ходить какъ ребенокъ, держась за юбку няньки. Вскорѣ обнаружилась морская болѣзнь у молодыхъ и подверженныхъ ей, или не бывшихъ давно въ походѣ моряковъ. Я ждалъ, когда и я начну отдавать эту скучную дань морю, а ждалъ непремѣнно. Между тѣмъ, наблюдалъ за другими: вотъ молодой человѣкъ, гардемаринъ, блѣднѣетъ, опускается на стулъ; глаза у него тускнѣютъ, голова клонится на сторону. Вотъ смѣнили часового и онъ, отдавъ ружье, бѣжитъ опрометью на бакъ. Офицеръ хотѣлъ что-то закричать матросамъ, но вдругъ отвернулся лицомъ къ морю и оперся на бортъ...—«Что это, васъ, кажется, *травитъ*?» говоритъ ему другой. (*Травить, вытравливать* — значитъ выпускать понемногу канатъ). Едва успѣваешь отскакивать то отъ того, то отъ другого... — «Выпейте водки», говорятъ мнѣ одни. — «Нѣтъ, лучше лимоннаго соку», совѣтуютъ другіе; третьи предлагаютъ луку или рѣдьки.—Я не зналъ, на что рѣшиться, чтобы предупредить болѣзнь, и закурилъ сигару. Болѣзнь все не приходила, и я тревожно похаживалъ между больными, ожидая, вотъ-вотъ начнется. — «Вы курите въ качку сигару и ожидаете послѣ этого, что васъ укачаетъ: напрасно!» сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ. И въ самомъ дѣлѣ напрасно: во все время плаванія я ни разу не почувствовалъ ни малѣйшей дурноты и возбуждалъ зависть даже въ морякахъ.

Я съ перваго шага на корабль сталъ осматриваться. И теперь еще, при концѣ плаванія, я помню то тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго сжалось сердце, когда я въ первый разъ вглядывался въ принадлежности судна, заглянулъ въ трюмъ, въ темные закоулки, какъ мышиныя норки, куда едва доходитъ блѣдный лучъ свѣта черезъ толстое въ ладонь

стекло.—Съ перваго раза невыгодно дѣйствуетъ на воображеніе все, что̀ потомъ привычному глазу кажется удобствомъ: недостатокъ свѣта, простора, люки, куда люди какъ будто проваливаются, пригвожденные къ стѣнамъ комоды и диваны, привязанные къ полу столы и стулья, тяжелыя орудія, ядра и картечи, правильными кучами на кранцахъ, какъ на подносахъ, разставленныя у орудій; груды снастей, висящихъ, лежащихъ, двигающихся и неподвижныхъ; койки вмѣсто постелей, отсутствіе всего лишняго; порядокъ и стройность, вмѣсто красиваго безпорядка и некрасивой распущенности, какъ въ людяхъ, такъ и въ убранствѣ этого плавучаго жилища. Робко ходитъ въ первый разъ человѣкъ на кораблѣ; каюта ему кажется гробомъ, а между тѣмъ, едва ли онъ безопаснѣе въ многолюдномъ городѣ, на шумной улицѣ, чѣмъ на крѣпкомъ парусномъ суднѣ, въ океанѣ. Но къ этой истинѣ я пришелъ не скоро.

Намъ, русскимъ, дѣлаютъ упрекъ въ лѣни, и недаромъ. Сознаемся сами, безъ помощи иностранцевъ, что мы тяжелы на подъемъ. Можно ли повѣрить, что въ Петербургѣ есть множество людей, тамошнихъ уроженцевъ, которые никогда не бывали въ Кронштадтѣ оттого, что туда надо ѣхать моремъ, именно оттого, зачѣмъ бы стоило съѣздить за тысячу верстъ, чтобы только испытать этотъ способъ путешествія? Моряки особенно жаловались мнѣ на недостатокъ любознательности въ нашей публикѣ ко всему, что̀ касается моря и флота, и приводили въ примѣръ англичанъ, которые толпами, съ женами и дѣтьми, являются на всякій корабль, приходящій въ портъ. Первая часть упрека совершенно основательна, то-есть въ недостаткѣ любопытства; что касается до второй, то англичане намъ не въ примѣръ. У англичанъ море—ихъ почва: имъ не по чемъ ходить больше. Оттого въ англійскомъ обществѣ есть множество женщинъ, которыя бывали во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Нѣкоторыя постоянно живутъ въ Индіи и пріѣзжаютъ видѣться съ род-

ными въ Лондонъ, какъ у насъ изъ Тамбова въ Москву. Слѣдуетъ ли отъ этого упрекать нашихъ женщинъ, что онѣ не бываютъ въ Китаѣ, на мысѣ Доброй Надежды, въ Австраліи, или англичанокъ за то, что онѣ не бываютъ въ Камчаткѣ, на Кавказѣ, въ глубинѣ азіатскихъ степей.

Но не знать петербургскому жителю, что̀ такое палуба, мачта, реи, трюмъ, трапъ, гдѣ корма, гдѣ носъ, главныя части и принадлежности корабля—не совсѣмъ позволительно, когда подъ бокомъ стоитъ флотъ. Многіе оправдываются тѣмъ, что они не имѣютъ между моряками знакомыхъ, и оттого затрудняются сдѣлать визитъ на корабль, не зная, какъ «моряки примутъ». А примутъ отлично, какъ хорошіе знакомые; даже самолюбію ихъ будетъ пріятно участіе къ ихъ дѣлу, и они познакомятъ васъ съ нимъ съ радушіемъ и самою изысканною любезностью. Поѣзжайте лѣтомъ на кронштадтскій рейдъ, на любой военный корабль, адресуйтесь къ командиру, или старшему, или, наконецъ, къ вахтенному (караульному) офицеру, съ просьбой осмотрѣть корабль, и если нѣтъ «авральной» работы на кораблѣ, то я вамъ ручаюсь за самый пріятный пріемъ.

Пріѣхавъ на фрегатъ, еще съ багажомъ, я не зналъ, куда ступить, и въ незнакомой толпѣ остался совершеннымъ сиротой. Я съ недоумѣніемъ глядѣлъ вокругъ себя и на свои сложенныя въ кучу вещи. Не прошло минуты, ко мнѣ подошли три офицера: Б. Ш., мичманы Б. и К. — мои будущіе спутники и отличные пріятели. Съ ними подошла куча матросовъ. Они разомъ схватили все, что̀ было со мной, чуть не меня самого, и понесли въ назначенную мнѣ каюту. Пока Б. Ш. водворялъ меня въ ней, Б. привелъ молодого, коренастаго, гладко остриженнаго матроса. — «Вотъ этотъ матросъ вамъ назначенъ въ вѣстовые», сказалъ онъ. Это былъ Ѳаддеевъ, съ которымъ я уже давно познакомилъ васъ.—«Честь имѣю явиться», сказалъ онъ, вытянувшись и оборотившись ко мнѣ не лицомъ, а грудью: лицо у него

всегда было обращено нѣсколько стороной къ предмету, на который онъ смотрѣлъ. Русые волосы, бѣлые глаза, бѣлое лицо, тонкія губы—все это напоминало скорѣе Финляндію, нежели Кострому, его родину. Съ этой минуты мы уже съ нимъ не разлучны до сихъ поръ. Я изучилъ его недѣли въ три окончательно, то-есть пока шли до Англіи; онъ меня, я думаю, въ три дня. Смѣтливость и «себѣ на умѣ» были не послѣдними его достоинствами, которыя прикрывались у него наружною неуклюжестью костромитянина и субординаціею матроса. — «Помоги моему человѣку установить вещи въ каютѣ», отдалъ я ему первое приказаніе. И то, что моему слугѣ стало бы на два утра работы, Ѳаддеевъ сдѣлалъ въ три пріема—не спрашивайте какъ. Такой ловкости и цѣпкости, какою обладаетъ матросъ вообще, а Ѳаддеевъ въ особенности, встрѣтишь развѣ въ кошкѣ. Черезъ полчаса все было на своемъ мѣстѣ, между прочимъ и книги, которыя онъ расположилъ на комодѣ въ углу полукружіемъ и перевязалъ, на случай качки, веревками такъ, что нельзя было вынуть ни одной безъ его же чудовищной силы и ловкости, и я до Англіи пользовался книгами изъ чужихъ библіотекъ.

— «Вы, вѣрно, не обѣдали», сказалъ Б.: — «а мы уже кончили свой обѣдъ: не угодно ли закусить?» Онъ привелъ меня въ каютъ-компанію, просторную комнату внизу, на кубрикѣ, безъ оконъ, но съ люкомъ наверху, чрезъ который падаетъ обильный свѣтъ. Кругомъ помѣщались маленькія каюты офицеровъ, а посрединѣ насквозь проходила бизань-мачта, замаскированная круглымъ диваномъ. Въ каютъ-компаніи стоялъ длинный столъ, какіе бываютъ въ классахъ, со скамьями. На немъ офицеры обѣдаютъ и занимаются. Была еще кушетка и больше ничего. Какъ ни массивенъ этотъ столъ, но, при сильной качкѣ, и его бросало изъ стороны въ сторону, и чуть-было однажды не задавило нашего миніатюрнаго, добраго, услужливаго распорядителя

офицерскаго стола, П. А. Т. Въ офицерскихъ каютахъ было только мѣсто для постели, для комода, который въ то же время служилъ и столомъ, и для стула. Но зато все пригнано къ помѣщенію всякой всячины, какъ нельзя лучше. Платье висѣло на перегородкѣ, бѣлье лежало въ ящикахъ, устроенныхъ въ постели, книги стояли на полкахъ.

Офицеровъ никого не было въ каютъ-компаніи: всѣ были наверху, вѣроятно, «на авральной работѣ». Подали холодную закуску. А. А. Б. угощалъ меня.—«Извините, горячаго у насъ ничего нѣтъ», сказалъ онъ: «всѣ огни потушены. Порохъ принимаемъ».—«Порохъ? а много его здѣсь?» освѣдомился я съ большимъ участіемъ.—«Пудовъ пятьсотъ приняли: остается еще принять пудовъ триста».—«А гдѣ онъ у васъ лежитъ?» еще съ большимъ участіемъ спросилъ я.—«Да вотъ здѣсь», сказалъ онъ, указывая на полъ: «подъ вами».—Я немного пріостановился жевать при мысли, что подо мной уже лежитъ 500 пудовъ пороху, и что въ эту минуту вся «авральная работа» сосредоточена на томъ, чтобы подложить еще пудовъ триста.—«Это хорошо, что огни потушены», похвалилъ я за предусмотрительность.—«Помилуйте, что за хорошо: курить нельзя», сказалъ другой, входя въ каюту.—«Вотъ какое различіе бываетъ во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ!» подумалъ я въ ту минуту, а черезъ мѣсяцъ, когда, во время починки фрегата въ Портсмутѣ, сдавали порохъ на сбереженіе въ англійское адмиралтейство, ужасно ропталъ, что огня не даютъ и что покурить нельзя.

Къ вечеру собрались всѣ: камбузъ (печь) запылалъ; подали чай, ужинъ—и задымились сигары. Я перезнакомился со всѣми, и вотъ съ тѣхъ поръ до сей минуты—какъ дома. Я думалъ, судя по прежнимъ слухамъ, что слово «чай» у моряковъ есть только аллегорія, подъ которою надо разумѣть пуншъ, и ожидалъ, что когда офицеры соберутся къ столу, то начнется авральная работа за пуншемъ, загорится живой

разговоръ, а съ нимъ и носы, потомъ кончится дѣло объясненіями въ дружбѣ, даже объятіями, словомъ, исполнится вся программа оргіи. Я уже придумалъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ участія въ ней. Но къ удивленію и удовольствію моему, на длинномъ столѣ стоялъ всего одинъ графинъ хереса, изъ котораго человѣка два выпили по рюмкѣ, другіе и не замѣтили его. Послѣ, когда предложено было вовсе не подавать вина за ужиномъ, всѣ единодушно согласились. Рѣшили, излишекъ въ экономіи отъ вина приложить къ суммѣ, опредѣленной на библіотеку. О ней былъ длинный разговоръ за ужиномъ, а о водкѣ ни полслова!

Не то разсказывалъ мнѣ одинъ старый морякъ о прежнихъ временахъ!—«Бывало, смѣнишься съ вахты иззябшій и перемокшій—да какъ хватишь стакановъ шесть пунша!..» говорилъ онъ. Ѳаддеевъ устроилъ мнѣ койку, и я, несмотря на октябрь, на дождь, на лежавшіе подъ ногами восемьсотъ пудовъ пороха, заснулъ, какъ рѣдко спалъ на берегу, утомленный хлопотами переѣзда, убаюканный свѣжестью воздуха и новыми, не непріятными впечатлѣніями. Утромъ я только что проснулся, какъ увидѣлъ въ каютѣ своего горскаго слугу, который не успѣлъ съ вечера отправиться на берегъ и ночевалъ съ матросами.—«Баринъ!» сказалъ онъ встревоженнымъ и умоляющимъ голосомъ: «не ѣдите. Христа ради, по морю!»—«Куда?»—«А куда ѣдете: на край свѣта».—«Какъ же ѣхать?»—«Матросы сказывали, что сухимъ путемъ можно».—«Отчего жъ не по морю?»—«Ахъ, Господи! какія страсти разсказываютъ. Говорятъ: вонъ съ этого бревна, что наверху поперекъ виситъ...»—«Съ реи», поправилъ я.—«Что жъ случилось?»—«Въ бурю вѣтромъ пятнадцать человѣкъ въ море снесло: насилу вытащили, а одинъ утонулъ. Не ѣдите. Христа ради!» Вслушавшись въ нашъ разговоръ, Ѳаддеевъ замѣтилъ, что качка ничего, а что есть на морѣ такія мѣста, гдѣ «крутитъ», и когда корабль въ этакую «кручу» попадаетъ, такъ сейчасъ вверхъ

килемъ перевернется.—«Какъ же быть-то», спросилъ я: «и гдѣ такія мѣста есть?» — «Гдѣ такія мѣста есть?» повторилъ онъ: «штурмана знаютъ, туда не ходятъ».

Итакъ, мы снялись съ якоря. Море бурно и желто, облака сѣрыя, непроницаемыя; дождь и снѣгъ шли попеременно — вотъ что провожало насъ изъ отечества. Ванты и снасти леденѣли. Матросы въ байковыхъ пальто, жались въ кучу. Фрегатъ, со скрипомъ и стономъ, переваливался съ волны на волну; берегъ, въ виду котораго шли мы, зарылся въ туманахъ. Вахтенный офицеръ, въ кожаномъ пальто и клеенчатой фуражкѣ, зорко глядѣлъ вокругъ, стараясь не выставлять наружу ничего, кромѣ усовъ, которымъ предоставлялась полная свобода мерзнуть и мокнуть. Больше всѣхъ заботы было *дяду*. Я въ предыдущихъ письмахъ познакомилъ васъ съ нимъ и почти со всѣми моими спутниками. Не стану возвращаться къ ихъ характеристикѣ, а буду упоминать о каждомъ кстати, когда придетъ очередь. Дѣду, какъ старшему штурманскому капитану, предстояло наблюдать за курсомъ корабля. Финскій заливъ весь усѣянъ мелями, но онъ превосходно обставленъ маяками, и въ ясную погоду въ немъ такъ же безопасно, какъ на Невскомъ проспектѣ. А теперь, въ туманъ, дѣдъ, какъ ни напрягалъ зрѣніе, не могъ видѣть Нервинскаго маяка. Безпокойству его не было конца. У него только и было разговору, что о маякѣ. — «Какъ же такъ», говорилъ онъ всякому, кому и дѣла не было до маяка, между прочимъ, и мнѣ: — «по расчету ужъ съ полчаса мы должны видѣть его. Онъ тутъ, непремѣнно тутъ, вотъ противъ этой ванты», ворчалъ онъ, указывая коротенькимъ пальцемъ въ туманъ: «да каторжный туманъ мѣшаетъ. Ахъ, ты Господи! поди-ка посмотри ты, не увидишь ли?» говорилъ онъ кому-нибудь изъ матросовъ.— «А это что такое тамъ, какъ будто стрѣлка?..» сказалъ я.— «Гдѣ? гдѣ?» живо спросилъ онъ. — «Да вонъ, кажется...» говорилъ я, указывая въ даль. — «Ахъ, въ самомъ дѣлѣ—

вонъ, вонъ, да, да! Виденъ, виденъ!» торжественно говорилъ онъ и капитану, и старшему офицеру, и вахтенному, и бѣгалъ, то къ картѣ въ каюту, то опять наверхъ.—«Виденъ, вотъ, вотъ онъ, весь виденъ!» твердилъ онъ, радуясь, какъ будто увидѣлъ родного отца. И пошелъ мѣрить и высчитывать узлы.

Мы прошли Готландъ. Тутъ я услышалъ морское повѣрье, что, поравнявшись съ этимъ островомъ, суда бросали, бывало, мѣдную монету духу, охраняющему островъ, чтобы онъ пропустилъ мимо безъ бурь. Готландъ—камень съ крутыми ровными боками, къ которымъ нѣтъ никакого приступа кораблямъ. Не разъ они дѣлались добычей бурнаго духа, и свирѣпое море высоко подбрасывало обломки ихъ, а иногда и трупы, на крутые бока негостепріимнаго острова. Прошли и Борнгольмъ — помните: «милый Борнгольмъ» и таинственную, недосказанную легенду Карамзина? Все было холодно, мрачно. На фрегатѣ открылась холера, и мы, дойдя только до Даніи, похоронили троихъ людей, да одинъ смѣлый матросъ сорвался въ бурную погоду въ море и утонулъ. Таково было наше обрученіе съ моремъ, и предсказаніе моего слуги отчасти сбылось. Подать упавшему помощь, не жертвуя другими людьми, по причинѣ сильнаго волненія, было невозможно.

Но дни шли своимъ чередомъ и жизнь на кораблѣ тоже. Отправляли службу, обѣдали, ужинали — все по свистку, и даже по свистку веселились. Обѣдъ— это тоже своего рода авральная работа. Въ батарейной палубѣ привѣшиваются большія чашки, называемыя «баками», куда накладывается кушанье изъ одного общаго или «братскаго» котла. Даютъ одно блюдо: или съ солониной, съ рыбой, съ говядиной, или кашицу; на ужинъ то же, иногда кашу. Я подошелъ однажды попробовать. — «Хлѣбъ да соль», сказалъ я. Одинъ изъ матросовъ, изъ учтивости, чисто облизалъ свою деревянную ложку и подалъ мнѣ. Щи превкусныя, съ сильною припра-

вой луку. Конечно, нужно имѣть матросскій желудокъ, то-есть нуженъ моціонъ матроса, чтобы переварить эти куски солонины и лукъ, съ вареною капустой — любимое матросами и полезное на морѣ блюдо. Но одно блюдо за обѣдомъ — этого мало, думалось мнѣ: матросы, пожалуй, голодны будутъ.—«А много ли вы ѣдите?» спросилъ я.—«До отвалу, ваше высокоблагородіе», въ пять голосовъ отвѣчали обѣдающіе. Въ самомъ дѣлѣ, то отъ одной, то отъ другой группы опрометью бѣжалъ матросъ, съ пустой чашкой, къ братскому котлу, и возвращался осторожно, неся полную до краевъ чашку.

Веселились по свистку, сказалъ я: да, тамъ, гдѣ собрано въ тѣсную кучу четыреста человѣкъ, и самое веселье подчинено общему порядку. Послѣ обѣда, по окончаніи работъ, особенно въ воскресенье, обыкновенно раздается команда:— «Свистать пѣсенниковъ наверхъ!» И начинается веселье. Особенно я помню, какъ это странно поразило меня въ одно воскресенье. Холодный туманъ покрывалъ небо и море, шелъ мелкій дождь. Въ такую погоду хочется уйти въ себя, сосредоточиться, а матросы пѣли и плясали. Но они странно плясали: усиленныя движенія ясно разногласили съ этою сосредоточенностью. Пляшущіе были молчаливы, выраженія лицъ хранили важность, даже угрюмость, но тѣмъ, кажется, они усерднѣе работали ногами. Зрители вокругъ, съ тою же угрюмою важностью, пристально смотрѣли на нихъ. Пляска имѣла видъ напряженнаго труда. Плясали, кажется, лишь по сознанію, что сегодня праздникъ, слѣдовательно, надо веселиться. Но если бъ отмѣнили удовольствіе, они были бы недовольны.

Плаваніе становилось однообразно и, признаюсь, скучновато: все сѣрое небо, да желтое море, дождь со снѣгомъ, или снѣгъ съ дождемъ—хоть кому надоѣстъ. У меня ужъ заболѣли зубы и високъ. Ревматизмъ напомнилъ о себѣ сильнѣе, нежели когда-нибудь. Я слегъ и нѣсколько дней

пролежалъ, закутанный въ теплыя одѣяла, съ подвязанною щекой.

Только у береговъ Даніи повѣяло на насъ тепломъ, и мы ожили. Холера исчезла со всѣми признаками, ревматизмъ мой унялся, и я сталъ выходить на *улицу*—такъ я прозвалъ палубу. Но бури не покидали насъ; таковъ обычай на Балтійскомъ морѣ осенью. Пройдетъ день, два — тихо, какъ-будто вѣтеръ собирается съ силами, и грянетъ потомъ такъ, что бѣдное судно стонетъ, какъ живое существо. День и ночь на кораблѣ бдительно слѣдятъ за состояніемъ погоды. Барометръ дѣлается общимъ оракуломъ. Матросъ и офицеръ не смѣютъ надѣяться проспать покойно свою смѣну.— «Пошелъ всѣ наверхъ!» раздается и среди ночного безмолвія. Я, лежа у себя въ койкѣ, слышу всякій стукъ, крикъ, всякое движеніе парусовъ, командныя слова, и начинаю понимать смыслъ послѣднихъ. Когда заслышишь приказаніе: «поставить брамсели, лиселя», покойно закутываешься въ одѣяло и засыпаешь беззаботно: значитъ тихо, покойно. Зато какъ навостришь уши, когда велятъ «брать два, три рифа», то-есть уменьшить парусъ. Лучше и не засыпать тогда: все равно, послѣ проснешься поневолѣ.

Заговоривъ о парусахъ, кстати скажу вамъ, какое впечатлѣніе сдѣлала на меня парусная система. Многіе наслаждаются этою системой, видя въ ней доказательство будто бы могущества человѣка надъ бурною стихіей. Я вижу совсѣмъ противное, то-есть доказательство его безсилія одолѣть воду. Посмотрите на постановку и уборку парусовъ вблизи, на сложность механизма, на эту сѣть снастей, канатовъ, веревокъ, концовъ и веревочекъ, изъ которыхъ каждая отправляетъ свое особенное назначеніе и есть необходимое звено въ общей цѣпи; взгляните на число рукъ, приводящихъ ихъ въ движеніе. И между тѣмъ къ какому неполному результату приводятъ всѣ эти хитрости! Нельзя опредѣлить срокъ прибытію парусного судна, нельзя бороться

съ противнымъ вѣтромъ, нельзя сдвинуться назадъ, наткнувшись на мель, нельзя поворотить сразу въ противную сторону, нельзя остановиться въ одно мгновеніе. Въ штиль судно дремлетъ, при противномъ вѣтрѣ лавируетъ, то-есть виляетъ, обманываетъ вѣтеръ и выигрываетъ только треть прямого пути. А вѣдь нѣсколько тысячъ лѣтъ убито на то, чтобъ выдумывать по парусу и по веревкѣ въ столѣтіе. Въ каждой веревкѣ, въ каждомъ крючкѣ, гвоздѣ, дощечкѣ читаешь исторію, какимъ путемъ истязаній пріобрѣло человѣчество право плавать по морю при благопріятномъ вѣтрѣ. Всѣхъ парусовъ до тридцати: на каждое дуновеніе вѣтра приходится по парусу. Оно, пожалуй, красиво смотрѣть со стороны, когда на безконечной глади водъ плыветъ корабль, окрыленный бѣлыми парусами, какъ подобіе лебедя, а когда попадешь въ эту паутину снастей, отъ которыхъ [illegible] нѣтъ, то увидишь въ этомъ не доказательство силы, а скорѣе безнадежность на совершенную побѣду. Паръ [illegible] похоже на старую кокетку, которая нарумянится, [illegible] подцѣнетъ десять юбокъ и затянется въ корсетъ, [illegible] дѣйствовать на любовника, и на минуту [illegible] но только явится молодость и свѣжесть [illegible] пости разлетятся въ прахъ. И паруси [illegible] веревками, завѣсившись парусами, [illegible] [illegible]хая волны; а чуть задуетъ въ [illegible] [illegible] паровъ еще, пожалуй, и жи[illegible] а [illegible] сознаніемъ, что [illegible] что [illegible] [illegible] [illegible]

скрестивъ руки на груди, человѣкъ, съ покойнымъ сознаніемъ, что подъ ногами его сжата сила, равная силѣ моря, заставляющая служить себѣ и бурю, и штиль. Напрасно водили меня показывать, какъ красиво вздуваются паруса съ подвѣтренной стороны, какъ фрегатъ, лежа бокомъ на водѣ, рѣжетъ волны и мчится по двѣнадцати узловъ въ часъ. — «Этакъ и пароходъ не пойдетъ!» говорятъ мнѣ. — «Да зато пароходъ всегда пойдетъ». Горе моряку старинной школы, у котораго весь умъ, вся наука, искусство, а за ними самолюбіе и честолюбіе разсѣлись по снастямъ. Дѣло рѣшено. Паруса остались на долю мелкихъ судовъ и небогатыхъ промышленниковъ; все остальное усвоило паръ. Ни на одной военной верфи не строятъ большихъ парусныхъ судовъ; даже старыя передѣлываются на паровыя. При насъ въ портсмутскомъ адмиралтействѣ розняли уже совсѣмъ готовый корабль пополамъ и вставили паровую машину.

Мы вошли въ Зундъ: здѣсь невидавшему никогда ничего, кромѣ нашихъ ровныхъ степныхъ мѣстностей, въ первый разъ являются въ туманѣ картины горъ, желтыхъ, лиловыхъ, сѣрыхъ, смотря по освѣщенію солнца и разстоянію. Шведскій берегъ весь гористый. Датскій виденъ ясно. Онъ имъ представилъ картину увядшей осенней зелени, нѣсколько деревень. Романтики, глядя на крѣпости обоихъ береговъ, припоминали могилу Гамлета: болѣе положительные люди разсуждали о несправедливости зундскихъ пошлинъ, самые положительные — о необходимости запастись свѣжею провизіей, а всѣ вообще мечтали съѣхать на сутки на берегъ, ступить ногой въ Данію, обѣгать Копенгагенъ, взглянуть на физіономію города, на картину людей, быта, немного расправить ноги послѣ качки, поѣсть свѣжихъ устрицъ. Но ничего этого не случилось. На другой день заревѣлъ штормъ, сообщенія съ берегомъ не было, и мы простояли, помнится, трое сутокъ въ печальномъ бездѣйствіи.

Простоять въ виду берега, не имѣя возможности съѣхать на него, гораздо скучнѣе, нежели пробыть мѣсяцъ въ морѣ, не видя береговъ. Въ этомъ я убѣдился вполнѣ. Обѣдали, пили чай, разговаривали, читали, заучили картину обоихъ береговъ наизусть, и все-таки времени оставалось много. Изрѣдка нарушалось однообразіе неожиданнымъ развлеченіемъ. Вбѣжитъ иногда въ капитанскую каюту вахтенный и тревожно скажетъ: — «Купецъ наваливается, ваше высокоблагородіе!» Книги, обѣдъ — все бросается, бѣгутъ наверхъ; я туда же. Въ самомъ дѣлѣ, купеческое судно, называемое въ морѣ коротко «купецъ», для отличія отъ военнаго, сбитое теченіемъ, или отъ неумѣнья править, такъ и ломитъ, или на носъ, или на корму, того и гляди стукнется, повредитъ какъ-нибудь утлегарь, поломаетъ реи — и не перечтешь, сколько надѣлаетъ вреда себѣ и другимъ. Начинается крикъ, шумъ, угрозы, съ одной стороны по-русски, съ другой—энергическіе отвѣты и оправданія по-голландски или по-англійски, по-нѣмецки. Другъ друга въ суматохѣ не слышатъ, не понимаютъ, а кончится все-таки тѣмъ, что расцѣпятся—и все смолкнетъ: корабль нѣмъ и недвижимъ опять; только часовой задумчиво ходитъ съ ружьемъ взадъ и впередъ.

Завидятъ ли огни ночью — еще больше тревоги. На бдительность купеческихъ судовъ надѣяться нельзя. Тамъ все принесено въ жертву экономіи; отъ этого людей на нихъ мало, рулевой большею частію одинъ: нельзя понадѣяться, что ночью онъ не задремлетъ надъ колесомъ и не прозѣваетъ встрѣчныхъ огней! Столкновеніе двухъ судовъ ведетъ за собой неминуемую гибель одного изъ нихъ, меньшаго непремѣнно, а иногда и обоихъ. Отъ этого всегда поднимается гвалтъ на суднѣ, когда завидятъ идущіе навстрѣчу огни, кричатъ, бьютъ въ барабанъ, жгутъ бенгальскіе огни, и если судно не мѣняетъ своего направленія, палятъ изъ пушекъ. Это особенно пріятно, когда многіе спятъ по

каютамъ и не знаютъ, въ чемъ дѣло, а тутъ вдругъ раздается трескъ, отъ котораго дрогнетъ корабль. Но и къ этому привыкаешь.

Б. Ш. одинъ посланъ былъ по дѣлу на берегъ, а потомъ, вызвавъ лоцмана, мы прошли Зундъ, лишь только стихнулъ штормъ, и пустились въ Каттегатъ и Скагерракъ, которые пробѣжали въ сутки.

Я въ это время читалъ замѣчательную книгу, отъ которой нельзя оторваться, несмотря на то, что читалъ уже не совсѣмъ новое. Это «Исторія кораблекрушеній», въ которой собраны за старое и новое время всѣ случаи извѣстныхъ кораблекрушеній, со всѣми послѣдствіями. В. А. К. читалъ ее и далъ мнѣ прочесть «для успокоенія воображенія», какъ говорилъ онъ. Хорошо успокоеніе: прочесть подъ рядъ сто исторій, одна страшнѣе и плачевнѣе другой, когда пускаешься года на три жить на морѣ! Только и говорится о томъ, какъ корабль стукнулся о камень, повалился на бокъ, какъ рухнули мачты, палубы, какъ гибли сотнями люди — одни раздавленные пушками, другіе утонули... Взглянешь около себя и увидишь мачты, палубы, пушки, слышишь ревъ вѣтра, а невдалекѣ, въ краснорѣчивомъ безмолвіи, стоятъ красивыя скалы: не разъ содрогнешься за участь путешественниковъ!.. Но я убѣдился, что читать и слушать разсказы объ опасныхъ странствіяхъ гораздо страшнѣе, нежели испытывать послѣднія. Говорятъ, и умирающему не такъ страшно умирать, какъ свидѣтелямъ смотрѣть на это.

Потомъ, вникая въ устройство судна, въ исторію всѣхъ этихъ разсказовъ о кораблекрушеніяхъ, видишь, что корабль погибаетъ не легко и не скоро, что онъ до послѣдней доски борется съ моремъ и носитъ въ себѣ пропасть средствъ къ защитѣ и самохраненію, между которыми есть много предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ, что, лишась почти всѣхъ своихъ членовъ и частей, онъ еще тысячи миль носится по волнамъ, въ видѣ остова, и долго хранитъ жизнь человѣка.

Между обреченнымъ гибели судномъ и разсвирѣпѣвшимъ моремъ завязывается упорная битва: съ одной стороны слѣпая сила, съ другой—отчаяніе и зоркая хитрость, указывающая самому крушенію совершаться постепенно, по правиламъ. Есть цѣлая теорія, какъ защищаться отъ гибели. Срѣжетъ ли ураганъ у корабля всѣ три мачты: кажется, какъ бы не погибнуть? Вѣдь это все равно, что отрѣзать вожжи у горячей лошади, а между тѣмъ поставятъ фальшивыя мачты, изъ запаснаго дерева—и идутъ. Оторвется ли руль: надежда спастись придаетъ изумительное проворство, и дѣлается фальшивый руль. Оказывается ли сильная пробоина, ее затягиваютъ на первый случай просто парусомъ—и отверстіе «засасывается» холстомъ и не пропускаетъ воду, а между тѣмъ десятки рукъ изготовляютъ новыя доски, и пробоина заколачивается. Наконецъ судно отказывается отъ битвы, идетъ ко дну: люди бросаются въ шлюпку, и на этой скорлупкѣ достигаютъ ближайшаго берега, иногда за тысячу миль.

Въ Нѣмецкомъ морѣ, когда штормъ утихъ, мы видѣли одно такое безнадежное судно. Мы сначала не знали, что подумать о немъ. Флага не было: оно не подняло его, когда мы требовали этого, поднявъ свой. Подойдя ближе, мы не замѣтили никакого движенія на немъ. Наконецъ поѣхали на шлюпкѣ къ нему — на немъ ни одного человѣка: судно было брошено на гибель. Трюмъ постоянно наполнялся водой, и если бъ мы остались тутъ, то, вѣроятно, къ концу дня увидѣли бы, какъ оно погрузится на дно. Видите ли, сколько времени нужно и безнадежному судну, чтобы потонуть... къ концу дня! А оно уже было лишено своего разума и воли, то есть людей, и слѣдовательно перестало бороться. Оно гибло безотвѣтно. Носовая его часть опустилась: печальная картина, какъ картина всякой агоніи!

Въ этотъ же день, недалеко отъ этого корабля, мы увидѣли еще нѣсколько точекъ вдали и услышали крикъ. Въ

трубу разглядѣли лодки; подвигаясь ближе, различили явственнѣе человѣческіе голоса.—«Рыбаки, должно-быть», сказалъ капитанъ.—«Нѣтъ», возразилъ О. А.: «слышите вопли! Это, вѣроятно, погибающіе просятъ о помощи; нельзя ли поворотить?» —Капитанъ былъ убѣжденъ въ противномъ; но чтобъ не брать грѣха на душу, велѣлъ держать на рыбаковъ. Ему, однакожъ, не очень нравилось терять время попустому: военнымъ судамъ разгуливать по морю некогда.— «Если это», ворчалъ онъ: «рыбаки кричатъ, предлагаютъ рыбу... Приготовить бранспойты!» приказалъ онъ вахтенному (бранспойты — пожарныя трубы). Матросамъ велѣно было набрать воды и держать трубы наготовѣ. Черныя точки между тѣмъ превратились въ лодки. Вотъ видны и люди, которые, стоя въ нихъ, вопятъ такъ, что, я думаю, въ Голландіи слышно. Подходимъ ближе — люди протягиваютъ къ намъ руки, умоляя—купить рыбы. Велѣно держать вплоть къ лодкамъ. — «Бранспойты!» закричалъ вахтенный, и рыбакамъ заданъ былъ обильный душъ, къ несказанному удовольствію нашихъ матросовъ, и рыбаковъ тоже, потому что и они засмѣялись вмѣстѣ съ нами.

Впрочемъ, напрасно капитанъ дорожилъ такъ временемъ. Мы разсчитывали 20-го, 21-го октября придти въ Портсмутъ, а пробыли въ Нѣмецкомъ морѣ столько, что имѣли бы время сворачивать и держать на каждаго рыбака, котораго только завидимъ. Задулъ постоянный противный вѣтеръ и десять дней не пускалъ войти въ Англійскій каналъ. — «Что жъ вы дѣлали десять дней?» спросите вы. Вамъ трудно представить себѣ, какъ можно пробыть десять дней на кораблѣ, когда часъ ѣзды между Петербургомъ и Кронштадтомъ наводитъ скуку. Да, нѣсколько часовъ пробыть на морѣ, а нѣсколько недѣль— ничего, потому что нѣсколько недѣль есть уже капиталъ, который можно употребить въ дѣло, тогда какъ изъ нѣсколькихъ часовъ ничего не сдѣлаешь. Впрочемъ, у насъ были и развлеченія: по-

явились касатки или морскія свиньи. Онѣ презабавно прыгали черезъ волны, показывая черные толстые хребты. По вечерамъ, наклонясь надъ бортомъ, мы любовались сверкающими въ пучинѣ фосфорическими искрами мелкихъ животныхъ.

Плывя Балтійскимъ моремъ, мы обѣдали почти роскошно. Припасы были свѣжіе, поваръ отличный. Но лишь только вдругъ противный вѣтеръ, стали опасаться, что онъ задержитъ насъ долго въ морѣ, и рѣшили беречь свѣжіе припасы. Опасеніе это оправдалось вполнѣ. Оставалось миль триста до Портсмута: можно бы промахнуть это пространство въ одинъ день, а мы носились по морю десять дней и все по одной линіи.—«Гдѣ мы?» спросишь, проснувшись, утромъ, у кого.—«Въ морѣ», говоритъ онъ сердито.—«Я знаю это и безъ васъ», еще сердитѣе отвѣчаете вы, «да въ которомъ мѣстѣ?»—«Вонъ, взгляните, развѣ не видите? всё тамъ же, гдѣ были и вчера, у Галлоперскаго маяка».—«А теперь куда идемъ?»—«Куда и вчера ходили: къ Доггерской банкѣ». Банка эта мелка относительно общей глубины моря, но имѣетъ достаточную глубину для большихъ кораблей. На ней не только безопасно, но даже и ненастье не такъ ощутительно. На ней стараются особенно держаться голландскія рыбачьи суда.—«Ну что, подвигаемся?» спросите потомъ вечеромъ у [illegible] [illegible].—«[illegible] же [illegible]».—«Да подвигаемся ли впередъ?» спрашиваете вы съ нетерпѣніемъ.—«Подвигаемся впередъ къ Галлоперскому маяку», отвѣчаетъ [illegible] [illegible] чай и вино!»

Вслѣдствіе этого къ столу чаще стала появляться солонина, [illegible] отъ морской [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] и наконецъ выросшіе до степени свиней, [illegible] [illegible] [illegible]. Даже [illegible] стали [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] только для питья. [illegible] [illegible]

было морской водой, или не умываться, ad libitum. Скажу вамъ по секрету, что Ѳаддеевъ изловчился какъ-то обманывать бдительность Терентьева, трюмнаго унтеръ-офицера, и изъ-подъ носа у него таскалъ изъ систернъ каждое утро по кувшину воды мнѣ на умыванье. — «Досталъ», говорилъ онъ радостно каждый разъ, вбѣгая съ кувшиномъ въ каюту: «нà, вотъ, ваше высокоблагородіе, мойся скорѣе, чтобъ не застали, да не спросили, гдѣ взялъ, а я пока достану тебѣ полотенце рожу вытереть!» (ей-Богу, не лгу!) Это костромское простодушіе такъ нравилось мнѣ, что я Христомъ Богомъ просилъ другихъ не учить Ѳаддеева, какъ обращаться со мною. Такъ удавалось ему дня три, но однажды онъ воротился съ пустымъ кувшиномъ, ерошилъ рукой затылокъ, чесалъ спину и чему-то хохоталъ, хотя сквозь смѣхъ проглядывала нѣкоторая принужденность. — «Э! лѣшій, чортъ, какую затрещину далъ!» сказалъ онъ наконецъ, гладя то спину, то голову. — «Кто, за что?» — «Терентьевъ, чортъ эдакій! увидалъ, сволочь! Я зачерпнулъ воды-то, ужъ и на трапъ пошелъ, а онъ откуда-то и подвернулся, вырвалъ кувшинъ, вылилъ воду назадъ, да какъ треснетъ по затылку, я на трапъ, а онъ сзади вдогонку лопаремъ по спинѣ съѣздилъ!» И опять засмѣялся. Я ужъ писалъ вамъ, какъ разсвала Ѳаддеева всякая неудача, приключившаяся кому-нибудь, полученный толчокъ, даже имъ самимъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Главный надзоръ за трюмомъ порученъ былъ П. А. Т-ву, [illegible] я упомянулъ выше. Онъ былъ добрый и обяза[illegible] [illegible] придираться къ нему не[illegible] [illegible] не оказалъ. [illegible] его добротой. Онъ [illegible] какъ-ком[illegible] [illegible] былъ вер-

твою своей обязательности, затрудняясь какъ угодить вдругъ многимъ, но большею частью выходилъ изъ затрудненій побѣдителемъ. А иногда его бралъ задоръ: все это подавало постоянный поводъ къ безчисленнымъ сценамъ, которыя развлекали насъ, не только между Галлоперскимъ маякомъ и Доггерской банкой, но и въ тропикахъ, и подъ экваторомъ, на всѣхъ четырехъ океанахъ, и развлекаютъ до сихъ поръ. Напримѣръ, онъ замѣтитъ, что кто-нибудь не ѣстъ супу:—«Отчего вы не ѣдите супу?» спроситъ онъ.—«Такъ, не хочется», отвѣчаютъ ему. — «Нѣтъ, вы скажите откровенно», настаиваетъ онъ, мучимый опасеніемъ, чтобы не обвинили его въ небрежности, или неумѣньи, пуще всего въ неумѣньи исполнять свою обязанность. Онъ былъ до крайности щекотливъ. — «Да, право, я не хочу: такъ что-то...» — «Нѣтъ, вѣрно не хорошъ супъ: не даромъ вы не ѣдите. Скажите пожалуйста!» Наконецъ, тотъ рѣшается сказать что-нибудь.—«Да, что-то сегодня не вкусенъ супъ...» Онъ не успѣлъ еще договорить, какъ кроткій П. А. свирѣпѣетъ. — «А чѣмъ онъ не хорошъ, позвольте спросить?» вдругъ спрашиваетъ онъ въ негодованіи: «самъ покупалъ провизію, старался угодить—и вотъ награда! Чѣмъ не хорошъ супъ?»—«Нѣтъ, я ничего, право...» начинаетъ тотъ.—«Нѣтъ, извольте сказать, чѣмъ онъ не хорошъ, я требую этого», продолжаетъ онъ, окидывая всѣхъ взглядомъ: «двадцать человѣкъ обѣдаютъ, никто ни слова не говоритъ, вы одни только... Господа! я спрашиваю васъ—чѣмъ не хорошъ супъ? Я, кажется, прилагаю всѣ старанія», говоритъ онъ со слезами въ голосѣ и съ паѳосомъ: «общество удостоило меня довѣрія, надѣюсь, никто до сихъ поръ не былъ противъ этого, что я блистательно оправдывалъ это довѣріе; я дорожу оказанною мнѣ довѣренностью...» и такъ продолжаетъ, пока дружно не захохочутъ всѣ, и наконецъ онъ самъ. Иногда на другомъ концѣ заведутъ стороной, вполголоса, разговоръ, что вотъ зелень не свѣжа, да и дорога,

что кто-нибудь будто былъ на берегу и видѣлъ лучше, дешевле.—«Что вы тамъ шепчете, позвольте спросить?» строго спроситъ онъ. — «Вамъ что за дѣло?»—«Можетъ-быть, что-нибудь насчетъ стола, находите, что это не хорошо, дорого, такъ снимите съ меня эту обязанность: я цѣню ваше довѣріе; но если я могъ возбудить подозрѣнія, недостойныя васъ и меня, то я готовъ отказаться...» Онъ даже встанетъ, положитъ салфетку, но общій хохотъ опять усадитъ его на мѣсто.

Избалованный общимъ вниманіемъ и участіемъ, а можетъ-быть и баловень дома, онъ любилъ иногда привередничать. Начнетъ охать, вздыхать, жаловаться на небывалый недугъ, или утомленіе отъ своихъ обязанностей, и требуетъ утѣшеній. — «Витулъ, Витулъ!» томно кличетъ онъ, отходя ко сну, своего вѣстового.—«Я такъ усталъ сегодня: раздѣнь меня, да уложи». Раздѣванье сопровождается вздохами и жалобами, которые слышны всѣмъ изъ-за перегородки. — «Завтра на вахту рано вставать», говоритъ онъ, вздыхая: «подложи еще подушку, повыше, да постой, не уходи, я, можетъ-быть, что-нибудь вздумаю!»

Вотъ къ нему-то я обратился съ просьбою, нельзя ли мнѣ отпускать по кружкѣ прѣсной воды на умыванье, потому-де, что мыло не распускается въ морской водѣ, что я не морякъ, къ морскому образу жизни не привыкъ, и слѣдовательно, на меня, казалось бы, [illegible] распространяться не должна. — «Вы знаете», взялъ онъ меня за руку: «какъ я васъ уважаю и какъ дорожу вашимъ расположеніемъ, да вы не сомнѣваетесь въ этомъ» [illegible]

«Вѣрьте этому», продолжалъ онъ: «но мнѣ больно, совѣстно, я готовъ—ахъ, Боже мой! зачѣмъ это... Вы, можетъ-быть, подумаете, что я не желаю, не хочу... (и онъ пролилъ потокъ синонимовъ). Нѣтъ, не не хочу я, а не могу, не приказано. Повѣрьте, если бъ я имѣлъ малѣйшую возможность, то, конечно, надѣюсь, вы не сомнѣваетесь...» И повторилъ свой монологъ. — «Ну, нечего дѣлать: le devoir avant tout», сказалъ я: «я не думалъ, что это такъ строго». Но ему жаль было отказать совсѣмъ. — «Вы говорите, что Ѳаддеевъ таскалъ воду тихонько», сказалъ онъ. — «Да». — «Такъ я его за это на бакъ отправлю». —«Вамъ мало кажется, что его Терентьевъ попотчивалъ лопаремъ», замѣтилъ я: «вы еще хотите прибавить? Притомъ я сказалъ вамъ это по довѣренности, вы не имѣете права...»—«Правда, правда, нѣтъ, это я такъ... Знаете что», перебилъ онъ: «пусть онъ продолжаетъ потихоньку таскать по кувшину, только, ради Бога, не больше кувшина: если его Терентьевъ и поймаетъ, такъ что жъ ему за важность, что лопаремъ ударитъ или затрещину дастъ: вѣдь это не всякій день...»— «А если Терентьевъ скажетъ вамъ, или вы сами поймаете, тогда...»— «Отправлю на бакъ!» со вздохомъ прибавилъ П. А.

Ужъ я теперь забылъ, продолжалъ ли Ѳаддеевъ дѣлать экспедиціи въ трюмъ для добыванія мнѣ прѣсной воды, забылъ даже, какъ мы провели остальные пять дней странствованія между маякомъ и банкой; помню только, что однажды, засидѣвшись долго въ каютѣ, я вышелъ часовъ въ пять послѣ обѣда на палубу — и вдругъ близехонько увидѣлъ длинный, скалистый берегъ и пустыя зеленыя равнины.

Я взглядомъ спросилъ кого-то: что это? — «Англія», — отвѣчали мнѣ. Я присоединился къ толпѣ, и молча, съ другими, сталъ пристально смотрѣть на скалы. Отъ берега прямо къ намъ шла шлюпка; долго кувыркалась она въ

волнахъ, наконецъ пристала къ борту. На палубѣ показался низенькій, приземистый человѣкъ, въ синей курткѣ, въ синихъ панталонахъ. Это былъ лоцманъ, вызванный для провода фрегата по каналу.

Между двухъ холмовъ лѣпилась куча домовъ, которые то скрывались, то появлялись, изъ-за бахромы набѣгавшихъ на берегъ буруновъ: къ вершинамъ холмовъ прилипло облако тумана.—«Что это такое?» спросилъ я лоцмана.—«Dover», каркнулъ онъ. Я оглянулся налѣво: тамъ рисовался неясно сизый, неровный и крутой берегъ Франціи. Ночью мы бросили якорь на Спидгедскомъ рейдѣ, между острововъ Вайтомъ и крѣпостными стѣнами Портсмута.

Іюль 1854 года.

На шхунѣ Востокъ, въ Татарскомъ проливѣ.

[illegible]

Письмо 1-е.

20 ноября
2 декабря — 1852 года.

Не знаю, получили ли вы мое коротенькое письмо изъ Даніи, гдѣ, впрочемъ, я не былъ, а писалъ его во время стоянки на якорѣ, въ Зундѣ. Тогда я былъ боленъ и всячески разстроенъ: все это должно было отразиться и въ письмѣ. Не знаю, смогу ли и теперь сосредоточить въ одинъ фокусъ все, что со мной и около меня дѣлается, такъ, чтобы это, хотя слабо, отразилось въ вашемъ воображеніи. Я еще самъ не опредѣлилъ смысла многихъ явленій новой своей жизни. Голыхъ фактовъ я сообщать не желалъ бы: ключъ къ нимъ не всегда подберешь, и потому поневолѣ придется освѣщать ихъ свѣтомъ воображенія, иногда, можетъ-быть, фальшивымъ, и идти путемъ догадокъ тамъ, гдѣ темно. Теперь еще у меня пока нѣтъ ни ключа, ни догадокъ, ни даже воображенія: все это подавлено рядомъ опытовъ, болѣе или менѣе трудныхъ, новыхъ, иногда не совсѣмъ занимательныхъ, вѣроятно, потому, что для многихъ изъ нихъ нуженъ запасъ свѣжести взгляда и бо́льшей впечатлительности: въ извѣстныя лѣта жизнь начинаетъ отказывать человѣку во многихъ приманкахъ, на томъ основаніи, на какомъ скупая мать отказываетъ въ деньгахъ выдѣленному сыну. Такъ, напримѣръ, я не постигъ уже поэзіи моря, можетъ-быть, впрочемъ, и оттого, что я еще не видалъ ни «безмолвнаго», ни «лазурнаго» моря, и кромѣ холода, бури и сырости ничего не знаю. Слушая пока мои жалобы и стоны, вы, пожалуй, спросите, зачѣмъ я уѣхалъ? Сначала мнѣ, какъ школьнику, придется сказать «не знаю», а потомъ, подумавъ, скажу: «а зачѣмъ бы я остался?» Да позвольте: уѣхалъ ли я? откуда? изъ Петербурга? Этакъ, пожалуй, можно спросить, зачѣмъ я на-дняхъ уѣхалъ изъ

Лондона, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Москвы, зачѣмъ черезъ двѣ недѣли уѣду изъ Портсмута и т. д.? Развѣ я не вѣчный путешественникъ, какъ и всякій, у кого нѣтъ семьи и постояннаго угла, «домашняго очага», какъ говорили въ старыхъ романахъ? Тотъ не уѣзжаетъ, у кого есть все это. А прочіе вѣкъ свой живутъ на станціяхъ. Поэтому я только и выѣхалъ, а не уѣхалъ. Теперь слѣдуютъ опасности, страхи, заботы, волненія морского плаванія: они могли бы остановить. Какъ будто ихъ нѣтъ, или меньше на берегу? А отъ чего же, откуда эти вѣчныя жалобы на жизнь, эти вздохи? Если нѣтъ крупныхъ бѣдъ, или внѣшнихъ замѣтныхъ волненій, зато сколько невидимыхъ, но острыхъ иглъ вонзается въ человѣка среди сложной и шумной жизни въ толпѣ, при ежедневныхъ стычкахъ «съ ближнимъ!» Щадитъ ли жизнь кого-нибудь и гдѣ-нибудь? Вотъ здѣсь нѣтъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, глубокихъ страстей, живыхъ и разнообразныхъ симпатій и ненавистей. Пружины, двигающія этимъ, ржавѣютъ на морѣ, вмѣстѣ съ желѣзомъ, сталью и многимъ другимъ. Зато тутъ другіе двигатели не даютъ дремать организму: бури, лишенія, опасности, ужасъ, можетъ-быть, отчаяніе, наконецъ слѣдуетъ смерть, которая вездѣ слѣдуетъ; здѣсь только быстрѣе, нежели гдѣ-нибудь. Видите ли: я имѣлъ причины ѣхать, или не имѣлъ причины оставаться—все равно. Теперь нужно только спросить: къ чему же этотъ рядъ новыхъ опытовъ выпалъ на долю человѣка, не имѣющаго запаса свѣжести и большей впечатлительности, который не можетъ, ни съ успѣхомъ воспользоваться ими, ни оцѣнить, который даже просто усталъ выносить ихъ? Вотъ къ этому я не могу прибрать ключа: не знаю, что будетъ дальше: можетъ-быть, онъ найдется самъ собою.

Поэтому я уѣхалъ изъ отечества покойно, безъ сердечнаго трепета и съ совершенно сухими глазами. Не называйте меня неблагодарнымъ, что я, говоря «о петербургской стан-

цін», умолчалъ о дружбѣ, которой одной было бы довольно, чтобы удержать человѣка на мѣстѣ.

Дружба, какъ бы она ни была сильна, едва ли удержитъ кого-нибудь отъ путешествія. Только любовникамъ позволительно плакать и рваться отъ тоски, прощаясь, потому что тамъ другіе двигатели: кровь и нервы; оттого боль и въ разлукѣ. Дружба вьетъ гнѣздо не въ нервахъ, не въ крови, а въ головѣ, въ сознаніи.

Если много явилось и исчезло разныхъ теорій о любви, чувствѣ, кажется, такомъ опредѣленномъ, гдѣ форма, содержаніе и результатъ такъ ясны, то воззрѣній на дружбу было и есть еще больше. Въ спорахъ о любви начинаютъ примиряться; о дружбѣ еще не рѣшили ничего опредѣлительнаго и, кажется, долго не рѣшатъ, такъ что до нѣкоторой степени каждому позволительно составить самому себѣ идею и опредѣленіе этого чувства. Чаще всего называютъ дружбу безкорыстнымъ чувствомъ; но настоящее понятіе о ней до того затерялось въ людскомъ обществѣ, что такое опредѣленіе сдѣлалось общимъ мѣстомъ, подъ которымъ собственно не знаютъ, что̀ надо разумѣть. Многіе постоянно ведутъ какой-то ариѳметическій счетъ—въ родѣ приходо-расходной памятной книжки—своимъ заслугамъ и заслугамъ друга; справляются безпрестанно съ кодексомъ дружбы, который устарѣлъ гораздо больше Птоломеевой географіи и астрономіи, или Аристотелевой риторики; все еще ищутъ, нѣтъ ли чего въ родѣ Пиладова подвига, ссылаясь на любовь, имѣющую въ ежегодныхъ календаряхъ свои статистическія таблицы помѣшательствъ, отравленій и другихъ несчастныхъ случаевъ. Когда захотятъ похвастаться другомъ, какъ хвастаются китайскимъ сервизомъ, или дорогою собольей шубой, то говорятъ: «это *истинный* другъ», даже выставляютъ цифру XV, XX, XXX-лѣтній другъ, и такимъ образомъ жалуютъ другу знакъ отличія и составляютъ ему очень аккуратный формуляръ. Напротивъ того, про «не-

истиннаго» друга говорятъ: «этотъ приходитъ только ѣсть да пить, а мы не знаемъ, каковъ онъ на дѣлѣ». Это у многихъ называется «безкорыстною» дружбой.

Что̀ это проклятіе дружбы? непониманіе или непризнаніе ея правъ и обязанностей? Боже меня сохрани! Я только исключилъ бы слово «обязанности» изъ чувства дружбы, да и слово «дружба»—тоже. Первое звучитъ какъ-то офиціально, а второе пошло. Разберите на досугѣ, отчего смѣшно не въ шутку назвать извѣстныя отношенія мужчины къ женщинѣ *любовью*, а мужчины къ мужчинѣ *дружбой*. Порядочные люди прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ къ перифразамъ. Обветшали эти названія, скажете вы. А чувства не обветшали: отчего же обветшали слова? И что̀ за *дружба* такая, что̀ за *другъ?* Точно чинъ. Плохо, когда другъ проводитъ въ путь, встрѣтитъ или выручитъ изъ бѣды по обязанности, а не по влеченію. Не лучше ли, когда порядочные люди называютъ другъ друга просто Семеномъ Семеновичемъ или Васильемъ Васильевичемъ, не одолживъ другъ друга ни разу, развѣ ненарочно, случайно, не ожидая ничего одинъ отъ другого, живутъ десятки лѣтъ, не неся тяжести узъ, которыя несетъ одолженный передъ одолжившимъ, и наслаждаясь другъ другомъ, если можно, безсознательно, если нельзя, то какъ можно менѣе замѣтно, какъ наслаждаются прекраснымъ небомъ, чудеснымъ климатомъ въ такой странѣ, гдѣ даетъ это природа безъ всякой платы, гдѣ этого нельзя ни дать нарочно, ни отнять? Мудрено ли, что при такихъ понятіяхъ, я уѣхалъ отъ васъ съ сухими глазами, чему не мало способствовало еще и то, что, уѣзжая надолго и далеко, покидаешь кучу надоѣвшихъ до крайности лицъ, занятій, стѣнъ, и ѣдешь, какъ я ѣхалъ, въ новые, чудесные міры, въ существованіе которыхъ плохо вѣрится, хотя штурманъ по пальцамъ разсчитываетъ, когда должны придти въ Индію, когда въ Китай, и увѣряетъ, что онъ былъ вездѣ по три раза.

Декабрь. Лондонъ. Какъ я обрадовался вашимъ письмамъ—и обрадовался безкорыстно! въ нихъ нѣтъ ни одной новости, и не могло быть: въ какіе-нибудь два мѣсяца не могло ничего случиться; даже никто изъ знакомыхъ не успѣлъ выѣхать изъ города, или пріѣхать туда. Пожалуйста, не пишите мнѣ, что началась опера, что на сценѣ появилась новая французская пьеса, что открылось такое-то общественное увеселительное мѣсто: мнѣ хочется забыть физіономію петербургскаго общества. Я уѣхалъ отчасти затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ однообразія, а оно будетъ преслѣдовать меня повсюду. Самъ я только что собрался обѣщать вамъ—не писать объ Англіи, а вы требуете, чтобы я писалъ, сердитесь, что до сихъ поръ не сказалъ о ней ни слова. Странная претензія! Ужели вамъ не наскучило слушать и читать, что пишутъ о Европѣ и изъ Европы, особенно о Франціи и Англіи? Прикажете повторить, что тунель подъ Темзой очень... не знаю, что сказать о немъ: скажу—безполезенъ, что церковь св. Павла изящна и громадна, что Лондонъ многолюденъ, что королева до сихъ поръ спрашиваетъ позволенія лорда-мера проѣхать черезъ Сити и т. д. Не надо этого: не правда ли, вы все это знаете?—Пишите, говорите вы, такъ, какъ будто мы ничего не знаемъ.—Пожалуй; но вѣдь это выйдетъ вотъ что: «Англія страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырымъ мясомъ, запивая его спиртомъ; говорятъ гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полямъ и лѣсамъ, а лѣтомъ собираются въ кучу; они угрюмы, молчаливы, мало сообщительны. По воскресеньямъ ничего не дѣлаютъ, не говорятъ, не смѣются, важничаютъ, по утрамъ сидятъ въ храмахъ, а вечеромъ по своимъ угламъ, одиноко и напиваются порознь; въ будни собираются, говорятъ длинныя рѣчи и напиваются сообща». Это описаніе достойно временъ Кошихинскихъ, скажете вы, и будете правы, какъ и я буду правъ, сказавъ, что объ Англіи и англичанахъ

мнѣ писать нечего, развѣ вскользь, говоря о себѣ, когда придется къ слову.

Черезъ день, по приходѣ въ Портсмутъ, фрегатъ втянули въ гавань и ввели въ докъ, а людей перевели на «Кемпердоунъ»—старый корабль, стоящій въ портѣ праздно и назначенный для временного помѣщенія командъ. Тамъ поселились и мы, то-есть туда перевезли наши пожитки, а сами мы разъѣхались. Я уѣхалъ въ Лондонъ, пожилъ въ немъ, съѣздилъ опять въ Портсмутъ, и вотъ теперь воротился сюда.

Долго не изгладятся изъ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя кладетъ на человѣка новое мѣсто. На эти случаи, кажется, есть особые глаза и уши, зорче и острѣе обыкновенныхъ, или какъ-будто человѣкъ, не только глазами и ушами, но легкими и порами вбираетъ въ себя впечатлѣнія, напитывается ими, какъ воздухомъ. Отъ этого до сихъ поръ памятна мнѣ эта тѣсная кучка красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ домиковъ, стоящихъ будто въ водѣ, когда мы «втягивались» въ портсмутскую гавань. Отъ этого такъ глубоко легла въ памяти картина разрѣзанныхъ нивами полей, точно разлинованныхъ страницъ, когда ѣхалъ я изъ Портсмута въ Лондонъ. Жаль только (на этотъ разъ), что везутъ съ неимовѣрною быстротою: хижины, фермы, города, замки мелькаютъ, какъ писанные. Погода странная—декабрь, а тепло: вчера была гроза; тамъ вдругъ пахнетъ холодомъ, даже послышится запахъ мороза, а на другой день въ пальто нельзя ходить. Дождей вдоволь; но на это никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, скорѣе обращаютъ его, когда проглянетъ солнце. Зелень очень зелена, даже зеленѣе, говорятъ, нежели лѣтомъ: тогда она желтая. Нужды нѣтъ, что декабрь, а въ поляхъ работаютъ, собираютъ овощи—нельзя разсмотрѣть съ дороги — какіе. Туманы бываютъ, если не каждый день, то черезъ день непремѣнно; можно бы, пожалуй, нажить сплинъ; но они не русскіе, а я не англи-

чанинъ: что же мнѣ терпѣть въ чужомъ пиру похмелье? Довольно и того, что я, по милости ихъ, два раза ходилъ смотрѣть Темзу и оба раза видѣлъ только непроницаемый паръ. Я отчаялся уже и видѣть рѣку, но дохнулъ вѣтерокъ, и Темза явилась во всемъ своемъ некрасивомъ нарядѣ, обстроенная кирпичными неопрятными зданіями, задавленная судами. Зато какая жизнь и дѣятельность кипитъ на этой зыбкой улицѣ, управляемая меркуріевымъ жезломъ!

Не забуду также картины нылающаго въ газовомъ пламени необъятнаго города, представляющейся путешественнику, когда онъ подъѣзжаетъ къ нему вечеромъ. Паровозъ вторгается въ этотъ океанъ блеска и мчитъ по крышамъ домовъ, надъ изящными пропастями, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, между расписанныхъ, облитыхъ яркимъ блескомъ огня и красокъ улицъ, движется муравейникъ.

Но вотъ я, наконецъ, озадаченный впечатлѣніями и утомленный трехчасовою неподвижностью въ вагонѣ и получасовою ѣздою въ *кебѣ* по городу, водворенъ въ домѣ, въ квартирѣ.

На другой день, когда я вышелъ на улицу, я былъ въ большомъ недоумѣніи: надо было начать путешествовать въ чужой сторонѣ, а я еще не рѣшилъ, какъ. Меня выручила изъ недоумѣнія процессія похоронъ Веллингтона. Весь Лондонъ преисполненъ одной мысли; не знаю, былъ ли онъ полонъ того чувства, которое выражалось въ газетахъ. No decorum печали былъ соблюденъ до мелочей. Даже всѣ лавки были заперты. Лондонъ заперъ лавки — сомнѣнія нѣтъ: онъ очень печаленъ. Я видѣлъ катафалкъ, блестящую свиту, войска и необозримую, какъ океанъ, толпу народа. До пяти или до шести часовъ я, нехотя, купался въ этой толпѣ, тщетно стараясь добраться до какого-нибудь берега. Потокъ увлекалъ меня изъ улицы въ улицу съ площади на площадь. Никого знакомыхъ со мной не было—не до меня: всѣ заняты похоронами, всѣхъ поглотила процессія. Одни

нашли гдѣ-нибудь окно, другіе пробрались въ самую церковь св. Павла, гдѣ совершалась церемонія. Я былъ одинъ въ этомъ океанѣ и нетерпѣливо ждалъ другого дня, когда Лондонъ выйдетъ изъ ненормальнаго положенія и заживетъ своею обычною жизнью. Многіе обрадовались бы видѣть такой необыкновенный случай: праздничную сторону народа и столицы, но я ждалъ не того; я видѣлъ это у себя; мнѣ улыбался завтрашній, будничный день. Мнѣ хотѣлось путешествовать не офиціально, не пріѣхать и «осматривать», а жить и смотрѣть на все, не насилуя наблюдательности, не задавая себѣ утомительныхъ уроковъ, осматривать ежедневно, съ *видомъ* въ рукахъ, по стольку-то улицъ, музеевъ, зданій, церквей. Отъ такого путешествія остается въ головѣ хаосъ улицъ, памятниковъ, да и то не надолго.

Вообще большая ошибка — стараться собирать впечатлѣнія; соберешь чего не надо, а что надо, то ускользнетъ. Если путешествуешь не для спеціальной цѣли, нужно, чтобы впечатлѣнія нежданно и незванно сами собирались въ душу: а къ кому они такъ не ходятъ, тотъ лучше не путешествуй. Оттого я довольно равнодушно пошелъ вслѣдъ за другими въ британскій музеумъ, по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей и предметовъ знанія. Мы цѣлое утро осматривали ниневійскія древности, этрусскія, египетскія и другія залы, потомъ змѣй, рыбъ, насѣкомыхъ, почти все то, что есть и въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Мадридѣ. А между тѣмъ времени лишь было столько, чтобы взглянуть на Англію и на англичанъ. Оттого меня тянуло все на улицу: хотѣлось побродить, не между муміями, а среди живыхъ людей.

Я съ неиспытаннымъ наслажденіемъ вглядывался во все, заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ дома, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и въ каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на пере-

крестьѣ и смотрѣть, какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, потомъ освѣдомятся взаимно о здоровьѣ и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; смотрѣть ихъ походку или какую-то иноходь, и эту важность до комизма на лицѣ, выраженіе глубокаго уваженія къ самому себѣ, нѣкотораго презрѣнія, или, по крайней мѣрѣ, холодности къ другому, но благоговѣнія къ толпѣ, то-есть къ обществу. Съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только полисменъ съ тротуара подниметъ руку.

Въ тавернахъ, въ театрахъ, — вездѣ пристально смотрю, какъ и что дѣлаютъ, какъ веселятся, ѣдятъ, пьютъ; слѣжу за мимикой, ловлю эти неуловимые звуки языка, которымъ, волей-неволей, долженъ объясняться съ грѣхомъ пополамъ, благословляя судьбу, что когда-то учился ему: иначе, хоть не заглядывай въ Англію. Здѣсь, какъ о рѣдкости, возвѣщаютъ крупными буквами на окнахъ магазиновъ: «ісі on parle français». Да, путешествовать съ наслажденіемъ и съ пользой значитъ пожить въ странѣ и хоть немного слить свою жизнь съ жизнью народа, который хочешь узнать: тутъ непремѣнно проведешь параллель, которая и есть искомый результатъ путешествія. Это вглядыванье, вдумыванье въ чужую жизнь, въ жизнь ли цѣлаго народа или одного человѣка, отдѣльно, даетъ наблюдателю такой общечеловѣческій и частный урокъ, какого ни въ книгахъ, ни въ какихъ школахъ не отыщешь. Недаромъ еще у древнихъ необходимымъ условіемъ усовершенствованнаго воспитанія считалось путешествіе. У насъ оно сдѣлалось роскошью и забавою. Пожалуй, безъ приготовленія, да еще безъ воображенія и безъ [illegible]тельности, безъ идеи, путешествіе [illegible]

только забава. Но счастливъ кто можетъ и забавляться такою благородною забавой, въ которой нехотя чему-нибудь да научишься! Вотъ Regentstreet, Oxfordstreet, Trafalgar-place — не живыя ли это черты чужой физіономіи, на которой движется современная жизнь, и не звучитъ ли въ именахъ память прошедшаго, повѣствуя на каждомъ шагу, какъ слагалась эта жизнь? Что въ этой жизни схожаго и что несхожаго съ нашей?.. Воля ваша, какъ кто ни расположенъ только забавляться, а бродя въ чужомъ городѣ и народѣ, не сможетъ отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ и закрыть глаза на то, чего не видать у себя.

Бродя среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь, я, между прочимъ, наткнулся на великолѣпное прошедшее: на Вестминстерское аббатство, и былъ счастливѣе въ это утро. Такіе народные памятники — тѣ же страницы исторіи, но тѣсно связанныя съ текущею жизнью. Ихъ конечно надо учить наизусть, да они сами такъ властительно ложатся въ память. Впрочемъ, глядя на это аббатство, я даже забылъ исторію, — оно произвело на меня впечатлѣніе, чисто эстетическое. Меня поразилъ готическій стиль въ этихъ колоссальныхъ размѣрахъ, я же былъ во время службы съ пѣвчими, при звукахъ великолѣпнаго органа. Фантастическое освѣщеніе цвѣтныхъ стеколъ въ стрѣльчатыхъ окнахъ, полумракъ по угламъ, бѣлыя статуи великихъ людей въ нишахъ и безмолвная почти недышащая толпа молящихся—все это образуетъ одно общее, грандіозное впечатлѣніе, отъ котораго долго слышится какая-то музыка въ нервахъ.

Благодаря настойчивымъ указаніямъ живыхъ и печатныхъ гидовъ, я въ первые пять-шесть дней успѣлъ осмотрѣть большую часть офиціальныхъ зданій, музеевъ и палатинковъ и, между прочимъ, національную картинную галерею, которая величиною будетъ съ прихожую нашего эрмитажа. Тамъ есть три картины, изъ которыхъ запомнишь развѣ «Снятіе со креста» Рембранта, да два-три пейзажа

Клода. Осмотрѣвъ тщательно дворцы, парки, скверы, биржу, заплативъ эту дань офиціальному любопытству, я уже все остальное время жилъ по-своему. Лондонъ по преимуществу городъ поучительный, то-есть, нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого множества средствъ пріобрѣсть дешево и незамѣтно всякихъ знаній. Безконечное утро, съ девяти часовъ до шести, промелькнетъ — не видишь какъ. На каждомъ шагу манятъ отворенныя двери зданій, гдѣ увидишь что-нибудь любопытное: машину, рѣдкость, услышишь лекцію естественной исторіи. Есть учрежденіе, гдѣ показываютъ результаты всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: дѣйствіе паровъ, образчикъ воздухоплаванія, движенія разныхъ машинъ. Есть особое временное зданіе, въ которомъ помѣщенъ громадный глобусъ. Части свѣта представлены рельефно, не снаружи шара, а внутри. Зрители ходятъ по лѣстницѣ и останавливаются на трехъ площадкахъ, чтобы осмотрѣть всю землю. Ихъ сопровождаетъ профессоръ, который читаетъ бѣглую лекцію географіи, естественной исторіи и политическаго раздѣленія земель. Мало того: тутъ же, въ залѣ, есть замѣчательный географическій музей, преимущественно Англіи и ея колоній. Тутъ цѣлыя страны изъ гипса, съ выпуклыми изображеніями горъ, морей, и потомъ всѣ пособія къ изученію всеобщей географіи: карты, книги, начиная съ младенческихъ временъ географіи, съ аравитянъ, римлянъ, грековъ, карты отъ Марка Паоло до нашихъ временъ. Есть библіографическія рѣдкости.

Самый британскій музеумъ—о которомъ я такъ неблагосклонно отозвался за то, что онъ поглотилъ меня на цѣлое утро въ своихъ громадныхъ сумрачныхъ залахъ, когда мнѣ хотѣлось на свѣтъ Божій, смотрѣть все живое — онъ развѣ не есть огромная сокровищница, въ которой, не только ученый, художникъ, даже просто фланёръ, зѣвака, почерпаетъ какое-нибудь знаніе, уйдетъ съ идеей обогатить память свою не однимъ фактомъ? И сколько такихъ заведеній по всѣмъ

частямъ, и почти даромъ! Между прочимъ, я посвятилъ съ особеннымъ удовольствіемъ цѣлое утро обозрѣнію зоологическаго сада. Здѣсь уже я видѣлъ не муміи и не чучела животныхъ, какъ въ музеумѣ, а живую тварь, собранную со всего міра. Здѣсь до значительной степени можно наблюдать нѣкоторыя стороны жизни животныхъ почти въ естественномъ состояніи. Это постоянная лекція, наглядная, осязательная, въ лицахъ, со всѣми подробностями, и отличная прогулка въ то же время. Сверхъ того, всякому посѣтителю въ этой прогулкѣ предоставлено полное право наслаждаться сознаніемъ, что онъ «царь творенія» — и все это за шиллингъ.

[illegible]

Къ этому еще прибавьте, что всякую покупку, которую нельзя положить въ карманъ, вамъ принесутъ на домъ, и почти всегда прежде, нежели вы сами воротитесь. Но при этомъ не забудьте взять отъ купца счетъ съ распиской въ полученіи денегъ—такъ мнѣ совѣтовали дѣлать; да и купцы, не дожидаясь требованія, сами торопятся дать счетъ. Случается иногда, безъ этой предосторожности, заплатить вторично. Я бы, вдобавокъ къ этому, посовѣтовалъ еще узнать до покупки цѣну вещи въ двухъ-трехъ магазинахъ, потому что нигдѣ нѣтъ такого произвола, какой царствуетъ здѣсь въ назначеніи цѣны вещамъ. Купецъ назначаетъ, кажется, цѣну, смотря по физіономіи покупателя. Въ одномъ магазинѣ женщина спросила съ меня за какую-то бездѣлку два шиллинга, а мужъ пришелъ и потребовалъ пять. Узнавъ, что вещь продана за два шиллинга, онъ исподтишка шипѣлъ на жену все время, пока я былъ въ магазинѣ. Въ одномъ магазинѣ за пальто спросятъ четыре фунта, а рядомъ, изъ той же матеріи—семь.

Лондонъ—поучительный и занимательный городъ, повторю я, но занимательный только утромъ. Вечеромъ онъ для иностранца—тюрьма, особенно въ такой сезонъ, когда нѣтъ спектаклей и другихъ публичныхъ увеселеній, то-есть осенью и зимой. Пожалуй, кому охота, изучай по вечерамъ внутреннюю сторону народа—нравы; но для этого надо слиться и съ домашнею жизнью англичанъ, а это не легко. Съ шести часовъ Лондонъ начинаетъ обѣдать и обѣдаетъ до 10, до 11, до 12 часовъ, смотря по состоянію и образу жизни, потомъ спитъ. Словомъ «обѣдаетъ» я хотѣлъ только обозначить, чѣмъ наполняется извѣстный часъ сутокъ. А собственно англичане не обѣдаютъ, они ѣдятъ. Кромѣ торжественныхъ обѣдовъ во дворцѣ, или у лорда-мера и другихъ, на сто, двѣсти и болѣе человѣкъ, то-есть на весь міръ, въ обыкновенные дни подаютъ на столъ двѣ-три перемѣны, куда входитъ почти все, что ѣдятъ люди повсюду.

пажи въ Лондонѣ, можетъ-быть — все отъ этого. Примѣръ не для однихъ трактирщиковъ!

Итакъ, изъ храма въ храмъ, изъ музея въ музей,—время проходило непримѣтно. И вездѣ, во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, волнуется толпа зрителей; подумаешь, что англичанамъ нечего больше дѣлать, какъ ходить и смотрѣть достопримѣчательности. Они въ этомъ отношеніи и у себя дома похожи на иностранцевъ, а иностранцы смотрятъ хозяевами. Такой пристальной внимательности, почти до страданія, нигдѣ не встрѣтишь. Въ другихъ мѣстахъ достало бы не меньше средствъ завести все это, да вездѣ ли придутъ зрители и слушатели толпами поддержать мысль учредителя? Но если много зрителей умныхъ и любознательныхъ, то и нѣтъ нигдѣ столько простыхъ зѣвакъ, какъ въ Англіи. О какой глупости не объявите, какую цѣну ни запросите, посѣтители явятся и, по обыкновенію, толпой. Мнѣ казалось, что любопытство у нихъ не рождается отъ досуга, какъ, напримѣръ, у насъ; оно не есть тоже живая черта характера, какъ у французовъ, не выражаетъ жажды знанія, а просто — холодное сознаніе, что то или другое полезно, а потому и должно быть осмотрѣно. Не видать, чтобы они наслаждались тѣмъ, что пришли смотрѣть; они осматриваютъ, какъ будто принимаютъ движимое имущество по описи: взглянутъ, тамъ ли повѣшено, такой ли величины, какъ напечатано, или сказано имъ, и идутъ дальше.

Я имѣлъ терпѣніе осмотрѣть волей-неволей и всѣ фокусы, напримѣръ: высиживаніе цыплятъ парами, неотпираемые американскіе замки и т. п. Глядя, какъ англичане возятся съ своимъ умершимъ дюкомъ, вотъ ужъ третью недѣлю, кажется, что они высидѣли и эту рѣдкость. Онъ ужъ похороненъ, а они до сихъ поръ ходятъ осматривать — что вы думаете? мостки, построенные въ церкви св. Павла по случаю похоронъ! Отъ этого я до сихъ поръ еще не могъ заглянуть внутрь церкви: я не англичанинъ и не хочу смо-

трѣть мостковъ. До сихъ поръ нельзя сдѣлать шагу, чтобъ не наткнуться на дюка, то-есть на портретъ его, на бюстъ, на гравюру погребальной колесницы. Вчера появилась панорама Ватерлоо: я думаю, снимутъ панораму и съ мостковъ.—«Не на похороны ли дюка пріѣхали вы?» спросилъ меня одинъ купецъ въ лавкѣ, узнавъ во мнѣ иностранца.— «Yes, o yes!» сказалъ я. Я въ памяти своей никакъ не могъ сжать въ одинъ узелъ всѣхъ заслугъ покойнаго дюка, оттого (къ стыду моему) былъ холоденъ къ его кончинѣ, даже еще (прости мнѣ Господи!) подосадовалъ на него, что онъ помѣшалъ мнѣ торжественнымъ шествіемъ по улицамъ, а пуще всего мостками, осмотрѣть, что̀ хотѣлось. Не подумайте, чтобы я порицалъ уваженіе къ безчисленнымъ заслугамъ британскаго Агамемнона — о нѣтъ! я самъ купилъ у мальчишки медальонъ героя изъ какой-то композиціи. Думая дать форпенсъ, я ошибкой вынулъ изъ кошелька оставшійся тамъ гривенникъ или пятиалтынный. Мальчишка догналъ меня и, тыча монетой мнѣ въ спину, какъ зарѣзанный, кричалъ: «no use, no use!» (не ходитъ).

Глядя на всѣ фокусы и мелочи англійской изобрѣтательности, О. А., жившій въ Китаѣ, сравнилъ англичанъ съ китайцами по мелочной, микроскопической дѣятельности, по стремленію къ торгашеству и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. Американскій замо̀къ, о которомъ я упомянулъ— это такой замо̀къ, который такъ запирается, что и самъ хозяинъ подчасъ не отопретъ. Прежде былъ принятъ въ здѣшнихъ государственныхъ кассахъ, между прочимъ, въ банкѣ, какой-то, тоже неотпираемый замо̀къ: по крайней мѣрѣ онъ долго слылъ такимъ. Но явился американецъ, вызвался отпереть его — и, дѣйствительно, отперъ. Потомъ онъ предложилъ изобрѣтенный имъ замо̀къ и назначилъ премію, если отопрутъ. Замо̀къ былъ отданъ экспертамъ, тремъ самымъ ловкимъ мошенникамъ, приглашеннымъ для этого изъ портсмутской тюрьмы. Знаменитые отпиратели

всякихъ дверей и сундуковъ, снабженные всѣми нужными инструментами, пробились трое сутокъ, ничего не сдѣлали и объявили замокъ—неотпираемымъ. Вслѣдствіе этого онъ принятъ теперь въ казенныхъ мѣстахъ, вмѣсто прежняго. Весь секретъ, сколько я могъ понять изъ объясненій содержателя магазина, гдѣ продаются эти замки, заключается въ бородкѣ ключа, въ которую каждый разъ, когда надо запереть ящикъ или дверь, можетъ быть вставляемо произвольное число пластинокъ. Нельзя отпереть замка иначе, какъ зная, сколько именно вставлено пластинокъ и какимъ образомъ онѣ расположены; а пластинокъ много. Есть замки и для колоссальныхъ дверей, и для маленькихъ шкатулокъ, цѣной 10 ф. стерлинговъ до 10 шиллинговъ. Хитро, не правда ли?

Между тѣмъ, общее впечатлѣніе, какое производитъ наружный видъ Лондона, съ циркуляціею народонаселенія, странно: тамъ до двухъ милліоновъ жителей, центръ всемірной торговли, а чего бы вы думали не замѣтно?—жизни, то-есть ея бурнаго броженія. Торговля видна, а жизни нѣтъ, или вы должны заключить, что здѣсь торговля есть жизнь: какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ. Послѣдняя не бросается здѣсь въ глаза. Только по итогамъ сдѣлаешь выводъ, что Лондонъ первая столица въ мірѣ, когда сочтешь, сколько громадныхъ капиталовъ обращается въ день, или годъ, какой страшный совершается приливъ и отливъ иностранцевъ въ этомъ океанѣ народонаселенія, какъ здѣсь сходятся покрывающія всю Англію желѣзныя дороги, какъ по улицамъ изъ конца въ конецъ города снуютъ десятки тысячъ экипажей. Ахнешь отъ изумленія, но не замѣтишь всего этого глазами. Такая господствуетъ относительная тишина, такъ всѣ физіологическія отправленія общественной массы совершаются стройно, чинно. Кромѣ неизбѣжнаго шума отъ лошадей и колесъ, другого почти не услышишь. Городъ, какъ живое существо, кажется, сдерживаетъ свое дыханіе и біеніе пульса.

Нѣтъ ни [illegible] крика, ни лишняго движенія, а ужъ о [illegible] о [illegible] о шалости и между [illegible] мало слышно. [illegible] разсчитано, взвѣшено и [illegible], какъ будто [illegible] мужики берутъ [illegible] въ пашню, какъ съ [illegible] Иногда мчатся во всю прыть, [illegible] никогда не зазѣвается. [illegible] въ народѣ не [illegible] ни ссоръ, ни драки [illegible] между [illegible] каждый [illegible] Всѣ спѣшатъ, бѣгутъ: [illegible] нѣтъ.

[illegible] — [illegible] должно-быть [illegible] въ [illegible] отдаленнымъ [illegible] Большая часть [illegible] съ вѣтромъ и [illegible] остальные [illegible] всѣ [illegible] прилажены и [illegible] Я [illegible] бы: [illegible] каждый — *Бретонъ*. Я [illegible] этого [illegible] меня, [illegible] Въ Н. А. [illegible] невозможны: [illegible] по- [illegible] такъ-называемаго [illegible] не видать, по- [illegible] — и [illegible] въ [illegible] ся му- [illegible] и важн[illegible]

[illegible] при- [illegible] — прости- [illegible] народу [illegible] такъ [illegible] въ

этомъ дѣйствительно настоитъ надобность, но не суетливы, и особенно не нахальны, какъ французы. Они отвѣтятъ на дѣльный вопросъ, сообщатъ вамъ свѣдѣніе, въ которомъ нуждаетесь, укажутъ дорогу и т. п., но не будутъ довольны, если вы къ нимъ обратитесь просто такъ, поговорить. Они принимаютъ въ соображеніе, что если однимъ скучно сидѣть молча, то другіе, напротивъ, любятъ это. Я не видалъ, чтобы въ вагонѣ, на пароходѣ, одинъ взялъ, даже попросилъ у другого праздно лежащую около газету, дотронулся бы до чужого зонтика, трости. Всѣ эти фамильярности съ незнакомыми нетерпимы. Зато никто не запоетъ, не засвиститъ около васъ, не положитъ ногу на вашу скамью, или стулъ. Есть тутъ своя хорошая и дурная сторона, но, кажется, больше хорошей. Французы и здѣсь выказываютъ непріятныя черты своего характера: они нахальны и грубоваты. Слуга-французъ протянетъ руку за шиллингомъ, едва скажетъ mercі, и тутъ же не подниметъ уроненнаго платка, не подастъ пальто. Англичанинъ все это сдѣлаетъ.

Время между тѣмъ близится къ отъѣзду. На фрегатѣ работы приходятъ къ окончанію: того и гляди назначатъ день. А какъ еще хочется посмотрѣть и погулять въ этой разумной толпѣ, чтобъ потомъ перейти къ невоздѣланной природѣ и къ такимъ же невоздѣланнымъ ея дѣтямъ! Про природу Англіи я ничего не говорю: какая тамъ природа! ея нѣтъ, она воздѣлана до того, что все растетъ и живетъ по программѣ. Люди овладѣли ею и сглаживаютъ ея вольные слѣды. Поля здѣсь расписные паркеты. Съ деревьями, съ травой сдѣлано то же, что съ лошадьми и съ быками. Травѣ дается видъ, цвѣтъ и мягкость бархата. Въ полѣ не найдешь празднаго клочка земли; въ паркѣ нѣтъ самороднаго куста. И животныя испытываютъ ту же участь. Все породисто здѣсь: овцы, лошади, быки, собаки, какъ мужчины и женщины. Все крупно, красиво, бодро: въ животныхъ стремленіе къ исполненію своего назначенія простерто, кажется,

до разумнаго сознанія, а въ людяхъ, напротивъ, низведено до степени животнаго инстинкта. Животнымъ такъ внушаютъ правила поведенія, что быкъ какъ будто бы понимаетъ, зачѣмъ онъ жуетъ, а человѣкъ, напротивъ, старается забывать, зачѣмъ онъ круглый Божій день и годъ, и всю жизнь только и дѣлаетъ, что подкладываетъ въ [illegible] и закрываетъ [illegible]

цѣли. Кажется, честность, справедливость, состраданіе добываются какъ каменный уголь, такъ что въ статистическихъ таблицахъ можно, рядомъ съ итогомъ стальныхъ вещей, бумажныхъ тканей. показывать, что вотъ такимъ-то закономъ, для той провинціи или колоніи, добыто столько-то правосудія, или для такого дѣла подбавлено въ общественную массу матеріала для выработки тишины, смягченія нравовъ и т. п. Эти добродѣтели приложены тамъ, гдѣ ихъ нужно, и вертятся, какъ колеса, оттого онѣ лишены теплоты и прелести. На лицахъ, на движеніяхъ, поступкахъ рѣзко написано практическое сознаніе о добрѣ и злѣ, какъ неизбѣжная обязанность, а не какъ жизнь, наслажденіе, прелесть. Добродѣтель лишена своихъ лучей; она принадлежитъ обществу, націи, а не человѣку, не сердцу. Оттого, правда, вся машина общественной дѣятельности движется непогрѣшительно, на это употреблено тьма чести, правосудія; вездѣ строгость права, законъ, вездѣ ограда имъ. Общество благоденствуетъ: независимость и собственность его неприкосновенны. Но зато есть щели, куда не всегда протѣснится сила закона, гдѣ безсильно и общественное мнѣніе, гдѣ люди находятъ способъ обойтись безъ этихъ важныхъ посредниковъ и вѣдаются сами собой: вотъ тамъ-то машина общаго движенія оказывается неприложимою къ мелкимъ, индивидуальнымъ размѣрамъ и колеса ея вертятся на воздухѣ. Вся англійская торговля прочна, кредитъ непоколебимъ, а между тѣмъ покупателю въ каждой лавкѣ надо брать расписку въ полученіи денегъ. Законы противъ воровъ многи и строги, а Лондонъ считается, между прочимъ, образцовою школою мошенничества, и воровъ числится тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ; даже ими, какъ товарами, снабжается континентъ, и искусство запирать замки споритъ съ искусствомъ отпирать ихъ. Прибавьте, что нигдѣ нѣтъ такого количества контрабандистовъ. Вездѣ рогатки, машинки для провѣрки совѣстей, какъ сказано выше: вотъ какіе двига-

тели поддерживаютъ добродѣтель въ обществѣ, а кассы въ банкахъ и купеческихъ конторахъ дѣлаются частенько добычей воровъ. Филантропія возведена въ степень общественной обязанности, а отъ бѣдности гибнутъ, не только отдѣльныя лица, семейства, но цѣлыя страны подъ англійскимъ управленіемъ. Между тѣмъ этотъ нравственный народъ по воскресеньямъ ѣстъ черствый хлѣбъ, не позволяетъ вамъ въ вашей комнатѣ заиграть на фортепіано, или засвистать на улицѣ. Призадумаешься надъ репутаціей умнаго, дѣловаго, религіознаго, нравственнаго и свободнаго народа!

Но, можетъ-быть, это все равно для блага цѣлаго человѣчества: любить добро за его безусловное изящество и быть честнымъ, добрымъ и справедливымъ — даромъ, безъ всякой цѣли, и не умѣть нигдѣ и никогда не быть такимъ, или быть добродѣтельнымъ по машинѣ, по таблицамъ, по востребованію? Казалось бы, все равно, но отчего же это дурно? Не все ли равно, что статую изваялъ Фидій, Канова или машина? можно бы спросить...

Вы можете упрекнуть меня, что, говоря обо всемъ, что я видѣлъ въ Англіи, отъ дюка Веллингтона до высиживаемыхъ паромъ цыплятъ, я ничего не сказалъ о женщинахъ. [illegible] И гдѣ было [illegible] съ семейными [illegible] въ мага- [illegible]

[illegible]

машинистовъ, учителей и гувернантокъ, особенно гувернантокъ: это оборыши; красивой женщинѣ не зачѣмъ бѣжать изъ Англіи: красота—капиталъ. Ей очень практически сдѣлаютъ вѣрную оцѣнку и найдутъ надлежащее приспособленіе. Женщина же уродъ не имѣетъ никакой цѣны, если только за ней нѣтъ какого-нибудь особеннаго таланта, который нуженъ и въ Англіи. Одно преподаваніе языка, или хожденіе за ребенкомъ, тамъ не важность: остается уѣхать въ Россію. Англичанки большею частью высоки ростомъ, стройны, но немного горды и спокойны,— по словамъ многихъ, даже холодны. Цвѣтъ глазъ и волосъ до безконечности разнообразенъ: есть совершенныя брюнетки, то-есть съ черными, какъ смоль, волосами и глазами, и въ то же время съ необыкновенною бѣлизной и яркимъ румянцемъ; потомъ слѣдуютъ каштановые волосы, и все-таки бѣлое лицо, и, наконецъ, тѣ нѣжныя лица — фарфоровой бѣлизны, съ тонкою прозрачною кожею, съ легкимъ розовымъ румянцемъ, окаймленныя льняными кудрями, нѣжныя и хрупкія созданія съ лебединою шеей, съ неуловимою граціей въ позѣ и движеніяхъ, съ горделивою стыдливостью въ прозрачныхъ и чистыхъ, какъ стекло, и лучистыхъ глазахъ. Надо сказать, что и мужчины достойны этихъ леди по красотѣ: я уже сказалъ, что все, начиная съ человѣка, породисто и красиво въ Англіи. Мужчины подходятъ почти подъ тѣ же разряды, по цвѣту волосъ и лица, какъ женщины. Они отличаются тѣмъ же ростомъ, наружнымъ спокойствіемъ, гордостью, важностью въ осанкѣ, твердостью въ поступи.

Кажется, женщины въ Англіи — единственный предметъ, который пощадило практическое направленіе. Онѣ властвуютъ здѣсь; и если и бываютъ предметомъ спекуляцій, какъ напримѣръ, мистрисъ Домби, то не болѣе, какъ въ другихъ мѣстахъ. Передъ ними курится постоянный ѳиміамъ на домашнемъ алтарѣ, у котораго англичанинъ, избѣгавъ утромъ городъ, передѣлавъ всѣ дѣла, складываетъ, съ мекинтошемъ

и зонтикомъ, и свою практичность. Тамъ гаснетъ огонь машины и зажигается другой, огонь очага или камина; тамъ англичанинъ перестаетъ быть администраторомъ, купцомъ, дипломатомъ, и дѣлается человѣкомъ, другомъ, любовникомъ, нѣжнымъ, откровеннымъ, довѣрчивымъ, и какъ ревниво охраняетъ онъ свой алтарь! Этого я не видалъ: я не проникалъ въ семейства, и знаю только по наслышкѣ и по весьма немногимъ признакамъ, между прочимъ потому, что англичанинъ, когда хочетъ познакомиться съ вами покороче, оказать особенное вниманіе, зоветъ васъ къ себѣ, въ свое святилище, обѣдать: больше ужъ онъ сдѣлать не въ состояніи.

Гоголь отчасти испортилъ мнѣ впечатлѣніе, которое производятъ англичанки: послѣ всякой хорошенькой англичанки мнѣ мерещится капитанъ Копѣйкинъ. Въ театрахъ видѣлъ я благородныхъ леди: хороши, но черезчуръ чопорно одѣты для маленькаго, дрянного театра, въ которомъ показывали діораму восхожденія на Монбланъ: всѣ — декольте, въ бѣлыхъ мантильяхъ, съ цвѣтами на головѣ, отчего немного походятъ на нашихъ цыганокъ, когда послѣднія являются на балюстраду пѣть. Живя путешественникомъ въ отеляхъ, я мало имѣлъ случаевъ вблизи наблюдать женщинъ, кромѣ хозяекъ въ трактирахъ, торгующихъ въ магазинахъ и т. п. Вотъ двѣ служанки суетятся и бѣгаютъ около меня, какъ двѣ почтовыя лошади, и убійственно, какъ сороки, на каждое мое слово твердятъ: «yes, sir, no, sir». Онѣ въ ссорѣ за какіе-то пять шиллинговъ и такъ поглощены ею, что о чемъ ни спросишь, онѣ сейчасъ переходятъ къ жалобамъ одна на другую. Еще оставалось бы сказать что-нибудь о тѣхъ леди и миссъ, которыя, поравнявшись съ вами на улицѣ, дарятъ улыбкой, или выразительнымъ взглядомъ, да о портсмутскихъ дамахъ, продающихъ всякую всячину; но и тѣ и другія такія же, какъ у насъ. О послѣднихъ можно развѣ сказать, что онѣ отличаются такою рельеф-

ностью бюстовъ, что путешественника поражаетъ это излишество въ нихъ столько же, сколько недостатокъ, въ этомъ отношеніи, у молодыхъ дѣвушекъ. Не знаю, поражаетъ ли это самихъ англичанъ.

Говорятъ, англичанки еще отличаются величиной своихъ ногъ: не знаю, правда ли? Мнѣ кажется, тутъ есть отчасти и предубѣжденіе, и именно оттого, что никакія другія женщины не выставляютъ такъ своихъ ногъ напоказъ, какъ англичанки: переходя черезъ улицу, въ грязь, онѣ такъ высоко поднимаютъ юбки, что... даютъ полную возможность разсматривать ноги.

31 декабря 1852 г. Вамъ, я думаю, наскучило получать отъ меня письма все изъ одного мѣста. Что дѣлать! Видно мнѣ на роду написано быть самому лѣнивымъ и заражать лѣнью все, что приходитъ въ соприкосновеніе со мною. Лѣнь разлита, кажется, въ атмосферѣ, и событія пріостанавливаются надъ моею головой. Помните, какъ лѣниво уѣзжалъ я изъ Петербурга, и только съ четвертою попыткой удалось мнѣ «отвалить» изъ отечества. Вотъ и теперь лѣниво выѣзжаемъ изъ Англіи. Мы ужъ «вытянулись» на рейдъ: подуй N или NO, и въ полчаса мы поднимаемъ крылья и вступимъ въ океанъ, да онъ не готовъ видно принять насъ; онъ какъ будто углаживаетъ намъ путь вѣстовыми вѣтрами. Я даже не могу сказать, что мы въ Англіи, мы просто на фрегатѣ; насъ пятьсотъ человѣкъ: это уголокъ Россіи. Берегъ верстахъ въ трехъ; впереди ныряетъ въ волнахъ низенькая портсмутская стѣна, съ боку у ней тянется песчаная мель, сзади насъ зеленѣетъ Вайтъ, а затѣмъ все море, съ сотней разбросанныхъ по неизмѣримому рейду кораблей, ожидающихъ, какъ и мы, попутнаго вѣтра. У насъ объ Англіи помину нѣтъ; мы распрощались съ ней, кончили всѣ дѣла, а ѣздить гулять мѣшаетъ вѣтеръ. Третьяго дня отправились двѣ шлюпки и остались въ портѣ — такъ задуло. Изрѣдка только англійская веревка, какъ коза,

проскачетъ по валамъ къ Вайту, или отъ Вайта въ Портсмутъ.

24-го, въ сочельникъ, съѣхалъ я на берегъ утромъ: было сносно; но когда поѣхалъ оттуда... ахъ, какой вечеръ! какъ надолго останется онъ въ памяти! Сдѣлавъ нѣкоторыя покупки, я въ пристани Albertpier взялъ англійскую шлюпку и отправился назадъ *домой*. Пока ѣхали въ гавани, за стѣнами, качалось покойно, но лишь выѣхали на просторъ, тамъ дуло свирѣпо, да къ этому холодъ, темнота и яростный шумъ бурунов, разбивающихся о крѣпостную стѣну. Гребцы мои, англичане, не знали, гдѣ помѣстился нашъ фрегатъ.—«Вечеромъ два огня будутъ на гафелѣ», сказали мнѣ на фрегатѣ, когда я ѣхалъ утромъ. Я смотрю въ даль, гдѣ чуть-чуть видно мелькаютъ силуэты судовъ, и вижу милліоны огней въ разныхъ мѣстахъ. Я придерживалъ одной рукой шляпу, чтобъ ее не сдуло въ море, а другую прятялъ—то за пазуху, то въ карманы отъ холода. Гребцы бросили весла и, поставивъ парусъ, сами сѣли на дно шлюпки и вполголоса бормотали промежъ себя. Шлюпку нашу подбрасывало вверхъ и внизъ, валы періодически врывались верхушкой къ намъ и обливали спину. Небо заволокло тучами, а ѣхать три версты. Подъѣхали къ одной группѣ судовъ: — «Russian-frigate?» спрашиваютъ мои гребцы. — «No», пронзительно доносится до насъ по вѣтру. Дальше, къ другому:—«Nein», отвѣчаютъ намъ. Надо было лечь на другой галсъ и плыть еще версты полторы вдоль рейда. Вотъ тут я вспомнилъ всѣ проведенные съ вами двадцать-четвертые декабря: живо себѣ воображалъ, что у васъ въ залѣ и свѣтло, и тепло, и что я бы теперь сидѣлъ тамъ съ тѣмъ, съ другимъ, съ третьей...—«А вотъ что [illegible] мнѣ!» [illegible] я, [illegible] и восторженно по-[illegible] на васъ, которые [illegible] около моихъ [illegible] въ даль, стараясь угадать, [illegible] огней блеснутъ

два фонаря на русскомъ фрегатѣ? Наконецъ добрался и заспалъ всенощную наканунѣ Рождества. Этотъ маленькій эпизодъ напомнилъ мнѣ, что пройденъ только вершокъ необъятнаго, ожидающаго впереди пространства; что этотъ эпизодъ есть обыкновенное явленіе въ этой жизни; что въ три года можетъ случиться много такого, что не выживешь въ шестьдесятъ лѣтъ жизни, особенно нашей русской жизни!

Какимъ испытаніямъ подвергается избалованная нервозность вѣчнаго горожанина здѣсь, въ борьбѣ со всѣмъ окружающимъ! Все противоположно прежнему: воздухъ вмѣсто толстыхъ стѣнъ, пропасть вмѣсто фундамента, сводъ изъ сѣти снастей, качающійся столъ, который отходитъ отъ руки, когда пишешь, или рука отходитъ отъ стола, тарелка ото рта.—«Не шуми, сиди смирно!» безпрестанно раздается въ обыкновенномъ порядкѣ береговой стражи. — «Шуми, стучи и двигайся!» твердятъ здѣсь на каждомъ шагу. Вмѣсто удобствъ и комфорта, пріучаютъ къ неудобствамъ. На-дняхъ капитанъ ходитъ взадъ и впередъ по палубѣ въ одномъ сюртукѣ, а у самого отъ холода нижняя челюсть тоже ходитъ взадъ и впередъ. — «Зачѣмъ, молъ, вы не надѣнете пальто?» — «Для примѣра командѣ», говоритъ. И многое, что̀ сочтешь тамъ, на берегу, сидя на диванѣ, въ теплой комнатѣ, отступленіемъ отъ разума—здѣсь истина. И вы видите, что эти уклоненія здѣсь оправдываются, а ваши абсолютныя истины нѣтъ. Вамъ неловко, потому что нельзя же заставить себя вѣрить въ уклоненія или въ мѣстную истину, хотя она и оправдывается необходимостью. Забудьте отчасти ваше воспитаніе, выработанность и изнѣженность, когда вы на морѣ. Но ничего: ко всему можно притерпѣться, привыкнуть, даже не простуживаться. У меня вотъ и високъ пересталъ болѣть. Даже не скоро потомъ отдѣлаюсь я отъ привычекъ, которыя наложитъ на меня морской бытъ, по возвращеніи на берегъ. Мнѣ будетъ казаться, что мебель надо

«принайтовить», окна не закрыть ставнями, а «задраить», при свѣжемъ вѣтрѣ буду ждать, что «засвистятъ всѣхъ наверхъ рифы брать».

Сколько благъ сулилъ я себѣ въ вояжѣ, и сколько ужъ ихъ не осуществилось! Вотъ я думалъ бѣжать отъ русской зимы и прожить два лѣта, а приходится, кажется, испытать четыре осени: русскую, которую уже пережилъ, англійскую переживаю, въ тропики придемъ въ тамошнюю осень. А безтолочь какая: празднуешь два Рождества, русское и англійское, два Новые года, два Крещенія. Въ англійское Рождество была крайняя нужда въ работѣ, — своихъ рукъ недоставало: англичане и слышать не хотятъ о работѣ въ праздникъ. Въ наше Рождество англичане пришли, да совѣстно было заставлять работать своихъ.

Сказалъ бы вамъ что-нибудь о своихъ товарищахъ, но о нѣкоторыхъ я говорилъ, о другихъ буду говорить впослѣдствіи. Въ послѣднее время я жилъ близко, въ одной огромной каютѣ англійскаго корабля, пока нашъ фрегатъ былъ въ докѣ, съ четырьмя товарищами. Одинъ—невозмутимо-покоенъ въ душѣ и со всѣми всегда одинаковъ; ни во что не мѣшается, ни веселъ, ни печаленъ; ни отчего ему ни больно, ни холодно; на все согласенъ, что предложатъ другіе; со всѣми ласковъ до дружества, хотя нѣтъ у него друзей, но и враговъ нѣтъ. Куда его ни повези, ему все равно: онъ всѣмъ доволенъ, ни на что не жалуется. Всякую новость узнаетъ днемъ позже другихъ: кажется, для него выдумали слово «покладной». Другой, съ которымъ я чаще всего бесѣдую, очень милый товарищъ, тоже всегда ровный, никогда не выходящій изъ себя человѣкъ; но его не такъ легко удовлетворить, какъ перваго. Онъ любитъ комфортъ и безъ него нѣсколько страдаетъ, хотя и старается приспособиться къ несвойственной ему сферѣ. Онъ свѣтскій человѣкъ; а такіе люди всегда мнѣ нравились. Свѣтское воспитаніе, если оно въ самомъ дѣлѣ свѣтское, а не претензія

только на него, не такъ поверхностно, какъ обыкновенно думаютъ. Не мѣшая ни глубокому образованію, даже учености, ни какому спеціальному направленію, оно вырабатываетъ много хорошихъ сторонъ, не даетъ глохнуть порядочнымъ качествамъ, образуетъ весь характеръ и, между прочимъ, учитъ скрывать не одни свои недостатки, но и достоинства, что̀ гораздо труднѣе. То, что̀ иногда кажется врожденною скромностью, отсутствіемъ страсти—есть только воспитаніе. Свѣтскій человѣкъ умѣетъ поставить себя въ такое отношеніе съ вами, какъ-будто забываетъ о себѣ и дѣлаетъ все для васъ, всѣмъ жертвуетъ вамъ, не дѣлая въ самомъ дѣлѣ и не жертвуя ничего, напротивъ, еще куритъ ваши же сигары, какъ Б. мои. Все это, кажется, пустяки, а между тѣмъ это придаетъ обществу чрезвычайно много, по крайней мѣрѣ, наружнаго гуманитета.

Мы мирно жили, еще съ недѣлю, но возвращеніи изъ Лондона въ Портсмутъ, на «Кемпердоунѣ», большимъ обществомъ. Всѣ размѣщены были очень удобно по многочисленнымъ каютамъ стопушечнаго стараго англійскаго корабля. Утромъ мы всѣ четверо просыпались въ одно мгновеніе, ровно въ восемь часовъ, отъ пушечнаго выстрѣла съ «Экселента», другого англійскаго корабля, стоявшаго на мертвыхъ якоряхъ, то-есть неподвижно, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ. Послѣ завтрака, состоявшаго изъ горы мяса, картофеля и овощей, то-есть тяжелаго обѣда, всѣ расходились: офицеры въ адмиралтейство на фрегатъ къ работамъ, мы, неофицеры, или занимались дома, или шли за покупками, гулять, кто въ Портсмутъ, кто въ Портси, кто въ Саутси, или въ Госпортъ—это названія четырехъ городовъ, связанныхъ вмѣстѣ и составляющихъ Портсмутъ. Всѣ они имѣютъ свой характеръ. Портси и Портсмутъ — торговыя части, наполненныя магазинами, складочными амбарами, съ таможней. Тутъ же помѣщается адмиралтейство, тутъ и пріютъ моряковъ всѣхъ націй. Саутси — чистый кварталъ, гдѣ главныя

одѣтыхъ въ яркій, блестящій костюмъ, то-есть въ юбку изъ клѣтчатой шотландской матеріи, но безъ панталонъ, и потому съ голыми колѣнками! — «Королева разсердилась: штановъ не дала», говорилъ онъ съ хохотомъ, указывая на голыя ноги солдата. Только въ пользу одной шерстяной матеріи, называемой «англійской кожей» и употребляемой простымъ народомъ на платье, онъ сдѣлалъ исключеніе, и то потому, что панталоны изъ нея стоили всего два шиллинга. Онъ просилъ меня купить этой кожи себѣ и товарищамъ по порученію, и самъ отправился со мной. Но Боже мой! какимъ презрѣніемъ обдалъ онъ англійскаго купца, нужды нѣтъ, что тотъ смотрѣлъ совершеннымъ джентльменомъ! Какое счастіе, что они не понимали другъ друга! Но по одному лицу, по голосу Ѳаддеева, можно было догадываться, что онъ третируетъ купца en canaille, какъ какого-нибудь продавца баранокъ въ Чухломѣ. — «Врешь, не то показываешь», говорилъ онъ, швыряя штуку матеріи. — «Скажи ему, ваше высокоблагородіе, чтобы далъ той самой, которой отрѣзалъ Терентьеву да Кузьмину». Купецъ подавалъ другой кусокъ. — «Не то, сволочь, говорятъ тебѣ!» И все въ этомъ родѣ.

Однажды, въ Портсмутѣ, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, сіяя отъ радости и сдерживая смѣхъ. — «Чему ты радуешься?» спросилъ я. — «Мотыгинъ... Мотыгинъ»... твердилъ онъ, смѣясь. (Мотыгинъ — это другъ его, худощавый, рябой матросъ). — «Ну, что жъ Мотыгинъ?» — «Съ берега воротился...» — «Ну?» — «Позови его, ваше высокоблагородіе, да спроси, что онъ дѣлалъ на берегу?» Но я забылъ объ этомъ, и вечеромъ встрѣтилъ Мотыгина съ синимъ пятномъ около глазъ. — «Что съ тобой? отчего пятно?» спросилъ я. Матросы захохотали; пуще всѣхъ радовался Ѳаддеевъ. Наконецъ объяснилось, что Мотыгинъ вздумалъ «поиграть» съ портсмутской леди, продающей рыбу. Это все равно, что поиграть съ волчицей въ лѣсу: она отвѣчала градомъ ку-

лачныхъ ударовъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ глазъ. Но и матросъ въ своемъ родѣ тоже не овца: оттого эта волчья ласка была для Мотыгина не больше, какъ сарказмъ какой-нибудь барыни на неумѣстную любезность франта. Но Ѳаддеевъ утѣшается этимъ еще до сихъ поръ, хотя синее пятно на глазу Мотыгина уже пожелтѣло.

Наконецъ намъ объявили, чтобъ мы перебирались на фрегатъ. Поднялась суматоха: баркасъ, катера, съ утра до вечера, перевозили съ берега разнаго рода запасы; люди перетаскивали все наше имущество на фрегатъ, который подвели вплоть къ «Кемпердоуну». Среди этой давки, шума, суеты, вдругъ протискался сквозь толпу къ капитану П. А. Т., нашъ застольный хозяинъ. — «И. С., ради Бога» поспѣшно говорилъ онъ: «позвольте шлюпку, теперь же, сію минуту...»—«Зачѣмъ, куда? шлюпки всѣ заняты—вы видите. Послѣдняя идетъ за углемъ. Зачѣмъ вамъ?»—«Курица выскочила, когда переносили курятникъ, и уплыла. Вонъ она-съ, вонъ какъ бьется: ради Бога, пожалуйте шлюпку; сейчасъ утонетъ. Извольте войти въ мое положеніе: офицеры удостоили меня довѣренности, и я оправдывалъ...» Капитанъ разсмѣялся и далъ ему шлюпку. Курица была поймана и возвращена на свое мѣсто. Вскорѣ мы вытянулись на рейдъ, стоимъ здѣсь и ждемъ погоды.

Каждый день прощаюсь я съ здѣшними берегами, повѣряю свои впечатлѣнія, какъ скупой повѣряетъ втихомолку каждый спрятанный грошъ. Дешевы мои наблюденія, не много выношу я отсюда, можетъ-быть отчасти и потому, что ѣхалъ не сюда, что тороплюсь все дальше. Я даже боюсь слишкомъ вглядываться, чтобъ не осталось сору въ памяти. Я охотно разстаюсь съ этимъ всемірнымъ рынкомъ и съ картиной суеты и движенія, съ колоритомъ дыма, угля, пара и копоти. Боюсь, что образъ современнаго англичанина долго будетъ мѣшать другимъ образамъ... Сбуду скорѣе черты этого образа вамъ и постараюсь забыть.

Замѣчу, между прочимъ, что все здѣсь стремится къ тому, чтобъ устроить образъ жизни какъ можно проще, удобнѣе и комфортабельнѣе. Сколько выдумокъ для этого, сколько потрачено генія изобрѣтательности на машинки, пружинки, таблицы и другіе остроумные способы, чтобъ человѣку было просто и хорошо жить! Если обстановить этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человѣка, то можно въ pendant къ вопросу о томъ, «достовѣрнѣе ли стала исторія съ тѣхъ поръ, какъ размножились ея источники»—поставить вопросъ: «удобнѣе ли стало жить на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ размножились удобства?»

Новѣйшій англичанинъ не долженъ просыпаться самъ; еще хуже, если его будитъ слуга: это коварство, отсталость, и притомъ слуги дороги въ Лондонѣ. Онъ просыпается по будильнику. Умывшись посредствомъ машинки и надѣвъ вымытое паромъ бѣлье, онъ садится къ столу, кладетъ ноги въ назначенный для того ящикъ, обитый мѣхомъ, и готовитъ себѣ, съ помощію пара же, въ три секунды бифстексъ или котлету, и запиваетъ чаемъ, потомъ принимается за газету. Это тоже удобство — одолѣть листъ «Times» или «Herald»: иначе онъ будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. Кончивъ завтракъ, онъ по одной таблицѣ припоминаетъ, какое число и какой день сегодня, справляется что дѣлать, беретъ машинку, которая сама дѣлаетъ выкладки: припоминать и считать въ головѣ неудобно. Потомъ идетъ со двора. Я не упоминаю о томъ, что двери передъ нимъ отворяются и затворяются взадъ и впередъ почти сами. Ему надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлалъ, благодаря удобствамъ. Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, обритый, остриженный, съ удобствомъ, то-есть съ зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кеба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по

Темзѣ, бродитъ по музеуму„ скачетъ въ паркѣ! Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, какіе-нибудь мостки, купилъ колодки отъ сапогъ дюка. Мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, покойный сознаніемъ, что онъ прожилъ день по всѣмъ удобствамъ, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ свой голосъ, онъ садится обѣдать, и вставъ изъ-за стола не совсѣмъ твердо, вѣшаетъ къ шкапу и бюро несотпираемые замки, снимаетъ съ себя машинкой сапоги, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ.

Облако англійскаго тумана, пропитанное паромъ и дымомъ каменнаго угля, скрываетъ отъ меня этотъ образъ. Оно проясняется, и я вижу другое. Вижу гдѣ-то далеко отсюда, въ просторной комнатѣ на трехъ перинахъ, глубоко спящаго человѣка; онъ и обѣими руками, и одѣяломъ закрылъ свою голову, но мухи нашли свободныя мѣста, кучками усѣлись на щекѣ и на шеѣ. Спящій не пошевелится даже. Будильника нѣтъ въ комнатѣ, но есть дѣдовскіе часы, они каждый часъ своимъ хрипѣніемъ и всхлипываніемъ предупреждаютъ нарушить этотъ сонъ — и все напрасно. Хорошо [illegible] почиваетъ онъ, не просыпаясь, когда [illegible] Парашка [illegible] въ [illegible] послѣ про- [illegible]

оттого, что ему приснился дурной сонъ: его кто-то началъ душить во снѣ, но вдругъ раздался отчаянный крикъ пѣтуха подъ окномъ—и баринъ проснулся, обливаясь потомъ. Онъ побранилъ-было пѣтуха, этотъ живой будильникъ, но, взглянувъ на дѣдовскіе часы, замолчалъ. Проснулся онъ, сидитъ и недоумѣваетъ, какъ онъ такъ заспался, и не вѣритъ, что его будили, что солнце ужъ высоко, что приказчикъ два раза приходилъ за приказаніями, что самоваръ трижды перекипѣлъ.—«Что вы нейдете сюда?» ласково говоритъ ему голосъ изъ другой комнаты. — «Да вотъ одного сапога не найду», отвѣчаетъ онъ, шаря ногой подъ кроватью, «и панталоны куда-то запропастились. Гдѣ Егорка?» Справляются насчетъ Егорки, и узнаютъ, что онъ отправился рыбу ловить бреднемъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ любителей изъ дворовыхъ людей. И пока бѣгутъ, не спѣша, за Егоркой на прудъ, а Ваньку отыскиваютъ по заднимъ дворамъ, или Митьку извлекаютъ изъ глубины дѣвичьей, баринъ маѣется, сидя на постели, съ однимъ сапогомъ въ рукахъ, и сокрушается объ отсутствіи другого. Но все приведено въ порядокъ: сапогъ еще съ вечера затащила въ уголъ подъ диванъ Мимишка, а панталоны оказались висящими на дровахъ, гдѣ, второпяхъ, забылъ ихъ Егорка, чистившій платье и внезапно приглашенный товарищами участвовать въ рыбной ловлѣ. Сильно бы вымыли ему голову, но Егорка принесъ къ обѣду цѣлую корзину карасей, сотни двѣ раковъ, да еще барченку сдѣлалъ дудочку изъ камыша, а барышнѣ досталъ два водяные цвѣтка, за которыми, чуть не съ опасностью жизни, лазалъ по горло въ воду на средину пруда. Напившись чаю, приступаютъ къ завтраку: подадутъ битаго мяса со сметаной, сковородку грибовъ, или каши, разогрѣютъ вчерашнее жаркое, дѣтямъ изготовятъ манный супъ — всякому найдутъ что-нибудь по вкусу. Наступаетъ время дѣятельности. Барину по городамъ ѣздить не нужно: онъ ѣздитъ въ городъ только на ярмарку

разъ въ годъ, да на выборы: и то, и другое еще далеко. Онъ беретъ календарь, справляется, какого святого въ тотъ день: нѣтъ ли именинниковъ, не надо ли послать поздравить. Отъ сосѣда за прошлый мѣсяцъ пришлютъ всѣ газеты разомъ, и цѣлый домъ запасается новостями надолго. Пора по работамъ; пришелъ приказчикъ—въ третій разъ.

— Что скажешь, Прохоръ?—говоритъ баринъ небрежно. Но Прохоръ ничего не говоритъ; онъ еще небрежнѣе достаетъ со стѣны машинку, то-есть счеты, и подаетъ барину, а самъ, выставивъ одну ногу впередъ, а руки заложивъ назадъ, становится поодаль.—Сколько чего?—спрашиваетъ баринъ, готовясь класть на счетахъ.

— Овса въ городъ отпущено на прошлой недѣлѣ семьдесятъ...—хочется сказать:—пять четвертей.

— Семьдесятъ девять,—договариваетъ баринъ и кладетъ на счетахъ.

— Семьдесятъ девять,—мрачно повторяетъ приказчикъ и думаетъ: «экая память-то мужицкая, а еще баринъ! сосѣдъ-то баринъ, слышь, ничего не помнитъ...»

— А навѣдывались кущы о хлѣбѣ? — вдругъ спросилъ баринъ, поднявъ очки на лобъ и взглянувъ на приказчика.

— Былъ одинъ вчера.

— Ну?

— Дешево даетъ.

— Однако?

— Два рубля.

— Съ гривной?—спросилъ баринъ.

Молчитъ приказчикъ: купецъ, точно, съ гривной давалъ. Да какъ же баринъ-то узналъ? вѣдь онъ не видѣлъ купца! Рѣшено было, что приказчикъ поѣдетъ въ городъ на той недѣлѣ и тамъ покончитъ дѣло.

— Что жъ ты не скажешь?—вопрошаетъ баринъ.

— Онъ обѣщалъ побывать опять,—говоритъ приказчикъ.

— Знаю,—говоритъ баринъ.

«Какъ знаетъ?» думалъ приказчикъ: «вѣдь купецъ не обѣщалъ...»

— Онъ завтра къ батюшкѣ за медомъ заѣдетъ, а оттуда ко мнѣ; и ты приди, и мѣщанинъ будетъ.

Приказчикъ все мрачнѣй и мрачнѣй.

— Слушаю-съ,—говоритъ онъ сквозь зубы.

Баринъ помнитъ даже, что въ третьемъ году Василій Васильевичъ продалъ хлѣбъ по три рубля, въ прошломъ—дешевле, а Иванъ Иванычъ—по три съ четвертью. То въ полѣ чужихъ мужиковъ встрѣтитъ, да спроситъ, то напишетъ кто-нибудь изъ города, а не то такъ, видно, во снѣ приснится покупщикъ, и цѣна тоже. Не даромъ долго спитъ. И щелкаютъ они на счетахъ съ приказчикомъ, иногда все утро или цѣлый вечеръ, такъ что тоску наведутъ на жену и дѣтей, а приказчикъ выйдетъ весь въ поту изъ кабинета, какъ-будто верстъ за тридцать на богомолье пѣшкомъ ходилъ.

— Ну, что еще?—спрашиваетъ баринъ. Но въ это время раздался стукъ на мосту. Баринъ поглядѣлъ въ окно.—Кто-то ѣдетъ?—сказалъ онъ; и приказчикъ взглянулъ.

— Иванъ Петровичъ,—говоритъ приказчикъ:—въ двухъ коляскахъ.

— А!—радостно восклицаетъ баринъ, отодвигая счеты.—Ну, ступай; ужо вечеромъ какъ-нибудь улучимъ минуту, да сосчитаемся. А теперь пошли-ка Антипку съ Мишкой на болото да въ лѣсъ, десятковъ пять дичи къ обѣду наколотить: видишь, дорогіе гости пріѣхали!

Завтракъ снова является на столѣ, послѣ завтрака кофе. Иванъ Петровичъ пріѣхалъ на три дня, съ женой, съ дѣтьми и съ гувернеромъ, и съ гувернанткой, съ нянькой, съ двумя кучерами и съ двумя лакеями. Ихъ привезли восемь лошадей: все это поступило на трехдневное содержаніе хозяина. Иванъ Петровичъ дальній родня ему по женѣ: не пріѣхать же ему за пятьдесять верстъ — только пообѣ-

ной и не увидѣвъ никого, кромѣ хозяина и хозяйки, вдругъ видитъ за обѣдомъ цѣлую ватагу какихъ-то старичковъ и старушекъ, которые нахлынутъ изъ заднихъ комнатъ и занимаютъ «привычныя мѣста»! Они смотрятъ робко, говорятъ мало, но кушаютъ много. И Боже сохрани попрекнуть ихъ «кускомъ»! Они почтительны и къ хозяевамъ, и къ гостямъ. Баринъ хватился своей табакерки въ карманѣ, ищетъ глазами вокругъ: одинъ старичокъ побѣжалъ за ней, отыскалъ и принесъ. У барыни шаль спустилась съ плеча: одна изъ старушекъ надѣла ее опять на плечо, да тутъ же кстати поправила бантикъ на чепцѣ. Спросишь: кто это такіе? Про старушку скажутъ, что это одна «вдова», пожалуй, назовутъ Настасьей Тихоновной, фамилію она почти забыла, а другіе и подавно: она не нужна ей больше. Прибавятъ только, что она бѣдная дворянка, что мужъ у ней былъ игрокъ, или спился съ кругу, и ничего не оставилъ. Про старичка, какого-нибудь Кузьму Петровича, скажутъ, что у него было душъ двадцать, что холера избавила его отъ бо́льшей части изъ нихъ, что землю онъ отдаетъ въ наемъ за двѣсти рублей, которые посылаетъ сыну, а самъ «живетъ въ людяхъ».

И многіе годы проходятъ такъ, и многіе сотни уходятъ «куда-то» у барина, хотя денегъ, повидимому, не бросаютъ. Даже барыня, исполняя евангельскую заповѣдь и проходя сквозь безконечный рядъ нищихъ отъ обѣдни, тратитъ на это всего какихъ-нибудь рублей десять въ годъ. Вотъ на выборахъ, въ городѣ, оно замѣтно, куда деньги идутъ. Кончились выборы: предводитель беретъ листъ бумаги и говоритъ:—«Заключимте, милостивые государи, наши засѣданія посильнымъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ нашей губерніи, да на школы, на больницы», и пишетъ двѣсти, триста рублей. А нашъ баринъ думалъ, что, купивъ женѣ два платья, мантилью, нѣсколько чепцовъ, да вина, сахару, чаю и кофе на годъ, онъ ужъ можетъ закрыть бумажникъ, въ

которомъ опочилъ изрядный запасный капиталецъ, годичная экономія. А вотъ тутъ вынимается сто рублей: стыдно же написать при всѣхъ двадцать пять, даже пятьдесятъ, когда Осипъ Осипычъ и Михайло Михайлычъ написали по сту.—«Теперь, кажется, все», думаетъ онъ. Вдругъ у губернатора, вечеромъ, губернаторша сама раздаетъ гостямъ какіе-то билеты. Что это такое? Билеты на лотерею съ баломъ, спектаклемъ въ пользу погорѣвшихъ семействъ. Губернаторша ужъ двоихъ упрекнула въ скупости, и они поспѣшно взяли еще по нѣсколько билетовъ. За этимъ некуда ужъ тратить денегъ, только вотъ остался иностранецъ, который пріѣхалъ учить гимнастикѣ, да ему не повезло, а въ числѣ гимнастическихъ упражненій у него нѣтъ такой штуки, какъ выбираться изъ чужого города безъ денегъ, и онъ не знаетъ, что дѣлать. Дворяне сложились помочь ему добраться домой; недостаетъ ста рублей: поглядываютъ на нашего барина... И вотъ, къ концу года выходитъ вовсе не тотъ счетъ въ деньгахъ, какой онъ прикинулъ въ умѣ, ходя по полямъ, когда хлѣбъ былъ еще на корню... Не по машинкѣ считалъ!

Но... однако... что вы скажете, друзья мои, прочитавъ это... эту... это *письмо*—изъ Англіи? Куда я заѣхалъ? что описываю? скажете, конечно, что я повторяюсь, что я... не выѣзжалъ... Виноватъ: передъ глазами все еще мелькаютъ родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обычаи. Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Я вѣдь ужъ сказалъ вамъ, что искомый результатъ путешествія—это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!

Прощайте: мы ужъ снялись съ якоря, но не совсѣмъ удачно. Начались шквалы: шквалы — это, когда вы сидите на дачѣ, ничего не подозрѣвая, съ открытыми окнами, вдругъ

на балконъ вашъ налетаетъ вихрь, врывается съ пылью въ окна, бьетъ стекла, валитъ горшки съ цвѣтами, хлопаетъ ставнями, когда бросаются, по обыкновенію поздно, затворять окна, убирать цвѣты, а между тѣмъ дождь успѣлъ хлынуть на мебель, на паркетъ. Теперь это повторяется здѣсь каждые полчаса, и вотъ третьи сутки мы лавируемъ въ Каналѣ, гдѣ дорога не широка: того и гляди прижметъ къ французскому берегу, а тамъ мели, да мели. Англійскій лоцманъ соснетъ немного ночью, а остальное время стоитъ у руля, слѣдитъ зорко за каждою струей, онъ и въ туманъ бросаетъ лотъ и по грунту распознаетъ мѣсто. Всего хуже встрѣчныя суда, а ихъ тутъ множество.

Вы ужъ знаете, что мы идемъ не вокругъ Горна, а черезъ мысъ Доброй Надежды, потомъ черезъ Зондскій проливъ, оттуда къ Филиппинскимъ островамъ, и, наконецъ, въ Китай и Японію. Пробывъ долго въ Англіи, мы не поспѣли бы обогнуть до марта Горнъ. А въ мартѣ, то-есть въ равноденствіе, тамъ господствуютъ свирѣпые вѣстовые и, слѣдовательно, намъ противные вѣтры. А отъ мыса Доброй Надежды они будутъ намъ попутные. Въ Индѣйскихъ моряхъ бываютъ, правда, ураганы, но бываютъ, слѣдовательно могутъ и не быть, а противные вѣтры у Горна непремѣнно будутъ. Это напоминаетъ немного сказку объ Иванѣ-царевичѣ, въ которой на перекресткѣ стоитъ столбъ съ надписью: «если поѣдешь направо, волки коня съѣдятъ, налѣво—самого съѣдятъ, а прямо—дороги нѣтъ». Обратный путь предполагается кругомъ Америки. И обо всемъ этомъ толкуютъ здѣсь гораздо меньше, нежели, бывало, при сборахъ въ Павловскъ или Парголово. А хотите ли знать разстоянія? Отъ Англіи до Азорскихъ острововъ, напримѣръ, 2250 морскихъ миль (миля $1^3/_4$ версты), оттуда до экватора 1020 м., отъ экватора до мыса Доброй Надежды 3180 м., а отъ мыса Доброй Надежды до Зондскаго пролива 5400 м., всего около двадцати тысячъ верстъ. Скучно считать, лучше проѣхать! До вечера.

11 января. До вечера: какъ не до вечера! Только на третій день послѣ того вечера могъ я взяться за перо. Теперь вижу, что адмиралъ былъ правъ, зачеркнувъ въ одной бумагѣ, въ которой предписывалось шкунѣ соединиться съ фрегатомъ, слово «непремѣнно».—«На морѣ *непремѣнно* не бываетъ», сказалъ онъ. — «На парусныхъ судахъ», подумалъ я. Фрегатъ рылся носомъ въ волнахъ и ложился попеременно на тотъ и другой бокъ. Вѣтеръ шумѣлъ, какъ въ лѣсу, и только теперь смолкаетъ. Сегодня, 11-го января, утро ясное, море стихаетъ. Виденъ Эддистонскій маякъ и гладкій, безотрадный утесъ Лизарда. Прощайте, прощайте! Мы у порога въ океанъ. Когда услышите вой вѣтра съ запада, помните, что это только слабое эхо того зефира, который треплетъ насъ, а задуетъ съ востока, отъ васъ, пошлите мнѣ поклонъ—дойдетъ. Но ужъ приставъ къ борту ботъ, на который ссаживаютъ лоцмана. Спѣшу запечатать письмо. Еще послѣднее прости! Увидимся ли? Въ путешествіи, или «походѣ», какъ называютъ мои товарищи, пока еще самое лучшее для меня—надежда воротиться.

Январь 1853 года.
Британскій каналъ.

II.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ И ОСТРОВЪ МАДЕРА.

Выходъ въ океанъ.—Крѣпкій вѣтеръ и качка.—Прибытіе на Мадеру.—Городъ Фунчалъ. Прогулка на гору.—Обѣдъ у консула.—Отъѣздъ.

Съ 6 по 18 января 1853.

[illegible]

башня Эддистонскаго маяка. Онъ построенъ на морѣ, на камнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Бурунъ съ моря хлещетъ, говорятъ, въ бурю до самаго фонаря. Нѣсколько разъ вѣтеръ смѣялся надъ усиліями человѣка, сбрасывая башню въ море. Но человѣкъ терпѣливо, на обломкахъ стараго, строилъ новое зданіе крѣпче и ставилъ фонарь, и теперь зажигаетъ опять огонь и, въ свою очередь, смѣется надъ вѣтромъ. Вотъ и Лизардъ, пустой, голый и гладкій утесъ, далеко ушедшій въ море отъ береговъ. Отъ подошвы его разстилается свѣтлая площадь океана.

Всѣ были наверху, пока ссаживали лоцмана. Я, прислонившись къ шпилю, смотрѣлъ на океанъ и о чемъ-то задумался. Вдругъ меня кто-то схватилъ за руку, стиснулъ ее и началъ неистово трясти. Что за штука? А! это лоцманъ прощается. Смотрю: лакированная шляпа и синяя куртка пошли дальше, обходя всѣхъ такимъ порядкомъ. Всякаго, молча, схватитъ за руку, точно укуситъ, кивнетъ головой и потомъ къ слѣдующему. Я далъ ему письмо, которое уже у меня было готово, онъ схватилъ и опустилъ его въ карманъ, кивнувъ тоже головой. Какой карманъ! Я успѣлъ бросить туда взглядъ: точно колодецъ! Тамъ лежало писемъ тридцать, но они едва покрывали дно. Мы быстро подвигались къ океану. — «Дѣдушка!» спросилъ кто-то нашего А. А., «когда же будемъ въ океанѣ?» — «Мы теперь въ немъ», отвѣчалъ онъ. — «Такъ ужъ изъ канала вышли?» спросилъ другой, глядя по обѣимъ сторонамъ канала.— «Нѣтъ еще: вѣдь это каналъ и есть, гдѣ мы». — «Кто жъ васъ разберетъ?» отвѣчали ему недовольные. — «Положите мѣтку», сказалъ дѣдушка, «когда назадъ пойдемъ, такъ я вамъ и скажу, гдѣ кончится каналъ и гдѣ начало океана... Смотрите, смотрите!» сказалъ онъ мнѣ, указывая на море.— «Что такое?» спросилъ я, глядя во всѣ стороны.—«Неужели не видите? Да вотъ смотрите: не дальше кабельтова отъ насъ». Смотрю: то тамъ, то сямъ брызнетъ изъ воды тонкой

вина, по случаю вступленія въ океанъ. — «Поздравляю съ океаномъ», сказалъ онъ. — «Вы очень рады ему, вѣроятно, какъ старому знакомому?» спросилъ я. — «Да, мы другъ друга знаемъ», отвѣчалъ онъ, «и точно я радъ: теперь на карту хоть не гляди, по ночамъ можно спать: камней, банокъ, береговъ долго не дождемся». — «А буря?» — «Какая буря?» — «Ну, штормъ», поправился я. — «Это не по моей части», сказалъ онъ. «Я буду спать, а И. С. и вотъ И. И. нѣтъ. Да что̀ такое штормъ на океанѣ? Если еще при попутномъ вѣтрѣ, такъ это значитъ мчаться во весь духъ на лихой тройкѣ, не перемѣняя лошадей!»

Внизу, за обѣдомъ, потомъ за чашкой кофе и сигарой, а тамъ за книгой и забыли про океанъ... да не то, что про океанъ, а забыли и о фрегатѣ. Точно гдѣ-нибудь въ комнатѣ собралось нѣсколько человѣкъ пріятелей у добраго хозяина, который предоставляетъ всякому дѣлать, что̀ онъ хочетъ. Я разложилъ у себя на бюро бумаги, книги, поставилъ на свое мѣсто чернильницу, расположилъ всѣ мелочи письменнаго стола, какъ дома. Ѳаддееву опять досталось не мало возиться съ убранствомъ каюты. Я не могъ надивиться его дѣятельности, способностямъ и силѣ. Я, кажется, писалъ вамъ, что мнѣ дали другую каюту, вверху, на палубѣ. Это была маленькая комнатка съ окномъ. Надо было установить въ ней все, какъ въ прежней. И Ѳаддеевъ все это сдѣлалъ еще въ Портсмутѣ, при переселеніи съ «Кемпердоуна» на фрегатъ. Доска ли нейдетъ—мигомъ унесетъ ее, отпилитъ лишнее, и ужъ тамъ, какъ она ни упрямься, а онъ втиснетъ ее въ свое мѣсто. Ему нужды нѣтъ, если отъ этого что-нибудь расползется врозь: онъ и то поправитъ, и опять нужды нѣтъ, если доска треснетъ. Онъ одинъ придѣлалъ полки, устроилъ кровать, вбилъ гвоздей, сдѣлалъ вѣшалку и потомъ принялся разбирать вещи по порядку, съ тою только разницею, что сапоги положилъ уже не съ книгами, какъ прежде, а выстроилъ ихъ длиннымъ рядомъ на комодѣ и

тахъ, то тамъ, то здѣсь, что-нибудь со стукомъ упадетъ со стола, или сорвется со стѣны, выскочитъ изъ шкапа и со звономъ разобьется — стаканъ, чашка, а иногда и самъ шкапъ зашевелится. А тамъ вдругъ, слышишь, сочится гдѣ-то сквозь стѣнку струя и падаетъ дождемъ на что случится, безъ разбора—на столъ, на диванъ, на голову кому-нибудь. Сначала это возбуждало шутки. Смѣшно было смотрѣть, когда кто-нибудь пойдетъ въ одинъ уголъ, а его отнесетъ въ другой: никто не ходилъ какъ слѣдуетъ, все притопывая. Юность рѣзвилась, каталась изъ угла въ уголъ, какъ съ горъ. Вѣстовые бѣгали, то туда, то сюда, на шумъ упавшей вещи, съ тѣмъ чтобъ поднять уже черепки. Сразу не примешь всѣхъ мѣръ противъ непріятныхъ случайностей. Эта качка напоминала мнѣ пока наши похожденія въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ—не больше. Не привыкать уже было засыпать подъ размахи койки взадъ и впередъ, пока голова и ноги постепенно поднимаются и опускаются. Я кое-какъ заснулъ, и то съ грѣхомъ пополамъ: не одинъ разъ будилъ меня стукъ, топотъ людей, суматоха съ парусами.

Еще съ вечера начали брать рифы: одинъ, два, а потомъ всѣ четыре. Едва станешь засыпать —во снѣ вѣдь другая жизнь и, стало-быть, другія обстоятельства — приснитесь вы, ваша гостиная, или дача какая-нибудь; кругомъ знакомыя лица; говоришь, слушаешь музыку: вдругъ хаосъ —ваши лица искажаются въ какіе-то призраки; полуоткрываешь сонные глаза и видишь, не то во снѣ, не то наяву половину вашего фортепіано и половину скамьи; на картинѣ, вмѣсто женщины съ обнаженной спиной, очутился часовой; раздался внезапный трескъ, звонъ — очнешься — что такое? ничего: заскрипѣлъ трапъ, хлопнула дверь, упалъ графинъ, или кто-нибудь вскакиваетъ съ постели и бранится, облитый водою, хлынувшей къ нему изъ полупортика прямо на тюфякъ. Утомленный, заснешь опять: вдругъ ударъ, точно подземный, такъ что сердце

дрогнетъ — проснешься; ничего—это поддало въ корму, то-есть ударило волной... И такъ до утра! Все еще было сносно. не болѣе того, что мы уже испытали прежде. Но утромъ 12-го января дѣло стало посерьезнѣе. «Буря», сказали бы вы, а мои товарищи называли это очень свѣжимъ вѣтромъ. Я [illegible] пойти наверхъ или «на улицу», какъ я на-[illegible] верхнюю палубу, но ходить было нельзя. Я посто-[illegible]

и, смотришь, пріобрѣлъ шишку на головѣ; другого плечомъ ударило о косякъ двери, и онъ начинаетъ браниться, Богъ знаетъ, кого.

Скучное дѣло качка; всѣ недовольны; нельзя, какъ слѣдуетъ, читать, писать, спать; видны также блѣдныя, страдальческія лица. Порядокъ дня и ночи нарушенъ, кромѣ собственно морского порядка, который, напротивъ, усугубленъ. Но зато обѣдъ, ужинъ и чай становятся какъ будто постороннимъ дѣломъ. Занятія, бесѣды нѣтъ... Просто, нѣтъ житья!

12-го и 13-го января вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было. Всѣ полупортики, люминаторы были наглухо закрыты, верхніе паруса убраны, пушки закрѣплены задними талями, чтобъ не давили тяжестью своею борта. Я не только стоять, да и сидѣть ужъ не могъ, если не во что было упираться руками и ногами. Кое-какъ добрался я до своей каюты, въ которой не былъ со вчерашняго дня, отворилъ дверь и не вошелъ—всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку—былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противоположныя стѣны. Я ахнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я-было расположилъ такъ аккуратно по ящикамъ бюро — все это въ кучкѣ валялось на полу и при каждомъ толчкѣ металось то направо, то налѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма—все ѣздило по полу, въ перегонку, что скорѣе скакнетъ въ уголъ, или оттуда на средину.

— «Ѳаддеевъ!» закричалъ я въ ужасѣ.—«Ѳаддеевъ!» повторилъ одинъ матросъ.—«Ѳаддеевъ!» «Ѳаддеевъ!» повторилъ другой и за нимъ третій, потомъ этотъ третій заглянулъ ко мнѣ въ каюту.—«*Они* на кубрикѣ, ваше высокоблагородіе», сказалъ онъ: «сейчасъ придутъ».—«Кто *они?*» спросилъ я.—«А Ѳаддеевъ». Матросы иначе въ третьемъ лицѣ другъ друга

Сами посудите, что тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи, только брызги какъ дымъ поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ заберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ, выпрямится, но только за тѣмъ, чтобъ тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картинки, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали-было, оторвались отъ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять. Какія бы, однако, ни были взяты предосторожности противъ паденія разныхъ вещей, но почти при всякомъ толчкѣ что-нибудь да найдетъ случай вырваться; или книга свалится съ полки, или куча бумагъ, карта поползетъ по столу и тутъ же захватитъ по дорогѣ чернильницу, или подсвѣчникъ. Вечеромъ разъ упала зажженная свѣча и прямо на карту. Я былъ въ каютѣ одинъ, всталъ, хотѣлъ побѣжать, но неодолимая тяжесть гнула меня къ полу, а свѣча вспыхивала сильнѣе, вотъ того гляди вспыхнетъ и карта. Я ползкомъ подобрался къ ней и кое-какъ поставилъ на свое мѣсто.

— «Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ!» говорилъ по временамъ капитанъ, входя въ каюту и танцуя въ ней. «А вы это все сидите? Еще не пріобрѣли *морскихъ ногъ*». — «Я и свои потерялъ», сказалъ я. Но ему не вѣрилось, какъ это человѣкъ можетъ не ходить, когда ноги есть. — «Да вы встаньте, ну, попробуйте», уговаривалъ онъ меня. — «Пробовалъ», сказалъ я, «да безъ пользы, даже со вредомъ и для себя, и для мебели. Вотъ, пожалуй...» Но меня потянуло по совершенно-отвѣсной покатости пола, и я побѣжалъ въ

уголъ, какъ давно не бѣгалъ. Тамъ я кулакомъ попалъ въ зеркало, а другой рукой въ стѣну. Капитану было смѣшно.— «Что же вы чай нейдете пить?» сказалъ онъ.—«Не хочу!» со злостью сказалъ я.—«Ну, я велю вамъ сдѣлать здѣсь».— «Не хочу!» повторилъ я... Я былъ очень золъ. Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что кажется, сейчасъ разсыплется вдребезги; но когда убѣдишься, что этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно, досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его намѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Это не тихое чувство покорности, résignation, а [illegible] злоба, которая [illegible] васъ, портитъ кровь, печень, желудокъ, раздражаетъ желчь. Во рту сухо, языкъ [illegible]. Нѣтъ ни аппетита, ни сна, ѣшь, чтобъ какъ-нибудь [illegible] время и пустой желудокъ. Не спишь. [illegible] угнетенія [illegible]

[illegible]

дишь, что каболка, банникъ, Терентьевъ — все на своемъ мѣстѣ: а вазъ, цвѣтовъ и васъ, милыя женщины — увы, нѣтъ! Подчасъ до того все перепутается въ головѣ, что шумъ и трескъ, и эти водяные бугры, съ пѣной и брызгами, кажутся сномъ, а берегъ, домá, покойная постель — дѣйствительностью, отъ которой при каждомъ толчкѣ жестоко отрезвляешься.

Я такъ и не ночевалъ въ своей каютѣ. Капитанъ тутъ же рядомъ спалъ одѣтый, безпрестанно вскакивая и выбѣгая на палубу. Ѳаддеевъ утромъ явился съ бѣльемъ и звалъ въ каютъ-компанію, къ чаю. — «Не хочу!» былъ одинъ отвѣтъ.—«Не надо ли, принесу сюда?» — «Не хочу!» твердилъ я, потому что наканунѣ попытка напиться чаю не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ: я обжегъ пальцы и уронилъ чашку. — «Что, еще не стихаетъ? спросилъ я его.— «Куда-те стихать, такъ и реветъ. Ужъ такое сердитое море здѣсь!» прибавилъ онъ, глядя съ непростительнымъ равнодушіемъ въ окно, какъ волны вставали и падали, разсыпаясь пѣною и брызгами. Я отъ скуки старался вглядѣться въ это равнодушіе, что̀ оно такое: привычка ли матроса, испытаннаго въ штормахъ, увѣренность ли въ силахъ и средствахъ? — Нѣтъ, онъ молодъ и закалиться въ службѣ не успѣлъ. Чувство ли покорности судьбѣ: и того, кажется, нѣтъ. То чувство выражается сознательною мыслью на лицѣ и выработаннымъ ею спокойствіемъ, а у него лицо все такъ же кругло, бѣло, безъ всякихъ отмѣтинъ и примѣтъ. Это простое—равнодушіе, въ самомъ незатѣйливомъ смыслѣ. Съ этимъ же равнодушіемъ онъ, то-есть Ѳаддеевъ—а этихъ Ѳаддеевыхъ легіонъ—смотритъ и на новый прекрасный берегъ, и на невиданное имъ дерево, человѣка—словомъ, все отскакиваетъ отъ этого спокойствія, кромѣ одного, ничѣмъ не сокрушимаго стремленія къ своему долгу—къ работѣ, къ смерти, если нужно. Вглядывался я и заключилъ, что это равнодушіе—родня тому спокойствію, или той безпечности,

съ которой другой Ѳаддеевъ, гдѣ-нибудь на берегу, по веревкѣ, съ топоромъ, взбирается на колокольню и чинитъ шпицъ, или сидитъ, съ кистью, на дощечкѣ и болтается въ воздухѣ, наверху четырехъэтажнаго дома, оборачиваясь, въ размахахъ веревки, спиной, то къ улицѣ, то къ дому. Посмотрите ему въ лицо: есть ли сознаніе опасности? — Нѣтъ. Онъ лишь старается при толчкѣ упереться ногой въ стѣну, чтобъ не удариться колѣнкой. А внизу третій Ѳаддеевъ, который держитъ веревку, не очень заботится о томъ, каково тому вверху: онъ зѣваетъ, съ своей стороны, по сторонамъ.

Ѳаддеевъ и передъ обѣдомъ явился съ приглашеніемъ обѣдать, но едва я сдѣлалъ шагъ, какъ надо было падать, или проворно сѣсть на свое мѣсто.—«Не хочу!» сказалъ я злобно. «Третья склянка! зовутъ, ваше высокоблагородіе», сказалъ онъ, глядя по обыкновенію въ стѣну. Но на этотъ разъ [illegible] улыбнулся. «Что ты смѣешься?» спросилъ я. Онъ [illegible] хотѣлъ. «Что съ тобой?» — «Да смѣхъ [illegible] — «[illegible]» — «Шведовъ треснулся голо[illegible] «[illegible]» «Съ [illegible] сорвался: мы [illegible] крючку, крючокъ сорвался, мы [illegible] упали просто и [illegible] — [illegible] смѣхъ! Теперь [illegible]

[illegible]

сомъ отвѣчалъ Ѳаддеевъ. — «Паисовъ, что ли?» — «Паисовъ?» — «Да говори скорѣй, еще кто?» спросилъ опять разсыльный. «Еще?» продолжалъ Ѳаддеевъ спрашивать. — «Поди къ вахтенному», сказалъ разсыльный: «всѣхъ требуютъ!» Ѳаддеевъ сдѣлался очень серьёзенъ и пошелъ, а по возвращеніи былъ еще серьёзнѣе. Я догадался, въ чемъ дѣло. — «Что жъ ты не смѣешься?» спросилъ я: «кажется, не одному Шведову досталось?» Онъ молчалъ. — «А Паисову досталось?» Онъ опять разразился хохотомъ. — «Досталось, досталось и ему!» весело сказалъ онъ.

«Нѣтъ, этого мы еще не испытали!» думалъ я, покачиваясь на диванѣ и глядя, какъ дверь кланялась окну, а зеркало шкапу. Ѳаддеевъ пошелъ-было вонъ, но мнѣ пришло въ голову пообѣдать тутъ же на мѣстѣ. — «Не принесешь ли ты мнѣ чего-нибудь поѣсть въ тарелкѣ?» спросилъ я: — «попроси жаркого, или холоднаго». — «Отчего не принести, ваше высокоблагородіе, изволь, принесу!» отвѣчалъ онъ. Черезъ полчаса онъ появился съ двумя тарелками въ рукахъ. На одной былъ хлѣбъ, солонка, ножъ, вилка и салфетка; а на другой кушанье. Онъ шелъ очень искусно, упираясь то одной, то другой ногой, и держа въ равновѣсіи руки, а мѣстами вдругъ осторожно присѣдалъ, когда покатость пола становилась очень крута. — «Вотъ тебѣ!» сказалъ онъ (мы съ нимъ были на *ты*; онъ говорилъ *вы* уже въ готовыхъ фразахъ: «ваше высокоблагородіе», или «воля ваша» и т. п.). Онъ сѣлъ подлѣ меня на полу, держа тарелки. — «Чего же ты мнѣ принесъ?» спросилъ я. — «Тутъ все есть, всякія кушанья», сказалъ онъ. — «Какъ все?» Гляжу: въ самомъ дѣлѣ все: вотъ курица съ рисомъ, вотъ горячій паштетъ, вотъ жареная баранина — вмѣстѣ въ одной тарелкѣ, и все прикрыто вафлей. — «Помилуй, вѣдь это ѣсть нельзя. Недоставало только, чтобъ ты мнѣ супу налилъ сюда!» — «Нельзя было», отвѣчалъ онъ простодушно: «того гляди, прольешь». Я сталъ разбирать куски порознь, кладя

кое-что въ ротъ, и такъ мало-по-малу дошелъ—до вафли.— «Зачѣмъ ты не положилъ и супу!» сказалъ я, отдавая тарелки назадъ.

— «Боже мой! кто это выдумалъ путешествія?» невольно, съ горестью, воскликнулъ я: — «ѣдешь четвертый мѣсяцъ, только и видишь сѣрое небо и качку!» Кто-то засмѣялся. — «Ахъ, это вы!» сказалъ я, увидя, что въ каютѣ стоитъ, держась рукой за потолокъ, самый высокій изъ моихъ товарищей, А. И. Л. — «Да право:» продолжалъ я: — «гдѣ же это синее море, голубое небо, да теплота, птицы какія-то, да рыбы, которыхъ, говорятъ, видно на самомъ днѣ?» На ропотъ мой какъ тутъ явился и дѣдъ.

— «Вотъ вѣдь это кто все разсказываетъ о голубомъ небѣ, да о теплѣ!» сказалъ Л. — «Гдѣ же тепло? Подавайте голубое небо и тепло!..» приставалъ я. Но дѣдъ маленькими своими шажками проворно пошелъ къ картѣ и началъ мѣрять по ней циркулемъ градусы, да чертить карандашомъ.— «Слышите ли?» сказалъ я ему.

— «42 и 18!» говорилъ онъ вполголоса. Я повторилъ ему мою жалобу.

— «Дайте пройти Бискайскую бухту — вотъ и будетъ вамъ тепло! Да погодите еще, и тепло наскучитъ: будете вздыхать о холодѣ. Что вы все сидите? Пойдемте».

— «Не могу, я не стою на ногахъ».

— «Пойдемте, я васъ отбуксирую!» сказалъ онъ и повелъ меня на шканцы. Опираясь на него, я вышелъ «на улицу» въ тотъ самый моментъ, когда палуба вдругъ какъ будто вырвалась изъ-подъ ногъ и скрылась, а передъ глазами очутилась цѣлая изумрудная гора, усыпанная голубыми волнами, съ бѣлыми, будто жемчужными, верхушками, блеснула и тотчасъ же скрылась за бортъ. Меня стало прижимать къ пушкѣ, оттуда потянуло къ люку. Я обѣими руками уцѣпился за лееръ.

— «Ведите назадъ!» сказалъ я дѣду.

— «Что вы? посмотрите: отлично!»

У него все отлично. Несетъ ли попутнымъ вѣтромъ по десяти узловъ въ часъ — «славно, отлично!» говоритъ онъ. Дуетъ ли вѣтеръ прямо въ лобъ и пятитъ назадъ — «чудесно!» восхищается онъ; — «по полтора узла идемъ!» На него не дѣйствуетъ никакая погода. Онъ и въ жаръ и въ холодъ всегда застегнутъ, всегда бодръ; только въ жаръ подбородокъ у него свѣтится, какъ будто вымазанный масломъ; въ качку и не въ качку стоитъ на ногахъ твердо, заложивъ коротенькія руки на спину, или немного пониже, а на ходу шагаетъ маленькими шажками. Его не возмущаетъ ни буря, ни штиль — ему все равно. Близко ли берегъ, далеко ли — ему тоже дѣла нѣтъ. Онъ былъ почти вездѣ, а гдѣ не былъ, такъ не печалится, если не удастся побывать. Я не слыхалъ, чтобъ онъ на что-нибудь или на кого-нибудь жаловался. — «Отлично!» твердитъ только. А если кто-нибудь при немъ скажетъ или сдѣлаетъ не отлично, такъ онъ посмотритъ только испытующимъ взглядомъ на всѣхъ кругомъ и улыбнется по-своему. Онъ напоминаетъ собою тѣхъ созданныхъ Купером лицъ, которыя родились и воспитались на морѣ, или въ глухихъ лѣсахъ Америки, и на которыхъ природа, окружавшая ихъ, положила неизгладимую печать. И онъ тоже съ тринадцати лѣтъ ходитъ въ море и двухъ лѣтъ сряду никогда не жилъ на берегу. За своеобразіе ли, за доброту ли — а его всѣ любили. — «Здравствуйте, дѣдъ! Куда вы это торопитесь?» говорила молодость. — «Не мѣшайте: иду *опредѣлиться?*» отвѣчалъ онъ, и шелъ, не оглядываясь, *ловить* солнце. — «Да гдѣ мы теперь?» спрашивали опять. — «Въ Божіемъ мірѣ!» — «Знаемъ; да гдѣ?» — «38° сѣв. широты и 12° западной долготы».—«На параллели чего?»—«А поглядите на карту». — «Скажите...» — «Пустите, пустите!» говорилъ онъ, расталкивая молодежь, какъ толпу ребятишекъ.

— «Холодно, дѣдъ! ведите меня назадъ», говорилъ я.

«Что за холодно—отлично!» отвѣчалъ онъ.

Не дождавшись его, я пошелъ одинъ опять на свое мѣсто, но дорого заплатилъ за смѣлость. Я вошелъ въ каюту и не успѣлъ добѣжать до большой полукруглой софы, какъ вдругъ сильно поддало. Чувствуя, что мнѣ не устоять и не усидѣть на полу, я быстро опустился на маленькій диванъ и думалъ, что спасусь этимъ; но не тутъ-то было: надо было держаться къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Диванъ былъ пригвожденъ и не упалъ, а я, какъ ни крѣпился, но долженъ былъ, къ [illegible] прискорбію, разстаться съ диваномъ. Меня [illegible] съ мѣста и ударило грудью о кресло такъ сильно, [illegible] на мѣстѣ, потому что было [illegible], но у него подломилась ножка, а меня [illegible] дальше по полу. [illegible]

[illegible]

обыкновеннымъ, природнымъ днемъ, является какой-то другой, искусственный, называемый на берегу ночью, а тутъ полный заботъ, работъ, возни. Томительныя сутки шли за сутками. Человѣкъ мечется въ тоскѣ, ищетъ покойнаго угла, хочетъ забыться, забыть море, качку, почитать, поговорить — не удается. Всякій суставъ въ немъ, всякій нервъ бодрствуетъ, раздраженный и утомленный продолжительнымъ напряженіемъ. Прошлое спокойствіе, минуты счастья, отличное плаваніе, родина, друзья—все забыто, а если и припоминается, такъ съ завистью. «Да неужели есть берегъ?» думаешь тутъ: «ужели я былъ когда-нибудь на землѣ, ходилъ твердой ногой, спалъ въ постели, мылся прѣсной водой, ѣлъ четыре-пять блюдъ, и все въ разныхъ тарелкахъ, читалъ, писалъ на столѣ, который не пляшетъ? Ужели есть сады, теплый воздухъ, цвѣты...» И цвѣты припомнишь, на которые на берегу и не глядѣлъ. Такъ вотъ она, странническая жизнь, исполненная приключеній, тревогъ, бурь, волненій, о которыхъ вздыхалъ я на берегу! Ну, заварилъ кашу, наслаждайся теперь! Неблагодарная память не сохраняетъ добра. Тутъ является жалкое, отравляющее жизнь на морѣ чувство—раскаянія: зачѣмъ поѣхалъ!

Въ этомъ расположеніи я выбрался изъ каюты, въ которой просидѣлъ полторы сутокъ, неблагосклонно взглянулъ на океанъ и, пробираясь въ общую каюту, мысленно повѣрялъ эпитеты, данные ему Байрономъ, Пушкинымъ, Бенедиктовымъ и другими — «угрюмый, мрачный, могучій», и Ѳаддеевымъ—«сердитый».—«Соленый, скучный, безобразный и однообразный!» прибавилъ я къ этому списку, сходя по трапу внизъ: «заладилъ одно—и конца нѣтъ!»

Внизу вездѣ вода, сырость; спали кое-какъ, гдѣ попало. Я тутъ же прилегъ и разъ десять вскакивалъ ночью, пробуждаясь отъ скрипа, отъ какого-нибудь внезапнаго крика, отъ топота людей, отъ свистковъ; впросонкахъ видѣлъ, какъ дѣдъ приходилъ и уходилъ съ веселымъ видомъ.

— «Качаетъ, дѣдъ!» жаловался я.

— «Еще бы не качать: крутой бейдевиндъ!» сказалъ онъ. «Отлично!»

— «Что же отличнаго?..»

— «Какъ что: 10½ узловъ ходу, прошли Бискайскую бухту, утромъ будемъ на параллели Финистерре».

— «Полите вы, отлично!»

Вдругъ показался въ дверяхъ своей каюты О. А. Г., котораго мы звали переводчикомъ. Блѣдный, съ подушкой въ рукахъ, онъ вошелъ въ общую каюту и легъ на круглую софу. Его мутило. Онъ не зналъ сна, аппетита. Полежавъ такъ минутъ пять, онъ перешелъ на кушетку, потомъ садился на стулъ, но вскакивалъ опять и нигдѣ не находилъ покоя. Жертва морской болѣзни съ перваго выхода въ море, онъ возбуждалъ общее, но безполезное участіе. Его [illegible] на [illegible] и подвѣсили тамъ койку [illegible], черезъ который проходилъ свѣжій воздухъ. [illegible] за свою досаду, и я пересталъ [illegible]

[illegible]

политики, ума и глупостей, безобразія и красоты, глубокомыслія и пошлостей—пожить бы эпикурейцомъ, насмѣшливымъ наблюдателемъ всѣхъ этихъ проказъ!» «А вотъ Испанія съ своей цвѣтущей Андалузіей», уныло думалъ я, глядя въ ту сторону, гдѣ дѣдъ указалъ быть испанскому берегу. «Севилья, caballeros, съ гитарами и шпагами, женщины, балконы, лимоны, померанцы. Dahin бы, въ Гренаду куданибудь, гдѣ такъ умно и изящно путешествовалъ эпикуреецъ Б., умѣвшій вытянуть до капли всю сладость испанскаго неба и воздуха, женщинъ и апельсиновъ — пожить бы тамъ, полежать подъ олеандрами, тополями, сочетать русскую лѣнь съ испанскою и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ».

Но фрегатъ мчится — едва только дѣдъ успѣваетъ доносить начальству: 40, 38, 35 градусовъ, параллель — Сан-Винцента, Кадикса... Прощай Испанія, прощай Европа! Прощайте друзья мои! увижу ли я васъ? Дойдутъ ли когданибудь до васъ эти строки, которыя пишу, точно подъ шумъ столѣтней дубравы, хотя подъ южнымъ, но еще сѣрымъ небомъ, пишу въ тепломъ байковомъ пальто? Далеко, кажется, уѣхалъ я, но *чую* еще сѣверъ *смущенной* душой; до меня еще доносится дыханіе его зимы, вижу его колоритъ на водѣ и небѣ. Я какъ будто близко. Я не вижу ни голубого неба, ни синяго моря. Шумъ, холодъ и соленые брызги—вотъ пока моя сфера!

18-го января, въ осьмой день по выходѣ изъ Англіи, часовъ въ 9 утра, кто-то постучался ко мнѣ въ дверь.—«Кто тамъ?» спросилъ я. — «Я», послышался отвѣтъ. — «А! это вы, милый мой сосѣдъ?» — «Что вы дѣлаете?» спросилъ онъ. — «Что?» отвѣчалъ я вопросомъ, какъ Ѳаддеевъ. — «Вѣрно, лежите?» — «Почти...» сказалъ я, барахтаясь отъ качки въ постели, одолѣваемый подушками. — «Стыдитесь!» —«Я и то стыжусь, да что жъ мнѣ дѣлать?» говорилъ я, уминая подушки и руками, и ногами.—«Мадера видна».—

«Что вы? Ѳаддеевъ, Ѳаддеевъ!» закричалъ я. Онъ вошелъ.— «Что жъ ты не идешь будить меня? Мадера видна?» спросилъ я, думая, не подшутилъ ли надо мной сосѣдъ.—«Мадера?» спросилъ Ѳаддеевъ, глядя на меня такъ тонко, какъ дай-Богъ хоть какому дипломату.—«Ну, да?» сказалъ я съ нетерпѣніемъ. Онъ сталъ смотрѣть на стѣну съ обычнымъ равнодушіемъ. — «Берегъ виденъ», отвѣчалъ онъ, помолчавъ: «ужъ съ седьмого часа». — «Что жъ ты не пришелъ мнѣ сказать?» упрекнулъ я его.—«Воды горячей не было— бриться», отвѣчалъ онъ: «да и сапоги не чищены».—«Ну, давай, давай одѣваться! Что тамъ наверху?» — «Господи! какъ тепло, хорошо ходить-то по палубѣ: мы всѣ сапоги сняли», отвѣчалъ онъ съ своимъ равнодушіемъ, не спрашивая ни себя, ни меня и никого другого объ этомъ внезапномъ теплѣ въ январѣ, не дѣлая никакихъ сближеній, не задавая себѣ задачь... «Господи!» отвѣчалъ я: «какъ тебѣ должно быть занимательно и путешествовать, и жить на свѣтѣ, младенецъ съ исполинскими кулаками! Живо, живо, одѣваться!» прибавилъ я. — «Успѣешь, ваше высокоблагородіе», отвѣчалъ онъ. «вотъ- на, прежде умойся!» Я боялся улыбнуться: мнѣ жаль было портить это костромское простодушіе европейской цивилизаціей, тѣмъ болѣе, что мы уже вышли изъ Европы и подходили... къ Костромѣ, въ своемъ родѣ.

Я вышелъ на палубу. Что за картина! Вмѣсто уродливыхъ буруновъ съ пѣной и брызгами — крупная, но ровная зыбь. Вѣтеръ не рѣзалъ лица, а игралъ около щекъ, какъ шелковая ткань, и пріятно щекоталъ нервы. Солнце сильно грѣетъ. Передъ глазами, въ трехъ миляхъ, лежитъ масса бурыхъ холмовъ, [illegible] разнообразная глыба земли [illegible] другъ черезъ [illegible] выше [illegible] какъ будто оторвалась и упала [illegible] Все казалось [illegible] Но даль

обманывала меня: это не мохъ, а цѣлые лѣса; нигдѣ не видать жилья. Холмы, какъ пустая декорація, поднимались изъ воды и, кажется, грозили рухнуть, лишь только подойдешь ближе. Налѣво виденъ былъ, но довольно далеко, *Порто-Санто*, а еще дальше—*Дезертосъ*, маленькіе островки, или, лучше сказать, скалы. Дѣдъ пальцемъ показывалъ рулевымъ какъ держать въ проливъ между ними. Мы еще были сбоку Мадеры. Лицомъ она смотрѣла къ югу. Стали огибать уголъ...

18 января. Какъ прекрасна жизнь, между прочимъ, и потому, что человѣкъ можетъ путешествовать! Cogito ergo sum — путешествую, слѣдовательно, наслаждаюсь, перевелъ я на этотъ разъ знаменитое изреченіе, поднимаясь въ носилкахъ по горѣ и упиваясь необыкновеннымъ воздухомъ, не зная, на что смотрѣть: на виноградники ли, на виллы, или на синее небо, или на океанъ. Мнѣ казалось, что я съ этого утра только и началъ путешествовать, что судьба нарочно послала намъ грозныя, тяжелыя и скучныя испытанія, крѣпкій, семь дней безъ устали свирѣпствовавшій холодный вѣтеръ и сѣрое небо, чтобъ живѣе тронуть мягкостью воздуха, теплымъ блескомъ солнца, нѣжнымъ колоритомъ красокъ и всей этой гармоніей волшебнаго острова, которая связуетъ здѣсь небо съ моремъ, море съ землей — и все вмѣстѣ съ душой человѣка.

Когда мы обогнули восточный берегъ острова и повернули къ южному, насъ ослѣпила великолѣпная и громадная картина, которая какъ будто поднималась изъ моря, заслонила собой и небо, и океанъ, одна изъ тѣхъ картинъ, которыя видишь въ панорамѣ, на полотнѣ, и не вѣришь, приписывая обольщенію кисти. Группа горъ тѣсно жалась къ одной главной горѣ—это первая большая гора, которую увидѣли многіе изъ насъ, и то она помѣщена въ аристократію горъ, не за высоту, составляющую всего около 6000 футовъ надъ уровнемъ моря, а за свое вино. Не намъ,

особенно послѣ низменныхъ и сырыхъ береговъ Англіи, гора показалась исполиномъ. И какъ она была хорошо убрана! На вершинѣ бѣлѣлся снѣгъ, а бока покрыты темною, мѣстами бурою растительностью; кое-гдѣ ярко зеленѣли сады. Въ разныхъ мѣстахъ по горамъ носились облака. Тамъ бѣлое облако стояло неподвижно, какъ будто прильнуло къ землѣ, а тамъ раскинулось по горѣ другое, тонкое и прозрачное, какъ кисея, и сѣяло дождь: гора опоясывалась радугами. Въ одномъ мѣстѣ кроется цѣлый лѣсъ въ темнотѣ, а тутъ вдругъ обольется ярко лучами солнца, какъ золотомъ, крутая окраина съ садами. Не знаешь, на что смотрѣть, чѣмъ любоваться; бросаешь жадный взглядъ всюду и не поспѣваешь слѣдить за этой игрой свѣта, какъ въ діорамѣ.

По скату горы шли виноградники, изъ-за зелени которыхъ выглядывали виллы. На полгорѣ, на уступѣ, видна церковь, господствующая надъ садами и надъ городомъ. Городъ Фунчалъ... Ужели это городъ: эти бѣлѣющіе внизу у самой подошвы, на берегу, дома, какъ будто крошки сахара, или отвалившейся откуда-то штукатурки? Чѣмъ ближе подвигались мы къ берегу, тѣмъ становилось теплѣе. Чувствуешь чье-то близкое, горячее дыханіе на лицѣ. Горы справа, слѣва, утесами спускались къ берегу. На одномъ изъ нихъ, слѣва отъ города, поставлена батарея. Внизу, подъ бокомъ другого утеса, пробирался къ рейду купеческій корабль. Мы навели зрительныя трубы на него. Корабль былъ буквально покрытъ, почти задавленъ пассажирами, все эмигрантами, ѣдущими изъ Европы въ Америку. или Австралію. Ну, дай Богъ имъ счастливо добраться! Намъ показалось, что ихъ тамъ болѣе трехсотъ человѣкъ. Какъ они помѣщаются?.. Всѣ они вышли смотрѣть берегъ.

Гавани на Мадерѣ нѣтъ, и рейдъ ея неудобенъ для судовъ, потому что нѣтъ глубины, или она, пожалуй, есть, и слишкомъ большая, оттого и не годится для якорной стоянки:

недалеко отъ берега—60 и 50 саженъ; наконецъ почти у самой пристани, такъ что съ судовъ разговаривать можно—все еще пятнадцать саженъ. Военныя суда мало становятся здѣсь на якорь, а купеческія хотя и останавливаются, но чуть подуетъ вѣтеръ съ юга, они уходятъ на сѣверную сторону, а отъ сѣверныхъ вѣтровъ прячутся здѣсь. Мы остановились здѣсь только за тѣмъ, чтобъ взять живыхъ быковъ и зелени, поэтому и рѣшено было на якорь не становиться, а держаться на парусахъ въ теченіе дня; слѣдовательно, остановка предполагалась кратковременная, и мы поспѣшили воспользоваться ею. Судно наше не въ первый разъ видѣло эти берега. Нѣсколько лѣтъ назадъ оно было здѣсь и зимовало въ Лиссабонѣ.

Насъ окружили шлюпки всякихъ величинъ и формъ. Пріѣхалъ капитанъ надъ портомъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ и освѣдомиться о здоровьѣ плавателей. Кажется, чего учтивѣе? А скажите-ка, что вы нездоровы, что у васъ, напримѣръ, человѣкъ двадцать-тридцать больныхъ лихорадкой, такъ васъ очень учтиво попросятъ не съѣзжать на берегъ и какъ можно скорѣе удалиться. Привезли апельсиновъ, еще чего-то; пріѣхала прачка, трактирщица; всѣ совали намъ въ руки свои адреса, и я опустилъ въ карманъ своего пальто еще двѣ карточки, къ дюжинамъ прочихъ, пріобрѣтенныхъ въ Англіи. Ихъ такъ много накопилось въ карманахъ всѣхъ платьевъ, что лѣнь было заняться побросать ихъ за бортъ. «Въ другое время, nur nicht heute», думалъ я согласно съ извѣстнымъ нѣмецкимъ двустишіемъ. Послѣ всего этого отдѣлилась отъ берега шлюпка подъ русскимъ флагомъ. Въ ней сидѣлъ русскій чиновникъ, въ вицмундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ русскимъ орденомъ въ петлицѣ. Это—консулъ. Онъ узналъ сейчасъ корабль, спросилъ, нѣтъ ли между плавателями старыхъ знакомыхъ и пригласилъ насъ нѣсколько человѣкъ къ себѣ на обѣдъ. Былъ часъ одиннадцатый

утра, когда мы сѣли въ консульскую шлюпку. Гребцы, всѣ португальцы, одѣтые очень картинно, въ бѣлыхъ спенсерахъ, съ отложными воротниками, въ маленькихъ, едва покрывающихъ темя, красныхъ или синихъ шапочкахъ, но безъ обуви. Шея и грудь открыты; всѣ почти съ бородами, но безъ усовъ, и бо̀льшею частью рослый, красивый народъ.

Я, бывало, съ большой недовѣрчивостью читалъ въ путешествіяхъ о какихъ-то необыкновенныхъ запахахъ, которые [illegible] съ берега за версту до [illegible] заются. Я думалъ, что эти запахи [illegible] въ [illegible] XIV и XV-го, когда [illegible]. Но вотъ, въ [illegible] 18[illegible], мы [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

ванія! Походка еще невѣрна; надо нѣсколько минутъ привыкать ходить, отвыкнешь и устаешь сразу.

На бульварѣ, подъ яворами и олеандрами, стояли неподвижно три человѣческія фигуры, гладко обритыя, съ синими глазами, съ красивыми бакенбардами, въ черномъ платьѣ, бѣлыхъ жилетахъ, въ круглыхъ шляпахъ, съ зонтиками, и съ пронзительнымъ любопытствомъ смотрѣли то на наше судно, то на насъ. Нужно ли называть ихъ? И тутъ они? Мало еще мы видѣли ихъ! Лучшіе дома въ городѣ и лучшіе виноградники за городомъ принадлежатъ англичанамъ. Пусть бы такъ; да зачѣмъ сами-то они здѣсь? Какъ непріятно видѣть въ мягкомъ воздухѣ, подъ нѣжнымъ небомъ, среди волшебныхъ красокъ, эти жёсткія явленія! Но мы развлечены были разнообразіемъ другихъ предметовъ. Музыка, едва слышная на рейдѣ, раздавалась громко изъ одного длиннаго зданія—казармъ, какъ сказалъ консулъ: музыканты учились. Мы пошли по улицамъ, расположеннымъ амфитеатромъ, потому что гора начинается прямо отъ берега. Однако идти по мостовой не совсѣмъ гладко: она вся состоитъ изъ небольшихъ, довольно острыхъ каменьевъ; и сквозь подошву чувствительно. Въ домахъ жалюзи наглухо опущены отъ жары; дома очень просты, въ два этажа и въ одинъ; многіе окружены каменнымъ заборомъ. Вездѣ видны сады, зелень, плющи; даже мостовая поросла мелкой травой.

Но отчего на улицахъ мало дѣятельности? Толпа народа гуляетъ праздно; всѣ нарядно одѣты. На югѣ вообще работать не охотники; но ужъ такъ лѣниться, что нигдѣ ни признака труда—это изъ рукъ вонъ.—«Сегодня воскресенье, оттого и магазины заперты», сказалъ консулъ, который шелъ тутъ же съ нами. Не помню, кто-то изъ путешественниковъ говорилъ, что городъ не чистъ—непранда, онъ очень опрятенъ, а бѣлизна стѣнъ и кровель придаетъ ему даже болѣе, нежели опрятный видъ. Грязи здѣсь, подъ этимъ солнцемъ, быть не можетъ. По словамъ консула, здѣсь никогда болѣе

трехъ дней дурной погоды не бываетъ, и то немного вспрыснетъ дождь, прогремитъ громъ—и снова солнце заиграетъ надъ островомъ. Да оно и не прячется никогда совершенно, и мы видѣли, что оно въ одномъ мѣстѣ свѣтитъ, въ другомъ на полчаса скроется. Оссіановской, сырой и туманной погоды, здѣсь не бываетъ.

Пока мы шли къ консулу, насъ окружила толпа португальцевъ, очень пестрая и живописная костюмами, съ смуглыми лицами, черными глазами, въ шапочкахъ, колпакахъ, или просто съ непокрытой головой, красавцевъ и уродовъ, но больше красавцевъ. Между уродами не мало видно обезображенныхъ оспой. Есть и негры, но немного. Всѣ они, на разныхъ языкахъ, больше по-французски и по-англійски, очень плохо на томъ и другомъ, навязывались въ проводники. — «Вотъ госпиталь, вотъ казармы», говорилъ одинъ; «это церковь такая-то», перебивалъ другой; «а это домъ русскаго консула», добавилъ третій. Мы туда и повернули, и обманутые проводники вдругъ замолчали.

Небольшой каменный домъ консула спрятался за каменную же стѣну, между чистымъ дворомъ и садомъ. Консулъ, родомъ португалецъ, женатъ на второй женѣ, португалкѣ, очень молодой, черноглазой, блѣдной, тоненькой женщинѣ. Онъ представилъ насъ ей, но, къ сожалѣнію, она не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ португальскаго, и потому мы только поглядѣли на нее, а она на насъ. Консулъ говорилъ по-англійски и немного по-французски. Ему лѣтъ за 50. Отъ первой жены у него есть взрослый сынъ, котораго онъ обѣщалъ показать намъ за обѣдомъ. Насъ ввели почти въ темную гостиную; было прохладно, но подняли жалюзи, и въ комнату хлынулъ свѣтъ и жаръ. Изъ оконъ прекрасный видъ внизъ, на расположенные амфитеатромъ по берегу дома и на рейдъ. Но мы только что ступили на подошву горы: домъ консула недалеко отъ берега—прекрасные виды еще были вверху.

Поговоривъ немного съ хозяиномъ и помолчавъ съ хозяйкой, мы объявили, что хотимъ гулять. Сейчасъ явилась опять толпа проводниковъ, и другая съ верховыми лошадьми. На одной площадкѣ, подъ большимъ деревомъ, мы видѣли много этихъ лошадей. Трое или четверо нашихъ сѣли на лошадей и скрылись съ проводниками. Консулъ предложилъ, не хочу ли я, мнѣ приведутъ также лошадь, или не предпочту ли я паланкинъ. — «Въ паланкинѣ было бы покойнѣе», сказалъ я. Консулъ не успѣлъ перевести оставшейся съ нами у воротъ толпѣ моего отвѣта, какъ и эта толпа бросилась отъ насъ и исчезла. Консулъ извинился, что не можетъ провожать насъ въ горы.—«Тамъ воздухъ холоденъ», сказалъ онъ: «теперь зима, и я боюсь за себя. Вамъ совѣтую надѣть пальто», прибавилъ онъ, но я оставилъ пальто у него въ домѣ. Зима! хороша зима: по улицѣ жарко идти, солнце пропекаетъ спину чуть не насквозь.—«Не опоздайте же къ обѣду: въ 4 часа!» кричалъ мнѣ консулъ, когда я, въ ожиданіи паланкина, пошелъ по улицѣ пѣшкомъ. За мной увязались идти двое мальчишекъ; одинъ болталъ по-французски, то-есть исковеркаетъ два слова французскихъ, да прибавитъ три португальскихъ; другой то же дѣлалъ съ англійскимъ языкомъ. Однакожъ мы какъ-то понимали другъ друга.

Я не торопился на гору: мнѣ еще ново было все въ городѣ, гдѣ на всемъ лежитъ яркій, южный колоритъ. И тутъ солнце свѣтитъ не по-нашему, какъ-то румянѣе: тѣни отъ того всѣ рѣзче, или ужъ мнѣ такъ показалось послѣ продолжительной дурной погоды. Изъ-за заборовъ выглядываетъ не наша зелень. Вездѣ по стѣнамъ и около оконъ фестономъ лѣпится безконечный плющъ, да цѣлая ширма широколиственнаго винограда. Мѣстами видны, поверхъ заборовъ, высокія стройныя деревья, съ мелкою зеленью, это—мирты и кипарисы. Народъ, не похожій на нашъ, сѣверный: все смуглыя лица, да рѣзкія, подвижныя черты. А вотъ вдругъ

вижу, однакожъ, что-то очень сѣверное, будто сани. Что за странность: экипажи на полозьяхъ, изъ свѣтлаго, кажется, ясневаго или пальмоваго дерева; на нихъ мѣста, какъ въ кабріолетѣ. Запряжены эти сани парой быковъ, которые, разумѣется шагомъ, тащатъ странный экипажъ по каменьямъ. Въ экипажѣ сидитъ семейство: мужъ съ женой и дѣти.— «Стало-быть, колясокъ и каретъ здѣсь нѣтъ», заключилъ я: «мало мѣста, и ѣздить имъ на году круто, а по городу негдѣ». Ѣздятъ верхомъ и въ носилкахъ. Мимо меня проскакала, на небольшой красивой лошадкѣ, плотная барыня, вся въ бѣлой кисеѣ, въ бѣлой шляпѣ; подлѣ, держась за уздечку, бѣжалъ проводникъ. И наши поѣхали съ проводниками, которые тоже бѣжали рядомъ съ лошадью, да еще въ гору — что же у нихъ за легкія? Другую барыню быстро пронесли мимо меня въ паланкинѣ. Такъ вотъ онъ, паланкинъ! Это маленькая повозочка, или колясочка, въ родѣ дѣтскихъ, обитая какой-нибудь матеріей, обыкновенно ситцемъ или клеенкой. Къ крышкѣ ея придѣлана посрединѣ толстая жердь, которую проводники кладутъ себѣ на плечи. Я все шелъ пѣшкомъ, и двое мальчишекъ со мной. Въ домахъ иногда открывались жалюзи; изъ-за нихъ сверкалъ чей-то глазъ, и потомъ рѣшетка снова захлопывалась. Это какой-нибудь сонный португалецъ, или португалка, услышавъ звонкіе шаги по тихой улицѣ, на минуту выглядывали, какъ въ провинціи, удовлетворить любопытству, и снова погружались въ дремоту сіесты. Дальше опять я видѣлъ важно шагающаго англичанина, въ бѣломъ галстукѣ, и если не съ зонтикомъ, такъ съ тростью. Тамъ, должно быть у кабака, толпится кучка народу. Но все тихо: по климату — это столица міра: по тишинѣ, малолюдству и образу жизни — степная деревня.

Слышу топотъ за собой. За мной мчится паланкинъ: проводники догнали меня и поставили носилки на землю. Напрасно я упрашивалъ ихъ взять мои вещи; они схватили

меня съ крикомъ за обѣ руки и буквально упрятали въ колыбель. Мнѣ было какъ-то неловко, совѣстно ѣхать на людяхъ, и я опять-было выскочилъ. Они опять стали бороться со мной и таки-посадили или, лучше сказать, положили, потому что сидѣть было неловко. — «А что жъ, ничего!» думалъ я; «мнѣ хорошо, какъ на диванѣ; каково имъ? Пусть себѣ несутъ, коли ѣсть охота!» Я ожидалъ, что они не поднимутъ меня, но они, какъ ребенка, вскинули меня съ паланкиномъ вверхъ и помчали по улицамъ. А всего двое: но зато, что̀ за рослый, красивый народъ! какъ они стройны, мужественны на взглядъ! Изъ-за отстегнутаго воротника рубашки глядѣла смуглая и крѣпкая грудь. Оба, разумѣется, черноглазые, черноволосые, съ длинными бородами. Скоро мы стали подниматься въ гору; я думалъ, тутъ устанутъ они, но они шли скорымъ шагомъ. Однакожъ, лежать мнѣ надоѣло: я привсталъ, чтобъ сѣсть и смотрѣть по сторонамъ. Преширокая ладонь подкралась сзади и тихонько опрокинула меня опять на спину.—«Это что?» Я опять привсталъ, колыбель замоталась и пошла медленнѣе. Опять та же ладонь хочетъ опрокидывать меня.—«Я сидѣть хочу, goddam», закричалъ я. Они объяснили, что имъ такъ неловко нести, тяжело...—«А, тяжело? мнѣ что за дѣло: взялись, такъ несите». Но чуть я задумывался, ладонь осторожно пыталась, какъ будто незамѣтно отъ меня самого, опрокинуть меня. Мнѣ надоѣло это, и я пошелъ пѣшкомъ. «Зима — хороша зима!» думалъ я, скидая жакетку. А консулъ совѣтовалъ еще надѣть пальто, говорилъ, что въ горахъ воздухъ холоденъ. Какъ не холоденъ—печетъ!

Проводники вдругъ остановились у какого-то домика, что-то крикнули, и намъ вынесли кружки три вина. Подаютъ и мнѣ—какъ не попробовать: вѣдь это мадера, еще и прямо изъ источника! Точно, мадера; но что за дрянь! должно быть молодое вино. Я отдалъ кружку назадъ. Проводники поклонились мнѣ и мгновенно осушили свои кружки,

а двое мальчишекъ, которые бѣжали рядомъ съ паланкиномъ и на гору, выпили мою. Все это, конечно, на мой счетъ, потому что, подавъ кружки, португалецъ обратился ко мнѣ съ словами: «One shilling, signor». Изъ-за забора выглядывала виноградная зелень, но винограда уже не было ни одной ягоды: онъ весь собранъ давно. Меня понесли дальше; съ проводниковъ ручьями лилъ потъ. — «Какъ же вы пьете вино, когда и такъ жарко?» спросилъ я ихъ съ помощью мальчишекъ и посредствомъ трехъ или четырехъ языковъ. — «Вино-то и помогаетъ: безъ него устали бы», отвѣчали они и, вѣроятно на основаніи этой гигіены, черезъ полчаса остановились на горѣ у другого виноградника и другой лавочки, и опять выпили.

Тутъ на дверяхъ висѣла связка какихъ-то незнакомыхъ мнѣ плодовъ, съ виду похожихъ на огурцы средней величины. Кожа, какъ на бобахъ — на иныхъ зеленая, на другихъ желтая. — «Что это такое?» спросилъ я. — «Бананы», говорятъ. — «Бананы! тропическій плодъ! Дайте, дайте сюда!» Мнѣ подали всю связку. Я оторвалъ одинъ и очистилъ — кожа слѣзаетъ почти отъ прикосновенія; попробовалъ — не понравилось мнѣ: прѣсно, отчасти сладко, но вяло и приторно, вкусъ мучнистый, похоже немного и на картофель, и на дыню, только не такъ сладко, какъ дыня, и безъ аромата, или съ своимъ собственнымъ, какимъ-то грубоватымъ букетомъ. Это скорѣе овощъ, нежели плодъ, и между плодами онъ — parvenu. Я заплатилъ шиллингъ и пошелъ къ носилкамъ; но хозяинъ лавочки побѣжалъ за мной и совалъ мнѣ всю связку. — «Не надо!» сказалъ я. — «Вы заплатили за всю, signor! такъ надо», говорилъ онъ и положилъ связку въ носилки.

Мы поднимались все выше, дорога шла круче. — «Что это такое?» спрашивалъ я, часто встрѣчая по сторонамъ прекрасные сады съ домами. — «English garden» (англійскій садъ), говорили проводники. На лучшихъ мѣстахъ вездѣ

были english garden. Я входилъ въ ворота, и глаза разбѣгались по прекраснымъ аллеямъ тополей, акацій, кипарисовъ. Въ тѣни зелени прятались дома изящной архитектуры, съ галлереями, верандами, со всѣми затѣями барской роскоши; тутъ же были и ихъ виноградники. Англичане здѣсь господа; лучшее вино идетъ въ Англію. Между португальскими торговыми домами мало богачей. Нашъ консулъ считается значительнымъ виноторговцемъ, но онъ живетъ очень скромно, въ сравненіи съ британскими негоціантами. Они торгуютъ не однимъ виномъ. По просьбѣ консула, несмотря на воскресенье, намъ отперли одинъ магазинъ, лучшій на всемъ островѣ, и этотъ магазинъ—англійскій. Чего въ немъ нѣтъ! англійскія иглы, ножи и прочія стальныя вещи, англійскія бумажныя и шерстяныя ткани, сукна; ихъ же бронза, фарфоръ, ирландскія полотна. Сожалѣть ли объ этомъ, или досадовать—право, не знаю. Оно досадно, конечно, что англичане на всякой почвѣ, во всѣхъ климатахъ пускаютъ корни, и всюду прививаются эти корни. Еще досаднѣе, что они носятся съ своею гордостью, какъ курица съ яйцомъ, и кудахтаютъ на весь міръ о своихъ успѣхахъ; наконецъ, еще болѣе досадно, что они не всегда разборчивы въ средствахъ къ пріобрѣтенію правъ на чужой почвѣ, что берутъ, чуть можно, посредствомъ англійской промышленности и англійской юстиціи; а гдѣ это не въ ходу, такъ вспоминаютъ средневѣковой фаустрехтъ—все это досадно изъ рукъ вонъ. Но зачѣмъ не сказать и правды? Не будь ихъ на Мадерѣ, гора не воздѣлывалась бы такъ дѣятельно, не была бы застроена такими изящными виллами, да и дорога туда не была бы такъ удобна; народъ этотъ не одѣвался бы такъ чисто по воскресеньямъ. Не даромъ онъ говоритъ по-англійски: даромъ южный житель не пошевелитъ пальцемъ, а тутъ онъ шевелитъ языкомъ, да еще по-англійски. Англичанинъ даетъ ему нескончаемую работу и за все платитъ золотомъ, котораго въ Португаліи не много. Конечно,

въ другомъ мѣстѣ тотъ же англичанинъ возьметъ самъ золото, да еще и отравитъ, какъ въ Китаѣ, напримѣръ... Но теперь не о Китаѣ рѣчь.

На одной виллѣ, за стѣной, на балконѣ, я видѣлъ прекрасную женскую головку: она глядѣла на дорогу, но такъ гордо, съ такимъ холоднымъ достоинствомъ, что неловко и нескромно было смотрѣть на нее долго. Голубые глаза; льняные волосы: должно быть, миссъ, или леди, но никакъ не синьора. Однако, я усталъ идти пѣшкомъ и уже не насильно легъ въ паланкинъ, но вдругъ вскочилъ опять: подо мной что-то было: я легъ на связку съ бананами и раздавилъ ихъ. Я хотѣлъ выбросить ихъ, но проводники взяли, раздѣлили поровну и съѣли. Мы продолжали подниматься по узкой дорогѣ между сплошными заборами по обѣимъ сторонамъ. Кое-гдѣ между зелени выглядывали цвѣты, но мало. А зима, говоритъ консулъ. Хороша зима: олеандръ въ цвѣту!

Вдругъ въ одномъ мѣстѣ мы вышли на открытую со всѣхъ сторонъ площадку. Португальцы поставили носилки на траву.—«Bella vischta, signor!» сказали они. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасный видъ! Описывать его смѣшно. Ужъ лучше снять фотографію: та по крайней мѣрѣ передастъ всѣ подробности. Мы были на одномъ изъ уступовъ горы на половинѣ ея высоты... и того нѣтъ: подъ ногами нашими цѣлое море зелени, внизу народъ, точно игрушка; тамъ чуть-чуть видно, какъ ползаютъ люди и животныя, а дальше вовсе не игрушка — океанъ; на рейдѣ опять игрушки — корабли, въ томъ числѣ и нашъ.

Не хотѣлось уходить оттуда, а пора, да и жарко. Но я все стоялъ.—«Bella vischta!» сказалъ я португальцамъ и потомъ прибавилъ: grazia, не зная, какъ сказать имъ «благодарю». Они поклонились мнѣ, значитъ поняли. Можно снять посредствомъ дагерротипа, пожалуй, и море, и небо, и гору съ садами, но не нарисуешь этого воздуха, которымъ

дышитъ грудь, не передашь его легкости и сладости. Много разсказываютъ о цѣлительности воздуха Мадеры: можетъ быть, дѣйствіе этого воздуха на здоровье замѣтно по послѣдствіямъ; но сладостью, которой онъ напитанъ, упиваешься, лишь только ступишь на берегъ. Я дышалъ, бывало, воздухомъ нагорнаго берега Волги и думалъ, что нигдѣ лучше не можетъ быть. Откроешь утромъ въ лѣтній день окно, и въ лицо дунетъ такая свѣжая, здоровая прохлада. На Мадерѣ я чувствовалъ ту же свѣжесть и прохладу волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду, да, сверхъ того, онъ будто растворенъ... мадерой, скажете вы? Нѣтъ, тонкими ароматами этой удивительной почвы, питающей сѣверныя деревья и цвѣты, рядомъ съ тропическими, на каждомъ клочкѣ земли въ нѣсколько саженъ, и не отравляющей воздуха никакимъ ядовитымъ дыханіемъ жаркаго пояса. Въ этомъ состоитъ особенность и знаменитость острова.

Кажется, ни за что не умрешь въ этомъ цѣлебномъ, полномъ нѣги воздухѣ, въ теплой атмосферѣ, то-есть не умрешь отъ болѣзни, а отъ старости развѣ, и то когда заживешь чужой вѣкъ. Однако, здѣсь оканчиваетъ жизнь дочь бразильской императрицы, сестра царствующаго императора. Но она прибѣгла къ цѣлительности здѣшняго воздуха уже въ послѣдней крайности, какъ прибѣгаютъ къ первому знаменитому врачу—поздно: съ часу на часъ ожидаютъ ея кончины. Португальцы съ выраженіемъ глубокаго участія сказывали, что принцесса—«sick, very sick» (очень плоха) и сильно страдаетъ. Она живетъ на самомъ берегу, въ красивомъ домѣ, который занималъ нѣкогда блаженной памяти Е. И. В. герцогъ Лейхтенбергскій. Капитанъ надъ портомъ, при посѣщеніи нашего судна, просилъ не салютовать флагу, потому что пушечные выстрѣлы могли бы потревожить больную.

Хороша зима! А кто жъ это порхаетъ по кустамъ,

поетъ? Не наши ли лѣтнія гостьи? А тамъ какіе это цвѣты выглядываютъ изъ-за забора? Бываютъ же такія зимы на свѣтѣ!

Меня понесли съ горы другою дорогою, или, лучше сказать, тропинкою, извилистою, узенькою, среди неогороженныхъ садовъ и виноградниковъ, между хижинъ. Во всю дорогу въ глазахъ была та же картина, которую вытѣснятъ изъ памяти только такія же, если будутъ впереди. Намъ попадались все рослые португальцы. Женщины, особенно старыя, повязаны платками, и въ этомъ нарядѣ—точь-въ-точь наши деревенскія бабы. Мы опять остановились у виноградника: это было уже въ третій и, какъ я объявилъ, въ послѣдній разъ. Четвертый часъ—надо было торопиться къ обѣду. Въ небольшомъ домикѣ, или сараѣ съ скамьями, былъ хозяинъ виноградника, или приказчикъ; тутъ же были двѣ женщины. Мнѣ бросилась въ глаза красота одной, южная и горячая. Она была высокаго роста, смугла, съ яркимъ румянцемъ, съ большими черными глазами и съ косой, которая, не укладываясь на головѣ, падала на шею—словомъ, какъ на картинахъ пишутъ римлянокъ. Другую я едва замѣтилъ, хотя она безпрестанно болтала и смѣялась. Она была... старуха.

Прежде, нежели я сѣлъ на лавку, проводники мои держали уже по кружкѣ и пили.—«A signor не хочетъ вина?» спросилъ хозяинъ. Я покачалъ головой.—«А за здоровье синьоры?» спросилъ онъ, замѣтивъ, что я пристально изучаю глазами красавицу. «Вино это не хорошо; красавица лучше стоитъ», сказалъ я. Едва мальчишки перевели [illegible] какъ [illegible] [illegible] кружкой [illegible] вина. Онъ съ [illegible] [illegible] мнѣ кружку и что-то сказалъ, чего я не понялъ. Я поклонился красавицѣ и [illegible] [illegible] не [illegible] что [illegible] [illegible] хорошая мадера». Я съ [illegible] [illegible] и

передалъ кружку красавицѣ. Она отпила немного, но я сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она продолжала; она смѣялась и отговаривалась; хозяинъ сказалъ что-то, и она кончила кружку. — «А за эту?» сказали проводники. Я обернулся: старуха сидѣла уже подлѣ меня. Принесли и еще кружку; я опять попробовалъ за здоровье старой португалки. Благодарностямъ не было конца. Всѣ вышли меня провожать, и хозяинъ, и женщины, награждая разными льстивыми эпитетами.

Мы быстро спустились въ городъ, промчались мимо домовъ, нѣсколькихъ отелей, между прочимъ французскаго, черезъ площадь. На дорогѣ перегнали меня наши спутники верхомъ. По дорогѣ пришлось проходить черезъ рынокъ. Онъ живо напомнилъ мнѣ сцену изъ «Фенеллы»: такая же толпа мужчинъ и женщинъ, пестро - одѣтыхъ, да еще, вдобавокъ, были тутъ негры, монахи; все это покупаетъ и продаетъ. Рынокъ заставленъ корзинами съ фруктами, съ рыбой; тутъ стоймя приставлены къ дверямъ лавокъ связки сахарнаго тростника, который рѣжутъ кусками и продаютъ простому народу, какъ лакомство. Вездѣ лежатъ кучи зелени, овощей. Вдругъ вижу знакомое лицо: это нашъ спутникъ, который закупаетъ провизію. Но отчего у него постное лицо? Меня поднесли къ нему. — «Ахъ, это вы?» сказалъ онъ, прищурясь и вглядываясь въ меня. — «А это вы?» сказалъ я: «что вы такъ невеселы?» — «Да вотъ поглядите», отвѣчалъ онъ, указывая на быка, котораго я въ толпѣ народа и не замѣтилъ: «что это за быкъ? Въ Англіи собаки больше: и десяти пудовъ нѣтъ».—«Ну, пойдемте къ консулу обѣдать», сказалъ я: «и попробуемъ, каковы эти быки на вкусъ». Онъ вздохнулъ, и мы отправились. Быки здѣсь въ самомъ дѣлѣ мелки, но говядина очень хороша.

На дворѣ у консула оба носильщика, спустивъ меня съ носилокъ, протянули ко мнѣ руки, а за ними мальчишки.—

«Сколько они просятъ?» спросилъ я у консула, который смотрѣлъ въ окно. Онъ поговорилъ съ ними.—«Дорого просятъ: три доллара», сказалъ онъ.—«Какъ далеко вы были? гдѣ?» Но почемъ я зналъ, гдѣ я былъ? Я отдалъ ему фунтъ стерлингъ и просилъ заплатить и носильщикамъ, и мальчишкамъ. Получивъ деньги, мальчишки быстро скрылись со двора, а носильщики протянули опять руки.—«Чего имъ?» спросилъ я консула.—«Пустое, не надо!» кричалъ консулъ, махая имъ рукой: «идите, идите! На водку еще просятъ. Не давайте...»—«Да они три раза взяли съ меня натурою», сказалъ я: «теперь вотъ...» Я бросилъ имъ по мелкой монетѣ. Они быстро подобрали и съ поклонами, быстрѣе мальчишекъ, исчезли со двора. А все на русскаго человѣка говорятъ, что проситъ на водку: онъ точно проситъ; но если поднесутъ, такъ онъ и не попроситъ, а жителю юга, какъ вижу теперь, и не поднесутъ, а онъ выпьетъ, и все-таки попроситъ на водку.

Я засталъ хозяйку въ саду. Съ ней была пожилая дама, вся въ черномъ, начиная съ чепца до ботинокъ; и сама хозяйка тоже: онѣ, должно-быть, въ траурѣ. Хозяйка представила меня старушкѣ:—«My mother» (матушка), сказала она. Садъ маленькій, но чего тутъ не было? Кофейныя деревья, бананы, ананасы, множество цвѣтовъ. Хозяйка сорвала одну кофейную почку, открыла и показала намъ внутри два, уже сформировавшіяся кофейныя зерна.—«Какъ жаль, что теперь зима!» говорила она, а мужъ переводилъ:—«ничего нѣтъ! Вонъ ананасы еще не поспѣли», и она указала на гряду извѣстной вамъ зелени ананасовъ.—«Къ десерту нечего подать. Одни только бананы!» Зима! Какъ жаль, что [illegible] зима! До какой степени могутъ избаловаться люди!—«А [illegible] посмотрите-ка, вѣдь это нашъ зеленый лукъ!» сказалъ К., сорвалъ пучокъ, и мы съ нимъ отвѣдали нашего сѣвернаго плода.

Консулъ [illegible] насъ съ [illegible] молодымъ чело-

вѣкомъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Онъ только что воротился изъ Франціи, гдѣ учился медицинѣ. Я все думалъ, какъ обѣдаютъ по-португальски, и ждалъ чего-нибудь своего, оригинальнаго; но оказалось, что нынче по-португальски обѣдаютъ по-англійски: послѣ супа, на столъ разомъ поставили ростбифъ, котлеты и множество блюдъ со всякою зеленью—все явленія знакомыя. Въ этомъ почти и состоялъ весь обѣдъ. Главнымъ украшеніемъ его было вино и десертъ. Вино, разумѣется, мадера, красная и бѣлая. И та, и другая превосходнаго качества, особенно красная, какъ рубинъ, которая называется здѣсь тинто. Лучше, кажется, и не выдумаешь вина. Правда, я пилъ въ Петербургѣ однажды вино, привезенное въ подарокъ отсюда же, превосходное, но другого рода, изъ сладкихъ винъ, извѣстное подъ названіемъ мальвази-мадеры. Красная мадера не имѣетъ ни малѣйшей сладости; это капитальное вино и намъ показалось несравненно выше бѣлой, madeire seccо, которую мы только попробовали, а на другія вина и не смотрѣли.

Десертъ состоялъ изъ апельсиновъ, варенья, банановъ, гранатъ; еще были тутъ, называемыя по-англійски, кастард-эпильзъ (custard-apples), плоды, похожіе видомъ и на грушу, и на яблоко, съ бѣлымъ мясомъ, съ черными сѣменами. И эти были неспѣлые. Хозяева просили насъ взять по нѣсколько плодовъ съ собой и подержать ихъ дня три-четыре и тогда уже ѣсть. Мы такъ и сдѣлали. Дѣйствительно, нѣтъ лучше плода: мягкій, нѣжный вкусъ, напоминающій сливочное мороженое и всю свѣжесть фрукта, съ тонкимъ ароматомъ. Плодъ этотъ, когда поспѣетъ, надо ѣсть ложечкой. Если не ошибаюсь, по-испански онъ называется *нона*. Обѣдъ тянулся довольно долго, по-англійски, и кончился тоже по-англійски: хозяинъ сказалъ спичъ, въ которомъ изъявилъ удовольствіе, что второй разъ уже угощаетъ далекихъ и рѣдкихъ гостей, желалъ счастливаго возвращенія и звалъ вторично къ себѣ.

Уже въ сумерки простились мы съ португальскимъ семействомъ, оказавшимъ намъ гостепріимство. Этотъ день, вырванный изъ береговой жизни, надолго разлилъ чувство удовольствія между нами. Внезапно развернувшаяся передъ нами картина острова, жаркое солнце, яркій видъ города, хотя чужія, но ласковыя лица — все это было нежданымъ, веселымъ праздничнымъ мгновеніемъ и влило живительную каплю въ однообразный, долгій путь. Я забылъ о прошедшихъ неудобствахъ и покойнѣе смотрѣлъ на будущія. Нигдѣ человѣкъ не бываетъ такъ жалокъ, дерзокъ, и по временамъ такъ внезапно счастливъ, какъ на морѣ. Хозяйка дала намъ по букету цвѣтовъ. Я сказалъ, что отошлю свой, въ подарокъ отъ нея, русскимъ женщинамъ. Она повѣрила и нарвала мнѣ еще. Я только сѣлъ въ шлюпку и пустилъ букетъ въ море. — «Что же это? какъ можно?» закричите вы на меня...—А что жъ съ нимъ дѣлать? не послать же въ самомъ дѣлѣ въ Россію.—«Въ стаканъ поставить, да на столъ».— Знаю, знаю. На морѣ это не совсѣмъ удобно.—«Такъ зачѣмъ и говорить хозяйкѣ, что пошлете въ Россію?» Что это за житье—никогда не солги!

Но пора кончить это письмо... Какъ? что?.. А что жъ о Мадерѣ: объ управленіи города, о мѣстныхъ властяхъ, о числѣ жителей, о количествѣ выдѣлываемаго вина, о торговлѣ: цифры, факты—гдѣ же все? Въ правѣ ли вы требовать этого отъ меня? Вѣдь вы просили писать вамъ о томъ, что я самъ увижу, а не то, что написано въ вѣдомостяхъ, таблицахъ, календаряхъ. Здѣсь все, что я видѣлъ въ теченіе 10-ти или 12-ти часовъ пребыванія на Мадерѣ. Жителей всѣхъ я не видѣлъ, властей тоже, и даже не успѣлъ хорошенько посѣтить ни одного виноградника.

Когда мы сѣли въ шлюпку, корабль нашъ былъ верстахъ въ пяти: онъ весь день то подходилъ къ берегу, то отходилъ отъ него. Теперь чуть видны были паруса. Вѣтеръ былъ свѣжій и довольно сильный, но ровный. Было тепло;

сѣверный холодъ не доносился до береговъ Мадеры. Я глядѣлъ все назадъ, на островъ: мнѣ хотѣлось навсегда врѣзать его въ память. Между тѣмъ темнота наступала быстро. Облака подвигались на высоту пика, потомъ вдругъ обнажали его вершину, а тамъ опять скрывали ее; казалось, надо было ожидать бури, но ничего не было: тучи только играли съ горами. Я обернулся на Мадеру въ послѣдній разъ: она вся закуталась, какъ въ мантію, въ облака, какъ будто занавѣсъ опустился на волшебную картину, и лежала далеко за нами темной массой; впереди довольно уже близко неслась на насъ другая масса—нашъ корабль.

Я послалъ къ вамъ коротенькое письмо съ Мадеры, а это пошлю изъ перваго порта, откуда только ходитъ почта въ Европу; а откуда она не ходитъ теперь?

До свиданія.

Атлантическій океанъ,
23 января 1853.

III.

ПЛАВАНІЕ ВЪ АТЛАНТИЧЕСКИХЪ ТРОПИКАХЪ.

Нордъ-остовый пассатъ.—Острова Зеленаго Мыса.—С.-Яго и Порто-Прайя.—Сѣверный тропикъ.—Тропическая зима.—Штилевая полоса.—Экваторъ.—Южный тропикъ и зюйдъ-остовый пассатъ.—Летучія рыбы и акулы.—Опять штили.—Масленица.—Образъ жизни на фрегатѣ.—Купанье.—Море и небо.

(Письмо къ *В. Г. Бенедиктову.*)

Въ поэтическомъ и дружескомъ напутствованіи *), вы указали мнѣ, Владиміръ Григорьевичъ, обогнуть земной шаръ. Я не обогнулъ еще и четверти, а между тѣмъ мнѣ захотѣлось уже побесѣдовать съ вами на необъятной дали, среди волнъ на рубежѣ атлантическаго, южнополярнаго и индійскаго морей, когда вокругъ все спитъ, кромѣ вахтеннаго офицера, меня и океана. Мнѣ хочется провѣрить, такъ ли далеко «слышенъ сердечный голосъ», какъ предсказали вы? Къ сожалѣнію, это обстоятельство зависитъ болѣе отъ исправности почтъ, нежели сердецъ нашихъ.

*) Въ посланіи къ И. А. Гончарову, напечатанномъ въ полномъ собраніи стихотвореній Бенедиктова.

Хотѣлось бы вѣрно изобразить вамъ, гдѣ я, что̀ вижу, но о многомъ говорятъ черезчуръ много, а сказать нечего; съ другого, напротивъ, какъ ни бейся, не снимешь и блѣдной копіи, развѣ вы дадите взаймы вашего воображенія и красокъ. Я изъ Англіи писалъ вамъ, что чудеса выдохлись, праздничныя явленія обращаются въ будничныя, да и сами мы уже развращены раннимъ и заочнымъ знаніемъ такъ-называемыхъ чудесъ міра, стыдимся этихъ чудесъ, торопливо стараемся разоблачить чудо отъ всякой поэзіи, боясь, чтобъ насъ не заподозрили въ вѣрѣ въ чудо, или въ младенческомъ влеченіи къ нему: мы выросли и оттого предпочитаемъ скучать и быть скучными. Гдѣ искать поэзіи? Одно анализировано, изучено и утратило прелесть тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячествомъ. Куда же дѣлась поэзія и что дѣлать поэту? Онъ какъ будто остался за штатомъ. Надѣть ли поэзію, какъ праздничный кафтанъ, на современную идею, или попрежнему скитаться съ ней въ родимыхъ поляхъ и лѣсахъ, смотрѣть на луну, нюхать розы, слушать соловьевъ, или, наконецъ, идти съ нею сюда, подъ эти жаркія небеса? Научите.

Для меня путешествіе имѣетъ еще пока не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаній. Проходя практически каждый географическій урокъ, я переживаю угасшее, нѣкогда страстное впечатлѣніе, какое рождалось съ мыслью о далекихъ странахъ и моряхъ, и будто переживаю дѣтство и юность. Но подчасъ бываетъ досадно. Вотъ морская карта: она вся испещрена чертами, точками, стрѣлками и надписями. «Въ этой широтѣ», говоритъ одна надпись: «въ такихъ-то градусахъ ты встрѣтишь такіе вѣтры», и притомъ показаны мѣсяцъ и число. «Тамъ около этого времени попадешь въ ураганъ», далѣе сказано тоже, какъ и выйти изъ него, «а тамъ иди по такой-то параллели, попадешь въ муссонъ, который донесетъ тебя до Китая, до Японіи». Далѣе еще лучше: «въ такомъ-то градусѣ

увидишь въ первый разъ акулъ, а тамъ летучую рыбу»—и точно увидишь. «Въ 38° ю. ш. и 75° в. д. сидятъ, сказано, птицы».—«Ну», думаю, «ужъ это вздоръ: не сидятъ же онѣ тамъ» и сталъ слѣдить по картѣ. Я просилъ другихъ дать себѣ знать, когда придемъ въ эти градусы. Утромъ однажды говорятъ мнѣ, что пришли: я взялъ трубу и различилъ на значительномъ пространствѣ черныя точки. Подходимъ ближе: стая морскихъ птицъ колыхается на волнахъ. Наконецъ, написано, что въ атлантическихъ тропикахъ термометръ не показываетъ болѣе 23° по Реомюру въ тѣни. И точно не показываетъ.

Одно только не вошло въ Реперовы таблицы, не покорилось никакимъ выкладкамъ и цифрамъ, одного только не смогъ никто записать на картѣ...

Но дайте договориться до этихъ чудесъ по порядку, какъ я доѣхалъ до нихъ.

Я писалъ вамъ, какъ я былъ очарованъ островомъ (и виномъ тоже) Мадеры. Потомъ, когда она скрылась у насъ изъ вида, я немного разочаровался. Что это за путешествіе на Мадеру? Отъ Испаніи рукой подать, всего какихъ-нибудь миль триста! Это госпиталь Европы.

Но вотъ стали выходить изъ тридцатыхъ градусовъ: все теплѣе и теплѣе. «Паръ костей не ломитъ», выдумали поговорку у насъ: но эта поговорка заключаетъ отрицательную похвалу теплу отъ печки, которая, кромѣ тепла, ничего и не даетъ организму. А солнечное, и притомъ здѣшнее тепло! Боже мой! что оно дѣлаетъ съ человѣкомъ? какъ облегчитъ отъ всякой нравственной и физической тягости! точно сниметъ ношу съ плечъ и съ головы, дастъ свободу дыханію, чувству, мысли... И такъ цѣлые, многіе дни и ночи! Долго мы не выйдемъ изъ магическаго круга этого голубого, вѣчно-сіяющаго лѣта. Подумайте, года два все будетъ лѣто: сколько въ этой перспективѣ умѣстится тѣхъ короткихъ мгновеній, которыя мы, за исключеніемъ холода.

дождей и тумановъ, насчитаемъ въ нашемъ сѣверномъ миніатюрномъ лѣтѣ! — «Дѣдъ, гдѣ мы теперь?» спросилъ я однажды. — «Я ужъ вамъ три раза сегодня говорилъ; не стану повторять», ворчитъ онъ; потомъ, по обыкновенію, скажетъ.—«Пойдемте», говоритъ, таща меня за рукавъ на ютъ: «вонъ это что? глядите!...» — «Облако». — «Какъ не облако! посмотрите хорошенько: ну, что?»—«Туча».—«Эхъ, вы, туча! Какая туча? островъ Пальма». — «Что вы! Канарскіе острова!» — «Какъ же вы не видите?» — «Что жъ дѣлать, если здѣсь облака похожи на берега, а берега на облака. Гдѣ же Тенерифъ?» спрашиваю я, пронзая взглядомъ золотой туманъ и видя только блѣдно-синій очеркъ «облака», какъ казалось мнѣ.—«Не увидимъ», говоритъ дѣдъ: «мы у него на параллели, только далеко».—«Зайдемъ въ Санта-Крузъ?» — «Опять зайти: часто будетъ! Этакъ никогда не доберемся до Японіи». — «А подъ какимъ градусомъ лежитъ Пальма?»—«Подите посмотрите сами на картѣ». Я не пошелъ, зная, что онъ скажетъ. И въ самомъ дѣлѣ сказалъ.—«Подъ 27°. Вѣдь съ вами же вчера цѣлый часъ толковали».—«Забылъ». — «Какъ же я-то не забываю?»—«На то вы дѣдъ. Да что это пассатъ, что ли, дуетъ?» спросилъ я, а самъ придержался за снасть, потому что время отъ времени покачивало.—«Кто его знаетъ? не разберешь!» ворчалъ дѣдъ. — «Рано бы, кажется, а похожъ. Вотъ подождемъ денька два-три».

Но денька два-три прошли, перемѣны не было: тотъ же вѣтеръ несъ судно, надувая паруса и навѣвая на насъ прохладу. По-русски приличнѣе было бы назвать пассатъ вѣчнымъ вѣтромъ. Онъ отъ вѣка дуетъ одинаково, поднимая умѣренную зыбь, которая не мѣшаетъ ни читать, ни писать, ни думать, ни мечтать. Переходъ отъ качки и холода къ покою и теплу былъ такъ ощутителенъ, что я съ радости не читалъ и не писалъ, позволялъ себѣ только мечтать — о чемъ? о Петербургѣ, о Москвѣ, о васъ? Нѣтъ, сознаюсь,

мечты опережали корабль. Индія, Манилла, Сандвичевы острова—все это вертѣлось у меня въ головѣ, какъ у пьянаго неясныя лица его собесѣдниковъ.

22 января Л. А. П., штурманскій офицеръ, за утреннимъ чаемъ сказалъ: — «Поздравляю: сегодня въ восьмомъ часу мы пересѣкли сѣверный тропикъ».—«А я ночью озябъ», замѣтилъ я. — «Какъ такъ?» — «Такъ, взялъ да и озябъ: видно, кто-нибудь изъ насъ охладѣлъ, или я, или тропики. Я лежалъ легко-одѣтый подъ самымъ люкомъ, а «ночной зефиръ струилъ эфиръ» прямо на меня.

— «Ну, что̀ море, что̀ небо? какія краски тамъ?» слышу я ваши вопросы. «Какъ всходитъ и заходитъ заря? какъ сіяютъ ночи? Все прекрасно — неправда ли?» — Хорошо, только ничего особеннаго: такъ же, какъ и у насъ, въ хорошій лѣтній день... Вы хмуритесь? А позвольте спросить: развѣ есть что-нибудь не прекрасное въ природѣ? Отыщите въ сердцѣ искру любви къ ней, подавленную гранитными городами, сномъ при свѣтѣ солнечномъ и бѣготней въ сумракѣ и при свѣтѣ лампъ, раздуйте ее и тогда попробуйте выкинуть изъ картины какую-нибудь некрасивую мѣстность? По крайней мѣрѣ, со мной, а съ вами, конечно, и подавно. всегда такъ было: когда фальшивыя и ненормальныя явленія и ощущенія освобождали душу хоть на время отъ своего ига, когда глаза, привыкшіе къ стройности улицъ и зданій, на минуту, случайно, падали на первый болотный лугъ, на крутой обрывъ берега, всматривались въ чащу сосноваго лѣса съ песчаной почвой: какъ полюбишь каждую кочку, песчаный косогоръ и поросшую мелкимъ кустарникомъ рытвину! Все находило почетное мѣсто въ моей фантазіи, все поступало въ капиталъ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ слагается нѣжная, высокая, артистическая сторона жизни. Разъ напечатлѣвшись въ душѣ, эти блѣдные, но полные своей задумчивой жизни образы остаются тамъ до сей минуты, нужды нѣтъ, что рядомъ съ ними тѣснятся

теперь въ душу такія праздничныя и поразительныя явленія.

Нужно ли вамъ поэзіи, яркихъ особенностей природы— не ходите за ними подъ тропики: рисуйте небо вездѣ, гдѣ его увидите, рисуйте съ торцовой мостовой Невскаго проспекта, когда солнце, изливъ огонь и блескъ на крыши домовъ, протечетъ черезъ Аничковъ и Полицейскій мосты, медленно опустится за Чекуши; когда небо какъ будто задумается ночью, побѣднѣетъ на минуту и вдругъ вспыхнетъ опять, какъ задумывается и человѣкъ, ища мысли: по лицу на мгновенье разольется туманъ и потомъ внезапно озарится оно отысканной мыслью. Запылаетъ небо опять, обольетъ золотомъ и Петергофъ, и Мурино, и Крестовскій островъ. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорошъ и Финскій заливъ, какъ зеркало въ богатой рамѣ: и тамъ блестятъ, играя, жемчугъ и изумруды...

Виноватъ, плавая въ тропикахъ, я очутился въ Чекушахъ и рисую чухонскій пейзажъ: это, впрочемъ, потому, что мнѣ еще, не шутя, нечего сказать о тропикахъ. Каждый день во всякое время смотрѣлъ я на небо, на солнце, на море—и вотъ мы уже въ 14° широты, а небо все такое же, какъ у насъ, т.-е. повыше, на зенитѣ, голубое, къ горизонту зеленоватое. Тепло, какъ у насъ въ іюлѣ, и то за городомъ, а въ городѣ отъ камней бываетъ и жарче. Мы одѣлись въ тропическую форму: въ бѣлое, а потомъ сознались, что если бъ остались въ небѣломъ, такъ не задохлись бы. Реомюръ показывалъ 22° въ тѣни. Лучи теряютъ свою жгучую силу на морѣ. Кромѣ того, палубу смачивали водой и надъ головой растягивали тентъ. Кругомъ не было стѣнъ и скалъ, запирающихъ воздухъ, и сквозь снасти свободно вѣялъ пассатъ. Небо часто облачно, такъ что мы не можемъ видѣть ни восхожденія, ни захожденія солнца. Оно выходило изъ-за облаковъ и садилось въ тучи.—«Что жъ это вы, дѣдъ, насказали о

тропических жарах, о невиданных ночах, о Южном Кресте. Все, что мы видим, слабо...» — «Теперь зима, январь», говорит он, обмахиваясь фуражкой и отирая пот, катящий с небритого подбородка,—«вот дайте переплыть на экватор, тогда будет теплее. А Южный Крест должен быть теперь здесь, вон за левой вантой!» и он указал коротеньким пальцем на ванту. — «Дался вам этот Крест», ворчал дед, спускаясь в люк: «наслушаешься Крестов! И Креста-то никакого нет: просто четыре небольшие звезды... Пойти-ка лучше лечь, а то еще...» и исчез в люке.

Вверху, однако, небо было свободно от туч и оттуда, как из отверстий какого-то озаренного светом храма, сверкали миллионы огней всеми красками радуги, как не сверкают звезды у нас никогда. Как страстно, горячо светят они! Кажется, от них это так тепло по ночам!

[illegible]

въ другихъ моряхъ зеленый, такъ-называемый аквамариновый. Вотъ, наконецъ, я вижу и синее море, какого вы не видали никогда. Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнцѣ и въ тѣни. Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сіяніе красокъ на необозримомъ, окружающемъ насъ полѣ водъ.

Какъ ни привыкаешь къ противоположностямъ здѣшняго климата съ нашимъ и къ путаницѣ во временахъ года, а иногда невольно поразишься мыслью, что теперь январь, что вы кутаетесь тамъ въ мѣха, а мы напрасно ищемъ въ водѣ отрады. Только Ѳаддеевъ ничѣмъ не поражается:— «Тепло, хорошо!» говоритъ онъ. Зима, зима, а палубу то и дѣло поливаютъ водой, но дерево быстро сохнетъ и издаетъ сильный запахъ; смола, канатъ тоже, желѣзо, мѣдь— и тѣ подъ этими лучами пахнутъ. Видѣли мы пролетѣвшую надъ водой одну летучую рыбу, да одну шарку или акулу, у самаго фрегата. О животныхъ больше и помину не было. Зима все продолжалась, т. е. облака плотно застилали горизонтъ, по вечерамъ иногда бывало душно, но духота разрѣшалась проливнымъ дождемъ — и опять легко и отрадно было дышать.

Мои товарищи все доискивались, отчего погода такъ мало походила на тропическую, т. е. было облачно, какъ я сказалъ, туманно, и вообще мало было свойствъ и признаковъ тропическаго пояса, о которыхъ упоминаютъ путешественники. Приписывали это близости африканскаго берега, или какимъ-нибудь неизвѣстнымъ намъ особеннымъ свойствамъ Гвинейскаго залива. Любопытно бы было сравнить шханечные журналы нѣсколькихъ мореплавателей въ этихъ долготахъ, чтобъ рѣшить о томъ, одинаковыя ли обстоятельства сопровождаютъ плаваніе въ большей, или въ меньшей долготѣ. Да, я забылъ сказать, что мы не послѣдовали примѣру большей части мореплавателей, которые, отправляясь изъ Европы на югъ Америки или Африки, стараются, Богъ

знаетъ для чего, пересѣчь экваторъ какъ можно дальше отъ Африки. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Бельчеръ, кажется, первый замѣтилъ, что нѣтъ причины держаться ближе Америки, особенно когда идутъ къ мысу Доброй Надежды, или въ Австралію, что это удлиняетъ только путь, тѣмъ болѣе, что зюйдъ-остовый пассатъ и безъ того относитъ суда далеко къ Америкѣ и заставляетъ дѣлать значительный уголъ. Слѣдуя этому основательному указанію, нашъ адмиралъ велѣлъ держать ближе къ Африкѣ, и потому мы почти не выходили изъ 14 и 15° западной долготы.

Мы не замѣтили, какъ сѣверный, гнавшій насъ до Мадеры, вѣтеръ слился съ пассатомъ, и когда мы убѣдились, что этотъ вѣтеръ не случайность, а настоящій пассатъ, и что мы уже его не потеряемъ, то адмиралъ рѣшилъ остановиться на островахъ Зеленаго Мыса, въ пятистахъ верстахъ отъ африканскаго материка, и именно на о. С.-Яго, въ Порто-Прайя, чтобы пополнить свѣжіе припасы. Портъ очень удобенъ для якорной стоянки. Здѣсь застали мы два американскіе корвета, да одну шкуну, отправляющіеся въ Японію же, къ эскадрѣ коммодора Перри.

Ровно черезъ недѣлю послѣ прогулки на Мадерѣ, также въ воскресенье, завидѣли мы разбросанные на далекомъ разстояніи по горизонту большіе и небольшіе острова. Одни изъ нихъ, подальше, казались темносиними, другіе, поближе, бурыми массами. Самый близкій, Сантъ-Яго, лежалъ, какъ громадный комъ красной глины. Мы подвигались все ближе: масса обозначалась яснѣе, утесы отдѣлялись одинъ отъ другого, и весь рисунокъ острова очертился передъ нами, когда мы миляхъ въ полутора бросили якорь. Отъ Мадеры до о-въ Зеленаго Мыса считается тысяча морскихъ миль по меридіану. Это 1750 нашихъ верстъ.

Направо утесы, налѣво утесы, между ними уходитъ въ горы долина, оканчивающаяся песчанымъ берегомъ, въ ко-

торый хлещетъ бурунъ. У самаго берега, слѣва отъ насъ, виденъ пустой маленькій островокъ, направо масса накиданныхъ другъ на друга утесовъ. По одному изъ нихъ идетъ мощеная дорога кверху, въ Порто-Прайя. Пониже дороги, ближе къ морю, въ ущельѣ скалъ, кроется какъ будто трава — такъ кажется съ корабля. На берегу, въ одномъ углу подъ утесами, видно зданіе и шалаши. Остальной берегъ между скалами весь пустой, низменный, просто куча песку, и на немъ растетъ тощій рядъ кокосовыхъ пальмъ. Какъ все это вмѣстѣ взятое печально, скудно, голо, опалено! Пальмы уныло повѣсили головы; никто нейдетъ искать подъ ними прохлады: онѣ даютъ столько же тѣни, сколько метла.

Все спитъ, все нѣмѣетъ. Нужды нѣтъ, что вы въ первый разъ здѣсь, но вы видите, что это не временный отдыхъ, награда дѣятельности, но покой мертвый, непробуждающійся, что картина эта никогда не мѣняется. На всемъ лежитъ печать сухости и безнощаднаго зноя. Пріѣзжайте черезъ годъ, вы, конечно, увидите тотъ же песокъ, тѣ же пальмы счетомъ, валяющихся въ пескѣ негровъ и негритянокъ, тѣ же шалаши, то же голубое небо съ бѣлымъ отблескомъ пламени, которое мертвитъ и жжетъ все, что не прячется гдѣ-нибудь въ ущельѣ, въ тѣни утесовъ, когда нѣтъ дождя, а его не бываетъ здѣсь иногда по нѣскольку лѣтъ сряду. И это же солнце вызоветъ здѣсь жизнь изъ самаго камня, когда тропическій ливень хоть на нѣсколько часовъ напоитъ землю. Ужасно это вѣчное безмолвіе, вѣчное нѣмѣніе, вѣчный сонъ среди неизмѣримой водяной пустыни. Безконечныя воды разстилаются здѣсь, какъ безконечные пески той же Африки, черезъ которые торопливо крадется караванъ, боясь, чтобы жажда не застигла его въ безводномъ пространствѣ. Здѣсь торопливо скользитъ по глади водъ судно, боясь штилей, а съ ними и жажды, и голода. Пароходъ заброситъ немногія письма, возьметъ другія и спѣшитъ пройти мимо

обреченной на мертвый покой страны. А какія картины неба, моря! какія ночи! Пропадаютъ эти втуне истраченныя краски, это пролитое на голыя скалы безконечное тепло! Человѣкъ бѣжитъ изъ этого царства дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство, и обращаетъ все живое въ подобіе камня. Я припоминалъ сказки объ окаменѣломъ царствѣ. Вотъ оно: придетъ богатырь, принесетъ трудъ, искусство, цивилизацію, разбудитъ и эту спящую отъ вѣка красавицу, природу, и дастъ ей жизнь. Время, кажется, не далеко. А теперь, глядя на эту безжизненность и безмолвіе, ощущаешь что-то похожее на ужасъ или на тоску. Ничто не шевелится тутъ; все молчитъ подъ блескомъ будто разгнѣванныхъ небесъ. Въ морѣ, о, въ морѣ совсѣмъ иначе говоритъ этотъ царственный покой сердцу! Горе жителямъ, когда нѣтъ дождя: они мрутъ съ голода. Земля производитъ здѣсь кофе, хлопчатую бумагу, всѣ южные плоды, рисъ, а въ засуху только морскую соль, которая и составляетъ одну изъ главныхъ статей здѣшней промышленности.

Къ намъ пріѣхалъ чиновникъ, негръ, въ форменномъ фракѣ, съ галунами. Онъ, по обыкновенію, освѣдомился о здоровьѣ людей, потомъ объ имени судна, о числѣ людей, о цѣли, путешествія, и все это тщательно, но съ большимъ трудомъ, съ гримасами, записалъ въ тетрадь. Я стоялъ подлѣ него и смотрѣлъ, какъ онъ выводилъ каракули. Не легко далась ему грамота.

Вскорѣ мы поѣхали на берегъ: насъ не встрѣтили ни ароматы, ни музыка, какъ на Мадерѣ. Только утесы росли по мѣрѣ того, какъ мы приближались; а трава, которая видна съ корабля въ ущельѣ, превратилась въ пальмовую рощу. Но я съ наслажденіемъ путешественника смотрѣлъ и на этотъ берегъ, печальный образчикъ африканской природы. Для сѣвернаго глаза все было поразительно; обожженные утесы и безмолвіе пустыни, грозная безжизненность отъ избытка солнца и недостатка влаги, и эти пальмы,

вросшія въ песокъ и безнаказанно поставляющія вѣчную зелень подъ 40° жара. Можетъ-быть, отъ того особенно и поразительно, что и у насъ есть свои пустыни, и сухость воздуха, и грозная безжизненность, наконецъ, вѣчная зелень сосенъ, и даже 40 градусовъ.

На берегу тѣснилась куча негровъ и негритянокъ и голыхъ ребятишекъ: они ждали, когда пристанетъ наша шлюпка. Здѣсь также нѣтъ пристани, какъ и на Мадерѣ, шлюпка не подходитъ къ берегу, а остается на песчаной мели, шаговъ за пятнадцать до сухого мѣста. Наши матросы засучили панталоны и соскочили въ воду, чтобы перенести насъ, но тутъ же по поясъ въ водѣ стояли полунагіе негры, желая оказать намъ ту же услугу. Спекуляція ихъ не должна пропадать даромъ: я протянулъ къ нимъ руки, они схватили меня, я крѣпко держался за голыя плечи и черезъ минуту стоялъ на песчаномъ берегу. Тамъ стоитъ небольшой пакгаузъ, таможенное зданіе, какъ сказали намъ. Оно заперто; кругомъ его шалаши на четырехъ столбахъ, съ крышей изъ пальмовыхъ листьевъ.—«Есть ли фрукты?» спросили мы у негровъ, они бросились и скрылись за утесомъ. Но мы не стали ждать ихъ и пошли по мощеной дорогѣ на гору. Африканское солнце, хотя и зимнее, дало знать себя. На морѣ его не чувствуешь: жаръ умѣряется вѣтромъ, зато на берегу! Гора не высока и не крута, а мы едва вошли и на нѣсколько минутъ остановились отдохнуть, отирая платками лобъ и виски. На горѣ, надъ портомъ, господствуетъ устроенная на каменной платформѣ батарея. Мы пошли налѣво отъ нея въ городъ и скоро вышли на площадь. Часовые, португальцы и мулаты, въ мундирахъ, но босые, учтиво кланялись. Мулаты не совсѣмъ нравятся мнѣ. Ужъ если быть чернымъ, такъ чернымъ какъ уголь, чтобъ кожа лоснилась, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Въ этомъ еще есть, если не красота, такъ оригинальность. А эти блѣдно-черныя, матовыя тѣла непріятны на видъ.

На площади были два-три довольно большіе каменные дома, казенные, и, между прочимъ, гауптвахта; далѣе шла улица. Въ ней частные дома, небольшіе, бѣдные, но каменные, всѣ съ жалюзи, были наглухо закрыты. Улица напоминаетъ любой нашъ уѣздный городъ въ лѣтній день, когда полуденное солнце жжетъ безпощадно, такъ что ни одной живой души не видно нигдѣ; только ребятишки безнаказанно, съ непокрытыми головами, бѣгаютъ по улицѣ и звонкимъ крикомъ нарушаютъ безмолвіе. Все прочее спитъ, или просто лѣнится. Изрѣдка, нехотя, выглянетъ изъ окна какое-нибудь равнодушное лицо и опять спрячется. И на насъ выглянули два-три офицера изъ казармъ; но этимъ только сходство и ограничивается, а дальше ужъ ничего нѣтъ похожаго. На площади стоитъ невысокій столбъ съ португальской короной наверху—знакъ владычества Португаліи надъ группой острововъ. По всей площади и по улицамъ привязано было къ колодамъ нѣсколько лошадей и премножество ословъ, большею частью осѣданныхъ деревянными сѣдлами.

Идучи по улицѣ, я замѣтилъ издали, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ вошелъ въ какой-то домъ. Мы шли втроемъ.—«Куда это онъ пошелъ? пойдемте и мы!» предложилъ я. Мы пошли къ дому и вошли на маленькій дворикъ, мощеный бѣлыми, каменными плитами. Въ углу, подъ навѣсомъ, привязанъ былъ оселъ и тутъ же лежала свинья, но такая жирная, что не могла встать на ноги. Дальше бродили какія-то пестрыя, красивыя куры, еще прыгалъ маленькій, съ крупнаго воробья величиной, зеленый попугай, какихъ привозятъ иногда на петербургскую биржу. Попугай вертѣлся подъ ногами, и кто-то изъ насъ, можетъ-быть я, наступилъ на него: онъ затрепеталъ крыльями и, хромая, спотыкаясь, поспѣшно скрылся отъ сѣверныхъ варваровъ въ уголъ. Мы поднялись по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, въ галлерею, и потомъ вошли въ комнату. Насъ встрѣтила пожилая дама; мы ей поклонились, она

намъ. Она, молча, указала на стулья. Мы сѣли и начали было съ ней разговоръ по-англійски, а она съ нами по-португальски; мы по-французски, а она опять по-своему. Мы ужъ хотѣли раскланяться, но она что-то сказала намъ и поспѣшно вышла изъ комнаты. Черезъ минуту она вывела молодую, прехорошенькую дѣвушку. Та стыдливо шла за нею и робко отвѣчала на нашъ поклонъ. Мы поглядывали другъ на друга въ недоумѣніи... — Что же это такое? Хозяйка кое-какъ дала намъ понять, что эта дѣвушка говоритъ или понимаетъ по-французски. Мы засыпали ее вопросами, но она, или не говорила, или не понимала, или, наконецъ, въ Порто-Прайя, подъ именемъ французскаго, разумѣютъ совсѣмъ другой языкъ. Однакожъ, кое-какъ мы поняли изъ нѣсколькихъ, по временамъ вырывавшихся у нея французскихъ словъ, что она привезена сюда изъ Лиссабона и еще не замужемъ, живетъ здѣсь съ родственниками. Да Богъ знаетъ, то ли еще она сказала: это мы такъ растолковали ея отвѣты. Мы поклонились и ушли.—«У кого это мы были, господа?» спросилъ меня одинъ изъ товарищей.—«А ей-Богу не знаю». — «Да зачѣмъ мы заходили сюда?» приставалъ онъ ко мнѣ. — «И этого не знаю. Сюда вошелъ Т. и мы за нимъ. Да кстати, гдѣ же онъ?» — «Да онъ не въ этотъ домъ вошелъ, а вонъ въ тотъ... вонъ онъ выходитъ». Въ самомъ дѣлѣ Т. вышелъ изъ другого дома, рядомъ. — «Плоха провизія и мало!» со вздохомъ сказалъ онъ: «быки, коровы не крупнѣе здѣшнихъословъ. Какъ-то мы доберемся до мыса Доброй Надежды?» И такъ мы это, въ качествѣ путешественниковъ, посѣтили незнакомый домъ!

Тутъ негръ предложилъ намъ, не хотимъ ли мы поѣхать на ослѣ или лошади. Третій нашъ спутникъ поѣхалъ; а мы вдвоемъ съ О. пошли пѣшкомъ и скоро изъ города вышли въ деревню, составляющую продолженіе его. Все это предмѣстье состоитъ изъ глиняныхъ мазанокъ, безъ оконъ. Я заглядывалъ туда: бѣдная домашняя утварь, деревянныя

скамьи — вотъ и все украшеніе. Негровъ молодыхъ не видать: вѣроятно всѣ на работѣ въ поляхъ. Тутъ только старики и старухи, и какія безобразныя! Одна особенно поразила насъ безобразіемъ; она переходила улицу и не могла разогнуться отъ старости. На видъ ей было лѣтъ девяносто. Лысая, съ небольшими остатками сѣдыхъ клочковъ. Зато видѣли и нѣсколько красавицъ въ своемъ родѣ. Что за губы, что за глаза! Тѣло лоснится, какъ атласъ. Глаза не безъ выраженія ума и доброты, но болѣе, кажется, страсти, такъ что и обыкновенный взглядъ ихъ нескроменъ. Вѣко распахнется медленно и широко, глазъ выкатится оттуда весь и выразитъ разомъ все, что гнѣздится въ чувственномъ тѣлѣ. Одѣты онѣ довольно живописно: въ юбкѣ, но безъ рубашки, а сверху черезъ одно плечо накинуто что-то въ родѣ бумажной шали до колѣнъ; другое плечо и часть груди обнажены. Голова повязана платкомъ, и очень хорошо: глазамъ европейца непріятно видѣть короткіе волосы на женской головѣ, да еще курчавые. Нѣкоторыя изъ этихъ дамъ долго шли за нами и на исковерканномъ англійскомъ языкѣ (и здѣсь англичане—замѣтьте!) просили денегъ, Богъ знаетъ по какому случаю. Одѣты онѣ были не нищенски. Развѣ не предлагали ли онѣ какихъ-нибудь услугъ?.. Но мы только и могли понять изъ ихъ безсвязныхъ рѣчей одно слово: money. Голые ребятишки бѣгали; старики и старухи, одни бродили лѣниво около домовъ, другіе лежали въ своихъ хижинахъ. Я видѣлъ и англичанъ, но тѣ не лежали, а куда-то уѣзжали верхомъ на лошадяхъ: кажется на свои кофейныя плантаціи... Это все богатыри, старающіеся разбудить спящую красавицу.

Мы вдвоемъ прошли всю деревню и вышли въ поле. Деревня и городъ построены на самомъ краю утеса. По крутизнѣ разбросаны были кое-гдѣ хижины, или выходили туда садами. Мы по дорогѣ сошли въ долину; она была цвѣтущимъ оазисомъ посреди этихъ желтыхъ и сѣрыхъ глыбъ

песку. Чего въ ней не растетъ? И все было ново намъ: мы знакомились съ декораціею не нашихъ деревьевъ, не нашей травы, кустовъ, и жадно хотѣли запомнить все: группировку ихъ, отдѣльный рисунокъ дерева, фигуру листьевъ, наконецъ, плоды; какъ будто смотрѣли на это въ послѣдній разъ, хотя намъ только это и предстояло видѣть на долгое время. Изъ плодовъ видѣли фиги, кокосы, много апельсинныхъ деревьевъ, но безъ апельсиновъ; цвѣтовъ вовсе почти не видать; мало и насѣкомыхъ, все по случаю зимы. Я видѣлъ только одну пролетѣвшую птицу, величиной съ галку, съ длиннымъ голубымъ хвостомъ. Мы прошли эту рощу, или садъ—садъ потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фруктовыя деревья были огорожены; кое-гдѣ видѣлъ я шалаши и въ нихъ старые негры стерегли садъ, какъ и у насъ это бываетъ. За рощей, дальше, простирались поля, частью воздѣланныя, частью пустыя; кое-гдѣ виденъ лѣсъ. Но мы ограничили свою прогулку долиною дальше идти было жарко.

Мы воротились къ берегу садомъ, не поднимаясь опять на гору, останавливались передъ разными деревьями. На берегу застали живую сцену. Многіе негры натаскали корзинъ съ апельсинами, другіе успѣли устроить кресла на носилкахъ, чтобы переносить насъ на шлюпку. Всѣ эти спекулянты сидѣли и лежали группами на пескѣ, ожидая насъ. Я подошелъ къ одной группѣ и засталъ негровъ за картами. И какъ вы думаете, во что они играли? Въ свои козыри! Если бъ не эти черныя, лоснящіяся лица, не курчавые, точно напудренные березовымъ углемъ волосы, я бы подумалъ, что я вдругъ зашелъ въ какую-нибудь провинціальную лакейскую. Я приглядѣлся къ игрѣ—нѣтъ сомнѣнія: свои козыри. Вонъ одинъ изъ играющихъ, не имѣя чѣмъ покрыть короля, потащилъ всю кучу засаленныхъ картъ къ себѣ, а другіе оскалили бѣлые зубы. Я посмотрѣлъ на прочія группы и поскорѣй отвернулся. Двѣ негри-

тянки, должно-быть, сестры: одна положила голову на колѣни другой, а та... Да вы видали эти сцены, проѣзжая въ лѣтній день дорогой наши села... Нѣкоторые изъ негровъ бранились между собой—и это вы знаете: попробуйте остановиться въ Москвѣ или Петербургѣ, гдѣ продаютъ сайки и калачи, и поторгуйте у одного: какъ все это закричитъ и завоетъ! Тоже и здѣсь, да и вездѣ, какъ кажется. Ссоры эти были напрасны: сколько они ни принесли апельсиновъ, мы все купили. Меня эти апельсины прежде всего поразили своей величиной: къ намъ такихъ не привозятъ. А съѣвши одинъ апельсинъ, я долженъ былъ сознаться, что хорошихъ апельсиновъ до этой минуты никогда не ѣлъ. Можетъ-быть, это одинъ попался удачный, думалъ я, и взялъ другой: и другой такой же, и—третій: всѣ какъ одинъ.

Пока я производилъ эти сравнительные опыты любознательности, съ разныхъ сторонъ сходились наши спутники и принялись за то же самое. Отъ одной прогулки всѣ измучились, изнурились; никто не былъ похожъ на себя: въ поту, въ пыли, съ раскраснѣвшимися и загорѣлыми лицами; но всѣ, какъ нельзя болѣе довольные: всякій видѣлъ что-нибудь замѣчательное. Я рѣшился купить у старой негритянки (я всегда, гдѣ можно, отдаю предпочтеніе дамамъ) всю корзину апельсиновъ. Она изъ другой корзинки выбрала еще нѣсколько самыхъ лучшихъ апельсиновъ и хотѣла мнѣ подарить.—«Present, present», твердила она. Но я не хотѣлъ уступить ей въ галантерейномъ обращеніи и сталъ вынимать изъ кармана деньги, чтобъ заплатить и за эти. Она ужасно разсердилась и взяла-было назадъ и первую корзину. Она болтала немного по-англійски и называла меня: синьоръ французъ. О русскихъ она не слыхала. Тутъ же, у самаго берега, купались наши матросы, иногда выходили на берегъ и погрѣвшись на солнцѣ, шли опять въ воду, но черныя дамы не обращали на это ни малѣйшаго вниманія: видно, имъ не въ первый разъ.

Я съ пришедшими товарищами, при закатѣ солнца, вернулся на фрегатъ, пристально вглядываясь въ эти утесы, чтобъ оставить рисунокъ въ памяти. Берегъ постепенно удалялся, утесы уменьшались въ размѣрахъ; роща въ ущельѣ попрежнему стала казаться пучкомъ травы; кучки негровъ на берегу толпились, точно мухи, собравшіяся около капли меду; двое нашихъ, отправившихся на маленькій пустой островъ, лежащій въ заливѣ, искать насѣкомыхъ, раковинъ или растеній, ползали, какъ два муравья. Долина скрылась изъ глазъ и опять вся картина острова стала казаться такою увядшею, сухою и печальною, точно старуха, но подрумяненная на этотъ разъ пурпуровымъ огнемъ солнечнаго заката.

Шлюпка наша уже приставала къ кораблю, когда вдругъ С. закричалъ съ палубы гребцамъ: — «живо, скорѣй, ступайте туда, вонъ огромная черепаха плаваетъ поверхъ воды, должно-быть, спитъ — схватите!» Мы поворотили, куда указалъ С., но черепаха проснулась и погрузилась въ глубину, и мы воротились ни съ чѣмъ. Если бъ остановка была продолжительнѣе, можно было бы осмотрѣть здѣшніе соляные бассейны. Добываніе соли—главный промыселъ острововъ. Бассейны, во время приливовъ, наполняются морской водой, которая, испаряясь отъ жара, оставляетъ обильный осадокъ соли. Жители добываютъ еще какую-то растительную краску, разводятъ немного кофе, сахарнаго тростника, хлопчатой бумаги, но все-таки очень бѣдны.

На другой день мы ушли дальше. Давно ужъ дѣдъ грозилъ намъ штилевой полосой, которая опоясываетъ землю въ нѣсколькихъ градусахъ отъ экватора. Штили, а не бури — ужасъ для парусныхъ судовъ. А я передъ тѣмъ только что заглянулъ въ Араго и ужаснулся, еще не видя ничего. Въ самомъ дѣлѣ, каково простоять мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ, подъ отвѣсными лучами солнца, въ тысячахъ миль отъ берега, томиться отъ голода, отъ жажды? Припомнишь

всѣ сцены ужаса, какими сопровождались подобныя событія...

29-го января въ 3° сѣверной широты мы потеряли пассаты и вошли въ роковую полосу. Вмѣсто десяти узловъ, т.-е. семнадцати верстъ, пошли по два, по полтора узла. Вѣтеръ иногда падалъ совсѣмъ и обезвѣтренные паруса тоже падали, хлопая о мачты. Мы вопросительно озирались вокругъ, а небо, море сіяютъ нестерпимымъ блескомъ, точно смѣются, какъ иногда смѣется сильная злоба надъ немощью. Встанемъ утромъ:—«Что, идемъ?» Нѣтъ, полземъ по полуторы, по двѣ версты въ часъ. Море колыхается цѣлой массой, какъ густой расплавленный металлъ: ни малѣйшей чешуи, даже никакого всплеска. Мы думали, что бездѣйствіе вѣтра протянется долгіе дни, но опасенія наши оправдались не здѣсь, а гораздо южнѣе, по ту сторону экватора, гдѣ бы всего менѣе должно было ожидать штилей. 31-го января паруса зашевелились поживѣе, повѣялъ вѣтеръ, сначала неопредѣленный, измѣнчивый, а въ 1° сѣв. широты задулъ и ожидаемый SO, пассатъ. Мы были у самаго экватора.

2-го февраля, ложась вечеромъ спать, я готовился на утро присутствовать при перехожденіи черезъ экваторъ. Но 3-го числа, въ 8 часовъ утра, дѣдь донесъ начальству, что мы уже въ южномъ полушаріи; въ пять часовъ фрегатъ пересѣкъ экваторъ въ 18° западной долготы. Мы всѣ, однакожъ, высыпали наверхъ и вопросительно смотрѣли во всѣ стороны, какъ будто хотѣли видѣть тотъ деревянный ободочекъ, который, подъ именемъ экватора, опоясываетъ глобусъ.

Всѣ были погружены въ раздумье. П. А. Т., облокотясь на гикъ, смотрѣлъ въ даль. Всѣ заняты экваторомъ.—«Ну, что, П. А.: вотъ и мы за экваторъ шагнули», сказалъ я ему: «скоро на мысъ Доброй Надежды будемъ!» — «Да», отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ и равнодушно поглядывая на бирюзовую гладь вотъ: «оно, конечно, очень пріятно...

А есть ли тамъ дрожди?» Ну, можно ли усерднѣе заботиться объ исполненіи своей обязанности, какъ бы она священна ни была, какъ, напримѣръ, обязанность о продовольствіи товарищей? Добрый П. А.! Вдругъ глаза его заблистали необыкновеннымъ блескомъ: я думалъ, что онъ увидѣлъ экваторъ. Онъ протянулъ и руку. — «Опять кто-то бананы поѣлъ!» воскликнулъ онъ въ негодованіи: «вѣрно З., онъ сегодня ночью на вахтѣ стоялъ». На ночь фрукты развѣшивали для свѣжести на палубѣ и къ утру всегда ихъ нѣсколько убывало. Т. производилъ строгое слѣдствіе, но, кромѣ лукавыхъ улыбокъ, никогда ничего добиться не могъ.

Пересѣки и тропикъ, и экваторъ,
И отпируй сей праздникъ моряковъ!..

предписывали вы мнѣ, ваше превосходительство, Владиміръ Григорьевичъ: я мысленно пригласилъ васъ на этотъ праздникъ, но онъ не состоялся. О немъ и помысла не было. Матросы наши миѳологіи не знаютъ, и потому не только не догадались вызвать Нептуна, даже не поздравили насъ со вступленіемъ въ его завѣтныя владѣнія и не собрали денежную, или винную дань, а мы имъ не напомнили, и день прошелъ скромно. Только ночью капитанъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать. Почетнымъ гостемъ былъ дѣдъ; не впервые совершалъ онъ этотъ путь, и потому бокалъ теплаго шампанскаго былъ выпитъ за его здоровье.—«Сколько разъ вы пересѣкли экваторъ?» спросили мы его. — «Одиннадцать разъ», отвѣчалъ онъ. — «Хвастаете, дѣдъ: вѣдь вы три раза ходили вокругъ свѣта; итого шесть разъ!»—«Такъ; но однажды на самомъ экваторѣ корабль захватили штили и насъ раза три-четыре перетаскивало, то по ту, то по эту сторону экватора».

На шкунѣ «Востокъ», купленной въ Англіи и ушедшей вмѣстѣ съ нами, справляли, какъ мы узнали послѣ, Нептуново торжество. Я радъ, что у насъ этого не было. Вѣдь какъ хотите, а праздникъ этотъ — натяжка страшная. Ду-

рачество весело, когда человѣкъ наивно дурачится, увлекаясь и увлекая другихъ; а когда онъ шутитъ надъ собой и надъ другими по обычаю, съ умысломъ, тогда становится за него совѣстно и неловко. Если жъ смотрѣть на это какъ на поводъ къ развлеченію, на случай повеселиться, то въ этомъ и безъ того недостатка не было. Не только въ праздники, но и въ будни, послѣ ученья и всѣхъ работъ, свистятъ пѣсенниковъ и музыкантовъ наверхъ. И вотъ, морская даль, подъ этими синими и ясными небесами, оглашается звуками русской пѣсни, исполненной неистоваго веселья, Богъ знаетъ отъ какихъ радостей, и сопровождаемой изступленной пляской, или послышатся столь извѣстные вамъ, хватающіе за сердце стоны и вопли, отъ какихъ-то старинныхъ, историческихъ, давно забытыхъ страданій. И все это вмѣстѣ, безъ промежутка: и дикій разгулъ, топотъ трепака, и истерическія рыданія заглушаютъ плескъ моря и скрипъ снастей. Такое развлеченіе имѣло гораздо болѣе смысла для матросовъ, нежели торжество Нептуна: по крайней мѣрѣ въ немъ не было аффектаціи; особенно, когда прибавлялась къ этому лишняя, противъ положенной отъ казны, чарка. Въ этомъ недостатка на корабляхъ не бываетъ: за всякую послугу, угожденіе матроса, офицеръ платитъ чаркой водки. Съѣдетъ ли онъ по своей надобности на берегъ, по возвращеніи даетъ гребцамъ по чаркѣ водки и т. п. Такимъ образомъ этихъ чарокъ набирается много, и онѣ выпиваются при удобномъ случаѣ.

Плаваніе въ южномъ полушаріи замедлялось противнымъ зюйдъ-остовымъ пассатомъ; по меридіану уже идти было нельзя: діагональ отводила насъ въ сторону, все къ Америкѣ. 6—7 узловъ былъ самый большой ходъ. — «Ну, вотъ вамъ и лѣто!» говорилъ дѣдъ, красный, весь въ поту, одѣтый въ прюнелевыя ботинки, но, по обыкновенію, застегнутый на всѣ пуговицы.—«Вотъ и акулы, вотъ и Южный Крестъ, вонъ и «Магеллановы облака» и «Угольные Мѣшки»!

Тутъ ужъ особенно замѣтно цѣлыми стаями начали рѣять надъ поверхностью воды летучія рыбы.

Я забылъ посмотрѣть на магнитную стрѣлку, когда мы проходили магнитный экваторъ, отстоящій на три градуса отъ настоящаго. Находясь въ равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, стрѣлка ложится будто бы тамъ параллельно экватору, а потомъ, по мѣрѣ приближенія къ южному полюсу, принимаетъ свое обыкновенное положеніе, и только на полюсѣ становится совершенно вертикально. Такъ ли это, В. Г.? Вы любите вопрошать у самой природы о ея тайнахъ: вы смотрите на нее глазами и поэта, и ученаго... Въ 11° солнце осталось уже надъ нашей головой и не пошло къ югу. Одинъ изъ рулевыхъ матросовъ съ недоумѣніемъ донесъ объ этомъ штурману.

14-го февраля начались тѣ штили, которыхъ напрасно боялись у экватора. Опять пошли по узлу, по полтора, иногда совсѣмъ не шли. Сначала мы не тревожились, ожидая, что не сегодня такъ завтра задуетъ поживѣе; но проходили дни, ночи, паруса висѣли, фрегатъ только качался почти на одномъ мѣстѣ, иногда довольно сильно, отъ крупной зыби, предвѣщавшей повидимому вѣтеръ. Но это только слабое и отдаленное дуновеніе, гдѣ-то, въ счастливомъ мѣстѣ, пронесшагося вѣтра. Появлявшіяся на горизонтѣ тучки, казалось, несли дождь и перемѣну: дождь точно лилъ потоками, непрерывный, а вѣтра не было. Черезъ часъ солнце блистало попрежнему, освѣщая до самаго горизонта густую и неподвижную площадь океана.

Покойно, правда, было плавать въ этомъ безмятежномъ царствѣ тепла и безмолвія: оставленная на столѣ книга, чернильница, стаканъ, не трогались; вы ложились безъ опасенія умереть подъ тяжестью комода или полки книгъ; но сорокъ слишкомъ дней въ морѣ! Берегъ сдѣлался господствующею нашею мыслью, и мы не мало обрадовались, вышедши, 16-го февраля утромъ, изъ южнаго тропика. Раз-

считывали на дующіе около того времени вѣстовые вѣтры, но и это ожиданіе не оправдалось. Въ воздухѣ мертвая тишина, нарушаемая только хлопаньемъ грота. Ночью съ 21 на 22 февраля, я отъ жара ушелъ спать въ каютъ-компанію и легъ на диванѣ, подъ открытымъ люкомъ. Меня разбудилъ неистовый топотъ, въ родѣ трепака, свистъ и крики. На лицо упало нѣсколько брызгъ.—«Шквалъ!» говорятъ:—«ну, теперь задуетъ!» Ничего не бывало, шквалъ прошелъ, и фрегатъ опять задремалъ въ штилѣ.

Такъ дождались мы масленицы и провели ее довольно вяло, хотя П. А. дѣлалъ все, чтобъ чѣмъ-нибудь напомнить этотъ веселый моментъ русской жизни. Онъ напекъ блиновъ, а икру замѣнилъ сардинами. Сливки, взятыя въ Англіи въ числѣ прочихъ презервовъ, давно обратились въ какую-то густую массу, и онъ убѣдительно просилъ принимать ее за сметану. Пѣсни, напоминавшія татарское иго, и буйные вопли quasi-веселья оглашали болѣе, нежели когда-нибудь, океанъ. Унылые напѣвы казались болѣе естественными, какъ выраженіе нашей общей скуки, порождаемой штилями. Нельзя же, однако, чтобъ масленица не вызвала у русскаго человѣка хоть одной улыбки, будь это среди знойныхъ зыбей Атлантическаго океана. Такъ и тутъ, задумчиво расхаживая по юту, я вдругъ увидѣлъ какое-то необыкновенное движеніе между матросами: это не рѣдкость на суднѣ; и я думалъ сначала, что они тянутъ какой-нибудь брасъ. Но что это? совсѣмъ не то: они возятъ другъ друга на плечахъ около мачтъ. Празднуя масленицу, они не могли не вспомнить катанья по льду и замѣнили его ѣздой другъ на другѣ удачнѣе, нежели П. А. икру замѣнилъ сардинами. Глядя, какъ забавляются, катаясь другъ на другѣ, и молодые, и усачи съ просѣдью, расхохочешься этому естественному, національному дурачеству: это лучше льняной бороды Нептуна и осыпанныхъ мукой лицъ.

Въ этой, повидимому, сонной и будничной жизни выда-

лось однакожъ одно необыкновенное, торжественное, утро. 1-го марта, въ воскресенье послѣ обѣдни и обычнаго смотра командѣ, послѣ вопросовъ: всѣмъ ли она довольна, нѣтъ ли у кого претензіи, всѣ, офицеры и матросы, собрались на палубѣ. Всѣ обнажили головы: адмиралъ вышелъ съ книгой и вслухъ прочелъ морской уставъ Петра Великаго.

Потомъ опять все вошло въ обычную колею, и дни текли однообразно. Въ этомъ спокойствіи, уединеніи отъ цѣлаго міра, въ тѣнѣ и сѣни, фрегатъ принимаетъ видъ какой-то отдаленной степной русской деревни. Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ въ силахъ души, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣжей головой и аппетитомъ, выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды прямо изъ океана и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь за работу. Солнце ужъ высоко; жара палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ, ни рожь посмотрѣть, ни на гумно. Вы сидите подъ защитой маркизы на балконѣ, и все прячется подъ кровъ, даже птицы, только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями. И мы прячемся подъ растянутымъ тентомъ, отворивъ настежь окна и двери каютъ. Вѣтерокъ чуть-чуть вѣетъ, ласково освѣжая лицо и открытую грудь. Матросы ужъ отобѣдали (они обѣдаютъ рано: до полудня, какъ и въ деревнѣ, послѣ утреннихъ работъ) и группами сидятъ или лежатъ между пушекъ. Иные шьютъ бѣлье, платье, сапоги, тихо мурлыча пѣсенку; съ бака слышатся удары молотка по наковальнѣ. Пѣтухи поютъ, и далеко разносится ихъ голосъ среди ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какіе-то фантастическіе звуки, какъ будто отдаленный, едва уловимый ухомъ звонъ колоколовъ... Чуткое воображеніе, полное грёзъ и ожиданій, создаетъ среди безмолвія эти звуки, а на фонѣ этой синевы небесъ—какіе-то отдаленные образы...

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослѣпнешь на минуту отъ нестерпимаго блеска неба, моря; отъ мѣди на кораблѣ,

отъ моря отскакиваютъ снопы лучей; палуба, и та нестерпимо слѣпитъ и уязвляетъ глазъ своей бѣлизной. Скоро обѣдъ, а что будетъ за обѣдомъ? Кстати, Т. на вахтѣ: спрошу его. — «Что сегодня, П. А.?» Онъ только было раскрылъ ротъ отвѣчать, какъ вышелъ капитанъ и велѣлъ поставить лисоля. Ему показалось, что подуло немного посвѣжѣе. «На лисель-фалы!» командуетъ П. А. дѣтскимъ басомъ и смотритъ не на лисель-фалы, а на капитана. Тотъ тихонько улыбается и шагаетъ со мной по палубѣ. Вотъ капитанъ замѣтилъ что-то на бакѣ и пошелъ туда.—«Что жъ за обѣдомъ?» спросилъ я П. А., пользуясь отсутствіемъ капитана.—«Супъ съ катышками», говоритъ П. А. «Вы любите этотъ супъ?»—«Да, ничего, если зелени побольше положить», отвѣчаю я.—«Радъ бы душой», продолжаетъ онъ съ свойственнымъ ему чувствомъ и краснорѣчіемъ: «повѣрьте, я бы всѣмъ готовъ пожертвовать, сна не пожалѣю, лишь бы только зелени въ супѣ было побольше, да не могу, видитъ Богъ, не могу... Ну, такъ и быть, для васъ... Эй, вахтенный! поди скажи Карпову, чтобъ спросилъ у Янцева еще зелени и положилъ въ супъ. Видите, это для васъ», сказалъ онъ: «пусть бранятъ меня, если не достанетъ зелени до мыса Доброй Надежды!» Я съ чувствомъ пожалъ ему руку.—«А еще что?» нѣжно спросилъ я, тронутый его добротой.—«Еще... курица съ рисомъ...»—«Опять!» горестно всклицнулъ я. —«Что дѣлать, что мнѣ дѣлать—войдите въ мое положеніе: у меня пятокъ барановъ остался, три свиньи, пятнадцать утокъ и всего тридцать куръ: изъ ста тридцати - подумайте! вѣдь мы съ голоду умремъ!» Видя мою задумчивость, онъ не устоялъ.—«Завтра, такъ и быть, велю зарѣзать свинью...»—«На вахтѣ не разговариваютъ: опять лисель-спритъ хотите сломать!» вдругъ раздался сзади насъ строгій голосъ вернувшагося капитана.—«Это не я-съ, это П. А.!» тотчасъ же пожаловался на меня П. А., приложивъ руку къ козырьку.—«Поправь лисель-фалъ!» закричалъ онъ

грозно матросамъ. Капитанъ онять отвернулся. П. А. отошелъ отъ меня.—«Вы не досказали!» замѣтилъ я ему. Онъ боязливо поглядѣлъ во всѣ стороны. — «Жаркое — утка», грозно шипѣлъ онъ черезъ югъ, стараясь не глядѣть на меня: «пирожное...» Бѣлая фуражка капитана мелькнула близъ юта и исчезла.—«Пирожное — оладьи съ инбирнымъ варенъемъ... Отстаньте отъ меня: вы все въ бѣду меня вводите!» со злобой прошепталъ онъ, отходя отъ меня, какъ можно дальше, такъ что чуть не шагнулъ за бортъ.—«Десерта не будетъ!» заключилъ онъ почти про-себя.—«З. и Б. по ночамъ все поѣли, такъ что въ воскресенье дамъ по апельсину, да по два банана на человѣка». Иногда и не спросишь его, но онъ самъ не утерпитъ.—«Сегодня я велѣлъ ветчину достать», скажетъ онъ: «и вынуть горошекъ изъ презервовъ» и т. д. доскажетъ снисходительно весь обѣдъ.

Послѣ обѣда, часу въ третьемъ, вызывались музыканты на югъ и мотивы Верди и Беллини разносились по океану. Но послѣ обѣда лѣниво слушали музыку, и музыканты вызывались больше для упражненія, чтобъ протверживать свой репертуаръ. Въ этомъ климатѣ сьеста необходима; на сѣверѣ въ самый жаркій день вы легко просидите въ тѣни, не устанете и не изнеможете, даже займетесь дѣломъ. Здѣсь, одѣтые въ легкое льняное пальто, безъ галстука и жилета, сидя подъ тентомъ, безъ движенія, вы потеряете отъ томительнаго жара силу, и какъ ни бодритесь, а тѣло клонится къ дивану, и вы во снѣ должны почерпнуть освѣженіе организму.

Природа, между тѣмъ, доживала знойный день: солнце клонилось къ горизонту. Смотришь далеко, и все ничего не видно вдали. Мы прилежно смотрѣли на просторную гладь океана и молчали, потому что нѣчего было сообщить другъ другу. Выскочитъ развѣ стая летучихъ рыбъ и, какъ воробьи, пролетитъ надъ водой: мгновенно всѣ руки протянутся, глаза загорятся. — «Смотрите, смотрите!» закричатъ

всѣ, но всѣ и безъ того смотрятъ, какъ стадо бонитовъ гонится за несчастными летуньями, играя фіолетовой спиной на поверхности. Исчезнетъ это явленіе и все исчезнетъ, и опять хоть шаромъ покати. Сонъ и спокойствіе объемлютъ море и небо, какъ идеалъ отрадной, прекрасной, немучительной смерти, какою хотѣлось бы успокоиться измученному страстями и невзгодами человѣку. Оттого, кажется, душа повергается въ такую торжественную и безотчетно-сладкую думу, такъ поражается она картиной прекраснаго, величественнаго покоя. Картина оковываетъ мысль и чувство: все молчитъ и не колыхнется и въ душѣ, какъ вокругъ.— «Что-то плыветъ!» вдругъ однажды сказалъ одинъ изъ насъ, указывая въ даль, и всѣ стали смотрѣть по указанному направленію. Нѣкоторые сбѣгали за зрительными трубами.— «Да», подтвердилъ другой: «я вижу черную точку». Молчаніе. Точка увеличивалась. — «Ящикъ какой-то», говорятъ потомъ.—«Ящикъ... Боже мой! что въ немъ?» Дыханіе замираетъ отъ ожиданія. Воображеніе рисуетъ, Богъ знаетъ, что. Ящикъ все ближе и ближе. — «Курятникъ!» воскликнулъ одинъ. Молчаніе. — «Да, точно, курятникъ», подтвердилъ другой, вглядѣвшись окончательно: «вѣрно на какомъ-нибудь суднѣ вышли куры, вотъ и бросили курятникъ за бортъ».—«Позвольте», замѣтилъ одинъ скептикъ: «не отъ лимоновъ ли этотъ ящикъ?» — «Нѣтъ», возразилъ другой наблюдатель: «видите, онъ съ рѣшёткой». И долго провожали мы глазами проплывшій мимо насъ курятникъ, догадываясь и разсуждая, брошенный ли это по необходимости ящикъ, или обломокъ сокрушившагося корабля.

Часу въ пятомъ купали команду. На воду спускали парусъ, который наполнялся водой, а матросы прыгали съ борта, какъ въ яму. Но за ними надо было зорко смотрѣть: они всѣ старались выпрыгнуть за предѣлы паруса и поплавать на свободѣ въ океанѣ. Нечего было опасаться, что они утонутъ, потому что всѣ плаваютъ мастерски, но боя-

лись акулъ. И такъ однажды съ марса закричалъ матросъ: «большая рыба идетъ!» Къ купальщикамъ тихо подкрадывалась акула; ихъ всѣхъ выгнали изъ воды, а акулѣ сначала бросили бараньи внутренности, которыя она мгновенно проглотила, а потомъ кольнули ее острогой, и она ушла подъ киль, оставивъ слѣдомъ по себѣ кровавое пятно. Около нея, какъ змѣи, виляли въ водѣ всегда сопровождающія ее двѣ или три рыбы, прозванныя лоцманами. П. А. во время купанья тоже являлся усерднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Какъ ротный командиръ, онъ носился по всѣмъ палубамъ и побуждалъ лѣнивыхъ матросовъ лѣзть въ воду.—«Пошелъ, пошелъ», кричалъ онъ: «что ты не раздѣваешься? А гдѣ Витулъ, гдѣ Ѳаддеевъ? Маршъ въ воду! позвать всѣхъ коковъ (поваровъ) сюда и перекупать ихъ!»

Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ и сьесты, общество плавателей выходило наверхъ освѣжиться, и тутъ-то широко распахивалась душа для страстныхъ и нѣжныхъ впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Да, чудеса эти не покорились никакимъ выкладкамъ, цифрамъ, грубымъ прикосновеніямъ науки и опыта. Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетной покорностью, какъ чувству любви. Гдѣ вы, гдѣ вы, В. Г.? Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ, эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю. Покой неба и моря—не мертвый и сонный покой: это покой какъ будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и море, отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любуются взаимно въ объ-

ятіяхъ другъ друга. Солнце уходитъ, какъ осчастливленный любовникъ, оставившій долгій, задумчивый слѣдъ счастья на любимомъ лицѣ.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ, лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей—все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите, громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять все тихо отливается въ формѣ горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ ужъ таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины: плечи еще цѣлы, а бока уже отпали и вышла голова верблюда: на нее напираетъ и поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ.

Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло еще мгновеніе и сквозь нее проступаетъ темно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ: онъ, въ свою очередь, овладѣлъ небомъ. А замки, башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, мчѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ, прощальнымъ лучомъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтиче-

ской думы; вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, если бъ всегда и вездѣ такова природа, такъ же горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Если бъ такова была и жизнь!... Вѣдь бури, бѣшеныя страсти не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа— для выдѣлки спокойствія и счастія въ лабораторіи природы...

Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища—все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко, и какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди и — засіялъ вечерній пиръ! Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ—разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда...

Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ и не воспѣта, какъ у насъ, поэтами, слѣдовательно дѣвственна. Это не зрѣлая, увядшая красавица, а бодрая, полная силъ, жизни и строгаго цѣломудрія дѣва, какъ сама Діана. Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ; онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ развергается пучина

пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскалённыхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается, то золотомъ, то кровью, то изумрудной влагой, Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокаиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно. Южный Крестъ... Случалось ли вамъ (да какъ не случалось поэту!) вдругъ увидѣть женщину, о красотѣ, граціи которой долго жужжали вамъ въ уши, и не найти въ ней ничего поражающаго?— «Что же въ ней особеннаго?» говорите вы, съ удивленіемъ всматриваясь въ женщину: «она проста, скромна, ничѣмъ не отличается»... Всматриваетесь долго-долго, и вдругъ чувствуете, что любите ужъ ее страстно! И про Южный Крестъ, увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите, что въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что, съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго, потомъ, обозрѣвъ всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни шопота любви, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ или подъ кормой плеснетъ волна—и опять все торжественно и прекрасно-тихо!

Смотрите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни и, ослѣпленные, уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми грёзами, стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво:—«нѣтъ, этого не сказали мнѣ ни карты, ни англи-

чане, ни американцы, ни мои учители; говорило, но блѣдно и смутно, только одно чуткое, поэтическое чувство; оно таинственно манило меня еще ребенкомъ сюда и шептало:

Вотъ Азія, міръ праотца Адама,
Вотъ юная Колумбова земля!
И ты свершишь пловучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ лиетъ созвѣздіе Креста... *)

Берите же, любезный другъ, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, какъ эти небеса, языкъ, языкъ боговъ, которымъ только и можно говорить о здѣшней природѣ, и спѣшите сюда,—а я винюсь въ своемъ безсиліи и умолкаю!

Мартъ, 1853 года.
Атлантическій океанъ.

*) Въ посланіи Бенедиктова къ Гончарову.

IV.

НА МЫСѢ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

Приходъ въ Falsebay. — Саймонсбей и Саймонстоунъ.—Поправки на фрегатѣ. — Капштатъ. — Welch'hotel.—Столовая гора, Львиная гора и Чортовъ пикъ.—Ботаническій садъ. — Клубъ. — Англичане, голландцы, малайцы, готтентоты и негры.—Краткій историческій очеркъ Капской колоніи и войнъ съ каффрами.—Поѣздка по колоніи.—Соммерсетъ. — Стелленбошъ.—Ферма Эльзенборгъ.—Паарль.—Веллингтонъ.—Мистеръ Бенъ. — Тюрьмы и арестанты. — Дороги. — Ущелье.—Устеръ.—Минеральные ключи.—Обратный путь.—Змѣиная горка.—Птица секретарь.—Винбергъ.—Каффрскій предводитель Сейоло.—Отплытіе.

Съ 10 марта по 12 апрѣля 1853.

Хотя нашъ плавучій міръ довольно великъ, средствъ незамѣтно проводить время было у насъ много, но все плавать да плавать! Сорокъ дней слишкомъ не видали мы берега. Самые бывалые и терпѣливые изъ насъ съ гримасой смотрѣли на море, думая про себя: скоро ли что-нибудь другое? Другъ на друга почти не глядѣли, перестали заниматься, читать. Всякій зналъ, что̀ подадутъ къ обѣду, въ которомъ часу тотъ или другой ляжетъ спать, даже нехотя замѣтишь, у кого сапогъ разорвался, или панталоны выпачкались въ смолѣ.

Я писалъ вамъ, что насъ захватили штили въ южномъ тропикѣ; послѣ штилей, наконецъ, засвѣжѣло, да вѣдь какъ! Опять пошло свое: ни ходить, ни сидѣть, ни лежать порядкомъ! Это было въ четвергъ, въ началѣ марта. Не стану повторять, о чемъ уже писалъ, о качкѣ. Только это нагнало на меня такую хандру, что море, казалось, опротивѣло мнѣ навсегда. Хотя это продолжалось всего дней пять, но меня не обрадовалъ и берегъ, который мы увидѣли въ понедѣльникъ. Море къ берегу вдругъ измѣнилось: изъ синяго обратилось въ коричнево-зеленоватое, какъ ботвинья. Это отъ морскихъ растеній, отъ капусты, травъ, животныхъ и т. п. Въ одну изъ ночей оно необыкновенно блистало фосфорическимъ свѣтомъ. Какой видъ! Когда обливаешься вечеромъ, въ темнотѣ, водой, прямо изъ океана, искры сыплются, бѣгутъ, скользятъ по тѣлу и пропадаютъ подъ ногами, на палубѣ. Это мелкія животныя, называемыя, кажется, медузами. Море уже отзывалось землей, несло на себѣ ея слѣды: бѣшено кидаясь на берега, оно оставляетъ рыбъ, ракушки, и уноситъ песокъ, землю и прочее. А какая бездна невидимыхъ и невѣдомыхъ человѣку тварей движется и кипитъ въ этой чашѣ, переполненной жизнью! Тутъ пока преприлежно извѣдывали ихъ альбатросы, чайки и морскія ласточки, летавшіе низко надъ водой. Эти птицы однѣ оживляютъ море: мы видѣли ихъ иногда на разстояніи 500 миль отъ ближайшаго берега. Между ними много такъ-называемыхъ у насъ «глупышей», больнинъ птицъ, съ тонкими, стройными, пѣгими крыльями, съ тупой головой и съ крѣпкимъ носомъ. Въ самомъ дѣлѣ у нихъ глуповата физіономія. Онѣ безвкусны, жестки, летаютъ надъ самымъ кораблемъ и часто зацѣпляютъ крыльями за паруса.

7-го или 8-го марта, при ясной, теплой погодѣ, когда качка унялась, мы увидѣли множество какой-то красной массы, плавающей огромными пятнами по водѣ. Наловили ведра два — икры. Не даромъ видѣли стаи рыбы, шедшей

сколькихъ саженяхъ отъ берега, который тоже весь усѣянъ, болѣе или менѣе, крупными каменьями. Начиная съ апрѣля, суда приходятъ сюда; и тѣ, которыя стоятъ въ Столовой бухтѣ, на зиму переходятъ сюда же, чтобы укрыться отъ сильныхъ юго-западныхъ вѣтровъ. Саймонская бухта защищена со всѣхъ сторонъ горами.

Лишь только мы стали на якорь, одна изъ горъ, съ правой стороны отъ города, накрылась облакомъ, которое плотно, какъ парикъ, легло на вершину. А по другому, самому высокому утесу, медленно ползало тоже облако, спускаясь по обрыву, точно слой дыма изъ исполинской трубы. У самаго подножія горы лежатъ домовъ до сорока англійской постройки; между ними видны двѣ церкви, протестантская и католическая. У адмиралтейства англійскій солдатъ стоитъ на часахъ, въ заливѣ качается англійская же эскадра. Въ одномъ изъ лучшихъ домовъ живетъ начальникъ эскадры, коммодоръ Тальботъ.

Скудная зелень едва смягчаетъ угрюмость пейзажа. Сады изъ кедровъ, дубовъ, немножко тополей, немножко виноградныхъ трельяжей, кое-гдѣ кипарисъ и миртъ, да заборы изъ колючихъ кактусовъ и исполинскихъ алоэ, которыхъ корни обратились въ древесину — вотъ и все. Голо, уединенно, мрачно. Въ городѣ, однакожъ, есть нѣсколько весьма порядочныхъ лавокъ; одну изъ нихъ, помѣщающуюся въ отдѣльномъ домикѣ, можно назвать даже богатою.

Спутники мои безпрестанно съѣзжали на берегъ, нѣкоторые уѣхали въ Капштатъ, а я глядѣлъ на холмы, ходилъ по палубѣ, читалъ-было, да не читается, хотѣлъ писать — не пишется. Прошло дня три-четыре, инерція продолжалась. Однажды наши, пріѣхавъ съ берега, разсказывали, что на пристани къ нимъ подошелъ старикъ, и чисто, по-русски, сказалъ: — «Здравія желаю, ваше благородіе». — «Кто ты такой? откуда?» спросилъ нашъ офицеръ. — «Русскій», отвѣчалъ онъ: «въ 1814 году взятъ французами въ

плѣнъ, потомъ при Ватерлоо дрался съ англичанами, взятъ ими, завезенъ сюда, женился на черной, имѣю шестерыхъ дѣтей». — «Откуда ты родомъ?» — «Изъ Орловской губерніи». Но отъ него трудно было добиться другихъ свѣдѣній—такъ дурно говорилъ онъ ужъ по-русски. Нашъ фрегатъ обнажили, спустили рангоутъ, сняли ванты — и закипѣла работа. Шлюпки безпрестанно ѣздили на берегъ и обратно. П. А. Т., успѣвшій облечься въ желтенькое пальто и соломенную шляпу съ голубой лентой, ежедневно уѣзжалъ въ пустой шлюпкѣ и пріѣзжалъ, или, лучше сказать, пріѣзжала шлюпка съ мясомъ, зеленью, фруктами и съ нимъ. Соломенная шляпа, какъ цвѣтокъ, видна была между бычачьей ногой и арбузами.

— «Гдѣ мы?» спросилъ я однажды, скуки ради, Ѳаддеева. Онъ косо и подозрительно поглядѣлъ на меня, предвидя, что вопросъ сдѣланъ не даромъ. — «Не могу знать», говорилъ онъ, оглядывая съ своимъ равнодушіемъ стѣны. — «Это глупо не знать, куда пріѣхалъ». — Онъ молчалъ. — «Говори же». — «Почемъ я знаю?» — «Что жъ ты не спросишь?» — «На что мнѣ спрашивать?» — «Воротишься домой, спросятъ, гдѣ былъ; что ты скажешь? Слушай же: я тебѣ скажу, да смотри, помни. Откуда мы пріѣхали сюда?» Онъ устремилъ на меня глаза, съ намѣреніемъ, во что бы ни стало, понять, чего я хочу, и по возможности удовлетворить меня; а мнѣ хотѣлось навести его на какое-нибудь соображеніе. — «Откуда пріѣхали?» повторилъ онъ вопросъ. — «Ну, да?» — «Изъ Англіи». — «А Англія-то гдѣ?» Онъ еще больше косо сталъ смотрѣть на меня. Я вижу, что мой вопросъ тёменъ для него. — «Гдѣ Франція, Италія?» — «Не могу знать». — «Ну, гдѣ Россія?» — «Въ Кронштадтѣ», проворно сказалъ онъ. — «Въ Европѣ», поправилъ я: «а теперь мы пріѣхали въ Африку, на южный ея край, на мысъ Доброй Надежды». — «Слушаю-съ». — «Помни же!»

И географическій урокъ Ѳаддееву былъ развлеченіемъ

среди горъ, педковъ, въ захолустьѣ. На фрегатѣ сильно работали: вездѣ лежали снасти, реи; прохода нѣтъ. Только на ютѣ и можно было ходить; тамъ по временамъ играла музыка. Мы лоцировали берегъ, удили рыбу и, между прочимъ, вытащили какую-то толстенькую рыбу, съ круглой головкой, мягкую, безъ чешуи; брюхо у ней желтое, а спина вся въ пятнахъ. Ее посадили въ кадку. Пріѣхалъ кто-то изъ англичанъ и, увидѣвъ ее, торопливо предупредилъ, чтобъ не ѣли.—«Это ядовитая», сказалъ онъ: «отъ нея умираютъ черезъ пять, десять минутъ. Были примѣры: однажды отравилось нѣсколько человѣкъ съ голландскаго судна. Свиньи иногда ѣдятъ ее, выброшенную на берегъ, повертятся, повертятся, потомъ и околѣютъ». Вытаскивали много отличной, вкусной рыбы, похожей видомъ на леща; еще какой-то красной, потомъ плоской; разнообразіе рыбныхъ породъ неистощимо. Еще намъ къ столу навезли превосходнаго винограду, весьма посредственныхъ арбузовъ и отличныхъ крупныхъ огурцовъ.

На четвертый день и я собрался съѣхать на берегъ, съ нашими докторами и съ Б. К. Первые собрались ботанизировать, а мы съ Б. К. мѣшать имъ. По берегамъ кое-гдѣ были разбросаны каменья, но такіе, что изъ каждаго можно построить препорядочный домикъ. Когда я собрался ѣхать, и Ѳаддеевъ явился ко мнѣ: — «Позвольте и мнѣ съ вами, ваше высокоблагородіе», сказалъ онъ. — «Куда?» — «Да въ Африку-то», отвѣчалъ онъ, помня мой урокъ. — «Что ты станешь тамъ дѣлать?»—«А вонъ на ту гору охота влѣзть!»

Ступивъ на берегъ, мы попали въ толпу малайцевъ, негровъ и *африканцевъ*, какъ называютъ себя бѣлые, родившіеся въ Африкѣ. Одни работали въ адмиралтействѣ, другіе праздно глядѣли на море, на корабли, на пріѣзжихъ, или просто такъ, на что случится. За нами шли наши слуги; кто несъ ружье, кто сѣтку ловить насѣкомыхъ, кто моло-

токъ—разбивать каменья.—«Смотрите», говорили мы другъ другу: «ужъ нѣтъ ничего нашего, начиная съ человѣка; все другое: и человѣкъ, и платье его, и обычай». Плетни устроены изъ кустовъ кактуса и алоэ: не дай Богъ схватиться за кустъ — что наша крапива! Не только честный человѣкъ, но и воръ, даже любовникъ, не перелѣзутъ черезъ такой заборъ: милліонъ едва замѣтныхъ глазу иглъ вонзится въ руку. И камень не такой, и песокъ рыжій, и травы странныя: одна какая-то кудрявая, другая въ палецъ толщиной, третья бурая, какъ мохъ, та дымчатая. Пошли за городъ, по мелкому и чистому песку, на взморье: подъ ногами хрустѣли раковинки. — «Все не наше, не такое», твердили мы, поднимая то раковину, то камень. Промелькнетъ воробей — гораздо наряднѣе нашего, франтъ, а сейчасъ видно, что воробей, какъ онъ ни франти. Тотъ же лётъ, тѣ же манеры, и такъ же копается, какъ нашъ, во всякой дряни, разбросанной по дорогѣ. И ласточки, и вороны есть; но не тѣ: ласточки сѣрѣе, а ворона чернѣе гораздо. Собака залаяла, и то не такъ, отдаетъ чужимъ, какъ будто на иностранномъ языкѣ лаетъ. По улицамъ бѣгали чёрномазые, кудрявые мальчишки, толпились черныя или коричневыя женщины, малайцы, въ высокихъ соломенныхъ шляпахъ, похожихъ на колокола, но съ болѣе раздвинутыми, или поднятыми нѣсколько кверху полями. Только свинья такъ же неопрятна, какъ и у насъ, и такъ же неистово чешетъ бокъ объ уголъ, какъ будто хочетъ своротить весь домъ, да кошка, сидя въ палисадникѣ, среди миртъ, преусердно лижетъ лапу и потомъ мажетъ ею себѣ голову. Мы прошли мимо домовъ, садовъ, по песчаной дорогѣ, миновали крѣпость и вышли налѣво за городъ.

Насъ предупреждали, чтобъ мы не ходили въ полдень близъ кустовъ: около этого времени выползаютъ змѣи грѣться на солнцѣ: но мы не слушали, шевелили палками въ кустахъ, смѣло прокладывая себѣ сквозь нихъ дорогу. Змѣи,

кажется, еще болѣе остерегаются людей, нежели люди ихъ. Я видѣлъ только ящерицу, хотѣлъ прижать ее тростью на мѣстѣ, но зеленая тварь съ непостижимымъ проворствомъ скользнула въ норку. По одной дорогѣ съ нами шли три черныя женщины. Я спросилъ одну, какого она племени: — «Финго!» сказала она: — «мозамбикъ», закричала потомъ, «готтентотъ!» Всѣ три начали громко хохотать. Не разъ случалось мнѣ слышать этотъ наглый хохотъ черныхъ женщинъ. Если пройдете мимо — ничего; но спросите черную красавицу о чемъ-нибудь, напримѣръ, объ ея имени, или о дорогѣ, она совретъ и вслѣдъ за отвѣтомъ раздастся хохотъ ея и подругъ, если онѣ тутъ есть. — «Бичуанъ! Каффръ!» продолжала кричать намъ баба. Въ самомъ дѣлѣ — баба. Одѣта, какъ наши бабы: на головѣ платокъ, около поясницы что-то въ родѣ юбки, какъ у сарафана, и сверху рубашка; и иногда платокъ на шеѣ, иногда нѣтъ. Нѣкоторыя женщины, изъ коричневыхъ племенъ, поразительно сходны съ нашими загорѣлыми деревенскими старухами; зато черныя ни на что не похожи: у всѣхъ толстыя губы, выдавшіяся челюсти и подбородокъ, глаза какъ смоль, съ желтымъ бѣлкомъ, и рядъ бѣлѣйшихъ зубовъ. Улыбка на черномъ лицѣ имѣетъ что-то страшное и злое.

Мы нашли цѣлый музеумъ между каменьями, въ которые яростно бьетъ прибой: раковинъ, моллюсковъ, морскихъ ежей и раковъ. Слизняки такъ прирастаютъ къ каменьямъ, что нѣтъ возможности отодрать ихъ. Они эластичны: только пожмешь, изъ нихъ фонтанами брызжетъ вода. Морской ежъ — это полурастѣніе, полуживотное: онъ растетъ и, кажется, дышитъ. Это комокъ травянистаго тѣла, которому основаніемъ служитъ зелененькая, травянистая же чашечка. Весь онъ усѣянъ иглами и ярко блещетъ красками. Нашъ любитель-натуралистъ набралъ ихъ множество, сверхъ того, цвѣтовъ, прутьевъ, листьевъ, раковинъ. Раковины, однакожъ, были такъ себѣ, простоваты. Между тѣмъ въ отелѣ я видѣлъ

великолѣпныя, разноцвѣтныя и огромныя раковины.—«Это здѣшнія?» спросилъ я.—«Нѣтъ», отвѣчали мнѣ: «съ о. Св. Маврикія». Я замѣтилъ, что куда ни пріѣдешь, найдешь что-нибудь замѣчательное; спросишь, откуда оно, всегда укажутъ дальше, впередъ, а иногда назадъ. Въ Капштатѣ я увидѣлъ въ табачномъ магазинѣ футлярчики для спичекъ, точеные изъ красиваго, двухцвѣтнаго дерева. Я сейчасъ же купилъ нѣсколько на память о мысѣ Доброй Надежды. Я спросилъ, какъ зовутъ дерево?—«Боксъ», сказалъ англичанинъ.—«А откуда оно?»—«Изъ Англіи», отвѣчалъ онъ. На о. Св. Маврикія, пожалуй, скажутъ, что раковины изъ Парижа. Впрочемъ здѣсь, какъ въ цѣломъ мірѣ, есть провинціальная замашка выдавать свои товары за столичные. Что ни спросишь: шляпу, сапоги — это изъ Лондона! отвѣчаютъ вамъ. Я вспомнилъ наши уѣздные города и надписи на блѣдносиней доскѣ *портной изъ Нижняго*. Табачникъ думалъ, что Богъ знаетъ какъ утѣшитъ меня, выдавъ свой товаръ за англійскій.

Воротясь съ прогулки, мы зашли въ здѣшнюю гостиницу Fountain hotel: домъ голландской постройки, съ навѣсомъ, въ видѣ балкона, съ чисто убранными комнатами, въ которыхъ полы были лакированы. Потолокъ въ комнатахъ былъ изъ темнаго дерева, привозимаго съ восточнаго берега, изъ порта Наталь. Доставка его изнутри колоніи обходится дорого, оттого дерево употребляется только на мебель и другія, самыя необходимыя подѣлки. Зато камень ни почемъ: всѣ дома каменные. Мы видѣли даже нѣсколько очень бѣдныхъ рыбачьихъ хижинъ, по дорогѣ отъ Саймонстоуна до Капштата, построенныхъ изъ костей выброшенныхъ на берегъ китовъ и другихъ животныхъ. Мы сѣли у окна за жалюзи, потому что хотя и было *уже* (у насъ бы надо сказать *еще*) 15-е марта, но день былъ жаркій, солнце пекло, какъ у насъ въ іюлѣ, или какъ здѣсь въ декабрѣ.

На каминѣ и по угламъ вездѣ разложены минералы, раковины, чучела птицъ, звѣрей, или змѣй, вѣроятно все «съ о. Св. Маврикія». Въ каминѣ лежало множество сухихъ цвѣтовъ, изъ породы *иммортелей*, какъ мнѣ сказали. Они лежатъ, не измѣняясь, по многу лѣтъ: черезъ десять лѣтъ такъ же сухи, ярки цвѣтомъ, а такъ же ничѣмъ не пахнутъ, какъ и несорванные. Мы спросили инбирнаго пива и констанскаго вина, произведенія знаменитой Констанской горы. Пиво мальчикъ вылилъ все на Б. К., а констанское вино такъ сладко, что изъ рукъ вонъ. Оно напоминаетъ вкусомъ немного малагу, но только слаще. На стѣнахъ были плохія картинки — неизбѣжная принадлежность станцій и трактировъ всего земного шара, какъ я убѣдился теперь. Безъ нихъ скучно на станціи: это большое развлеченіе для путешественника. Припомните, сколько разъ вамъ пришлось улыбнуться, разсматривая на нашихъ станціяхъ, пока запрягаютъ лошадей, простодушныя изображенія лицъ и событій? И тутъ то же самое. Вотъ, напримѣръ, на одной картинкѣ представлена драка солдатъ съ контрабандистами: герои рѣжутъ и колютъ другъ друга, а лица у нихъ сохраняютъ такое спокойствіе, какого въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть даже у англичанъ, которые тутъ изображены, что̀ и составляетъ истинный комизмъ такого изображенія. На другихъ картинкахъ представлена скачка съ препятствіями: лошади вверхъ ногами, люди по горло въ водѣ. По этимъ картинкамъ я заключилъ, не видавъ еще хозяевъ, что гостиница англійская. У голландцевъ скачекъ не изображается, зато вездѣ увидишь охоту за тиграми, или лисицами, потомъ портреты королей и королевъ. И тамъ плѣняешься своего рода несообразностями: барсъ схватилъ зубами охотника за ногу, а охотникъ, лежа въ тростникѣ, смотритъ въ сторону и смѣется. Вообще можно различить англійскія и голландскія гостиницы съ перваго взгляда. У англичанъ вездѣ виденъ комфортъ или претензія на него, у голландцевъ — патріар-

хальность, проявляющаяся въ старинной, почернѣвшей отъ времени, но чисто содержимой мебели, особенно въ деревянныхъ пузатенькихъ бюро и шкапахъ, съ дѣдовскимъ фарфоромъ, серебромъ и т. п. По состоянію однѣхъ этихъ гостиницъ безошибочно можете заключить, что голландцы падаютъ, а англичане возвышаются въ здѣшней сторонѣ. У первыхъ все смотритъ скучно, запущенно; у послѣднихъ весело, ново и свѣжо. Мы провели съ часъ, покуривая сигару и глядя въ окно на корабли, въ томъ числѣ на нашъ, на дальнія горы; тѣшились мыслью, что мы въ Африкѣ.— «А вѣдь это самый южный трактиръ отсюда по прямому пути до полюса», сказалъ мнѣ товарищъ: «внесите это въ вашу записную книжку». Я не зналъ, къ какому роду знаній отнести это замѣчаніе и обѣщалъ помѣстить его особо.

Я никакъ не ожидалъ, чтобъ Ѳаддеевъ способенъ былъ на какую-нибудь любезность, но, воротясь на фрегатъ, я нашелъ у себя въ каютѣ великолѣпный цвѣтокъ: горный тюльпанъ, величиной съ чайную чашку, съ розовыми листьями и темнымъ, коричневымъ мхомъ внутри, на длинномъ стеблѣ. — «Гдѣ ты взялъ?» спросилъ я.—«Въ Африкѣ, на горѣ досталъ», отвѣчалъ онъ.

Мы собрались всемеромъ въ Капштатъ, но съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать поѣздку подальше, въ колонію. И однажды утромъ, взявъ по чемоданчику съ бѣльемъ и платьемъ, да записныя книжки, пустились въ двухъ экипажахъ, т. е. фурахъ, крытыхъ съ боковъ кожей.

Отъ Саймонсбея до Капштата всего 24 англійскихъ мили, или 36 верстъ. Дорога, первыя 12 миль, идетъ по берегу, то у подошвы утесовъ, то песками, или по ребрамъ скалъ, все по шоссе; дорога невеселая, хотя море постоянно въ виду, а надъ головой тѣснятся утесы, усѣянные кустарниками, но все это мрачно, голо. Верхушки утесовъ рѣзко оттѣняются своимъ темносѣрымъ цвѣтомъ песчаника отъ

покрытаго травой гранита. Мы видѣли высоко въ ущельяхъ горъ пасущихся коровъ: онѣ казались снизу букашками. Въ одномъ мѣстѣ, направо, есть озерко прѣсной воды. Коегдѣ одиноко стоятъ рыбачьи хижины; двѣ-три дачи подъ горой, да маленькая гостиница — вотъ и все. Жизни мало; только чайки плавно носятся по прибрежью, да море вѣчно и неумолкаемо шумитъ и плещетъ. На половинѣ дороги другая гостиница, такъ и называется *Halfway* (половина пути). Нашъ кучеръ остановился тутъ, отпрягъ лошадей и предложилъ намъ потребовать refreshment, т.-е. закусить. На дворѣ росло огромное кедровое дерево; главный флигель строился, а гостиница помѣщалась въ другомъ, маленькомъ. Мы заказали завтракъ и пошли въ садъ. При входѣ крупными буквами написано, чтобы ничего не трогали въ саду безъ позволенія садовника. Но трогать было нечего, кромѣ развѣ незрѣлыхъ фигъ, да кукурузы, которую убиралъ негръ. Прочее все давно снято. Хотя погода была жаркая, но ужъ не лѣтняя, здѣсь. Листья летѣли съ деревьевъ и усыпали дорожки. Садъ былъ порядочный, онъ же и огородъ. Тутъ посажены были, кромѣ фиговыхъ деревьевъ, бананы, виноградъ, капуста и огурцы. Видно было много цвѣтовъ. Завтракъ состоялъ изъ яичницы, холодной и жесткой солонины, изъ горячей и жесткой ветчины. Яичница, ветчина и картинки въ деревянныхъ рамахъ опять напомнили мнѣ наши станціи. Тутъ, впрочемъ, было богатое собраніе птицъ, чучела звѣрей; особенно мила головка маленькаго оленя, съ козленка величиной; я залюбовался на нее, какъ на женскую (благодарите, mesdames), да по угламъ красовались еще рога дикихъ буйволовъ, огромные, раскидистые, ярко выполированные, напоминавшіе тоже головы, конечно, не женскія...

Остальная половина дороги, начиная отъ гостиницы, совершенно измѣняется: утесы отступаютъ въ сторону, миля на три отъ берега, и путь, веселый, оживленный, тянется

между рядами дачъ, одна другой красивѣе. Въѣзжаешь въ аллею изъ кедровыхъ, дубовыхъ деревьевъ и тополей: мѣстами деревья образуютъ непроницаемый сводъ; кое-гдѣ другія аллеи бѣгутъ въ сторону отъ главной, къ дачамъ и къ фермамъ, а потомъ къ Винбергу, маленькому городку, который виденъ съ дороги. Налѣво видна знаменитая по своему виду Констанская гора. Рядомъ съ ней идетъ хребетъ вплоть до Столовой горы. По дорогѣ то обгоняли насъ, то встрѣчались фуры, кабріолеты, кареты, всадники. Изъ аллеи непримѣтно, въѣзжаешь въ Капштатъ. При въѣздѣ берутъ по 8 пенсовъ съ экипажа за шоссе; при выѣздѣ изъ Саймонсбей столько же. По дорогѣ еще есть красивая каменная часовня въ полуготическомъ вкусѣ; потомъ, въ сторонѣ подъ горой, на берегу, выстроено нѣсколько домиковъ для пріѣзжающихъ на лѣто брать морскія ванны. Есть рыбачья слобода, съ рощей вокругъ.

КАПШТАТЪ.

Задолго до въѣзда въ городъ, глазамъ нашимъ открылись три странныя массы горъ, не похожихъ ни на одну изъ видѣнныхъ нами. Одна предлинная, довольно отлогая, съ углубленіемъ въ срединѣ, съ возвышенностями по концамъ; другая высокая, ровная и одинаково широкая и въ основаніи, и наверху. Вершины нѣтъ: она какъ будто срѣзана и гора оканчивается кверху площадью, почти равною основанію. Къ ней прислонилась третья гора, вся въ рытвинахъ, болѣе первыхъ заросшая зеленью.—«Что это?» спросилъ я кучера малайца, указывая на одну гору.—«Tablemountain», сказалъ онъ (Столовая гора). — «А это?» — «Lion's head» (Львиная гора).—«А это?»—«Deavilspick» (Чортовъ пикъ).

Столовая гора названа такъ потому, что похожа на столъ, но она похожа и на сундукъ, и на фортепіано, и на стѣну — на что хотите, всего меньше на гору. Бока ея кажутся гладкими, между тѣмъ въ подзорную трубу видны

большіе уступы, неровности и углубленія; но они исчезаютъ въ громадности глыбы. Эти три горы, и между ними особенно Столовая, недаромъ пріобрѣли свою репутацію.

Обливаютъ ли ихъ солнечные лучи, лежитъ ли густой туманъ на нихъ, или опоясываютъ облака — во всѣхъ этихъ уборахъ онѣ прекрасны, оригинальны и составляютъ вѣчно занимательное и грандіозное зрѣлище для путешественника. Три странныя формы, какъ три чудовища, облегли городъ. Столовая гора, мрачная, сѣрая, какъ всѣ горы, окаймляющія южный берегъ Африки, состоитъ изъ песчаника, почернѣвшаго отъ солнца и воздуха. Кое-гдѣ зеленѣетъ травка, да кустарниковыя растенія забрались въ промытыя дождемъ рытвины. По подошвѣ кучками разбросаны рощицы и сады, съ дачами и виноградниками. Съ виду кажется невозможнымъ войти въ эту стѣну; между тѣмъ тамъ проложены тропинки, и любопытные, съ проводниками, безпрестанно отправляются туда. И нѣкоторые изъ нашихъ ходили: пошли въ сапогахъ, а воротились босые. Вершина горы, сказывали они, плоская, поросшая кустарникомъ, во всю площадь. Львиная гора похожа, говорятъ, на лежащаго льва: продолговатый холмъ, въ самомъ дѣлѣ, напоминаетъ хребетъ какого-то животнаго, но коническій пикъ, которымъ этотъ холмъ примыкаетъ къ Столовой горѣ, вовсе не похожъ на львиную голову. Зато коронка пика образуетъ совершенно правильную фигуру спящаго львенка. Товарищи мои замѣтили то же самое: нельзя нарочно сдѣлать лучше: такъ и хочется снять ее и положить на столъ, какъ presse-papier.

Любуясь на горы, мы незамѣтно очутились у широкаго крыльца двухъэтажнаго дома: это Welch's hotel. У подъѣзда, на нижней ступенькѣ, встрѣтилъ насъ совсѣмъ черный слуга; потомъ слуга малаецъ, не совсѣмъ черный, но и не бѣлый, съ краснымъ платкомъ на головѣ; въ сѣняхъ—служанка, англичанка, побѣлѣе; далѣе, на лѣстницѣ—дѣвушка лѣтъ 20, красавица, положительно бѣлая, и наконецъ—ста-

руха, хозяйка, nec plus ultra бѣлая, т.-е. сѣдая. Мы вошли въ чистыя, круглыя, освѣщенныя сверху сѣни, съ прекрасной деревянной лѣстницей и выходомъ прямо на дворикъ, съ балкономъ. Около дворика кругомъ шла шпалера изъ виноградныхъ лозъ, и кисти ягодъ висѣли вездѣ, зрѣлыя и крупныя, янтарнаго цвѣта. Двери направо въ гостиную и налѣво въ столовую были отворены настежь, съ полуоткрытыми жалюзи и окнами. Вездѣ сумракъ и прохлада. Въ сѣняхъ мы встрѣтили своихъ, которые наканунѣ уѣхали. Они шли гулять; мы сдали вещи слугамъ и присоединились къ нимъ. Слуга спросилъ меня и Б., будемъ ли мы обѣдать. Черезчуръ жесткая солонина и слишкомъ мягкая яичница въ Halfway еще были *присущи* у меня въ памяти, или въ желудкѣ, и я отвѣчалъ: — «Не знаю». — «Будемъ, будемъ!» торопливо за себя и за меня рѣшилъ Б. На лѣстницѣ служанка подошла къ намъ и спросила, будемъ ли мы обѣдать? — «Не знаю...» началъ-было я, но Б. не далъ мнѣ договорить. Пока мы сдавали вещи, наши спутники толпой тѣснились у буфета. Я продрался посмотрѣть, что они дѣлаютъ. Вотъ что: изъ темной комнаты буфета въ свѣтлыя сѣни выходило большое окно; въ немъ, какъ въ рамкѣ, вставлена была прекрасная картинка: хорошенькая дѣвушка, родственница m-rs Welch, Кэролейнъ, т.-е. Каролина, та самая, которую мы встрѣтили на лѣстницѣ. Она была прекраснаго роста, съ прекрасной таліей, съ прекрасными глазами и предурными руками — прекрасная дѣвушка! Сквозь бѣлую, нѣжную кожу сквозили тонкими линіями синія жилки; глаза большіе, темносиніе и лучистые; ротъ маленькій и граціозный, съ вѣчной, одинаковой для всѣхъ улыбкой. Я послѣ видѣлъ, какъ она обрѣзала палецъ и заплакала: лобъ у ней наморщился, глаза выразили страданіе, а ротъ улыбался: такова сила привычки. Какъ граціозно подавала она каждому счетъ, написанный, хотя дурной рукой, но прекраснымъ почеркомъ! Какъ мило говорила: — «thank

you!» когда, взамѣнъ счета, ей подавали кучку фунтовъ. А что за прелесть, когда она, какъ сильфида, неслышными шагами идетъ по лѣстницѣ, вдругъ остановится посрединѣ ея, обопрется на перила и, обернувшись, броситъ на васъ убійственный взглядъ. Она-то привлекала всѣхъ къ окну: тамъ было постоянное сборище. Она, то во весь ростъ, то сидя, рисовалась на темномъ фонѣ комнаты. Сзади, какъ дополненіе, какъ аксессуаръ комнаты, сидѣла на диванѣ довольно грузная старушка, m-rs Welch. Предоставивъ Каролинѣ улыбаться и разговаривать съ гостями, она постоянно держалась на второмъ планѣ, молча принимала передаваемые ей Каролиной фунты и со вздохомъ опускала въ карманъ. Увидя насъ, новоприѣзжихъ, обѣ хозяйки въ одинъ голосъ спросили, будемъ ли мы обѣдать. Этотъ вопросъ занималъ весь домъ.

День былъ удивительно хорошъ: южное солнце, хотя и осеннее, не щадило красокъ и лучей; улицы тянулись лѣниво, дома стояли задумчиво въ полуденный часъ и казались вызолоченными отъ жаркаго блеска. Мы прошли мимо большой площади, называемой *Готтентотскою*, усаженной большими елями, наклоненными въ противоположную отъ Столовой горы сторону, по причинѣ знаменитыхъ вѣтровъ, падающихъ съ этой горы на городъ и заливъ.

На площади учатся обыкновенно войска; но ихъ теперь нѣтъ: они еще воюютъ съ каффрами. Въ концѣ площади биржа — низенькое, не представляющее ничего замѣчательнаго зданіе, голландской постройки. Въ немъ большая зала, увѣшанная тысячами печатныхъ увѣдомленій о продажѣ, о покупкѣ, да множество столовъ съ газетами. Рядомъ въ комнатѣ помѣщается библіотека. Мы видѣли много улицъ и площадей, осмотрѣли англійскую и католическую церкви, миновавъ мечеть, помѣщающуюся въ домѣ, который ничѣмъ не отличается отъ другихъ. Но куда ни взглянешь, вездѣ взглядъ упирается то въ зеленѣющіе бока лежащаго Льва,

то въ Столовую гору, то въ Чортовъ пикъ. Городъ какъ будто сдавленъ ими; только къ юго-западу раздвигается безграничный просторъ: тамъ море сливается съ небомъ.

Мы въ концѣ одной улицы замѣтили темную аллею и поворотили туда. Это была длинная, совсѣмъ закрытая вершинами елей дорога для пѣшеходовъ, убитая, впрочемъ, довольно острыми камешками. Пройдя нѣсколько саженъ, мы подошли ко входу въ ботаническій садъ, въ который входъ дозволенъ за деньги по подпискѣ; но для путешественниковъ онъ открытъ во всякое время безденежно. Что за наслажденіе этотъ садъ! Онъ не великъ: едва ли составитъ половину петербургскаго Лѣтняго сада, но зато въ немъ собраны всѣ цвѣты и деревья, растущіе на Капѣ и въ колоніи. Все разсажено въ порядкѣ, посемейно. Мы обошли кругомъ сада, не пропуская ни одного растенія. Сначала идутъ деревья: померанцовыя, фиговыя и другія, потомъ кусты. Миртовые всевозможныхъ породъ, кипарисные, и между ними милліоны мелкихъ цвѣтовъ, яркихъ, блестящихъ. Я припоминалъ наши роскошныя дачи и цвѣтники, гдѣ все это стоитъ, или подъ стекломъ, или въ кадкахъ, а на зиму прячется. Здѣсь круглый годъ все зеленѣетъ и цвѣтетъ. По мѣстамъ посажено было чрезвычайно красивое и невиданное у насъ дерево, называемое по-англійски broomtree. Broom значитъ *метла*; дерево названо такъ потому, что у него нѣтъ листьевъ, а есть только тонкіе и чрезвычайно длинные зеленые прутья, которые висятъ, какъ кудри, почти до земли. Они видомъ немного напоминаютъ плакучія ивы, но гораздо красивѣе ихъ. Какая богатая коллекція георгинъ! Вотъ семейство алоэ; особенно красивы зеленые листья съ двумя широкими желтыми каймами. Семья кактусовъ богаче всѣхъ: она занимаетъ цѣлую лужайку. Что за разнообразіе, что за уродливость и что за красота вмѣстѣ! Я мимо многихъ кустовъ проходилъ съ поникшей головой, какъ мимо буквъ неизвѣстнаго мнѣ языка. Посрединѣ глав-

ной аллеи растутъ, образуя кругъ, точно дубы, огромныя грушевыя деревья, съ большими, почти съ голову величиною, грушами, но жесткими, годными только для компота.

Съ одного мѣста изъ сада открывается глазамъ вся Столовая гора. Меня опять поразила эта громада, когда мы были у ея подошвы. Солнце обливало ее лучами; наверху прилипло въ одномъ мѣстѣ облако и лежало тамъ покойно, не шевелясь, какъ глыба снѣгу. Зеленѣющіе бока Льва казались еще зеленѣе. На крестцѣ его вертѣлся телеграфъ, разговаривая съ судами. Я оглядывался въ рытвины Столовой горы, промытыя протоками и образующія видомъ такъ-называемыя «ножки стола». На этомъ разстояніи то, что издали казалось мхомъ, травкой, являлось цѣлыми лѣсами кустовъ и деревьевъ. Вся гора, взятая нераздѣльно, кажется какой-то мрачной, мертвой, безжизненной массой, а между тѣмъ тамъ много жизни: на подошву ея лѣзутъ фермы и сады; въ лѣсахъ гнѣздятся павіаны (большія черныя обезьяны), кишатъ змѣи, бѣгаютъ шакалы и дикія козы. Гора не высока, всего 3500 футовъ надъ моремъ, но громоздка, широка. Вообще всѣ три горы кажутся покинутыми матеріалами отъ какихъ-то громадныхъ замысловъ и недоконченныхъ нечеловѣческихъ работъ.

Обошедши всѣ дорожки, осмотрѣвъ каждый кустикъ и цвѣтокъ, мы вышли опять въ аллею и потомъ въ улицу, которая вела въ поле и въ сады. Мы пошли по тропинкѣ и потерялись въ садахъ, ничѣмъ не огороженныхъ, и рощахъ. Дорога поднималась замѣтно въ гору. Наконецъ забрались въ чащу одного сада и дошли до какой-то виллы. Мы вошли на террасу и, усталые, сѣли на каменныя лавки. Изъ дома вышла мулатка, объявила, что господъ ея нѣтъ дома и—по просьбѣ нашей, принесла намъ воды.

Городъ открылся намъ весь оттуда, городъ чисто англійскій, съ немногими исключеніями: высокіе двухъэтажные дома, съ магазинами внизу, улицы пересѣкаются подъ пря-

мымъ угломъ. Кругомъ далеко видны загородные дома и прячущіяся въ зелени фермѣ. Зелень, т.-е. деревья, за исключеніемъ мелкихъ кустовъ, только и видна вблизи фермъ, а то всюду голь, все обнажено и изсушено солнцемъ, убито неистовыми, дующими съ моря и съ горъ вѣтрами. Взглядъ далеко обнимаетъ пространство и ничего не встрѣчаетъ, кромѣ бѣлоснѣжнаго песку, разноцвѣтной и разнообразной травы, да однообразныхъ кустовъ, потомъ неизбѣжныхъ горъ, которыя, группами, безпорядочно стоятъ, какъ люди, на огромной площади, то въ кружокъ, то рядомъ, то лицомъ, или спинами другъ къ другу.

Дорогой навязавшійся намъ въ проводники малаецъ принесъ намъ винограду. Мы пошли назадъ все по садамъ, между огромными дубами, изъ рытвины въ рытвину, взобрались на пригорокъ и, спустившись съ него, очутились въ городѣ. Только-что мы вошли въ улицу, кто-то сказалъ:— «Посмотрите на Столовую гору!» Всѣ оглянулись и остановились въ изумленіи: половины горы не было.

Облако, о которомъ я говорилъ, разрослось, пока мы шли садами, и густымъ слоемъ, точно снѣгомъ, покрыло плотно и непроницаемо всю вершину и спускалось по бокамъ ровно; *это столъ накрывался скатертью.* Мы шли улицей, идущей скатомъ, и безпрестанно оглядывались: скатерть продолжала спускаться съ неимовѣрной быстротой, такъ что мы не успѣли достигнуть середины города, какъ гора была закрыта уже до половины. Я ждалъ, не будетъ ли бури, тѣхъ стремительныхъ вѣтровъ, которые наводятъ ужасъ на стоящія на рейдѣ суда; но жители капштатскіе говорятъ, что этого не бываетъ. Столовая гора можетъ хоть вся закутаться въ саванъ — они не боятся. Бѣда, когда *левъ накинетъ чепчикъ!* Я послѣ самъ имѣлъ случай повѣрить это собственнымъ наблюденіемъ.

Я пристально всматривался въ физіономію города: та же Англія, тѣ же узенькіе, высокіе англійскіе дома, крытые

аспидомъ и черепицей, въ два, рѣдкіе въ три этажа. Внизу магазины. Только одно исключеніе допущено въ пользу климата: это большія, во всю ширину дома веранды или балконы, гдѣ жители отдыхаютъ по вечерамъ, наслаждаясь прохладой. Есть нѣсколько домовъ голландской постройки, съ однимъ и тѣмъ же некрасивымъ, тяжелымъ фронтономъ и маленькими окошками, съ тонкимъ переплетомъ въ рамахъ и очень мелкими стеклами. Но остатки голландскаго владычества рѣдки. Я почти не видалъ голландцевъ въ Капштатѣ, но языкъ голландскій, однакожъ, еще въ большомъ ходу. Особенно на немъ говорятъ всѣ старики, слуги и служанки. На всякомъ шагу бросаются въ глаза богатые магазины суконъ, полотенъ, матерій, часовъ, шляпъ: много портныхъ и ювелировъ, словомъ—это уголокъ Англіи.

Здѣсь, какъ въ Лондонѣ и Петербургѣ, дома стоятъ такъ близко, что не разберешь, одинъ это или два дома; но городъ очень чистъ, смотритъ такъ бодро, весело, живо и промышленно. Особенно любовался я пестрымъ народонаселеніемъ. Англичанинъ — баринъ здѣсь, кто бы онъ ни былъ: всегда изысканно одѣтый, холодно, съ пренебреженіемъ отдаетъ онъ приказанія черному. Англичанинъ сидитъ въ обширной своей конторѣ, или въ магазинѣ, или на биржѣ, хлопочетъ на пристани, онъ строитель, инженеръ, плантаторъ, чиновникъ, онъ распоряжается, управляетъ, работаетъ, онъ же ѣдетъ въ каретѣ, верхомъ, наслаждается прохладой на балконѣ своей виллы, прячась подъ тѣнь виноградника.

А черный? Вотъ стройный, красивый негръ финго, или мозамбикъ, тащитъ тюкъ на плечахъ; это «кули» — наемный слуга, носильщикъ, бѣгающій на посылкахъ; вотъ другой изъ племени зулу, а чаще готтентотъ, на козлахъ ловко управляетъ парой лошадей, запряженныхъ въ кабріолетъ. Тамъ третій, бичуанъ, ведетъ верховую лошадь; четвертый мететъ улицу, поднимая столбомъ красно-желтую пыль. Вотъ

малаецъ, съ покрытой платкомъ головой, по обычаю магометанъ, ѣдетъ съ фурой, запряженной шестью, восемью, до двѣнадцати быковъ и болѣе. Вотъ идетъ черная старуха, въ платкѣ на головѣ, сморщенная, безобразная; другая, безобразнѣе, торгуетъ какой-нибудь дрянью; третья, самая безобразная, проситъ милостыню. Толпа мальчишекъ и дѣвочекъ, отъ самыхъ бѣлыхъ, до самыхъ черныхъ включительно, бѣгаютъ, хохочутъ, плачутъ и дерутся. Волосы у черныхъ — какъ куча сажи. Мулаты, мулатки въ европейскихъ костюмахъ; далѣе пьяные англійскіе матросы, махая руками, крича во все горло, въ шляпахъ и безъ шляпъ, катаются въ экипажахъ или толкутся у пристани. И между всѣмъ этимъ народонаселеніемъ проходятъ и проѣзжаютъ прекрасныя, нѣжныя созданія—англійскія женщины.

Мы пришли на торговую площадь; тутъ кругомъ тѣснѣе толпились дома, было больше товаровъ вывѣшено на окнахъ, а на площади сидѣло много женщинъ, торгующихъ виноградомъ, арбузами и гранатами. Есть множество книжныхъ лавокъ, гдѣ на окнахъ, какъ въ Англіи, разложены сотни томовъ, брошюръ, газетъ; я видѣлъ типографіи, конторы издающихся здѣсь двухъ газетъ, альманахи, магазинъ рѣдкостей, т.-е. рѣдкостей для европейцевъ: львиныхъ и тигровыхъ шкуръ, слоновыхъ клыковъ, буйволовыхъ роговъ, змѣй, ящерицъ.

Въ городѣ считается около 25 тысячъ всѣхъ жителей, европейцевъ и цвѣтныхъ. Кромѣ черныхъ и малайцевъ, встрѣчается много коричневыхъ лицъ весьма подозрительнаго свойства, напоминающихъ не то голландцевъ, не то французовъ, или англичанъ: это помѣсь этихъ народовъ съ африканками. Собственно же коренныхъ и извѣстнѣйшихъ племенъ: каффрскаго, готтентотскаго и бушменскаго, особенно послѣдняго, въ Капштатѣ не видать, кромѣ готтентотовъ—слугъ и кучеровъ. Они упрямо удаляются въ свои дикія убѣжища, чуждаясь цивилизаціи и осѣдлой жизни.

Впрочемъ, племя бушменовъ малочисленно; они гнѣздятся въ землянкахъ, вырытыхъ среди кустовъ, оттого и названы бушменами (кустъ по-голландски *буш*), они и между собой живутъ не обществомъ, а посемейно, промышляютъ ловлей звѣрей, рыбы и воровствомъ. Одинъ изъ новыхъ писателей о Капской колоніи, Торнли Смитъ (Thornley Smith) находитъ у бушменовъ сходство съ Плиніевыми троглодитами, которые жили въ землянкахъ, питались змѣями и, вмѣсто явственной рѣчи, издавали глухое ворчанье. Есть сходство, особенно когда послушаешь, какъ бушмены говорятъ: объ этомъ скажу ниже.

Городъ посредствомъ водопроводовъ снабжается отличной водой изъ горныхъ ключей. За это платится жителями извѣстная подать, какъ, впрочемъ, за всѣ удобства жизни. Англичане ввели свою систему сборовъ, о чемъ также будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Уставъ и наглядѣвшись всего, мы часовъ въ шесть воротились въ гостиницу. Тамъ, въ длинной столовой, накрытъ былъ большой столъ. Мы разошлись по номерамъ переодѣться къ обѣду. Я осмотрѣлъ внимательно свой номеръ: это длинная, мрачная комната, съ однимъ пребольшимъ окномъ, но очень высокая. Въ ней постель, по обыкновенію, преширокая, съ занавѣсомъ; дрянной орѣховый столъ, нѣсколько стульевъ, которые скликаютъ другъ друга; обои разодраны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; на потолкѣ красуется пятно. Въ окнѣ одно стекло разбито; на столикѣ стояло маленькое зеркало, въ простой рамкѣ съ ящикомъ. Я обошелъ комнату раза два, поглядѣлъ на свой не развязанный, туго набитый мѣшокъ съ бѣльемъ и платьемъ, и вздохнулъ изъ глубины души. — «Ѳаддеевъ! Филишъ! гдѣ вы?» сорвалось у меня съ языка воззваніе къ слугамъ. Я позвонилъ: явился мальчикъ лѣтъ двадцати, угреватый, подслѣповатый, и въ комнатѣ вдругъ запахло собакой.— «Воды—бриться!» сказалъ я.—«Yes, sir», отвѣчалъ онъ и

не принесъ. Я позвонилъ—и онъ явился съ кружкой воды.—«Щетку», сказалъ я: «для платья!» Тотъ же «yes» въ отвѣтъ и то же непослушаніе. Вдругъ раздался звонокъ—это приглашеніе къ обѣду. Я сошелъ въ сѣни. Малаецъ Ричардъ, поднявъ колоколъ, съ большой стаканъ величиной, вровень съ своимъ ухомъ, и зажмуривъ глаза, звонилъ изо всей мочи на всѣ этажи и номера, сзывая путешественниковъ къ обѣду. Потомъ вдругъ пересталъ, открылъ глаза, поставилъ колоколъ на круглый столъ въ сѣняхъ и побѣжалъ въ столовую.

Тамъ явились все только наши, да еще служащій въ Остъ-Индіи англійскій военный докторъ *Whetherhead*. На столѣ стояло болѣе десяти покрытыхъ серебряныхъ блюдъ, по обычаю англичанъ, и чего тутъ не было! Я сѣлъ на концѣ; передо мной поставили супъ и мнѣ пришлось хозяйничать.

Насъ сѣло за обѣдъ человѣкъ 16. *Whetherhead* сѣлъ подлѣ меня. Я разлилъ всѣмъ супъ, въ томъ числѣ и ему, и между нами завязался разговоръ, сначала по-англійски, но потомъ перешелъ на нѣмецкій языкъ, который знакомъ мнѣ больше. Мнѣ казалось, что будто онъ умышленно затрудняется говорить по-нѣмецки. Вскорѣ онъ сталъ говорить и со всѣми. Онъ былъ очень уменъ, любезенъ и услужливъ. Мое хозяйничанье на супѣ и окончилось. Ричардъ снялъ крышку съ другого блюда: тамъ задымился кусокъ ростбифа. Я трогалъ его длиннымъ и, какъ бритва, острымъ ножомъ, то съ той, то съ другой стороны, сталъ рѣзать, и ножъ ушелъ въ глубину до половины куска.—«Не портьте куска», сказалъ мнѣ Б., мѣня передъ этой горой мяса: «надо рѣзать искусно». Я передвинулъ блюдо къ доктору, и тотъ съ умѣньемъ, тонкими ломтями, началъ отдѣлять мясо и раскладывать по тарелкамъ. Но тутъ уже всѣ стали хозяйничать. Почти передъ всякимъ стояло блюдо съ чѣмъ-нибудь. Передъ однимъ кусокъ баранины, тамъ телятина,

и почти все au naturel, какъ и любятъ англичане, жаркое, рыба, зелень, и еще карри, подаваемое ежедневно вездѣ, начиная съ мыса Доброй Надежды до Китая, особенно въ Индіи; это говядина, или другое мясо, иногда курица, дичь, наконецъ, даже раки, и особенно шримсы, изрѣзанные мелкими кусочками и сваренные съ ѣдкимъ соусомъ, который составляется изъ десяти или болѣе индійскихъ перцовъ. Мало того, къ этому подаютъ еще какую-то особую, чуть не ядовитую сою, отъ которой блюдо и получило свое названіе. Какъ необходимая принадлежность къ нему, подается особо вареный, въ одной водѣ, рисъ. Мы, не зная, каково это блюдо, брали довѣрчиво въ ротъ; но тогда начинались различныя затрудненія: одинъ останавливался и недоумѣвалъ, какъ поступить съ тѣмъ, что у него во рту; иной, проглотивъ вдругъ, дѣлалъ гримасу, какъ будто говорилъ по-англійски; другой поспѣшно проглатывалъ и метался запивать, а нѣкоторые, въ томъ числѣ и Б., мужественно покорились своей участи.

Какъ обыкновенно водится на англійскихъ обѣдахъ, одинъ посылалъ свою тарелку туда, гдѣ стояли котлеты, другой просилъ рыбы, и обѣдъ съѣдался вдругъ. Ричардъ метался, какъ угорѣлый, и отлично успѣвалъ подавать во-время всякому, чего кто требовалъ. Онъ же приносилъ, тому бутылку портвейна, другому хересу, а инымъ и стаканъ воды, но рѣдко. Англичанамъ за обѣдомъ вода подается только для полосканья рта. Лишь кликнутъ:—«Ричардъ!» да и кликать не надо: онъ не допуститъ, онъ глазами ловитъ взглядъ, подбѣгаетъ къ вамъ и вы — особенно съ непривычки — непремѣнно засмѣетесь прежде, а потомъ уже скажете, что вамъ нужно: такія гримасы дѣлаетъ онъ, приготовляясь слушать васъ! Вы только намѣреваетесь сказать ему слово, онъ открываетъ глаза, какъ будто ожидая услышать что-нибудь чрезвычайно важное; и когда начнете говорить, онъ поворачиваетъ голову немного въ сторону, а одно ухо къ

вамъ; лицо все, особенно лобъ, собирается у него въ складки, губы кривятся на сторону, глаза устремляются къ потолку. Рѣдко можно встрѣтить физіономію подвижнѣе этого лица, напоминающаго нашихъ татаръ.

Когда кончили обѣдъ, Ричардъ мгновенно потаскалъ прочь, одно за другимъ, блюда, потомъ тарелки, ножи, вилки, куски хлѣба, наконецъ, потащилъ скатерть. Я такъ и ждалъ, что онъ начнетъ таскать собесѣдниковъ, хотя никто въ этомъ надобности и не чувствовалъ. Онъ не дотронулся, однакожъ, ни до одного стакана, ни до рюмки, и особенно до бутылки. Потомъ сталъ разставлять передъ каждымъ маленькія тарелки, маленькіе ножи, маленькія вилки, и съ такимъ же проворствомъ началъ носить десертъ: прекрупный янтарнаго цвѣта виноградъ и къ нему большую хрустальную чашку съ водой, груши, гранаты, фиги и арбузъ. Опять пошла такая же раздача: тому того, этому другого, нашимъ молодымъ людямъ всего. О пирожномъ я не говорю: оно то же, что и въ Англіи, т. е. яичница съ вареньемъ, круглый пирогъ съ вареньемъ, и маленькіе пирожки съ вареньемъ, да еще что-то въ родѣ крема, безъ сахара, но, кажется... съ вареньемъ. Наконецъ, Ричардъ и это все утащилъ, но бутылки и рюмки опять оставилъ и скромно удалился. Къ удивленію его, мы удалились отъ бутылокъ еще скромнѣе и, кто постарше, пошли въ гостиную, а большинство — въ буфетъ, къ окну. Тутъ еще дали, кому кофе, кому чаю, и записали на каждаго за всѣ съѣденное и выпитое, кромѣ вина, по четыре шиллинга: это за обѣдъ. Мнѣ подали чаю; я попробовалъ и не зналъ, на что рѣшиться, глотать или нѣтъ. Я сталъ припоминать, на что это похоже: помню, что въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ ревенемъ, мятой, бузиной, ромашкой и другими снадобьями, которыми щедро угощаютъ дѣтей, давали какую-то траву въ родѣ этого чая. Въ Англіи онъ казался мнѣ дуренъ, а здѣсь ни на что не похожъ. Говорятъ, это смѣсь чернаго и зеленаго чаевъ; но это еще не

причина, чтобъ онъ былъ такъ дуренъ; прибавьте, что къ чаю подали, вмѣсто сахару, песокъ, сахарный, конечно, но все-таки песокъ, отъ котораго мутный чай сталъ еще мутнѣе.

Мы пошли опять гулять. Ночь была теплая, темная такая, что ни зги не видать, хотя и звѣздная. Каждый, выходя изъ ярко-освѣщенныхъ сѣней по лѣстницѣ на улицу, точно падалъ въ яму. Южная ночь таинственна, прекрасна, какъ красавица подъ черной дымкой: темна, нѣма; но все кипитъ и трепещетъ жизнью въ ней, подъ прозрачнымъ флёромъ. Чувствуешь, что каждый глотокъ этого воздуха есть прибавка къ запасу здоровья; онъ освѣжаетъ грудь и нервы, какъ купанье въ свѣжей водѣ. Тепло, какъ будто у этой ночи есть свое темное, невидимо-грѣющее солнце; тихо, покойно и таинственно; листья на деревьяхъ не колышутся. Мы ходили до пристани и долго сидѣли тамъ на большихъ камняхъ, глядя на воду. Часовъ въ десять взошла луна и освѣтила заливъ. Вдали качались тихо корабли, направо бѣлѣла низменная песчаная коса и темнѣли груды дальнихъ горъ.

Я воротился домой, но было еще рано; у окна буфета мистрисъ Вельчъ и Каролина, сидя другъ подлѣ друга на диванѣ, зѣвали поочереди. Я что-то спросилъ, онѣ что-то отвѣчали, потомъ м-съ Вельчъ еще зѣвнула, за ней зѣвнула Каролина. Я хотѣлъ засмѣяться и, глядя на нихъ, самъ зѣвнулъ до слёзъ, а онѣ засмѣялись. Потомъ каждая взяла свѣчу, раскланялись со мной, и одна за другой, медленно пошли на лѣстницу. Въ сѣняхъ, на кругломъ столѣ, я увидѣлъ цѣлый строй мѣдныхъ подсвѣчниковъ и—о ужасъ—сальныхъ свѣчъ! Все это приготовлено для гостей. Меня еще въ Англіи удивило, что такой опрятный, тонкій и причудливый въ житьѣ-бытьѣ народъ, какъ англичане, да притомъ и изобрѣтательный, не изобрѣлъ до сихъ поръ чего-нибудь вмѣсто дорогихъ восковыхъ свѣчъ. Стеариновыя есть, но очень дурны; спермацетовыя прекрасны, но дороже

восковыхъ. — «Мнѣ нужна восковая или спермацетовая свѣчка», сказалъ я живо. Онѣ обѣ посмотрѣли на меня съ полминуты, потомъ скрылись въ коридоръ; но Каролина успѣла обернуться и еще разъ подарить меня улыбкой, а я пошелъ въ свой 8-й номеръ, держа поодаль отъ себя свѣчу; тамъ отдавало немного пустотой и сыростью.

Я сѣлъ-было писать, но англійскій обѣдъ сморитъ сномъ хоть кого; да мы еще набѣгались вдоволь. Я только началъ засыпать, какъ надъ правымъ ухомъ у меня раздалось пронзительное сопрано комара. Я повернулся на другой бокъ — надъ ухомъ раздался дуэтъ, и потомъ тріо, а тамъ все смолкло и вдругъ — укушеніе въ лобъ, не то въ щеку. Вздрогнешь, схватишься за укушенное мѣсто: тамъ шишка. Я думалъ прихлопнуть ночныхъ забіякъ и не разъ издали, тихонько цѣлился ладонью въ темнотѣ, бацъ — больно— только не комару, и вслѣдъ за пощечиной раздавалось опять звонкое пѣніе: комаръ юлилъ около другого уха и пѣлъ такъ тихо и насмѣшливо. Я затворилъ деревянную ставню, но отъ вѣтерка она ходила взадъ и впередъ и постукивала. На другой день утромъ, часовъ въ 8, кто-то стучитъ въ дверь.—«Кто тамъ?» забывшись, по-русски закричалъ я.—«Who is there?» опомнившись спросилъ я потомъ.—«Чаю или кофе?»—«Чаю... если только это чай, что у васъ подаютъ». Я всталъ отпереть дверь и тотчасъ же пожаловался человѣку, принесшему чай, на комаровъ, показывая ему слѣды укушеній. Я попросилъ, чтобъ поскорѣй вставили стекло. — «Yes, sir», отвѣчалъ онъ. Но я зналъ уже, что значитъ это yes.

Только я собрался идти гулять, какъ раздался звонокъ Ричарда; я проворно сошелъ внизъ узнать, что это значитъ. У окна буфета нѣтъ никого и рамка пустая: картинка еще почивала. Только Ричардъ, стоя въ сѣняхъ, закрылъ глаза, склонивъ голову на сторону и держа на ея мѣстѣ колоколъ, такъ и заливается звонитъ — къ завтраку.

Было всего 9 часовъ — какой же еще завтракъ? — «Ни я, никто изъ нашихъ не завтракаетъ», говорилъ я, входя въ столовую, и увидѣлъ всѣхъ нашихъ; другихъ никого и не было. Столъ накрытъ какъ для обѣда; стоитъ блюдъ шесть и дымятся; на другомъ столѣ дымился чай и кофе. Я сѣлъ вмѣстѣ съ другими и поѣлъ рыбы — изъ любопытства, «узнать, что за рыба», по методѣ Б., да маленькую котлетку. «Чѣмъ же это не обѣдъ?» говорилъ я, принимаясь за виноградъ: «совершенный обѣдъ — только супу нѣтъ». Послѣ завтрака я не забылъ пожаловаться м-съ Вельчъ на комаровъ и просилъ вставить окно. — «Yes, sir!» отвѣчала она. И Каролинѣ пожаловался, прося убѣдительно велѣть къ ночи вставить стекло.—«Yes, o yes!» сказала она, очаровательно улыбаясь.

Мы пошли по улицамъ, зашли въ контору нашего банкира, потомъ въ лавки. Кто покупалъ книги, кто заказывалъ себѣ платье, обувь, разныя вещи. Книжная торговля здѣсь довольно значительна; лавокъ много; главная изъ нихъ, Робертсона, помѣщается на большой улицѣ. Здѣсь есть своя самостоятельная литература. Я видѣлъ много періодическихъ изданій, альманаховъ, стихи и прозу, карты и гравюры, и купилъ нѣкоторыя изданныя здѣсь сочиненія, собственно о Капской колоніи. Въ книжныхъ лавкахъ продаются и всѣ письменныя принадлежности. Устройство лавокъ, искусство раскладывать товаръ — все напоминаетъ Англію. И здѣсь, какъ тамъ, вы не обязаны купленный товаръ брать съ собою: вамъ принесутъ его на домъ. Другіе магазины еще болѣе напоминаютъ Англію, только съ легкимъ провинціальнымъ оттѣнкомъ. Все попроще, нѣтъ зеркальныхъ, двухсаженныхъ стеколъ, газу и роскошной мебели. Между тѣмъ здѣсь есть много своихъ фабрикъ и заводовъ: шляпныхъ, стеклянныхъ, бумажныхъ и т. п., которые вполнѣ удовлетворяютъ потребности края. Глядя на это множество разнаго рода лавокъ, я спрашивалъ себя:

гдѣ покупатели? Жителей въ Капштатѣ отъ 25 до 30, а въ колоніи какихъ-нибудь 200 тысячъ.

Къ полудню солнце начинало сильно печь. Окна закрылись наглухо посредствомъ жалюзи; движеніе пріутихло, т.-е. бѣготня собственно, но ѣзда не прекращалась. Экипажи мчались изо всей мочи по улицамъ; быки медленно тащили тяжелыя фуры съ хлѣбомъ и другою кладью, а иногда и съ людьми. Въ такой фурѣ я видѣлъ человѣкъ по пятнадцати. Посреди улицъ, какъ въ Лондонѣ, гуськомъ стояли наемные экипажи: кареты четырехмѣстныя, коляски, кабріолеты въ одну лошадь и парой. Экипажи какъ будто сейчасъ изъ мастерской; ни одного нѣтъ даже стараго фасона, всѣ выкрашены и содержатся чрезвычайно чисто. Черные кучера ловятъ глазами вашъ взглядъ, но не говорятъ ни слова.

Мы гдѣ-то на перекресткѣ разошлись: кто пошелъ въ магазинъ рѣдкостей, кто въ ванны, или даже въ бани, помѣщающіяся въ одномъ домѣ, на торговой площади, кто куда. Я отправился опять въ темную аллею и ботаническій садъ, который мнѣ очень понравился, между прочимъ и потому, что въ городѣ собственно негдѣ гулять. Я съ новымъ удовольствіемъ обошелъ его весь, останавливался передъ разными деревьями, дивился рогатымъ, неуклюжимъ кактусамъ, и опять съ любопытствомъ смотрѣлъ на Столовую гору. Меня поразило пѣніе множества птицъ, котораго вчера я не слыхалъ, вѣроятно потому, что было поздно. Теперь, напротивъ, утромъ раздавалось столько веселыхъ и незнакомыхъ для сѣвернаго уха голосовъ. Я искалъ глазами пѣвицъ, но онѣ не очень дичились: изъ одного куста въ другой безпрестанно перелетали стаи колибри, рѣзвыхъ и блестящихъ. Онѣ шалили и кокетничали, вертясь на вѣткахъ довольно низкихъ кустовъ и сверкая переливами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Только я подходилъ шаговъ на пять, какъ онѣ дождемъ проносились подъ носомъ у меня и падали въ ближайшій, шелковичный, или другой кустъ.

Въ отелѣ, въ часъ зазвонили завтракать. Опять разъигрался одинъ изъ существенныхъ актовъ дня и жизни. Послѣ десерта всѣ двинулись къ буфету, гдѣ, въ черномъ платьѣ, съ черной сѣточкой на головѣ, сидѣла Каролина и съ улыбкой наблюдала, какъ смотрѣли на нее. Я попробовалъ-было подойти къ окну, но мѣста были ангажированы, и я пошелъ писать къ вамъ письма, а часа въ три отнесъ ихъ самъ на почту.

Я ходилъ на пристань, всегда кипящую народомъ и суетой. Здѣсь идутъ по длинной, далеко уходящей въ море насыпи, рельсы, по которымъ возятъ тяжести до лодокъ. Тутъ толпится всегда множество матросовъ разныхъ націй, шкиперовъ, и просто городскихъ зѣвакъ.

Есть на что и позѣвать: впереди необъятный заливъ со множествомъ судовъ; взадъ и впередъ снуютъ лодки; вдали песчаная отмель, а за ней Тигровыя горы. Оглянитесь назадъ: за вами три исполинскія массы горъ и веселый, живой городъ. Тутъ же, на плотинѣ, засталъ я множество всякаго цвѣтного народа, особенно мальчишекъ, ловившихъ удочками рыбу. Ея такъ много, что не проходитъ минуты, чтобъ кто-нибудь не вытащилъ.

Въ нѣкоторыхъ улицахъ видѣлъ я множество конюшенъ для верховыхъ лошадей. Въ городѣ и за городомъ безпрестанно встрѣчаешь всадниковъ, иногда цѣлыя кавалькады. Лошади всѣ почти средней величины, но красивы. Требованіе на нихъ такъ велико, что въ воскресенье, если не позаботишься наканунѣ, не достанешь ни одной. Въ этотъ день всѣ изъ города разъѣзжаются по дачамъ. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ я встрѣтилъ надпись: «контора омнибусовъ»; спрашиваю: куда они ходятъ, и мнѣ называютъ ближайшія мѣста, миль за 40 и за 50 отъ Капштата. А давно ли туда ѣздили на волахъ, въ сопровожденіи толпы готтентотовъ, на охоту за львами и тиграми? Теперь за львами надо отправляться миль за 400: города, дороги, отели, омни-

бусы, шумъ и суета оттѣснили ихъ далеко. Но тигры и шакалы водятся до сихъ поръ вездѣ, рыскаютъ на окрестныхъ къ Капштату горахъ.

Пора, однако, обѣдать, солнце сѣло: шесть часовъ. Въ отелѣ насъ ожидалъ какой-то высокій, стройный джентльменъ, очень благообразной наружности, съ самыми приличными бакенбардами, украшенными легкой просѣдью, въ голубой курткѣ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ, съ постоянной улыбкой скромнаго сознанія своихъ достоинствъ и съ предлиннымъ бичомъ въ рукахъ. — «Вандикъ», рекомендовался онъ. У меня промелькнулъ цѣлый потокъ соображеній. «Вандикъ» — конечно потомокъ знаменитаго живописца: дѣдъ или прадѣдъ этого, стоящаго передъ нами Вандика, оставилъ Голландію, переселился въ колонію, и вотъ теперь это сынъ его. Онъ, конечно, пришелъ познакомиться съ русскими, рѣдкими гостями здѣсь, какъ и тотъ майоръ, встрѣтившій губернатора, котораго привелъ сегодня утромъ докторъ Ведерхедъ...—«Проводникъ вашъ по колоніи», сказалъ Вандикъ: «меня нанялъ вашъ банкиръ, съ двумя экипажами и съ осьмью лошадьми. Когда угодно ѣхать?» Мои соображенія разсѣялись.—«Завтра пораньше», сказали мы ему.

Докторъ Ведерхедъ за обѣдомъ опять былъ очень любезенъ. Тутъ пришли нѣкоторыя дамы, въ томъ числѣ и его жена. Нехороша—Богъ съ ней: лѣтъ тридцати, figure chiffonnée. Про такія лица прибавляютъ обыкновенно: но очень мила; про эту нельзя сказать этого. Какъ кокетливо ни одѣвалась она, но впалые и тусклые глаза, блѣдныя губы, могли внушить только развѣ состраданіе къ ея болѣзненному состоянію. Изъ ихъ номера часто раздавались звуки музыки, иногда пѣніе женскаго голоса. Играли на фортепіано прекрасно: говорятъ, это онъ.

Докторъ этотъ съ перваго раза заставилъ подозрѣвать, что онъ не англичанинъ, хотя и служилъ хирургомъ въ

полку въ ост-индской арміи. Онъ былъ чрезвычайно воздерженъ въ пищѣ, вина не пилъ вовсе и не могъ нахвалиться нами, что мы почти тоже ничего не пили. — «Я все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удовольствіемъ смотрю на васъ», сказалъ онъ, кладя ноги на столъ, заваленный журналами, когда мы перешли послѣ обѣда въ гостиную и дамы удалились. — «Чѣмъ мы заслужили это лестное вниманіе?» — «Скромность, знаніе приличій»... и пошелъ.—«Покорно благодаримъ. А развѣ вы ожидали противнаго?..» — «Нѣтъ: я сравниваю съ нашими офицерами», продолжалъ онъ: «на-дняхъ пришелъ англійскій корабль, человѣкъ двадцать офицеровъ съѣхали сюда и черезъ часъ поставили вверхъ дномъ всю отель. Прежде всего они напились до того, что многіе остались на своихъ мѣстахъ, а другіе и этого не могли, упали на полъ. И каждый день такъ. Вѣдь вы тоже пробыли долго въ морѣ, хотите развлечься, однакожъ никто изъ васъ не выпилъ даже бутылки вина: это просто удивительно!»

Такой отзывъ насъ удивилъ немного: никто не станетъ такъ говорить о своихъ соотечественникахъ, да еще съ иностранцами.—«Неужели въ Индіи англичане пьютъ такъ же много, какъ у себя, и ѣдятъ мясо, пряности?» спросили мы. — «О, да, ужасно! Вотъ вы видите, какъ теперь жарко: представьте, что въ Индіи такая зима; про лѣто нечего и говорить; а наши, въ этотъ жаръ, съ ранняго утра отправятся на охоту: чѣмъ, вы думаете, они подкрѣпятъ себя передъ отъѣздомъ? Чаемъ и водкой! Пріѣхавъ на мѣсто, рыщутъ по этому жару цѣлый день, потомъ являются на сборное мѣсто къ обѣду и каждый вышиваетъ по нѣскольку бутылокъ портера или элю и послѣ этого пріѣдутъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало; выкупаются только и опять готовы ѣсть.—И ничего имъ не дѣлается», отчасти съ досадой прибавилъ онъ: «ровно ничего, только краснѣютъ, да толстѣютъ; а я вотъ совсѣмъ не пью вина, ѣмъ мало,

я долженъ былъ удалиться на полгода сюда, чтобъ полѣчиться».

«Но это даромъ не проходитъ имъ», сказалъ онъ, помолчавъ: «они крѣпки до времени, а въ извѣстныя лѣта они вдругъ измѣняютъ, и вы увидите въ Англіи многихъ индійскихъ героевъ, которые сидятъ по угламъ, не сходя съ креселъ, или таскаются съ однѣхъ минеральныхъ водъ на другія». — «Долго ли вы пробудете здѣсь?» спросили мы доктора. — «Я взялъ отпускъ на годъ», отвѣчалъ онъ: «мнѣ осталось всего до пенсіи года три. Надо прослужить 25 лѣтъ. Не знаю, зачтутъ ли мнѣ этотъ годъ. Теперь составляются новыя правила о службѣ въ Индіи; мы не знаемъ, что̀ еще будетъ». Мы спросили, зачѣмъ онъ избралъ мысъ Доброй Надежды, а не другое мѣсто для отдыха. — «Ближайшее», отвѣчалъ онъ: «и притомъ переѣздъ дешевле, нежели куда-нибудь. Я хотѣлъ ѣхать въ Австралію, въ Сидней, но туда стало много ѣздить эмигрантовъ, и мѣста на порядочныхъ судахъ очень дороги. А насъ двое: я и жена; жалованья я получаю всего отъ 800 до 1000 ф. стерл.» (отъ 5 до 6000 р.). — «Куда же отправитесь, выслуживъ пенсію?» — «И самъ не знаю; можетъ-быть, во Францію...» — «Вы знаете по-французски?» — «О, да...» — «Въ самомъ дѣлѣ?» И мы живо заговорили съ нимъ, а до тѣхъ поръ, всѣ молчали, кромѣ А., который отлично говоритъ по-англійски; у насъ рты были точно зашиты. Докторъ говорилъ по-французски прекрасно, какъ не говоритъ ни одинъ англичанинъ, хоть онъ живи сто лѣтъ во Франціи. — «Да онъ не англичанинъ!» сказалъ вдругъ одинъ изъ нашихъ товарищей. Именно—какая догадка! Мы пристальнѣе всмотрѣлись въ него: лицо блѣдное, волосы русые, профиль... кажется, носъ еврейскій — сомнѣнія нѣтъ. Несмотря, однакожъ, на эту догадку, у насъ еще были скептики, оспаривавшіе мнѣніе. Да нѣтъ, все въ немъ не англійское: и не вытаращены глаза; не сжата у него, какъ

у англичанъ, и самая мысль, сужденіе, въ какіе-то тиски; не цѣдитъ онъ ее неуклюже, сквозь зубы, по слову. У этого мысль льется такъ игриво и свободно: видно, что умъ не задавленъ предразсудками; не рядится взглядъ его въ англійскій покрой, какъ въ накрахмаленный галстукъ: ну, словомъ, все, какъ только можетъ быть у космополита, то-есть у жида. Выдалъ ли бы англичанинъ своихъ пьяницъ?.. Догадка о его національности оставалась все еще безъ доказательствъ, и докторъ могъ надѣяться прослыть за англичанина или француза, если бъ самъ себѣ не нанесъ рѣшительнаго удара. Не прошло получаса послѣ этого разговора, говорили о другомъ. Докторъ разспрашивалъ о службѣ нашей, о чинахъ, всего больше о жалованьѣ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, быстро спросилъ: — «А на какомъ положеніи живутъ у васъ жиды?» Всѣ сомнѣнія исчезли.

Кто бы онъ ни былъ, если и жидъ, но онъ былъ самый любезный, образованный и обязательный человѣкъ.—«Вамъ скучно по вечерамъ», сказалъ онъ однажды: «здѣсь есть клубъ: вамъ предоставленъ свободный входъ. Вы познакомитесь съ здѣшнимъ обществомъ, почитаете газету, выкурите сигару: все лучше, нежели однимъ сидѣть по номерамъ. Да вотъ, не хотите ли теперь? Пойдемте!»

Мы пошли. Клубъ, какъ всѣ клубы: рядъ освѣщенныхъ комнатъ, кучи журналовъ, толпа лакеевъ и буфетъ. Но, видно, было еще рано: комнаты пусты; только въ бильярдной собралось человѣкъ пятнадцать. Пятеро, безъ сюртуковъ, въ однихъ жилетахъ, играли; прочіе, молча, смотрѣли на игру. Между играющими обращалъ на себя особенное вниманіе пожилой, невысокаго роста человѣкъ, съ просѣдью, одѣтый въ красную куртку, въ синіе панталоны, безъ галстука. — «Замѣтьте этого джентльмена», сказалъ намъ докторъ, и тотчасъ же познакомилъ насъ съ нимъ. Тотъ пожалъ намъ руки, хотѣлъ что-то сказать, но голоса три

закричали ему: — «Вамъ, вамъ играть!» и онъ продолжалъ игру. — «Кто жъ это?» спросили мы доктора. Онъ замялся нѣсколько. — «Игрокъ, если хотите», сказалъ онъ. — «Ну, спасибо за знакомство», подумалъ я. Докторъ какъ будто угадалъ мою мысль. — «Я познакомилъ васъ съ нимъ потому», прибавилъ онъ: «что это замѣчательный человѣкъ умомъ, образованіемъ, приключеніями, и также счастьемъ въ игрѣ. Вамъ любопытно будетъ поговорить съ нимъ: онъ знаетъ все. У него огромный кредитъ здѣсь, въ Китаѣ, въ Австраліи, и его векселя уважаются, какъ банкирскіе. А этотъ молодой человѣкъ», продолжалъ докторъ, указывая на другого джентльмена, недурного собой, съ усиками: «замѣчателенъ тѣмъ, что онъ очень богатъ, а между тѣмъ служитъ въ военной службѣ, просто изъ страсти къ приключеніямъ».

Мнѣ, однакожъ, не интересно казалось смотрѣть на катанье шаровъ, и я, предоставивъ своимъ товарищамъ этихъ героевъ, сѣлъ въ уголъ. Мнѣ становилось скучно, я помышлялъ какъ бы уйти. Зову ихъ—не идутъ: — «Сейчасъ, да погодите». Я ушелъ потихоньку одинъ, но дома было тоже не весело. Тамъ остался нашъ докторъ, еще натуралистъ, да молодой З. Всѣ они легли спать; натуралистъ, если и не спалъ, то копался съ слизняками, раками, или букашками; онъ чистилъ ихъ, сушилъ и т. п. Но я придумалъ средство вызвать товарищей изъ клуба. Они послѣ обѣда просили м-съ Вельчъ и Каролину пить чай en famille, вмѣстѣ, какъ это дѣлается у насъ, въ Россіи. Такъ, романтизмъ! Но тѣ и понять не могли, зачѣмъ это, и уклонились. На этомъ основалъ я свою хитрость и отправился въ клубъ. Игрокъ говорилъ съ Б., П. — съ англійскимъ докторомъ. Долго я ловилъ свободную минуту, наконецъ, улучилъ и сказалъ самымъ небрежнымъ тономъ, что я былъ дома и что старуха Вельчъ спрашивала, куда всѣ разбѣжались. — «А ей что?» спросилъ П. — «Да не знаю», равнодушно отвѣчалъ я: «вы просили, кажется, Каролину чай разливать...»

— «Это не я, а Б.», перебилъ меня П.—«Ну, не знаю, только Каролина сидитъ тамъ за чашками и ждетъ». Я оставилъ П. и перешелъ къ Б.—«Вы, что ли, просили старуху Вельчъ и Каролину чай пить вмѣстѣ...»—«Нѣтъ, не я, а П.», сказалъ онъ: «а что?» — «Да чай готовъ и Каролина ждетъ...» Я хотѣлъ обратиться къ П., чтобъ убѣдить его идти, но его уже не было.—«А этотъ господинъ-игрокъ, въ красной курткѣ, вовсе не занимателенъ», замѣтилъ, зѣвая, Б.—«Лучше гораздо идти лечь спать». Мы пошли и застали П. въ комнатѣ у хозяекъ: обѣ онѣ зѣвали—старуха со всею откровенностью, Каролина силилась прикрыть зѣвоту улыбкою. О чаѣ ни тотъ, ни другой не спросили ни меня, ни ихъ: они поняли все. Мы вышли на крыльцо, которое выходитъ на дворъ, сѣли подъ виноградными листьями и напились чаю одни-одинёхоньки. Добрый П. сталъ увѣрять, что онъ ясно видѣлъ мою хитрость, а Б. молчалъ и только на другой день сознался, что вчера онъ готовъ былъ драться со мной.

Утромъ опять явился Вандикъ спросить, готовы ли мы ѣхать; но мы не были готовы: у кого платье не поспѣло, тотъ деньги не успѣлъ размѣнять. Просили пріѣхать въ два часа. Вандикъ, съ неизмѣнной улыбкой, поклонился и ушелъ. Въ два часа явились передъ крыльцомъ двѣ *кареты*; каждая запряжена была четверкой, по двѣ въ рядъ. И малаецъ Ричардъ, и другой, черный слуга, и бѣлый, подслѣповатый англичанинъ, наконецъ, сама м-съ Вельчъ и Каролина, всѣ вышли на крыльцо провожать насъ, когда мы садились въ экипажи.—«Good journey, happy voyage!» говорили онѣ. Моросилъ дождь, когда мы выѣхали за городъ, и, обогнувъ Столовую гору и Чортовъ пикъ, поѣхали по прекрасному шоссе, въ виду залива, между фермъ, хижинъ, болотъ, песку и кустовъ. Если бъ не декорація горъ впереди и по бокамъ, то хоть спать ложись. Но намъ было не до спанья: мы радовались, что, по обязательности адми-

рала, съ помощью взятыхъ имъ у банкировъ Томсона и К° рекомендательныхъ писемъ, мы увидимъ много новаго и занимательнаго.

Я припоминалъ все, что̀ читалъ еще у Вальяна о Мысѣ и о другихъ: описаніе песковъ, зноя, сраженій со львами, о фермерахъ, и не вѣрилось мнѣ, что я ѣду по тѣмъ самымъ мѣстамъ, что я въ 10,000 миляхъ отъ отечества. Я ласкалъ глазами каждый кустъ и траву, то крупную, сочную, то сухую, какъ вѣникъ. Мы проѣхали мимо обсерваторіи, построенной на луговинѣ, на берегу залива, верстахъ въ четырехъ отъ города. Я думалъ, что Гершель здѣсь дѣлалъ свои знаменитыя наблюденія надъ луной и двойными звѣздами, но намъ сказали, что его обсерваторія была устроена въ мѣстечкѣ Винбергъ, близъ Константской горы, а эта принадлежитъ правительству. Дождь переставалъ по временамъ и тогда въ кустахъ порхало множество разнообразныхъ птицъ. Я замѣтилъ одну синюю, съ хвостомъ болѣе четверти аршина длиной. Она называется sugarbird (сахарная птица) оттого, что постоянно водится около такъ-называемаго сахарнаго кустарника. Дикія канарейки, поменьше немного, погрубѣе цвѣтомъ цивилизованныхъ, и не такъ ярко окрашенныя въ желтый цвѣтъ, какъ тѣ, стаями перелетали изъ куста въ кустъ: мелькали еще какія-то зеленыя, коричневыя птицы. Кромѣ ихъ, медленными кругами носились въ воздухѣ коршуны; близъ жилыхъ мѣстъ появлялись и вороны, гораздо ярче колоритомъ нашихъ: черный цвѣтъ былъ на нихъ чернѣе и рѣзко оттѣнялся отъ свѣтлыхъ пятенъ. Около домовъ летали капскіе пѣгіе голубки, ласточки и воробьи. Въ колоніи считается болѣе породъ птицъ, нежели во всей Европѣ, а именно до шестисотъ. Кусты мѣстами были такъ часты, что составляли непроходимый лѣсъ; но они малорослы, а за ними далеко виднѣлись или необработанныя песчаныя равнины, или дикія горы, у подошвы которыхъ бѣлѣли фермы, съ яркой густой зеленью вокругъ.

КАПСКАЯ КОЛОНІЯ.

Скажите, положа руку на сердце: знаете ли вы хорошенько, что такое Капская колонія? Не сердитесь, ни за этотъ вопросъ, ни за сомнѣніе. Я увѣренъ, что вы знаете исторію Капа и колоніи, немного этнографію ея, статистику, но все это за старое время. А знаете ли вы современную исторію, нравы, все, что случилось въ послѣднія тридцать, сорокъ лѣтъ? Я увѣренъ, что не совсѣмъ, или даже совсѣмъ не знаете, кромѣ только развѣ того, что колонія эта принадлежитъ англичанамъ. Я не помню, чтобъ въ нашей литературѣ являлись въ послѣднее время какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ краѣ, не знаю также ничего замѣчательнаго и на французскомъ языкѣ. По-англійски большинство нашей публики почти не читаетъ, между тѣмъ въ Англіи, а еще болѣе здѣсь, въ Капѣ, описаніе Капа и его колоніи образуетъ почти цѣлую, особую литературу. Имена писателей у насъ неизвѣстны, между тѣмъ сочиненія ихъ— подвиги въ своемъ родѣ; подвиги потому, что у нихъ не было предшественниковъ, никто не облегчалъ ихъ трудовъ ранними труженическими изысканіями. Они сами должны были читать исторію края, на пескахъ, на каменныхъ скрижаляхъ горъ, гдѣ не осталось никакихъ слѣдовъ минувшаго. Какихъ трудовъ стоила имъ всякая этнографическая ипотеза, всякое филологическое соображеніе, которое надо было основывать на скудныхъ, почти нечеловѣческихъ звукахъ языковъ здѣшнихъ народовъ! А между тѣмъ нашлись люди, которые не испугались этихъ неблагодарныхъ трудовъ: они исходили взадъ и впередъ колонію и, несмотря на скудость источниковъ, подъ этимъ палящимъ солнцемъ, написали цѣлые томы. Кто жъ это? Присяжные ученые, труженики, герои науки, жертвы любознанія? Нѣтъ, просто любители, которые занялись этимъ мимоходомъ, сверхъ своей прямой обязанности: миссіонеры и военные. Одни шли

съ крестомъ въ эти пустыни, другіе съ мечомъ. Съ ними проникло пытливое знаніе и перо. Сочиненія Содерлендовъ, Барро, Смитовъ, Чезовъ, и многихъ, многихъ другихъ, о Капѣ, образуютъ цѣлую литературу, исполненную безкорыстнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ разысканій, которыя современемъ послужатъ основнымъ камнемъ полной исторіи края.

Что же такое Капская колонія? Если обратишься съ этимъ вопросомъ къ курсу географіи, получишь въ отвѣтъ, что пространство, занимаемое колоніею, граничитъ къ сѣверу рѣкою Кейскамма, а въ газетахъ, помнится, читалъ, что граница съ тѣхъ поръ во второй, или третій разъ мѣняетъ мѣсто, и обѣщаютъ, что она не разъ отодвинется дальше. На картѣ показано, что отъ такого-то градуса и до такого живутъ негры того или другого племени, а по новѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что это племя оттѣснено въ другое мѣсто. Если прибѣгнешь за справками къ путешественникамъ, найдешь у каждаго ту же разноголосицу показаній, и всѣ они вѣрны, каждое своему моменту, именно моменту, потому что здѣсь все измѣняется не по днямъ, а по часамъ.

Здѣсь все въ полномъ броженіи теперь: всеодолѣвающая энергія человѣка борется почти съ неодолимою природою, духъ — съ матеріей, жадность пріобрѣтенія — съ скупостью безплодія. Но осадка еще мало, еще нельзя опредѣлить, въ какую физіономію сложатся эти неясныя черты страны и ея народонаселенія. Дѣло мало двинуто впередъ, и наблюдатель, изъ настоящаго положенія, не выведетъ вѣрнаго заключенія о будущей участи колоніи. Ему остается только слѣдить, собирать факты и строить цѣлый міръ догадокъ. Въ матеріалахъ недостатка нѣтъ: настоящій моментъ — самый любопытный въ жизни колоніи. Въ эту минуту обрабатываются главные вопросы, обусловливающіе ея существованіе, именно о томъ, что ожидаетъ колонію, то-есть оста-

нется ли она только колоніею европейцевъ, какъ оставалась подъ владычествомъ голландцевъ, ничего не сдѣлавшихъ для черныхъ племенъ, и представитъ въ будущемъ незанимательный уголокъ европейскаго народонаселенія, или черные, какъ законныя дѣти одного отца, наравнѣ съ бѣлыми, будутъ раздѣлять завѣщанное и имъ наслѣдіе свободы, религіи, цивилизаціи? За этимъ слѣдуетъ второй, также важный вопросъ: принесетъ ли европейцамъ побѣда надъ дикими и природой то вознагражденіе, котораго они въ правѣ ожидать за положенные громадные труды и капиталы, или эти труды останутся только безкорыстнымъ подвигомъ, подъятымъ на пользу человѣчества? На эти вопросы пока нѣтъ отвѣта — такъ мало еще европейцы сдѣлали успѣха въ цивилизаціи страны или, лучше сказать, какъ мало страна покоряется соединеннымъ усиліямъ ума, воли и оружія. Въ другихъ мѣстахъ, куда являлись бѣлые съ трудомъ и волею, подвигъ велъ за собой почти немедленное вознагражденіе: едва успѣвали они миролюбиво, или силой оружія, завязывать сношеніе съ жителями, какъ начиналась торговля, размѣнъ произведеній, и побѣдители, въ самомъ началѣ завоеванія, могли удовлетворить по крайней мѣрѣ своей страсти къ пріобрѣтенію. Даже въ Восточной Индіи, гдѣ цивилизація до сихъ поръ встрѣчаетъ почти неодолимое препятствіе въ духѣ кастъ, каждый занятый пришельцами вершокъ земли немедленно приносилъ имъ соразмѣрную выгоду богатыми дарами почвы. Въ южной Африкѣ нѣтъ и этого: почва ея неблагодарна, произведенія до сихъ поръ такъ скудны, что едва покрываютъ издержки хлопотъ. Винодѣліе, процвѣтающее на морскихъ берегахъ, даетъ только средства къ безбѣдному существованію небольшому числу фермеровъ и скудное пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ черныхъ. Прочіе промыслы, какъ, напримѣръ, рыбная и звѣриная ловля, незначительны и не въ состояніи прокормить самихъ промышленниковъ; для торговли эти

промыслы едва доставляютъ нѣсколько неважныхъ предметовъ, какъ-то: шкуръ, роговъ, клыковъ, которые не составляютъ общихъ, отдѣльныхъ статей торга. Самые важные промыслы — скотоводство и земледѣліе; но они далеко еще не достигли того состоянія, въ которомъ можно было бы ожидать отъ нихъ полнаго вознагражденія за трудъ.

А между тѣмъ, какихъ усилій стоитъ каждый сдѣланный шагъ впередъ! Черныя племена до сихъ поръ не поддаются ни силѣ проповѣди, ни удобствамъ европейской жизни, ни очевидной пользѣ ремеслъ, наконецъ ни искушеніямъ золота, словомъ, не признаютъ выгодъ и необходимости порядка и благоустроенности.

Мѣстность страны — неограниченныя пустыя пространства, даетъ имъ средства противиться силѣ оружія. Каждый шагъ выжженной солнцемъ почвы омывается кровью; каждая гора, кустъ, представляютъ естественную преграду бѣлымъ и служатъ защитой и убѣжищемъ черныхъ. Наконецъ, европеецъ старается склонить чернаго къ добру мирными средствами: онъ протягиваетъ ему руку, даритъ плугъ, топоръ, гвоздь—все, что полезно тому; черный, истративъ жизненные припасы и военные снаряды, пожимаетъ протянутую руку, приноситъ за плугъ и топоръ слоновыхъ клыковъ, звѣриныхъ шкуръ, и ждетъ случая угнать скотъ, перерѣзать *враговъ* своихъ, а послѣ этой трагической развязки, удаляется въ глубину страны — до новой комедіи, то-есть до заключенія мира.

Долго ли такъ будетъ? скоро ли европейцы продолжатъ незаметаемый путь въ отдаленныя убѣжища дикарей и скоро ли послѣдніе сбросятъ съ себя это постыдное названіе? Рѣшеніемъ этого вопроса рѣшится и предыдущій, то-есть о томъ, будутъ ли вознаграждены усилія европейца, удастся ли, съ помощью уже недикихъ братьевъ, извлечь изъ скупой почвы, посредствомъ искусства, все, что можетъ только она дать человѣку за трудъ? усовершенствуетъ ли онъ всѣми

средствами, какими обладаетъ цивилизація, продукты и промыслы? возведетъ ли послѣдніе въ степень систематическаго занятія туземцевъ? откроетъ ли, или привьетъ новыя отрасли, до сихъ поръ чуждыя странѣ?

Теперь на мысѣ Доброй Надежды, по берегамъ, европейцы пустили глубоко корни; но кто хочетъ видѣть страну и жителей въ первобытной формѣ, тотъ долженъ проникнуть далеко внутрь края, то-есть почти выѣхать изъ колоніи, а это не шутка: граница отодвинулась далеко на сѣверъ и продолжаетъ отодвигаться все далѣе и далѣе.

Природныхъ черныхъ жителей нѣтъ въ колоніи, какъ гражданъ своей страны. Они тутъ слуги, рабочіе, кучера, словомъ наемники колонистовъ, и то недавно наемники, а прежде рабы. Сильныя и наиболѣе дикія племена, тѣснимыя цивилизаціею и войною, углубились далеко внутрь; другія, послабѣе и посмирнѣе, тѣснимыя первыми изнутри и европейцами отъ береговъ, поддались не цивилизаціи, а силѣ обстоятельствъ и оружія, и идутъ въ услуженіе къ европейцамъ, раздѣляя ихъ образъ жизни, пищу, обычаи, и даже религію, несмотря на то, что въ 1834 г. они освобождены отъ рабства и, кажется, могли бы выбрать сами себѣ мѣсто жительства и промыселъ. Повидимому имъ и въ голову не приходитъ о возможности пользоваться предоставленными имъ правами свободнаго состоянія и сравняться нѣкогда съ своими завоевателями. Путешественникъ почти совсѣмъ не видитъ деревень и хижинъ дикихъ, да и немного встрѣтитъ ихъ самихъ: все занято пришельцами, то-есть европейцами и малайцами, но не тѣми малайцами, которые заселяютъ индійскій архипелагъ: африканскіе малайцы распространились будто бы, по словамъ новѣйшихъ изыскателей, изъ Аравіи, или изъ Египта, до мыса Доброй Надежды. Этотъ важный этнографическій вопросъ еще не рѣшенъ. Судя по чертамъ лицъ ихъ, имѣющихъ много общаго съ лицами обитателей ближайшаго къ намъ Востока, не за-

думаешься ни минуты причислить ихъ къ сѣверо-восточнымъ племенамъ Африки. Недавно только отведена для усмиренныхъ каффровъ цѣлая область, подъ именемъ Британской Каффраріи, о чемъ сказано будетъ ниже, и предоставлено имъ право селиться и жить тамъ, но подъ вліяніемъ, то-есть подъ надзоромъ англійскаго колоніальнаго правительства. Область эта окружена со всѣхъ сторонъ британскими владѣніями: какъ и долго ли уживутся безпокойныя племена подъ ферулой европейской цивилизаціи и оружія, сблизятся ли съ своими побѣдителями и просвѣтителями— эти вопросы могутъ быть разрѣшены только временемъ.

Нужно ли говорить, кто хозяева въ колоніи? конечно, европейцы, и изъ европейцевъ, конечно, англичане. Голландцамъ принадлежитъ второстепенная роль, и то потому только, что они многочисленны и давно обжились въ колоніи. Должно ли жалѣть объ утраченномъ владычествѣ голландцевъ и пѣнять на властолюбіе или, вѣрнѣе, корыстолюбіе англичанъ, воспользовавшихся единственно правомъ сильнаго, чтобъ завладѣть этимъ мѣстомъ, которое имъ нужно было, какъ переходный пунктъ на пути въ Остъ-Индію? Если прослѣдить исторію колоніи со времени занятія ея европейцами въ теченіе двухвѣкового голландскаго владычества и сравнить съ состояніемъ, въ которое она поставлена англичанами съ 1809 года, то не только оправдаешь насильственное занятіе колоніи англичанами, но и порадуешься, что это случилось такъ, а не иначе.

Здѣсь предлагается нѣсколько историческихъ, статистическихъ и другихъ свѣдѣній о Капской колоніи, извлеченныхъ частью изъ офиціальныхъ колоніальныхъ источниковъ, частью изъ прекрасной нѣмецкой статьи: *Das Cap der guten Hoffnung*, помѣщенной въ 1-мъ томѣ *Gegenwart, энциклопедическаго описанія новѣйшей исторіи*. Эта статья составляетъ систематическое и подробное описаніе колоніи въ историческомъ, естественномъ и другихъ отношеніяхъ.

Мысъ Доброй Надежды открытъ былъ въ блистательную эпоху мореплаванія, въ 1493 году, португальцемъ Діазомъ (Diaz), который назвалъ его *Мысомъ Бурь*.

Но португальскій король Іоаннъ II, радуясь открытію новаго, ближайшаго пути въ Индію, далъ Мысу Бурь нынѣшнее его названіе. Послѣ того посѣщали мысъ, въ 1497 году, Васко де-Гама, а еще позже бразильскій вице-король Франциско де-Альмейда, послѣдній, съ цѣлью войти въ торговыя сношенія съ жителями. Но люди его экипажа поссорились съ черными, которые умертвили самого вице-короля и около 70 человѣкъ португальцевъ.

Голландцы, на пути въ Индію и оттуда, начали заходить на мысъ и вымѣнивали у жителей провизію. Потомъ уже голландская ость-индская компанія, по предложенію врача фонъ-Рибека, заняла Столовую бухту.

Въ 1652 году голландцы заложили тамъ крѣпость, и такимъ образомъ возникъ Капштатъ. Они быстро распространились внутрь края, произвольно занимая впустѣ-лежащія земли и оттѣсняя жителей отъ береговъ. Со стороны дикихъ сначала они не встрѣчали сопротивленія. Послѣдніе, за разныя европейскія издѣлія, но всего болѣе за табакъ, водку, желѣзныя орудія и тому подобные предметы, охотно уступали имъ не только земли, но и то, что составляло ихъ главный промыселъ и богатство—скотъ.

Голландскіе фермеры до сихъ поръ владѣютъ большими пространствами земли: это произошло отъ системы произвольной раздачи ея поселенцамъ. Всякій изъ нихъ бралъ столько земли во владѣніе, сколько могъ окинуть взглядомъ. Отъ этого многія фермы и теперь отстоятъ на сутки ѣзды одна отъ другой. Фермеры, удаляясь отъ центра управленія колоніи, почувствовали себя какъ бы независимыми владѣльцами и не замедлили подчинить своей власти туземцевъ, и именно готтентотовъ. Распространяясь далѣе къ востоку, голландцы встрѣтились съ каффрами, извѣстными подъ об-

щимъ, собирательнымъ именемъ *Амакоза*. Послѣдніе вели кочевую жизнь и, въ эпоху основанія колоніи, прикочевали съ сѣвера къ востоку, къ рѣкѣ Кей, подъ предводительствомъ знаменитаго вождя Тогу (Toguh), отъ котораго многіе послѣдующіе вожди, и между прочимъ извѣстнѣйшіе изъ нихъ, Гаика и Гинца, ведутъ свой родъ.

Каффры, или Амакоза, продолжали распространяться къ западу, перешли большую «Рыбную рѣку» (Fishriver) и заняли нынѣшнюю провинцію Альбани, до «Воскресной рѣки».

Голландцы продолжали распространяться внутрь, не встрѣчая препятствій, потому что каффры, кочуя по пустымъ пространствамъ, не успѣли еще сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ. Имъ даже нравилось сосѣдство голландцевъ, у которыхъ они могли воровать скотъ, по наклонности своей къ грабежу и къ скотоводству, какъ къ промыслу, свойственному всѣмъ кочующимъ народамъ.

Гористая и лѣсистая мѣстность «Рыбной рѣки» и нынѣшней провинціи «Альбани» способствовала грабежу и манила ихъ селиться въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь возникли первыя непріязненныя стычки съ дикими, вовлекшія потомъ бѣлыхъ и черныхъ въ нескончаемую доселѣ вражду. Всякій, кто читалъ прежнія извѣстія о голландской колоніи, конечно помнитъ, что они были наполнены безчисленными эпизодами о схваткахъ поселенцевъ съ двумя непріятелями, каффрами и дикими звѣрями, которые нападали съ одной цѣлью: похищать скотъ.

Нельзя не отдать справедливости неутомимому терпѣнію голландцевъ, съ которымъ они старались, при своихъ малыхъ средствахъ, водворять хлѣбопашество и другія отрасли земледѣлія въ этой странѣ; какъ настойчиво преодолѣвали всѣ препятствія, сопряженныя съ такимъ трудомъ, на новой, нетронутой почвѣ.

Они цѣликомъ перенесли сюда все свое голландское хо-

зяйство, и противопоставивъ палящему солнцу, пескамъ, горамъ, разбоямъ и грабежамъ каффровъ почти одну свою фламандскую флегму, достигли тѣхъ результатовъ, къ какимъ только могло ихъ привести, за недостаткомъ положительной и живой энергіи, это отрицательное и мертвое качество, т.-е. хладнокровіе. Они, посредствомъ его, какъ другіе посредствомъ военныхъ или административныхъ мѣръ, достигли чего хотѣли, т.-е. заняли земли, взяли въ невольничество, сколько имъ нужно было, черныхъ, привили земледѣліе, добились умѣреннаго сбыта продуктовъ и зажили, какъ живутъ въ Голландіи, тою жизнью, которою жили, столѣтія тому назадъ, не задерживая и не подвигая успѣха впередъ. Они до сихъ поръ еще пашутъ тѣмъ же тяжелымъ, огромнымъ плугомъ, какимъ пахали за двѣсти лѣтъ, впрягая въ него до двѣнадцати быковъ; до сихъ поръ у нихъ та же неуклюжая борона. Плодоперемѣнное хозяйство имъ неизвѣстно. Англійскія земледѣльческія орудія кажутся имъ черезчуръ легкими и хрупкими. Скотоводство распространилось довольно далеко во внутренность края, и фермеры, занимающіеся имъ, зажиточны, но образъ жизни ихъ довольно грубъ и грязенъ. Недостатокъ въ водѣ, ощущаемый внутри края, заставляетъ ихъ иногда кочевать съ мѣста на мѣсто.

Лучшіе и богатѣйшіе изъ голландцевъ — винопроизводители. Винодѣліе введено въ колонію французскими эмигрантами, удалившимися сюда по случаю отмѣны нантскаго эдикта. Въ колоніи, а именно въ западной части, на приморскихъ берегахъ, производится большое количество вина почти отъ всѣхъ сортовъ французскихъ лозъ, отъ которыхъ удержались даже и названія. Вино, кромѣ потребленія въ колоніи, вывозится въ значительномъ количествѣ въ Европу, особенно въ Англію, гдѣ оно служитъ къ замѣну хереса и портвейна, которыхъ Испанія и Португалія не производятъ достаточно для снабженія одной Англіи.

Эмигранты, вмѣстѣ съ искусствомъ винодѣлія, занесли на

Мысъ свои нравы, обычаи, вкусъ и нѣкоторую степень роскоши, что все привилось и къ фермерамъ. Близость къ Капштату поддержала въ западныхъ фермерахъ до сихъ поръ эту утонченность нравовъ, о которой не имѣютъ понятія восточные, скотопромышленные хозяева.

Но вліяніе эмигрантовъ тѣмъ и кончилось. Сами они исчезли въ голландскомъ народонаселеніи, оставивъ по себѣ потомкамъ своимъ только французскія имена.

Между фермерами, чиновниками и другими лицами колоніи слышатся фамиліи Руже, Лесюеръ и т. п.; всматриваешься въ нихъ, ожидая встрѣтить что-нибудь, напоминающее французовъ, и видишь чистѣйшаго голландца. Есть еще и доселѣ въ западной сторонѣ цѣлое мѣстечко, населенное потомками этихъ эмигрантовъ и извѣстное подъ названіемъ French Hoek или Hook.

Голландцы многочисленны, сказано выше: дѣйствительно такъ, хотя они уступили первенствующую роль англичанамъ, т.-е. почти всю внѣшнюю торговлю, навигацію, самый Капштатъ, который изъ Капштата превратился въ Кэптоунъ, но большая часть мѣстечекъ заселена ими, и фермы почти всѣ принадлежатъ имъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя находятся въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ Альбани, Каледонъ, присоединенныхъ къ колоніи въ позднѣйшія времена и заселенныхъ англійскими, шотландскими и другими выходцами.

Говоря о голландцахъ, остается упомянуть объ отдѣльной, независимой колоніи голландскихъ, такъ-называемыхъ, *буровъ* (boer—крестьянинъ), т.-е. тѣхъ же фермеровъ, которую они основали въ 1835 году, выселившись огромной толпой за черту границы. Вотъ какъ это случилось. Прежде, однакожъ, слѣдуетъ напомнить вамъ, что въ 1795 году колонія была занята силою оружія англичанами, которые воспользовались случаемъ завладѣть этимъ важнымъ для нихъ мѣстомъ остановки на пути въ Индію. По амьенскому миру,

въ 1802 г., колонія возвращена была Голландіи, а въ 1806 году снова взята Англіею, за которою и утверждена окончательно вѣнскимъ трактатомъ 1815 г.

Голландцы терпѣливо покорились этому трактату потому только, что имъ оставили ихъ законы и администрацію. Но въ 1827 г. обнародованъ былъ сводъ законовъ въ англійскомъ духѣ и произошли многія важныя перемѣны въ управленіи. Это раздражило колонистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же начали мало-по-малу выселяться изъ колоніи, далѣе отъ береговъ. Потомъ, по заключеніи въ 1835 г. мира съ каффрами, англійское правительство не позаботилось оградить собственность голландскихъ колонистовъ отъ нападенія и грабежа каффровъ, имѣя всѣ средства къ тому, и, наконецъ, внезапнымъ освобожденіемъ невольниковъ нанесло жестокій ударъ благосостоянію голландцевъ. Правительство вознаградило ихъ за невольниковъ по вест-индскимъ цѣнамъ, тогда какъ въ Капской колоніи невольники стоили вдвое. Деньги за нихъ высылались изъ Англіи, съ разными вычетами, въ Капштатъ, куда приходилось многимъ фермерамъ ѣздить нарочно за нѣсколько сотъ миль. Все это окончательно возстановило голландцевъ, которыхъ цѣлое народонаселеніе двинулось массой къ сѣверу и, перешедши рѣку Вааль, заняло пустыя, но прекрасныя, едва ли не лучшія во всей южной Африкѣ, пространства. Движеніе это было такъ единодушно, что многіе даже изъ сосѣднихъ къ Капштату голландцевъ бросили свои фермы, не дождавшись продажи ихъ съ аукціона, и удалились со своими соотечественниками. Они заняли пространства въ 350 миль къ сѣверу отъ рѣки Вааль, захвативъ около полутора градуса южнаго тропика, крайній предѣлъ, до котораго достигла колонизація европейцевъ въ Африкѣ.

Они хотѣли имѣть свои законы, управленіе, и надѣялись, что сумѣютъ, безъ помощи англичанъ, защититься противъ враговъ. И не обманулись. Страна ихъ, по отзывамъ са-

михъ англичанъ, находится въ цвѣтущемъ положеніи. «Буры» раздѣлили ее на округи, построили города, церкви, и ведутъ дѣятельную, патріархальную жизнь, не уступая, по свидѣтельству многихъ англійскихъ путешественниковъ, ни въ цивилизаціи, ни въ образѣ жизни, жителямъ Капштата. Они управляются народнымъ совѣтомъ (Volksraad), имѣютъ училища и т. п. Страна чрезвычайно плодородна, способна къ земледѣлію, винодѣлію, скотоводству, и производитъ множество плодовъ. Ей предстоитъ блистательная торговая будущность, по сосѣдству ея съ англійскимъ портомъ «Наталь» и занятымъ англичанами пространствомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ: «Orange river sovereignty».

Англійское правительство умѣло оцѣнить независимость и уважить права этого тихаго и счастливаго уголка и заключило съ нимъ въ январѣ 1852 г. договоръ, въ которомъ, съ утвержденіемъ за бурами этихъ правъ и независимости, предложены условія взаимныхъ отношеній ихъ съ англичанами и также образа поведенія относительно цвѣтныхъ племенъ, обезпеченія торговли, выдачи преступниковъ и т. п., какъ заключаются обыкновенно договоры между сосѣдями.

Водворяя въ колоніи свои законы и администрацію, англичане разсчитывали, конечно, на быстрый и несомнѣнный успѣхъ, какого достигли у себя дома. Пролагая путь внутрь края оружіемъ, а еще болѣе торговлею, они скоро отодвинули границу, которая до нихъ оканчивалась «Рыбною рѣкою»,—далѣе. Англійскіе губернаторы, смѣнившіе голландскихъ, окруженные бо̀льшимъ блескомъ и болѣе богатыми средствами, обнаружили и болѣе вліянія на дикія племена, вступили въ дѣятельныя сношенія съ каффрами и, то переговорами, то оружіемъ, вытѣснили ихъ изъ предѣловъ колоніи. По окончаніи непріязненныхъ дѣйствій съ дикими въ 1819 г., англичане присоединили къ колоніи значительную часть земли, которая составляетъ теперь одну изъ лучшихъ ея провинцій, подъ именемъ «Альбани».

Изъ Англіи и Шотландіи, между тѣмъ, прибыли выходцы и въ бухтѣ «Альгоа» (Algoabay) завели дѣятельную торговлю съ каффрами, вслѣдствіе которой на рѣкѣ «Кейскамма» учредилась ярмарка.

Каффры приносили слоновую кость, страусовыя перья, звѣриныя кожи, и взамѣнъ, кромѣ необходимыхъ полевыхъ орудій, разныхъ ремесленныхъ инструментовъ, одежд, получали, къ сожалѣнію, порохъ и крѣпкіе напитки. Новые пришельцы пріобрѣли значительныя земли и посвятили себя особой отрасли промышленности—овцеводству. Они облагородили грубую туземную овцу: успѣхъ превзошелъ ожиданія, и явилась новая, до тѣхъ поръ неизвѣстная, статья торговли—шерсть. Еще до сихъ поръ не опредѣлено, до какой степени можетъ усилиться шерстяная промышленность, потому что нельзя еще, по невѣрному состоянію края, рѣшить, какъ далеко можетъ быть она распространена внутри колоніи. Но, по качествамъ своимъ, эта шерсть стоитъ наравнѣ съ австралійскою, а послѣдняя высоко цѣнится на лондонскомъ рынкѣ и предпочитается ост-индской. Вскорѣ возникъ въ этомъ углу колоніи городъ Гремъ (Grahamstown) и портъ Елизабетъ, черезъ который преимущественно производится торговля шерстью.

У англичанъ сначала не было положительной войны съ каффрами, но между тѣмъ происходили безпрестанныя стычки. Можетъ-быть, англичане успѣли бы въ самомъ началѣ прекратить ихъ, если бъ они въ переговорахъ имѣли дѣло со всѣми, или, по крайней мѣрѣ, со многими главнѣйшими племенами; но они сдѣлали ошибку, обратясь въ сношеніяхъ своихъ къ предводителямъ одного главнаго племени, Гаики. Это возбуждало зависть въ мелкихъ племенахъ, которыя соединялись между собою и дѣйствовали совокупными силами противъ англичанъ, и вмѣстѣ противъ союзнаго съ ними племени Гаики.

Во всякомъ случаѣ, съ появленіемъ англичанъ, дѣятель-

ность загорѣлась во всѣхъ частяхъ колоніи, торговая, военная, административная. Вскорѣ основали на «Кошачьей рѣкѣ» (Katriver) поселеніе изъ готтентотовъ; въ самой Каффріи поселились миссіонеры. Послѣдніе, однакожъ, дѣйствовали не совсѣмъ добросовѣстно: они возбуждали и каффровъ, и готтентотовъ къ возстанію, имѣя въ виду образовать изъ нихъ одинъ народъ и обезпечить надъ нимъ свое господство. Колоніальное правительство принуждено было, между тѣмъ, вытѣснить нѣкоторыя, наиболѣе враждебныя племена, сильно тревожившія колонію своими мелкими набѣгами и грабежомъ, изъ занятыхъ ими мѣстъ. Все это повело къ первой, вспыхнувшей въ 1834 году, серьезной войнѣ съ каффрами.

Сверхъ провинціи «Альбани», англичане пріобрѣли для колоніи два новые округа и назвали ихъ «Альбертъ» и «Викторія», и еще большое и богатое пространство земли между старой колоніальной границей и «Оранжевой рѣкой», такъ что нынѣшняя граница колоніи простирается отъ устья рѣки «Кейскаммы» по прямой линіи къ сѣверу, до 30° 30′ ю. ш. по Оранжевой рѣкѣ, и идучи по этой послѣдней доходитъ до Атлантическаго океана.

Вся колонія раздѣлена на 20 округовъ, имѣющихъ свои мелкія подраздѣленія. Каждый округъ ввѣренъ чиновнику, завѣдывающему судебною и финансовою частями. Для любопытныхъ сообщаются здѣсь названія всѣхъ этихъ провинцій или округовъ, заимствованныя изъ капскихъ офиціальныхъ источниковъ. Капъ, Мельмсбери (Melmsbery), Стелленбошъ, Паарль, Устеръ (Worcester), Свеллендамъ, Каледонъ, Кленвильямъ, Джорджъ и Бофортъ составляютъ западную часть, а Альбани, портъ Бофортъ, Граафъ-Рейнетъ, Сомерсетъ, Кольсбергъ, Кредокъ, Уитенхагъ (Uitenhage), портъ Елизабетъ, Альбертъ и наконецъ Викторія — восточную.

Съ распространеніемъ владѣній колоніи, англичане по-

степенно ввели всю систему англійскаго управленія. Высшая власть ввѣрена губернатору; но какъ губернаторъ въ военное время имѣетъ пребываніе на границахъ колоніи, то гражданская власть возложена на его помощника или намѣстника (lieutenant). Законодательная часть принадлежитъ такъ-называемому *Законодательному Совѣту* (Legislative Council), состоящему изъ пяти офиціальныхъ и восьми приватныхъ членовъ. Офиціальные состоятъ изъ самого губернатора, потомъ второго, начальствующаго по арміи, секретаря колоніи, интенданта и казначея. Остальные выбираются губернаторомъ изъ лицъ колоніи. Проектъ закона вносится дважды въ Совѣтъ: послѣ перваго прочтенія онъ печатается въ капштатскихъ вѣдомостяхъ, послѣ второго принимается, или отвергается. Въ первомъ случаѣ онъ представляется на утвержденіе лондонскаго министерства. Исполнительною властью завѣдываетъ *Исполнительный Совѣтъ* (Executive Council). Это родъ тайнаго совѣта губернатора, который впрочемъ самъ не только не подчиненъ ни тому, ни другому совѣтамъ, но онъ можетъ даже пустить предложенный имъ законъ въ ходъ, хотя бы Законодательный Совѣтъ и не одобрилъ его, и примѣнять до утвержденія англійскаго колоніальнаго министра.

Наконецъ англичане ввели также свою систему податей и налоговъ. Можетъ-быть нѣкоторые изъ послѣднихъ покажутся преждевременными для молодого, только-что формирующагося гражданскаго общества, но они по большей части оправдываются значительностью издержекъ, которыхъ требовало и требуетъ содержаніе и управленіе колоніи и особенно частыя и трудныя войны съ каффрами. Впрочемъ, въ 1837 году, нѣкоторые налоги были отмѣнены, напримѣръ налогъ съ дохода, съ слугъ, также съ нѣкоторыхъ продуктовъ. Многіе ошибочно думаютъ, что вообще колоніи, и въ томъ числѣ капская, доходами своими обогащаютъ британскую казну; напротивъ, послѣдняя сама должна была

тратить огромныя суммы. Единственная привилегія англичанъ состоитъ въ томъ, что они установили по 12% таможенной пошлины съ иностранныхъ привозныхъ товаровъ и по 5% съ англійскихъ. Но какъ весь привозъ товаровъ въ колонію простирался на сумму около 1½ милліона фунт. ст., и именно: въ 1851 году черезъ Капштатъ, Саймонстоунъ, порты — Елизабетъ и Восточный Лондонъ, привезено товаровъ на 1,277,045 фунт. ст., въ 1852 г. на 1,675,686 фунт. ст., а вывезено черезъ тѣ же мѣста, въ 1851 г. на 637,282, въ 1852 г. на 651,483 фунт. ст., и таможенный годовой доходъ составлялъ въ 1849 г. 84,256, въ 1850 г. 102,173 и 1851 г. 111,260 фунт. ст., то нельзя и изъ этого заключить, чтобы англичане черезчуръ эгоистически заботились о своихъ выгодахъ, особенно если принять въ соображеніе, что бо́льшая половина товаровъ привозится не на англійскихъ, а на иностранныхъ судахъ.

Напротивъ, судя по расходамъ, какихъ требуютъ разныя учрежденія, работы, и особенно войны съ каффрами, надо еще удивляться умѣренности налоговъ. Лучшимъ доказательствомъ этой умѣренности служитъ то, что колонія выдерживаетъ ихъ безъ всякаго отягощенія.

Доходъ колоніи незначителенъ: онъ не всегда покрываетъ ея расходъ. Въ 1851 году, дохода было 220,884 фунт. стерл., а расходъ составлялъ 223,115 фунт. ст. Пошлина, какъ въ Англіи, наложена почти на все. Каждый мужчина и женщина, не моложе 16 лѣтъ, кромѣ коронныхъ чиновниковъ и ихъ слугъ, платятъ по 6 шиллинговъ въ годъ подати. Таксой обложены также дома, экипажи, лошади, хлѣбъ, вода, рынки, аукціоны, вина. Всѣ публичные акты подлежатъ гербовой пошлинѣ. Даже и тотъ, кто пожелалъ бы оставить колонію, платитъ за это право пошлину. Значительный доходъ получается отъ продажи казенныхъ земель, особенно въ нѣкоторыхъ новыхъ округахъ, напримѣръ: Викторіи и другихъ. Казенныя земли пріобрѣтаются

частными лицами, съ платою по два шиллинга за акръ, считая въ моргенѣ два акра. Если принять въ соображеніе, что изъ этихъ доходовъ платится содержаніе чиновниковъ, проводятся исполинскія дороги черезъ каменистыя горы, устраиваются порты, мосты, публичныя заведенія, церкви, училища и т. п., то окажется, что взиманіе податей равняется только крайней необходимости. Все пространство, занимаемое колоніею, составляетъ 118,356 кв. миль, а народонаселеніе простирается до 142.000 душъ мужескаго пола, а всего съ женщинами 285,279 душъ. Черныхъ нѣсколькими тысячами болѣе противъ бѣлыхъ.

Такимъ образомъ, со времени владычества англичанъ, пріобрѣтены три новыя провинціи, открыто на восточномъ берегу три порта: Елизабетъ, Наталь и Восточный Лондонъ, построено много фортовъ, служащихъ защитой и убѣжищемъ отъ набѣговъ каффровъ. Далѣе, по всѣмъ направленіямъ колоніи, проложены и прокладываются вновь шоссе, между портами учреждено пароходство; возникло много новыхъ городовъ, которыхъ имена пріобрѣтаютъ въ торговомъ мірѣ болѣе и болѣе извѣстности. Капштатскій рынокъ каждую субботу наводняется привозимыми изнутри, то сухимъ путемъ, на быкахъ, то изъ порта Елизабетъ и Восточнаго Лондона, на судахъ, товарами для вывоза въ разныя мѣста. Вывозимыя произведенія: *зерновой хлѣбъ и мука*, *говядина и свинина*, *рыба*, *масло*, *сыръ*, *кожи* (конскія и бычачьи), *шкуры* (козьи, овечьи, морскихъ животныхъ), *водки*, *вина*, *шерсть*, *воскъ*, *сухіе плоды*, *лошади*, *мулы*, *рога*, *слоновая кость*, *китовый усъ*, *страусовыя перья*, *алоэ*, *винный камень* и другія. Привозимые товары: *кофе*, *сахаръ*, *горохъ*, *рисъ*, *перецъ*, *крѣпкіе напитки*, *чай*, *табакъ*, *дерево*, *вина*, также *рыба*, *мясо*, *крупчатая мука*, *масло*. Всѣ привозные товары обложены различною таможенною пошлиною. До 600 кораблей увозятъ и привозятъ всѣ эти товары.

Англичане, по примѣру другихъ своихъ колоній, освободили черныхъ отъ рабства, несмотря на то, что это повело за собой вражду голландскихъ фермеровъ и что земледѣліе много пострадало тогда, и страдаетъ еще до сихъ поръ, отъ уменьшенія рукъ. До 30,000 черныхъ невольниковъ обрабатывали землю, но сдѣлать ихъ добровольными земледѣльцами не удалось: они работаютъ только для удовлетворенія крайнихъ своихъ потребностей, и затѣмъ уже ничего не дѣлаютъ.

Успѣху англичанъ, или, лучше сказать, успѣху цивилизаціи, противоборствуютъ до сихъ поръ, кромѣ самой природы, два враждебныя обстоятельства, первое: скрытая, застарѣлая ненависть голландцевъ къ англичанамъ, какъ къ побѣдителямъ, къ ихъ учрежденіямъ, успѣхамъ, торговлѣ, богатству. Ненависть эта передается отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ. И хотя между двумя націями нѣтъ открытой вражды, но нѣтъ и единодушія, стало-быть и успѣха въ той мѣрѣ, въ какой бы можно было ожидать его при совокупныхъ дѣйствіяхъ. Второе обстоятельство — войны съ каффрами. Съ одной стороны, эти войны оживляютъ колонію: присутствіе войскъ, и сопряженное съ тѣмъ увеличеніе потребленія разныхъ предметовъ, до нѣкоторой степени усиливаетъ торговое движеніе. Живущіе далеко отъ границы фермеры радуются войнѣ, потому-что скорѣе и дороже сбываютъ свои продукты; но, съ другой стороны, военныя дѣйствія, сосредоточивая все вниманіе колоніальнаго правительства на защиту границъ, парализуютъ его дѣйствія во многихъ другихъ отношеніяхъ. Множество рукъ и денегъ уходятъ на эти неблагодарныя войны, послѣдствія которыхъ, въ настоящее время, не вознаграждаютъ трудовъ и усилій ничѣмъ, кромѣ невѣрныхъ, почти безплодныхъ побѣдъ, доставляющихъ спокойствіе краю только на нѣкоторое время.

Каффры, или Амакоза, со времени безпокойствъ 1819

года, вели себя довольно смирно. Хотя и тутъ не обходилось безъ набѣговъ и грабежей, которые вели за собой небольшія военныя экспедиціи въ Каффрарію: но эти грабежи и военныя стычки съ грабителями имѣли такой частный характеръ, что вообще можно назвать весь періодъ, отъ 1819 до 1830 года, если не мирнымъ, то спокойнымъ. Предводитель одного изъ главныхъ племенъ, Гаика, спился и умеръ: власть его, по обычаю каффровъ, переходила къ сыну главной изъ женъ его. Но какъ этотъ сынъ, по имени Сандилья, былъ еще ребенокъ, то племенемъ управлялъ старшій сынъ Гаики, Макомо. Онъ имѣлъ пребываніе на берегахъ «Кошачьей рѣки», главнаго притока «Большой Рыбной рѣки». Хотя этотъ участокъ въ 1819 году былъ уступленъ при Гаикѣ колоніи, но Макомо жилъ тамъ безпрепятственно до 1829 года, а въ этомъ году положено было его вытѣснить, частью по причинѣ грабежей, производимыхъ его племенемъ, частью за то, что онъ, воюя съ своими дикими сосѣдями, переступалъ границы колоніи. Можетъ-быть, къ этому присоединились и другія причины, но дѣло въ томъ, что племя было вытѣснено, хотя и безъ кровопролитія, но не безъ сопротивленія. На очистившихся мѣстахъ поселены были мирные готтентоты, обнаружившіе склонность къ осѣдлой жизни. Это обстоятельство подало каффрамъ первый и главный поводъ къ открытой враждѣ съ европейцами, которая усилилась еще болѣе, когда, вскорѣ послѣ того, англичане разстрѣляли одного изъ значительныхъ вождей, дядю Гаики, по имени Секо, оказавшаго сопротивленіе при отнятіи европейцами у его племени украденнаго скота. Смерть этого вождя привела дикихъ въ ярость; но они еще сдерживали ее. Макомо, съ братомъ своимъ Тіали, перешелъ на берега «Чуми», притока рѣки «Кейскаммы», гдѣ племя Гаики жило постоянно, съ согласія пограничныхъ начальниковъ. Но тутъ опять возникли жалобы на грабежъ скота. Макомо старался взбунтовать готтентотскихъ

поселенцевъ противъ европейцевъ и былъ, въ 1833 году, оттѣсненъ съ своимъ племенемъ за рѣку въ то время, когда еще хлѣбъ былъ на корню и племя оставалось безъ продовольствія. Англійскіе миссіонеры, между тѣмъ, съ своей стороны, какъ сказано выше, поджигали каффровъ къ разрыву съ европейцами, надѣясь извлечь изъ этого свои выгоды. Война была неизбѣжна и вскорѣ вспыхнула.

Возстали четыре племени, составлявшія около 34,000 душъ однихъ мужчинъ.

Европейцы никакъ не предполагали, чтобы каффры, послѣ испытанныхъ неудачъ въ 1819 г., отважились на открытую войну, поэтому и не приняли никакихъ мѣръ къ отраженію нападенія, и толпы каффровъ, въ декабрѣ 1834 г., ворвались въ границы колоніи. Войскъ было такъ мало на границѣ, что они не могли противостать дикимъ. Каффры умерщвляли поселенцевъ, миссіонеровъ, осѣдлыхъ готтентотовъ, забирали скотъ и жгли жилища. Они опустошили всю нынѣшнюю провинцію Альбани, кромѣ самого Грамстоуна, часть Винтерберга до моря, всего пространство на 100 миль въ длину и около 80 въ ширину, избѣгая, однакоже, открытаго и общаго столкновенія съ непріятелемъ. Наконецъ узнавъ, что тогдашній губернаторъ, сэръ Бенджаменъ д'Урбанъ, прибылъ съ значительными силами въ Грамстоунъ, они, въ январѣ 1835 г., удалились въ свои мѣста, не забывъ унести все награбленное. Полковники Смитъ и Соммерсетъ (первый былъ потомъ губернаторомъ) съ февраля начали свои дѣйствія. Они должны были отыскивать непріятеля въ ущельяхъ и кустарникахъ, почти недоступныхъ для европейца. Нѣкоторыя племена покорились тотчасъ же, объявивъ себя подданными англійской короны и обѣщая содѣйствовать къ прекращенію безпорядковъ на границѣ, другія отступали далѣе. Наконецъ, и тѣ, и другія утомились: европейцы — потерей людей, времени и денегъ, каффры теряли свои мѣста, ихъ отгѣсняли отъ ихъ деревень, которыя были

выжигаемы, и потому обѣ стороны, въ сентябрѣ 1835 г., вступили въ переговоры и заключили миръ, вслѣдствіе котораго каффры должны были возвратить весь угнанный ими скотъ и уступить бѣлымъ значительный участокъ земли.

До 1846 г. колонія была покойна, то-есть войны не было; но это опять не значило, чтобъ не было грабежей. По мѣрѣ того, какъ каффры забывали о войнѣ, они дѣлались все смѣлѣе; опять поднялись жалобы съ границъ. Губернаторъ созвалъ главныхъ мирныхъ вождей на совѣщаніе о средствахъ къ прекращенію зла. Вожди, обнаруживъ неудовольствіе на эти грабежи, объявили, однакоже, что они не въ состояніи отвратить безпорядковъ. Тогда въ мартѣ 1846 г. открылась опять война.

Губернаторомъ былъ только-что поступившій, вмѣсто сэръ Джоржа Нэпира, сэръ Перегринъ Метлэндъ. Каффры во множествѣ вторглись въ колонію, по обыкновенію, убивая колонистовъ, грабя имущества и сожигая поселенія. Эта война особенно богата кровавыми и трагическими эпизодами. Каффры избѣгали встрѣчи съ бѣлыми въ открытомъ полѣ и, одержавъ верхъ въ какой-нибудь стычкѣ, быстро скрывались въ хорошо извѣстной имъ странѣ, среди неприступныхъ ущелій и скалъ, или пропустивъ войска далѣе впередъ, они распространяли ужасы опустошенія позади въ предѣлахъ колоніи. Войскъ было мало; поселенцевъ приглашали къ поголовному ополченію, но безъ успѣха. Каффры являлись въ числѣ многихъ тысячъ, отрѣзывали подвозъ провизіи, и войска часто доходили до совершеннаго истощенія силъ. Иногда за стаканъ свѣжей воды платили по шиллингу, за сухарь — по шести пенсовъ, и то не всегда находили и то и другое. Негры племени Финго, помогавшіе англичанамъ, принуждены были ѣсть свои щиты изъ буйволовой кожи, а готтентоты по нѣскольку дней довольствовались тѣмъ, что крѣпко перетягивали себѣ животъ и этимъ заглушали голодъ. Ужасъ былъ всеобщій, такъ что

въ маѣ 1846 г. по всей колоніи служили молебны, прося Бога о помощи. Церкви были биткомъ набиты; множество траурныхъ платьевъ краснорѣчиво свидѣтельствовало о томъ, въ какомъ положеніи были дѣла. Метлэнда укоряли въ недостаткѣ твердости, искусства и въ нераспорядительности.

Въ 1847 году, вмѣсто него, назначенъ сэръ Генри Поттинджеръ, а главнокомандующимъ арміи на границѣ, сэръ Джоржъ Берклей. Давно ощущалась потребность въ разъединеніи гражданской и военной частей, а эта мѣра вскорѣ оказала благодѣтельныя дѣйствія. Вообще въ этой послѣдней войнѣ англичане воспользовались опытами прежней и приняли нѣсколько благоразумныхъ мѣръ къ обезпеченію своей безопасности и доставки продовольствія. Провіантъ и прочее доставлялось до сихъ поръ на мѣсто военныхъ дѣйствій сухимъ путемъ, и плата за одинъ только провозъ составляла около 17 ',000 фунт. ст. въ годъ, между тѣмъ какъ всѣ припасы могли быть доставляемы моремъ до самаго устья «Буйволовой рѣки», что, наконецъ, и приведено въ исполненіе, и Берклей у этого устья расположилъ свою главную квартиру.

Потомъ запрещенъ былъ всякій торгъ съ каффрами, какъ преступленіе, равное государственной измѣнѣ, потому что каффры въ этомъ торгѣ — фактъ, которому съ трудомъ вѣрится—пріобрѣтали отъ англичанъ же оружіе и порохъ.

Когда нѣкоторые вожди являлись съ покорностью, отъ нихъ требовали выдачи оружія и скота, но они приносили нѣсколько ружей и приводили, вмѣсто тысячъ, десятки головъ скота, и когда ихъ прогоняли, они поневолѣ возвращались къ оружію и съ новой яростью нападали на колонію. Такъ точно поступилъ Сандилья, которому губернаторъ обѣщалъ прощеніе, если онъ исполнитъ требуемыя условія; но онъ не исполнилъ, и, продолжая тревожить набѣгами колонію, наконецъ, удалился въ неприступныя мѣста. Голодъ принудилъ его, однакожъ, сдаться: онъ, съ нѣкоторыми со-

вѣтниками и вождями, былъ отправленъ въ Гремстоунъ и брошенъ въ тюрьму. Другіе вожди удалились съ племенами своими въ горы, но полковникъ Соммерсетъ неутомимо преслѣдовалъ ихъ и принудилъ къ сдачѣ.

Между тѣмъ губернаторъ Поттинджеръ былъ отозванъ въ Мадрасъ и мѣсто его заступилъ отличившійся въ войнѣ 1834 и 1835 г. генералъ-майоръ сэръ Герри Смитъ, пріобрѣтшій любовь и уваженіе во всей колоніи. Онъ, по прибытіи, созвалъ плѣнныхъ каффрскихъ вождей, обошелся съ ними презрительно и сурово; одному изъ нихъ, именно Макомо, велѣлъ стать на колѣни и объявилъ, что отнынѣ онъ, Герри Смитъ, главный и единственный начальникъ каффровъ. Послѣ чего, положивъ ногу на голову Макомо, прибавилъ, что такъ будетъ поступать со всѣми врагами англійской королевы. Вскорѣ онъ издалъ прокламацію, объявляя, что все пространство земли отъ рѣки «Кейскаммы», до рѣки «Кей», онъ, именемъ королевы, присоединилъ къ англійскимъ владѣніямъ, подъ названіемъ *Британской Каффраріи.* И тутъ же, назначивъ подполковника Мекиннока начальникомъ этой области, объявилъ условія, на основаніи которыхъ каффрскіе вожди «Британской Каффраріи» должны впередъ управлять своими племенами, подъ вліяніемъ англійскаго владычества.

Когда всѣ вожди и народъ, обнаруживъ совершенную покорность и раскаяніе, дали торжественныя клятвы свято блюсти обязательства, Герри Смитъ заключилъ съ ними, въ декабрѣ 1847 г., миръ. Отъ суроваго и презрительнаго обращенія онъ перешелъ къ кроткому и дружественному. Онъ уговаривалъ ихъ сблизиться съ европейцами, слушать ученіе миссіонеровъ, учиться по-англійски, заниматься ремеслами, торговать честно, привыкать къ употребленію монеты, доказывая имъ, что все это, и одно только это, то-есть цивилизація, дѣлаетъ бѣлыхъ счастливыми, добрыми, богатыми и сильными.

Энергическія и умныя мѣры Смита водворили въ колоніи миръ и оказали благодѣтельное вліяніе на самихъ каффровъ. Они, казалось, убѣдились въ физическомъ и нравственномъ превосходствѣ бѣлыхъ и въ невозможности противиться имъ, смирились и отдались подъ ихъ опеку. Совѣты, или, лучше сказать, приказанія Смита исполнялись— но долго ли, вотъ вопросъ! Была ли эта война послѣднею? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Это была только вторая по счету: въ 1851 году открылась третья. И кто знаетъ, гдѣ остановится эта нумерація?

Послѣ этого краткаго очерка двухъ войнъ, нужно ли говорить о третьей, которая кончилась въ эпоху прибытія на Мысъ фрегата «Паллада», то-есть въ началѣ 1853 года?

Началась она, какъ всѣ эти войны, нарушеніемъ со стороны каффровъ обязательствъ мира и кражею скота. Было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ они отказались выдать украденный скотъ и усиливали дерзкія вылазки на границахъ. Вскорѣ въ колоніи убѣдились въ необходимости новой войны. Но прежде, нежели англичане подумали о приготовленіи къ ней, каффры поставили всю Британскую Каффрарію на военную ногу. У нихъ оказалось множество прежняго, не выданнаго ими, по условію мира 1835 г., оружія, и кромѣ того, несмотря на строгое запрещеніе доставки имъ пороха и оружія, привезено было тайно много и того, и другого черезъ Альгоабей. Губернаторъ сталъ принимать сильныя мѣры, но не хотѣлъ, однакожъ, первый начинать непріязненныхъ дѣйствій. Онъ собралъ всѣ дружественныя племена, уговаривая ихъ поддержать сторону своей государыни, что они и обѣщали. Къ сожалѣнію, онъ черезчуръ много надѣялся на вѣрность черныхъ: и дружественныя племена, и учрежденная имъ полиція изъ каффровъ, и, наконецъ, мирные готтентоты—все это обманывало его, выводило о числѣ англійскихъ войскъ и передавало своимъ

одноплеменникамъ, а тѣ дѣлали засады въ такихъ мѣстахъ, гдѣ англійскіе отряды погибали безъ всякой пользы.

Въ декабрѣ 1850 г. за день до праздника Рождества Христова, каффры первые начали войну, заманивъ англичанъ въ засаду, и послѣ стычки, по обыкновенію, ушли въ горы. Тогда началась, не война, а наказаніе каффровъ, которыхъ губернаторъ объявилъ уже не врагами Англіи, а бунтовщиками, такъ какъ они были великобританскіе подданные.

Поселенцы, по обыкновенію, покинули свои мѣста, угнали скотъ и, кто могъ, бѣжалъ дальше отъ границъ Каффраріи. Вся пограничная черта представляла одну картину общаго движенія. Нѣкоторые изъ фермеровъ собирались толпами и укрѣплялись лагеремъ въ полѣ, или избирали убѣжищемъ укрѣпленную ферму.

Безполезно утомлять ваше вниманіе разсказомъ мелкихъ и незанимательныхъ эпизодовъ этой войны: они черезчуръ однообразны. Каффры, послѣ нападенія на какой-нибудь фортъ, или отрядъ, одерживали временно верхъ и потомъ исчезали въ неприступныхъ убѣжищахъ. Но англійскія войска неутомимо преслѣдовали ихъ и принуждали сдаваться, или оружіемъ, или голодомъ. Все это длилось до тѣхъ поръ, пока у мятежниковъ не истощились военные и съѣстные припасы. Тогда они явились съ повинной головой, согласились на предложенныя имъ условія, и все вошло въ прежній порядокъ.

Кеткартъ, заступившій, въ мартѣ 1852 года, Герри Смита, издалъ, наконецъ, 2 марта 1853 года, въ Вильямстоунѣ, на границѣ колоніи, прокламацію, въ которой объявляетъ, именемъ своей королевы, миръ и прощеніе Сандильи и народу Гаики, съ тѣмъ, чтобы каффры жили, подъ отвѣтственностью главнаго вождя своего, Сандильи, въ Британской Каффраріи, но только далѣе отъ колоніальной границы, на указанныхъ мѣстахъ. Онъ долженъ представить

оружіе и отвѣчать за миръ и безопасность въ его владѣніяхъ, за доброе поведеніе гаикскаго племени и за исполненіе взятыхъ имъ на себя обязательствъ, также повелѣній королевы.

Это прощеніе не простирается, однакожъ, за предѣлы Британской Каффраріи, и всякій, преступившій извнѣ границу колоніи, будетъ преданъ суду.

Готтентотамъ тоже не позволено, безъ особаго разрѣшенія губернатора, селиться въ Британской Каффраріи.

Выше сказано было, что колонія теперь переживаетъ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ своей исторіи: дѣйствительно оно такъ. До сихъ поръ колонія была не что иное, какъ англійская провинція, живущая по законамъ, начертаннымъ ей метрополіею, сообразно духу послѣдней, а не дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Не разъ заочныя распоряженія лондонскаго колоніальнаго министра противорѣчили нуждамъ края и вели за собою мѣстныя неудобства и затрудненія въ дѣлахъ.

Англичане одни завѣдывали управленіемъ колоніи. Англія назначала губернатора и членовъ законодательнаго совѣта, такъ что законъ, какъ объяснено выше, не иначе получалъ силу, какъ по утвержденіи его въ Англіи. Англичанамъ было хорошо: они были здѣсь какъ у себя дома, но голландцы, и безъ того недовольные англійскимъ владычествомъ, роптали, требуя для колоніи законодательной власти, независимо отъ Англіи. Наконецъ, этотъ ропотъ подѣйствовалъ. Англія предоставляетъ теперь право избранія членовъ законодательнаго совѣта самой колоніи, которая такимъ образомъ получитъ самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, и дальнѣйшее ея существованіе можетъ съ этой минуты упрочиваться на началахъ, истекающихъ изъ собственныхъ ея нуждъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на колонію возлагаются и всѣ расходы по управленію, а также предоставляется ей самой распоряжаться военными дѣйствіями съ дикими племенами.

Событіе, весьма важное, которое обезпечиваетъ колоніи почти независимость и могущественное покровительство Британіи. Это событіе еще не состоялось вполнѣ; проектъ представленъ въ парламентъ и, конечно, будетъ утвержденъ *), ибо, вѣроятно, всѣ приготовленія къ этому дѣлались съ одобренія англійскаго правительства.

Мы остановились на полчаса въ небольшой гостиницѣ, окруженной палисадникомъ. Гостиницу называютъ по-англійски Mitchel, а по-голландски Clauisriver, по имени рѣчки. Первый встрѣтилъ насъ у дверей баранъ, который мѣтилъ во всякаго изъ насъ рогами, когда мы проходили мимо его, за нимъ въ дверяхъ показался хозяинъ, голландецъ, невысокаго роста, съ безпечнымъ лицомъ. — «Да зачѣмъ же тутъ останавливаться?» замѣтилъ П., страстный охотникъ ѣхать впередъ. — «Немного отдохнуть, и вамъ, и лошадямъ», пріятно улыбаясь, отвѣчалъ Вандикъ, отложившій уже лошадей. — «Да намъ не нужно, мы не устали». Тутъ я разглядѣлъ другого кучера: этотъ былъ небольшого роста, съ насмѣшливымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Я ѣхалъ съ Б., К. и З., въ другомъ «картѣ» сидѣли П., В. и Г. Гляжу и не могу разглядѣть, кто еще сидитъ съ ними: обезьяна, не обезьяна, но такое же маленькое существо, съ такимъ же маленькимъ, смуглымъ лицомъ, какъ у обезьяны, одѣтое въ большое пальто и широкую шляпу. Это готтентотъ мальчишка, котораго зачѣмъ-то взялъ съ собой Вандикъ.

Мы не успѣли еще расправить хорошенько ногъ, Б. вошелъ уже въ комнату и что-то заказывалъ хозяину и мальчишкѣ-негру. Мы занялись разсматриваніемъ комнаты: въ ней неизбѣжные—рѣзной шкапъ съ посудой, другой съ чучелами птицъ; вмѣсто ковра, шкуры пантеръ, потомъ старинные массивные столы, массивные стулья. Все смотрѣло

*) Онъ утвержденъ былъ въ 1853 году.

такъ мрачно; позолоченныя рамки на зеркалахъ почернѣли; вездѣ копоть. На картинахъ охота: слонъ давитъ ногой тигра, собаки преслѣдуютъ барса. Темная закоптѣлая комнатка, убранная по-голландски, смотритъ, однакожъ, на путешественника радушно, какъ небритый и немытый человѣкъ смотритъ исподлобья, но ласковымъ взглядомъ. Такъ и въ этой, и подобныхъ ей комнатахъ, все привѣтливо и пріятно. Тутъ и чашки на виду, пахнетъ корицей, кофе и другими пряностями — словомъ, хозяйствомъ; каминъ долженъ быть очень тепелъ, не похоже на трактиръ, а скорѣе на укромный домикъ какой-нибудь бѣдной тётки, которую вы рѣшились посѣтить въ глуши. Правда, кресло жестковато, да не скоро его и сдвинешь съ мѣста; лакъ и позолота почти совсѣмъ сошли; вмѣсто занавѣсокъ, висятъ лохмотья, и самъ хозяинъ смотритъ такъ жалко, бѣдно, но эта честная, и притомъ гостепріимная бѣдность, которая васъ всегда накормитъ, хотя и жесткой ветчиной, еще болѣе жесткой солониной, но она отдастъ послѣднее. Глядя на то, какъ патріархально подаютъ тамъ обѣдъ и завтракъ, не вѣрится, чтобы за это взяли деньги: и берутъ ихъ будто нехотя, по необходимости. Только-что мы осмотрѣли всѣ углы, чучелъ, птицъ и звѣрей, картинки, какъ хозяинъ пригласилъ насъ въ другую комнату, гдѣ уже стояла ветчина съ яичницей и кофе. — «Уже? опять?» сказалъ В., умѣренный и скромный нашъ спутникъ, нѣмецъ: — «мы завтракали въ Капштатѣ». Однако, сѣлъ и позавтракалъ съ нами.

Часовъ въ пять пустились дальше. Дорога нѣкоторое время шла все по той же болотистой долинѣ. Мы хотя и оставили назади, но не потеряли изъ виду Столовую и Чортову горы. Вправо тянулись пики, идущіе отъ Константской горы. Вскорѣ, однакожъ, болота и пески замѣнились зелеными холмами, почва стала разнообразнѣе, дальнія горы выказывались грознѣе и яснѣе; надъ ними лежали синія тучи и

бѣгала молнія: дождь лилъ довольно сильный. П. А. З. пѣлъ во всю дорогу или живую плясовую пѣсню, или похоронный маршъ на извѣстныя слова Козлова: *Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ* и т. д. Мы съ Б. курили, или глубокомысленно молчали, изрѣдка обращаясь съ вопросомъ къ Вандику о какой-нибудь горѣ, или дальней фермѣ. Онъ былъ африканецъ, то-есть родился въ Африкѣ, отъ голландскихъ родителей, говорилъ по-голландски и по-англійски, и не затруднялся отвѣтомъ. Онъ зналъ все въ колоніи: горы, лѣса, даже кусты, каждую ферму, фермера, ихъ слугъ, собакъ, но всего болѣе лошадей. Покупать ихъ, продавать, мѣнять, составляло его страсть и профессію. Это мы скоро узнали. Онъ раскланивался со всякимъ встрѣчнымъ, и съ малайцемъ, и съ готтентотомъ, и съ англичаниномъ; одному кивалъ, передъ другимъ почтительно снималъ шляпу, третьему просто дружески улыбался, а иному что-нибудь кричалъ, съ бранью, грозно.

Дорога шла прекрасная. Отъ Капштата горы нѣкоторое время далеко идутъ по обѣимъ сторонамъ, а миляхъ въ 70 стѣсняются въ длинное ущелье, черезъ которое предстояло намъ ѣхать. Стало темнѣть. Вандикъ придерживалъ лошадей.—«Апплъ!» кричалъ онъ по временамъ. Мы не могли добиться, что это значитъ: собственное ли имя, или такъ только, окрикъ на лошадей, даже въ какихъ случаяхъ употреблялъ онъ его; онъ кричалъ, когда лошадь пятилась, или слишкомъ рвалась впередъ, или оступалась. Когда мы спрашивали объ этомъ Вандика, онъ только улыбался.

Было часовъ восемь вечера, когда онъ вдругъ круто повернулъ съ дороги и подъѣхалъ къ одинокому, длинному, одноэтажному каменному зданію, съ широкимъ во весь домъ крыльцомъ. — «Что это значитъ? какъ? куда?» — «Ужинъ и ночлегъ!» кротко, но твердо замѣтилъ Вандикъ. — «Лошади устали: мы сегодня двадцать миль сдѣлали». Эта гостиница называется «Фоксъ-андъ-гоундсъ (Fox and hounds), то-есть

«Лисица и собаки». — «Да что же это?» протестовалъ, по обыкновенію, пылкій П.: «это невозможно: поѣдемте дальше». — «Куда? вѣдь темно и дождь идетъ», возражали ему любители кейфа.—«Нужды нѣтъ, мы все-таки поѣдемъ».— «Зачѣмъ? вѣдь вы ѣдете видѣть что-нибудь, путешествуете, такъ сказать... Что же вы увидите ночью?» Но партія, помѣщавшаяся въ другомъ картѣ и называемая нами «ученою», все возражала. Возникли несогласія. «Артистическая партія», то-есть мы трое, вошли на крыльцо, а та упрямо сидѣла въ экипажѣ. Между тѣмъ Вандикъ и товарищъ его, молча, отпрягли лошадей, и споръ кончился.

Б. ушелъ изъ комнаты, ученая партія нехотя, лѣниво (первылѣзла изъ повозки, а я пошелъ бродить около дома. Я спросилъ, какъ называется это мѣсто.

— «Ферстъ-риверъ», по-англійски, или «Эрштъ-риверъ» вая рѣка), по-голландски», отвѣчалъ Вандикъ. Если считать отъ Капштата, то она дѣйствительно первая; но какъ рѣка вообще, она, конечно, послѣдняя. Даже можно сомнѣваться, рѣка ли это. — «Гдѣ же тутъ рѣка?» спросилъ я Вандика.—«А вотъ», отвѣчалъ онъ, указывая на то мѣсто, гдѣ я стоялъ: «вы теперь стоите въ рѣкѣ: это все рѣка». И онъ указалъ на далекое пространство вокругъ. — «Тутъ песокъ да камни», сказалъ я. — «Теперь нѣтъ рѣки», продолжалъ онъ: «или вонъ, пожалуй, она въ той канавѣ, а зимой это все на нѣсколько миль покрывается водой. Всѣ рѣки здѣсь такія».

Я вошелъ въ домъ. Что это, гостиница? не совсѣмъ похоже. Первая комната имѣетъ видъ столовой какого-нибудь частнаго дома. Полы лакированы, стѣны оклеены бумажками, посрединѣ круглый столъ, по стѣнамъ два очень недурные дивана новаго фасона. Тутъ лежали въ кучѣ на полу и на диванахъ наши вещи, а хозяевъ не было. Но я услышалъ голоса и черезъ коридоръ прошелъ въ боковую комнату. Это была большая, очень красиво убранная комната,

съ длиннымъ столомъ, еще менѣе похожая на трактиръ. На столѣ лежала библія и другія книги, рукодѣлья, тетради и т. п., у стѣны стояло фортепіано. Не трудно было догадаться, что хозяева были англичане: мебель новая, все свѣжо и вездѣ признаки комфорта. Никто не показывался, кромѣ молодого коренастаго негра. Что у него ни спрашивали, или что ни приказывали ему, онъ прежде всего отвѣчалъ смѣхомъ и обнаруживалъ рядъ чистѣйшихъ зубовъ. Этотъ смѣхъ въ привычкѣ негровъ. — «Что жъ, будемъ ужинать, что ли?» замѣтилъ кто-то.—«Да я ужъ заказалъ», отвѣчалъ Б.—«Уже?» замѣтилъ В.—«Что жъ вы заказали?»—«Такъ, немного, бездѣлицу: баранины, ветчины, курицу, чай, масла, хлѣбъ и сыръ».

Послѣ ужина насъ повели въ другія комнаты, безъ лакированныхъ половъ, безъ обоевъ, но за тосъ громадными, какъ катафалки, постелями. Въ комнатахъ пахло сыростью, видно въ нихъ не часто бывали путешественники. По стѣнамъ даже ползали незнакомыя намъ насѣкомыя, не родные клопы и тараканы, а какіе-то длинные жуки, со множествомъ ногъ. З., спавшій въ одной комнатѣ со мной, не успѣлъ улечься и уснулъ быстро, какъ будто утонулъ. Я остался одинъ бодрствующій, но не надолго. Утромъ рано, мы не успѣли еще доспать, а неугомонный П., взявшій на себя роль нашего ментора, ходилъ по номерамъ и торопилъ вставать и ѣхать дальше.

По холмамъ, по прекрасной дорогѣ, въ прекрасную погоду, мы весело ѣхали дальше. Все было свѣжо кругомъ, послѣ вчерашняго дождя. Песокъ не поднимался пылью, а лежалъ смирно, въ видѣ глины. Горы не смотрѣли такъ угрюмо и непріязненно, какъ наканунѣ; онѣ старались выказать, что было у нихъ получше, хотя хорошаго, правду сказать, было мало, какъ солнце ни золотило ихъ своими лучами. Немногія изъ нихъ могли похвастать зеленою верхушкой, или скатомъ, а у бо̀льшей части были одинакіе вы-

вѣтрившіеся, сѣрые бока, которые разнообразились, у одной—рытвиной, у другой—горбомъ, у третьей—отвѣснымъ обрывомъ. Хотя я и зналъ по описаніямъ, что Африка, не исключая и южной оконечности, изобилуетъ песками и горами, но воображеніе рисовало мнѣ темныя дебри, пріюты львовъ, тигровъ, змѣй. Напрасно, однакожъ, я глазами искалъ этихъ лѣсовъ: они растутъ по морскимъ берегамъ, а внутри, начиная отъ самаго мыса и до границъ колоніи, то-есть верстъ на тысячу, почва покрыта мелкими кустами на песчаной почвѣ, да искусственно воздѣланными садами около фермъ, а за границами, кромѣ рѣдкихъ оазисовъ, и этого нѣтъ. Но въ это утро, въ половинѣ марта, кусты «протеа» глядѣли веселѣе, зелень казалась зеленѣе, такъ что нѣмецкій спутникъ нашъ замѣтилъ, что тутъ должно быть много «скотства». Въ самомъ дѣлѣ, скотоводство процвѣтало здѣсь, какъ впрочемъ и во всей колоніи. Лошади бѣжали бодрѣе, даже Вандикъ сидѣлъ ясенъ и свѣжъ, какъ майскій цвѣтокъ, сказалъ бы я въ сѣверномъ полушаріи, а по-здѣшнему надо сказать—сентябрьскій.

Не сживаюсь я съ этими противоположностями: все мнѣ кажется, что теперь весна, а здѣсь готовятся къ зимѣ, то-есть къ дождямъ и вѣтрамъ, говорятъ, что фрукты отошли, кромѣ винограда, всѣ. Развернулъ я въ книжной лавкѣ, въ Капштатѣ, изданный тамъ кипсекъ—стихи и проза. Развертываю мѣстами и читаю: — «прошли и для нея, этой гордой красавицы, дни любви и нѣги, миновалъ цвѣтущій *сентябрь* и жаркій *декабрь* ея жизни; наступали грозныя и суровыя *іюльскія* непогоды» и т. д. А въ стихахъ:—«гнететъ ли меня палящее *сѣверное* солнце, или леденитъ мою кровь холодное, суровое дуновеніе *южнаго* вѣтра, я терпѣливо вынесу все, но не вынесу ни палящей ласки, ни холоднаго взора моей милой». Далѣе, въ одномъ описаніи какого-то разорившагося богача, сказано:—«теперь онъ бѣденъ: жилищемъ ему служилъ маленькій павильонъ, огра-

жденный только колючими кустами кактуса и алоэ, да осѣненный, насажденными когда-то имъ самимъ, миндальными, абрикосовыми и апельсинными деревьями и густою чащею виноградныхъ лозъ. Пищей ему служили виноградъ, миндаль, гранаты и апельсины съ этихъ же деревъ, или молоко единственной коровы. Думалъ ли онъ, насаждая эти деревья для забавы, что плодами ихъ онъ будетъ утолять мучительный голодъ? Служилъ ему одинъ старый и преданный негръ...» Вотъ она какова, африканская бѣдность: всякій день свѣжее молоко, къ десерту quatre mendiants прямо съ дерева, въ услуженіи негръ... Чего бы стоила такая бѣдность въ Петербургѣ?

Если природа не очень разнообразила путь нашъ, то живая и пестрая толпа прохожихъ и проѣзжихъ всѣхъ племенъ, цвѣтовъ и состояній, дополняла картину, въ которой безъ этого оставалось много пустого мѣста. Безконечные обозы тянулись къ Капштату, или оттуда, съ людьми и товарами. Длинныя фуры, и еще болѣе длинные цуги быковъ, запряженныхъ попарно, отъ шести до двѣнадцати въ каждую фуру, тянулись непрерывною процессіей по дорогѣ. Волы эти, кромѣ длиннаго бича, ничѣмъ не управляются. Готтентотъ-кучеръ сидитъ обыкновенно на козлахъ, и если надо ему взять направо, онъ хлопаетъ бичомъ съ лѣвой стороны, и наоборотъ. Иногда волы еле-еле передвигаютъ ноги, а въ другой разъ, образуя цугомъ своимъ кривую линію, бѣгутъ крупной рысью. При встрѣчѣ съ экипажами, волы неохотно и довольно медленно даютъ дорогу; въ такомъ случаѣ изъ фуры выскакиваетъ обыкновенно мальчикъ-готтентотъ, которыхъ во всякой фурѣ бываетъ всегда по нѣсколько, и тащитъ весь цугъ въ сторону. Намъ попадалось особенно много пестро и нарядно одѣтаго народа, мужчинъ и женщинъ, пѣшихъ, верхами и въ фурахъ, все малайцевъ. Головы у всѣхъ были обвязаны бумажными платками, больше красными, клѣтчатыми. Мы и наканунѣ

видѣли ихъ много, особенно въ фурахъ. Такая фура очень живописна: представьте себѣ длинную телѣгу саженъ въ три, съ круглымъ сводомъ изъ парусины, набитую до того этимъ магометанскимъ народомъ, что нѣкоторые мужчины и дѣти, не помѣщаясь подъ холстиной, едва втиснуты туда, въ кучу публики, и торчатъ, какъ сверхкомплектныя полѣнья, въ возахъ съ дровами. Пары три воловъ медленно и важно выступаютъ съ этимъ звѣринцемъ. По вечерамъ обозы располагаются на бивуакахъ; отпряженные волы паслись въ кустахъ, пламя трескучаго костра далеко распространяло зарево и дымъ, путешественники группой сидѣли у дымящагося котла. Вандикъ объяснилъ намъ, что малайцы эти возвращаются изъ мѣстечка «Крамати», миляхъ въ 25 отъ Капштата, куда собираются въ одинъ изъ этихъ дней на поклоненіе похороненному тамъ какому-то своему пророку. Всѣ эти караваны богомольцевъ напоминали немного таборы нашихъ цыганъ, съ тою только разницею, что малайцы честны, трудолюбивы, и потому не голы и не дики на видъ.

Кромѣ малайцевъ, попадались готтентоты и негры. Первые везли или несли тяжести, шли на работу въ поденщики или съ работы. Между неграми мы встрѣчали многихъ съ котомками на палкахъ, но одѣтыхъ хорошо. — «А это что?» спросилъ я у Вандика. — «Это black people, черные, съ войны идутъ домой». Война съ каффрами только что кончилась; нѣкоторыя изъ негритянскихъ племенъ участвовали въ ней по приглашенію англійскаго правительства.

Много проѣзжало омнибусовъ, городскихъ каретъ, фермеровъ верхами, ѣхавшихъ или въ городъ, или оттуда. Было довольно весело, такъ что П. А. З. ни разу не затягивалъ похороннаго марша, а пѣлъ все про любовь. Мы переговаривались съ ученой партіей, указывая другъ другу то на красивый пейзажъ фермы, то на гору, или на выползшую

на дорогу ящерицу; спрашивали названіе травъ, деревьевъ, и въ свою очередь разсказывали про птицъ, которыхъ видѣли по дорогѣ, восхищались ихъ разнообразіемъ и красотой. Ученые съ улыбкой посматривали на насъ и другъ на друга, наконецъ объяснили намъ, что они не видали ни одной птицы и что, конечно, мы такъ себѣ думаемъ, что если ужъ заѣхали въ Африку, такъ надо и птицъ видѣть. Между тѣмъ птицы поминутно встрѣчались, и мы удивлялись, какъ это они не видали ни одной. А дѣло было просто: мы ѣхали впереди, а они сзади; птицы улетали, какъ только приближался нашъ картъ, такъ что второй не заставалъ ихъ на мѣстѣ.

Часовъ въ десять утра, мы пріѣхали въ мѣстечко Соммерсетъ, длиннымъ рядомъ построившееся у самой дороги, у подошвы горы. Все было зелено здѣсь: одноэтажные, каменные голландскіе домики, съ черепичными кровлями, едва были видны изъ-за дубовъ и сосенъ; около каждаго былъ палисадникъ, съ олеандровыми и розовыми кустами, съ толпой георгинъ и другихъ цвѣтовъ. Гора вдали, какъ декорація, зеленѣла сверху до подошвы. Весь этотъ пейзажъ — какъ будто не африканскій; слишкомъ свѣжъ, зеленъ, тѣнистъ и разнообразенъ для Африки. Мы пошли по мѣстечку къ горѣ. Едва сдѣлали шаговъ сто, какъ спутникъ нашъ В. идетъ съ кѣмъ-то подъ-руку и живо разговариваетъ. Это былъ нѣмецъ, миссіонеръ. Онъ совѣтовалъ намъ ѣхать по другой дорогѣ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ растетъ нѣсколько камфарныхъ деревьевъ, довольно рѣдкихъ здѣсь. Мы воротились къ станціи, къ такому же, какъ и прочіе, низенькому дому, съ цвѣтникомъ.

Собираемся, ищемъ В. — нѣтъ; заглянули въ одну комнату направо, родъ гостиной: тамъ двѣ какія-то путешественницы, а въ столовой В. уже завтракаетъ. Онъ бы не прочь и продолжать, но ученая партія на этотъ разъ пересилила, и мы отправились проселкомъ, по незавидной, изры-

той вчерашнимъ дождемъ дорогѣ. Вскорѣ мы выбрались однакожъ опять на шоссе и ѣхали по долинѣ, мимо множества фермъ. Сады ихъ окаймляли дорогу тѣнистыми дубами, кустами алоэ, но всего болѣе айвой, которая росла непроходимыми кустами, съ желтыми фруктами. Вы знаете айву? Это что-то въ родѣ крѣпкаго, кисловатаго яблока, съ терпкостью, отъ которой вяжетъ во рту; его ѣсть нельзя; изъ него дѣлаютъ варенье и т. п. Но З. выскочилъ изъ карта, набралъ цѣлую шляпу и ѣлъ. Вандикъ нарвалъ и далъ лошадямъ: тѣ тоже ѣли—больше никто. На вопросъ мой: — «хорошо ли?» З. ничего не сказалъ. Онъ еще принадлежитъ къ счастливому возрасту перехода отъ юношества къ возмужалости, оттого въ немъ наполовину того и другого. Кое-что въ немъ окрѣпло и выработалось: онъ любитъ и отлично знаетъ свое дѣло, серьезно понимаетъ и исполняетъ обязанности, строгъ къ самому себѣ и въ приличіяхъ—это возмужалость. Но безпеченъ насчетъ всего, что лежитъ внѣ его прямыхъ занятій; читаетъ, гуляетъ, спитъ, ѣстъ, съ одинаковымъ расположеніемъ, не отдавая ничему особаго преимущества—это остатки юношества. Возьметъ книгу, все равно какую, и оставитъ ее безъ сожалѣнія; ляжетъ и уснетъ, гдѣ ни попало и когда угодно; ѣстъ все безъ разбора, особенно фрукты. Послѣ ананаса и винограда онъ съѣстъ, пожалуй, рѣпу, виноградъ ѣстъ съ шелухой, «чтобъ больше казалось». Онъ очень милъ; у него много природнаго юмора, и онъ мастерски владѣетъ шуткой. Существо вѣчно поющее, хохочущее и разсказывающее, никогда никого не оскорбляющее и никѣмъ не оскорбляемое. Мы всѣ очень любимъ его. Ему также все равно, гдѣ ни быть: придутъ ли въ прекрасный портъ, или станутъ на якорь у безплодной скалы; гуляетъ ли онъ на берегу, или смотритъ на корабль за работами—онъ, или дѣлаетъ тѣло, тогда молчитъ и дѣлаетъ комически-серьезное лицо, или поетъ и хохочетъ. Онъ сію минуту уживается въ быту, въ который поставленъ. Бы-

даря ему, мы ни минуты не соскучились въ поѣздкѣ по колоніи: это былъ драгоцѣнный спутникъ.

День чудесный. Стало жарко. Лошади лѣнивой рысью тащились по песку; колеса визжали, жаръ морилъ; мы съ Б. К. молчали. Вандикъ, отъ нечего дѣлать, хлесталъ бичомъ по выползавшимъ на дорогу ящерицамъ. З. сначала билъ весело ногами о свою скамью: не въ его натурѣ было долго и смирно сидѣть на одномъ мѣстѣ. Онъ пѣлъ долго: *Сѣни новыя, кленовыя,* а потомъ мало-по-малу прималчивалъ, задирая, то меня, то Б., шуткой. Но насъ морили жаръ и тяжесть, и онъ, наскучивъ молчаніемъ, сморщился и затянулъ: *Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ.* Мы, молча, слушали, отмахиваясь отъ мухъ, оводовъ, и глядя по сторонамъ на большія горы, которыя толпой какъ будто шли намъ навстрѣчу. Вдругъ съ лѣвой стороны, изъ чащи кустовъ, шагахъ во ста отъ насъ впереди, выскочило какое-то красивое, бѣлое, съ черными пятнами, животное; оно однимъ махомъ перебросилось черезъ дорогу и стало неподвижно. — «Roe—buk! roe—buk!» сказалъ Вандикъ, указывая кнутомъ. Налѣво, откуда выскочилъ козелъ, кусты тихо шевелились: тамъ притаились маленькое стадо дикихъ козъ, которыя не смѣли слѣдовать за козломъ. И козелъ, и козы, замѣтивъ насъ, оставались въ нерѣшимости. Козелъ стоялъ, какъ окаменѣлый, въ полуоборотъ; закинувъ немного рога на спину и навостривъ уши, глядѣлъ на насъ. —«Какъ бы поближе подъѣхать и не испугать ихъ?» сказали мы. — «Надо вдругъ всѣмъ закричать, что̀ есть мо̀чи», научилъ Вандикъ: «и они на нѣсколько времени оцѣпенѣютъ на мѣстѣ». Зачѣмъ это онъ сказалъ! Боже мой, какъ мы заорали! особенно З. не пожалѣлъ легкихъ, и Вандикъ тоже. Но не успѣлъ затихнуть нашъ крикъ, какъ козелъ скакнулъ въ кусты и вмѣстѣ съ козами бросился назадъ. Мы всѣ вопросительно поглядѣли на Вандика. — «Что жъ ты, землякъ, худо знаешь натуральную

исторію?» замѣтилъ З. «Аплъ!» крикнулъ Вандикъ на лошадь, и мы поѣхали дальше. Но долго еще видѣли, какъ мчались козы въ кустахъ, шевеля вѣтвями, и потомъ бросились бѣжать въ гору, а мы спустились съ горы. Мѣстность значительно начала измѣняться: горы все ближе къ намъ; мы ѣхали по ихъ отлогостямъ, то взбираясь вверхъ, то опускаясь.

Къ обѣду мы подъѣхали къ прекрасной рѣчкѣ, обстановленной такими пейзажами, что даже самъ приличный и спокойный Вандикъ съ улыбкой указалъ намъ на одинъ живописный оврагъ, осѣненный деревьями. — «Very nice place!» (прекрасное мѣсто) замѣтилъ онъ. Мы переѣхали рѣчку черезъ длинный каменный мостъ, съ одной аркой, еще не совсѣмъ конченный. — «Кто строитъ этотъ мостъ?» спросилъ я. — «Стелленбошскій каретникъ», отвѣчалъ онъ. — «Какъ такъ: гдѣ же онъ учился?» — «А нигдѣ; онъ даже никуда не выѣзжалъ отсюда». Прямо съ моста мы въѣхали какъ будто въ садъ. Насъ съ экипажами совсѣмъ поглотила зелень, тѣнь и свѣжесть. Все сады, сады, такъ что домовъ не видно: это мѣстечко «Стелленбошъ». Широкія-преширокія улицы пересѣкались подъ прямыми углами. Красивѣе и больше дубовъ я нигдѣ не видалъ: подъ ними прятались низенькіе одноэтажные дома, голландской постройки. Улицы такъ длинны, что конца нѣтъ: версты двѣ и болѣе.

Мы долго мчались по этимъ аллеямъ, и, наконецъ, въ самой длинной и, повидимому, главной улицѣ остановились передъ крыльцомъ. Бѣлыхъ жителей не видно по улицамъ ни души: еще было рано и жарко, только черные бродили кое-гдѣ, или проѣзжали верхомъ, да работали. Мы вошли въ пустыя, прохладныя комнаты, убранныя просто, почти бѣдно. Мы отворили дверь изъ залы и остановились на порогѣ передъ оригинальной картиной фламандской школы. Комната была высокая, съ деревяннымъ поломъ, заставлена ветхими деревянными, совершенно почернѣвшими отъ вре-

мени шкапами и разной домашней утварью. У стѣны стоялъ диванъ, отчасти съ провалившимся сидѣньемъ; передъ нимъ круглый столъ, покрытый грубой скатертью; кругомъ стѣнъ простыя скамьи и табуреты. На одной скамьѣ сидѣла очень старая старуха, въ голландскомъ чепцѣ, безъ оборки, и макала сальныя свѣчки; другая, пожилая женщина, сидѣла за прялкой; третья, молодая дѣвушка, съ буклями, совершенно бѣлокурая и совершенно бѣлая, цвѣта топленаго молока, съ бѣлыми бровями и свѣтлоголубыми, съ бѣлизной, глазами, суетилась по хозяйству. Служанкой была плотная и высокая мулатка. Сросшіяся брови и маленькій лобъ не мѣшали ей кокетливо играть своими черными, какъ деготь, глазами. Все остановилось, какъ мы вошли. Всѣ встали съ мѣстъ. Хозяйки привѣтливой улыбкой отвѣчали на наши поклоны и принялись суетиться, убирать свѣчи, прялку, всю утварь, очищая намъ мѣсто сѣсть.—«Что у васъ есть къ обѣду?» спросилъ В.—«Мы изготовимъ», отвѣчали онѣ.—«Есть говядина, баранина?»—«Говядины нѣтъ, а есть курица и свинина.»—«А зелень есть?»—«И зелень есть».—«А фрукты», спросилъ З.: «виноградъ, напримѣръ, апельсины, бананы?» —«Апельсиновъ и банановъ нѣтъ, а есть арбузы и фиги».—«Хорошо, хорошо. Давайте арбузовъ и фигъ, и еще нѣтъ ли чего?»

Поднялась возня: мы поставили вверхъ дномъ это мирное хозяйство. Дверцы шкаповъ пошли хлопать, миски, тарелки звенѣть; на кухнѣ затрещалъ огонь; женщины забѣгали взадъ и впередъ. Я вышелъ на дворъ, на широкое крыльцо, густо осѣненное, какъ вездѣ здѣсь, виноградными лозами. Кисти крупнаго, желтаго винограда соблазнительно висѣли по трельяжу. Негръ съ лѣсенкой переходилъ отъ одной кисти къ другой и рѣзалъ лучшія намъ къ обѣду. Черная, какъ поношенный атласъ, старуха-негритянка, съ платкомъ на головѣ, чистила ножи. Увидѣвъ меня, она высунула мнѣ языкъ. За мной показался З.: и ему тоже. Ему

ужасно понравилось это, и онъ пригласилъ меня смотрѣть, какъ она будетъ привѣтствовать другихъ нашихъ товарищей, которые шли за нами. Хозяйка, замѣтивъ, какъ встрѣчаетъ насъ арабка, показала на нее, потомъ на свою голову, и поводила пальцемъ по воздуху взадъ и впередъ, давая знать, что та не въ своемъ умѣ. Маленькій дворъ былъ дополненіемъ этого хозяйства. Туда же успѣлъ забраться Вандикъ съ обоими экипажами. Онъ, съ помощью мальчишки и другого кучера, отпрягъ лошадей и привязалъ ихъ въ тѣни, по разнымъ угламъ. Хозяйство было небольшое, но полное, у этой африканской Коробочки. Свиньи и домашнія птицы ходили по двору, а рядомъ зеленѣлъ садъ. Яркая зелень банана рѣзко оттѣнялась на фонѣ темнозеленыхъ фиговыхъ и грушевыхъ деревьевъ. Изъ-за забора глядѣли красные цвѣты шиповника.

Мы съ Б. пошли гулять на улицу. Вездѣ зелено: все сады да аллеи. Мы дошли до конца улицы и уперлись въ довольно-большую протестантскую церковь, съ оградой. Направо стоялъ большой домъ, казенный: домъ здѣшняго правленія; передъ нимъ дубы достигли необыкновеннаго роста и объема. Вѣроятно эти деревья ровесники мѣстечку, а оно старше почти всѣхъ другихъ въ колоніи: оно основано двѣсти лѣтъ назадъ и названо въ честь тогдашняго губернатора, по имени Стелленъ, и жены его, урожденной Бошъ. Любуясь зеленью садовъ, мы повернули налѣво, въ узенькую улицу и вышли за городъ. Съ одной стороны передъ нами возвышалась гора, мѣстами голая, мѣстами съ зеленью; кругомъ была долина, одна изъ самыхъ обработанныхъ; вдали фермы. Мы воротились въ городъ и пошли по узенькому ручью, въ которомъ черныя бабы полоскали бѣлье. По ручью стояли мазанки готтентотовъ и негровъ; кое-гдѣ мелочныя лавочки. Улицы все — шоссе. У одного дома европейской наружности, повидимому, почтоваго, стояло нѣсколько каретъ, колясокъ и картъ; около

нихъ толпились путешественники обоихъ половъ — все англичане.

Мы застали уже накрытый столъ, и хозяйки, стоя вокругъ, приглашали насъ сѣсть: мы не заставили долго просить себя. Онѣ ласково смотрѣли на насъ и походили, въ своихъ, стариннаго покроя, платьяхъ, съ блѣдными лицами и грустными взглядами, на полинявшіе портреты добрыхъ предковъ. Чего только не было наставлено на столѣ: это лавочка съѣстныхъ припасовъ. Миски и тарелки разнокалиберныя; у графиновъ разныя пробки, а у судковъ и вовсе нѣтъ; перечница съ отбитой головкой — бѣдность и радушіе. Какъ много Б. съѣлъ мяса и живности, З. фруктовъ, я всего — и говорить нечего. Арбузы, продолговатые, формой похожіе на дыни, были и красны, и слѣдки, такъ что мы заказали себѣ ихъ на дорогу.

Стелленбошъ славится въ колоніи своею зеленью, фруктами и здоровымъ воздухомъ. Отъ этого сюда стекаются инвалиды и иностранцы, нанимаютъ дома и наслаждаются тѣнью и прогулками. Въ недѣлю два раза ходятъ сюда изъ Капштата омнибусы; ѣзды всего по прямой дорогѣ часовъ пять. Окрестности живописны: все холмы и долины. Почва состоитъ изъ глины, наноснаго ила, желѣзняка и гранита. Въ самомъ Стелленбошѣ считается около четырехъ, а въ округѣ около пяти тысячъ жителей. Мѣстечко замѣчательно еще школой, одной изъ лучшихъ въ колоніи. Оттуда вышло нѣсколько хорошихъ учителей для другихъ мѣстъ. Преподаютъ все, что входитъ въ кругъ классическаго воспитанія. Кто знаетъ, какой дубъ учености вырастетъ современемъ въ этой старинной, но еще молодой и формирующейся на новый ладъ колоніи? Можетъ-быть, Стелленбошская коллегія будетъ современемъ африканскимъ Геттингеномъ, или Оксфордомъ. «Молодая колонія» я сказалъ: да, потому что, лѣтъ какихъ-нибудь тридцать назадъ, здѣсь, ни о дорогахъ, ни о страховыхъ компаніяхъ, ни объ улучшеніи быта чер-

ныхъ, не думали. И нынче еще, упорный въ ненависти къ англичанамъ, голландскій фермеръ, опустивъ поля шляпы на глаза, въ сѣрой курткѣ, трясется верстъ сорокъ на клячѣ верхомъ, вмѣсто того, чтобъ сѣсть въ омнибусъ, который, за три шиллинга, часа въ четыре, привезетъ его на мѣсто. А фермеры эти не бѣдны: у нѣкоторыхъ хозяевъ отъ семи до восьми тысячъ руб. сер. годового дохода. Въ стелленбошскомъ округѣ главное произведеніе все-таки вино, потомъ пшеница, дубъ, картофель, и т. п. предметы.

Часовъ въ пять, когда жара спала, все оживилось: жалюзи открылись; на крыльцахъ появилось много добрыхъ голландскихъ фигуръ, мужскихъ и женскихъ. Я встрѣтилъ нашего доктора, и съ нимъ двухъ, если не нѣмцевъ, то изъ нѣмцевъ. Два датчанина, братья, докторъ и аптекарь, завели его къ себѣ въ домъ, показывали садъ. Я познакомился съ ними, и мы пошли за городъ, къ мосту, черезъ мостъ по полю, и уже темнымъ вечеромъ, почти ощупью, воротились въ городъ. Датчане завели насъ къ себѣ и непремѣнно хотѣли угостить главнымъ капскимъ произведеніемъ, виномъ. Это былъ для меня трудный подвигъ: пить, да еще послѣ обѣда! А они подали три-четыре бутылки и четыре стакана. — «Вотъ это фронтиньякъ, это ривезальтъ». [illegible] они, наливая то того, то другого вина, и я на[illegible] въ одномъ сходство съ chambertin: вино было точно [illegible] Хозяева сказали, что пришлютъ [illegible] бутылокъ вина въ Капштатъ, въ нашу [illegible] ни проводили насъ до нашей квартиры.

[illegible] ночи были невыразимо-пріятны: ни [illegible] звѣзды такъ и глазѣли съ неба, сильно [illegible] люди и говоръ. Изъ нашей [illegible] изъ оконъ лился свѣтъ. [illegible] круглаго стола и пили мико[illegible] сахаромъ. Это пародія на [illegible] чая. За столомъ

было новое лицо: пожилой, полный человѣкъ, съ румянымъ, добрымъ, смѣющимся лицомъ. — «Г. Ферстфельдъ, мѣстный докторъ», сказалъ намъ П. — «Что жъ онъ на насъ такъ странно смотритъ и откуда вы его взяли?» спросилъ я.— «Самъ пришелъ: узналъ, что русскіе пріѣхали, пришелъ посмотрѣть; никогда, говоритъ, не видалъ».

Докторъ и самъ подтвердилъ это. Онъ порядочно говорилъ по-французски и откровенно объяснилъ, что онъ такъ много слышалъ и читалъ о русскихъ, что не могъ превозмочь любопытства и пришелъ познакомиться съ нами.—«Я занимаюсь немного естественными науками, геологіей, и неестественными: френологіей; люблю также этнографію. Поэтому мнѣ очень интересно взглянуть на русскій типъ», говорилъ онъ, поглядывая съ величайшимъ вниманіемъ на Б. К., на нашего доктора В. и на П.: а они всѣ трое были не русскаго происхожденія.—«Такъ вотъ какой типъ!» говорилъ онъ, продолжая глядѣть на нихъ. Мы едва крѣпились отъ смѣху. —«А это какой типъ?» спросилъ я, указывая на З. — «Это...» онъ серьезно и долго вглядывался въ него: «это... монгольскій». Мы-было засмѣялись, но докторъ, кажется, правъ: у З. дѣйствительно татарскія черты.— «Ну, а этотъ?» показывали мы на Г. Онъ долго думалъ.— «Онъ десять лѣтъ жилъ въ Китаѣ», замѣтилъ кто-то про Г. — «А вѣдь онъ похожъ на китайца!» замѣтилъ Ферстфельдъ. Мы хохотали, и онъ съ нами. Г. былъ изъ малороссіянъ. Чисто-русскіе были только З. и я.—«Да, русскіе сильны: о! о нихъ много-много слуху!» говорилъ онъ. Онъ ожидалъ, кажется, увидѣть богатырей, а можетъ-быть, людей немного звѣрской наружности, и удивился, когда узналъ, что Г. занимается тоже геологіей, что у насъ много ученыхъ, есть литература.

Это все такъ заняло его, что онъ и не думалъ уходить: а пора было спать. Вандикъ наотрѣзъ отказался ѣхать:— «Дорога дурна», объявилъ онъ, улыбаясь. Голландскій док-

торъ настаивалъ, чтобъ мы непремѣнно посѣтили его на другой день, и объявилъ, что самъ поѣдетъ проводить насъ миль за десять и завезетъ въ гости къ пріятелю своему, фермеру.

На ночь насъ развели по разнымъ комнатамъ. Но какъ особыхъ комнатъ было только три, и въ каждой по одной постели, то пришлось по одной постели на двоихъ. Но постели таковы, что на нихъ могли бы лечь и четверо. На другой день, часу въ восьмомъ, Ферстфельдъ явился за нами въ кабріолетѣ, на парѣ прекрасныхъ лошадей.

Мы выѣхали по свѣжей утренней прохладѣ и проѣзжали по дорогѣ между фермами, какъ между дачами, по зеленымъ холмамъ. Я забылъ сказать, что наканунѣ у одной дачи намъ указали камфарное дерево. Мы вышли и нарвали себѣ нѣсколько вѣтокъ, съ листьями и плодами, величиной съ крупную горошину, отъ которыхъ вдругъ въ экипажахъ разлился запахъ, напоминающій зубную боль и подушечки. Дерево не очень красиво: оно показалось мнѣ похожимъ немного на нашу осину, только листья другіе, продолговатые, толще и глаже; при треніи они издавали сильный запахъ камфары. Ферстфельдъ останавливалъ наше вниманіе на живописныхъ мѣстахъ: то указывалъ холмъ, густо-поросшій кустарникомъ, то бѣлѣвшуюся на скатѣ горы, въ рытвинѣ, ферму съ ея пристройками. Мы выходили изъ экипажей и брали по сторонамъ [illegible], кто камень, кто травы, [illegible] цвѣты. М[illegible] тѣмъ [illegible] у на- [illegible]

veri nice horse!» (славная лошадка!) прибавилъ потомъ. — «Что жъ не вымѣнялъ?»—«Не отдаютъ; да не уйдетъ она отъ меня!»

Эти шесть миль, которыя мы ѣхали съ докторомъ, большею частью по побочнымъ дорогамъ, были истиннымъ истязаніемъ, несмотря на живописные овраги и холмы: дорогу размыло дождемъ, такъ что по горамъ образовались глубокія рытвины, и экипажи наши не катились, а перескакивали черезъ нихъ. Надо отдать справедливость Вандику: онъ въ искусствѣ владѣть вожжами стоитъ, если не выше, то такъ же высоко, какъ его соименникъ въ искусствѣ владѣть кистью. Вотъ гора и на ней три рытвины, какъ три вѣтви, идутъ въ разныя стороны, а между рытвинами значительный горбъ — это задача. Какъ бы, кажется, не поломать тутъ колесъ, и даже реберъ, и какъ самымъ смирнымъ лошадямъ не потерять терпѣніе и не взбѣситься, карабкаясь то на горбъ, то оступаясь въ яму? Можетъ-быть оно такъ бы и случилось у другого кучера, но Вандикъ заберетъ въ руки и расположитъ всѣ вожжи между полуаршинными своими пальцами и начнетъ играть ими, какъ струнами, трогая то первую, то третью или четвертую. Отъ этихъ искусныхъ маневровъ, двѣ переднія лошади идутъ по горбу, а рытвина остается между ними; если же онѣ и спускаются въ нее, то такъ тихо и осторожно, какъ будто пасутся на лугу. Иногда имъ приходится лѣпиться по косогору налѣво, а экипажъ спускается съ двумя другими лошадьми въ рытвину направо и колышется, какъ челнокъ на гладкихъ, округленныхъ волнахъ. И это поминутно. Когда мы стали жаловаться на дорогу, Вандикъ улыбнулся и, указывая бичомъ на ученую партію, кротко молвилъ: — «А капитанъ хотѣлъ вчера ѣхать по этой дорогѣ ночью!» Ручейки, ничтожные наканунѣ, раздулись такъ, что лошади шли по брюхо въ водѣ. Солнце всходило высоко; утренній вѣтерокъ замолкалъ; становилось тихо и жарко; кузнечики тре-

щали, стрекозы начали рѣять по травѣ и кустамъ; къ намъ врывался по временамъ въ картъ оводъ, или шмель, кружился надъ лошадьми и несся дальше, а не то, такъ затрепещетъ крыльями надъ головами нашими большая, какъ птица, черная или красная бабочка, и вдругъ упадетъ въ сторону, въ кусты.

З. только-было запѣлъ: *Не билъ барабанъ*, пока мы взбирались на холмъ, но не успѣлъ кончить первой строфы, какъ мы вдругъ остановились, лишь только въѣхали на вершину, и очутились передъ широкимъ крыльцомъ большого одноэтажнаго дома, передъ которымъ уже стоялъ кабріолетъ Ферстфельда. Кругомъ насъ расположены были строенія, сараи и разныя службы. Налѣво отъ дому, по холму, идетъ довольно большой садъ, сзади дома виноградники, и тоже садъ, дальше дикіе кусты. Это была голландская ферма Эльзенборъ, принадлежащая пріятелю доктора.

Ферстфельдъ пошелъ въ домъ, а мы остались у крыльца. Черезъ минуту онъ возвратился съ хозяиномъ и приглашалъ насъ войти. На порогѣ стоялъ высокій, съ просѣдью, старикъ, съ нависшими бровями, въ длинной суконной курткѣ, закрывавшей всю поясницу, почти въ такомъ же длинномъ жилетѣ, въ широкихъ нанковыхъ, падавшихъ складками около ногъ панталонахъ. Отъ дома и отъ него такъ и повѣяло Поль Поттеромъ, Міерисомъ, Теньеромъ. Онъ, протянувъ руку, стоялъ, не шевелясь, на порогѣ, но смотрѣлъ такъ кротко и ласково, что у него улыбались всѣ черты лица. На крыльцѣ лежало безчисленное множество тыквъ: шагая между ними, мы добрались до хозяина и до его руки, которую потрясли всѣ по очереди.

Наконецъ мы у голландскаго фермера въ гостяхъ, на Капѣ, въ Африкѣ! Сколько описаній читалъ я о фермерахъ, о ихъ жизнь-сыскѣ, какъ жадно слѣдилъ за приключеніями, за [illegible]

нибудь... Мы вошли въ большую залу, изъ которой пахнуло на насъ прохладой. Въ дверяхъ гостиной встрѣтили насъ три новыя явленія: хозяйка въ бѣломъ чепцѣ, съ узенькой оборкой, въ коричневомъ платьѣ; дочь, хорошенькая дѣвочка лѣтъ 13, глядѣла на насъ такъ молодо, свѣжо, съ дѣтскимъ застѣнчивымъ любопытствомъ, въ такомъ костюмѣ, какъ мать, и еще какая-то женщина, гостья, или родственница. Онѣ знаками пригласили насъ войти въ гостиную. Я не вѣрилъ глазамъ: ужели это фермеръ, крестьянинъ? Гостиная была еще больше залы; въ ней царствовалъ полумракъ, какъ въ модномъ будуарѣ; посреди стоялъ массивный, орѣховаго дерева столъ, заваленный разными рѣдкостями, раковинами и т. п. предметами. По угламъ гнѣздились тяжелые, но красивые старинные диваны и кресла; по срединѣ комнаты группировались крытыя штофомъ козетки; не было уже шкаповъ и посуды. У оконъ и дверей висѣли плотныя шелковыя драпри изъ матерій, какихъ не дѣлаютъ нынче; чистота была неимовѣрная: жаль было ступать ногами по этимъ лакированнымъ поламъ. Я боялся сѣсть на козетку: на ней, кажется, никто никогда не сидѣлъ; видно, комнаты выметаются, чистятся, показываются гостямъ, потомъ опять выметаются и запираются надолго. Мы сначала молчали, разглядывая другъ друга. Мы видѣли, что хозяева ни за что не начнутъ сами разговора.

Наконецъ П. заговорилъ по-голландски, извинялся въ нечаянномъ и, можетъ-быть, нескромномъ посѣщеніи. Старикъ неторопливо, безъ увѣреній, безъ суеты, кротко возразилъ, что онъ «радъ такимъ гостямъ издалека». И видно, что въ самомъ дѣлѣ былъ радъ. Боже мой! какъ я давно не видалъ такого быта, такихъ простыхъ и добрыхъ людей, и какъ радъ былъ бы подольше остаться тутъ! — «Что жъ они, дадутъ ли завтракать?» съ любопытствомъ шепнулъ мнѣ Б.: «этого требуетъ гостепріимство». — «Да вѣдь вы завтракали». — «Вы кофе называете завтракомъ—

хорошенько, и просили отвѣдать наскоро приготовленнаго сельскаго завтрака. Мы пришли въ свѣтлую, пространную столовую, на стѣнѣ которой красовался вырѣзанный изъ дерева голландскій гербъ. Посрединѣ накрытъ былъ длинный столъ и уставленъ множествомъ блюдъ съ фруктами. У З. глаза разбѣжались, а Б. сдѣлалъ гримасу. Тутъ дымились чайники, кофейники той формы, какъ вы видите ихъ на фламандскихъ картинахъ. На блюдахъ лежалъ виноградъ нѣсколькихъ сортовъ, фиги, гранаты, груши, арбузы. Потомъ маленькія булки, горячія до того, что нельзя взять въ руку, и отличное сливочное масло. Тутъ же яйца, творогъ, картофель, сливки и нѣсколько бутылокъ стараго вина — все произведеніе фермы. Хозяева наслаждались, глядя, съ какимъ удовольствіемъ мы, особенно З., переходили отъ одного блюда къ другому. Чрезъ полчаса столъ опустошенъ былъ до основанія. Вино было, старый фронтиньякъ, отличное.— «Что это», ворчалъ Б.: «даже ни цыпленка! Охота таскаться по этакимъ мѣстамъ!»

Мы распрощались съ гостепріимными, молчаливыми хозяевами и съ смѣющимся докторомъ. — «Я надѣюсь съ вами увидѣться», кричалъ докторъ: «если не на возвратномъ пути, такъ я пріѣду въ [illegible] тамъ у меня служитъ [illegible] на самый [illegible] [illegible]».

[illegible]

Это мѣсто дѣйствительно перлъ во всей колоніи, по красотѣ мѣстоположенія, по обилію и качеству произведеній, особенно вина.

Взглядъ не успѣвалъ ловить подробностей этой большой, широко-раскинувшейся картины. Прямо лежитъ на отлогости горы мѣстечко, съ своими, идущими, частью правильнымъ амфитеатромъ, частью безпорядочно перегибающимися по холмамъ улицами, съ утонувшими въ зелени маленькими домиками, съ виноградниками, полями маиса, съ близкими и дальними фермами, съ бѣгущими во всѣ стороны дорогами. Налѣво гора Паарль, которая, картинною разнообразностью пейзажей, яркой зеленью, не похожа на другія здѣшнія горы. Полуденное солнце обливало ее всю ослѣпительнымъ блескомъ. На покатости ея, недалеко отъ вершины, сверкали какія-то три свѣтлыя полосы. Сначала я принялъ ихъ за кристаллизацію соли, потомъ за горный хрусталь, но мнѣ показалось, что онѣ движутся. Солнечные лучи такъ ярко играли въ этихъ стальныхъ полосахъ, что больно было глазамъ. — «Что это такое?» спросилъ я Вандика. — «Каскады», отвѣчалъ онъ: «теперь они чуть-чуть льются, а зимой текутъ потоками: very nice!» Ну, для каскадовъ это не слишкомъ грандіозно! Они напоминаютъ тѣ каскады, которые дѣлаютъ изъ стекла въ столовыхъ часахъ. На южной оконечности горы издалека былъ виденъ, какъ будто руками человѣческими обточенный, громадный камень: это diamond — *алмазъ*, камень-пещера, въ которой можно пообѣдать человѣкамъ пятнадцати. По горѣ, между густой зеленью, мѣстами выбѣгали и опять прятались тропинки, по которымъ, казалось, могли бы ползать развѣ муравьи; а кое-гдѣ выглядывала угрюмо изъ травы кучка сѣрыхъ камней, образуя горбъ, тамъ рытвина, заросшая кустами. Мы въѣхали въ самое мѣстечко, и я съ сожалѣніемъ оторвалъ взглядъ отъ живописной горы.

Домики, что за домики — игрушки! Площадки, обвитыя

Не успѣли мы расположиться въ гостиной, какъ вдругъ явились, вмѣсто одной, двѣ, и даже двѣ съ половиною дѣвицы: прежняя, потомъ сестра ея, такая же зрѣлая дѣва, и еще сестра, лѣтъ двѣнадцати. Ситцевое платье исчезло, вмѣсто его появились кисейные спенсеры, съ прозрачными рукавами, легкія изъ муслинъ-де-лень юбки. Сверхъ того, у старшей была синева около глазъ, а у второй на носу и на лбу, по прыщику; у обѣихъ видъ невинности на лицѣ. Напротивъ маленькая дѣвочка смотрѣла совсѣмъ мальчишкой: бойко глядѣла на насъ, бѣгала, шумѣла. Сестры сказывали, что она, между прочимъ, водитъ любопытныхъ проѣзжихъ на гору показывать *Алмазъ*, каскады, и вообще пейзажи.

Дѣвицы вошли въ гостиную, открыли жалюзи, сѣли у окна и просили насъ тоже садиться, какъ хозяйки не отеля, а частнаго дома. Больше никого не было видно. — «А кто это занимается у васъ охотой?» спросилъ я. — «Па», отвѣчала старшая. — «Вы однѣ съ нимъ живете?» — «Нѣтъ; у насъ есть ма», сказала другая. Разговоръ остановился пока на этомъ. Дѣвицы сидѣли потупя глаза, а мы мучительно вырабатывали въ головѣ англійскія фразы полюбезнѣе. Дѣвицы, казалось, ожидали этого. — «А обѣдъ скоро будетъ готовъ?» вдругъ спросилъ Б., послѣ долгаго молчанія. — «Да». — «Спросите есть ли у нихъ виноградъ», прибавилъ З.: — «если есть, такъ чтобъ побольше подали; да нельзя ли банановъ, арбузовъ?...» Меня занимали давно два какіе-то красные шарика, которые я видѣлъ на столѣ, на блюдечкѣ. — «Что это такое?» спросилъ я. — «Ядъ», скромно отвѣчала одна. — «Для кого вы держите его?» — «Па гдѣ-то досталъ, такъ...» — «Это вы занимаетесь музыкой?» — «Да», отвѣчала старшая. — «Нельзя ли спѣть?» стали мы просить. Она начала немного жеманиться, но потомъ сѣла за фортепіано и пѣла много и долго, то шотландскую мелодію, то южный, полуиспанскій, полуитальянскій романсъ. Не спрашивайте,

хорошо ли она пѣла. Скажу только, что Б., который сначала-было затруднялся, по просьбѣ хозяекъ, пѣть, смѣло сѣлъ и, Боже мой, какъ и что онъ пѣлъ! Только и позволительно пѣть такъ передъ обѣдомъ, съ голоду, и притомъ въ Африкѣ. Къ счастью, среди пѣнія, въ гостиную заглянула черная, курчавая голова и, оскаливъ зубы, сказала африканскимъ барышнямъ что-то по-голландски. Б., нужды нѣтъ, что̀ сидѣлъ спиной къ дверямъ, сейчасъ догадался, что̀ это значитъ.—«Обѣдъ готовъ», сказалъ онъ.—«Другихъ еще нѣтъ», возразили мы. — «Нужды нѣтъ, мы ѣсть не станемъ, посмотримъ только». Между множествомъ наставленныхъ на столѣ жареныхъ и вареныхъ блюдъ, говядины, баранины, ветчины, свинины и т. п., привлекло наше вниманіе одно блюдо, съ салатомъ изъ розоваго лука. Мы попробовали, да и не могли отстать: лукъ сладковатый, слегка ѣдокъ, и только напоминаетъ запахъ нашего лука. Большой салатникъ вскорѣ опустѣлъ.—«Еще салату!» приказалъ Б., и когда наши воротились, мы принялись, какъ слѣдуетъ, за супъ и своимъ порядкомъ дошли опять до третьяго салатника.

Послѣ обѣда пробовали ходить, но жарко: надо было достать бѣлыя куртки. Онѣ и есть въ чемоданѣ, да прошу до нихъ добраться безъ помощи человѣка!—«Нѣтъ, ужъ лучше пусть жарко будетъ!..» заключили нѣкоторые изъ насъ.

Подлѣ отеля былъ новый, двухъэтажный домъ, внизу двери открыты настежь. Мы заглянули: магазинъ. Тутъ все: шляпы, перчатки, готовое платье и проч. Торгуютъ голландцы. Въ мѣстечкѣ учреждены банки и другія общественныя заведенія. Паарльскій округъ производитъ лучшее вино, послѣ констанскаго, и много водки. Здѣсь дѣлаютъ также *карты*, то-есть дорожные капскіе экипажи, въ какихъ и мы ѣхали. Я видѣлъ щегольски-отдѣланные, неуступающіе городскимъ каретамъ. Вандикъ купилъ себѣ новый «картъ», кажется, за сорокъ фунтовъ. Тотъ, въ которомъ

мы ѣхали, еле-еле держался. Онъ самъ не разъ [illegible] опасеніе, чтобъ онъ не развалился гдѣ-нибудь на [illegible]. Однакожъ онъ въ новомъ насъ не повезъ.

Здѣсь есть компанія омнибусовъ. Омнибусъ [illegible] два раза изъ К[illegible]. Когда вы будете на [illegible] Надежды, я вамъ совѣтую не хлопотать ни о [illegible] если вздумаете посмотрѣть [illegible] отправляйтесь съ маленькимъ чемоданчикомъ въ [illegible] въ центру омнибусовъ: тамъ [illegible] и за четыре [illegible] больше.

[illegible]

львы и носороги, ни Абдель-Кадеры и Сандильи, ни даже— что хуже того и другого—сама Сахара не помѣшаютъ этому. Ужъ о-сю пору омнибусы ходятъ по колоніи, водку дистиллируютъ; есть отели, магазины, барышни въ букляхъ, фортепіано—далеко ли до полнаго успѣха? Есть проектъ желѣзной дороги внутрь колоніи и посланъ на утвержденіе лондонскаго министерства; но боятся, что не окупится постройка: еще рано. До сихъ поръ одни только готтентоты оказали нѣкоторую склонность къ осѣдлости, къ земледѣлію, и особенно къ скотоводству, и изъ нихъ составилась цѣлая область. Тамъ они у себя хозяева. Пашутъ хлѣбъ, разводятъ скотъ и, подъ защитою англійскихъ штыковъ, менѣе боятся набѣговъ каффровъ.

Мы ѣхали широкой долиной. На глазомѣръ она простиралась верстъ на пять въ ширину. Нельзя нарочно правильнѣе обставить горами, какъ обставлена эта долина. Она вся заросла кустами и сѣдой травой, похожей на полынь. Въ одномъ мѣстѣ, подъѣхали къ рѣчкѣ, порядочно раздувшейся отъ дождей. Надо было переправляться въ бродъ; напрасно Вандикъ понукалъ лошадей: онѣ не шли.—«Аплъ!» крикнетъ онъ, направляя ихъ въ воду, но переднія двѣ, только коснутся ногами воды и вдругъ возьмутъ направо, или налѣво, къ берегу. Вандикъ крикнулъ что-то другому кучеру, и изъ другого карта выскочилъ нашъ коричневый спутникъ, мальчишка-готтентотъ, засучилъ панталоны и потащилъ лошадей въ воду; но вскорѣ ему стало очень глубоко, и онъ воротился на свое мѣсто, а лошади ушли по брюхо. Дно было усыпано мелкимъ булыжникомъ и колеса производили такую музыку, что даже заставили замолчать З., который пѣлъ на всю Африку: «*Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя!*» или «*У Антона дочка*» и т. п.

Весело и бодро мчались мы подъ теплыми, но нежгучими лучами вечерняго солнца, и на закатѣ, вдругъ прямо изъ кустовъ, въѣхали въ Веллингтонъ. Это мѣстечко построено

въ ямѣ, тѣсно, бѣдно и неправильно. Съ сотню голландскихъ домиковъ, мазанокъ, разбросано между кустами, дубами, огородами, виноградниками и полями съ маисомъ и другого рода хлѣбомъ. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ-нибудь, живетъ черныхъ. Проѣхали мы черезъ какой-то переулокъ, узенькій, огороженный плетнемъ и кустами кактусовъ и алоэ, и выѣхали на большую улицу. На верандѣ одного дома сидѣли двѣ или три дѣвицы и прохаживался высокій, плотный мужчина, съ просѣдью.—«Вонъ и мистеръ Бенъ!» сказалъ Вандикъ. Мы поглядѣли на мистера Бена, а онъ на насъ. Онъ продолжалъ ходить, а мы поѣхали въ гостинницу—маленькій и дрянной домикъ, съ большой, красивой верандой. Я тутъ и остался. Вечеръ былъ тихъ. Съ неба ужъ сходилъ румянецъ. Кое-гдѣ прорѣзывались звѣзды.

— «Пойдемте къ Бену съ визитомъ», сказалъ Б. — «Да прежде надо спросить хозяина, что онъ дастъ намъ ужинать». Кто же тутъ хозяинъ? Тутъ ихъ было два: одинъ вертѣлся на балконѣ, въ передникѣ, не совсѣмъ причесанный и бритый англичанинъ, и давно распоряжался переноской нашихъ вещей въ комнаты. Другой въ пальто и круглой шляпѣ, на улицѣ у крыльца, принималъ дѣятельное участіе въ нашемъ водвореніи въ гостинницу. Кромѣ ихъ, мальчишка-негръ и дѣвчонка-негритянка хлопотали около вещей. — «Нѣтъ, мнѣ не хочется къ Бену», отвѣчалъ я Б.: «жаль оставить балконъ. Теперь поздно: завтра утромъ».

Между тѣмъ ночь сошла быстро и незамѣтно. Мы вошли въ гостиную, маленькую, бѣдно-убранную, съ портретами королевы Викторіи и принца Альберта въ парадномъ костюмѣ ордена Подвязки. Тутъ же былъ и портретъ хозяина: я узналъ такимъ образомъ, который [illegible]: это — небритый, въ рубашкѣ и передникѣ [illegible] въ насъ, [illegible] хотя, такъ какъ [illegible] [illegible]. Еслибъ мы [illegible] и объявилъ, что [illegible] Бенъ [illegible]

Мы отдали ему рекомендательное письмо отъ нашего банкира изъ Капштата. Онъ прочелъ и потомъ изъявилъ опасеніе, что намъ, по случаю воскресенья, не удастся видѣть всего замѣчательнаго.—«Впрочемъ, ничего», прибавилъ онъ:—«я постараюсь кое-что показать вамъ».

Разговоръ зашелъ о геологіи, любимомъ его занятіи, которымъ онъ пріобрѣлъ себѣ уже репутацію въ Англіи и готовился, неизданными трудами, пріобрѣсти еще болѣе громкое имя. — «Я покажу вамъ свою геологическую карту», сказалъ онъ и ушелъ за ней домой. Черезъ четверть часа онъ воротился съ огромной и великолѣпной картой, гдѣ подробно означены формаціи всѣхъ горъ, отъ самаго Мыса до внутреннихъ границъ колоніи. Карта начерчена изящно. Трудился одинъ Бенъ; помощниковъ въ этой глуши у него не было. Онъ работалъ около пятнадцати лѣтъ надъ этимъ трудомъ и послалъ копію въ Лондонъ. Вся почва горъ въ колоніи состоитъ изъ глинистаго сланца, гранита и песчаника. Мы залюбовались картой и выпросили ее оставить у насъ до утра.—«Она, вѣроятно, уже печатается ученымъ обществомъ», сказалъ Бенъ: «и вы, по возвращеніи, найдете ее готовою».

Вторая спеціальность Бена — открытіе и описаніе ископаемыхъ животныхъ колоніи, между которыми встрѣчается много двузубыхъ змѣй. Онъ намъ показывалъ скелеты этихъ животныхъ и нѣсколько ихъ подарилъ. Третья и главная спеціальность его—прокладываніе дорогъ. Онъ гражданскій инженеръ и завѣдываетъ цѣлымъ округомъ.

Бенъ замѣчательный человѣкъ въ колоніи. Онъ съ раннихъ лѣтъ живетъ въ ней, и четыре раза, то одинъ, то съ товарищами, ходилъ за крайніе предѣлы ея, за Оранжевую рѣку до 20° широты, частью для геологическихъ изслѣдованій, частью изъ страсти къ путешествіямъ и приключеніямъ. Онъ много разсказывалъ о встрѣчахъ со львами и носорогами. О тиграхъ онъ почти не упоминалъ: не стоитъ, по

словамъ его. Только разсказывалъ одинъ анекдотъ, какъ тигръ таскалъ изъ-за загородки лошадей и какъ однажды устроили ему въ заборѣ такой проходъ, чтобъ тигръ, пролѣзая, дернулъ веревку, привязанную къ ружейному замку, а дуло приходилось ему прямо въ лобъ. Но тигръ смекнулъ, что проходъ, котораго наканунѣ не было, устроенъ не даромъ: онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ, покушалъ, и такимъ же образомъ переправился обратно. О львахъ Бенъ говорилъ съ уваженіемъ, хвалилъ ихъ за снисходительность. Однажды онъ, съ тремя товарищами, охотился за носорогомъ, выстрѣлилъ въ него—звѣрь побѣжалъ; они пустились преслѣдовать его и вдругъ замѣтили, что въ сторонѣ, подъ деревьями, лежатъ два льва и съ любопытствомъ смотрятъ на бѣгущаго носорога и на мистера Бена съ товарищами, не трогаясь съ мѣста. Охотники съ большимъ уваженіемъ прошли мимо лѣсныхъ владыкъ.

Еще страннѣе происшествіе случилось съ Беномъ. Онъ, съ товарищами же, ходилъ далеко внутрь на большую охоту и попалъ на племя, которое воевало съ другимъ. Начальникъ принялъ его очень ласково и угощалъ нѣсколько дней. А когда Бенъ хотѣлъ распроститься, тотъ просилъ его принять участіе въ войнѣ и помочь ему завладѣть непріятелемъ. Бенъ отвѣчалъ, что онъ, безъ разрѣшенія своего правительства, сдѣлать этого не можетъ. —«Ну, такъ всѣ твои ружья, быки и телѣги—мои», отвѣчалъ дикій. Всѣ убѣжденія были напрасны, и Бенъ отправился на войну. Къ счастью, она не долго продолжалась. Обѣ сражавшіяся стороны не имѣли огнестрѣльнаго оружія, и непріятели, при первыхъ выстрѣлахъ, бѣжали, оставивъ свои жилища въ рукахъ побѣдителей. — «Вамъ, вѣроятно, очень непріятно было стрѣлять въ несчастныхъ?» спросили мы. — «Нѣтъ, ничего», отвѣчалъ Бенъ: «вѣдь я стрѣлялъ холостыми зарядами. Никому и въ голову не пришло повѣрить меня. Они не умѣютъ обращаться съ ружьями».

Бенъ высокаго роста, сложенъ плотно и сильно; ходитъ много, шагаетъ крупно и твердо, какъ слонъ, въ гору ли, подъ гору ли—все равно. Ѣстъ много, какъ рабочій, пьетъ еще больше; съ лица красноватъ и лысъ. Онъ отъ ученыхъ разговоровъ легко переходитъ къ шуткѣ, поетъ такъ, что мы хоромъ не могли перекричать его. Если бъ онъ не былъ гражданскій инженеръ и геологъ, то, конечно, былъ бы африканскій Рубини: у него изумительный фальцетто. Онъ намъ пѣлъ шотландскія пѣсни и баллады. Ученая партія овладѣла имъ совсѣмъ, и П., конечно, много дополнитъ въ печати бесѣду нашу съ г. Беномъ.

Пока мы говорили съ нимъ, Б. исчезъ. Вскорѣ хозяинъ тихонько подошелъ ко мнѣ и гнусливо что-то сказалъ на ухо. Я не понялъ.—«Васъ зовутъ», повторилъ онъ.—«Кто? гдѣ?» — «На улицѣ». — «Это что за новости? у меня здѣсь знакомыхъ нѣтъ». Однако, пошелъ. На улицѣ темнота, какъ сажа въ трубѣ: я едва нашелъ ступени крыльца. Изъ глубины мрака вышелъ человѣкъ въ шляпѣ и пальто, и взялъ меня за руку. Это второй, подставной хозяинъ. Отъ него сильно пахло водкой. — «Что вамъ надо?» спросилъ я.— «Пойдемте, пойдемте, я покажу вамъ балъ». Какой балъ? думалъ я, идучи ощупью за нимъ: и отчего онъ показываетъ его мнѣ? Онъ провелъ меня мимо трехъ-четырехъ домовъ по улицѣ и вдругъ свернулъ въ сторону.—«Stop, stop: ничего не вижу», говорилъ я, упираясь ногами. — «Идите, тутъ ничего нѣтъ, только канава... вотъ она». И мы оба прыгнули: онъ зналъ куда, я—нѣтъ, но остался на ногахъ. Меня поразили звуки музыки, скрипки и еще какихъ-то духовыхъ инструментовъ. Мы подошли къ толпѣ, освѣщенной фонарями, висѣвшими на дверяхъ. Толпа негровъ и готтентотовъ, мужчинъ и женщинъ, плясала. Вотъ и балъ. Всѣ были пьяны и неистово плясали, но молча. Посреди ихъ стоялъ нашъ главный артистъ, Б.—«Что вы тутъ дѣлаете?» спросилъ я, продравшись къ нему.—«Изучаю нравы», отвѣ-

чалъ онъ: «n'est ce pas que c'est pittoresque?»—«Гм! pittoresque», думалось мнѣ: «да, пожалуй, но собственнаго, мѣстнаго, негритянскаго тутъ было только: черныя тѣла, да гримасы, все же прочее... Да это кадриль, или что-то въ родѣ: шень, балансе». Мы долго смотрѣли, какъ веселились, послѣ труднаго, рабочаго дня, черные. Изъ дома, кажется питейнаго, слышались нестройные голоса. Я молча, задумавшись о чемъ-то, смотрѣлъ на пляску.—«Ужинать пора», сказалъ вдругъ Б., и мы пошли.

Подойдя къ гостиницѣ, я видѣлъ, что *кто-то* въ темнотѣ по улицѣ преслѣдуетъ *кого-то*. Оба, преслѣдующій и преслѣдуемый, вбѣжали на крыльцо. Оказалось, что это самъ хозяинъ загоняетъ свою дѣвчонку-негритянку домой, какъ отставшую овцу.—«Что это вы дѣлаете? зачѣмъ ее гоните?» спросилъ я.—«Негодная дѣвчонка», отвѣчалъ онъ: «все вертится на улицѣ по вечерамъ, а тутъ шатаются бушмены и тихонько вызываютъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, воруютъ съ ними вмѣстѣ и дѣлаютъ разныя другія проказы».—«Нельзя ли поймать гдѣ-нибудь бушмена? мнѣ давно хочется посмотрѣть это племя».—«Нѣтъ, не поймаешь, хотя ихъ тутъ много прячется по ночамъ», сказалъ хозяинъ съ досадой, грозя на поля и огороды: «они, съ закатомъ солнечнымъ, выползаютъ изъ своихъ норъ и дѣлаютъ безпорядки».

Наши еще разговаривали съ Беномъ, когда мы пришли. З. по обыкновенію залегъ спать съ восьми часовъ и проснулся только къ [illegible] винограду за ужиномъ. Мы поужинали и легли. Здѣсь было немного комнатъ, и тѣ маленькія. Въ каждой было по двѣ постели, кажется для двоихъ.

Утромъ явился г. Бенъ и [illegible] ѣхать, чтобъ засвѣтло пріѣхать домой. Онъ былъ вчера—въ зеленомъ сюртукѣ, нанковыхъ панталонахъ, въ черномъ жилетѣ [illegible] на лентѣ и въ [illegible], безъ перчатокъ—такъ и [illegible] съ [illegible]. Онъ сѣлъ съ

ученой партіей. — «Ну, трогай, земляк!» сказалъ З. Вандику. У Вандика опять перемѣна: вмѣсто чалой, запряжена пѣгая лошадь. — «А чалую промѣнялъ?» спросилъ я.—«Yes», съ улыбкой отвѣчалъ онъ.—«Зачѣмъ же: развѣ та не годилась?» — «О, нѣтъ, я ее на обратномъ пути опять куплю, а эту, пѣгую, я промѣняю съ барышомъ въ Устерѣ».

Славная дорога, славныя мѣста! Какъ мы въѣхали изъ кустовъ въ Веллингтонъ, такъ и выѣхали изъ него прямо въ кусты. Тутъ уже начиналось созданіе Бена — шоссе. Налѣво была гора Гринбергъ, зеленая не по одному названію. Она очень красива, съ большими отлогостями, живописными холмами и оврагами. Она похожа на гору, какія есть вездѣ. Это общее мѣсто по части горъ. Зато бывшія впереди горы уже ни на что не походили. Громады все росли передъ нами, выставляя, одна за другой, дикія, голыя вершины. Онѣ, казалось, все болѣе и болѣе жались другъ къ другу; и когда подъѣдешь въ нимъ вплоть, онѣ смыкаются сплошной стѣной, какъ будто толпа богатырей, которые стѣснились, чтобъ дать отпоръ нападенію и не пускать сквозь. «Какъ же мы проѣдемъ черезъ плеча этихъ великановъ?» думалъ я, видя, что мы ѣдемъ прямо на эту массу. — «Гдѣ дорога?» спросилъ я Вандика. Онъ молча показалъ на тропинку и бичомъ провелъ по воздуху извилину параллельно ей. Эта дорога для экипажей— невѣроятно! Тропинка бѣжала кругомъ горы, пропадала, потомъ вдругъ являлась выше, пропадала опять и такъ далѣе.

Мы стали подниматься: лошади пошли не такой крупной рысью, какой ѣхали по долинѣ. Онѣ-было пытались идти и шагомъ, но грозный «апплъ» и хлопанье бича заставляли ихъ постоянно бѣжать. З. затянулъ: *Близко города Славянска, на верху крутой горы.* Мы ѣхали пока еще по горамъ довольно отлогимъ, въ родѣ Гринбергъ. До-

рога прорѣзана въ глинистомъ сланцѣ. Справа у насъ глиняная стѣна отвѣсно стояла надъ головой, слѣва внизу зіяли овраги, но эти пропасти еще не были грозны: онѣ какъ будто улыбались намъ. На днѣ ихъ текли ручьи, росла густая зелень, въ которой утопалъ глазъ. Особенно я помню одинъ живописный оврагъ, весь заросшій лѣсомъ. Внизу, въ самой глубинѣ его, въ группѣ деревьевъ, прятался бѣлый домикъ. Во всѣ стороны по горамъ шли тропинки и одна конная дорога. Домикъ этотъ—прежняя квартира мистера Бена.

Онъ жилъ тутъ съ семействомъ года три и каждый день, пѣшкомъ и верхомъ, пускался въ горы, когда еще дорога только что начиналась.

Мы все поднимались, но это замѣтно было для глазъ и почти вовсе незамѣтно для лошадей—такъ дорога идетъ раскидисто и отлого; лошади не переставали бѣжать легкой рысью. По дорогѣ могли проѣхать два экипажа, но это пространство размѣрено съ такою точностью, что сверхъ этого и мыши негдѣ было бы пройти. Края пропастей уставлены каменьями, расположенными близко одинъ отъ другого. Каменья эти, на взглядъ, казались не велики, такъ что З. бралася каждый изъ нихъ легко сбросить съ мѣста.—«И что за пропасти: совсѣмъ нестрашныя», говорилъ онъ: «этакихъ у насъ въ Псковской губерніи, сколько хочешь!» День былъ жаркій и тихій. По дорогѣ никакого движенія, нигдѣ ни души. Дорога не совсѣмъ кончена и открыта для публики два дня въ недѣлю.

Хотя горы были еще не высоки, но чѣмъ болѣе мы поднимались на нихъ, тѣмъ замѣтно становилось свѣжѣе. Легко и отрадно было дышать этимъ тонкимъ прохладнымъ воздухомъ. Тѣмъ и солнце ярко свѣтило, но не пекло. Наконецъ мы остановились на одной площадкѣ.—«Здѣсь высота надъ уровнемъ моря 2000 футовъ», сказалъ Бенъ, и пригласилъ [illegible].

Мы вышли, оглянулись назадъ и остановились неподвижно передъ открывшейся картиной: вся Паарльская долина лежала передъ нами, мѣстами облитая солнечнымъ блескомъ, а мѣстами прячущаяся въ тѣни горъ. Веллингтонъ лежалъ какъ будто у ногъ нашихъ, несмотря на то, что мы были миляхъ въ пяти отъ него. Далѣе бѣлѣлись изъ-за зелени домики Паарля, на который гора бросала исполинскую тѣнь; кругомъ вездѣ фермы. Кусты казались травой, а большіе дубы фермъ—мелкими кустами. Мы стояли молча и неподвижно. Саженяхъ въ пятидесяти отъ насъ плавно проплылъ въ воздухѣ, не шевеля крыльями, орелъ; махнувъ раза три мѣрно крыльями надъ торчавшими голыми вершинами, онъ, какъ камень, ринулся внизъ и пропалъ между скалъ.

Тутъ Г. расположился снять фотографическіе виды и взять нѣсколько образчиковъ камней. Бенъ въ первый разъ только спросилъ объ имени каждаго изъ насъ, и мы тутъ же, на горѣ, обмѣнялись съ нимъ карточками. Б. и З., съ мѣшкомъ и молоткомъ, полѣзли на утесы. Но прежде З. попробовалъ, съ разрѣшенія мистера Бена, столкнуть который-нибудь изъ камней въ бездну, но увидѣлъ, что каждый камень чуть не больше его самого. П. пустился въ длинную бесѣду съ Беномъ, а я пошелъ впередъ, чтобъ расправить ноги, уставшія отъ постояннаго сидѣнья въ экипажѣ. Я долго шелъ, поминутно останавливаясь посмотрѣть на долину. Вскорѣ она заслонилась утесомъ, и я шелъ среди мертвой тишины, по шоссе. Дорога все еще шла сквозь глинистыя горы.

Чрезъ полчаса нагнали меня наши экипажи. Я-было хотѣлъ сѣсть, но они, не обращая на меня вниманія, промчались мимо, повернули за утесъ направо и чрезъ пять минутъ стукъ колесъ внезапно прекратился. Они гдѣ-то остановились.

Я обогнулъ утесъ, и на широкой его площадкѣ глазамъ

представился рядъ низенькихъ строеній, обнесенныхъ валомъ и рѣшетчатымъ заборомъ—это тюрьма. По валу и на дворѣ ходили часовые, съ заряженными ружьями, и не спускали глазъ съ арестантовъ, которые, съ скованными ногами, сидѣли и стояли, группами и по одиночкѣ, около тюрьмы. Изъ тридцати-сорока преступниковъ, которые тутъ были, только трое бѣлыхъ, остальные всѣ черные. Бѣлые стыдливо прятались за спины своихъ товарищей.

[illegible] была полная коллекція всѣхъ племенъ, населяющихъ [illegible]. Черный цвѣтъ, отъ самаго черно-бархатнаго [illegible], какъ лакированная кожа, переходилъ постепенными оттѣнками до смугло-желтаго. Самые черные были [illegible] Мандинговъ, [illegible] и [illegible]. У этихъ [illegible] больше частью круглые, съ правильными чертами, съ выступающими [illegible] и [illegible], съ толстыми [illegible] [illegible]

Они отличные земледѣльцы, скотоводы, хорошіе слуги, кучера и чернорабочіе.

Толпа окружила насъ и съ бо́льшимъ любопытствомъ глядѣла на насъ, нежели мы на нее. Особенно негры и каффры смотрѣли открыто, бойко и смѣло, безъ запинки отвѣчали на вопросы. Нерѣдко дружный хохотъ раздавался между ними отъ какой-нибудь шутки, и что́ за зубы обнаруживались тогда! — «Есть ли у васъ бушмены?» спросилъ я. — «Трое», отвѣчалъ смотритель. — «Нельзя ли посмотрѣть?» Онъ что-то крикнулъ: въ углу, у забора, кто-то пошевелился. Смотритель закричалъ громче: въ углу зашевелилось сильнѣе. Между черными начался говоръ, смѣхъ. Двое или трое пошли въ уголъ и вытащили оттуда бушмена. Какое жалкое существо! Онъ шелъ тихо, едва передвигая скованныя ноги, и глядѣлъ внизъ; другіе толкали его въ спину и подвели къ намъ. Насмѣшки сыпались градомъ; смѣхъ не умолкалъ. Передъ нами стояло существо, едва имѣвшее подобіе человѣка, ростомъ съ обезьяну. Желто-смуглое, старческое лицо имѣло форму треугольника, основаніемъ кверху, и покрыто было крупными морщинами. Крошечный носъ на крошечномъ лицѣ былъ совсѣмъ приплюснутъ: губы, нетолстыя, неширокія, были какъ будто раздавлены. Онъ казался какимъ-то юродивымъ старикомъ, облысѣвшимъ, обеззубѣвшимъ, давно пережившимъ свой вѣкъ и выжившимъ изъ ума. Всего замѣчательнѣе была голова: лысая, только покрытая рѣдкими клочками шерсти, такими мелкими, что нельзя ухватиться за нихъ двумя пальцами.— «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ смотритель. Бушменъ молчалъ. На лицѣ у него было тупое, безсмысленное выраженіе. Едва ли онъ имѣлъ, казалось, сознаніе о томъ, гдѣ онъ, что́ съ нимъ дѣлаютъ. Смотритель повторилъ вопросъ. Бушменъ поднялъ на минуту глаза и опустилъ опять. Я давно слышалъ, что языкъ бушменовъ весь состоитъ изъ смѣси гортанныхъ звуковъ съ прищелкиваніемъ языка, и

ми; другіе остаются въ дикомъ, почти въ скотскомъ состояніи, избѣгаютъ даже другъ друга и ведутъ себя негодяями. Сколько и въ семьяхъ, среди цивилизованнаго общества, встрѣчается примѣровъ братьевъ, жизнь которыхъ сложилась такъ, что одинъ — образецъ порядочности, другой отверженецъ семьи!—«За что они содержатся?» спросилъ я. — «За воровство, какъ и бо́льшая часть арестантовъ», отвѣчалъ смотритель. — «Подолгу ли содержатъ ихъ въ тюрьмѣ?» — «Отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ».—«Что они дѣлаютъ, чѣмъ ихъ занимаютъ?» — «А дорогу-то, по которой вы ѣдете», сказалъ мистеръ Бенъ: «кто жъ дѣлаетъ, какъ не они. Вотъ завтра вы увидите ихъ за работой».

Мы заглянули въ длинный деревянный сарай, гдѣ живутъ преступники. Онъ содержится чисто. Оконъ нѣтъ. У стѣнъ идутъ постели рядомъ, на широкихъ доскахъ, устроенныхъ, какъ у насъ полати въ избахъ, только ниже. Тамъ мы нашли большое общество сидѣвшихъ и лежавшихъ арестантовъ. Я спросилъ, можно ли, какъ это у насъ водится, дать денегъ арестантамъ, но мнѣ отвѣчали, что это строго запрещено.

Мы поблагодарили смотрителя и г. Бена за доставленное намъ печальное удовольстіе и отправились далѣе.—«Это еще не послѣднее удовольствіе: впереди три», сказалъ мистеръ Бенъ. — «Напрасно мы не закусили здѣсь!» говорилъ Б., «вѣдь съ нами есть мясо, куры»... Но мы уже ѣхали дальше. З. громко пѣлъ: «*Зачѣмъ, зачѣмъ обворожила, коль я душѣ твоей не милъ*»... Потомъ вдругъ пускался разсказывать то дѣтскую шалость, отрывокъ изъ воспитанія, то, начертить чей-нибудь портретъ, характеръ, или просто передразнить кого-нибудь. Мы любили слушать его. Память у него была баснословная, такъ что онъ передавалъ малѣйшія детали происшествія. Вотъ Б. К., напротивъ, ничего не помнилъ, ни мѣстности, ни лицъ, и тоже никогда не смотрѣлъ впередъ. Онъ жилъ настоящимъ мгновеніемъ, зато

ужъ жилъ вполнѣ. Никто скорѣе его не входилъ въ чужую идею, никто тоньше не понималъ юмора и не сочувствовалъ картинѣ, звуку, всякому артистическому явленію.

Мы стали въѣзжать въ самое ущелье. Зеленые холмы и овраги смѣнились дикими каменными утесами, черными или сѣдыми. Дорога прорублена была по окраинамъ скалъ. Горы близко тѣснились черезъ ущелье другъ къ другу. Солнце не достигало до насъ. Мы съ изумленіемъ смотрѣли на угрюмыя громады, которыя висѣли надъ нами. Въ пустынѣ царствовало страшное безмолвіе, такъ что и З. пересталъ пѣть. Мы изрѣдка мѣнялись между собою словомъ и съ робостью перебѣгали глазами отъ утеса къ утесу, отъ пропасти къ пропасти. Мы какъ будто попали въ западню, хотя намъ ничего не угрожало.

Представьте себѣ надъ головой сплошную каменную стѣну горъ, которая заслоняетъ небо, солнце, и которой не видать вершины. По этимъ горамъ брошены другія, меньшія горы; онѣ, упавъ, раздробились, разсыпались и покатились въ пропасти, но вдругъ будто были остановлены на пути и повисли надъ бездной. То видишь точно цѣлый городъ, съ обрушившимися отъ какого-нибудь страшнаго переворота башнями, столбами и основаніями зданій, то толпы слоновъ, носороговъ и другихъ животныхъ, которыя дрались въ общей свалкѣ и вдругъ окаменѣли. Тамъ, кажется, сидятъ группой изваянія великановъ. Здѣсь, на горѣ, чуть-чуть держится скала, цѣпляясь за гору однимъ угломъ, и всѣмъ основаніемъ виситъ надъ бездной. Далѣе и далѣе все стѣны горъ и все разбросанные на нихъ громадные обломки, похожіе на монастыри, на исполинскіе надгробные памятники, точно слѣды страшнаго опустошенія.

Кажется, довольно одного прикосновенія къ этимъ глыбамъ, чтобъ они полетѣли внизъ, между тѣмъ здѣсь Архимедовъ рычагъ безсиленъ. Нужно по крайней мѣрѣ землетрясеніе, или мистера Бена, чтобъ сдвинуть ихъ съ мѣста.

Внизу зіяютъ пропасти, уже не съ зелеными оврагами и чуть-чуть журчащими ручьями, а продолженіе тѣхъ же горъ, съ грудами отторженныхъ сѣрыхъ камней и съ мутно-желтыми стремительными потоками, или мертвымъ и грязнымъ болотомъ на днѣ. Ѣдешь по плечу исполинской горы и, несмотря на всю увѣренность въ безопасности, съ невольнымъ смущеніемъ глядишь на громады, которыя какъ будто сдвигаются все ближе и ближе, грозя раздавить путниковъ. Взглянешь внизъ, въ бездну, футовъ на 200, на 300, и съ содроганіемъ отвернешься; взглянешь на верхъ, а тамъ такія же бездны опрокинуты надъ головой. Всѣ эти массы истерзаны какъ будто небеснымъ гнѣвомъ и разбросаны по прихоти нечеловѣческой фантазіи.—«Что», спросилъ я у З.: «есть въ Псковской губерніи такія пропасти?»—«Страшновато!» шепталъ онъ, съ судорожнымъ, нервическимъ хохотомъ, косясь пугливо на бездну. Потомъ вдругъ, чтобъ ободрить себя и показать, что ему ни почемъ, горланилъ: «*Люди добрые, внемлите*»... Но потомъ морщился и уныло затягивалъ: «*Не билъ барабанъ*» и постепенно затихалъ.

Мы проѣхали черезъ продолбленный насквозь и лежащій на самой дорогѣ утесъ, потомъ завернули за скалу и ждали, что тамъ будетъ: мы очутились надъ бездной, глубже и страшнѣе всѣхъ, которыя миновали. Вдобавокъ къ этому дорога здѣсь была сдѣлана пока только для одного экипажа; охранительныхъ каменьевъ по сторонамъ не было, и лошади шли по самой окраинѣ. «*Вы всю... грусть мою... поймите*», запѣлъ-было, но уже вполголоса, З. и смолкъ. По узенькой, недодѣланной дорогѣ, по которой еще кое-гдѣ валялись приготовленные для работъ каменья и воткнутъ былъ заступъ, надо было заворотить налѣво. — «Что жъ вы не поете?» спросилъ я. — «Постойте, дайте проѣхать, вы видите»... Съ мучительнымъ ощущеніемъ проѣхали мы поворотъ и вздохнули свободно, когда дорога опять расширилась.—«Есть ли здѣсь животныя?» спросилъ я Вандика.—«О, много!»—«Ка-

кихъ же?» — «Бабуановъ (павіановъ, большихъ черныхъ обезьянъ). Я удивляюсь», прибавилъ Вандикъ, оглядываясь по сторонамъ, что ихъ нѣтъ сегодня: «они стадами скачутъ по скаламъ, и лишь завидятъ людей и лошадей, поднимаютъ страшный крикъ».—«Можетъ-быть, оттого нѣтъ, что сегодня воскресенье», замѣтилъ З.—«Слава Богу, впрочемъ, что нѣтъ. Если бъ хоть одна лошадь испугалась и зашалила, такъ намъ пришлось бы плохо». — «Есть еще волки, [illegible]», сказалъ Вандикъ. — «Волки — здѣсь? быть не можетъ! [illegible] животное», замѣтили мы.—«[illegible]», [illegible] отвѣчалъ Вандикъ: «но здѣсь такъ называютъ [illegible] на валъ ихъ волками». Вандикъ [illegible] кучеръ.

[illegible] Бенъ [illegible] и прибавилъ [illegible] въ горахъ [illegible] Ихъ [illegible] страшнымъ.— [illegible] тигровъ [illegible] «ихъ еще на [illegible] въ [illegible] тигры [illegible]

[illegible]

стовъ и мостиковъ; можно судить, сколько употреблено тутъ дарованія, соображеній и физическаго труда! Каменья надо было таскать сверху, или снизу; многія скалы рвать порохомъ. Бенъ намъ показывалъ слѣды такихъ взрывовъ и обѣщалъ показать, на возвратномъ пути, и самые взрывы.

За мостомъ ущелье въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять сжималось, но уже замѣтно было, что оно должно скоро кончиться. Здѣсь природа веселѣе; по горамъ росла обильная зелень. Даже брошенные по скатамъ каменья обросли кустами и травой, со множествомъ цвѣтовъ. Много попадалось птицъ, жужжали милліоны насѣкомыхъ; на камняхъ часто видѣли мы разноцвѣтныхъ ящерицъ, которыя выползали на солнце погрѣться. Въ одномъ мѣстѣ прямо изъ скалы, чуть-чуть, текла струя свѣжей, холодной воды; подъ ней вставленъ былъ арестантами желѣзный желобокъ. — «Зимой это большой каскадъ», сказалъ Бенъ: «ихъ множество тутъ; вонъ тамъ, тутъ!» говорилъ онъ, указывая рукой въ разныя мѣста. Сколько грандіозна была та часть ущелья, которую мы миновали, столько же улыбалась природа здѣсь. Тутъ были живописныя уклоненія скалъ въ сторону, образующія тѣнистые уголки, природные гроты.

Вскорѣ мы подъѣхали къ самому живописному мѣсту. Мы только спустились съ одной скалы и передъ нами представилась широкая расчищенная площадка, обнесенная валомъ. На площадкѣ выстроено нѣсколько флигелей. Это другая тюрьма. Въ нѣкоторомъ разстояніи, особо отъ тюремныхъ флигелей, стоялъ маленькій домикъ, гдѣ жилъ сынъ Бена, онъ же смотритель тюрьмы и помощникъ своего отца. Кругомъ тѣснились скалы, выглядывая одна изъ-за другой, какъ будто вставали на цыпочки. Площадка была на полугорѣ; внизъ шли тоже скалы, обросшія густой зеленью и кустами и уставленныя прихотливо разбросанными каменьями. На днѣ живописнаго оврага текъ большой ручей, черезъ который строился каменный мостъ. Рядомъ съ мостомъ

шла плотина, служившая преградой ручью, на время, пока строился мостъ. Черезъ эту плотину шла и временная дорога. Берега ручья, скаты горы — все потонуло въ зелени. Бенъ съ улыбкой смотрѣлъ, как[redacted] молча наслаждались великолѣпной картиной, поворачиваясь медленно то на ту, то на другую сторону. Потомъ оглянувшись и замѣтили, что уже мы давно на дворѣ, что Вандикъ отпрягъ лошадей и передъ нами стояли двое молодыхъ людей: сынъ Бена, бѣлокурый, краснощекій молодой человѣкъ, и другой пасторъ-миссіонеръ. Мы познакомились и вошли въ домъ. Мы велѣли вынуть изъ экипажей провизію и вино, сынъ Бена тоже засуетился готовить завтракъ.

Но прежде мы отправились смотрѣть тюрьму. Все то же, только поменьше арестантовъ. Они сидѣли и лежали на дворѣ и всѣ старались помѣститься на солнцѣ. Особенно одинъ старикъ-негръ привлекъ мое вниманіе: у него болѣла нога, и онъ лежалъ, растянувшись, посредйнѣ двора и опершись на локоть, лицомъ прямо къ солнцу. Спереди голова у него была совсѣмъ лысая и лучи играли на ней, какъ на маковкѣ башни. Былъ полдень, жара такъ и палила, особенно тутъ, въ ущельѣ, гдѣ воздухъ спертъ и камни сильно отражаютъ лучи.—«Зачѣмъ ихъ выводятъ на солнце?» спросили мы: «вѣдь это вредно». — «Нѣтъ», отвѣчалъ Бенъ: «они любятъ и охотнѣе работаютъ въ солнечный жаркій день, нежели въ пасмурный». Я спросилъ у многихъ имена: готтентотовъ звали: Саломонъ, Каллоръ; бушменовъ— Вильденсонъ и Котельманъ. Но эти имена даны уже европейцами, а я просилъ, чтобъ они сказали мнѣ, какъ ихъ зовутъ на ихъ природномъ языкѣ. Бушмены, казалось, поняли, о чемъ ихъ спрашиваютъ: они постояли молча, потупивъ глаза въ землю. Миссіонеръ повторилъ имъ просьбу: тогда они, по порядку, сказали одинъ послѣ другого, помычали и щелкнули языкомъ. Записать эти звуки не было возможности. Я обратился къ Каффрамъ. Одинъ бойко произнесъ

имя «Дольфъ», другой—«Дай». Потомъ я спросилъ одного чернаго, какого онъ племени и какъ его зовутъ. Онъ сказалъ, что отецъ у него мозамбикъ, мать другого племени, но не сказалъ какого, и зовутъ его «Лакиди». Всѣ они разумѣютъ и кое-какъ объясняются по-англійски. Одѣты они, кто въ курткѣ, кто въ рубашкѣ и шароварахъ.

Мы пошли во флигель къ Бену. Тамъ молодой, черный какъ деготь, негръ, лѣтъ двадцати и красавецъ собой, то-есть съ крутыми щеками, выпуклымъ лбомъ и висками, толстогубый, съ добрымъ выраженіемъ въ глазахъ, прекрасно сложенный, накрывалъ на столъ. Онъ мнѣ очень понравился. — «Вы нанимаете этого негра?» спросилъ я сына Бена. — «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ: «это тоже арестантъ, военноплѣнный, дрался за каффровъ и недавно взятъ въ плѣнъ. Я его не мѣшаю съ другими арестантами: онъ очень смиренъ и послушенъ». — «Долго они работаютъ?» — «Съ восхожденія солнца до захожденія; тутъ много времени уходитъ въ ходьбѣ на мѣсто и обратно». Пока мы говорили съ Беномъ, З., миссіонеръ и нашъ докторъ ходили въ ручей купаться, потомъ принялись за мясо, утокъ и проч.

Часа въ три пустились дальше. Дорога шла теперь по склону и лошади бѣжали веселѣе. Ущелье все расширялось, открывая горизонтъ и дальнія мѣста. — «Ничего теперь не боюсь!» весело говорилъ З. и запѣлъ вмѣстѣ съ птицами, которыя щебетали и свистали гдѣ-то въ вышинѣ. Кругомъ горы теряли съ каждымъ шагомъ угрюмость, и мы незамѣтно выѣхали изъ ущелья, переѣхали рѣчку, мостикъ, и часовъ въ пять остановились на полчаса у маленькой мызы Клейнбергъ. Тутъ была третья и послѣдняя тюрьма, меньше первыхъ двухъ; она состояла изъ одного только флигеля, окруженнаго рѣшеткой; за ней толпились черные. Мыза вся состояла изъ одноэтажнаго домика, съ плантаціями маиса вокругъ и съ виноградникомъ. На дворѣ росло огромное дерево, къ которому на длинной веревкѣ привязана была

большая обезьяна, павіанъ. Несмотря на короткую остановку, кучера наши отпрягли лошадей. Хозяинъ мызы, по имени Леру, потомокъ французскаго протестанта; жилище его смотрѣло скудно и жалко. Напрасно Б. К. заглядывалъ: нѣтъ ли чего-нибудь пообѣдать. Зато Леру вынесъ намъ множество банокъ... со змѣями, потомъ камни, шкуры тигровъ и т. п. — «Ну, послѣднія времена пришли!» говорилъ Б.: «просишь у ближняго хлѣба, а онъ даетъ камень, вмѣсто рыбы — змѣю». Мы сѣли на стульяхъ, на дворѣ, и смотрѣли, какъ обезьяна то влѣзала на дерево, то старалась схватить котораго-нибудь изъ бѣгавшихъ мальчишекъ, или собакъ. Ни тѣхъ, ни другихъ она терпѣть не могла, какъ сказали намъ хозяева. Дѣтей не пускали къ ней, а собакъ, напротивъ, подталкивали. Надо было видѣть, какъ она схватитъ пребольшую собаку и начнетъ такъ поворачивать и кусать ее, что та съ визгомъ едва вывернется изъ лапъ ея и бѣжитъ спрятаться. Потомъ обезьяна сядетъ, подгорюнится и смотритъ на насъ. Кучера стали бросать въ нее каменья, но она увертывалась такъ ловко, что ни одинъ не попадалъ. Солнце ужъ садилось, когда мы поѣхали дальше, къ Устеру, по одной, еще неконченной дорогѣ. Песокъ, груды камней и рытвины — вотъ что̀ предстояло намъ. Мы переправились въ бродъ черезъ рѣку, остановились на минуту около какого-то шалаша, гдѣ продавали прохожимъ хлѣбъ, кажется, еще водку, и гдѣ наши купили страусовыхъ яицъ, величиной съ маленькую дыню.

Недалеко отъ Устера, мы объѣхали кругомъ холма, который гдѣ-нибудь въ саду могъ представлять большую гору: это — куча каменьевъ, поросшихъ кустарниками, въ которыхъ, говорятъ, много змѣй, оттого она и называется Шлянгенхель, то-есть Змѣиная горка. Вообще колонія изобилуетъ змѣями; между ними много ядовитыхъ и, между прочимъ, извѣстная кобрикателла. Въ Стеллендошѣ Фертфельдъ сказывалъ намъ, что, за нѣсколько дней передъ нами, восьми-

лѣтняя дѣвочка сунула руку въ нору ящерицы, какъ казалось ей, но оттуда выскочила очковая змѣя и ужалила ее. Дѣвочка чрезъ полчаса умерла. На мызѣ Клейнбергъ говорили, что въ окрестностяхъ водится большая, желтая, толстая змѣя, которая, нападая на кого-нибудь, становится будто на хвостъ и перекидывается назадъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы стали подъѣзжать къ Устеру. Дорога ужасная: пески, каменья, безпрестанныя ямы. Иногда мы получали такіе толчки, что экипажъ откидывало въ сторону. Темнота адская; мы не видѣли куда ѣхали: передъ глазами стояла какъ будто стѣна. Лошади бѣжали чуть-чуть замѣтной рысью.—«Какъ бы въ оврагъ не свалиться», говорили мы. — «Нѣтъ, не свалимся», отвѣчалъ Вандикъ: «на камень, можетъ-быть, попадемъ не разъ, и въ рытвину колесо заѣдетъ, но въ оврагъ не свалимся: одна изъ переднихъ лошадей куплена мною, недѣли двѣ назадъ, въ Устерѣ: она знаетъ дорогу». — «Да вотъ, въѣзжаемъ, вотъ зданія какія-то!» сказалъ Б. Въ самомъ дѣлѣ мы поравнялись съ какими-то темными массами, которыя Б. принялъ за дома; но это оказались деревья. Мы продолжали трястись и пробирались ощупью. Черезъ четверть часа З. сказалъ:— «Вотъ теперь-такъ пріѣхали: я вижу бѣлую стѣну неподалеку». — «Это Устеръ?» спросили Вандика. — «Нѣтъ, это ферма», сказалъ онъ: «отъ нея еще мили четыре до Устера». Ахъ, какое наказаніе! Мѣстами мы проѣзжали большія пространства булыжника: это значитъ ѣхали по высохшему руслу рѣки. Колеса такъ визжали въ каменьяхъ, что нельзя было разговаривать. Мы еще нѣсколько разъ ошиблись, принимая то кусты, то ближайшіе холмы за городскія зданія. Потомъ намъ надоѣло и ѣхать, и ошибаться: мы соскучились и сидѣли молча, только хватались за бока, когда получали толчокъ. Наконецъ, черезъ добрый часъ ѣзды отъ фермы, Вандикъ вдругъ остановилъ лошадей и спросилъ кого-то и что-то по-голландски. Ему

крикнуло въ отвѣтъ голосовъ двадцать. — «Что это? гдѣ мы?» спрашиваемъ Вандика.—«Въ городѣ», отвѣчалъ онъ: «да вотъ не вижу улицы, не знаю, какъ проѣхать къ отелю». Я напрягъ зрѣніе въ темнотѣ и отличилъ силуэты темныхъ фигуръ, которыя стояли около нашего экипажа.—«Что это за народъ?» — «Blackpeople», отвѣчалъ Вандикъ, пуская лошадей дальше. Вдругъ черные что-то дружно крикнули намъ вслѣдъ, лошади испугались и сильно дернули впередъ. — «Аппль!» закричалъ Вандикъ и, обратясь, тоже что-то крикнулъ чернымъ. Показались огни, и мы уже свободно мчались по широкой, безконечной улицѣ, съ низенькими домами по обѣимъ сторонамъ, и остановились у ярко освѣщеннаго отеля, въ концѣ города. — «Ухъ, уфъ, ахъ, охъ!» раздавалось по мѣрѣ того, какъ каждый изъ насъ вылѣзалъ изъ экипажа. Отель этотъ былъ лучше всѣхъ, которые мы видѣли, какъ и самъ Устеръ лучше всѣхъ мѣстечекъ и городовъ по нашему пути. Въ гостиной, куда входишь прямо съ площадки, было все чисто, какъ у порядочно-живущаго частнаго человѣка: прекрасная новая мебель, крашеные полы, круглый столъ, на немъ два большіе бронзовые канделябра и ваза съ букетомъ цвѣтовъ.

Очевидно, что хозяева англичане. Мистеръ Бенъ съ Б. отправились хозяйничать, хлопотать объ ужинѣ, П. ухаживалъ около Бена, стараясь отблагодарить его постояннымъ вниманіемъ за предпринятую имъ для насъ поѣздку. Я сѣлъ на балконъ и любовался темной и теплой ночью, дышалъ и не надышался безмятежнымъ, чистымъ воздухомъ. Вдали, на темномъ фонѣ неба, лежали массы еще темнѣе: это горы. Г. вышелъ на балконъ, долго вслушивался и вдругъ какъ будто свалился съ крыльца въ тьму кромѣшную и исчезъ. — «Куда вы?» кричалъ я ему вслѣдъ. — «Тутъ должна быть близко канава», отвѣчалъ онъ: «слышите, какъ лягушки квакаютъ, точно стучатъ чѣмъ-нибудь; вѣрно не такія, какъ у насъ; хочется поймать одну». Въ самомъ

тыхъ, кузнечики и лягушки взапуски отличались одни предъ другими.

Ужинъ, благодаря двойнымъ стараніямъ Бена и Б., былъ, если не отличный, то обильный. Ростбифъ, бифштексъ, ветчина, куры, утки, баранина съ приправой горчицы, перцевъ, сой, пикулей и другихъ отравъ, которыя страшно употребить и наружно въ видѣ пластырей, и которыя англичане принимаютъ внутрь, совсѣмъ загромождали столъ, такъ что виноградъ, фиги и миндали стояли на особомъ столѣ. Было весело. Бенъ много разсказывалъ; Б. много ѣлъ, мы много слушали, З. послѣ десерта много дремалъ.

Послѣ долгой бесѣды за ужиномъ, насъ развели по комнатамъ. Я съ З. заняли большой нумеръ, съ двумя постелями. Б. и П. спали отдѣльно въ этомъ же домѣ, а мистеръ Бенъ, Г. и докторъ отправились въ флигель, выстроенный внутри двора и обращенный дверями къ садику. Оконъ въ ихъ комнатахъ не было, да и жарко было бы отъ солнца. А кому нуженъ свѣтъ, тотъ могъ отворить дверь. Оно, какъ видите, просто, первобытно, по-африкански. З. спалъ мертвымъ сномъ, даже прислуга—негръ и дѣвка, долго тревожимые ложками и тарелками, угомонились. Тишина водворилась мертвая. Я тоже наконецъ хотѣлъ лечь спать, но прежде посвятилъ нѣсколько минутъ внимательному осмотру своей кровати. Она была большая, [illegible], какъ вездѣ въ англійскихъ владѣніяхъ, но такой, какъ эта, я еще не видывалъ. Она была [illegible] изъ темной шерстяной матеріи [illegible]

стилъ и ночевалъ какой-нибудь Плантагенетъ или Стюартъ. И съ тѣхъ поръ комната чтится, какъ святыня: она наглухо заперта и постель оставлена въ своемъ тогдашнемъ видѣ; никто не дотрогивался до нея, а я вдругъ лягу! Однакожъ надо было лечь. Я раздвинулъ занавѣски и передо мной представилась цѣлая гора пуховиковъ, съ неизмѣнной длинной и круглой подушкой. Нѣсколько одѣялъ, сложенныхъ вмѣстѣ, были такъ массивны, что я насилу ихъ поднялъ. Хотѣлъ влѣзть и не могъ: высоко. Два раза пытался я добраться до средины постели и два раза скатывался долой. Такъ и остался на краю. Я сталъ уже засыпать, какъ вдругъ услышалъ шорохъ. Что это? ужъ не тѣнь ли королевская идетъ на свой старый ночлегъ? Шорохъ все сильнѣе и сильнѣе; вскорѣ по балдахину началась мелкая и частая бѣготня — мышей. — Ну, это не бѣда. Я хотѣлъ-было заснуть, но вдругъ мнѣ пришло въ голову сомнѣніе: вѣдь мы въ Африкѣ; здѣсь вонъ и деревья, и скотъ, и люди, даже лягушки не такія, какъ у насъ; можетъ-быть, чего добраго, и мыши не такія: можетъ-быть онѣ... Не рѣшивъ этого вопроса, я засыпалъ, но бѣготня и шискъ разбудили меня опять; открою глаза и вижу, что къ окну приблизится съ улицы какая-то тѣнь, взглянетъ и медленно отодвинется, и вдругъ опять сонъ осилитъ меня, опять разбудятъ мыши, опять явится и исчезнетъ тѣнь въ окнѣ... Точно какъ въ дѣтствѣ бывало, когда еще нервы не окрѣпли: печь кажется въ темнотѣ мертвецомъ, висящее всегда въ углу платье — небывалымъ явленіемъ. Послѣ этого сравненія, мелькнувшаго у меня въ головѣ, какъ ни рѣзво бѣгали мыши, какъ ни настойчиво заглядывала тѣнь въ окно, я не далъ себѣ труда дознаваться, какія мыши были въ Африкѣ и кто заглядывалъ въ окно, а крѣпко-накрѣпко заснулъ.

Рано утромъ все уже было на ногахъ, а я еще все спалъ. Даже Б., и тотъ всталъ и приходилъ два раза ска-

зать, что breakfast на столѣ. Пришелъ П. и тоже торопилъ вставать: — «Пора-де ѣхать». — «Да куда это съ этихъ поръ?»—«Визиты дѣлать».—«Какіе, кому въ Устерѣ визиты дѣлать?» — «А къ русскому, который здѣсь живетъ. Ужъ мистеръ Бенъ завтракаетъ. Вставайте: онъ поведетъ насъ», торопилъ неотвязчивый П. — «Потомъ», говорилъ онъ: «вчера здѣшній magistrate (судья), котораго мы видѣли въ Бенсклюфѣ (ущелье Бена) просилъ заѣхать къ нему; потомъ отправимся на минеральныя воды». — «Потомъ еще куда?» перебилъ я: «и все въ одинъ день!» Но П. заказалъ верховыхъ лошадей и велѣлъ заложить наши экипажи. Я одѣлся, вышелъ въ поле и тутъ только увидѣлъ, какимъ прекраснымъ пейзажемъ горъ ограниченъ Устеръ. Громады были мѣстами зелены, мѣстами изрыты и дики, съ наростами сѣдыхъ камней, съ группами деревьевъ, съ фермами и виноградниками. Равнина вокругъ горъ была частью песчана, частью зелена и уставлена фермами. День начинался блестящій и жаркій. Пока еще была свѣжая прохлада, я сдѣлалъ маленькую прогулку по полямъ, съ маисомъ и виноградомъ, и воротился на балконъ, кругомъ обсаженный розовыми кустами, миртами и другими, уже отцвѣтшими деревьями.

Вскорѣ раздался топотъ: готтентотъ пріѣхалъ верхомъ на одной лошади, а двухъ велъ порожнихъ, потомъ явились и наши кучера.

Въ ожиданіи товарищей, я прошелся немного по улицѣ и разсмотрѣлъ, что городъ выстроенъ весьма правильно и чистота въ немъ доведена до-педантизма. На улицѣ не увидишь ничего лишняго, брошеннаго. Канавки, идущія по обѣимъ сторонамъ улицъ, мостики, содержатся какъ будто въ какомъ-нибудь паркѣ. — «Скучный городъ!» говорилъ З. съ тоской, глядя на эту чистоту. При постройкѣ города не жалѣли мѣста: улицы такъ широки и длинны, что въ самомъ дѣлѣ, безъ густого народонаселенія, немного скучно на нихъ смотрѣть.

Впрочемъ, это только слава, что великъ городъ. Будетъ великъ, когда въ черту его войдутъ цѣлыя поля! Однѣхъ площадей, или скверовъ, здѣсь около 24; каждая площадь имѣетъ до 11 акръ, сказывалъ Бенъ. Въ городѣ теперь пока, и съ его уѣздомъ, около 5,000 жителей. Онъ еще ждетъ народонаселенія, какъ и вся колонія. Проѣзжая эти пространства, гдѣ на далекое другъ отъ друга разстояніе разбросаны фермы, невольно подумаешь, что пора бы уже этимъ фермамъ и полямъ сблизиться такъ, чтобы они касались другъ друга, какъ въ самой Англіи, чтобъ сосѣднія нивы раздѣлялись только канавой, а не степями, чтобъ ни одинъ клочокъ не пропалъ даромъ... Но гдѣ взять народонаселенія? Здѣсь нѣтъ золота и толпа не хлынетъ сюда, какъ въ Калифорнію и Австралію. Здѣсь нужны люди, которые бы шли на подвигъ; или надо обмануть пришельцовъ, сказать, что кладъ зарытъ въ землѣ, какъ сдѣлалъ земледѣлецъ передъ смертью съ своими дѣтьми, чтобы они изрыли ее всю. На это мало найдется охотниковъ. Англійское правительство хотѣло помочь горю и послало цѣлый грузъ неохотниковъ—ссыльныхъ; но жители Капштата толпою вышли на пристань и грозили закидать ихъ каменьями, если они выйдутъ на берегъ. Черные еще въ дѣтствѣ: они пока, какъ дѣти, кусаютъ пекущуюся о нихъ руку. Народонаселеніе въ Устерѣ смѣшанное. Здѣсь довольно и черныхъ. Для нихъ есть особая церковь, которыхъ всего двѣ; обѣ англійскія. Жители занимаются земледѣліемъ, почти во всѣхъ видахъ. До сихъ поръ мало было сбыта, потому что трудно возить продукты въ горахъ. Съ устройствомъ дороги черезъ ущелье, Устеръ, и всѣ ближайшія къ Бенсклюфу мѣста, должны подняться. Кромѣ хлѣба, здѣсь много и плодовъ; особенно хвалятъ яблоки и груши. Тѣ, которыя мы видѣли, нельзя ѣсть: онѣ, правда, велики, но жестки и годны на варенье, или въ компотъ. Другіе плоды всѣ уже отошли.

Около города текутъ двѣ рѣки: Гексъ и Брееде. Изъ Гекса вода чрезъ акведуки, миль за пять, идетъ въ городъ. Жители платятъ за это удобство маленькую пошлину.

Товарищи воротились отъ мнимаго русскаго. Онъ изъ нѣмцевъ, по имени Вейнертъ, жилъ долго въ Москвѣ, въ качествѣ учителя музыки, или что-то въ этомъ родѣ, получилъ за службу пенсіонъ и удалился, по болѣзни, сначала куда-то въ Германію, потомъ на мысъ Доброй Надежды, ради климата. Онъ по-русски помнилъ нѣсколько словъ, все остальное забылъ, но любилъ русскихъ и со слезами привѣтствовалъ гостей. Онъ боленъ, кажется, параличомъ, одинокъ и въ тоскѣ доживаетъ вѣкъ. Вотъ что сказали мнѣ, воротясь отъ Вейнерта, товарищи, прибавивъ, что вечеромъ онъ самъ придетъ.

Становилось однако жарко; надо было отправляться къ минеральнымъ источникамъ и прежде еще заѣхать къ Лесюеру, судьѣ, съ визитомъ. Б., П. и Г. поѣхали верхомъ, а мы въ экипажахъ. Въ концѣ улицы стоялъ большой двухъэтажный, очень красивый домъ, съ высокимъ крыльцомъ и закрытыми жалюзи. Мы постучались: негритянка отворила намъ двери, и мы вошли почти ощупью въ темныя комнаты. Негръ открылъ жалюзи и ввелъ насъ въ чистую, большую гостиную, убранную по-старинному, въ голландскомъ вкусѣ, такъ же какъ на мызѣ Эльзенборгъ. Чрезъ минуту явился хозяинъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ. Онъ молча, церемонно подалъ намъ руки и заговорилъ по-англійски о нашей экспедиціи, разспрашивалъ о фрегатѣ, о числѣ людей и т. п. Типъ француза не исчезъ въ немъ: черты, окладъ лица, ясно говорили о его происхожденіи, но въ походкѣ, въ движеніяхъ ужъ поселилась, не то что флегма, а какая-то принужденность. По-французски онъ не зналъ ни слова. Пришелъ зять его, молодой докторъ, очень любезный и разговорчивый. Онъ говорилъ по-англійски и по-нѣмецки; ему

отвѣчали и на томъ, и на другомъ языкѣ. Онъ изъявилъ, какъ и всѣ почти встрѣчавшіеся съ нами иностранцы, удивленіе, что русскіе говорятъ на всѣхъ языкахъ. Эту пѣсню мы слышали вездѣ. — «Вы не русскій», сказали мы ему: «однакожъ вотъ говорите же по-нѣмецки, по-англійски и по-голландски, да еще, вѣроятно, на какомъ-нибудь изъ здѣшнихъ мѣстныхъ нарѣчій».

Хозяева повели насъ въ свой садъ: это былъ лучшій, который я видѣлъ послѣ капштатскаго ботаническаго. Садъ старый, тѣнистый, съ огромными величавыми дубами, исполинскими грушевыми и другими фруктовыми деревьями, между прочимъ, персиковыми и гранатовыми: тутъ были и шелковичныя деревья, и бананы, виноградъ. Меня поразило особенно фиговое дерево, подъ которымъ могло помѣститься болѣе ста человѣкъ. Подъ тѣнью его мы совсѣмъ спрятались отъ солнца.—«Что это не потчуютъ ничѣмъ?» шепталъ З., посматривая на крупныя фиги, выглядывавшія изъ-за листьевъ, на бананы и на кисти кое-гдѣ еще оставшагося винограда. Хозяева какъ будто угадали его мысль: они предложили попробовать фиги, но предупредили, что, можетъ-быть, онѣ не совсѣмъ спѣлы. Мы попробовали и бросили ихъ въ кусты, а З. съѣлъ не одну, упрекая насъ «черезчуръ въ нѣжномъ воспитаніи».

Источники отстоятъ отъ Устера на $4^1/_2$ англійскія мили. Все это пространство занято огромной луговиной, которая зимой покрывается водой. Эта луговина, вмѣстѣ съ источниками, называется Brandt Vallei. Мы ѣхали песками по рѣчному дну, по которому мѣстами росла трава. Вскорѣ подъѣхали и къ самой рѣчкѣ. Она была довольна широка и глубока. Кучера не знали брода, но въ это время переходили рѣку готтентоты съ волами: по ихъ слѣдамъ проѣхали и мы. Много было возни съ лошадьми. Мальчишка-готтентотъ долженъ былъ сначала ихъ вести, Вандикъ безпрестанно кричать «ашпъ». Верховыя лошади тоже упря-

мились. У нашихъ всадниковъ ноги по колѣни ушли въ воду. Они не предвидѣли этого обстоятельства, а то, можетъ-быть, и не поѣхали бы верхомъ. Одинъ изъ нихъ, натуралистъ, хотѣлъ, кажется, избавиться этого неудобства, громоздился, громоздился на сѣдлѣ, подбирая ноги, и кончилъ тѣмъ, что, къ немалому нашему удовольствію, упалъ въ воду. Жара была невыносимая; лошади по песку скоро ѣхать не могли и всадники не знали, куда дѣться отъ солнца; они раскраснѣлись ужасно и успѣли загорѣть. Я изъ глубины коляски, изъ-подъ полотнянаго крова, возсылалъ благодарственныя моленія небу, что не ѣду верхомъ.

Но вотъ и пріѣхали. Видимъ: въ одномъ мѣстѣ изъ травы валитъ, какъ изъ миски съ супомъ, густой паръ и стелется по долинѣ, обозначая путь ключа. Около водъ стояла небольшая, бѣдная ферма, гдѣ мы оставили лошадей. У самыхъ источниковъ росли прекрасныя деревья: тополи, дубы, ели, айва, кусты папоротника, шиповника и густая сочная трава. По тропинкѣ, сквозь кусты, пробрались мы не безъ труда къ круглому небольшому бассейну, въ который струился горячій ключъ, и опустили въ него руки. Горячо, но можно продержать нѣсколько секундъ; брали воду въ ротъ: ни вкуса, ни запаха. Мы опускали туда яйцо, З. айву: но ни яйцо, ни айва не варились. Зять Лескюера, докторъ, сказывалъ, что какъ ни горяча вода, но она не только не варитъ ничего, но даже не годится для бритья, не размягчаетъ бороды. — «Гдѣ же холодный ключъ?» спросилъ я. — «А вотъ», сказали мнѣ, указывая подъ ноги. — «Гдѣ?» — «Да вотъ». — «Это?» Я посмотрѣлъ, не пролили ли гдѣ поблизости изъ ушата воду, и та бы стремительнѣе потекла. На сажень отъ горячаго источника струилась изъ-подъ дерева нить воды и тихо пропадала въ травѣ—вотъ вамъ и минеральный ключъ! Воды эти помогаютъ болѣе всего отъ ревматизма; но больныхъ было всего трое; они жили въ двухъ-трехъ хижинахъ, построен-

ныхъ далеко отъ истока ключей. П., Бенъ и докторъ вошли туда, а я остался. Ужасно было переходить горячую, открытую равнину, подъ вертикальными, полуденными лучами солнца.

Я предпочелъ остаться въ тѣни деревьевъ и сталъ помогать натуралисту ловить насѣкомыхъ. Онъ былъ близорукъ до слѣпоты и ему надо было ползать въ травѣ, чтобъ увидѣть насѣкомое. Я замѣтилъ множество огромныхъ, ярко-красныхъ кузнечиковъ, которые не прыгали, какъ наши, а летали; но ихъ удобно было ловить: они летѣли недолго и тотчасъ опускались. Онъ пряталъ ихъ въ карманы, клалъ въ бумажки, въ фуражку—вездѣ. Но все это ни къ чему не повело: на другой день нельзя было войти къ нему въ комнату, что случалось довольно часто, по милости змѣй, ящерицъ и потрошеныхъ птицъ. — «Что это у васъ за запахъ такой?»—«Да вонъ», говорилъ онъ: «африканскіе кузнечики протухли: жирны очень, нельзя съ ними ничего сдѣлать: ни начинить ватой, ни въ спиртъ посадить—нѣжны».

Наши товарищи, путешествующіе съ самоотверженіемъ, едва дотащились назадъ послѣ посѣщенія больныхъ. Удивительно, какъ и эти трое больныхъ запаслись ревматизмомъ въ климатѣ, въ которомъ непростительно простудиться! Будь эти воды въ Европѣ, около нихъ возникло бы цѣлое мѣстечко; а сюда изъ другихъ частей свѣта ѣздятъ лѣчиться однимъ только воздухомъ; между тѣмъ въ окружности Устера есть около восьми мѣстъ съ минеральными источниками. Мы взяли въ бутылку воды, нѣкоторые изъ всадниковъ пересѣли въ экипажъ, и мы покинули это живописное мѣсто, оживленное сильною растительностью.

Въ Устерѣ сейчасъ сѣли за tiffing, второй завтракъ, потомъ пошли гулять, а кому жарко, тотъ сѣлъ въ тѣни деревьевъ, на балконѣ дома. Часовъ въ пять, когда жара спала, пошли по городу, встрѣтили доктора, зятя Лесюера.

Онъ повелъ насъ въ церковь, выстроенную самимъ пасторомъ для черныхъ. Другая видна была вправо отъ большой улицы, на площадкѣ; но та была заперта. — «Скучный городъ Устеръ!» твердилъ З., идучи съ нами: «домой хочу, на фрегатъ: тамъ теперь ванты перетягиваютъ — славно, весело!» Въ этихъ немногихъ словахъ высказался морякъ: онъ любилъ свое дѣло. Мы вошли въ церковь черныхъ. Проще ничего быть не можетъ: деревянная, довольно большая зала, безъ всякихъ украшеній, съ хорами. Вдоль отъ алтаря до выхода, въ два ряда стояли скамьи грубой работы. Впереди, ближе къ алтарю, было поставлено поперекъ церкви нѣсколько скамеекъ получше. — «А это для кого?» спросилъ я. — «Это для бѣлыхъ, которые бы вздумали придти сюда». — «Зачѣмъ это отличіе въ церкви?» замѣтилъ я. «Можетъ-быть, черные мысленно дѣлаютъ не совсѣмъ выгодное заключеніе о смиреніи своихъ наставниковъ». — «Нѣтъ, тутъ другая причина», сказалъ докторъ: «съ черными нельзя вмѣстѣ сидѣть: отъ нихъ пахнетъ: они мажутъ тѣло растительнымъ масломъ, да и испарина у нихъ имѣетъ особенный запахъ».

Въ самомъ дѣлѣ, въ тюрьмахъ, когда насъ окружали черные, пахло не совсѣмъ хорошо, такъ что Б., болѣе всѣхъ насъ заслуживший отъ З. упрекъ въ «нѣжномъ воспитаніи», смотрѣлъ на нихъ, стоя поодаль.

Мы вошли къ доктору, въ его маленькій домикъ, имѣвшій всего комнаты три-четыре, но очень уютный и чисто убранный. Хозяинъ предложилъ намъ капскаго вина и сигаръ. У него была небольшая коллекція предметовъ натуральной исторіи. Между прочимъ онъ подарилъ нашему доктору корень алоэ особой породы, который растетъ безъ всякаго грунта. Посади его въ пустой стаканъ, въ банку, поставь просто на окно, или повѣсь на стѣну и забудь — онъ будетъ расти, не завянетъ, не засохнетъ. Такъ онъ росъ и у доктора, на стѣнѣ, и года въ два обвилъ ее всю вокругъ.

Когда мы пришли въ свой отель часу въ седьмомъ, столовая ужъ ярко освѣщена была многими канделябрами. Столъ блисталъ, какъ банкетъ. Это былъ не вчерашній импровизированный обѣдъ, а обдуманный и приготовленный съ утра. Тутъ были супы, карри, фаршированныя мяса и птицы, сосиски, зелень. Нашъ скромный докторъ такъ и обомлѣлъ, когда вошелъ въ столовую. Онъ былъ, по строгой умѣренности и простотѣ нравовъ, живой контрастъ съ Б., у котораго гастрономическія наклонности были развиты до тонкости. — «Вѣдь ужъ мы, кажется, обѣдали», замѣтилъ онъ: «четыре блюда *имѣли*».—«То былъ tiffing, т.-е. второй завтракъ, а не обѣдъ», замѣтилъ Б. «Вчера безъ обѣда и сегодня тоже—слуга покорый!»

Обѣдъ тянулся до полуночи. Здѣсь Бенъ показалъ себя и живымъ собесѣдникомъ: онъ пѣлъ своимъ фальцетто шотландскія и англійскія пѣсни на весь Устеръ, такъ что я видѣлъ сквозь жалюзи множество глазъ, смотрѣвшихъ съ улицы на нашъ пиръ. Мы тоже пѣли, и хоромъ, и поодиночкѣ, съ аккомпанементомъ фортепіано, которое тутъ было въ углу.—«Thank you, thank you», повторялъ Бенъ послѣ каждой русской пѣсни, каждаго, немилосердо растерзаннаго итальянскаго мотива.

Въ срединѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ въ столовую пожилой человѣкъ, сильно разбитый ногами. Одну изъ нихъ онъ немного приволакивалъ.—«Сдраствуйте, каспада», сказалъ онъ: «карашо, карашо», прибавилъ потомъ, не знаю къ чему. Мы разступились и дали ему мѣсто за столомъ. Это былъ Вейнертъ, quasi-русскій, съ которымъ наши познакомились утромъ. Онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на каждаго изъ насъ, не различая, съ кѣмъ ужъ онъ видѣлся, съ кѣмъ нѣтъ, вздыхалъ, жалѣлъ, что уѣхалъ изъ Россіи, просилъ взять его съ собой, а подъ конецъ обѣда, выпивъ нѣсколько рюмокъ вина, совсѣмъ ослабѣлъ, плакалъ, говорилъ смѣсью разныхъ языковъ, примѣшивая безпрестанно, *ка-*

рашо, карашо. Онъ напоминалъ мнѣ старые наши провинціальные нравы: одного изъ тѣхъ гостей, которые заберутся съ утра, сидятъ до поздняго вечера, и отъ котораго не знаютъ, какъ освободиться. Отъ него уходятъ, намекаютъ ему, что пора домой, шепчутся, а онъ все сидитъ, особенно если еще выпьетъ. Мы, одинъ за однимъ, разошлись по своимъ комнатамъ, а гость пошелъ къ хозяевамъ, и мы еще долго слышали, какъ онъ тамъ хныкалъ, вздыхалъ и какъ раздавались около него смѣхъ и разговоры. Ужъ было за полночь, когда я изъ окна видѣлъ, какъ онъ, съ фонарикомъ въ рукахъ, шелъ домой.

На другой день утромъ, мы поѣхали обратно. У Змѣиной горки завидѣли мы вдали, въ полѣ, какую-то большую бѣлую птицу, видомъ напоминающую аиста, которая величаво шагала по травѣ. — «Секретарь, секретарь!» кричала намъ ученая партія. Мы всѣ повыскакали изъ экипажей и побѣжали по кустамъ смотрѣть птицу, которая носитъ это имя. Замѣтивъ приближающихся людей, птица начала учащенными шагами описывать круги по травѣ, все меньше и меньше, и когда мы подошли настолько, что могли разглядѣть ее, она взмахнула крыльями и скрылась. Птица «секретарь» извѣстна тѣмъ, что ведетъ дѣятельную войну съ змѣями. У ней толстыя сильныя ноги и острые когти. Она однимъ ударомъ ноги раздробляетъ голову кобракапеллѣ, или подхватитъ ее въ когти, взлетитъ повыше и броситъ на камень.

Садясь въ экипажъ я замѣтилъ, что у насъ опять новая лошадь.—«Гдѣ же та?» спросилъ я Вандика.—«Вонъ она!» отвѣчалъ онъ, указывая назадъ. Я увидѣлъ сзади нашихъ экипажей всадника: нашъ готтентотъ-мальчишка ѣхалъ верхомъ. Затѣмъ онъ и былъ взятъ въ поѣздку, какъ объяснилось теперь. — «А что жъ съ этой лошадью станешь дѣлать?» спросилъ я.—«Промѣняю въ Паарлѣ на ту, которую видѣлъ на лугу».—«А ту въ Капштатъ возьмешь?» —

«Нѣтъ, промѣняю въ Стелленбошѣ на маленькую, бѣленькую».—«Какъ же, мальчишка все будетъ ѣхать сзади, каждый разъ на новой лошади?» — «Yes», отвѣчалъ Вандикъ съ усмѣшкой.

Только мы проѣхали Змѣиную горку и З. затянулъ-было: «*Что ты, дѣва молодая, не отходишь отъ окна*», какъ мистера Бена кто-то будто кольнулъ. Онъ остановилъ повозку, быстро выскочилъ и еще быстрѣе побѣжалъ въ кусты. З. съ хохотомъ сталъ дѣлать лукавыя замѣчанія. Но за Беномъ такъ же быстро повыскакали и прочіе спутники. Хохотъ и лукавыя замѣчанія удвоились. Я подумалъ: не опять ли показался «секретарь»? Оказалось, что Бенъ хотѣлъ осмотрѣть поле для новой дороги, которую долженъ былъ прокладывать отъ ущелья до Устера. Мы не хотѣли отстать и пошли за ними. Но трава была такъ густа, кусты такъ непроницаемы, Змѣиная горка такъ близка и разсказы о змѣяхъ такъ живы, что молодой нашъ спутникъ, обыкновенно не робкій, хохочущій и среди опасностей, пустился, однакожъ, такими скачками впередъ, вслѣдъ за первой партіей, что мы съ Б. остановились и преслѣдовали его дружнымъ хохотомъ. Онъ скакалъ черезъ кусты, бѣжалъ, спотыкался, опять скакалъ, какъ будто за нимъ бросились въ погоню всѣ обитатели Змѣиной горки. Среди этихъ скачковъ онъ отвѣчалъ намъ также хохотомъ.

Вскорѣ все пришло въ прежній порядокъ. Мы тряслись по плохой дорогѣ рысью, за нами трясся мальчишка-готтентотъ. З. заливался и пѣлъ: «*Развѣ ждешь ты? да кого же? не солдата ли пѣвца?*» Мы съ Б. симпатизировали каждому живописному рву, группѣ деревьевъ, руслу изсохшей рѣчки и наслаждались молча. Изъ другого карта слышался живой разговоръ. Такъ въѣхали мы опять въ ущелье, и только, гдѣ становились поугрюмѣе, З. опять морщился и запѣвалъ мрачно: «*Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ*». На мызѣ Клейнбергъ, сынъ Бена встрѣтилъ насъ

верхомъ. Здѣсь взяли мы купленныхъ змѣй, тигровую шкуру, подразнили обезьяну и поѣхали ко второй тюрьмѣ, къ жилищу молодого Бена.

По дорогѣ вездѣ работали черные арестанты, съ непокрытой головой, прямо подъ солнцемъ, не думая прятаться въ тѣнь. Солдаты, не спуская съ нихъ глазъ, держали заряженныя ружья на второмъ взводѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы застали людей, которые ходили по болотистому дну пропасти и чего-то искали. Вандикъ поговорилъ съ ними по-голландски и сказалъ намъ, что тутъ наканунѣ утонулъ пьяный человѣкъ и вотъ теперь ищутъ его и не могутъ найти.

Къ обѣду пріѣхали мы къ молодому Бену и расположились обѣдать и кормить лошадей. Погода была такъ же хороша, какъ и за три дня, когда мы тутъ были. Но картина угрюмыхъ скалъ, рѣки, ущелья и моста оживлена была присутствіемъ множества людей. Черные тѣснились на дворѣ, по скаламъ, но болѣе всего на мосту, который строился.— «Вотъ посмотрите», сказалъ намъ мистеръ Бенъ: «сейчасъ взрывъ будетъ». Мы обратили взглядъ на людей, толпившихся за мостомъ, около кучи камней. Вдругъ люди всѣ бросились бѣжать отъ камней въ разныя стороны и каждый присѣлъ неподалеку, кто за пень, кто за камень, и смотрѣли оттуда что̀ будетъ. Раздался взрывъ, какъ глухой пушечный выстрѣлъ. Почва приподнялась немного подъ каменьями, и нѣкоторые изъ нихъ подскочили, а другіе просто покатились въ сторону. Сдѣлано было при насъ нѣсколько такихъ взрывовъ.

Опять мы разсматривали и разспрашивали, съ помощью миссіонера, черныхъ, о ихъ именахъ, племени, мѣсторожденія. Наконецъ, стали снимать съ нихъ портреты, сначала поодиночкѣ, потомъ Г. хотѣлъ снять одну общую картину со всего этого живописнаго уголка ущелья. Изъ черныхъ составили группу на дворѣ. Мистеръ Бенъ, съ сыномъ, и

миссіонеръ стояли возлѣ нихъ. Мы съ Б. взобрались на ближайшую скалу, которая была прямо надъ флигелемъ Бена и тоже входила въ картину. Насъ просили не шевелиться. Но мы украдкой покуривали, въ твердомъ убѣжденіи, что Г. по близорукости не разглядитъ.

Впрочемъ, изъ этой великолѣпной картины, какъ и изъ многихъ другихъ, ничего не выходило. Приготовленіе бумаги для фотографическихъ снимковъ требуетъ, какъ извѣстно, величайшей осторожности и вниманія. Надо имѣть совершенно темную комнату, долго приготовлять разные составы, давать время бумагѣ вылеживаться, и соблюдать другія, подобныя этимъ условія. Несмотря на самопожертвованіе Г., съ которымъ онъ трудился, ничего этого соблюсти нельзя.

Передъ обѣдомъ, черные принесли намъ убитую ими еще утромъ какую-то ночную змѣю. Она немного менѣе аршина, смугло-бѣлая, очень красивая на видъ. Ее удавили, принесли на тесемкѣ и повѣсили на ручкѣ замка у двери. Ее трогали, брали въ руки, но признаковъ жизни не замѣчали. Глаза у ней закрылись, мелкіе и частые зубы были наружу. Она висѣла уже часа два. Мнѣ вздумалось дотронуться ей до хвоста горящей сигарой: вдругъ змѣя начала биться, извиваться, поджимать и опускать хвостъ. Другіе стали повторять то же самое. Потомъ посадили ее въ спиртъ.

Послѣ обѣда мы распрощались съ молодымъ Беномъ и отправились въ Веллингтонъ, куда пріѣхали поздно вечеромъ. Топающій хозяинъ опять поставилъ весь домъ вверхъ дномъ, опять наготовилъ баранины, ветчины, чаю—и опять все дурно.

Утромъ, передъ отъѣздомъ изъ Веллингтона, мы пошли съ визитомъ къ г. Бену благодарить его за обязательное вниманіе къ намъ. Бенъ представилъ насъ своимъ дочерямъ, четыремъ зрѣлымъ «африканкамъ», то-есть рожденнымъ въ Африкѣ. Жена у него была голландка. Онъ вдовецъ. Около

дѣвицъ было много собачонокъ—признакъ исчезающихъ надеждъ на любовь и супружество. Зрѣлыя дѣвы, переставъ мечтать, сосредоточиваютъ потребность любить — на кошкахъ, на собачонкахъ, души, болѣе нѣжныя — на цвѣтахъ. Старшая дочь была старая дѣва. Третья, высокая, стройная дѣвушка, очень недурна собой, прочія—такъ-себѣ. Онѣ стали предлагать намъ кофе, завтракъ, но мы поблагодарили, отговариваясь скорымъ отъѣздомъ. Мистеръ Бенъ предложилъ посмотрѣть его музей ископаемыхъ. Нѣсколько небольшихъ остововъ пресмыкающихся онъ предложилъ взять для петербургскаго музеума натуральной исторіи.

На прощанье онъ сказалъ намъ, что мы теперь видѣли полный образчикъ колоніи.—«Вся она такая: тѣ же пески, мѣстами болота, кусты и крупныя травы».

Мы ѣхали по знакомой уже дорогѣ рысью. Пріѣхали въ Паарль. Вандикъ повезъ насъ другой дорогой, которая идетъ по нижнимъ террасамъ мѣстечка. Я думалъ, что онъ хочетъ показать намъ весь Паарль, а оказалось, что ему хотѣлось только посмотрѣть, ходитъ ли еще на лугу лошадь, которая его такъ озадачила въ первый проѣздъ. Только что онъ привезъ насъ въ знакомую гостиницу, какъ отпрягъ лошадей и скрылся. На этотъ разъ насъ встрѣтила *ма*. *Па* былъ тоже дома. Это сухощавый и молчаливый англичанинъ, весьма благовидной наружности и съ приличными манерами. Онъ, казалось, избѣгалъ путешественниковъ и ни во что не вмѣшивался, какъ человѣкъ, не привыкшій содержать трактиръ. Можетъ-быть, это, въ самомъ дѣлѣ, не его ремесло; можетъ-быть, его принудили обстоятельства. Все это можетъ быть; но дѣло въ томъ, что насъ принимали и угощали *ма* и вторая дѣвица. Первая была, по словамъ сестры, больна и лежала въ постели. Мы пожалѣли и велѣли ей кланяться.

По дорогѣ отъ Паарля, готтентотъ-мальчишка, ѣхавшій на вновь вымѣненной въ Паарлѣ лошади, безпрестанно

исчезалъ дорогой въ кустахъ и гонялся за маленькими черепахами. Онъ поймалъ двѣ: одну далъ въ нашъ картъ, а другую ученой партіи, но мы и свою сбыли туда же, потому что у насъ за ней никто не хотѣлъ смотрѣть, а она ползала вездѣ, карабкаясь вонъ изъ экипажа, и падала.

Вечеромъ мы нагрянули въ Стелленбошъ, заранѣе обѣщая себѣ обильный ужинъ, виноградъ, арбузы, покойный ночлегъ и выразительные взгляды толстой, черноглазой мулатки. Но домъ былъ весь занятъ: изъ Капштата ѣхали какіе-то новобрачные домой, на ферму, и ночевали въ той самой комнатѣ, гдѣ мы спали съ З. Намъ, однакожъ, предложили ужинъ и фрукты, и даже взгляды мулатки,—все, кромѣ ночлега. Хозяйка для спанья заняла комнаты въ домѣ напротивъ, и мы шумно отправились на новый ночлегъ, въ огромную, съ нѣсколькими постелями комнату, не зная, чей домъ, что за люди живутъ въ немъ. Видѣли только, что вечеромъ сидѣло на балконѣ какое-то семейство.

На другой день рано мы уѣхали. Мальчишка-готтентотъ трясся сзади ужъ на бѣленькой стелленбошской лошадкѣ. Паарльская была запряжена у насъ въ картѣ, а устерская осталась въ Стелленбошѣ.

Къ обѣду, то-есть часовъ въ пять, мы, запыленные, загорѣлые, небритые, остановились передъ широкимъ крыльцомъ Welch's Hotel въ Капштатѣ и застали въ сѣняхъ толпу нашихъ. «Каролина» была въ своей рамкѣ, въ своемъ черномъ платьѣ, которое было ей такъ къ лицу, съ сѣточкой на головѣ. Пошли разспросы, толки, новости, съ той и съ другой стороны. Хозяйки встрѣтили насъ, какъ старыхъ друзей. Ричардъ сначала сморщился, потомъ осклабился отъ радости, неимовѣрно скривилъ ротъ и носъ на сторону, хотѣлъ-было и лобъ туда же, но не могъ, видно, платокъ на головѣ крѣпко завязанъ; у него только складки на лбу изъ горизонтальныхъ сдѣлались вертикальными. Каролина улыбалась намъ пріятнѣе, нежели вновь прибывшимъ изъ Кап-

штата товарищамъ. Слуги вмигъ растащили наши вещи по номерамъ, и мы были прочно водворены въ отелѣ, какъ будто и не выѣзжали изъ него. Молодая служанка Адиса, какъ всѣ англійскія служанки, бросалась изъ угла въ уголъ, съ легкостью птицы летала по лѣстницамъ, тамъ отдавала приказаніе слугамъ, тутъ отвѣчала на вопросъ, мимоходомъ кому-нибудь улыбалась, или отмахивалась отъ черезчуръ настойчивыхъ любезностей какого-нибудь кругосвѣтнаго путешественника.

Шумной и многочисленной толпой сѣли мы за столъ. Однихъ русскихъ было человѣкъ двѣнадцать, да нѣсколько семействъ англичанъ. Я успѣлъ замѣтить только бѣлокураго, полнаго пастора съ женой и дѣтьми. Нельзя не замѣтить: крикъ, шумъ, вездѣ дѣти, въ сѣняхъ, по ступенямъ лѣстницы, въ номерахъ, на крыльцѣ — и все пастора. Настоящій Авраамъ—послѣ божественнаго посѣщенія.

Какъ только я пришелъ въ свой номеръ, тотчасъ посмотрѣлъ, вставлено ли стекло. Нѣтъ. Я съ жалобой къ хозяйкѣ: — «Что же стекло-то?» спросилъ я съ укоромъ. Я такъ и ждалъ, что старуха скажетъ: «праздники были, нельзя», но вспомнилъ, что у протестантовъ ихъ почти нѣтъ. «Что жъ она скажетъ мнѣ?» думалъ я: «что забыла, что жаль деньги тратить; живетъ и такъ». Она молчала. Я повторилъ свою жалобу. — «Война съ каффрами все мѣшаетъ», сказала она. Ну, я никакъ не ожидалъ такой отговорки: совершенно мѣстная! — «Всѣ мастеровые заняты... никакъ не могла найти. Вотъ завтра пошлю». Но стекло ни завтра, ни послѣзавтра, ни во вторичный мой пріѣздъ въ Капштатъ, вставлено не было, да и теперь, я увѣренъ, такъ же точно, какъ и прежде, въ него дуетъ вѣтеръ и хлещетъ дождь, а въ хорошую погоду летаютъ комары. А все говорятъ на русскаго человѣка: онъ безпеченъ, небреженъ, живетъ на авось; чѣмъ «каффрская война» лучше нашихъ праздниковъ?

Жизнь наша опять потекла прежнимъ порядкомъ. Раннимъ утромъ всякій занимался чѣмъ-нибудь въ своей комнатѣ: кто приводилъ въ порядокъ коллекцію собранныхъ растеній, животныхъ и минераловъ, кто записывалъ видѣнное и слышанное, другіе читали описаніе капской колоніи. Послѣ тиффинга всѣ расходились по городу и окрестностямъ, потомъ обѣдали, потомъ смотрѣли на «картинку» и шли спать.

На другой день, по возвращеніи въ Капштатъ, мы предприняли прогулку около Львиной горы. Точно такая же дорога, какъ въ Бенсклюфѣ, идетъ по хребту Льва, начинаясь въ одной части города и оканчиваясь въ другой. Мы взяли двѣ коляски и отправились часовъ въ одиннадцать утра. День начинался солнечный, безоблачный и жаркій до-нельзя. Дорога шла по берегу моря, мимо дачъ и фермъ. Здѣсь пока, до начала горы, растительность была скудная, и дачи, съ опаленною кругомъ травою и тощими кустами, смотрѣли жалко. Онѣ съ закрытыми своими жалюзи, какъ будто съ закрытыми глазами, жмурились отъ солнца. Кругомъ немногія деревья и цвѣтники, неудачная претензія на садъ, дѣлали эту наготу еще разительнѣе. Только одни испанскіе кусты алоэ, вдвое выше человѣческаго роста, не боялись солнца и далеко раскидывали свои сочные и колючіе листья. Они сплошнымъ забором окружали дачи. На покатостяхъ горы природа измѣняется: начинается густая зелень и тѣснѣе идутъ фермы и дачи. Одна изъ нихъ называется Green Point. Она построена на скатѣ зеленой оконечности Львиной горы. Сюда ѣздятъ изъ города любоваться моремъ и горой. Мы поѣхали въ гору. Она идетъ отлого, по прекрасному шоссе, мѣстами въ тѣни густыхъ каштановыхъ и дубовыхъ аллей. Бока горы заросли лѣсомъ до самаго моря. Въ лѣсу, во всѣхъ направленіяхъ, идутъ конныя дороги и тропинки. Не послѣднее наслажденіе проѣхаться по этой дорогѣ, смотрѣть внизъ на этотъ кудря-

вый, тѣнистый лѣсъ, на голубую гладь залива, на дальнія горы и на громадный зеленый холмъ надъ вашей головой слѣва. Внизу, между каменьями, о которые съ яростью плещутся вѣчные буруны, кое-гдѣ въ затишьяхъ, въ прозрачной водѣ, я видѣлъ стаями игравшую рыбу, разной величины и формы.

Но жарко, очень жарко; лошади начинали останавливаться. Пока мы выходили изъ коляски на живописныхъ мѣстахъ, я видѣлъ, что мальчишка-негръ, кучеръ другой коляски, безпрестанно подбѣгалъ къ нашему, негру же изъ племени Бичуанъ, и все что-то шептался съ нимъ. Лишь только мы въѣхали на самую высокую точку горы, лошади вдругъ совсѣмъ остановились и будто не могли идти далѣе. Кучера стали будто погонять ихъ, а онѣ бѣсились и рвались къ пропастямъ. Понятна кучерская тактика. Я погрозилъ мальчишкѣ-негру не заплатить ему всѣхъ условленныхъ денегъ.—«T'is hot, very hot, sir (очень жарко)», бормоталъ онъ: «лошади не могутъ идти». Подъ нами, въ полугорѣ, было какое-то деревянное зданіе, въ родѣ бесѣдки, едва замѣтное въ чащѣ зелени. — «Что это за домъ?» спросили мы.—«Трактиръ ротонда», сказали кучера: «здѣсь путешественники заѣзжаютъ освѣжиться и отдохнуть». Б. только-что услыхалъ объ «освѣженіи», какъ пустился сквозь чащу лѣса, цѣликомъ, внизъ, устраняя тростью вѣтви. Мы за нимъ, и скоро, измученные, добрались до трактира, который окруженъ открытой круглой галлереей, отчего и называется ротондой.

Здѣсь царствовала такая прохлада, такая свѣжесть отъ зелени и съ моря, такой величественный видъ на море, на лѣса, на пропасти, на дальній горизонтъ неба, на качающіяся вдали суда, что мы, въ радости, перестали сердиться на кучеровъ и велѣли дать имъ вина, въ благодарность за счастливую идею завести насъ сюда. Садикъ, кромѣ дубовъ, елей и кедровъ, былъ наполненъ фруктовыми деревьями и

цвѣточными кустами. Толстая голландка принесла намъ лимонаду и вина. Мы закурили сигары и погрузились взглядомъ въ широкую, покойно лежавшую передъ нами картину, горячую, полную жизни, игры, красокъ!

Кучера, несмотря на *на водку*, рѣшительно объявили, что день черезчуръ жарокъ и дальше ѣхать кругомъ всей горы нѣтъ возможности. Что съ ними дѣлать: браниться? — не поможетъ. Заводить процессъ за десять шиллинговъ — выиграешь только десять шиллинговъ, а кругомъ Льва все-таки не поѣдешь. Мы велѣли той же дорогой ѣхать домой.

Надо было, однакожъ, съѣздить въ Саймонстоунъ и узнать обстоятельнѣе, когда идемъ въ море. Мы вдвоемъ съ С., взявъ Вандика, отправились въ Саймонстоунъ на парѣ, въ той же каретѣ, которая возила насъ по колоніи. Дорогой ничего не случилось особеннаго, только С., проѣхавшій тутъ одинъ разъ, напередъ разсказывалъ всѣ подробности мѣстности, всякую отмель, бухту, ферму: удивительный глазъ и славная память! Да еще сынъ Вандика, мальчикъ лѣтъ шести, котораго онъ взялъ такъ, прокататься, долгомъ считалъ высовывать голову во всѣ отверстія, сдѣланныя въ покрышкѣ экипажа для воздуха, и въ одно изъ нихъ высунулся такъ неосторожно, что выпалъ вонъ, и прямо носомъ. Пустыня огласилась неистовымъ крикомъ. Къ счастью, въ африканскихъ пустыняхъ нынче почти вездѣ есть трактиры. Тамъ шалуна обмыли, дали примочки, и потомъ Вандикъ, съ первымъ встрѣтившимся экипажемъ, который былъ, конечно, знакомъ ему, отослалъ сына домой.

Въ Саймонстоунѣ я засталъ у насъ большія приготовленія къ обѣду и балу, который давали англичанамъ, въ отплату за ихъ обѣдъ и балъ и за дружескій пріемъ. Я перепугался: балъ и обѣдъ! Въ этихъ двухъ явленіяхъ выражалось все, отъ чего такъ хотѣлось удалиться изъ Петербурга на время, пожить иначе, по возможности безъ повтореній, а тутъ вдругъ балъ и обѣдъ! О. А. также втихомолку сму-

щался этимъ. Онъ не былъ въ Капштатѣ и отчаивался уже быть. Я подговорилъ его уѣхать, и дня черезъ два, съ тѣмъ же Вандикомъ, который былъ еще въ Саймонстоунѣ, мы отправились въ Капштатъ.

Но О. А. имѣлъ, что французы называютъ, du guignon. Къ вечеру сталъ подувать порывистый вѣтерокъ, горы закутались въ облака. Вскорѣ облака заволокли все небо. А я подготовлялъ-было его увидѣть Столовую гору, назначилъ пунктъ, съ котораго ее видно, но передъ нами стояли горы темныхъ тучъ, какъ-будто стѣны, за которыми прятались и Столъ, и Левъ.—«Ну, завтра увижу», сказалъ онъ, «торопиться нечего». Вѣтеръ дулъ сильнѣе и сильнѣе и наносилъ дождь, когда мы вечеромъ, часовъ въ семь, подъѣхали къ отелю.

Утромъ я вошелъ къ О. А.: окно его комнаты обращено было прямо къ Столовой горѣ.—«Ну, смотрите же теперь», сказалъ я: «какова гора...» и открылъ ставни. Но горы не было: мрачная, туманная пелена закрывала все. Дулъ вѣтеръ, въ окно летѣли брызги дождя. Досадно, надо было подождать полудня: авось разгуляется. Алиса принесла намъ чаю, потомъ мы пошли еще въ столовую опять пить чай, съ аккомпанементомъ котлетъ, рыбы, дичи и фруктовъ. — «It rains» (дождь идетъ), сказала m-rs Welch. — «Да», съ упрекомъ отвѣчалъ я ей: «и въ моей комнатѣ тоже». Каролина еще почивала. Я повелъ О. А. смотрѣть городъ. Мы ходили по грязнымъ улицамъ и мокрымъ тротуарамъ, заходили въ магазины, прошли по ботаническому саду, но окрестностей не видали: за двѣсти сажень всѣ предметы прятались въ туманѣ. О. А. зашелъ въ книжный магазинъ, да тамъ и сѣлъ. И та книга ему нравится, и другая нужна; тамъ увидитъ изданіе, котораго у него нѣтъ. и купитъ книгу. Насилу я вытащилъ его домой. Тамъ застали суматоху: пасторъ уѣзжалъ въ Англію. Въ сѣняхъ лежали грудой чемоданы, узлы, ящики; толпились няньки,

дѣти—и все исчезло. Стало просторнѣе, но не надолго. Мы завтракали впятеромъ: докторъ съ женой, еще какіе-то двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одного звали капитаномъ, да еще англичанинъ, большой ростомъ, большой крикунъ, большой говорунъ, держитъ себя очень прямо, никогда не смотритъ подъ ноги, въ комнатѣ всегда сидитъ въ шляпѣ. Черезъ часъ съ пришедшаго изъ Индіи парохода явились другіе путешественники и толпой нахлынули въ отель.

Трактиръ стоитъ на распутіи міра. Мысъ Д. Н. крайняя точка, перекрестокъ путей въ Европу, Индію, Китай, Филиппинскіе острова и Австралію. Отъ этого, сегодня вы обѣдаете въ обществѣ тридцати человѣкъ, невольно заводите [illegible] въ теченіе нѣсколькихъ дней, симпатіи: каждый день вы съ большимъ удовольствіемъ [illegible] за столомъ или въ общей прогулкѣ съ новымъ и неожиданнымъ [illegible]. Но въ одно прекрасное утро приходите, и вмѣсто [illegible] общества, [illegible] лицъ: [illegible] — «Гдѣ же [illegible]» Вамъ [illegible] тамъ [illegible] въ Англію, въ Австралію, или въ Китай, [illegible] съ такими-то [illegible] и съ такими-то пассажирами.

[illegible] О. А. [illegible] Greenwich [illegible]

руны. Я нигдѣ не видалъ такихъ буруновъ. Они, какъ будто рядъ гигантскихъ всадниковъ, наскакивали съ шумомъ, похожимъ на пушечные выстрѣлы, и съ облакомъ пѣны на каменья, прыгали черезъ нихъ, какъ взбѣсившіеся кони черезъ пропасти и преграды, и, наконецъ, обезсиленные падали клочьями грязной, желтой пѣны на песокъ. Мы долго не могли отвести глазъ отъ этой монотонной, но грандіозной картины.

За обѣдомъ мы нашли вновь прибывшее большое общество. Старый полковникъ ост-индской службы, съ женой, прослужившій свои лѣта въ Индіи и возвращавшійся въ Англію. Онъ высокій, худощавый старикъ, въ синей куртцѣ, похожъ болѣе на шкипера купеческаго судна. Жена его, высокая, худощавая женщина, съ блѣдно-русыми волосами. Она, волосокъ къ волоску, расположила скудную свою шевелюру и причесалась почти до мозгу. Подлѣ меня сидѣлъ другой старикъ, тоже возвращавшійся изъ Индіи, важный чиновникъ, весьма благообразный, совсѣмъ сѣдой. Какъ бы онъ годился быть дядей, который *возвращается изъ Индіи*, съ огромнымъ богатствомъ, и подоспѣваетъ кстати помочь племяннику жениться на бѣдной дѣвицѣ, какъ, бывало, писывали въ романахъ! Онъ одѣтъ чисто, даже изысканно, на пальцѣ у него большой перстень—совершенный дядя! Онъ давно посматривалъ на меня, а я на него. Я видѣлъ, что онъ не безъ любопытства глядитъ на русскихъ. Вижу, что ему хочется заговорить, узнать, можетъ-быть, что-нибудь о Россіи. Передъ нимъ стоялъ портвейнъ, передо мной хересъ. Наконецъ старикъ заговорилъ.—«Позвольте мнѣ выпить съ вами рюмку вина», сказалъ онъ.— «Съ удовольствіемъ», отвѣчалъ я, и мы налили—онъ мнѣ портвейну, котораго я въ ротъ не беру, а я ему хересу, котораго онъ не любитъ. Послѣ этого водворилось молчаніе. Мы жевали. Опять я вижу, онъ цѣлится спросить меня.—«Какова дорога отъ Саймонстоуна сюда?» спросилъ онъ, наконецъ.— «Очень хоро-

смраднаго дыма. Я испугался.—«Что это такое?»—«Нѣтъ ли здѣсь воды? воды скорѣе!» твердилъ онъ. У него загорѣлась цѣлая тысяча спичекъ, и онъ до того оторопѣлъ, что забывшись, по-русски требовалъ воды, тогда какъ во всѣхъ комнатахъ, въ томъ числѣ и у него, всегда стояло по цѣлому кувшину. Спички продолжали шипѣть и трещать у него въ рукахъ. — «Вотъ вода!» сказалъ я, показывая на умывальникъ: «и у васъ въ комнатѣ есть вода».— «Не догадался!» отвѣчалъ онъ. Я сталъ звать Алису вынести остатки фейерверка, и потомъ уже далъ полную волю смѣху.—«Не зовите, не зовите», перебилъ онъ меня: «стыдно будетъ».—«Стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ», сказалъ я: «а отъ дыма нашего можно въ обморокъ упасть».

На другой день за завтракомъ, сошлось насъ опять всего пятеро, или шестеро: полковникъ съ женою, англичанинъ-крикунъ, да мы. Завтракали по-домашнему. Полковница разливала чай и кофе. Она говорила по-французски и между нами завязался живой разговоръ. Сначала только и было толку, что о вчерашнемъ фейерверкѣ. Я, еще проходя мимо буфета, слышалъ, какъ крикунъ спросилъ у м-съ Вельчъ, что за смрадъ распространился вчера по отелю; потомъ онъ спросилъ полковницу, слышала ли она этотъ запахъ.—«Yes, o yes, yes!» наладила она разъ десять сряду. — «Отвратительно, невыносимо!» продолжалъ крикунъ. — «Yes, y-e-s», жалобно, съ придыханіемъ, повторила полковница.— «Разъ, два, три, четыре!» считалъ О. А., сколько разъ она скажетъ yes. — «А знаете ли, что значитъ этотъ yes?» спросилъ я его.—«Это значитъ подтвержденіе, наше *да*», отвѣчалъ онъ. — «Такъ, но знаете ли, что оно подтверждаетъ? что вчера отвратительно пахло сѣрой»...—«Что вы: ахти!» встрепенувшись, заговорилъ онъ, и чтобъ скрыть смущеніе, взялъ всю яичницу къ себѣ въ тарелку. — «А вы слышали этотъ запахъ?» приставалъ крикунъ, обращаясь къ полковнику и поглядывая на насъ.—«Не правда ли, что похоже

были ли вы въ этой пожарѣ?» спросилъ онъ [illegible] [illegible]. — «Yes, yes», отвѣчала она. — «Пять, шесть!» считалъ печально О. А.

Вдругъ она заговорила со мной о фрегатѣ, о нашемъ путешествіи. Узнавъ, что мы были въ Портсмутѣ, она живо спросила меня: не знаю ли я тамъ въ Southsea церкви [illegible]. — «Какъ же, знаю», отвѣчалъ я, хотя и не зналъ, про которую церковь она говоритъ: ихъ тамъ не одна. — «Прекрасная церковь», прибавилъ я. — «Yes... oui, oui», потомъ прибавила она. — «Семь», считалъ О. А., полагая, что разговоръ перемѣнился: «я ужъ кстати и oui считаю», шепталъ онъ мнѣ.

Туманъ въ этотъ день былъ еще гуще и непроницаемѣе. О. А. надо было ѣхать назадъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ сѣлъ онъ въ карету Ванцика и поѣхалъ, не видавъ Столовой горы. — «Это меня за что-нибудь Богъ наказалъ!» сказалъ онъ, уѣзжая. Едва прошелъ часъ, полтора, я былъ въ ботаническомъ саду, какъ вдругъ вижу: Столовая гора понемногу раздѣвается отъ облаковъ. Сначала показался уголъ, потомъ вся вершина, наконецъ, и основаніе. По зелени ея заблистало солнце, въ пять минутъ все высохло. Кругомъ меня по кустамъ щебетали колибри, и весь Капштатъ съ окрестностями облился яркимъ золотымъ блескомъ. Мнѣ вчужѣ стало обидно за О. А.

Мы одни остались съ натуралистомъ; но пришла и наша очередь ѣхать. Намъ дано знать, что работы на фрегатѣ кончены, [illegible] и черезъ два дня онъ снимется [illegible]. Мы [illegible] съ Ванцикомъ. Онъ [illegible] ѣхалъ берегомъ [illegible] [illegible] своей [illegible] въ [illegible] [illegible] у двери. — [illegible], сказалъ я [illegible]. — «Yes [illegible]», сказала [illegible] потомъ: «[illegible]

пришло еще русское судно?»—«Какое? когда?»—«Вчера вечеромъ», отвѣчалъ онъ. Оказалось, что это былъ нашъ транспортъ «Двина», который мы видѣли въ Англіи.

Жаль было намъ уѣзжать изъ Капской колоніи: въ ней было привольно, мы пригрѣлись къ этому мѣсту. Другіе говорятъ, что если они плаваютъ долго въ морѣ, имъ хочется берега; а поживутъ на берегу, хочется въ море. Мнѣ совсѣмъ не такъ: если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни. Удобна ли квартира, покойно ли кресло, есть хорошій видъ, прохлада — мнѣ не хочется дальше. Меня влечетъ уютный домикъ съ садомъ, съ балкономъ, останавливаетъ добрый человѣкъ, хорошенькое личико. Сколько страстишекъ успѣетъ забраться въ сердце! сколько тонкихъ, сначала неосязаемыхъ нитей, протянется оттуда въ разныя стороны! Поживи еще—и эти нити окрѣпнутъ, обратятся въ такъ-называемыя «узы». Жаль будетъ покинуть знакомый домъ, улицу, любимую прогулку, добраго человѣка. Такъ и мнѣ ужъ становилось жаль бросать мой 8-ой нумеръ, готтентотскую площадь, ботаническій садъ, видъ Столовой горы, нашихъ хозяевъ, и между прочимъ еврея-доктора.

Долго мнѣ будутъ сниться широкія сѣни, съ прекрасной «картинкой», крыльцо съ виноградными лозами, длинный столъ съ собесѣдниками со всѣхъ концовъ міра, съ гримасами Ричарда; долго будетъ чудиться и «yes», и бѣготня Алисы по лѣстницамъ, и крикунъ-англичанинъ, и мое окно, у котораго я любилъ работать, глядя на сѣрые уступы и зеленые скаты Столовой горы и Чортова пика. Особенно еще какъ вспомнишь, что впереди море, море и море!

— «Good bye!» прощались мы печально на крыльцѣ со старухой Вельчъ, съ Каролиной. Ричардъ, Алиса, корявый слуга и малаецъ-поваръ — всѣ вышли проводить и взять обычную дань съ путешественниковъ — по нѣсколько шиллинговъ. Дорогой встрѣтили доктора, верхомъ, съ женой, и

кой-нибудь подарокъ, особенно табаку, а у меня ничего нѣтъ. — «Гдѣ бы купить, Вандикъ?» спросилъ я. Вандикъ молча завернулъ въ узенькую аллею и остановился у воротъ какой-то хижины.—«Что это?»—«Лавочка».—«Гдѣ же?»—«Да вотъ». Ну, эта лавочка можетъ служить выраженіемъ первобытной идеи о торговлѣ и о магазинѣ, какъ эта идея только зародилась въ головѣ того, кому смутно представлялась потребность продавать и покупать. Подъ навѣсомъ изъ травы reet, сколочено было нѣсколько досокъ, образующихъ полки; ни боковыхъ стѣнъ, ни дверей, не было. На полкахъ была глиняная посуда, свѣчи, мыло, кофе, еще какіе-то предметы общаго потребленія, и, наконецъ, табакъ и сигары. Все это валялось вмѣстѣ, безъ обертки, кое-какъ.—«Дайте мнѣ сигаръ?» спросилъ я у высокаго, довольно чисто одѣтаго англичанина. Онъ подалъ мнѣ нѣсколько пачекъ. —«Еще нѣтъ ли у васъ чего-нибудь?» говорилъ я, оглядывая лавочку. — «Are you of the country (вы здѣшній)?» спросилъ меня продавецъ.—«Нѣтъ, а что?»—«То-то я васъ никогда не видалъ, да и по разговору слышно, что вы иностранецъ. Чего вамъ еще и зачѣмъ?» прибавилъ онъ. — «Хочу подарить что-нибудь Сейоло», сказалъ я, закуривъ сигару. И не радъ былъ, что закурилъ: давно я не куривалъ такой дряни.—«Такъ это вы ему покупаете сигары?» вдругъ спросилъ онъ. — «Да». Англичанинъ молча отобралъ у меня всѣ пачки и положилъ назадъ на полку. — «Не стоитъ ему давать такихъ хорошихъ сигаръ: онъ толку не знаетъ», прибавилъ онъ потомъ: «а вотъ лучше подарите ему это». Онъ подалъ мнѣ чернаго листового табаку, приготовленнаго въ видѣ прессованной дощечки для куренія и для жеванія.— «Онъ вамъ будетъ гораздо благодарнѣе за это, нежели за то», говорилъ хозяинъ, отдирая мнѣ часть дощечки.—«Я всю возьму», сказалъ я: «да и то мало, дайте еще». — «Довольно», рѣшительно сказалъ англичанинъ: «больше не дамъ». Не знаю,

какъ и когда, съ такимъ способомъ торговли, разбогатѣетъ этотъ купецъ.

Въ полуверстѣ отъ мѣстечка, на голой, далеко расчищенной кругомъ площадкѣ, стояло бѣлое небольшое зданіе, обнесенное каменной стѣной. У дверей стояли часовые и нѣсколько какихъ-то джентльменовъ.—«Можно видѣть Сейоло?» спросили мы. Джентльмены вѣжливо поклонились, ввели насъ въ сѣни, изъ которыхъ мы вышли на маленькій дворъ, къ желѣзной рѣшёткѣ. Они отперли дверь и пригласили насъ войти. Мы вошли. Маленькое, обнесенное стѣной пространство усыпано было желтымъ пескомъ. Въ углу навѣсъ; тамъ видны были постели. На пескѣ, прямо на солнцѣ, лежали два тюфяка, поодаль одинъ отъ другого. На одномъ лежалъ Сейоло, на другомъ его жена. Когда мы подошли и кивнули ему головой, онъ привсталъ, сѣлъ на тюфякѣ и протянулъ намъ руку. Жена его смотрѣла на насъ, опершись на локоть, и тоже первая подала руку. Я отдалъ Сейоло табакъ и сигары. Онъ взялъ и, не поглядѣвъ, что было въ бумагѣ, положилъ подлѣ себя. Потомъ мы молча стали разглядывать другъ друга. Я любовался имъ, и его женой; они, я думаю, нами не любовались. Онъ мужчина лѣтъ тридцати, высокаго роста, вершковъ четырнадцати, атлетическаго сложенія, стройный, темно-коричневаго, матоваго цвѣта. Одѣтъ онъ былъ въ жакетѣ и синихъ панталонахъ; ноги у него босыя, грудь открыта нараспашку. Она—въ ситцевомъ платьѣ европейскаго покроя, въ чулкахъ и башмакахъ, голова повязана платкомъ. Она свѣтлѣе мужа цвѣтомъ. Ей всего лѣтъ девятнадцать, или двадцать. У ней круглое смугло-желтое лицо, темно-каріе глаза, съ выраженіемъ доброты, и маленькая, стройная нога. Они съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ и изрѣдка усмѣхались, продолжая лежать. Намъ хотѣлось поговорить, но переводчика не было дома. У моего товарища былъ портретъ Сейоло, снятый имъ за нѣсколько дней пе-

редъ тѣмъ, посредствомъ фотографіи. Онъ сдѣлалъ два снимка: одинъ себѣ, а другой такъ, на случай. Я взялъ портретъ и показалъ его, сначала Сейоло: онъ посмотрѣлъ и громко захохоталъ, потомъ передалъ женѣ. — «Сейоло, Сейоло!» заговорила она, со смѣхомъ указывая на мужа, опять смотрѣла на портретъ и продолжала смѣяться. Потомъ отдала портретъ мнѣ. Сейоло взялъ его и сталъ пристально разсматривать.

Наконецъ, пора было уходить. Сейоло подалъ намъ руку и ласково кивнулъ головой. Я взялъ у него портретъ и отдалъ женѣ его, дѣлая ей знакъ, что оставляю его ей въ подарокъ. Она, повидимому, была очень довольна, подала мнѣ руку и съ улыбкой кивала намъ головой. И ему понравилось это. Онъ отъ удовольствія привсталъ и захохоталъ. Мы вышли и поблагодарили джентльменовъ.

Я вспомнилъ, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей, видѣвшіе уже Сейоло, говорили, что жена у него нехороша собой, съ злымъ лицомъ и т. п., и удивлялся, какъ взгляды могутъ быть такъ различны въ опредѣленіи даже наружности женщины! — «Видѣли Сейоло!» съ улыбкой спросилъ насъ Вандикъ. — «Да; у него хорошенькая жена», сказалъ я, желая узнать, какого онъ мнѣнія о ней.—«Да которая? у него ихъ семь».—«Семь? что ты?»—«Да, семь; недавно адъютантъ его привезъ ему одну, а другую взялъ. Онѣ поочереди пріѣзжаютъ къ нему и проводятъ съ нимъ недѣли по три, по четыре». Мы съ натуралистомъ посмотрѣли другъ на друга, засмѣялись и поѣхали дальше.

Сейоло — одинъ изъ второстепенныхъ вождей. Онъ взятъ въ плѣнъ въ нынѣшнюю войну. Его слѣдовало повѣсить, но губернаторъ смягчилъ приговоръ, замѣнивъ смертную казнь заключеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане воюютъ съ каффрами, то-есть съ 1835 года, эти дикари поступаютъ совершенно одинаково, по принятой ими однажды системѣ. Они грабятъ границы колоніи, угоняютъ скотъ, жгутъ фермы,

Не помню, писалъ ли я вамъ, что эта шкуна, купленная адмираломъ въ Англіи, для совмѣстнаго плаванія съ нашимъ фрегатомъ, должна была соединиться съ нами на мысѣ Доброй Надежды. Теперь адмиралъ посылалъ ее впередъ.

Вечеръ былъ лунный, море гладко, какъ стекло; шкуна шла подъ малыми парами. У выхода изъ Фальсбэя мы простились съ К. надолго и пересѣли на шлюпку. Фосфорный блескъ былъ такъ силенъ въ водѣ, что весла черпали какъ будто растопленное серебро, въ воздухѣ разливался запахъ морской влажности. Небо сквозь рѣдкія облака слабо теплилось звѣздами, затмеваемыми луннымъ блескомъ. Половина залива ярко освѣщалась луной, другая таилась въ тѣни.

На другой день, 12-го апрѣля, ушли и мы. Было тихо, хорошо, но не надолго.

Май, 1853 года.
Индійскій океанъ.

V.

ОТЪ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ ДО ОСТРОВА ЯВЫ.

Штормъ.—Святая недѣля.—Тридцать дней на Индійскомъ океанѣ.—Жары.—Смерчъ.—Анжерскій рейдъ.—Вечеръ на Явѣ.—Китайцы и малайцы.

От мыса Доброй Надежды предположено было идти по дугѣ большого круга: спуститься до 38° южной широты и идти по параллели до 105° восточной долготы; тамъ подняться до точки пересѣченія 30° южной широты. Мы ушли изъ Фальсбэя 12-го апрѣля.

Индійскій океанъ встрѣтилъ насъ еще хуже, нежели Атлантическій: тамъ дулъ хоть крѣпкій, но попутный вѣтеръ, а здѣсь и крѣпкій, и противный, обратившійся въ штормъ, который на берегу называютъ *бурей*.

Знаменитый мысъ Доброй Надежды какъ будто совѣстится передъ путешественниками за свое приторное названіе, и долгомъ считаетъ всякому изъ нихъ напомнить, что у него было прежде другое, больше ему къ лицу. И въ самомъ дѣлѣ, рѣдкое судно не испытываетъ шторма у древняго *мыса Бурь*.

Я ничего не зналъ, что замышляетъ противъ насъ мысъ, и покойно сидѣлъ въ общей каютѣ послѣ обѣда, на диванѣ, у бизань-мачты. *Свистали* нѣсколько разъ *всѣхъ наверхъ рифы брать*. Я ужъ не спрашивалъ теперь, что это значитъ.—«Свѣжѣетъ!» говорилъ то тотъ, то другой офицеръ, сходя сверху. А это такъ же обыкновенно на морѣ, какъ если бъ сказать на берегу: «дождь идетъ, или пасмурно, ясно». Началась качка, и довольно-сильная — и это ни почемъ. Любитель-натуралистъ, по обыкновенію, отправился въ койку мучиться морскою болѣзнію; слуги ловили стулья, стаканы, и все, что начало метаться съ мѣста на мѣсто; *принайтавливали* мебель въ каютахъ. Пошелъ дождь и началъ капать въ каюту. Мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, было самое покойное, и я удерживалъ его до послѣдней крайности. Ревъ вѣтра долеталъ до общей каюты, размахи судна были все больше и больше. Штормъ былъ классическій, во всей формѣ. Въ теченіе вечера, приходили раза два за мной сверху, звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ, съ одной стороны, вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой, нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно ужъ было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи; но не удалось. Часовъ въ десять вечера, жестоко поддало, валъ хлынулъ и разлился по всѣмъ палубамъ, на которыхъ и безъ того много скопилось дождевой воды. Она потоками устремилась въ люки, которыхъ не закрывали для воздуха. Цѣлые каскады начали хлестать въ каюту, на столъ, на скамьи, на полъ, на насъ, не исключая и моего мѣста, и меня самого. Всѣ поджали ноги, или разбѣжались, куда кто могъ. Младшій и самый веселый изъ нашихъ спутниковъ, З., вскочилъ на скамью и, съ неизмѣннымъ хохотомъ, ухвативъ гдѣ-то изъ угла кота, бросилъ его подъ каскады. Мальчишка-голландецъ горько заплакалъ, думая,

что насталъ послѣдній часъ. Б. выглянулъ изъ своей каюты и закричалъ на дневальныхъ, чтобъ сводили воду шваброй въ трюмъ. Я стоялъ въ водѣ на четверть выше ступни и не зналъ, куда дѣться, что дѣлать. А я былъ въ башмакахъ: отъ сапогъ мы должны были отказаться еще въ сѣверномъ тропикѣ. Я хотѣлъ пробраться вверхъ, въ свою, или капитанскую каюту, и ждалъ, пока вода сбудетъ.

— «Что вы тутъ стоите? пойдемте вверхъ», сказалъ мнѣ Н. Н. С. и, ухвативъ меня мимоходомъ, потащилъ съ собою бѣгомъ.

По трапамъ еще стремились потоки, но у меня ноги ужъ были по колѣни въ водѣ — нечего разбирать, какъ бы посуше пройти. Мы выбрались наверхъ: темнота ужасная, вой вѣтра еще ужаснѣе: не видно было, куда ступить. Вдругъ молнія. Она освѣтила, кромѣ моря, еще озеро воды на палубѣ, толпу народа, тянувшаго какую-то снасть, да протянутые леера, чтобъ держаться въ качку. Я шагалъ въ водѣ черезъ веревки, сквозь толпу; добрался кое-какъ до дверей своей каюты, и тамъ, ухватясь за кнехтъ, чтобъ не бросило куда-нибудь въ уголъ, пожалуй, на пушку, остановился посмотрѣть хваленый штормъ. Молнія какъ молнія, только безъ грома, или его за вѣтромъ не слыхать. Луны не было.

— «Гдѣ жъ она? подайте луну!» сказалъ я дѣду, который приходилъ за мной звать меня вверхъ.

— «Нѣтъ, ужъ она въ Америку ушла», сказалъ онъ: «еще бы вы до завтра сидѣли въ каютѣ!»

Нечего дѣлать, надо было довольствоваться одной молніей. Она сверкала часто и такъ близко, какъ будто касалась мачтъ и парусовъ. Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.

— «Какова картина?» спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

— «Безобразіе, безпорядокъ!» отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту, перемѣнить обувь и бѣлье.

Но это было не легко, при качкѣ, безъ Ѳаддеева, который гдѣ-нибудь стоялъ на брассахъ, или присутствовалъ вверху, на нокахъ рей: онъ одинъ зналъ, гдѣ что у меня лежитъ. Я отворялъ то тотъ, то другой ящикъ, а ящики лѣзли вонъ и толкали меня прочь. Хочешь сѣсть на стулъ — качнетъ, и сядешь мимо. Я легъ и заснулъ. Вѣтеръ смягчился и задулъ попутный; судно понеслось быстро.

На другой день стало потише, но все еще качало, такъ что въ Страстную среду не могло быть службы въ нашей церкви. Остальные дни Страстной недѣли и утро перваго дня Пасхи прошли покойно. Замѣчательно, что въ этотъ день мы были на меридіанѣ Петербурга.

— «Это и видно», замѣтилъ кто-то: «дождь льетъ совершенно по-нашему».

Кажется, это въ первый разъ случилось — служба въ православной церкви, въ южномъ полушаріи, на волнахъ, послѣ только что утихшей бури. Въ первый день Пасхи, когда мы обѣдали у адмирала, вдругъ съ трескомъ, звономъ, вылетѣла изъ полупортика рама, стекла разбились вдребезги, и кудрявый, сѣдой валъ, какъ самъ Нептунъ, влетѣлъ въ каюту и разлился по полу. Большая часть выскочила изъ-за стола, но насъ трое усидѣли. Я одною рукою держалъ тарелку, а другою стаканъ съ виномъ. Ноги мы поджали. Пришли матросы и вывели швабрами нежданнаго гостя вонъ.

Дальнѣйшее тридцати-одно-дневное плаваніе по Индійскому океану было довольно однообразно. Начало мая не лучше, какъ у насъ: небо постоянно облачно; рѣдко проглядывало солнце. Ни тепло, ни холодно. Нѣкоторые, однакожъ, одѣлись въ суконныя платья — и умно сдѣлали. Я упрямился, ходилъ въ лѣтнемъ, зато у меня не разъ схватывало зубы и високъ. Ожидали зюйд-вестовыхъ вѣтровъ и

громаднаго волненія, которому было гдѣ разгуляться въ огромномъ бассейнѣ, чистомъ отъ самаго полюса; но вѣтры стояли нордовые, и все-таки благопріятные. Мы неслись верстъ по семнадцати, иногда даже по двадцати въ часъ, и такъ избаловались, что чуть пойдемъ десять или двѣнадцать верстъ, ужъ ворчимъ. Волненіе ни то, ни сё: не такое сильное, чтобъ мѣшало жить, но безпокойное настолько, что не давало ничѣмъ заняться, кромѣ чтенія.

Мы видѣли много вблизи и вдали игравшихъ китовъ, стаи птицъ, которымъ указано по картѣ сидѣть въ такомъ-то градусѣ широты и долготы, и онѣ въ самомъ дѣлѣ сидѣли тамъ: все альбатросы, чайки и другія морскія птицы, съ лежащихъ въ 77° восточной долготы, пустыхъ, каменистыхъ островковъ «Амстердама» и «св. Павла». Мы прошли мимо ихъ ночью. Наконецъ, стали подниматься постепенно къ сѣверу и дошли до точки пересѣченія 105° долготы и 30° широты, и 10-го мая пересѣкли тропикъ Козерога. Ждали пассата, а дулъ чистый S, и только въ 18° получили пассатъ.

Я надѣялся на эти тропики, какъ на каменную гору: я думалъ, что настанетъ, какъ въ Атлантическомъ океанѣ, умѣренный жаръ, ровный и постоянный вѣтеръ; что мы войдемъ въ безмятежное царство вѣчнаго лѣта, голубого неба, съ фантастическимъ узоромъ облаковъ, и синяго моря. Но ничего похожаго на это не было: вѣтеръ, качка, такъ что полупортики у насъ постоянно были закрыты.

— Що-сь, воно не тее, эти тропикы!—сказалъ мнѣ одинъ спутникъ, жившій долго въ Малороссіи, который тоже надѣялся на такое же плаваніе, какъ отъ Мадеры до мыса Доброй Надежды.

Правда, съ сѣвера въ иные дни несло жаромъ, но не такимъ, который нѣжитъ нервы, а духотой, паромъ, какъ изъ бани. Дожди иногда лились потоками, но нисколько не прохлаждали атмосферы, а только разводили сырость и мокроту.

13-го мая мы прошли въ виду необитаемаго острова «Рождества», похожаго немного фигурой на нашъ Гохландъ.

Но вотъ стало проглядывать солнце, да ужъ такъ, что хоть бы и не надо. Пора вынимать бѣлое пальто и фуражку. Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ хуже, жарче. Завидѣли берега Явы, хотѣли войти въ Зондскій проливъ между Явой и островкомъ «Принца», въ двѣ мили шириною, покрытымъ лѣсомъ краснаго дерева. На немъ двѣ-три маленькія деревушки; но теченіемъ отнесло дальше. Пришлось войти прямо въ ворота, минуя калитку. При входѣ въ проливъ начались мертвые штили. Вода, какъ зеркало, небо безмятежно—такъ и любуется другъ другомъ: ничто не дохнетъ въ природѣ. Берегъ—одна зеленая кайма. Кажется, чего бы? дождались и тишины, и тепла; но въ это тепло хорошо сидѣть на балконѣ загороднаго дома, въ тѣни непроницаемой зелени, а не тутъ, подъ зноемъ 25° въ тѣни по Реомюру. Купались, да что толку: температура воды отъ 20 до 22°, ничего не прохлаждаетъ. Дышишь тяжело, ляжешь—волосы и лицо мокнутъ.—«Що-сь, воно не тее», повторялъ мой малороссіянинъ, отирая лицо.

И ночи не приносили прохлады, хотя и были великолѣпны. Каждую ночь, на горизонтѣ, во всѣхъ углахъ, играла яркая зарница. Небо млѣло избыткомъ жара, и по вечерамъ носились въ немъ, въ видѣ пыли, какіе-то атомы, помрачавшіе немного огнистыя зори, какъ будто сѣмена и зародыши жаркой производительной силы, которую такъ обильно лили здѣсь на землю и воду солнечные лучи. Мы часто видѣли метеоры, пролетавшіе по горизонту. Въ этомъ воздухѣ природа, какъ-будто явно и открыто для человѣка, совершаетъ процессъ творчества; здѣсь можно непосвященному глазу слѣдить, какъ образуются, растутъ и зрѣютъ ея чудеса; подслушивать, *какъ растетъ трава*. Творческія мечты ея такъ явны, какъ вдохновенныя мысли на лицѣ художника. Авось услышимъ, какъ растетъ—хоть сладкій карто-

фель, или табакъ. По ночамъ реомюръ показывалъ только градусомъ меньше противъ дня.

Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ капитанской каютѣ на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь—свѣтло. Спрашиваю, который часъ: шестой, говорятъ.—«Зарядить пушку ядромъ!» кричитъ вахтенный. Что это, кого тамъ? подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что виденъ пароходъ, не пароходъ, а Богъ знаетъ что. Я бросился наверхъ, вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится на насъ—въ самомъ дѣлѣ «Богъ знаетъ что»: черный, крутящійся столпъ съ дымомъ, похожій, пожалуй, и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса, будто рукавъ; все ближе, ближе. — «Готова ли пушка?» закричалъ вахтенный. — «Готова!» отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться, и вскорѣ, саженяхъ въ ста-пятидесяти отъ насъ, пропало безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи или водяные столпы разбиваютъ ядрами съ кораблей, иначе они, налетѣвъ на судно, могутъ сломать рангоутъ, или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ. Мы еще видѣли послѣ раза два такія явленія, но они близко не подходили къ намъ.

Штили держали насъ дня два почти на одномъ мѣстѣ, наконецъ 17 мая нашего стиля, по чуть-чуть засвѣжѣвшему вѣтерку, мимо низменнаго, потерявшагося въ зелени берега, добрались мы до Анжерскаго рейда и бросили якорь. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ туда же испанскій транспортъ, который везъ изъ Испаніи отрядъ войскъ въ Манилу.

Я очень радъ, что наконецъ пріѣхалъ къ такому берегу, у котораго нѣтъ никакого прошедшаго и никакой исторіи. Не нужно шевелить книгъ, справляться и преважно увѣрять васъ, что городъ, государство, основаны тогда-то, заняты тѣмъ-то и т. п. Что такое Анжеръ? Малайское селеніе, не подверженное никакимъ перемѣнамъ. О немъ упоминаетъ

еще Тунбергъ. Оно то же было при немъ, что и теперь. На рейдѣ, у Анжера, останавливаются налиться водой, запастись зеленью, суда, которыя не хотятъ идти въ Батавію, гдѣ свирѣпствуютъ гибельныя, особенно для иностранцевъ, лихорадки. Батавія лежитъ на сутки ѣзды отсюда сухимъ путемъ. Мы мечтали съѣздить туда, пробыть тамъ день и вернуться. Думали, что тутъ есть и шоссе, и удобные экипажи. Ничего этого не было. Въ двѣ недѣли разъ отправляется изъ Анжера почта въ Батавію; почтальонъ ѣдетъ верхомъ.

— «А можно ли нанять экипажи?» спросили мы.

— «Нѣтъ, нанять нельзя, а можно получить даромъ», говорятъ малайцы.

— «Ну, нечего дѣлать, хоть даромъ, все равно. Да у кого же?»

— «У коменданта есть колясочка, у таможеннаго чиновника тоже: попросить, такъ они дадутъ».

— «Мы сейчасъ же пойдемъ къ нимъ...»

— «Да ихъ нѣтъ въ Анжерѣ: они уѣхали въ городокъ, лежащій на пути въ Батавію, въ трехъ часахъ ѣзды отъ Анжера».

— «А когда будутъ?»

— «Завтра или послѣзавтра».

Всѣ наши мечты рушились.

Между тѣмъ насъ окружило множество малайцевъ и индійцевъ; коричневые, красноватые, полуголые, безъ шляпъ, и въ коническихъ тростниковыхъ или черепаховыхъ шляпахъ, собрались они въ лодкахъ около фрегата. Всѣ они кричали, показывая—одинъ обезьяну, другой—корзинку съ кораллами и раковинами, третій—кучу ананасовъ и банановъ, четвертый—живую черепаху, или попугаевъ.

Жаръ несносный; движенія никакого, ни въ воздухѣ, ни на морѣ. Море—какъ зеркало, какъ ртуть: ни малѣйшей ряби. Видъ пролива и обоихъ береговъ поразителенъ подъ

лучами [illegible] Какая [illegible] небомъ и водою! Какъ ослѣпительно-ярко блеститъ солнце и разсыпается, играетъ лучами въ водѣ! Въ иныхъ мѣстахъ кучками кипитъ золотомъ, такъ какъ будто горятъ кучи раскаленныхъ угольевъ: нельзя смотрѣть; а подальше, кругомъ до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глазъ глубоко проникаетъ въ прозрачныя воды. Земли нѣтъ: все лѣса и сады, густые какъ щетка. Деревья сошли съ берега и тѣснятся въ воду. За садами вдали видны высокія горы, но не обнаженныя и угрюмыя, какъ въ Африкѣ, а всѣ заросшія лѣсомъ. Направо явайскій берегъ, налѣво, среди пролива, зеленый островокъ, а сзади, на дальнемъ планѣ, синѣетъ Суматра.

Наши толпой бросились на берегъ. Меня капитанъ пригласилъ ѣхать съ собой, немного погодя, пока управятся на судѣ. Наконецъ, часу во второмъ, мы поѣхали втроемъ. До берега было версты двѣ. Едва мы отъѣхали сажень сто, какъ вдругъ видимъ, наши матросы тащатъ изъ воды акулу. Они дотащили ее уже до пушекъ. — «Вернемся на минуту посмотрѣть», сказали мои товарищи. Я былъ противъ этого: меня манилъ берегъ, и я неохотно возвращался. Но мы не успѣли обернуть шлюпки, какъ акула сорвалась и бухнула въ воду. Туда и дорога! Я обрадовался, мы продолжали путь и вскорѣ въѣхали въ мутную, узенькую рѣчку, съ каменною пристанью.

Направо видно большое, низенькое кирпичное зданіе, обнесенное валомъ, на которомъ стояло нѣсколько орудій небольшого калибра. Надъ домомъ лѣниво висѣлъ голландскій флагъ; у воротъ, какъ сонныя мухи, чуть ползали, отъ лѣни, часовые съ ружьями. Это была крѣпость и жилище коменданта. Мы не знали, куда намъ направиться. Налѣво отъ дома, за рѣчкой, сквозь деревья, виденъ былъ рядъ хижинъ, за ними густой лѣсъ, прямо—лѣсъ, направо за крѣпостью лѣсъ. Мы вошли на дворъ крѣпости: онъ былъ сквоз-

ней, насквозь видѣнъ опять лѣсъ. Мы вышли на довольно широкую дорогу и очутились въ непроходимомъ тропическомъ лѣсу, съ блестящею декораціею кокосовыхъ пальмъ, которыя то тянулись длиннымъ строемъ, то сбивались въ кучу, вмѣстѣ съ кустами, представляя непроницаемую зеленую чащу.

Едва ли богаче и наряднѣе одѣта земля, какъ она одѣта здѣсь. Право, глядя на эти лѣса, не повѣришь, чтобъ случай игралъ здѣсь группировкой деревьевъ. Тутъ пальмы, какъ по обдуманному плану, перемѣшаны съ кустами; тамъ будто тоже съ умысломъ оставлена лужайка или небольшое болото, поросшее тѣмъ крупнымъ, желтымъ тростникомъ, изъ котораго у насъ дѣлаются такія славныя трости. Посмотришь ли на каждую пальму отдѣльно: какая оригинальная красота! Она граціозно наклоняла листья, какъ длинные, [illegible] прядями расчесанные волосы; подъ ними висятъ тяжелыя кисти огромныхъ орѣховъ. Все кажется убрано заботливою рукою человѣка, который далъ и [illegible] тщательно [illegible] каждой вѣтки, листка, всякой мелкой подробности. А между тѣмъ это первобытные, дикіе лѣса. Человѣкъ и не касался ихъ. Бѣдный малаецъ только что вступается въ чащу: [illegible] пространство у звѣрей. Мы видѣли больше, [illegible] въ глушь лѣса [illegible] малайцы [illegible] пальмами и [illegible] пальмъ, крытыя пальмовыми же листьями. Къ этимъ хижинамъ [illegible] протоптаны тропинки. Мы [illegible] прислушивались къ [illegible] неизвѣстныхъ намъ птицъ [illegible].

— [illegible] говоритъ [illegible]

И [illegible] болото [illegible] Мы [illegible]

часъ все прямо, и хотя шли въ тѣни лѣса, всѣ въ бѣломъ съ ногъ до головы и легкомъ платьѣ, но было жарко. На обратномъ пути встрѣтили нѣсколько малайцевъ, мужчинъ и женщинъ. Вдругъ до насъ донеслись знакомые голоса Мы взяли направо въ лѣсъ, прямо на голоса и вышли на широкую поляну.

Тамъ были всѣ наши. Но что это они дѣлаютъ? По полянѣ текла та же мутная рѣчка, въ которую мы въѣхали. Здѣсь она дугообразно разлилась по луговинѣ, прячась въ густой травѣ и кустахъ. Кругомъ росли рѣдкія пальмы. Трое или четверо изъ нашихъ спутниковъ, скинувъ пальто и жилеты, стояли подъ пальмами и упражнялись въ сбиваніи палками кокосовыхъ орѣховъ. Усерднѣе всѣхъ старался нашъ молодой спутникъ по Капской колоніи, П. А. З.; прочіе стояли вокругъ и смотрѣли, въ ожиданіи паденія орѣховъ. Крики и хохотъ раздавались по лѣсу. Шагахъ въ пятидесяти оттуда, на вязкомъ берегу, въ густой травѣ, стояли по колѣни въ тинѣ два буйвола. Они, склонивъ головы, пристально и робко смотрѣли на эту толпу, не зная, что имъ дѣлать. Ихъ тутъ нечаянно застали: это было видно по ихъ позѣ и напряженному вниманію, съ которымъ они сторожили минуту, чтобъ уйти; а уйти было некуда: направо ли, налѣво ли, все надо проходить чрезъ толпу, или идти въ рѣчку.

Наконецъ полетѣлъ одинъ орѣхъ, другой, третій. Только лишь толпа замѣтила насъ, какъ всѣ бросились къ намъ и заговорили разомъ.

— «Крокодила видѣли!» кричалъ одинъ.—«Вотъ этакой величины!» говорилъ другой, разводя руками.

— «Какой страшный! какіе зубы!»

— «Гдѣ жъ онъ?» спросили мы.

— «Вотъ, вотъ здѣсь».

И потащили насъ къ мостику и къ рѣчкѣ.

— «Мы только вошли на мостикъ»... началъ одинъ

— «Нѣтъ, еще мы вонъ гдѣ были»... говорилъ другой.

— «Да нѣтъ, господа, я прежде всѣхъ увидалъ его; вы еще тамъ, въ деревнѣ были, а я... Постойте, я все видѣлъ, я все разскажу по порядку».

— «Куда жъ онъ дѣвался?» спросили мы.

— «Въ кусты ушелъ, вотъ сюда», закричали всѣ, показывая на кусты, которые совсѣмъ закрывали берегъ близъ мостика.

— «Онъ показался на поверхности воды, проплылъ подъ мостикомъ. Мы закричали, погнались за нимъ; онъ перепугался и ушелъ туда. Вотъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ»...

— «Вѣрно ящерица!» замѣтилъ я, отчасти съ досады, что не видалъ крокодила. Меня не удостоили и отвѣта.

— «Пойдемте же въ кусты за нимъ!» приглашалъ я, но не пошелъ. И никто не пошелъ. Кусты стѣснились въ такую непроницаемую кучу и смотрѣли такъ подозрительно, что можно было побиться объ закладъ, что тамъ гнѣздился, если не крокодилъ, такъ непремѣнно змѣя, и вѣроятно не одна: ихъ множество на Явѣ.

— «Какъ жаль, что вы не видали крокодила!» сказалъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ спутниковъ, которому непремѣнно хотѣлось выжить изъ меня сомнѣніе, что это былъ не крокодилъ.

— «Ну, что жъ, увижу у Зама, какъ вернусь въ Петербургъ», сказалъ я: «тамъ маленькій есть; вырастетъ до тѣхъ поръ».

Мы пошли въ деревню. Она вся состояла изъ бамбуковыхъ хижинъ, крытыхъ пальмовыми листьями и очень похожихъ на хлѣвы.

Оконъ въ хижинахъ не было, да и не нужно: оттуда сквозь стѣны можно видѣть, что дѣлается наружѣ, за то и снаружи видно все, что дѣлается внутри. А внутри ничего не дѣлается: малаецъ лежитъ на цыновкѣ, или ребятишки валяются, какъ поросята.

Малайцы толпились по улицамъ почти голые; рѣдкіе были въ панталонахъ. Они довольствовались кускомъ грубой ткани, накинутой на плечи, или обвязанной около поясницы. Рты у всѣхъ какъ-будто окровавлены, отъ бетеля, который они жуютъ и который раздражаетъ десны. Мы наткнулись на маленькій рынокъ. На берегу рѣчки росло роскошнѣйшее изъ тропическихъ деревьевъ—*баніана*. Толстый стволъ, состоящій изъ множества крѣпкихъ сросшихся вмѣстѣ корней оканчивается густой шапкой темной зелени, съ толстыми маслянистыми листьями. Отъ вѣтвей вертикально тянутся растительныя нити и, врастая въ землю, пускаютъ корни, изъ которыхъ образуются новыя деревья. Дай волю—и почва заросла бы этими гигантами растительнаго царства, подавляющими все вокругъ. Анжерское дерево покрывало вѣтвями весь рынокъ. Человѣкъ около пятидесяти сидѣли на цыновкахъ и продавали готовый бетель на листьяхъ банана, какіе-то водяные плоды, въ родѣ орѣховъ и желудей, рыбу, табакъ.

Вечеръ наступалъ быстро. Небо млѣло заревомъ и атомами; ни одного облака на немъ. Мы шли по деревнѣ, видѣли въ первый разъ китайцевъ, сначала ребятишекъ съ полуобритой головой, потомъ старухъ, съ цѣлымъ стогомъ волосъ на головѣ, поддерживаемыхъ большою бронзовою булавкой. Встрѣтились у пристани съ толпой испанцевъ, которые съѣхали съ транспорта погулять. Мы раскланялись, спросили другъ друга, кажется, о здоровьѣ (о погодѣ здѣсь не разговариваютъ), о цѣли путешествія, и разошлись. Мы пошли въ лавку: да, здѣсь есть лавка, разумѣется, китайская. Представьте себѣ мелочную лавку гдѣ-нибудь у насъ въ уѣздномъ городѣ: точь-въ-точь какъ въ Анжерѣ. И тутъ свѣчи, мыло, связка бананов, какъ у насъ бы связка луку, потомъ чай, сахарный тростникъ и песокъ, ящики, коробочки, зеркальца и т. п. Купецъ, сѣдой китаецъ, въ синемъ халатѣ, съ косой, въ очкахъ и туфляхъ, да два приказчика,

молодые, съ длинными-предлинными, какъ черныя змѣи, косами, съ длинными же, смуглоблѣдными, истощенными лицами и съ ногтистыми, какъ у птицъ когти, пальцами. Всѣ они говорили по-китайски, по-малайски и по-англійски, но не по-голландски. Долго ли англичане владѣли Явой и какъ давно, а до-сихъ-поръ слѣдъ ихъ не пропадаетъ здѣсь!

Намъ подали по чашкѣ чаю. Узнавъ, что у нихъ есть лимонный сиропъ, мы съ неистовствомъ принялись за лимонадъ. Охотники до рѣдкостей покупали длинныя трости, раковины и т. п. Тутъ мы раздѣлились партіями и разсыпались по деревнѣ и окрестностямъ. Въ переулкахъ тѣ же хижины, бо́льшая часть на сваяхъ, отъ сырости и насѣкомыхъ. Хижины прячутся въ банановникѣ и подъ пальмами кокоса и *areca*. Скоро и хижины кончились; мы пошли по огромному, огороженному, вѣроятно, для скота, лугу и дошли до болота и обширнаго оврага, заросшаго сплошнымъ лѣсомъ. Стало совсѣмъ темно; только звѣзды лили блѣдный, но пронзительный свѣтъ. Нѣсколько человѣкъ ощупью пошли по опушкѣ лѣса, а другіе, въ томъ числѣ и я, предпочли идти къ китайцу пить чай. Мы вытащили изъ лавки всѣ табуреты на воздухъ и усѣлись за маленькими столиками.

Что это за вечеръ! Это волшебное представленіе, роскошное, обаятельное пиршество, надъ которымъ, кажется, всѣ искусства истощили свои средства, а здѣсь и признаковъ искусства не было. Какими красками блещутъ послѣдніе лучи угасающаго дня и сумрака воцаряющейся ночи! Въ пространствѣ носятся какіе-то звуки; лѣсъ дышитъ своею жизнью; слышатся, то шопотъ, то внезапный, осторожный шелестъ его обитателей: звѣрь ли пробѣжитъ, порхнетъ ли вдругъ съ вѣтки испуганная птица, или змѣй пробирается по сухимъ прутьямъ? Вблизи бродятъ надъ рѣчкой темные силуэты людей. Въ берега плещется вода. Тепло, сильно пахнетъ чѣмъ-то пряным.

— «Смотрите», сказалъ я сосѣду своему: «видите, звѣзда плыветъ въ чащѣ баніана?»—«Это вѣтви колышатся», отвѣчалъ онъ: «а сквозь нихъ видны звѣзды... Вонъ другая, третья звѣзда, а вонъ и мимо насъ несется одна, двѣ, три—нѣтъ, это не звѣзды».—«Витулъ!» закричалъ я проходившему мимо матросу: «поймай вонъ эту звѣзду!» Витулъ покрылъ ее фуражкой и принесъ мнѣ, потомъ бросился за другой, за третьей, и наловилъ нѣсколько продолговатыхъ цвѣтныхъ мухъ. Въ концѣ хвоста, снизу, у нихъ ярко сіяетъ бенгальскимъ, зеленовато-блѣднымъ огнемъ, прекрасная звѣздочка. Блескъ этихъ звѣздъ сіялъ ярче свѣчъ, но недолго. Минуты черезъ двѣ, три, муха ослабѣвала и свѣтъ постепенно угасалъ.

Мы часа два наслаждались волшебнымъ вечеромъ, и неохотно, медленно, почти ощупью, пошли къ берегу. Былъ отливъ, и шлюпки наши очутились на мели. Мы долго шли по плотинѣ, и не спуская глазъ съ чудеснаго берега, долго плыли по рейду. Гребцы едва шевелили веслами, разгребая спящую воду. Пробужденная, она густымъ золотомъ обливала весла. Вдругъ насъ поразилъ нестерпимый запахъ гнили. Мы сначала не догадывались, что это значитъ; потомъ ужъ вспомнили о кораллахъ и ракушкахъ, которыя издаютъ сильный противный запахъ. Вѣроятно мы ѣхали надъ коралловой банкой.

На другой день утромъ мы ушли, не видавъ ни одного европейца, которыхъ всего трое въ Анжерѣ. Мы плыли дальше по проливу, между влажными, цвѣтущими берегами Явы и Суматры. Мѣстами, на гладкомъ зеркалѣ пролива, лежали какъ корзинки съ зеленью, маленькіе островки, означенные только на морскихъ картахъ, подъ именемъ *Двухъ братьевъ*, *Трехъ сестеръ*. Кое-гдѣ были отдѣльно брошенные каменья, безъ имени, и тѣ обросли густою зеленью.

Природа—нѣжная артистка здѣсь. Много любви потратила она на этотъ, можетъ-быть, самый роскошный уголокъ

міра. Мѣстами даже казалось слишкомъ убрано, слишкомъ сладко. Мало поэтическаго безпорядка, нѣтъ небрежности въ творчествѣ, не видать минутъ забвенія, усталости въ творческой рукѣ, нѣтъ отступленій, въ которыхъ часто больше красоты, нежели въ цѣломъ планѣ созданія. Ѣдешь какъ будто среди неизмѣримыхъ, воздѣланныхъ садовъ и парковъ всесвѣтнаго богача. Страстное, горячее дыханіе солнца вѣчно охраняетъ эти мѣста отъ холода и непогоды, а другой дѣятель, могучая влага, умѣряетъ силу солнца, питаетъ почву, родитъ нѣжные плоды и... убиваетъ человѣка испареніями.

Прощайте, роскошные, влажные берега: дай Богъ никогда не возвращаться подъ ваши деревья, подъ жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть одинъ разъ: жарко, и какъ разъ лихорадку схватишь!

20-го мая 1853 года.
Анжерскій рейдъ.

VI.

СИНГАПУРЪ.

Приходъ на рейдъ. — Малайцы и индійцы. — Прогулка по городу и окрестностямъ.—Европейскій, малайскій и китайскій кварталы.—Продажа опіума. — Ананасы, мангу и мангустаны. — Кокосовые орѣхи.— Значеніе Сингапура.—Кумирни. — Купецъ Вампоа и его вилла.

Съ 24-го мая по 2-е іюня 1853.

Гдѣ я, о, гдѣ я, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ ржи, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая сосна смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ бананомъ, кокосомъ: клюква и морошка уступили мѣсто ананасамъ и мангу. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, змѣй, въ странѣ бритыхъ и бородатыхъ людей, изъ которыхъ одни не вѣдаютъ шапокъ, другіе носятъ кучу ткани на головѣ; одни вѣчно гомозятся за работой, съ молотомъ, съ ломомъ, съ иглой, съ рѣзцомъ

другіе едва дадутъ себѣ трудъ съѣсть горсть рису и перемѣнить мѣсто въ цѣлый день; третьи, объявивъ вражду всякому порядку и труду, на легкихъ «проа» отважно рыщутъ по морямъ и насильственно собираютъ дань съ промышленныхъ мореходцевъ.

Осторожно и медленно, какъ будто высматривая тайнаго врага въ засадѣ, подходили мы въ темнотѣ къ сингапурскому рейду. Указанія знаменитаго Горсбурга, изслѣдовавшаго глубины и свойства этихъ морей, и лотъ, были нашими ежеминутными руководителями. Наконецъ, отдали якорь—и напряженное вниманіе, заботливое выпытываніе мѣстности и суетливая дѣятельность людей на фрегатѣ тотчасъ же замѣнились беззаботностью отдыха. Подъ покровомъ черной, но прекрасной, успокоительной ночи, какъ подъ шатромъ, хорошо было и спать мертвымъ сномъ уставшему матросу, и разговаривать за чайнымъ столомъ офицерамъ. Наверху царствуетъ торжественное, но не мертвое безмолвіе, хотя нѣтъ движенія въ воздухѣ, нѣтъ ни малѣйшей зыби на водѣ. Но сколько жизни покоится въ этой мягкой, нѣжной теплотѣ, передъ которой вы довѣрчиво, безъ опасенія, открываете грудь и горло, какъ передъ ласками добрыхъ людей довѣрчиво открываете сердце! Сколько прелести таится въ этомъ неимовѣрно-яркомъ блескѣ звѣздъ и въ этомъ морѣ, которое тихонько ползетъ цѣлой массой то впередъ, то назадъ, движимое теченіемъ, — даже въ темныхъ глыбахъ скалъ и въ бахромѣ вѣнчающихъ ихъ вершины лѣсовъ.

Все кажется, что среди тишины зрѣетъ въ природѣ дума, огненные глаза сверкаютъ сверху такъ выразительно и умно, внезапный, тихій всплескъ воды какъ будто промолвился отвѣтомъ на чей-то вопросъ; все кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы, раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голосъ. Чего-то ждешь, о чемъ-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни опредѣлить, ни

высказать не можешь. Только сердце трепещетъ отъ силы необъяснимаго, страстнаго ощущенія: даже нервамъ больно! Подъ этимъ небомъ, въ этомъ воздухѣ, носятся фантастическіе призраки; подъ крыльями такихъ ночей только снятся жаркіе сны и необузданныя поэтическія грёзы, о нисхожденіи Брамы на землю, о жаркой любви боговъ къ смертнымъ: всѣ эти страстные образы, въ которыхъ воплотилось чудовищное плодородіе здѣшней природы.

Начиная съ Зондскаго пролива, мы все наслаждались такими ночами. Небо, какъ книга здѣсь, которую не устанешь читать: она здѣсь открытѣе и яснѣе, какъ будто само небо ближе къ землѣ. Мы съ Б. К. подолгу стояли на вахтенной скамьѣ, любуясь по ночамъ звѣздами, ярко игравшей зарницей, и особенно метеорами, которые, блестя бенгальскими огнями, нерѣдко бороздили небо во всѣхъ направленіяхъ.

Вдругъ однажды, среди ночной тишины, раздался подлѣ фрегата шумъ веселъ.—«Что это такое? лодка въ открытомъ морѣ?» спросилъ я и сталъ пристально смотрѣть въ полузорникъ. И Оаддеевъ, который, сидя верхомъ на пушкѣ, поставилъ изъ-за борта воду и окачивалъ меня, сталъ тоже смотрѣть. Въ лодкѣ сидѣло трое, но кто—нельзя было разобрать въ темнотѣ.—«Кто бы это былъ?» спрашивалъ я, не зная, что подумать объ этомъ явленіи.—«Опять чухны, ваше высокоблагородіе!» сказалъ Оаддеевъ равнодушно, разумѣя малайцевъ, которыхъ онъ видѣлъ на Явѣ.—«Или литва», замѣтилъ другой матросъ, еще равнодушнѣе. Малайцы привезли нѣсколько ананасовъ и предлагали свои услуги, какъ лоцманы. Мы, шутя, дѣлали предположенія: не пираты ли это, которые подосланы своею шайкою вывѣдать, какого рода судно идетъ, сколько на немъ людей и оружія, чтобъ потомъ рѣшить, напасть на него или нѣтъ. Это обыкновенная тактика здѣшнихъ пиратовъ. Однажды они явились, также въ числѣ трехъ-четырехъ человѣкъ, на палубу

голландскаго судна, съ фруктами, напитанными ядомъ, и, отравивъ экипажъ, потомъ нагрянули цѣлой ватагой и овладѣли судномъ. Людей, какъ это они всегда дѣлаютъ, отвели на одинъ изъ Зондскихъ острововъ въ плѣнъ, а судно утопили.

Одинъ малаецъ взобрался на палубу и остался ночевать у насъ, другіе два ночевали въ лодкѣ, которая прицѣпилась за фрегатъ и шла за нами. Это было 24-го мая, часовъ въ одиннадцать утра; мы вошли въ сингапурскій проливъ, лавируя. Пошелъ дождь, да еще со шкваломъ, и освѣжилъ атмосферу. Мы отдохнули отъ жара: Реомюръ показывалъ $23^1/_2{}^0$ въ тѣни, между тѣмъ малаецъ озябъ. На немъ была ситцевая юбка, на плечахъ родъ рубашки, а поверхъ всего кусокъ красной бумажной ткани; на головѣ неизбѣжный платокъ, какъ у нашихъ бабъ; ноги голыя. Это ужъ полный костюмъ; прочіе большею частью ходятъ полунагіе. Малаецъ прятался подъ навѣсомъ юта, потомъ, увидѣвъ дверь моей каюты отворенною, поставилъ туда сначала одну ногу, затѣмъ другую и спину, а голова была еще наружѣ.— «Холодно?» спросилъ я его. — «Yes!» отвѣчалъ онъ и вошелъ совсѣмъ въ каюту. Но мнѣ показалось неестественно озябнуть при двадцати слишкомъ градусахъ тепла, оттого я не могъ проникнуться состраданіемъ къ его положенію и махнулъ ему рукою, чтобъ онъ шелъ вонъ, лишь только онъ загородилъ мнѣ свѣтъ. Два его товарища, лежа въ своей лодкѣ, нисколько не смущались тѣмъ, что она черпала, во время шквала, и кормой, и носомъ; одинъ лѣниво выливалъ воду ковшомъ, а другой еще лѣнивѣе смотрѣлъ на это.

Вечеромъ стали подходить къ Сингапуру. Любопытно взглянуть на эту кучу толпящихся на маленькомъ клочкѣ разноцвѣтныхъ и разноязычныхъ народовъ, среди которыхъ американецъ Вилькъ насчитываетъ до двадцати однихъ азіатскихъ племенъ.

25-го мая. Утро. Солнце блещетъ, и все блещетъ съ нимъ. Какія картины вокругъ! какая жизнь, суматоха, шумъ! Что за лица! какіе языки! Кругомъ насъ острова, все въ зелени; прямо, за лесомъ мачтъ, на возвышенностяхъ, европейскія зданія. Джонки, лодки, китайцы и индійцы проезжаютъ съ берега на суда и обратно, перерезывая другъ другу дорогу. Направо и налево отъ насъ — все шкуны; непроходимый кокосовый лесъ смотрится въ заливъ; сзади — море.

Утромъ рано стучится ко мне въ каюту П. П. Б. и просовываетъ въ полуотворенную дверь руку съ какимъ-то темно-краснымъ фруктомъ, видомъ и величиной похожимъ на небольшое яблоко. — «Попробуйте», говоритъ. Я разрезалъ плодъ: подъ красною мякотью скрывалась белая, кисло-сладкая сердцевина, состоящая изъ несколькихъ отделеній съ крупнымъ зерномъ въ каждомъ изъ нихъ. Прохладительно, свежо, тонко и сладко, съ легкой кислотой. Это мангустанъ, а по англійскому произношенію «мангустэнъ». Англичане не могутъ не исковеркать слова.

Ко мне въ каюту толпой стали ломиться индійцы, малайцы, китайцы, съ аттестатами отъ судовъ разныхъ націй, все портные, прачки, комиссіонеры. На палубе настоящій базаръ: разноплеменные гости разложили товары, и каждый оранилъ на своемъ языке, предлагая матеріи, раковины, обезьянъ, птицъ, кораллы.

Я заглянулъ за бортъ: тамъ целая флотилія лодокъ, нагруженныхъ всякой всячиной, всего более фруктами. Ананасы лежали грудами, какъ у насъ репа и картофель, — а какіе! Я не думалъ, чтобы они достигали такой величины и красоты. Сейчасъ разрезалъ одинъ и началъ есть: сокъ течетъ по рукамъ, по тарелке, капаетъ на полъ. Хотелъ писать письмо къ вамъ, но меня тянуло на палубу. Я покупалъ то раковину, то другую безделку, а более вглядывался въ эти новыя для меня лица. Что за живописный народъ индійцы, и что за неживописный — китайцы! Первые стройны, важ-

вязны, свободны въ движеніяхъ; у нихъ, въ походкѣ, въ мимикѣ, есть какая-то торжественная важность, лѣнь и грація. Говорятъ они горломъ, почти не шевеля губами. Грація эта неизысканная, неумышленная: будь тутъ хоть капля сознанія, нельзя было бы не расхохотаться, глядя, какъ они медленно и осторожно ходятъ, какъ гордо держатъ голову, какъ размѣренно машутъ руками. Но это къ нимъ идетъ: торопливость была бы имъ не къ лицу.

Вся верхняя часть тѣла у индійцевъ обнажена, но они чѣмъ-то мажутся, чуть ли не кокосовымъ масломъ, иначе никакая кожа не устоитъ противъ этого солнца. На бедрахъ у нихъ родъ юбки изъ бумажной синей, или красной матеріи. Въ ушахъ серьги непремѣнно, у иныхъ по двѣ, въ верхней и нижней части уха, а у одного продѣта въ ухо какая-то серебряная шпилька, у другого—сережка въ правой ноздрѣ. Этотъ былъ старъ, одѣтъ въ бѣлую юбку, а верхняя часть тѣла прикрыта красной матеріей; на головѣ чалма. Стали всѣхъ ихъ собирать въ одинъ уголъ судна, на шкафутъ, чтобъ они не бродили вездѣ; старикъ усердно помогалъ въ этомъ. Матросы, прогнавъ всѣхъ, наконецъ, прогнали и его самого туда же.

Китайцы свѣтлѣе индійцевъ, которые всѣ темно-шоколаднаго цвѣта, тогда какъ тѣ просто смуглы; у нихъ тѣло почти какъ у насъ, только глаза и волосы совершенно черные. Они тоже ходятъ полуголые. У многихъ старческія физіономіи, бритыя головы, кромѣ затылка, отъ котораго тянется длинная коса, болтаясь на ногахъ. Морщины и отсутствіе усовъ и бороды дѣлаютъ ихъ чрезвычайно похожими на старухъ. Ничего мужественнаго, бодраго. Лица точно вылиты одно въ другое.

А что за физіономіи на лодкахъ! Вотъ старый индіецъ, черный, съ сѣдыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губъ, кругомъ подбородка. А вотъ малаецъ, цвѣта красной мѣди, гребетъ двумя вмѣстѣ связанными веслами, толкая

сынки, смотрѣлъ на индійскія лодки, на разнообразныя группы разноцвѣтныхъ тѣлъ. Часовъ въ пять, передъ захожденіемъ солнца, мухаммедане стали тутъ же, на лодкахъ, дѣлать омовеніе и творить намазъ. Одинъ молодой, умывшись, взялъ какой-то старый грязный платокъ, разостлалъ его передъ собой и, обратясь на западъ, къ Меккѣ, началъ творить земные поклоны. Онъ, сидя на пяткахъ, шевелилъ губами и по временамъ медленно оборачивалъ голову направо, налѣво, назадъ, и не обращалъ вниманія на зрителей съ фрегата. Онъ молился около получаса, и едва кончилъ, за нимъ медленно поднялся другой и еще медленнѣе началъ дѣлать то же.

Капитанъ готовъ былъ не прежде, какъ въ шесть часовъ. Когда мы подъѣзжали къ берегу, было уже темно, а ѣхать надо рейдомъ около трехъ верстъ. На берегу насъ встрѣтили фіакры (легкія кареты, запряженныя одной маленькой лошадкой, на какихъ у насъ ѣздятъ дѣти). Мы, однакожъ, ѣхать не хотѣли, а индійцы все-таки шли за нами. Между тѣмъ мы не знали, куда идти: газъ еще туда не проникъ, и на улицѣ ни зги не видно. Пошли налѣво: намъ прекратила путь рѣчка и какой-то павильонъ; на другой сторонѣ мелькали огни, освѣщавшіе, повидимому, ряды лавокъ. Мы знали, что есть и мосты, но какъ попасть на нихъ? Къ счастью, встрѣтились два нѣмца и проводили насъ въ London-Hotel. Вечеръ былъ очень теменъ. Меня поразилъ приторно-сладкій и сильный запахъ, будто мускуса, довольно противный. Насѣкомыя сильно трещали въ травѣ, такъ что это походило больше на пѣніе птицъ. Мы спросили въ отелѣ содовой воды и чаю и усѣлись наверху, на балконѣ. Мои товарищи вздумали все-таки идти гулять; я было пошелъ съ ними, но какъ надо было идти ощупью, то мнѣ скоро надоѣло это, и я вернулся на балконъ допивать чай. Тутъ приходило и уходило нѣсколько, повидимому, живущихъ въ номерахъ трактира англичанъ и американ-

ночь. Они садились на кресла и обѣ ноги клали [illegible] сахъ манера сидѣть, требовали себѣ чаю и молчали. [illegible] микстура, съ сильнымъ запахомъ и вкусомъ—точно [illegible]стненной травы.

Съ наступленіемъ ночи опять стало нервамъ больно. [illegible] дилось неопредѣленное безпокойство до тоски, отъ [illegible] наркотическихъ испареній, отъ гнилой мглы, отъ [illegible] въ воображеніи призраковъ, отъ смутныхъ думъ. [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

у нихъ лодку. Обманувшись въ ожиданіи, они всячески старались услужить: одинъ зажегъ фитиль посвѣтить, когда мы садились, другой подалъ руку и т. п. Мы дали имъ нѣсколько центовъ (мѣдныхъ монетъ), полученныхъ въ сдачу въ отелѣ, и отправились.

Возвращеніе на фрегатъ было самое пріятное время въ прогулкѣ: было совершенно прохладно; ночь тиха; кругомъ, на чистомъ горизонтѣ, рѣзко отдѣлялись черные силуэты никовъ и лѣсовъ и ярко блистала зарница—вѣчное украшеніе небесъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Прямо на голову текли лучи звѣздъ, какъ серебряныя нити. Но вода была лучше всего: весла съ каждымъ ударомъ черпали чистѣйшее серебро, которое каскадомъ сыпалось и разбѣгалось искрами далеко вокругъ шлюпки.

27 мая. Мы собрались вчетверомъ сдѣлать прогулку посновательнѣе, и поѣхали часовъ въ 11 утра, но и то было ужъ поздно. Хотѣли ходить, но не было никакой возможности. Мимоѣздомъ, на рейдѣ, мы осмотрѣли китайскую джонку. Издали она дразнила наше любопытство: корма и носъ несоотвѣтственно-высоко поднимались надъ водой. Того и гляди, кажется, рухнутъ эти непрочныя пристройки на курьихъ ножкахъ, похожія на голубятни. Джонка была выкрашена голубымъ, краснымъ и желтымъ цвѣтами. На носу, съ обѣихъ сторонъ, нарисовано по рыбьему глазу: китайцамъ все хочется сдѣлать эти суда похожими на рыбу. Мы подъѣхали; лодки очистили намъ дорогу; китайцы приняли насъ съ улыбкою. Ихъ было человѣкъ пять; одни полуголые, другіе неопрятно-одѣтые. Мы вошли прямо мимо кухонной печи, около которой возился поваръ. Насъ обдало удушливымъ, вонючимъ паромъ изъ трубы. Джонка нагружена была разнымъ деревомъ, которое везла въ Китай, краснымъ, сандальнымъ и другими. Эти дерева были такъ скользки, что мы едва могли держаться на ногахъ. Мы взобрались по лѣсенкѣ на корму. Тамъ, въ углубленіи, была

ходятъ... какъ вы думаете, въ чемъ? Въ полотняныхъ шлемахъ! Эти шлемы совершенно похожи на шлемъ донъ-Кихота. Отчего же не видать соломенныхъ шляпъ? чего бы, кажется, лучше: Манилла такъ близка, а тамъ превосходная солома. Но потомъ я опытомъ убѣдился, что солома слишкомъ жидкая защита отъ здѣшняго солнца. Шлемы эти дѣлаются двойные, съ пустотой внутри и маленькимъ отверстіемъ для воздуха. Другіе, особенно шкипера, носятъ соломенныя шляпы, но обвиваютъ поля и тулью ея бѣлой матеріей, въ видѣ чалмы.

Мы прошли каменные ряды и дошли наконецъ до деревянныхъ, которые въ то же время и дома китайцевъ. Верхній этажъ занятъ жильемъ, а нижній лавкой. Здѣсь собрано все, чтобъ оскорбить зрѣніе и обоняніе. Голые китайцы, въ одинѣхъ юбкахъ, или шароварахъ, а иные только въ повязкахъ кругомъ поясницы, сидя, въ лавкахъ или наружѣ у порога, чесали длинныя косы другъ другу, или брили головы и подбородки. Они проводятъ за этимъ цѣлые часы; это—ихъ кейфъ. Нѣкоторые, сидя, клали голову на столикъ, а цырюльникъ, обривъ, преприлежно начиналъ покалачивать потомъ еще по спинѣ, долго и часто, этихъ сибаритовъ. Это, кажется, походило на то, какъ у насъ щекотятъ пятки или перебираютъ суставы въ баняхъ охотникамъ до такихъ удовольствій.

Но видъ этихъ бритыхъ до нельзя головъ и лицъ, голыхъ, смугло-желтыхъ тѣлъ, этихъ, то старческихъ, то хотя и молодыхъ, но гладкихъ, мягкихъ, лукавыхъ, безъ выраженія энергіи и мужественности, физіономій, и наконецъ подробности образа жизни, семейный и внутренній бытъ, выпедшій на улицу — все это очень своеобразно, но не привлекательно.

Самый родъ товаровъ, развѣшенныхъ и разложенныхъ въ лавкахъ, тоже, большею частію, заставляетъ отворачивать глаза и носъ. Тамъ видны сырые, печеные и вяленые

мяса, рыба, раки, слизняки и т. п. дрянь. Тутъ же подвижная лавочка, съ жаровней и кастрюлей, съ какой-нибудь лапшой, или киселемъ, студенью и т. п. вещами, въ которыя пристально не хочется вглядываться. Или сейчасъ же рядомъ совсѣмъ противное: лавка съ фруктами и зеленью такъ и тянетъ къ себѣ: ананасы, мангустаны, арбузы, мангу, огурцы, бананы и т. п. навалены грудами. Среди этого, увидишь стараго китайца, съ сѣдой косой, голаго, но въ очкахъ; онъ сидитъ и торгуетъ. Въ другомъ мѣстѣ вдругъ пахнётъ чеснокомъ и тѣмъ неизбѣжнымъ, похожимъ на мускусъ запахомъ, который, кажется, издаетъ сандальное и другія пахучія дерева. Къ этому еще прибавьте кокосовое масло, табакъ и опіумъ — отъ всего этого теряешься. Все это сильно растворяется въ жаркомъ индійскомъ воздухѣ и разносится всюду.

Мы вырвались изъ китайскаго города и, черезъ деревянный высокій мостъ, перешли на европейскую сторону. Здѣсь совсѣмъ другое: просторъ, чистота, прекрасная архитектура домовъ, совсѣмъ закрытыхъ шпалерою изъ мелкой, стелющейся, какъ плющъ, зелени, съ голубыми цвѣтами; двѣ церкви, протестантская и католическая, обнесенныя большими дворами, густо-засаженными фиговыми, мускатными и другими деревьями и множествомъ цвѣтовъ. Къ намъ пристали индіецъ, навязываясь въ проводники. Мы велѣли ему вести себя на холмъ, къ губернаторскому дому. Дорога идетъ по великолѣпной аллеѣ, между мускатными деревьями, и померанцовыми, розовыми кустами. Трава вся состояла изъ mimosa pudica (не-тронь-меня). Отъ прикосновенія зонтикомъ къ травѣ, она мгновенно сжималась по нашимъ слѣдамъ.

Не было возможности дойти до вершины холма, гдѣ стоялъ губернаторскій домъ: жарко, потъ струился по лицамъ. Мы полюбовались съ полугоры рейдомъ, городомъ, котораго европейская правильная часть лежала около холма,

потомъ велѣли скорѣе вести себя въ отель, подъ спасительную сѣнь, добрались до балкона и заказали завтракъ, но прежде выпили множество содовой воды и едва пришли въ себя. Несмотря на эстетикъ, солнце жжетъ безъ милосердія ноги, спину, грудь — все, куда только падаетъ его лучъ.

Европейское общество состоитъ изъ консуловъ всѣхъ почти націй. Они живутъ въ прекрасныхъ домахъ, на эспланадѣ, идущей по морскому берегу. Всѣхъ европейцевъ здѣсь до четырехсотъ человѣкъ, китайцевъ сорокъ, индійцевъ, малайцевъ и другихъ азіатскихъ племенъ до двадцати тысячъ: это на всемъ островѣ. Въ городѣ я видѣлъ много европейскихъ домовъ въ упадкѣ: на нѣкоторыхъ приклеены бумажки съ надписью: *отдаются въ наемъ*. Самая биржа, старое зданіе, съ обвалившейся штукатуркой, не обновляется съ тѣхъ поръ, какъ возникъ Гон-Конгъ. Говорятъ, отъ этого Сингапуръ нѣсколько потерялъ въ торговомъ отношеніи. Нѣкоторые европейцы, особенно англичане, перенесли кругъ своей дѣятельности туда. Китайцы тоже нѣсколько рѣже стали ѣздить въ Сингапуръ, имѣя возможность сбывать свои товары тамъ, у самыхъ воротъ Китая.

Впрочемъ Сингапуръ, какъ складочное мѣсто между Европой, Азіей, Австраліей и островами Индійскаго архипелага, не заглохнетъ никогда. Притомъ онъ служитъ пріютомъ малайскимъ и китайскимъ пиратамъ, которые еще весьма сильны и многочисленны въ здѣшнихъ моряхъ. Большую часть награбленныхъ товаровъ они сбываютъ здѣсь, являясь въ видѣ мирныхъ купцовъ, а оружіе и другія улики своего промысла прячутъ на это время въ какой-нибудь маленькой бухтѣ ненаселеннаго острова. Бельчеръ говоритъ, что сингапурскіе китайцы занимаются выдѣлкой оружія собственно для нихъ. Поэтому истребить пиратовъ почти нѣтъ возможности: у нихъ на нѣкоторыхъ островахъ есть такъ хорошо укрѣпленныя мѣста, что могутъ противиться всякой

вооруженной силѣ. Да и какъ проникнутъ къ нимъ большія военныя суда, когда бухты эти доступны только легкимъ разбойничьимъ проа?—«Можетъ-быть, тутъ половина пиратовъ», думалъ я, глядя на сновавшія по рейду длинныя барки, съ парусами изъ цыновокъ.

На биржѣ толпятся китайскіе, армянскіе, персидскіе купцы и, разумѣется, англичане. Народонаселеніе кипитъ и движется. Вотъ китаецъ, почти нищій, нагой, бѣжитъ проворно, въ своей тростниковой шляпѣ, и несетъ на ниткѣ какую-нибудь дрянь на обѣдъ, или кусокъ рыбы, или печенки, какія-то внутренности; вотъ другой, съ водой, съ ананасами на лоткѣ, или другими фруктами, третій везетъ кладь на парѣ горбатыхъ быковъ. Вотъ выступаютъ, въ бѣлыхъ, кисейныхъ халатахъ, персіяне; вотъ парси, съ блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ лица и лукавыми глазами; далѣе армянинъ, въ европейскомъ пальто; тамъ карета промчалась съ китайцами изъ лавокъ въ ихъ кварталъ; тутъ англичанинъ ѣдетъ верхомъ.

Позавтракавъ, мы послали за каретами и велѣли ѣхать за городъ. Кареты и кучера — не послѣдняя достопримѣчательность города и тотчасъ бросится въ глаза. Я ужъ говорилъ, что едва вы ступите со шлюпки на берегъ, васъ окружатъ нѣсколько кучеровъ, съ своими каретами. Послѣднія безъ рессоръ, но покойны, какъ люльки; внутри собственно два мѣста; но если потѣсниться, то окажется, пожалуй, и четыре. Подушки и стѣнки обиты цыновками. Карету въ одинъ конецъ, поближе, нанимаютъ за полдоллара, подальше—за долларъ, и на цѣлый день — тоже долларъ. Для кучера мѣста нѣтъ: онъ что̀ есть мо̀чи бѣжитъ рядомъ, держа лошадь за узду, тогда какъ, по этой нестерпимой жарѣ, европеецъ едва сидитъ въ каретѣ. Въ Сингапурѣ нѣтъ мостовой, а есть убитыя пескомъ и укатанныя аллеи, какъ у насъ гдѣ-нибудь въ Елагинскомъ паркѣ. Индіецъ, полуголый съ маленькимъ передникомъ, бритый,

въ чалмѣ, или съ большими волосами, смотря по тому, какой онъ вѣры, бѣжитъ ровно, граціозно, далеко и медленно откидывая ноги назадъ, улыбаясь и показывая рядъ отличныхъ зубовъ. Ночью ихъ обязали ѣздить съ фонарями, иначе здѣсь ни зги не видать.

Они помчали насъ сначала по предмѣстьямъ, малайскому, индійскому и китайскому. Малайскія жилища—просто сквозныя клѣтки изъ бамбуковыхъ тростей, прикрытыя сухими кокосовыми листьями, едва достойныя называться сараями, на сваяхъ, отъ сырости, и отъ насѣкомыхъ тоже. У китайцевъ побогаче—сплошные ряды домовъ въ два этажа: внизу лавки и мастерскія, вверху жилье, съ жалюзи. Индійцы живутъ въ мазанкахъ.

Кругомъ все заросло пальмами *areca*, или кокосовыми; обработанныхъ полей съ хлѣбомъ немного: есть плантаціи кофе и сахара, и то мало: мѣста нѣтъ; все болота и густые лѣса. Рисъ, главная пища южной Азіи, привозится въ Сингапуръ съ Малаккскаго и Индійскаго полуострововъ. Но зато сколько деревьевъ! хлѣбное, тутовое, мускатное, померанцы, бананы и другія.

Мы ѣхали по берегу той же, протекающей по городу рѣки, которая по немъ, или городъ по ней, называется Сингапуръ. Она мутна и не радуетъ глазъ, притомъ очень узка, но не мелка.

По берегу тянулись мазанки и хижины, изъ которыхъ выглядывалъ то индіецъ, то малаецъ. Въ одномъ мѣстѣ, на большомъ углу, мы видѣли группу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ яркихъ рѣжущихъ глаза красныхъ и синихъ костюмахъ: они собирали что-то съ деревьевъ. Тамъ высунулась изъ воды голова буйвола; тамъ бѣдный и давно небритый китаецъ, подъ плетеной шляпой, тащитъ, обливаясь потомъ, ношу; тамъ нѣсколько ихъ сидятъ около походной лавочки, или въ своихъ магазинахъ, на пяткахъ, въ кружокъ, и уплетаютъ двумя палочками вареный рисъ, держа

чашку у самаго рта, и, время отъ времени, достаютъ изъ другой чашки, съ темною жидкостью, этими же палочками необыкновенно-ловко какіе-то кусочки и ѣдятъ. Мы переѣхали нѣсколько мостиковъ; вдали, на холмахъ, видны европейскія дачи, выглядывавшія изъ гущи кипарисовъ, бананновъ и пальмовыхъ рощъ. Наконецъ въѣхали опять въ китайскій кварталъ и опять насъ охватили разные запахи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ лавками я видѣлъ надпись по-англійски: *дозволенная продажа опіума*. Мы хотѣли взглянуть, какъ курятъ опіумъ, и вошли въ лавочку; но тамъ только продавали его. Насъ подвозили ко многимъ такимъ лавочкамъ; это были отвратительнѣйшія, неопрятныя клѣтушки; гдѣ нагіе китайцы предлагали намъ купить отравы. Наконецъ кули повелъ насъ черезъ одну лавчонку въ темный чуланъ: тамъ, на грязной цыновкѣ, лежалъ одинъ курильщикъ; онъ безпрестанно палочкой черпалъ опіумъ и клалъ его въ крошечное отверстіе круглой большой трубки. Но духота, вонь и жаръ, отъ помѣщавшейся рядомъ китайской кухни, были такъ сильны, что мы, не дождавшись дѣйствія опіума, бѣжали вонъ и вздохнули свободно, выѣхавъ изъ китайскаго квартала.

Нѣкоторымъ нужно было что-то купить, и мы велѣли везти себя въ европейскій магазинъ; но собственно-европейскихъ магазиновъ нѣтъ: европейцы ведутъ оптовую торговлю, привозятъ и увозятъ грузы, а розничная торговля вся въ рукахъ китайцевъ. Лавка была большая, въ двѣ комнаты: и чего-чего въ ней не было! Полотна, шелковыя матеріи, сигары, духи, мыло, помада, наконецъ китайскія рѣзныя вещи, чай и т. п.

Между прочимъ вдругъ намъ бросилось въ глаза, на кускѣ холста, русское клеймо: *фабрика А. Перлова*. Это дукъ. — «Откуда? какъ?» спросили мы приказчика-англичанина. — «Это англійскій дукъ», сказалъ онъ: «а клеймо русское». Я нарочно мѣшкалъ въ лавкѣ: мнѣ хотѣлось дать

отдохнуть кучерамъ; но они, кажется, всего меньше думали сами объ этомъ. Мнѣ сначала было совѣстно ѣхать и смотрѣть, какъ они бѣгутъ, но черезъ полчаса я привыкъ смотрѣть, а они — бѣжать. — «Куда бы еще пойти? что посмотрѣть?» говорили мы.—«Ахъ! да вѣдь мы нѣкоторымъ образомъ въ Индіи: здѣсь должны быть слоны; надо посмотрѣть, поѣздить на нихъ». — «Есть здѣсь слоны?» спросили мы у кули.—«Есть», отвѣчалъ онъ.—«Гдѣ жъ они? много ихъ?»—«Одинъ». — «Одинъ! Ну, для такого островка и одного довольно! А можно поѣздить на немъ?»—«Нѣтъ, нельзя, онъ на сахарномъ заводѣ работаетъ».

Часа въ четыре, покружась еще по улицамъ, походивъ по эспланадѣ, полюбовавшись садами около европейскихъ домовъ, мы вернулись въ London Hotel — и сейчасъ подъ вѣеръ. Стали звонить къ обѣду. Хотя у насъ еще не успѣлъ пробудиться аппетитъ, однакожъ мы съ Б. К. отправились «посмотрѣть, что ѣдятъ», какъ онъ говорилъ. Но я всегда въ этихъ случаяхъ замѣчалъ, что онъ придастъ слишкомъ много значенія глаголу *смотрѣть*. Столовая помѣщалась въ особой, выстроенной на дворѣ, деревянной, открытой со всѣхъ сторонъ галлереѣ, какія у насъ дѣлаются для игры въ кегли; да тутъ же, кстати, на дворѣ была и другая такая же галлерея для этой игры. Длинный-предлинный столъ, надъ нимъ вѣеръ, висящій съ потолка вдоль всего стола, и въ углу два, не очень мягкіе, некрасивые дивана, составляли все убранство залы. Мы застали уже человѣкъ до пятнадцати англичанъ и американцевъ: они, по обыкновенію, пили себѣ, какъ будто въ Англіи, хересъ, портвейнъ и эль.

Обѣдъ, по англійскому обычаю, былъ весь на столѣ. Намъ подали горячее: я попробовалъ—что-то родное.—«Да это уха», сказалъ я Б.—«Супъ изъ рыбы», поправилъ онъ педантически. Потомъ подали рыбу, но она показалась мнѣ не свѣжа, и отличную вареную зелень. Всякій бралъ, чего

хотѣлъ, а выбрать было изъ чего: стояло блюдъ десять. Свинина была необыкновенной бѣлизны, свѣжести и вкуса. Надо отдать справедливость здѣшнимъ свиньямъ: на взглядъ онѣ некрасивы, хуже нашихъ: низенькія, вмѣсто щетины, съ маленькою, рѣдкою и мягкою шерстью, похожей на пухъ, черезъ которую сквозитъ жиръ; спина вогнута, а брюхо касается земли. Онѣ не могутъ почти ходить отъ жиру, но вкусомъ необычайно нѣжны. Зато же здѣсь и обращаются съ ними весьма нѣжно. Я видѣлъ, ихъ везли цѣлый возъ на двухъ буйволахъ: каждая свинья помѣщалась въ особой, круглой плетенкѣ, сдѣланной по росту свиньи. Отъ этого не слышно пронзительнаго визга, какой у насъ иногда раздается по всей улицѣ. Въ другой разъ, два китайца несли на плечахъ, съ признаками большой осторожности, и даже, кажется, уваженія, такую корзину, въ которой небрежно покоилась свинья.

На всѣ такія мѣста, какъ Сингапуръ, то-есть торговыя и складочныя, я смотрю несовсѣмъ благосклонно, или, лучше, несовсѣмъ весело. На всемъ лежитъ печать случайности и необходимости, вынужденной обстоятельствами. Встрѣчаешь [illegible]

[illegible]

«Непростительно-хорошъ!» отвѣчалъ я. Въ самомъ дѣлѣ, тонкій, нѣжный, матовый цвѣтъ кожи, голубые глаза, съ трепещущей влагой задумчивости, кудри мягкія, какъ ленъ, легкія, граціозно-вьющіяся и осѣняющія нѣжное лицо; голосъ тихій. О, какой это счастливецъ бѣжалъ изъ Европы? Что повлекло его сюда? ужели золото? Быть бы ему между васъ, женщины; но изъ васъ только однѣ англичанки могутъ заплатить ему такой же красотой. Это британскій типъ красоты, нѣжной, чистой и умной, если можно такъ выразиться: тутъ не было никакихъ розъ, ни лилій, ни бровей дугой; все дѣло было въ чистотѣ и гармоніи линій и оттѣнковъ, какъ въ отлично составленномъ букетѣ.

Я смотрѣлъ на красавца, слѣдилъ за его разговоромъ и мимикой; мнѣ хотѣлось замѣтить, знаетъ ли онъ о своей красотѣ, цѣнитъ ли ее, словомъ—фатъ ли онъ. Но тутъ не было женщинъ, а это только и можно узнать при нихъ. Бѣда такому красавцу: если уроду нужно много нравственныхъ достоинствъ, чтобъ не колоть глазъ своимъ безобразіемъ, то красавцу нужно ихъ чуть ли не больше, чтобъ заставить простить себѣ красоту. Сколько надо одного ума, чтобъ не знать о ней! Но этого не бываетъ; надо искусственно дойти до потери сознанія о ней, забывать ее, то-есть, безпрестанно помнить, что надо забывать.

Мы посидѣли до вечера въ отелѣ, бесѣдуя съ сѣдымъ американскимъ шкиперомъ, который подсѣлъ къ намъ и разговорился о себѣ. Онъ смолоду странствуетъ по морямъ. Теперь онъ везетъ грузъ въ Англію, а оттуда его черезъ шесть недѣль пошлютъ въ Нью-Іоркъ, потомъ въ Ріо-Жанейро. Такъ онъ провелъ сорокъ лѣтъ.

На возвратномъ пути опять надъ нами сіяла картина ночного неба: съ одной стороны Медвѣдица, съ другой—Южный Крестъ, далѣе Канопусъ, Центавры, наконецъ могучій небесный странникъ, Юпитеръ, лили потоки лучей, а за ними, какъ розово-палевое зарево, сіялъ блескъ млечнаго

нути. Черныя тучи, проносившіяся надъ картиной, казались еще чернѣе, по нимъ бороздили молніи; весла опять дружно разгребали серебряную влагу. Назади китайскій кварталъ [illegible] разноцвѣтными фонарями, развѣшанными у лавокъ, по рейду мелькали корабельные огни. Мы пробирались мимо джонокъ, которыхъ уродливые силуэты тяжело [illegible] крупными тѣнями, въ одно время, на фонъ [illegible] и на водѣ. Ѣдешь: отъ воздуха жарко, [illegible] вѣетъ прохлада. И круглый годъ такъ, круг- [illegible]

лучи то одинъ, то другой бокъ; закаленная кожа у него ярко лоснится, лучи скользятъ по ней, не проникая внутрь, да китайцы, съ полуобритой головой, машутъ весломъ, или ворочаютъ рулемъ, ѣдучи на баркѣ по рейду, а не то такъ работаютъ около европейскихъ кораблей, постукивая молоткомъ, или таская кладь. — «Ахъ!» слышатся восклицанія: «скоро ли вернемся отсюда!» Пить хочется—а чего? вода теплая, отзывается чаемъ. Льду, льду бы, да снѣгу: не дымъ, а ледъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Между тѣмъ кругомъ все такъ пышно: панорамы роскошнѣе представить нельзя. Денное небо не хуже ночного. Одно облако проходитъ за другимъ и медленно тонетъ въ блескѣ небосклона. Зори горятъ розовымъ, фантастическимъ пламенемъ, облака здѣсь, какъ и въ Атлантическомъ океанѣ, группируются чудными узорами.

А на берегу? Пальмы areca, со своими темно-зелеными листьями, которыхъ верхушки будто отрѣзаны, и все дерево точно щеголевато острижено, кокосовыя, съ развѣсистыми, длинными и острыми листьями, мускатныя, съ небольшимъ, ярко-зеленымъ, жирнымъ листомъ, далѣе померанцы, баніаны — вотъ кайма, окружавшая насъ! Вдругъ перемѣна декораціи: цвѣта блекнутъ на всемъ. Пошелъ дождь. Откуда взялось облако? Небо какъ будто покрылось простыней; полились потоки: въ пять, десять минутъ подставленныя бочки полны водой. Но вы не успѣли подумать о томъ, долго ли это продолжится, а оно ужъ и кончилось. Опять сухо; грязи здѣсь не бываетъ: ступайте по травѣ, по землѣ — подошва суха.

Живутъ же люди въ этихъ климатахъ, и какъ дешево! Одежда—косокъ полотна или бумажной матеріи около поясницы—и только; все остальное наружѣ; ни сапогъ, ни рубашекъ. У европейцевъ есть и то, и другое, но какъ охотно они бросили бы эти то и другое, и пожалуй, еще и третье... панталоны! Пища—горсть рису, десертъ—ананасъ, стоящій

грошъ, а если нѣтъ гроша, а затѣмъ и ананаса, то первый, выглянувшій изъ-за чужого забора и ничего не стоющій бананъ, а нѣтъ и этого, такъ просто поднятый съ земли, упавшій съ дерева мускатный орѣхъ. Питье — если не вода, которая мутна, то всегда готовый къ вашимъ услугамъ никому и всѣмъ принадлежащій кокосовый орѣхъ. Ложась, то есть спать, вездѣ можно: гдѣ ни лягте — тепло и [illegible]

Кстати о кокосахъ. Не долго они нравились намъ. [illegible]

былъ ужаленъ, вѣроятно однимъ изъ нихъ въ ногу, которая сильно распухла, но опухоль прошла, и дѣло тѣмъ кончилось.

Но что жъ такое Сингапуръ? Я еще не сказалъ ничего объ этомъ. Это островокъ, въ нѣсколько миль величиной, лежащій у оконечности Малаккскаго полуострова, подъ 1°30′ сѣв. шир., слѣдовательно, у самаго экватора. Онъ уступленъ англичанамъ, въ 1819 году, однимъ изъ малаккскихъ султановъ, которому они помогли утвердиться въ его владѣніяхъ. Надо знать, что незадолго предъ тѣмъ голландцы выхлопотали себѣ у другого султана, соперника перваго, торговое поселеніе въ тѣхъ же мѣстахъ, именно въ проливѣ Ріо. Англичане имѣютъ такой обычай, что лишь зачуютъ гдѣ торговлю, то и явятся со своими товарами: такъ они сдѣлали и тамъ. А у голландцевъ есть обычай не пускать другихъ туда, гдѣ торгуютъ они сами. Все это было причиною того, что Сингапуръ возникъ и процвѣлъ, а голландское поселеніе пало.

Стенъ Биль, командиръ датскаго корвета «Галатея» и авторъ путешествія, сравниваетъ нынѣшній Сингапуръ, въ торговомъ отношеніи, съ древней Венеціей. Сравненіе слабое, несовсѣмъ лестное для Сингапура. Что такое капиталы временъ Венеціанской республики предъ британскими? Что такое положеніе Венеціи, между тогдашнимъ Востокомъ и тогдашнимъ Западомъ, передъ положеніемъ Сингапура между Индіею, Китаемъ, Малаккскимъ полуостровомъ, Австраліею, Сіамомъ, Кохинхиной и Бирманской имперіей, которыя всѣ шлютъ продукты свои въ Сингапуръ и оттуда въ Европу? А чего не везутъ теперь изъ Европы сюда? Что такое, наконецъ, такъ-называемая тогдашняя роскошь передъ нынѣшнимъ комфортомъ? Роскошь — порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо

[illegible] птичьихъ мозговъ, или языковъ, или [illegible] не потому, чтобъ эти блюда были тоньше [illegible] но потому, что этихъ [illegible] Или, не безуміе ли обѣдать на [illegible] ни у кого, хоть бы [illegible] Не глупость ли [illegible] въ которыхъ [illegible] чуть не изъ паутины, и [illegible]

[illegible] цѣлыми все это [illegible] скамьяхъ, [illegible] въ [illegible]

[illegible] въ [illegible] съ [illegible]

[illegible]

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ убереть свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрустированномъ, золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться своего обыкновеннаго стола, но зато онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни забросить судьба человѣка; и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Нордъ-Капѣ—вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино. Вездѣ онъ хочетъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣвается въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя.

Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространилась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи. Вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первое есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе второго. И торговля не падетъ никогда,

[illegible] хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ [illegible]ва, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. [illegible] уже и сдѣлано. Куда европеецъ только [illegible] вы тамъ подъ знаменемъ [illegible] и того [illegible] противная, конечно, [illegible]

[illegible]

является портной, съ длинной косой, въ кофтѣ и шароварахъ, показываетъ образчики суконъ, матерій, снимаетъ мѣрку и шьетъ европейскій костюмъ; съѣдете на берегъ— жители не разбѣгаются въ стороны, а встрѣчаютъ толпой, не затѣмъ, чтобъ драться, а чтобъ предложить карету, носилки, проводить въ гостиницу. Тамъ тотъ же мягкій бифштексъ, тотъ же лафитъ, хересъ и чистая постель, какъ въ Европѣ.

Я дня два не съѣзжалъ на берегъ. Больной, стоялъ я, облокотясь на сѣтки, и любовался на небо, на окрестные острова, на лѣса, на разбросанныя по берегамъ хижины, на рейдъ, съ движущеюся картиной джонокъ, лодокъ, вглядывался въ индійскія, китайскія физіономіи, прислушивался къ говору.

Особенно любопытно было видѣть, какъ наши матросы покупали у туземцевъ фрукты, потомъ разныя вещи, ящички, вѣеры, простыя матеріи и т. п. Что за языкъ придумали они—и понимали другъ друга! Ѳаддеевъ, по моему порученію, возьметъ деньги, спустится на лодки, купитъ ананасовъ, или что-нибудь другое: вижу, онъ споритъ тамъ, сердится; наконецъ, торгъ заключается, и онъ приноситъ что нужно.—«Черти этакіе: съ ними не сообразишь!» говорилъ онъ, воротясь: «вчера полшильника просилъ, а теперь хочетъ *шильникъ*» (шиллингъ).—«Да какъ ты тамъ говоришь съ ними?»—«По-англичански». — «Какъ ты спросишь?»— «А вотъ возьму въ руку вещь, да и спрошу: *омачъ?*» (how much? что стоитъ?).

Наконецъ, мнѣ стало легче, и я поѣхалъ въ Сингапуръ съ нѣсколькими спутниками. Здѣсь есть громкое коммерческое имя Вампоа. Въ Кантонѣ такъ называется бухта, или верфь; оттуда ли родомъ сингапурскій купецъ — не знаю, только и его зовутъ Вампоа. Онъ ужъ лѣтъ двадцать какъ выѣхалъ изъ Китая и поселился здѣсь. Онъ не можетъ воротиться домой, не заплативъ... взятки. Да едва ли теперь

Весь дворъ усаженъ по стѣнамъ банановыми, пальмовыми и мускатными деревьями. Посреди двора стояла главная кумирня—довольно обширное, открытое со всѣхъ сторонъ зданіе, подъ тремя или четырьмя кровлями, все съ загнутыми углами. Сколько позолоты, рѣзьбы, мишурныхъ украшеній, поддѣльныхъ камней, и какое безвкусіе въ этой восточной пестротѣ! Китайцы и индійцы, кажется, сообща приложили каждый свой вкусъ къ постройкѣ и украшеніямъ зданія: оттого никакъ нельзя, глядя на эту груду камней, мишурнаго золота, полинялыхъ тканей, съ примѣсью живыхъ цвѣтовъ, составить себѣ идею о стилѣ зданія и украшеній. Внутри кумирни помѣщались три ниши съ идолами; кругомъ крытая галлерея. Рѣзная работа всюду: на перилахъ, на стѣнахъ; даже гранитные, поддерживающіе крышу столбы, тоже изваяны грубо и представляютъ животныхъ. Между идолами стоитъ Будда съ своими двумя прислужниками, и какая-то богиня, еще два другіе идола—всѣ съ чудовищно-безобразными лицами. Тутъ, между прочимъ, есть фигура—эмблема настоящаго, прошедшаго и будущаго. Передъ идолами горѣли тоненькія, длинныя свѣчи. Я хотѣлъ посмотрѣть, изъ какого дерева, и спросилъ одну. Индіецъ тотчасъ взялъ, зажегъ и подалъ мнѣ, но О. А. проворно сказалъ: — «Плюньте, бросьте: это онъ хочетъ, чтобъ вы идолу свѣчку поставили!»

Изъ буддійской кумирни мы поѣхали въ индійское капище, къ поклонникамъ Брамы. Черезъ довольно высокую башню, изъ дикихъ, грубо-отесанныхъ камней, входишь на просторный, обсаженный деревьями дворъ. Прямо крытая галлерея, на столбахъ, ведетъ въ капище. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, насъ остановилъ индіецъ, читавшій нараспѣвъ книгу, и молча указалъ намъ на сапоги, предлагая, или снять ихъ, или не ходить дальше. Мы остановились и издали смотрѣли въ кумирню, но тамъ нѣчего было смотрѣть: тѣ же три ниши, что у буддистовъ, съ

ленью. Солнце такъ и лило потоки язвительныхъ лучей на скалы. Страшно подумать взойти туда, подъ эти стрѣлы, а китайцы и малайцы ползали тамъ голые, нѣкоторые безъ шляпъ. Отъ здѣшнихъ лучей, если они застанутъ европейца съ обнаженной головой, надо бѣжать прятаться подъ кровъ попроворнѣе, нежели иногда бѣжишь подъ крышу отъ ливня.

Европейскія дачи, деревеньки, берега—все тонетъ въ зелени; вездѣ густая трава и пальмы. Наконецъ пристали къ пристани и пошли на пароходъ. Но что мнѣ пароходъ? Я вошелъ на минуту, да и долой, а товарищи мои, моряки, начали вглядываться во всякую гайку, винтъ. Я пошелъ по пристани. Запасные пакгаузы заперты тяжелыми дверьми, за которыми хранятся грузы, ожидающіе кораблей, для развоза въ Европу, въ Китай, или Австралію. Они стоятъ безмолвные теперь; но чуть завѣетъ ожидаемый флагъ, эти двери изрыгнутъ милліоны, или поглотятъ ихъ. Тутъ же выстроены обширные угольные сараи. Болѣе сотни китайцевъ брали кули, пуда въ три-четыре, легко и ловко взбрасывали ихъ себѣ на шею и мчались во всю мочь на пароходъ, подъ этимъ солнцемъ, когда дышишь будто огнемъ. А они ничего: тѣло обнажено, голова открыта, потому что въ тростниковой широкой шляпѣ неловко было бы носить на шеѣ кули; только косы, чтобъ не мѣшали, подобраны на затылкѣ, какъ у женщинъ. У многихъ совершенно женскія лица, гладкія; борода и усы почти не растутъ, а они еще ихъ бреютъ до нельзя. Много видно умныхъ, или, лучше сказать, смышленыхъ, а болѣе лукавыхъ лицъ.

Мы прошли около всѣхъ этихъ торговыхъ зданій, пакгаузовъ, вошли немного на холмъ, къ кустамъ, подъ тѣнь пальмъ.—«Ахъ, если бъ нашиться!» говорили мы: но чего? Тутъ берегъ пустой и только что разрабатывается. Къ счастью, наши матросы накупили себѣ ананасовъ и подѣли-

[illegible] нами, вырѣзывая такъ искусно средину спиралью, [illegible] китайцу впору.

Мы [illegible] рейдъ отправились въ городъ, гоняясь по дорогѣ [illegible] какой-то англійской яхтой, которая ложилась, то на правый, то на лѣвый галсъ, граціозно описывая круги. Наши матросы молодцы: въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ синими [illegible] по воротникамъ, въ бѣлыхъ же фуражкахъ, съ выгнутой грудью, они, при словѣ: «навались! дай ходъ!» разомъ выгибали мускулистыя руки, всѣ шесть головъ падали на весла, и какъ львы, дерущіе когтями землю, разсѣкали веслами упругую влагу.

Мы въѣхали въ рѣчку и пошли бродить по знакомымъ узкимъ улицамъ. Но глазъ—несмотря на все разнообразіе пищи и пестроту костюмовъ, на наготу и разноцвѣтность тѣлъ, на стройность и грацію индійцевъ, на суетливыхъ жеманныхъ китайцевъ, на коричневыхъ малайцевъ, у которыхъ ротъ, отъ безпрерывной жвачки бетеля, похожъ на трубу, изъ которой лѣтъ десять курили жуковскій табакъ, на груды товаровъ, фруктовъ, на богатую и яркую зелень, несмотря на все это, или, пожалуй, смотря на все, [illegible] скоро утомляется, ищетъ чего-то и не находитъ: въ [illegible] нѣтъ самой живой ея половины, ея цвѣта, роскоши—женщинъ.

[illegible] что изъ шестидесяти тысячъ жителей, женщинъ [illegible] около семисотъ. Европеянокъ, женъ, дочерей [illegible] и другихъ, живущихъ по торговлѣ лицъ, немного, и тѣ, какъ цвѣты Сѣвера, прячутся въ тѣнь, а китаянокъ и индіанокъ еще меньше. Мы видѣли въ предмѣстьяхъ нѣсколько китайскихъ противныхъ старухъ; молодыхъ почти ни одной: но зато видѣли нѣсколько молодыхъ и [illegible] красивыхъ индіанокъ. Огромныя золотыя серьги, [illegible] серебряные браслеты на рукахъ и ногахъ, бросались въ глаза.

Гораздо [illegible] можно видѣть у нихъ дома, или съ пяти

часовъ до семи, когда онѣ катаются по эспланадѣ, опрокинувшись на эластическія подушки щегольскихъ экипажей, въ легкихъ, прозрачныхъ, какъ здѣшній воздухъ, тканяхъ, и въ шляпкахъ, не менѣе легкихъ, à jour: точно бабочка сидитъ на головѣ. Эти леди лѣниво проѣдутъ по прекрасной дорогѣ, подъ тѣнью великолѣпныхъ банановъ, пальмъ, близъ зеленой пелены водъ, бахромой разсыпающихся у самыхъ колесъ. Я только не понимаю одного: какъ чопорныя англичанки, къ которымъ въ спальню не смѣетъ войти родной братъ, при которыхъ нельзя произнести слово «панталоны», живутъ между этимъ народонаселеніемъ, которое ходитъ вовсе безъ панталонъ? Развѣ онѣ такъ вооружены аристократическимъ презрѣніемъ ко всему, что ниже ихъ, какъ римскія матроны, которыя, не зная чувства стыда передъ рабами, мылись при нихъ и не удостоивали ихъ замѣчать?.. Можетъ-быть и то: видно климатъ мѣняетъ нравы.

Еще одно, послѣднее сказаніе о Сингапурѣ, или скорѣе о дачѣ Вампоа. Купецъ этотъ пригласилъ насъ къ себѣ, не назначивъ, кого именно, въ какомъ числѣ, а просто сказалъ, что ожидаетъ къ себѣ въ четыре часа, и просилъ заѣхать къ нему въ лавку, откуда вмѣстѣ и поѣхать. Мы отправились впятеромъ и застали его въ лавкѣ, неподвижно, съ важностью Будды, сидящаго на своемъ мѣстѣ. Онъ двоихъ пригласилъ сѣсть съ собой въ карету, и самъ, какъ сидѣлъ въ лавкѣ, такъ въ той же кофтѣ, безъ шапки, и шагнулъ въ экипажъ. Прочіе размѣстились въ наемныхъ каретахъ. До дачи было мили три, то-есть около четырехъ верстъ. Вотъ моціонъ для кучеровъ — бѣгомъ, по жарѣ!

Гладкая, окруженная канавками дорога шла между плантацій, фруктовыхъ деревьевъ, или низменныхъ и болотистыхъ полей. Съ дороги уже видны густые, непроходимые лѣса, въ которыхъ гнѣздятся рыси, лѣнивцы, но всего болѣе

тигры. Этихъ животныхъ не было, когда островъ Сингапуръ былъ пустъ, но лишь только онъ населился, какъ съ Малаккскаго полуострова стали переправляться эти звѣри и тревожить людей и домашнихъ животныхъ. Спортсменовъ еще не имѣлось для истребленія звѣрей, а теперь пока звѣри истребляютъ людей. Сингапуръ еще ожидаетъ своихъ Нимвродовъ. Говорятъ, тигры здѣсь такъ же велики и сильны, какъ на индійскомъ полуостровѣ: они одной породы съ ними. Круглымъ счетомъ истребляется звѣрями по человѣку въ два дня; особенно погибаетъ много китайцевъ, вѣроятно, потому, что ихъ здѣсь до сорока, а прочихъ жителей до двадцати тысячъ. При насъ, однако, съ людьми ничего не случилось; но у одного китайца, который забрался подальше въ лѣсъ, тигръ утащилъ собаку.

Мы ѣхали около часа, какъ вдругъ наши кучера въ одномъ мѣстѣ, съ дороги, бросились и потащили лошадей [illegible] закричали [illegible] — «[illegible] тигръ ли [illegible]» — «Нѣтъ, это жалоба [illegible] Вампоа».

Что это такое? какъ я ни былъ приготовленъ найти что-нибудь оригинальное, какъ много ни слышалъ о томъ, что Вампоа богатъ, что [illegible] живетъ [illegible], но то, что мы увидѣли, [illegible]

[illegible]

жаемый образецъ въ этомъ родѣ. Чему вѣрить? и тому, и другому: что богдыханскіе сады устроены грандіознѣе и шире другихъ—это понятно; что у частныхъ людей это сжато, измельчено—тоже понятно. Но посмотримъ, каковъ садъ Вампоа.

Отъ дома шли бо́льшею частью узенькія аллеи во всѣ стороны, обсаженныя или крупной породы деревьями, или кустами, или наконецъ цвѣтами. Хозяинъ, не только охотникъ, но и знатокъ дѣла. Онъ подробно объяснилъ намъ свойства каждаго растенія, которыя разсажены въ систематическомъ порядкѣ. Не стану исчислять всего, да и не сумѣю, отчасти потому, что забылъ, отчасти не разобралъ половину англійскихъ названій хорошенько, хотя Вампоа, живущій лѣтъ двадцать въ Сингапурѣ, говоритъ по-англійски какъ англичанинъ. — «Вотъ гвоздичное, вотъ перцовое дерево», говорилъ хозяинъ, подводя насъ къ каждому кусту: «вотъ саговая пальма, терновыя яблоки, хлопчато-бумажный кустъ, хлѣбный плодъ» и т. д., словомъ все, что производитъ Индія.

Между цвѣтами особенно интересны водяныя растенія, исполинскія лиліи и лотосъ: они росли въ наполненной водою канавѣ. Замѣчателенъ также растущій въ наполненной водою же, громадной вазѣ, кустъ, похожій немного на плющъ, привезенный сюда изъ Китая. Кругомъ корня, въ вазѣ, плавали золотыя рыбки. Кустъ этотъ, по объясненію хозяина, растетъ такъ сильно, что если ему дать волю, то года черезъ два имъ покроется весь садъ, и между тѣмъ, кромѣ воды, ему никакой почвы не нужно. Не знаю, правда ли это. Тутъ же смотрѣли мы красивое растеніе, листья котораго, сначала темно-красные и угловатые, по мѣрѣ созрѣванія, переходятъ въ зеленый цвѣтъ и получаютъ гладкую, продолговатую форму. Бамбукъ и банановникъ разсажены въ саду, въ видѣ шпалеры, какъ загородки. Цвѣтовъ не оберешься, и одни великолѣпнѣе другихъ. Тутъ же было нѣсколько грядъ съ ананасами.

Я не пересказалъ и двадцатой доли всего, что тутъ было: мени, какъ простого любителя, незнатока, занималъ болѣе общій видъ сада. Да, это Индія и Китай вмѣстѣ. Вотъ эти растенія, чада тропическихъ лучей, нѣжно-воспитанные любимцы солнца, аристократія природы! Все пышно убрано, или цвѣтуще, или ароматично; все носитъ въ себѣ тонкій даръ природы, назначенный не для простыхъ и грубыхъ надобностей. Тутъ не добудешь дровъ и не насытишь грубаго голода, не выстроишь ни дома, ни корабля: наслаждаешься этими [illegible] природы, какъ произведеніями искусства. На каждомъ деревѣ и кустѣ лежитъ [illegible] и яркая красота, что не пройдешь [illegible] съ другимъ. И [illegible] въ галлереѣ.

[illegible] въ саду есть [illegible] разныхъ [illegible]. Мы [illegible]

онъ бѣжалъ къ двери, сердился, поднималъ ужасную возню, топалъ ногами, билъ крыльями въ дверь, клевалъ ее — словомъ, такъ и просился, по характеру, въ басни Крылова.

Наконецъ, хозяинъ показалъ послѣдній замѣчательный предметъ—превосходную арабскую лошадь, совершенно бѣлую, съ серебристымъ отливомъ. Замѣтно, что онъ холитъ ее: она такъ же почти толста и гладка, какъ онъ самъ.

Мы пошли въ домъ. Онъ еще замѣчательнѣе сада.

Изъ просторныхъ сѣней, съ рѣзными дверями, мы поднялись, по деревянной, устланной цыновками лѣстницѣ, вверхъ, въ полумрачныя отъ жалюзи комнаты, сообщающіяся круглыми дверьми. Вездѣ стѣны и мебель тонкой рѣзной работы, золоченыя ширмы, длинныя крытыя галлереи, со всѣми затѣями утонченной роскоши; бронза, фарфоръ; по стѣнамъ фигуры, арабески.

Европейскій комфортъ и восточная роскошь подали здѣсь другъ другу руку. Это дворецъ невидимой феи, индійской пери, самой Сакунталы, можетъ-быть. Вотъ, кажется, слѣды ея ножекъ: вотъ кровать, закрытая едва-осязаемой кисеей, висячія лампы и цвѣтные китайскіе фонари, роскошный европейскій диванъ, а рядомъ длинное и широкое бамбуковое кресло. Здѣсь рѣзныя золоченыя колонны, служащія преддверіемъ ниши, гдѣ богиня покоится въ жаркіе часы дня, подъ дуновеніемъ висячаго вѣера.

Но богини нѣтъ: около насъ ходитъ, будто самъ индійскій идолъ—эмблема обилія и плодородія, Вампоа. Неужели это онъ отдыхаетъ подъ кисеей въ нишѣ, на него вѣетъ прохладу вѣеръ, его закрываютъ ревнивыя жалюзи и золоченыя рѣзныя ширмы отъ жара? Будто? А зачѣмъ же въ домѣ три или четыре спальни? Чьи, вонъ это, крошечныя туфли прячутся подъ постель? Чьи это мелочи, корзиночки? Кто тутъ садится около круглаго стола, на которомъ разбросаны шелкъ, нитки и другіе слѣды рукодѣлья?

Всѣ комнаты оживлены чьимъ-то таинственнымъ при-

[illegible] много цвѣтовъ, китайская библіотека, вазы, ларчики. Мы пріѣздомъ своимъ какъ будто спугнули кого-то. Но въ домѣ не слыхать ни шороха, ни шелеста. А вонъ [illegible] у Вампоа есть жена, можетъ быть [illegible]. Гдѣ жъ онѣ? Что эта вилла безъ нихъ, [illegible] огромными зеркалами, рѣзными шкафами и другими чудесами китайской природы и искусства, [illegible]

[illegible]

Въ городѣ уже сіяли огни; особенно ярко освѣщаются китайскіе ряды разноцвѣтными бумажными фонарями. На эспланадѣ, подъ баніаномъ, гремѣла музыка. Мы остановились тутъ и пробыли до глубокой ночи. Въ темнотѣ я наткнулся на какого-то француза, съ которымъ разговорился о городѣ, о жителяхъ, о странѣ. Я спросилъ его, между прочимъ, какъ четыреста человѣкъ европейцевъ мирно уживаются съ шестьюдесятью тысячами народонаселенія, при рѣзкомъ различіи ихъ въ вѣрѣ, понятіяхъ, цивилизаціи? Онъ сказалъ, что полиція, которая большею частью состоитъ изъ сипаевъ, то-есть служащихъ въ англійскомъ войскѣ индійцевъ, довольно многочисленна и бдительна, притомъ всѣ цвѣтныя племена питаютъ глубокое уваженіе къ бѣлымъ.

Въ началѣ іюня мы оставили Сингапуръ. Недѣли было черезчуръ много, чтобъ познакомиться съ этимъ мѣстомъ. Если бъ мы еще остались день, то не знали бы, что дѣлать отъ скуки и жара. Нѣтъ, Индія не по насъ! И англичане бѣгутъ изъ нея, при первомъ удобномъ случаѣ, спасаться отъ климата, на мысъ Доброй Надежды, въ портъ Джексонъ — словомъ, дальше отъ экватора, отъ этихъ палящихъ дней, отъ безпрохладныхъ ночей, отъ мѣстъ, гдѣ нельзя безнаказанно ѣсть и пить, какъ ѣдятъ и пьютъ англичане.

Я радъ, что былъ въ Сингапурѣ, но оставилъ его безъ сожалѣнія; и если возвращусь туда, то безъ удовольствія, и только поневолѣ.

До свиданія.

Китайское море.
Іюль, 1853 года.

VII.

подумаешь, что пріѣхалъ въ путное мѣсто: куда ни оглянешься, все высокіе зеленые холмы, безъ деревьевъ, правда, но приморскія мѣста, чуть подальше отъ экватора и тропиковъ, почти всѣ лишены растительности. Подумаешь, что деревья тамъ гдѣ-нибудь, подальше, въ долинахъ: а здѣсь надо вообразить ихъ очень подальше, безъ надежды дойти или доѣхать до нихъ. Глядите на мѣстность самаго островка Гон-Конга и взглядъ вашъ вездѣ упирается, какъ въ стѣну, въ красножелтую гору, мѣстами зеленую отъ травы. У подошвы ея, по берегу, толпятся дома и между ними, какъ напоказъ, выглядываютъ кое-гдѣ пучки банановыхъ листьевъ, которые сквозятъ и желтѣютъ отъ солнечныхъ лучей, да еще видна иногда изъ-за забора, будто широкая метла, верхушка убитаго солнцемъ дерева.

Зато песку и камней неистощимое обиліе. Англичане сумѣли воспользоваться и этимъ матеріаломъ. На высотахъ горы, въ разныхъ мѣстахъ, вы видите то одиноко стоящій каменный домъ, то расчищенное для постройки мѣсто: трудъ и искусство дотронулись уже до скалъ. Поглядѣвъ на великолѣпные дома набережной, вы непремѣнно дорисуете мысленно видъ, который приметъ современемъ и гора. Китайцамъ, конечно, не грезилось, когда они, въ 1842 году, по нанкинскому трактату, уступали англичанамъ этотъ безплодный камень, вмѣсто цвѣтущаго острова Чусана, во что̀ превратятъ камень рыжіе варвары. Еще менѣе грезилось, что они же, китайцы, своими руками и на свою шею, будутъ обтесывать эти камни, складывать въ стѣны, въ брустверы, ставить пушки...

Все это сдѣлано. Городъ Викторія состоитъ изъ одной, правда, улицы, но на ней почти нѣтъ ни одного дома; я ошибкой сказалъ выше *дома*: это все дворцы, которые основаніями своими купаются въ заливѣ. На море обращены балконы этихъ дворцовъ, осѣненные тѣми тощими бананами и пальмами, которые видны съ рейда и которые придаютъ

такой же эффектъ пейзажу, какъ принужденная улыбка грустному лицу.

Дни три я не сходилъ на берегъ: нездоровилось и [illegible] не [illegible] свѣжестью и привольемъ. [illegible] на четвертый день, мы съ Н. поѣхали на шлюпкѣ [illegible] китайскаго квартала, состоящаго изъ двухъ частей [illegible]: одна часть живетъ на лодкахъ, другая [illegible]

[illegible]

которые, стыдясь выпить откровенно рюмку водки, особенно вторую или третью, прикрываются локтемъ или рукавомъ: это, кажется, то же самое. Иные даже приправляютъ лукавство свое ссылкой на то, что ромъ и коньякъ даны-де жаркимъ климатомъ нарочно для этого уравновѣшенія... Не совѣтую прибѣгать къ такому способу: это значитъ портить свѣжесть желудка усиленнымъ раздраженіемъ, учетверить силу жара и изнемочь подъ бременемъ его. Я послушался однажды и для опыта попробовалъ уравновѣсить двѣ температуры и создалъ себѣ на цѣлый день невыносимую пытку. Некуда было дѣться, нечѣмъ залить палящую сухость рта и желудка.

Напротивъ, при воздержаніи отъ мяса, отъ всякой тяжелой пищи, также отъ пряностей (нужды нѣтъ, что онѣ тоже родятся въ жаркихъ мѣстахъ), а болѣе всего отъ вина, легко выносишь жаръ; грудь, голова и легкія—въ нормальномъ состояніи и зной «допекаетъ» только снаружи. Я увѣренъ, что если постоянно употреблять въ пищу рисъ, зелень, немного рыбы и живности, то можно сносить такъ же легко жаръ, какъ и въ Россіи. Но... но П. А. Т. не даетъ жить, даже въ Индіи и Китаѣ, какъ хочется: онъ такъ подозрительно смотритъ, когда откажешься за обѣдомъ отъ блюда баранины или свинины, отъ слоенаго пирога—того и гляди обидится и спроситъ: — «Развѣ дурна баранина, черствъ пирогъ?» или патетически воскликнетъ, обратясь ко всѣмъ:—«Посмотрите, господа: ему не нравится столъ! Если мои распоряженія дурны, если я неспособенъ, не умѣю, такъ изберите другого...» Нѣтъ, ужъ пусть будетъ томить жаръ,—куда ни шло!

Отдохнувъ, мы пошли опять по улицѣ, глядя на дворцы, на великолѣпные подъѣзды, прохладныя сѣни, сквозныя галлереи, наглухо запертыя окна. Въ домахъ не видать признака жизни, а между-тѣмъ въ нихъ и изъ нихъ вбѣгаютъ и выбѣгаютъ кули, тащатъ товары, письма, входятъ

и выходятъ англичане, подъ огромными зонтиками, въ соломенныхъ или полотняныхъ шляпахъ, и всѣ до одного. И мы тоже, въ бѣлыхъ куртках, безъ жилета, съ едва замѣтнымъ признакомъ галстука. Конторы всѣ отперты настежь, там, китайцы, подъ присмотромъ англичанъ упаковываютъ и распаковываютъ тюки, складываютъ въ груды, возятъ на лодки, а лодки везутъ къ кораблямъ. Ки[illegible] безпрестанно наполняютъ улицы [illegible] въ [illegible] Вездѣ мелькаютъ [illegible]

[illegible]

красной кожицей плодъ, больше похожій на ягоду: «отзывается печенымъ лукомъ» и т. д.

Мы дошли по китайскому кварталу до моря и до плавучаго населенія, потомъ поднялись на горку и углубились въ переулокъ—продолженіе китайскаго квартала. Тамъ такія же лавки, такая же нечистота. Здѣсь, въ этомъ чаду криковъ, запаховъ, въ тѣснотѣ, среди клѣтушекъ и всякой всячины, наваленной грудами, китайцы какъ-то веселѣе, привольнѣе смотрятъ: они тутъ учредили свой маленькій Китай—и счастливы! Въ европейскомъ кварталѣ, просторъ, свѣжесть, чистота и великолѣпіе, стѣсняютъ ихъ; они похожи тамъ на рыбъ, которыхъ, изъ грязной, болотной рѣчки, пересадили въ фарфоровый бассейнъ, наполненный прозрачною водою: негдѣ спрятаться, пріютиться, стянуть, надуть, вышачкаться и вышачкать блистящаго.

Обойдя быстро весь кварталъ, мы уперлись въ гору, которая въ этомъ мѣстѣ была отрѣзана искусственно и состояла изъ гладкой отвѣсной стѣны; тутъ предполагалась новая улица. Здѣсь толпился цѣлый полкъ рабочихъ; они рыли землю, обтесывали камни, возили мусоръ. Это все переселенцы изъ португальской колоніи Макао. Едва англичане затѣяли здѣсь поселеніе и кликнули кличъ, какъ Макао опустѣлъ почти совсѣмъ. Работа, слѣдовательно хлѣбъ и деньги, переманили сюда до тридцати тысячъ китайцевъ. Вмѣсто нищенства въ Макао, они предпочли здѣсь безконечный трудъ и неизсякаемую плату. Ихъ не испугали, свирѣпствовавшіе вначалѣ, эпидемическія лихорадки. Они, подъ руководствомъ англичанъ, принялись очищать и осушать почву; эпидемія унялась и переселеніе усилилось.

Мы спустились съ возвышенія и вошли опять въ китайскій кварталъ, прошли, между-прочимъ, мимо одного дома, у окна котораго голый молодой китаецъ наигрывалъ на инструментѣ, въ родѣ гитары, скудный и монотонный мотивъ. Изъ-за него выглядывало нѣсколько женщинъ. Не

все однакожъ голые китайцы ходятъ по городу: это только носильщики, чернорабочіе и сидѣльцы въ лавкахъ. Повыше сословія одѣты прилично; есть даже франты, въ бѣлоснѣжныхъ кофтахъ и въ атласныхъ шароварахъ, въ туфляхъ на толстой подошвѣ, и съ косой, черной, густой, лоснящейся и висящей до пятокъ, съ богатымъ вѣеромъ, которымъ они прикрываютъ голову отъ солнца. Женщины, попроще, ходятъ по городу сами, а тѣхъ, которыя богаче или важнѣе, водятъ подъ-руки. Ноги у всѣхъ болѣе или менѣе изуродованы; а у которыхъ «отъ невоспитанія, отъ небрежности родителей» уцѣлѣли въ природномъ видѣ, тѣ поддѣлываютъ, подъ настоящую ногу, другую искусственную, но такую маленькую, что рѣшительно не могутъ ступить на нее, и потому ходятъ съ помощью прислужницъ. Несмотря на длинныя платья, въ которыя закутаны китаянки отъ горла до полу, я случайно, при дуновеніи вѣтра, вдругъ увидѣлъ хитрость. Женщины, съ оливковымъ цвѣтомъ лица и съ черными, немного узкими глазами, одѣваются больше въ темные цвѣта. Съ прической à la chinoise, и роскошной кучей черныхъ волосъ, прикрѣпленной на затылкѣ большой золотой или серебряной булавкой, онѣ не непріятны на видъ.

Мы едва добрались до европейскаго квартала и пошли въ отель, содержимую полякомъ. Онъ сказалъ, что жилъ года два въ Москвѣ, когда ему было лѣтъ четырнадцать, а теперь ему болѣе сорока лѣтъ. Я хотѣлъ заговорить съ нимъ по-русски, но онъ не помнитъ ни слова. Въ закрытой отъ жара комнатѣ, намъ подали на завтракъ, онъ же и обѣдъ, вкусной нѣжной рыбы и жесткой ветчины, до которой однако мы не дотрогивались. П. сѣлъ потомъ въ паланкинъ и велѣлъ нести себя къ какому-то банкиру, а я отправился дальше по улицѣ къ великолѣпнымъ, построеннымъ четыреугольникомъ, казармамъ. Я прошелъ бульваръ съ тощими, жалкими деревьями и пошелъ по [illegible]. Стало [illegible] [illegible]

бережной я увидѣлъ множество крупныхъ, красныхъ насѣкомыхъ, которыя перелетали съ мѣста на мѣсто: мнѣ хотѣлось взять ихъ нѣсколько и принести Г. Гоняясь за ними, я нечувствительно увлекся въ ворота казармъ и очутился на огромномъ дворѣ, который служитъ плацпарадомъ для ученья полка.

Меня съ балкона увидѣли англійскіе офицеры, сошли внизъ и пригласили войти къ нимъ, to drink a glass of wine (на рюмку вина). Мы вошли въ одну изъ комнатъ, въ которой мебель, посуда—все подтвердило то, что̀ говорятъ о роскоши образа жизни офицеровъ. Серебро и тончайшее бѣлье — обыкновенная сервировка ихъ мессъ и обѣденныхъ столовъ. Офицеры содержатъ общій столъ, и такъ строго придерживаются этого офицерско-семейнаго образа жизни, что̀ рѣдко отлучаются отъ обѣда. Кругомъ всего зданія идетъ обширный каменный балконъ, или веранда, гдѣ въ бамбуковыхъ креслахъ, лѣниво дремлютъ въ часы сьесты хозяева казармъ. Я отказался отъ вина и меня угостили лимонадомъ.

Поздно вечеромъ, при водворившейся, страстно́й, сверкающей и обаятельной ночи, вернулся я къ пристани, гдѣ засталъ и П., ожидающаго шлюпки. Между тѣмъ тутъ стояла китайская лодка; въ ней мы увидѣли, при лунномъ свѣтѣ, двѣ женскія фигуры.—«Зачѣмъ шлюпка?» сказалъ я: «вотъ перевозчицы: сядемъ». Мы сѣли, и обѣ женщины, ухватясь за единственное весло, прикрѣпленное къ кормѣ, начали живо поворачивать имъ направо и налѣво. Луна свѣтила имъ прямо въ лицо: одна была старуха, другая лѣтъ пятнадцати, блѣдная, съ черными, хотя узенькими, но прекрасными глазами; волосы прикрѣплены на затылкѣ серебряной булавкой. — «Везите на русскій фрегатъ!» сказали мы. — «Two shillings!» (два шиллинга) объявила цѣну молодая. — «Сто фунтовъ стерлинговъ такой хорошенькой!» сказалъ мой товарищъ. — «Дорого», замѣтилъ я. — «Two shillings!» повторила она монотонно. — «Ты не здѣшняя, должно-быть, потому что слишкомъ бѣла? Откуда ты? Какъ

тебя зовутъ?» допрашивалъ П., стараясь подвинуться къ ней ближе.—«Я изъ Макао; меня зовутъ Этола», отвѣчала она по-англійски, скрадывая, по обыкновенію китайцевъ, нѣкоторые слоги. —«Two shillings», прибавила потомъ, помолчавъ.—«Какая хорошенькая!» продолжалъ мой товарищъ: «покажи руку, скажи, который тебѣ годъ? Кто тебѣ больше нравится: мы, англичане, или китайцы?» —«Two shillings», отвѣчала она. Мы подъѣхали къ фрегату; мой спутникъ взялъ ее за руку, а я пошелъ уже на трапъ.—«Скажи мнѣ что-нибудь, Этола?» говорилъ онъ ей, держа за руку. Она молчала.—«Скажи же, что ты...»—«Two shillings», повторила она. Я со смѣхомъ, а онъ со вздохомъ, отдали деньги и разошлись по своимъ каютамъ.

И здѣсь, какъ въ Англіи и въ Капштатѣ, предоставили намъ свободный входъ въ клубъ. Клубъ—это образцовый дворецъ въ своемъ родѣ: учредители не пощадили издержекъ, чтобъ придать помѣщенію клуба такую же роскошь, какая заведена въ лондонскихъ клубахъ. Нѣсколько большихъ залъ обращены окнами на заливъ, веранда, камины, окна обложены мраморомъ; вездѣ бронза, хрусталь; отличныя зеркала, изящная мебель—все привезено изъ Англіи. Но—увы! залы стоятъ пустыя; напилу докличетесь соннаго слуги-китайца, закажете обѣдъ и заплатите втрое противъ того, что онъ стоитъ тутъ же рядомъ, въ трактирѣ. Клубъ близокъ къ банкротству. Европейцы сидятъ большую часть дня по своимъ угламъ, а по вечерамъ предпочитаютъ собираться въ семейныхъ кружкахъ—и клубъ падаетъ. Но, что за наслажденіе покоиться на этой широкой верандѣ подъ вечеръ, когда ночная прохлада смѣнитъ зной!

Въ шесть часовъ вечера все народонаселеніе высыпаетъ на улицу, по взморью, по бульвару. Появляются пѣшіе, верховые офицеры, негоціанты, дамы. На лугу, близъ дома губернатора, играетъ музыка. Недалеко оттуда, на горѣ, въ каменномъ домѣ, живетъ генералъ, командующій здѣшнимъ

отрядомъ, и тутъ же близко помѣщается въ зданіи, въ родѣ монастыря, итальянскій епископъ, съ нѣсколькими монахами.

Наши уѣхали въ Кантонъ, а я въ это время лежалъ въ лихорадкѣ и въ полуснѣ слышалъ, какъ спускали катеръ. Меня разбудилъ громовой ударъ; гроза разразилась въ минуту отъѣзда нашихъ. Оправясь, я каждый день ѣздилъ на берегъ, ходилъ по взморью и нетерпѣливо ожидалъ дня отъѣзда. На фрегатъ ѣздили ежедневно посѣтители съ берега, которыхъ я долженъ былъ принимать. Между прочимъ, однажды пріѣхали два монаха, отъ имени епископа, и объявили, что вслѣдъ за ними явится и самъ монсиньоръ. Но у насъ, на фрегатѣ, пользуясь отсутствіемъ адмирала и капитана, конопатили палубу въ ихъ каютахъ; пакля лежала кучами; всѣ щели залиты смолой, которая еще не высохла. Я убѣдилъ монаховъ попросить епископа отложить свое посѣщеніе до пріѣзда адмирала.

По пріѣздѣ адмирала, епископъ сдѣлалъ ему визитъ. Его сопровождала свита изъ четырехъ миссіонеровъ, изъ которыхъ двое были испанскіе монахи, одинъ французъ и одинъ китаецъ, учившійся въ знаменитомъ римскомъ училищѣ пропаганды. Онъ сохранялъ свой китайскій костюмъ, чтобъ свободнѣе ѣздить по Китаю, для сношеній съ тамошними христіанами и для обращенія новыхъ. Всѣ они завтракали у насъ: разговоръ съ епископомъ, итальянцемъ, происходилъ на французскомъ языкѣ, а съ китайцемъ О. А. говорилъ по-латыни.

Вслѣдъ за ними посѣтилъ насъ англійскій генералъ-губернаторъ (governor of the strait—губернаторъ пролива, то-есть гон-конгскій), онъ же и полномочный отъ Англіи въ Китаѣ. Зовутъ его сэръ Бонэмъ (sir Bonham). Ему отданы были тѣ же почести, какими онъ встрѣтилъ нашего адмирала на берегу: играла музыка, палили изъ пушекъ.

Я ходилъ часто по берегу, посѣщалъ лавки, вглядывался въ китайскую торговлю, напоминающую во многомъ наши

VIII.

ОСТРОВА БОНИНЪ-СИМА.

Китайское море.—Шквалы.—Выходъ въ Тихій океанъ.—Ураганъ.—Штиля и жары.—Островъ Пиль, портъ Лойдъ.—Корветъ «Оливуца» и транспортъ американской компаніи «Князь Меньшиковъ».—Курьеры изъ Россіи.—Поселенцы.—Прогулка, обѣдъ и вечеръ на берегу.

Съ 26 іюня по 4 августа 1853 года.

Конечно, всякому изъ васъ, друзья мои, случалось, сидя въ осенній вечеръ дома, подъ надежной кровлей, за чайнымъ столомъ, или у камина, слышать, какъ вдругъ пронзительный вѣтеръ рванется въ двойныя рамы, стукнетъ ставнемъ и иногда сорветъ его съ петель, завоетъ, какъ звѣрь, пронзительно и зловѣще въ трубу, потрясая вьюшками; какъ кто-нибудь вздрогнетъ, поблѣднѣетъ, обмѣняется съ другими безмолвнымъ взглядомъ, или скажетъ: «что теперь дѣлается въ полѣ? Боже сохрани, застанетъ непогода!»

Представьте себѣ этотъ вой вѣтра, только въ десять, въ двадцать разъ сильнѣе, и не въ полѣ, а въ морѣ—и вы получите слабое понятіе о томъ, что мы испытывали въ ночи

съ 8-го на 9-е и все 9-е число іюля, выходя изъ Китайскаго моря въ Тихій океанъ.

Отъ Гон-Конга до острововъ Бонинъ-Сима, куда намъ слѣдовало идти, всего 1600 миль: это въ кругосвѣтномъ плаваніи составляетъ не слишкомъ большой переходъ, который, при хорошемъ, попутномъ вѣтрѣ, совершается въ семь, восемь дней. Мы вышли изъ Гон-Конга 26 іюня и до 5-го іюля сдѣлали всего миль триста, то-есть то, что могли бы сдѣлать въ сутки съ небольшимъ—такъ задержалъ насъ противный восточный вѣтеръ. Надоѣло намъ лавировать, дѣлая отъ восьми до двадцати верстъ въ сутки, и мы спустились нѣсколько къ югу, въ надеждѣ встрѣтить тамъ другой вѣтеръ и, между прочимъ, зайти на маленькіе острова Баши, лежащіе къ югу отъ Формозы, посмотрѣть, что это такое, запастись зеленью, фруктами и тому подобнымъ. Тамъ, говорятъ, живетъ испанскій алькадъ, нѣсколько монаховъ и есть индійскія деревушки.

7-го числа вечеромъ мы подошли къ главному изъ острововъ, Батану, на которомъ, по указанію Бельчера, есть якорное мѣсто. Но обойдя островъ съ сѣверной и восточной сторонъ, мы видѣли только огромный утесъ и бѣлую кайму буруна, набѣгающаго со всѣхъ сторонъ на берегъ. Къ намъ не выѣхало ни одной лодки, какъ это всегда бываетъ въ жилыхъ мѣстахъ; на берегу не видно было ни одного человѣка; только около самаго берега, какъ будто въ бѣлыхъ бурунахъ, мелькнули два огня и исчезли. Ѣхать было некуда, отыскивать ночью пристани — темно; а держаться до утра подъ парусами—не стоило.

Полюбовавшись на скалистый угрюмый утесъ, составляющій сѣверную оконечность острова, мы пустились далѣе и вышли въ Тихій океанъ. Тихій! Сколько разъ онъ доказывалъ противное бѣднымъ плавателямъ, въ томъ числѣ и намъ, какъ будто мы выдумали ему это названіе!

Надо знать, что еще въ Гон-Конгѣ, и китайцы, и евро-

пейцы, говорили намъ, что въ этотъ годъ поджидается ураганъ; что урагановъ не было уже года четыре. Ураганъ обыкновенно опредѣляютъ такъ: это вращающійся, переходящій съ румба на румбъ вѣтеръ. Можно опредѣлить и такъ: это такой вѣтеръ, который большія военныя суда, купеческіе корабли, пароходы, джонки, лодки и все, что попадется на морѣ, иногда и самое море, кидаетъ на берегъ, а крыши, стѣны домовъ, деревья, людей и все, что попадется на берегу, иногда и самый берегъ, кидаетъ въ море. Съ нами ничего подобнаго этому не случилось, впрочемъ, можетъ-быть, оттого, что не было близко берега. Поэтому насъ вѣтеръ кидалъ лишь по морю, игралъ нами, какъ кошка мышью; схватитъ, ударитъ съ яростью о волны, поставитъ бокомъ... Тутъ бы на дно, а онъ перекинетъ на другой бокъ, подниметъ и поставитъ на минуту прямо, потомъ ударитъ сверху и погрузитъ судно въ хлябь. Волны вытолкнутъ его назадъ, а вѣтеръ зареветъ, закружится около, застонетъ, засвиститъ, обрызжетъ и обольетъ корабль облакомъ воды, вырветъ парусъ и, торжествующій, понесется по необозримому, мрачному пространству, гоня воду, какъ прахъ. Однако, ничего важнаго не могъ онъ сдѣлать. Китайцы называютъ ураганъ «тайфунъ», то-есть сильный вѣтеръ, а мы измѣнили это слово въ тифонъ.

— «Стало-быть, всего лучше уходить въ море?» сказалъ я негоціанту-нѣмцу, который грозилъ намъ ураганомъ.

— «Богъ знаетъ, гдѣ лучше!» отвѣчалъ онъ. «Послѣдній разъ, во время урагана, потонуло до восьмидесяти судовъ въ морѣ, а на берегу опрокинуло цѣлый домъ и задавило пять человѣкъ; въ гон-конгской гавани погибло безъ счета лодокъ, и съ ними до ста человѣкъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора мы ушли. Но еще въ послѣдніе дни пребыванія въ Гон-Конгѣ, погода значительно измѣнилась. Стали дуть, особенно по вечерамъ, сѣверные порывистые вѣтры. Надъ окрестными горами часто

показывались черныя облака и проносились съ дождемъ надъ рейдомъ. Насъ, какъ я сказалъ выше, держалъ почти на одномъ мѣстѣ противный восточный и сѣверо-восточный вѣтеръ, неровный, сильный, съ безпрерывными шквалами. Только и слышишь команду: «на марсофалахъ стоять! марсофалы отдать!» Потомъ зажужжитъ, скользя по стенгѣ, отданный парусъ, судно сильно накренится, такъ что схватишься за что-нибудь рукой, польется дождь, и праздничный, солнечный день въ одно мгновеніе обратится въ будничный. Небо сѣро; палуба мокра; офицеры въ кожаныхъ пальто; матросы прячутся отъ дождя подъ коечные чехлы... И такъ десять дней!

Но вотъ мы вышли въ Великій океанъ. Мы были въ 21° сѣверной широты: жарко до духоты. Работать днемъ не было возможности. Утомишься отъ жара и заснешь послѣ обѣда, чтобъ выиграть поболѣе времени ночью. Такъ сдѣлалъ я 8-го числа, и спалъ долго, часа три, какъ будто предчувствуя безпокойную ночь. Капитанъ подшучивалъ надо мной, глядя, какъ я проснусь, посмотрю сонными глазами вокругъ и перелягу на другой диванъ, ища прохлады.—«Вы, то на правый, то на лѣвый галсъ ложитесь!» говорилъ онъ.

Вечеромъ задулъ свѣжій вѣтеръ. Я напрасно хотѣлъ писать: ни чернильница, ни свѣча не стояли на столѣ, бумага вырывалась изъ-подъ рукъ. Успѣешь написать нѣсколько словъ и сейчасъ протягиваешь руку назадъ — упереться въ стѣну, чтобъ не опрокинуться. Я бросилъ все и пошелъ ходить по шканцамъ; но и то несовсѣмъ удачно, хотя я уже и пріобрѣлъ *морскія ноги*.

Иногда бросало такъ, что надо было крѣпко ухватиться, или за пушечныя тали, или за первую попавшуюся веревку. Вѣтеръ между тѣмъ завывалъ больше и больше. У меня дверь была полуоткрыта, и я слышалъ каждый шумъ, каждое движеніе на палубѣ: слышалъ, какъ часа въ два вызвали подвахтенныхъ брать рифы, сначала два, потомъ три,

спустили брамрели, а вѣтеръ все крѣпче. Часа въ три утра взяли послѣдній рифъ и спустили брам-стеньги. Начались сильные размахи. Въ моей маленькой каютѣ нельзя было оставаться, особенно въ постели: качнетъ къ изголовью — къ головѣ приливаетъ кровь; качнетъ назадъ — приплюснешь совсѣмъ съ подушками къ стѣнѣ. Все, что разставлено на полкахъ, повѣшено на гвоздяхъ, лежало въ ящикахъ — все, по обыкновенію, заходило, зашевелилось. Книги валились на полъ и на постель; щетки, фуражки сыпались сверху; стаканы и стклянчки звенѣли и разбивались. Между тѣмъ разсвѣло. Я всталъ и вышелъ на палубу. Тамъ были рѣшительно всѣ. Волны ходили выше сѣтокъ и заглядывали, какъ живыя, на палубу, точно узнать, что тутъ дѣлается. Качка и размахи увеличивались. — «Да что же это наконецъ [illegible]» подумаешь, слыша за [illegible] вѣтра.

Вотъ О. А., блѣдный и измученный безсонницей, вышелъ и сѣлъ въ уголокъ на кучу снастей; вотъ и другой и третій, всѣ невыспавшіеся, съ измятыми лицами. Надо было держаться обѣими руками. [illegible] и я ушелъ въ свой любимый пріютъ, въ капитанскую каюту.

Вѣтеръ ревѣлъ; онъ срывалъ верхушки волнъ и сдувалъ ихъ [illegible] терявшихъ въ [illegible] [illegible]

сѣтки, перескочилъ черезъ бортъ и разлился по палубѣ, обливъ ноги матросамъ. Горизонтъ весь въ сѣрой пыли. Правильнаго волненія почти нѣтъ: вода бурлитъ, какъ кипятокъ; волны потеряли очертанія.

Безпрестанно ходили справляться къ барометру. — «Что, падаетъ?» 30 и 15. Опять—29 и 75, потомъ 29 и 45, потомъ 29 и 30—29 и 15—наконецъ 28/42. Онъ падалъ быстро, но постепенно, по одной сотой, и вч. продолженіе сутокъ съ 30/75 упалъ до 28/42. Когда дошелъ до этой точки, вѣтеръ достигъ до крайнихъ предѣловъ свирѣпости.

Орудія закрѣпили тройными талями и, сверхъ того, еще занесли кабельтовымъ, и на этотъ счетъ были довольно покойны. Качка была ужасная. Вещи, которыя крѣпко привязаны были къ стѣнамъ и къ полу, отрывались и неслись въ противоположную сторону, оттуда назадъ. Такъ задумали оторваться три массивныя кресла въ капитанской каютѣ. Они рванулись, понеслись, домчались до средины; тутъ кренъ былъ такъ крутъ, что они скакнули уже по воздуху, сбили столикъ передъ диваномъ и, изломавъ его, изломавшись сами, съ трескомъ упали всѣ на диванъ. Вбѣжали люди, начали разбирать эту кучу обломковъ, но въ то же мгновеніе вся эта куча, вмѣстѣ съ людьми, понеслась назадъ, прямо въ мой уголъ: я только успѣлъ во-время подобрать ноги. Рюмки, тарелки, чашки, бутылки въ буфетахъ, такъ и скакали со звономъ со своихъ мѣстъ.

Картины на стѣнахъ качались, описывая дугу почти въ 45°. Ѳаддеевъ принесъ-было мнѣ чаю, но, несмотря на свою *остойчивость*, на пяткахъ, задомъ помчался отъ меня прочь, оставляя слѣдомъ по себѣ куски сахару, хлѣба и черепки блюдечка. Я не могъ сдѣлать шагу и не ходилъ обѣдать. Можете себѣ представить, каково было, не ѣвши сидѣть и держаться, чтобъ не полетѣть изъ своего угла. Окна въ каютѣ были отворены настежь, и море было передъ моими глазами во всей своей дикой красѣ. Только въ одни эти

окна, или порты, по-морскому, и не достигала вода, потому что они были высоко; вездѣ же въ прочихъ мѣстахъ полупортики были *задраены* наглухо деревянными заставками, иначе стекла летятъ вдребезги и, при кренѣ, валъ за валомъ вторгается въ судно. Въ каютъ-компаніи, въ батарейной палубѣ, вода лилась ручьями и едва успѣвала стекать въ трюмъ. Вездѣ мокро, мрачно, нѣтъ убѣжища нигдѣ, кромѣ этой верхней каюты. Но и тутъ надо было наконецъ закрыть окна: вѣтеръ бросалъ верхушки волнъ на мебель, на полъ, на стѣны. Вечеромъ буря разыгралась такъ, что нельзя было разслышать, гудитъ ли вѣтеръ, или гремитъ громъ. Вдругъ сдѣлалась какая-то суматоха, послышалась ускоренная команда, лейтенантъ С. гремѣлъ въ рупоръ надъ ревомъ бури.

— «Что такое?» спросилъ я кого-то.

— «Фокъ разорвало», говорятъ.

Спустя полчаса, трисель вырвало. Наконецъ разорвало пополамъ и фор-марсель. Дѣло становилось серьёзное: но самое серьезное было еще впереди. Паруса кое-какъ замѣнили другими. Часовъ въ семь вечера вдругъ на лицахъ командировъ явилась особенная заботливость — и было отчего. Ванты ослабѣли, бензеля поползли, и грот-мачта зашаталась, грозя рухнуть.

Знаете ли вы, что такое грот-мачта и что̀ ведетъ за собой ея паденіе? Грот-мачта—это бревно, футъ во сто длины и до 800 пудовъ вѣсомъ, которое держится, протянутыми съ вершины ея къ сѣткамъ, толстыми, смоленными канатами, или вантами. Представьте себѣ, что какая-нибудь башня, у подножія которой вы живете, грозитъ рухнуть; положимъ даже, вы знаете въ которую сторону она упадетъ, вы, конечно, уйдете за версту; а здѣсь, на кораблѣ!.. Ожиданіе было томительное, чувство тоски невыразимое. Конечно, всякій представлялъ, какъ она упадетъ, какъ положитъ судно на бокъ, пришибетъ сѣтки (то-есть, край корабля), какъ

хлынутъ волны на палубу: удастся ли обрубить скоро подвѣтренныя ванты, чтобы вдругъ избавить судно отъ напора тяжести на одинъ бокъ. Иначе оно, черпнувъ глубоко бортомъ, можетъ-быть, уже не встанетъ болѣе...

У всякаго въ головѣ, конечно, шевелились эти мысли, но никто не говорилъ объ этомъ, и нѣкогда было: надо было дѣйствовать — и дѣйствовали. Какую энергію, смѣтливость и присутствіе духа обнаружили тутъ многіе! С—чу точно праздникъ: вышачканный, оборванный, съ сіяющими глазами, онъ леталъ всюду, гдѣ вѣтеръ оставлялъ по себѣ какой-нибудь разрушительный слѣдъ.

Рѣшились не допустить мачту упасть, и въ помощь ослабѣвшимъ вантамъ «заложили сейтали» (веревки съ блоками). Работа кипѣла, несмотря на то, что ужъ наступила ночь. Успокоились не прежде, какъ кончивъ ее. На другой день стали вытягивать самыя ванты. Къ счастію, погода стихла и дала исполнить это, по возможности, хорошо. Сегодня мачта почти стоитъ твердо; но на всякій случай заносятъ пару лишнихъ вантъ, чтобъ новый крѣпкій вѣтеръ не засталъ врасплохъ.

Мы отдохнули, но еще не совсѣмъ. Налети опять такая же буря—и поручиться нельзя, что будетъ. Всѣ глаза устремлены на мачту и ванты. Матросы, какъ мухи, тѣсной кучкой сидятъ на вантахъ, тянутъ, крутятъ веревки, колотятъ деревянными молотками. Все это дѣлается не такъ, какъ бы дѣлалось стоя на якорѣ. Невозможно: послѣ бури идетъ сильная зыбь: качка, хотя и не прежняя, все продолжается. До берега еще добрыхъ 500 миль, то-есть 875 верстъ. Многіе похудѣли отъ безсонницы, отъ усиленной работы, и бродили, какъ будто на другой день оргіи. И теперь вспомнишь, какъ накренило одинъ разъ фрегатъ, такъ станетъ больно, будто вспомнишь какую-то обиду. Сердце хранитъ долго злую память о такихъ минутахъ!

16 іюля. Я писалъ, что 9 числа оставалось намъ около

500 миль до Бонинъ-Сима: теперь 16 число, а остается тоже 500... ну хоть 420 миль, стало-быть, мы сдѣлали какихъ-нибудь миль семьдесятъ въ цѣлую недѣлю: да, не болѣе. Послѣ шторма наступилъ штиль... Что это за штука! Тихій океанъ рѣшительно издѣвается надъ нами: тутъ онъ вздумалъ доказать намъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ тихій. Необъятная масса колебалась цѣликомъ, то закрывая, то открывая горизонтъ, но не прибавляя намъ хода. Жарко. движенія въ атмосферѣ нѣтъ, а между тѣмъ иногда вдругъ появлялись грозныя и мрачныя тучи. На суднѣ готовились къ перемѣнѣ, убирали паруса: но тучи разрѣшались маленькимъ дождемъ, и штиль продолжалъ свирѣпствовать. Кромѣ того, что измѣнялись соображенія въ планѣ плаванія, дѣло на умъ не шло, почти не говорили другъ съ другомъ. Встанутъ утромъ: — «Что, сколько хода?» — «Полтора узла», отвѣчаютъ. — «На румбѣ?» — «Нѣтъ, согнало на зюйдъ». И опять повѣсили голову. Иной дѣлаетъ догадки: — «Тихо, тихо», говоритъ: «а потомъ, видно, хватитъ опять!» Въ эту минуту учатъ ружейной пальбѣ: стукотня такая, что въ ушахъ трещитъ. Жарко, скучно, но... что притворяться: все это лучше качки, мокроты, ломки. До свиданія.

21-го. Здравствуйте! Недалеко ушли: еще около трехъ сотъ миль остается. Тишь мертвая, жаръ невыносимый; всѣ маются, ищутъ немного прохлады, чтобъ вздохнуть свободнѣе — а негдѣ. Въ каютахъ духота, на палубѣ палитъ. Почти всѣ прихварываютъ: рѣдко кто не украшенъ сыпью или вередами отъ жара; у меня желудочная лихорадка и рожа на ногѣ. Я слегъ; чувствую слабость, особенно въ рукахъ и ногахъ, отъ безпрерывныхъ усилій держаться, не упасть. Но я голоденъ, потому что ѣсть было почти нельзя. А сколько перебилось, переломалось и подмокло всякаго добра! Вчера все мокрое вынесли на палубу: что за картина! что за безобразіе! Тутъ развѣшено платье и бѣлье, тамъ ковры, книги, матросская амуниція, подмокшіе сухари — все это

разложено, развѣшено, въ пятнахъ, въ грязи, сыростью несетъ, какъ изъ гнилого подвала; на ютѣ чинятъ разорванные паруса.

Мы счастливы тѣмъ, что скоро вырвались изъ-за черты урагана и потому дешево отдѣлались. Слѣдили каждое явленіе и сравнивали съ описаніями: вихрь задулъ отъ W, потомъ перешелъ къ SW; мы взяли на O и пересѣкли дугу. Находясь въ срединѣ этого магическаго круга, захватывающаго пространство въ нѣсколько сотъ миль, не подозрѣваешь, по тишинѣ моря и ясности неба, что находишься въ объятіяхъ могучаго врага, и только тогда узнаешь о немъ, когда онъ явится лицомъ къ лицу, когда раздастся его страшный свистъ и гулъ, начнется ломка, трескъ, когда застонетъ и замечется корабль...

До свиданія. Пойду уснуть; я еще не оправился совсѣмъ.

Штили! Ахъ, если бъ вы знали, что̀ это за наказаніе! Оно, конечно, лучше жестокой качки, но все несносно! Вчера оставалось двѣсти-пятьдесятъ миль; и сегодня остается столько же, и завтра, повидимому, опять! А дунь вѣтерокъ, этого разстоянія не хватитъ и на сутки. Кажется, тутъ бы работать: нѣтъ, однообразіе и этотъ неподвижный покой убиваетъ дѣятельность, да къ этому еще жара, духота, истощеніе свѣжихъ припасовъ. Вдругъ кто-нибудь скажетъ: — «Задуваетъ кажется»—и всѣ оживятся, радость! Ничего не бывало: это такъ показалось. Другой, также отъ нечего дѣлать, пророчитъ: — «Завтра будетъ перемѣна, вѣтеръ: горизонтъ облаченъ». Всѣмъ до того хочется дальше, что увѣруютъ и ждутъ — опять ничего. Однажды вдругъ мы порадовались-было: фрегатъ пошелъ восемь узловъ, то-есть, четырнадцать верстъ въ часъ; я слышалъ это изъ каюты и спросилъ проходившаго мимо П.

— «Восемь узловъ?»

— «Нѣтъ три», сказалъ онъ: «это только на четверть часа фрегатъ взялъ большой ходъ: теперь стихаетъ».

Наконецъ, миль за полтораста, вдругъ дунуло, и я на другой день услыхалъ обыкновенный шумъ и суматоху. Доставали канатъ. Всѣ толпились наверху встрѣчать новый берегъ. Каюта моя, во время моей болѣзни, обыкновенно полнехонька была посѣтителей: въ ней можно было помѣститься троимъ, а придетъ человѣкъ семь: въ это же утро никого: всѣ глазѣли наверху. Только Б. К. забѣжалъ на минуту.

— «Узкость проходимъ!» сказалъ онъ и исчезъ.

Съ приходомъ въ портъ Ллойдъ, у насъ было много пріятныхъ ожиданій, оттого мы и приближались неравнодушно къ новому берегу, нужды нѣтъ, что онъ пустой. Тамъ ожидали насъ: корветъ изъ Камчатки, транспортъ изъ Ситхи и курьеры изъ Россіи, которые, конечно, привезли письма. Всѣ волновались этими надеждами.

Я на другой день вышелъ, хромая отъ боли въ ногѣ, взобрался на ютъ посмотрѣть, гдѣ мы. Мы въ заливѣ, имѣющемъ видъ подковы, обставленномъ высокими и крупными утесами, покрытыми зеленью. Два громадные камня торчали изъ воды въ бухтѣ, какъ двѣ башни. Я еще изъ каюты ночью слышалъ, когда все утихло на фрегатѣ, шумъ будто водяной мельницы. Это, какъ я теперь увидѣлъ, буруны бѣшено плещутся въ берегъ, увидѣлъ и узкость: надо проходить подъ бокомъ отвѣснаго утеса, чтобы избѣжать гряды видныхъ на поверхности камней, защищающихъ входъ отъ волнъ съ океана. Вездѣ буруны да скалы: вонъ только кое-гдѣ бѣлѣютъ песокъ и отлогости.

— «Гдѣ жилье?» спросилъ я, напрасно ища глазами хижины, кровли, человѣка, или хоть животное. Ничего не видать: но наши были уже на берегу. Вонъ, въ этой бухточкѣ есть хижина, вонъ въ той двѣ, да за горой нѣсколько избушекъ.

Суда здѣсь, курьеры здѣсь, а съ ними и письма. Сколько разспросовъ, новостей! У всѣхъ письма въ рукахъ, у меня цѣлая дюжина.

Побольше островъ называется Пиль, а портъ, какъ я сказалъ, Ллойдъ. Острова Бонинъ-Сима стали извѣстны съ 1829 года. Изъ путешественниковъ здѣсь были: Бичи, изъ нашихъ капитанъ Литке и, кажется, недавно Вонлярлярскій, кромѣ того многіе неизвѣстные свѣту англичане и американцы. Теперь сюда безпрестанно заходятъ китоловныя суда разныхъ націй, всего болѣе американскія. Бонинъ-Сима, по-китайски или по-японски, значитъ «безлюдные острова».

Я думалъ, что исполнится наконецъ и эта моя мечта — увидѣть необитаемый островъ; но напрасно: и здѣсь живутъ люди, конечно, всего человѣкъ тридцать, разнаго рода Робинсоновъ, изъ бѣглыхъ матросовъ и отставныхъ пиратовъ, изъ которыхъ одинъ до сихъ поръ носитъ на рукѣ какіе-то, выжженные порохомъ, знаки прежняго своего достоинства, Они разводятъ ямъ, сладкій картофель, таро, ананасы, арбузы. У нихъ есть свиньи, куры, утки. На другомъ островѣ они держатъ коровъ и быковъ, потому что на Пилѣ скотъ портитъ деревья.

Кромѣ всей этой живности, у нихъ есть жены, каначки или сандвичанки, да и между ними самими есть канаки, еще выходцы изъ Лондона, изъ Сан-Франциско — словомъ, всякій народъ. Одинъ живетъ здѣсь уже 22 года, женатъ на кривой, пятидесятилѣтней каначкѣ. Всѣ они живутъ разбросано, потому что всякій хочетъ имѣть маленькое поле, огородъ, плантацію сахарнаго тростника, изъ котораго, мимоходомъ будь сказано, жители выдѣлываютъ ромъ и сильно пьянствуютъ.

Странный островъ: ни долинъ, ни равнинъ; однѣ горы. Какъ съѣдете, идете четверть часа по песку, а тамъ сейчасъ же надо подниматься въ гору и продираться сквозь непроходимый лѣсъ. Жители торгуютъ, или, по крайней мѣрѣ, стараются торговать съ мореплавателями, овощами, черепахами, и тому подобными предметами; а мореплаватели,

съ своей стороны, стараются пріобрѣтать все даромъ, какъ пишутъ въ Nautical Magazine и какъ намъ подтвердилъ и самъ Севри, или Севрэ, здѣшній старожилъ. Года четыре назадъ, приходили два китоловныя судна и, постоявъ нѣсколько времени, ушли, какъ дѣлаютъ всѣ порядочные люди и корабли. Но одинъ потерпѣлъ при выходѣ какое-то поврежденіе, воротился и получилъ помощь отъ жителей: онъ былъ такъ тронутъ этимъ, что, на прощанье, съѣхалъ съ людьми на берегъ, поколотилъ и обобралъ поселенцевъ. У одного забралъ всѣхъ куръ, утокъ и тринадцатилѣтнюю дочь, у другого отнялъ свиней и жену, у старика же Севри, сверхъ того, двѣ тысячи долларовъ—и ушелъ. Но прибывшій вслѣдъ затѣмъ англійскій военный корабль далъ объ этомъ знать на Сандвичевы острова и въ Сан-Фринциско, и преступникъ былъ схваченъ, съ судномъ, гдѣ-то въ Новой Зеландіи. Нынче и на Восточномъ океанѣ отъ полиціи не уйдешь!

Я, несмотря на боль въ ногѣ, рискнулъ съѣхать на берегъ. Товарищи мои вооружились топорами, а я долженъ былъ сѣсть на бревно (зато краснаго дерева) и праздно смотрѣть, какъ они прорубали себѣ дорожку на холмъ. Лѣсъ состоялъ изъ зонтичной или вѣерной пальмы, которой каждая вѣтвь похожа на распущенный вѣеръ, потомъ изъ капустной пальмы, сердцевина которой вкусомъ немного напоминаетъ капусту, но мягче и нѣжнѣе ея, да еще кардамоновъ и томановъ, какъ называютъ эти деревья жители. Томаны—это превосходное красное дерево. Тутъ мы нашли озерко съ прѣсной водой, сажени въ три или четыре шириной и длиной и по грудь глубиной. Матросы полоскались безъ милосердія. Я смотрѣлъ какъ изъ срубленныхъ и падающихъ деревьевъ выскакивали ящерицы. Одну кто-то изъ нашихъ ударилъ вѣткой, хвостъ оторвался и поползъ въ одну сторону, а ящерица въ другую. Да еще бѣгали по песку—сначала я думалъ—пауки, или стоножки, а это ока-

зались раки, всевозможныхъ цвѣтовъ, формъ и величинъ, начиная отъ крошечныхъ, съ паука, до обыкновенныхъ: розовые, фіолетовые, синіе — съ раковинами, въ которыхъ они прятались, и безъ раковинъ; они сновали взадъ и впередъ по взморью, круглые, длинные, всякіе.

Дня черезъ два я опять отправился съ Б. К. и П. въ другую бухточку, совсѣмъ закрывающуюся скалой. Мы проѣхали у подножія двухъ или трехъ утесовъ и пристали къ песчаной отлогости, на которой стоялъ видный, красивый мужчина и показывалъ намъ рукой, гдѣ лучше пристать. У него былъ прекрасный выпуклый профиль, носъ орлиный, смѣлый взглядъ, важная походка, безъ аффектаціи, и сѣдыя кудри почти до плечъ, хотя на видъ ему не было и пятидесяти лѣтъ. У него-то на рукахъ и были выжжены знаки, похожіе на браслеты. Онъ встрѣтилъ насъ упрекомъ, что мы не хотѣли его посѣтить, и повелъ къ хижинѣ. Она состояла изъ четырехъ столбовъ (все краснаго дерева), крытыхъ и закрытыхъ со всѣхъ сторонъ сухими пальмовыми листьями. Это была его спальня. Тутъ же встрѣтила насъ и его жена, каначка, сѣдая, смуглая, одѣтая въ синее бумажное платье, съ платкомъ на головѣ, какъ наши бабы. Особо выстроена была тоже хижина, гдѣ эта чета обѣдала: по крайней мѣрѣ, заглянувъ, я видѣлъ тамъ посуду, столъ и разную утварь. Двѣ собаки, съ повисшими хвостами и головами, встрѣтили тоже насъ.

А кругомъ, надъ головами, скалы, горы, крутизны, съ красивыми оврагами, и все поросло лѣсомъ и лѣсомъ. К. ударилъ топоромъ по пню, на которомъ мы сидѣли передъ хижиной; онъ сверху весь сѣрый; но едва топоръ сорвалъ кору, какъ подъ ней заалѣло дерево, точно кровь. У хижины текъ ручеекъ, въ которомъ бродили красноносыя утки. Ручеекъ можно перешагнуть, а воды въ немъ такъ мало, что нельзя и рукъ вымыть.

Мы пошли вверхъ на холмъ. К. срубилъ капустное де-

рево, и мы съѣли впятеромъ всю сердцевину изъ него. Дальше было круто идти. Я не пошелъ: нога не совсѣмъ была здорова, и я сѣлъ на обрубкѣ, среди банановъ и таро, растущаго въ землѣ, какъ морковь, или рѣпа. Прочитавъ, что сандвичане дѣлаютъ изъ него «роï-роï», я спросилъ каначку, что это такое. Она тотчасъ повела меня въ свою *столовую* и показала горшокъ съ какою-то бѣлою кашею, въ родѣ тертаго картофеля. Они ѣдятъ, доставая ее пальцемъ. Мужъ, однакожъ, предупредилъ, чтобъ я не ѣлъ, потому что это кушанье давно сдѣлано и потому несвѣжо.

Онъ вынесъ намъ нѣсколько арбузовъ, которые мы съ удовольствіемъ и съѣли.

Тихо, хорошо. Наступилъ вечеръ: лѣсъ съ каждой минутой мѣнялъ краски и, наконецъ, стемнѣлъ; по заливу, какъ тѣни, качались отраженія скалъ съ деревьями. Въ эту минуту за нами пришла шлюпка, и мы поѣхали. Наши суда исчезали на темномъ фонѣ утесовъ, и только когда мы подъѣхали къ нимъ вплоть, увидѣли мачты, озаренныя луной.

2-го августа. Сегодня съ утра движеніе и сборы на фрегатѣ: затѣяли свезти на берегъ команду. Офицеры тоже захотѣли провести тамъ день, обѣдать и пить чай.—«Гдѣ же это они будутъ обѣдать?» думалъ я: «вѣдь тамъ ни стульевъ, ни столовъ», и не зналъ, ѣхать или нѣтъ; но и оставаться почти одному на фрегатѣ тоже не весело. Ко мнѣ пришелъ С. сказать, что послѣдняя шлюпка идетъ на берегъ, чтобъ я торопился.

— «А гдѣ же обѣдать?» спросилъ я.

— «Да вѣдь тамъ у насъ устроена баня», отвѣчалъ онъ. «Теперь все убрали и сдѣлали изъ нея столовую».

— «А столы, стулья?»

— «Ничего нѣтъ: будемъ обѣдать на парусахъ».

«На парусахъ!» подумывалъ я, врагъ обѣдовъ на травѣ, особенно impromptu, часовъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ то

ложки нѣтъ, то хлѣбъ съ пескомъ или чай съ букашками. Но нечего дѣлать, поѣхалъ; а жарко, палитъ.

А propos о жарѣ: въ одно утро вдругъ Ѳаддеевъ не явился ко мнѣ съ чаемъ, а пришелъ другой.

— «Гдѣ жъ Ѳаддеевъ?» спросилъ я.

— «У него шкура со спины сошла», отвѣчалъ матросъ лаконически.

— «Какъ сошла: отчего?»

— «Да такъ-съ: этакихъ у насъ теперь человѣкъ сорокъ есть: отъ солнышка. Они на берегу нагишомъ ходили: солнышкомъ и напекло; теперь и рубашекъ нельзя надѣть».

Я пошелъ провѣдать Ѳаддеева. Что за картина! въ нижней палубѣ сидѣло, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ сорокъ: иные покрыты были простыней съ головы до ногъ, а другіе и безъ этого. Особенно одинъ, уже пожилой матросъ, возбудилъ мое состраданіе. Онъ морщился и сидѣлъ голый, опершись руками и головой на боченокъ, служившій ему столомъ.

— «Что съ тобой сдѣлалось?» спросилъ я.

— «Да кто его знаетъ, что такое, в. в.! Вонъ спина-то какая!» говорилъ онъ, поворачивая немного спину ко мнѣ.

На спину страшно было взглянуть: она вся была багровая и покрыта пузырями, какъ будто ее окатили кипяткомъ.

— «Зачѣмъ же вы на солнцѣ сидѣли, и еще безъ платья?» упрекнулъ я.

— «Въ Тамбовѣ, в. в., всегда, бывало, цѣлый день на солнцѣ сидишь и голову подставишь — ничего; ляжешь на травѣ, спину и брюхо грѣешь — хорошо. А здѣсь, Богъ знаетъ, что: солнце-то словно пластырь!» отвѣчалъ онъ съ досадой.

Всѣ обожженные стонали, охали и морщились. И смѣшно, и жалко было смотрѣть. Ѳаддеевъ былъ совсѣмъ изуродованъ, и тоже охалъ. Я побранилъ его хорошенько.

— «Отстань, в. в.!» въ тоскѣ сказалъ онъ.

Я какъ съѣхалъ на берегъ, такъ подъ палатку, потому что приближался полдень и никакой защиты не было отъ палящихъ лучей. На берегу хлопотали, готовили обѣдъ; кривая каначка ловила рыбу. Въ палаткѣ душно, — я въ лѣсъ. Б. К. изъ чащи подаетъ мнѣ голосъ и зоветъ смотрѣть живописную рѣчку, которой я еще не видалъ. Я продрался сквозь кусты, сквозь томаны, кардамонъ, пальмы, и пошелъ за ними вдоль по рѣчкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, живописно: рѣчка-ручей, аршина въ два, а въ иномъ мѣстѣ и меньше шириной, струится съ утеса по каменьямъ и впадаетъ въ озерко. Между каменьями ползаетъ безчисленное множество миніатюрныхъ крабовъ, точно пауковъ, и насѣкомыхъ. Они съ неимовѣрною быстротою исчезали въ каменьяхъ, чуть лишь тронешь ихъ. Докторъ и О. А. Г. уже давно тамъ и ловятъ ихъ руками. С. далеко шелъ впередъ и ломалъ деревья, какъ медвѣдь; слышенъ былъ только трескъ по его слѣдамъ. Впереди меня плелся Б. К., на своихъ тоненькихъ ногахъ, а сзади пробирался я. Мы оступались, спотыкались. Я хотѣлъ перешагнуть въ одномъ мѣстѣ черезъ ручей, ухватился за кустъ, онъ измѣнилъ, и я ступилъ въ воду, не безъ ропота, къ удовольствію товарищей.

Между тѣмъ около насъ все такъ красиво: надъ нами вѣерныя пальмы и томаны разстилали густую тѣнь, берега плотно заросли травой и лѣсомъ. Солнце иногда прорѣзывалось сквозь вѣтви, палило, какъ черезъ зажигательное стекло, ярко освѣщая группу каменьевъ и сверкая въ водѣ: въ минуту все мокло на насъ, а тамъ дѣлалось опять темно и прохладно. Эта природная аллея, тишина, яркія краски зелени—все живописно, но немного угрюмо. Цвѣтовъ нѣтъ, птицъ мало, не слыхать даже и стрекотанья кузнечиковъ. У томановъ грубый, продолговатый листъ и сѣрый стволъ; у пальмъ свѣтло-зеленые, крѣпкіе листья до того, что едва

разорвешь руками. Берегъ глинистый, крѣпкій и сухой. Мѣстами по берегу растутъ бананы, достояніе поселенцевъ—этотъ хлѣбъ жаркихъ странъ, да продолговатые, зеленые лимоны: во вкусѣ ихъ есть какая-то затхлость. Видно, что это привитый и искаженный на чужой почвѣ плодъ. Какъ прекрасны всѣ природные плоды въ жаркихъ климатахъ, такъ неудачны всѣ привитые. Въ Индіи старались разводить виноградъ—не родится; а если гдѣ и привился, такъ никуда не годенъ; яблоки тоже, чай нехорошъ. То же можно замѣтить и о животныхъ: пробовали разводить англійскихъ, арабскихъ лошадей и другихъ животныхъ—они перерождаются въ какое-то хилое племя. Но что̀ родится тамъ, то уже родится роскошно и сильно.

Мы дошли до какого-то вала и воротились по тропинкѣ, проложенной по берегу прямо къ озерку. Тамъ купались наши, точно въ купальнѣ, подъ сводомъ зелени. На берегу мы застали живописную суету: варили кушанье въ котлахъ, въ палаткѣ накрывали... на полъ, за неимѣніемъ стола. Собесѣдники сидѣли и лежали. Я ушелъ въ другую палатку, разбитую для магнитныхъ наблюденій, и легъ на единственную, бывшую на всемъ островѣ, кушетку, и отдохнулъ въ тѣни. Иногда врывался свѣжій вѣтеръ и проникалъ подъ тентъ, принося прохладу.

Позвали обѣдать. Одинъ столикъ былъ накрытъ особо, потому что не всѣ умѣстились на полу; а всѣхъ было человѣкъ двадцать. Хозяинъ, то-есть распорядитель обѣда, уступилъ мнѣ свое мѣсто. Въ другое время я бы поцеремонился: но дойти и отъ палатки до палатки было такъ жарко, что я измучился и сѣлъ на уступленное мѣсто—и въ то же мгновеніе вскочилъ: ужъ не то, что жарко, а просто горячо сидѣть. Мое сѣдалище состояло изъ десятковъ двухъ кирпичей, служившихъ каменкой въ банѣ: они лежали на солнцѣ и накалились.

За обѣдомъ былъ, между прочимъ, супъ изъ черепахи:

но послѣ того супа, который я ѣлъ въ Лондонѣ, этого нельзя было ѣсть. Тамъ умѣютъ готовить, а тутъ нашъ Карповъ какъ-то не такъ зарѣзалъ черепаху, не выдержалъ мяса, и оно вышло жёстко и грубо. Подавали утокъ; но утки значительно похудѣли на фрегатѣ. Зато крику, шуму, веселья было безъ конца! Я былъ подавленъ, уничтоженъ зноемъ. А товарищи мои пили за обѣдомъ хересъ, портвейнъ, какъ будто были въ Петербургѣ! Только въ ранней молодости и можно пить безнаказанно вино въ такой *банѣ*. Я, не дождавшись конца обѣда, ушелъ скорѣе въ другую палатку, чтобъ не заняли мѣста, и глубоко заснулъ.

Солнце ужъ было низко на горизонтѣ, когда я проснулся и вышелъ. Люди бродили по лѣсу, лежали и сидѣли группами; одни готовили неводъ, другіе купались. Никогда скромный Бонинъ-Сима не видалъ такой суматохи на своихъ пустынныхъ берегахъ!

Бичи пишетъ, что въ его время было такъ много черепахъ здѣсь, что онѣ покрывали берегъ, приходя класть яйца въ песокъ. Молодыя черепахи, вылупившись, спѣшили къ морю, но на пути ихъ ждали безчисленные враги: на берегу клевали птицы, въ морѣ, во множествѣ пожирали шарки (акулы). Зато, выросши и окрѣпнувъ, онѣ, въ своей бронѣ, не боятся уже ничего. «Шарокъ», пишетъ онъ: «было еще больше, нежели черепахъ: онѣ даже хватали за весла зубами». Куда все это дѣлось? Черепахи, съ поселеніемъ людей, являются рѣже: жители ловятъ ихъ и берегутъ гдѣ-то въ садкахъ, продавая пріѣзжимъ. Мы заплатили четыре доллара за черепаху, но зато какую! шесть человѣкъ насилу тащили ее. Здѣсь поселенцы забираютъ ихъ на берегу посредствомъ собакъ. Собака схватитъ и тащитъ за ласть (у морскихъ черепахъ—плавательные ласты, вмѣсто лапъ) дальше отъ берега. Эти черепахи не пригодны ни на что, кромѣ супа. На гребенки идетъ

— «Далеко?»

— «Да вонъ, Нагасаки видно!»

«Ахъ, этотъ старый!.. Узнай отъ него правду!» Я вышелъ на палубу.

Впереди синее море, надъ головой синее небо, да солнце, какъ горячій уголь, пекло лицо, а сзади кучка горъ жмутся другъ къ другу плечами, будто проводить насъ, пожелать счастливаго пути. Это берега Бонинъ-Сима: прощай Бонинъ-Сима!

4-го августа. Тихій вѣтеръ, ходу шесть узловъ. Жарко въ природѣ, холодно въ душѣ; кругомъ все море да море...

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА:

„Фрегатъ Паллада“. Очерки путешествія въ двухъ томахъ.

Томъ I.

стр.

I.

Отъ Кронштадта до мыса Лизарда.

Сборы, прощаніе и отъѣздъ въ Кронштадтъ.—Фрегатъ «Паллада».—Море и моряки.—Каютъ-компанія.—Финскій заливъ.—Свѣжій вѣтеръ.—Морская болѣзнь.—Готландъ.—Холера на фрегатѣ.—Паденіе человѣка въ море.—Зундъ.—Каттегатъ и Скагерракъ. — Нѣмецкое море. — Доггерская банка и Галлоперскій маякъ. — Покинутое судно. — Рыбаки. — Британскій каналъ и Спидгедскій рейдъ.—Лондонъ.—Похороны Веллингтона.—Замѣтки объ англичанахъ и англичанкахъ. — Возвращеніе въ Портсмутъ.—Житье на Кемпердоунѣ.—Прогулка по Портсмуту, Саутси, Портси и Госпорту.—Ожиданіе попутнаго вѣтра на Спидгедскомъ рейдѣ.—Вечеръ наканунѣ Рождества.—Силуэтъ англичанина и русскаго.—Отплытіе 5

II.

Атлантическій океанъ и островъ Мадера.

Выходъ въ океанъ.—Крѣпкій вѣтеръ и качка.—Прибытіе на о. Мадеру.—Городъ Фунчалъ.—Прогулка на гору.—Обѣдъ у консула.—Отъѣздъ 84

III.

Плаваніе въ Атлантическихъ тропикахъ.

Нордъ-остовый пассатъ.—Острова Зеленаго Мыса.—С.-Яго и Порто-Прайя.—Сѣверный тропикъ.—Тропическая зима.—Штилевая полоса.—Экваторъ.—Южный тропикъ и зюйдъ-остовый пассатъ.—Летучія рыбы и акулы.—Опять штили.—Масленица.—Образъ жизни на фрегатѣ.—Купанье.—Море и небо. . . 121

стр.

IV.

На мысѣ Доброй Надежды.

Приходъ въ Falsebay.—Саймонсбей и Саймонстоунъ.—Поправки на фрегатѣ.—Капштатъ.—Welch'hotel.—Столовая гора, Львиная гора и Чортовъ пикъ.—Ботаническій садъ.—Клубъ.—Англичане, голландцы, малайцы, готтентоты и негры.—Краткій историческій очеркъ Капской колоніи и войнъ съ каффрами.—Поѣздка по колоніи.—Соммерсетъ.—Стелленбошъ.—Ферма Эльзенборгъ.—Паарлъ.—Веллингтонъ.—Мистеръ Бенъ.—Тюрьмы и арестанты.—Дороги.—Ущелье.—Устеръ.—Минеральные ключи.—Обратный путь.—Змѣиная горка.—Птица секретарь.—Винбергъ.—Каффрскій предводитель Сейоло.—Отплытіе. 156

V.

Отъ мыса Доброй Надежды до острова Явы.

Штормъ.—Святая недѣля.—Тридцать дней на Индійскомъ океанѣ.—Жары.—Смерчъ.—Анжерскій рейдъ.—Вечеръ на Явѣ.—Китайцы и малайцы 304

VI.

Сингапуръ.

Приходъ на рейдъ.—Малайцы и индійцы.—Прогулка по городу и окрестностямъ.—Европейскій, малайскій и китайскій кварталы. — Продажа опіума. — Ананасы, мангу и мангустаны. — Кокосовые орѣхи. — Значеніе Сингапура. — Кумирни. — Купецъ Вампоа и его вилла 320

VII.

Гон-Конгъ.

Видъ рейда и города.—Улица съ дворцами и китайскій кварталъ.—Китайцы и китаянки.—Клубъ и казармы.—Посѣщеніе фрегата епископомъ и генералъ-губернаторомъ. — Заведеніе Джердина и Маттисона 360

VIII.

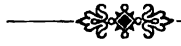
Острова Бонинъ-Сима.

Китайское море.—Шквалы.—Выходъ въ Тихій океанъ.—Ураганъ.—Штили и жары.—Островъ Пиль, портъ Лойдъ.—Корветъ «Оливуца» и транспортъ американской компаніи «Князь Меньшиковъ».—Курьеры изъ Россіи.—Поселенцы.—Прогулка, обѣдъ и вечеръ на берегу 372

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.



Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

Типографія А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

ФРЕГАТЪ
ПАЛЛАДА.

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ II.

I.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

Въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 годовъ.

Входъ на Нагасакскій рейдъ.—Первые визиты японцевъ.—Видъ рейда и города.—Батареи; деревни.—Переводчики и баніосы.—Караульныя лодки и гребцы.—Передача письма къ губернатору.—Ежедневныя сношенія съ японцами.—Доставка провизіи.—Визитъ голландцевъ изъ факторіи.—Буря.—Новый переводчикъ.—Переговоры о церемоніалѣ свиданія адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ.—Губернаторскіе секретари.—Торжественный поѣздъ въ Нагасаки.—Пристань и носилки.—Японскіе солдаты.—Улица и дома.—Свиданіе съ губернаторомъ.—Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому.—Японское угощеніе.—Ожиданіе отвѣта изъ Едо.—Другой губернаторъ.—Еще переводчикъ.—Годовщина похода.—Спектакль на корветѣ «Оливуца».—Смерть Сіогуна.—Гроза.—Отвѣтъ изъ Едо.—Катанье на шлюпкахъ.—Паппенбергъ.—Крысій островъ.—Подарки.—Важное извѣстіе изъ Едо.—Отъѣздъ.

Нагасакскій рейдъ. Съ 10 августа 1853 года.

Отъ острововъ Бонинъ-Сима до Японіи—не путешествіе, а прогулка, особенно въ августѣ: это лучшее время года въ тѣхъ мѣстахъ. Небо и море спорятъ другъ съ другомъ, кто лучше, кто тише, кто синѣе, словомъ, кто болѣе понравится путешественнику. Мы въ пять дней прошли 850 миль,

Наше судно, какъ старшее, давало сигналы другимъ тремъ, и одно изъ нихъ вело на буксирѣ. Таща его на двухъ канатахъ, мы могли видѣться съ бывшими тамъ товарищами: иногда перемолвимъ и слово, написанное на большой доскѣ складными буквами.

9-го августа, при той же ясной, но, къ сожалѣнію, черезчуръ жаркой погодѣ, завидѣли мы тридесятое государство. Это были еще самые южные острова, крайніе предѣлы, только островки и скалы японскаго архипелага, носившіе европейскія и свои имена. Тутъ были Юлія, Клара, далѣе Якуносима, Номосима, Ивосима, потомъ пошли *саки*: Тагасаки, Коссаки, Нагасаки. *Сима* значитъ островъ, *саки* — мысъ, или наоборотъ, не помню.

Вотъ достигается, наконецъ, цѣль десятимѣсячнаго плаванія, трудовъ. Вотъ этотъ запертой ларецъ, съ потеряннымъ ключомъ, страна, въ которую заглядывали, до сихъ поръ съ тщетными усиліями, склонить, и золотомъ, и оружіемъ, и хитрой политикой, на знакомство. Вотъ многочисленная кучка человѣческаго семейства, которая ловко убѣгаетъ отъ ферулы цивилизаціи, осмѣливаясь жить своимъ умомъ, своими уставами, которая упрямо отвергаетъ дружбу, религію и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими попытками просвѣтить ее, и внутреннія, произвольные законы своего муравейника противоставить и естественному, и народному, и всякимъ европейскимъ правамъ, и всякой неправдѣ.

Долго ли такъ будетъ? говорили мы, лаская рукой 60-тифунтовыя бомбовыя орудія. Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ея естественныя богатства: вѣдь въ географіи и статистикѣ мѣсть, съ осѣдлымъ населеніемъ земного шара, почти только одинъ пробѣлъ и остается— Японія. Странная, занимательная пока своею неизвѣстностью земля, растянулась отъ 32 до 40 слишкомъ градусовъ широты, слѣдовательно, съ одной стороны южнѣе

Мадеры. Въ ней господствуетъ зной и морозы, растутъ пальма и сосна, персикъ и клюква. Тамъ есть горы, равныя нашимъ высочайшимъ горамъ, горящіе пики, и въ горахъ — мы знаемъ уже — родится лучшая мѣдь въ свѣтѣ, но не знаемъ еще, нѣтъ ли тамъ лучшихъ алмазовъ, серебра, золота, топазовъ и, наконецъ, что дороже золота— лучшаго каменнаго угля, этого самаго дорогого минерала XIX-го столѣтія.

Мы завидѣли мысъ Номо, обозначающій входъ въ нагасакскій рейдъ. Всѣ собрались на ютѣ, любуясь на зеленые, ярко обливаемые солнцемъ берега. Но здѣсь насъ не встрѣтили уже за нѣсколько миль лодки, съ фруктами, раковинами, обезьянами и попугаями, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, и особенно съ предложеніемъ *перевезти на берегъ*: напротивъ!

Мы входили, немного съ стѣсненнымъ сердцемъ, по крайней мѣрѣ я, съ тяжелымъ чувствомъ, съ какимъ входятъ въ тюрьму, хотя бы эта тюрьма была обсажена деревьями.

Но это что несется мимо насъ по водѣ: какая-то маленькая, разукрашенная разноцвѣтными флюгарками шлюпка-игрушка? «Это у нихъ религіозный обрядъ», сказалъ одинъ изъ насъ. «Нѣтъ», перебилъ другой: «это просто суевѣрный обычай».—«Гаданье», замѣтилъ третій: «видите, видите, еще такая же плыветъ?—это гаданье; они пробуютъ счастья».— «Нѣтъ, позвольте», заговорилъ кто-то: «у Кемпфера говорится»... — «Просто игрушки: мальчишки пустили», проворчалъ сквозь зубы дѣдъ. И чуть ли это мнѣніе было не справедливѣе всѣхъ ученыхъ замѣчаній. Но здѣсь всякая мелочь казалась знаменательною особенностью.

Вдругъ появилась лодка, только ужъ не игрушка, и въ ней трое или четверо японцевъ, два одѣтые, а два нагіе, свѣтло-красноватаго цвѣта, загорѣлые, съ бѣлой, тоненькой повязкой кругомъ головы, чтобъ волосы не трепались, да

отъ японскаго двора. Губернатору приказано было отдать подарки, капитанъ не принялъ, и губернаторъ остался виноватъ, *зачѣмъ не отдалъ*.

Вскрывать себѣ брюхо—самый употребительный здѣсь способъ умирать поневолѣ, по крайней мѣрѣ такъ было въ прежнія времена. Заупрямься кто сдѣлать это, правительство принимаетъ этотъ трудъ на себя; но тогда виновный, кромѣ позора публичной казни, подвергается лишенію имѣнія, и это падаетъ на его семейство. Кто-то изъ путешественниковъ разсказываетъ, что здѣсь, въ кругъ воспитанія молодыхъ людей входило, между прочимъ, искусство ловко, сразу распарывать себѣ брюхо. Впослѣдствіи, при случаѣ, какъ-нибудь, разскажу объ этомъ что узнаю подробнѣе. Теперь нѣкогда.

Третья партія японцевъ была лучше одѣта: кофты у нихъ изъ тонкой, полупрозрачной, черной матеріи, у нѣкоторыхъ вытканы бѣлые знаки на спинахъ и рукавахъ—это гербы. Каждый, даже земледѣлецъ, имѣетъ гербъ и право носить его на своей кофтѣ. Но нѣкоторые получаютъ отъ своихъ начальниковъ и, вообще, отъ высшихъ лицъ право носить ихъ гербы, а высшіе сановники—отъ Сіогуна, какъ у насъ ордена.

Но не всѣ имѣютъ право носить по двѣ сабли за поясомъ: эта честь предоставлена только высшему классу и офицерамъ; солдаты носятъ по одной, а простой классъ вовсе не носитъ; да онъ же ходитъ голый, такъ ему не за что было бы и прицѣпить ее, развѣ зимой.

Кофта у гостей, или хозяевъ нашихъ—какъ хотите, застегивалась длинными шелковыми шнурками.

Они объявили, что они переводчики, *опперъ-толки* и *ондеръ-толки*, то-есть старшіе и младшіе. Они назначаются для сношеній съ голландской факторіей. Мы посадили ихъ въ капитанскую каюту, и они вынули бумагу, въ которой предлагалось множество вопросовъ.

россійскаго государства. Они просили списать ее, по приказанію, разумѣется, чтобъ отвезти въ городъ, начальству.

Черезъ полчаса явились другіе, одѣтые побогаче. Они привезли бумагу, въ которой дѣлались обыкновенныя предостереженія: не съѣзжать на берегъ, не обижать японцевъ и т. п. Имъ такъ понравилась наливка, что они выпросили, что̀ осталось въ бутылкѣ, для гребцовъ будто бы, но я увѣренъ, что они имъ и понюхать не дали.

Въ бумагѣ еще правительство, на французскомъ, англійскомъ и голландскомъ языкахъ, просило остановиться у такъ-называемыхъ *Ковальскихъ* воротъ, на первомъ рейдѣ, и не ходить далѣе, во избѣжаніе *большихъ непріятностей*, прибавлено въ бумагѣ, безъ объясненія, какихъ и для кого. Надо думать, что для губернаторскаго брюха.

Японское правительство — какъ мы знали изъ книгъ и потомъ убѣдились, и при этомъ случаѣ, и впослѣдствіи сами—требуютъ безусловнаго исполненія предписанной мѣры, и въ случаѣ неисполненія, зависѣло ли оно отъ исполнителя или нѣтъ, послѣдній остается въ отвѣтѣ. Напримѣръ, иностранные корабли не иначе допускаются на второй и третій рейды, какъ съ разрѣшенія губернатора. Мы разрѣшенія не требовали, но къ намъ явилась третья партія японцевъ, человѣкъ восемь, кромѣ гребцовъ, и привезла «разрѣшеніе» идти и на второй рейдъ. Всѣ эти посѣщенія быстро слѣдовали одно за другимъ. Губернаторъ поспѣшилъ прислать разрѣшеніе, не зная, намѣрены ли мы, по первому извѣщенію, остановиться на указанномъ мѣстѣ. Если бъ ему предписано было, напримѣръ, истребить насъ, онъ бы, конечно, не могъ, но все-таки долженъ бы былъ стараться объ этомъ, а въ случаѣ неудачи, *распоротъ себѣ брюхо.*

Я полагаю такъ, судя по тому, что одинъ изъ нагасакскихъ губернаторовъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, распоролъ себѣ брюхо оттого, что командиръ англійскаго судна не хотѣлъ принять присланныхъ черезъ этого губернатора подарковъ

кто-то дотронулся до клавишей фортепіано. Имъ предложили сигаръ, но они не знали, какъ съ ними обойтись: одинъ закуривалъ, не откусивъ кончика, другой не съ той стороны. Сигары были не по нихъ: крѣпки. Одному сдѣлалось дурно отъ духоты въ каютѣ, а, можетъ-быть, и отъ качки, хотя волненіе было слабое и движеніе фрегата едва замѣтное. Они вообще очень нѣжны. Напримѣръ, не могли вовсе сидѣть въ каютѣ, безпрестанно отирали потъ съ головы и лица, отдувались и обмахивались вѣерами. Они вынимали изъ-за пазухи свой табакъ, чубуки изъ пальмоваго дерева, съ серебрянымъ мундштукомъ и трубочкой, величиной съ половину самаго маленькаго женскаго наперстка. Табакъ лежалъ въ бумажномъ кисетѣ, не болѣе portemonnaie. Японецъ бралъ оттуда щепоть табаку, скатывалъ его въ комокъ, какъ вату, или пеньку, когда хотятъ положить ее въ ухо, клалъ въ трубку и, курнувъ раза три, выбрасывалъ пепелъ и пряталъ трубку за пазуху. Все это дѣлалось съ удивительной быстротой. Табакъ очень тонокъ и волокнистъ, какъ ленъ, красно-желтаго цвѣта, и напоминаетъ немного вкусомъ турецкій, но только очень слабъ. а видомъ похожъ на рыжіе густые волосы.

Какъ навастривали они уши, когда раздавался какой-нибудь шумъ на палубѣ: ихъ пугало, когда вдругъ люди побѣгутъ по вантамъ, или потянутъ какую-нибудь снасть и затопаютъ. Они ѣхали съ нами, а лодка ихъ съ гребцами шла у насъ на бакштовѣ.

Наконецъ, мы вошли на первый рейдъ и очутились среди острововъ и холмовъ. Здѣсь засталъ насъ штиль и потомъ подулъ противный вѣтеръ; надо было лавировать. «Куда жъ вы?» говорили японцы, не понимая лавировки: «вамъ надо сюда, налѣво». Наконецъ, вошли и на второй рейдъ. на указанное мѣсто.

Что это такое? декорація или дѣйствительность? какая мѣстность! Близкіе и дальніе холмы, одинъ другого зеленѣе,

покрытые кедровникомъ и множествомъ другихъ деревьевъ—нельзя разглядѣть какихъ, толпятся амфитеатромъ, одинъ надъ другимъ. Нѣтъ ничего страшнаго; все улыбающаяся природа: за холмами, вѣрно, смѣющіяся долины, поля... Да смѣется ли этотъ народъ? Судя по голымъ, палимымъ зноемъ гребцамъ, изъ которыхъ вонъ трое завернулись, сидя на лодкѣ, въ одно какое-то пестрое одѣяло, отъ солнца, нельзя думать, чтобъ народъ очень улыбался среди этихъ холмовъ. Всѣ горы изрѣзаны бороздами и обработаны сверху до низу.

Вонъ деревни жмутся въ тѣснинахъ, кое-гдѣ разбросаны хижины. А это что: какія-то занавѣски, съ нарисованными на нихъ, бѣлой и черной краской, кругами? гербы Физенскаго и Сатсумскаго удѣльныхъ князей, сказали намъ гости. Дунулъ вѣтерокъ, занавѣски заколебались и обнаружили пушки: въ одномъ мѣстѣ три, съ развалившимися станками, въ другомъ одна вовсе безъ станка—какъ страшно! Наши артиллеристы подозрѣваютъ, что на этихъ батареяхъ есть и деревянныя пушки.

Гдѣ же Нагасаки? Города еще не видать. А! вотъ и Нагасаки. Отчего жъ не Нангасаки? оттого, что настоящее названіе — *Нагасаки*, а буква *н* прибавляется такъ, для шика, такъ же, какъ и другія буквы къ нѣкоторымъ словамъ. «Нагасаки—единственный портъ, куда позволено входить однимъ только голландцамъ», сказано въ географіяхъ, и куда, надо бы прибавить давно, прочіе ходятъ безъ позволенія. Слѣдовательно, привилегія ни въ какомъ случаѣ не на сторонѣ голландцевъ во многихъ отношеніяхъ.

«Такъ это Нагасаки!» слышалось со всѣхъ сторонъ, когда стали на якорь на второмъ рейдѣ, въ виду третьяго, и всѣ трубы направились на мѣстность, среди которой мы очутились. Въ Нагасаки три рейда: одинъ очень открытъ съ моря и защищенъ съ двухъ сторонъ. Тамъ налѣво, на срытомъ холмѣ, строится батарея и, кажется, по замѣчанію нашихъ артиллеристовъ, порядочная. Но городъ, конечно, не весь

виденъ, говорили мы: это, вѣроятно, только часть, и самая плохая, предмѣстье; тутъ все домишки, да хижины! Гдѣ же зданія, дворцы, храмы, о которыхъ пишетъ Кемпферъ и другіе, особенно Кемпферъ, насчитывая ихъ невѣроятное число? Должно-быть, тамъ, дальше, за мысомъ.

Но какіе виды вокругъ! что за перспектива вдали! Вотъ стоишь при входѣ на второй рейдъ, у горы Паппенбергъ, и видишь море, но зато видишь только профиль мыса, заграждающаго видъ на Нагасаки, видишь и узенькую бухту Кибачъ, всю. Передвинешься на средину рейда—море спрячется, зато вдругъ раздвинется весь заливъ налѣво, съ островами Кагена, Катакасима, Каменосима, и видишь мысъ en face, а берегъ направо покажетъ свои обработанныя терасы, какъ исполинскую зеленую лѣстницу, идущую по всей горѣ, отъ волнъ до облаковъ.

Мы стали прекрасно. Вообразите огромную сцену, въ глубинѣ которой, верстахъ въ трехъ отъ васъ, видны высокіе холмы, почти горы, и у подошвы ихъ куча домовъ, съ бѣлыми известковыми стѣнами, черепичными или деревянными кровлями. Это и есть городъ, лежащій на берегу полукруглой бухты. Отъ бухты идетъ проливъ, широкій, почти какъ Нева, съ зелеными, холмистыми берегами, усѣянными хижинами, батареями, деревнями, кедровникомъ и нивами.

Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, странаго города, съ кучей сѣренькихъ домовъ, пролива съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ, все такъ гармонично, живописно, такъ не похоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взятъ ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета?

Что за заливцы, уголки, пріюты прохлады и лѣни, образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ! Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ коридоръ, лѣсистое, и та-

кое узкое, что, кажется, ежеминутно грозитъ раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тутъ маленькая, обставновленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны; тамъ безпечно отдыхаетъ вытащенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концомъ въ воду, другимъ въ песокъ.

Налѣво широкій и длинный заливъ, съ извилинами и углубленіями. Посрединѣ его Пашенбергъ и Каменосима— двѣ горы-игрушки, покрытыя ощетинившимся лѣсомъ, какъ будто двѣ головы съ взъерошенными волосами. Ихъ обтекаютъ со всѣхъ сторонъ миніатюрные проливы, а вдали видна отвѣсная скала и море.

Направо идетъ высокій холмъ, съ отлогимъ берегомъ, который такъ и манитъ взойти на него по этимъ зеленымъ ступенямъ террасъ и грядъ, несмотря на запрещеніе японцевъ. За нимъ тянется рядъ низенькихъ, капризно-брошенныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ глядятъ серьезно и угрюмо довольно высокія горы, отступивъ немного, какъ взрослые изъ-за дѣтей. Далѣе проливъ, теряющійся въ морѣ; по свѣтлой поверхности пролива чернѣютъ разбросанные камни. На послѣднемъ планѣ синѣетъ мысъ Номо.

Проливъ отдѣляетъ нагасакскій берегъ отъ острова Кагена, который, въ свою очередь, отдѣляется другимъ проливомъ отъ острова Ивосима, а тамъ чисто, море—и больше ничего.

Вездѣ уступы, мыски, или отставшія отъ берега, обросшія зеленью и деревьями глыбы земли. Мѣстами группы зелени и деревьевъ лѣпятся на окраинахъ утесовъ, точно исполинскіе букеты цвѣтовъ. Вездѣ перспектива, картина, точно артистически-обдуманная прихоть!

Но со страннымъ чувствомъ смотрю я на эти игриво созданные, смѣющіеся берега: непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко; животныхъ

не видать; я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты; мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ, съ двумя-тремя голыми гребцами, со слюнявымъ мальчишкой, или остроглазой дѣвчонкой.

Такъ ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? отчего не видно работы, возни, нѣтъ шума, гама, криковъ, пѣсенъ, словомъ кипѣнія жизни, или «мышьей бѣготни», по выраженію поэта? Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшенная синими, бѣлыми, красными тканями? Оттуда слышенъ однообразный звукъ бумъ-бумъ-бумъ японскаго барабана: это, скажутъ вамъ, Физенскій, или Сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія.

Вы знаете, что Японія раздѣлена на удѣлы, которые всѣ зависятъ отъ Сіогуна, платятъ ему дань и содержатъ войска. Городъ Нагасаки принадлежитъ ему, а кругомъ лежатъ владѣнія князей.

Зачѣмъ же, говорю я, такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега? зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, до того, что и выйти изъ каюты не хочется? Скоро ли же это все заселится, оживится?

Мы спрашиваемъ объ этомъ здѣсь у японцевъ, затѣмъ и пришли, да вотъ не можемъ добиться отвѣта. Чиновники говорятъ, что надо спросить у губернатора, губернаторъ пошлетъ въ Едо, къ Сіогуну, а тотъ пошлетъ въ Міако, къ Микадо, сыну неба: сами рѣшите, когда мы дождемся отвѣта!

Всѣ мы стояли на палубѣ, кто чѣмъ занятъ; у всѣхъ почти трубы въ рукахъ. Одни занимались уборкою парусовъ, другіе прилежно изучали карту, и въ томъ числѣ дѣдъ, который отъ карты бѣгалъ на ютъ, съ юта къ картѣ;

и хотя ворчалъ на невѣрность ея, на неизвѣстность мѣста, но былъ доволенъ, что труды его кончались. Другіе просто думали о томъ, что̀ видѣли, глядя туда и сюда, въ томъ числѣ и я. Меня хотя и занимала новость предмета, и проникался я прелестью окружавшихъ насъ картинъ природы, но тутъ же, рядомъ съ этими впечатлѣніями, чувствовалась, и особенно предчувствовалась скука. Я бы охотно промѣнялъ Японію на Манилу, на Бразилію, или на Сандвичевы острова—на что̀ хотите. Не скучно ли видѣть столько залоговъ природныхъ силъ, богатства, всякихъ даровъ, въ неискусныхъ или, скорѣе, несвободныхъ, связанныхъ какими-то ненужными путами рукахъ!

Да я ли одинъ скучаю? Вонъ П. А. сокрушительно вздыхаетъ, не зная, какъ онъ будетъ продовольствовать насъ: дадутъ ли японцы провизіи, будутъ ли возить свѣжую воду; а если и дадутъ, то по какимъ цѣнамъ? и т. п. Отъ презервовъ многіе «*воротятъ носы*», говоритъ онъ.

Кстати о презервахъ: кажется я о нихъ не говорилъ ни слова. Это совсѣмъ изготовленная и герметически-закупоренная въ жестянкахъ провизія всякаго рода: супы, мясо, зелень и т. п. Полезное изобрѣтеніе—что̀ и говорить! Но дѣло въ томъ, что эту провизію иногда ѣсть нельзя: продавцы употребляютъ во зло довѣренность покупателей; а повѣрить ихъ нельзя: не станешь вскрывать каждый, наглухо-закупоренный и залитой свинцомъ ящикъ. Послѣ уже, въ морѣ, окажется, что говядина похожа вкусомъ на телятину, телятина—на рыбу, рыба на зайца, а все вмѣстѣ ни на что̀ не похоже. И часто все это имѣетъ одинъ цвѣтъ и запахъ. Говорятъ, у французовъ дѣлаютъ презервы лучше: не знаю. Мы купили ихъ въ Англіи.

Вонъ и другіе тоже скучаютъ: С. не знаетъ, будетъ ли уголь, позволятъ ли рубить дрова, пустятъ ли на берегъ освѣжиться людямъ? Б. насупился, думая, удастся ли ему... хоть увидѣть женщинъ. Онъ ужъ глазѣлъ на всѣ японскія

лодки, ища, между этими голыми тѣлами, не такое красное и жёсткое, какъ у гребцовъ. Косы и кофты мужчинъ вводили его иногда въ печальное заблужденіе...

Японцы уѣхали. Насталъ вечеръ; затеплились звѣзды и, вдобавокъ, между ними появилась комета. Мы наблюдаемъ ее уже третій вечеръ, едва успѣвая ловить на горизонтѣ— такъ рано скрывается она.

Насъ, издали, саженяхъ во ста отъ фрегата и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, окружали караульныя лодки, ярко освѣщенныя разноцвѣтными огнями въ большихъ, круглыхъ, крашеныхъ фонаряхъ изъ рыбьей кожи; на нѣкоторыхъ были даже смоляныя бочки. Съ послѣднимъ лучомъ солнца, по высотамъ загорѣлись огни и нитями опоясали вершины холмовъ, унизали берега—словомъ, нельзя было нарочно зажечь иллюминаціи великолѣпнѣе въ честь гостей, какую японцы зажгли изъ страха, что вотъ сейчасъ, того-гляди, гости нападутъ на нихъ. Вездѣ перекликались караульные; лодки ходили взадъ и впередъ. Гребцы гребли стоя, съ крикомъ *оссильянъ*, *оссильянъ*, чтобъ дружнѣе работать. По горамъ, въ лѣсу, огни, точно звѣзды, плавали, опускаясь и подымаясь по скатамъ холмовъ: видно было, что вездѣ разставлены люди, что на насъ смотрѣли тысячи глазъ, сторожили каждое движеніе.

Все мало-по-малу утихало на нашихъ судахъ. Пробили зорю, сыграли гимнъ *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*, и матросы улеглись. Многіе изъ насъ и чаю не пили, не ужинали: все смотрѣли на берега и на ихъ отраженія въ водѣ, на иллюминацію, на лодки, толкуя, предсказывая успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, догадываясь о характерѣ этого народа. Потомъ, одинъ за другимъ, разбрелись. Я остался и вслушивался въ трескъ кузнечиковъ, доносившійся съ берега, въ тихій плескъ волнъ; смотрѣлъ на игру фосфорическихъ искръ въ водѣ и на дальнія отраженія береговыхъ огней въ зеркалѣ залива. Здѣсь уже не было буруна,

наводящаго тоску на душу, какъ на Бонинъ-Сима, только зарница ярко играла надъ холмами. И я наконецъ ушелъ и легъ спать, но долго еще мерещились мнѣ женоподобные, присѣдающіе японцы, ихъ косы, кофты, и во снѣ преслѣдовалъ долетавшій до ушей крикъ: «оссильянъ, оссильянъ!»

Хи! хи! хи! слышу въ каютѣ у сосѣда, просыпаясь поутру, спустя нѣсколько дней по приходѣ, потомъ тихій шопотъ, и по временамъ внезапное возвышеніе голоса на какомънибудь словѣ. Ѳаддеевъ стоитъ подлѣ меня, съ чаемъ.— «Давно ты тутъ?»—«Въ началѣ седьмой склянки в. в.» — «А теперь которая?»—«Да вонъ, слышишь?» Въ это время забилъ барабанъ, заиграла музыка, значитъ восемь часовъ.— «Что тамъ такое рядомъ въ каютѣ?» спросилъ я.—«Извѣстно что, японецъ!» отвѣчалъ онъ. — «Зачѣмъ они пріѣхали?»— «А кто ихъ знаетъ?»—«Ты бы спросилъ».—«А какъ я его спрошу? намъ съ нимъ говорить-то все равно, какъ свиньѣ съ курицей...»

Отъ японцевъ намъ отбоя нѣтъ: каждый день, съ утра до вечера, по нѣскольку разъ. Какихъ тутъ нѣтъ: опперъ-баніосы, ондеръ-баніосы, опперъ-толки, ондеръ-толки, и потомъ еще куча сволочи, ихъ свита. Но лучше разсказать по порядку, что позамѣчательнѣе.

На другой день, а можетъ-быть и дня черезъ два послѣ посѣщенія переводчиковъ, пріѣхали три или четыре лодки, украшенныя флагами, флажками, значками, гербами и пиками — все атрибуты военныхъ лодокъ, хотя на лодкахъ были тѣ же голые гребцы и ни одного солдата. Намъ здѣсь все еще было ново, и мы съ нетерпѣніемъ ждали, что это такое. Лодки хоть куда: немного похожи на наши зимнія, крестьянскія розвальни: широкія, плоскодонныя, съ открытой кормой. Онѣ всѣ чисто выстроены изъ бѣлаго лѣса, съ навѣсомъ, покрытымъ цыновками. Весла у гребцовъ длинныя, состоящія изъ двухъ частей, связанныхъ посединѣ

Весло привязано къ лодкѣ, и гребецъ, стоя, ворочаетъ его къ себѣ и отъ себя. Гребцовъ, смотря по величинѣ лодки, бываетъ отъ 4 до 8, и даже до 12 человѣкъ. Лодка—это пловучій домъ. Тутъ есть все: маленькій очагъ—варить пищу, и вся домашняя утварь. На караульныхъ лодкахъ по очереди дежурятъ чиновники, чтобъ наблюдать за нашими дѣйствіями. Этотъ порядокъ принятъ издавна въ отношеніи ко всѣмъ иностраннымъ судамъ.

Сначала вошли на палубу переводчики.—«Ошперъ-баніосы», говорили они почтительнымъ шопотомъ, указывая на лодки, а сами стали въ рядъ. Вскорѣ показались и вошли на трапъ, потомъ на палубу, двое японцевъ, поблагообразнѣе и понаряднѣе прочихъ. Переводчики встрѣтили ихъ, положивъ руки на колѣни и поклонившись почти до земли. За ними вошло человѣкъ двадцать свиты.

Ошперъ-баніосы, одинъ худой, съ пріятнымъ лицомъ, съ выдавшеюся верхнею челюстью и большими зубами, похожими на клыки, какъ у многихъ японцевъ. Другой, рябоватый, съ умнымъ лицомъ и съ такою же челюстью, какъ у перваго. На нихъ, сверхъ черной кофты изъ льняной матеріи и длиннаго шелковаго халата, были еще цвѣтныя, шелковыя же юбки, съ разрѣзанными боками и шелковыми кистями. За пазухой, по обыкновенію, былъ цѣлый магазинъ всякой всячины: тамъ лежала трубка, бумажникъ, платокъ для отиранія пота и куча листковъ тонкой, проклеенной, очень крѣпкой бумаги, на которой они пишутъ, отрывая по листку, въ которую сморкаются и, наконецъ, завертываютъ въ нее, что̀ нужно. Они присѣли, положивъ руки на колѣни, т.-е. поклонились нашимъ.

По-японски ихъ зовутъ *гокейнсы*. Они старшія въ городѣ, послѣ губернатора и секретарей его, лица. Ихъ повели на ютъ, куда принесли стулья; гокейнсы сѣли, а прочіе отказались сѣсть, почтительно указывая на нихъ. Подали чай,

конфетъ, сухарей и сладкихъ пирожковъ. Они вышили чай, покурили, отвѣдали конфетъ, и по одной завернули въ свои бумажки, чтобъ взять съ собой; даже спрятали за пазуху по кусочку хлѣба и сухаря. Наливку пили съ удовольствіемъ.

Когда дошло дѣло до вопроса: зачѣмъ они пріѣхали, одинъ переводчикъ, толстый и рябой, по имени Льода, сталъ передъ гокейнсами, низко поклонился и, оставшись въ наклоненномъ положеніи, передалъ нашъ вопросъ. *Гокейнсъ*, тихотихо, почти шопотомъ, и скоро, началъ говорить, также нагнувшись къ переводчику, и всѣ другіе переводчики, и другой гокейнсъ, и часть свиты, тоже наклонились и слушали.—«Хи, хи, хи!» твердилъ переводчикъ отрывисто, пока гокейнсъ отвѣчалъ ему. Частица *хи* означаетъ подтвержденіе рѣчи, въ родѣ *да, слушаю.* Ее употребляютъ только младшіе, слушая старшихъ. Потомъ, когда гокейнсъ кончилъ, Льода потянулъ воздухъ въ себя—и вдругъ, выпрямившись передъ нами, перевелъ, что они пріѣхали предложить нѣкоторые вопросы.

Онъ говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, а иногда вдругъ возвышалъ его на какомъ-нибудь словѣ до крика, кивалъ головой, улыбался. Прочіе переводчики молчали: у нихъ правило, когда старшій тутъ, другой молчитъ, но непремѣнно слушаетъ; такъ они повѣряютъ другъ друга. Эта система взаимнаго шпіонства немного похожа на іезуитскую. Такъ ихъ переводчикъ *Садагора*—который страхъ какъ походилъ на пожилую дѣвушку съ своей сѣдой косой, недоставало только очковъ и чулка въ рукахъ—молчалъ, когда говорилъ *Льода*, а когда Льоды не было, говорилъ Садагора, а молчалъ *Нарабайоси* и т. д.

«Отчего у васъ», спросили они, вынувъ бумагу, исписанную японскими буквами: «сказали на фрегатѣ, что корветъ вышелъ изъ Камчатки въ маѣ, а на корветѣ сказали, что въ іюлѣ?»—«Оттого», вдругъ послышался сзади голосъ ко-

мандира этого судна, который случился тутъ же: «я похерилъ два мѣсяца, чтобъ не было придирокъ да разспросовъ, гдѣ были въ это время и что дѣлали». Мы всѣ засмѣялись, а П. что-то придумалъ и сказалъ имъ въ объясненіе.

Корветъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ въ маѣ изъ Камчатки, но заходилъ на Сандвичевы острова. Мы спросили японцевъ, зачѣмъ это имъ?—«Что вамъ за дѣло, гдѣ мы были? вамъ только важно, что мы пришли».

Чтобы согласить эту разноголосицу, Льода вдругъ предложилъ сказать, что корветъ изъ Камчатки, а мы изъ Петербурга, вышли въ одно время.—«Лучше будетъ, когда скажете, что и пришли въ одно время, въ три мѣсяца». Ему показали карту и объяснили, что изъ Камчатки можно придти въ недѣлю, въ двѣ, а изъ Петербурга въ полгода. Онъ сконфузился и сталъ самъ смѣяться надъ собой.

Тутъ же показали имъ кстати Россію и Японію. Увидѣвъ, какъ послѣдняя мала, они добродушно стали хохотать.

Имъ замѣтили, что напрасно они обременяютъ себя и другихъ этими вопросами. — «Въ Едо надо послать», отвѣчали они. Потомъ слѣдовалъ другой, третій вопросъ, все въ томъ же родѣ. — «И все надо въ Едо посылать?» — «Все!» сказалъ, потянувъ въ себя воздухъ, Льода.—«Ну, много же у васъ дѣла въ Едо!» подумалъ кто-то подлѣ меня вслухъ. Но я, вспомнивъ, какими вопросами осыпали японцы съ утра до вечера нашего знаменитаго плѣнника, Головнина, нашелъ еще, что эти вопросы не такъ глупы. Они уѣхали поздно ночью, улыбаясь, присѣдая и кланяясь.

А между тѣмъ наступалъ опять вечеръ, съ нитями огней по холмамъ, съ отраженіемъ холмовъ въ водѣ, съ фосфорическимъ блескомъ моря, съ трескомъ кузнечиковъ, и крикомъ гребцовъ: «оссильянъ, оссильянъ!» Но это ужъ мало заняло насъ: мы привыкли, ознакомились съ мѣстностью, и оттого шканцы и вахта тотчасъ опустѣли, какъ только бу-

фетчики, Янценъ и Витулъ, зазвѣнѣли стаканами, а вѣстовые, съ фуражками въ рукахъ, подходили, то къ одному, то къ другому, съ приглашеніемъ: «чай кушать».

Баніосамъ, на прощаньи, сказано было, что есть два письма: одно къ губернатору, а другое выше; чтобъ за первымъ онъ прислалъ чиновника, а другое принялъ самъ. «Скажемъ губернатору», отвѣчали они. Они, желая вывѣдать о причинѣ нашего прихода, спросили: не привезли ли мы потерпѣвшихъ кораблекрушеніе японцевъ, потомъ: не надо ли намъ провизіи и воды — двѣ причины, которыя японцы только и считали достаточными для иноземцевъ, чтобъ являться къ нимъ, и то въ послѣднее время. А прежде, какъ извѣстно, они и потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, своихъ же японцевъ, не пускали назадъ, въ Японію. «Вы уѣхали изъ Нипона», говорили они, «такъ ступайте, куда хотите». Съ иностранцами поступали еще строже: ихъ держали въ неволѣ.

Но время взяло свое, и японцы уже не тѣ, что были сорокъ, пятьдесятъ и болѣе лѣтъ назадъ. Съ нами они были очень любезны; спросили объ именахъ, о чинахъ и должностяхъ каждаго изъ насъ, и все записали, вынувъ изъ-за пазухи складную желѣзную чернильницу, въ родѣ нашихъ старинныхъ свѣчныхъ щипцовъ. Тамъ была тушь и кисть. Они ловко владѣютъ кистью. Я попробовалъ-было написать одному изъ опперъ-баніосовъ свое имя кистью, рядомъ съ японскою подписью — и осрамился: латинскихъ буквъ нельзя было узнать.

Прошло дня два: въ это время дано было знать японцамъ, что намъ нужно мѣсто на берегу и провизія. Провизію они прислали небольшое количество въ подарокъ, а о мѣстѣ объявили, что не смѣютъ дать его безъ разрѣшенія изъ Едо.

На третій день послѣ этого, пріѣхали два баніоса: одинъ бывшій въ прошедшій разъ, пріятель нашъ *Баба-Городзай-*

момъ, который уже ознакомился съ нами и освоился на фрегатѣ, шутилъ, звалъ насъ по именамъ, спрашивалъ названіе всего, что попадалось ему въ глаза, и записывалъ. Онъ былъ, повидимому, очень добръ, живъ, сообщителенъ. Другой — *Самбро*. Не думайте, чтобъ въ понятіяхъ, словахъ, манерахъ японца (за исключеніемъ развѣ сморканья въ бумажки, да прятанья конфектъ; но вспомните, какъ сморкаются двѣ трети русскаго народа и какъ недавно барыни наши бросали ридикюли, которые наполнялись конфетами на чужихъ обѣдахъ и вечерахъ), было что-нибудь дикое, странное, поражающее европейца. Ровно ничего: только костюмъ, да удивительно нелѣпая прическа бросаются въ глаза. Во всемъ прочемъ это народъ, если не сравнивать съ европейцами, довольно развитой, развязный, учтивый въ обращеніи и до крайности занимательный своею [illegible]

[illegible]

наторъ просить прислать письмо, адресованное собственно къ нему. Про другое, которое слѣдовало переслать въ Едо, къ высшимъ властямъ, онъ велѣлъ сказать, что оно должно быть принято съ соблюденіемъ церемоніала, а онъ, губернаторъ, опредѣлить его самъ не въ состояніи, и потому послалъ въ столицу просить разрѣшенія. «А какъ скоро можно сдѣлать путь туда и обратно?» спросили ихъ, зная, впрочемъ, что этотъ путь можно сдѣлать недѣли въ три, и даже, какъ говоритъ англійскій путешественникъ Бельчеръ, въ двѣ недѣли. Имъ сказано было и объ этомъ. Баба отвѣчалъ, однакожъ, что вѣроятно на отвѣтъ понадобится дней тридцать. Онъ извинялся тѣмъ, что надо обдумать отвѣтъ, но адмиралъ настаивалъ, чтобъ отвѣтъ прислали скорѣе. Тогда Садагора отвѣчалъ, что курьеръ помчится, *какъ птица*.

Одинъ изъ свиты все носился съ какимъ-то ящикомъ, завязаннымъ въ платокъ. Когда отдали письмо Баба-Городзаймону, онъ развязалъ деревянный лакированный ящикъ, поставилъ его на столъ, принялъ письмо обѣими руками, поднялъ его, въ знакъ уваженія, ко лбу, положилъ въ ящикъ и завязалъ опять въ платокъ, украшенный губернаторскими гербами. Послѣ этого перевязалъ узелъ шнуркомъ, досталъ изъ-за пазухи маленькую печать, приложилъ къ шнурку и отдалъ ящикъ своему чиновнику, сказавъ что-то переводчику. — «Хи-хи-хи!» повторялъ тотъ и, обратившись къ намъ, перевелъ, что письмо будетъ доставлено вѣрно и въ тотъ же день.

Адмиралъ предложилъ имъ завтракать въ своей каютѣ, предоставивъ намъ хозяйничать, а самъ остался въ гостиной. Мы сѣли за большой столъ. Подали, по обыкновенію, чаю, потомъ все сладкое, до котораго японцы большіе охотники, пирожковъ, еще не помню чего, вино, наливку и конфеты. Японцы всматривались во все, пробовали всего понемножку и завертывали въ бумажку то конфету, то кусочекъ торта, а Льода прибавилъ къ этому и варенья,

и все спряталъ въ свою обширную кладовую, т. е. за пазуху: «дѣтямъ», сказалъ онъ намъ. Гостямъ было жарко въ каютѣ, они вынимали маленькіе бумажные платки и отирали потъ, другіе, особенно второй баніосъ, сморкались въ бумажки, прятали ихъ въ рукавъ, обмахивались вѣерами. О. А. Г. завелъ ящикъ съ музыкой, и вдругъ тихо, подъ сурдиной раздалось *grâce, grâce* — изъ Роберта. Но это мало подѣйствовало: Баба сказалъ, что у него есть двѣ табакерки съ музыкой: голландцы привезли. Въ углу накрытъ былъ другой столъ, для нѣсколькихъ лицъ изъ свиты. Баба не пилъ совсѣмъ вина: онъ сказалъ, что постоянно страдаетъ головною болью и «оттого», прибавилъ онъ, «вы видите, что у меня не совсѣмъ гладко выбрита голова». Ему предложили посовѣтоваться съ нашимъ докторомъ, но онъ поблагодарилъ и отказался.

Вообще мы старались быть любезны съ гостями, показывали имъ, послѣ завтрака, картинки и, между прочимъ, въ книгѣ Зибольда изображеніе японскихъ видовъ: людей, зданій, пейзажей и прочаго. Они попросили показать фрегатъ одному изъ баніосовъ, который еще въ первый разъ пріѣхалъ. Ихъ повели по палубамъ. Они разсматривали пушки, ружья, и внимательно слушали объясненія о ружьяхъ съ новыми прицѣлами, купленныхъ въ Англіи. Все занимало ихъ, и въ этомъ любопытствѣ было много наивнаго, дѣтскаго, хотя японцы и удерживались слишкомъ обнаруживаться.

Они пробыли почти до вечера. Свита ихъ, прислужники, бродили по палубѣ, смотрѣли на все, полуразиня ротъ. По фрегату раздавалось щелканье соломенныхъ сандалій и безпрестанно слышался шорохъ шелковыхъ юбокъ, такъ что, въ иную минуту, почудится что-то будто знакомое... взглянешь и разочаруешься! Нѣкоторыя физіономіи до крайности глуповаты.

Тутъ были между прочимъ два или три старика, въ пан-

талонахъ, то-есть ноги у нихъ выше обтянуты синей матеріей, а обуты въ такіе же чулки, какъ у всѣхъ, и потомъ въ сандаліи. Коротенькія мантіи были тоже синія. Что это за люди? спросили. — Солдаты, говорятъ. Солдаты! нельзя ничего выдумать противоположнѣе тому, что у насъ называется солдатомъ. Они, отъ старости, едва стояли на ногахъ и плохо видѣли. Сѣдая косичка, въ три волоса, не могла лежать на головѣ и торчала кверху; сквозь рѣдкую косу проглядывала лысина, цвѣта красной мѣди.

Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической физіономіи, хотя умныхъ и лукавыхъ много. Да если и есть, такъ зачесанная сзади кверху коса и гладко выбритое лицо дѣлаютъ ихъ непохожими на мужчинъ.

Съ лодокъ налѣзло на трапы и русленя множество голыхъ, полуголыхъ и оборванныхъ гребцовъ. На нѣкоторыхъ много-много, что синій длинный халатъ — и больше ничего: ни панталонъ, ни кофтъ, ни сандалій. О шапкахъ я не упоминаю, потому что здѣсь эта часть одежды не существуетъ. На югѣ, въ Китаѣ, я видѣлъ, носятъ еще зимнія маленькія шапочки, а лѣтомъ немногіе ходятъ въ остроконечныхъ малайскихъ соломенныхъ шапкахъ, похожихъ на крышку отъ суповой миски, а здѣсь ни одного японца не видно съ покрытой головой. Они даже рѣдко прикрываютъ ее и вѣеромъ, какъ китайцы. Ѣдетъ иногда лодка съ нѣсколькими человѣками: любо смотрѣть, какъ солнце жаритъ ихъ прямо въ головы; лучи играютъ на бритыхъ, гладкихъ лбахъ, точно на позолоченныхъ маковкахъ какой-нибудь башни, и на каждой головѣ горитъ огненная точка. Какъ бы, кажется, не умереть, или, по крайней мѣрѣ, не сойти съ ума, отъ этакой прогулки, подъ солнечными лучами, а имъ ничего, да еще подъ здѣшними лучами, которые, какъ мѣдныя спицы, вонзаются въ голову!

Баба обѣщалъ доставить намъ большое удобство: мытье бѣлья въ голландской факторіи. Наконецъ, японцы уѣхали.

Кто-то изъ нихъ кликнулъ меня и схватилъ за руку. «А, Баба, Adieu!»—«Adieu!» повторилъ и онъ.

Дни мелькали за днями: вотъ уже вторая половина августа. Японцы одолѣли насъ. Ѣздятъ каждый день раза по два, то съ провизіей, то съ вопросомъ, или съ отвѣтомъ. Ужъ этотъ мнѣ крайній Востокъ: пока, кромѣ крайней скуки, толку нѣтъ! Разглядываешь, отъ нечего дѣлать, ихъ лица и не знаешь, что̀ подумать о ихъ происхожденіи. Какъ имъ ни противно быть въ родствѣ съ китайцами, какъ ни противорѣчатъ этому родству нѣкоторыя рѣзкія отличія однихъ отъ другихъ, но всякій разъ, какъ поглядишь на окладъ и черты ихъ лицъ, скажешь, что японцы и китайцы близкая родня между собою. Тѣ же продолговатыя, смугло-желтыя лица, такое же образованіе челюстей, губъ, выдавшіеся лбы и виски, нѣсколько приплюснутый носъ, черные и каріе, средней величины, глаза. Я не говорю уже о нравственномъ сходствѣ: оно еще болѣе подтверждаетъ эту догадку. Вѣроятно, и тѣ, и другіе вышли изъ одной колыбели, Средней Азіи, и конечно составляли одно племя, которое въ незапамятныя времена распространилось по юго-восточной части материка и потомъ перешло на всѣ окрестные острова.

Татарскій проливъ и племенная, нерѣдкая въ исторіи многихъ, имѣющихъ одинъ корень народовъ, вражда, могли раздѣлить навсегда два племени, изъ которыхъ въ одно, китайское, подмѣшались, пожалуй, и маньчжуры, а въ другое, японское—малайцы, которыхъ будто бы японцы, говоритъ Кемпферъ, застали въ Нипонѣ и вытѣснили вонъ. Въ языкѣ ихъ, по словамъ знающихъ по-китайски, есть нѣкоторое сходство съ китайскимъ. И опять могло случиться, что первобытный, общій языкъ того и другого народа — у китайцевъ такъ и остался китайскимъ, а у японцевъ могъ смѣшаться съ языкомъ quasi-малайцевъ, или тѣхъ островитянъ, которыхъ они застали на Нипонѣ, Кіузіу и другихъ островахъ, и которые могли быть, пожалуй, и курильцы.

Чѣмъ это не мнѣніе, скажите на милость? Я знаю, что я не понравился бы за это японцамъ, до того, что они не прочь бы посадить меня и въ клѣтку, благо я теперь въ Японіи. Они сами производятъ себя отъ небесныхъ духовъ, а потомъ соглашаются лучше происходить съ сѣвера, отъ курильцевъ, лишь не отъ китайцевъ. Но я готовъ отстаивать свое мнѣніе, теперь особенно, когда я только что разстался съ китайцами, когда черты лицъ ихъ такъ живы въ моей памяти, и когда я вижу другія, имъ подобныя. Чѣмъ же это не мнѣніе? Вѣдь Кемпферъ выводитъ же японцевъ прямо—откуда бы вы думали? отъ вавилонскаго столпотворенія! Онъ ведетъ ихъ толпой, или *колоніей*, какъ онъ называетъ, изъ-за Каспійскаго моря, черезъ всю Азію въ Китай, и оттуда въ Японію, прямо, такъ, какъ они есть, съ готовымъ языкомъ, нравами, обычаями, чуть не съ узелкомъ подъ мышкой, въ которомъ были завязаны вотъ эти нынѣшнія ихъ кофты, съ гербами, и юбки. Замѣчу еще, что здѣсь, кромѣ различія, которое кладутъ, между простымъ и непростымъ народомъ, образъ жизни, пища, воспитаніе и занятія, есть еще другое, рѣзкое, несомнѣнно племенное различіе. Когда всматриваешься пристально въ лица старшихъ чиновниковъ и ихъ свиты, и многихъ другихъ, толпящихся на окружающихъ насъ лодкахъ, невольно придешь къ заключенію, что тутъ сошлись и смѣшались два племени. Простой народъ дѣйствительно имѣетъ въ чертахъ большое сходство съ малайцами, которыхъ мы видѣли на Явѣ и въ Сингапурѣ. А такъ какъ у японцевъ строже, нежели гдѣ-нибудь, соблюдается нетерпимость смѣшенія однихъ слоевъ общества съ другими, то и немудрено, что поработившее племя до сихъ поръ остается неслитымъ съ порабощеннымъ.

Сравните японское воспитаніе съ китайскимъ: оно одинаково. Одна и та же привилегированная, древняя религія Синто, или поклоненіе небеснымъ духамъ, какъ и въ Ки-

таѣ далѣе буддизмъ. Но и тутъ и тамъ господствуетъ болѣе нравственно-философскій, нежели религіозный духъ, и совершенное равнодушіе и того и другого народа къ религіи. Затѣмъ одинакое трудолюбіе и способности къ ремесламъ, любовь къ земледѣлію, къ торговлѣ, одинакіе вкусы, одинъ и тотъ же родъ пищи, одежда — словомъ, во всемъ найдете подобіе, въ иныхъ случаяхъ до того, что удивляешься, какъ можно допустить мнѣніе о разноплеменности этихъ народовъ!

И тѣ и другіе подозрительны, недовѣрчивы; спасаются отъ опасностей за системой замкнутости, какъ за каменной стѣной; у обоихъ одна и та же цивилизація, подъ вліяніемъ которой оба народа, какъ два брата въ семьѣ, росли, развивались, созрѣвали и состарѣлись. Если бы эта цивилизація была заимствована японцами отъ китайцевъ только по сосѣдству, какъ отъ чужого племени, то отчего же маньчжуры и другіе народы кругомъ, остаются до сихъ поръ чуждыми этой цивилизаціи, хотя они еще ближе къ Китаю, чѣмъ Японія.

Нѣтъ, пусть японцы хоть сейчасъ посадятъ меня въ клѣтку, а я съ упрямствомъ Галилея буду утверждать, что они — отрѣзанные ломти китайской семьи, ея вѣтвь, упавшая на острова и [illegible] выдержавшая тамъ до нашего прихода. И самые острова эти, если вѣрить геологамъ, должны составлять часть, отторгнувшуюся нѣкогда отъ материка.

[illegible]

потому, что я... въ Японіи теперь. А кто сюда попадетъ, тотъ неминуемо коснется и вопроса о сходствѣ японцевъ съ китайцами. Это здѣсь капитальный вопросъ. Я только слѣдую примѣру другихъ. Что дѣлать: отъ скуки вдался въ педантизмъ!

Зато избавляю себя и васъ отъ дальнѣйшихъ воззрѣній и догадокъ: разсмотрите эти вопросы на досугѣ, въ кабинетѣ, съ помощью ученыхъ источниковъ. Буду просто разсказывать, что̀ вижу и слышу.

Говоря объ источникахъ, упомяну однакожъ объ одномъ, чуть ли не самомъ любопытномъ. Уставъ отъ Кемпфера, я напалъ на одну старую книжку, въ библіотекѣ моего сосѣда по каютѣ, тоже о Японіи или о *Японѣ*, какъ говоритъ заглавіе, и *о винѣ гоненія на христіанъ*, сочиненія Карона и Гагенара, *переведенныя чрезъ Степана Коровина, Синбиринина, и Івана Горліцкаго.* Къ сожалѣнію, конецъ страницы, съ обозначеніемъ года изданія, оторванъ. За этой книгой я отдыхалъ отъ подробныхъ, и подчасъ утомительныхъ описаній почтеннаго Кемпфера и другихъ авторитетовъ. Что за краткость, что за добродушіе! какой языкъ! Не могу не подѣлиться съ вами ученымъ наслажденіемъ и выпишу на выдержку, съ дипломатическою точностью, два-три мѣста о Японіи и о японцахъ.

. . . . «островъ Ябадіи, о которомъ сказуетъ Птоломей, есть оной, его же нынѣ нарицаютъ островомъ Нифонъ».

. . . . «имперія Японская нынѣ обрѣтается сочинена изъ многихъ острововъ, изъ которыхъ нѣкія могутъ быти и не острова, но полуострова».

«Компанія Голландская во Індіи восточной пребываша тогда въ такомъ великомъ благоденствіи, по истинѣ весма великомъ..»

. . . «Чтожъ бы то такое ни было, воспитаніе ли, или какъ то естественно, что жены тамъ (въ Японіи) добры, жестоко вѣрны и очень стыдливы».

. . . . «Много имѣютъ Японцы благосклонности къ отцамъ и къ матерямъ и такъ умствуютъ, что тотъ, который въ этомъ поползнется, того уже боги показнятъ».

. . . «Доходы вельможъ бываютъ отъ разнаго произношенія страны, которою кто владѣетъ. У инныхъ земля много производитъ жита, иныи вынимаютъ много золота и сребра, а прочія мѣди, олова, свинца...»

И этимъ языкомъ и тономъ написана вся эта любопытная книга, вѣроятно современница Телемахиды!

Я началъ записывать имена всѣхъ пріѣзжавшихъ къ намъ *токейцевъ* и *толковъ*. Баба ѣздилъ почти постоянно и всякій разъ привозилъ съ собой какого-нибудь новаго банioса, вѣроятно, пріятеля, желавшаго посмотрѣть большое судно, четырехъ-аршинныя пушки, ядра, съ человѣческую голову величиной, послушать музыку и посмотрѣть ученье, военныя тревоги, бѣганье по вантамъ и маневры съ парусами. Однажды, при нихъ заставили матросовъ маршировать: японцы сѣли на югѣ на пяткахъ и съ восторгомъ смотрѣли, какъ четыреста человѣкъ стройно перекидывали въ рукахъ ружья, точно перья, потомъ шли, ногу въ ногу, подъ музыку, будто одна одушевленная масса. При нихъ катались и на шлюпкахъ, которыя, какъ птицы, съ распущенными [illegible]

[illegible]

волей или неволей, пустятъ другихъ къ себѣ, или повезутъ своихъ въ другія мѣста? Ты, конечно, будешь изъ первыхъ. Этотъ Нарабайоси 2-й очень скроменъ, задумчивъ; у него нѣтъ столбняка въ лицѣ и манерахъ, какой замѣтенъ у нѣкоторыхъ изъ японцевъ, нѣтъ также самоувѣренности многихъ, которые совершенно довольны своею участью и ни о чемъ больше не думаютъ. Видно, что у него бродитъ что-то въ головѣ, сознаніе и потребность чего-то лучшаго противъ окружающаго его... И онъ не одинъ такой. Въ этихъ людяхъ будущность Японіи—и нашъ успѣхъ.

Красивыхъ лицъ я почти не видалъ, а оригинальныхъ много, бо́льшая часть, почти всѣ. Вонъ, посмотрите, они стоятъ въ кучѣ на палубѣ, около шпиля, а не то заберутся на вахтенную скамью. Зачесанныя снизу косы придаютъ головѣ видъ груши, кофты напоминаютъ надѣтыя въ рукава кацавейки, или мантильи съ широкими рукавами, далѣе халатъ и туфли. Одно лицо толстое, мясистое, другое длинное, худощавое, птичье; брови дугой, и такой взглядъ, который самъ докладываетъ о глупости головы; третій рябой—рябыхъ много—никакъ не можетъ спрятать верхнихъ зубовъ. Одинъ смотритъ, поднявъ брови, ка̀къ матросы, купаясь, одинъ за другимъ бросаются съ русленей прямо въ море и на нѣсколько мгновеній исчезаютъ въ водѣ; другой присѣлъ надъ люкомъ и не сводитъ глазъ съ того, что̀ дѣлается въ каютъ-компаніи; третій, сидя на стулѣ, уставилъ глаза въ пушку и не можетъ отъ старости свести губъ. Стоятъ на ногахъ они неуклюже, опустившись корпусомъ на колѣнки, и большею частью смотрятъ сонно, вяло: видно, что ихъ ничто не волнуетъ, что нѣтъ, въ этой массѣ людей, постоянной идеи и цѣли, какая должна быть въ мыслящей толпѣ, что они ѣдятъ, спятъ и больше ничего не дѣлаютъ, что привыкли къ этой жизни и любятъ ее. Это все свита.

Баніосы тоже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, Бабы-Гарад-

займона, Самбро, не лучше: одинъ скажетъ свой вопросъ или отвѣтъ, и потомъ сонно зѣваетъ по сторонамъ, пока переводчикъ передаетъ. Развѣ ученье, внезапный шумъ на палубѣ, или что-нибудь подобное, разбудитъ ихъ вниманіе: они вытаращатъ глаза, навострятъ уши, а потомъ опять впадаютъ въ апатію. И музыка перестала шевелить ихъ. Нѣтъ оживленнаго взгляда, смѣлаго выраженія, живого любопытства, бойкости—всего, чѣмъ такъ сознательно владѣетъ европеецъ.

Одинъ только, кромѣ Нарабайоси 2-го, о которомъ я уже говорилъ, обратилъ на себя мое вниманіе, еще одинъ — и тѣмъ онъ былъ замѣтнѣе. Я не знаю его имени: онъ принадлежалъ къ свитѣ и не входилъ съ баніосами въ каюту, куда, по тѣснотѣ и жару, впускались немногія, только необходимыя лица. Онъ высокъ ростомъ, строенъ и держалъ себя прямо. Совѣстно ли ему было, что онъ не былъ допущенъ въ каюту, или просто онъ признавалъ въ себѣ другое какое-нибудь достоинство, кромѣ чести быть японскимъ чиновникомъ, и понималъ, что̀ окружаетъ его—не знаю, но онъ стоялъ на палубѣ гордо, въ красивой, небрежной позѣ. Лицо у него было европейское, черты правильныя, губы тонкія, челюсти не выдавались впередъ, какъ у другихъ японцевъ. Незамѣтно тоже было въ выраженіи лица ни тупого самодовольствія, ни комической важности, или наивной, ограниченной веселости, какъ у многихъ изъ нихъ. Напротивъ, въ глазахъ, кажется, мелькало сознаніе о своемъ *японствѣ* и о томъ, что̀ ему недостаетъ, чего бы онъ хотѣлъ. Видите ли, и японецъ можетъ быть интересенъ, но какъ рѣдко! Если онъ пріѣдетъ еще разъ, непремѣнно познакомлюсь съ нимъ, узнаю его имя, назову въ каюту и какъ-нибудь дознаюсь, что̀ онъ такое. Я даже думаю, не инкогнито ли онъ тутъ, не изъ любопытства ли замѣшался въ свиту и пріѣхалъ посмотрѣть, что̀ мы за люди.

Вечеромъ въ тотъ день, т. е. когда японцы приняли

письмо, они, по обѣщанію, пріѣхали сказать, что «отдали письмо», въ чемъ мы, впрочемъ, нисколько не сомнѣвались.

Дня черезъ три, пріѣхали опять *гокейнсы*, т. е. одинъ Баба и другой, по обыкновенію, новый, смотрѣть фрегатъ. Они пожелали видѣть адмирала, объявивъ, что привезли отвѣтъ губернатора на письма отъ адмирала и изъ Петербурга. Баніосы передали, что его превосходительство *«увидѣлъ письмо съ удовольствіемъ и хорошо понялъ»* и что постарается все исполнить. Принять адмирала онъ, безъ позволенія, не смѣетъ, но что послалъ уже курьера въ Едо и отвѣтъ надѣется получить скоро.

Время между тѣмъ тянулось и наконецъ дотянулось до 9-го сентября. Ждали отвѣта изъ Едо, занимались и скучали, не занимались — и тоже скучали. Развлеченій почти никакихъ. То наши поѣдутъ на корветъ, то съ корвета пріѣдутъ къ намъ — обѣдать, пить чай. Готовятъ какую-то пьесу для театра. Японцы посѣщаютъ насъ, но пока рѣже. Вскорѣ, однакожъ, они стали посѣщать насъ чаще, и вотъ почему. Въ началѣ пріѣзда мы просили прислать намъ провизіи, разумѣется, за деньги, и сказали, что иначе не возьмемъ. Въ отвѣтъ на это японцы запѣли свою пѣсню, то-есть, что надо послать въ Едо, въ верховный совѣтъ, тотъ доложитъ Сіогуну, Сіогунъ Микадо, и потому отвѣта скоро получить — *унмоглихъ!* невозможно. Губернаторъ прислалъ только небольшое количество живности и зелени, прося принять это въ подарокъ. Ему сказали, что возьмутъ съ условіемъ, если и онъ приметъ отвѣтный подарокъ, *контръ-презентъ*, какъ они называютъ.

Наши, взятыя изъ Китая и на Бонинъ-Сима, утки и куры, частію состарѣлись, не столько отъ времени, сколько отъ качки, пушечныхъ выстрѣловъ и другихъ дорожныхъ и морскихъ безпокойствъ; а частью просто были съѣдены. Надо было послать транспортъ въ Китай за быками и жив-

ностью, а шкуну, съ особыми приказаніями, на сѣверъ, къ берегамъ Сибири. Объ этомъ объявили губернатору, затѣмъ, чтобъ онъ далъ приказаніе своимъ, при возвращеніи нашихъ судовъ, впустить ихъ безпрепятственно на рейдъ. Онъ ужасно встревожился, опасаясь, вѣроятно, не за подкрѣпленіемъ ли идутъ суда, и поспѣшно прислалъ сказать, чтобы мы не посылали транспорта, что свѣжую провизію мы можемъ покупать отъ голландцевъ, а они будутъ получать отъ японцевъ.

Мы обрадовались, и адмиралъ принялъ предложеніе, а транспортъ все-таки послалъ, потому что быковъ у японцевъ бить запрещено, какъ полезный рабочій скотъ, и они мяса не ѣдятъ, а все рыбу и птицъ, поэтому мы говядины достать въ Японіи не могли. Да притомъ надо было послать бумаги и письма, черезъ Гонъ-Конгъ и Остъ-Индію, въ Европу. Губернаторъ ужасно опростоволосился. А мы въ выигрышѣ: въ недѣлю два раза дается длинная записка прислать того, другого, третьяго, живности, зелени и т. п. Отъ этого, по середамъ и пятницамъ, куча японцевъ толпится на палубѣ. Вотъ сегодня одна партія пріѣхала сказать, что другая везетъ свинью, и точно привезли. Вчера не преминули сначала дать знать, что привезутъ воды, а потомъ уже привезли. Даже и ту воду, которая слѣдовала на корветъ, они привезли сначала къ намъ на фрегатъ, сказать, что привезли, а потомъ уже на корветъ, который стоитъ саженъ на сто пятьдесятъ ближе къ городу. Теперь безпрестанно слышишь щелканье соломенныхъ подошвъ, потомъ визгъ свиньи, которую тащатъ на трапъ, тамъ глухое паденіе мѣшка съ рѣпкой, съ капустой: вонъ корзинку яицъ тащатъ, потомъ фруктовъ, грушъ, большихъ, крѣпкихъ и годныхъ только для компота, и *кажисовъ* или *какофигъ*.

Мы воспользовались этимъ случаемъ и стали помѣщать въ реестрахъ разныя вещи: трубки японскія, рабочіе лаки-

рованные ящики съ инкрустаціей и т. п. Но вмѣсто десяти, двадцати штукъ, они вдругъ привезутъ три, четыре. На мою долю досталось однакожъ кое-что: ящикъ, трубка и другія мелочи. Хотѣлось бы выписать по нѣскольку штукъ на каждаго, но скупо вовятъ. За ящикъ, побольше, берутъ по 12 таиловъ (таилъ—около 3 р. асс.), поменьше—8.

Промахнувшись разъ, японцы стали слишкомъ осторожны: адмиралъ сказалъ, что, въ ожиданіи отвѣта изъ Едо объ отведеніи намъ мѣста, надо свезти пока на пустой, лежащій близъ насъ, камень, хронометры, для повѣрки. Объ этомъ вскользь сказали японцамъ: что же они? на другой день на камнѣ воткнули дерево, *чтобъ сдѣлать камень похожимъ на берегъ,* на который мы обѣщали не съѣзжать. Фарсёры!

30-го августа, въ Александровъ день, былъ завтракъ у именинника Б. Ш. на корветѣ. Было очень весело. Между различными развлеченіями, было одно, очень замѣчательное. На палубу явилось человѣкъ восемнадцать мальчиковъ, отъ 12 до 16 лѣтъ. Они стройно и согласно пѣли романсы, хоровыя пѣсни: у одного чистый, звучный сопрано, у другого прекрасный контральто. Наконецъ двое самыхъ маленькихъ плясали по-русски. Ихъ заставляли говорить наизусть басни Крылова. У всѣхъ нерусскія физіономіи—кто бы это были? Камчадалы! Они учатся въ школѣ, въ Петропавловскѣ, и готовятся въ лоцманскія и штурманскія должности. Вотъ гдѣ зажглась искра просвѣщенія и искусства! Всѣ эти мальчики по праздникамъ ѣздили на фрегатъ и прекрасно хоромъ пѣли обѣдню.

Насъ посѣтилъ въ началѣ сентября помощникъ здѣшняго оберъ-гофта или директора голландской факторіи, молодой человѣкъ, по имени... забылъ какъ. Самого оберъ-гофта зовутъ Донкеръ Курціусъ. Онъ происходитъ изъ старой голландской фамиліи. Съ помощникомъ пріѣхала куча японскихъ переводчиковъ: они не отходили отъ него ни на шагъ.

Съ нимъ заговорили по-французски, но онъ просилъ говорить не иначе, какъ по-голландски, опасаясь японцевъ. Жалкое положеніе — сидѣть въ тюрьмѣ. Богъ знаетъ изъ чего! Этотъ молодой человѣкъ уже девять лѣтъ здѣсь. Онъ сказалъ, что на другой день явится самъ оберъ-гофтъ, съ визитомъ. Но тотъ ни на другой, ни на третій день не являлся, потомъ далъ знать, что нездоровъ. Наконецъ, когда, по возвращеніи нашего транспорта изъ Китая, адмиралъ послалъ оберъ-гофту половину быка, какъ рѣдкость здѣсь, онъ благодарилъ коротенькою записочкой, въ которой выражалось большое удовольствіе, что адмиралъ понялъ настоящую причину его мнимой невѣжливости.

2-го сентября, ночью часа въ два, задулъ жесточайшій вѣтеръ: порывы съ горъ, изъ ущелій, были страшные. Въ три часа ночи, несмотря на луну, ничего не стало видно, только блистала неяркая молнія, но безъ грома, или его не слыхать было за вѣтромъ.

Трудно, живучи на берегу, представить себѣ такой вѣтеръ! Гулъ отъ него, шумъ снастей, командный крикъ — просто адъ! Я въ свое окошечко видѣлъ блуждающій свѣтъ фонарей, слышалъ, точно подземный грохотъ, стукъ травимой цѣпи и глухое, тяжелое паденіе другого якоря. Разсвѣло. Я вышелъ на палубу; жарко; дышать густымъ, влажнымъ и теплымъ воздухомъ было тяжело до тоски. Я перешелъ въ капитанскую каюту, сѣлъ тамъ на окно и смотрѣлъ на море: оно напоминало выдержанный нами въ китайскомъ морѣ ураганъ. Отдали третій якорь. Весь рейдъ былъ какъ одинъ огромный водоворотъ. Вода крутилась и кипѣла, вѣтеръ съ воемъ мчалъ ее въ видѣ пыли, сѣкъ волны, которыя, какъ стадо преслѣдуемыхъ животныхъ, метались на прибрежные каменья, потомъ на берегъ, затопляя на мгновеніе хижины, батареи, плетни и палисады. Японскія лодки, прижавшись подъ берегомъ, качались какъ скорлупки.

Часовъ въ семь утра мгновенно стихло, наступила отлич-

ная погода. Слѣдующая и вчерашняя ночи были такъ хороши, что не уступали тропическимъ. Какіе нѣжные тоны — сначала розоваго, потомъ фіолетоваго, вечерняго неба! какая граціозная, игривая группировка облаковъ! Луна бѣла, прозрачна, и какой мягкій свѣтъ льетъ она на все!

Но скучно и жарко: безконечное наше лѣто, начавшееся съ января, у береговъ Мадеры, тянется до сихъ поръ, какъ кошемаръ. Пройдетъ ли оно? Сегодня хотя и прохладно, но надолго ли? «Дайте срокъ: ужò задуетъ отъ тропиковъ, будетъ вамъ прохлада!» пророчески, какъ Сибилла, ворчитъ дѣдъ. Дни идутъ однообразно. Встаютъ матросы въ четыре часа (они ложатся въ восемь) и начинается мытье палубы, съ пескомъ и каменьями. Это дѣлается надъ моей головой. Проснешься, послушаешь и опять заснешь, да вѣдь какъ сладко, подъ это треніе камня и песку о доски, какъ подъ дробный стукъ дождя въ деревянную кровлю! Отъ шести до семи съ половиной встаютъ и офицеры и идутъ къ поднятію флага, потомъ пьютъ чай, потомъ — кто куда. Начинается ученье, тревоги, движеніе парусами. Я, если хороша погода, иду на ютъ и любуюсь окрестностями, смотрю въ трубу на холмы, разглядываю деревни, хижины, движущіяся фигуры людей, вглядываюсь внутрь хижинъ, черезъ широкія двери и окна, безъ рамъ и стеколъ, разсматриваю проѣзжающія лодки, съ группами японцевъ: потомъ сажусь за работу и работаю до обѣда. Обѣдаютъ отъ часу до половины третьяго, потомъ сонъ, потомъ прогулка, одни и тѣ же битые и перебитые разговоры. А тамъ чай, прогулка по палубѣ, при звукахъ музыки нашего оркестра, затѣмъ картина вечерней зари и великолѣпно сіяющихъ, точно бенгальскими огнями, въ здѣшнемъ рѣдкомъ и прозрачномъ воздухѣ, звѣздъ. Ходишь вечеромъ посидѣть, то къ тому, то къ другому; улягутся наконецъ всѣ, идти больше не къ кому, идешь къ себѣ и садишься вновь за работу.

Пріѣздъ японцевъ не разъ прерываетъ наши дневныя

занятія. Заслышишь щелканье ихъ туфлей по палубѣ, оставишь перо, возьмешь фуражку и пойдешь смотрѣть, зачѣмъ пріѣхали. Вотъ такъ пріѣхали они 5-го сентября. Мнѣ нездоровилось: я, ослабѣвшій, заснулъ до обѣда. Ѳаддеевъ будитъ: «поди, в. в., японцы здѣсь: пріѣхалъ новый, такой *толстой*». Я засталъ его уже у адмирала, съ другими японцами. У него круглое, полное и смуглое лицо, безъ румянца, какъ у всѣхъ у нихъ, съ выдавшимися до-нельзя верхними зубами, съ постоянною, отчасти невольною, по причинѣ выдавшихся зубовъ, улыбкою. Онъ очень проворенъ и суетливъ; зовутъ его *Кичибе*. Онъ пріѣхалъ поговорить о церемоніалѣ, съ какимъ нужно принять посланника и бумагу въ верховный совѣтъ. А! значитъ полученъ отвѣтъ изъ Едо, хотя они и говорятъ, что нѣтъ: лгутъ, иначе не смѣли бы разсуждать о церемоніалѣ, не зная, примутъ ли насъ. Мнѣ поручено составить проектъ церемоніала, т.-е. какъ поѣдетъ адмиралъ въ городъ, какая свита будетъ сопровождать его, какая встрѣча должна быть приготовлена и т. п. Это очень важное дѣло здѣсь.

6-го. Такъ и есть, отвѣтъ полученъ. Сегодня явился опять новый старшій переводчикъ *Кичибе* и сказалъ, что будто сейчасъ получили отвѣтъ. У меня бумага о церемоніалѣ была готова, когда меня позвали въ адмиральскую каюту, гдѣ были японцы. К. Н. Посьетъ сталъ имъ передавать изустно, по-голландски, статьи церемоніала. Кичибе улыбался, кряхтѣлъ, едва сидѣлъ отъ нетерпѣнія на стулѣ, выслушивая его слова. Онъ ссылался на нашего посланника Резанова, говоря, что у него было гораздо меньше свиты. Ему отвѣчали, что это намъ не примѣръ, что нынѣшнее посольство предпринято въ большихъ размѣрахъ, оттого и свиты больше. Адмиралъ потому болѣе настаивалъ на этомъ, что всѣмъ офицерамъ хотѣлось быть на берегу.

Не предвидя возможности посылать къ вамъ писемъ изъ Нагасаки, я пересталъ писать ихъ и началъ вести дневникъ.

Но случай послать письмо представляется, и я вырываю нѣсколько листовъ изъ дневника, чѣмъ и заключу это письмо. Сообщу вамъ, между прочимъ, о нашемъ свиданіи съ нагасакскимъ губернаторомъ, какъ оно записано у меня подъ 9-мъ сентября.

«Что это, откуда я? гдѣ былъ, что видѣлъ и слышалъ? Прожилъ ли одинъ часъ изъ тысячи одной ночи, просидѣлъ ли въ волшебномъ балетѣ, или это такъ мелькнулъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ калейдоскопическихъ узоровъ, которые мелькнутъ разъ въ воображеніи, поразятъ своею яркостью, невозможностью, и пропадутъ безъ слѣда?

Вы, конечно, бывали во всевозможныхъ балетахъ, видали много картинъ въ восточномъ вкусѣ, и потомъ забывали, какъ минутную мечту, какъ вздорный сонъ, прервавшій строгую думу, оторвавшій васъ отъ настоящей жизни? Ну, а если бъ вдругъ вамъ сказали, что этотъ балетъ, эта мечта, узоръ, сонъ — не балетъ, не мечта, не узоръ и не сонъ, а чистѣйшая дѣйствительность?—«Гдѣ-нибудь на островахъ, у Ивлера?» возразите вы. Да, на островахъ, конечно, но не у Ивлера, а у Овосавы Бунгоно Ками Сама, нагасакскаго губернатора. Мы сейчасъ отъ него.

Не подумайте, чтобъ тамъ поразила насъ какая-нибудь нелѣпая пестрота, отъ которой глазамъ больно, груды яркихъ тканей, драгоцѣнныхъ камней, ковровъ, арабески— все, что называютъ восточною роскошью — нѣтъ, этого ничего не было. Напротивъ, все просто, скромно, даже бѣдно, но все странно, ново! что шагъ, то небывалое для насъ.

Еще 5-го, 6-го и 7-го сентября, ежедневно ѣздили къ намъ гокейнсы договариваться о церемоніалѣ нашего посѣщенія. Вы тамъ, въ Европѣ, хлопочете въ эту минуту о томъ, *быть или не быть*, а мы цѣлые дни бились надъ вопросами: *сидѣть* или *не сидѣть*, *стоять* или *не стоять*, потомъ *какъ и на чемъ* сидѣть и т. п. Японцы предложили сидѣть по-своему, на полу, на пяткахъ. Станьте на колѣни

и потомъ сядьте на пятки—вотъ это и значитъ сидѣть по-японски. Попробуйте, увидите, какъ ловко: пяти минутъ не просидите, а японцы сидятъ по нѣсколько часовъ. Мы объявили, что не умѣемъ такъ сидѣть; а вотъ не хочетъ ли губернаторъ сидѣть по-нашему, на креслахъ? Но японцы тоже не умѣютъ сидѣть по-нашему, а кажется, чего проще? съ непривычки у нихъ затекаютъ ноги. Припомните, какъ утѣшали другъ друга *Журавль и Лисица*—это буквально одно и то же.

На другой день рано утромъ явился в японцы, среди дня [illegible] и къ вечеру они же. [illegible]

поручилъ разговаривать съ ними намъ. «Да вотъ еще», просили они: «губернаторъ желалъ бы угостить васъ, такъ проситъ принять завтракъ». — «Съ удовольствіемъ», приказалъ сказать адмиралъ. «Послѣ разговора о дѣлахъ», продолжалъ Кичибе: «губернаторъ пойдетъ къ себѣ *отдохнуть*, и вы тоже пойдете отдохнуть въ другую комнату», прибавилъ онъ, вертясь на стулѣ и судорожно смѣясь: «да и... позавтракаете». — «Одни?» спросили его: «вы никакъ съ ума сошли? У насъ, въ Европѣ, этого не дѣлается». — «По-японски это весьма употребительно», сказали они, «мы такъ всегда...»

Но, кажется, лгали: они хотѣли подражать адмиралу, который велѣлъ приготовить, въ первое свиданіе съ японцами на фрегатѣ, завтракъ для гокейнсовъ и поручилъ намъ угощать ихъ, а самъ не присутствовалъ. Боже мой! сколько просьбъ, моленій! Кичибе вертѣлся, суетился; у него по вискамъ лились потоки испарины. Льода кланялся, улыбался, какъ только могъ хуже. Суровый Садагора, и тотъ осклабился. Но мы были непреклонны. Всѣ *толки* опечалились. Со вздохомъ перешли они потомъ и къ другимъ вопросамъ, напримѣръ, къ тому, въ чьихъ шлюпкахъ мы поѣдемъ, и опять начали усердно предлагать свои, говоря, что они этимъ хотятъ выразить намъ уваженіе. Но мы уклонились и сказали, что у насъ много своихъ: опять упрашиванья съ ихъ стороны, отказъ съ нашей. У нихъ вытянулись лица.

Все это такія мелочи, о которыхъ странно бы было спорить, если бъ онѣ не вели за собой довольно важныхъ послѣдствій. Уступка ихъ настояніямъ въ пустякахъ могла дать имъ поводъ требовать уступокъ и въ серьезныхъ вопросахъ и, пожалуй, повести къ нѣкоторой заносчивости въ сношеніяхъ съ нами. Оттого адмиралъ и придерживался постоянно принятой имъ въ обращеніи съ ними системы: кротости, вѣжливости и твердости, какъ въ мелочныхъ, такъ

и въ важныхъ дѣлахъ. По мелочамъ этимъ, которыми начались наши сношенія, японцамъ предстояло составить себѣ о насъ понятіе, а намъ установить тонъ, который долженъ былъ господствовать въ дальнѣйшихъ переговорахъ. Поэтому, обстоятельство это гораздо важнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда.

У насъ стали думать, чѣмъ бы оказать имъ вниманіе, чтобъ смягчить отказы, и придумали сшить легкіе полотняные, или коленкоровые башмаки, чтобъ надѣть ихъ, сверхъ сапогъ, входя въ японскія комнаты. Это — восточный обычай скидать обувь: и японцамъ, конечно, должно понравиться, что мы не хотимъ топтать ихъ пола, на которомъ они ѣдятъ, пьютъ и лежатъ. Пошла суматоха: надо было въ сутки сшить, разумѣется, на живую нитку, башмаки. Всѣхъ забрали, кто только умѣлъ держать въ рукахъ иглу. Судя по тому, какъ плохо были сшиты эти башмаки, я подозрѣваю, что ихъ шилъ самъ Фаддеевъ, хотя онъ и обѣщалъ дать шить [illegible]. Нѣкоторые изъ насъ подумывали-было [illegible] снять при [illegible]

[illegible]

мы приняли завтракъ: губернатору, конечно, предписано отъ Горочью, а этому отъ Сіогуна.—«Еще губернаторъ», началъ Кичибе: «просить насчетъ шлюпокъ: нельзя ли вамъ ѣхать на нашей...»—«Нельзя», коротко и сухо отвѣчено ему.

Стали потомъ договариваться о свитѣ, о числѣ людей, о караулѣ, о носилкахъ, которыхъ мы требовали для всѣхъ офицеровъ непремѣнно. И обо всемъ надо было спорить почти до слезъ. О музыкѣ они не сдѣлали, противъ ожиданія, никакого возраженія; вѣроятно, всѣмъ, въ томъ числѣ и губернатору, хотѣлось послушать ее. Уѣхали.

На другой день, 8-го числа, явились опять, попробовали, по обыкновенію, настоять на угощеніи завтракомъ, также на томъ, чтобъ ѣхать на ихъ шлюпкахъ, но напрасно. Имъ очень хотѣлось настоять на этомъ, конечно, затѣмъ, чтобъ показать народу, что мы *не ѣдемъ сами*, а *насъ везутъ*, словомъ, что чужіе въ Японіи воли не имѣютъ.

Потомъ переводчики попросили изложить по-голландски всѣ пункты церемоніала и отдать бумагу имъ, для доставленія губернатору. Имъ сказано, что бумага къ вечеру будетъ готова и чтобъ они пріѣхали за ней; но они объявили, что лучше подождутъ. Я ушелъ обѣдать, а они все ждали, потомъ легъ спать, опять пришелъ, а они не уѣзжали, и такъ прождали до ночи. Имъ дали на ютѣ обѣдать, и П. обѣдалъ съ ними. Нужды нѣтъ, что у нихъ не ѣдятъ мяса, а они ѣли у насъ пирожки съ говядиной и супъ съ курицей. Велѣли принести съ лодокъ и свой обѣдъ, между прочимъ, рыбу, жареную, *прессованную* и разрѣзанную правильными кусочками. К. П. П. говоритъ, что это хорошо. Не знаю, правда ли: онъ въ дѣлѣ гастрономіи такой снисходительный.

Они уѣхали, сказавъ, что свиданіе назначено завтра, 9-го числа, что *рентмейстеръ*, первый послѣ губернатора чиновникъ въ городѣ, и два губернаторскіе секретаря пріѣдутъ

сзади, по бокамъ, торопились во множествѣ японскія шлюпки — однѣ, чтобъ идти рядомъ, другія хотѣли обогнать. Ѣхали медленно, около часа; музыка играла все время. По батареямъ, пристанямъ, холмамъ — вездѣ толпились кучи бритыхъ головъ, разноцвѣтныхъ, больше синихъ халатовъ. Лодки, какъ утки, плавали вокругъ, но близко къ намъ не подходили.

Мы съ любопытствомъ смотрѣли на великолѣпные берега пролива, мимо которыхъ ѣхали. Я опять не могъ защищаться отъ досады, глядя на мѣста, гдѣ природа сдѣлала съ своей стороны все, чтобъ дать человѣку случай приложить и свою творческую руку и надѣлать чудесъ, и гдѣ человѣкъ ничего не сдѣлалъ. Вонъ тотъ холмъ, какъ онъ ни зеленъ, ни пріютенъ, но ему чего-то недостаетъ: онъ долженъ бы быть увѣнчанъ бѣлой колоннадой, съ портикомъ, или виллой, съ балконами на всѣ стороны, съ паркомъ, съ бѣгущими по отлогостямъ тропинками. А тамъ, въ рытвинѣ, хорошо бы устроить спускъ и дорогу къ морю, да пристань, у которой шипѣли бы пароходы и гомозились люди. Тутъ, на высокой горѣ, стоять бы монастырю, съ башнями, куполами и золотымъ, далеко сіяющимъ изъ-за кедровъ, крестомъ. Здѣсь бы хорошо быть складочнымъ магазинамъ, передъ которыми тѣснились бы суда, съ лѣсомъ мачтъ...

«А что, если бъ у японцевъ взять Нагасаки?» сказалъ я вслухъ, увлеченный мечтами. Нѣкоторые засмѣялись. — «Они пользоваться не умѣютъ», продолжалъ я: «что бы было здѣсь, если бъ этимъ портомъ владѣли другіе? Посмотрите, какія мѣста! Весь восточный океанъ оживился бы торговлей...»

Я хотѣлъ развивать свою мысль о томъ, какъ Японія связалась бы торговыми путями, черезъ Китай и Корею, съ Европой и Сибирью; но мы подъѣзжали къ берегу. — «Гдѣ же городъ?»—«Да вотъ онъ», говорятъ.—«Весь тутъ? за мысомъ ничего нѣтъ? такъ только-то?»

Мы не вѣрили глазамъ, глядя на тѣсную кучу сѣрыхъ, невзрачныхъ, одноэтажныхъ домовъ. Налѣво, гдѣ я предполагалъ продолженіе города, ничего не было: пустой берегъ, маленькія деревушки, да отдѣльныя, вѣроятно, рыбачьи хижины. По мысамъ, которыми замыкается проливъ, все тѣ же дрянныя батареи, да какія-то низенькія и длинныя зданія, въ родѣ казармъ. Къ берегамъ жмутся неуклюжія большія лодки. И все завѣшено: и дома, и лодки, и улицы, а народъ, которому бы очень не мѣшало завѣситься, ходитъ ужъ черезчуръ нараспашку.

Я начитался о многолюдствѣ японскихъ городовъ и теперь понять не могъ, гдѣ же помѣщается тутъ до шестидесяти тысячъ жителей, какъ говоритъ, кажется, Тунбергъ?— «Сколько жителей въ Нагасаки?» спросилъ я однажды Баба-Городзаймона, черезъ переводчика, разумѣется. Онъ повторилъ вопросъ по-японски и посмотрѣлъ на другого баніоса, тотъ на третьяго, этотъ на ондер-баніоса, а ондер-баніосъ на переводчика. И такъ вопросъ и взглядъ дошли опять до Бабы, но безъ отвѣта. — «Иногда бываетъ меньше, сказалъ наконецъ Садагора, а въ другой разъ больше». Вотъ вамъ и отвѣтъ! Они всего боятся; все имъ запрещено: проврутся во вздорѣ—и за то бѣда. Я спросилъ однажды, какъ зовутъ Сіогуна.—«Не знаемъ», говорятъ. Впрочемъ у нихъ имя государя дѣйствительно почти тайна, или по крайней мѣрѣ они, изъ благоговѣнія, не произносятъ его; по смерти его ему даютъ другое имя. У нихъ вообще есть обычай мѣнять имена по нѣскольку разъ въ жизни, въ разныя эпохи, напримѣръ, при женитьбѣ, и тому подобныхъ обстоятельствахъ.

Мы все ближе и ближе подходили къ городу: вездѣ, на высотахъ, и по берегу, и на лодкахъ, тьмы людей. Вотъ наконецъ и голландская факторія. Нѣсколько голландцевъ сидятъ на балконѣ. Мнѣ показалось, что одинъ изъ нихъ поклонился намъ, когда мы поровнялись съ ними. Но вотъ

паши переднія шлюпки пристали, а адмиральскій катеръ, въ которомъ былъ и я, держался на веслахъ, ожидая, пока тамъ все установится.

Берегъ! берегъ! Наконецъ мы ступили на японскую землю. Мы вышли на каменную пристань. Ну, берегъ не очень занимательный: хоть и не выходить!

На пристань вела довольно высокая, изъ дикаго камня, лѣстница. Набережная плотно убита была пескомъ: это широкая площадка. Дома были завѣшены сплошной, синей и бѣлой холстиной. Караулъ построился въ двѣ шеренги по правую сторону пристани, офицеры по лѣвую. Сзади толпился тощей кучкой народъ, мелкій, большею частью, некрасивый и голый. Видно было, что на набережную пустили весьма немногихъ: прочіе глядѣли съ крышъ, изъ-за занавѣсокъ, провертя въ нихъ отверстія, съ террасъ, съ горъ— отовсюду. Въ толпѣ суетился какой-то старикъ, съ злымъ лицомъ, тоже не очень одѣтый. Онъ унималъ народъ, не давалъ лѣзть впередъ, чему, кромѣ убѣдительныхъ словъ, не мало способствовала ему предлинная жердь, которая была у него въ рукахъ.

Едва адмиралъ ступилъ на берегъ, музыка заиграла, караулъ и офицеры отдали честь. А гдѣ же встрѣча, кто жъ приметъ: одни переводчики? Нѣтъ, это шутки! Велѣно спросить, узнать и вытребовать.

Переводчики засуетились, забѣгали, а мы пока осматривали носилки или «норимоны», по-японски, которыя, по уговору, ожидали насъ на берегу. Ихъ было двѣнадцать, или еще, кажется, больше, по числу офицеровъ. Я думаю, ихъ собрали со всего города. Онѣ замѣняютъ въ Японіи наши кареты. Носилки, довольно красивыя на взглядъ, обиты разными матеріями, украшены значками и кистями. Но въ нихъ сѣсть было нельзя: или ногъ, или головы, дѣвать некуда. Не для пытокъ ли заведены у нихъ эти экипажи? подумаешь, глядя на нихъ. Полунагіе носильщики, на тол-

стой жерди, продѣтой вверху, несуть норимоны на плечахъ. Все это крайне неловко, не то что въ Китаѣ. Въ Гон-Конгѣ меня носили въ препокойныхъ и удобныхъ носилкахъ, въ родѣ нашихъ качелей, на которыхъ простой народъ качается на Святой недѣлѣ. Въ нихъ сидишь, какъ въ креслахъ. Кромѣ носилокъ, была тутъ, говорятъ, еще и лошадь. Я не замѣтилъ лошади и не знаю, зачѣмъ она была. Въ этой суматохѣ простительно и слона не замѣтить. Кое-кто изъ нашихъ попробовали-было влѣзть въ эти клѣтки, т.-е. носилки, но тотчасъ же выскочили и пошли пѣшкомъ.

Наконецъ, явился какой-то старикъ, съ сонными глазами, хорошо одѣтый; за нимъ свита. Онъ сталъ неподвижно передъ нами и смотрѣлъ на насъ вяло. Не знаю, торжественность ли они выражаютъ этимъ апатическимъ взглядомъ, но только сначала, безъ привычки, трудно безъ смѣху глядѣть на эти фигуры, въ юбкахъ, съ косичками и голыми колѣнками.

Я стоялъ сзади, въ свитѣ адмирала, въ хвостѣ нашей колонны. Вдругъ впереди раздалась команда: *маршъ впередъ!* музыка грянула, и весь отрядъ тронулся съ мѣста. Слышались мѣрные и дробные шаги идущихъ въ ногу матросовъ. Отошли не болѣе ста саженъ по песчаной набережной и стали подниматься на другую каменную лѣстницу. По сторонамъ разставлены были, на сажень одинъ отъ другого, японскіе... Ужели это солдаты? Посмотрите, что это такое: взятые на подборъ, поменьше ростомъ, японцы, въ маленькихъ, въ формѣ воронки, лакированныхъ шапкахъ, съ сонными глазами. Они стояли, откинувшись корпусомъ назадъ, ноги врозь, съ согнутыми колѣнками. На плечахъ у нихъ, казалось, были ружья: надо подозрѣвать такъ, потому что самыя ружья спрятаны въ чехлахъ, а, можетъ-быть, были одни чехлы безъ ружей. Здѣсь все можетъ быть, чего въ другихъ мѣстахъ не бываетъ.

Мы еще были внизу, а колонна змѣилась уже по лѣст-

ницѣ, штыки сверкали на солнцѣ, музыка уходила впередъ и играла все глуше и глуше. Скомандовали: *лѣвое плечо впередъ!* колонна сжалась, точно змѣй, въ кольцо, потомъ растянулась и взяла направо: музыка заиграла еще глуше, какъ будто вошла подъ сводъ, и вдругъ смолкла.

Надъ головой у насъ голубое, чудесное небо, вдали террасы горъ, кругомъ странная улица, съ непохожими на наши домами, и людьми тоже.

Мы завернули за колонной направо, прошли ворота и очутились на чистомъ, мощеномъ дворѣ, передъ широкимъ, деревяннымъ крыльцомъ, безъ дверей.

Прежде всего бросается въ глаза необыкновенная опрятность двора, деревянной, крытой цыновками лѣстницы, наконецъ, и самихъ японцевъ. Въ этомъ имъ надо отдать справедливость. Всѣ они отличаются чистотой и опрятностью, какъ въ своей собственной персонѣ, такъ и въ платьѣ. Какъ бы въ этой густой косѣ не присутствовать разнымъ запахамъ, на этихъ халатахъ не быть пятнамъ? Нѣтъ ничего. Не говорю уже о чиновникахъ: тѣ и опрятно и со вкусомъ одѣты; но взглянешь и на нищаго, видишь наготу, или разорванный халатъ, а пятенъ, грязи нѣтъ. Тогда какъ у китайцевъ, напримѣръ, чего не натерпишься, стоя въ толпѣ! Одинъ запахъ сандальнаго дерева чего стоитъ! отъ дыханія, напитаннаго чеснокомъ, кажется, муха умретъ на лету. Отъ японцевъ никакого запаха. Глядишь на голову: черезъ косу сквозитъ бритый, но чистый черепъ; голыя руки далеко видны въ широкомъ рукавѣ: смуглы, правда, но все-таки чисты. Манеры у нихъ приличны; въ обращеніи они вѣжливы — словомъ всѣмъ бы порядочные люди, да нельзя съ ними дѣла имѣть: медлятъ, хитрятъ, обманываютъ, а потомъ откажутъ. Бить ихъ жаль. Они такой порядокъ устроили у себя, что если бъ и захотѣли не отказать, или вообще сдѣлать что-нибудь такое, чего не было прежде, даже и хорошее, такъ не могутъ, по крайней мѣрѣ добровольно.

Напримѣръ: вотъ они рѣшили, лѣтъ двѣсти слишкомъ назадъ, что европейцы вредны и что съ ними никакого дѣла имѣть нельзя, и теперь сами не могутъ измѣнить этого. А ужъ, конечно, они убѣдились, особенно въ новое время, что если бъ пустить иностранцевъ, такъ отъ нихъ многому бы можно научиться: жить получше, быть посвѣдущѣе во всемъ, сильнѣе, богаче.

Правительство знаетъ это, но, по старой памяти, боится, что христіанская вѣра вредна для ихъ законовъ и властей. Пусть бы оно рѣшило теперь, что это вздоръ, и что необходимо опять сдружиться съ чужестранцами. Да какъ? Кто начнетъ и предложитъ? Члены верховнаго совѣта?—Сіогунъ велитъ имъ распороть себѣ брюхо. Сіогунъ?—Верховный совѣтъ предложитъ ему уступить мѣсто другому. Микадо не предложитъ, а если бъ и вздумалъ, такъ Сіогунъ не сошьетъ ему новаго халата и дастъ два дня сряду обѣдать на одной и той же посудѣ.

Извѣстно, что этотъ Микадо (настоящій, законный государь, отодвинутый, узурпаторами-намѣстниками, или Сіогунами, на задній планъ) не можетъ, ни надѣть два раза одного платья, ни дважды обѣдать на одной посудѣ. Все это каждый день мѣняется, и Сіогунъ аккуратно поставляетъ ему обновки, но простыя, подешевле.

Японцы такъ хорошо устроили у себя внутреннее управленіе, что Совѣтъ не можетъ сдѣлать ничего безъ Сіогуна, Сіогунъ безъ Совѣта, и оба вмѣстѣ безъ удѣльныхъ князей. И такъ система ихъ держится и будетъ держаться на своихъ искусственныхъ основаніяхъ до тѣхъ поръ, пока не помогутъ имъ ниспровергнуть ее... американцы, или хоть... мы!

А теперь они еще пока боятся и подумать выглянуть на свѣтъ Божій изъ-подъ этого колпака, которымъ такъ плотно сами накрыли себя. Какъ они испуганы и огорчены нашимъ внезапнымъ появленіемъ у ихъ береговъ! Четыре большія судна, огромныя пушки, множество людей и твер-

дый, небывалый тонъ въ предложеніяхъ, самостоятельность въ поступкахъ! Что жъ это такое?

Какъ они засуетились, когда попросили ихъ убрать подальше караульныя лодки отъ нашихъ судовъ, когда вдругъ вздумали и послали одно изъ судовъ въ Китай, другое на сѣверъ, безъ позволенія губернатора, который привыкъ, чтобъ судно не качнулось на японскихъ водахъ безъ спроса, чтобъ даже шлюпки европейцевъ не ѣздили по гавани! Теперь имъ холодно объявляютъ, чего хотятъ и чего не хотятъ. Они думаютъ противиться, иногда вдругъ заговорятъ попрежнему, *требуютъ*, а сами глазами умоляютъ не отказать, чтобъ имъ не досталось свыше. Имъ поставится всякая наша вина въ вину. Узнавъ, что завтра наше судно идетъ въ море, они бѣгутъ къ губернатору и торопятся привезти разрѣшеніе. Мы хохочемъ. Они объявили, что съ батарей будутъ палить, завидя суда въ морѣ, и этимъ намекнули, что у нихъ есть пушки, которыя даже палятъ. Палите, отвѣчаемъ съ улыбкой. Просятъ не ѣздить далеко по рейду—мы ничего не отвѣчаемъ и ѣдемъ. А губернаторъ все еще поднимаетъ носъ: дѣлаетъ запросы, хочетъ настаивать, да вдругъ и спустится, уступитъ.

Давно ли сарказмомъ отвѣчали японцы на совѣтъ голландскаго короля отворить ворота европейцамъ? Имъ приводили въ примѣръ китайцевъ, сказавъ, что тѣ пускали европейцевъ только въ одинъ портъ, и вотъ что изъ этого вышло: открытіе пяти портовъ, торговые трактаты, отмѣна стѣсненій и т. п. «Этого бы не случилось съ китайцами, отвѣчали японцы, если бъ они не пускали и въ одинъ портъ».

А вотъ теперь иностранцы постучались и въ ихъ завѣтныя ворота, съ двухъ сторонъ. Пришелъ и ихъ чередъ практически рѣшать вопросъ: *пускать*, или *не пускать* европейцевъ, а это все равно для японцевъ, что быть или не быть. Пустить—гости опять принесутъ свою вѣру, свои идеи, обычаи, уставы, товары и пороки. Не пускать... но

ихъ и теперь четыре судна. а, пожалуй, придетъ и десять, все съ длинными пушками. А у нихъ самихъ не длинныя, и безъ станковъ, или на соломенныхъ станкахъ. Есть еще ружья съ фитилями, сабли, даже по двѣ за поясомъ у каждаго, и отличныя... да что съ этими игрушками сдѣлаешь?

Пустить или не пустить—легко сказать! Пустить—когда имъ было такъ тихо, покойно, хорошо — и спать, и ѣсть. Не пустить... а какъ гости сами пойдутъ, да такъ, что губернаторъ не успѣетъ прислать и позволенія? Съ кѣмъ посовѣтоваться? у кого спросить? Губернаторъ не смѣетъ рѣшить. Онъ пошлетъ спросить въ верховный совѣтъ, совѣтъ доложитъ Сіогуну, Сіогунъ — Микадо. Этотъ, прямой и непосредственный родственникъ неба, братъ, сынъ, или племянникъ луны, могъ бы, кажется, рѣшить, но онъ сидитъ со своими двѣнадцатью супругами и нѣсколькими стами ихъ помощницъ, сочиняетъ стихи, играетъ на лютнѣ и кушаетъ каждый день на новой посудѣ. Губернатору велятъ на всякій случай прогнать, истребить иностранцевъ, или, по крайней мѣрѣ, ни за что не пускать въ Едо. Губернатору лучше бы, если бъ мы, минуя Нагасаки, прямо въ Едо пришли: онъ отслужилъ свой годъ и сдавъ должность другому, прибывшему на смѣну, готовился отправиться самъ въ Едо, домой, къ семейству, которое удерживается тамъ правительствомъ и служитъ порукой за мужа и отца, чтобъ онъ не нашалилъ какъ-нибудь на границѣ. А пока мы здѣсь, онъ не можетъ ѣхать, даже когда пріѣдетъ другой губернаторъ. И вотъ губернаторъ начинаетъ спроваживать гостей—нейдутъ; чуть онъ громко заговоритъ, или не исполняетъ просьбъ, не шлетъ свѣжей провизіи, мѣшаетъ шлюпкамъ кататься—ему грозятъ идти въ Едо; если не присылаетъ, по вызову, чиновниковъ—ему говорятъ, что сейчасъ поѣдутъ сами искать ихъ въ Нагасаки, и чиновники ѣдутъ. «Будьте вы прокляты!» думаетъ вѣроятно онъ, и чиновники

то же, конечно, думаютъ; только переводчикъ Кичибе ничего не думаетъ: ему все равно, возьмутъ ли Японію, нѣтъ ли, онъ продолжаетъ улыбаться, показывать свои фортепіано изо рту, *хикаетъ*, и передъ губернаторомъ, и передъ нами.

Но что же дѣлать имъ? и пустить нельзя, и не пустить мудрено. Они пробуютъ хитрить: то скажутъ, что мы съѣли всѣхъ свиней въ Нагасаки, и скоро не будетъ свѣжей провизіи; продаютъ утку по талеру за штуку, думая этимъ надоѣсть. Ничего не беретъ! Талеры платятъ и ѣдятъ дорогихъ утокъ, все равно какъ дешевыхъ. Какъ поступить? Свысока ли, какъ прежде, или какъ требуетъ время и обстоятельства? Они, въ недоумѣніи, пробуютъ и то, и другое. Они видятъ, что ихъ система замкнутости и отчужденія, въ которой одной они искали спасенія, ихъ ничему не научила, а только остановила ихъ ростъ. Она, какъ школьная затѣя, мгновенно рушилась при появленіи учителя. Они одни, безъ помощи; имъ ничего больше не остается, какъ удариться въ слезы и сказать: «виноваты, мы дѣти!» и, какъ дѣтямъ, отдаться подъ руководство старшихъ.

Кто же будутъ эти старшіе? Тутъ хитрые, неугомонные промышленники, американцы, здѣсь горсть русскихъ: русскій штыкъ, хотя еще мирный, безобидный, гостемъ пока, но сверкнулъ уже при лучахъ японскаго солнца, на японскомъ берегу раздалось *впередъ!* Avis au Japon!

Если не намъ, то американцамъ, если не американцамъ, то слѣдующимъ за ними — кому бы ни было, но скоро суждено опять влить въ жилы Японіи тѣ здоровые соки, которые она самоубійственно выпустила, вмѣстѣ съ собственною кровью, изъ своего тѣла, и одряхлѣла въ безсиліи и мракѣ жалкаго дѣтства.

Я не разъ упомянулъ о *разрѣзываніи брюха*. Кажется, теперь этотъ обычай употребляется рѣже. Послѣ нашего прихода, когда правительство убѣдится, что и ему самому,

не только подданнымъ, придется измѣнить многое у себя, конечно, будутъ пороть брюхо еще рѣже. А вотъ пока что говоритъ объ этомъ обычаѣ мой ученый источникъ, изъ котораго я привелъ нѣкоторыя мѣста въ началѣ этого письма.

«Какимъ же образомъ тое отправляется, какъ себѣ чрево распарывать, такимъ: собираютъ своихъ родителей и вмѣстѣ идутъ въ пагодъ, посреди того пагода постилаютъ цыновки и ковры, на тѣхъ садятся и пиршествуютъ, на прощаніи ядятъ иждивительно и сладко, а пьютъ много. И какъ уже пиръ окончится, тотъ, который долженъ умереть, вставаетъ и разрѣзывается накрестъ, такъ что его внутренняя вся вонъ выходятъ. Которыя жъ смѣляе, то, по такомъ дѣйствіи, и глотку себѣ перерѣзываютъ. Думаю, что разныхъ образцовъ, какъ себѣ чрево распарывать, между ими болѣ до пять-десяти восходитъ».

Кажется, иностранцамъ, если только уступитъ правительство, съ японскимъ народомъ собственно не будетъ большихъ хлопотъ. Онъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообщеніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ переводчиковъ, обращавшихся съ европейцами, охаютъ, какъ я писалъ, отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной. Низшій классъ тоже съ завистью и удивленіемъ поглядываетъ на наши суда, на людей, проситъ у насъ вина, пьетъ жадно водку, хватаетъ брошенный кусокъ хлѣба, съ дѣтскимъ любопытствомъ вглядывается въ бездѣлки, ловитъ на лету въ своихъ лодкахъ какую-нибудь тряпку, прячетъ. Къ намъ подъѣхала недавно лодка: въ ней были два гребца, а на носу небрежно лежалъ хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати. Видно, что онъ выпросился погулять, посмотрѣть корабль и другихъ людей. Гребцы, по обыкновенію, хватали все, что имъ ни бросали, но не ѣли, а подавали ему: онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и пряталъ. Имъ

спустили на веревкѣ бутылку вина, водки, дали сухарей, конфетъ—все брали. Да и высшій классъ, кажется, тяготился отчужденіемъ отъ міра и своей сонной и безплодной жизнью. Кто-то изъ переводчиковъ проговорился намъ, что, въ пріѣздъ Резанова, въ ихъ верховномъ совѣтѣ только двое, изъ семи или восьми членовъ, подали голосъ въ пользу сношеній съ европейцами, а теперь только два голоса говорятъ противъ этого. Кликни только кличъ — и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы. Они общежительны, охотно увлекаются новизной; и не преслѣдуй у нихъ шпіоны, какъ контрабанду, каждое прошептанное съ иностранцами слово, обмѣненный взглядъ, наши суда сейчасъ же, безъ всякихъ трактатовъ, завалены бы были всевозможными товарами, безъ помощи Сіогуна, который всѣ барыши беретъ себѣ, нужды нѣтъ, что Японія, по словамъ властей, страна бѣдная и торговать будто бы ей нечѣмъ.

Сколько у нихъ жизни кроется подъ этой апатіей, сколько веселости, игривости! Куча способностей, дарованій — все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; напримѣръ, тяжелой, педантической, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всемъ разспрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Едо голландскіе путешественники разсказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобъ заимствовать что-нибудь новое и полезное. Между тѣмъ китайскій ученый не смѣетъ даже выразить свою мысль живымъ, употребительнымъ языкомъ: это запрещено; онъ долженъ выражаться, какъ показано въ книгахъ. Если японцы и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое

лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда какъ у китайцевъ, по разсказамъ, этого нѣтъ. Рѣшительно японцы—французы, китайцы—нѣмцы здѣшнихъ мѣстъ.

Но пока имъ не растолковано, и особенно не доказано, что имъ хотятъ добра, а не зла, они боятся перемѣнъ, хотя и желаютъ, не довѣряютъ чужимъ и ведутъ себя, какъ дѣти. Они теперь мечутся, мѣряютъ орудія, когда они на нихъ наведены, хотятъ въ одну минуту выучиться строить батареи, лить пушки, ядра, и даже — стрѣлять. Они не понимаютъ, что Россія не была бы Россіей, Англія—Англіей, въ торговлѣ, войнѣ и во всемъ, если бъ каждую заперли на замокъ. Не дѣти ли, когда думали, что имъ довольно только не хотѣть, такъ ихъ и не тронутъ, не пойдутъ къ нимъ даже и тогда, если они, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и брошенныхъ на ихъ берега иностранцевъ, будутъ сажать въ плѣнъ, купеческія суда гонять прочь, а военныя учтиво просить уйти и не приходить? Они думали, что и все такъ будетъ, что не доберутся до нихъ, не захотятъ, или не смогутъ.

Вотъ они теперь ссылаются на свои законы, обычаи, полагая, что этого довольно, что все это будетъ уважено безусловно, несмотря на то, что сами они не хотѣли знать и слышать о чужихъ законахъ и обычаяхъ. За настойчивостью кроется страхъ, что мы не послушаемъ, не исполнимъ ихъ капризовъ. Имъ хочется отказать въ требованіяхъ, но хочется и узнать, что имъ за это будетъ: въ самомъ ли дѣлѣ будутъ драться и больно ли? Ужели не пощадятъ ихъ? Кажется, нѣтъ — и пожалуй припомнятъ все: пролитую кровь христіанъ, оскорбленіе посланниковъ, тюрьмы плѣнныхъ, грубости, надменность, чванство. Еще дѣла не начались, а на Лю-Чу, въ прихожей у порога, и въ Китаѣ также, стоитъ нетерпѣливо, какъ у долго не отпирающихся дверей, толпа миссіонеровъ: они ждутъ не дождутся, когда настанетъ пора возстановить дерзко-поверженный крестъ...

А нечего дѣлать японцамъ противъ кораблей: у нихъ, кромѣ лодокъ, ничего нѣтъ. У этихъ лодокъ, какъ и у китайскихъ джонокъ, паруса изъ цыновокъ, очень мало изъ холста, да еще открытая корма: оттого они и ходятъ только у береговъ. Кемпферъ говоритъ, что въ его время, Сіогунъ запретилъ строить суда иначе, чтобъ они не ѣздили въ чужія земли. «Нечего, дескать, имъ тамъ дѣлать».

Но я забылъ, что насъ ждетъ Овосава-Бунгоно-Ками-Сама, нагасакскій губернаторъ. Мы остановились на крыльцѣ, а караулъ и музыканты на дворѣ. Въ сѣняхъ, или первой комнатѣ, устланной бѣлыми цыновками, мы увидѣли и нашихъ переводчиковъ. Впереди всѣхъ былъ Кичибе. Ужъ онъ маялся отъ нетерпѣнія: ему, повидимому, давно хотѣлось очнуться отъ своей неподвижности, посуетиться, поговорить, пошумѣть и побѣгать. Только что мы на крыльцо, онъ вскочилъ, началъ кланяться, скалилъ зубы и усердно показывалъ рукой на амфиладу комнатъ, приглашая идти. Тутъ началась церемонія надѣванья коленкоровыхъ башмаковъ. Мы натаскивали, натаскивали съ Ѳаддеевымъ, едва натащили. Я не узналъ Ѳаддеева: весь въ красномъ, въ ливреѣ, съ стоячимъ воротникомъ, на вытяжкѣ, а лицо на сторону — неподражаемъ! Онъ числился при адмиральской каютѣ, съ откомандированіемъ, для прислуги, ко мнѣ.

Мы пошли по комнатамъ: съ одной стороны, заклеенная, вмѣсто стеколъ, бумагой, оконная рама доходила до полу, съ другой, подвижныя бумажныя, разрисованныя и весьма не дурно, или сдѣланныя изъ позолоченной и посеребренной бумаги, ширмы, такъ что не узнаешь, одна ли это огромная зала, или нѣсколько комнатъ.

Въ глубинѣ залъ сидѣли, въ нѣсколько рядовъ, тѣсной кучей, на пяткахъ человѣческія фигуры, въ богатыхъ платьяхъ, съ комическою важностью. Ни бровь, ни глазъ не шевелились. Не слышно и не видно было, дышатъ ли, мигаютъ ли эти фигуры, живыя ли онѣ наконецъ? И сколько

ихъ! Вотъ цѣлые ряды въ большой комнатѣ; вотъ двѣ массивныя фигуры сѣдыхъ стариковъ посажены въ маленькомъ проходѣ, какъ фарфоровыя куклы; далѣе тянутся опять длинныя шеренги. Тутъ и молодые, и старые, съ густыми и жиденькими косичками, похожими на крысій хвостъ. Какія лица, какія выраженія на нихъ! Ни одна фигура не смотритъ на насъ, не слѣдитъ съ жаднымъ любопытствомъ за нами, а вѣдь этого ничего не было у нихъ сорокъ лѣтъ, и почти никто изъ нихъ не видалъ другихъ людей, кромѣ подобныхъ себѣ. Между тѣмъ всѣ они уставили глаза въ стѣну, или въ полъ, и, кажется, побились объ закладъ о томъ, кто сдѣлаетъ лицо глупѣе. Всѣ, болѣе или менѣе, успѣли въ этомъ; многіе, конечно, неумышленно.

Общій видъ картины былъ оригиналенъ. Я былъ какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ страннымъ, фантастическимъ зрѣлищемъ. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. «Башмаки, башмаки!» слышу вдругъ чей-то шопотъ. Гляжу—на мнѣ сапоги. А гдѣ башмаки? «Еще за три комнаты оставилъ», говорятъ мнѣ. Я увлекся и не замѣтилъ. Я назадъ: въ самомъ дѣлѣ, коленкоровые башмаки лежали на полу. Сидѣвшія въ этой комнатѣ фигуры продолжали сидѣть такъ же смирно, и безъ насъ, какъ при насъ; онѣ и не взглянули на меня. Догоняю товарищей, но отсталыхъ не я одинъ: то тотъ, то другой наклонится и подбираетъ башмаки. Наконецъ, входимъ въ залу, свѣтлѣе и больше другихъ: справа стоялъ, въ нишѣ, золоченый, большой лукъ: знакъ ли это губернаторскаго сана, или такъ, украшеніе — я добиться не могъ. Зала, какъ и всѣ прочія комнаты, устлана была до того мягкими цыновками, что идешь какъ по тюфяку. Здѣсь эффектъ сидящихъ на полу фигуръ былъ еще ярче. Я насчиталъ ихъ тридцать.

Въ одно время съ нами показался въ залу и «Овосава-Бунгоно-Ками-Сама», высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ, строгимъ и довольно умнымъ вы-

раженіемъ въ лицѣ. Овосава — это имя, Бунго-но — нѣчто въ родѣ фамиліи, которая, кажется, дается, какъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, отъ владѣній, помѣстьевъ, или земель, по крайней мѣрѣ такъ у высшаго сословія. Частица *но* повторяется въ большей части фамилій и есть, кажется, не что иное, какъ грамматическая форма. *Ками*—почетное названіе, въ родѣ нашего *и кавалеръ; Сама*—господинъ, титулъ, прибавляемый сзади именъ всѣхъ чиновныхъ лицъ.

Мы взаимно раскланялись. Кланяясь, я случайно взглянулъ на ноги — проклятыхъ башмаковъ нѣтъ какъ нѣтъ: они лежатъ подлѣ сапогъ. Опираясь на руку Б. К., которую онъ протянулъ мнѣ изъ состраданія, я съ трудомъ напялилъ ихъ на ноги. «Не хорошо», прошепталъ Б. и засмѣялся слышнымъ только мнѣ да ему смѣхомъ, похожимъ на кашель. Я, вмѣсто отвѣта, показалъ ему на его ноги: онѣ были безъ башмаковъ. «Не хорошо», прошепталъ я, въ свою очередь.

А между тѣмъ губернаторъ, послѣ первыхъ привѣтствій, просилъ передать ему письмо, и указывая на стоявшій на столикѣ, маленькій лакированный ящикъ, предложилъ положить письмо туда.

Тутъ бы слѣдовало, кажется, говорить о дѣлѣ, но губернаторъ просилъ прежде *отдохнуть*, Богъ вѣдаетъ, отъ какихъ подвиговъ, и потомъ уже возобновить разговоръ, а самъ скрылся. Первая часть свиданія прошла, по уговору, стоя.

Въ *отдыхальнѣ*, какъ мы прозвали комнату, въ которую насъ повели и черезъ которую мы проходили, уже не было никого: сидящія фигуры убрались вонъ. Тамъ стояли привезенные съ нами кресло и четыре стула. Мы тотчасъ же и расположились на нихъ. А кому недостало, тѣ присутствовали тутъ же, стоя. Нечего и говорить, что я пришелъ въ отдыхальню безъ башмаковъ: они остались въ пріемной залѣ, куда я долженъ былъ сходить за ними. Наконецъ, я положилъ ихъ въ шляпу и дѣло тамъ и осталось.

За нами вслѣдъ, шумной толпой, явились знакомыя лица — переводчики: они ринулись на полъ и въ три ряда усѣлись по-своему. Мы завели съ ними разговоръ. «У васъ стеколъ нѣтъ вовсе въ рамахъ?» спросилъ К. Н. П. «Нѣтъ», былъ отвѣтъ. «У васъ всѣ дома въ одинъ этажъ, или бываютъ въ два этажа?» спрашивалъ П. «Бываютъ въ два», отвѣчалъ Кичибе и поглядѣлъ на Льоду. «И въ три», сказалъ тотъ и поглядѣлъ на Садагору.—«Бываютъ тоже и въ пять», сказалъ Садагора. Мы засмѣялись. «Часто у васъ бываютъ землетрясенія?» спросилъ П. «Да, бываютъ», отвѣчалъ Садагора, глядя на Льоду. «Какъ часто: въ десять, или двадцать лѣтъ?» «Да, и въ десять, и въ двадцать лѣтъ бываютъ», сказалъ Льода, поглядывая на Кичибе и на Садагору. «Горы разсѣдаются и дома падаютъ», прибавилъ Садагора. И въ этомъ тонѣ продолжался весь разговоръ.

Вдругъ изъ дверей явились, одинъ за другимъ, двѣнадцать слугъ, по числу гостей; каждый несъ обѣими руками чашку съ чаемъ, но безъ блюдечка. Подойдя къ гостю, слуга ловко падалъ на колѣни, кланялся, ставилъ чашку на полъ, за неимѣніемъ столовъ и никакой мебели въ комнатахъ, вставалъ, кланялся и уходилъ. Ужасно неловко было тянуться со стула къ полу въ нашемъ платьѣ. Я протягивалъ то одну, то другую руку, и насилу досталъ. Чай отличный, какъ желтый китайскій. Онъ густъ, крѣпокъ и ароматенъ, только безъ сахару.

Опять появились слуги: каждый несъ лакированную, деревянную подставку, съ трубкой, табакомъ, маленькой глиняной жаровней, съ горячими углями и пепельницей, и тѣмъ же порядкомъ ставили передъ нами. Съ этимъ еще было труднѣе возиться. Японцамъ хорошо, сидя на полу и въ просторномъ платьѣ, продѣлывать всѣ эти штуки: набивать трубку, закуривать углемъ, вытряхивать пепелъ: а намъ каково со стула? Я опять вспомнилъ угощеніе *Лисицы* и *Журавля*.

Хотя табакъ японскій былъ намъ уже извѣстенъ, но мы сочли долгомъ выкурить по трубкѣ, если только можно назвать трубкой эти наперстки, въ которые не помѣстится щепотки нюхательнаго, не то что курительнаго табаку. Кажется, я выше сказалъ, что японскій табакъ чрезвычайно мягокъ и крошится длинными волокнами. Онъ такъ мелокъ, что въ пачкѣ, съ перваго взгляда, похожъ на кучку какой-то темно-красной пыли.

Кичибе суетился: то побѣжитъ въ пріемную залу, то на крыльцо, то опять къ намъ. Между прочимъ онъ пришелъ спросить, можно ли позвать музыкантовъ *отдохнуть*. «Хорошо, можно», отвѣчали ему, и въ то же время послали офицера предупредить музыкантовъ, чтобъ они больше одной рюмки вина не пили.

Только-что мы перестали курить, явились опять слуги, каждый съ деревяннымъ, гладко отесаннымъ и очень красивымъ, хотя и простымъ ящикомъ. Поставили передъ нами по ящику: кто постарше, тѣмъ на ножкахъ, прочимъ безъ ножекъ. Открываемъ—конфеты. Большой кусокъ чего-то въ родѣ торта, потомъ густое, какъ тѣсто, желе, сложенное въ видѣ сердечка; далѣе, рыбка изъ дрянного сахара, крашенная и намазанная какимъ-то масломъ; наконецъ, мелкія, сухія конфеты: обсахаренные плоды, и между прочимъ, морковь. Не правда ли, отчаянная смѣлость въ дѣлѣ кондитерскаго искусства? А ничего, недурно: если, на основаніи извѣстной у насъ въ народѣ поговорки, можно «съѣсть и обсахаренную подошву», то морковь, конечно, и подавно! Да, взаперти многаго не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная отъ вареной въ сахарѣ моркови до пороху включительно, что и доказали китайцы и японцы выдумавъ и то, и другое.

Наконецъ, не знаю въ который разъ, вбѣжавшій Кичибе объявилъ, что если мы *отдохнули*, то губернаторъ ожидаетъ насъ, то-есть, если устали, хотѣлъ онъ вѣрно сказать. Въ

самомъ дѣлѣ устали отъ праздности. Это у нихъ называется дѣло дѣлать. Мы пошли опять въ пріемную залу и начался разговоръ.

Прежде всего сѣли на перенесенныя въ залу кресла, а губернаторъ на маленькое возвышеніе, на четверть аршина отъ пола. Кичибе и Льода, оба лежали подлѣ нашихъ стульевъ, касаясь лбомъ пола. Было жарко, крупныя капли пота струились по лицу Кичибе. Онъ выслушивалъ слова губернатора, бросая на него съ полу почтительный и, какъ выстрѣлъ, пронзительный взглядъ, потомъ приподнималъ голову, переводилъ намъ и опять ложился лбомъ на полъ. Льода лежалъ все время такъ, и только исподлобья бросалъ такіе же пронзительные взгляды то на губернатора, то на насъ. Старшій былъ Кичибе, а Льода присутствовалъ только для повѣрки перевода, и, наконецъ, для того, что въ одиночку они ничего не дѣлаютъ. Кругомъ, ровнымъ бордюромъ вдоль стѣнъ, сидѣли на пяткахъ всѣ чиновники и свита губернатора.

Воцарилось глубочайшее молчаніе. Губернаторъ вынулъ изъ лакированнаго ящика бумагу и началъ читать чуть слышнымъ голосомъ, но внятно. Только-что онъ кончилъ, одинъ старикъ лѣниво всталъ изъ ряда сидѣвшихъ по правую руку, подошелъ къ губернатору, сталъ, или, вѣрнѣе, палъ на колѣни, съ поклономъ принялъ бумагу, подошелъ къ Кичибе, опять палъ на колѣни, безъ поклона подалъ бумагу ему и сѣлъ на свое мѣсто.

Послѣ этого вдругъ раздался крикливый, жесткій, какъ карканье вороны, голосъ Кичибе: онъ по-голландски передалъ содержаніе бумаги намъ. Смѣяться онъ не смѣлъ, но втягивалъ воздухъ въ себя; гримасамъ и всхлипываньямъ не было конца.

Въ бумагѣ заключалось согласіе Горочью принять письмо. Только-было, на вопросъ адмирала, я разинулъ ротъ отвѣчать, какъ губернаторъ взялъ другую бумагу, такимъ же

порядкомъ прочелъ ее; тотъ же старикъ, секретарь, взялъ и передалъ ее, съ тѣми же церемоніями, Кичибе. Въ этой второй бумагѣ сказано было, что «письмо будетъ принято, но что скораго отвѣта на него быть не можетъ».

Оно покажется не логично, не прочитавши письма, сказать, что скораго отвѣта не можетъ быть. Такъ, но имѣя дѣло съ японцами, надо отчасти на время отречься отъ европейской логики и помнить, что это крайній Востокъ. Я выше сказалъ, что они народъ не закоренѣлый безъ надежды и упрямый: напротивъ, логичный, разсуждающій и способный къ принятію другихъ убѣжденій, если найдетъ ихъ нужными. Это справедливо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые имъ извѣстны по опыту; тамъ же, напротивъ, гдѣ для нихъ все ново, они медлятъ, высматриваютъ, выжидаютъ, хитрятъ. Не правы ли они до нѣкоторой степени? Отъ европейцевъ добра видѣли они пока мало, а зла много: оттого и самое отчужденіе ихъ логично. Португальскіе миссіонеры привезли имъ религію, которую многіе японцы довѣрчиво приняли и исповѣдывали. Но ученики Лойолы привезли туда и свои страстишки: гордость, любовь къ власти, къ золоту, къ серебру, даже къ превосходной японской мѣди, которую вывозили въ невѣроятныхъ количествахъ, и вообще всякую любовь, кромѣ христіанской. Вамъ извѣстно, что было слѣдствіемъ этого: варѳоломеевскія ночи и отчужденіе отъ свѣта.

Но если вспомнить, что дѣлалось въ эпоху младенчества нашихъ старыхъ государствъ, какъ встрѣчали всякую новизну, которой не понимали, всякое открытіе, какъ жгли лѣкарей, преслѣдовали физиковъ и астрономовъ, то едва ли японцы не болѣе своихъ просвѣтителей заслуживаютъ снисхожденія въ упрямомъ желаніи отдѣлаться отъ иноземцевъ. Удивительно ли послѣ этого, что осторожность и боязнь повторенія старыхъ золъ, отдалили ихъ отъ насъ, помѣшали имъ вырасти, и что у нихъ осталась только ихъ природная

[illegible] нѣсколько опытовъ, давшихъ имъ фальшивое [illegible] всѣмъ, что носитъ названіе образован-

[illegible] бумаги, я всматривался въ лица губернатора [illegible] придворныхъ, занимаясь сортировкою физіономій, на [illegible] живыя, вовсе глупыя, или только затупѣлыя, [illegible] недостатка умственнаго движенія. Было также нѣ[illegible] загадочныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ лицъ. У многихъ въ глазахъ прятался огонь, хотя они и смотрѣли, по [illegible] положенію, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти [illegible] страсти, непробужденныя и нетронутыя желанія, вмѣсто которыхъ выглядывало дѣтское притворство, или крайняя неловкость. У нихъ, кажется, въ обычаѣ казаться при старшемъ какъ можно глупѣе, и оттого тутъ было много лицъ, глупыхъ изъ почтенія. Если губернаторъ и казался умнѣе прочихъ, такъ это, можетъ-быть, потому, что онъ былъ старше всѣхъ. А въ Едо вѣрно и онъ кажется глупъ. Одно лицо забавнѣе другого.

Вонъ и всѣ наши пріятели: Баба Городзаймонъ, напримѣръ, его узнать нельзя: онъ, изъ почтенія, даже похудѣлъ немного. Чиновники сидѣли, едва смѣя дохнуть, и такъ ровно, какъ будто во фронтѣ. Напрасно я хочу поздороваться съ кѣмъ-нибудь глазами: ни Самбро, ни Ойе-Саброски, ни переводчики, не показываютъ вида, что замѣчаютъ насъ.

Впрочемъ, въ ихъ уваженіи къ старшимъ я не замѣтилъ страха, или подобострастія: это дѣлается у нихъ какъ-то проще, искреннѣе, съ теплотой, почти, можно сказать, съ любовью, и оттого это не непріятно видѣть. Что касается до лежанья на полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняютъ они въ торжественныхъ случаяхъ, то, вѣроятно, это, если не комедія, то балетъ въ восточномъ вкусѣ, во всякомъ случаѣ спектакль, представленный для насъ. Должно-быть, и японцы въ другое время не си-

дятъ точно одурѣлые, или какъ фигуры воскового кабинета, не дѣлаютъ такихъ глупыхъ лицъ и не валяются по полу, а обходятся между собою проще и искреннѣе, какъ и мы не таскаемъ же между собой вездѣ караулъ и музыку. Такъ думалось мнѣ, и мало ли что думалось!

Еще мнѣ понравилось въ этомъ собраніи шелковыхъ халатовъ, юбокъ и мантилій отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ красокъ. Ни одного цѣльнаго цвѣта, краснаго, желтаго, зеленаго: все смѣсь, нѣжные, смягченные тоны того, другого, или третьяго. Не вѣрьте картинкамъ, на которыхъ японцы представлены какими-то попугаями. И простой народъ здѣсь не похожъ костюмами на ту толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которую я видѣлъ на одной плантаціи въ Сингапурѣ. Тамъ я пораженъ былъ смѣсью яркихъ платьевъ на малайцахъ и индійцахъ, и счелъ ихъ за какое-то собраніе птицъ въ кабинетѣ натуральной исторіи. Здѣсь, въ толпѣ низшаго класса, въ большинствѣ, во-первыхъ, бросается въ глаза нагота, какъ я сказалъ, а потомъ преобладаетъ какой-нибудь одинъ цвѣтъ, но не изъ яркихъ, большею частью, синій. Въ платьяхъ же другихъ, высшихъ классовъ, допущены всѣ смѣшанные цвѣта, но съ большою строгостью и вкусомъ въ выборѣ ихъ.

Пробѣгая глазами только по платьямъ и не добираясь до этихъ бритыхъ головъ, тупыхъ взглядовъ и выдавшихся верхнихъ челюстей, я забывалъ, гдѣ сижу: вмѣсто крайняго востока какъ будто на крайнемъ западѣ: цвѣта въ туалетѣ— какъ у европейскихъ женщинъ. Я замѣтилъ не болѣе пяти штофныхъ, и то неяркихъ юбокъ, у стариковъ; у прочихъ, у кого гладкая, сѣрая, или дикаго цвѣта юбка, у другихъ темносиняго, цвѣта Adelaide, vert de gris, vert de pomme, словомъ, всѣ наши новѣйшіе модные цвѣта, couleurs fantaisie, были тутъ.

Губернаторъ былъ въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, репсѐе, съ темными тоненькими полосками. Мантилья его по-

кроемъ отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе: послѣдніе, у кисти руки, широки; все вмѣстѣ похоже на мантильи нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія-то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльевъ. Это, какъ я узналъ послѣ, полупарадный костюмъ, соотвѣтствующій нашимъ вицъ-мундирамъ. Скажите, думалъ ли я, думали ли вы, что мнѣ придется писать о японскихъ модахъ?

Обычай сидѣть на пяткахъ происходитъ у нихъ будто бы, какъ я читалъ гдѣ-то, оттого, что восточные народы считаютъ неприличнымъ показывать ноги, особенно передъ высшими лицами. Не думаю: по крайней мѣрѣ, сидя на нашихъ стульяхъ, они безъ церемоніи выказываютъ голыя ноги выше, нежели нужно, и нисколько этимъ не смущаются. Пусть они не считаютъ насъ за старшихъ, но они воздерживались бы отъ этого по привычкѣ, если бъ она у нихъ была. Вся разница въ восточной манерѣ сидѣть отъ нашей произошла, кажется, отъ простой и самой естественной причины. Въ Европѣ не жарко: мы ищемъ свѣта и строимъ дома съ большими окнами, сидимъ на возвышеніяхъ, чтобъ быть ближе къ свѣту; намъ нужны стулья и столы. Въ Азіи, напротивъ, прячутся отъ солнца: отъ этого окошекъ почти нѣтъ. Зачѣмъ же имъ въ полупотемкахъ громоздиться на какихъ-то хитро-придуманныхъ подставкахъ, когда сама природа указываетъ возможность сѣсть тамъ, гдѣ стоишь? А если приходится сидѣть, обѣдать, бесѣдовать, заниматься дѣломъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ ходишь, то, разумѣется, пожелаешь, чтобъ ноги были у всѣхъ чисты. Отъ этого на востокѣ, при входѣ, и надо снять туфли или сандаліи. Самые земные поклоны у нихъ происходятъ отъ обычая сидѣть на пяткахъ. Стоять передъ старшимъ или передъ гостемъ, по ихъ обычаю, неучтиво: они, встрѣчая гостя, сейчасъ опускаются на полъ, а сидя на полу какъ же можно иначе поклониться почтительно, какъ не до земли?

Съ какой холодной важностью и строгостью въ лицѣ, съ какимъ достоинствомъ говорилъ губернаторъ, глядя полусурово, но съ любопытствомъ, на насъ, на новыя для него лица, манеры, прически, на шитые золотомъ и серебромъ мундиры, на наше открытое и свободное между собой обращеніе! Мы скрадывали невольныя улыбки, глядя, какъ онъ старался поддержать свое, истинно японское достоинство.

Но это длилось недолго. Вдругъ, когда онъ сталъ объяснять, почему скоро нельзя получить отвѣта изъ Едо, приводя, между причинами, разстояніе, адмиралъ сдѣлалъ ему самый простой и естественный вопросъ: «а если мы сами пойдемъ въ Едо моремъ, на своихъ судахъ: дѣло значительно ускорится? Мы, при хорошемъ вѣтрѣ, можемъ быть тамъ въ какую-нибудь недѣлю. Какъ онъ думаетъ?» Какая вдругъ перемѣна съ губернаторомъ: что съ нимъ сдѣлалось? куда дѣлся торжественный, сухой и важный тонъ и гордая мина? Его японское превосходительство смутился. Онъ вдругъ снизошелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть; потомъ склонилъ немного голову на лѣвую сторону, и съ умильной улыбкой, мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, говорилъ тихо и долго. «Хи, хи, хи!» слышалось только изъ Кичибе, который, какъ груда какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверхъ дномъ шлюпку, лежалъ на полу, судорожно подергиваясь отъ этого, всѣмъ существомъ его произносимаго *хи*. Губернаторъ говорилъ, что «*японскому глазу больно* видѣть чужія суда въ двухъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасаки; что отвѣта мы тѣмъ не ускоримъ, когда пойдемъ сами» и т. п.

Послѣ «дѣлового» разговора начались взаимныя учтивости. Съ обѣихъ сторонъ увѣряли, что очень рады познакомиться. Мы не лгали: намъ въ самомъ дѣлѣ любопытно было видѣть губернатора, тѣмъ болѣе, что мы мѣсяцъ не сходили

съ фрегата, и во всякомъ случаѣ видѣли въ этомъ развлеченіе. Но за г. Овосаву можно было поручиться, что въ немъ въ эту минуту сидѣлъ самъ отецъ лжи, дьяволъ, къ которому онъ насъ, конечно, и посылалъ мысленно. Говорятъ, не въ пору гость хуже татарина: въ этомъ смыслѣ, русскіе были для него дѣйствительно хуже татаръ. Я сказалъ выше, что Овосавѣ оставалось всего какихъ-нибудь два мѣсяца до отъѣзда, когда мы пріѣхали. Событіе это, т.-е. нашъ приходъ, такъ важно для Японіи, что правительство сочло необходимымъ присутствіе обоихъ губернаторовъ въ Нагасаки. Не правда ли, что Овосава Бунгоно имѣлъ причину сѣтовать на наше посѣщеніе?

Послѣ размѣна учтивостей, губернаторъ всталъ и хотѣлъ было уходить, но адмиралъ предложилъ еще нѣкоторые вопросы. Губернаторъ просилъ отложить ихъ до другого времени, опасаясь, конечно, всякихъ вопросовъ, на которые, безъ разрѣшенія изъ Едо, не зналъ, что отвѣчать. Онъ раскланялся и скрылся. Мы пошли назадъ. За нами толпа чиновниковъ и переводчиковъ. Тутъ былъ и Баба Городзаймонъ. «Здравствуй Баба!» сказалъ я, ужъ не помню, на какомъ языкѣ. Онъ привѣтливо кивнулъ головой. Тутъ мы видѣли его чуть ли не въ послѣдній разъ. Его въ тотъ же день услали съ нашимъ письмомъ въ Едо. Онъ былъ счастливъ: онъ тоже отслужилъ годичный срокъ и готовился уѣхать съ губернаторомъ къ семейству, въ объятія супруги, а можетъ быть и супругъ: у нихъ многоженство не запрещено.

Проходя чрезъ *отдыхальню*, мы были остановлены переводчиками. Они заступили намъ дорогу и просили покушать. Въ комнатѣ стоялъ большой, прекрасно сервированный столъ, установленный блюдами, бутылками всѣхъ формъ, съ мадерой, бордо, и чего-чего тамъ не было! И все на европейскій ладъ. Вѣроятно, столъ, посуда и вина, а можетъ-быть и кушанья, взяты были у голландцевъ. Адмиралъ приказалъ

повторить свое неизбѣжное условіе, то-есть, чтобъ губернаторъ участвовалъ въ завтракѣ. Кичибе, кланялсь, разводилъ руками, давился судорожнымъ смѣхомъ, и все двигался къ столу, усердно приглашая и насъ. Другіе не отставали отъ него, улыбались, присѣдали—все напрасно. Мы покосились на завтракъ, но твердо прошли мимо, не слушая переводчиковъ. Едва мы вышли на крыльцо, музыка заиграла, караулъ отдалъ честь полномочному, и мы въ прежнемъ порядкѣ двинулись къ пристани.

На пристани, вдругъ вижу въ рукахъ у Ѳаддеева, и у прочихъ нашихъ слугъ, тѣ самые 'ящики съ конфетами, которые ставили передъ нами.—«Что это у тебя?» спросилъ я.—«Коробки какія-то».—«Гдѣ ты взялъ?»—«Китаецъ далъ... то бишь, японецъ».—«Зачѣмъ?»—«Не могу знать».—«Зачѣмъ же ты бралъ, когда не знаешь?»—«Отчего не взять? Онъ сказалъ: на, вотъ, возьми, отнеси домой, господамъ».—«Какъ же онъ тебѣ сказалъ, на какомъ языкѣ?»—«По-своему».—«А ты понялъ?»—«Понялъ, ваше высокоблагородіе. Чего не понять? говоритъ, да даетъ коробки, такъ значитъ: отнеси господамъ».

Вонъ этотъ ящикъ стоитъ и теперь у меня на комодѣ. Хотя разрушительная десница Ѳаддеева уже коснулась его, но онъ можетъ доѣхать, пожалуй, до Россіи. Въ немъ лежитъ пока табакъ, японскій же.

— Чего вамъ дали?—спросили мы музыкантовъ на пристани.

— По рюмкѣ воды, — угрюмо отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Не-уже-ли?—спросилъ кто-то.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Что жъ вы?

— Выпили.

— Зачѣмъ же?

— Мы думали, что это... не вода.

— Да можетъ-быть вода-то хорошая?—спросилъ я.

— Нешто: лучше морской,—отвѣчалъ одинъ.

— Это полезно для здоровья,—замѣтилъ я.

Трезвые артисты кинули на меня нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Матросы долго не давали прохода музыкантамъ, напоминая имъ японское угощеніе.

Едва мы тронулись въ обратный путь, японскія лодки опять бросились за нами съ крикомъ «оссиньянъ», взапуски, стараясь перегнать насъ, и опять напрасно.

ДНЕВНИКЪ

съ 15 сентября по 11 ноября.

15 и 16 сентября. Вчера пріѣзжали японцы, вызванные нами: два ошер-баніоса. Ихъ побранили за то, что лодки японскія осмѣливаются становиться близко; сказали, что будемъ насильно отбуксировывать ихъ дальше и ѣздить кататься за линію лодокъ. Нашъ транспортъ облѣпили лодки, съ разспросами, гдѣ онъ былъ, да долго ли, и т. п. Мало этого: переводчики пріѣхали еще къ намъ, вызвали П-та изъ-за обѣда узнать, правду ли объявили имъ. Онъ разсердился и сказалъ, чтобъ они объ этомъ впередъ не спрашивали, что они во зло употребляютъ наше снисхожденіе. Сегодня были японцы съ отвѣтомъ отъ губернатора, что если мы желаемъ, то можемъ стать на внутренній рейдъ, но не очень близко къ берегу, потому что будто бы помѣшаемъ движенію японскихъ лодокъ на пристани. Говорятъ, сегодня пріѣхалъ новый губернаторъ на смѣну *Овосава Бунгоно*. Новаго зовутъ *Мизно Чикогоно Ками Сама*. У насъ былъ еще новый, пріѣхавшій изъ Едо же, переводчикъ, *Эйноске*. Я спалъ и не видалъ никого. Пріѣзжіе и вида не показываютъ, что американцы были у нихъ въ Едо. Они думаютъ, что мы и не знаемъ объ этомъ; что вообще въ Европѣ, какъ у нихъ, можно утаить, что, напримѣръ, цѣлая эскадра идетъ куда-нибудь, или что одно государство можетъ не знать,

что другое воюетъ съ третьимъ. Адмиралъ хочетъ посылать транспортъ опять въ Шанхай, узнать: война или миръ въ Европѣ?

А тепло, хорошо; дѣдъ два раза лукаво заглядывалъ въ мою каюту.—«У васъ опять тепло», говорилъ онъ утромъ: «а то-было засвѣжѣло». А у меня жарко до духоты. — «Отлично, тепло!» говоритъ онъ обыкновенно, войдя ко мнѣ и отирая потъ съ подбородка. Въ самомъ дѣлѣ 21° по Реом. тепла въ тѣни.

17-го. Весь день и вчера всю ночь писали бумаги въ Петербургъ: не до посѣтителей было, между тѣмъ они пріѣзжали опять предложить намъ встать на внутренній рейдъ. Имъ сказано, что хотимъ стать дальше, нежели они указали. Они поѣхали предупредить губернатора и завтра хотѣли быть съ отвѣтомъ. О берегѣ все еще ни слова: выжидаютъ; не уйдемъ ли. Вѣроятно, губернатору велѣно не отводить мѣста, пока въ Едо не прочтутъ письма изъ Россіи и не узнаютъ, въ чемъ дѣло, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, и на берегъ выходить не понадобится.

18, 19, 20-го.—Пріѣхали *гокейнсы* и переводчики: одинъ гокейнсъ—новый, съ глупымъ лицомъ, пріѣхавшій съ другимъ губернаторомъ изъ Едо. Я познакомился съ новымъ переводчикомъ Эйноске. Онъ говоритъ по-англійски очень мало, но понимаетъ почти все. Онъ научился у голландцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые знаютъ англійскій языкъ. Эйноске учится немного и по-французски. Онъ сказалъ, что у него много книгъ, большею частью голландскихъ; есть и французскія. По-голландски онъ, по словамъ П-та, знаетъ хорошо. Они привезли приглашеніе стать на рейдъ, гдѣ мы хотѣли; даже усердно приглашали, настаивали, чтобъ фрегатъ со второго рейда перешелъ въ проходъ, ведущій на ближайшій къ Нагасаки рейдъ. Адмиралъ, напротивъ, хотѣлъ, чтобъ суда наши растянулись и чтобъ корветъ сталъ при входѣ на внутренній рейдъ, шкуна и транспортъ помѣ-

стились въ самомъ проходѣ, а фрегатъ остался бы на второмъ рейдѣ, который нужно было удержать за собой. Иначе, лишь только фрегатъ вошелъ бы въ проходъ, японцы выстроили бы линію изъ своихъ лодокъ позади его и загородили бы намъ второй рейдъ, на которомъ нельзя было бы кататься на шлюпкахъ; а они этого и добивались. Но мы поняли и не согласились. А какъ упрашивали они, утверждая, что они хлопочутъ только изъ того, чтобъ намъ было покойнѣе! — «Вы у насъ гости», говорилъ Эйноске: «представьте, что пошелъ въ саду дождь и старшему гостю (разумѣя фрегатъ) предлагаютъ зонтикъ, а онъ отказывается...» — «Чтобъ уступить его младшимъ (мелкимъ судамъ)», прибавилъ П-тъ.

Японскія лодки вздумали мѣшать нашимъ ѣздить подальше, и даже махали, чтобъ тѣ воротились. Сейчасъ подняли красный флагъ, которымъ у насъ вызываютъ гокейнсовъ: имъ объявили, чтобъ этого не было; что если ихъ лодки будутъ подходить близко, то ихъ отведутъ силой дальше. Вообще ихъ приняли сухо, а адмиралъ вовсе не принялъ, хотя они желали видѣть его. Онъ приказалъ объявить имъ, что «и такъ много дѣлаетъ снисхожденія, исполняя ихъ обычаи: не ѣздятъ на берегъ; пришли въ Нагасаки, а не въ Едо, тогда какъ могли бы сдѣлать это, а они не цѣнятъ ничего этого, и потому кататься будемъ».

19 числа перетянулись на новое мѣсто. Для буксировки двухъ судовъ, въ случаѣ нужды, пришло 180 лодокъ. Онѣ вплоть стали къ фрегату: гребцы, по обыкновенію, голые; немногіе были въ простыхъ, грубыхъ, синихъ полухалатахъ. Много маленькихъ дѣвчонокъ (эти всѣ одѣты чинно), но женщины ни одной. Мы изъ оконъ бросали имъ хлѣбъ, деньги, роздали по чаркѣ рому: они все хватали съ жадностью. Ихъ много налѣзло на пушки, въ порта. Крикъ, гамъ!

Корветъ перетянулся, потомъ транспортъ, а тамъ и мы.

но безъ помощи японцевъ, а сами, на парусахъ. Теперь ближе къ берегу. Я цѣлый день смотрѣлъ въ трубу на дома, деревья. Все хижины, да дрянныя батареи, съ пушками на развалившихся станкахъ. Видѣлъ я внутренность хижинъ: онѣ безъ оконъ, только со входами; видѣлъ голыхъ мужчинъ, и женщинъ, тоже голыхъ сверху до пояса: у нихъ надѣта синяя простая юбка—и только. На порогахъ, какъ вездѣ, бѣгаютъ и играютъ ребятишки; слышу лай собакъ, но рѣдко.

21-го. Сегодня жарко, а вечеромъ поднялся крѣпкій вѣтеръ; отдали другой якорь. Японцевъ не было: свѣжо, да и не зачѣмъ; притомъ въ послѣдній разъ холодно разстались.

Вечеромъ была славная картина: заходящее солнце вдругъ ударило на дальній холмъ, выглядывавшій изъ-за двухъ ближайшихъ горъ, у подошвы которыхъ лежитъ Нагасаки. Блѣдная зелень ярко блеснула на минуту, лучи покинули ее и освѣтили гору, потомъ пали на городъ, а гора уже потемнѣла; лучи заглядывали въ каждую впадину, ласкали крутизны, которыя, вслѣдъ за тѣмъ, темнѣли, потомъ облили блескомъ разомъ три небольшіе холма, налѣво отъ Нагасаки, и наконецъ по всему берегу хлынулъ свѣтъ, какъ золото. Маленькія бухты, хижины, батареи, кусты, густо-росшія по окраинамъ скалъ, какъ исполинскіе букеты, вдругъ озарились — все было картина, поэзія, все, кромѣ батарей и японцевъ. Съ этими никакіе лучи не сдѣлали бы ничего.

14-го. Ничего не было, и даже никого: японцы, очевидно, сердятся за нашу настойчивость кататься по рейду, несмотря на караульныя лодки, а можетъ-быть и за холодный пріемъ.

25-го сентября — ровно годъ, какъ на «Палладѣ» подняли флагъ и она вышла на кронштадтскій рейдъ: значитъ походъ начался. У насъ праздникъ, молебенъ и большой обѣдъ. Вызвали японцевъ: пріѣхалъ *Хагиварн - Матаса*,

старшій изъ баніосовъ, только-что прибывшій изъ Едо съ новымъ губернаторомъ.

Японцевъ опять погладили по головѣ: позвали въ адмиральскую каюту, угостили наливкой и чаемъ и спросили о мѣстѣ на берегу. Они сказали, что черезъ день или два надѣются получить отвѣтъ изъ Едо. Имъ объявили, что мы не прочь ввести и фрегатъ въ проходъ, если только они снимутъ цѣпь лодокъ, заграждающихъ входъ туда. Они сначала сослались, по обыкновенію, на свои законы, потомъ сказали, что люди, нанимаясь въ караулъ на лодкахъ, снискиваютъ себѣ этимъ пропитаніе. П-тъ, по приказанію адмирала, отвѣчалъ, что вѣдь законы ихъ не вѣчны, а всего существуютъ лѣтъ двѣсти, то-есть, стѣснительные законы относительно иностранцевъ, и что пора ихъ отмѣнить, уступая обстоятельствамъ. Эйноске очень умно и основательно отвѣчалъ: — «Вы понимаете, отчего у насъ эти законы таковы (тутъ онъ показалъ рукой, каковы они, т.-е. стѣснительны, но сказать не смѣлъ), нѣтъ сомнѣнія, что они должны измѣниться. Но корабли европейскіе», прибавилъ онъ: «начали посѣщать, прилежно и во множествѣ, Нагасаки, всего лѣтъ десять, и потому не было надобности мѣнять».

Вотъ какъ поговариваютъ нынче японцы! А давно ли они не боялись скрутить руки и ноги пріѣзжимъ гостямъ? давно ли называли европейскія правительства дерзкими за то, что тѣ смѣли писать къ нимъ?

У насъ все еще веселятся по поводу годовщины выхода въ море. Музыка играетъ, пѣсенники поютъ. Матросы тоже пировали, получивъ отъ начальства по лишней чаркѣ. Были забавныя сцены. Въ кают-компанію пришелъ къ старшему офицеру писарь, съ жалобой на музыканта Макарова, что онъ *поломалъ ему спину*. — «И больно?» спросили его. — «Точно такъ-съ», отвѣчалъ онъ съ той улыбкой человѣка на-веселѣ, въ которой умѣщаются и обида и удовольствіе:

«писать вовсе не могу», прибавилъ онъ, съ влажными глазами и съ той же улыбкой, и старался водить рукой по воздуху, будто пишетъ. — «Да видно Макаровъ пьянъ?» — «Точно такъ-съ». Позвали Макарова. Тотъ былъ трезвѣе его и храниль важную и угрюмую мину.—«За что ты прибилъ его?» былъ вопросъ. — «Я не прибилъ, я только ударилъ его въ грудь...» сказалъ онъ.—«Точно такъ-съ, въ грудь», подтвердилъ писарь.—«За что жъ ты его?»—«Съ кулакомъ къ рожѣ лѣзъ!» отвѣчалъ Макаровъ.—«Ты лѣзъ?»—«Точно такъ-съ, лѣзъ», отвѣчалъ писарь. Всѣ хохотали. Прогнали обоихъ и велѣли помириться.

Вечеромъ другая комедія: стали бить зарю: вдругъ тотъ, кто играетъ на рожкѣ, заигралъ совсѣмъ другое. Вахтенный офицеръ строго остановилъ его. Когда все кончили, онъ подошелъ къ нему. Матросъ былъ не очень боекъ отъ природы, что показывало и лицо его.—«Что ты заигралъ?» спросилъ офицеръ. Молчаніе. — «Что ты заигралъ?» — «Ошибся!» отвѣчалъ тотъ: «забылъ». — «А ѣсть не забываешь?»—«Никакъ нѣтъ-съ».—«Сколько разъ въ день?»—«Два раза».—«Когда?»—«За обѣдомъ и за ужиномъ».—«А за завтракомъ».—«И за завтракомъ».—«Стало-быть, сколько же разъ?»—«Два раза».—«Какъ два раза: обѣдъ?»—«Точно такъ».—«Ужинъ?» — «Ужинъ». — «И завтракъ?» — «Точно такъ-съ». — «Сколько же разъ?» — «Два раза...» — «А за завтракомъ?»—«Это не ѣда, это кашица».

27-го. Ни одного японца не было. Утро ясное и свѣжее, вѣтерокъ; не болѣе 15 или 16° тепла. Наши гонялись на шлюпкахъ и заѣзжали далеко къ неудовольствію японцевъ. Ихъ маленькія лодки отдѣлились отъ большихъ и пошли, не знаю зачѣмъ, за нашими катерами. Было свѣжо, катера дѣлали длинные и короткіе галсы, вдругъ поворачивали, лавировали и обрѣзали одинъ другого, т.-е. пересѣкали, гоняясь, другъ другу путь. Тѣ остановились и не знали, что имъ дѣлать. Я стоялъ на кютѣ, и одна японская лодка, про-

ходя мимо, показала на нашихъ. Я отвѣчалъ жестомъ, что они далеко будутъ кататься.

Наши и корветные офицеры играли *Женитьбу* Гоголя и *Тяжбу*. Сцена была на шканцахъ корвета. *Тяжба* — на нагасакскомъ рейдѣ! Я зналъ о приготовленіяхъ; или репетиціи. Б. К. иронизировалъ всѣмъ: мнѣ не хотѣлось ѣхать: я думалъ, что зрѣлищъ будетъ жалко видѣть. Однако ничего, вышло недурно. М. З. хоть куда: у него природный юморъ, да онъ еще насмотрѣлся на лучшихъ нашихъ комическихъ актеровъ. Смѣшонъ Л. свахой. Все это было чрезвычайно забавно, по оригинальности, самой неловкости актеровъ. Ѣдучи съ корвета, я видѣлъ одну изъ тѣхъ картинъ, которыя видишь въ живописи и не вѣришь: луну надъ гладкой водой, силуэтъ тихо качающагося фрегата, кругомъ темные, спящіе холмы, и огни на лодкахъ и горахъ. Я вспомнилъ картины Айвазовскаго.

28 и 29-го. Японцы пріѣзжали отъ губернатора сказать, что онъ не можетъ совсѣмъ снять лодокъ въ проходѣ: это вчера, а сегодня, т.-е. 29-го, объявили, что губернаторъ желалъ бы совсѣмъ закрыть проѣздъ по срединѣ, а открыть съ боковъ, у берега, отведя по одной лодкѣ. Адмиралъ приказалъ сказать, что если это сдѣлаютъ, такъ онъ велитъ своимъ шлюпкамъ отвести насильно лодки, которыя осмѣлятся заставить собою средній проходъ къ корвету. Переводчики, увидѣвъ, что съ ними не шутятъ, тотчасъ убрались и чаю не пили.

Вчера привезли свѣжей и отличной рыбы, похожей на форель, и огромной (одной стало на тридцать человѣкъ), и десятка три пронсовъ (раковъ, въ родѣ шримсовъ, только большаго размѣра), превкусныхъ. Погода, какъ лѣтняя, въ полдень 17 градусовъ въ тѣни, но по ночамъ холодно.

Мой дневникъ похожъ на журналъ заключеннаго — не правда ли? Что дѣлать! Здѣсь почти тюрьма и есть, хотя природа прекрасная, человѣкъ смышленъ, ловокъ, силенъ,

но пока еще не умѣетъ жить нормально и разумно. Странно покажется, что мы здѣсь не умираемъ со скуки, не сходя съ фрегата; некогда скучать: работа есть у всѣхъ. Адмиралъ не можетъ видѣть празднаго человѣка; чуть увидитъ кого-нибудь безъ дѣла, сейчасъ что-нибудь и предложитъ: то бумагу написать, а казалось, можно бы morgen, morgen, nur nicht heute, кому посовѣтуетъ прочесть какую-нибудь книгу; самъ даже возьметъ на себя трудъ выбрать ее въ своей библіотекѣ и укажетъ, что прочесть, или перевести изъ нея.

30-го. Ничего замѣчательнаго. Требовали баніосовъ, но они не явились: разсердились, вѣроятно, на насъ за то, что мы погрозили отбуксировать ихъ лодки прочь, какъ только они вздумаютъ мѣшать намъ, и вообще съ ними стали дѣйствовать порѣшительнѣе. Они привезли провизію и, между прочимъ, большихъ круглыхъ раковъ, видомъ похожихъ на пауковъ. Но эти раки мнѣ не понравились: клешней у нихъ нѣтъ, и шеи тоже, именно нѣтъ того, что хорошо въ ракахъ; ноги недурны, но крѣпки; въ срединѣ рака много всякой дряни, но есть и бѣлое мясо, которымъ наполненъ низъ всей чашки.

Вечеромъ была всенощная наканунѣ Покрова. Послѣ службы я ходилъ по юту и нечаянно наткнулся на разговоръ м. Б. съ сигнальщикомъ Ѳеодоровымъ, тѣмъ самымъ, который ошибся и, вмѣсто повѣстки къ зарѣ, заигралъ повѣстку къ молитвѣ. Этотъ Ѳеодоровъ отличался крайней простотой.—«Смотри въ трубу на луну», говорилъ ему Б., ходившій по юту: «и какъ скоро увидишь тамъ трехъ, четырехъ человѣкъ, скажи мнѣ». — «Слушаю-съ». Онъ сталъ смотрѣть и долго смотрѣлъ. — «Что же ты ничего не говоришь?»—«Да тамъ всего только двое, ваше благородіе».— «Что жъ они дѣлаютъ?» — «Ничего-съ».—«Ну, смотри».— «Что жъ это за люди?» спросилъ Б. Тотъ молчалъ. — «Говори же!»—«Каинъ и Авель», отвѣчалъ онъ. — «Вотъ еще

замѣть эти двѣ звѣзды и помни, какъ ихъ зовутъ: вотъ эту Венера, а ту Юпитеръ».—«Слушаю-съ».—«И если что-нибудь съ ними случится, донеси». — «Слушаю-съ». И онъ серьезно сталъ смотрѣть въ ту сторону. Черезъ минуту я спросилъ его, въ какихъ мѣстахъ онъ бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Англіи. Онъ молчалъ.—«Говори же!»—«На Надеждѣ» (мысъ Доброй Надежды).—«А до этого?»—«Забылъ».—«Вспомни!» Онъ молчалъ.—«Гдѣ же?» Молчалъ. «Ну, припомни названія разныхъ винъ, такъ доберешься». Молчаніе. — «Какія же есть вина?» — «Пѣнное». — «Ну, а французскія?»—«Ренское».—«А мадера?»—«Точно-съ, есть и мадера. Мы и сами тамъ были», добавилъ онъ.—«А что же звѣзды?» вдругъ спросилъ Б. Ѳеодоровъ безпокойно оглянулся: хвать—одной нѣтъ; она уже скрылась за горизонтъ. «Гдѣ же?»—«Только одна осталась». — «А гдѣ другая?»—«Не могу знать». — «А какъ ее зовутъ?» Молчаніе.—«Ну, какъ?»—«Мадера», подумавъ, отвѣчалъ Ѳ.—«А другую?»—«Питеръ», сказалъ онъ. И это было намъ развлеченіемъ, за неимѣніемъ другихъ.

Октября 1-го. Праздникъ у насъ и въ природѣ праздникъ. Вспомните наши ясно прохладные, осенніе дни, когда, гдѣ-нибудь въ рощѣ, или длинной аллеѣ сада, гуляешь по устланнымъ увядшими листьями дорожкамъ; когда въ тѣни такъ свѣжо, а чуть выйдешь на солнышко, вдругъ освѣтитъ и огрѣетъ оно какъ лѣтомъ, даже станетъ жарко; но лишь распахнешься, отъ сѣвера понесется такой пронзительный и пріятный вѣтерокъ, что надо закрыться. А небо синее, все свѣтло, нарядно. Здѣсь тоже, хоть и 32° широты, а погода какъ у насъ. Только вечернее небо, передъ захожденіемъ и восхожденіемъ солнца, великолѣпно и непохоже на наше. Вотъ и сегодня то же: блѣднозеленый, чудесный, фантастическій колоритъ, въ которомъ есть что-то грустное; чрезъ минуту зеленый цвѣтъ перешелъ въ фіолетовый; въ вышинѣ несутся клочки бурыхъ и палевыхъ облаковъ, и на-

конецъ весь горизонтъ облитъ пурпуромъ и золотомъ — послѣдніе слѣды солнца; очень похоже на тропики.

Японцевъ, кажется, не было... ахъ, виноватъ — были, были: съ рыбой и раками. Баніосы все не ѣдутъ: они боятся показаться, думая, какъ бы имъ не досталось за то, что не разгоняютъ лодокъ; а, можетъ-быть, они, видя нашу кротость, небрежничаютъ и не ѣдутъ. Но стоитъ только сказать, что мы сейчасъ сами пойдемъ на шлюпкахъ въ Нагасаки—тотчасъ явятся, нѣтъ сомнѣнія. Если попугать ихъ и потребовать губернатора—и тотъ пріѣдетъ. Но тогда понадобилось бы измѣнить уже навсегда принятый адмираломъ образъ дѣйствія, т.-е. кротость и вѣжливость.

Иногда, однакожъ, не мѣшало бы пугнуть ихъ порядкомъ. Вотъ сегодня, напримѣръ, часу въ восьмомъ вечера, была какая-то процессія. Одну большую лодку тащили на буксирѣ двадцать небольшихъ, съ фонарями; шествіе сопровождалось неистовыми криками; лодки шли съ острововъ къ городу; наши К. Н. П. и Н. Н. (бывшій у насъ) поѣхали на двухъ шлюпкахъ къ корвету, въ проходъ; въ шлюпку П. пустили полѣномъ, а въ Н. хотѣли плеснуть водой, да не попали— грубая выходка простого народа! П-ть сейчасъ же поворотилъ и приблизился къ лодкѣ; тамъ было человѣкъ 20: всѣ присмирѣли, спрятавшись на дно лодки.

2-го и 3-го. Такъ и есть: страхъ сильно можетъ дѣйствовать. Вчера, второго октября, послали записку къ японцамъ, съ извѣщеніемъ, что если не явятся баніосы, то одинъ изъ офицеровъ посланъ будетъ за ними въ городъ. Поздно вечеромъ пріѣхалъ переводчикъ сказать, что баніосы завтра будутъ въ 12 часовъ.

Явились въ 11 часовъ трое: Ойе-Саброски, другой, прибывшій изъ Едо, и третій, новый. Они извинились, что не ѣхали долго, сваливая все на переводчика, который будто не такъ растолковалъ, и сказали, что этого впередъ ужъ не случится. Вчера отвезли насильно двѣ ихъ лодки дальше

отъ фрегата; самъ я не видалъ этого, но, говорятъ, забавно было смотрѣть, какъ они замахали руками, когда наши катера подошли, приподняли ихъ якорь и оттащили далеко. Баніосы ни слова объ этомъ. Имъ сказали о брошенномъ полѣнѣ со шлюпки и о другихъ глупостяхъ: они извинялись, отговариваясь, что не знали объ этомъ. Вчерашняя процессія — шествіе лодокъ — просто визитъ управляющаго князя Физенскаго голландцамъ, а не религіозный праздникъ, какъ мы думали. О берегѣ сказали, что ежедневно ждутъ отвѣта.

Сегодня суббота: по обыкновенію, привезли провизію и помѣшали опять служить всенощную. Кромѣ зелени всякаго рода, рыбы и гомаровъ, привезли, между прочимъ, маленькаго живого оленя, или лань, за неимѣніемъ свиней; говорятъ, что больше нѣтъ; остались поросята, но тѣ нужны для приплода.

Съ баніосами были переводчики *Льода* и *Сьоза*. Я вслушивался въ японскій языкъ и нашелъ, что онъ очень звученъ. Въ немъ гласныя преобладаютъ, особенно въ окончаніяхъ. Нѣтъ ничего грубаго, гортаннаго, какъ въ прочихъ восточныхъ языкахъ. А баніосы сказали, что русскій языкъ похожъ будто на китайскій — спасибо! Мы заказали привезти много вещей, вѣеровъ, лакированныхъ ящиковъ и тому подобнаго. Не знаемъ, привезутъ ли.

1-го. Воскресенье: началось, по обыкновенію, обѣдней, потомъ пріѣзжали переводчики сказать, что исполнятъ наше желаніе и отведутъ лодки дальше, но только просили, чтобъ мы сами этого не дѣлали. Мы объявили имъ наканунѣ, что видно губернаторскія приказанія не исполняются, такъ мы, пожалуй, возьмемъ на себя трудъ помочь его превосходительству и будемъ отбуксировывать. Вечеръ у насъ былъ камѣчательный. Когда стемнѣло, мы видимъ вдругъ въ проливѣ, ведущемъ къ городу, какъ будто двѣ звѣзды плывутъ къ намъ; но это не японскіе огни — нѣтъ, что-то яркое,

живое, вспыхивающее. Мы стали смотрѣть въ ночную трубу, но все потухло; видимъ только: плывутъ двѣ лодки; онѣ подплыли къ кормѣ, и вдругъ раздалось мелодическое пѣніе... Серенада! это корветскіе офицеры, съ маленькими камчадалами, пѣвчими, затѣяли серенаду изъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ. Долго плавали они при лунномъ свѣтѣ около фрегата и жгли фальшфейеры; мы стояли на ютѣ и молча слушали. Адмиралъ поблагодарилъ, когда они кончили, и позвалъ офицеровъ пить чай. Маленькихъ пѣвчихъ напоили тоже чаемъ. Японская лодка, завидѣвъ яркіе огни, отдѣлилась отъ прочихъ и подошла, но не близко: не смѣла и, вѣроятно, заслушалась новыхъ сиренъ, потому что остановилась и долго колыхалась на одномъ мѣстѣ.

5-го. Сегодня дождь, но теплый, почти лѣтній, такъ что даже котъ Васька не уходилъ съ юта, а только сѣлъ подъ гикъ. Мы видѣли, что двѣ лодки, съ значками и пиками, развозили по караульнымъ лодкамъ приказанія, послѣ чего эти отходили и становились гораздо дальше. Адмиралъ не приказалъ уже больше и упоминать о лодкахъ. Только, если послѣднія станутъ преслѣдовать наши, велѣно брать ихъ на буксиръ и таскать съ собой.

6-го, 7-го, 8-го, 9-го и 10-го. Зарѣзали лань и ѣли во всѣхъ видахъ: въ котлетахъ, въ жаркомъ — отлично! точно лучшая говядина, только нѣжнѣе и мягче. П. А. Т. косится на лань: онъ не можетъ ѣсть раковъ и зайцевъ и т. п., «не показано», говоритъ: «да и противно». Про лань говоритъ, что это «собака». За десертомъ подавали новый фруктъ здѣшній, по-голландски называемый *kakies*, красно-желтый, мягкій, сладкій и прохладительный, въ родѣ сливы, но это не слива, а родъ фиги или *смоквы*, какъ называетъ О. А., привезенной будто бы сюда еще португальцами и называющейся у нихъ *како-фига*. О. А. говоритъ, что и въ Китаѣ такихъ плодовъ много... Но не до лани и не до плодовъ теперь: много новаго и важнаго.

7-го октября былъ ровно годъ, какъ мы вышли изъ Кронштадта. Этотъ день прошелъ скромно. Я живо вспомнилъ, какъ, годъ назадъ, я въ первый разъ вступилъ на море и зажилъ новою жизнью, какъ, изъ покойной комнаты и постели, перешелъ въ койку и на колеблющуюся подъ ногами палубу, какъ неблагосклонно встрѣтило насъ море, засвисталъ вѣтеръ, заходили волны; вспомнилъ снѣгъ и дождь, зубную боль—и прощанье съ друзьями...

Я видѣлъ, наконецъ, японскихъ дамъ: тѣ же юбки, какъ и у мужчинъ, закрывающія горло кофты, только не бритая голова, и у тѣхъ, которыя попорядочнѣе, сзади булавка поддерживаетъ косу. Всѣ онѣ смуглянки, и куда не хороши собой! Говорятъ, онѣ нескромно ведутъ себя—не знаю, не видалъ и не хочу чернить репутаціи японскихъ женщинъ. Ихъ нынче много ѣздитъ около фрегата: все некрасивыя, чернозубыя: бо́льшею частью, смотрятъ смѣло и смѣются; а тѣ изъ нихъ, которыя получше собой и понаряднѣе одѣты, прикрываются вѣеромъ.

Но это все не важное: гдѣ же важное? А вотъ: 9-го октября, послѣ обѣда, сказали, что ѣдутъ гокейнсы. И это не важность: мы привыкли. Вахтенный офицеръ посылаетъ сказать обыкновенно К. Н. П-ту. Гокейнсовъ повели въ капитанскую каюту. Я былъ тамъ.—«А! Ойе-Саброски! Кичибе!» встрѣтилъ я ихъ, весело подавая руки; но они молча, едва отвѣчая на поклонъ, брали руку. Что̀ это значитъ? Они, такіе ласковые и учтивые, особенно Саброски: онъ шутникъ и хохотунъ, а тутъ... Да что это у всѣхъ такая торжественная мина; никто не улыбается?—«Боленъ, что ли, Саброски?» спросилъ я. Нѣтъ... Что жъ онъ такой скучный, да и всѣ? Отвѣта не было. Только Кичибе постоянно показывалъ верхніе зубы и суетился, по обыкновенію: то побѣжитъ впередъ баніосовъ, то воротится и крякнетъ, и нехотя улыбается. И Эйноске тутъ. У этого черты лица правильныя, взглядъ смѣлый, не то, что у тѣхъ.

Изъ разговоровъ, изъ обнаруживаемой по-временамъ зависти, съ какою глядятъ на насъ и на все европейское, Эйноске, Сьоза, Нарабайоси 2-й, видно, что они чувствуютъ и сознаютъ свое положеніе, грустятъ и представляютъ нѣмую, покорную оппозицію: это jeune Japon. Садагора— нянька, приставленная къ голландцамъ и гроза ихъ, Льода, напротивъ, принадлежитъ, кажется, къ разряду застарѣлыхъ и закоснѣлыхъ японцевъ. Они похожи на тѣхъ загрубѣвшихъ въ преданіяхъ слугъ, которые придерживаются старины; ихъ ничѣмъ не переломаешь. Они находятъ все старое прекраснымъ, перемѣнъ не желаютъ и все новое считаютъ грѣхомъ. Садагора — старый, грубый цинлкъ, Льода, напротивъ, льстивый, кланяющійся плутъ. Кичибе составляетъ juste milieu между тѣмъ и другимъ; онъ посвѣжѣе ихъ: у него нѣтъ застарѣлой ненависти къ новому и вѣры въ японскую систему правленія, но ему не угнаться и за новыми. Онъ просто служитъ за жалованье, кому и какъ хотите. Есть еще Ясиро, Кичибе-сынъ, и много подростковъ, все кандидаты въ переводчики. У нихъ наслѣдственныя должности: сынъ по бо́льшей части занимаетъ мѣсто отца.

Баніосы объявили, что они желаютъ поговорить съ адмираломъ. Мы съ П-мъ давай ломать голову, о чемъ? «Вѣрно о мѣстѣ», говорилъ онъ. «Но нерадостное, должно быть!» прибавилъ я. Я сказалъ адмиралу о ихъ желаніи. Онъ велѣлъ пустить ихъ къ себѣ. Всѣ сѣли; воцарилось молчаніе. Саброски повѣсилъ голову совсѣмъ на грудь; другой баніосъ, подслѣповатый, громоздкій старикъ, съ толстымъ лицомъ, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на все, и по-временамъ зѣвалъ; третій, маленькій, совсѣмъ исчезалъ между ними, стараясь поддѣлаться подъ мину и позу своихъ сосѣдей. Эйноске задумчиво молчалъ. Одинъ Кичибе гоголемъ сидѣлъ и ждалъ, когда ему велятъ говорить. Мы ждали, что̀ будетъ.

Наконецъ Саброски, вздохнувъ глубоко и прищуривъ

глаза, началъ говорить такъ тихо, какъ духъ, какъ-будто у него не было ни губъ, ни языка, ни горла; онъ говорилъ вздохами; кончилъ, испустивъ продолжительный вздохъ. Кичибе, съ своей улыбкой, съ яснымъ взглядомъ, и наклоненной головой, просто, безъ вздоховъ и печали, объявилъ, что Сіогунъ, ни больше, ни меньше, какъ *gestorven* — умеръ!

Мы окаменѣли на минуту, потомъ — ничего. «Скажите», замѣтилъ адмиралъ чиновникамъ, «что я вполнѣ раздѣляю ихъ печаль». Баніосы поклонились, нѣкоторые опять вздохнули, Ойе вновь заговорилъ шопотомъ. Хи! хи! хи! слышалось только отъ Кичибе, какъ предсмертная икота. Потомъ онъ, потянувъ воздухъ въ себя, началъ переводить, по обычаю, разстановисто, съ сширающимся хохотомъ въ горлѣ— знакъ, что передаетъ какой-нибудь отказъ, и этимъ хохотомъ смягчаетъ его, золотитъ пилюлю. «Изъ Едо... по этому печальному случаю... получить скоро отвѣтъ, хе, хе, хо— унмогликъ, «невозможно!» досказалъ онъ наконецъ такъ, какъ будто изъ него выдавили послѣднія слова.

На это приказано отвѣчать, что возраженіе пришлютъ письменное. «Всѣ заняты похоронами покойнаго и восшествіемъ на престолъ новаго Сіогуна», продолжалъ Кичибе переводить, «все это требуетъ церемоній» и т. п. Велѣно было спросить: скоро ли отведутъ намъ мѣсто на берегу? Долго говорилъ Саброски отвѣтъ. Кичибе, выслушавъ его, сказалъ, что «изъ Едо объ этомъ...» тутъ горло ему совсѣмъ заперло смѣхомъ... «не получено никакого разрѣшенія».—«Однакожъ могли получить три раза», строго замѣтили ему, «отчего же нѣтъ отвѣта?» Кичибе перевелъ вопросъ, потомъ, выслушавъ возраженіе, началъ: «Изъ Едо не получено объ этомъ никакого—хе, хе, хе,—разрѣшенія».— «Это мы слышали», переводилъ К. М. П.: «но будетъ ли разрѣшеніе и скоро ли? намъ надо повѣрять хронометры. Вы не цѣните нашей вѣжливости и вниманія: другіе давно

бы съѣхали сами. Теперь мы видимъ, что Нагасаки просто западня, въ которую заманиваютъ иностранцевъ, чтобъ водить и обманывать. Отъ столицы далеко, переговоры наскучатъ, гости утомятся и уйдутъ—вотъ ваша цѣль! Но объ этомъ узнаетъ вся Европа и ни одно судно не пойдетъ сюда, а въ Едо—будьте увѣрены»... Кичибе опять передалъ и опять началъ свое: «Изъ Едо... не получено—хо, хо, хо!.. никакого...»

Хоть кого изъ терпѣнія выведутъ! «Спросите губернатора: намѣренъ ли онъ дать намъ мѣсто, или нѣтъ? Чтобъ завтра былъ отвѣтъ!» были послѣднія слова, которыми и кончилось засѣданіе.

Потомъ имъ подали чаю и наливки. Они выпили по рюмкѣ, подняли головы, оставили печальный тонъ, заговорили весело, зѣвали кругомъ на стѣны, на картины, на мебель; совсѣмъ развеселились; печали ни слѣда, такъ что мы стали догадываться, не хитрятъ ли они, не выдумали ли, если не все, такъ эпоху событія. По ихъ словамъ, Сіогунъ умеръ 14 августа, а мы пришли 10-го. Можетъ-быть, онъ умеръ и въ прошломъ году, а они сказали, что теперь, въ надеждѣ, не уйдемъ ли. Повѣрить ихъ трудно: они, можетъ-быть, и отъ своихъ скрываютъ такой случай, по крайней мѣрѣ, долго. Мы не знали, что и подумать, толковали и догадывались. Адмиралъ приказалъ написать губернатору, что мы подождемъ отвѣта изъ Едо на письмо изъ Россіи, которое, какъ они сами говорятъ, разошлось въ пути съ извѣстіемъ о смерти Сіогуна. Верховный совѣтъ не зналъ, въ чемъ дѣло, и потому отвѣта дать не могъ. Но какъ же такое извѣстіе могло идти болѣе двухъ мѣсяцевъ изъ Едо до Нагасаки, тогда какъ въ три недѣли можно съѣздить взадъ и впередъ? Нечисто! Ясно, что Сіогунъ или умеръ позже, или они знали раньше, да безъ надобности не объявили намъ объ этомъ, или, наконецъ, вовсе не умеръ. Послѣднее, однакожъ, невѣроятно: народъ, уважающій такъ глубоко своихъ госуда-

это достанется. «Ну, а если мы сами съѣдемъ, или другіе сдѣлали бы это, тогда не достанется?» спросилъ онъ. «Это будетъ не дружески», былъ отвѣтъ. «А это по-дружески, когда вамъ говорятъ, что намъ необходимо повѣрить хронометры, что безъ этого нельзя въ море идти, а вы не отводите мѣста?» «Изъ Едо... хо, хо, хо... не получено», началъ Кичибе.

Подите съ ними! Они стали ссылаться на свои законы, обычаи. На другое утро пріѣхалъ Кичибе и взялъ отвѣтъ къ губернатору. Только-что онъ отвалилъ, явились и баніосы, а сегодня, 11 числа, они пріѣхали сказать, что письмо отдали, но что изъ Едо не получено и т. п. Потомъ замѣтили, зачѣмъ мы ѣздимъ кругомъ горы Паншенберга.—«Такъ хочется», отвѣчали имъ.

На фрегатѣ ничего особеннаго: баніосы ѣздятъ каждый день вывѣдывать о намѣреніяхъ адмирала. Сегодня были двое младшихъ переводчиковъ и двое ондер-баніосовъ: они просили, нельзя ли намъ не кататься слишкомъ далеко, потому что имъ велѣно слѣдить за нами, а ихъ лодки не угоняются за нашими. «Да зачѣмъ вы слѣдите?» — «Велѣно», сказалъ высокій старикъ, въ синемъ халатѣ. «Вѣдь вы намъ помѣшать не можете». — «Велѣно, что дѣлать! *Мы и сами желали бы, чтобъ это скорѣе измѣнилось*», прибавилъ онъ.

У меня, между матросами, есть нѣсколько фаворитовъ, между ними *Дьюпинъ*, широкоплечій, приземистый матросъ, артиллеристъ. Онъ широкъ не въ однихъ только плечахъ. Его называютъ *огневой*, потому что онъ смотритъ, между прочимъ, за огнями; и когда крикнутъ гдѣ-нибудь въ углу: *фитиль!* онъ мчится, что есть мочи, по палубѣ подать огня. Спеціальность его, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что онъ беретъ и приподнимаетъ, какъ подносъ, кранецъ съ ядрами и картечью, и поставивъ, только ухнетъ, а кранецъ вѣситъ пудовъ пять. Трудно встрѣтить человѣка, крѣпче и плотнѣе сложеннаго. Я часто разговариваю съ нимъ. «Жарко,

„Дьюпинъ", говорю я ему. «Точно такъ, тепло, **хорошо**, в. в.», отвѣчаетъ онъ. А такъ тепло, что приходишь въ совершенное отчаяніе, не зная куда дѣться. «Да ты, **смотри**, не напейся холоднаго послѣ работы», говорю я шутя, «**или** на сырости не ложись ночью».—«Слушаю, в. в.», отвѣчаетъ онъ серьёзно. «И недаромъ тебѣ шерстяные чулки: надѣвай, смотри». И велѣлъ Ващееву дать ему пару. Дьюпинъ **еще** въ тропикахъ надѣлъ ихъ и, встрѣтивъ меня, сталъ **благодарить**. «Благодарю покорнѣйше, в. в.; теперь **хорошо**, тепло», говоритъ онъ. «Холодно что-то, Дьюпинъ», **сказалъ** я ему, когда здѣсь вдругъ наступили холода, такъ-что **надо** было приниматься за байковые сюртуки.—«Точно такъ, в. в., свѣженько, хорошо».—А самъ былъ босикомъ. «Что же ты босикомъ?» спросилъ я. «Лучше: ноги не горятъ, да и палубы не загрячешь сапогами». Вотъ я на-дняхъ сказалъ ему, что «видѣлъ, какъ японецъ одинъ поворачиваетъ пушку, а васъ тутъ», прибавилъ я, «десятеро возитесь около одной и насилу двигаете ее».—«Точно такъ, в. в.», отвѣчалъ онъ, «куда намъ! Намедни и я видѣлъ, что волной плеснуло на берегъ, вонъ на ту низенькую батарею, да и смыло пушку, она и поплыла, а японецъ ѣдетъ подлѣ, да и толкаетъ ее къ берегу. Ужъ такія пушки у нихъ!» Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ: «Если бъ пришлось драться съ ними, в. в., неужели намъ ружья дадутъ?»—«А какъ же?»—«По лопарю бы довольно». (*Лопарь*—конецъ толстой веревки).

13-го октября. Новаго ничего. Холодно и ясно; превосходная погода: все такъ свѣтло, празднично. Холмы и воды въ блескѣ; островки и надводные камни въ проливѣ, отъ сильной рефракціи, кажутся совершенно отставшими отъ воды; они какъ будто висятъ на воздухѣ. Зори вечернія (утреннихъ я никогда не вижу) обливаютъ золотомъ весь горизонтъ; зажгутся звѣзды, прежде всего Юпитеръ и Венера. Венера горитъ ярко, какъ большая свѣча. Вчера мы смотрѣли въ трубу на Сатурна: хорошо видѣли и кольца. У

Юпитера видны три спутника; четвертый прячется за планетой.

17, 18 и 19 октября. Ждемъ судовъ нашихъ и начинаемъ тревожиться. Ну, пусть транспортъ медлитъ за противнымъ NO муссономъ, лавируя миль по двадцати въ сутки, а шкуна? Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ ушла; а ей сказано, чтобъ долѣе семи недѣль не быть. Дѣлаютъ разныя предположенія.

Вчера, 18-го, адмиралъ приказалъ дать знать баніосамъ, чтобъ они продолжали, если хотятъ, ѣздить и безъ дѣла, а такъ, въ гости, чтобы какъ можно болѣе сблизить ихъ съ нашими понятіями и образомъ жизни. Младшіе переводчики перепутали все и двое ондер-баніосовъ, не бывшихъ ни разу, явились спросить, что намъ нужно, думая, что мы ихъ вызывали за дѣломъ. Сегодня, 19-го, явились опять двое и, между прочимъ, Ойе-Саброски, «съ маленькой просьбой отъ губернатора», сказали они: «завтра, 20-го, поѣдетъ князь Чикузенъ или Цикузенъ, отъ одной пристани къ другой въ проливѣ, смотрѣть свои казармы и войска, такъ не можетъ ли корветъ немного отодвинуться въ сторону, потому что князя будутъ сопровождать до ста лодокъ, такъ имъ трудно будетъ проѣхать». Имъ отвѣчали, что гораздо удобнѣе лодкамъ обойти судно, нежели судну, особенно военному, переходить съ мѣста на мѣсто. Такъ они и уѣхали.

Съ Саброски былъ полный, высокій ондер-баніосъ, но съ такимъ неяпонскимъ лицомъ, что хоть сейчасъ въ надворные совѣтники, лишь только юбку долой, а юбка штофная, голубая: славно бы кресло обить! Когда я сталъ заводить ящикъ съ музыкой и открылъ его, онъ смотрѣлъ по-дѣтски, и немного глупо, на движеніе вала.

Послѣ обѣда, говорятъ, проѣзжалъ какой-то князь, съ поѣздомъ. Погода была сегодня такъ хороша, тепла, какъ у насъ въ іюлѣ, и такъ ясна, какъ у насъ никогда не бы-

Баніосы оправдывались, что нѣтъ, что ни онъ, ни они не виноваты. —«Изъ Едо...» и т. д.

29-го. Давно ли мы жаловались на жаръ? давно ли нельзя было ѣсть мяса, выпить рюмки вина? А теперь, хоть и совѣстно, а приходится жаловаться на холодъ! Погода ясная, ночи лунныя, NO муссонъ дуетъ съ рѣзкимъ холодкомъ. Опять всѣмъ захотѣлось на югъ, всѣ бредятъ Маниллой.

Вчера, 28-го, когда я только-было собрался уснуть послѣ обѣда, мнѣ предложили кататься на шлюпкѣ въ морѣ. Мы этимъ нѣтъ-нѣтъ да и напомнимъ японцамъ, что вода принадлежитъ всѣмъ и что мѣшать въ этомъ они не могутъ, и такимъ образомъ мы удерживаемъ это право за европейцами. Наши давно дразнятъ японцевъ, катаясь на шлюпкахъ.

Но знаете ли, что̀ значитъ катанье у моряковъ? Вы думаете, можетъ-быть, что это робкое и лѣнивое ползанье нашихъ яликовъ и лодокъ по соннымъ водамъ прудовъ и озеръ, съ дамами, при звукахъ музыки и т. п.? Нѣтъ: съ такими понятіями о катаньѣ, не совѣтую вамъ принимать приглашенія покататься съ морякомъ: это все равно, если бъ васъ посадили верхомъ на бѣшеную лошадь, да предложили прогуляться. Моряки катаются непремѣнно на парусахъ, стало-быть, въ вѣтеръ, чего многіе не любятъ, да еще въ свѣжій вѣтеръ, т.-е. когда шлюпка лежитъ на боку и когда бѣлоголовыя волны скачутъ выше борта, а иногда и за бортъ.

Вѣтеръ дулъ NO, свѣжій и порывистый: только нашъ катеръ отвалилъ, сейчасъ же окрылился фокомъ, бизанью и кливеромъ, сильно легъ на бокъ и понесся пуще всякой тройки. Едва мы подошли къ проливцу, между Паппенбергомъ и Ивосима, какъ вслѣдъ за нами, по обыкновенію, съ разныхъ точекъ бросились японскія казенныя лодки, не стоящія уже кругомъ насъ цѣпью, съ тѣхъ поръ, какъ мы

отбуксировали ихъ прочь, а кроющіяся подъ берегомъ. Лодки бросались не съ тѣмъ, чтобъ помѣшать намъ—куда имъ! онѣ и не догонятъ, а чтобъ показать только передъ старшими, что исполняютъ обязанности караульныхъ. Они бросаются, гребутъ, торопятся, и лишь только дойдутъ до крайнихъ мысовъ и скалъ, до выхода въ открытое море, какъ спрячутся въ бухтахъ и ждутъ. А когда наши шлюпки появятся назадъ, японцы опять бросятся за ними и толпой ѣдутъ сзади, съ крикомъ, шумомъ, чтобъ показать своимъ въ гавани, что будто и они ходили за нашими въ море. Мы хохочемъ.

Едва нашъ катеръ вышелъ за ворота, на третій рейдъ, японскія лодки прижались къ каменьямъ, къ батареямъ, и тамъ остались. Паппенбергъ на минуту отнялъ у насъ вѣтеръ: сдѣлался маленькій штиль, но лишь только мы миновали гору, катеръ пошелъ чесать. Волненіе было крупное, катеръ высоко забиралъ носомъ, становясь, какъ лошадь, на дыбы, и билъ имъ по волнѣ, перескакивая чрезъ нее, какъ лошадь же. Куда тутъ японскимъ лодкамъ! Матросы молча сидѣли на днѣ шлюпки, мы на лавкахъ, держась руками за бортъ и сжавшись въ кучу, потому что наклоненное положеніе катера всѣхъ сбивало въ одну сторону.

Но холодно; я пряталъ руки въ рукава или за пазуху, по карманамъ, носы у насъ посинѣли. Мы осмотрѣли, подойдя вплоть къ берегу, прекрасную бухту, которая лежитъ налѣво, какъ только входишь съ моря на первый рейдъ. Я прежде не видалъ ея, когда мы входили: тогда я занятъ былъ разсматриваніемъ ближнихъ береговъ, батарей и холмовъ.

А бухта отличная: на берегу видна деревня и рядъ террасъ, обработанныхъ до послѣдней крайности, до самыхъ вершинъ утесовъ и вплоть до крутыхъ обрывовъ къ морю, гдѣ уже одни каменья стоймя опускаются въ океанъ

[illegible] не влѣзетъ туда. Нѣтъ верш[illegible]
[illegible] въ гору, въ гору. Вездѣ [illegible]
[illegible] прѣзаны по бокамъ уступа[illegible]
[illegible] бока ихъ укрѣплены
[illegible] весь берегъ, такъ что вод[illegible]
[illegible] для риса, можетъ [illegible]
[illegible] лѣстницѣ, не разрушая ихъ.
[illegible] ребятишекъ; вышло н[illegible]
[illegible] и дачъ, и стали въ кучу.
[illegible] замся, то подъѣдемъ къ самому
[illegible] взадъ и впередъ. Мы гля-
[illegible] и храмы по высотамъ, любова-
[illegible] параллельно съ берегомъ, кедровою

[illegible] храмъ былъ въ самомъ дѣлѣ храмъ
[illegible] въ архитектурномъ отношеніи, что-
[illegible] не только надъ окрестностью, но
[illegible] по-нашему, изба, побольше
[illegible] возвышенною кровлею, или какая-
[illegible] времени большая бесѣдка въ ста-
[illegible] мудрено, что Кемпферъ насчи-
[illegible] храмовъ: по высотамъ ихъ дѣй-
[illegible] безъ трубы, не разглядишь,
[illegible] берегу, какъ мы сдѣлали въ

[illegible] раскинулось въ ней, если бъ
[illegible] цевъ! Да это еще будетъ и.
[illegible] что̀ на-дняхъ сказалъ *Ма-*
[illegible] въ, привозящій намъ провизію?
[illegible] такія лодки, съ этимъ разрѣ-
[illegible] хлестать волны, и съ этимъ
[illegible] мъ? Онъ сослался на законъ,
[illegible] —«да вѣдь Японія не можетъ
[illegible] мъ ея положеніи», прибавилъ

онъ: «скоро надо ожидать перемѣнъ». Каковъ Матабе! а не бойкій, невзрачный человѣкъ, и съ такимъ простымъ, добрымъ и честнымъ лицомъ! Оттого, можетъ-быть, онъ и говоритъ такъ.

Глядя вчера на эти обработанные до-нельзя холмы, я вспомнилъ Гон-Конгъ, и особенно торговое заведеніе Джердина и Маттисона, занимающее цѣлый уголъ. Тамъ тоже горы, да какія! не чета здѣшнимъ: голый камень, а бухта удобна, берега *приглубы*, суда закрыты отъ вѣтровъ. Что же Джердинъ? нанялъ китайцевъ, взялъ да и срылъ гору, построилъ огромное торговое заведеніе, магазины, а еще выше надъ всѣмъ этимъ — великолѣпную виллу, сдѣлалъ скаты, аллеи, насадилъ всего, что растетъ подъ тропиками. — и живетъ какъ бы жилъ въ Англіи, гдѣ-нибудь на о. Вайтѣ. Я не видалъ въ Гон-Конгѣ ни клочка обработанной земли, а вездѣ срытыя горы для улицъ да для дорогъ, для пристаней. Китайцы, — а ихъ тамъ тысячъ тридцать — не боятся умереть съ голоду. Они находятъ выгоднѣе строить европейцамъ дворцы, копать землю, не все для одного посѣва, какъ у себя въ Китаѣ, а работать на судахъ, быть приказчиками и, наконецъ, торговать самимъ. Такъ должно быть, и конечно будетъ, и здѣсь, какъ справедливо предсказываетъ Матабе.

Я иззябъ съ этимъ катаньемъ. Былъ пятый часъ въ исходѣ; осеннее солнце спѣшило спрятаться за горизонтъ, а мы спѣшили воротиться съ моря за-свѣтло, и проѣхали между каменьями, оторвавшимися отъ горъ, подъ самыми батареями, гдѣ японцы строятъ домики для каждой пушки. Какъ издѣвался надъ этими домиками нашъ артиллеристъ К. И. Л.! Онъ толковалъ, что домикъ мѣшаетъ углу обстрѣла и т. п. Сторожъ-японецъ началъ браниться и кидать въ насъ каменья, но они едва падали у ногъ его. Мы хохочемъ. Сзади насъ катеръ — и тому то же, и тамъ хохотъ. Вотъ Паппенбергъ—и опять штиль у его подошвы.

Катеръ вышелъ изъ вѣтра и сталъ прямо; парусъ началъ хлестать о мачту; матросы взялись за весла, а я въ это время осматривалъ Паппенбергъ. Съ западной его стороны отвалился большой камень, съ кучей маленькихъ; между ними хлещетъ бурунъ; еще подальше отъ Паппенберга есть такая же куча, которую исхлестали, округлили и избороздили волны, образовавъ живописную группу, какъ будто великановъ, въ разныхъ положеніяхъ, съ дѣтьми.

Когда въ Нагасаки будетъ издаваться иллюстрація, непремѣнно нарисуютъ эти каменья. И *Паппенбергъ* тоже, и *Крысій*, другой, маленькій, пушистый островокъ. Въ текстѣ скажутъ, что съ Паппенберга нѣкогда бросали католическихъ, *папскихъ* монаховъ, отчего и названъ такъ островъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть откуда бросать: онъ весь кругомъ въ отвѣсныхъ скалахъ, сажень въ десять и болѣе вышины. Только съ восточной стороны, на самой *бахромѣ*, такъ-сказать, берега, японцы протоптали тропинки, да поставили батарею, которую, по обыкновенію, и завѣсили, а вершину усадили рѣдкимъ соснякомъ, отчего вся гора, какъ я писалъ, имѣетъ видъ головы, на которой волосы встали дыбомъ. Вообще японцы любятъ утыкать свои холмы рѣдкими деревьями, отчего они походятъ также и на пасхальные куличи, утыканные фальшивыми розанами. На Крысьемъ островѣ избиты были нѣкогда испанцы и сожжены ихъ корабли съ товарами. На немъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ когда-нибудь хорошенькій павильонъ; для другого чего-нибудь островъ малъ.

Только что мы подъѣхали къ Паппенбергу, какъ за нами бросились назадъ таившіяся подъ берегомъ, ожидавшія насъ, японскія лодки и ѣхали съ крикомъ, но не близко, и такъ всѣ дружно прибыли — онѣ въ свои ущелья и затишья, мы на фрегатъ. Я долго дулъ въ кулаки.

Ноябрь. 1, 2, 3.—То дождь, то ясно, то тепло, даже жарко, какъ сегодня, напримѣръ, то вдругъ холодно, какъ на родинѣ.

Японцы еще третьягодня пріѣзжали сказать, что голландское купеческое судно уходитъ наконецъ съ грузомъ въ Батавію (не знаю, сказалъ ли я, что мы застали его уже здѣсь) и что губернаторъ проситъ—о чемъ бы вы думали? чтобъ мы не ѣздили на судно! А мы велѣли сказать, что дадимъ письма въ Европу, и удивляемся, какъ губернатору могла придти въ голову мысль, мѣшать сношенію двухъ европейскихъ судовъ между собою? Опять переводчики пріѣхали, почти ночью, просить, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это за Ковальскими воротами, близъ моря. Имъ не хочется, чтобъ народъ видѣлъ и заключилъ по этому о слабости своего правительства; ему стыдно, что его не слушаются. Сказано, что нѣтъ. Переводчики объявили, что, можетъ-быть, губернаторъ *не позволитъ* пристать къ борту, загородитъ своими лодками. «Пусть попробуетъ, сказано ему: выйдутъ непріятныя послѣдствія—онъ отвѣтитъ за нихъ».

Радость, радость, праздникъ: шкуна пришла! Сегодня, 3-го числа, палятъ японскія пушки. Съ салинговъ завидѣли шкуну. Часу въ 1-мъ она стала на якорь подлѣ насъ. Сколько новостей!

5-е.—Тоска, несмотря на занятія, несмотря на внѣшнее спокойствіе, на прекрасную погоду. Я вчера къ вечеру уѣхалъ на нашъ транспортъ; туда же поѣхалъ и капитанъ. Я увлекъ и О. А. Мы поужинали; вдругъ является К. Н. П. и говоритъ, что адмиралъ измѣнилъ рѣшеніе: прощай Манилла, Лю-чу! мы идемъ въ Едо. Толки, споры. Говорятъ, сухарей нѣтъ: какъ идти? Адмиралъ думаетъ оттуда уже послать транспортъ въ Шанхай, за полнымъ грузомъ провизіи, на нѣсколько мѣсяцевъ. Но кромѣ недостатка провизіи, въ Едо мѣшаетъ идти противный NO муссонъ. Сегодня вызвали баніосовъ; пріѣхалъ Ойе-Саброски, Кичибе и Сьоза, да еще баніосъ, подъ пару Саброски (баніосы иначе не ѣздятъ, какъ парами). Онъ смотритъ всякій разъ очень ласково на меня своимъ, довольно тупымъ,

простымъ взглядомъ, и напоминаетъ какую-нибудь [illegible] словно-добрую тетку, няньку, или другую женщину-балагурницу, отъ которой ума и наставленій не жди, зато вдоволь конфетъ и потворства—сколько хочешь.

Всѣ были въ восторгѣ, когда мы объявили, что [illegible] емъ Нагасаки; только Кичибе былъ ни скучнѣе, ни веселѣе прочихъ. Онъ переводилъ вопросы и отвѣты, самъ ничего не спрашивая и не интересуясь ничѣмъ. Онъ какъ-то сказалъ, на вопросъ Н—га, почему онъ не учится англійскому языку, что жалѣетъ, зачѣмъ выучился и по-голландски. «Отчего?» «Я люблю», говоритъ, «*ничего не читать, лежать на боку*».

Но японцы не обрадовались бы, узнавши, что мы идемъ въ Едо. Имъ объ этомъ не сказали ни слова. Просили только пріѣхать завтра опять, взять бумаги, да подарки губернаторамъ и переводчикамъ, еще прислать, какъ можно больше, воды и провизіи. Они не подозрѣваютъ, что мы собираемся продовольствоваться этой провизіей — на пути въ Едо! Что-то будетъ завтра?

6-го.—Были сегодня баніосы и утромъ, и вечеромъ. Привезли и имъ [illegible]. Губернаторы оба въ тревогѣ. «Что это вдругъ вздумали идти? Въ какой день идутъ и... куда?» хотѣлось бы еще спросить, да не рѣшаются: сами чувствуютъ, что не скажутъ. Сегодня ужъ они не были веселы. Съ баніосами былъ старшій изъ нихъ, *[illegible]*. Ихъ повели къ адмиралу. Они сказали, что губернаторы рѣшили отправить бумаги въ Совѣтъ. Потомъ секретарь и баніосы стали предлагать вопросы: «что насъ заставляетъ идти внезапно?» — «Нечего здѣсь больше дѣлать», отвѣчали имъ. «Объяснена ли причина въ письмѣ къ губернатору?» — «Въ этихъ бумагахъ объяснены мои намѣренія», приказалъ сказать адмиралъ.

О подаркахъ они сказали, что ихъ не могутъ принять ни губернаторы, ни баніосы, ни переводчики: [illegible]—

«Изъ Едо», началъ давиться Кичибе, «на этотъ счетъ не получено... разрѣшенія».—«Ну, не надо. И мы никогда не примемъ», сказали мы, «когда нужно имѣть дѣло съ вами».

Кичибе извивался, какъ змѣй, допрашиваясь, когда идемъ, воротимся ли, упрашивая сказать день, когда выйдемъ и т. п. Но ничего не добился. *Спудиг* (скоро), *зеръ спудиг*, отвѣчалъ ему П—тъ. Они просили сказать объ этомъ по крайней мѣрѣ за день до отхода — и того нѣтъ. На нихъ очевидно напала тоска. Наступила ихъ очередь быть игрушкой. Мы мистифировали ихъ, ловко избѣгая отвѣчать на вопросы. Такъ они и уѣхали въ тревогѣ, не добившись ничего, а мы сѣли обѣдать.

Мы недоумѣвали, отчего такъ вдругъ обезпокоились японцы нашимъ отъѣздомъ? почему просятъ сказать за день? Вѣрно у нихъ есть готовый отвѣтъ, да, по своей привычкѣ, медлятъ объявлять. Вечеромъ явились опять и привезли Эйноске, надѣясь, что онъ потолковѣе: допросится. Но такъ же безполезно. Куда? хотѣлось имъ знать. «Куда вѣтеръ понесетъ», отвѣчали съ улыбкой. Наконецъ, сказали, что будемъ гдѣ-нибудь близко, согласно съ тѣмъ, какъ объявилъ адмиралъ, то-есть, *что не уйдемъ отъ береговъ Японіи, не окончивъ дѣла*. «Но отвѣтъ вы получите въ Нагасаки», замѣтили они. Мы ничего не сказали. Бѣда имъ, да и только! «Вы представьте», сказалъ Эйноске, «наше положеніе: намъ велѣли узнать, а мы воротимся съ тѣмъ же, съ чѣмъ уѣхали».—«И мое положеніе представьте себѣ», отвѣчалъ П—тъ: «адмиралъ мнѣ не говоритъ ни слова больше о своихъ намѣреніяхъ, и я не знаю, что̀ сказать вамъ».— Такъ они и уѣхали.

7-го.—Комедія съ этими японцами, совершенное представленіе на Нагасакскомъ рейдѣ! Только что пробило восемь склянокъ и подняли флагъ, какъ появились переводчики, за ними и оппер-баніосы, Хагивари, Саброски и еще другой, робкій и невзрачный съ виду. Они допрашивали,

не недовольны ли мы чѣмъ-нибудь? потомъ попросили видѣться съ адмираломъ. По обыкновенію, всѣ усѣлись въ его каютѣ и воцарилось глубокое молчаніе.

Хагивари говорилъ долго, минутъ десять: мы думали и конца не будетъ. Кичибе началъ переводить его рѣчь, по-своему, коротко и отрывисто, и передалъ, повидимому, только мысль, но способъ выраженія, подробности, оттѣнки — все пропало. Онъ и ограниченъ, и упрямъ. Если скажутъ что-нибудь рѣзко по-голландски, онъ, сколько мы могли замѣтить, смягчитъ въ переводѣ на японскій языкъ, или вовсе умолчитъ. Адмиралъ недоволенъ и хочетъ просить, чтобъ его устранили отъ переговоровъ. Эйноске, напротивъ, все понимаетъ и старается объяснить до тонкости.

Они начали съ того, что «такъ какъ адмиралъ не соглашается остаться, то губернаторъ не рѣшается удерживать его, но онъ предлагаетъ ему на разсужденіе одно обстоятельство, чтобъ адмиралъ поступилъ сообразно этому, именно: губернатору извѣстно навѣрное, что дней чрезъ десять, и никакъ не болѣе одиннадцати, а, можетъ-быть, и чрезъ семь, придетъ отвѣтъ, который почему-то замедлился въ пути».

На это отвѣчено, что «по трехмѣсячномъ ожиданіи, не важность подождать семь дней: но намъ необходимо имѣть мѣсто на берегу, чтобъ сдѣлать поправки на судахъ, повѣрить хронометры и т. п. Далѣе, если отвѣтъ этотъ подвинетъ дѣло впередъ, то мы останемся, въ противномъ случаѣ уйдемъ... куда намъ надо».

Между тѣмъ мы замѣтили, бывши еще въ каютѣ капитана, что то одинъ, то другой переводчикъ, выходили къ своимъ лодкамъ и возвращались. Баніосы отвѣчали, что «они доведутъ объ этомъ заявленіи адмирала до свѣдѣнія губернатора и...»

Вдругъ у дверей послышался шумъ и голоса. Эйноске всталъ, пошелъ къ дверямъ, поспѣшно воротился и ска-

залъ, что пріѣхали еще двое баніосовъ, но часовой не пускаетъ ихъ. Велѣно впустить. Вошли двое, знакомыя лица, не знаю, какъ ихъ зовутъ. Они поклонились, подошли къ Хагивари и подали ему бумагу. Я смекнулъ, что они пріѣхали съ отвѣтомъ изъ Едо. Хагивари, съ видомъ притворнаго удивленія, прочелъ бумагу, подалъ ее Саброски, тотъ прочелъ, передалъ дальше, и такъ она дошла до Кичибе. Они начали ахать, восклицать. Кичибе чуть не подавился совсѣмъ на первомъ словѣ. — «Почта... почта... изъ Едо erhalten, получена!»

Я не могъ выдержать, отвернулся отъ нихъ и кое-какъ справился съ неистовымъ желаніемъ захохотать. Фарсёры! Какъ хитро: пріѣхали попытаться замедлить, просили десять дней срока, когда уже отвѣтъ былъ присланъ. Бумага состояла, по обыкновенію, всего изъ шести или семи строкъ. «Четверо полномочныхъ, groote heren, важные сановники,— сказано было въ ней,—ѣдутъ изъ Едо, для свиданія и переговоровъ съ адмираломъ».

Вотъ тебѣ разъ! Вотъ тебѣ Едо! У насъ, какъ гора съ плечъ! Идти въ Едо безъ провизіи, стало-быть, на самое короткое время, и уйти!

Спросили, когда будутъ полномочные. «Изъ Едо... не получено... объ этомъ». Ну, пошелъ свое! Хагивари и Саброски начали дѣлать намъ знаки, показывая на бумагу, что вотъ какое чудо случилось: только заговорили о ней, а она и пришла! Тутъ уже никто не выдержалъ, и они сами, и всѣ мы стали смѣяться. Бумага писана была отъ президента Горочью, *Абе-Исе-но-Ками-Сама*, къ обоимъ губернаторамъ, о томъ, что ѣдутъ полномочные, но кто именно, когда они ѣдутъ, выѣхали ли, въ дорогѣ ли — объ этомъ ни слова.

Японцы уѣхали, съ обѣщаніемъ вечеромъ привезти отвѣтъ губернатора о мѣстѣ. — «Стало-быть, о прежнемъ, то-есть объ отъѣздѣ, уже нѣтъ и рѣчи», сказали они, уѣзжая, и

стали отирать себѣ ротъ, какъ будто стирая прежнія слова. А мы начали толковать о предстоящихъ перемѣнахъ въ нашемъ планѣ. Я, еще до отъѣзда ихъ, не утерпѣлъ и вышелъ на палубу. Капитанъ распоряжался привязкой парусовъ. — «Напрасно», сказалъ я: «велите опять отвязывать, не пойдемъ».

Послѣ обѣда тотчасъ явились японцы и сказали, что хотя губернаторъ и не имѣетъ разрѣшенія, но беретъ все на себя и отводитъ мѣсто. Къ вечеру опять пріѣхали сказать, не хотимъ ли мы взять бухту *Либачъ*, которую занималъ прежній посланникъ нашъ, Резановъ. Адмиралъ отвѣчалъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ пошлетъ осмотрѣть мѣсто прежде, нежели приметъ. Поѣхали осматривать П. К. и Г. и возвратились со смѣхомъ и досадой, сказавъ, что мѣсто не годится: голое, песокъ, каменья. Ну, надо терпѣнія съ этимъ народомъ! Вотъ четвертый день все идутъ толки о мѣстѣ.

Мы хотя и убрали паруса, но адмиралъ предполагаетъ идти, только не въ Едо, а въ Шанхай, чтобы узнать тамъ, что дѣлается въ Европѣ, и запастись свѣжею провизіею на нѣсколько мѣсяцевъ. Японцамъ объявили, что мѣсто не годится. Губернаторъ отвѣчалъ, что нѣтъ другого: видно, разсердился. Мы возразили, что вонъ есть тамъ, да тамъ, да вонъ тутъ: мало ли красивыхъ мѣстъ!—«Если не дадутъ—уйдемъ», говорили мы: «присылайте провизію».—«Не могу», отвѣчалъ губернаторъ: «требуйте провизію попрежнему, понемногу, отъ голландцевъ». Онъ надѣялся насъ тѣмъ удержать.—«Ну, мы пойдемъ и безъ провизіи», было отвѣчено ему.

10-го. Сегодня вдругъ видимъ, что при входѣ въ бухту Кибачъ толпится кучка народу. Тамъ и баніосы, и переводчики, смотрятъ, размѣриваютъ, втыкаютъ колышки: ясно, что готовятъ другое мѣсто, но какое! тоже голое, съ зеленью, правда, но это посѣвы риса и овощей; тутъ негдѣ ступить.

Губернаторъ, узнавъ, что мы отказываемся принять и другое мѣсто, отвѣчалъ, что больше у него нѣтъ никакихъ, что указанное нами принадлежитъ князю Омурѣ, на которое онъ не имѣетъ правъ. Оба губернатора послѣ всего этого успокоились: они объявили намъ, что полномочные назначены, мѣсто отводятъ, слѣдовательно, если мы и за этимъ за всѣмъ уходимъ, то они ужъ не виноваты.

Адмиралъ просилъ ихъ передать бумаги полномочнымъ, если они прежде насъ будутъ въ Нагасаки. При этомъ приложена была записочка къ губернатору, въ которой адмиралъ извѣщалъ его, что онъ въ «непродолжительномъ времени воротится въ Японію, зайдетъ въ Нагасаки, и если тамъ не будетъ ни полномочныхъ, ни отвѣта на его предложенія, то онъ немедленно пойдетъ въ Едо».

Баніосы спрашивали, что̀ заключается въ этой записочкѣ, но имъ не сказали, такъ точно, какъ не объявили и губернатору, куда и надолго ли мы идемъ. Мы всѣ думали, что насъ остановятъ, дадутъ мѣсто и скажутъ, что полномочные ѣдутъ: но ничего не было. Губернаторы, догадавшись, что мы идемъ не въ Едо, успокоились. Мы сказали, что уйдемъ сегодня же, если вѣтеръ будетъ хорошъ.

Часа въ три мы снялись съ якоря, пробывъ ровно три мѣсяца въ Нагасаки: 10-го августа пришли и 11-го ноября ушли. Я легъ-было спать, но топотъ людей, укладка якорной цѣпи, разбудили меня. Я вышелъ въ ту минуту, когда мы выходили на первый рейдъ, къ Ковальскимъ, такъ-называемымъ, воротамъ. Недавно я еще катался тутъ. Вонъ и бухта, которую мы осматривали, вонъ Паппенбергъ, всѣ знакомыя рытвины и ложбины на дальнихъ высокихъ горахъ, вотъ Каменосима, Ивосима, вонъ, налѣво, синѣетъ мысъ Номо, а вотъ и просторъ, безпредѣльность, море!

II.

ШАНХАЙ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

марсы и какъ фрегатъ распустилъ крылья, а дѣдъ началъ странствовать съ юта къ картѣ, и обратно. Мы пошли по 6 и по 7 узловъ, въ бейдевиндъ. За нами долго слѣдила японская джонка, чтобъ посмотрѣть, куда мы направимся. Я не зналъ, куда дѣться отъ холода и, какъ былъ одѣтый въ байковомъ пальто, легъ на кровать, покрылся ваточнымъ одѣяломъ — и все было холодно. Въ перспективѣ не теплѣе: въ Шанхаѣ бываютъ морозы, несмотря на то, что онъ лежитъ подъ 31 градусомъ сѣверной широты.

Сегодня выхожу на палубу часу въ девятомъ: налѣво, въ туманѣ, какой-то островъ; надъ нимъ, какъ исполинская ширма, стоитъ сизая туча, съ полосами дождя. Пасмурно; дождь мороситъ; въ воздухѣ влажно, пахнетъ немного болотомъ. Предчувствуешь насморкъ. Погода совершенно такая же, какая бываетъ въ Финскомъ заливѣ, или на Невѣ, въ концѣ лѣта, въ сѣренькіе дни. — «Что это за островъ?» спросилъ я.—«*Гото*», говорятъ.—«А это, направо?» —«*Ослиныя уши*»,—«Что-о?» «Почему это уши?» думалъ я, глядя на группу совершенно голыхъ, темныхъ каменьевъ: «да еще и ослиныя?» Но, должно-быть, я подумалъ это вслухъ, потому что кто-то подлѣ меня сказалъ: «оттого, что они торчмя высовываются изъ воды—вонъ видите?»—Вижу, да только это похоже и на шапку, и на ворота, и ни на что не похоже, всего менѣе на уши. Вѣдь говорятъ же, что Столовая гора похожа на столъ, а Львиная на льва: такъ почему жъ и эти камни не назвать такъ? А вонъ, правѣе, еще три камня: командиръ нашего транспорта, капитанъ Фуругельмъ, первый замѣтилъ ихъ. Они не показаны на картѣ, и вотъ у насъ отмѣчаютъ ихъ положеніе. Они видны нѣсколько правѣе отъ «Ушей», если идти изъ Японіи, какъ будто на второмъ планѣ картины. Кто предлагалъ назвать ихъ *Камнями Паллады*, кто *Тремя Стражами*, но они остались безъ названія.

Вѣтеръ сталъ свѣжѣть: убрали брамсели, и вскорѣ взяли

— .. —

[illegible] мнѣ теперь картины
[illegible] вы знали, особенно по
[illegible] безъ сроку, по своей надобно-
[illegible] качки нѣтъ, хотя и тряско,
[illegible] заглушаетъ вѣтеръ. Въ хо-
[illegible] въ [illegible], утонешь въ перины,
[illegible] — и [illegible] ничего не хочешь. Утромъ
[illegible] раза срокъ, путешественникъ
[illegible] голову изъ-подъ спуда по-
[illegible] прической à l'imbécile, и дико ози-
[illegible] мая: «что̀ это за деревья, откуда
[illegible] самъ тутъ?» Очнувшись, шаритъ
[illegible] и видитъ, что въ него, вмѣсто
[illegible] ощупываетъ его подъ собой, а
[illegible]. Потомъ пойдутъ вопросы: да-
[illegible] рѣдутъ на станцію, какъ на-
[illegible] въ оврагѣ? Потомъ станція,
[illegible] Теньеровскія картины; тамъ
[illegible] декорація лѣсовъ, пашенъ,
[illegible] солнце, оводы, недолгій
[illegible] привѣтливыя лица, да дву-
[illegible] наконецъ, знакомый шлаг-
[illegible] домъ, а тамъ она, или онъ,
[illegible] знакомыя явленія? А здѣсь
[illegible] другой держусь за переборку;
[illegible] на стѣну... До свиданія.

[illegible], гдѣ мы должны остано-
[illegible] въ Шанхай и тамъ не на-
[illegible] англичанъ, если у насъ съ
[illegible] знаемъ. Да съ большими
[illegible] рѣка Янсекіянъ вся усѣ-
[illegible] мановъ. Есть въ Шанхаѣ
[illegible] беретъ четыреста долла-
[illegible] Шанхай. Что̀ сказалъ бы

добродѣтельный философъ, если бъ предвидѣлъ, что его соименникъ будетъ драть по стольку съ приходящихъ судовъ? проклялъ бы пришельцовъ, конечно. А кто знаетъ: если бъ у него были акціи на это предпріятіе, такъ, можетъ-быть, самъ бралъ бы вдвое. Здѣсь неимовѣрно дорогъ уголь: тоннъ стоитъ десять фунт. стерл., оттого и пароходъ береть дорого за буксиръ.

Saddle-Islands лежатъ миляхъ въ сорока отъ бара или устья Янсекіяна, да рѣкой еще миль сорокъ слишкомъ надо ѣхать, потомъ рѣчкой Восунгъ, Усунъ, или Woosung, какъ пишутъ англичане, а вы выговаривайте какъ хотите. Отецъ А., жившій въ Китаѣ, говоритъ, что надо говорить *Вусунг*, что у китайцевъ нѣтъ звука г.

Saddle-Islands значитъ «Сѣдельные острова»: видно ужъ по этому, что тутъ хозяйничали англичане. Во время китайской войны, англійскія военныя суда тоже стояли здѣсь. Я вижу берегъ теперь изъ окна моей каюты: это цѣлая группа островковъ и камней, въ родѣ знаковъ препинанія; они и на картѣ показаны въ видѣ точекъ. Они безплодны, какъ большая часть острововъ около Китая; вѣтры обнажаютъ берега. Впрочемъ, пишутъ, что здѣсь много устрицъ и—чего бы вы думали? нарцисовъ!

Сію минуту К. П. П. вызвалъ меня посмотрѣть рыбачій флотъ. Я думалъ, что увижу десятка два рыбачьихъ лодокъ, и не хотѣлъ выходить: вообразите, мы насчитали до пятисотъ. Онѣ всѣ стоятъ въ линію, на разстояніи около трехъ кабельтовыхъ отъ насъ, т.-е. около трехсотъ саженъ — это палѣво. А справа видны острова, точно морскія чудовища, выставившія темные, безцвѣтные хребты: ни зелени, ни возвышенностей не видно; впрочемъ до нихъ еще будетъ миль 12. Я все смотрѣлъ на частоколъ китайскихъ лодокъ. Что они тамъ дѣлаютъ, эти рыбаки, а при случаѣ, можетъ-быть, и пираты, какъ большая часть живущихъ на островахъ китайцевъ? Надъ ними нѣтъ управы. Китайское пра-

вительство слишкомъ слабо, и безъ флота ничего не можетъ съ ними сдѣлать. Англичанъ и другихъ, кто посильнѣе на морѣ, пираты не трогаютъ, слѣдовательно тѣмъ до нихъ дѣла нѣтъ. Даже говорятъ, что англичане употребляютъ ихъ для разныхъ послугъ. Зато небольшимъ купеческимъ судамъ отъ нихъ бѣда. Ихъ уличить трудно: если они одолѣютъ корабль, то утопятъ всѣхъ людей до одного; а не одолѣютъ, такъ быстро уйдутъ, и ихъ не сыщешь въ архипелагахъ этихъ морей. Впрочемъ они нападаютъ только тогда, когда надѣются навѣрное одолѣть. Все затрудненіе поймать ихъ состоитъ въ томъ, что у нихъ не одно ремесло. Сегодня они купцы, завтра рыболовы, а при всякомъ удобномъ случаѣ — разбойники. Наши моряки любуются, какъ они ловко управляются на морѣ съ своими красными, бочкообразными лодками и рогожными парусами: видно, что море — ихъ стихія. Старшаго надъ ними, кажется, никого нѣтъ: сегодня они тамъ, завтра здѣсь, и всегда избѣгнутъ всякаго правосудія. Народонаселеніе лѣзетъ изъ Китая врозь, какъ горохъ изъ переполненнаго мѣшка, и распространяется во всѣ стороны, на всѣ окрестные и дальніе острова, до Явы съ одной стороны, до Калифорніи съ другой. Китайцевъ вездѣ много: они и купцы, и отличные мастеровые, и рабочіе. Я удивляюсь, какъ ихъ еще по-сю-пору нѣтъ на мысѣ Доброй Надежды? Этому народу суждено играть большую роль въ торговлѣ, а можетъ-быть, и не въ одной торговлѣ.

Наше двухдневное плаваніе до сихъ поръ было хорошо. Въ среду мы снялись съ якоря, сегодня, въ субботу, уже подходимъ. Всего сдѣлали около 450 миль: это семьсотъ слишкомъ верстъ. Качка была, да не сильная, хотя вчера дулъ свѣжій вѣтеръ, ровный, рѣзкій и холодный. Волненіе небольшое, но злое, постоянное: какъ будто человѣкъ сердится, бранится горячо, и гнѣву его долго не придвидится конца. Фрегатъ шелъ, накренясь на лѣвую сторону, и отъ

напряженія, слегка судорожно вздрагивалъ: подъ ногами чувствуешь точно что-нибудь живое, какія-то натянутыя жилы, которыя ежеминутно готовы разорваться отъ усилія. Такъ замѣтно, особенно для ногъ, давленіе воздуха на мачты, паруса и на весь остовъ судна.

Сегодня встаемъ утромъ: теплѣе вчерашняго; идемъ на фордевиндъ, т.-е. вѣтеръ дуетъ прямо съ кормы; ходу пять узловъ и вѣтеръ умѣренный. — «Свистать всѣхъ наверхъ— на якорь становиться!» слышу давеча, и бѣгу на ютъ. Вотъ мы и на якорѣ. Но что за безотрадныя скалы, какія дикія мѣста! ни кустика нѣтъ. Говорятъ, есть деревня тутъ: да гдѣ же? не видать ничего, кромѣ скалъ.

16-го. Вчера наши уѣхали на шкунѣ въ Шанхай. Я не поѣхалъ, надѣясь, что успѣю: мы здѣсь простоимъ еще съ мѣсяцъ. Меня звали, но я не былъ готовъ, да пусть прежде узнаютъ, что за мѣсто этотъ Шанхай, гдѣ тамъ быть и что дѣлать? пускаютъ ли еще въ китайскій городъ? А если придется жить въ европейской факторіи и видѣть только ее, такъ не стоитъ труда и ѣздить: тѣ же англичане, тотъ же ростбифъ, тѣ же much obliged и thank you. А у китайцевъ суматоха, безпорядокъ. Инсургенты въ городѣ, войска стоятъ лагеремъ вокругъ: нѣтъ надежды увидѣть китайскій театръ, получить приглашеніе на китайскій обѣдъ, попробовать птичьихъ гнѣздъ. Хоть бы подрались они при насъ между собою! Говорили, будто отсюда восемьдесятъ миль до Шанхая, а выходитъ сто-пять, это сто-восемьдесятъ-четыре версты.

Наши съѣзжали сегодня на здѣшній берегъ, были въ деревнѣ у китайцевъ, хотѣли купить рыбы, но тѣ сказали, что и настоящій, и будущій уловъ проданы. Не весело однако здѣсь. Впрочемъ давно не было весело: нашъ путь лежалъ или по англійскимъ портамъ, или у такихъ береговъ, на которые выйти нельзя, какъ въ Японіи, или не зачѣмъ, какъ здѣсь напримѣръ.

[illegible] унываютъ, ѣздятъ на скалы гулять. [illegible] поѣхали на берегъ пить чай на [illegible] въ Россіи, въ березовой рощѣ. Только [illegible] дровъ и воды: тамъ нѣту. Не правда [illegible] въ этомъ сельскомъ удовольствіи? [illegible] время каяться, что я не поѣхалъ въ [illegible] скала, у которой мы стали на якорь, [illegible] только отъ сѣверныхъ, но отнюдь не отъ [illegible] Сегодня вдругъ подулъ южный вѣтеръ, и [illegible] падать. Скорѣй стали сниматься съ якоря [illegible] въ морѣ, вдали отъ опасныхъ камней. [illegible] лодки тоже скрылись по бухтамъ. Мы, [illegible] то лѣниво полземъ узелъ, два, впе- [illegible] ходимъ ощупью: тьма ужасная; дождь, [illegible] уныло и безпрерывно льетъ, стуча въ [illegible] т.-е. въ ютъ. Но въ Петербургѣ есть [illegible] залы, музыка, театръ, клубы — о дождѣ [illegible] есть скрипъ снастей, тусклый фонарь на [illegible] и тѣ же лица, тѣ же разговоры: зачѣмъ [illegible] я въ Шанхай!

[illegible] вѣтеръ крѣпкій гналъ насъ назадъ узловъ [illegible] Я не могъ уснуть всю ночь. Часовъ до четы- [illegible] писалъ, и только собрался лечь, какъ [illegible] поворотъ на другой галсъ: стали свистать, [illegible] бизань-шкотъ и грота-брасъ идутъ чрезъ [illegible] къ самой крышкѣ моей каюты, и [illegible] эти снасти, точно два экипажа ѣдутъ [illegible] Вѣтеръ между тѣмъ перемѣнился, и мы [illegible] Насъ догналъ корветъ; ночью жгли [illegible] Часовъ въ восемь мы опять были въ жел- [illegible] Собственно до настоящаго устья [illegible] отсюда, но вода такъ быстра, что мы [illegible] до этихъ Saddle-Islands встрѣтили [illegible]

Страшно подумать, что съ 5-го августа, т.-е. со дня прихода въ Японію, мы не были на берегу, исключая визита къ нагасакскому губернатору. Это ровно три мѣсяца. И когда сойдемъ, еще не знаю. Придетъ ли за нами шкуна сюда, или нѣтъ; буду ли я въ Шанхаѣ — неизвѣстно. Ходишь по палубѣ, слушаешь, особенно по вечерамъ, почти никогда не умолкающій здѣсь вой вѣтра. Слышишь и какіе-то, будто посторонніе, примѣшивающіеся тутъ же голоса, или мелькнетъ въ глаза мгновенный блескъ, не то отдаленнаго пушечнаго выстрѣла, не то блуждающаго по горамъ огонька: или это только такъ, призраки, являющіеся въ тѣ мгновенія, когда въ организмѣ есть ослабленіе, разстроенность... Корветъ сегодня, 21-го, только воротился изъ нашей коротенькой экспедиціи или побѣга отъ южнаго вѣтра.

22-го. Я еще не былъ здѣсь на берегу—не хочется, во-первыхъ, лазить по голымъ скаламъ, а во-вторыхъ, не въ чемъ: сапогъ нѣтъ, или, пожалуй, вонъ ихъ цѣлый рядъ, но ни одни не идутъ на ногу. Кожа всего скорѣе портится въ морѣ; сначала она отсырѣетъ, заплѣснѣетъ, потомъ ссыхается въ жаркихъ климатахъ и рвется почти такъ же легко, какъ писчая бумага. Я совѣтую вамъ ѣхать въ дальній вояжъ безъ сапогъ, или въ тѣхъ только, которые будутъ на ногахъ; но возьмите съ собой побольше башмаковъ и ботинокъ... и то не нужно: вездѣ сдѣлаютъ вамъ. Теперь я ношу ботинки китайской работы, сдѣланныя въ Гон-Конгѣ... Вотъ что значитъ скука-то: заговоришься à propos des bottes.

23-го. Еще съ утра вчера завидѣли шкуну; думали наша—нѣтъ: черезчуръ высокъ рангоутъ, а лавируетъ къ намъ. Капитанъ, О. Авв. и я, изъ окна капитанской каюты смотрѣли, какъ ее обливало со всѣхъ сторонъ водой, какъ ныряла она; хотѣла поворачивать, не поворачивала, наконецъ поворотила, и часовъ въ пять бросила якорь близъ фрегата. Мы никакъ не ожидали, чтобъ это касалось до насъ. На

шкунѣ были наши К. Н. П. и С. П. Ш.: они привезли изъ Шанхая зелень, живыхъ быковъ, куръ, утокъ, словомъ, свѣжую провизію и новости, но не свѣжія: отъ августа, а теперь ноябрь.

Въ Китаѣ мятежъ; въ Россіи готовятся къ войнѣ съ Турціей. Частныхъ писемъ привезли всего два. Меня зовутъ въ Шанхай: опять раздумье беретъ, опять нерѣшительность— да какъ, да что? Холодъ и лѣнь одолѣли совсѣмъ, особенно холодъ, и лѣнь тоже особенно. Вчера я спалъ у капитана въ каютѣ; у меня невозможно раздѣться; я пишу, а другую руку спряталъ за жилетъ: ноги зябнутъ.

Вотъ ужъ четвертый день реветъ крѣпкій NW; у насъ травятъ канатъ, шкуну взяли на бакштовъ, то-есть она держится за поданный съ фрегата канатъ, какъ дитя за платье няньки. Это американская шкуна; она, говорятъ, ходила къ южному полюсу, обогнула Горнъ. Ее зовутъ *Точкой*. Относительно къ океану, она меньше точки, или если точка, то математическая. Нельзя подумать, глядя на нее, чтобъ она была у Горна: большая лодка и всего 12 человѣкъ на ней, и со шкиперомъ. У ней изорвало вчера паруса, подмочило всю нашу провизію, куръ, утокъ, а одного быка совсѣмъ унесло валомъ. Да и путешественники пришли на фрегатъ—точно изъ гостей отъ самого Нептуна.

Такъ и есть, какъ я думалъ: Шанхай запертъ, въ него нельзя попасть: инсургенты не пускаютъ. Они дрались съ войсками—наши видѣли. Надо ѣхать, развѣ потому только, что совѣстно быть въ полутораста верстахъ отъ китайскаго берега и не побывать на немъ. О войнѣ съ Турціей тоже не рѣшено, вмѣстѣ съ этимъ не рѣшено, останемся ли мы здѣсь еще мѣсяцъ, какъ прежде хотѣли, или сейчасъ пойдемъ въ Японію, несмотря на то, что у насъ нѣтъ сухарей.

Янсекіянъ и Шанхай. Всѣ, кто хотѣлъ ѣхать, начали собираться, а я, по своему обыкновенію, продолжалъ колебаться, ѣхать или нѣтъ, и рѣшилъ не ѣхать. Утромъ пред-

полагали отправиться въ восемь часовъ. Я всталъ въ шесть и—поѣхалъ. Погода была порядочная, волненіе умѣренное, для фрегата вовсе незамѣтное, но для маленькой шкуны чувствительное. Я осмотрѣлся на шкунѣ: какая перемѣна послѣ фрегата! Тамъ не знаешь, что дѣлается на другомъ концѣ, по нѣскольку дней съ инымъ и не увидишься; во всемъ порядокъ, чистота. Здѣсь ѣдешь, какъ въ лодкѣ. Палуба завалена всякой дрянью; отъ мачты и парусовъ негдѣ поворотиться; черно, грязно, скользко, ноги прилипаютъ къ палубѣ. Шкиперъ шкуны, англійскій матросъ, служившій прежде на купеческихъ судахъ, нанятъ хозяиномъ шкуны, за 25 долларовъ въ мѣсяцъ, ходить по окрестнымъ мѣстамъ для разныхъ надобностей. На рулѣ сидѣлъ малаецъ, въ чалмѣ; матросы всѣ китайцы.

Насъ было человѣкъ десять: тѣснота такая, что почти проходу не было. Кромѣ офицеровъ, гг. Посьета, Назимова, Кроуна, Бѣлавенца, Болтина, Овсянникова, кн. Урусова, да насъ троихъ, не офицеровъ, о. Аввакума, О. А. Гошкевича и меня, ѣхали пятеро нашихъ матросовъ, мастеровыхъ, дѣлать разныя починки на шкунѣ «Востокъ». П., пріѣхавшій на этой шкунѣ, ужъ зналъ, что ни шкиперъ, несмотря на свое званіе матроса, да еще англійскаго, ни команда его, не имѣли почти никакого понятія объ управленіи судномъ. Руловой, сидя на кожаной скамеечкѣ, правилъ рулемъ, какъ попало. Онъ очень объ этомъ не заботился: безпрестанно качалъ ногой, набивалъ трубку, выкуривалъ, выколачивалъ тутъ же, на палубу, и опять набивалъ. На компасъ онъ и вниманія не обращалъ; да и стекло у компаса такъ занесло пылью, плѣсенью и всякой дрянью, что ничего не видно на немъ.

Шкиперъ немного больше заботился о суднѣ. Это былъ маленькій, худощавый человѣчекъ, въ байковой куркѣ и суконной шапкѣ, похожей на ночной чепчикъ. Онъ вынесъ изодранную карту Чусанскаго архипелага и острововъ Сэддль,

положилъ ее на крышку люка, а самъ сжался отъ холода въ комокъ и сталъ незамѣтенъ, точно пропалъ съ глазъ долой. Положивъ ногу на ногу и спрятавъ руки въ рукава, онъ жевалъ табакъ и по временамъ открывалъ ротъ... что за ротъ! не обращая ни на что вниманія. Его безпрестанно побуждали офицеры, напоминали ему о вѣтрѣ, о теченіи. Онъ вркнетъ что-нибудь на полу-англійскомъ, полу-китайскомъ языкѣ и опять пропадетъ. Рулевой правилъ наудачу; китайскіе матросы, сѣвъ на пяту въ кружокъ, съ неописаннымъ проворствомъ ѣли двумя палочками рисъ.

Наши офицеры, видя, что съ ними не далеко уѣдешь, принялись хозяйничать сами. Одинъ оттолкнулъ рулевого, который давалъ шаутѣ румпель, и началъ править самъ. Другой смотрѣлъ на карту. Наши матросы замѣнили китайцевъ, тянули и отдавали по командѣ снасти, сдѣланныя изъ травы и [illegible]. Вѣтеръ [illegible] мы шли узломъ [illegible] препинанія, т.-е. [illegible] островъ Гутцлафъ, названный такъ въ честь [illegible] Гутцлафа.

[illegible]

[illegible]

дерева и былъ еще противнѣе: въ Японіи я три мѣсяца его не чувствовалъ, а теперь вотъ опять! Оглядываюсь, чтобъ узнать, откуда пахнетъ—и ничего не вижу: на лавкѣ валяется только дождевая кожаная куртка, вѣроятно, хозяйская. Я отворилъ всѣ шкапчики, поставцы: тамъ чашки, чай—больше ничего нѣтъ, а такъ и разитъ!

Мы въ крошечной каютѣ сидѣли чуть не на колѣняхъ другъ у друга, а всего шесть человѣкъ, четверо остались наверху. Къ завтраку придутъ и они. Куда дѣнешься? Только стали звать матроса вынуть наши запасы, какъ и остальные стали сходиться. Вонъ показались изъ люка чьи-то ноги, долго опускались, наконецъ, появилось и все прочее, послѣ всего лицо. Потомъ другія ноги, и такъ далѣе. Я сначала, какъ заглянулъ съ палубы въ люкъ, не могъ постигнуть, какъ сходятъ въ каюту: въ трапѣ недоставало двухъ верхнихъ ступеней и потому надо было прежде сѣсть на порогъ или «карлинсы», и спускать ноги внизъ, ощупью отыскивая ступеньку, потомъ, держась за веревку, рискнуть прыгнуть такъ, чтобъ попасть ногой прямо на третью ступеньку. Выходить надо было на рукахъ, это значитъ выскакивать, т.-е. упереться локтями о края люка, прыгнуть и стать сначала колѣнями на окраину, а потомъ уже на ноги. Вообще сходить въ каюту надо было съ рискомъ. Однакожъ, къ завтраку и къ ужину всѣ рискнули сойти. Отъ обѣда воздержались: его нѣ было.

Кому не случалось обѣдать на травѣ, за городомъ, или въ дорогѣ? Помните, какъ, изъ кулечковъ, корзинъ и коробокъ, вынимались ножи, вилки, хлѣбъ, жареныя индѣйки, пироги? Мнѣ даже показалось, что тутъ подали тѣ же три стакана и двѣ рюмки, которые я будто ужъ видалъ гдѣ-то въ подобныхъ случаяхъ. Вилка тоже, съ переломленнымъ среднимъ зубцомъ, подозрительна: она махнула сюда откуда-нибудь изъ-подъ Москвы, или изъ Нижняго. Вонъ соль въ бумажкѣ; есть у насъ ветчина, да горчицу забыли. Вообще

тутъ, кажется, отрѣшаются отъ всякихъ правилъ, наблюдаемыхъ въ другое время. Одинъ торопится доѣсть утиное крылышко, чтобъ поспѣть взять пирога, который исчезаетъ съ невѣроятною быстротою. А другой, перебирая вилкой остальные куски, ропщетъ, что любимыя его крылышки улетѣли. Кто начинаетъ только завтракать, кто пьетъ чай; а этотъ, ожидая, когда удастся, за толпой, подойти къ столу и взять чего-нибудь посущественнѣе, сосетъ пока попавшійся подъ-руку апельсинъ; а кто-нибудь обогналъ всѣхъ и эгоистически курилъ сигару. Двѣ собаки, привлеченныя запахомъ жаркого, смотрятъ сверху въ люкъ и жадно вырываютъ изъ рукъ поданную кость. Ничего, все было бы сносно, если бъ не отравляющій запахъ китайскаго масла! Мнѣ просто дурно; я ушелъ наверхъ.

Одинъ только О. А. Г. не участвовалъ въ завтракѣ, который, по простотѣ своей, былъ достоинъ троянской эпохи. Онъ занятъ другимъ: томится морской болѣзнью. Онъ лежитъ наверху, закутавшись въ шинель, и чуть пошевелится, собаки, не видавшія никогда шинели, съ яростью лаютъ.

Но вотъ, наконецъ, выбрались изъ архипелага островковъ и камней, прошли и Гуцлавъ. Тутъ, въ открытомъ океанѣ, стало сильно покачивать: вода не разъ плескала на палубу. Пошелъ мелкій дождь. Шкиперъ надѣлъ свою дождевую куртку и — вдругъ около него разлился запахъ противнаго масла. Ахъ, если бъ я прежде зналъ, что это отъ куртки!.. Вода все желтѣе и желтѣе. Вскорѣ вошли за баръ, т.-е. за черту океана, и вошли въ рѣку. Я «выскочилъ» изъ каюты посмотрѣть берега. — «Да гдѣ жъ они?» — «Да береговъ нѣтъ».—«Вѣдь это рѣка?»—«Рѣка». — «Янсекіянъ?»—«Да, «сынъ океана» по-китайски».—«А берега?..»—«Вонъ, вонъ», говоритъ шкиперъ. Смотрю—ничего нѣтъ.

Наконецъ, показалась полоса съ лѣвой стороны, а съ правой вода — и только: праваго берега не видать вовсе. Лѣвый сталъ обозначаться яснѣе. Онъ такъ низменъ, что

едва возвышается надъ горизонтомъ воды и состоитъ изъ сѣрой глины, весь защищенъ плотинами, изъ-за которыхъ видны кровли, съ загнутыми уголками, и рѣдкія деревья, да борозды полей, и то ужъ ближе къ Шанхаю, а до тѣхъ поръ кругозоръ ограничивается едва замѣтной темной каймой. Вправо остался островокъ. Я спросилъ у шкипера названіе, но онъ пролаялъ мнѣ глухіе звуки, безъ согласныхъ. Пробовалъ я разсмотрѣть на картѣ, но тамъ, кромѣ чертежа острововъ, были какія-то постороннія пятна, покрывающія оба берега. Потомъ ничего не стало видно: сумерки скрыли все, и мы начали пробираться по «сыпу океана» ощупью. Два китайца безпрестанно бросали лотъ. Одинъ кричалъ: three and half, потомъ half and four, и такъ разнообразилъ крикъ все время. Наши слѣдили карту, повѣряя по ней глубину. Глубина безпрестанно измѣнялась, отъ 8 до $3^1/_2$ саженъ. Какъ только доходило до послѣдней цифры, шкиперъ немного выходилъ изъ апатіи и иногда самъ брался за руль.

Нашимъ мелкимъ судамъ трудно входить сюда, а фрегату невозможно, развѣ съ помощью сильнаго парохода. Фрегатъ сидитъ 23 фута; фарватеръ Янсекіяна и впадающей въ него рѣки Вусунъ, на которой лежитъ Шанхай, имѣетъ самую большую глубину 24 фута, и при томъ онъ чрезвычайно узокъ. Недалеко оставалось до Woosung (Вусуна), мѣстечка при впаденіи рѣчки того же имени въ Янсекіянъ.

У Вусуна обыкновенно останавливаются суда съ опіумомъ и отсюда отправляютъ свой товаръ на лодкахъ въ Шанхай, Нанкинъ и другіе города. Становилось все темнѣе; мы шли осторожно. Погода была пасмурная. «Зарево!» сказалъ кто-то. Въ самомъ дѣлѣ, налѣво, надъ горизонтомъ, рдѣло багровое пятно и дѣлалось все больше и ярче. Вскорѣ можно было различить пламя и вспышки—отъ выстрѣловъ. Въ Шанхаѣ — сраженіе и пожаръ, нѣтъ сомнѣнія! Это помогло намъ опредѣлить свое мѣсто.

... игрушки. Багры, ко-
... бамбуковыя же. Между
... постройки камфарнаго дерева:
... въ Китаѣ и въ Японіи, но осо-
...

... морскомъ отношеніи: на них
... парусомъ. Борты лодки.
... наравнѣ съ линіей воды и носъ
... держится, какъ утка; ки-
... вокругъ. На этихъ
... въ морѣ, дѣлая значи-
... они ходятъ въ Нишпо, съ
... составляетъ, кажется, сто
... двухсотъ пятидесяти

... мы увидѣли цѣлый флотъ
... судовъ, которыя тѣснились у
... Я насчиталъ до двадцати ря-
... судовъ въ каждомъ ряду. Въ
... американскіе, такъ-назы-
... большія, трехмачтовыя суда, съ
... отличающіяся красотою и бы-

... ученіе было намъ противъ
... NW пуль прямо въ лобъ. Шки-
... стояли наверху. Паруса
... правый, то на лѣвый галсъ.
... чтобъ парусомъ не
... вдругъ направо и лѣзетъ
... и коснется его: но шки-
... англійцы, а болѣе наши
... ихъ, и освобожденные
... мачты, рвутся изъ
... «берегись!» мы на-

что бы вы сказали, глядя, гдѣ и какъ мы улеглись. Вообразите себѣ большой сундукъ, у котораго вынутъ одинъ бокъ—это наше ложе, для двоихъ. Я тотчасъ же заснулъ, лишь только легъ. Ночью, слышу, кто-то сильно возится подлѣ меня, повидимому, укладывается спать. Это А. Е. К., возвратившійся съ транспорта. Все замолчало, и мы заснули. Я проснулся потомъ отъ сильной духоты и запаху масла. Ахъ, хоть бы минуту дохнуть свѣжимъ воздухомъ! Я попробовалъ освободиться—нѣтъ возможности: мой сосѣдъ лежитъ, какъ гранитный камень, и не шелохнется, какъ я ни толкалъ его въ бока: онъ совсѣмъ заперъ мнѣ выходъ. Я думалъ, какъ мнѣ поступить—и заснулъ. Просыпаюсь—утро, свѣтло; мы движемся. Китаецъ ставитъ чашки на столъ; матросъ принесъ горячей воды.

Пасмурно и вѣтрено; мороситъ дождь; вѣтеръ сильный. Мы идемъ по рѣкѣ Вусуну; она широка, мѣстами съ нашу Оку. Ясно видимъ оба берега, низменные, закрытые плотинами: за плотинами группируются дома, кое-гдѣ видны кумирни, или вообще зданія, имѣющія особенное назначеніе; они выше и наряднѣе прочихъ. Поля всѣ обработаны; хотя хлѣбъ и овощи сняты, но узоръ правильныхъ нивъ красивъ, какъ разрисованный паркетъ. Есть деревья, но рѣдко, и зелени мало на нихъ; мнѣ казалось, что это ивы. Вдали ничего нѣтъ: ни горы, ни холма, ни бугра—плоская и, казалось, топкая долина.

Ближе къ Шанхаю рѣка замѣтно оживлялась: безпрестанно встрѣчались джонки, съ своими, краснобураго цвѣта, парусами, изъ какихъ-то древесныхъ волоконъ и коры. Китайскія джонки устройствомъ похожи немного на японскія, только у нихъ нѣтъ разрѣзной кормы. У нѣкоторыхъ китайскихъ лодокъ носъ и корма пустые, а посрединѣ сдѣланъ навѣсъ и каюта; у другихъ, напротивъ, навѣсъ сдѣланъ на носу. Большія лодки выстроены изъ темножелтаго бамбуковаго корня, покрыты цыновками и очень чисты, удобны и

Шкиперъ сложилъ ногу на ногу, засунулъ руки въ рукава и покойно сѣлъ на лавочку, поглядывая во всѣ стороны. Китайцы проворно убирали паруса, наши матросы ловили разорвавшійся кливеръ, который хлесталъ по бушприту. На насъ, кажется, насмѣшливо смотрѣли прочія суда и джонки. Совершенно то же самое, какъ сломавшаяся среди непроходимой грязи ось: карета передками упирается въ грязь, сломанное колесо лежитъ возлѣ, кучка извозчиковъ равнодушно и тупо глядитъ, то на колесо, то на васъ. Вы сидите, а мимо васъ идутъ и скачутъ: иные усмѣхнутся, глядя, какъ вы уныло выглядываете изъ окна кареты, другіе посмотрятъ съ любопытствомъ, а большая часть очень равнодушно — и всѣ обгонятъ. Точно то же и на мели. Надо было искать лодку. Онѣ были, ходили взадъ и впередъ, перевозя черезъ рѣку, но на насъ мало обращали вниманія. Выручилъ В. А. Корсаковъ: онъ изъ лодки замѣтилъ насъ и тотчасъ же пріѣхалъ. Насъ двое отправились съ нимъ, прочіе остались съ вещами въ ожиданіи, пока мы пришлемъ за ними лодку.

[illegible]

вонючими горшками (stinkpots). Они съ марсовъ бросаютъ эти горшки, наполненные какими-то особенными горючими составами, на палубу непріятельскихъ судовъ. Вырывающіеся изъ горшковъ газы такъ удушливы, что люди ни минуты не могутъ выдержать и бросаются за бортъ. Китайскіе пираты съ этими же горшками нападаютъ на купеческія, даже на военныя суда.

Чрезъ полчаса мы сидѣли въ чистой комнатѣ отеля, у камина, за столомъ, уставленнымъ, по англійскому обычаю, множествомъ блюдъ. Спутники, уѣхавшіе прежде насъ въ Шанхай, не очень, однакожъ, обрадовались намъ. — «Васъ много наѣхало?» вмѣсто всякаго привѣтствія встрѣтили они насъ. — «Да мы еще не всѣ: черезъ часъ придутъ человѣкъ шесть!» въ свою очередь, не безъ удовольствія, отвѣчали мы. «А что?» — «Куда жъ вы помѣститесь? комнатъ нѣтъ, всѣ разобраны: мы живемъ по-двое и даже потрое». — «Ничего», отвѣчали мы: «поживемъ и вчетверомъ». — Такъ и случилось. Хозяинъ, съ наружнымъ отчаяніемъ, но съ внутреннимъ удовольствіемъ, твердилъ: — «домъ мой приступомъ взяли» и началъ бѣгать, суетиться. Откуда явились кушетки, диваны, подушки? Номера гостиницы, и безъ того похожіе на бивуаки, стали походить на контору дилижансовъ.

Гостиница наша, Commercial house, походила, какъ и всѣ дома въ Шанхаѣ, на дачу. Большой, двухъэтажный каменный домъ, съ каменной же верандой или галлереей вокругъ, съ большимъ широкимъ крыльцомъ, окруженъ садомъ, изъ тощихъ миртовыхъ, кипарисныхъ деревьевъ, разныхъ кустовъ и т. п. Окна всѣ съ жалюзи: видно, что, при постройкѣ, принимали въ расчетъ болѣе лѣто, нежели зиму. Стѣны тоненькія, не болѣе какъ въ два кирпича; окна большія; вездѣ сквозной вѣтеръ: все неплотно. Домъ трясется, когда одинъ человѣкъ идетъ по комнатѣ; черезъ стѣнки слышенъ разговоръ. Но когда мы пріѣхали, было холодно;

мы жались къ каминамъ, а изъ нихъ такъ и валилъ черный, горькій дымъ.

Вообще зима какъ-то не къ лицу здѣшнимъ мѣстамъ, какъ не къ лицу нашей родинѣ лѣто. Небо голубое, съ тропическимъ колоритомъ, такъ и млѣетъ надъ головой; зелень свѣжа; многіе цвѣты ни за что не соглашаются завянуть. И всего продолжается холодъ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ, много — шесть недѣль. Зима не успѣваетъ воцариться и, ничего не сдѣлавъ, уходитъ.

Цѣлый вечеръ просидѣли мы всѣ вмѣстѣ дома, разговаривали о европейскихъ новостяхъ, о вчерашнемъ пожарѣ, о лагерѣ осаждающихъ, о ихъ неудачномъ покушеніи наканунѣ сжечь городъ, объ осажденныхъ инсургентахъ, о правителѣ шанхайскаго округа, таутаѣ Самква, который былъ въ немилости у двора и которому обѣщано прощеніе, если онъ овладѣетъ городомъ. Въ тотъ же вечеръ мы слышали пушечные выстрѣлы, которые повторялись очень часто: это перестрѣлка императорскихъ войскъ съ инсургентами, безвредная для послѣднихъ и безполезная для первыхъ.

На другой день, $\frac{23 \text{ ноября}}{10 \text{ декабря}}$ утромъ, встали и пошли... обѣдать. Вы не повѣрите? Какъ же иначе назвать? Въ столовой накрытъ столъ человѣкъ на двадцать. Передъ однимъ дымится кусокъ ростбифа, передъ другимъ стоитъ яичница съ ветчиной, тамъ сосиски, жареная баранина; послѣ всего ужъ подадутъ вамъ чаю. Это англичане называютъ завтракать. Позавтракаешь — и хоть опять ложиться спать. «Да чай это, или кофе?» спрашиваю китайца, который принесъ мнѣ чашку. «Теа or coffee», безсмысленно повторялъ онъ. «Теа, tea», забормоталъ потомъ, поняви. «Не можетъ быть: отчего же онъ такой черный?» Попробовалъ — въ самомъ дѣлѣ та же микстура, которую я, подъ видомъ чая, принималъ въ Лондонѣ, потомъ въ Капштатѣ. Тамъ простительно: а въ Китаѣ—такой чай, заваренный и поданный китайцемъ!

Что жъ, нѣту, что ли, въ Шанхаѣ хорошаго чаю? Какъ не быть! Здѣсь есть всякій чай, какой только родится въ Китаѣ. Все дѣло въ словѣ *хорошій*. Мы называемъ «хорошимъ» нѣжные, душистые цвѣточные чаи. Не для всякаго носа и языка доступенъ ароматъ и букетъ этого чая: онъ слишкомъ тонокъ. Эти чаи называются здѣсь *Пекое* (Pekoe flower). Англичане хорошимъ чаемъ, да просто чаемъ (у нихъ онъ одинъ) называютъ особый сортъ грубаго, чернаго, или смѣсь его съ зеленымъ, смѣсь очень наркотическую, которая даетъ себя чувствовать потребителю, язвитъ языкъ и нёбо во рту, какъ почти все, что англичане ѣдятъ и пьютъ. Они готовы приправлять свои кушанья щетиной, лишь бы чесало горло. И отъ чая требуютъ того же, чего отъ индійскихъ сой и перцовъ, т. е. чего-то въ родѣ яда. Они клевещутъ еще на насъ, что мы пьемъ не чай, а какіе-то цвѣты, въ родѣ жасминовъ.

Оставляю, кому угодно, опровергать это: англичане въ дѣлѣ гастрономіи—не авторитетъ. Замѣчу только, что нѣкоторые любители въ Китаѣ дѣйствительно подбавляютъ себѣ въ чай цвѣты, или какія-нибудь душистыя спеціи; въ Японіи кладутъ иногда гвоздику. Кажется, о. Іоакинѳъ тоже говоритъ о подобной противозаконной подмѣси, которую допускаютъ китайцы, кладя въ черный чай жасминные, а въ желтый розовые листки. Но это ужъ извращенный вкусъ самихъ китайцевъ, слѣдствіе пресыщенія. Есть и у насъ люди, которые нюхаютъ табакъ съ бергамотомъ или резедой, ѣдятъ селедку съ черносливомъ и т. п. Англичане пьютъ свой черный чай и знать не хотятъ, что чай имѣетъ свои бѣлые цвѣты.

У насъ употребленіе чая составляетъ самостоятельную, необходимую потребность; у англичанъ, напротивъ, побочную, дополненіе завтрака, почти какъ пищеварительную приправу; оттого имъ все равно, похожъ ли чай на портеръ, на черепашій супъ, лишь бы былъ черенъ, густъ,

щипалъ языкъ и не походилъ ни на какой другой чай. Американцы пьютъ одинъ зеленый чай, безъ всякой примѣси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смѣются, что мы пьемъ, подъ названіемъ чая, какой-то приторный напитокъ. Китайцы сами, я видѣлъ, пьютъ простой, грубый чай, т. е. простые китайцы, народъ, а въ Пекинѣ, какъ мнѣ сказывалъ О. А., порядочные люди пьютъ только желтый чай, разумѣется, безъ сахару. Но я—русскій человѣкъ и принадлежу къ огромному числу потребителей, населяющихъ пространство отъ Кяхты до Финскаго залива—и за пекое будемъ пить *не съ цвѣтами*, а *цвѣточный* чай, и подождемъ, пока англичане выработаютъ свое чутье и вкусъ до способности наслаждаться чаемъ Pekoe flower, и притомъ заваривать, а не варить его, по своему обычаю, какъ капусту.

Впрочемъ, всѣмъ другимъ націямъ простительно не умѣть наслаждаться хорошимъ чаемъ: надо знать, что̀ значитъ чашка чаю, когда войдешь, въ трескучій, тридцати-градусный морозъ, въ теплую комнату, и сядешь около самовара, чтобъ оцѣнить достоинство чая. Съ какимъ наслажденіемъ пили мы чай, который привезъ намъ въ Нагасаки капитанъ Фуругельмъ! Ящикъ стоитъ 16 испанскихъ талеровъ; въ немъ около 70 русскихъ фунтовъ; и какой чай! У насъ онъ продается не менѣе 5 руб. сер. за фунтъ.

Послѣ обѣда... виноватъ, послѣ завтрака, мы вышли на улицу: наша отель стояла на углу, на перекресткѣ. Прямо изъ воротъ тянется улица безъ домовъ, только съ безконечными каменными заборами, изъ-за которыхъ выглядываетъ зелень. Направо такая же улица, налѣво — тоже, и тѣ и другія пусты. Дома всѣ окружены дворами, и большею частію красивые; архитектура у всѣхъ почти одна и та же: что̀ стиль загородныхъ домовъ. Я пошелъ сначала къ А. по улицѣ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него сдѣлать большую прогулку. Улицы пестрѣли народомъ. Рѣдко встрѣтишь евро-

пейца; они всѣ наперечетъ здѣсь. Все азіятцы, индійцы, кучками ходятъ *парси* или *фарси*, съ индійскаго полуострова или изъ Тибета. Они играютъ здѣсь роль псовъ, питающихся крупицами, падающими отъ трапезы богатыхъ, т. е. промышляютъ мелочами, которыя европейцы не считаютъ достойными вниманія. Этихъ парси, да чуть ли не тѣхъ самыхъ, мы видѣли уже въ Сингапурѣ. Они ходятъ въ длинномъ платьѣ, похожемъ на костюмы московскихъ грековъ; на головѣ что-то въ родѣ узенькаго кокошника, изъ цвѣтного, лоснящагося ситца, похожаго на клеенку. Они сильно напоминаютъ армянъ.

Китайцы—живой и дѣятельный народъ: безъ дѣла почти никого не увидишь. Шумъ, суматоха, движеніе, крики и говоръ. На каждомъ шагу попадаются носильщики. Они бѣглымъ и крупнымъ шагомъ таскаютъ ноши, издавая мѣрные крики и выступая въ тактъ. Здѣсь народъ не похожъ на тотъ, что̀ мы видѣли въ Гон-Конгѣ и въ Сингапурѣ: онъ смиренъ, скроменъ и очень опрятенъ. Всѣ мужики и бабы одѣты чисто, и запаховъ разныхъ меньше по улицамъ, нежели въ Гон-Конгѣ, исключая, однакожъ, рынковъ. Несетъ ли, напримѣръ, носильщикъ груду кирпичей, они лежатъ не непосредственно на плечѣ, какъ у нашего каменщика; рубашка, или кафтанъ его, не въ грязи отъ этого. У него на плечахъ лежитъ бамбуковое коромысло, которое держитъ двѣ дощечки, въ видѣ вѣсовъ, и на дощечкахъ лежатъ двѣ кучи красиво сложенныхъ сѣрыхъ кирпичей. Съ нимъ не страшно встрѣтиться. Онъ не толкнетъ васъ, а предупредитъ мѣрнымъ своимъ крикомъ, и если вы не слышите, или не хотите дать ему дороги, онъ остановится и уступитъ [illegible] вамъ. Все это чисто, даже картинно: и бамбукъ, и [illegible] кирпичи, костюмъ носильщика, коса его и легк[illegible] шапочка изъ сѣраго тонкаго войлока, отороченная [illegible] или бархатомъ. Заглянешь въ яликъ, къ перевозчи[illegible] посмотрѣть, тянетъ сѣсть туда. Дерево лагирова[illegible] — [illegible]

бамбуковый корень: навѣсъ и лавки покрыты чистыми цыновками. Если тутъ и есть какая-нибудь утварь, горшокъ съ похлёбкой, чашка, то около все чисто; не боишься прикоснуться и выпачкаться.

Между прочимъ, я встрѣтилъ цѣлый рядъ носильщиковъ: каждый несъ по два большихъ ящика съ чаемъ. Я слѣдилъ за ними. Они шли отъ рѣки: тамъ съ лодокъ брали ящики и несли въ купеческіе дома, оставляя за собой дорожку чая, какъ у насъ, таская кули, оставляютъ дорожку муки. Мѣстный колоритъ! Въ амбарахъ ящики эти упаковываются окончательно, герметически, и идутъ на американскіе клиперы, или англійскія суда.

Мы вышли на набережную; тамъ толпа еще дѣятельнѣе и живописнѣе. Здѣсь сближеніе европейскаго съ крайнимъ востокомъ рѣзко. По берегу стоятъ великолѣпные европейскіе дома, съ колоннадами, балконами, аристократическими подъѣздами, а швейцары и дворники—въ своихъ кофтахъ, или халатахъ, въ шароварахъ; по улицѣ бродитъ такая же толпа. То идетъ купецъ, обритый до-нельзя, съ тщательно-заплетенной косой, въ бѣлой, или сѣрой, маленькой, куполообразной шляпѣ, съ загнутыми полями, въ шелковомъ кафтанѣ, или въ бараньей шубкѣ, въ видѣ кацавейки; то чернорабочій, безъ шапки, обвившій, за недосугомъ чесаться, косу дважды, около вовсе «не лилейнаго чела». Тамъ ихъ стоитъ цѣлая куча, въ ожиданіи найма или работы; они горланятъ на своемъ негармоническомъ языкѣ. Тутъ цырюльникъ, съ небольшимъ деревяннымъ шкапчикомъ, гдѣ лежатъ инструменты его ремесла, раскинулъ свою лавочку, поставилъ скамью, а на ней расположился другой китаецъ и сладострастно жмурится, какъ котъ, въ то время, какъ цырюльникъ бреетъ ему голову, лицо, чиститъ уши, дергаетъ волосы и т. п. Тутъ ходячая кухня, далѣе, у забора, лавочка съ фарфоромъ. Лодочники группой стоятъ у пристани, вблизи своихъ лодокъ, которыя тѣсно жмутся у берега. Идетъ евро-

пеецъ — и толпа полегоньку сторонится, уступаетъ мѣсто. На рейдѣ рисуются легкія очертанія военныхъ судовъ, рядомъ стоятъ большія барки, недалеко и военныя китайскія суда, съ тонкими мачтами, которыя смотрятъ въ разныя стороны. Изъ-за стройной кормы европейскаго купеческаго корабля выглядываетъ писанный рыбій глазъ китайскаго судна. Все копошится, сгружаетъ, нагружаетъ, торопится, говоритъ, перекликается...

Я смотрѣлъ на противоположный берегъ Вусуна, но онъ низменъ, ровенъ и ничего не представляетъ для глазъ. На той сторонѣ поля, хижины; у береговъ отгорожены мѣста для рыбной ловли — и больше ничего не видать. Едва ли можно сыскать однообразнѣе и скучнѣе мѣстность. Говорятъ, многія мѣста кажутся хороши, когда о нихъ вспомнишь послѣ. Шанхай, именно, принадлежитъ къ числу такихъ мѣстъ, которыя покажутся хороши, когда оттуда выѣдешь. Зѣвая на рѣчку, я, между тѣмъ, проѣзжалъ великолѣпные дома многихъ консуловъ, таможню, теперь пустую, занятую постоемъ англійскихъ солдатъ съ военныхъ судовъ. Она была нѣкогда кумирней, и [illegible] отличается отъ прочихъ зданій своею архитектурною пестротою. Я неприятно дошелъ до дома американскаго консула. Это послѣдній европейскій домъ съ этой стороны: за нимъ начинается китайскій кварталъ, отдѣляемый отъ европейскаго узенькимъ каналомъ.

Домъ американскаго консула, Каннингама, который въ то же время и представитель [illegible] американ[illegible] [illegible] въ Шанхаѣ. Постройка такого дома обходится [illegible] долларовъ. [illegible] деревьями [illegible] [illegible] [illegible] большая пушка, направленная на улицу.

Домъ... но вы знаете, какъ убираются порядочные, т. е. богатые дома, и здѣсь то же, что у насъ. Шелковые драпри до полу, зеркала, какъ озера, вправленныя въ стѣны, ковры, ореховъ. Но не все, однакожъ, какъ у насъ: boiserie и напримѣръ, массивные шкапы, столы и кровати — здѣшніе образцы китайскаго искусства, изъ превосходнаго темнаго дерева, съ мозаическими узорами, мелкой, тонкой работы. Если у кого-нибудь изъ васъ есть дѣдовскій домъ, убранный по старинному, вы найдете тамъ образцы этой мозаической мебели. Кровати особенно изумительно хороши: онѣ обыкновенно двуспальныя, съ занавѣсками, какъ вездѣ въ Англіи и въ домахъ, и въ гостиницахъ, вездѣ васъ положатъ на двуспальную кровать, будьте вы самый холостой человѣкъ. Мнѣ казалось влѣзать подъ катафалкъ англійской кровати, съ пестрыми занавѣсами, и особенно неловко класть голову на длинную, во всю ширину кровати, и совершенно круглую подушку, располагающую къ апоплексическому удару. Но чего не дѣлаетъ привычка!

Китайцы, какъ извѣстно, отличные рѣзчики на деревѣ, слоновой кости. Ни у кого другого, даже у нѣмца, недостаетъ терпѣнія такъ мелко и чисто выработать вещь, или столько стоитъ Богъ знаетъ какихъ денегъ. Здѣсь, повидимому, руки человѣческія и время ничего. Если бъ еще ихъ трудъ и терпѣніе тратились на что-нибудь важное или хорошее, а то они тратятся на такіе пустяки, что не знаешь, какъ удивляться: работѣ ли китайца, или безполезности ея. Напримѣръ, они на корѣ грецкаго, или миндальнаго ореха вырѣзываютъ цѣлыя группы фигуръ въ разныхъ положеніяхъ, процессіи, храмы, дома, бесѣдки, такъ что вы можете разсмотрѣть даже лица. Изъ толстокожаго миндальнаго ореха они вырѣжутъ вамъ джонку, со всѣми принадлежностями, со всѣмъ; даже вы отличите рисунокъ каждаго: сдѣлаютъ дверцы, или окна, которыя отворяются, и тамъ сидитъ человѣческая фигура.

Какихъ бы, кажется, денегъ должно стоить это? а мы, за пять, за шесть долларовъ, покупали цѣлыя связки такихъ орѣховъ, какъ баранки.

Мнѣ приходилось часто бывать въ домѣ г. Каннингама, у котораго остановился адмиралъ, и потому я сдѣлалъ ему обычный визитъ. Китаецъ-слуга, нарядно-одѣтый въ національный костюмъ, сказалъ, что г. Каннингамъ въ своемъ кабинетѣ, и мы отправились туда. Маленькій, бѣлокурый, и невидный изъ себя, г. Каннингамъ встрѣтилъ меня очень ласково, непохоже на англійскую встрѣчу: не стиснулъ мнѣ руки и не выломалъ плеча, здороваясь, а такъ обошелся, какъ обходятся всѣ люди между собою, исключая британцевъ. Въ кабинетѣ—это только такъ, изъ приличія, названо кабинетомъ, а скорѣе можно назвать конторой — ничего не было, кромѣ бюро, за которымъ сидѣлъ хозяинъ, да двухъ-трехъ превысокихъ табуретовъ и неизбѣжнаго камина. Каннингамъ пригласилъ меня сѣсть. Я кое-какъ вскарабкался на антигемороидальное сѣдалище, и г. Каннингамъ тоже; мы съ высотъ свободно обозрѣвали другъ друга.—«На чемъ вы пріѣхали?» спросилъ меня г. К. Я только-было собрался отвѣчать, но пошевелилъ нечаянно ногой: круглое сѣдалище. съ винтомъ, повернулось, какъ по маслу, подо мной, и я очутился лицомъ къ стѣнѣ. — «На шкунѣ», отвѣчалъ я въ стѣну, и въ то же время съ досадой подумалъ: «чье это, англійское или американское удобство?» и ногами опять приводилъ себя въ прежнее положеніе. — «Долго останетесь здѣсь?»—«Смотря по обстоятельствамъ», отвѣчалъ я, держа рукой подушку стула, которая опять-было зашевелилась подо мной. — «Сдѣлайте мнѣ честь завтра отобѣдать со мной», сказалъ онъ привѣтливо. — «А теперь идите вонъ», могъ бы прибавить, если бъ захотѣлъ быть чистосердеченъ, и не могъ бы ничѣмъ такъ угодить. Но визитъ кончился и безъ того.

Отъ консула я пошелъ съ Б. К. гулять.—«Ну, покажите

же мнѣ все, что позамѣчательнѣе здѣсь?» просилъ я моего спутника: «вы здѣсь давно живете. Эта куда дорога?»— «Эта?.. не знаю», сказалъ онъ, вопросительно поглядывая на дорогу.—«Гдѣ жъ городъ? гдѣ инсургенты, лагерь?» сыпались мои вопросы.—«Тамъ гдѣ-то, въ той сторонѣ», отвѣчалъ онъ, показавъ пальцемъ въ воздушное пространство.— «А вонъ тамъ, что это видно въ Шанхаѣ?» продолжалъ я: «повыше другихъ зданій, кумирни или дворцы?» — «Кажется...» отвѣчалъ Б. К. — «Гдѣ лавки здѣсь? поведите меня: мнѣ надо кое-что купить». — «Вотъ мы спросимъ», говорилъ Б., и искалъ глазами, кого бы спросить. Я засмѣялся и Б. К. закашлялъ, т.-е. засмѣялся вслѣдъ за мной. «Что жъ вы дѣлали здѣсь десять дней?» сказалъ я. — «Вы завтра у консула обѣдаете?» спросилъ онъ меня. — «Ужинаю, только немного рано, въ семь часовъ».—«У него будетъ особенно хорошій обѣдъ», задумчиво отвѣчалъ Б. К.: «званый, и обѣдать будутъ, вѣроятно, въ большой столовой. Надѣньте фракъ».

Между тѣмъ мы своротили съ рѣки на каналъ, перешли маленькій мостикъ и очутились среди пестрой, движущейся толпы, среди говора, разнообразныхъ криковъ, толчковъ, запаховъ, костюмовъ, словомъ, на базарѣ. Здѣсь представлялась мнѣ полная картина китайскаго народонаселенія, безъ всякихъ прикрасъ, въ натурѣ.

Знаете ли, чѣмъ пораженъ былъ мой первый взглядъ? какое было первое впечатлѣніе? Мнѣ показалось, что я вдругъ очутился на какомъ-нибудь нашемъ московскомъ толкучемъ рынкѣ, или на ярмаркѣ губернскаго города, вдалекѣ отъ Петербурга, гдѣ еще не завелись ни широкія улицы, ни магазины; гдѣ въ одномъ мѣстѣ и торгуютъ, и готовятъ кушанье, гдѣ продаютъ шелковый товаръ въ лавочкѣ, между кипящимъ огромнымъ самоваромъ и кучей кренделей, гдѣ рядомъ помѣщаются лавка съ фруктами и лавка съ лаптями, или хомутами. Разница въ подробностяхъ: у насъ де-

готь и лыко—здѣсь шелкъ и чай: у насъ груды деревянной и фаянсовой посуды—здѣсь фарфоръ. Но китайская простонародная кухня, обиліемъ блюдъ видомъ, вонью и затѣйливостью, перещеголяла нашу. Чего тутъ нѣтъ? Жаль, что нельзя разглядѣть всего: съ души рветъ», какъ говоритъ Ѳаддеевъ, а есть чего поглядѣть! Море, рѣки, земля, воздухъ — спорятъ здѣсь, кто больше принесъ въ даръ человѣку—и все это бросается въ глаза... это бы еще не бѣда, а то и въ носъ.

Длинные, безконечные, крытые переулки, или, лучше сказать, коридоры, тянутся по всѣмъ направленіямъ и образуютъ совершенный лабиринтъ. Если хотите, это все дома, выстроенные сплошь, съ жильемъ вверху, съ лавками внизу. Навѣсы крышъ едва не касаются съ обѣихъ сторонъ другъ друга, и оттого тамъ постоянно господствуетъ полумракъ. Въ этомъ-то лабиринтѣ вращается огромная толпа. Отъ однихъ купцовъ тѣснота, а съ продавцами, кажется бы, и прохода не должно быть. Между тѣмъ тутъ постоянно приливъ и отливъ народа. Тутъ съ удивительною ловкостью пробираются носильщики, съ самыми громоздкими ношами, съ ящиками чая, съ тюками шелка, съ охапкой хлопчатой бумаги, чуть не со стогъ сѣна. А вонъ пронесли двое покойника, не на плечахъ, какъ у насъ, а на рукахъ; тамъ бѣжитъ *кули* съ письмомъ, здѣсь тащатъ корзину съ курами. И всѣ бѣгутъ, съ криками, съ напѣвами, чтобы посторонились. Этотъ колотитъ палочкой въ дощечку: значитъ, продаетъ полотно; тотъ несетъ живыхъ дикихъ утокъ, и мертвыхъ, висящихъ черезъ плечо, фазановъ, или наоборотъ. Разносчики кричатъ, какъ и у насъ. Вы только отсторонились отъ одного, а другой слегка трогаетъ за плечо, вы пятитесь, но тамъ торопливо кричитъ третій — вы отскакиваете, потому что у него въ обѣихъ рукахъ какія-то кишки. или длинная, волочащаяся по землѣ рыба. — «Куда намъ дѣться? двѣ коровы идутъ», сказалъ Б. К., и мы кинулись

въ лавочку, а коровы прошли дальше. Въ лавочкахъ, у открытыхъ дверей, расположены припасы на показъ: рыба разныхъ сортовъ и видовъ—вяленая, соленая, сушеная, свѣжая, одна въ видѣ сабли, такъ и называется саблей, другая съ раздвоенной головой, тамъ круглая, здѣсь плоская; далѣе раки, шримсы, морскіе плоды. Дичи неимовѣрное множество, особенно фазановъ и утокъ; они висятъ на дверяхъ, лежатъ кучами на полу.

Вотъ обширная въ глубину лавка, вся наполненная мужиками и бабами тоже. Это харчевня. Ну, такъ и хочется сказать: «здорово, хлѣбъ да соль!» Народъ группами сидитъ за отдѣльными столами, какъ и у насъ. Изъ маленькихъ синихъ чашекъ, безъ ручекъ, пьютъ чай, но не прикусываетъ широкоплечій ямщикъ по крошечкѣ сахаръ, какъ у насъ: сахару нѣтъ и не употребляютъ его съ чаемъ. Зато всѣ курятъ изъ маленькихъ трубокъ, съ длинными, тоненькими чубуками; это опять противно нашему: у насъ курятъ изъ коротенькихъ чубуковъ и предлинныхъ трубокъ. Надъ ними клубится облакомъ паръ отъ небольшихъ, поставленныхъ въ разныхъ углахъ лавки печей и, поклубившись по харчевнѣ, вырывается на улицу, обдаетъ неистовымъ, крѣпкимъ запахомъ прохожаго и исчезаетъ—яко дымъ. Чего тутъ нѣтъ! лепешки изъ тѣста лежатъ au naturel, потомъ, по востребованію, опускаются въ кипятокъ и подаются чрезъ нѣсколько минутъ готовыя. Рядомъ варится какая-то черная похлебка, едва ли лучше спартанской, съ кусочками свинины, или рыбы. Я видѣлъ даже щи—да, лѣнивыя щи: въ кипяткѣ варится кочанъ отличной зеленой капусты и кусокъ, кажется, баранины. Есть и оладьи, и жареная свинина, и шрожки.

Много знакомаго увидѣлъ я тутъ, но много и невиданнаго увидѣлъ, и особенно обонялъ. Боже мой, чего не ѣстъ человѣкъ! Конечно, я не скажу вамъ что, видѣлъ я, какъ одинъ китаецъ на рынкѣ, всенародно... Я думалъ прежде,

что много прибавляютъ путешественники, но теперь на опытѣ вижу, что кое-что приходится убавлять. Какихъ соусовъ нѣтъ тутъ! все это варится, жарится, печется, кипитъ, трещитъ, и теплымъ, пахучимъ паромъ разносится повсюду. Напрасно стали бы вы заглушать запахъ чѣмъ-нибудь: ни пачули, ни сами четыре разбойника не помогутъ; особенно два противные запаха преслѣдуютъ: отвратительнаго растительнаго масла, кажется, кунжутнаго, и чесноку.

Отдохнешь у лавки съ плодами: тутъ и для глазъ и для носа хорошо. Съ удивленіемъ взглянете вы на исполинскіе лимоны—апельсины, которые англичане называютъ памплъ-муссъ. Они величиной съ голову шести-семилѣтняго ребенка; кожа въ полтора пальца толщины. Ихъ подаютъ къ десерту, но не знаю, зачѣмъ: ѣсть нельзя. Мы попробовали-было, да никуда не годится: ни кислоты лимона нѣтъ, ни сладости апельсина. Говорятъ, они теперь неспѣлые, что, созрѣвши, кожа дѣлается тоньше и плодъ тогда сладокъ: развѣ такъ. Потомъ цѣлыми грудами лежатъ, какъ у насъ какой-нибудь картофель, *мандарины*, родъ мелкихъ, но очень сладкихъ и пахучихъ апельсиновъ. Они еще хороши тѣмъ, что кожа отдѣляется отъ нихъ сразу со всѣми волокнами, и вы получаете плодъ облупленный, какъ яйцо, сочный, почти прозрачный. Тутъ былъ и еще плодъ овальный, похожій на померанецъ, поменьше грецкаго орѣха; я забылъ его названіе. Я взялъ попробовать, раскусилъ и выбросилъ: еще хуже памплъ-мусса. Китайцы засмѣялись вокругъ, и не даромъ, какъ я узналъ послѣ. Были еще такъ-называемые жужубы, мелкія, сухія фиги, съ одной маленькой косточкой внутри. Онѣ сладки — про нихъ больше нечего сказать; развѣ еще, что они напоминаютъ собой немного вкусъ финиковъ: та же приторная, безхарактерная сладость, такъ же вязнетъ въ зубахъ. Орѣховъ множество: грецкихъ, миндальныхъ, фисташковыхъ и другихъ. Зелень

превосходная: особенно свѣжи зеленые, продолговатые кочни капусты, еще длинная и красная морковь, крупный лукъ и т. п.

Мы продолжали пробираться по рядамъ и вышли—среди криковъ и стука рабочихъ, которые, совершенно голые, немилосердно колотили хлопчатую бумагу въ своихъ мастерскихъ—къ магазину американца Фога. Тамъ все есть: готовое платье, посуда, матеріи, вина, сыръ, сельди, сигары, фарфоръ, серебро. Между съѣстными лавками мы наткнулись на китайскую лавочку, въ родѣ галантерейной. Тутъ продавались всякія мелочи. Я купилъ до тридцати разныхъ фигуръ, изъ мягкаго, разноцвѣтнаго камня *агальматолита* (agalmatolite, fragodite, pierre à magots ou à sculpture; Bildstein, Speckstein aus China), попросту называемаго *жировикомъ*. Камень этотъ, кромѣ Китая, находятъ мѣстами въ Венгріи и Саксоніи.

Нѣтъ, я вижу, уголка въ мірѣ, гдѣ бы не запрашивали неслыханную цѣну. Китаецъ запросилъ за каменныя издѣлія двадцать два доллара, а уступилъ за восемь. Этой слабости [illegible] и просвѣщенные, и [illegible]просвѣщенные народы, и наконецъ дикари. Кто у кого занялъ: мы ли у востока, онъ ли у насъ?

Наконецъ, мы вышли на [illegible] рѣчку, съ [illegible]. Тутъ стояла [illegible] часовня: въ ней [illegible] Будды. У подножія [illegible] мальчикъ. На [illegible], въ фуражкѣ, въ [illegible] часовня [illegible] Нарядъ [illegible] мелкихъ [illegible] и тотъ [illegible] руки [illegible] воду и [illegible] китай-

ская кухня, особенно при маслѣ, которое они употребляютъ въ пищу! Коровьяго масла у нихъ нѣтъ: его привозятъ сюда для европейцевъ изъ Англіи, и то, которое подавали въ Шанхаѣ, было несвѣжо. Иногда китайцы употребляютъ свиное сало.

Кстати о монетѣ. Въ Шанхаѣ ходитъ двухъ родовъ монета: испанскіе и американскіе доллары и мѣдная китайская монета. Испанскіе, и именно Карла IV, предпочитаются всѣмъ прочимъ и называются, не знаю почему, шанхайскими. На нихъ даже кладется отъ общества шанхайскихъ купцовъ китайская печать, въ знакъ того, что они не фальшивые. По случаю междоусобной войны, банкиры необыкновенно возвысили курсъ на доллары, такъ что долларъ, на наши деньги, вмѣсто обыкновенной цѣны 1 р. 33 к., стоитъ теперь около 2 р. Но это только при полученіи отъ банкировъ, а въ обращеніи онъ въ сущности стоитъ все то же, т. е. вамъ на него не дадутъ товара больше того, что давали прежде. Всѣ бросились мѣнять, т. е. повезли со всѣхъ сторонъ сюда доллары, и брали за нихъ векселя на Лондонъ и другія мѣста, выигрывая по два шиллинга на долларъ. При покупкѣ вещей, за все приходилось платить чуть не вдвое дороже; а здѣсь и безъ того дорого все, что привозится изъ Европы. Бѣда, кому нужно дѣлать большіе запасы: потеря огромная! Прочіе доллары, т. е. испанскіе же, но не Карла IV, а Фердинанда и другихъ, и мексиканскіе тоже, ходятъ по 80-ти центовъ. Кромѣ того, ходятъ полкроны и шиллинги, но ихъ очень мало въ обращеніи. Зато мѣдной монеты, или *кашей*, множество. Она чеканится изъ неочищенной мѣди, чуть не изъ самородка, и очень грязна на видъ; величиной монета съ четвертакъ, на ней грубая китайская надпись, а посрединѣ отверстіе, чтобы продѣвать бечевку. Я сначала не вдругъ понялъ, что значатъ эти длинныя связки, которыя китайцы таскаютъ въ рукахъ, чрезъ плечо и на шеѣ, въ видѣ ожерелья.

Я что-то купилъ въ лавочкѣ, центовъ на [illegible] мнѣ дали сдачи до тысячи монетъ. Ихъ въ [illegible] считаютъ до 1.500 штукъ. Я не зналъ, что дѣлать, но выручили нищіе: я почти все роздалъ имъ. Остатки, штукъ [illegible] въ числѣ любопытныхъ вещей, привезу показать вамъ.

— «Однакожъ часъ», сказалъ Б.: «пора домой: мы завтракать (онъ жилъ не въ отели), вамъ обѣдать». Мы пошли не прежней дорогой, а по каналу, и повернули въ первую длинную, и довольно узкую улицу, которая вела прямо къ трактиру. На ней тоже купеческіе дома, съ высокими заборами и садиками, тоже бѣжали въ припрыжку посильщики съ ношами. Мы пришли еще рано: наши не всѣ собрались: кто пошелъ по дѣламъ службы, кто фланировать, другіе хотѣли пробраться въ китайскій лагерь.

Чрезъ часъ по всему дому раздался звукъ гонга: это повѣстка готовиться идти въ столовую. Чрезъ полчаса мы сошли къ столу, около котораго суетились слуги, все китайцы. Особенно весело было смотрѣть на мальчишекъ. На ихъ маленькихъ лицахъ, съ немного заплывшими глазками, выгнутымъ татарскимъ лбомъ и висками, было много смѣтливости и плутовства; они живо бѣгали, мѣняли тарелки, подавали хлѣбъ, воду, и еще коверкали, и безъ того нековерканный, англійскій языкъ. Между прочимъ мы увидали тутъ темно-коричневое лицо, въ бѣлой чалмѣ, и съ зубами еще бѣлѣе. Мнѣ что-то лицо показалось знакомо, да и онъ глядѣлъ на насъ съ привѣтливой улыбкой. Я спросилъ его, кто онъ, откуда. «Madrasman», отвѣчалъ онъ: «я васъ знаю, я видѣлъ васъ въ Сингапурѣ».—«Какъ же ты сюда попалъ?»—«Такъ, пріѣхалъ служить».—«Что жъ тамъ дѣлалъ, чѣмъ былъ?»—«Купецъ».—«О, лжешь, думалъ я, хвастаешь, а еще полудикій сынъ природы!» Я сейчасъ же вспомнилъ его: онъ тамъ ѣздилъ съ маленькой каретой по городу, и однажды цѣлую улицу прошелъ рядомъ со мною, прося запомнить нумеръ его кареты и не брать другой. А

здѣсь онъ былъ буфетчикомъ, раздавалъ гостямъ кушанья, китайскимъ мальчишкамъ—щелчки.

Второй обѣдъ былъ полнѣе перваго. Тутъ, кромѣ супа, была вареная баранина и жареная баранина, вареная говядина и жареная говядина, вареныя куры и жареныя куры, fowl, потомъ гусь, ветчина, зелень. Это только первая перемѣна. Вторая и послѣдняя состояла изъ дичи и пирожнаго. И то, и другое подается вмѣстѣ, мнѣ кажется между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ гости раздѣлились на партіи, одни за пирожное, другіе за жаркое. Пирожное то же самое, что я ѣлъ въ Лондонѣ, въ Портсмутѣ и на мысѣ Доброй Надежды, арруфау, сладкая яичница, и пудингъ съ коринкой.

После обѣда пришелъ Б. К. и я и[illegible] повезли его показывать ему городъ и окрестности. Мы выѣхали на набережную [illegible]

[illegible]

и отличія этого чиновно-аристократическаго царства. По временамъ изъ лагеря попаливали, но больше холостыми зарядами, для того, какъ сказывали намъ англійскіе офицеры, чтобъ показать, что они бдятъ. Въ самомъ дѣлѣ только бдятъ и пугаютъ другъ друга. Они палятъ и въ туманъ, ночью, не видя непріятеля. Хоть бы ночное нападеніе и пожаръ, который мы видѣли съ рѣки Вусуна — жалкая карикатура на сраженіе.

Имперіалистами командуетъ здѣсь правитель шанхайскаго округа, Таутай Самква. Онъ собралъ войско и расположилъ его лагеремъ у городскихъ стѣнъ, а самъ живетъ на джонкахъ и дѣйствовалъ съ рѣки. Какъ бы, кажется, не выгнать толпу бродягъ и оборванцовъ? Но до сихъ поръ всѣ его усилія напрасны, европейцы сохраняютъ строгій нейтралитетъ, несмотря на то, что онъ предлагаетъ каждому европейцу по двадцати, кажется, долларовъ въ сутки, если кто пойдетъ къ нему на службу. Охотниковъ до сихъ поръ является мало. Ночное нападеніе ему не удалось. Онъ пробовалъ зажечь городъ, но и то неудачно: выгорѣло одно предмѣстье, потому что городъ зажженъ былъ противъ вѣтра и огонь не распространился. А сколько мелкихъ и безполезныхъ жестокостей употреблено было! И это не устрашаетъ инсургентовъ. Тѣ заперлись-себѣ въ крѣпости, получаютъ съѣстные припасы черезъ стѣны изъ города — и знать ничего не хотятъ.

Пока я стоялъ на валу, нѣсколько имперіалистовъ вдругъ схватили изъ толпы одного человѣка, на видъ очень смирнаго, и потащили къ лагерю. Я думалъ, что это обыкновенная, уличная сцена, ссора какая-нибудь: но тутъ случился англичанинъ, который растолковалъ мнѣ, что имперіалисты хватаютъ всякаго, кто оплошаетъ, и, въ качествѣ мятежника, ведутъ въ лагерь, повязавъ ему что-нибудь красное на голову, какъ признакъ возмущенія. А тамъ ему рубятъ голову и втыкаютъ на пику. За всякаго приведен-

наго инсургента даютъ награду. «Oh, that's bad, very bad!» (худо!), заключилъ англичанинъ, махнулъ рукой и пошелъ прочь.

Но и инсургенты платятъ за это хорошо. На-дняхъ они объявили, что готовы сдать городъ и просятъ прислать полномочныхъ для переговоровъ. Таутай обрадовался и послалъ къ нимъ девять чиновниковъ или мандариновъ, со свитой. Едва они вошли въ городъ, инсургенты предали ихъ тѣмъ ужаснымъ, утонченнымъ мученіямъ, которыми ознаменованы всѣ междоусобныя войны.

Англичанинъ этотъ, про котораго я упомянулъ, ищетъ впечатлѣній и приключеній. Онъ каждый день съ утра отправляется, съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ, то въ лагерь, то въ осажденный городъ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается, нужды нѣтъ, что китайское начальство устранило отъ себя отвѣтственность за все непріятное, что можетъ случиться со всякимъ европейцемъ, который, безъ особенныхъ позволеній и предосторожностей, отправится на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Наши вздумали тоже идти въ лагерь; я предвидѣлъ, что они недолго проходятъ, и не пошелъ, а сѣлъ, въ ожиданіи ихъ, на бревно подлѣ дороги и смотрѣлъ, какъ ѣздили англичанки. Вотъ несется полная, величавая, одна изъ тѣхъ великолѣпныхъ, драпирующихся въ большую шаль, женщинъ, съ побѣдоносной походкой, отъ которыхъ невольно сторонишься. Она, какъ монументъ, крѣпко сидѣла на рослой лошади, и та, какъ будто чувствуя, кого несетъ на хребтѣ, скакала плавно. Подлѣ нея, свѣсивъ до полу ноги, ѣхалъ англичанинъ, такой жидкій и невеличественный, какъ полна и величественна была его супруга. Другая, низенькая и невзрачная женщина, точно мальчишка, тряслась на сѣдлѣ, на маленькой рыжей лошаденкѣ, колотя по немъ своей особой, такъ что слышно было. Третья — писанная, что называется красавица: румяная, съ алымъ ротикомъ,

въ видѣ сердечка, и ограниченностью въ синихъ глазахъ. Всѣ эти барыни были съ такими тоненькими, не скажу стройными, таліями, такъ обтянуты амазонками, что китайская публика, кажется, смотрѣла на нихъ, больше съ состраданіемъ, нежели съ удовольствіемъ.

Я не долго ждалъ своихъ; какъ я думалъ, такъ и вышло: ихъ не пустили, и мы отправились другой дорогой домой, опять мимо полей и огородовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поливали ведрами навоза поля: мы бѣжали, что стало силъ, отъ этой пахучей идилліи. Ужъ вечерѣло. Солнце опустилось: я взглянулъ на небо и вспомнилъ отчасти тропики: та же блѣдно-зеленая чаша, съ золотымъ отливомъ надъ головой, но не было живописнаго узора облаковъ, млѣющихъ въ страстной тишинѣ воздуха; только кое-гдѣ, дрожа, искрились бѣлыя звѣзды. Луна раздѣлила улицы и дороги на двѣ половины, черную и бѣлую. — «Вотъ зима-то! Ахъ, если бъ намъ этакую!» говорилъ я, пробираясь между изсохшими кустами хлопчатой бумаги, клочья которой оставались еще кое-гдѣ на сучьяхъ и бѣлѣли, какъ снѣжный пухъ. Въ байковомъ пальто было жарко идти. Вдали скакали въ городъ джентльмены и лэди, торопясь обѣдать.

Въ шесть часовъ мы были уже дома и сѣли за третій обѣдъ—съ чаемъ. Отличительнымъ признакомъ этого обѣда, или «ужина», какъ упрямо называлъ его О. А., было отсутствіе супа и присутствіе сосисекъ съ перцомъ, или, лучше, перца съ сосисками — такъ было его много положено. Чай тоже, кажется, съ перцомъ. Есть мы однакожъ не могли: только шкиперскіе желудки флегматически поглощали мясо, черезъ три часа послѣ обѣда.

Вечеромъ мы собрались въ *клубъ*, т.-е. въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ, гдѣ жило больше постояльцевъ, гдѣ свѣтлѣе горѣла лампа, не дымилъ каминъ, и куда приносили больше каменнаго угля, нежели въ другіе номера. Театра нѣтъ здѣсь, общества тоже, если хотите въ строгомъ

смыслѣ, нѣтъ. Всюду, куда забрались англичане, вы найдете чистую комнату, каминъ съ каменнымъ углемъ, отличный кусокъ мяса, хересъ и портвейнъ, но не общество. И не ищите его. Англичане всюду умѣютъ внести свою чопорность, негибкіе нравы и скуку. Васъ пригласятъ обѣдать; вы, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, явитесь туда; если есть аппетитъ—ѣдите, какъ ѣдали баснословные герои, или какъ новѣйшіе извозчики, пьете еще больше, но говорите мало, ce n'est pas de rigueur, потомъ тихонько исчезаете. Но не думайте придти сами, безъ зову. По дѣлу можете, и то въ указанный часъ; а просто побесѣдовать сами — нельзя. Да и день такъ расположенъ: утро всѣ заняты, потомъ гуляютъ, съ семи и до десяти и одиннадцати часовъ обѣдаютъ, а тамъ спятъ. Въ Англіи есть клубы; тамъ вы видитесь съ людьми, съ которыми привыкли быть вмѣстѣ, а здѣсь европейская жизнь такъ быстро перенеслась на чужую почву, что не успѣла пустить корней, и отъ того должно-быть скучно. Не знаю, что дѣлаютъ молодые люди; немолодые наживаютъ деньги. Какой-нибудь мистеръ Каннингамъ, или другой, подобный ему представитель торговаго дома, проживетъ лѣтъ пять, наживетъ тысячъ двѣсти долларовъ, и уѣзжаетъ откуда пріѣхалъ, уступая мѣсто другому члену того же торговаго дома.

Мы очень разнообразили время въ своемъ клубѣ: одинъ писалъ, другой читалъ, кто разсказывалъ, кто молча курилъ и слушалъ, но всѣ жались къ камину, потому что какъ ни красиво было небо, какъ ни ясны ночи, а зима давала себя чувствовать, особенно въ здѣшнихъ домахъ.

Только П. А. Т., оставаясь одинъ въ Шанхаѣ, перебрался въ лучшую комнату и, общій баловень на фрегатѣ, пріобрѣлъ и тутъ какъ-то вниманіе цѣлаго дома. У него лучше и раньше прибиралась комната, въ корзинкѣ было больше угля, нежели у другихъ. У насъ, у всѣхъ, принесутъ горсть угля и потомъ не допросишься. Явная неспра-

ведливость! Мы вчетверомъ составили компанію на акціяхъ для добыванія каменнаго угля изъ номера П. А. Такъ попросить—онъ бы, или вовсе отказалъ, или далъ бы *самую малость*, какъ онъ говоритъ. А намъ нужно было натопить два номера. Мы положили такъ: И. В. Ф. заговоритъ съ Т. о хозяйствѣ—это любимая его тема, а В. А. К. и А. Е. К. въ это время понесутъ корзину съ углемъ. Мнѣ досталась самая легкая роль: прикрыть отступленіе В. А. и А. Е., что я сдѣлалъ, ставъ къ камину спиной и раздвинувъ немного, какъ дѣлаютъ, не знаю зачѣмъ, англичане, полы фрака. Фур. заговорилъ о шанхайской капустѣ, о томъ, какая она зеленая, сочная, разспрашивалъ, годится ли она во щи и т. п. Уголь давно уже пылалъ въ каминахъ, а П. А. все еще разсказывалъ о капустѣ. Мы дослушали изъ приличія, Фур. внимательно, я—разсѣянно.

На другой день, вставши и пообѣдавши, я пошелъ, уже по знакомымъ улицамъ, въ магазины купить и заказать кое-что. Въ улицѣ, налѣво отъ гостиницы, сказали мнѣ, есть магазинъ: четвертый или пятый домъ. Я прошелъ шестой, а все магазина не вижу, и раза два ходилъ взадъ и впередъ, не подозрѣвая, что одно широкое, осѣненное деревьями крыльцо и есть входъ въ магазинъ. Меня встрѣтилъ пожилой мужчина, черноволосый, съ клинообразной бородой, въ длинномъ шлафорѣ-сюртукѣ, несовсѣмъ чистымъ англійскимъ выговоромъ. — «Жидъ!» шепнулъ мнѣ бывшій со мной Г., успѣвшій ужъ обѣгать европейскій кварталъ. Тутъ, какъ и у Фога и какъ во всякой провинціи, было все въ магазинѣ. Мы накупили сапогъ, башмаковъ, и отправились къ Фогу за сигарами, но въ дверяхъ столкнулись съ высокимъ, черноволосымъ мужчиной. — «Вотъ самъ Фогъ», сказалъ опять Г.: «онъ — жидъ!» Онъ, какъ легавая собака дичь, чуялъ жидовъ.

Мы пошли прямо и вышли на рѣчку. Я зашелъ за Б. К. — «Пойдемте, я вамъ буду показывать городъ», сказалъ

я. Онъ молча послѣдовалъ за мною. Рѣчка, раздѣляющая европейскій кварталъ отъ китайскаго, шириной всего саженъ пять, мутна какъ и самъ Янсекіянъ, какъ и Вусунъ. На рѣчкѣ толпятся джонки, на которыхъ живутъ китайскія семейства; по берегамъ движется цѣлое народонаселеніе купцовъ, лодочниковъ, разнаго рода мастеровыхъ. Въ одномъ мѣстѣ насъ остановилъ пріятный запахъ: это была мастерская издѣлій изъ камфарнаго дерева. Мы зашли въ сарай и лавку и очутились среди гробовъ, сундуковъ и ларцовъ. Когда мы вошли, запахъ камфары, издали очень пріятный, такъ усилился, что казалось, какъ будто къ щекамъ нашимъ вдругъ приложили по подушечкѣ съ камфарой. Мы хотѣли купить сундуки изъ этого дерева, но не было возможности объясниться съ китайцами. Мы имъ по-англійски, они по-своему; прибѣгали къ пальцамъ, но ничего изъ этого не выходило. Двѣ дѣвки, работавшія тутъ же, и одна прехорошенькая, смѣялись исподтишка, глядя на насъ; рыжая собака съ ворчаньемъ косилась: запахъ камфары сильно щекоталъ нервы въ носу. Мы, шагая по стружкамъ, выбрались и пошли къ Фогу, а потомъ отправились отыскивать еще магазинъ, французскій, о существованіи котораго носились темные слухи и который не давался намъ другой день.

Мы быстро миновали базаръ и всѣ запахи, прошли мимо хлопчато-бумажныхъ прядиленъ, харчевенъ, разносчиковъ, часовни съ Буддой, и перебѣжали мостикъ.—«Куда же теперь, налѣво или направо?» спросилъ я Б. — «Да куда-нибудь, хоть налѣво!» Прямо передъ нами былъ узенькій-преузенькій переулочекъ, темный, грязный, откуда, какъ тараканы изъ щели, выходили китайцы; направо большой европейскій каменный домъ; настежь отворенныя ворота вели на чистый дворъ, съ деревьями, къ широкому чистому крыльцу. Налѣво открылся намъ цѣлый новый китайскій кварталъ, новый лабиринтъ лавокъ, почище и побогаче, не-

жели на той сторонѣ. Тутъ были лавки съ матеріями, мебельныя; я любовался на китайскую мебель, о которой говорилъ выше, съ рельефами и деревянной мозаикой. Здѣсь нѣтъ харчевенъ, и меньше толкотни. Лавки начали рѣдѣть; мы шли мимо превысокихъ, какъ стѣны крѣпости, заборовъ изъ бамбука, за которыми лежали груды кирпичей, и, наконецъ, прошли черезъ огромный дворъ, весь изрытый и отчасти заросшій травой, и очутились подъ стѣнами осажденнаго города.

Извѣстно, что китайцы—ужасные педанты, не признаютъ городомъ того, который *не огороженъ*; оттого у нихъ каждый городъ окруженъ стѣной, между прочимъ и Шанхай.

Но какая картина представилась намъ! Еще издали мы [illegible] смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ и не могли понять, что̀ это такое. Теперь поняли. Насъ отъ [illegible] раздѣлялъ ровъ; по ту сторону рва, подъ самыми стѣнами, толпилось болѣе тысячи человѣкъ народу и горланили во всю мочь. На стѣнѣ, облѣпивъ ее, какъ мухи, горланила [illegible] тысяча человѣкъ, инсургентовъ. Внизу были раз[illegible]. Они принесли изъ города все, что̀ только можно [illegible] притащить, привезти и приволочь. Живность, зе[illegible], дрова, цѣлыя бревна медленно ползли по [illegible] сверхъ. Стѣна, изъ сѣраго кирпича, очень высока, [illegible] саженъ въ шесть вышиною, и претолстая. [illegible] во все горло требовали—одинъ свинью, другой [illegible] курицу, торговались, бранились, наконецъ, [illegible], сверху спускалась по веревкѣ корзина съ [illegible] поднималась съ курами, апельсинами, съ плать[illegible] доски, тутъ спорили. Кутерьма ужасная! [illegible] ничего нельзя было разобрать. Я убѣдился [illegible] осаждаютъ городъ гораздо дѣятель[illegible] имперіалистовъ. Тамъ слышны лѣнивые [illegible] осаждаютъ, чтобъ истребить осажденныхъ, а [illegible] ихъ существованіе.

Наши проникли-таки потомъ въ лагерь, въ обществѣ англійскихъ офицеровъ, и видѣли груды жареныхъ свиней, куръ, лепешекъ и т. п., принесенныхъ въ жертву пушкамъ и разставленныхъ у жерлъ.

Осаждающіе могли бы, конечно, помѣшать снабженію города съѣстными припасами, если бъ сами имѣли больше свободы, нежели осажденные. Но они не смѣютъ почти показываться изъ лагеря, тогда какъ мы видѣли ежедневно инсургентовъ, свободно разгуливавшихъ по европейскому городу. У этихъ и костюмъ другой; лба уже они не брѣютъ какъ унизительнаго, введеннаго манчжурами, обычая. Но и тѣхъ, и другихъ англичане и американцы держатъ въ рукахъ. Нѣтъ видѣлъ, какъ два всадника, возвращаясь изъ города въ лагерь, проѣхали по землѣ, отведенной для прогулокъ англичанамъ, и какъ англійскій офицеръ съ *Спартана* поколотилъ ихъ обоихъ палкой за это, такъ что одинъ свалился съ лошади. Ровъ и стѣна, гдѣ торгуютъ разносчики, обращены къ городу; и если бъ одно ядро попало въ европейскій кварталъ, тогда и осажденные, и осаждающіе не раздѣлались бы съ консулами. Одно и такъ попало нечаянно въ колесо французскаго парохода: командиръ хотѣлъ открыть огонь по городу. Не знаю, какъ уладили дѣло.

Вообще обращеніе англичанъ съ китайцами, да и съ другими, особенно подвластными имъ народами, не то чтобъ было жестоко, а повелительно, грубо, или холодно-презрительно, такъ что смотрѣть больно. Они не признаютъ эти народы за людей, а за какой-то рабочій скотъ, который они, пожалуй, не бьютъ, даже холятъ, т.-е. хорошо кормятъ, исправно и щедро платятъ имъ, но не скрываютъ презрѣнія къ нимъ. Къ намъ повадился ходить въ отель офицеръ, не флотскій, а морскихъ войскъ, съ *Спартана*, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати: онъ, кажется, тоже не прочь отъ приключеній. Его звали Стоксъ: онъ безпрестанно ходилъ

и въ осажденный городъ, и въ лагерь. Мы съ нимъ гуляли по улицамъ, и если впереди насъ шелъ китаецъ и, не замѣчая насъ, долго не сторонился съ дороги, Стоксъ безъ церемоніи оралъ его за косу и оттаскивалъ въ сторону. Китаецъ, сначала оторопѣетъ, потомъ съ улыбкой подавленнаго негодованія посмотритъ вслѣдъ. А нѣтъ, конечно, народа смирнѣе, покорнѣе и учтивѣе китайца, исключая кантонскихъ: тѣ, какъ и всякая чернь въ большихъ городахъ, грубы и сварливы. А здѣсь я не видалъ насмѣшливаго взгляда, который онъ китаецъ кинулъ на европейца: на лицахъ видишь почтительное и робкое вниманіе. Англичане вотъ какъ платятъ за это: на ихъ же счетъ обогащаются, отравляютъ ихъ, да еще и презираютъ свои жертвы! Нашъ хозяинъ, Дональдъ конечно, плюгавѣйшій изъ англичанъ, вѣроятно, нищій въ Англіи, иначе какъ рѣшиться отправиться на чужую почву заводить трактиръ, безъ видовъ на успѣхъ — и этотъ Дональдъ, сказывалъ Т., такъ билъ одного изъ китайцевъ, слугъ своего трактира, что «меня даже жалость взяла», прибавилъ добрый П. А.

Не знаю, кто изъ нихъ кого могъ бы цивилизовать: не китайцы ли англичанъ своею вѣжливостью, кротостью, да и умѣньемъ торговать тоже.

Полюбовавшись на осаду продавцовъ, мы пошли по берегу рѣки искать домъ французскаго консула и французскій магазинъ. Утромъ шелъ дождь, и ноги вязли въ клейкой грязи. Мы кое-какъ выбрались къ мостику, видѣли вѣющій надъ кучей крышъ французскій флагъ, и все не знали, какъ подойти къ нему. Мы остановились въ нерѣшительности у мостика, подлѣ большого каменнаго европейскаго дома, настежь отворенными воротами. Я вошелъ на дворъ, отворилъ дверь въ домъ и очутился въ свѣтломъ, чистомъ, прекрасномъ магазинѣ, похожемъ на всѣ европейскіе большіе магазины. «Гдѣ это я?» спросилъ я вслухъ.— «Въ большомъ магазинѣ Реми», отвѣчалъ забравшійся

туда прежде насъ Г. Ко мнѣ подошелъ пожилой, невысокій брюнетъ, и заговорилъ по-французски.—«Посмотрите-ка на хозяина», сказалъ мнѣ Г. по-русски. Я посмотрѣлъ.—«А что?» — «Развѣ не видите?» — «Вижу... Да что такое?» — «Жидъ!» отвѣчалъ онъ.

Изъ этого очерка одного изъ пяти открытыхъ англичанамъ портовъ, вы никакъ не заключите, какую блистательную роль играетъ теперь, и будетъ играть еще современемъ, Шанхай! И въ настоящее время онъ въ здѣшнихъ моряхъ затмилъ, колоссальными цифрами своихъ торговыхъ оборотовъ, Гон-Конгъ, Кантонъ, Сидней, и занялъ первое мѣсто послѣ Калькуты, или «Калькатты», какъ ее называютъ англичане. А все опіумъ! За него китайцы отдаютъ свой чай, шелкъ, металлы, лѣкарственныя, красильныя вещества, потъ, кровь, энергію, умъ, всю жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берутъ все это, обращаютъ въ деньги, и такъ же хладнокровно переносятъ старый, уже заглохнувшій упрекъ за опіумъ. Они, не краснѣя, слушаютъ его и ссылаются одни на другихъ. Англійское правительство молчитъ — одно, что остается ему дѣлать, потому что многія, стоящія во главѣ правленія лица, сами разводятъ макъ на индійскихъ своихъ плантаціяхъ, сами снаряжаютъ корабли и шлютъ въ Янсекіянъ. За 16-ть миль до Шанхая, въ Вусунѣ, стоитъ цѣлый флотъ, такъ-называемыхъ опіумныхъ судовъ. Тамъ складочное мѣсто отравы. Другія суда привозятъ и сгружаютъ, а эти только сбываютъ грузъ. Торгъ этотъ запрещенъ, даже проклятъ китайскимъ правительствомъ: но что толку въ проклятіи безъ силы? Въ таможню опіума, разумѣется, не повезутъ, но если кто провезетъ тайкомъ, тому, кромѣ огромныхъ барышей, ничего не достается.

Мало толку правительству и отъ здѣшней таможни, даромъ, что таможенные чиновники засѣдаютъ въ томъ же зданіи, гдѣ засѣдалъ прежде Будда, т.-е., въ кумирнѣ. Ки-

тайцы съ жадностью кидаются на опіумъ и быстро сбываютъ товаръ внутрь. Китайское правительство имѣетъ право осматривать товаръ на судахъ только тогда, когда увѣрено, что найдетъ его тамъ. А оно никогда не найдетъ, потому что подкупленные агенты всегда умѣютъ заблаговременно предупредить хозяина, и грузъ бросятъ въ рѣку, или свезутъ: тогда правительство, за фальшивое подозрѣніе, не раздѣлается съ иностранцами, и оттого осмотра никогда не бываетъ. Англійское правительство оправдывается тѣмъ, что оно не властно запретить сѣять въ Индіи макъ, а присматривать-де за неводвореніемъ опіума въ Китаѣ—не его дѣло, а обязанность китайскаго правительства. Это говоритъ то же самое правительство, которое участвуетъ въ святомъ союзѣ противъ торга неграми!

Но что понапрасну бросать еще одинъ слабый камень въ зло, въ которое брошена безполезно тысяча? Не странно ли: дѣло такъ ясно, что и спору не подлежитъ; обвиняемая сторона молчитъ, сознавая преступленіе, и судъ изреченъ, а приговора исполнить некому!

Безстыдство этого скотолюбиваго народа доходитъ до какого-то героизма, чуть дѣло коснется до сбыта товара, какой бы онъ ни былъ, хоть ядъ! Другой примѣръ меркантильности англичанъ еще разительнѣе: не будь у каффровъ ружей и пороха, англичане одною войной навсегда положили бы предѣлъ ихъ грабежамъ и возмущеніямъ. Поэтому и запрещено, подъ смертною казнью, привозить имъ порохъ; между тѣмъ каффры продолжали дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Долго не подозрѣвали, откуда они берутъ военные припасы: да однажды, на пути отъ одного изъ портовъ, взорвало нѣсколько ящиковъ съ порохомъ, который везли, вмѣстѣ съ прочими товарами, къ каффрамъ—*съ англійскихъ* же судовъ! Они возили это угощеніе для своихъ же соотечественниковъ: это ужъ—изъ рукъ вонъ—торговая нація!

Страшно и сказать вамъ итогъ здѣшней торговли. Тридцать пять лѣтъ назадъ, въ цѣлый Китай привозилось европейцами товаровъ всего на сумму около пятнадцати милліоновъ серебромъ. Изъ этого опіумъ составлялъ немного болѣе четвертой части. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, еще до китайской войны, привозъ увеличился вдвое, т.-е. болѣе, нежели на сумму тридцать милліоновъ серебромъ, и привозъ опіума составлялъ уже четыре пятыхъ, и только одну пятую другихъ товаровъ. Это въ цѣломъ Китаѣ. А теперь гораздо больше привозится въ одинъ Шанхай. Шанхай играетъ безспорно первостепенную роль въ китайской торговлѣ. Онъ возвысился не насчетъ сосѣднихъ городовъ: Амоя, Нингпо и Фу-Чу-Фу; эти мѣста имѣли свой кругъ дѣятельности, свой родъ товаровъ, и все это имѣютъ до сихъ поръ.

Но Кантонъ и Гон-Конгъ не могли не потерять отчасти своего значенія съ тѣхъ поръ, какъ открылась торговля на сѣверѣ. Многія произведенія сѣвернаго края нашли ближайшую точку отправленія, и притокъ ихъ къ этимъ двумъ мѣстамъ уменьшился. Но опасеніе насчетъ предполагаемаго совершеннаго упадка—не основательно. Заключая въ своихъ стѣнахъ около милліона жителей и не одинъ десятокъ въ подвѣдомственныхъ ему и близлежащихъ областяхъ, Кантонъ будетъ всегда служить рынкомъ для этихъ жителей, которымъ нѣтъ надобности искать работы и сбыта товаровъ въ другихъ мѣстахъ. Притомъ онъ мануфактурный городъ: не легко широкій притокъ товаровъ его къ южному порту поворотить въ другую сторону, особенно когда этотъ портъ имѣетъ еще на своей сторонѣ право старшинства. Гон-Конгъ тоже не падетъ отъ возвышенія Шанхая, а только потеряетъ нѣсколько, и потерялъ уже, какъ складочное мѣсто: теперь многія суда обращаются непосредственно въ Шанхай, тогда какъ прежде обращались, съ грузами, или за грузами, въ Гон-Конгъ.

Причины возвышенія Шанхая заключаются въ выгод-

вырывается изъ непривычныхъ рукъ, вмѣстѣ съ платьемъ и, сопровождаемая бранью, падаетъ на полъ.

Мы пришли въ самую пору, т.-е. послѣдніе. Въ гостиной собралось человѣкъ восемь. Кромѣ насъ четверыхъ или пятерыхъ, тутъ были командиры англійскихъ и американскихъ судовъ, и еще какіе-то негоціанты, да молодые люди, служащіе въ конторѣ Каннингама, тоже будущіе негоціанты.

Столъ былъ заставленъ блюдами. — «Кому ѣсть всю эту массу мясъ, птицъ, рыбъ?»—вотъ вопросъ, который представится каждому, не-англичанину и не-американцу. Но надо знать, что въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ для слугъ особеннаго стола не готовится; они ѣдятъ то же самое, что̀ и господа, оттого нечего удивляться, что чуть не цѣлые быки и бараны подаются на столъ.

Кругомъ по столу ходили постоянно три графина, съ портвейномъ, хересомъ, мадерой, и останавливались на минуту передъ каждымъ гостемъ. Всякій нальетъ себѣ, чего ему вздумается. Шампанское человѣкъ разносилъ въ теченіе цѣлаго обѣда и наливалъ сейчасъ же, какъ только замѣтитъ у кого-нибудь пустую рюмку.—«Г. Каннингамъ желаетъ выпить съ вами рюмку вина», сказалъ, чисто по-англійски, наливая мнѣ шампанскаго, китаецъ, одѣтый очень порядочно и похожій, въ своемъ костюмѣ, немного на нашихъ богатыхъ ярославскихъ бабъ. Онъ говорилъ это почти каждому гостю. Выпить съ кѣмъ-нибудь рюмку вина — значитъ поднять свою рюмку, показать ее тому, съ кѣмъ пьешь, а онъ покажетъ свою, потомъ оба кивнутъ другъ другу и выпьютъ. Черезъ минуту сосѣди мои стали пить со мной по рюмкѣ, а тамъ пошло наперекрестъ, кто съ кѣмъ хотѣлъ.

Это была бы сущая напасть для непьющихъ, если бъ надо было выпивать по цѣлой рюмкѣ, но никто не обязывается къ этому. Надо только налить, или долить рюмку, а выпить можно хоть каплю.

нанесенный торговлѣ; его, какъ ударъ землетрясенія, почувствуютъ Гон-Конгъ, Сингапуръ, Индія, Англія и Соединенные Штаты. Хотя торгъ, особенно опіумомъ, не прекратился, но всѣ китайскіе капиталисты разбѣжались, ушли внутрь, и сбытъ производится лѣниво, сравнительно съ прежнимъ, и все-таки громадно само-по-себѣ. Въ самомъ Шанхаѣ лавки и дома заперты, богатые купцы выбрались, а оставшіеся заплатили контрибуцію инсургентамъ. Одинъ изъ этихъ купцовъ оказался католикомъ и былъ обложенъ пошлиною въ восемьдесятъ тысячъ испанскихъ піастровъ; но дѣло кончилось, кажется, на шести или семи тысячахъ.

Суда, хотя и не въ прежнемъ числѣ, продолжаютъ подвозить товары въ городъ и окрестности, мимо таможни. Таутай, однакожъ, протестовалъ противъ явнаго нарушенія таможенныхъ правилъ и отнесся къ англійскому консулу, требуя уплаты пошлинъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли право мѣстная власть требовать пошлинъ, когда она не въ силахъ ограждать торговлю, о которой купцы должны заботиться сами. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе дѣла оставлено до конца войны, а конца войны не предвидится, судя по началу; по крайней мѣрѣ, шанхайская война скоро не кончится.

Въ Нанкинѣ, лежащемъ повыше на Янсекіянѣ, теперь главный пунктъ инсургентовъ. Тамъ же живетъ и главный начальникъ ихъ, и вмѣстѣ претендентъ на престолъ, Тайпинъ-Ванъ. Нанкинскіе инсургенты считаютъ Шанхай слишкомъ ничтожнымъ пунктомъ, и оттого не посылаютъ туда подкрѣпленія. Французскій полномочный, Бурбулонъ, ѣздилъ со свитою на пароходѣ въ Нанкинъ: Тайпинъ-Ванъ не принялъ его, а предоставилъ видѣться съ нимъ своему секретарю. На вопросъ француза, какъ намѣрено дѣйствовать новое правительство, если оно утвердится, Тайпинъ-Ванъ отвѣчалъ, что подданные его, *какъ христіане*, приходятся европейцамъ братьями и будутъ дѣйствовать въ

бильярдѣ. Хозяинъ и нѣкоторые гости, узнавъ, что мы собираемся играть русскую, пятишаровую партію, пришли было посмотрѣть, что это такое, но какъ мы съ П., въ теченіе полчаса, не сдѣлали ни одного шара, то они постояли, да и ушли, составивъ себѣ, вѣроятно, не совсѣмъ выгодное понятіе о русской партіи.

Третій, пятый, десятый, и такъ далѣе, дни текли однообразно. Мы читали, гуляли, разсѣянно слушали пальбу инсургентовъ и имперіалистовъ, обѣдали три раза въ день, передѣлали всѣ свои дѣла, отправили почту, и между прочимъ, адмиралъ отправилъ курьеромъ въ Петербургъ лейтенанта Кроуна, съ донесеніями, образчиками товаровъ и прочими результатами нашего путешествія до сихъ мѣстъ. Стало скучно. Куда бы нибудь въ другое мѣсто пора! твердили мы. Всѣхъ здѣсь знаемъ и всѣ знаютъ насъ. Со всѣми кланяемся и разговариваемъ.

Утромъ, 6-го декабря, въ самый зимній и самый великолѣпный солнечный день, съ 15° тепла, собрались мы вчеверомъ гулять на цѣлый день: О. А., В. А. К., П—тъ и я. Мы долго шли берегомъ до самаго дока, противъ котораго стояла шкуна. На плоту переѣхали рукавъ Вусуна, тамъ же переѣзжало много китайцевъ на другомъ плоту. Какой-то старый купецъ хотѣлъ прыгнуть къ намъ на плотъ, когда этотъ отвалилъ уже отъ берега, но не попалъ и бухнулся въ воду, къ общему удовольствію собравшейся на берегу публики. Старикъ держалъ за руку сына, или внука, мальчика лѣтъ семи: и тотъ упалъ. «Тата, тата!» (тятя) кричалъ онъ въ водѣ. П—тъ, пылкій мой сосѣдъ, являющійся всегда, когда надо помочь кому-нибудь, явился и тутъ и вытащилъ мальчика, а другіе—старика.

Мы заѣхали на шкуну. Тамъ, у борта, застали большую китайскую лодку, съ разными бездѣлками: рѣзными вещами изъ дерева, вазами, тростями изъ бамбука, каменными изваяніями идоловъ и т. п. Я хотя и старался пройти мимо

искушенія, закрывъ глаза и уши, однако купилъ этихъ пустяковъ долларовъ на десять. Мы слегка позавтракали на шкунѣ и, воротясь на берегъ, прошли чрезъ докъ. Докъ безъ шлюзъ, а просто съ проходомъ, который закладывается иломъ, когда судно впустятъ туда; а надо выпустить — илъ выкидывается на берегъ, въ кучу: работа не легкая! Но что̀ значитъ трудъ для китайцевъ. Докъ принадлежитъ частному человѣку, англичанину, кажется. Большое пространство около дока завалено камфарными деревьями, необыкновенно длинными и толстыми. Этотъ лѣсъ идетъ на разныя корабельныя надобности.

Оттуда мы вышли въ слободку, окружающую докъ, и по узенькой улицѣ, наполненной лавчонками, дымящимися харчевнями, толпящимся, продающимъ, покупающимъ народомъ, вышли на рѣчку, прошли чрезъ съѣстной рынокъ, кое-гдѣ останавливаясь. Видѣли какіе-то неизвѣстные намъ фрукты, или овощи, темные, сухіе, немного похожіе видомъ на каштаны, но съ рожками. О. А. указалъ еще на орѣхи, называя ихъ «водяными грушами».

В. А. К., который способенъ ѣсть все, не морщась, что̀ попадетъ подъ руку — китовину, сивуча, что̀ хотите, пробуетъ все съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и не нахвалится. Много разныхъ подобныхъ лакомствъ, орѣховъ, пряниковъ, пастилъ и т. п. продается на китайскихъ улицахъ.

Съ рѣчки мы повернули направо и углубились въ поля. Точно залы, а не нивы. Мы шли по маленькимъ, возвышающимся надъ нивами тропинкамъ, которыя разграничиваютъ поля. На межахъ растутъ большія деревья. Деревень нѣтъ, все фермы. Каждый крестьянинъ живетъ отдѣльно въ огороженномъ домѣ, среди своего поля, которое и обрабатываетъ. Похоже на Англію. На многихъ поляхъ видѣли надгробные памятники, то черезчуръ простые, то слишкомъ затѣйливые. Больше всего квадратные, или продолговатые камни, а на одномъ полѣ видѣли изваянныя, изъ бѣлаго

камня, группы лошадей и всадниковъ. Грубо сдѣлано. Надо вспомнить, что и за артисты работаютъ эти вещи!

Пробираясь черезъ большое поле гуськомъ, по узенькой тропинкѣ, мы вдругъ остановились всѣ четверо. Вдали шла процессія: носильщики несли... сундукъ не сундукъ — «гробъ», сказалъ кто-то. Мы бросились въ ту же сторону: она остановилась на одномъ полѣ. За гробомъ шло нѣсколько женщинъ, всѣ въ широкихъ бѣлыхъ платьяхъ, повязанныхъ бѣлыми же платками, нѣсколько дѣтей и собака. Носильщики поставили гробъ, женщины выли, или «вопили», какъ говорятъ у насъ въ деревняхъ. Четыре изъ нихъ дѣлали это равнодушно, какъ-будто по долгу приличія, а можетъ-быть, онѣ были и нанятыя плакальщицы; зато пятая, пожилая, заливалась горькими слезами. Тѣ, замѣтя насъ, застыдились и понизили голоса; дѣти робко смотрѣли на гробъ, собака съ повисшимъ хвостомъ, увидя насъ, тихо заворчала. Пятая женщина не обращала ни на что вниманія; она была поглощена горемъ. Рыдая, она что-то приговаривала; мы, конечно, не понимали словъ, но языкъ скорби одинъ вездѣ. Она бросалась на гробъ, обнимала его руками, клала на него голову, на минуту умолкала, потомъ, со стономъ, начинала опять свою плачевную пѣснь. Тяжело было смотрѣть: мы еще скорѣе пошли прочь, нежели пришли, но насъ далеко провожалъ голосъ ея, прерываемый всхлипываніями и рыданіями. На мѣстѣ, гдѣ поставили гробъ, не было могилы. Китайцы сначала оставляютъ гробы просто, иногда даже открытыми, и потомъ уже хоронятъ.

Мы шли по полямъ, засѣяннымъ разными овощами. Фермы разсѣяны саженяхъ во ста пятидесяти или двухстахъ другъ отъ друга. Заглядывали въ дома; «чинь-чинь» говорили мы жителямъ: они улыбались и просили войти. Изъ дверей одной фермы выглянулъ китаецъ, сѣдой, въ очкахъ, съ огромными круглыми стеклами, державшихся только на носу.

Въ рукахъ у него была книга. О. А. взялъ у него книгу, снялъ съ его носа очки, надѣлъ на свой, и сталъ читать вслухъ по-китайски, какъ по-русски. Китаецъ и ротъ разинулъ. Книга была—Конфуцій.

Мы пошли обратно къ городу, повременамъ останавливаясь и любуясь яркой зеленью посѣвовъ и правильно изрѣзанными полями, засѣянными рисомъ и хлопчато-бумажными кустарниками, которые очень некрасивы безъ бумаги: просто сухіе, черные прутья, какіе остаются на выжженномъ мѣстѣ. Голоногіе китайцы, стоя по колѣно въ водѣ, вытаскивали пучки рисовыхъ колосьевъ и пересаживали ихъ на другое мѣсто.

Въ предмѣстьи мы опять очутились въ чаду китайской городской жизни; опять охватили насъ разные запахи, въ ушахъ раздавались крики разносчиковъ, трещанье и шипѣнье кухни, хлопанье на бумаго-прядильняхъ. Ахъ, какая духота! вонъ, вонъ, скорѣй на чистоту, мимо интересныхъ сценъ! Однакожъ, я успѣлъ замѣтить, что у одной лавки купецъ, со всѣми признаками нѣги, сидѣлъ на улицѣ, зажмуривъ глаза, а жена чесала ему сѣдую косу. Другіе у лавокъ ѣли, брились.

Подходя къ перевозу, мы остановились посмотрѣть прелюбопытную машину, которая качала изъ бассейна воду вверхъ на террасы, для орошенія полей. Это — длинная, движущаяся на своей оси лѣстница, ступеньки которой загребали воду и тащили вверхъ. Машину приводила въ движеніе корова, ходя по вороту кругомъ. Здѣсь, какъ въ Японіи, говядину не ѣдятъ: не достало бы мѣстъ для пастбищъ; скота держатъ столько, сколько нужно для работы, отъ этого и коровы не избавлены отъ ярма.

Мы скучно и безпечно жили до 15-го декабря, какъ вдругъ получены были съ почтой извѣстія о близкомъ разрывѣ съ западными державами. Съ-часу-на-часъ ждали парохода съ ост-индской почтой; и если бъ она пришла съ

извѣстіемъ о войнѣ, нашу шкуну могли бы захватить англійскія военныя суда. Нанъ 52-пушечный фрегатъ и 20-пушечный корветъ, конечно, сильнѣе здѣшнихъ судовъ, но они за 90 миль, а въ Вусунъ войти, по мелководью, не могутъ. Командиру шкуны и бывшимъ въ Шанхаѣ офицерамъ отдано было приказаніе торопиться къ Saddle-Islands, для соединенія съ отрядомъ. Мнѣ предоставлено на волю: остаться, или воротиться потомъ на китайской лодкѣ. Это крытыя и большія лодки, изъ бамбука, гладкія, лакированныя, съ рѣзьбой и разными украшеніями. Но ѣхать на нихъ девяносто миль—мученье: тѣсно и безпокойно, да и окатитъ соленой водой не одинъ разъ.

Я не зналъ, на что рѣшиться, и мрачно сидѣлъ на своемъ чемоданѣ, пока товарищи мои шумно выбирались изъ трактира. Кули приходили и выходили, таская поклажу. Всѣ ушли; девятый часъ, а шкунѣ въ 10-мъ часу велѣно уйти. Многіе изъ нашихъ обѣдаютъ у Каннингама, а другіе отказались, въ томъ числѣ и я. Это прощальный обѣдъ. Наконецъ, я быстро собрался, позвалъ писаря нашего, который жилъ въ трактирѣ, для переписки бумагъ, велѣлъ привести двухъ кули, и мы отправились.

Они на толстой бамбуковой жерди, съ большими крашеными фонарями, понесли мой чемоданъ, покрикивая: «аа-аа-аа». Я и писарь едва успѣвали слѣдовать за ними. Пришли къ пристани: темнота; ни души тамъ, ни одной лодки. Кули крикнулъ: изъ кучи джонокъ слабо отозвался кто-то и замолчалъ, но никто не ѣхалъ. Кули обернулся въ другую сторону и крикнулъ громче. Около одного судна послышалась возня и зашевелилось весло: плыла лодка. Въ это же время послышалось сильное движеніе веселъ и отъ джонокъ. Наконецъ, мы поѣхали; все темно; только рѣка блистала отъ звѣздъ, какъ стекло. Мы черезъ полчаса едва добрались до шкуны. Вдали, въ городѣ, попаливали.

На шкунѣ биткомъ набито народу: нѣкоторымъ и сѣсть

было негдѣ. Но въ Вусунѣ многіе отдѣлились на транспортъ и стало посвободнѣе. Спали на полу, по каютамъ, по лавкамъ — вездѣ, гдѣ только можно. Я легъ въ капитанской каютѣ, гдѣ горой лежали ящики, узлы, чемоданы. Бараны и куры, натисканные въ клѣткахъ, крикомъ безпрестанно напоминали о себѣ. Между ними была пара живыхъ фазановъ, которые, вѣроятно, въ первый разъ попали въ такое демократическое общество. Противъ меня лежалъ О. А. Онъ, видно, разсуждалъ о чемъ-нибудь, хотѣлъ, кажется, сказать что-то, да не успѣлъ и заснулъ. На лицѣ осталось раздумье, ротъ отворенъ, онъ опирается на локоть и табакерка въ рукѣ. — «Непремѣнно упадетъ», думалъ я: «лишь только качнетъ посильнѣе». А покачивало. Я все ждалъ, какъ это случится, да и самъ заснулъ. Впросонкахъ видѣлъ, какъ пришелъ К., посмотрѣлъ на насъ, на оставленное ему мѣсто, втрое меньше того, что̀ ему нужно по его росту, подумалъ и легъ, положивъ ноги на полъ, а голову куда-то, кажется, на полку. Пришелъ П. А. Т., учтиво попросилъ у насъ позволенія лечь на полу! «надѣюсь, что вы позволите мнѣ», началъ онъ, по своему обыкновенію, краснорѣчиво: «занять мѣстечко: я не намѣренъ никого обременять, но въ подобномъ случаѣ тѣснота неизбѣжна, и потому» и т. д. Ему никто не отвѣтилъ, всѣ спали или дремали; онъ вздохнулъ, разостлалъ какую-то кожу, потомъ свое пальто, и легъ съ явнымъ прискорбіемъ. Утромъ онъ горько жаловался мнѣ, что мое одѣяло падало ему на голову и щекотало по лицу.

Лишь только вышли за баръ, въ открытое море, Г. отдалъ обычную свою дань океану; глядя на него, то же сдѣлалъ, съ великимъ неудовольствіемъ, О. А. Изъ неморяковъ меня только одного ни разу не потревожила морская болѣзнь: я не испыталъ и не понялъ ее.

Къ вечеру мы завидѣли наши, качающіяся на рейдѣ суда, а часовъ въ семь бросили якорь и были у себя—

дома. Дома! Что называется иногда домомъ? Какая [illegible] смѣшка!

Прощайте. Не сѣтуйте, если это письмо и кажется вамъ скучно наблюденіями, или фактами, и сухо: оно столько же на меня, сколько и на Янсекіянъ и его [illegible] они тоже скудны и не занимательны. нельзя сказать что сухи: не мудрено, что они такъ отразились и въ моемъ письмѣ.

III.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

Взаимные подарки.—Новыя лица.—Извѣстія о японскихъ полномочныхъ.—Условія свиданія съ ними.—Новый годъ.—Опять поѣздъ въ Нагасаки.—Салютъ.—Полномочные и оба губернатора.—Привѣтствія; обѣдъ; разговоры.—Междометія.—Посѣщеніе полномочными фрегата.—Встрѣча; обѣдъ.—Подарки.—Японскія сабли.—Парадный пріемъ и обѣдъ у японцевъ.—Подарки отъ сіогуна.—Письма отъ верховнаго совѣта.—Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференцій.—Японскій новый годъ.—Вторичное посѣщеніе фрегата полномочными.—Прощальный обѣдъ у нихъ.—Отъѣздъ.

Опять нагасакскій рейдъ.

Четверо сутокъ шли мы назадъ, отъ Saddle-Islands *домой*—такъ называли мы Нагасаки, гдѣ обжились въ три мѣсяца, какъ дома, хотя и разсчитывали придти въ два дня. Но мы не разсчитывали на противный вѣтеръ, а онъ продержалъ насъ часовъ сорокъ почти на одномъ мѣстѣ. На этомъ коротенькомъ переходѣ не случилось ничего особеннаго. Я не упоминаю о качкѣ: и это не особенное въ морѣ. Въ концѣ четвертыхъ сутокъ увидѣли острова Гото, потомъ

лись на ютъ къ адмиралу, съ почтеніемъ. Ойе-Саброски, съ дѣтскимъ личикомъ своимъ, былъ тутъ старшій. Присѣвъ передъ адмираломъ, онъ ужъ искалъ вокругъ глазами, какъ бы сшалить что-нибудь. — «А! Г.! Г!» закричалъ онъ дѣтскимъ голосомъ, увидѣвъ меня, и засмѣялся; но его остановилъ серьезный вопросъ: «тутъ ли полномочные?»—«Будутъ чрезъ три дня», отвѣчалъ онъ чрезъ Сьозу. — «Если не будутъ», приказано было прибавить: «мы идемъ, куда располагали, въ Едо. Время дорого и терять его не станемъ. Полномочные, можетъ-быть, ужъ здѣсь, да вы не хотите намъ сказать».—«Нѣтъ, ихъ нѣтъ», начали они увѣрять. Угроза такъ подѣйствовала на нихъ, что они сейчасъ же скрылись.

Вечеромъ я читалъ у себя, въ каютѣ: слышу, за стѣной какъ будто колютъ лучину.—«Что тамъ?» спрашиваю.—«Да японцы тутъ». — «Опять? Кто жъ это лучину ломаетъ?» — Это разговариваетъ Кичибе. Я пошелъ въ капитанскую каюту и засталъ тамъ Эйноске, Кичибе, старшаго изъ баніосовъ, *Хагивари Матаса*, опять Ойе-Саброски, и еще двухъ подставныхъ: все знакомыя лица.—«Здравствуй, Эйноске! здравствуй, Кичибе!» Кичибе загорланилъ мое имя, Эйноске подалъ руку, Ойе засмѣялся, а Хагивари потупился, какъ быкъ, и подалъ мнѣ кулакъ. Тутъ же былъ и тотъ подставной баніосъ, который однажды такъ ласково, какъ добрая тетка, смотрѣлъ на меня.

Ихъ повели къ адмиралу.—«Губернаторы приказали кланяться и поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ», сказалъ Хагивари. Кичибе четыре раза повернулся на стулѣ, крякнулъ и началъ давиться смѣхомъ, произнося каждый слогъ отдѣльно.—«Благодарите губернаторовъ за вниманіе», отвѣчали имъ. Кичибе перевелъ отвѣтъ: всѣ четыре бритыя головы баніосовъ наклонились разомъ. Опять Хагивари сказалъ что-то. — «Ихъ превосходительства, губернаторы, приказали освѣдомиться о здоровьѣ», переводилъ Кичибе. — «Благодарите. Надѣемся, что и они здоровы», приказано

[illegible] «совершенно здоровы».— [illegible] продолжалъ Кичибе: «чтобы вы [illegible] полномочныхъ было удовлетворительно». Имъ [illegible]

Русскіе [illegible] кончился этотъ разговоръ. [illegible] не поняли вопроса и повторили вопросъ: «[illegible] полномочныхъ?» Они отвѣтили, что полномочныхъ нѣтъ [illegible] Японцы [illegible] три дня, чтобъ ошибки [illegible] [illegible] и потомъ [illegible] пять [illegible]

[illegible]

Тогда переводчики попросили позволенія съѣздить къ губернаторамъ, узнать ихъ отвѣтъ. Баніосы остались. Имъ показывали картинки, заводили маленькій органъ, всячески старались занять ихъ, а между тѣмъ губернаторскій подарокъ пирамидой лежалъ на палубѣ. Свиньи, съ связанными ногами, дѣлали отчаянныя усилія встать и издавали пронзительный визгъ; пѣтухи, биткомъ набитые въ плетеную корзинку, дрались между собою, несмотря на тѣсноту; куры неистово кудахтали. По палубѣ носился запахъ чесноку, рѣдьки и апельсиновъ.—«Хи, хи, хи!» твердилъ попрежнему въ каютѣ Кичибе, а Эйноске, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, разспрашивалъ меня англійскимъ ломанымъ языкомъ, гдѣ мы были.—«Въ Китаѣ», сказалъ я.—«Что видѣли?»—«Много, между прочимъ войну инсургентовъ съ имперіалистами».—«А еще?»—«Еще...» Я зналъ, чего онъ добивается, но мнѣ хотѣлось помучить его.—«Еще американцевъ» сказалъ я.—«Кого же?» живо перебилъ онъ.—«Коммодора Перри...»—«Коммодора Перри?..» повторилъ онъ еще живѣе.—«Не видали, а видѣли капитана американскаго корвета «Саратога»!—«Саратога!..» Все это знакомыя японцамъ имена судовъ, бывшихъ въ Едо.—«Гдѣ жъ Перри? въ Соединенныхъ Штатахъ?» спросилъ онъ, подвинувъ носъ свой почти вплоть къ моему носу.—«Нѣтъ, не въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Амоѣ».—«Въ Амоѣ?»—«Или въ Ниппо».—«Въ Ниппо?»—«А можетъ-быть и въ Гон-Конгѣ», замѣтилъ я равнодушно.

Чрезъ полчаса онъ передалъ этотъ разговоръ Хагивари: я слышалъ названія: «Амой, Ниппо, Гон-Конгъ». Тотъ записалъ.

— Что бы вамъ съѣздить хоть въ Шанхай,—сказалъ я Эйноске:—тамъ бы вы увидѣли образчикъ европейскаго города.

— О, да,—отвѣчалъ онъ:—мнѣ бы хотѣлось больше: я желалъ бы ѣхать вокругъ свѣта. Эта мысль обольщаетъ меня.

— Да вотъ въ Россію поѣдемъ, — говорилъ я. — Какіе города, храмы, дворцы! какое войско увидѣли бы тамъ!

— Въ Россію, нѣтъ, — живо перебилъ онъ: — тамъ женщинъ нѣтъ!

— Кто это вамъ сказалъ?—замѣтилъ я:—какъ женщинъ нѣтъ: plenty (много)! Да вы женаты?

— Да; у меня есть десятимѣсячная дочка; на-дняхъ ей оспу прививали.

— Такъ что жъ вамъ за дѣло до женщинъ?—спросилъ я.

Онъ усмѣхнулся. Каковъ японскій донъ-Жуанъ.

Къ вечеру пришло отъ губернатора согласіе принять подарки. Насчетъ пріѣзда полномочныхъ губернаторъ опять просилъ дать срокъ, вмѣсто субботы, до четверга, прибавивъ, что они имѣютъ полное довѣріе отъ правительства и большія права. Это все затѣмъ, чтобъ заинтересовать насъ ихъ пріѣздомъ. Баніосы сказали, что полномочные имѣютъ до шестисотъ человѣкъ свиты съ собой, и потому ѣдутъ медленно и не всѣ четверо вдругъ, а по одному. На это приказано отвѣчать, что если губернаторъ поручится, что въ четвергъ назначено будетъ свиданіе, тогда мы подождемъ, въ противномъ случаѣ уйдемъ въ Едо.

Такое рѣшеніе, повидимому, очень обрадовало ихъ; поэтому можно было заключить, что если не всѣ четверо, то хоть одинъ полномочный да былъ тутъ.

Живо убрали съ палубы привезенныя отъ губернатора конфеты и провизію и занялись распредѣленіемъ подарковъ съ нашей стороны. Въ этотъ вечеръ съ баніосами отправили только подарокъ первому губернатору, Овосавѣ Бунгоно: малахитовые столовые часы, съ группой бронзовыхъ фигуръ, да двѣ хрустальныя вазы. Кромѣ того, послали ликеровъ, хересу и нѣсколько головъ сахару. У нихъ рафинаду нѣтъ, а есть только сахарный песокъ.

Надо было прибрать подарокъ другому губернатору, ошербаніосамъ, двумъ старшимъ и всѣмъ младшимъ переводчи-

камъ, всего человѣкамъ двадцати. Хлопотъ бездна: нужно было перевернуть весь трюмъ на транспортѣ, достать зеркала, сукна, матеріи, карманные часы и т. п., потомъ назначать, кому что. Въ этомъ предстояло немалое затрудненіе: всѣхъ главныхъ лицъ мы знали по имени, а прочихъ нѣтъ; ихъ помнили только въ лицо; оттого въ спискѣ у насъ они значились подъ именами: косого, тощаго, рябого, колченогаго, а другіе носили названіе нѣкоторыхъ нашихъ земляковъ, на которыхъ походили. Кое-какъ уладили и это. Дня два возились съ подарками. Другому губернатору подарили трюмо, коврикъ и два разноцвѣтные, комнатные фонаря. Баніосамъ по зеркалу, еще сукна и матеріи на халаты. Никто не былъ забытъ, кто чѣмъ-нибудь былъ полезенъ. Самымъ мелкимъ чиновникамъ, подъ надзоромъ которыхъ возили воду и провизію, и тѣмъ дано было по халату и по какой-нибудь вещицѣ.

Сукна у японцевъ нѣтъ и не всѣ они знаютъ о его употребленіи. Имъ нарочно дарили его, чтобъ они узнавали, что это такое, и привыкали носить. Потребность есть: зимой они носятъ по три, по четыре халата изъ льняной матеріи, которые не замѣнятъ и одного суконнаго. А простой народъ ходитъ, когда солнце грѣетъ, совсѣмъ нагой, а въ холодъ накидываетъ на плечи какую-то тряпицу. Жалко было смотрѣть на бѣдняковъ, какъ они, съ обнаженною грудью, плечами и ногами, тряслись, посинѣлые отъ холода, ожидая часа по три на своихъ лодкахъ, пока баніосы сидѣли въ каютѣ.

Еще дарили имъ зеркала, вмѣсто которыхъ они употребляютъ полированный металлъ, или даже фарфоръ; раздавали картинки, термометры, компасы, дамскіе несессеры, словомъ, все, что могло возбудить любопытство и обратиться въ потребность.

На другой день, 24-го числа, въ рождественскій сочельникъ, погода была великолѣпная: трудно забыть такой день

[illegible]

[illegible] К. Н. П—ть. [illegible] Губернаторы. [illegible] по край-

ней мѣрѣ, показываютъ видъ, что угождаютъ. Совсѣмъ противное тому, что было три мѣсяца назадъ! Впечатлѣніе, произведенное въ Едо нашимъ прибытіемъ, назначеніе оттуда, для переговоровъ съ нами, высшихъ сановниковъ и, наконецъ, вѣроятно, данныя губернаторамъ инструкціи, какъ обходиться съ нами — все это много сбавило спеси у ихъ превосходительствъ.

Мы на этотъ разъ подошли къ Нагасаки такъ тихо, въ темнотѣ, что насъ съ мыса Номо и не замѣтили, и стали давать знать съ батарей въ городъ выстрѣлами о нашемъ приходѣ въ то время, когда уже мы становились на якорь. Мы застали японцевъ врасплохъ. Ни одной караульной лодки не было на рейдѣ; часа черезъ три онѣ стали-было являться, и довольно близко отъ насъ, но мы послали катеръ отбуксировать ихъ дальше. Шкуна и транспортъ вошли далеко въ Нагасакскій заливъ, и мы расположились какъ у себя дома. Лодки исчезли и уже не появлялись болѣе. Губернаторы предупреждаютъ наши желанія.

Сегодня, 26-го, чиновники пріѣзжали опять благодарить за подарки и опять показывали планъ мѣста. Ихъ тоже поблагодарили за провизію.

Рождество у насъ прошло, какъ будто мы были въ Россіи. Проводивъ японцевъ, отслушали всенощную, вчера обѣдню и молебствіе, поздравили другъ друга, потомъ обѣдали у адмирала. Послѣ играла музыка. Эйноске, видя всѣхъ въ парадной формѣ, спросилъ, какой праздникъ. Хотя съ ними избѣгали говорить о христіанской религіи, но я сказалъ ему (надо же пріучать ихъ понемногу ко всему нашему: затѣмъ сюда пріѣхали.

Кажется, недалеко время, когда опять проникнетъ сюда Слово Божіе и водрузится крестъ, но такъ, что уже никакія силы не исторгнутъ его. Когда-то? Не дастъ ли Богъ намъ сдѣлать хотя первый и робкій шагъ къ тому? Хлопотъ будетъ не мало съ здѣшнимъ правительствомъ — такъ

прочна (правительственная) система отчужденія отъ цѣлаго міра! Приняты всѣ мѣры противъ сближенія: не легко познакомить народъ съ нашимъ бытомъ и склонить его на сторону европейцевъ. Пока нѣтъ приманки, нѣтъ и искушеній: правительство понимаетъ это и строго запрещаетъ привозъ всякихъ предметовъ роскоши, и особенно новыхъ. Нашихъ подарковъ не дали чиновникамъ въ руки. Эйноске сказывалъ вчера, что списокъ вещамъ отправляютъ въ Едо, и если оттуда пришлютъ разрѣшеніе, тогда и раздадутъ ихъ. На все у нихъ запрещеніе: сегодня П—ть даетъ баніосамъ серебряные часы, которые забыли отослать третьяго дня въ числѣ прочихъ подарковъ: чего бы, кажется, проще, какъ взять да прибавить къ прочимъ? Нѣтъ, нельзя, надо губернатора спросить, а тотъ отнесется въ совѣтъ, совѣтъ къ сіогуну, тотъ къ микадо — и пошло! Еще сказали имъ сегодня, что мѣсто поѣдутъ посмотрѣть съ П—мъ трое, вмѣсто двоихъ, какъ сказано прежде. Опять сомнѣніе и въ этихъ пустякахъ: даже готовились, послѣ долгихъ совѣщаній, отказать, да ихъ не послушали.

И такъ во всемъ одинъ неизмѣнный порядокъ. Нарушить это, обратить ихъ къ здравому смыслу, ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только силой. Они долго не допустятъ свободно ходить по своимъ городамъ, ѣздить внутрь страны, заводить частныя сношенія, даже и тогда, когда рѣшатся начать торговлю съ иностранцами. Если теперь японцамъ уже нельзя подчинить эту торговлю такимъ же ограниченіямъ, какимъ подчинены сношенія съ голландцами, то, съ другой стороны, иностранцамъ нельзя добровольно склонить ихъ дѣйствовать совершенно на европейскій ладъ. Ни хитрость, ни убѣжденія — не помогутъ. Одна надежда на ихъ трусость. Угроза со стороны европейцевъ и желаніе мира со стороны японцевъ, помогутъ выторговать у нихъ отмѣну нѣкоторыхъ стѣсненій. Словомъ, только внѣшнія чрезвычайныя обстоятельства, какъ я сказалъ прежде, могутъ потря-

сти ихъ систему, хотя народъ самъ по себѣ и способенъ къ реформамъ.

Сегодня, 28-го декабря, русскаго стиля, пріѣхали, Хагивари, Ойе-Саброски и Сабро, сказать, что полномочные прибыли. Эйноске и Кичибе, и тѣ были въ парадныхъ шелковыхъ халатахъ, въ новыхъ кофтахъ (всегда черныхъ) и въ шелковыхъ юбкахъ. Первое свиданіе назначено въ четвергъ. Адмиралъ желаетъ, чтобы полномочные пріѣхали на фрегатъ, такъ какъ онъ уже былъ на берегу и передалъ бумаги отъ своего правительства, слѣдовательно теперь они, имѣя сообщить адмиралу отвѣтъ, должны также привезти его сами. Но еще не рѣшено, какъ это должно произойти.

Мѣсто видѣли: говорятъ, хорошо. Съ К. Н. Посьетомъ ѣздили: В. А. Римскій-Корсаковъ, И. В. Фуругельмъ и К. И. Лосевъ. Мѣсто отведено на лѣвомъ мысу, при входѣ изъ пролива на внутренній рейдъ. Сегодня говорили баніосамъ, что надо фрегату подтянуться къ берегу, чтобъ недалеко было ѣздить туда. Опять затрудненія, совѣщанія и, наконецъ, всегдашній отвѣтъ: «спросимъ губернатора».

Спросили и губернатора, тотъ говоритъ, что надо еще кое-что убрать, что чиновники и бонзы не перебрались оттуда. Вчера и сегодня шли толки о свиданіи, Адмиралъ объявилъ, что не останется въ Нагасаки, если 1 (13) января не будетъ свиданія. Онъ приказалъ сказать, что ждетъ полномочныхъ къ себѣ, а они отвѣчали, что просятъ къ себѣ, говоря, что устали съ дороги. Адмиралъ предложилъ имъ нѣкоторыя условія, и подозрѣвая, что они не упустятъ случая, по обыкновенію, промедлить, объявилъ, что даетъ имъ сроку до вечера. Баніосы вечеромъ пріѣхали сказать, что полномочные согласны и просили дать имъ записку объ этихъ условіяхъ. Дали.

Сегодня, 30, просыпаемся, говорятъ, что Кичибе и Эйноске сидятъ у насъ съ шести часовъ утра — вотъ какъ живо стали поворачиваться! Первому особенно—бѣда: «люблю

Люди стали по реямъ и проводили насъ, попрежнему троекратнымъ «ура»; разноцвѣтные флаги опять въ одно мгновеніе развязались и пали на снасти, какъ внезапно брошенная сверху куча цвѣтовъ. Музыка заиграла народный гимнъ. Впечатлѣніе было все то же, что̀ и въ первый разъ. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ салюта: это была новость. Мнѣ хотѣлось видѣть, что̀ японцы?

Да, я забылъ сказать, что за полчаса до назначеннаго времени пріѣхалъ, какъ и въ первый разъ, старшій посолъ губернатора въ городѣ чиновникъ сказать, что полномочные ожидаютъ насъ. За нимъ, по японскому обычаю, тянулся цѣлый хвостъ баніосовъ и прочаго всякаго чина. Чиновникъ выпилъ чашку чаю, двѣ рюмки sherry brandy (вишневой наливки) и уѣхалъ.

Только японцы стали садиться на лодки, какъ адмиралъ поручилъ К. Н. Посьету сказать переводчикамъ, чтобы баніосы велѣли всѣмъ японскимъ лодкамъ подальше отойти отъ фрегата: салютовать, дескать, будутъ. Заранѣе онъ извѣщать объ этомъ не хотѣлъ, предвидя со стороны губернаторовъ возраженія и просьбы не салютовать. Баніосы такъ и оцѣпенѣли отъ этой неожиданной новости. Одинъ занесъ-было ногу на трапъ, чтобъ сойти, да и остался на нѣсколько секундъ съ поднятой ногой. Вся толпа остановилась за нимъ, а старшій чиновникъ сидѣлъ ужъ въ своей лодкѣ и ждалъ другихъ. Очнувшись, баніосъ побѣжалъ къ нему передать новость и тотчасъ же воротился съ просьбою не салютовать, подождать, пока они дадутъ знать губернатору. Этого-то и не хотѣли. «Некогда, некогда». торопили мы ихъ: «поѣзжайте скорѣе, мы сейчасъ сами ѣдемъ». Нейдутъ съ лодки, да и только, все стоятъ у трапа, упрашиваютъ.

Мы предвидѣли смущеніе японцевъ и не могли удержаться отъ смѣха. Я слышу слово «misverstand» отъ переводчика и подхожу узнать, что̀ такое: онъ говоритъ, что за

ихъ батареяхъ люди не предупреждены о салютѣ, и оттого выйдетъ *недоразумѣніе:* станутъ, пожалуй, палить и они. «Нужды нѣтъ, пусть палятъ», говорятъ имъ: «такъ и слѣдуетъ — отвѣчать на салютъ». Все не рѣшаются уходить. «Пора, пора», торопили ихъ: «сейчасъ будутъ палить: вонъ ужъ пошли по орудіямъ». Давно бы надо было сказать такъ. Раздалось такое дружное щелканье соломенныхъ сандалій по трапу, какого еще, кажется, не было. Они уѣхали и увели съ собой всѣ лодки.

Тронулись съ мѣста и мы. Только зашли наши шлюпки за носъ фрегата, какъ изъ бока послѣдняго вырвался клубъ дыма, грянулъ выстрѣлъ, и вдругъ горы проснулись и разомъ затрещали эхомъ, какъ будто какой-нибудь гигантъ закатился хохотомъ. Другой выстрѣлъ, за нимъ выстрѣлъ на корветѣ, опять у насъ, опять тамъ: хохотъ въ горахъ удвоился. Выстрѣлы повторялись: то раздавались на обоихъ судахъ въ одно время, то перегоняли другъ друга: горы выходили изъ себя, а губернаторы, вѣроятно, пуще ихъ.

Если *японскому глазу больно*, какъ выразился губернаторъ въ первое свиданіе, видѣть чужія суда въ портахъ Японіи, то японскому уху еще, я думаю, больнѣе слышать ревъ чужихъ пушекъ. Ихъ пушки малы и выстрѣлы не будили горъ. Я смотрѣлъ на лодки, на японскія батареи: нигдѣ никакого движенія, только двѣ собаки мечутся взадъ и впередъ и ищутъ мѣста спрятаться, да негдѣ: побѣгутъ отъ выстрѣла къ горамъ, а оттуда гонитъ ихъ эхо. Но кончилось: пушки замолчали, горы опять заснули, собаки успокоились, на высотахъ показалось нѣсколько длинноволосыхъ японскихъ фигуръ. Гребцы наши молчаливо, но сильно налегали грудью на весла. Мы углубились уже далеко въ заливъ, а дымъ отъ выстрѣловъ все еще лѣнивымъ узоромъ крался по водѣ, направляясь тихонько къ морю. Издали, съ пере[illegible]ра, слабо доносились къ намъ звуки музыки.

Мы быстро двигались впередъ мимо знакомыхъ уже прекрасныхъ бухтъ, холмовъ, скалъ, лѣсковъ. Я занялся тѣмъ же, чѣмъ и въ первый разъ, т. е. мысленно уставлялъ эти пригорки и рощи храмами, дачами, бесѣдками и статуями, а воды залива—пароходами и чащей мачтъ; берега населялъ европейцами: мнѣ ужъ видѣлись дорожки парка, скачущія амазонки; а ближе къ городу, снились факторіи: русская, американская, англійская...

Японскія лодки кучей шли и опять выбивались изъ силъ, торопясь перегнать насъ, особенно ближе къ городу. Ихъ гребцы то примолкнутъ, то вдругъ заголосятъ отчаянно: «оссильянъ! оссильянъ!» Наши невольно заразятся ихъ крикомъ, пріударятъ веслами, да вдругъ какъ будто одумаются и начнутъ опять покойно рыть воду.

Наконецъ надо же и совѣсть знать, пора и пріѣхать. Въ этомъ японскомъ, по преимуществу тридесятомъ государствѣ, можно еще оправдываться и тѣмъ, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Чуть ли эта поговорка не здѣсь родилась и перешла по сосѣдству съ Востокомъ и къ намъ, какъ и многое другое... Но мы выросли, и поговорка осталась у насъ въ сказкахъ.

Въ Японіи, напротивъ, еще до сихъ поръ скоро дѣла не дѣлаютъ и не любятъ даже тѣхъ, кто имѣетъ эту слабость. Отъ нашихъ судовъ до Нагасаки три добрыя четверти часа ѣзды. Японцы часто къ намъ ѣздятъ: ну, что бы пригласить насъ стать у города, чтобъ самимъ не терять попустому время на переѣзды? Нельзя. Почему? Надо спросить у верховнаго совѣта, верховный совѣтъ спроситъ у сіогуна, а тотъ пошлетъ къ микадо.

Японскія лодки непремѣнно хотѣли пристать всѣ вмѣстѣ съ нашими: можете себѣ представить, что̀ изъ этого вышло. Одна лодка становилась поперекъ другой, и всѣ стѣснились такъ, что если бъ имъ поручили не пустить насъ на берегъ, то онѣ лучше бы сдѣлать не могли того, какъ сдѣлали теперь, чтобъ пустить.

Потомъ пошло все попрежнему, т. е. музыканты, караулъ, все стояло на своихъ мѣстахъ. И японскія войска разставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги, т. е. тѣ же солдаты, съ картонными шапками на головахъ и ружьями, или quasi-ружьями въ чехлахъ, ноги врозь и колѣни впередъ. И лошадь была тутъ, которой я опять не замѣтилъ, и норимоны, и старикъ съ сонными глазами, и толпа переводчиковъ, и баніосы. Японцы, подобравъ халаты, забывъ важность, пустились за нами вприпрыжку, бѣгомъ, теряя туфли, чтобъ поспѣть къ дому прежде насъ. Въ сѣняхъ сидѣли на пяткахъ тѣ же лица, но на крыльцѣ стоялъ, по уговору, младшій изъ полномочныхъ, въ какомъ-то странномъ головномъ уборѣ.

Мы не успѣли разсмотрѣть его хорошенько. Онъ пошелъ впередъ, и мы за нимъ. По амфиладѣ разсажено было менѣе чиновниковъ, нежели въ первый разъ. Мы толпой вошли въ пріемную залу. По этимъ мирнымъ галлереямъ не раздавалось, можетъ-быть, никогда такого шума и движенія. Здѣсь, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, скользили доселѣ, точно тѣни, незамѣтно отъ самихъ себя, японскіе чиновники, пробираясь иногда ползкомъ: а теперь вотъ ужъ въ другой разъ раздаются такіе крѣпкіе шаги!

Въ ту минуту, какъ мы вошли въ пріемную залу, отодвинулись, точно кулисы, ширмы съ противоположной стороны, и оттуда выдвинулись медленно, одинъ за другимъ, всѣ полномочные. Показался нѣсколько согбенный старикъ; отъ старости ротъ у него постоянно былъ немного открытъ. За нимъ другой, лѣтъ сорока-пяти, съ большими карими глазами, съ умнымъ и бойкимъ лицомъ. Третій, очень пожилой человѣкъ, худощавый и смуглый, съ пошкинимъ взоромъ, какъ будто проведшій всю жизнь въ затворничествѣ, и немного съ птичьимъ лицомъ. Четвертый — среднихъ лѣтъ: у этого было очень обыкновенное лицо, какихъ много, не выражающее ничего, какъ лопата. На такихъ лицахъ можно

сразу прочесть, что, кромѣ ежедневныхъ будничныхъ заботъ, они о другомъ думаютъ мало.

Они стали всѣ четверо въ рядъ — и мы взаимно раскланялись. Съ правой стороны, подлѣ полномочныхъ, помѣстились оба нагасакскіе губернатора, а по лѣвую еще четыре, пріѣхавшіе изъ Едо, повидимому, важныя лица. Сзади полномочныхъ сѣли ихъ оруженосцы, держа богатыя сабли въ рукахъ; налѣво, у оконъ, усажены были въ рядъ чиновники, вѣроятно тоже изъ Едо: по крайней мѣрѣ мы знакомыхъ лицъ между ними не замѣтили.

Всѣ четверо полномочные были въ широкихъ мантіяхъ, изъ богатой, толстой, какъ лубокъ, шелковой съ узорами матеріи, которая едва сжималась въ складки; рукава у кисти были чрезвычайно широкіе; спереди, отъ самаго подбородка до пояса, висѣлъ изъ той же матеріи нагрудникъ; подъ мантіей обыкновенный халатъ и юбка, конечно, шелковые же. У старика матерія зеленая, у второго бѣлая, въ родѣ моаръ, только съ рѣдкими полосами. У всѣхъ четырехъ полномочныхъ, и у губернаторовъ тоже, на головѣ наставлена была на маковку, вверхъ дномъ, маленькая, черная, съ гранью, коронка, очень похожая формой на дамскія рабочія корзиночки и, пожалуй, на кузовки, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами. Коронки эти дѣлаются, какъ я послѣ узналъ, изъ папье-маше. У двоихъ чиновниковъ, помѣщавшихся налѣво отъ полномочныхъ, коронки были одинаковой съ ними формы, а у слѣдующихъ двухъ, одна треугольная, другая квадратная, обѣ плоскія. У старшихъ коронки прикрѣплялись пропущенными подъ подбородокъ бѣлыми, а у младшихъ черными шнурками. Все бы еще ничего, но у третьяго полномочнаго, у обоихъ губернаторовъ и еще у одного чиновника, шелковые панталоны продолжались на аршинъ далѣе ногъ. Губернаторы едва шли, съ трудомъ поднимая ноги.

Эта одежда присвоена какому-то чину или должности.

Вообще весь этотъ костюмъ былъ самый парадный, какъ наши полные мундиры. Глядя на фигуру стоящаго въ полной формѣ японца, съ нѣсколько поникшей головой, въ этой мантіи, съ коробочкой на лбу и въ безконечныхъ панталонахъ, поневолѣ подумаешь, что какой-нибудь проказникъ когда-то задалъ себѣ задачу одѣть человѣка какъ можно неудобнѣе, чтобъ ему нельзя было, не только ходить и бѣгать, но даже шевелиться. Японцы такъ и одѣты: шевелиться въ этой одеждѣ мудрено. Она выдумана затѣмъ, чтобъ сидѣть и важничать въ ней. И когда видишь японцевъ, сидящихъ на пяткахъ, то скажешь только, что эта вся амуниція какъ нельзя лучше пригнана къ сидячему положенію и что тогда она не лишена своего рода величавости, и даже красива. Эти куски богатой шелковой матеріи, волнами обильно обвивающіе тѣло, прекрасно драпируются около лѣнивой живой массы, сохраняющей важность и неподвижность статуи.

Обѣ стороны молча съ минуту поглядѣли другъ на друга, измѣряя глазами съ ногъ до головы — мы ихъ, они насъ. Нашъ знакомый, Овосава Бунгоно, недавно еще съ такимъ достоинствомъ и гордостью принявшій насъ, перешелъ на второй планъ, онъ лицомъ приходился прямо въ ухо старику и стоялъ, потупя взглядъ, не поворачиваясь, ни направо, ни налѣво. Только изрѣдка, украдкой, онъ косился на насъ. И было за что: ему оставалось отдежурить всего какой-нибудь мѣсяцъ и ѣхать въ Едо, а теперь онъ, по милости нашей, сидитъ полтора года, и Богъ знаетъ, сколько времени еще просидитъ! Другой губернаторъ, Мизно Чикогоно, былъ съ лица не мудрецъ, но съ сердитымъ выраженіемъ.

Полномочные сдѣлали знакъ, что хотятъ говорить, и мгновенно, откуда ни возьмись, подползли къ ихъ ногамъ, изъ двухъ разныхъ угловъ, какъ два ужа, Эйноске и Кичибе.

Они приложили лбы къ полу и слушали въ этомъ поло-

[illegible] Началъ старикъ. Мы такъ и [illegible] [illegible] старикъ очаровалъ насъ съ перваго раза [illegible] старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами [illegible] въ глазахъ, въ голосѣ, во всѣхъ [illegible] старческая, умная и привѣтливая [illegible] жизни и практической мудрости. Вся[illegible] старичка, захотѣлось бы вы[illegible]. Кромѣ того, у него были манеры, [illegible] воспитаніе. Онъ началъ говорить, [illegible] и языкъ ужъ потеряли силу: онъ говорилъ медленно: говоръ его походилъ на тихое и ровное переливанье изъ бутылки въ бутылку жидкости.

Кичибе приподнялъ голову, подавился немного и потомъ ужъ перевелъ привѣтствіе. Старикъ поздравлялъ адмирала съ пріѣздомъ и желалъ ему добраго здоровья. Адмиралъ отвѣчалъ тоже привѣтствіемъ. Кичибе поклонился въ землю и перевелъ. Старикъ заговорилъ опять такое же форменное привѣтствіе командиру судна; но эти офиціальныя выраженія чувствъ, очень хорошія въ устахъ Овосавы, какъ-то не шли къ нему. Онъ смотрѣлъ такъ ласково и доброжелательно на насъ, какъ будто хотѣлъ сказать что-нибудь другое, искреннѣе. И дѣйствительно, послѣ сказалъ. Но теперь онъ продолжалъ привѣтствія К. П. Посьету, взявшему на себя трудъ быть переводчикомъ, наконецъ всѣмъ офицерамъ.

Лишь только кончилъ старикъ, какъ чиновникъ, стоявшій съ лѣвой стороны и бывшій чѣмъ-то въ родѣ церемоніймейстера, кликнулъ шопотомъ: — «Эйноске!» и показалъ на второго полномочнаго. Эйноске быстро подползъ къ ногамъ второго и приложилъ лобъ къ полу; тотъ повторилъ тѣ же привѣтствія и въ такомъ же порядкѣ. Переводчики ползкомъ подскочили къ третьему и четвертому полномочнымъ, и наконецъ къ губернаторамъ. Всѣ они по очереди повторяли поздравленіе, твердо произнося русскія имена.

Имъ отвѣчено было адмираломъ благодарственнымъ привѣтствіемъ отъ себя и отъ всѣхъ.

Все это дѣлалось стоя, всѣ были въ парадѣ: шелковыхъ юбокъ не оберешься. Видно, что собраніе было самое торжественное. Кичибе и Эйноске были тоже въ шелку: креповая черная, или голубая мантильи, съ бѣлыми гербами на спинѣ и плечахъ, шелковый халатъ, такая же юбка и бѣлые бумажные чулки.

Пока говорились привѣтствія, я опять забылся, какъ въ первое свиданіе съ губернаторомъ: это было только второе въ томъ же родѣ, но съ болѣе яркимъ колоритомъ. Глазъ и мысль не успѣли привыкнуть къ новости зрѣлища. Мнѣ не вѣрилось, что все это дѣлается на яву. Въ иную минуту казалось, что я ребенокъ, что няня разсказала мнѣ чудную сказку о неслыханныхъ людяхъ, а я заснулъ у ней на рукахъ и вижу все это во снѣ. Да гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ? кто кругомъ меня, съ этими бритыми лбами, смуглыми, какъ у мумій, щеками, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ, широкихъ одеждахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ, съ подавленными вздохами, вырываются, неуловимые для нашего уха, глухіе звуки? Ужъ не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе? Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди? Что это за домъ, за комната: окна заклеены бумагой, въ комнатѣ тускло и сыро, какъ въ склепѣ; кругомъ золоченыя ширмы, съ изображеніемъ аистовъ — эмблемы долголѣтія? Крышу поддерживаетъ рядъ простыхъ, четыреугольныхъ, деревянныхъ столбовъ; она безъ потолка, изъ тесаныхъ досокъ, домъ первобытной постройки, какъ его выдумали первые люди. Гдѣ же я?

Иллюзія, которою я тѣшилъ себя, продолжалась недолго:

вонъ одинъ. отжившій, самый древній, именно старикъ, вынулъ изъ-за пазухи пачку тонкой бумаги, отодралъ листъ и высморкался въ него, потомъ бросилъ бумажку, какъ въ бездну, въ свой неизмѣримый рукавъ.—«А! это живые!»

Насъ попросили *отдохнуть* и выпить чашку чаю въ ожиданіи, пока будетъ готовъ обѣдъ. Ну, слава Богу! мы среди живыхъ людей: здѣсь ѣдятъ. Японскій обѣдъ! Съ какою жадностью читалъ я, бывало, описаніе чужихъ обѣдовъ, т.-е. чужихъ народовъ, вникалъ во всѣ мелочи, говорилъ: помните, и вамъ, какъ бы желалъ пообѣдать у китайцевъ, у японцевъ! И вотъ и эта мечта моя исполнилась. Я piqueassiette отъ Лондона до Едо. Что будетъ, какъ подадутъ, какъ сядутъ—все это занимало насъ.

Въ «отдыхальнѣ» подали чай, на который просили обратить особенное вниманіе. Это толченый чай, самаго высокаго сорта: онъ родится на одной горѣ, о которой подробно говоритъ Кемпферъ. Часть этого чая идетъ собственно для употребленія двора сіогуна и микадо, а часть, пониже сортъ, для высшихъ лицъ. Его толкутъ въ порошокъ, кладутъ въ чашку съ кипяткомъ — и чай готовъ. Чай превосходный, крѣпкій и ароматическій: но намъ онъ показался не совсѣмъ вкусенъ, потому что былъ безъ сахара. Мы однакожъ превознесли его до небесъ.

Послѣ чая подали трубки и табакъ, потомъ конфеты, опять въ такихъ же, чрезвычайно гладко обтесанныхъ, сосновыхъ ящикахъ, у которыхъ даже углы были не составные, а цѣльные. Что за чистота, за тщательность въ отдѣлкѣ! А между тѣмъ ящикъ этотъ дѣлается почти на одну минуту: чтобъ подать въ немъ конфеты и потомъ отослать къ гостю домой, а тотъ, конечно, броситъ. Конфеты были— тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ, опять морковь, кажется, да еще что-то въ этомъ родѣ, потомъ разныя подѣлья рыбы, яблока и т. п., все изъ краснаго и бѣлаго риса.

Около насъ сидѣли на полу переводчики; изъ банокъ въ

я видѣлъ только Хагивари, да Ойе-Саброски. При губернаторѣ они боялись взглянуть на насъ, а можетъ-быть и не очень уважали, пока изъ Едо не прислали полномочныхъ, которые дѣлаютъ намъ торжественный и почетный пріемъ. Тогда и прочіе зашевелились, не знаютъ гдѣ посадить, жмутъ руку, улыбаются, угощаютъ.

Черезъ полчаса церемоніймейстеръ пришелъ звать насъ къ обѣду. Онъ извинялся, что тѣснота не позволяетъ обѣдать всѣмъ вмѣстѣ и что общество разсядется по разнымъ комнатамъ. Адмирала, И. С. У., К. Н. П. и меня ввели опять въ пріемную залу; съ нами обѣдали только два старшихъ полномочныхъ, остальные вышли вонъ. Зала такъ просторна, что въ ней могли бы пообѣдать, безъ всякой тѣсноты, человѣкъ шестьдесятъ; но японцы для каждаго изъ насъ поставили по особому столу. Полномочные сидѣли на своихъ возвышеніяхъ, на которыя имъ и ставили блюда.

Вотъ появилось ровно шесть слугъ, по числу гостей, каждый съ подносомъ, на которомъ лежало что-то завернутое въ бумагѣ, рыба, какъ мнѣ казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потомъ вошли и унесли ихъ: передъ нами остались пустые, ничѣмъ не накрытые столы, сдѣланные, нарочно для насъ, изъ кедроваго дерева.—«Ну, обычай не совсѣмъ патріархальный», подумалъ я: «что бы это значило?»—«Это нашъ обычай», сказалъ старикъ: «подавать блюдо съ «этимъ» на столъ и сейчасъ уносить: *это* у насъ — символъ пріязни». А *это* — была не рыба, какъ мнѣ показалось сначала, а какая-то тесьма, видомъ похожая на вязигу. Я принялъ-было ее за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, прилипающей, посредствомъ ея, къ скаламъ. Такъ вотъ видите: это у нихъ и есть символъ симпатіи, привязанности, или буквально «прилипчивости».

Опять появилось шестеро, точно въ сказкѣ — молодцовъ, сказалъ бы я, если бъ была малѣйшая тѣнь молодцоватости.

Въ другой чашкѣ была похлебка съ рыбой, въ родѣ нашей селянки. Я открылъ, не помню, пятую или [illegible] чашку: въ ней кусочекъ рыбы плавалъ совершенно въ чистомъ и свѣтломъ бульонѣ, какъ горячая вода. Я думалъ, что это уха, и проглотилъ ложки четыре, но мнѣ показалось невкусно. Это дѣйствительно была горячая вода—и больше ничего.

Сосѣдъ мой старался ѣсть палочками и возбуждалъ, да и мы всѣ тоже, не одну улыбку окружавшихъ насъ [illegible]цевъ. Не разъ многіе закрывали ротъ [illegible], [illegible] какъ недовѣрчиво и пытливо мы вглядывались въ [illegible] и какъ сначала осторожно пробуемъ ихъ. Но я съ третьей чашки перестаъ пробовать и съѣлъ [illegible] [illegible] чаще въ рисъ, за [illegible] [illegible] жареная рыба, вареная [illegible] [illegible]

[illegible]

блюдо и было, да и то не ѣдятъ! Охъ, ужъ эти мнѣ эмблемы да символы!

Слуга подходилъ ко всѣмъ и протягивалъ руку: я думалъ, что онъ хочетъ отбирать пустыя чашки, отдалъ ему три, а онъ чрезъ минуту принесъ мнѣ ихъ опять съ тѣми же кушаньями. Что мнѣ дѣлать? Я подумалъ, да и принялся опять за похлебку, сталъ-было приниматься вторично за вареную рыбу, но собесѣдники мои перестали дѣйствовать, и я унялся. Хозяевамъ очень нравилось, что мы ѣдимъ; старикъ ласково поглядывалъ на каждаго изъ насъ и отъ души смѣялся усиліямъ моего сосѣда ѣсть палочками.

Къ концу обѣда слуги явились съ дымившимися чайниками. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что тамъ такое.— «Теперь надо выпить саки», сказалъ старикъ, и слуги стали наливать въ красныя, почти плоскія лакированныя чашки, разогрѣтый напитокъ. Мы выпили по чашечкѣ. Намъ еще прежде, между прочей провизіей, доставлено было нѣсколько кувшиновъ этого саки, и тогда оно намъ не понравилось. Теплый онъ лучше; похоже вкусомъ на слабый, выдохшійся ромъ. *Саки*—перегнанное вино изъ риса. Потомъ налили опять. Мы стали-было отговариваться, но старикъ объявилъ, что надо выпить до трехъ разъ. Мы выпили и въ третій разъ, и наши хозяева тоже. Пока мы ѣли, намъ безпрестанно подбавляли горячаго риса. Послѣ саки вновь принесли дымившійся чайникъ: я думалъ, не опять ли саки, но старикъ предложилъ, не хотимъ ли мы теперь выпить—«горячей воды!» Это что за шутка? Нашелъ лакомство!—«Нѣтъ, не хотимъ», отвѣчали ему. Однакожъ я подумалъ, что ужъ если обѣдать по-японски, такъ надо вполнѣ обѣдать, и потому попробовалъ и горячей воды: все такъ же не хорошо, какъ если бъ я попробовалъ ее и за русскимъ столомъ.— «Ну, не хотите ли полить рисъ горячей водой и съѣсть?» предложилъ старикъ. И этого не хотимъ. Между тѣмъ оба полномочные подставили плоскодонныя чашки, имъ налили

кипятку, и они выпили. Они объяснили, что они утоляютъ жажду горячей водой.

Хозяевы были любезны. Пора назвать ихъ: старика зовутъ Тсутсуй Хизе-но-Кама Сама, второго Кавадзи Сойемон-но-Ками... нѣтъ, не Ками, а Дзіо Сама, это все равно: Дзіо и Ками означаютъ равный титулъ; третій Алао Тосанно Ками Сама; четвертаго... забылъ, послѣ скажу. Впрочемъ, оба послѣдніе приданы только для числа и большей важности, а въ сущности они сидѣли съ поникшими головами и молча слушали старшихъ двухъ, а можетъ-быть и не слушали, а просто засѣдали.

Послѣ обѣда подали чай, съ какимъ-то оригинальнымъ запахомъ: гляжу: на днѣ гвоздичная головка—какое варварство, и еще въ странѣ чая!

Старикъ все поглядывалъ на насъ дружески, съ улыбкой.

«Мы пріѣхали изъ-за многихъ сотенъ», началъ онъ мямлить: «а вы изъ-за многихъ тысячъ миль: мы никогда другъ друга не видали, были такъ далеки между собою, а вотъ теперь познакомились, сидимъ, бесѣдуемъ, обѣдаемъ вмѣстѣ. Какъ это странно и пріятно!» Мы не знали, какъ благодарить его за это привѣтливое выраженіе общаго тогда намъ чувства. И у насъ были тѣ же мысли, то же впечатлѣніе отъ странности такихъ сближеній. Мы благодарили ихъ за пріемъ, хвалили обѣдъ. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что нахожу въ нѣкоторыхъ блюдахъ сходство съ европейскими, и вижу, что японцы, какъ люди порядочные, кухней не пренебрегаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, рыба подъ бѣлымъ соусомъ—хоть куда. Если бъ ко всему этому дать хлѣба, такъ можно даже наѣсться почти до-сыта. Безъ хлѣба какъ-то странно было на желудкѣ: сытъ не сытъ, а ѣсть больше нельзя. Послѣ обѣда одолѣваетъ не дремота, какъ обыкновенно, а только задумчивость. Но я смѣялся, вспомнивъ, что пишутъ о японскомъ столѣ и, между прочимъ, что они будто готовятъ кушанье на касторовомъ маслѣ. А

у нихъ и обыкновенное деревянное масло употребляется рѣдко, и только съ зеленью; все же прочее жарится и варится на водѣ, съ примѣсью саки и сои. Потомъ сказали мы хозяевамъ, что изъ всѣхъ народовъ крайняго Востока, японцы считаются у насъ, по описаніямъ, первыми — по умѣнью жить, по утонченности нравовъ, и что мы теперь видимъ это на опытѣ.

Наконецъ кончился обѣдъ. Все унесли и чрезъ пять минутъ подали чай и конфеты, въ знакомыхъ уже намъ ящикахъ. Тамъ были подобія бамбуковыхъ вѣтвей изъ леденца, лентъ, сердецъ, потомъ рыбы, этой альфы и омеги японскаго стола, отъ нищаго до вельможи, далѣе, какой-то тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ и рисовыя конфеты.

Когда убрали наконецъ все, адмиралъ сказалъ, что онъ желалъ бы сдѣлать полномочнымъ два вопроса по дѣлу, которое его привело сюда, и просилъ отвѣчать сегодня же. Старикъ вынулъ пачку бумаги, тщательно отодралъ одинъ листокъ, высморкался, спряталъ бумажку въ рукавъ, потомъ кротко возразилъ, что, по японскимъ обычаямъ, при первомъ знакомствѣ разговоры о дѣлахъ обыкновенно откладываются, что этого требуютъ приличія и законы гостепріимства. Адмиралъ замѣтилъ, что это отнюдь не помѣшаетъ возникающей между нами пріязни; что вопросы эти не потребуютъ какихъ-нибудь мудреныхъ отвѣтовъ, а просто двухъ словъ: *да* или *нѣтъ*. Мы видѣли, что имъ лѣнь говорить о дѣлѣ. Вообще и важные сановники, и неважные, послѣ обѣда выражались больше междометіями, которыхъ невозможно передать словами. Грудные звуки раздавались изъ всѣхъ угловъ. О дѣлѣ неприлично говорить, а это ничего!

Адмиралъ согласился прислать два вопроса на другой день, на бумагѣ, но съ тѣмъ, чтобъ они къ вечеру же отвѣчали на нихъ.—«Какъ же мы можемъ обѣщать это», возра-

зили они: «когда не знаемъ, въ чемъ состоятъ [illegible]. Имъ сказано, что мы знаемъ вопросы и знаемъ, что м[illegible] отвѣчать. Они обѣщали сдѣлать, что можно, и мы разстал[illegible] большими друзьями.

Съ музыкой, въ такомъ же порядкѣ, какъ пріѣхали, [illegible] ясной и теплой погодѣ, воротились мы на фрегатъ. Дор[illegible] къ пристани мы заглядывали за занавѣски и видѣли у[illegible]кую улицу, тонкія деревья и прятавшихся женщинъ. — [illegible] хорошо дѣлаютъ, что прячутся, «черезубыя», говорили [illegible]которые.—«Кисель виноградн...» скажете вы. А женщины дѣйствительно черезубыя: только до замужества хранятъ онѣ естественную бѣлизну зубовъ, а по вступленіи въ бра[illegible] чернятъ ихъ какимъ-то составомъ.

Ѳаддеевъ, бывшій въ числѣ нашихъ слугъ, сказалъ, что и ихъ всѣхъ угостили, и на этотъ разъ хорошо.—«Чего жъ намъ дали?» спросилъ я.—«Красной и бѣлой каши: да что, в. в., съ души рветъ».—«Отчего?»—«Да рыба—словно кисель, безъ соли, хлѣба нѣтъ!»

Вслѣдъ за нами явилось къ фрегату множество лодокъ, и старшій чиновникъ спросилъ, довольны ли мы: это только предлогъ, а собственно ему поручено проводить насъ и донести, что онъ *доставилъ насъ* въ цѣлости на фрегатъ. Случись съ нами что-нибудь, несчастіе, непріятность, хотя бы отъ провожатыхъ и не зависѣло отвратить ее, имъ бы досталось.

Черезъ часъ каюты наши завалены были ящиками: въ большомъ рыба, что подавали за столомъ, старая знакомая, въ другомъ сладкій и очень вкусный хлѣбъ, въ третьемъ конфеты.—«Вынеси рыбу вонъ», сказалъ я Ѳаддееву. Вечеромъ я спросилъ: «куда онъ ее дѣлъ?» — «Съѣлъ съ товарищами», говоритъ.—«Что жъ, хороша?»—«Есть душокъ, а хороша», отвѣчалъ онъ.

На другой день, 1-го января 1851 г., пріѣхалъ Эйноске условиться о завтрашнемъ днѣ. Увидя насъ всѣхъ въ празд-

ничныхъ платьяхъ, онъ спросилъ о причинѣ. Ему сказали, что у насъ наступилъ новый годъ. Онъ поздравилъ; мы велѣли подать шампанскаго, до котораго онъ, кажется, большой охотникъ. И онъ, и два бывшіе съ нимъ баніоса, подпили: тѣ покраснѣли, а Эйноске, смѣсью англійскаго, голландскаго и французскаго языковъ съ нагасакскимъ нарѣчіемъ, извинялся, что много пилъ и, въ подтвержденіе этого, забылъ у насъ свою мантилью на собачьемъ мѣху. Онъ выучился пить шампанское у американцевъ. и какъ скоро: тѣ пробыли всего шесть дней!

А свѣжо: зима въ полномъ разгарѣ, всего шесть градусовъ тепла. Небо ясно, ночи свѣтлыя; вода сильно искрится. Вообще, судя по тому, что мы до сихъ поръ испытали, можно заключить, что Нагасаки—одинъ изъ благословенныхъ уголковъ міра по климату. Ровная погода: когда вѣтеръ съ сѣвера—ясно и свѣжо, съ юга—наноситъ дождь. Но мы видѣли больше яснаго времени.

Завтрашняго дня не было, то-есть у насъ готовился неслыханный и невиданный праздникъ и не состоялся. Праздникъ этотъ — важный фактъ, доказывающій, что все безсильно передъ временемъ и обстоятельствами. Давно ли всѣ крайне-восточные народы, японцы особенно, считали насъ, европейцевъ, немного хуже собакъ? не хотѣли знаться, дичились, чуждались? И насъ губернаторъ хотѣлъ принять съ такимъ, съ такою... глупостью, слѣдовало бы сказать, съ гордостью, скажу учтивѣе: а теперь четыре важные японскіе сановника сами ѣдутъ къ намъ въ гости! Кажется, небывалый еще примѣръ въ сношеніяхъ японцевъ съ иностранцами! Они просили отсрочки на два дня и, вмѣсто пятницы, какъ обѣщали-было сначала, назначили воскресенье. У нихъ случились тутъ какіе-то праздники и оттого они отложили.

Да, Эйноске, между прочимъ, пріѣзжалъ съ Хагивари, объясниться насчетъ салюта. Мы ожидали, что вчера, при

свиданіи, скажутъ намъ что-нибудь объ этомъ. Но ни слова: хозяева вполнѣ уважили законы гостепріимства. Зато теперь Хагивари пріѣхалъ съ упрекомъ отъ губернатора за салютъ. Ему отвѣчали сначала шуткой, потомъ замѣтили, что они сами не сказали ничего рѣшительнаго о томъ, принимаютъ ли нашъ салютъ, или нѣтъ, оттого мы, думая, что они примутъ его, салютовали и себѣ. Они стали просить не палить больше.—«Теперь нѣтъ повода—и не станемъ, если только полномочные не хотятъ, чтобъ имъ палили», отвѣчалъ П—тъ.—«Не хотятъ, не хотятъ!» подтвердили они.—«А если другой адмиралъ придетъ сюда», спросилъ Эйноске заботливо: «тогда будете палить?» — «Мы не предвидимъ, чтобы пришелъ сюда какой-нибудь адмиралъ», отвѣчали ему: «оттого и не полагаемъ, чтобъ понадобилось палить».

Въ этомъ вопросѣ крылся, кажется, другой: не придутъ ли англичане? Японцы уже выражали однажды предположеніе, что вслѣдъ за нами, вѣроятно, придутъ и другія націи, съ предложеніями о торговлѣ.

Въ Новый годъ, вечеромъ, когда у насъ всѣ уже легли, пріѣхали два чиновника отъ полномочныхъ съ двумя второстепенными переводчиками, Сьоза и Льода, и привезли отвѣтъ на два вопроса. К. Н. П—тъ сказалъ: я ходилъ по палубѣ и встрѣтилъ ихъ. Въ бумагѣ сказано было, что полномочные теперь не могутъ отвѣчать на предложенные имъ [illegible]

[illegible]

наживешь враговъ. Вообще нужна большая осторожность въ обращеніи съ ними, тѣмъ болѣе, что изученіе приличій составляетъ у нихъ важную науку, за неимѣніемъ пока другихъ. Еще Гвальтьери, говоря о японцахъ, замѣчаетъ, что наша вѣжливость у нихъ—невѣжливость, и наоборотъ. Напримѣръ: встать передъ гостемъ, говоритъ онъ, у нихъ невѣжливо, а надо сѣсть. Мы снимаемъ шляпу въ знакъ уваженія, а они — туфли. Мы, выходя изъ дома, надѣваемъ плащъ, а они — широкіе панталоны, или юбку, которую будто бы снимаютъ при входѣ въ домъ. (Посѣщая насъ, они не снимали ея: не измѣнился ли обычай и въ самой Японіи со времени Гвальтьери?) Наши русые волосы и бѣлые зубы имъ противны; у нихъ женщины сильно чернятъ зубы; чернили бы и волосы, если бъ они и безъ того не были чернѣе сажи. У насъ женщины, въ *интересномъ положеніи*, какъ это называютъ нѣкоторые, надѣваютъ широкія блузы, а у нихъ сильно стягиваются; по разрѣшеніи отъ бремени, у насъ и мать, и дитя моютъ теплой водой (кажется, такъ?), а у нихъ холодной. Не знаю, отчего Гвальтьери, приводя эти противоположности, тутъ же кстати не упомянулъ, что за обѣдомъ у нихъ запиваютъ кушанья, какъ сказано выше, горячей водой, а у насъ холодной. Или это они недавно выдумали?

Да, это все такъ: эту параллель можно продолжать, пожалуй, еще. Мнѣ, напримѣръ, не случалось видѣть, чтобъ японецъ прямо ходилъ, или стоялъ, а непремѣнно полусогнувшись, руки постоянно держитъ наготовѣ, на колѣняхъ, и такъ и смотритъ по сторонамъ, нельзя ли кому поклониться. Лишь только завидитъ кого-нибудь равнаго себѣ, сейчасъ колѣни у него начинаютъ сгибаться, онъ точно извиняется, что у него есть ноги, потомъ онъ быстро наклонится, будто переломится пополамъ, руки вытянетъ по колѣнямъ, и на нѣсколько секундъ онъ и нѣтъ въ этомъ положеніи; послѣ вдругъ выпрямится и опять согнется, и такъ до трехъ

разъ, и больше. А иногда два японца, при встрѣчѣ, такъ и разойдутся въ этомъ положеніи, т.-е. согнувшись, если не нужно остановиться и поговорить. Слуги у нихъ бѣгаютъ тоже полусогнувшись и приложивъ обѣ ладони къ колѣнямъ, чтобъ недолго было падать на полъ, когда понадобится. Передъ высшимъ лицомъ японецъ быстро падаетъ на полъ, садится на пятки и поклонится въ землю. У самихъ полномочныхъ тоже голова всегда клонится долу: всѣ они сидятъ съ поникшими головами, по привычкѣ, въ свою очередь, падать ницъ передъ высшими лицами. Полномочнымъ, конечно, не приходится упражнять себя въ этомъ, пока они въ Нагасаки; а въ Едо?

Утромъ, 4-го января, фрегатъ принялъ праздничный видъ. Выметая, вытертая пескомъ и камнями, въ ущербъ моему личному спокойствію, палуба бѣлѣла, какъ полотно; мѣдь ярко горѣла на солнцѣ; снасти уложены были красивыми бухтами, изъ четырехъ [illegible] общій баловень нашъ, котъ Васька. Все нарядилось. На ютѣ устроили изъ сигнальныхъ флаговъ палатку, и въ ней сидѣнья [illegible] и стулья для насъ [illegible] и безъ того убранной устроены были такія же сидѣнья для нихъ же, за [illegible] былъ для адмирала и [illegible] За маленькимъ столикомъ [illegible] переводчикомъ [illegible] два стула, и [illegible]

[illegible]

На каждомъ ящикѣ положены были свертки бумаги, опять съ символомъ «прилипчивости».

Но что за вещи прислали они — заглядѣнье! Одинъ прислалъ шкатулку, черную, лакированную, съ золотыми рельефами храмовъ, бесѣдокъ, горъ, деревьевъ. Лакъ необыкновенно густъ, черенъ, не сходитъ, говорятъ, десятки лѣтъ, и чистъ, какъ зеркало. Такихъ лакированныхъ вещей нигдѣ нѣтъ. Другая коробочка испещрена красно-золотистыми, потонувшими въ лакѣ, искрами. При шкатулкѣ были разныя бездѣлки: курительница для порошковъ, которую японцы носятъ на поясѣ, и еще какія-то принадлежности. Другой подарилъ чернильницу съ золотыми украшеніями, со всѣмъ приборомъ для письма, съ тушью, кистями, стопой бумаги и даже съ восковыми раскрашенными свѣчами.

Но самымъ замѣчательнымъ и дорогимъ подаркомъ была сабля, и по достоинству, и по значенію. Подарокъ сабли у нихъ служитъ несомнѣннымъ выраженіемъ дружбы. Японскіе сабельные клинки, безспорно, лучшіе въ свѣтѣ. Ихъ строго запрещено вывозить. Клинки у нихъ испытываются, если Эйноске не лгалъ, палачомъ надъ преступниками. Мастеръ отдаетъ ихъ, по выдѣлкѣ, прямо палачу, а тотъ пробуетъ, сколько головъ (!?) можно перерубить разомъ. Мастеръ чеканитъ число головъ на клинкѣ. Это, будто бы, и служитъ у нихъ оцѣнкою достоинства сабли. Подаренная адмиралу перерубаетъ, какъ говорилъ Эйноске, три головы. Сабли считаются драгоцѣнностью у японцевъ. Клинокъ всегда блеститъ, какъ зеркало; на него, какъ говорятъ, не надышатся. У Эйноске сабля, подаренная ему другомъ, существуетъ, по его словамъ, около пятисотъ лѣтъ.

Я не знаю толку въ саблякъ, но не могъ довольно налюбоваться на блескъ и отдѣлку клинка, подарка Кавадзи. Ножны у ней сдѣланы, кажется, изъ кожи акулы, и всѣ зашиты въ шелкъ, чтобъ предостеречь отъ ржавчины. Старикъ Тсутсуй подарилъ дорогія украшенія къ этой саблѣ, насѣчки и т.

свѣдѣній, скажутъ намъ что-нибудь объ этомъ. Но ни [illegible] хозяева вообще [illegible] гостепріимства. Зато теперь Хагеньюи пріѣхалъ съ упрекомъ отъ губернатора [illegible] салютъ. [illegible] отвѣтили сначала шуткой, потомъ замѣтили что они сами не сказали ничего рѣшительнаго о томъ, принимаютъ ли нашъ салютъ, или нѣтъ, оттого мы думали, что они примутъ его [illegible] и себѣ. Они стали просить и [illegible] больше.— Теперь нѣтъ [illegible] — и не [illegible] не хотятъ, чтобъ имъ [illegible] П—въ.—«Не хотятъ, не хотятъ!» [illegible]— «А если другія захотятъ [illegible] салютъ», спросилъ [illegible] «[illegible]» — «Мы не [illegible] чтобъ [illegible]», [illegible] «[illegible]».

Въ [illegible]

Въ [illegible]

[illegible]

выгонитъ ихъ оттуда, тогда и онъ откажется отъ дачи. А выгнать миссіонеровъ нельзя: они глубоко пустили корни. Католическій епископъ въ Гон-Конгѣ сказывалъ, что между китайцами считается до пятисотъ тысячъ католиковъ. Всѣ они тайно покровительствуютъ миссіонерамъ, укрываютъ ихъ отъ взоровъ правительства, даютъ селиться среди себя и всячески помогаютъ. Начальство подкуплено, и миссіонеры дѣлаютъ свое дѣло явно. Губернаторъ зналъ о миссіонерахъ, и потому замолчалъ на возраженіе консула.

Въ другой разъ, къ этому же консулу приставъ губернаторъ, зачѣмъ онъ снаряжаетъ судно, да еще, кажется, съ опіумомъ, въ какой-то шестой портъ, чуть ли не въ самый Пекинъ, когда открыто только пять?—«А зачѣмъ», возразилъ тотъ опять, «у о. Чусана, который не открытъ для европейцевъ, да зно стоятъ англійскіе корабли? Выгоните ихъ, и я не пошлю судно въ Пекинъ». Губернаторъ зналъ, конечно, зачѣмъ стоятъ англійскіе корабли у Чусана, и не выгналъ ихъ. Такъ судно американское и пошло, куда хотѣло.

Сдѣлавши одно послабленіе, губернаторъ долженъ былъ допустить десять и молчать, иначе ему не сдобровать. Онъ самъ первый нарушитель законовъ. А европейцы берутъ все больше и больше воли, и въ Пекинѣ узнаютъ объ этомъ тогда, когда уже они будутъ подъ стѣнами его и когда помѣшать разливу чужого вліянія будетъ трудно.

Впрочемъ, этого ожидать скоро нельзя по другимъ обстоятельствамъ: во всякомъ другомъ мѣстѣ жители, по лѣности и невѣжеству, охотно отдаютъ себя въ опеку европейцамъ, и тѣ скоро дѣлаются хозяевами у нихъ. Китайцы, напротивъ, сами купцы по преимуществу, и, по меркантильному духу и спекулятивнымъ способностямъ, превосходятъ англичанъ и американцевъ, и не выпустятъ изъ своихъ рукъ внутренней торговли. Оттого, ни тѣ, ни другіе, не имѣютъ успѣха внутри Китая, и даже не завязываютъ тамъ цика-

кихъ прямыхъ сношеній. Торговля производится чрезъ китайскихъ комиссіонеровъ, которые и ѣздятъ внутрь, для закупки товаровъ отъ самихъ плантаторовъ чая и фабрикантовъ шелка.

Если и Японіи суждено отворить настежь ворота передъ иностранцами, то это случится еще медленнѣе; развѣ принудятъ ее къ тому войной. Но и въ этомъ отношеніи она имѣетъ огромныя преимущества передъ Китаемъ. Если она переймет у европейцевъ военное искусство и укрѣпитъ свои порты, тогда она безопасна отъ всякаго вторженія. Одна измѣна можетъ погубить ее: то-есть, если кому-нибудь удастся зажечь въ ней междоусобную войну, вооружить удѣльныхъ князей противъ метрополіи—тогда ей не сдобровать. Но пока она будетъ держаться нынѣшней своей системы, увертываясь отъ вліянія иностранцевъ, уступая имъ кое-что и держа своихъ, попрежнему, въ страхѣ, не позволяя имъ брать, безъ позволенія, даже пустой бутылки, она еще будетъ жить старыми своими началами, старой религіей, простотой нравовъ, скромностью и умѣренностью образа жизни. Въ настоящую минуту можно и ее отпереть разомъ: она такъ слаба, что никакой войны не выдержитъ. Но для этого надо поступить по-англійски, то-есть пойти, напримѣръ, въ японскіе порты, выйти безъ спросу на берегъ, и когда станутъ не пускать, начать драку, потомъ самимъ же пожаловаться на оскорбленіе и начать войну. Или другимъ способомъ: привезти опіумъ, и когда станутъ принимать противъ этого строгія мѣры, тоже объявить войну.

Долго заставили себя ждать полномочные. Мы ужъ давно расхаживали по юту и по шканцамъ, раза по два бѣгали къ камбузу съѣсть по горячему пирожку, или по котлеткѣ, а ихъ все нѣтъ!

Въ первомъ часу, наконецъ, отъ берега тронулась цѣлая флотилія къ намъ. Посреди пятидесяти или шестидесяти лодокъ, медленно плыли двѣ огромныя, крытыя лодки или

барки, какъ два гроба, обтянутыя, какъ гробы же, красной матеріей, утыканныя золочеными луками, стрѣлами, пиками и булавами. Лодки были въ два этажа, съ галлереею вокругъ, для гребцовъ. Вверху помѣщалась свита, внизу сами полномочные. Множество мелкихъ лодокъ вели большія на буксирѣ. На носу большой лодки стоялъ японецъ, съ какой-то бѣлой метелкой, и махая ею, управлялъ буксиромъ, подъ мѣрный звукъ гонга и криковъ. Шумъ былъ страшный. Оба гроба пристали къ парадному трапу и стали рядомъ.

Баніосы, переводчики, поползли, какъ изъ мѣшка, и затопили палубу. За ними вышло до шестидесяти человѣкъ караула. Японцы не хотѣли уступить намъ въ церемоніалѣ. Для угощенія свиты и людей и для соблюденія порядка назначено было нѣсколько офицеровъ. Наконецъ, вышли и полномочные. К. Н. П. и я встрѣтили ихъ при входѣ, адмиралъ — у дверей своей каюты. На шканцы былъ вызванъ караулъ съ музыкой. Имъ предложили посмотрѣть фрегатъ, и они съ удовольствіемъ согласились. Я никакъ не думалъ, чтобъ старикъ пріѣхалъ. Куда бы, кажется, ему? А онъ оказалъ удивительную бодрость, обошелъ палубы, спустился въ самую нижнюю, въ арсеналъ, и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ усталости. Они на всемъ останавливались, разспрашивали, и если находили что-нибудь покрытое, или завѣшенное, приподнимали и спрашивали, что̀ тамъ такое, зачѣмъ.

Ихъ повели въ адмиральскую каюту. Она была очень ярко убрана: стѣны въ ней, или, по-морскому *переборки*, и двери, были краснаго дерева, полъ, или палуба, устлана ковромъ; на окнахъ красныя и зеленыя драпри. Для четырехъ полномочныхъ приготовленъ былъ широкій и невысокій диванъ, покрытый пестрыми англійскими коврами. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, всѣ пошли наверхъ, въ палатку. Полномочные вели себя, какъ тонкіе, вѣкъ жившіе

въ свѣтѣ, люди: все должно было поражать ихъ, не видавшихъ никогда европейскаго судна, мебели, украшеній. Что шагъ, то новое для нихъ. Они сознались въ этомъ на другой день, но тутъ не показали ни жестомъ, ни взглядомъ удивленія, или восторга. Музыку они тоже слышали въ первый разъ, и только одинъ изъ нихъ качалъ головой въ тактъ, какъ дѣлаютъ у насъ меломаны, сидя въ оперѣ.

Имъ подали чай. Между тѣмъ вся команда выстроилась на палубѣ: началось ученье ружьемъ, потомъ маршировка. Четыреста человѣкъ маршировали вокругъ мачтъ, отъ юта до бака и обратно. Но всего эффектнѣе было, когда пробили тревогу: изъ всѣхъ люковъ сыпались люди и разбѣгались, какъ мыши, по всѣмъ направленіямъ, каждый къ своему орудію. Я ужъ привыкъ къ этому, но и мнѣ зрѣлище это показалось интересно: а людямъ, не видавшимъ никогда ничего подобнаго! Имъ показали дѣйствіе орудіями. Они благодарили адмирала и поручили поблагодарить людей.— «Спасибо, ребята», сказалъ адмиралъ.— «Рады стараться! раздалось четыреста голосовъ. Опять эффектъ.

Накрыли столы. Для [illegible] и [illegible] въ [illegible] адмиральской каютѣ. За другимъ столомъ сидѣли адмиралъ и трое насъ. Въ [illegible] посадили одиннадцать человѣкъ свиты [illegible], и еще десять человѣкъ [illegible]. Для [illegible] было мѣсто на [illegible] палубѣ.

Х[illegible] на [illegible] [illegible] Съ [illegible]

длить нечего. — «Что это?» спрашивали они, при каждомъ блюдѣ, и чего-то, казалось, ожидали. Имъ подавали больше рыбы, но переводчикъ сказалъ, что они ждутъ мяса, которое ѣдятъ, какъ рѣдкость. Отвращенія они къ нему не имѣютъ, напротивъ, очень любятъ, а не ѣдятъ только потому, что не велѣно, за недостаткомъ скота, который употребляется на работы. У насъ изъ мясныхъ блюдъ приготовленъ былъ для нихъ нарочно пилавъ изъ баранины, ветчина и, кажется, только. Говядины на фрегатѣ въ то время не было. Прочія блюда были изъ рыбы, или живности. Они съ удовольствіемъ ѣли баранину, особенно четвертый полномочный. Кончивъ тарелку, онъ подалъ ее человѣку самъ: знакъ, что желаетъ повторенія. Скатерти, салфетки, солонки—все обращало ихъ вниманіе. И надо было отдать имъ справедливость: они такъ приглядѣлись къ нашему порядку, что едва можно было замѣтить разницу между ними и европейцами. Только одинъ изъ нихъ, Кавадзи, на минуту придержался японскаго обычая. Подали какое-то жидкое пирожное, въ родѣ крема, съ бисквитами: онъ попробовалъ, должно-быть, ему понравилось; онъ вынулъ изъ кармана бумажку, переложилъ въ нее все, что̀ осталось на тарелкѣ, стиснулъ и спряталъ за пазуху. — «Не подумайте, что я беру это для какой-нибудь красавицы», замѣтилъ онъ: «нѣтъ, это для своихъ подчиненныхъ».

При этомъ случаѣ разговоръ незамѣтно перешелъ къ женщинамъ. Японцы впали-было въ легкій цинизмъ. Они, какъ всѣ азіатскіе народы, преданы чувственности, не скрываютъ и не преслѣдуютъ этой слабости. Если хотите узнать объ этомъ что-нибудь подробнѣе, прочтите Кемпфера, или Тунберга. Послѣдній посвятилъ этому цѣлую главу въ своемъ путешествіи. Я не былъ внутри Японіи и не жилъ съ японцами, и потому могъ только кое-что уловить изъ ихъ разговоровъ объ этомъ предметѣ.

Ч и П—тъ безпрестанно выходили изъ-за стола, то под-

лить имъ шампанскаго, то показать, какъ надо ѣсть какое-нибудь блюдо, или растолковать, изъ чего оно приготовлено. Они смущались нашею вѣжливостью и внимательностью и не знали, какъ благодарить.

Пили они умѣренно. Они пробовали съ большимъ любопытствомъ вино, отпивая понемногу, но бокала не доканчивали, кромѣ, однакожъ, четвертаго полномочнаго, мужчины рослаго и полнаго. Тотъ выпилъ бокала четыре.

Имъ намекнули-было о дѣлѣ, о завтрашнемъ свиданіи; но полномочные отвѣчали, что они увлеклись нашимъ праздникомъ, сдѣланнымъ имъ пріемомъ и пріятной бесѣдой, а о дѣлѣ и забыли совсѣмъ.

Переводчики ползали по полу: напрасно я приглашалъ ихъ въ другую комнату, они и руками, и ногами уклонились отъ обѣда, какъ отъ дѣла, совершенно невозможнаго въ присутствіи grooten heren, важныхъ особъ. Но у нихъ въ горлѣ пересохло. Кичибе вертѣлся на полу во всѣ стороны, какъ будто его кругомъ рвали собаки. «Хи, хи!» безпрестанно откликался онъ, то тому, то другому. Подъ конецъ обѣда, въ которомъ не участвовалъ, онъ совсѣмъ охрипъ и осовѣлъ. Я налилъ ему и Эйноске по бокалу шампанскаго: они стали-было отпѣкиваться и отъ этого, но Кавадзи махнулъ головой, и они, поклонившись ему до земли, выпили съ жадностью, потомъ обратили признательный взглядъ ко мнѣ и подняли бокалы ко лбу, въ знакъ благодарности.

Я заглянулъ въ другую комнату: тамъ пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Нѣсколько раскраснѣвшихся лицъ и пріятныхъ улыбокъ доказывали, что собесѣдники тоже пробовали наши вина. Между ними я замѣтилъ одну, совсѣмъ бритую голову, безъ косички: это докторъ. Доктора и жрецы не носятъ вовсе волосъ. Онъ рекомендовался нашимъ докторамъ, былъ очень живъ и говорилъ немного по-голландски. За десертомъ, въ подражаніе горячему саки, по-

дали имъ глинтвейнъ. Полномочные хлебнули немного, болѣе изъ любопытства. Потомъ мы, подражая тоже ихъ обычаю, поставили передъ каждымъ полномочнымъ по ящику конфетъ. Они уже тутъ не могли скрыть своего удовольствія, или удивленія, и ахнули — такъ хороши были ящики, изъ дорогого красиваго дерева, съ деревянной же мозаикой. Да и конфеты, пестротой своей, бросались въ глаза. Потомъ имъ показали и подарили множество раскрашенныхъ гравюръ съ изображеніемъ видовъ Москвы, Петербурга, нашихъ войскъ, еще купленныхъ въ Англіи картинокъ женскихъ головокъ, плодовъ, цвѣтовъ и т. п. Новые ахи удовольствія и изумленія!

Наконецъ, около сумерекъ, все это нашествіе иноплеменныхъ исчезло отъ насъ, съ просьбою посѣтить ихъ.

На другой день, 5-го января, рано утромъ, пріѣхали переводчики спросить о числѣ гостей, и когда сказали, что будетъ немного, они просили пригласить побольше, по крайней мѣрѣ, хоть всѣхъ старшихъ офицеровъ. Они сказали, что настоящій, торжественный пріемъ назначенъ именно въ этотъ день, и что будетъ большой обѣдъ. Какъ нейти на большой обѣдъ? Многіе, кто не хотѣлъ ѣхать, поѣхали.

Въ самомъ дѣлѣ, на пристани ожидала насъ толпа гуще, было больше суматохи; навстрѣчу вышли важные чиновники, въ самыхъ пестрыхъ юбкахъ. Еще я замѣтилъ на этотъ разъ, кромѣ солдатъ въ коническихъ шапкахъ, какую-то прислугу, несшую бѣлые фонари изъ рыбьихъ пузырей, на высокихъ бамбуковыхъ шестахъ. Прямо противъ пристани выстроена была новенькая, только-что съ иголочки, галлерея, въ родѣ гауптвахты. Тамъ, на пяткахъ, сидѣло въ четыре ряда человѣкъ пятьдесятъ японцевъ. Наверху, на терасѣ, налѣво и прямо — вездѣ такія же галлереи: не помню, были ли онѣ прежде тутъ, или нѣтъ? А! вотъ и лошадь! Наконецъ, я увидѣлъ и ее: дрянная буланая лошаденка пугалась музыки, прыгала и рвалась къ лѣстницѣ. Всадникъ

еще удерживалъ ее; кажется, онъ былъ представитель японской кавалерiи. Но съ нами караула было меньше и шествiе не такъ торжественно.

Японскiе полномочные и свита одеты были, попрежнему, очень парадно. Тсутсуй и Кавадзи объявили, что они имѣютъ вручить письмо отъ верховнаго совѣта. «Пожалуйте, гдѣ оно?» спросили ихъ. «А вотъ», отвѣчали они, указывая на окованный желѣзомъ, бѣлый сундукъ, какiе у насъ увидишь въ разныхъ старинныхъ купеческихъ домахъ, и на шелковый, съ кистями, тутъ же стоящiй, ящикъ. «Кто приметъ письмо?» О. А. Г., по приказанiю адмирала, вышелъ на середину. Переводчикъ Эйноске, съ поклономъ, подошелъ и открылъ шелковый ящикъ. «Ужели такое большое письмо?» думалъ я, глядя съ любопытствомъ на ящикъ. — «Извольте принять», сказалъ переводчикъ. Г. взялъ ящикъ и [illegible] держалъ въ рукахъ. Онъ вышелъ въ «отдыхальню», и мы за нимъ, а за нами понесли сундукъ. «Зачѣмъ же большой сундукъ?» думалъ я опять, глядя въ недоумѣнiи на сундукъ. Открыли его, тамъ стоялъ другой сундукъ, поменьше, потомъ третiй, четвертый, все меньше и меньше. И въ этомъ последнемъ, четвертомъ сундукѣ поставленъ послѣднiй [illegible] тонкiй ящикъ. [illegible] онъ тяжелый. [illegible] еще шестой и [illegible] дерева, тонкой [illegible]. А [illegible] въ этомъ [illegible] на [illegible] жъ держа- [illegible] чех- [illegible]

[illegible]

думали всѣ: «отъ самого сіогуна!»—«Что подарили?» спрашивали мы шопотомъ у П—та, который ходилъ въ залу за подарками. «Ваты», говоритъ.—«Какъ ваты?»—«Такъ, ваты шелковой, да шелковой матеріи».—«Что жъ, шелковая матерія—это хорошо!»

Въ это время слуги внесли подставки, въ родѣ постелей, и на нихъ разложены были куски матерій и ваты. Матерія двухъ цвѣтовъ, бѣлая и красная, съ тканными узорами, но такъ проста, что въ порядочномъ домѣ нельзя и драпри къ окну сдѣлать. «Что жъ, нѣтъ у нихъ лучше, или не можетъ дать сіогунъ?» Какъ нѣтъ! едва ли въ Ліонѣ дѣлаютъ матеріи лучше тѣхъ, которыя мы видѣли на платьяхъ полномочныхъ. Но японцы не дарятъ и не показываютъ ихъ, чтобы не привлекать на свое добро чужихъ взглядовъ и отбить охоту торговать. Притомъ шелкъ у нихъ запрещено вывозить, наравнѣ съ металлами. Въ Японіи его мало. Имъ сырецъ привозится изъ Китая и они выдѣлываютъ матерію для собственнаго употребленія. Лучшія и богатыя матеріи дѣлаются ссыльными, на маленькой неприступной скалѣ, къ югу отъ Японіи. Тамъ ни одна лодка не можетъ пристать къ скаламъ, и преступникамъ въ извѣстные сроки привозятъ провизію, а они на веревкахъ втаскиваютъ ее вверхъ. Самъ островъ малъ и безплоденъ.

Наконецъ, сундукъ съ письмомъ и подарки—все убрали, церемоніймейстеръ пришелъ опять сказать, что е. в. сіогунъ повелѣлъ угостить насъ обѣдомъ. Обѣдъ готовили, какъ видно, роскошный. Вмѣсто шести, было поставлено по двѣнадцати подставокъ или скамеечекъ, передъ каждымъ изъ насъ. На каждой скамеечкѣ—по двѣ, по три, а на иныхъ и больше чашекъ съ кушаньями. Кромѣ того были наставлены разные миніатюрные столики, коробки, какъ игрушки; на нихъ воткнуты цвѣты, сдѣланные изъ овощей и изъ матерій очень искусно. Подъ цвѣтами лежала закуска: кусочки превкусной, прессованной желтой икры, сырая

рыба, красная пастила, еще что-то изъ рыбы, въ родѣ сыра.

На особомъ миніатюрномъ столикѣ, отдѣльно, посажена на деревянной палочкѣ цѣлая птичка, какъ есть въ натурѣ, съ перьями, съ хвостомъ, съ головой, похожая на бекаса. Когда я задумался, не зная за что приняться, Накамура Тамея, церемоніймейстеръ, подошелъ ко мнѣ и показалъ на птичку, предлагая попробовать ее. «Да какъ же ее ѣсть, когда она въ перьяхъ?» думалъ я, взявъ ее въ руки. Но между перьями накладено было мясо птички, изжаренное и нарѣзанное кусочками. Дичь была очень вкусна. Я съѣлъ всю птичку. Накамура знаками спросилъ, не хочу ли я другую? «Гм!» сдѣлалъ я утвердительно. Слуга вскочилъ, взялъ миніатюрную подставку, съ бывшей птичкой, и принесъ другую. А я между тѣмъ обратилъ вниманіе на прочее: съѣлъ похлебку сладкую, съ какими-то клёцками, похожими немного и на макароны. Что тамъ было еще—я и вникнуть не могъ. Далѣе была похлебка изъ грибовъ, вареныхъ цѣликомъ, рыба съ бульономъ, и подъ соусами, вареная зелень, раки и вареныя устрицы, множество соленыхъ и моченыхъ овощей: все то же, что въ первый разъ, но со многими прибавленіями.

Рыба, съ загнутымъ хвостомъ и головой, была, какъ и въ первый разъ, тутъ же, но только гораздо больше прежней. Эта красная толстая рыба, называемая steinbrassen по-голландски, по-японски *тай*—лакомое блюдо у японцевъ; она и въ самомъ дѣлѣ хороша.

Цвѣты искусственные и дичь съ перьями напомнили мнѣ старую европейскую, затѣйливую кухню, которая щеголяла такими украшеніями. Давно ли перестали изъ моркови и свеклы вырѣзывать фигуры, узоромъ располагать кушанья, строить храмы изъ леденца и т. п.? Еще и нынче по мѣстамъ водятся такія утонченности. Новѣйшая гастрономія чуждается украшеній, не льстящихъ вкусу. Угождать зрѣ-

нію — не ея дѣло. Она презираетъ мелкимъ искусствомъ— изъ окорока дѣлать конфетку, а изъ майонеза цвѣтникъ.

Опять мы пили саки, а японцы, сверхъ того, горячую воду; опять наставили сластей, только гораздо больше прежняго. Особенно усердно приглашали насъ наши амфитріоны ѣсть сладкое тѣсто изъ какого-то горошка. Были тутъ синія, бѣлыя и красныя конфеты, похожія вкусомъ, частью на картофель, частью на толокно. Макъ тоже игралъ роль, но всего болѣе рисъ: изъ него сдѣланы были звѣздочки, треугольники, параллелограмы и т. п. Было изъ тѣста что-то въ родѣ блина, съ начинкой изъ сахарнаго песку, въ первобытномъ видѣ, какъ онъ добывается изъ тростника: были клейкія витушки и проч. Потомъ подали еще толченаго, дорогого чая, взбитаго съ пѣной, какъ шоколадъ.

Меня особенно помирило съ этой кухней отсутствіе всякаго растительнаго масла. Японцы ѣдятъ три раза въ сутки, и очень умѣренно. Утромъ, когда встаютъ—а они встаютъ прерано, раньше даже утра—потомъ около полудня, и, наконецъ, въ 6 часовъ. Порціи ихъ такъ малы, что человѣку съ хорошимъ аппетитомъ ихъ обѣда не достанетъ на закуску. Чашки, изъ которыхъ японцы ѣдятъ, очень малы, а ихъ подаютъ неполныя. Въ цѣлой чашкѣ лежитъ маленькій кусочекъ рыбы, въ другой три гриба плаваютъ въ горячей водѣ, тамъ опять подъ соусомъ рыбы столько, что мало одинъ разъ въ ротъ взять. И всѣ блюда такъ. Головнинъ правъ, говоря, что бывшимъ съ нимъ въ плѣну матросамъ давали мало ѣсть. По-своему японцы давали довольно, а тѣмъ мало.

Мы послѣ узнали, что, для изготовленія этого великолѣпнаго обѣда, былъ приглашенъ поваръ симабарскаго удѣльнаго князя. Симабара—большой заливъ по ту сторону мыса Номо, миляхъ въ двадцати отъ Нагасаки. Когда князь Симабара ѣдетъ ко двору, поваръ, говорили японцы, сопутствуетъ ему туда щеголять своимъ искусствомъ.

Въ сумерки мы простились съ хозяевами, и съ музыкой воротились домой. Вслѣдъ за нами пріѣхали чиновники узнать, довольны ли мы, и привезли гостинцы. Какое наказаніе съ этими гостинцами! побросать ящики въ воду неловко: японцы увидятъ, скажутъ, что пренебрегаемъ подарками, беречь — мѣста нѣтъ. Для большой рыбы также сплаканы ящики, для конфетъ особо, для сладкаго хлѣба опять особо. Я сберегъ нѣсколько миніатюрныхъ подставокъ; если довезу, то увидите образчикъ терпѣнія, и въ то же время мелочности.

Привезли подарки отъ сіогуна, вату и проч.. и все сложили на палубѣ: пройти негдѣ. Ея было такое множество, что можно было, кажется, обложить ею весь фрегатъ.

На другой же день начались и переговоры, и наши постоянныя поѣздки въ Нагасаки. Мы ѣздили безъ всякаго уже церемоніала, въ двухъ катерахъ. Въ одномъ адмиралъ и четверо изъ насъ: П—тъ, Г., П—въ и я, въ другомъ слуги со стульями. Когда мы предложили оставлять стулья на берегу, въ домѣ губернатора, его превосходительство — и руками и ногами противъ этого. Онъ сказалъ, что ему придется самому тамъ спать и караулить стулья. — «Пожаръ будетъ, сгорятъ пожалуй», говорилъ онъ: «и крысъ тоже много въ этомъ домѣ: попортятъ». Мы всѣ засмѣялись, и онъ не выдержалъ и тоже осклабился. — «Да мы не взыщемъ: у насъ еще есть», возразилъ адмиралъ. — «Вы не взыщете, а я все-таки долженъ буду отвѣчать, если хоть одинъ стулъ попортится», замѣтилъ онъ и не согласился, а предложилъ, если намъ скучно возить ихъ самимъ, брать ихъ и доставлять обратно въ японской лодкѣ, что и дѣлалось.

Не знаю, писалъ ли я, что мѣсто велѣно дать и что губернаторъ просилъ только сроку для отдѣлки дома тамъ и т. п. Но день за днемъ проходилъ, а отговорка все была одна и та же, то-есть, что помѣщеніе для насъ еще не го-

тово. Онъ улыбался, когда ему изъявляли неудовольствіе: видно было, что онъ дѣйствовалъ не самъ собою. Ему, конечно, поручено было протянуть дѣло до нашего ухода, и онъ исполнялъ это отлично. Наконецъ тянуть долѣе было нельзя, и онъ сказалъ, что мѣсто готово, но предложилъ пользоваться имъ на такихъ условіяхъ, что согласиться было невозможно: напримѣръ, чтобы баніосы провожали насъ на берегъ и обратно къ судамъ. Адмиралъ приказалъ имъ сказать, что мѣста не надо и отослалъ бумагу объ этихъ условіяхъ назадъ. Японцы того и хотѣли. Имъ нужно было не давать повадки иностранцамъ съѣзжать на берегъ: если бъ они дали мѣсто намъ, надо было бы давать и другимъ; а они надѣялись или вовсе уклониться отъ этой необходимости, или, по возможности, ограничить ее, наконецъ хоть отдалить, сколько можно, это событіе.

Не касаюсь предмета нагасакскихъ конференцій адмирала съ полномочными: переговоры эти могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для описаній другого рода, важнѣе, а не этихъ скромныхъ писемъ, гдѣ я, какъ въ панорамѣ, взялся представить вамъ только внѣшнюю сторону нашего путешествія.

Мы часто повадились ѣздить въ Нагасаки, почти черезъ день. Чиновники пріѣзжали *за нами* всякій разъ, хотя мы просили не дѣлать этого, благо узнали дорогу. Но имъ все еще хочется показывать народу, что иностранцы, не иначе, какъ подъ ихъ прикрытіемъ, могутъ выходить на берегъ.

Что съ ними дѣлать? Имъ велятъ удалиться, они отойдутъ на лодкахъ отъ фрегата, станутъ въ нѣкоторомъ разстояніи; и только мы отвалимъ, гребцы затянутъ свою пѣсню: «осильянъ! осильянъ!» и начнутъ стараться перегнать насъ.

Въ день, назначенный для второй конференціи, погода была ужасная: вѣтеръ штормовой ревѣлъ съ ночи, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Японцы никакъ не воображали, что

мы пріѣдемъ, не являлись *за нами* и не ждали насъ на берегу. А мы надѣли непромокаемыя пальто, взяли зонтики, да и отправились. Вода ручьемъ текла съ насъ, мы ничего, ѣдемъ себѣ. Японцы и рты разинули. Они, какъ мухи въ непогоду, сидѣли по своимъ угламъ. Въ домѣ поставили *мангалы*, небольшія жаровни, для нагрѣванія воздуха. Но воздухъ не нагрѣвался; а можно было погрѣть только руки, да угорѣть. Я не понимаю, какъ они сами терпятъ это? Мы почти всякій разъ, во время засѣданій, надѣвали шинели и пальто. Это подало поводъ почти каждому японцу подойти ко мнѣ и погладить бобровый воротникъ. На вопросъ, есть ли у нихъ мѣха, они отвѣчали, что есть звѣри: выдры и лисицы, но что мѣховъ почти никто не носитъ.

Назначать время свиданія предоставлено было адмиралу. Одинъ разъ онъ назначилъ чрезъ два дня, но, къ удивленію нашему, японцы просили назначить раньше, т.-е. на другой день. Дѣло въ томъ, что Кавадзи хотѣлось въ Едо, къ своей супругѣ, и онъ торопилъ переговорами. — «Тѣло здѣсь, а душа въ Едо», говорилъ онъ не разъ.

Кавадзи этотъ всѣмъ намъ понравился, если не больше, такъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и старикъ Тсутсуй, хотя иначе, въ другомъ смыслѣ. Онъ былъ очень уменъ, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что умъ свой онъ обнаруживалъ искусной діалектикой противъ насъ же самихъ. Но каждое слово его, взглядъ, даже манеры — все обличало здравый умъ, остроуміе, проницательность и опытность. Умъ вездѣ одинаковъ: у умныхъ людей есть одни общіе признаки, какъ и у всѣхъ дураковъ, несмотря на различіе націй, одежды, языка, религій, даже взгляда на жизнь.

Мнѣ нравилось, какъ Кавадзи, опершись на богатый вѣеръ, смотрѣлъ и слушалъ, когда рѣчь обращена была къ нему. До половины рѣчи ротъ его былъ полуоткрытъ, взглядъ немного озабоченъ — признаки напряженнаго вниманія. На

лбу, въ мѣняющихся узорахъ легкихъ морщинъ, замѣтно отражалось, какъ собирались въ головѣ у него, одни за другимъ, понятія, и какъ формировался изъ нихъ общій смыслъ того, что̀ ему говорили. Послѣ половины рѣчи, когда, повидимому, онъ схватывалъ главный смыслъ ея, ротъ у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо свѣтлѣло: онъ зналъ уже, что̀ отвѣчать. Если вопросъ противной стороны заключалъ въ себѣ, кромѣ сказаннаго, еще другой, скрытый смыслъ, у Кавадзи невольно появлялась легкая улыбка. Когда онъ самъ начиналъ говорить и говорилъ долго, онъ весь былъ въ своей мысли, и тогда въ глазахъ прямо свѣтился умъ. Если говорилъ старикъ, Кавадзи потуплялъ глаза и не смотрѣлъ на старика, какъ будто не его дѣло, но живая игра складокъ на лбу и содроганіе вѣкъ и рѣсницъ, показывали, что онъ слушалъ его еще больше, нежели насъ. Переговоры всѣ, повидимому, были возложены на него, Кавадзи, а Тсутсуй былъ посланъ такъ, больше для значенія и, можетъ-быть, тоже по своему пріятному характеру.

Однажды, въ частной бесѣдѣ, адмиралъ доказывалъ, что японцы напрасно боятся торговли; что торговля можетъ только разлить довольство въ народѣ и что никакая нація отъ торговли не приходила въ упадокъ, а напротивъ, богатѣла.

Приводили имъ въ примѣръ, чѣмъ бы иностранцы могли торговать съ ними. — «Вонъ, напримѣръ, у васъ замѣтенъ недостатокъ въ первыхъ домашнихъ потребностяхъ: окна заклеены бумагой», говорилъ адмиралъ, глядя вокругъ себя: «отъ этого въ комнатахъ и темно, и холодно: вамъ привезутъ стекла, научатъ, какъ его дѣлать. Это лучше бумаги и дешево стоитъ. У насъ», далѣе говоритъ онъ: «въ Камчаткѣ, и другихъ мѣстахъ, около лежащихъ, много рыбы, а соли нѣтъ; у васъ есть соль: давайте намъ ее, и мы вамъ же будемъ возить соленую рыбу, которая составляетъ глав-

ную пищу въ Японіи. Зачѣмъ употреблять вамъ всѣ рук на воздѣлываніе риса? употребите ихъ на добываніе металловъ, а рису вамъ привезутъ съ Зондскихъ острововъ — и вы будете богаче...» —«Да», прервалъ Кавадзи, вдругъ поднявъ свои широкія вѣки: «хорошо, если къ иностранцы возили рыбу, стекло, да рисъ, и тому подобные, необходимые предметы, а какъ они будутъ возить вонъ этакіе часы, какіе вы вчера подарили мнѣ, на которые у насъ глаз разбѣжались, такъ вѣдь японцы вамъ отдадутъ послѣднее...» А ему подарили прекрасные столовые, астрономическіе часы, гдѣ, кромѣ обыкновеннаго циферблата, обозначены перемѣны луны и вставлены два термометра. Мы всѣ засмѣялись, и онъ тоже.—«Впрочемъ, примите эти слова, какъ доказательство только того, что мнѣ очень нравятся часы», прибавилъ онъ.

Хотѣли было послѣ этого говорить о дѣлѣ, но что-то не клеилось. — «Нѣтъ, видно намъ уже придется кончить эту бесѣду», смѣючись, прибавилъ Кавадзи, приподнимаясь аристократически-лѣниво съ пятокъ.

Ну, чѣмъ онъ не европеецъ? Тѣмъ, что однажды за обѣдомъ спряталъ въ бумажку пирожное, а въ другой разъ слизнулъ съ тарелки соусъ изъ анчоусовъ, которая ему очень понравилась: это мѣстные нравы — больше ничего. Онъ до сихъ поръ не видалъ тарелки и ложки, ѣлъ двумя палочками, похлебку свою пилъ непосредственно изъ чашки. Можно ли его укорять еще и за то, что онъ, отвѣдавъ какого-нибудь кушанья, отставалъ небрежно тарелку Эйносе, который, какъ пудель, сидѣлъ у ногъ его? Переводчикъ бралъ, съ земнымъ поклономъ, тарелку и доѣдалъ остальное.

Я видѣлъ и во все это и—какъ въ Китаѣ—базары и толпящихся на нихъ поразили меня сходствомъ съ нашими старыми базарами, такъ и въ этихъ обычаяхъ поразило меня сходство съ нашими же старыми нравами. И у насъ,

у ногъ старинныхъ баръ и барынь, сидѣли любимые слуги и служанки, шуты, и у насъ также кидали имъ куски, называемые подачкой; у насъ привозили изъ гостей разныя сласти или гостинцы. Давно ли еще Грибоѣдовъ посмѣялся, въ своей комедіи, надъ «подачкой»? Въ эпоху нашего младенчества, изъ азіатской колыбели попало въ наше воспитаніе нѣсколько замашекъ и обычаевъ, и теперь еще не совсѣмъ изгладившихся, особенно въ простомъ быту.

Послѣ восьми или десяти совѣщаній, полномочные объявили, что имъ пора ѣхать въ Едо. По нѣкоторымъ вопросамъ они просили отсрочки, опираясь на то, что у нихъ скончался государь, что новый сіогунъ очень молодъ, и потому ему предстоитъ сначала показать въ глазахъ народа уваженіе къ старымъ законамъ, а не сразу нарушать ихъ, и уже впослѣдствіи какъ будто уступить необходимости. Далѣе нужно ему, говорили они, собрать на совѣтъ всѣхъ своихъ удѣльныхъ князей, а ихъ шестьдесятъ человѣкъ.

Однажды, на вопросъ, кажется, о томъ, отчего они такъ медлятъ торговать съ иностранцами, Кавадзи отвѣчалъ: — «торговля у насъ дѣло новое, несозрѣлое; надо подумать, какъ, гдѣ, чѣмъ торговать. Дѣвицу отдаютъ замужъ», прибавилъ онъ: «когда она вырастетъ: торговля у насъ не выросла еще...»

Послѣ семи или восьми засѣданій, началъ уже ѣздить на фрегатъ церемоніймейстеръ Накамура Тамея, съ Эйюске и съ четырьмя секретарями, записывавшими все, что говорилось. Какъ быстро подчиненный усвоиваетъ здѣсь роль начальника, да и не здѣсь только! Накамура, какъ медвѣдь, неловко влѣзалъ на мѣсто, гдѣ сидѣли полномочные, сжималъ, по привычкѣ многихъ японцевъ, руки въ кулаки и опиралъ ихъ о колѣни, морщилъ лобъ и говорилъ съ важностью. Но его постигла-было вотъ какая бѣда: адмиралъ отдалъ ему, для передачи полномочнымъ, запечатанный пакетъ, заключавшій важныя бумаги.

Накамура преблагополучно доставилъ его по адресу. Но на другой день вдругъ явился, въ ужасной тревогѣ, съ пакетомъ, умоляя взять его назадъ... «Какъ взять? Это не водится, да и не нужно, причины нѣтъ!» приказалъ отвѣчать адмиралъ. — «Есть, есть», говорилъ онъ: «мнѣ не велѣно возвращаться съ пакетомъ, и я не смѣю уѣхать отъ васъ. Сдѣлайте милость, возьмите!»

И сами полномочные перепугались: «въ бумагахъ говорится что-то такое», прибавилъ Накамура: «о чемъ имъ не дано никакихъ приказаній въ Едо: тамъ подумаютъ, что они какъ-нибудь сами напросились на то, что̀ вы пишете». Видя, что бумагъ не берутъ, Накамура просилъ адресовать ихъ прямо къ Горочью. На это согласились.

Какъ онъ обрадовался, когда П—тъ, по приказанію адмирала, дотронулся до бумаги рукой: это значило — взялъ. Онъ, съ радости, отвязалъ отъ пояса бронзовый флакончикъ для духовъ, который они всѣ носятъ (т.-е. кто важнѣе), и подалъ его П—ту. Мы всѣ засмѣялись. Въ этомъ Накамурѣ есть еще что-то дикое, впрочемъ, только въ наружности. Онъ похожъ немного, взглядами, голосомъ и движеніями, на звѣря. Онъ полюбилъ П—та и меня, безпрестанно гладилъ насъ по плечу, подавалъ руку. Еще въ первое посѣщеніе фрегата, когда четверо полномочныхъ и онъ сидѣли съ нами за обѣдомъ въ адмиральской каютѣ, онъ выказалъ мнѣ расположеніе: предлагали тосты, и онъ предложилъ, сказавъ, что очень радъ *видѣть всѣхъ, особенно меня*. Мы всѣ засмѣялись. Впрочемъ, я и П—тъ, можетъ-быть, обязаны его вниманіемъ тому, что мы усердно хозяйничали, потчивали гостей, подливали имъ шампанское, въ томъ числѣ и ему.— «Мы не умѣемъ такъ угостить васъ», задумчиво говорили они, какъ будто съ завистью. Накамурѣ понравилось очень піанино въ каютѣ капитана. Когда стали играть, онъ пришелъ въ восторгъ.— «Кто, кто!» отрывисто твердилъ онъ, показывая на сюртепіано. Такъ называется, похожій съ

виду на фортепіано, японскій музыкальный инструментъ, въ родѣ гуслей, на которыхъ играютъ японки.

Чтобы занять его чѣмъ-нибудь, пока адмиралъ читалъ привезенную имъ бумагу, я показывалъ ему разныя картинки, между прочимъ прошлогоднихъ женскихъ модъ. Картинки эти вшиты были въ журналы. Женскія фигуры и платья произвели большой эффектъ. Замѣтивъ это, я выдралъ картинки изъ журналовъ и подарилъ ему. Онъ былъ въ восторгѣ. Еще я подарилъ ему видъ Лондона, въ сверткѣ, величиной въ восемнадцать футовъ, купленный мною въ тунелѣ подъ Темзой. Накамура обрадовался, и на другой же день привезъ мнѣ коробку лучшаго табаку, двѣ трубки и два маленькіе кисета. Отдавая, онъ повторялъ: «табакко, табакко». Португальцы завезли имъ это слово вмѣстѣ съ табакомъ.

Занимая Накамура, я взялъ маленькій японскій словарь Тунберга и разговоры, и началъ читать японскія фразы, писанныя латинскими буквами. Неимовѣрный хохотъ поднялся между Накамурой и другими японскими собесѣдниками. Между прочимъ тамъ есть фраза: «покажи мнѣ домъ Миссури». Я, вмѣсто Миссури, вставилъ имя губернатора Овосава и привелъ гостей въ крайнее недоумѣніе, даже въ испугъ. Накамура, собесѣдники его и два переводчика, стали заглядывать въ книгу, чтобъ узнать, какъ попало туда имя губернатора. Узнавъ мою хитрость, Накамура грозилъ мнѣ пальцемъ и хохоталъ. Впрочемъ, видно, что онъ смышленый и распорядительный человѣкъ, хотя и медвѣжьей наружности.

Противнѣе всѣхъ велъ себя Эйноске. Онъ былъ переводчикомъ при Кавадзи, и потому переводилъ важнѣйшую часть переговоровъ. Онъ зазнался, едва слушалъ другихъ полномочныхъ; когда Кавадзи не было, онъ сидѣлъ на стулѣ, развалившись. Вообще не скрывалъ, что онъ выросъ, и подъ конецъ переговоровъ велъ себя гораздо хуже, нежели въ началѣ. Онъ не прочь и покутить: часто просилъ шампан-

[illegible] Наумуру. [illegible]

[illegible] «Хи» [illegible]

[illegible] «Ниппон» [illegible]

Когда мы [illegible] Наумуру [illegible] Губернатор [illegible] Наумуру [illegible]

Адмирал [illegible] Наумуру [illegible] 17-го [illegible]

Передъ обѣдомъ имъ опять показали тревогу въ батарейной палубѣ, но у нихъ отъ этого, кажется, душа въ пятки ушла. Въ самомъ дѣлѣ, для не привычнаго человѣка покажется жутко, когда вдругъ четыреста человѣкъ, по барабану, бѣгутъ къ пушкамъ, такъ что не подвертывайся: сшибутъ съ ногъ; раскрѣпляютъ ихъ, отодвигаютъ, заряжаютъ, палятъ (примѣрно только, ударными трубками, т.-е. пистонами) и опять придвигаютъ къ борту. Почти пяти-аршинныя орудія летаютъ, какъ игрушки. Грохотъ орудій, топотъ людей, вспышки и удары пистоновъ, слова команды—все это *больно видѣть* и не *японскому глазу*. Видно было, что нашимъ гостямъ это удовольствіе не совсѣмъ понравилось. Старикъ Тсутсуй испугался до дурноты. Велѣли скорѣе прекратить. Наканунѣ они засылали Эйноске просить, будто для себя, а въ самомъ дѣлѣ, конечно, по приказанію изъ Едо, подарить одно ружье съ новымъ прицѣломъ, да нѣсколько пушечныхъ пистоновъ. Но адмиралъ отказалъ, замѣтивъ, что такіе предметы можно дарить только тѣмъ, съ кѣмъ находишься въ самыхъ дружескихъ и постоянныхъ сношеніяхъ.

Послѣ тревоги показали парусное ученье: въ нѣсколько минутъ отдали и убрали паруса.

Потомъ сѣли за столъ, уже не попрежнему, а всѣ вмѣстѣ, на европейскій ладъ, т.-е. всѣ четверо полномочныхъ, потомъ Тамея, да насъ семь человѣкъ. Остальнымъ накрытъ былъ столъ въ каютъ-компаніи. Кичибе и Эйноске сѣли опять на полу, у ногъ старшихъ двухъ полномочныхъ. Блюда всѣ подавали по-европейски. Я помогалъ управляться съ ними Кавадзи, а П—ть Тсутсую. Кавадзи ѣлъ все съ разборомъ, спрашивалъ о каждомъ блюдѣ, а старикъ жевалъ, кажется, безсознательно, что ему ни подавали. Они охотнѣе и больше пили, нежели въ первый разъ, выучились у насъ провозглашать здоровье и безпрестанно подливали вино и намъ, и себѣ. Мы отпивали понемногу, а они добродушно каждый разъ выпивали всю рюмку.

Въ срединѣ обѣда Кавадзи сталъ немного волноваться: старикъ ничего. Подали шампанское. Когда пробка выскочила и вино брызнуло вонъ, они сдѣлали большіе глаза. Эйноске, какъ человѣкъ опытный, поспѣшилъ растолковать имъ свойство этого вина. Адмиралъ предложилъ тостъ: «за успѣшный ходъ нашихъ дѣлъ!» Кавадзи, послѣ бокала шампанскаго и трехъ рюмокъ наливки, положилъ голову на столъ, пробылъ такъ съ минуту, потомъ отряхнулъ хмель, какъ сонъ отъ глазъ, и быстро спросилъ: «когда онъ будетъ имѣть удовольствіе угощать адмирала и насъ въ послѣдній разъ у себя?» — «Когда угодно, лишь бы это не сдѣлало ему много хлопотъ», отвѣчено ему. Но онъ просилъ назначить день, и когда адмиралъ назначилъ чрезъ два дня. Кавадзи прибавилъ, что къ этому сроку и послѣднія, требованныя адмираломъ бумаги, будутъ готовы. Кавадзи все твердилъ: «до свиданія, когда увидимся?» Онъ надѣялся, не выскажемся ли мы, куда пойдемъ изъ Нагасаки, т.-е. не воротимся ли въ Россію. Эйноске однажды началъ мѣрять столъ въ адмиральской каютѣ.—«Зачѣмъ?» спросили его.— «А чтобъ сдѣлать такой же», отвѣчалъ онъ: «когда придется угощать васъ опять». Онъ думалъ, не обнаружимъ ли мы при этомъ случаѣ нашихъ намѣреній; но имъ ничего не сказали; говорили только: «до свиданія», а гдѣ, когда— ни слова.

Это пугало ихъ: ну, какъ нагрянемъ въ Едо? тогда весь трудъ полномочныхъ пропалъ, и ихъ пріѣздъ въ Нагасаки былъ напрасенъ. Имъ хотѣлось отвратить насъ отъ Едо, между прочимъ для того, чтобъ мы не стакнулись съ американцами, да не стали открывать торговлю сейчасъ же, и, пожалуй, чего добраго, не одними переговорами. Вы, конечно, знаете изъ газетъ, что японцы открыли три порта для американцевъ. Адмиралъ полагаетъ, что послѣ этого затворничество Японіи должно кончиться само собою, безъ трактатовъ. Китоловы не упустятъ случая ходить по пор-

тамъ, тѣмъ болѣе, что японцы, не желая допускать ничего похожаго на торговлю, по крайней мѣрѣ, теперь, пока зрѣло не обдумаютъ и не рѣшатъ этотъ вопросъ между собою, не хотятъ и слышать о платѣ за дрова, провизію и доставку за воду. А китоловамъ то и на руку, особенно дрова важны для нихъ: извѣстно, что они, поймавъ кита, на океанѣ же топятъ и жиръ изъ него. Теперь плаваетъ множество китолововъ: какъ усмотрѣть, чтобъ они не торговали въ японскихъ портахъ, которые открыты только для того, чтобъ суда могли забѣжать, взять провизіи, воды, да и вонъ скорѣй? Японцы будутъ мѣшать съѣзжать на берегъ, свозить товары; затѣется не разъ ссора, можетъ-быть, драка, сначала частная, а тамъ... Извѣстно, къ чему все это ведетъ.

За обѣдомъ я взялъ на минуту вѣеръ изъ рукъ Кавадзи посмотрѣть: простой, пальмоваго дерева, обтянутый бумажкой. Я хотѣлъ отдать ему назадъ, но онъ просилъ знаками удержать у себя «на память», какъ перевелъ Эйноске слова его. Я поблагодарилъ, но, не желая оставаться въ долгу, отвинтилъ золотую цѣпочку отъ своихъ часовъ и подалъ ему. Онъ на минуту остановился, выслушалъ переведенное ему мое привѣтствіе и сказалъ, что благодаритъ и принимаетъ мой подарокъ. Потомъ вышелъ изъ-за стола и что-то шепнулъ Эйноске. Это вотъ что: Кавадзи и Тсутсуй приготовили мнѣ и П—ту по два ящика съ трубками, въ подарокъ. Принявъ отъ меня золотую цѣпочку, онъ вѣроятно нашелъ, что подарокъ его слишкомъ ничтоженъ. Кичибе, не зная ничего этого, послѣ обѣда началъ вертѣться подлѣ меня и, по своему обыкновенію, задыхаться смѣхомъ и кряхтѣть. Онъ раза два принимался-было говорить со мною, и наконецъ не вытерпѣлъ, и въ третій разъ заговорилъ, нужды нѣтъ, что я не знаю по-голландски.—«Ихъ превосходительства, Тсутсуй и Кавадзи, просятъ васъ и П—та принять по маленькому подарку...» Эйноске не далъ ему

какой-то сушеной рыбы, икры; губернаторъ—опять зелени, все это на прощанье.

Послѣ обѣда адмиралъ подалъ Кавадзи золотые часы «къ цѣпочкѣ, которую вамъ сейчасъ подарили», добавилъ онъ. Кавадзи былъ въ восторгѣ: онъ еще и въ засѣданіяхъ какъ будто напрашивался на такой подарокъ и все показывалъ свои толстые, неуклюжіе серебряные часы, какихъ у насъ не найдешь теперь даже у деревенскаго дьячка. Тсутсую подарили часы поменьше, тоже золотые, и два куска шелковой матеріи. Прочимъ двумъ по куску матеріи.

Въ 8 часовъ они отправились. Едва они отъѣхали саженъ десять отъ фрегата, какъ вдругъ на концахъ всѣхъ рей показались, сначала искры, потомъ затеплились огоньки, пока слабо, потомъ внезапно весь фрегатъ будто вспыхнулъ, и окрестность далеко озарилась фантастическимъ заревомъ бенгальскихъ огней. На палубѣ можно было увидѣть иголку—такъ ярко обливало зарево фрегатъ и удалявшіяся японскія лодки, и еще ярче отражалось оно въ водѣ. Это произвело эффектъ: на другой день у японцевъ только и разговора было, что объ этомъ: они спрашивали, какъ? что? изъ чего? просили показать, какъ это дѣлается.

Въ субботу мы были у нихъ. Мрачно, сыро, холодно въ комнатахъ, несмотря на то, что день былъ порядочный. До обѣда время прошло въ привѣтствіяхъ, изъявленіяхъ дружбы. И съ губернаторами заключенъ былъ миръ. Адмиралъ сказалъ имъ, что хотя отношенія наши съ ними были не совсѣмъ пріятны, касательно отведенія мѣста на берегу, но онъ понимаетъ, что губернаторы ничего безъ воли своего начальства не дѣлали и потому противъ нихъ собственно ничего не имѣетъ, напротивъ, благодаритъ ихъ за нѣкоторыя одолженія, доставку провизіи, воды и т. п.; но проситъ только ихъ представить своему начальству, что если оно намѣрено вступить въ какія бы то ни было сношенія

съ иностранцами, то пора ему подумать объ отмѣнѣ всѣхъ этихъ стѣсненій, которыя всякой благородной націи покажутся оскорбительными. Губернаторъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ извѣститъ свое начальство, а его просятъ извинить только въ томъ, что провизія иногда доставлялась не вполнѣ, сколько требовалось, по причинѣ недостатка. Губернаторамъ послали по куску шелковой матеріи; они отдарили, ужъ не знаю чѣмъ: ящиковъ возили такъ много, что намъ надоѣло даже любопытствовать, что въ нихъ такое.

Прощальный обѣдъ у полномочныхъ былъ полный, хорошій. Похлебка съ лукомъ, приправленная соей и пряностями, очень вкусна. Въ ней плавали фрикадельки, только не знаю изъ чего. Я опять съ удовольствіемъ поѣлъ красной прессованной икры, рыбы подъ соусомъ, съѣлъ двѣ чашки горячаго рису. Накамура, въ подражаніе намъ, безпрестанно подходилъ ко всѣмъ намъ и усердно потчивалъ.— «Не угодно ли еще чего-нибудь?» спрашивали хозяева. — «Нѣтъ, ничего, благодаримъ». — «Можетъ-быть, рису или саки чашечку? — «Нѣтъ, нѣтъ; мы сыты». — «Ну, не выпьете ли горячей воды?» ласково спросилъ старикъ. Мы отказались и отъ этого. — «Стало-быть, можно убирать?» — «Сдѣлайте милость».

Послѣ обѣда подали «банкетъ». Конфеты такъ и блестѣли на широкой тарелкѣ синяго фаянса. И какихъ тутъ не было! желтыя, красныя, осыпанныя рисовой пылью, а все ѣсть нельзя. Все это завернули, вмѣстѣ съ тарелкой, и отослали къ намъ: Ѳаддееву праздникъ! Послѣ поставили передъ каждымъ изъ насъ по подставкѣ, на которой лежали куски матеріи, еще подарки отъ Сіогуна. Матеріи льняныя, шелковыя и, кажется, бумажныя. Офицерамъ всѣмъ принесли по ящику, съ дюжиной чашекъ, тонкаго, почти прозрачнаго фарфора — тоже отъ имени японскаго государя. Матеріи, кажется, считаются, какъ подарокъ, выше; но ихъ охотно

можно промѣнять на эти легкія, почти прозрачныя, оригинальныя чашки.

Толмочные опять пытались узнать, куда мы идемъ, между прочимъ, не въ Охотское ли море, т.-е. не скажемъ ли, въ Пстербургъ.—«Теперь пока въ Китай», сказали имъ: «въ Охотскомъ морѣ—льды, туда нельзя». Эта скрытость очевидно не нравилась имъ. Напрасно Кавадзи прищуривалъ глаза, закусывалъ губы: на него смотрѣли съ улыбкой. Бѣда ему, если мы идемъ въ Едо!

Адмиралъ не хотѣлъ однакожъ напрасно держать ихъ въ страхѣ: онъ предполагалъ объявить имъ, что мы воротимся не прежде весны, но только хотѣлъ сказать это, уходя, чтобы они не дѣлали возраженій. Оттого имъ послали объявить объ этомъ, когда мы уже снимались съ якоря. На прощаньѣ, Тсутсуй и губернаторы прислали еще не досланные подарки, первый—бездну ящиковъ адмиралу, П—ту, капитану и мнѣ, вторые—живности и зелени, для всѣхъ.

Вѣтеръ былъ попутный, погода тихая. Намъ не нужно было уже держаться вмѣстѣ съ другими судами. Адмиралъ отпустилъ ихъ, приказавъ идти на Ликейскіе острова, и мы, поставивъ всѣ паруса, 24-го января, покатили по широкому раздолью на югъ. Шкуна ушла еще прежде, за извѣстіями въ Шанхай о томъ, что дѣлается въ Европѣ, въ Китаѣ. Ей тоже велѣно придти на Лю-чу. Не привезетъ ли она писемъ отъ васъ? Я что-то отчаиваюсь, получаете ли вы мои? Манилла! Манилла! вотъ наша мечта, наша обѣтованная земля, куда стремятся напряженныя наши желанія. Это та же Испанія, съ монахами, синьорами, покрывалами, дуэньями, боемъ быковъ, да еще, вдобавокъ, Испанія тропическая!

IV.

ЛИКЕЙСКИЕ ОСТРОВА.

[illegible] — Жители. [illegible] — Зависимость островов. — [illegible] — Напа-Кіянъ. — [illegible] — Корабль съ [illegible] — [illegible] и отплытіе.

[illegible] 24-е февраля 1854 г.

Я [illegible] задумчивый артистъ [illegible] мастерскую, откроешь [illegible] мечту. [illegible] очеркъ, сна[illegible] въ [illegible] Прадедь [illegible] образцы [illegible] дышать жизнью. [illegible]

[illegible] Масса земли, [illegible]

то синей, не то сѣрой, мѣстами лежала горбатой кучкой, мѣстами полосой тянулась по горизонту. Насъ отдѣляли отъ берега пять-шесть миль и гряда коралловыхъ рифовъ. Объ эту каменную стѣну яростно била вода, и буруны или разстилались далеко гладкой пеленой, или высоко вскакивали и облаками снѣжной пыли сыпались въ стороны. Издали казалось, что изъ воды вырывались клубы густого бѣлаго дыма; а кругомъ синее-пресинее море, въ которое съ рифовъ потоками катился жемчугъ да изумруды. Берегъ теменъ; но вдругъ лучъ падалъ на какой-нибудь клочокъ, покрытый свѣжимъ всходомъ, и какъ ярко зеленѣлъ этотъ клочокъ!

Послѣдніе два дня дулъ крѣпкій, штормовой вѣтеръ; наконецъ онъ утихъ и позволилъ намъ зайти за рифы, на рейдъ. Это было сдѣлано съ разсвѣтомъ; я спалъ и ничего не видалъ. Я вышелъ на палубу, и берегъ представился мнѣ вдругъ, какъ уже оконченная, полная картина, прихотливо-изрѣзанный красивыми линіями, со всѣми своими очаровательными подробностями, въ краскахъ, въ блескѣ.

Берегъ, особенно въ сравненіи съ нагасакскимъ, казался низменнымъ; но за то какъ онъ разнообразенъ! Налѣво отъ насъ выдающаяся въ море часть вывѣтрилась. Тамъ росла скудная трава, изъ-за которой, какъ лысина сквозь рѣдкіе волосы, проглядывали кораллы, посѣрѣвшіе отъ непогодъ, кое-гдѣ кусты, да глинистыя отмели. Прямо передъ нами, берега далеко отступили отъ мели назадъ, представляя коллекцію пейзажей, одинъ другого лучше. Низменная часть тонетъ въ густыхъ садахъ; холмы покрыты нивами, точно красивыми разноцвѣтными заплатами; вершины холмовъ увѣнчаны кедрами, которые стоятъ дружными кучками, съ своими горизонтальными вѣтвями.

Что за зелень тамъ, въ этой кучѣ деревьевъ? чѣмъ засѣяны поля? каковы дома?.. Скорѣй, скорѣй, на берегъ! Двѣ коралловыя сѣрыя скалы выступаютъ далеко изъ бере-

говъ и висятъ надъ водой; на вершинѣ одной изъ нихъ видна кровля протестантской церкви, а рядомъ съ ней тяжело залегли въ густой травѣ и кустахъ каменныя массивныя глыбы разныхъ формъ, цилиндры, полукруги, овалы: издалека примешь ихъ за зданія — такъ велики они. Это памятники кладбища. Далѣе направо берегъ опять немного выдался къ морю и идетъ то холмами, то тянется низменной, песчаной отмелью, заливаемой приливомъ. Вплоть почти подъ самымъ берегомъ идетъ гряда рифовъ, черезъ которые скачутъ буруны; мѣстами высунулись изъ воды камни; во время отлива они видны, а въ приливъ прячутся.

Вообще весь рейдъ усѣянъ мелями и рифами. Бѣда входить на него безъ хорошихъ картъ! а тутъ одна только карта и есть порядочная—Бичи. Черезъ часъ катеръ нашъ, чуть-чуть задѣвая килемъ за каменья обмелѣвшей при отливѣ пристани, уперся въ глинистый берегъ. Мы выскочили изъ шлюпки и очутились — въ саду не въ саду, и не въ лѣсу, а въ какомъ-то паркѣ, подъ непроницаемымъ сводомъ, отчасти знакомыхъ и отчасти незнакомыхъ деревьевъ и кустовъ. Изъ нашихъ сѣверныхъ знакомцевъ было тутъ немного сосенъ, а то все новое, у насъ не виданное.

Меня опять поразилъ, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, сильный, пріторный и пряный запахъ тропическихъ лѣсовъ, охватила теплая влажность ароматическихъ испареній. Мимо лѣса краснаго дерева и другихъ, которые толпой жмутся къ самому берегу, какъ-будто хотятъ столкнуть другъ друга въ воду, пошли мы по тропинкѣ къ другому большому лѣсу, или саду, манившему издали къ себѣ. Мы прошли по глинистой отмели, мимо ямъ и врытыхъ туда сосудовъ, для добыванія изъ морской воды соли. За отмелью начиналась аллея, или улица — какъ хотите, маленькой деревушки Бо-Тсунгъ.

Возьмите путешествіе Базиля Галля (въ 1816 г.): онъ

въ числѣ первыхъ посѣтилъ Ликейскіе острова, и взгляните на приложенную къ книгѣ картину, видъ острова: это именно тотъ, гдѣ мы пристали. Вы посмѣетесь надъ этимъ сказочнымъ ландшафтомъ, надъ огромными деревьями, спрятавшимися въ лѣсу хижинами, красивымъ ручейкомъ. Все это покажется похожимъ на пейзажи — съ деревьями изъ моху, съ стеклянной водой и съ бумажными людьми. Но когда увидите оригиналъ, тогда посмѣетесь только безсилію картинки сдѣлать что-нибудь похожее на дѣйствительность.

Что это такое «Ликейскіе острова», или, какъ писали у насъ въ старыхъ географіяхъ «Ліеу-Кіеу», или какъ иностранцы называютъ ихъ «Лю-чу» (Loo-Choo), а по выговору жителей «Ду-чу»? Развертываете того же Галля, думаете прочесть путешествіе и читаете — идиллію. Да, это идиллія, брошенная среди безконечныхъ водъ Тихаго океана. Слушайте теперь сказку: дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣшаны въ неумышленномъ безпорядкѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ природа. Все будто размѣрено, расчищено и красиво разставлено, какъ на декораціи, или на картинахъ Ватo. Читаете, что люди, лошади, быки — здѣсь карлики, а куры и пѣтухи — великаны; деревья колоссальныя, а между ними чуть-чуть журчатъ серебряныя нити ручейковъ, да пріятно шумятъ театральные каскады. Люди добродѣтельны, питаются овощами и ничего между собою, кромѣ учтивостей, не говорятъ: иностранцы ничего, кромѣ дружбы, ласкъ да земныхъ поклоновъ, отъ нихъ добиться не могутъ. Живутъ они патріархально, толпой выходятъ навстрѣчу путешественникамъ, берутъ за руки, ведутъ въ дома и съ земными поклонами ставятъ передъ ними избытки своихъ полей и садовъ... Что это? гдѣ мы? Среди древнихъ пастушескихъ народовъ, въ золотомъ вѣкѣ? Ужели Ѳеокритъ въ самомъ дѣлѣ правъ?

Все это мнѣ приходило въ голову, когда я шелъ подъ тѣнью акацій, миртовъ и баніановъ; между ними видны кое-гдѣ пальмы. Я заходилъ въ сторону, шевелилъ въ кустахъ, разводилъ листья, смотрѣлъ на ползучія растенія, и потомъ бѣжалъ догонять товарищей.

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ меньше вѣрилось глазамъ. Между деревьями, въ самомъ дѣлѣ какъ на картинкѣ, жались хижины, окруженныя каменнымъ заборомъ изъ коралловъ, сложенныхъ такъ плотно, что любая пушка задумалась бы передъ этой крѣпостью: и это только, чтобъ оградить какую-нибудь хижину. Я заглядывалъ за заборъ: миніатюрные дома окружены огородомъ и маленькимъ полемъ. Въ деревнѣ заборъ былъ сплошной: на стѣнѣ, за стѣной, росли деревья; изъ-за нихъ выглядывали цвѣты. Еще издали завидѣлъ я, у воротъ стояли, опершись на длинные бамбуковые посохи, жители; между ними, съ важной осанкой, съ задумчивыми, серьезными лицами, въ широкихъ, простыхъ, но чистыхъ халатахъ, съ широкимъ поясомъ, видѣлись—совѣстно и сказать «старики», непремѣнно скажешь «старцы», съ длинными сѣдыми бородами, съ зачесанными кверху и собранными въ пучокъ на маковкѣ волосами. Когда мы подошли поближе, они низко поклонились, преклоняя головы и опуская внизъ руки. За нихъ боязливо прятались дѣти.

«Что это такое?» твердилъ я, удивляясь все болѣе и болѣе: «этакъ, не только Ѳеокриту, повѣришь и мадамъ Дезульеръ и Геснеру, съ ихъ Меналками, Хлоями и Дафнами: недостаетъ барашковъ на ленточкахъ. А тутъ кстати, какъ нарочно, нашихъ барановъ велѣно свезти на берегъ погулять, будто въ дополненіе къ идиллiи.

— «Куда же мы идемъ?» вдругъ спросилъ кто-то изъ насъ, и всѣ мы остановились. — «Куда эта дорога?» спросилъ я одного жителя по-англійски. Онъ показалъ на ухо, помоталъ головой и сдѣлалъ отрицательный знакъ. — «Пой-

деите въ столицу», сказалъ И. В. Ф.:—въ Чую или Чуди (Tshudi, Tshue — по-китайски Шоу-ли, главное мѣсто, но жители произносятъ *Шули)*; до нея часъ ходьбы, по прекрасной дорогѣ, среди живописныхъ пейзажей. — «Пойдемте».

Я любовался тѣмъ, что̀ вижу, и дивился не тропической растительности, не теплому, мягкому и пахучему воздуху — это все было и въ другихъ мѣстахъ,—а этой стройности, прибранности лѣса, дороги, тропинокъ, садовъ, простотѣ одеждъ и патріархальному, почтенному виду стариковъ, строгому и задумчивому выраженію ихъ лицъ, нѣжности и застѣнчивости въ чертахъ молодыхъ; дивился также я этимъ земляннымъ и каменнымъ работамъ, стоившимъ столькихъ трудовъ: это муравейникъ, или въ самомъ дѣлѣ идиллическая страна, отрывокъ изъ жизни древнихъ. Здѣсь какъ все родилось, такъ, кажется, и не мѣнялось цѣлыя тысячелѣтія. Что̀ у другихъ смутное преданіе, то̀ здѣсь современность, чистѣйшая дѣйствительность. Здѣсь еще возможенъ золотой вѣкъ.

Лѣсъ какъ садъ, какъ паркъ царя, или вельможи. Вездѣ виденъ бдительный глазъ и заботливая рука человѣка, которая беретъ обильную дань съ природы, не искажая и не оскорбляя ея величія. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такіе же крѣпкіе каменные дома—ничего не бывало: тамъ стоятъ игрушечные домики, крытые черепицей, или бѣдныя хижины въ родѣ хлѣвовъ, крытыя рисовой соломой, о трехъ стѣнахъ изъ тонкаго дерева, заплетеннаго бамбукомъ; четвертой стѣны нѣтъ: одна сторона дома открыта; она задвигается въ случаѣ нужды рамой, заклеенной бумагой, за неимѣніемъ стеколъ; это у зажиточныхъ домовъ, а у бѣдныхъ вовсе не задвигается. Мы прошли по проспекту, по од- [illegible] [illegible]

загороженнаго высокой каменной и массивной стѣной, зданія, съ тремя входами, наглухо-заколоченными, съ китайскими надписями на воротахъ: это буддійскій монастырь. Въ щели, изъ-за стѣны, выглядывало нѣсколько бонзъ, съ бритыми головами.

Все это мѣсто напомнило мнѣ наши старые и извѣстные европейскіе сады. Отъ аллей шло множество дорожекъ и переулковъ, налѣво — въ лѣсъ и къ тѣснящимся въ немъ частымъ хижинамъ и фермамъ, направо—въ обработанныя поля. Дорога змѣеобразно вилась по холмамъ и долинамъ... Ахъ, какая мѣстность вдругъ распахнулась передъ нами, когда мы миновали лѣсъ! Точно вдругъ приподнялся занавѣсъ: вдали открылись холмы, долины, овраги, скаты, обрывы, темнѣли лѣса, а вблизи пестрѣли поля, убранныя террасами и засѣянныя рисомъ, плантаціи сахарнаго тростника, гряды съ огородною зеленью, то блѣдною, то изумрудно-темною!

Все открывшееся передъ нами пространство, съ лѣсами и горами, было облито горячимъ блескомъ солнца; кое-гдѣ въ поляхъ работали люди, разсаживали рисъ, или собирали картофель, капусту и проч. Надъ всѣмъ этимъ покоился такой колоритъ мира, кротости, сладкаго труда и обилія, что мнѣ, послѣ долгаго, труднаго, и подъ конецъ даже опаснаго плаванія, показалось это мѣсто самымъ очаровательнымъ и надежнымъ пріютомъ.

Все это не деревья, не хижины: это древнія *вези, сѣни, кущи* и *пажити*; иначе о нихъ неприлично и выражаться. Странно мнѣ было видѣть себя и товарищей въ нашихъ короткихъ, обтянутыхъ платьяхъ, быстро и звонко шагающихъ подъ тѣнью исполинскихъ баніановъ. Маленькія, хорошенькія лошадки, не привыкшія видѣть европейцевъ, пугались при встрѣчѣ съ нами; онѣ брыкались и бросались въ сторону. Вожатые, завидя насъ, закрывали имъ глаза соломенной шляпой и торопились пройти мимо. Встрѣчныя

указывая, черезъ ручей, на кучу черепичныхъ кровель, которыя жались къ берегу и совсѣмъ пропадали въ зелени.

Мы продолжали идти въ столицу по деревнѣ, между деревьями, которыя у насъ растутъ за стекломъ, въ кадкахъ. При выходѣ изъ деревни былъ маленькій рынокъ. Косматыя и черныя, какъ чертовки, женщины сидѣли на полу на пяткахъ, подъ воткнутыми въ землю, на длинныхъ бамбуковыхъ ручкахъ, зонтиками, и продавали табакъ, пряники, какое-то бѣлое тѣсто изъ бобовъ, которое тутъ же поджаривали на жаровняхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, завидя насъ, шмыгнули въ ближайшія ворота, или узенькіе переулки, бросивъ свои товары; другія не успѣли, и только закрывались рукавомъ. Боже мой, какое безобразіе! И это женщины: матери, жены! Да кто же женится на нихъ? Мужчины красивы, стройны: любой изъ нихъ годится въ Меналки; а Хлои ихъ ни на что не похожи! Нѣтъ, жаркіе климаты не благопріятны для дамъ, и прекраснымъ поломъ слѣдовало бы называть здѣсь нашего брата, ликейцевъ или лу-чинцовъ, а не этихъ обожженныхъ солнцемъ лу-чинокъ.

Вы знаете дорогу въ Парголово: вотъ такая же крупная мостовая ведетъ въ столицу; только, вмѣсто булыжника, здѣсь кораллы: они мѣстами такъ остры, что чувствительно даже сквозь подошву. Я не понимаю, какъ ликейцы ходятъ по этимъ дорогамъ босикомъ? Зато мѣстами кораллъ обтерся совсѣмъ, и нога скользитъ по немъ, какъ по паркету. Выйдя изъ деревни, мы вступили въ великолѣпнѣйшую аллею, которая окаймлена двумя сплошными стѣнами зелени. Кромѣ баніановъ, замѣчательны вышиной и красотой толстыя деревья, изъ волоконъ которыхъ японцы дѣлаютъ свою писчую бумагу; потомъ разныя породы миртъ; изрѣдка видна въ саду кокосовая пальма, съ орѣхами, и вѣерная. Но пальма что-то показалась мнѣ невзрачна противъ видѣнныхъ нами на Явѣ и въ Сингапурѣ; видно, ей холодно здѣсь — листья жидки и малы. Мы прошли мимо какого-то,

носитъ со всѣхъ сторонъ постоянно прохладу! А всего 26-мъ градусѣ широты лежатъ эти благословенные остр... Какъ не взять ихъ подъ *покровительство?* Люди Сое... неннихъ Штатовъ совершенно правы, съ своей стороны.

На горѣ начались хижины — все какъ будто игруш... жаль, что онѣ прячутся за эти сплошные заборы; но ин... нельзя: ураганы или тай-фуны, въ полосу которыхъ вхо... и Лю-чу, разметали бы, какъ соръ, эти птичьи клѣтки, б... будь они за такой крѣпкой оградой. По горѣ лѣсу уже ... было, но за то чего не было въ долинѣ, которая простир... лась далеко отъ подошвы ея въ сторону! Я усталъ люб... ваться, равнодушно смотрѣлъ на персиковыя деревья в... полномъ цвѣту, на миртовые и кипарисные кусты! Мы в... шли на гору, окинули взглядомъ все пространство и мо... чали, теряясь въ красотѣ и разнообразіи видовъ. Глазъ видитъ далеко: съ обѣихъ сторонъ острова видно море на третьемъ планѣ. Вонъ и рифъ, съ пѣной буруновъ, ещ... вчера грозившій намъ смертью! «Я въ бурю всю ночь не спалъ и молился за васъ», сказалъ намъ одинъ изъ оставшихся американскихъ офицеровъ, кажется, методистъ: «я поминутно ждалъ, что услышу пушечные выстрѣлы». Время было бурное, а входъ на рейдъ, какъ я сказалъ выше, считается очень опаснымъ.

Наконецъ, мы пришли. «Э! да не шутя столица!» подумаешь, глядя на широкія ворота, съ фронтономъ въ китайскомъ вкусѣ, съ китайскою же надписью.

— Что тамъ написано? прочтите, — спросили мы Г. — Не вижу, высоко, — отвѣчалъ онъ. Мы забыли, что онъ былъ близорукъ.

Мы прошли ворота: передъ нами тянулась безконечная широкая улица, или та же дорога, только не мощеная крупными кораллами, а убитая мелкими каменьями, какъ шоссе, со сплошными, по обѣимъ сторонамъ, садами, или парками, съ великолѣпною растительностью. Изъ-за заборовъ мѣстами

выглядывали красныя черепичныя кровли. Никто насъ не встрѣтилъ, никто даже не показывался: всѣ какъ будто выѣхали изъ города. Немногіе встрѣчные, и между прочимъ одинъ докторъ, или бонзъ, съ бритой головой, въ халатѣ изъ травянаго холста, торопливо шли мимо, а если мы пристально вглядывались въ нихъ, они, съ выраженіемъ величайшей покорности, а больше, кажется, страха, клайялись почти до земли и спѣшили дальше. У нѣкоторыхъ воротъ показывались и исчезали люди, или смотрѣли въ щели. Видно, что въ этой улицѣ жилъ высшій, или зажиточный классъ: къ домамъ ихъ вели широкіе, каменные коридоры. Мы крупнымъ шагомъ шли все далѣе; улица заворотилась налѣво, и мы очутились передъ дворцомъ.

Это замокъ, съ каменной, массивной стѣной, сажени въ четыре вышины, мѣстами поросшей мохомъ и ползучими растеніями. Широкое каменное крыльцо, грубой работы, вело къ высокому порталу, заколоченному наглухо досками. У воротъ по обѣимъ сторонамъ, на пьедесталахъ, сидѣли коралловыя животныя, въ родѣ сфинксовъ. Нигдѣ ни признака жизни; все окаменѣло, точно въ волшебной сказкѣ, а мы пришли изъ-за тридевяти земель какъ будто доставать жаръ-птицу. У воротъ, въ сторонѣ, выстроена деревянная галлерея, въ родѣ гауптвахты, какія мы видѣли въ Нагасаки. Въ ней на цыновкахъ сидѣли на пяткахъ ликейцы вѣроятно слуги дворца: и тѣ не шевелились, тоже — какъ каменные. Мы присѣли тутъ немного отдохнуть, потомъ спустились подъ гору, куда вела покатая терраса, усаженная баніанами, кедрами, между которыми змѣились во всѣ стороны тропинки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочились и чуть-чуть журчали каскады. Вонъ огороженная заборомъ и окруженная бассейномъ кумирня; вдали узкія, но правильныя улицы; кровли домовъ и шалашей, разбросанныхъ на горѣ и по покатости—рѣшительно куцы да сѣни древняго міра!

Это не жизнь дикарей, грязная, грубая, лѣнивая и буй-

ная, но и не царство жизни духовной: нѣтъ слѣдовъ просвѣтленнаго бытія. Воздѣланныя поля, чистота хижинъ, сады, груды плодовъ и овощей, глубокій миръ между людьми—все свидѣтельствовало, что жизнь доведена трудомъ до крайней степени матеріальнаго благосостоянія; что самыя заботы, страсти, интересы, не выходятъ изъ круга немногихъ житейскихъ потребностей; что область ума и духа цѣпенѣетъ еще въ сладкомъ, младенческомъ снѣ, какъ въ первобытныхъ языческихъ пастушескихъ царствахъ; что жизнь эта дошла до того рубежа, гдѣ начинается царство духа. и не пошла далѣе.. Но все готово: у однѣхъ дверей стоитъ религія, съ крестомъ и лучами свѣта, и кротко ждетъ пробужденія младенцевъ; у другихъ — «люди Соединенныхъ Штатовъ», съ бумажными и шерстяными тканями, ружьями, пушками, и прочими орудіями новѣйшей цивилизаціи...

Мы сошли съ террасы и обошли замокъ вокругъ, взбираясь обратно вверхъ по крутой каменной тропинкѣ, все изъ коралловъ. Другихъ тропинокъ я не видалъ; и тѣ, которыя ведутъ изъ улицъ въ поля, всѣ идутъ лѣстницами, выложенными изъ камня. Ликейцы слѣдовали за нами, но издали, робко. И. В. Ф., которому не нравилось это провожанье, махнулъ имъ рукой, чтобъ шли прочь: они въ ту же минуту согнулись почти до земли и оставались въ этомъ положеніи, пока онъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, а потомъ опять шли за нами, прячась въ кусты, а гдѣ кустовъ не было, слѣдовали по дорогѣ, и все издали. Я, однакожъ, знаками подозвалъ одного къ себѣ. Онъ не вдругъ подошелъ: сдѣлаетъ два шага и остановится въ нерѣшимости; наконецъ, подошелъ. Въ это время надо было спускаться по чрезвычайно крутой и извилистой, каменной тропинкѣ, проложенной сквозь чащу лѣса, надъ обрывами и живописными оврагами, сплошь заросшими пальмами, миртами и кедрами. Я оперся на ликейца, и онъ былъ, кажется, очень доволенъ этимъ, шелъ ровно и осторожно, и

всякій разъ бросался поддерживать меня, когда я оступался, или нога моя скользила по гладкому коралду. Я, имѣя надежную опору, не безъ смѣха смотрѣлъ, какъ кто-нибудь изъ нашихъ поскользнется, спохватится и начнетъ упираться по скользкому мѣсту, а другой помчится вдругъ по крутизнѣ, напрасно желая остановиться, и бѣжитъ до перваго большого дерева, за которое и уцѣпится.

Внизу мы прошли чрезъ живописнѣйшій лѣсокъ — нельзя нарочно расположить такъ красиво рощу—подъ развѣсистыми баніанами и кедрами, и вышли на поляну. Здѣсь лежала, вѣроятно занесенная землетрясеніемъ, громадная глыба коралла, вся обросшая мохомъ и зеленью. Романтики тутъ же объявили, что хорошо бы пріѣхать сюда на цѣлый день съ музыкой; «съ закуской и обѣдомъ», прибавили положительные люди. Мы вышли въ одну изъ боковыхъ улицъ, съ маленькими домиками: около каждаго тѣснилась кучка бананонъ и цвѣты.

Изъ нея вышли въ другую улицу, прошли нѣсколько домовъ; улица вдругъ раздвинулась. Съ одной стороны домовъ не стало, и мы остановились, очарованные несравненнымъ видомъ. Представьте прудъ, въ родѣ Марли, гладкій и чистый, какъ зеркало; съ противоположной стороны смотрѣлась въ него цѣлая гора, покрытая густо, какъ щетка, или какъ шуба, зеленью самыхъ темныхъ и самыхъ яркихъ колоритовъ, самыхъ нѣжныхъ, мягкихъ, узорчатыхъ листьевъ и острыхъ иглъ. Этотъ исполинскій букетъ такъ тѣсно былъ сжатъ, что нельзя было видѣть почвы, на которой онъ растетъ.

Мы продолжали путь по улицѣ, взглянули впередъ—другое неожиданное зрѣлище привлекло наше вниманіе. Это была, повидимому, самая населенная и торговая улица. Но что дѣлаютъ жители? Они съ испугомъ указываютъ на насъ: кто успѣваетъ, запираетъ лавки, а другіе бросаютъ ихъ незапертыми и бѣгутъ въ разныя стороны. Напрасно мы

манимъ ихъ руками, кланяемся, машемъ шляпами: они пуще бѣгутъ. Я видѣлъ какъ по кровлѣ одного дома, со всѣми признаками ужаса, бѣжала женщина: только развѣвались полы синяго ея халата; разсыпавшееся зданіе косматыхъ волосъ обрушилось на спину; рѣзво работала она голыми ногами. Но не всѣ успѣли убѣжать: оставшіеся мужчины недовѣрчиво смотрѣли на насъ, женщины закрылись. Товаръ все тотъ же, что и на первомъ рынкѣ. Тутъ видѣли мы кузницу, еще пилили дерево, красили простую матерію, продавали зелень, табакъ, да разныя сласти.

Мы походили еще по парку, подошли къ кумирнѣ, но она была заперта. Сидѣвшій у воротъ старикъ предложилъ намъ горшочекъ съ горячими угольями закурить сигары. Мы показывали ему знаками, что хотимъ войти, но онъ ласково улыбался и отрицательно моталъ головой. У воротъ кумирни, въ деревянныхъ нишахъ, стояли два, деревянные же, раскрашенные идола, безобразной наружности, напоминавшіе, какъ у насъ рисуютъ дьявола. Я зашелъ было на островокъ, въ другую кумирню, которую видѣлъ съ террасы дворца, но жители, пока мы шли внизъ, успѣли запереть и ее. Между народомъ я замѣтилъ нѣсколько бритыхъ бонзъ, все молодыхъ; одинъ былъ просто мальчикъ: вѣроятно, это служители храмовъ.

Заглянувъ еще въ нѣкоторыя улицы и переулки, мы вышли на большую дорогу и отправились домой. Я усталъ и съ удовольствіемъ поглядывалъ на хребетъ каждой лошадки, но жители не даютъ лошадей, хотя я видѣлъ у одного забора множество ихъ осѣдланныхъ и привязанныхъ. Сходя съ горы, мы увидали чистенькій дворикъ; я подошелъ къ воротамъ. Старикъ, котораго я тутъ засталъ, съ краснымъ носомъ и красными шишками по всему лицу, поклонился и вошелъ въ домъ; я за нимъ, со мной нѣкоторые изъ товарищей. Домъ оказался кумирней, но идола не было, а только жертвенникъ, съ китайскими надписями на стѣнахъ

и столбахъ, да бѣдная домашняя утварь. Тутъ, кажется, молились не буддисты, а приверженцы древней китайской религіи. Мы заглянули въ другую комнату, повидимому, парадную, устланную до того чистыми матами, что совѣстно было ступить ногой. Хозяева, кажется, обѣдали. Они зашевелились-было готовить намъ чай, но мы, чтобъ не тревожить ихъ, удалились.

Говорятъ, жители не показывались намъ болѣе потому, что передъ нашимъ пріѣздомъ умерла вдовствующая королева, мать регента, управляющаго островами, вмѣсто малолѣтняго короля. По этому случаю наложенъ трауръ на пятьдесятъ дней. Мы видѣли многихъ въ бѣлыхъ травяныхъ халатахъ. Извѣстно, что бѣлый цвѣтъ—траурный на Востокѣ.

Ликейскіе острова управляются королемъ. Около трехсотъ лѣтъ назадъ, прибыли сюда японскія суда, а именно князя Сатсумскаго, взяли острова въ свое владѣніе и обложили данью, которая, по словамъ здѣшняго миссіонера, простирается до двухсотъ тысячъ рублей на наши деньги. Но, по показанію другихъ, острова могутъ приносить впятеро больше. По этимъ цифрамъ можно судить о плодородіи острова. Не даромъ князь Сатсумскій считается самымъ богатымъ изъ всѣхъ японскихъ князей.

Но дань платится натурою: рисомъ, который выше всѣхъ сортовъ, и даже японскаго, также табакомъ, амброй, тканями изъ банановыхъ волоконъ и саки. Саки тоже считается лучшимъ, и японцы вымѣниваютъ много своего риса на здѣшній, какъ лучшій для выдѣлки саки.

Послѣ ликейцы думали-было отложиться отъ Японіи, но были покорены вновь. Ликейскій король, въ началѣ царствованія, отправляется обыкновенно въ Японію и тамъ утверждается окончательно.

Нынѣшнему королю всего двѣнадцать лѣтъ. Онъ поѣдетъ въ Японію по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста. Ко-

намъ представились миніатюрныя комнаты, совершенно какъ клѣтки попугая, съ своей чистотой, лакированными вещами и бѣлыми цыновками. Мы туда не вошли, а попросили огня. Сейчасъ другой, молодой ликеецъ, принесъ намъ горшокъ съ золой и угольями. Мы взглянули кругомъ себя— цвѣты, алоэ, бананы, больше ничего; поблагодарили хозяина и вышли вонъ. Я посмотрѣлъ, что̀ старуха? Она въ это время добѣжала до первыхъ деревьевъ лѣса, забѣжала за бананъ, остановилась и, какъ орангъ-утангъ, глядѣла сквозь вѣтви на насъ. Увидя, что мы стоимъ и съ хохотомъ указываемъ на нее, она пустилась бѣжать дальше въ лѣсъ.

Мы догнали товарищей, которые уже садились въ катеръ. Но во время нашей прогулки вода сбыла и катеръ трогалъ килемъ дно. Мы стянулись кое-какъ и добрались до нашего судна, гдѣ застали гостей: трехъ длиннобородыхъ старцевъ, въ бѣлыхъ, съ черными полосками, халатахъ и сандаліяхъ на босу-ногу. Они пріѣхали отъ нагасакскаго губернатора, поздравить съ пріѣздомъ и привезли въ подарокъ зелени, яицъ и куръ. Ихъ угостили чаемъ. Одинъ свободно говорилъ съ Г., на бумагѣ, по-китайски, а другой по-англійски, но очень мало. И то успѣхъ, когда вспомнишь, что наши европейскіе языки чужды имъ, и по духу, и по формамъ. Давно ли «человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ покровительствуетъ» этимъ младенцамъ, а ужъ кое-чему научилъ... Ликейцы обѣщали привезти быковъ, рыбы, зелени, за деньги, и уѣхали.

На другой день, 2-го февраля, мы только собрались-было на берегъ, какъ явился къ намъ англійскій миссіонеръ Бетельгеймъ, худощавый человѣкъ, съ еврейской физіономіей, не съ блѣднымъ, а съ выцвѣтшимъ лицомъ, съ руками, похожими немного на птичьи когти; большой говорунъ. Въ немъ не было ничего привлекательнаго, да и въ разговорѣ его, въ тонѣ, въ разсказахъ, въ привѣтствіяхъ, была какая-то сухость, скрытность, что-то нерасполагающее въ его

пользу. Онъ восемь лѣтъ живетъ на Лю-чу, и въ цаѣ отправляется въ Англію печатать книги св. писанія на ликейскомъ и японскомъ языкахъ. Жену и дѣтей онъ уже отправилъ въ Китай и самъ отправится туда же съ Перри, который обѣщалъ взять его съ собою, лишь только другой миссіонеръ пріѣдетъ на смѣну.

Восемь лѣтъ на Лю-чу — это подвигъ, истинно-христіанскій! Миссіонеръ говорилъ по-англійски, по-нѣмецки и весьма плохо по-французски. Мы пустились въ разспросы о жителяхъ, о народонаселеніи, о промышленности, о нравахъ, обо всемъ.

— Что за мѣсто, что за жители!—говорили мы:—не вѣришь Базилю Галлю, а выходитъ на повѣрку, что онъ еще скроменъ.

— Да, мѣсто, точно, прекрасное,—сказалъ Беттельгеймъ:— надо еще осмотрѣть заливъ Мельвиль, да одинъ пунктъ на сѣверной сторонѣ—это рай.

— А жители? Какая простота нравовъ, гостепріимство! Странствуешь точно съ Улиссомъ къ одному изъ гостепріимныхъ царей-пастырей, которые выходили путникамъ навстрѣчу, угощали...

— Развѣ они встрѣчали и угощали васъ? — спросилъ пасторъ.

— Нѣтъ, встрѣчали мало, больше провожали...

— Да, они дѣйствительно охотнѣе провожаютъ, нежели встрѣчаютъ: вѣдь это полицейскіе, шпіоны.

— Какъ полицейскіе? Развѣ здѣсь есть они?

— Какъ же! Чтобъ наблюдать, куда вы пойдете, что будете дѣлать, замѣчать, кто въ вамъ подойдетъ, станетъ разговаривать, чтобъ потомъ расправиться съ тѣмъ посвоему...

— Что вы? возможно ли? Кажется, жители такъ кротки, простодушны, такъ привѣтливы: это видно изъ ихъ поклоновъ...

Боятся, такъ и привѣтливы. Если японцы стали вдругъ привѣтливы, когда вы и американцы появились съ большой силой, то какъ же не быть привѣтливыми ликейцамъ, которыхъ всего отъ шестидесяти до восьмидесяти тысячъ на островѣ!

— Мнѣ нравится простота и трудолюбіе, — сказалъ я.— Есть же уголокъ въ мірѣ, который не нуждается ни въ какомъ сосѣдѣ, ни въ какой помощи! Кажется, если бъ этимъ дѣтямъ природы предоставлено было просить чего-нибудь, то они, какъ Діогенъ, попросили бы не загораживать имъ солнца. Они умѣренны, воздержны...

— Они точно простоваты, — замѣтилъ миссіонеръ: — но насчетъ воздержанія... нельзя сказать: они сильно пьютъ.

— Пьютъ! что вы? помилуйте!—защищали мы съ жаромъ (намъ очень хотѣлось отстоять идиллію и мечту о золотомъ вѣкѣ):—у нихъ и вина нѣтъ: что имъ пить?

— А саки?—отвѣчалъ Беттельгеймъ:—оно здѣсь лучше, нежели въ Японіи, и крѣпкое, какъ ромъ.

— Пьютъ!—говорилъ я въ недоумѣніи.

— И играютъ,—прибавилъ пасторъ.

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! ужели въ самомъ дѣлѣ? Да во что же: въ какія-нибудь невинныя игры: борются, бѣгаютъ, какъ древніе на олимпійскихъ играхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! — настойчиво твердилъ Беттельгеймъ:— играютъ въ азартныя игры...

— Скажите, пожалуйста, эти добродѣтельные, мудрые старцы — шпіоны, картежники, пьяницы! Кто бы это подумалъ!

— Да, у нихъ есть что-то въ родѣ картъ, — сказалъ онъ: — даже нищіе, и тѣ играютъ какъ-то стружками, или щепками, и проигрываются до тла.

— Вотъ тебѣ и идиллія, и золотой вѣкъ, и Одиссея! Да у кого они переняли? — хотѣлъ-было я спросить, но вспомнилъ, что есть у кого перенять: они просвѣщеніе заим-

ствуютъ изъ Китая, а тамъ, на базарѣ, я видѣлъ непроходимую кучу народа, толпившагося около другой кучи сидѣвшихъ на полу игроковъ, которые кидали, помнится, кости. Каждый ставилъ деньги; одинъ счастливый загребалъ потомъ у всѣхъ. Игра начиналась снова; игроки такъ углубились въ свое дѣло, что не замѣчали зрителей, и зрители, въ свою очередь, не замѣчали игроковъ и слѣдили за костями. Вспомнилъ я еще, что недалеко отъ ликейцевъ — Манилла, что тамъ проматываются на пари за бои пѣтуховъ; что еще на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго Океана страсть къ игрѣ свирѣпствуетъ, какъ въ любомъ европейскомъ клубѣ.

— Удивительно, — сказалъ я: — что такіе кроткіе люди заражены самою задорною изъ страстей!

— Нельзя сказать, чтобъ они были кротки, — замѣтилъ пасторъ: — здѣсь жили католическіе миссіонеры; жители преслѣдовали ихъ, и недавно еще они... поколотили одного миссіонера, некатолическаго...

— Кого же это?

— Меня,—кротко и скромно отвѣчалъ Беттельгеймъ (но подъ этой скромностью таилось, кажется, не смиреніе).— Потомъ,—продолжалъ онъ:—ужъ постоянно стали заходить сюда корабли христіанскихъ націй, и именно отъ англійскаго правительства разрѣшено разъ въ годъ посылать одно военное судно, съ китайской станціи, на Лю-чу, наблюдать, какъ поступаютъ съ нами, и вотъ жители кланяются теперь въ-поясъ. Они невѣжественны, грязны, грубы...

Мнѣ стало подозрительно это поголовное порицаніе бѣдныхъ ликейцевъ. Наши сказывали, что когда они спрашивали ликейцевъ, гдѣ живетъ миссіонеръ, то послѣдніе обнаружили знаки явнаго нерасположенія къ нему, и одинъ по-англійски сказалъ про него: «Bad man, very bad man!» (дурной, очень дурной человѣкъ).

Платя за нерасположеніе нерасположеніемъ, что было

ь ней ни одного слова правды нѣтъ, все діаметрально-ротивоположно истинѣ!

Я дѣйствительно не вѣрю Галлю, но не вѣрю также и му: перваго слишкомъ ласково встрѣчали, а другого... по-олотили; отъ этого два разные голоса.

Я выразилъ ему только опасеніе, чтобъ онъ и его преем-ники торопливостью не испортили всего дѣла. «Если Японія ѣкроетъ свои порты для торговли всѣмъ націямъ», ска-залъ я: «можетъ-быть, вы поспѣшите, вмѣстѣ съ товарами, ослать туда и ваши переводы Новаго Завѣта. Предска-зываю вамъ, что вы закроете опять Японію, ничего не дѣлаете для религіи и испортите торговлю. Японцы осма-ривали до сихъ поръ каждое судно, записывали каждую вещь, не въ видахъ торговаго соперничества, а чтобъ не рокралась къ нимъ христіанская книга, крестъ — все, что гносится до религіи; замѣчали число людей, чтобъ не про-рался въ Японію священникъ проповѣдывать религію, ко-орой они такъ боятся. И долго еще не отступятъ они отъ гихъ строгостей, развѣ когда замѣнятъ свою жизнь евро-ейскою. Вы лучше подождите», заключилъ я, «когда учре-дятся европейскія факторіи, которыя, конечно, выговорятъ себѣ право отправлять дома богослуженіе, и вы сначала везите священныя книги и предметы въ эти факторіи, чего японцы, par le temps qui court, запретить уже не могутъ, а отъ нихъ, исподоволь, понемногу, перейдутъ они и къ японцамъ».

Пока мы разсуждали въ каютѣ, на палубѣ сигнальщикъ объявилъ, что трехмачтовое судно идетъ. Всѣ пошли вверхъ. съ правой стороны, изъ-за острова, показалось большое купеческое судно, мчавшееся подъ всѣми парусами прямо на рифъ.

Былъ туманъ и свѣжій вѣтеръ, потомъ пошелъ дождь. Однакожъ мы въ трубу разсмотрѣли, что судно было подъ англійскимъ флагомъ. Адмиралъ сейчасъ отправилъ на-

встрѣчу къ нему шлюпку и штурманскаго офицера, отвест отъ мели. Часа черезъ два корабль стоялъ уже близъ насъ на якорѣ.

Но что это у него на палубѣ? Ужаснѣйшая толпа народа, непроходимой кучей, какъ стадо барановъ, жалась на палубѣ. Безъ справокъ можно было догадаться, что это эмигранты. Точно такое судно видѣли мы у острова Мадеры, съ эмигрантами, отправлявшимися въ Австралію. Но откуда и куда ихъ везутъ? Беттельгеймъ сказалъ, что вѣрно тутъ же пріѣхалъ другой миссіонеръ, на смѣну ему, и поѣхалъ туда развѣдать. Чрезъ полчаса онъ вернулся съ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 26-ти, котораго и представилъ адмиралу, какъ своего преемника. Оба они обѣдали у насъ. Вновь прибывшій пасторъ, англичанинъ же, объявилъ, что судно пришло изъ Гон-Конга, употребивъ ровно мѣсяцъ на этотъ переходъ, что идетъ оно въ Сан-Франциско, съ пятью стами китайцевъ, мужчинъ и женщинъ. Кого и чего нѣтъ теперь въ Сан-Франциско? Начало этого города напоминаетъ начало Рима: оба составились изъ бродягъ.

Послѣ обѣда наши уѣхали на берегъ чай пить in's Grüne. Я прозѣвалъ, но зато, изъ привезенной съ англійскаго корабля газеты, узналъ много новостей изъ Европы, особенно интересныхъ для насъ. Дѣла съ Турціей завязались: Англія съ Франціей продолжаютъ интриговать противъ насъ. Вся Европа въ трепетномъ ожиданіи...

Часовъ въ семь за мной прислали шлюпку. Ужъ было темно. Заставъ нашихъ на мысѣ, около рощи, у костра, я разсказалъ имъ на-скоро новости и самъ пошелъ по тропинкѣ къ лѣсу, оставивъ ихъ разсуждать. Хорошо! Я наслаждался неизвѣстными вамъ впечатлѣніями, свѣтлымъ сумракомъ лунной, томной и теплой ночи, шелестомъ листьевъ рощи, полной мрака. Баніаны, пальмы и другіе чужеземцы шумѣли при тихомъ вѣтрѣ иначе, нежели наши березы и осины, мягче, на чужомъ языкѣ; и лягушки квакали по

другому, крѣпче нашихъ, какъ кастаньеты. Вблизи плескалъ приливъ, вдали глухо ревѣли буруны на рифахъ. До меня доносился живой говоръ товарищей. Меня позвали ѣхать, я поспѣшилъ на зовъ и въ темнотѣ наткнулся на кучку ликейцевъ, которые изъ-за шалаша наблюдали за нашими. Они вдругъ низко поклонились и, не разгибаясь, дали мнѣ пройти.

На другой день мы отправились на берегъ съ визитами, сначала къ американскимъ офицерамъ, которые заняли для себя и для матросовъ—не знаю какъ, посредствомъ ли покупки, или просто «покровительства» — препорядочный домикъ и большой огородъ, съ сладкимъ картофелемъ, таро, горохомъ и табакомъ. Я не пошелъ къ нимъ, а отправился по берегу моря, по отмели, влѣзъ на холмъ, пробрался въ гротъ, гдѣ расположились бивуакомъ матросы съ нашихъ судовъ, потомъ посѣтилъ въ лѣсу нашу идиллію: матросъ Кормчинъ пасъ тамъ овецъ. Вездѣ, даже въ лѣсу, видѣлъ я каменныя постройки, заборы, плетни и хижины, съ огородами и полями. Все обработано, всюду протоптаны чистыя дорожки, или сдѣланы каменныя тропинки.

Островъ, судя по пространству, очень заселенъ; онъ длиной верстъ восемьдесятъ, а шириной отъ шести до пятнадцати и восемнадцати верстъ: и на этомъ пространствѣ живетъ отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ. Въ Напѣ, говорилъ миссіонеръ, до двадцати, и въ Чуди столько же тысячъ жителей.

Я дождался нашихъ на мосту, ведущемъ въ Напу, и мы пошли въ городъ искать миссіонеровъ.

Тамъ то же почти, что и въ Чуди: длинныя, загороженныя каменными, массивными заборами, улицы, съ густыми, прекрасными деревьями: такъ что идешь по аллеямъ. У воротъ домовъ стоятъ жители. Они, кажется, немного перестали бояться насъ, видя, что мы ничего худого имъ не дѣлаемъ. Въ городѣ, при такомъ большомъ народонаселе-

ніи, было живое движеніе. Много народа толпилось, ходило взадъ и впередъ; носило тяжести, и довольно большія, особенно женщины. У нѣкоторыхъ были дѣти за спиной или за пазухой.

Мы не знали, въ которую сторону идти: улицъ множество и переулковъ тоже. Съ нами толпа народа; спрашиваемъ по-англійски, называемъ миссіонера по имени—жители указываютъ на ухо и мотаютъ головой: «глухи, дескать, не слышимъ». Нѣкоторые, при нашихъ вопросахъ, переговорятъ между собою, и вотъ одинъ пойдетъ впередъ и выведетъ насъ къ морю. Опять толки, и опять явится провожатый. Одинъ водилъ-водилъ по грязи, наконецъ повелъ въ перелѣсокъ, въ густую траву, по тропинкѣ, совсѣмъ спрятавшейся среди кактусовъ и другихъ кустовъ, и вывелъ на холмъ, къ кладбищу, къ тѣмъ огромнымъ камнямъ, которые мы видѣли съ моря и приняли сначала за городъ. Меня зло взяло.

— Ну, теперь вижу, что вы пьяницы и картежники...— ворчалъ я на ликейцевъ.

— Да и мошенники ужъ кстати,—прибавилъ другой товарищъ:—вѣдь они нарочно водятъ насъ.

Третій товарищъ смѣялся, слыша ропотъ. Наконецъ одинъ ликеецъ привелъ насъ вторично къ морю, на отмель, и ушелъ, какъ и прочіе, въ толпу. Тогда мы насильно вывели одного изъ толпы за руки и послали впередъ показывать дорогу. Дѣлать было нечего. Онъ привелъ насъ къ сѣрой, нависшей надъ водой скалѣ, и указалъ на зеленый, бывшій рядомъ съ ней холмъ и тропинку въ кустахъ.—«Опять вверхъ!» ворчали мы, теряя терпѣніе, и пошли на холмъ, подошли къ протестантской церкви, потомъ спустились съ холма и очутились у сада и домика миссіонеровъ. Оказалось, что мы блуждали все время около этого мѣста. На насъ бросились лаять двѣ большія собаки, лишь только мы вошли въ садикъ.

Миссіонеръ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и ввелъ въ такую же комнату, съ рамой, заклеенной бумагой, какъ и въ ликейскихъ домахъ. Тутъ мы застали шкипера вновь прибывшаго англійскаго корабля, съ женой, страдающей зубной болью женщиной, но еще молодой и некрасивой; тутъ же была жена новаго миссіонера, тоже молодая и некрасивая, безъ переднихъ зубовъ. Въ одномъ только кабинетѣ пастора, наполненномъ книгами и рукописями, были два небольшія окна со стеклами, подаренными ему, кажется, *человѣкомъ Соединенныхъ Штатовъ*. Надъ дверью былъ другой подарокъ, отъ него же: большая серебряная ваза. Все остальное было болѣе, нежели просто: грубый, деревянный столъ, такіе же стулья и диванъ—не лучше ихъ.

Миссіонеръ предложилъ намъ вина и какихъ-то сдобныхъ сухарей, извиняясь, что у него только и есть двѣ рюмки и два стакана. Ему на другой же день адмиралъ послалъ дюжину вина, и по дюжинѣ или по двѣ, рюмокъ и стакановъ—пей не хочу! Онъ намъ показывалъ много лакированныхъ вещей, работы здѣшнихъ жителей: чашки для кушанья, поставцы, судки, подносы и т. п.; но послѣ японскихъ вещей въ этомъ родѣ, на эти и глядѣть было нельзя. Беттельгеймъ просилъ адмирала взять нѣсколько вещей отъ него на память. Что было лучше всего, такъ это великолѣпный баніанъ у самаго крыльца, бросавшій тѣнь на весь дворикъ, да множество разныхъ кустовъ и цвѣтовъ. Жаль только, что на Лю-чу есть ядовитыя змѣи. Миссіонеръ сказывалъ, что онъ поймалъ двухъ у себя въ комнатахъ. Въ галлереѣ, выходящей на дворъ, помѣщалась небольшая аптека и большая библіотека. Нѣсколько ликейцевъ собралось у воротъ и заглядывало на насъ во дворъ; но миссіонеръ махнулъ имъ рукой не очень ласково, чтобъ они шли прочь.— «Не можетъ забыть побоевъ!» шепнулъ мнѣ одинъ изъ товарищей. Миссіонеръ проводилъ насъ назадъ до самаго фрегата на нашей шлюпкѣ.

Дорогой адмиралъ послалъ сказать начальнику города, что онъ желаетъ видѣть его у себя и удивляется, что тотъ не хочетъ показаться. Вѣрно прибавить, что мы пойдемъ сами въ замокъ видѣть ихъ дворъ. Это очень подѣйствовало. Чиновникъ, или секретарь начальника, отвѣчалъ: что если мы имѣемъ сказать что-нибудь важное, такъ онъ, пожалуй, и пріѣдетъ.

— Очень важное,—сказали ему.

Онъ хотѣлъ быть на другой день, но шелъ проливной дождь. Наконецъ вчера, 7-го февраля, начальникъ пріѣхалъ на фрегатъ, съ секретаремъ, помощникомъ, переводчикомъ китайскаго языка и маленькою свитою. Онъ былъ высокій, сѣдой старикъ, не совсѣмъ патріархальной наружности, съ краснымъ носомъ, и вообще—увы, прощай идиллія!—съ слѣдами сильнаго невоздержанія на лицѣ, съ изломанными чертами, синими и красными жилками на носу и около. Онъ говорилъ сиплымъ и пискливымъ голосомъ. Товарищъ его, высокій и здоровый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ черной, длинной и жидкой, начинающейся съ подбородка, какъ у всѣхъ у нихъ, бородой. Прочіе, такъ себѣ, всѣ здоровой наружности, свѣжіе. У губернатора пучокъ на головѣ былъ проткнутъ золотой, у помощника и переводчика серебряной, а у прочихъ мѣдной шпилькой. За первымъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати и безпрестанно набивалъ ему трубку, а тотъ давалъ ему подачки: бисквиты, наливку, которою его потчивали. Онъ подарилъ адмиралу два какіе-то торта, а ему дали большой самоваръ, стекляннои посуды, и еще прежде послали сукна на халатъ, за присланную живность и зелень. Показывали ему японскіе чодарки и, между прочимъ, подаренную адмиралу саблю.

— А у васъ есть сабли?—спросили его.

— Нѣтъ.

— Какое же у васъ оружіе?

— А вотъ,—отвѣчалъ онъ, показывая вѣеръ.

Его поблагодарили за доставку провизіи, и особенно быковъ и рыбы, и просили доставлять—разумѣется, за деньги—впередъ русскимъ судамъ все, что понадобится. Между прочимъ ему сказано, что такъ какъ на островѣ добывается соль, то можетъ случиться, что суда будутъ заходить за нею, за рисомъ, или другими предметами: такъ нельзя ли завести торговлю?

— Нѣтъ, нѣтъ! у насъ производится всего этого только для самихъ себя,—съ живостью отвѣчалъ онъ:—и то рисъ ѣдимъ мы, старшіе, а низшій классъ питается бобами и другими овощами.

— Да еще мы просимъ сказать жителямъ, — продолжали мы: — чтобъ они не бѣгали отъ насъ: мы имъ ничего не сдѣлаемъ.

— Они бѣгаютъ оттого, что европейцы рѣдко заходятъ сюда, и наши не привыкли видѣть ихъ. Притомъ американцы, бывши здѣсь, брали иногда съ полей горохъ, бобы: если бъ одинъ или нѣсколько человѣкъ сдѣлали это, такъ оно бы ничего, а когда всѣ...

Мы увѣрили его, что наши не дотронутся ни до чего.

— Да, сдѣлайте милость, — продолжалъ переводчикъ: — насчетъ женщинъ тоже... Одинъ американецъ взялъ нашу женщину за руку; у насъ такъ строго на этотъ счетъ, что мужъ, пожалуй, и разведется съ нею. Отъ этого онѣ и бѣгаютъ отъ чужихъ.

Какова нравственность: за руку нельзя взять! Въ золотой вѣкъ, особенно въ библейскія времена и при Гомерѣ, было на этотъ счетъ проще!

Мы съѣхали послѣ обѣда на берегъ, лѣниво и задумчиво бродили по лѣсамъ, или, лучше сказать, по садамъ, зашли куда-то въ сторону, нашли холмъ между кедрами, полежали на травѣ, зашли въ кумирню, напились воды изъ колодца, а вечеромъ пили чай на берегу, подъ навѣсомъ миртъ

и пашрусовъ—словомъ, провели вечеръ совершенно идиллически.

Погода здѣсь во все время нашего пребыванія была непостоянная: то дуетъ сѣверный муссонъ, иногда свѣжій до степени шторма, то идетъ проливной, безотрадный дождь. Зато чуть проглянетъ солнце—все становится такъ прозрачно, ясно, такъ млѣетъ въ радости... У насъ, однакожъ, было довольно дурной погоды—такой ужъ февраль здѣсь.

Съ кораблемъ, везущимъ эмигрантовъ, все исторіи. Третьяго-дня онъ сталъ-было сниматься съ якоря и сѣлъ на мель. Съ нашихъ судовъ подали ему немедленную помощь: не будь этого, онъ бы скоро не снялся и при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ разбился бы въ щепы; онъ и самъ засвидѣтельствовалъ это. Наши ѣздили туда на корабль и разсказываютъ, что такой нечистоты, неурядицы, шума, хаоса и представить себѣ нельзя. Корабль большой, а матросовъ всего человѣкъ двадцать, и то инвалиды. Едва достаетъ рукъ управляться съ парусами, а толпящіеся на палубѣ китайцы мѣшаютъ имъ пошевелиться. Крикъ и шумъ такъ велики, что слышно у насъ. Чтобъ облегчить судно и помочь ему сняться съ мели, всѣхъ китайцевъ и китаянокъ перевезли часа на два къ намъ. Ихъ помѣстили на бакѣ и шкафутѣ, и отгородили веревкой. Много очень высокихъ и хорошо сложенныхъ мужчинъ. Женщины большею частью молодыя и все дѣвицы, отъ четырнадцати до двадцати лѣтъ. Одна обращала на себя особенное вниманіе. Она, какъ кажется, была тутъ старшая, въ родѣ начальницы, какъ и у мужчинъ были тоже старшины. Звали ее Ача. Она нехороша собой, но лицо, однакожъ, привлекательно. Она была бойкая женщина и говорила по-англійски почти какъ англичанка. На ней было широкое и длинное шелковое голубое платье, надѣтое какъ-то на плечо, въ родѣ цыганской шали, бѣлые чистые шаровары; прекрасная, ма-

ленькая, но не до уродливости, нога, обутая по-европейски. Она сидѣла на станкѣ пушки, бойко глядѣла вокругъ и безпрестанно кокетничала ногой, выставляя ее напоказъ. Прочія женщины сидѣли въ кучѣ, на полу. Мужчины, которыхъ было гораздо больше, толпились, какъ стадо. Мы разспрашивали Ачу, гдѣ она выучилась по-англійски и зачѣмъ ѣдетъ въ Калифорнію. Она сказала, что ѣдетъ обратно, что прожила ужъ три года въ Сан-Франциско; теперь ѣздила на четыре мѣсяца въ Гон-Конгъ навербовать женщинъ для какого-то магазина... Мужчины ѣхали для грубыхъ работъ.

Наконецъ корабль сошелъ съ мели, и китайцевъ увезли обратно. Онъ, однакожъ, не ушелъ за противнымъ вѣтромъ.

Третьяго-дня оба миссіонера явились въ бѣлыхъ холстинныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и въ черныхъ фракахъ, очень серьёзные, и сказали, что они имѣютъ сообщить что-то важное. — «На купеческомъ суднѣ китайцы не слушаются шкипера», объявили они и просили потребовать китайскихъ старшинъ и спросить, чѣмъ они недовольны. По вызову адмирала, явились трое китайцевъ, нарядно-одѣтые, благовидной наружности. Они сказали, что имъ отказываютъ въ водѣ; что когда они подходили къ бочкѣ, матросы кулаками толкали ихъ прочь. — «Отъ этого вышли ссоры», прибавили они: «и больше ничего». Имъ представили всю опасность ихъ положенія, если бъ они не исполняли требованій шкипера, прибавивъ, что въ морѣ надо безъ разсужденій дѣлать все, чего онъ потребуетъ.

— Такъ, знаемъ, — отвѣчали они: — мы просимъ только раздавать сколько слѣдуетъ воды, а онъ даетъ мало, безъ всякаго порядка; бочки у него текутъ, вода пропадаетъ, а онъ, отсюда до Золотой Горы (Калифорніи), никуда не хочетъ заходить, между тѣмъ мы заплатили деньги за переѣздъ по семидесяти долларовъ съ человѣка.

Ихъ помирили, заставивъ китайцевъ подписать условіе

слушаться, а шкиперу посовѣтовали завести побольше порядка и воды, да не идти прямо въ Сан-Франциско, а зайти на Сандвичевы острова. Такъ и разстались съ ними. Вечеромъ видѣли еще, какъ Ача прогуливалась съ своими подчиненными по берегу. Третьяго-дня корабль ушелъ; шкиперъ и миссіонеры не знали, какъ и благодарить начальство нашего судна. Наши матросы помогли ему сняться и съ якоря: онъ одинъ не управился бы. Когда эта громада, биткомъ набитая народомъ, нечистая, некрашенная, въ безпорядкѣ, какъ наружномъ, такъ и внутреннемъ, тихо неслась мимо насъ, мы стояли наверху и слѣдили за ней глазами.

— Дойдетъ ли?—сказалъ я съ сомнѣніемъ.

— Дойдетъ, — съ увѣренностію отвѣчалъ стоявшій подлѣ меня матросъ, сильно ударяя на о: — отчего не дойти, дойдетъ!

Вчера, 8-го, и мы въ послѣдній разъ съѣхали на берегъ. Романтики, взявъ по буттерброду, отправились съ ранняго утра, другіе въ полдень, я, съ капитаномъ Л., послѣ обѣда, и всѣ разбрелись по острову. Мы не пошли, ни въ деревню Бо-Тсунгъ, ни на большую дорогу, а взяли налѣво, прорѣзали рощу и очутились въ обработанныхъ поляхъ, идущихъ неровно, холмами, во всѣ стороны. Съ одного холма мы любовались окрестностью; мы очутились какъ будто среди зеленаго волнующагося моря: ничего кругомъ, кромѣ зелени. Мы шли по тропинкамъ, мимо воздѣланныхъ полей, бѣдныхъ хижинъ, состоявшихъ изъ бамбуковыхъ загородокъ. Кругомъ ихъ огороды. У хижинъ, на рогожкахъ, кучами лежали овощи и сушились на солнцѣ, между прочимъ табакъ, назначенный для жвачки. Табакъ здѣсь очень хорошъ: онъ нѣсколько крѣпче и темнѣе японскаго; тотъ чересчуръ нѣженъ и слабъ. Мы шли одни. Сначала за нами по улицѣ слѣдила толпа какихъ-то провожатыхъ, но они кинули насъ, лишь только мы поворотили въ поля. Тро-

пинки шли то вверхъ, на холмы, то спускались въ овраги. Жаръ заставилъ насъ оставить поля и искать тѣни въ густыхъ аллеяхъ. Мы вошли въ переулки деревенекъ—вездѣ одно и то же. Жители пугались менѣе прежняго; ребятишки съ улыбкой кланялись въ поясъ, заигрывали и вдругъ съ хохотомъ разбѣгались въ стороны, лишь только тронешь одного.

Мы вышли къ большому монастырю, въ главную аллею, которая ведетъ въ столицу, и сѣли тамъ на парапетѣ моста. Дорога эта оживлена особеннымъ движеніемъ: безпрестанно идутъ съ ношами овощей взадъ и впередъ, или ведутъ лошадей, съ перекинутыми черезъ спину кулями риса, съ пачушами табаку и т. п. Лошади фыркали и пятились отъ насъ. Въ поляхъ вездѣ работаютъ. Мы пошли на сахарную плантацію. Она отдѣлялась отъ большой дороги полями съ рисомъ, которыя были наполнены водой и походили на пруды съ зеленой, стоячей водой.

Мы обошли поле сахарнаго тростника вокругъ. Онъ растетъ слишкомъ часто; въ другихъ мѣстахъ его сажаютъ рѣже. Онъ высокъ, какъ добрый кустарникъ. Тутъ же его рѣзали и таскали на ближайшій холмъ, въ прессъ, приводимый въ движеніе быкомъ. За тростникомъ я увидѣлъ кучу народа. — «Что тамъ такое дѣлается?» спросили мы другъ друга. Приглядѣлись и видимъ, что двое нашихъ матросовъ взяли изъ рукъ лакейцевъ инструментъ, въ родѣ согнутаго подъ прямымъ угломъ заступа, и преусердно взрывали имъ гряды съ сладкимъ картофелемъ. Комы земли и картофель такъ и летѣли по сторонамъ, а лакейцы, окруживъ ихъ, смотрѣли внимательно на работу.

«Вотъ, вишь ты! вотъ! вотъ!» слышалось при каждомъ ударѣ.

Мы отправились на холмъ, гдѣ были вчера, къ кумирнѣ. По дорогѣ встрѣтили толпу крестьянъ, съ прекрасными, темными и гладкими, претолстыми бамбуковыми жердями, на которыхъ таскаютъ тяжести.

Мнѣ хотѣлось поближе разглядѣть такую жердь. Я протянулъ къ одному руку, чтобъ взять у него бамбукъ, но вся толпа вдругъ смутилась. Ликейцы краснѣли, дѣлали глупыя рожи, глядѣли одинъ на другого и пятились. Такъ и не дали.

Я не знаю, съ чѣмъ сравнить у насъ бамбукъ, относительно пользы, какую онъ приноситъ тамъ, гдѣ родится. Какихъ услугъ не оказываетъ онъ человѣку! чего не дѣлаютъ изъ него, или имъ! Развѣ береза наша можетъ, и то куда не вполнѣ, стать съ нимъ рядомъ. Нельзя перечесть, какъ и гдѣ употребляютъ его. Изъ него строятъ заборы, плетни, стѣны домовъ, лодки, дѣлаютъ множество посуды, разныя мелочи, зонтики, вѣеры, трости и проч.; имъ бьютъ по пяткамъ, наконецъ его ѣдятъ въ варенѣ, въ родѣ инбирнаго, которое дѣлаютъ изъ молодыхъ вѣтокъ.

Едва мы взошли на холмъ и сѣли въ какой-то бесѣдкѣ, предшествующей кумирнѣ, какъ вдругъ тутъ же, откуда-то изъ чащи, выползъ ликеецъ, сорвалъ въ палисадникѣ ближайшаго дома два цвѣтка шиповника, потомъ сжался, въ знакъ уваженія къ намъ, въ комокъ, и поднесъ намъ съ поклономъ. Онъ, конечно, имѣлъ приказаніе слѣдить за нами издалека. Еще къ намъ пришелъ изъ дома мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, и оба они сѣли передъ нами на пяткахъ и разсматривали пристально насъ, платья наши, вещи. Л. вынулъ записную книжку, а я нарисовалъ въ ней фигуру мальчика, вырвалъ рисунокъ изъ книжки и отдалъ ему. Что это за рисунокъ! Моему рисовальному учителю конечно и въ голову не приходило, чтобъ я показывалъ свое искусство на Ликейскихъ островахъ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Мы дали имъ сигаръ, отдали огниво, сверхъ того я далъ старшему долларъ. Онъ вынулъ изъ-за пазухи кашъ (маленькую мѣдную китайскую монету) и смотрѣлъ, то на нее, то на долларъ. Я старался объяснить ему, что такихъ монетъ въ долларѣ тысяча четыреста. Ни въ Китаѣ, ни у нихъ,

другой монеты не водится. Американцы стали вводить испанскіе доллары въ употребленіе. Мы долларами платили въ Китаѣ за провизію. Мальчикъ принесъ въ маленькомъ чайникѣ чаю, который впрочемъ не имѣлъ никакого вкуса. Мы посидѣли съ полчаса въ бесѣдкѣ, окруженной рядомъ высокихъ померанцовыхъ и другихъ деревъ, изъ породы миртъ.

Уже вечерѣло, когда мы вышли на большую дорогу. Здѣсь встрѣтилъ насъ У. и подговорилъ ѣхать съ нимъ въ вельботѣ, который ждалъ его въ Напѣ. — «Недалеко», сказалъ онъ. Мы пошли налѣво, черезъ другой мостъ, черезъ лѣсъ, поле, наконецъ по улицамъ — конца не было. Идучи мимо этихъ полей, гдѣ прорыты канавки, сдѣланы стоки, глядя на эту правильность и порядокъ, вы примете островъ за образцовую ферму, или отлично устроенное помѣщичье имѣніе. Въ поляхъ, и изъ нѣкоторыхъ домовъ несло, какъ въ Китаѣ, удобреніемъ, которое заготовляется въ ушатахъ. Удобреніе это состоитъ изъ всякаго рода нечистотъ, которыя сливаются въ особыя мѣста, гніютъ, и потомъ, при посѣвахъ, ими поливаютъ поля, какъ я видѣлъ въ Китаѣ. Говорятъ, это лучше нашего способа удобренія:—«сорныхъ травъ меньше», сказалъ Л., большой агрономъ.

Мы шли, шли въ темнотѣ, а проклятыя улицы не кончались: все заборы, да сады. Ликейцы, какъ тѣни, неслышно скользили во мракѣ. Насъ провожалъ тотъ же самый, который принесъ намъ цвѣты. Гдѣ было грязно, или острые кораллы мѣшали свободно ступать, онъ велъ меня подъ-руку, обводилъ мимо лужъ, которыя, видно, зналъ наизусть. Къ несчастью, мы не туда попали, и если бъ не провожатый, мы проблуждали бы цѣлую ночь. Наконецъ добрались до рѣчки, до вельбота, и вздохнули свободно, когда выѣхали въ открытое море.

Адмиралъ хотѣлъ отдать визитъ напакіянскому губернатору, но онъ у себя принять не могъ, а далъ знать, что

приметъ, если угодно, въ *правительственномъ домѣ.* Онъ оттоваривался тѣмъ, что у нихъ частныя сношенія съ иностранцами запрещены. Этимъ же объясняется, почему не хотѣлъ принять насъ и нагасакскій губернаторъ иначе, какъ въ казенномъ домѣ.

Но довольно Ликейскихъ острововъ и о Ликейскихъ островахъ, довольно и для меня, и для васъ! Если захотите знать подробнѣе долготу, широту мѣста, пространство, число острововъ, не полѣнитесь сами взглянуть на карту, а о нравахъ жителей, объ обычаяхъ, о произведеніяхъ, объ исторіи — прочтите у Бичи, у Бельчера. Помните условіе: я пишу только письма къ вамъ о томъ, что вижу самъ и что переживаю изо дня въ день.

Сегодня мы ушли, и вотъ качаемся теперь въ Тихомъ океанѣ; но если бъ и остались здѣсь, едва ли бы я собрался на берегъ. Одна природа, да животная, хотя и своеобразная жизнь, не наполнятъ человѣка, не поглотятъ вниманія: остается большая пустота. Для того даже, чтобъ испытывать глубже новое, непохожее ни на что свое, нужно, чтобъ тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой, развитой жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА:

„Фрегатъ Паллада“. Очерки путешествія въ двухъ томахъ.

Томъ II.

стр.

I.

Русскіе въ Японіи.

Входъ на Нагасакскій рейдъ.—Первые визиты японцевъ.—Видъ рейда и города.—Батареи; деревни.—Переводчики и баніосы.—Караульныя лодки и гребцы.—Передача письма къ губернатору.—Ежедневныя сношенія съ японцами.—Доставка провизіи.—Визитъ голландцевъ изъ факторіи.—Буря.—Новый переводчикъ.—Переговоры о церемоніалѣ свиданія адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ. — Губернаторскіе секретари. — Торжественный поѣздъ въ Нагасаки.—Пристань и носилки.—Японскіе солдаты.—Улица и дома.—Свиданіе съ губернаторомъ.—Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому.—Японское угощеніе.—Ожиданіе отвѣта изъ Едо.—Другой губернаторъ.—Еще переводчикъ.—Годовщина похода.—Спектакль на корветѣ «Оливуца».—Смерть Сіогуна.—Гроза.—Отвѣтъ изъ Едо.—Катанье на шлюпкахъ. — Паппенбергъ. — Крысій островъ. — Подарки. — Важное извѣстіе изъ Едо. — Отплытіе. 5

II.

Шанхай.

Сѣдельные острова.—Рыбачья флотилія. — Поѣздка въ Шанхай на купеческой шкунѣ.—Гуцлавъ.—Янсекіянъ.—Пожаръ.—Рѣка и мѣстечко Вусунъ. — Военныя джонки и европейскія суда. — Шанхай.—О чаѣ.—Простой народъ.—Таможня.—Американскій консулъ.—Рѣзная китайская работа.—Улицы и базары.—Лавки и продавцы.—Фрукты, зелень и дичь.—Харчевни.—Европейскіе магазины.—Буддійская часовня. — Шанхайскіе доллары и мѣдная китайская монета. — Окрестности, поля, гуляньe англи-

чанъ.—Лагерь и инсургенты.—Тайтай Самква.—Осада города продавцами провизіи.—Обращеніе англичанъ съ китайцами.—Торговля опіумомъ.—Значеніе Шанхая.—Претендентъ на богдыханскій престолъ.—Успѣхи христіанства въ Китаѣ.—Фермы и земледѣльцы.—Китайскія похороны.—Возвращеніе на фрегатъ. 108

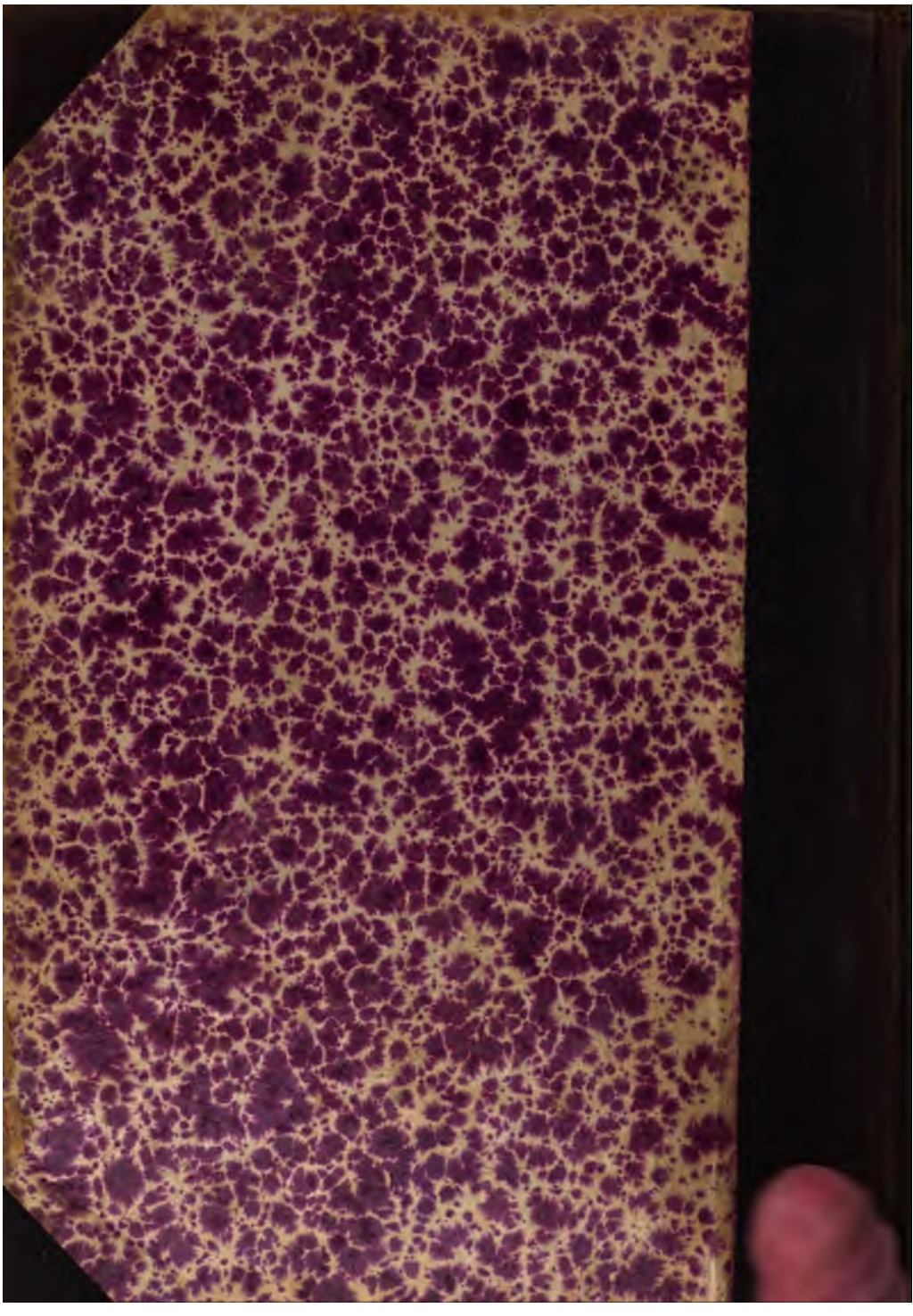
III.

Русскіе въ Японіи.

Взаимные подарки.—Новыя лица.—Извѣстія о японскихъ полномочныхъ.—Условія свиданія съ ними.—Новый годъ.—Опять поѣздъ въ Нагасаки.—Салютъ.—Полномочные и оба губернатора.—Привѣтствія; обѣдъ; разговоры.—Междометія.—Посѣщеніе полномочными фрегата.—Встрѣча; обѣдъ.—Подарки.—Японскія сабли.—Парадный пріемъ и обѣдъ у японцевъ.—Подарки отъ сіогуна.—Письма отъ верховнаго совѣта.—Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференцій.—Японскій новый годъ.—Вторичное посѣщеніе фрегата полномочными.—Прощальный обѣдъ у нихъ.—Отъѣздъ 171

IV.

Ликкейскіе острова.

Видъ берега.—Бо-Тсунгъ.—Базиль Галль.—Идиллія.—Дорога въ столицу.—Столица Чуди.—Каменныя работы.—Пейзажи.—Жители, дома и храмы.—Поля.—Королевскій замокъ.—Зависимость острововъ.—Протестантскій миссіонеръ.—Другая сторона идиллія.—Напа-Кіянъ.—Жилище миссіонера.—Напакіянскій губернаторъ.—Корабль съ китайскими эмигрантами.—Прогулки и опытіе 234

PG
1059
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
MAR 6 1991
JUN 1991